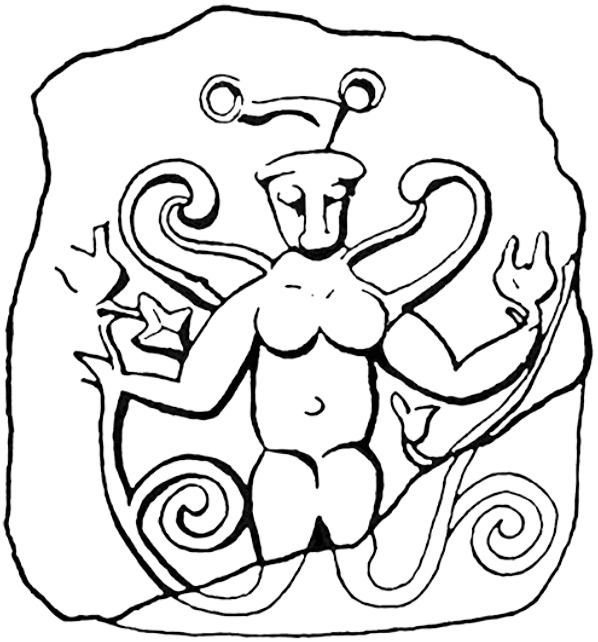
ISSN 2713-2021
Научный журнал

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

2023
№ 15

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья



№ 15

Нес-Циона
2023

Редакция

С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М.В. Ломоносова, главный редактор
М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь, Бонн, Германия
А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М. В. Ломоносова
А.З. Бейсенов — кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
В.Б. Панковский — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века ИА НАН Украины
М.М. Чореф — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, независимый исследователь, Ноф ха-Галиль, Израиль, редактор-составитель, ответственный секретарь

Редакционный совет

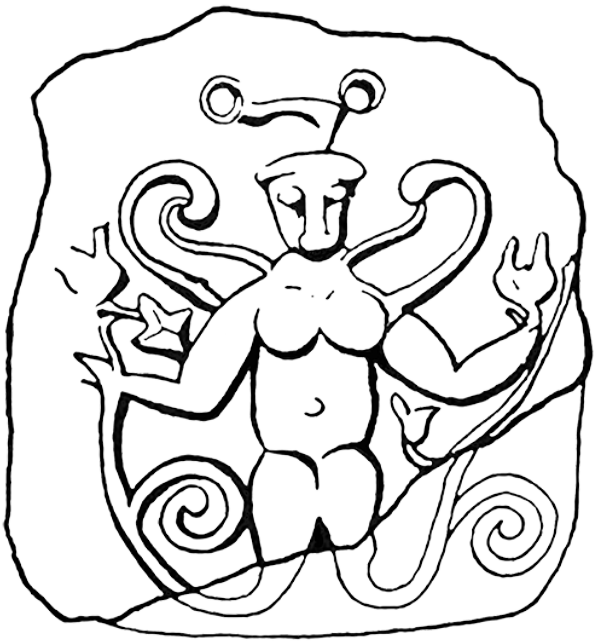
А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
М.Г. Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН
Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, Региональный исторический музей —Силистра
Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
В.А. Дергачев — Dr. habil. (History), Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы
В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
А.К. Кушкумбаев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Е.А. Молев — доктор исторических наук, профессор, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
Ю. Озтюрк — Dr. habil. (History), Professor, Sakarya University
М.Я. Ольбрих — Dr. habil. (History), Professor, Princeton University, University of Rzeszów
И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», председатель Ассоциации музейных экспертов
Н.Д. Руссев — Dr. habil. (History), Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.А. Скорый — доктор исторических наук, профессор, ИА НАН Украины
С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
И.Ю. Шауб — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
С.В. Ярцев — доктор исторических наук, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.С. Филипова — доктор археологии, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
П.Н. Петров — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный государственный музей Республики Казахстан
Л. Публичи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
М. Диккенс — PhD (Philology), University of Alberta
К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
А.Л. Ермолин — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Д.Я. Ильясов — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт искусствознания АН РУз
С. Тарханова — PhD (Cultural Studies), Israel Antiquities Authority
М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, Израиль 7403128
Тел./факс: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region



No. 15

Ness Ziona
2023

Editorials Board

S.Yu. Saprykin — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief
Michel Kazanski — Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 "The East and the Mediterranean Sea"), Deputy Chief Editor
Basil Lourié — Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha — Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
Mikhail Treister — Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher, Bonn, Germany
Attila Antal Türk — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
L.G. Khrushkova — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
A.Z. Beisenov — PhD (History), A.H. Margulan Institute of arhaeology
N.P. Telnov — PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
V.B. Pankowski — PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
M.M. Choref — PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Independent Researcher, Nof HaGalil, Israel, Editor-in-Charge, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik — Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
M.G. Abramzon — Dr. habil. (History), Professor, Leading researcher of the Department of Classical Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Stefan Albrecht — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
G.G. Atanasov — Dr. habil. (History), Professor, Regional Museum of History — Silistra
Yu.A. Vinogradov — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
Peter Benjamin Golden — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev — Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
V.A. Dergaciov — Dr. habil. (History), Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
Ljubica Jovanovic — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
François de Callataÿ — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
E.A. Molev — Dr. habil. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
S.Yu. Monakhov — Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
Yücel Öztürk — Dr. habil. (History), Professor, Sakarya University
Marek Jan Olbrycht — Dr. habil. (History), Professor, Princeton University, University of Rzeszów
I.S. Prokopov — Dr. habil. (History), Professor, South-West University, Chairman of the Association of Museum Experts
N.D. Russev — Dr. habil. (History), Professor, High Anthropological School University
S.A. Skoryi — Dr. habil. (History), Professor, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
S.B. Sorochan — Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
I.Yu. Schaub — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.V. Yartsev — Dr. habil. (History), Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
S.A. Yatsenko — Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova — Doctor of Archaeology, Regional Historical Museum "Academician Yordan Ivanov", Kyustendil
R.A. Rabinovich — Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov — PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Pubblici — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Mark Dickens — PhD (Philology), University of Alberta
Kutluay Erk — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
J.Ya. Ilyasov — PhD (Cultural Studies), Leading researcher, Institute of Art Studies of Academy of Sciences of Republic Uzbekistan
Svetlana Tarkhanova — PhD (Cultural Studies), Israel Antiquities Authority
Mahmoud Ahmad Zarazir — PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, Israel 7403128
Tel./fax: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021
© Cimmeria Publishing

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

С.Д. Лысенко (*Киев, Украина*), **С.Н. Разумов** (*Тирасполь, Молдова*), **В.С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*), **Н.П. Тельнов** (*Тирасполь, Молдова*). **Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Плавни» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра …… 13**

С.С. Лысенко (*Киев, Украина*). **Некоторые типы колец с выступами раннего железного века ……... 42**

А.З. Бейсенов (*Алматы, Казахстан*), **А.В. Паничкин** (*Алматы, Казахстан*), **Д.Т. Шашенов** (*Караганда, Казахстан*). **Железный топор из тасмолинского кургана могильника Кызылжартас: результаты металлографического и химического анализов …….. 102**

Akın Temür (*Samsun, Turkey*). **Two Pontos castles in Vezirköprü, reg. Samsun: Büyükkale (Sagylion) and Küçükkale ……... 121**

А.А. Красноперов (*Ижевск, Россия*). **Удила сарматских типов в пьяноборской культуре …….. 142**

А.Н. Овсюченко (*Москва, Россия*), **А.М. Корженков** (*Москва, Россия*), **Д.Е. Едемский** (*Троицк, Россия*), **А.А. Масленников** (*Москва, Россия*), **А.И. Сысолин** (*Москва, Россия*), **А.С. Ларьков** (*Москва, Россия*). **Античное поселение Казантип Восточный и сейсмотектоника Крымского Приазовья ……... 168**

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*). **Сосуды «школы Ампсалака» и парфянское серебро ……. 198**

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*). **О ювелирных изделиях первых веков н.э. из комплексов на территории Колхиды и прилегающих областей Северо-Восточного Причерноморья (о так называемой стилистической группе «Горгиппия — Лоо») …… 336**

О.С. Румянцева (*Москва, Россия*), **М.В. Червяковская** (*Екатеринбург, Россия*), **В.С. Червяковский** (*Екатеринбург, Россия*). **Вторичные практики стеклоделов в римское время по данным состава стекла могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму ……... 398**

Т.А. Ильина (*Москва, Россия*), **Н.Г. Свиркина** (*Москва, Россия*), **Д.В. Веселкова** (*Москва, Россия*). **Об обстоятельствах захоронения человеческих останков на территории Гермонассы …….. 418**

Е.В. Шушунова (*Тула, Россия*), **С.В. Ярцев** (*Тула, Россия*). **К вопросу о типах поминально-погребальных комплексов античного населения Северного Причерноморья ……. 432**

Е.В. Вдовченков (*Ростов-на-Дону, Россия*), **О.Ю. Арамова** (*Ростов-на-Дону, Россия*), **Джи Ын Ли** (*Кёнгджу, Республика Корея*), **Д.К. Леонова** (*Ростов-на-Дону, Россия*), **В.С. Флоринская** (*Ростов-на-Дону, Россия*), **А.А. Тищенко** (*Ростов-на-Дону, Россия*), **И.В. Корниенко** (*Ростов-на-Дону, Россия*). **Происхождение донских меотов и сарматов по данным палеогенетики (по результатам аутосомных STR-локусов) ……... 443**

Ю.А. Прокопенко (*Ставрополь, Россия*), **Р.Р. Рудницкий** (*Железноводск, Россия*). **Княжеский комплекс эпохи Великого переселения народов из пещеры в северной части горы Развалка (район Кавказских Минеральных Вод) ……... 457**

Svetlana Tarkhanova (*Beth Shemesh, Israel*). **Early Byzantine “Medallion” Capitals in the Holy Land: Their Context, Stylistic Evolution, and Geographical Distribution ……. 479**

М.С. Гаджиев (*Махачкала, Россия*), **М.Ш. Сайпудинов** (*Махачкала, Россия*), **В.А. Саидов** (*Махачкала, Россия*), **Ю.А. Магомедов** (*Махачкала, Россия*). **Археологические данные к локализации крепости Билистан …… 509**

Б.М. Хасенова (*Алматы, Казахстан*), **Г.С. Джумабекова** (*Алматы, Казахстан*), **Г.А. Базарбаева** (*Алматы, Казахстан*). **След великой империи: изваяние древнетюркской эпохи из Притоболья (Северный Казахстан) ……... 529**

А.Н. Свиридов (*Москва, Россия*), **Д.Т. Тлеугабулов** (*Астана, Казахстан*). **Городище Бозок — уникальный памятник степной Сарыарки: история изучения и осмысления …… 542**

С.А. Яценко (*Москва, Россия*), **А.А. Сланов** (*Владикавказ, Россия*), **А.Х. Хутинаев** (*Владикавказ, Россия*). **Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы …….. 555**

Ю.Г. Кокорина (*Москва, Россия*). **«Раскопка кургана есть анатомический препарат» (неизвестная инструкция И.Е. Забелина по раскопкам причерноморских курганов) ……... 590**

ИСТОРИЯ

А.А. Внуков (*Тула, Россия*), **С.В. Ярцев** (*Тула, Россия*), **Т.В. Брынза** (*Астана, Казахстан*). **К вопросу о взаимоотношениях «царских» гуннов и акациров в Северном Причерноморье в начале V в. …….. 607**

Д.П. Шульга (*Новосибирск, Россия*). **Хазария по китайским письменным источникам ……. 615**

Л.Ф. Абзалов (*Казань, Россия*), **М.С. Гатин** (*Казань, Россия*), **И.А. Мустакимов** (*Астана, Казахстан*), **Р.Ю. Почекаев** (*Санкт-Петербург, Россия*). **К истории организации правоохранительной деятельности в чингизидских государствах XIII—XIV вв. …… 620**

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

П.И. Шульга (*Новосибирск, Россия*). **Колесничество и верховая езда у скифоидного населения Северного Китая (культура янлан) ……... 635**

А.Е. Негин (*Нижний Новгород, Россия*). **О переделанных римских шлемах ……... 652**

У.М. Агатай (*Астана, Казахстан*), **Ж.М. Сабитов** (*Астана, Казахстан*), **Н.А. Досымбетов** (*Алматы, Казахстан*). **Стрелы-*джебе* в ногайлинско-казахском героическом эпосе ……. 665**

Л.А. Бобров (*Новосибирск, Россия*), **У.М. Агатай** (*Астана, Казахстан*). **Могульский или ранний казахский шлем XV — начала XVII вв. из собрания Зайсанского историко-краеведческого музея ……. 687**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

И.Ю. Шауб (*Санкт-Петербург, Россия*). **Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья …… 701**

Liana Nazaryan (*Yerevan, Armenia*), **Davit Nahatakyan** (*Gyumri, Armenia*), **Armen Hayrapetyan** (*Gyumri, Armenia*), **Hakob Muradyan** (*Yerevan, Armenia*), **Hasmik Matikyan** (*Gyumri, Armenia*), **Arkadi Akopov** (*Gyumri, Armenia*). **The spread of Chalcedonism in Tayk and its influence on the formation of the historical and cultural environment ……. 736**

НУМИЗМАТИКА

Д.В. Андриевский (*Санкт-Петербург, Россия*). Бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора, обнаруженная на холме Тавель …….. 747
Д.В. Андриевский (*Санкт-Петербург, Россия*), М.М. Чореф (*Ноф-ха-Галиль, Израиль*). Новые находки римских денариев в Байдарской долине (Крым) ….. 759
Fatma Kızılyalçın Oyarçin (*Erzurum, Turkey*), Korkmaz Meral (*Erzurum, Turkey*). Charon coins found in Parion Chamber Tomb 5 …… 774
S.S. Filipova (*Kyustendil, Bulgaria*). Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria ……... 787
М.С. Гаджиев (*Махачкала, Россия*), Г.В. Злобин (*Клишева, Россия*). Нумизматические находки из средневекового ритуально-культового комплекса в Дербенте …….. 806
И.В. Волков (*Казань, Россия*), Ю.А. Прокопенко (*Ставрополь, Россия*). Клад золотоордынских монет из кургана на горе Свистун (северные окрестности с. Александровского Ставропольского края) ……. 834
П.Н. Петров (*Алматы, Казахстан*), У.Т. Ахметова (*Атырау, Казахстан*), А.Ж. Жумабаев (*Сарайшык, Казахстан*). Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Клады. Ч. II ……. 857
N.O. Mitev (*Varna, Bulgaria*). Jagiellonian coins from the Bulgarian lands ……. 873

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Galiya Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*), Gulnara Jumabekova (*Almaty, Kazakhstan*). The image of antelope (saiga) in the Early Iron Age Art of Kazakhstan …… 893
O.V. Silina (*Ferapontovo, Russia*). Ornamental circles on the shrouds of the frescoes in the Cathedral of the Nativity of the Virgin, the St. Ferapont Monastery: sacral symbols and liturgical practices visualized …….. 908
М.М. Маммаев (*Махачкала, Россия*). Декоративно отделанные надмогильные стелы женских погребений XIV—XVI вв. из Кубачи …… 944

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ю.К. Гугуев (*Ростов-на-Дону, Россия*). Танаисские сюжеты Сергея Всеволодовича Кулланды (памяти друга) ……... 971

СФРАГИСТИКА

М.М. Чореф (*Ноф-ха-Галиль, Израиль*). Римские и ранневизантийские моливдовулы с бюстами правителей на обеих сторонах как источник исторической информации ……. 997

Список сокращений ……. 1009

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья» …….. 1013

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

S.D. Lysenko (*Kyiv, Ukraine*), S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), V.S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*), N.P. Telnov (*Tiraspol, Moldova*). Bronze Age graves from the barrows of the 'Plavni' Group near the village of Glinoye on the left bank of the Lower Dniester ……. 13

S.S. Lysenko (*Kyiv, Ukraine*). Some types of Early Iron Age knobbed rings ……. 42

A.Z. Beisenov (*Almaty, Kazakhstan*), A.V. Panichkin (*Almaty, Kazakhstan*), D.T. Shashenov (*Karaganda, Kazakhstan*). Iron axe head from the Tasmola Culture barrow in the Qyzylzhartas burial ground: results of metallographic and chemical analysis ……... 102

Akın Temür (*Samsun, Turkey*). Two Pontos castles in Vezirköprü, reg. Samsun: Büyükkale (Sagylion) and Küçükkale ……... 121

A.A. Krasnoperov (*Izhevsk, Russia*). Bridles of the Sarmatian types in the Pianyi Bor Culture ……. 142

A.N. Ovsyuchenko (*Moscow, Russia*), A.M. Korzhenkov (*Moscow, Russia*), D.E. Edemsky (*Troitsk, Russia*), A.A. Maslennikov (*Moscow, Russia*), A.I. Sysolin (*Moscow, Russia*), A.S. Larkov (*Moscow, Russia*). Kazantip Vostochnyi settlement in the 1st century BCE and seismotectonics of the Crimean Azov Region …… 168

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). The vessels of the "Ampsalakos school" and the Parthian silver ……. 198

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). On jewellery from the first centuries CE complexes on the territory of Colchis and surrounding areas of the North-Eastern Black Sea region (about the so-called stylistic group "Gorgippia — Loo") …… 336

Olga Rumyantseva (*Moscow, Russia*), Maria Chervyakovskaya (*Ekaterinburg, Russia*), Vasiliy Chervyakovskiy (*Ekaterinburg, Russia*). Glass recycling practices in the Roman period: a case study of the Frontovoe cemetery in South-Western Crimea …… 398

T.A. Ilyina (*Moscow, Russia*), N.G. Svirkina (*Moscow, Russia*), D.V. Veselkova (*Moscow, Russia*). On the circumstances of the burial of human remains in Hermonassa ……. 418

E.V. Shushunova (*Tula, Russia*), S.V. Yartsev (*Tula, Russia*). To the question of the types of funeral and commemorative complexes of the North Pontic area in the period of classical antiquity ……... 432

E.V. Vdovchenkov (*Rostov-on-Don, Russia*), O.Yu. Aramova (*Rostov-on-Don, Russia*), Ji Eun Lee (*Gyeongju, Republic of Korea*), D.K. Leonova (*Rostov-on-Don, Russia*), V.S. Florinskaya (*Rostov-on-Don, Russia*), A.A. Tishchenko (*Rostov-on-Don, Russia*), I.V Kornienko (*Rostov-on-Don, Russia*). The origin of the Don Maeotians and Sarmatians according to palaeogenetic data (based on results of autosomal STR loci) ……. 443

Yu.A. Prokopenko (*Stavropol, Russia*), R.R. Rudnitsky (*Zheleznovodsk, Russia*). A princely complex of the Migration Period from the cave in the northern part of the Mount Razvalka (the Caucasian Mineral Waters area) ……... 457

Svetlana Tarkhanova (*Beth Shemesh, Israel*). Early Byzantine 'medallion' capitals in the Holy Land: their context, stylistic evolution, and geographical distribution ……... 479

M.S. Gadjiev (*Makhachkala, Russia*), M.Sh. Saypudinov (*Makhachkala, Russia*), V.A. Saidov (*Makhachkala, Russia*), Yu.A. Magomedov (*Makhachkala, Russia*). Archaeological evidence for the localization of the Bilistan fortress ……. 509

Bakhyt Khasenova (*Almaty, Kazakhstan*), Gulnara Jumabekova (*Almaty, Kazakhstan*), Galiya Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*). The trace of the Great Empire: a sculpture of the ancient Turkic era from the Tobol River region (Northern Kazakhstan) ……. 529

A.N. Sviridov (*Moscow, Russia*), D.T. Tleugabulov (*Astana, Kazakhstan*). The uniqueness that is the city site of Bozok in the steppes of Saryarka: a history of its research and interpretation ……... 542

S.A. Yatsenko (*Moscow, Russia*), A.A. Slanov (*Vladikavkaz, Russia*), A.Kh. Khutinaev (*Vladikavkaz, Russia*). Ossetian graffiti on the buildings in Upper Big Liakhva Basin …….. 555

Yu.G. Kokorina (*Moscow, Russia*). "The digging of the mound is an anatomical preparation" (a newly discovered manual by Ivan E. Zabelin on the excavation of the North Pontic barrows) ……. 590

HISTORY

A.A. Vnukov (*Tula, Russia*), S.V. Yartsev (*Tula, Russia*), T.V. Brynza (*Astana, Kazakhstan*). On the question of the relationships between the 'Royal' Huns and the Akatzirs in the Northern Black Sea region in the early 5th century ……... 607

D.P. Shulga (*Novosibirsk, Russia*). Khazaria according to the Chinese written sources …….. 615

L.F. Abzalov (*Kazan, Russia*), M.S. Gatin (*Kazan, Russia*), I.A. Mustakimov (*Astana, Kazakhstan*), R.Yu. Pochekaev (*Saint Petersburg, Russia*). On the history of organization of the law enforcement activity in the Genghisids states, the 13th — 14th cc. …… 620

MILITARY HISTORY

P.I. Shulga (*Novosibirsk, Russia*). Chariotry and horse riding among the Scythian-like population of Nothern China (the Yanglang Culture) ……. 635

A.E. Negin (*Nizhny Novgorod, Russia*). About redesigned Roman helmets …….. 652

O.M. Agatay (*Astana, Kazakhstan*), Zh.M. Sabitov (*Astana, Kazakhstan*), N.A. Dossymbetov (*Almaty, Kazakhstan*). Arrows-*jebe* and the Noghaic-Kazakh heroic epos …… 665

L.A. Bobrov (*Novosibirsk, Russia*), O.M. Agatay (*Astana, Kazakhstan*). A Moghul or early Kazakh helmet of the 15th — early 17th century from the collection of Zaisan Regional Museum of Local History …… 687

RELIGIOUS STUDIES

I.Yu. Schaub (*Saint Petersburg, Russia*). Some features of the cult of Dionysus among the Hellenes and barbarians of the Northern Black Sea region …… 701

Liana Nazaryan (*Yerevan, Republic of Armenia*), Davit Nahatakyan (*Gyumri, Republic of Armenia*), Armen Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*), Hakob Muradyan (*Yerevan, Armenia*), Hasmik Matikyan (*Gyumri, Armenia*), Arkadi Akopov (*Gyumri, Armenia*). The spread of Chalcedonism in Tayk and its influence on the formation of the historical and cultural environment …… 736

NUMISMATICS

D.V. Andriyevskiy (*Saint Petersburg, Russia*). A Bronze drachma of Ptolemy IV Philopator discovered on Tavel Hill ……... 747
D.V. Andriyevskiy (*Saint Petersburg, Russia*), M.M. Choref (*Nof HaGalil, Israel*). New finds of Roman denarii from the Baydar Valley (Crimea) …….. 759
Fatma Kızılyalçın Oyarçin (*Erzurum, Turkey*), Korkmaz Meral (*Erzurum, Turkey*). Charon coins found in Parion Chamber Tomb 5 …… 774
S.S. Filipova (*Kyustendil, Bulgaria*). Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria ……... 787
M.S. Gadjiev (*Makhachkala, Russia*), G.V. Zlobin (*Klisheva, Russia*). Numismatic finds from the medieval religious and ritual complex in Derbent ……... 806
I.V. Volkov (*Kazan, Russia*), Yu.A. Prokopenko (*Stavropol, Russia*). Golden Horde coin hoard from the barrow on Svistun Mountain (northern vicinity of the village of Aleksandrovskoe, Stavropol Region) …….. 834
P.N. Petrov (*Almaty, Kazakhstan*), U.T. Akhmetova (*Atyrau, Kazakhstan*), A.Zh. Zhumabayev (*Saraishyk, Kazakhstan*). Numismatic finds in the Medieval town of Saraychuq according to the results of archaeological research. Hoards. Pt. II …… 857
N.O. Mitev (*Varna, Bulgaria*). Jagiellonian coins from the Bulgarian lands ……. 873

ART HISTORY

Galiya Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*), Gulnara Jumabekova (*Almaty, Kazakhstan*). The image of antelope (saiga) in the Early Iron Age Art of Kazakhstan …….. 893
O.V. Silina (*Ferapontovo, Russia*). Ornamental circles on the shrouds of the frescoes in the Cathedral of the Nativity of the Virgin, the St. Ferapont Monastery: sacral symbols and liturgical practices visualized …….. 908
M.M. Mammaev (*Makhachkala, Russia*). Decoratively finished grave stelae of female burials of the 14th — 16th century from Kubachi …… 944

HISTORICAL PHILOLOGY

Yu.K. Guguev (*Rostov-on-Don, Russia*). Tanais stories by Sergey Vsevolodovich Kullanda (in memory of a friend) ……. 971

SIGILLOGRAPHY

M.M. Choref (*Nof HaGalil, Israel*). Roman and early Byzantine bullae with busts of rulers on both sides as source of historical information …….. 997

Abbreviations ……. 1009

Submissions …… 1013

Археология

Archaeology

DOI: 10.53737/5914.2023.58.26.001

С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНОВ ГРУППЫ «ПЛАВНИ» У С. ГЛИНОЕ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ НИЖНЕГО ДНЕСТРА*

Публикация посвящена материалам эпохи поздней бронзы, обнаруженным в курганах группы «Плавни» у с. Глиное Слободзейского района, расположенных в бассейне р. Красная на левобережье Нижнего Днестра. В двух курганах было зафиксировано 18 погребений позднего бронзового века. Исследованные погребальные комплексы могут быть отнесены к днепро-прутской бабинской, сабатиновской и белозёрской культурам.

Представленные материалы позволяют говорить о преемственности погребальных традиций в регионе на протяжении всей эпохи поздней бронзы. Среди находок наибольший интерес представляют шайбовидные бусины, изготовленные из позвонков крупных рыб и происходящие из погребения сабатиновского времени.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье, эпоха поздней бронзы, курганы, погребения, керамика.

Сведения об авторах: Лысенко Сергей Дмитриевич[1], кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины; Разумов Сергей Николаевич[2], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Синика Виталий Степанович[3], доктор исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Тельнов Николай Петрович[4], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1]04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: suraganga1@gmail.com; [2,3,4]MD-3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: [2]razum_22@rambler.ru; [3]sinica80@mail.ru; [4]telnov_nikolai@mail.ru.

S.D. Lysenko, S.N. Razumov, V.S. Sinika, N.P. Telnov

BRONZE AGE GRAVES FROM THE BARROWS OF THE ‘PLAVNI’ GROUP NEAR THE VILLAGE OF GLINOYE ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

The paper deals with the materials of the Late Bronze Age found in the barrows of the group “Plavni” near the Glinoe village, Slobodzeya district, located in the Krasnaya River basin on the left bank of the Lower Dniester. 18 graves of the Late Bronze Age were discovered in 2 mounds. The investigated burials can be attributed to the Dnieper-Prut Babino culture, Sabatinovka culture and Belozerka culture.

The presented materials allow us to speak about the continuity of funerary traditions in the region throughout the Late Bronze Age. Puck-shaped beads made from vertebrae of large fish from a grave of the Sabatinoka time are the most interesting among the finds.

Key words: North-West Black Sea region, Dniester region, Late Bronze Age, barrows, graves, ceramics.

About the authors: Lysenko Sergey Dmitrievich[1], PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Razumov Sergey Nikolayevich[2], PhD (History), T.G.

* Статья поступила в номер 30.06.2023 г.
Принята к печати 15.07.2023 г.

© С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, 2023.

Shevchenko Pridnestrovian State University; Sinika Vitalij Stepanovich[3], D.Sc. (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Telnov Nikolaj Petrovich[4], PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: [1]04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: suraganga1@gmail.com; [2,3,4]MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: [2]razum_22@rambler.ru; [3]sinica80@mail.ru; [4]telnov_nikolai@mail.ru.

Введение

На протяжении тысячелетий бассейн Днестра являлся одной из ключевых территорий Северного Причерноморья, где в разной мере пересекались культурные традиции Карпато-Дунайского региона, Великой Степи и лесной/лесостепной зоны Восточной Европы. Наряду с этим, в регионе в различные периоды проявляются признаки консервации определённых культурных традиций предшествующих эпох, тесно переплетающихся с разновекторными инновациями. Для выявления механизмов таких разнокультурных взаимодействий важное значение приобретает систематическое изучение конкретных микрорегионов. Одним из таких микрорегионов является бассейн р. Красная на левом берегу Нижнего Днестра.

Начало раскопкам курганных памятников в левобережной части Нижнего Днестра было положено ещё в конце XIX в. И.Я. и Л.С. Стемпковскими, раскопавшими с 1896 по 1911 гг. в бывшем Тираспольском уезде Херсонской губернии 412 курганов около сс. Красногорка, Парканы, Терновка, Суклея, Карагаш, Слободзея, Чобручи, Глиное и Коротное (Гошкевич 1903: 118—129; Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 7). В 1982 г. у с. Глиное Слободзейского района МССР Слободзейской новостроечной археологической экспедицией АН МССР были исследованы 4 кургана эпохи бронзы; во всех этих курганах были обнаружены погребения разных горизонтов позднего бронзового века (Яровой 1984; Савва 1992: 180; Яровий, Агульніков 1995).

В 1995—2022 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (ДАЭ) у с. Глиное Слободзейского района, в бассейне *р. Красная* (левый приток р. Турунчук — рукав р. Днестр), в десяти курганных группах (Глиное, «Водовод», «Дот», «Клин», «Кременная Балка», «Плавни», «Рыбхоз», «Сад», «Север», «Сухая Балка») было раскопано 183 кургана. Среди них 28 были возведены в позднем энеолите и бронзовом веке (преимущественно — в раннем); 23 кургана содержали погребения различных горизонтов эпохи поздней бронзы (Разумов и др. 2013; 2019; 2022; Лысенко, Разумов 2014; 2016; Тельнов и др. 2014; Тєльнов та ін. 2015; Матвиишина и др. 2016; Разумов 2017; Разумов, Лысенко 2020а; 2020б; Лысенко и др. 2020; 2021; 2023а; 2023б; Синика и др. 2021) (рис 1, 2).

В настоящей публикации вводятся в научный оборот материалы позднего бронзового века, обнаруженные в курганах группы «Плавни», расположенной на правом берегу среднего течения р. Красная, (рис. 3—12). Большинство погребений датировано методом ^{14}C; в целом получено 18 радиоуглеродных дат (рис. 13—15)[1]. Все материалы публикуются впервые.

Описание курганов и погребений

Группа «Плавни» находится в 1,67—2,11 км к ВЮВ от пересечения шоссе Тирасполь—Днестровск с ул. Ленина с. Глиное Слободзейского района, в 0,681—1,158 км к северо-востоку от северной оконечности ул. Зои Космодемьянской пос. Красное Слободзейского района, на правом берегу оз. Красное. В состав курганной группы входили два кургана (рис. 2).

[1] Все даты калиброваны в программе OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al. (2020).

Все курганы исследовались методом параллельных траншей, разбитых по направлению запад—восток. Работы производились при помощи тяжёлой землеройной техники — бульдозера ДЗ-170. Дополнительно были проведены исследования пол курганов. Насыпь, погребённый грунт и предматерик снимались техникой слоями по 5—15 см. При обнаружении пятен заполнения ям, деревянных либо каменных конструкций, костей человека или животных дальнейшая расчистка велась вручную.

КУРГАН 1 (2019 г.). Курган № 1 располагался в 2,115 км к ВЮВ (102º) от пересечения шоссе Тирасполь—Днестровск с ул. Ленина с. Глиное Слободзейского района, в 0,3 км к северо-западу от строений бывшей свинофермы. Исследован ДАЭ в 2019 г.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад — восток. Все бровки имели ширину по 0,6 м. Центральная бровка была длиной 32 м, северная и южная бровки — по 28 м. Насыпь была повреждена глубокой распашкой (до 0,4 м). Высота кургана от современной поверхности составляла 0,5 м. Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований — 0,6 м.

Курган был возведён над погребением усатовской (?) культуры раннего бронзового века № 28. В кургане обнаружены две древние ямы, каменные конструкции и 31 погребение, 11 из которых относятся к позднему бронзовому веку (днепро-прутская бабинская и сабатиновская культуры) (рис. 3).

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 4: 1). Обнаружено в 2,5 м к югу от R_0 на уровне -0,62 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано. Скелет ребёнка лежал сильно скорченно (степень скорченности I — острые углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями), на левом боку, головой на ЮЮВ. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти располагались у колен. Следов подстилки не обнаружено. Поверх и под поясничными позвонками найдены *три астрагала МРС* (1).

1. *Астрагалы* (таранные кости) мелкого рогатого скота (3 экз.); два правых и один левый (овца, *Astragalus* — 2 *Dex.*, 1 *Sin.*; *Adultus*; определение канд. ист. наук Е. П. Секерской, 2021 г.). Размеры астрагалов от 31 × 21 × 17 мм до 31 × 23 × 19 мм (рис. 4: 2).

Радиоуглеродная дата: Ki-20573 (кость человека), 3540 ± 50 BP, 1σ 1945—1871, 1847—1774 cal. BC, 2σ 2025—1992, 1984—1742, 1707—1704 cal. BC (рис. 13: 1).

ПОГРЕБЕНИЕ 2 (впускное; сабатиновская культура) (рис. 4: 5). Обнаружено в 1,5 м к ССВ от R_0 на уровне -0,75 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано. В придонном заполнении грабительского хода найдены разбросанные в беспорядке кости взрослого человека: лопатки, крыло таза, рёбра, длинные кости, позвонки. Следов подстилки не обнаружено. Среди костей человека найдены фрагменты *двух лепных сосудов* (1, 2).

1. *Сосуд керамический лепной № 1* — биконический округлобокий горшок, фрагменты верхней части. Край венчика закруглён, утолщён наружу, образуя «шейку». Под венчиком сосуд орнаментирован налепным валиком, расчленённым защипами с ногтевыми вдавлениями. Тесто с примесью песка, шамота. Цвет оранжевый, жёлтый, серый; изнутри — серовато-жёлтый, серый; в изломе — чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Диаметр венчика — 106 мм. Диаметр шейки — 104 мм. Диаметр корпуса — около 130 мм. Высота верхней части — 53 мм. Высота венчика — 6—7 мм. Толщина венчика — 4,5—7 мм. Толщина стенок — 6—8 мм. Размеры сохранившихся фрагментов верхней части — 54 × 66 и 28 × 30 мм (рис. 4: 3).

2. *Сосуд керамический лепной № 2* — полусферическая миска. Венчик слегка наклонён внутрь; край закруглён. Днище слабо вогнутое; изнутри плоское. Тесто с примесью песка, шамота. Цвет оранжевый, жёлтый. серый; изнутри — чёрный. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. Диаметр венчика — 135 мм. Диаметр корпуса — 140 мм. Диаметр днища — 90 мм. Высота сосуда — 76—82 мм. Высота нижней части — 50—60 мм. Толщина венчика — 5—8 мм. Толщина стенок — 7—9 мм. Толщина днища — 10—12 мм; у стенок — до 13 мм. Днище вогнуто в центре до 1 мм (рис. 4: 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 6 (впускное; поздний бронзовый век) (рис. 4: 7). Обнаружено в 7 м к северо-западу от R_0 на уровне -0,64 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано. Скелет взрослого человека лежал средне скорченно (степень скорченности II — приблизительно прямой угол между корпусом и бёдрами, острый угол между бёдрами и голенями), на левом боку, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти, видимо, располагались у подбородка. Пятки прижаты к тазу. Верхняя часть скелета разрушена плантажной вспашкой. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

ПОГРЕБЕНИЕ 15 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 4: 6). Обнаружено в 10,5 м к юго-востоку от R_0 на уровне -0,72 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано (рис. 45: 1). Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти, видимо, располагались у подбородка. Пятки прижаты к тазу. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20145 (кость человека), 3390 ± 50 BP, 1σ 1747—1613 cal. BC, 1873—1845, 1818—1801, 1776—1535 cal. BC (рис. 13: 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 16 (впускное; сабатиновская культура?) (рис. 5: 3). Обнаружено в 7 м к ВСВ от R_0 на уровне -1 м от R_0. Совершено в яме подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентированной по линии север — юг. Размеры ямы 1,6 × 0,6 м, глубина — 1,17 м от R_0. В чернозёмном заполнении ямы встречались остатки *кострища* в виде кусков пережжённого грунта, золы и пепла. В южной части ямы было прослежено углубление округлой формы (от грабительского хода?), диаметром около 0,8 м и глубиной 1,34 м от R_0. В придонном заполнении найдены фрагменты костей взрослого человека. Под южной стенкой лежал необработанный *кусок известняка* размерами 110 × 60 × 40 мм. Следов подстилки не обнаружено. В заполнении найдены *два изделия из позвонков крупных рыб*[2] (1, 2).

1. *Бусина из позвонка рыбы № 1*, кольцевидная. Профиль приплюснуто-катушковидный. Широкие плоскости вогнутые. На боковых поверхностях расположены вытянутые глухие отверстия, связанные со строением сырья изделия. Высота — 8 мм, диаметр — 16 × 17,5 мм. Диаметр отверстия — 7 мм (рис. 5: 1). Бусина изготовлена из позвонка (*vertebrae praecaudales*) щуки (*Esox lucius*) (определение С.В. Куршакова).

2. *Бусина из позвонка рыбы № 2*, кольцевидная. Сохранился фрагмент. Профиль приплюснуто-катушковидный. Широкие плоскости вогнутые. На боковых поверхностях расположены вытянутые глухие отверстия, связанные со строением сырья изделия. Высота — 7,4 мм, диаметр — около 17 мм. Диаметр отверстия — 7 мм (рис. 5: 2).

Радиоуглеродная дата: Ki-20596 (кость человека), 3090 ± 50 BP, 1σ 1418—1288 cal. BC, 2σ 1492—1481, 1451—1219 cal. BC (рис. 13: 3).

ПОГРЕБЕНИЕ 19 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 5: 4). Обнаружено в 7 м к востоку от R_0, на уровне -0,9 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано. Сохранились только детский череп и левый плечевой сустав. Вероятно, скелет ребёнка лежал скорченно на правом боку головой на северо-восток. Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20567 (кость человека), 3730 ± 50 BP, 1σ 2201—2116, 2099—2037 cal. BC, 2σ 2291—2012, 2001—1975 cal. BC (рис. 13: 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 22 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 5: 5). Обнаружено в 7 м к юго-востоку от R_0 на уровне -0,6 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано. На уровне -0,6 м от R_0 найдена известняковая *антропоморфная стела* (1), лежавшая плашмя, выступом «головы» на запад. Ниже западной оконечности стелы, на уровне -1,03 м от R_0, найдены фрагменты костей взрослого человека со следами окраски красной *охрой*: рёбер, позвонков, верхней челюсти, черепной коробки, фаланг пальцев. Следов подстилки и инвентаря не обнаружено. Вероятно, погребение было полностью разрушено норами землероев.

1. *Стела антропоморфная (?) каменная*. Изготовлена из плоской плиты ракушечника светло-жёлтого цвета. В верхней части вытесан подтреугольный выступ («голова»?). Левый

[2] Определение канд. ист. наук. В.Б. Панковского.

край нижней части повреждён плугами. Лицевая поверхность плиты подровнена; тыльная представляет собой рваный камень. Размеры стелы — 620 × 490 × 82 мм (рис. 5: 6).

Предположительно первоначально стела была связана с юго-западным краем юго-восточной стенки каменной конструкции, относившейся к основному погребению и частично разрушенной впускными захоронениями.

Радиоуглеродная дата: Ki-20570 (кость человека), 3430 ± 30 BP, 1σ 1867—1851, 1770—1686, 1649—1645 cal. BC, 2σ 1875—1843, 1821—1798, 1778—1626 cal. BC (рис. 13: 5).

ПОГРЕБЕНИЕ 23 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 6: 1). Обнаружено в 9 м к юго-востоку от R_0 на уровне -1,15 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти располагались у лица. Пятки прижаты к тазу. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20163 (кость человека), 3470 ± 50 BP, 1σ 1879—1839, 1826—1740, 1711—1698 cal. BC, 2σ 1920—1909, 1904—1631 cal. BC (рис. 13: 6).

ПОГРЕБЕНИЕ 25 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 6: 2). Обнаружено в 9,5 м к юго-востоку от R_0 на уровне -1,07 м от R_0. Совершено в яме подтрапециевидной формы с закруглёнными углами, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. Размеры ямы 1,2 × 0,8 м, глубина — 1,3 м от R_0. Возможно, яма являлась камерой подбоя. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку с разворотом на живот, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти располагались у лица. Пятки прижаты к тазу. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20171 (кость человека), 3490 ± 50 BP, 1σ 1882—1748 cal. BC, 2σ 1948—1682, 1653—1642 cal. BC (рис. 14: 1).

ПОГРЕБЕНИЕ 26 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 7: 1). Обнаружено в 7,5 м к юго-востоку от R_0. Совершено в подбое. *Входная яма* подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентированная по линии запад—восток, зафиксирована на уровне -1,23 м от R_0. Размеры ямы на уровне фиксации 1,8 × 1,3 м, глубина — 1,48 м от R_0. В камеру вела *ступень* шириной до 0,7 м, высотой 0,32 м. К северу от входной ямы находилась *погребальная камера* подовальной формы, ориентированная по линии запад—восток, размерами 1,7 × 1,05 м по дну и глубиной 1,92 м от R_0. Свод камеры сохранился на высоту около 0,4 м над дном. На дне камеры лежал скелет взрослого человека в средне скорченном положении (степень скорченности II), на правом боку, головой на запад. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти находились поверх нижней челюсти и шейных позвонков. Перед руками и лицом лежали *два рёбра* крупного копытного животного (2). Следов подстилки не обнаружено. Перед локтями, перекрытый рёбрами животного, стоял *лепной сосуд* (1).

1. *Сосуд лепной* — банка. Венчик практически вертикальный; край утончён, закруглён. Корпус округлобокий с максимальным расширением в средней части сосуда. Днище плоское. Тесто с примесью мелкого песка, шамота. Цвет жёлтый, серовато-жёлтый, желтовато-серый; изнутри — тёмно-серый. Поверхности заглаженные. На плечиках и венчике местами сохранился чёрный нагар. В изломе профиля хорошо прослеживается технология изготовления сосуда; стенки были слеплены из трёх лент шириной 30—35 мм. Диаметр венчика — 100 × 105 мм. Диаметр шейки — 100 мм. Диаметр корпуса — 104 × 109 мм. Диаметр днища — 95 мм. Высота сосуда — 91—95мм. Высота венчика — 12—13 мм. Высота нижней части — 53—60 мм. Толщина венчика — 6—7 мм; по краю — 1,5—4 мм. Толщина стенок — 7—8 мм. Толщина днища — 11—12 мм (рис. 7: 2).

2. *Кости животного* — КРС, рёбра (*Costae*), *Adultus* (определение канд. ист. наук Е. П. Секерской, 2021 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-20136 (кость человека), 3540 ± 40 BP, 1σ 1941—1873, 1846—1817, 1802—1776 cal. BC, 2σ 2011—2001, 1973—1749 cal. BC (рис. 14: 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 27 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 6: 3). Обнаружено в 3,5 м на запад от R_0 на уровне -0,9 м от R_0. Совершено в яме овальной формы, ориентированной по

линии северо-запад — юго-восток. Размеры ямы 1,25 × 0,85 м, глубина — 1,03 м от R_0. Возможно, яма являлась камерой подбоя. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на животе с разворотом на левый бок, головой на юго-восток. Череп лежал теменем вверх глазницами на юг. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти располагались под нижней челюстью. Пятки прижаты к тазу. Поверх правого локтя лежала *лопатка МРС* (1). Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

1. *Кости животного* — овца (?), лопатка (*Scapulae*), *Dex*., *Adultus* (определение канд. ист. наук Е. П. Секерской, 2021 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-20179 (кость человека), 3630 ± 50 BP, 1σ 2122—2095, 2040—1926 cal. BC, 2σ 2189—2184, 2142—1881, 1836—1831cal. BC (рис. 14: 3).

КУРГАН 2 (2020 г.). Курган № 2 находился в 0,593 км к ЗЮЗ (245º) от кургана № 1. Исследован ДАЭ в 2020 г. Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад—восток. Все бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 28 м. Высота кургана от современной поверхности составляла 0,35 м. Древняя поверхность на момент начала исследований была полностью уничтожена плантажной распашкой.

Курган возведён над двумя погребениями усатовской (?) культуры раннего бронзового века — № 9 и № 13. В кургане обнаружены три древние ямы и 15 погребений, 7 из которых относятся к позднему бронзовому веку (днепро-прутская бабинская, сабатиновская и белозёрская культуры) (рис. 8).

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (впускное; белозёрская культура?) (рис. 9: 1). Обнаружено в 5 м к юго-востоку от R_0 на уровне -0,47 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на правом боку с разворотом на спину, головой на восток. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти сомкнуты под подбородком. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20455 (кость человека), 2790 ± 40 BP, 1σ 1005—900 cal. BC, 2σ 1046—1030, 1020—831 cal. BC (рис. 14: 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 3 (впускное; позднесабатиновская / раннебелозёрская культура?) (рис. 9: *2*). Обнаружено в 7 м к юго-востоку от R_0 на уровне -0,44 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено. Скелет взрослого человека разрушен распашкой. Вероятно, изначально он лежал сильно скорченно (степень скорченности I) на левом боку, головой на ЮЮВ. Руки, очевидно, были согнуты в локтях под острым углом, кисти уложены перед лицом. За черепом лежали фрагменты *лепного сосуда* (1).

1. *Сосуд лепной* — горшок или банка (?). Сосуд сильно фрагментирован; сохранились фрагменты нижней части. Корпус округло-биконический. Днище плоское. Тесто с примесью шамота, мелкого песка. Поверхности шероховато-заглаженные, шероховатые, бугристые. Цвет внешней поверхности желтовато-серый, оранжевато-серый, серый; изнутри — серый; в изломе — чёрный. Реконструируемый диаметр в верхнем изломе — около 94 мм. Диаметр корпуса — около 96 мм. Диаметр днища — около 70 мм. Высота сохранившейся части — 51 мм. Высота нижней части — 42 мм. Толщина стенок — 5—6 мм; в придонной части — до 7 мм. Толщина днища — 7 мм; у стенок — до 9 мм (рис. 9: 4).

Радиоуглеродная дата: Ki-20450 (кость человека), 3030 ± 40 BP, 1σ 1381—1344, 1308—1221 cal. BC, 2σ 1408—1193, 1176—1160, 1144—1129 cal. BC (рис. 14: 5)[3].

ПОГРЕБЕНИЕ 7 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 10). Обнаружено в 8 м к югу от R_0 на уровне -0,9 м от R_0. Совершено в подбое. *Входная яма* подпрямоугольной формы длиной 1,3 м и сохранившейся шириной до 0,3 м, глубиной 1,14 м от R_0, была ориентирована по линии запад — восток. Севернее находилась подовальная *погребальная камера* размерами около 1,35 × 0,65 м и глубиной 1,3 м от R_0 (её западная часть была разрушена погребением 10). Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом

[3] Нельзя исключать, что дата погребения несколько удревнена, что может быть связано с резервуарным эффектом.

боку, головой на восток. Правая рука уложена кистью у лица, левая — у подбородка. Ноги подтянуты коленями к животу, кости стоп разрушены входной ямой погребения 10.

У правого тазобедренного сустава найдено *кремневое орудие* (2). В 0,25 м к югу от юго-западного угла на глубине 0,55 м от R_0 (на уровне материка) был обнаружен лежащий на боку *лепной сосуд* (1), предположительно, находившийся на ступеньке входной ямы погребения 7.

1. *Сосуд лепной* трёхчастного профиля. Венчик короткий, слегка отогнутый; край слегка утолщён наружу, сверху уплощён. Корпус асимметрично-биконический, с максимальным расширением в верхней трети. Днище плоское, без закраин. Тесто с примесью шамота, мелкого песка. Цвет желтовато-серый, чёрный; в изломе — чёрный. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. На внешней поверхности шейки и на внутренней поверхности сосуда — заглаженные следы расчёсов широкой гребёнкой. Диаметр венчика — 150 мм. Диаметр шейки — 145 мм. Диаметр корпуса — 180 мм. Диаметр днища — 75 мм. Высота сосуда — 137—138 мм. Высота венчика — 11—13 мм. Высота нижней части — 100—105 мм. Толщина венчика — 5—6 мм; толщина шейки — 5 мм. Толщина стенок — 5—8 мм. Толщина днища — до 7 мм (рис. 9: 5).

Сосуд орнаментирован по перегибу корпуса двумя рядами наклонных отпечатков зубчатого штампа. Отпечатки верхнего ряда наклонены вправо. Большая часть отпечатков нижнего ряда наклонена влево, образуя вместе с верхним рядом горизонтальную «ёлочку»; часть отпечатков второго ряда на небольшом отрезке наклонена вправо, как и в верхнем ряду. Ниже отпечатков штампа, в нижней части сосуда, расположены 9 горизонтальных бороздок — линии закручены вокруг корпуса двумя (?) чередующимися спиралями. Пространство между бороздками заполнено подовальными вдавлениями и наколами углом узкой трубочки. Местами вдавления образуют группы коротких отрезков, наклонённых вправо или влево, а также формирующих зигзаг. Пространство между двумя нижними бороздками частично не заполнено[4] (рис. 9: 5).

2. *Перфоратор на кремнёвом отщепе*. Остриё на дистальном конце, обломано. По продольному краю притупляющая ретушь, на другом — заглаженность. Размеры орудия 28 × 14 × 5 мм (рис. 9: 6).

Для погребения получены две *радиоуглеродные даты*: 1) Ki-20464 (кость человека), 3430 ± 50 BP, 1σ 1871—1847, 1774—1667, 1658—1632 cal. BC, 2σ 1887—1613 cal. BC (рис. 15: 1).

2) Ki-20722 (земля из сосуда), 3370 ± 60 BP, 1σ 1741—1711, 1699—1606, 1583—1544 cal. BC, 2σ 1873—1845, 1817—1802, 1776—1507 cal. BC (рис. 15: 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 10 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 10). Обнаружено в 7 м к югу от R_0 на уровне -0,9 м от R_0. Совершено в катакомбе. Подквадратная *входная яма* с закруглёнными углами размерами около 0,9 × 0,85 м и глубиной 1,76 м от R_0 была ориентирована по сторонам света. Севернее находилась подовальная *погребальная камера* размерами около 1,1 × 0,55 м и глубиной 1,71 м от R_0 (соответственно, её дно было на 0,05—0,06 м выше дна входной ямы). Высота свода достигала 0,42 м над дном камеры. Костяк младенца лежал под северной стенкой камеры в сильно (?) скорченном положении на левом боку, головой на восток. На дне в восточной части входной ямы лежала *каменная плита* (1).

1. *Плита из желтоватого ракушечника*. Одна сторона и один из торцов покрыты известковой коркой; остальные стороны — рваные. Размеры плиты 220 × 188 мм, толщина — 43—63 мм (рис. 9: 3).

Для погребения получены две *радиоуглеродные даты*: 1) Ki-20512 (кость человека), 3720 ± 50 BP, 1σ 2198—2166, 2150—2035 cal. BC, 2σ 2285—2247, 2236—1961 cal. BC (рис. 15: 3).

2) Poz-153632 (кость человека), 3560 ± 35 BP, 1σ 1956—1878, 1841—1824, 1792—1782 cal. BC, 2σ 2021—1995, 1981 —1870, 1849—1773 cal. BC (рис. 15: 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 11 (впускное; белозёрская культура?) (рис. 11: 1). Обнаружено в 3 м к юго-востоку от R_0 на уровне -0,97 м от R_0. Совершено в яме. Яма подпрямоугольной формы

[4] На рисунке изображение орнамента показано схематично, без точного подсчёта каждого отпечатка. Край бороздки, вклинивающейся ниже третьей сверху линии, несколько сдвинут влево, чтобы была возможность показать всю схему на одной проекции.

размерами 1,05 × 0,65 м и глубиной 1,11 м от R_0 была ориентирована по линии ЗЮЗ—ВСВ. Костяк ребёнка был разрушен при ограблении. Вероятно, первоначально он лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ЗЮЗ. Погребение ограблено, следов подстилки и инвентаря не зафиксировано.

Радиоуглеродная дата: Ki-20561 (кость человека), 2890 ± 50 BP, 1σ 1193—1177, 1159—1145, 1129—1004 cal. BC, 2σ 1219—927 cal. BC (рис. 15: 5).

ПОГРЕБЕНИЕ 12 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 12). Обнаружено в 6,5 м к юго-востоку от R_0 на уровне -0,82 м от R_0. Совершено в катакомбе. Подпрямоугольная *входная яма* с закруглёнными углами размерами около 1,95 × 0,8 м, глубиной 1,09 м от R_0 была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. К северо-западу от входной ямы находилась подпрямоугольная *погребальная камера* размерами 1,95 × 0,85 м и глубиной 1,11 м от R_0. Свод сохранился на высоту 0,35 м над дном камеры. У западного угла камеры было сделано углубление трапециевидной формы размерами 0,3—0,47 × 0,8 м, глубиной 1,29 м от R_0 (0,18 м от дна камеры). Скелет младенца лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку, головой на северо-восток. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть у колена; левая рука вытянута, кисть под бедренной костью. Следов подстилки и инвентаря не зафиксировано.

Радиоуглеродная дата: Ki-20517 (кость человека), 3570 ± 60 BP, 1σ 2025—1990, 1985—1875, 1845—1820, 1795—1775 cal. BC, 2σ 2130—2085, 2045—1740 cal. BC (рис. 15: 6).

ПОГРЕБЕНИЕ 15 (впускное; позднебабинская / раннесабатиновская культура?) (рис. 11: *4*). Обнаружено в 4 м на восток, 1 м на юг от R_0, зафиксирована с уровня -0,94 м от R_0. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Размеры ямы 0,82 × 0,47 м, глубина 1,65 м от R_0. Погребение полностью ограблено в древности; кости скелета, следы подстилки и инвентаря не зафиксированы. По форме и размерам ямы погребение может быть предположительно отнесено к позднему бронзовому веку.

На ЗЮЗ от ямы погребения № 15, практически вплотную к ней, располагалась яма погребения № 13 (основное, усатовской культуры?), также полностью ограбленного в древности, в связи с чем контуры погребального сооружения были прослежены лишь частично (рис. 11: 4). Остатки обоих сооружений оказались накрыты перекопом неправильной формы. В заполнении ямы погребения № 13 были обнаружены отдельные кости взрослого человека; у восточного угла ямы в заполнении грабительского перекопа зафиксированы части свода черепа человека. *Радиоглеродная дата* (см. ниже), полученная по костям черепа из грабительского перекопа, показала возраст, исключающий отнесение этих костей к погребению усатовской культуры. Можем предположить, что эти кости связаны с погребением № 15, из ямы которого они были выкинуты во время ограбления, и датировать это погребение позднебабинским или раннесабатиновским временем.

Радиоуглеродная дата: Ki-20547 (кость человека), 3340 ± 50 BP, 1σ 1682—1653, 1642—1537 cal. BC, 2σ 1743—1505 cal. BC (рис. 14: 6).

ЯМА 1 (сабатиновская / белозёрская культура?) (рис. 11: *2*). Обнаружена в 8 м к ВСВ от R_0 на уровне -0,84 м от R_0. Яма подокруглая в плане. Стенки слегка сужались ко дну. Максимальный диаметр по дну 0,95 м, глубина 0,96 м от R_0. На дне зафиксированы необработанные *куски известняка* размерами до 0,3 × 0,1 × 0,1 м. В юго-восточной части ямы на дне найден *фрагмент лепного сосуда* (1) и *древесные угли*.

1. *Фрагмент стенки лепного сосуда* (чаша с ручкой / черпак). Сохранился нижний прилеп ленточной ручки, овальной в сечении. Тесто хорошо отмученное, с включениями мелкого песка. Цвет серый, желтовато-серый; в изломе — серый, тёмно-серый. Поверхности заглаженные. Размеры фрагмента — 54 × 29 мм. Диаметр в верхнем изломе — около 140 мм. Толщина стенки — 8 мм. Сечение ручки в изломе — 27 × 11 мм (рис. 11: 3).

Общая характеристика погребального обряда

Таким образом, в двух курганах группы «Плавни» было зафиксировано 18 погребений, которые могут быть отнесены к разным горизонтам позднего бронзового века.

Все погребения позднего бронзового века группы «Плавни» впускные. Впущены в северный (1/6[5]), восточный (1/15, 1/16, 1/19, 1/25, 2/12) и южный (Глиное/Плавни 1/22, 1/23, 1/26, 2/3, 2/7, 2/10) сектора насыпей, а также в центральную часть курганов (Глиное/Плавни 1/1, 1/2, 1/27, 2/1, 2/11, 2/15). Стоит отметить, что большинство погребений, впущенных в восточный сектор, тяготеет к его южной половине, в южный — к восточной, а в центральный — к юго-востоку. Таким образом, при «заселении» курганов группы «Плавни» в позднем бронзовом веке явное предпочтение отдавалось их юго-восточному сектору.

Погребальные сооружения представлены ямами подпрямоугольной формы (Глиное/Плавни 1/16, 2/11, 2/15) и ямами с подбоем (Глиное/Плавни 1/25, 1/26, 1/27, 2/7). В двух случаях подбой фактически представлял собой небольшую камеру катакомбы (Глиное/Плавни 2/10, 2/12), при этом оба упомянутых комплекса являлись детскими захоронениями. В остальных случаях конструкция погребального сооружения не зафиксирована. Перекрывавшая кости погребения Глиное/Плавни 1/22 антропоморфная каменная плита, вероятно, относилась к началу бронзового века и была использована вторично в качестве перекрытия.

Все погребения эпохи поздней бронзы группы «Плавни» одиночные. Большинство погребённых — взрослые; зафиксировано всего три детских захоронения (Глиное/Плавни 1/19, 2/10, 2/12).

Поза всех погребённых может быть определена как скорченная на боку, однако степень скорченности костяков разная. *Степень скорченности I* (сильно скорченные: углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями < 90°) зафиксована в 10 погребениях (Глиное/Плавни 1/1, 1/15, 1/23, 1/25, 1/27, 2/1, 2/3, 2/7, 2/10, 2/12). *Степень скорченности II* (средне скорченные: угол между корпусом и бёдрами около 90° (~80—100°), бёдрами и голенями < 90°) — всего в двух погребениях (Глиное/Плавни 1/6, 1/26). Степени скорченности III (слабо скорченные: угол между корпусом и бёдрами > 90°, бёдрами и голенями < 90°) и IV (очень слабо скорченные: углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями > 90°) в погребениях группы «Плавни» не зафиксированы.

Большинство скелетов лежало на левом *боку* (Глиное/Плавни 1/1, 1/6, 1/15, 1/23, 1/25, 1/27, 2/3, 2/7, 2/10, 2/11, 2/12), но встречаются и правобочные захоронения (Глиное/Плавни 1/19, 1/26, 2/1). Двое погребённых были положены с разворотом на живот (Глиное/Плавни 1/25, 1/27), один — с разворотом на спину (Глиное/Плавни 2/1).

Позиции рук в погребениях позднего бронзового века Северного Причерноморья могут быть сведены к шести основным (без учёта редких): 1) руки сильно согнуты в локтях (угол < 90°), кисти перед лицом (варианты: у груди, у подбородка, под черепом); 2) одна рука сильно согнута в локте (угол < 90°), кисть перед лицом, вторая согнута под углом, близким к 90°, кисть перед «животом»; 3) одна рука сильно согнута в локте (угол < 90°), кисть перед лицом, вторая вытянута в направлении коленей/бёдер; 4) обе руки согнуты под углом близким к 90°, кисти перед «животом» / на «животе»; 5) одна рука согнута под углом, близким к 90°, кисть перед «животом», вторая вытянута в направлении коленей/бёдер; 6) обе руки вытянуты в направлении коленей/бёдер или вдоль корпуса. В позднебронзовых погребениях в курганах группы «Плавни» положение рук в позиции 1 является доминирующим (Глиное/Плавни 1/1, 1/6, 1/15, 1/23, 1/25, 1/27, 1/26, 2/3, 2/7). Только единожды было зафиксировано положение рук в позиции 5 (Глиное/Плавни 2/12).

[5] Здесь и далее по тексту числитель обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения; через дефис указан номер скелета в коллективном захоронении.

Интересно, что остальные позиции рук, встречающиеся среди позднебронзовых погребений других курганных групп бассейна р. Красная, в группе «Плавни» отсутствуют[6].

Погребённые были ориентированы головами на северо-восток (Глиное/Плавни 1/15, 1/19, 1/25, 2/12), восток (Глиное/Плавни 1/23, 2/1, 2/7, 2/10), юго-восток (Глиное/Плавни 1/27), юг (Глиное/Плавни 1/1, 2/3), запад (Глиное/Плавни 1/6, 1/26, 2/11). При этом ориентация на север, юго-запад и северо-запад для позднебронзовых погребений группы «Плавни» не зафиксирована. Однозначно доминирующей является ориентация в восточном направлении (вместе с северо-восточным и юго-восточным отклонениями).

В большинстве погребений *инвентарь* не обнаружен. Керамические сосуды сопровождали четыре погребения (Глиное/Плавни 1/2, 1/26, 2/3, 2/7); среди них одно (Глиное/Плавни 1/2) сопровождали два сосуда, остальные — по одному. Фрагмент сосуда также найден в яме 1 в кургане 2, возможно, являющейся сопутсвующим объектом к одному из погребений белозёрского горизонта. Кроме керамики, погребения сопровождали игральные/гадальные кости (астрагалы МРС) (Глиное/Плавни 1/1), бусины из позвонков крупных рыб (Глиное/Плавни 1/16), кремневое орудие (Глиное/Плавни 2/7), каменные плиты (Глиное/Плавни 1/22, 2/10).

В ряде погребений группы «Плавни» обнаружены кости животных (Глиное/Плавни 1/26, 1/27), необработанный кусок известняка (Глиное/Плавни 1/16). Необработанные куски известняка найдены и в яме 1 кургана 2. В одном погребении на костях зафиксированы следы красной охры (Глиное/Плавни 1/22). На дне ямы 1 в кургане 2 обнаружены древесные угли.

Анализ материалов

Согласно радиоуглеродным датам, характеру погребальных конструкций и инвентаря, бóльшая часть рассмотренных выше погребений может быть отнесена к культурному кругу Бабино, к днепро-прутской бабинской культуре. Таких погребений в двух курганах насчитывается 11 — восемь в кургане № 1 и три в кургане № 2. Два бабинских погребения сопровождались характерными сосудами — горшком трёхчастного профиля (Глиное/Плавни 2/7) и банкой (Глиное/Плавни 1/26). Возможно, к бабинскому горизонту следует отнести и частично разрушенное погребение юго-западной ориентации Глиное/Плавни 1/6, датированное в широких пределах эпохой поздней бронзы, а также полностью разрушенное погребение Глиное/Плавни 2/15.

Обращают на себя внимание погребения в катакомбах (Глиное/Плавни 2/10, 2/12). Размеры погребальных камер вполне позволяли бы захоронить в них и взрослых, однако в обоих случаях они были использованы для погребения детей. Несоответствие общих размеров погребальной камеры размерам погребённого особенно хорошо заметно в комплексе Глиное/Плавни 2/12, где для ребёнка не стали «заморачиваться» и углублять всю камеру вдоль задней стенки, оставляя между входной ямой и камерой узкую ступеньку[7], а ограничились лишь небольшим углублением в её западном углу. В бассейне р. Красная известно ещё одно бабинское погребение, подбой которого фактически представляет собой камеру небольшой катакомбы — Глиное/Сад 1/27, содержавшее погребение взрослого и двоих детей; при этом дети размещались в небольших углублениях в полу и стенках основной камеры, занятой скелетом взрослого (Лысенко и др. 2021: рис. 7).

К сабатиновской культуре достоверно (по инвентарю) можно отнести лишь погребение Глиное/Плавни 1/2, к сожалению, полностью разрушенное при ограблении и не имеющее радиоуглеродной даты. Форма горшка из этого погребения достаточно характерна для сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья (Черняков 1985: рис. 17—31).

[6] К сожалению, у части погребённых кости рук были смещены бульдозером или землероями, и их позиции достоверно не устанавливаются.

[7] Как пример такой погребальной конструкции с низким сводом и продольной ступенькой, содержавшей захоронение взрослого, можем привести Жёлтый Яр 2/12 (Савва 1991: рис. 25: 9).

Ещё три погребения (одно из кургана № 1 и два из кургана № 2) могут быть отнесены к сабатиновской культуре лишь условно, на основании радиоуглеродных дат. При этом на собственно сабатиновское время указывает только дата полностью разрушенного погребения Глиное/Плавни 1/16.

Сабатиновская принадлежность двух погребений из кургана 2 достаточно спорна. Так, дата полностью ограбленного погребения Глиное/Плавни 2/15 — пограничная, которая позволяет относить данное погребение как к раннесабатиновскому, так и к позднебабинскому времени. Погребение Глиное/Плавни 2/3, наоборот, позволяет (по второй сигме) относить это погребение как к позднесабатиновскому, так и к раннебелозёрскому времени. Сопровождавший это погребение сосуд сильно фрагментирован; при этом форма сосуда достаточно аморфна, что даёт возможность находить ему аналогии в погребальных комплексах как сабатиновской (Черняков 1985: рис. 69; 70), так и белозёрской культур (Ванчугов 1990: рис. 30; 31). Южная же ориентация погребённого (ЮЮВ) позволяет склоняться скорее к его белозёрской атрибуции, так как южная ориентация для погребений сабатиновской культуры в целом не характерна (Черниенко 2014: рис. 2).

К белозёрскому горизонту по радиоуглеродным датам отнесено два погребения — Глиное/Плавни 2/1 и 2/11. Одно из них (2/11) ориентировано головой на запад с небольшим отклонением к югу (ЗЮЗ), второе (2/1) — головой на восток. Такая ориентация погребённых не является характерной уже для белозёрской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990: 52). Вполне возможно, что за такой ориентацией рассматриваемых погребений стоят определённые пережитки не прерывающихся в регионе погребальных традиций, восходящих к предшествующим горизонтам поздней и средней бронзы. Одновременно с этим, в восточной ориентации скелета из комплекса Глиное/Плавни 2/1 можно видеть и следствие взаимосвязей с постсрубным населением Днепро-Донецкого региона.

К белозёрской культуре, видимо, может быть отнесена и яма 1 из кургана 2. К сожалению, обнаруженный на дне ямы фрагмент стенки сосуда с основанием нижнего прилепа ленточной ручки не даёт возможности однозначно реконструировать не только форму сосуда, но и количество ручек (что не позволяет однозначно исключить и сабатиновскую принадлежность ямы). Однако характер теста и соотношение ряда промеров дают основания предполагать, что это был одноручный чашевидный кубок («черпак»), аналогичный сосудам, широко представленным на многих памятниках белозёрской культуры региона (например: Ванчугов 1990: рис. 28: 1, 2, 4). У с. Глиное такой кубок был обнаружен в погребении Глиное/Сухая Балка 8/2[8].

Погребальный инвентарь группы «Плавни» крайне беден и невыразителен. Среди вещевого комплекса наибольший интерес представляют шайбовидные бусины, изготовленные из позвонков крупных рыб (Глиное/Плавни 1/16). Ранее в погребениях позднего бронзового века подобные изделия не встречались; однако они прекрасно дополняют широкий ассортимент подобных украшений, изготовленных из других разнообразных материалов, и соответсвуют им по ряду параметров (Лысенко 2021: рис. 161—183).

Трансвременной и транскультурной находкой являются альчики из таранных костей мелкого рогатого скота (Глиное/Плавни 1/1), широко распространённые в Северном Причерноморье от ранней бронзы до позднего средневековья. Только в курганах у с. Глиное они были обнаружены в погребениях ямной культуры (Глиное/Водовод 15/16), ингульской катакомбной культуры (Глиное/Дот 1/11), бабинской культуры (Глиное/Плавни 1/1), черногоровской культуры (Глиное/Рыбхоз 1/14; Глиное/Сухая Балка 7/1, 9/2), скифского времени (Глиное/Водовод 14/3; Глиное/Сад 14/1), раннего средневековья (Глиное/Плавни 1/20).

В заключении хочется отметить ещё один аспект — относительную устойчивость позы и ориентации большинства погребений бабинского горизонта из курганов группы «Плавни». Бóльшая часть скелетов лежит сильно скорченно (степень скорченности I), с руками сильно

[8] Материалы позднего бронзового века из группы Глиное/Сухая Балка готовятся к публикации.

согнутыми в локтях, кисти которых находятся перед лицом / в районе головы (позиция 1); преобладает положение на левом боку и ориентация в восточном секторе (включая северо-восточное и юго-восточное отклонения). По формальным признакам позы/ориентации бабинские погребения из «Плавней» стоят куда ближе к расположенному неподалёку сабатиновскому могильнику из кургана Рыбхоз 3 (Лысенко и др. 2023а), чем ко многим бабинским погребениям из групп в верховьях Красной («Дот», «Сад» и «Водовод»), сочетание признаков которых куда более разнообразно (Лысенко и др. 2021; 2023б). Наметившиеся тенденции дают возможность проследить зарождение устойчивых унифицированных погребальных традиций развитого этапа позднего бронзового века, представленного в Северо-Западном Причерноморье сабатиновской культурой, в общем массиве разнородных традиций бабинского горизонта, переходного от средней к поздней бронзе. Однако сравнительно небольшая выборка в данном случае позволяет пока говорить лишь об определённых тенденциях, не более.

Выводы

Приведённые в статье материалы, по результатам радиоуглеродного датирования и корреляции их с различными признаками погребального обряда, позволяют условно разделить массив позднебронзовых погребений группы «Плавни» у с. Глиное на три культурно-хронологических горизонта — бабинский, сабатиновский и белозёрский.

Подавляющее большинство публикуемых комплексов может быть отнесено к днепро-прутской бабинской культуре (XX—XVII вв. до н.э.); часть из них, видимо, занимает переходную позицию от бабинской к сабатиновской культуре (XVII—XVI вв. до н.э.). Два погребения (Глиное/Плавни 1/2, 1/16) отнесены к сабатиновской культуре (XVI—XIII вв. до н.э.), одно (Глиное/Плавни 2/3) — к позднесабатиновскому—раннебелозёрскому времени (XIII—XII вв. до н.э.), два (Глиное/Плавни 2/1, 2/11) — к белозёрской культуре (XII—X вв. до н.э.).

Большинство погребённых лежит в сильно скорченной позе, с кистями рук, расположенными перед лицом («поза адорации»), с ориентацией головой в восточном секторе (с сезонными отклонениями). Без применения радиоуглеродного метода вычленение значительной части исследованных комплексов из общей массы позднебронзовых погребений было бы невозможно.

Общее сходство по целому ряду признаков погребений Северо-Западного Причерноморья различных хронологических горизонтов позволило И.Т. Чернякову говорить «о культурно-исторической преемственности местных племён позднеямной культуры, культуры многоваликовой керамики и сабатиновской культуры, возникшей на её основе» (Черняков 1985: 144). Именно такая ситуация преемственности и трансформации погребальных традиций среднего—позднего бронзового века, без возможности в ряде случаев обоснованно провести чёткие культурно-хронологические грани между ними, прослеживается и на материалах позднего бронзового века из курганов группы «Плавни» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Аналогичная ситуация наблюдается и в прочих курганах бассейна р. Красная, где в 1995—2021 гг. в шести курганных группах было исследовано более 70 погребений позднего бронзового века.

Литература

Ванчугов В.П. 1990. *Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозерской культуры*. Киев: Наукова думка.

Гошкевич В.И. 1903. *Клады и древности Херсонской губернии.* Кн. 1. Херсон: типография «ЮГА».

Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2014. К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестровья в первой половине 2 тыс. до н.э. *Русин* 2 (36), 8—28.

Лысенко и др. 2020: Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2020. Погребение тщинецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 155—174.

Лысенко и др. 2021: Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Лысенко С.С., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2021. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп «ДОТ», «Сад», «Водовод» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. *МАИАСП* 13, 164—201. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.54.48.004.

Лысенко и др. 2023а: Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С., Лысенко С.С., Тельнов Н.П. 2023а. Могильник сабатиновской культуры в кургане 3 группы «Рыбхоз» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 361—386.

Лысенко и др. 2023б: Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Лысенко С.С., Тельнов Н.П. 2023б. Погребения позднего бронзового века из курганов в верхнем течении р. Красная на Нижнем Днестре (по результатам исследований 2013—2022 гг.). *Tyragetia* (в печати).

Лысенко С.С. 2021. *Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы*. Кишинёв; Киев: Stratum plus.

Матвиишина и др. 2016: Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика В.С. 2016. Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. *МАИАСП* 8, 11—45.

Разумов С. Н. 2017. Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре: мемориальный: сб. науч. работ в память лауреата Гос. премии Украины, акад. РАЕН, проф., д-ра ист. наук Владимира Никифоровича Станко.* Вып. 3. Одесса: Ирбис, 257—265.

Разумов С.Н., Лысенко С.Д. 2020. Древнейшее курганное золото Нижнего Поднестровья как индикатор межкультурных связей. *Русин* 59, 21—35.

Разумов и др. 2013: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 297—340.

Разумов и др. 2019: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2019. Курган бронзового века № 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare* 1, 123—148.

Разумов и др. 2022: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика В.С. 2022. Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В: Онгар А. (глав. ред.). *Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11—14 октября 2022 г.)*. Т. 1. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 237—245.

Савва Е.Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Прутo-Днестровского междуречья.* Кишинев: Штиинца.

Синика и др. 2021: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Tyragetia, s.n.* Vol. XV (XXX). № 1, 239—296.

Тельнов и др. 2014: Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С. 2014. Работы совместной приднестровско-украинской экспедиции. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2013*. Київ: Інститут археології НАНУ, 329—330.

Тєльнов та ін. 2015: Тєльнов М.П., Разумов С.М., Лисенко С.Д., Сініка В.С. 2015. Роботи придністровсько-української археологічної експедиції (попередні результати досліджень 2012—2013 рр.). В: Болтрик Ю.В. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2014*. Київ: Стародавній світ, 307—311.

Черниенко Ю.А. 2014. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы. *Stratum plus* (2), 15—112.

Черняков И.Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э.* Киев: Наукова думка.

Яровой Е.В. 1984. Работы Слободзейской экспедиции. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1982 года.* Москва: Наука, 417—418.

Яровий Є.В., Агульніков С.М. 1995. Курган білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї. *Древности Северного Причерноморья и Крыма* V, 181—184.

References

Vanchugov, V.P. 1990. *Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomore. Problemy formirovaniia belozerskoi kultury (Belozerka Sites of the North-Western Pontic Area. Problems of the Formation of Belozerka Culture)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Goshkevich, V.I. 1903. *Kladyi i drevnosti Khersonskoy gubernii (Treasures and antiquities of the Kherson province)*. Bk. 1. Kherson: Tipografiya “YuGA” (in Russian).

Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2014. In *Rusin* 2 (36), 8—28 (in Russian).

Lyisenko et al. 2020: Lyisenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2020. In *Stratum plus* 2, 155—174 (in Russian).

Lyisenko et al. 2021: Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Lysenko, S.S., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor’ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 13, 164—201. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.54.48.004 (in Russian).

Lyisenko et al. 2023a: Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S., Lysenko, S.S., Telnov, N.P. 2023a. In *Stratum plus* 2, 361—386 (in Russian).

Lyisenko et al. 2023б: Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Lysenko, S.S., Telnov, N.P. 2023б. In *Tyragetia* (in print) (in Russian).

Lysenko, S.S. 2021. *Ukrasheniia naseleniia Severnogo Prichernomoria epokhi pozdnei bronzy (Adornments of the population of the North Black Sea region of the Late Bronze Age)*. Kishinev; Kiev: Stratum plus (in Russian).

Matviishina et al. 2016: Matviishina, Zh.N., Parhomenko, A.G., Razumov, S.N., Lyisenko, S.D., Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor’ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 8, 11—45 (in Russian).

Razumov, S.N. 2017. In: Prigarin, A.A. (ed.). *Chelovek v istorii i kulture: memorialnyi sb. nauch. rabot v pamiat laureata Gos. premii Ukrainy, akad. RAEN, prof., d-ra ist. nauk, Vladimira Nikiforovicha Stanko (Man in history and culture: memorial: collection of scientific works in memory of the winner of the State Prize of Ukraine, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor, doctor of historical sciences Vladimir Nikiforovich Stanko)*. Iss. 3. Odessa: Irbis, 257—265 (in Russian).

Razumov, S.N., Lyisenko, S.D. 2020. In *Rusin* 59, 21—35 (in Russian).

Razumov et al. 2013: Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. 2013. In *Stratum plus* 2, 297—340 (in Russian).

Razumov et al. 2019: Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2019. In *Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare* 1, 123—148 (in Russian).

Razumov et al. 2022: Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. Sinika, V.S. 2022 In: Ongar, A. (ed.). *Evraziiskaia stepnaia tsivilizatsiia: chelovek i istoriko-kulturnaia sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziiskikh stepei (g. Turkestan, 11—14 oktiabria 2022 g.) (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. Materials of the 5th International Congress of the Archeology of the Eurasian Steppes (Turkestan, October 11—14, 2022))*. Vol. 1. Almaty; Turkestan: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 237—245 (in Russian).

Savva, E.N. 1992. *Kultura mnogovalikovoy keramiki Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechya (Culture of multi-roll ceramics of the Prut-Dniester interfluve)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In *Tyragetia, s.n.* Vol. XV (XXX). No. 1, 239—296 (in Russian).

Telnov et al. 2014: Telnov, N.P., Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2014 In: Kozak, D.N. (ed.). *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2013 (Archaeological research in Ukraine in 2013)*. Kyiv: Instytut arkheolohii NANU, 329—330 (in Ukrainian).

Telnov et al. 2015: Tielnov, M.P., Razumov, S.M., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2015 In: Boltryk, Yu.V. (ed.) *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2014 (Archaeological research in Ukraine in 2014)*. Kyiv: Starodavnii svit, 307—311 (in Russian).

Chernienko, Yu.A. 2014. In *Stratum plus* 2, 15—112 (in Russian).

Chernyakov, I.T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prychernomor’e vo vtoroy polovyne II tysyacheletya do n.e. (North-Western Black Sea Coast in the second half of the 2nd millennium BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Yarovoy, E.V. 1984. In: Rybakov, B.A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda (Archaeological discoveries in 1982)*. Moscow: Nauka, 417—418 (in Russian).

Yarovyi, E.V., Ahul’nikov, S.M. 1995. In *Drevnosty Severnoho Prychernomor’ya y Kryma (Antiquities of the Northern Black Sea Coast and Crimea)* V, 181—184 (in Ukrainian).

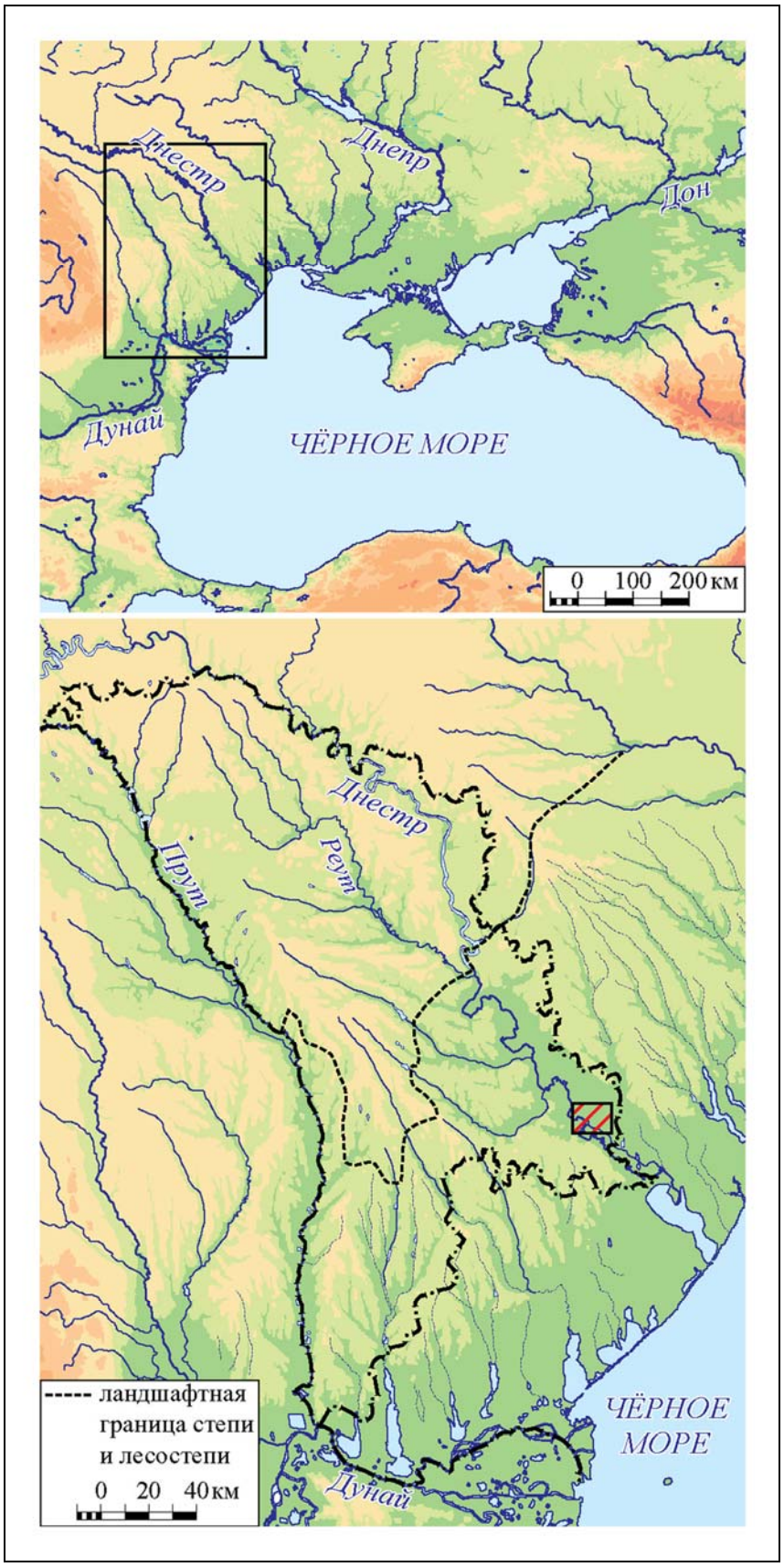


Рис. 1. Локализация археологического комплекса у с. Глиное.

Fig. 1. Localization of the archaeological site near the Glinoe village.

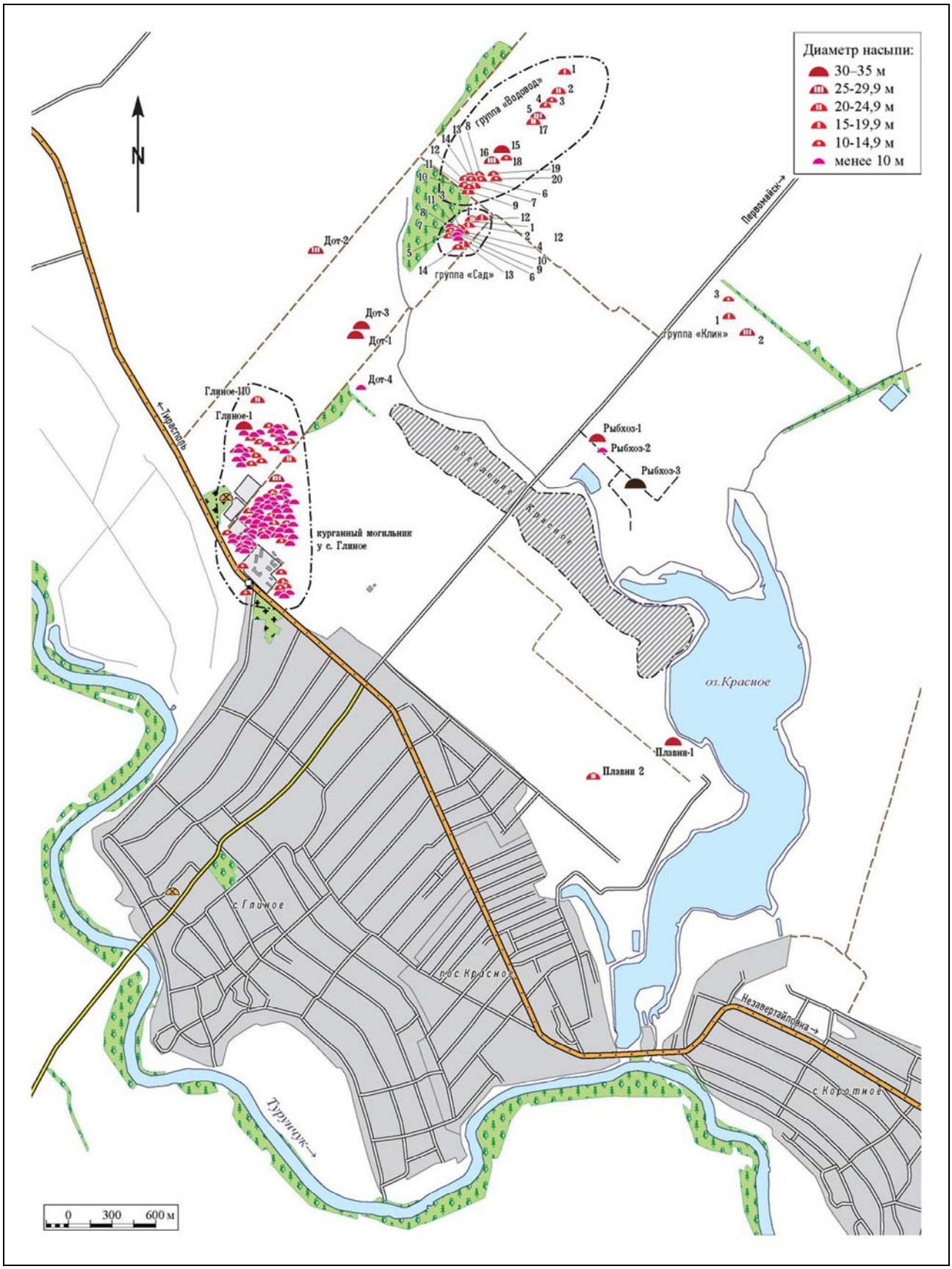


Рис. 2. Курганы в бассейне р. Красная на нижнем Днестре.

Fig. 2. Barrows of the Krasnaya River in the Lower Dniester Region.

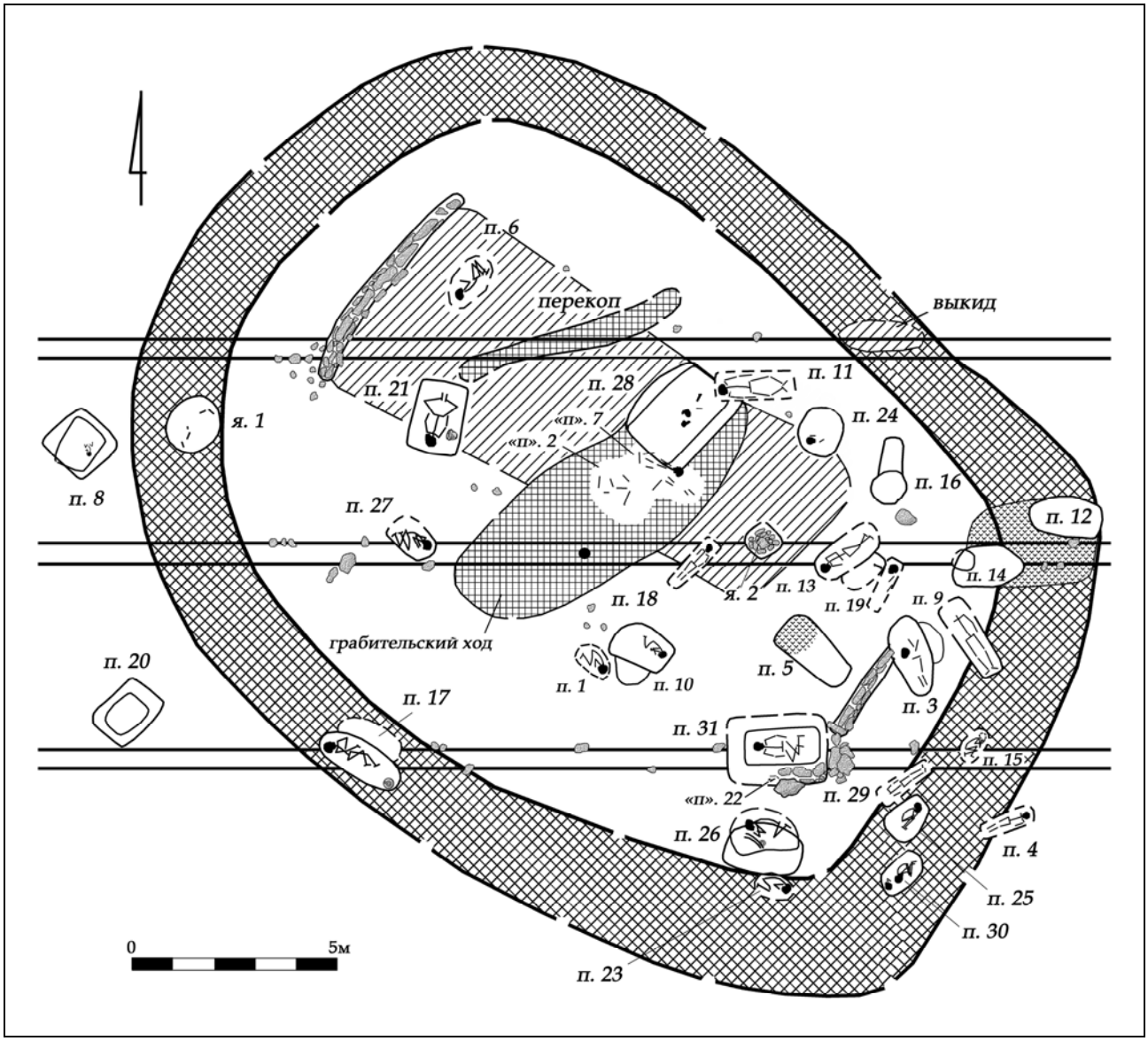


Рис. 3. Глиное, курганная группа «Плавни», план кургана 1.

Fig. 3. Glinoe, “Plavni” group, plan of the barrow 1.

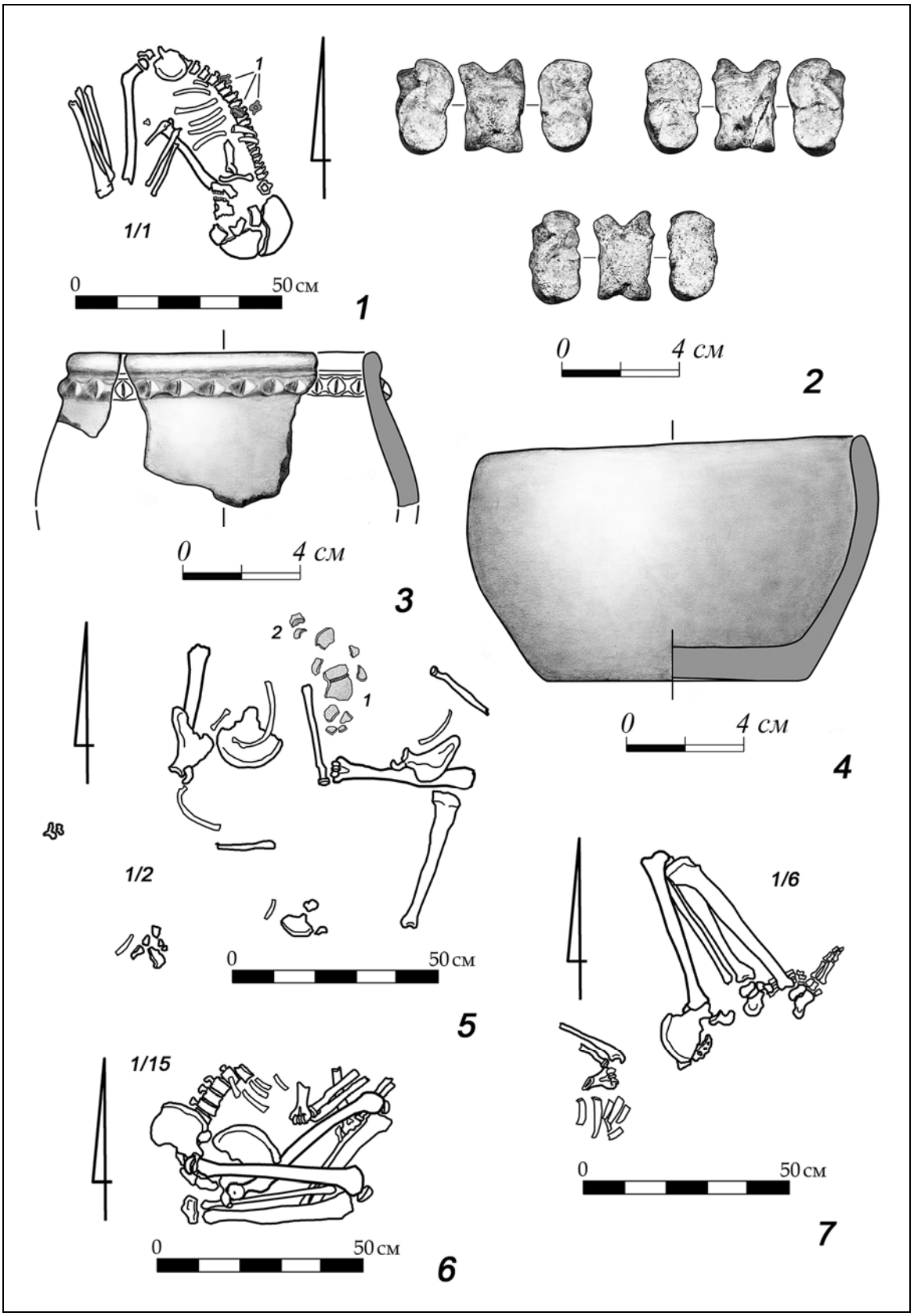


Рис. 4. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 1: *1, 2* — погребение 1; *2—5* — погребение 2; *6* — погребение 15; *7* — погребение 6.

Fig. 4. Glinoe, "Plavni" group, barrow 1: *1, 2* — grave 1; *2—5* — grave 2; *6* — grave 15; *7* — grave 6.

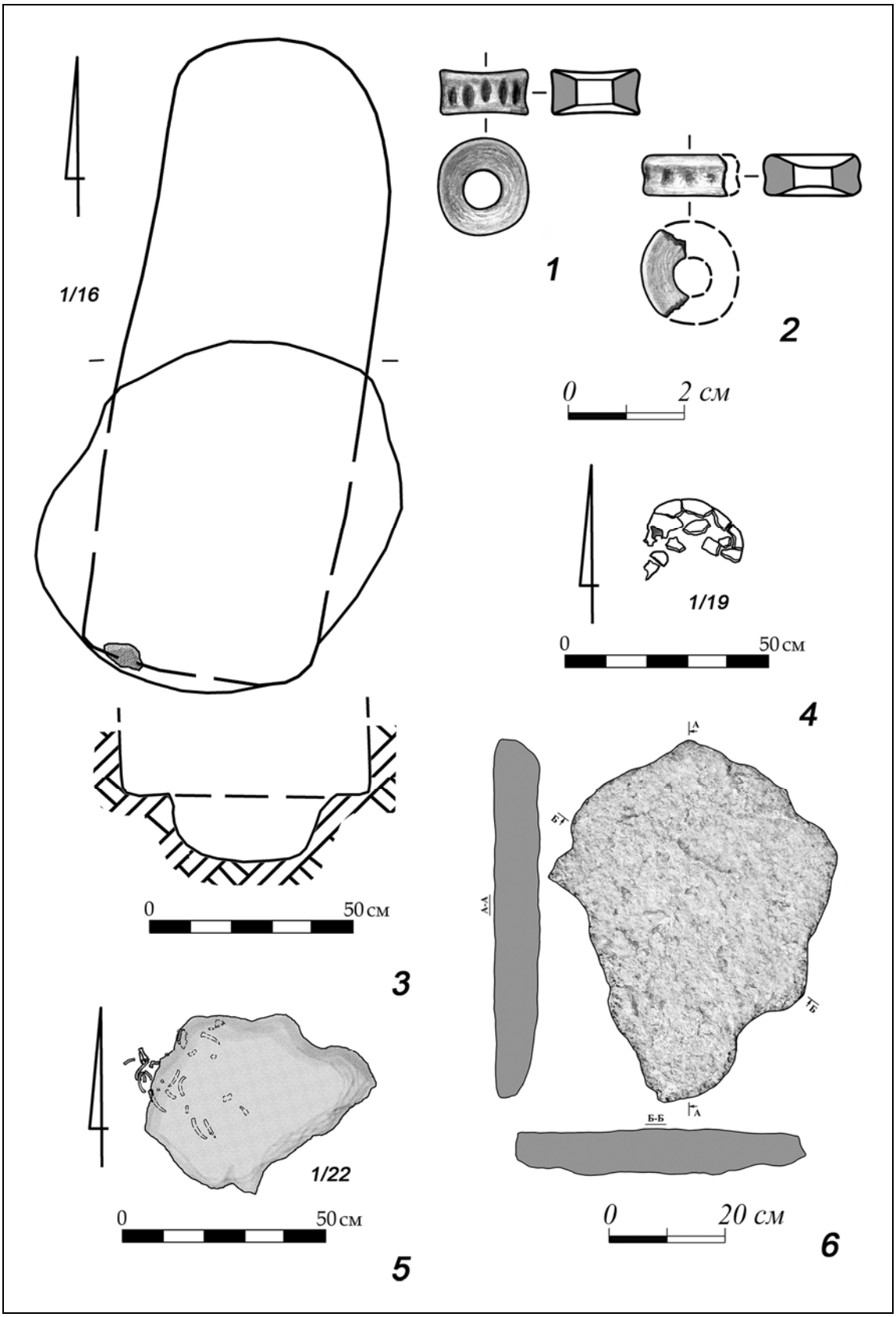


Рис. 5. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 1: *1—3* — погребение 16; *4* — погребение 19; *5, 6* — погребение 22.

Fig. 5. Glinoe, “Plavni” group, barrow 1: *1—3* — grave 16; *4* — grave 19; *5, 6* — grave 22.

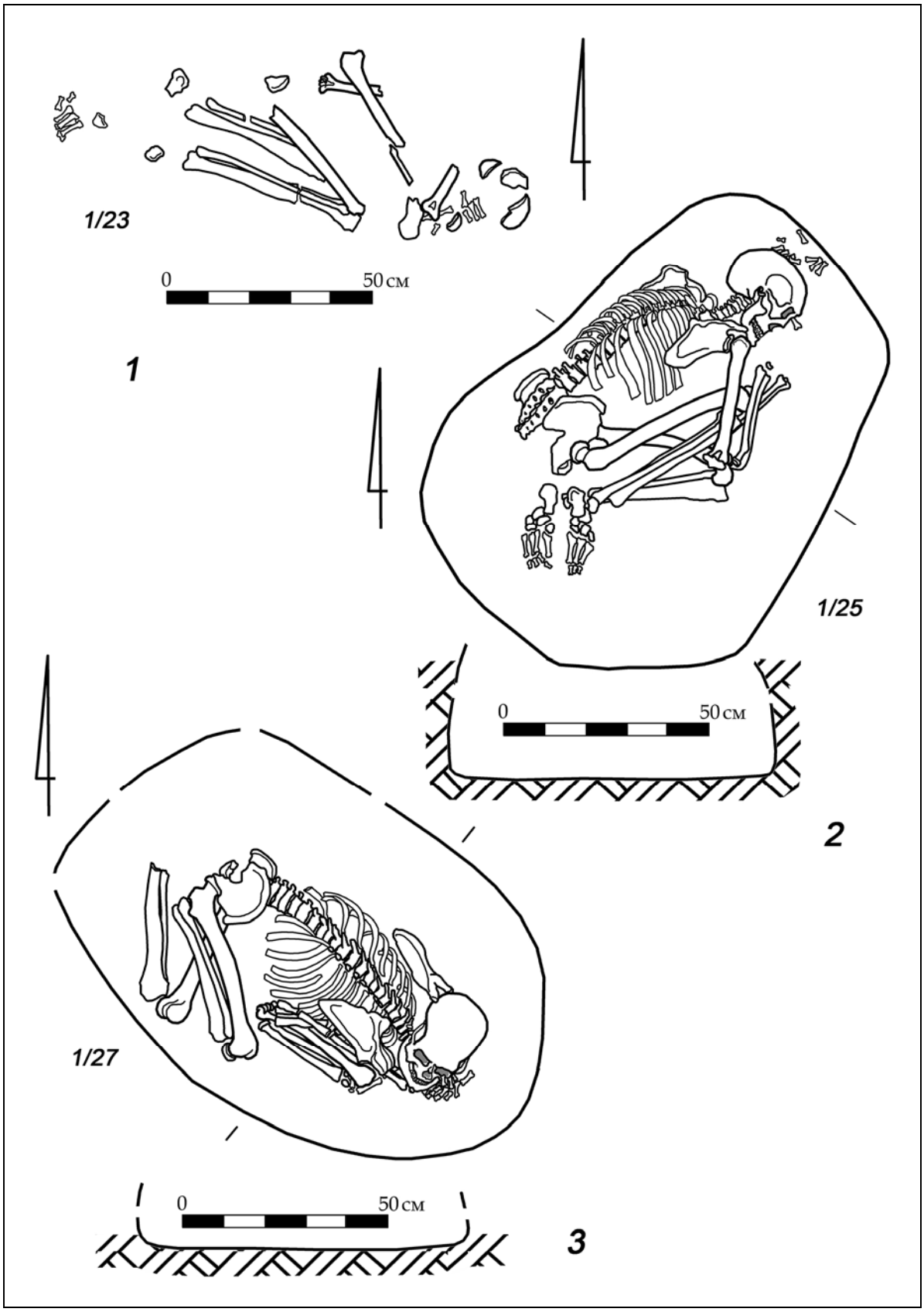


Рис. 6. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 1: *1* — погребение 23; *2* — погребение 25; *3* — погребение 27.

Fig. 6. Glinoe, "Plavni" group, barrow 1: *1* — grave 23; *2* — grave 25; *3* — grave 27.

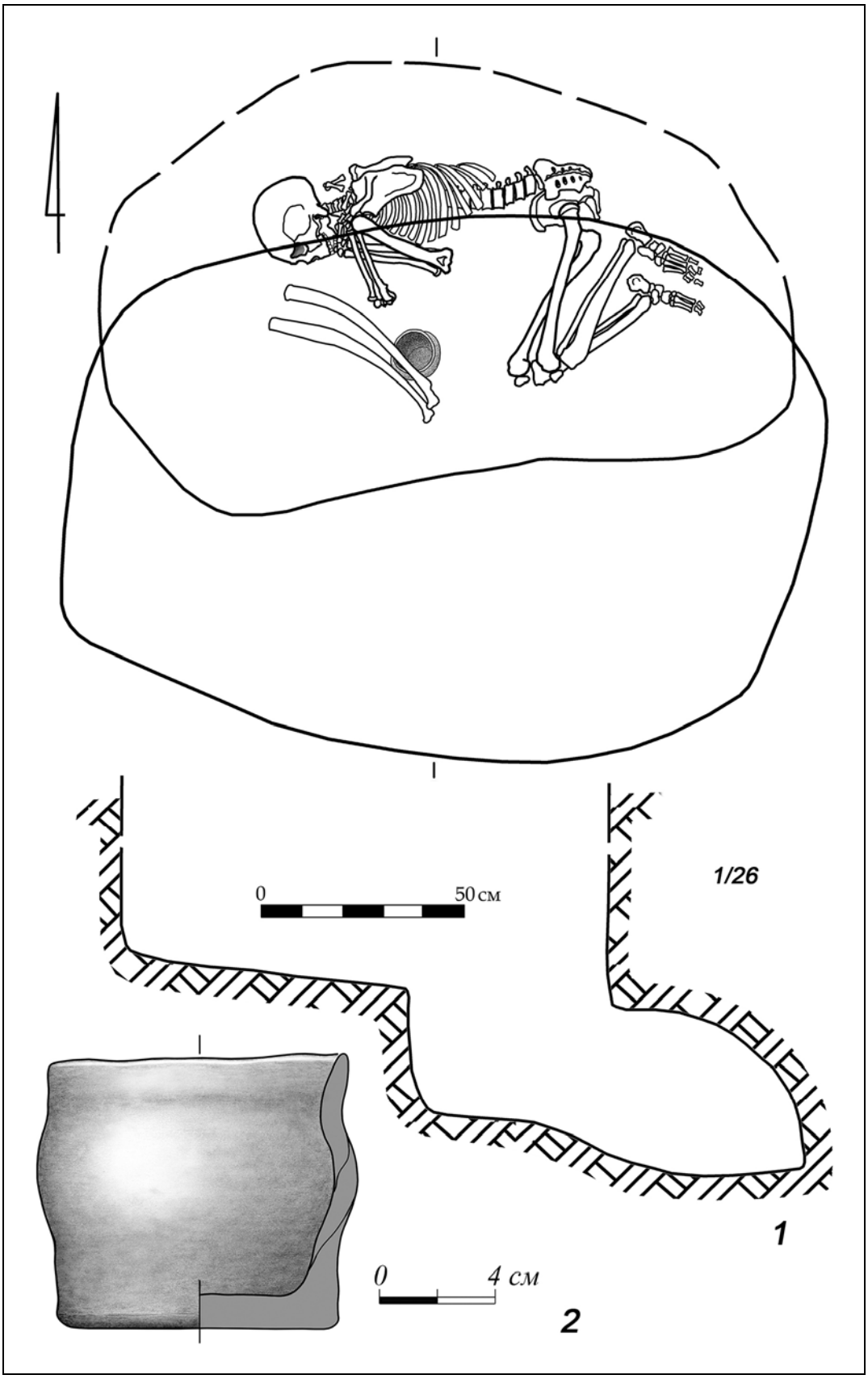


Рис. 7. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 1, погребение 26.

Fig. 7. Glinoe, “Plavni” group, barrow 1, grave 26.

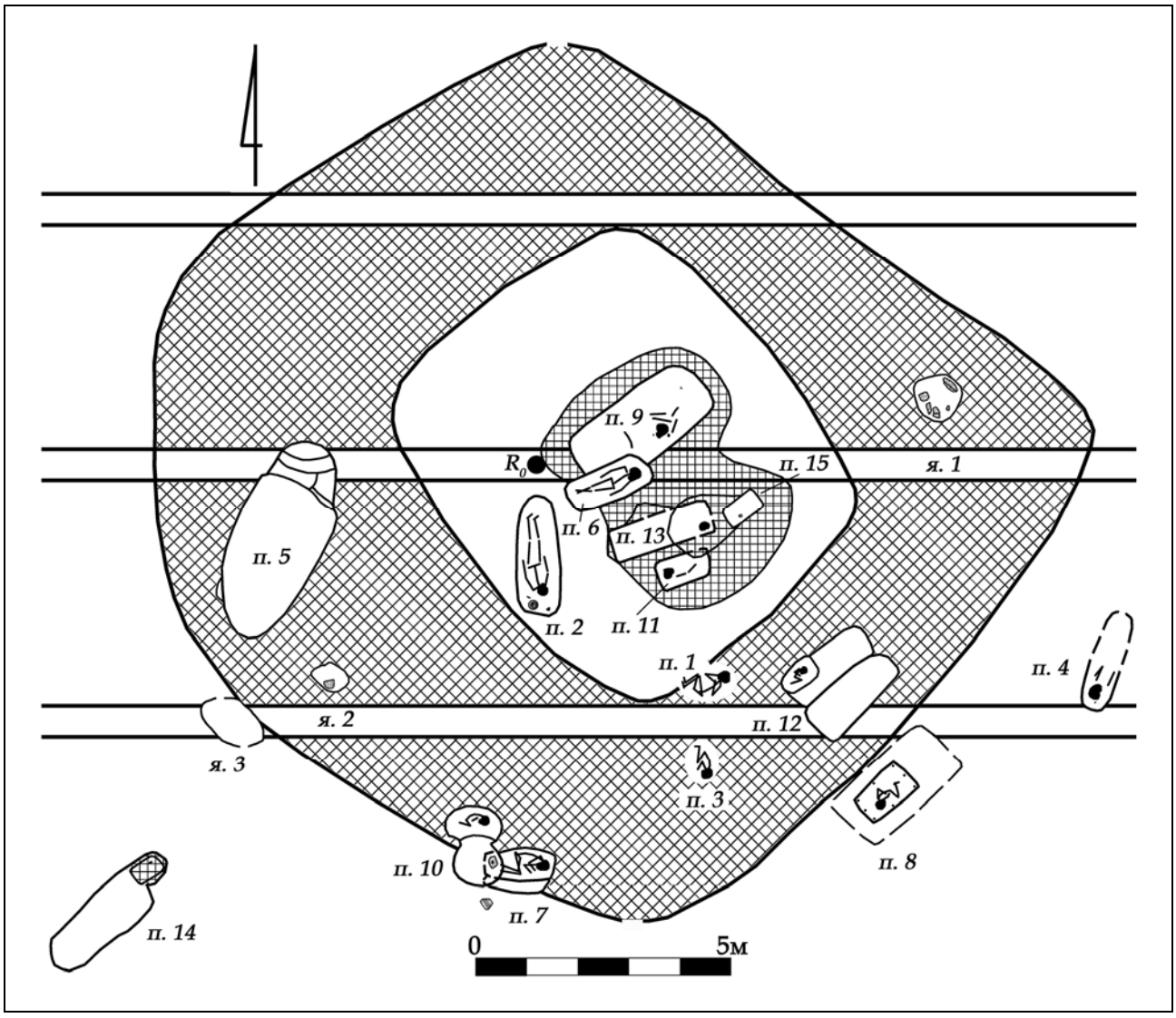


Рис. 8. Глиное, курганная группа «Плавни», план кургана 2.

Fig. 8. Glinoe, “Plavni” group, plan of the barrow 2.

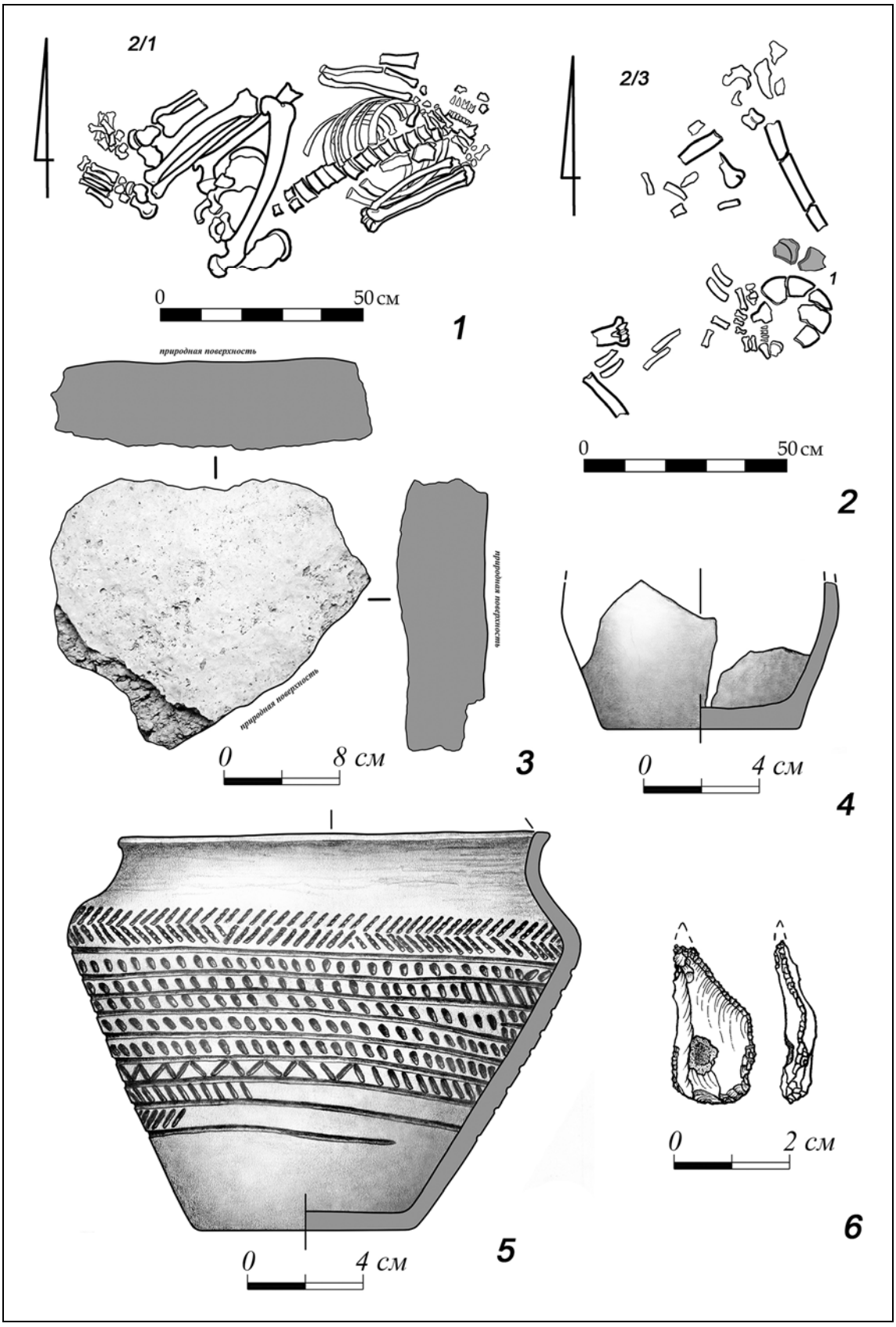


Рис. 9. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 2: *1* — погребение 1; *2, 4* — погребение 3; *3* — погребение 10; *5, 6* — погребение 7.

Fig. 9. Glinoe, “Plavni” group, barrow 2: *1* — grave 1; *2, 4* — grave 3; *3* — grave 10; *5, 6* — grave 7.

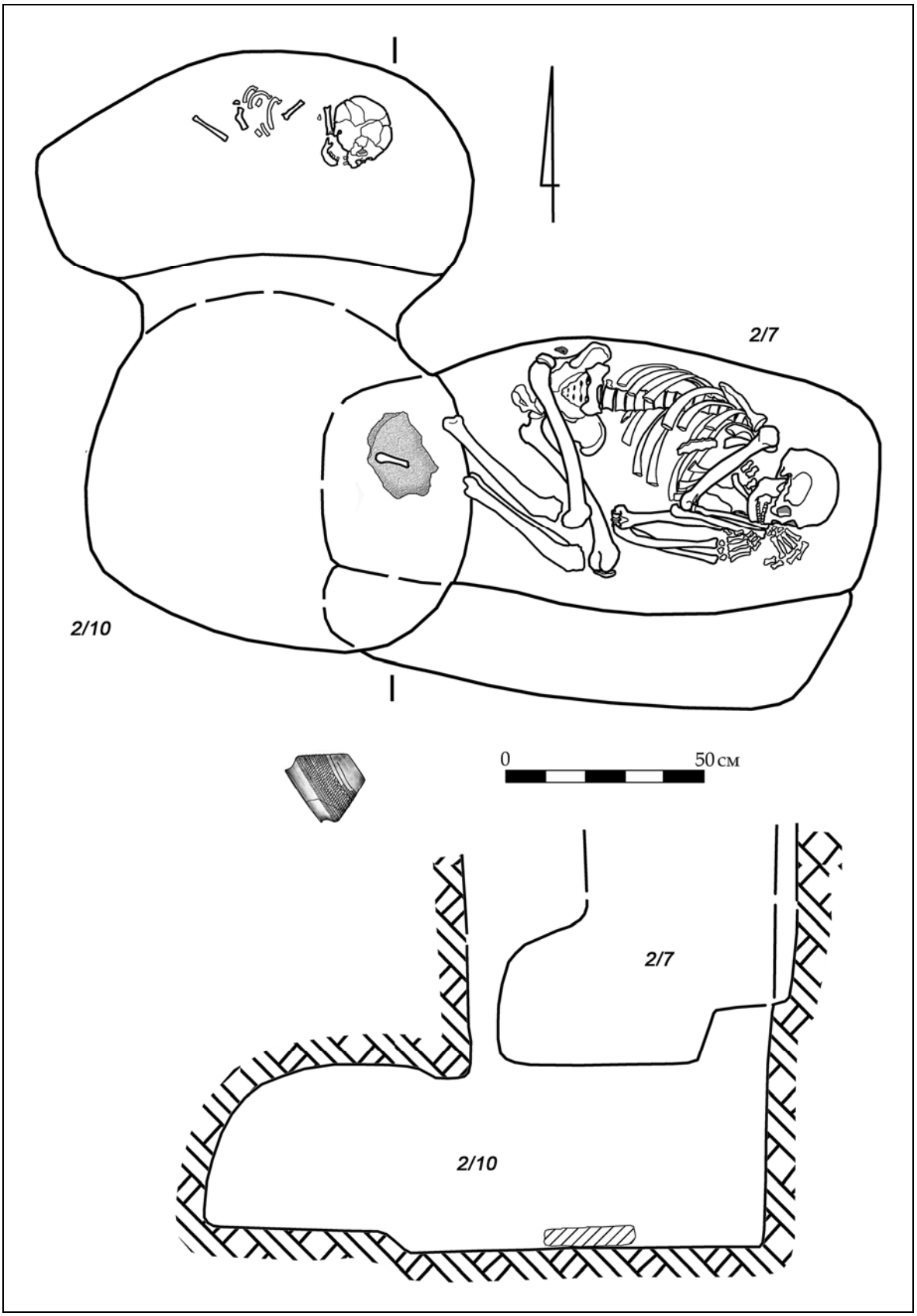


Рис. 10. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 2, погребения 7 и 10.

Fig. 10. Glinoe, “Plavni” group, barrow 2, graves 7 and 10.

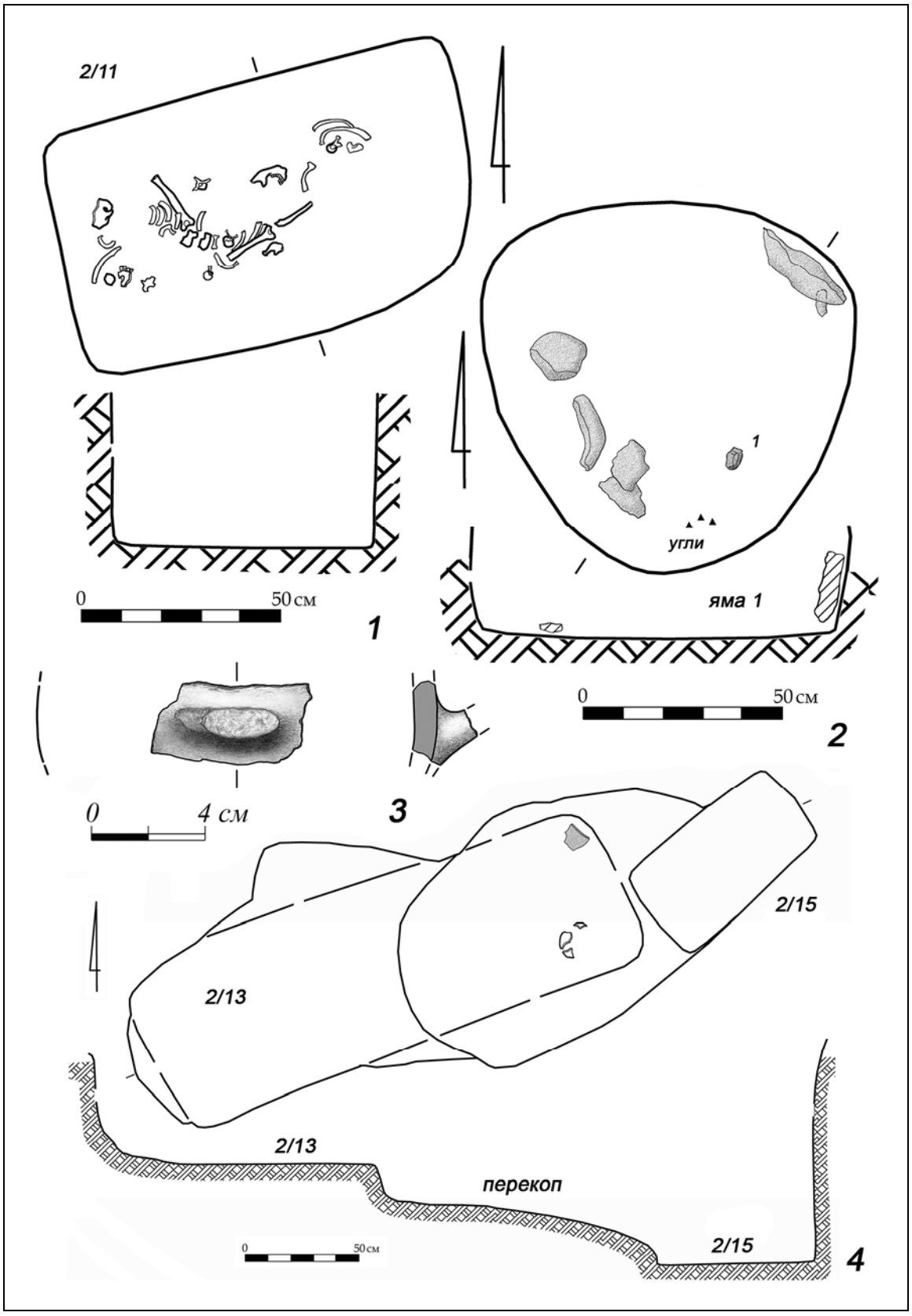


Рис. 11. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 2: *1* — погребение 11; *2, 3* — яма 1; *4* — погребения 13 и 15.

Fig. 11. Glinoe, "Plavni" group, barrow 2: *1* — grave 11; *2, 3* — pit 1; *4* — graves 13 and 15.

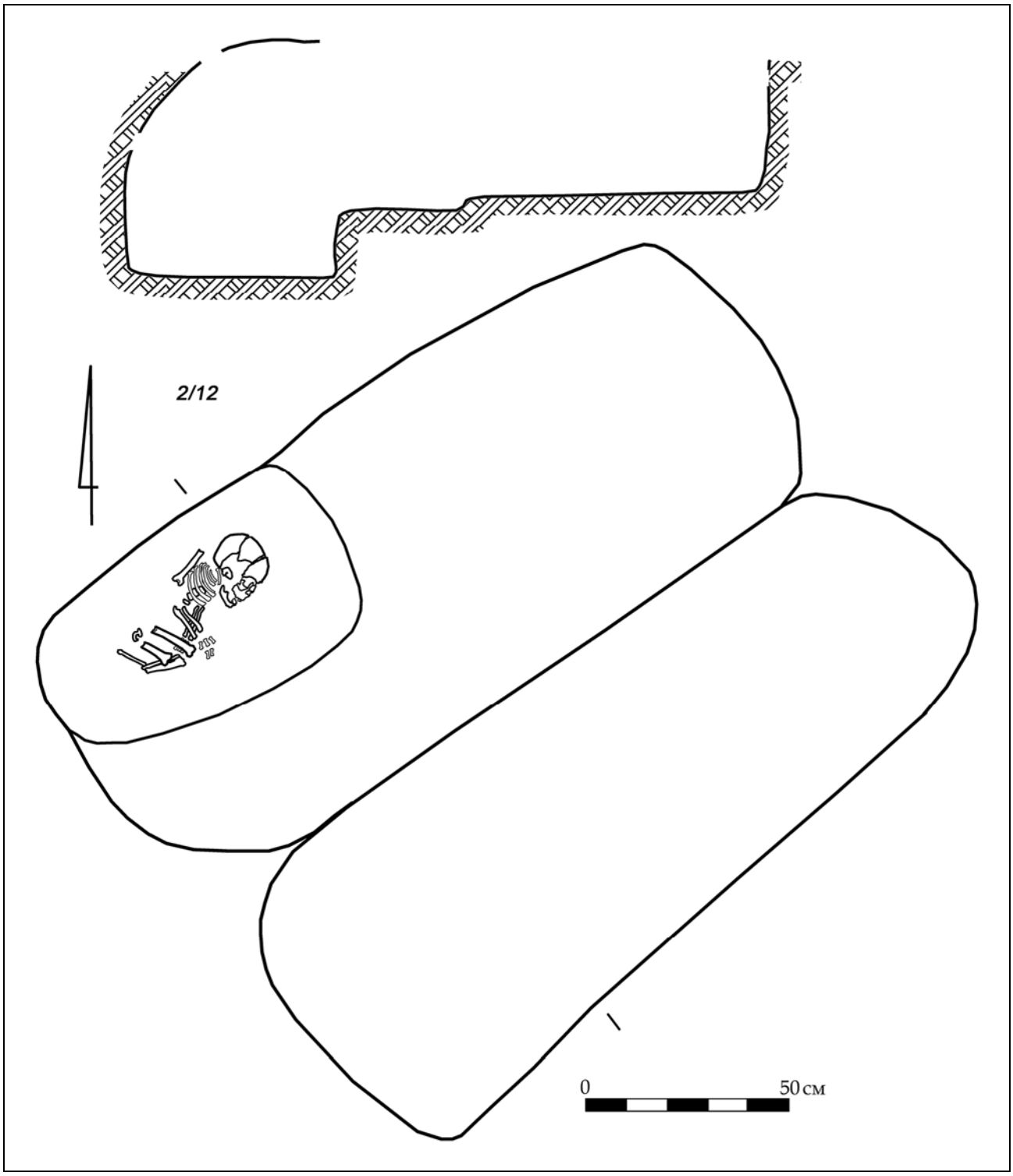


Рис. 12. Глиное, курганная группа «Плавни», курган 2, погребение 12.

Fig. 12. Glinoe, “Plavni” group, barrow 2, grave 12.

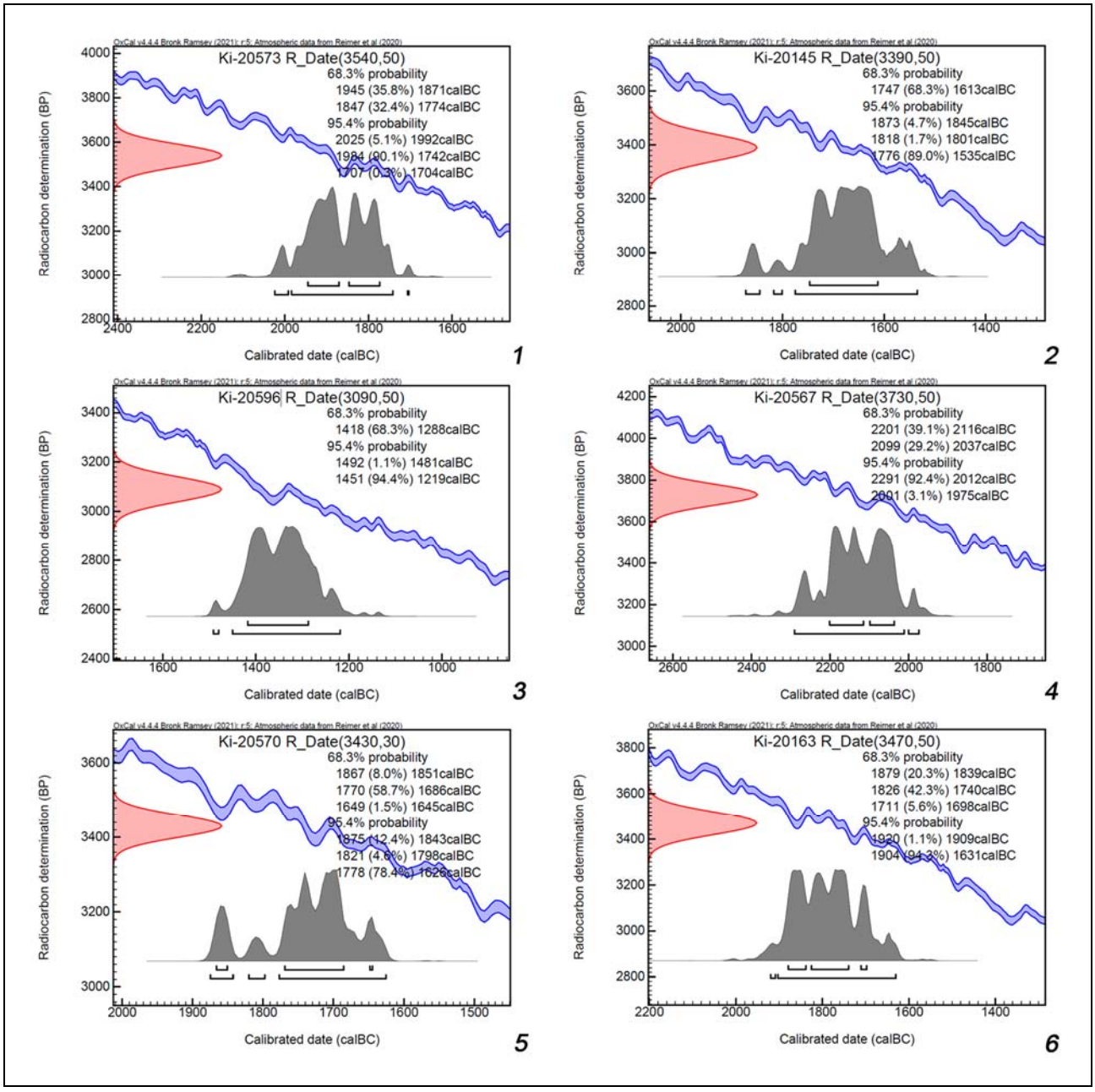


Рис. 13. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений позднего бронзового века из кургана Глиное/Плавни 1: *1* — погребение 1; *2* — погребение 15; *3* — погребение 16; *4* — погребение 19; *5* — погребение 22; *6* — погребение 23.

Fig. 13. Calibrated radiocarbon dates of the burials of the Late Bronze Age of barrow Glinoe/Plavni 1: *1* — grave 1; *2* — grave 15; *3* — grave 16; *4* — grave 19; *5* — grave 22 ; *6* — grave 23.

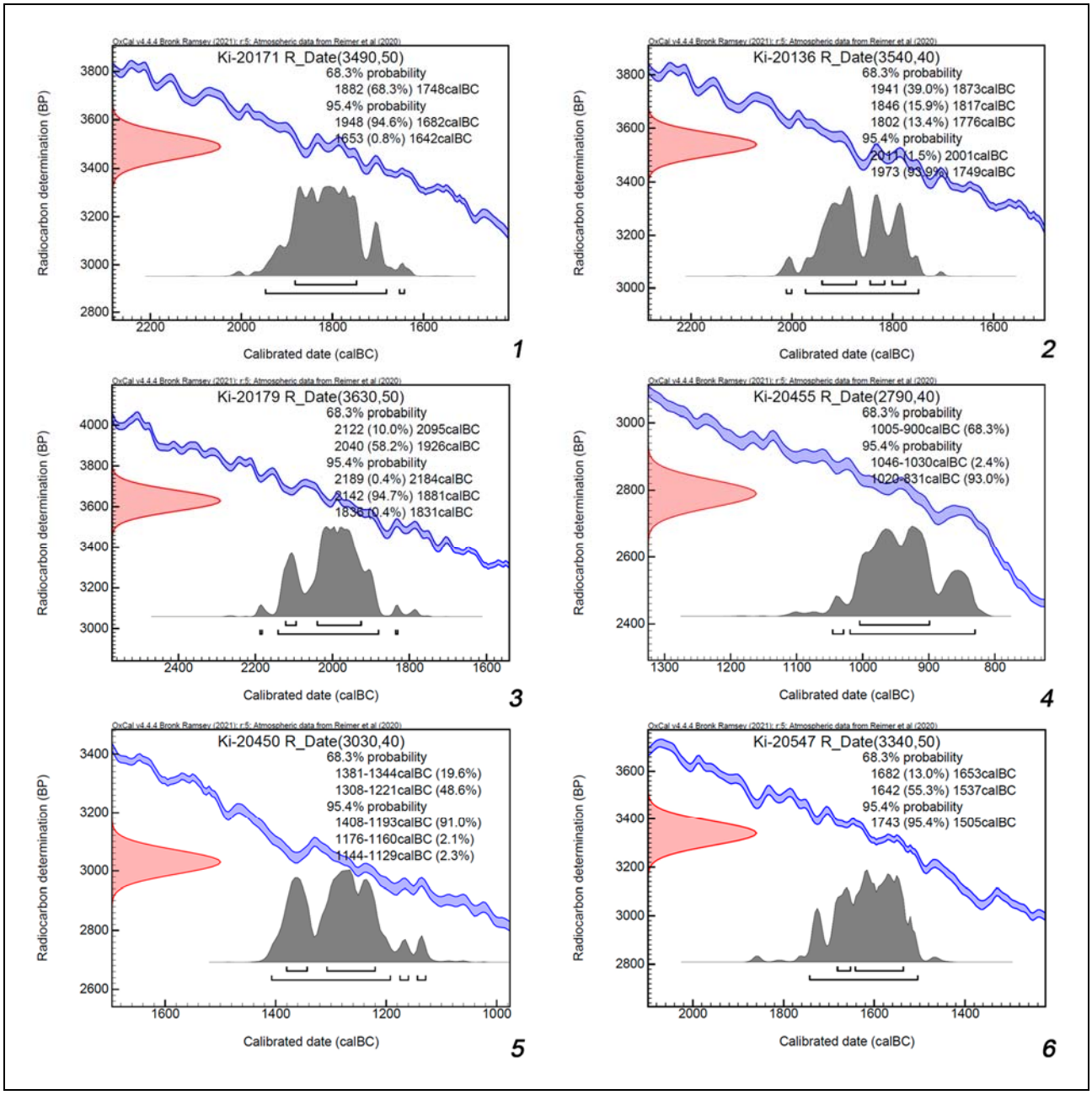


Рис. 14. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений позднего бронзового века из курганов Глиное/Плавни 1 и 2. Курган 1: *1* — погребение 25; *2* — погребение 26; *3* — погребение 27. Курган 2: *4* — погребение 1; *5* — погребение 3; *6* — погребение 15.

Fig. 14. Calibrated radiocarbon dates of the burials of the Late Bronze Age of barrow Glinoe/Plavni 1 and 2. Barrow 1: *1* — grave 25; *2* — grave 26; *3* — grave 27. Barrow 2: *4* — grave 1; *5* — grave 3; *6* — grave 15.

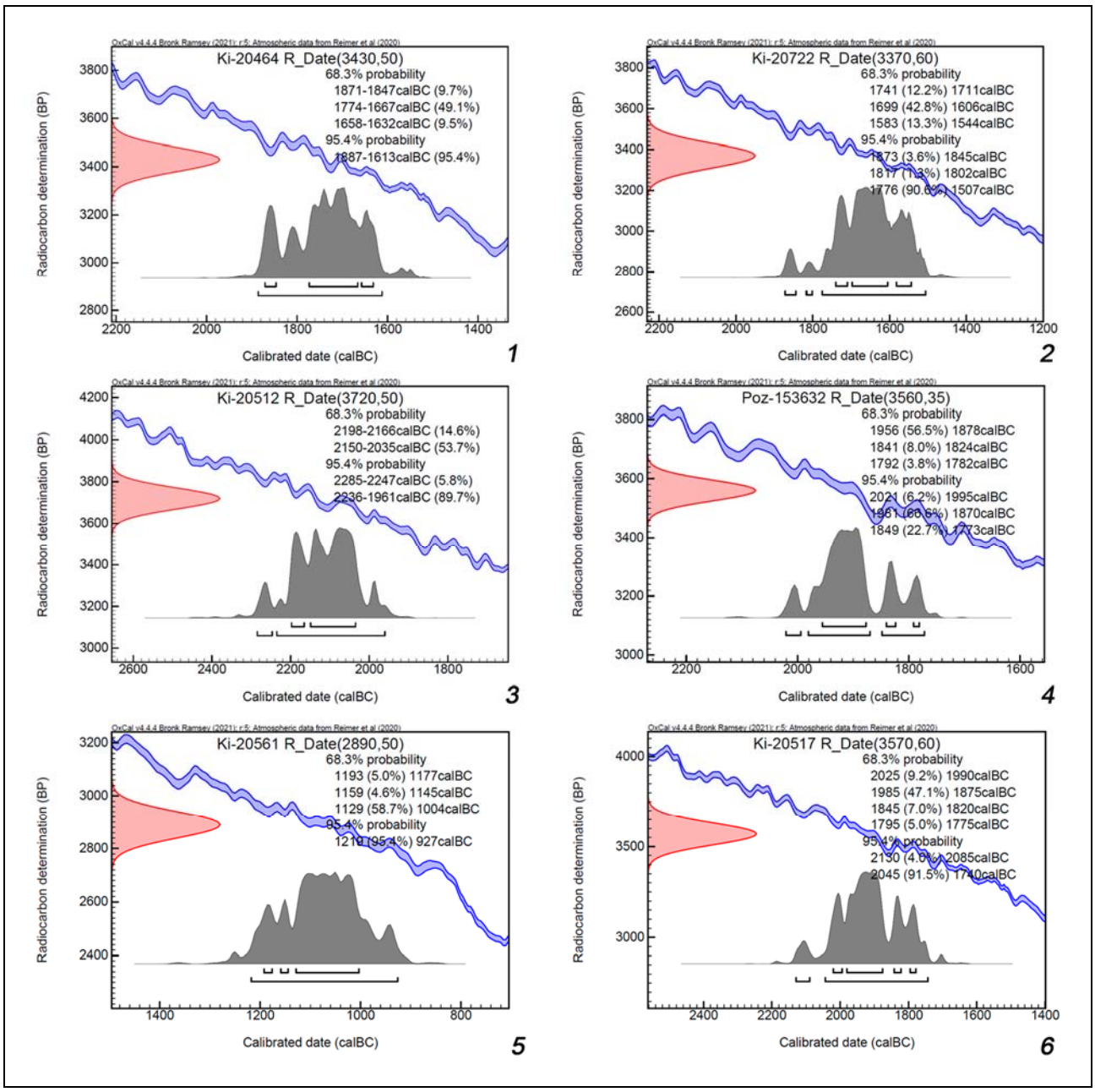


Рис. 15. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений позднего бронзового века из кургана Глиное/Плавни 2: *1—2* — погребение 7; *3—4* — погребение 10; *5* — погребение 11; *6* — погребение 12.

Fig. 15. Calibrated radiocarbon dates of the burials of the Late Bronze Age of barrow Glinoe/Plavni 2: *1, 2* — grave 7; *3, 4* — grave 10; *5* — grave 11; *6* — grave 12.

DOI: 10.53737/7216.2023.69.66.002

С.С. Лысенко

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ КОЛЕЦ С ВЫСТУПАМИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА*

Статья посвящена некоторым типам колец с выступами раннего железного века центральных, восточных и южных регионов Европы. Рассмотрены кольца с выступами, сгруппированными в розеточку из 2—5 выпуклин, кольца с выступами-ножками, на которых расположены 3—5 шариков, и некоторые кольца с одинарными выступами. В основу работы положена подборка из 188 колец, составлен каталог памятников, включающий 67 пунктов. Предложена типология таких изделий — выделено 2 отряда и 6 типов (с подтипами и вариантами).

Рассмотренные типы колец бытовали, в основном, с VI по III вв. до н. э., крайне редко — во II—I вв. до н. э. Основные ареалы их распространения — Северное Причерноморье и Балкано-Карпатский регион.

Ключевые слова: ранний железный век, украшения, кольца с выступами, кольца с розеточками, Северное Причерноморье, Балкано-Карпатский регион.

Сведения об авторе: Лысенко Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: sspssl2000@gmail.com.

S.S. Lysenko

SOME TYPES OF EARLY IRON AGE KNOBBED RINGS

The paper discusses some Early Iron Age knobbed ring types discovered in central, eastern and southern parts of Europe. Rings with 2 to 5 granules forming a rosette, those with pegs to which 3—5 beads are attached, and some with single knobs are considered. The research sample consists of 188 finds from 67 sites. A typology of the artifacts is proposed, with two orders, six ring types, and a series of subtypes and varieties. The knobbed ring types under study existed mainly from the 6th until the 3rd century BCE, while the youngest specimens are extremely rare and date back to the 2nd — 1st century BCE. The main areas of their distribution are the Northern Black Sea region and the Balkan-Carpathian region.

Key words: Early Iron Age, personal ornaments, knobbed rings, rosette rings, Northern Black Sea region, Balkan-Carpathian region.

About the author: Lysenko Svetlana Stanislavovna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: sspssl2000@gmail.com.

Статья посвящена рассмотрению колец с выступами, сгруппированными в розеточку из 2—5 выпуклин, колец с выступами-ножками, на которых расположены 3—5 шариков, и некоторых колец с одинарными выступами.

Такие кольца, как одиночные, так и в составе цепочек, встречаются достаточно часто в Северном Причерноморье, на Балканах, в Карпато-Дунайском регионе и эпизодически — на западе Малой Азии. В данную подборку мы включили 188 колец, некоторые из них — спаренные или строенные. Подчеркнем, что не ставим перед собой цель отыскать абсолютно

* Статья поступила в номер 13.08.2023 г.
Принята к печати 31.08.2023 г.

© С.С. Лысенко, 2023.

все подобные изделия — это довольно сложно осуществить, в частности из-за недоступности многих источников. Кроме того, распространившаяся в последние годы практика археологических разведок с помощью металлоискателя, добавляет каждый год всё больше «детекторных находок», за которыми сложно уследить. Тем не менее, составленная подборка даёт представление о разнообразии и распространении данной категории изделий.

Правда, существует внешне несколько сходная категория колец с выступами, которая явно относится к деталям конской сбруи или портупеи. Отличия состоят в форме выступов и/или их расположении — у колец-подвесок розеточки расположены по внешнему ободу кольца, а у колец из сбруи и портупеи розеточки находятся на «лицевой» плоскости кольца. Но главное отличие — это характерный выступ со шляпкой, являющийся, видимо, фиксатором ремня (например, Бидзиля и др. 1977: рис. 15: 15, 16).

Историография

Кольца с тремя—пятью одинарными выступами или выступами, сгруппированными в розеточки по 2—5 штук и распределёнными по внешней поверхности кольца, уже неоднократно рассматривались исследователями. Большинство из них просто упоминали эти изделия при публикации своих находок. Лишь немногие авторы рассмотрели такие кольца подробнее.

Б.Е. Деген писал о кольцах с выступами, как о «загадочных предметах» и подчёркивал ошибочность смешивания различных категорий предметов — колец «с выступами по периферии в плоскости кольца» и колец «с несколькими шариками или рогатыми выступами, выходящими из плоскости кольца в бок» (Деген 1940: 93—94). Несмотря на это, на наш взгляд, абсолютно правильное замечание, многие исследователи до сих пор приводят в качестве аналогий кольцам с розеточками — кольца с выступами в трёх плоскостях (по три выступа в ряд).

В.А. Ильинская собрала и обработала довольно разрозненные и не всегда опубликованные результаты исследований курганов Посулья конца XIX — начала XX вв. Отдельным пунктом она рассматривает встреченные там «бронзовые кольца с шипами» (Ильинская 1968: 148).

А.И. Мелюкова, прослеживая элементы сходства скифской и фракийской культур в обрядах и вещах, тоже уделяет особое внимание «кольцам с шариками». Она даёт подборку таких колец с рисунками (Мелюкова 1979: 227—229, рис. 48).

Анализируя материалы Золотобалковского могильника, С.В. Полин довольно подробно останавливается на кольцах с выступами, их аналогиях и датировках, не различая их по типам (Полин 2014: 74—75).

Рассматривая находки из могильника Глиное, В.С. Синика так же приводит подробный анализ колец с выступами (Синика и др. 2021: 357—358).

Известные типологии колец с выступами И. Глодариу (Glodariu 1984) и М. Дембец — М. Карвовски (Dębiec, Karwowski 2016) либо не затрагивали, либо почти не затрагивали рассматриваемые нами типы. У М. Дембец и М. Карвовски имеются всего 4 кольца, которые мы тоже задействуем: Сеземице-над-Лучнова[1] и Тржисов — тип IA — «Равномерно распределённые группы узлов по три, один на внешней поверхности кольца и два по его бокам»; Жданице — тип IB — «Узлы группами по три, один на внешней поверхности кольца и два по бокам, чередующиеся с одиночными узлами на внешней поверхности кольца»; Оберлейзерберг — тип IC — «Отдельные узлы на внешней поверхности кольца, иногда чередующиеся группами по два» (Dębiec, Karwowski 2016: 117—120, 135—138, fig. 3: 29 и 20: 41; 5: 58; 17: 61 — соотв.).

[1] Ссылки на источники по памятникам и на наши иллюстрации даны в каталоге.

Как ни странно, В.Г. Петренко в своём исследовании украшений Скифии тоже не рассматривала большинство таких колец — она включила в свою работу только четыре кольца с выступами — и все они с одинарными выступами и петельками: Балки (курган 16 и курган 27, погребение 4), Красный Перекоп (2 шт. из кургана 4, погребение 2) и Роменский уезд (Петренко 1978, табл. 23: 24; 26: 16, 23; 27: 45 — соотв.). Она отнесла эти кольца к категории — Серьги: Тип 27/6 — «серьги в виде гладкого кольца с нанизанной на него подвеской» (Петренко 1978: 36).

Некоторую типологизацию для рассматриваемых нами колец провёл Э. Москалу. Он предложил разделение таких колец на 2 типа: **1/a.** — Одинарные или двойные кольца, украшенные группами из трёх выступов; **1/b.** — Кольца с тремя выступами, закреплёнными на постаменте (Moscalu 1990: 149—150).

Имеющаяся у нас подборка ставит вопрос о необходимости разработки расширенной и более подробной типологии колец с выступами.

Построение цифрового обозначения типов

Прежде всего, нужно определиться с расположением выступов — находятся ли они в одной плоскости с кольцом или в трёх разных плоскостях.

Отряды

I.			

I. — выступы расположены в одной плоскости с кольцом — только на внешней поверхности.

III.[2] **— выступы расположены в трёх плоскостях** — на внешней поверхности кольца и на двух боковых поверхностях.

Выделенные нами типы действительны для обоих отрядов.

Типы

	1.		

Главным критерием выделения типов, на наш взгляд, является внешний вид выступов — одинарные они или сгруппированы (и из скольких выступов состоит группа). Выступы бывают: **1. —** одинарные; **2.**; **3.**; **4.**; **5. —** сгруппированные по 2—5 штук; и **6.** — выступы на ножках.

Подтипы

		3	

Далее следует количество выступов (или групп выступов) на кольце. Так как выступов или групп выступов на кольцах бывает, как правило, не менее трёх, цифра обозначения этого параметра начинается сразу с «**3**».

[2] Т.к. цифры в обозначениях типов несут смысловую нагрузку, некоторые из них опускаются.

Варианты

			(2)

Следующее обозначение показывает варианты: спаренность **(2)**, строенность **(3)** или наличие петельки **(п)**.

Не имеет смысла выделять отдельные типы из явно бракованных изделий. Поэтому, при делении на типы, там где это возможно, учитывались и «недостающие» детали.

Так как для **типа 6** главный параметр — ножка **(6.)** — а после него идёт количество выступов на ножке и количество ножек на кольце, то цифровое обозначение этого типа удлиняется на один знак.

I.	**6.**			

Смешанные типы

I.	**3.**	**3**	+	**III.**	**1.**	**3**

Встречаются изделия, на которых присутствуют выступы сразу нескольких типов — например, розеточки (строенные выступы на внешней поверхности кольца) чередуются с тремя выступами в ряд (выступы в трёх плоскостях). В таких случаях при цифровом обозначении указываются оба типа со значком «+». При этом, неважно какой именно тип поставлен первым — перемена мест слагаемых, как известно, суммы не меняет.

Типология

Отряд I

Тип I.1. Кольца с одинарными выступами

Таких колец учтена 51 штука: 7 одиночных (из них 4 отлиты с петелькой) и 44 — в составе пары (22 пары).

I.1.3 — Три кольца имеют три одинарных выступа по внешней поверхности: колечко с сохранившейся проволочной петелькой из **Балки** (курган 16); **Глиное-Водовод** (курган 7, погребение 2); и разомкнутое кольцо из **Золотой Балки** (курган 13, погребение 5);

I.1.3(п) — Ещё четыре таких кольца отлиты с петелькой, причём у всех петелька расположена в том месте, где мог бы быть четвёртый выступ — два кольца из **Красного Перекопа** (курган 4, погребение 2); **Первомаевка** (курган 4, погребение 2); и колечко с продетым в петельку проволочным кольцом из с. **Балки** (курган 27, погребение 4);

I.1.3(2) — Спаренных колец с тремя одинарными выступами учтено 13 пар: по одной паре из **Аксютинцев** (1897—1899 гг.); **Близнеца-2**; **Ильинки** (курган 4, погребение 1); **Лубнов**; **Нового** (курган 6, погребение 2); **Носаков** (курган 13); **Трои**; **Частых курганов** (курган 6); одна из пар **Греции**; одна из пар **Роменского уезда**; две пары из **Энеи** (гробницы V и VI); и пара из **Богдановки** (курган 3, погребение 2), где спарены кольцо с выступами и кольцо без видимых на рисунке выступов, но явно отлитое с браком[3];

[3] Т.к. других таких пар не встречено, а в этой паре одно кольцо бракованное, то мы предполагаем, что выступы на нём просто не вылились при литье.

I.1.4(2) — Спаренных колец с четырьмя одинарными выступами по внешней поверхности учтено 16 шт. (8 пар): две пары из **Аксютинцев** (1897—1899 гг.); вторая из пар Роменского уезда; ещё две пары колец из **Греции**; и по одной паре из «**Македонских бронз**»; **Махревичей**; **Старого Мерчика** (курган 3, погребение 1);

I.1.5(2) — Спаренные кольца с пятью одинарными выступами: учтена одна пара неизвестного происхождения из **Миштиче**.

Этот тип встречается в Северном Причерноморье и Эгейской Македонии, а эпизодически — в Троаде, Центральных Балканах, Верхнем Подонцовье и Среднем Подонье. Редкий подтип был найден в Закарпатье (карта 1).

Наиболее древними в этом типе являются спаренные кольца с тремя и с четырьмя одинарными выступами (**I.1.3(2)** и **I.1.4(2)**) из Эгейской Македонии и Центральных Балкан: 3 пары колец из Греции, имеющих широкую датировку — VIII—VI вв. до н.э.[4] и пара из «Македонских бронз» с более узкой датой — первая половина VI в. до н.э. Две пары из Энеи (гробницы V и VI) датируются первой четвертью V в. до н.э. По-видимому, в этих же границах можно датировать и пару колец из верхних слоёв Трои. Немногим позже именно эти подтипы появляются в Посулье: пара из Лубнов и три пары из Аксютинцев (раскопки 1897—1899 гг.) — V в. до н.э. И ещё две пары, утратившие контекст, но происходящие из тех же Посульских курганов — Роменский уезд — по-видимому, датируются так же. В Нижнем Поднепровье эти подтипы представлены, начиная с последних десятилетий V в. до н.э. — это пара из кургана Близнец-2. Началом IV в. до н.э. датировано погребение из Богдановки (курган 3, погребение 2), а второй—третьей четвертью IV в. до н.э. — Старый Мерчик (курган 3, погребение 1). Комплексы Ильинка (курган 4, погребение 1) и Новое (курган 6, погребение 2) датируются IV в. до н.э.

Рубежом V—IV вв. до н.э. в Нижнем Поднепровье датирован комплекс с кольцом, снабжённым тремя одинарными выступами и петелькой для подвешивания (**I.1.3(п)**) — Первомаевка (курган 4, погребение 2). А два кольца этого же подтипа из Красного Перекопа (курган 4, погребение 2) — серединой IV в. до н.э.

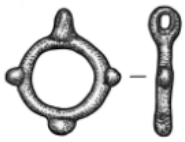
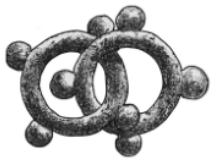
Одиночные кольца этого типа (**I.1.3)** появляются в нижнем течении Днепра и Днестра, и датируются концом IV — началом III в. до н.э. — Глиное-Водовод (курган 7, погребение 2) и второй четвертью — серединой IV в. до н.э. — Золотая Балка (курган 13, погребение 5).

Остальные изделия этого типа не датированы.

Можно отметить более профессиональное исполнение изделий с Балкан и Закарпатья — у них правильные формы кольца и шаровидных выступов. Кольца из Северного Причерноморья изготовлены менее художественно. А вот варианты одиночных колец этого типа и колец с петельками на Балканах мы пока не встретили. Совершенно другое исполнение и наличие дополнительных вариантов в сочетании с несколько иными датами могут говорить о развитии в Северном Причерноморье местного производства таких колец.

[4] Ссылки на имеющиеся датировки комплексов даны в каталоге. Как правило, мы используем датировку всего комплекса в целом, приведённую при публикации материала или в аналитических работах. К сожалению, не все находки подлежат хронологическому определению.

Таблица 1. **Тип I.1 — Кольца с одинарными выступами**

Образец	Тип	Регион	Датировка
	I.1.3	Низовья Днестра и Днепра	вторая четверть IV — начало III в. до н.э.
	**I.1.3(п)**	Нижнее Поднепровье	рубеж V—IV вв. до н.э.
	I.1.3(2)	Эгейская Македония + Троада	VI — первая четверть V вв. до н.э.
		Посулье + Средний Дон	V в. до н.э.
		Нижнее Поднепровье	конец V — IV вв. до н.э.
	**I.1.4(2)**	Эгейская Македония + Центральные Балканы	VI в. до н.э.
		Посулье	V в. до н.э.
		Верхнее Подонцовье	вторая—третья четверть IV в. до н.э.
	I.1.5(2)	Закарпатье	?

Тип I.2. Кольца с розеточками из сдвоенных выступов

Таких колец учтено 49 штук: 13 одиночных; 12 — в составе пары (6 пар) и 24 в составе строенных цепочек (8 цепочек).

I.2.3. — Одиночных колец с тремя розеточками из сдвоенных выступов учтено 14 штук. Они были найдены: в погребениях **Аполлонии** (два кольца — из погребения 92 и два кольца — из погребения 102); два колечка в **Николаевке** (погребение 9); и по одному кольцу в **Ильинке** (курган 4, погребение 4); **Стельнице-Градиштя Маре** (могила 78); **Усть-Каменке** (курган 2, погребение 1); **Чауше** (курган 4, погребение 1); **Широком** (курган 26, погребение 1); и **Янково** (курган 2, погребение 1);

I.2.3(2) — Спаренные кольца с тремя розеточками из сдвоенных выступов — 12 штук (6 пар) — известны в погребениях **Богдановки** (курган 3, погребение 2); **Муригиола** (могила 5); две пары из **Ольвии** (могилы 63 и 74-1910 г. — рисунок есть только для одной пары); и две пары колец были найдены в погребении **Глиное-Водовод** (курган 14, погребение 3);

I.2.3(3) — Строенные кольца с тремя розеточками из сдвоенных выступов — 24 штуки в составе 8 цепочек — происходят из могильников **Глиное-Водовод** (курган 14, погребение 3); **Николаевка** (погребение 9); по одной цепочке из строенных колец из погребений в **Градешке** (курган 7а, погребение 1 и курган 15, погребение 1); три трёхзвенных цепочки из урновой кремации в **Чукурове**; и детекторная находка из **Мургени**;

I.2.3(3п) — Единственная цепочка из строенных колец с тремя розеточками из сдвоенных выступов, имеющая ещё и отлитую вместе с ней петельку — **Фанагория** (плитовая могила 1) — одно из колец цепочки имело петельку.

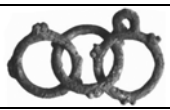
Отметим, что количество розеточек со сдвоенными выступами на всех кольцах равно трём. А расстояние между розетками редко бывает одинаковым.

Данный тип довольно компактно локализуется в Северном и Западном Причерноморье. Причём, в Западном Причерноморье нам известны только одинарные кольца со сдвоенными выступами. А все три варианта — одинарные, парные и строенные кольца найдены в низовьях Дуная, Днестра, Южного Буга и Днепра, и одна тройная цепочка на Тамани.

Так как разные варианты данного типа зачастую встречаются в одних и тех же погребениях, датировки у них примерно одинаковые. Самыми ранними из них являются спаренные кольца из Ольвии (могила 74-1910 г.) — конец V — начало IV вв. до н.э. Началом IV в. до н.э. датирована пара из Богдановки (курган 3, погребение 2). Две пары и одна тройка колец из Глиное-Водовод (курган 14, погребение 3) датируются второй четвертью IV в. до н.э. А одиночные колечки из Чауша (курган 4, погребение 1) и Стельница-Градиштя Маре (могила 78) — второй половиной IV в. до н.э. Комплекс из Николаевки (погребение 9) с набором из двух одинарных колец и строенной цепочки датируется третьей четвертью IV в. до н.э. Так же к IV в. до н.э. отнесена ещё одна пара из Ольвии (могила 63-1910 г.), колечко из Ильинки (курган 4, погребение 4), два колечка из Аполлонии (погребение 102), и видимо, этим же временем можно датировать и второе погребение с такими кольцами в Аполлонии (погребение 92). Найденная в Муригиоле (могила 5) пара и колечко из Янково (курган 2, погребение 1) датированы концом IV — началом III вв. до н.э. В Градешке две строенные цепочки (курган 7а, погребение 1 и курган 15, погребение 1) захоронены в первой половине III в. до н.э. Самой поздней оказалась наиболее удалённая от всех остальных тройная цепочка с петелькой из Фанагории (плитовая могила 1), датируемая концом II — началом I вв. до н.э.

Таким образом, тип встречается в IV — начале III вв. до н.э. в Западном Причерноморье, в Низовьях Дуная, Днестра, Южного Буга и Днепра, а в конце II — начале I вв. до н.э. зафиксирован в низовьях Кубани. Учитывая большее разнообразие вариантов на северо-западном и северном побережье Чёрного моря, можно предполагать, что именно там они и производились. В целом, это исключительно Причерноморский тип (карта 2).

Таблица 2. **Тип I.2 — Кольца с розеточками из сдвоенных выступов**

Образец	Тип	Регион	Датировка
	I.2.3	Западное Причерноморье, низовья Дуная, Днестра и Днепра	IV — начало III вв. до н.э.
	I.2.3(2)	Низовья Дуная, Днестра, Южного Буга и Днепра	IV — начало III вв. до н.э.
	I.2.3(3)	Низовья Дуная и Днестра	вторая четверть IV — III вв. до н.э.
	**I.2.3(3п)**	Низовья Кубани	конец II — начало I вв. до н.э.

Тип I.3. Кольца с розеточками из трёх выступов

Выступы сгруппированы по три: располагаясь либо все три — на внешней поверхности кольца, либо пирамидкой, плотно прилегая друг к другу.

Таких колец учтено 39 штук: 17 одиночных (из них 8 с петелькой); и 22 — в составе пары (11 пар).

I.3.2(п) — Учтено только 2 кольца с двумя розеточками из трёх выступов, причём, оба — в варианте с петелькой — **Басовка** (курган А), правда здесь не совсем понятно отлита ли петелька вместе с кольцом или припаяна и кольцо из **Роменского уезда**, явно отлитое с браком — недолита нижняя часть кольца;

I.3.3 — Учтено 8 одиночных колец с тремя розеточками из трёх выступов: **Гайманова могила** (гр.3); **Глиное-Сад** (курган 8, погребение 2); **Капитановка** (курган 487, склеп 2); **Панагюриште**; **Чаплин**; очень маленькое колечко из **Несебра**; золотое кольцо из погребения в **Синеморце**; и серебряное кольцо с гравированными поперечными линиями и розеточками в виде пирамидки из трёх шариков из погребения в **Одесосе**;

I.3.3(п) — Учтено 4 кольца с тремя розеточками из трёх выступов, имеющих петельку **— Золотая Балка** (курган 13, погребение 5); **Сеньковка** (курган 14); **Каиры** (курган 2, погребение 2); и одно из колец кургана **Мгарь**;

I.3.3(2) — Учтено 20 спаренных колец с тремя розеточками из трёх выступов (10 пар): по одной паре в **Бедняково**; **Брезово**; **Ильинке** (курган 4, погребение 6); **Чукурове**; **Мастюгино** (курган 5); две пары, связанные с крупной бусиной из **Кириковки** (курган 12, погребение 4); разомкнутая пара из урочища **Носаки** (курган 4, погребение 3); беспаспортные кольца из «**Северного Причерноморья**» и очень похожая на них пара из Волковцев (курган 1);

I.3.4(п) — 3 кольца с четырьмя розеточками из трёх выступов, снабжённые петелькой — **Волковцы** (курган 1) и два кольца из кургана **Мгарь**, имеющих необычное расположение выступов в розеточках.

Учтено так же 2 кольца смешанных типов:

I.3.3 + III.3.3 — кольцо смешанного типа, имеющее 3 розетки из строенных выступов, чередующиеся с тремя группами выступов в трёх плоскостях из **Чорнице**;

I.3.4 + III.3.4 — кольцо смешанного типа, имеющее 4 розетки из строенных выступов, чередующиеся с четырьмя группами выступов в трёх плоскостях: кольцо с несколькими недолитыми выступами из **Сеземице-над-Лучнова**.

Тип **I.3** встречен в Западном и Северном Причерноморье. Причём, если в бассейне Марицы и низовьях Днестра и Дуная встречены, в основном, только одиночные колечки со строенными розеточками и всего две пары спаренных таких колец, то в Поднепровье к этим вариантам добавляются ещё и колечки с петелькой. А в Посулье встречены уже все варианты, кроме одиночных колец без петельки (карта 3).

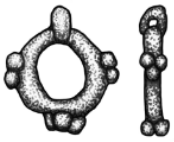
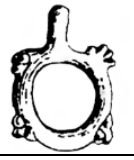
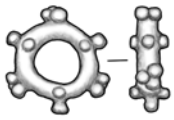
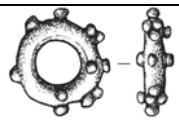
Самыми ранними оказались находки из Посулья: кольцо с тремя и два кольца с четырьмя тройными розеточками и петельками (**I.3.3(п)** и **I.3.4(п)**) из кургана Мгарь, отнесённые к середине — второй половине V в. до н.э., и колечко с двумя розеточками и петелькой (**I.3.2(п)**) из Басовки (курган А) — к последней трети V в. до н.э. В пределах первой половины IV в. до н.э. датируется Гайманова могила (гробница 3) в Нижнем Поднепровье, содержавшая колечко с тремя розеточками (**I.3.3**). В том же регионе — в Золотой Балке (курган 13, погребение 5), датированной второй четвертью — серединой IV в. до н.э. — было найдено колечко с петелькой (**I.3.3(п)**). Спаренные кольца (**I.3.3(2)**) из Мастюгино (курган 5) в Подонье и из курганов в Бедняково и Брезово, а так же колечко (**I.3.3**) из Панагюриште бассейна Марицы — датируются второй четвертью IV в. до н.э. Колечко (**I.3.3**) из Глиное-Сад (курган 8, погребение 2) в Нижнем Поднестровье датировано последней четвертью IV в. до н.э. К IV в. до н.э. отнесены: колечко (**I.3.3**) из Капитановки (курган 487, скелет 2) и колечко с петелькой (**I.3.3(п)**) из Сеньковки (курган 14) в Среднем Поднепровье; пара колец (**I.3.3(2)**) из урочища Носаки (курган 4, погребение 3), пара из Ильинки (курган 4, погребение 6), колечко с петелькой и спаренные кольца (**I.3.3(п)** и **I.3.3(2)**) из Каиров (курган 2, погребение 2) из Нижнего Поднепровья. Более поздние даты имеют: спаренные кольца с розеточками (**I.3.3(2)**) из низовий Дуная — Чукурова — III в. до н.э.; одиночные колечки с розеточками (**I.3.3**) с Западного побережья Чёрного моря из: Синеморца — середина III в. до н.э.; Несебра — в границах III в. до н.э.; и необычное кольцо из Одесоса — II в. до н.э.

Более ранние даты и большее разнообразие вариантов в Поднепровье и, особенно, в Посулье, позволяют говорить о местном производстве.

Оба кольца смешанных типов — **I.3.3 + III.3.3** — кольцо смешаного типа, имеющее 3 розетки из строенных выступов, чередующиеся с тремя группами выступов в трёх

плоскостях; и **I.3.4 + III.3.4** — кольцо смешанного типа, имеющее 4 розетки из строенных выступов, чередующиеся с четырьмя группами выступов в трёх плоскостях найдены в Богемии и демонстрируют разнообразие типов изделий, характерное для этой местности. Так как оба кольца являются детекторными находками, своей даты они не имеют.

Таблица 3. **Тип I.3. Кольца с розеточками из трёх выступов**

Образец	Тип	Регион	Датировка
	I.3.2(п)	Посулье	последняя треть V в. до н.э.
	I.3.3	Верхнее, Среднее и Нижнее Поднептровье, низовье Днестра, бассейн Марицы	IV в. до н.э.
		Западное побережье Чёрного моря	III—II вв. до н.э.
	I.3.3(2)	бассейн Марицы, Нижнее Поднепровье, Посулье, Средний Дон	IV в. до н.э.
		Низовья Дуная	III в. до н.э.
	**I.3.3(п)**	Нижнее и Среднее Поднепровье + Посулье	середина — вторая половина V — IV вв. до н.э.
	**I.3.4(п)**	Посулье	середина — вторая половина V в. до н.э.
	**I.3.3 + III.3.3**	Богемия	?
	**I.3.4 + III.3.4**	Богемия	?

Тип I.4. Кольца с розеточками из четырёх выступов

Выступы сгруппированы по четыре, плотно прилегают друг к другу.

Тип представлен семью кольцами, из них 4 — в парах (2 пары).

I.4.3. — Учтено 2 кольца с тремя розеточками из четырёх выступов: **Ольвия** (гробница 7, погребение 3); **Осняги** (курган 5);

I.4.3(2) — Ещё 4 спаренных кольца (2 пары) с тремя розеточками из четырёх выступов — обе пары из золота — **Бердянский курган**; **Марьевская**;

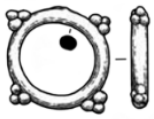
I.4.4. — Кольцо с четырьмя розеточками из четырёх выступов учтено только одно — **Моравске Бране**;

Из семи колец типа **I.4** — шесть найдены в Северном Причерноморье и одно — в Восточных Судетах. Причём, опять фиксируем Посулье и низовье Южного Буга. И появляются ещё Северное Приазовье и Кубань (карта 4).

Одиночное колечко (**I.4.3**) из Осняг (курган 5) датировано последней четвертью V — первой четвертью IV вв. до н.э. Спаренные кольца с тремя розеточками из четырёх выступов (**I.4.3(2)**) датируются: Бердянский курган — рубежом V—IV вв. до н.э.; Марьевская — IV в. до н.э.

В целом, тип слишком немногочисленный, чтобы можно было делать выводы. Примечательно только то, что обе спаренные цепочки сделаны из золота.

Таблица 4. **Тип I.4 — Кольца с розеточками из четырёх выступов**

Образец	Тип	Регион	Датировка
	I.4.3	Низовья Южного Буга, Посулье	последняя четверть V — первая четверть IV вв. до н.э.
	I.4.3(2)	Северное побережье Азовского моря, низовья Кубани	рубеж V—IV вв. до н.э.
	**I.4.4**	Верховье Одера	?

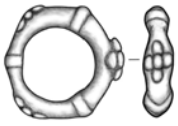
Тип I.5. Кольца с розеточками из пяти выступов

Тип представлен всего двумя кольцами одного подтипа.

I.5.3. — 2 кольца с розеточками, образованными пятью выступами, происходят: из погребения в **Песочине** (курган 9) и с поселения **Оберлейзерберг**, где кольцо имеет дополнительные элементы декора между розетками.

Географически эти два кольца разнесены максимально далеко друг от друга. Из двух колец данного типа одно найдено в бассейне Северского Донца и датируется в пределах конца V — первой половины IV вв. до н.э. А второе — найдено в Среднем Подунавье и даты не имеет (карта 5).

Таблица 5. **Тип I.5 — Кольца с розеточками из пяти выступов**

Образец	Тип	Регион	Датировка
	I.5.3	Бассейн Северского Донца	в пределах конца V— первой половины IV вв. до н.э.
	**I.5.3**	Среднее Подунавье	?

Тип I.6. Кольца с выступами-ножками

Выступами-ножками названы выступы, на которых расположены дополнительные выпуклины.

Учтено 40 колец такого типа, из них 32 в парах (16 пар).

I.6.3.3 — кольцо с тремя выступами-ножками, на которых расположены по 3 выпуклины, не в спаренном варианте учтено только одно — **Требениште** (погребение VI). Однако, учитывая парность всех остальных таких колец, нельзя исключать, что это кольцо просто утратило свою пару;

I.6.3.3(2) — Учтено 14 спаренных колец с тремя выступами-ножками, на которых расположены по 3 выпуклины (7 пар) — одна из пар **Греции**; и шесть пар колец из **Требениште** (погребение II; погребение III; две пары из погребения VIII и две пары из погребения X (в погребении X рисунок есть только для одной пары));

I.6.4.3 — Кольцо с четырьмя выступами-ножками, на которых расположены по 3 выпуклины — вне пары нам известно только одно — Альсотелекс. Но учитывая его деформацию и разомкнутость, парное ему кольцо могло быть утрачено;

I.6.4.3(2) — Учтено 12 штук (6 пар) спаренных колец с четырьмя выступами-ножками, на которых расположены по 3 выпуклины — четыре пары из **Требениште** (по две пары в погребениях VI и VII); и две пары из клада в Дренкове;

I.6.4.5 — Подтип представлен одним кольцом с четырьмя выступами-ножками, на которых расположены по пять выпуклин — из погребения в **Чаварин** (курган IV);

I.6.4.5(2) — Спаренные кольца с четырьмя выступами-ножками, на которых расположены по пять выпуклин известны из **Требениште** (погребение X), и по-видимому, их там было 2 пары (4 шт.), хотя рисунок есть только для одной пары;

I.6.5.3(2) — спаренные кольца с пятью выступами-ножками, на которых расположены по три выпуклины нам известны только в собрании Ханенко — из **Среднего Поднепровья**. Причём, ножки здесь не выражены — скорее имеют вид небольшого постаментика. А выпуклины—шарики сгруппированы в перевёрнутую пирамидку и свисают с постаментиков в разные стороны. Отметим, что данные изделия по характеру розеточки сближаются с кольцами из Мастюгино (**I.3.3(2)**);

I(б).6.3.3(п) — Учтено одно кольцо с нехарактерным расположением выступов-ножек — только на одной, причём, боковой (**I(б)**) поверхности кольца — **Аксютинцы** (курган 5). Традиционно такие изделия относят к сбруе, но у данного колечка имеется петелька, благодаря которой его причисляют к украшениям. Возможно, вторичное использование.

В нашей подборке есть 2 кольца смешанного типа:

I.6.3.4 + I.1.3 — три выступа-ножки с четырьмя шариками чередуются с тремя одинарными выступами — одно из колец найденных в **Махревичах**;

III.6.3 + I.6.3.3 — три группы выступов-ножек в трёх плоскостях (с тремя шариками на каждой ножке) чередуются с тремя такими же выступами-ножками, но в одной плоскости — это находка из урновой кремации в **Жданице**.

Отряд III

В данной подборке учтено только два кольца этого отряда. И оба они отнесены к **Типу 6.** Данный тип выступов именно в трёх плоскостях чаще встречается среди браслетов.

III.6.4.3 — Фрагмент кольца с четырьмя выступами-ножками, расположенными в трёх плоскостях и украшенными тремя шариками, с городища **Тржисов**;

III.6.4.4 — Кольцо с четырьмя выступами-ножками, расположенными в трёх плоскостях и украшенными четырьмя шариками, из детекторных находок в **Чиста-Брленке**.

Тип **6** (в обоих отрядах — **I** и **III**) почти полностью локализуется в Карпато-Балканском регионе. Причём, основная масса — не просто на Балканах, а на одном памятнике — Требениште (25 шт.) (карта 6). Единственная пара колец типа **I.6.5.3(2)** найдена в Среднем Поднепровье, а единственное кольцо, отнесённое к типу **I(б).6.3.3(п)** — в Посулье. Но они скорее являются исключениями.

Пара из Греции в источнике имеет общую дату для всей витрины — VIII—VI вв. до н.э., но, по-видимому, мы можем уточнить её до VI вв. до н.э. Две пары из клада в Дренкове и

кольцо из Альсотелекса датируются второй половиной VI — V вв. до н.э. Все кольца из Требениште датированы третьей четвертью VI — началом V вв. до н.э. Особое кольцо из Аксютинцев (курган 5) имеет дату — середина – третья четверть IV в. до н.э.

Таблица 6. **Тип 6 в отрядах I и III — Кольца с выступами-ножками**

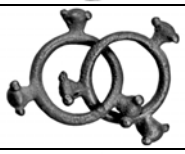
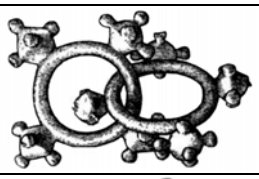
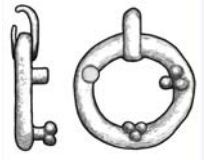
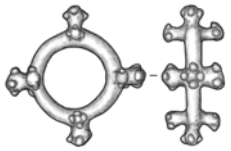
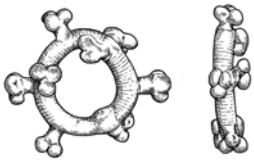
Образец	Тип	Регион	Датировка
	I.6.3.3	Центральные Балканы	третья четверть VI — начало V вв. до н.э.
	**I.6.3.3(2)**	Центральные Балканы	третья четверть VI — начало V вв. до н.э.
	I.6.4.3	Западные Карпаты	вторая половина VI — V вв. до н.э.
	I.6.4.3(2)	Центральные Балканы и Южные Карпаты	вторая половина VI — V вв. до н.э.
	I.6.4.5	Центральные Балканы	?
	**I.6.4.5(2)**	Центральные Балканы	третья четверть VI — начало V вв. до н.э.
	I.6.5.3(2)	Среднее Поднепровье	?
	**I(б).6.3.3(п)**	Посулье	середина — третья четверть IV в. до н.э.
	I.6.3.4 + I.1.3	Центральные Балканы	?
	III.6.4.3	Богемия	

Таблица 6. **Тип 6 в отрядах I и III — Кольца с выступами-ножками (продолжение)**

Образец	Тип	Регион	Датировка
	**III.6.4.4**	Богемия	II—I вв. до н.э.
	**III.6.3.3 + I.6.3.3**	Моравия	?

* * *

Э. Москалу, рассматривая кольца и браслеты с выступами из фрако-гетской и скифской среды, писал: «Основным ареалом распространения изделий этого типа, известным до сих пор, является фрако-гетский ареал на южных Балканах, в северо-восточной Болгарии и Добрудже, но самыми северными являются экземпляры из скифских гробниц в Мастюгино, Журовке[5] и Басовке. Это дает нам право считать их частями, общими для фрако-гетов и скифов, но их единственным производителем являются греки из городов фрако-гетов и скифского побережья Черного моря» (Moscalu 1990: 149). Наше исследование может дополнить и уточнить его выводы по некоторым из типов колец. Действительно, распространение таких колец тяготеет к Черноморскому побережью, но так же и к Поднепровью и Посулью. Немного отличающиеся формы, большее разнообразие вариантов и, в некоторых случаях, несколько иные даты могут говорить о местном производстве этих изделий, наряду с производством в Балканском регионе.

В отечественной литературе принято считать, что такие кольца производились в Северном Причерноморье из-за находки в Ольвии двух литейных форм (Фурманская 1958: рис. 2: 1, 2). Однако, на этих литейных формах негативы колец совершенно другого типа — они имеют 6 и 10 одинарных выступов. В данной подборке мы эти типы не затрагиваем.

Отметим, что кольца типа **I.2.3** — со сдвоенными выступами (например, кольца из Глинянского могильника) имеют литейные швы — их явно отливали в двухсоставной литейной форме. Остальные, по-видимому, были изготовлены по восковой модели.

Назначение колец с выступами довольно долго было предметом дискуссий. Б.Е. Деген писал, что «С несомненной очевидностью «загадочные» парные металлические кольца с выступами служили для подвешивания оружия к поясному или ... наплечному ремню, типа портупеи». Он ссылается на то, что из семи грунтовых могил воинов, погребённых в полном вооружении в Требениште, при четырёх найдены парные кольца из бронзы с тремя или четырьмя сложными шишечками, при двух по одной паре, и ещё при двух — по две пары «... как и в Кириковском кургане № 12». И все они лежали в непосредственной близости от железного меча. «Именно такое применение их мы встречаем и в Кириковском кургане при железном ноже (может быть, мече ?) с костяной рукоятью, где сохранились и остатки ремня» (Деген 1940: 100). В том, что касается Кириковских колечек, Б.Е. Деген ошибся — как раз с их назначением никаких сомнений нет. Между двумя парами колец на сохранившемся кожаном шнурке была подвешена большая бусина из горного дымчатого хрусталя (Мельник 1905: 714—715, рис. 119). Так что они явно входили в состав ожерелья.

[5] Этот экземпляр нам найти не удалось.

А.И. Мелюкова тоже ошибочно пишет о находке таких колец у рукоятей мечей в мужских погребениях, ссылаясь на курган 487 Капитановки и курган 12 Кириковки (Мелюкова 1979: 228). Но в Капитановке погребение было парным и, хотя первый скелет действительно сопровождался мужским инвентарём, интересующее нас колечко лежало в области пояса второго скелета, лежавшего в ногах, перпендикулярно первому (Бобринский 1910: 72) и никакого меча при этом втором скелете не было. Такая же ошибка получилась и с Кириковскими колечками — в кургане 12 было 3 погребения, каждое — в отдельной яме. Одно из этих погребений было парным — и в том числе, видимо, мужчина. Но кольца с шишечками были найдены в другом погребении — подростковом, где вокруг черепа лежали несколько бусин, и эта цепочка с бусиной находилась недалеко от черепа (Мельник 1905: 714). А упомянутый Б.Е. Дегеном ножик с костяной ручкой лежал за черепом, рядом с напутственной пищей (?).

На ошибочность отнесения таких колец к мужскому инвентарю и связывания их с мечами указывает ряд исследователей (Ильинская 1968: 149; Черненко 1968: 72—73; Полин 2014: 75). Ю.И. Козуб подчёркивает, что в Ольвийском некрополе сдвоенные кольца были найдены только в женских погребениях среди различных украшений и при полном отсутствии какого-либо оружия (Козуб 1974: 90).

С. Вергер отмечает, что в мужских погребениях Требениште найдены группы колец с боковыми выступами, характерные для женских гробниц македонских некрополей. Но при этом нет никаких других признаков того, что в могилах было по два тела. «Следовательно, следует предположить, что в аристократической группе Требениште некоторые элементы костюма, которые в остальном предназначались для женщин, также носили выдающиеся фигуры мужского пола или, по крайней мере, оставляли в их могилах» (Verger 2014: 262).
В.Г. Петренко рассматривает такие кольца в категории «серьги», считая, что кольца с выступами подвешивались в виде амулетов к проволочным кольцевидным серьгам. Об этом, по её мнению, говорят петельки на некоторых из таких колец (Петренко 1978: 38—39, табл. 23: 24; 26: 16, 23; 27: 45). Однако, на сегодняшний день имеется много примеров находок таких колец в составе ожерелий, а не серёг. Самой интересной, на наш взгляд, является уже упомянутая выше находка из Кириковки (курган 12), где между двумя двухзвенными цепочками тоненьким, продетым сквозь неё ремешком, крепилась крупная бусина из дымчатого хрусталя (Мельник 1905: 715, рис. 119). Есть также зафиксированное в погребении подростка в Николаевке, ожерелье, в составе которого были 5 колец с шишечками, причём в центре была трёхзвенная цепочка из подобных колец. В погребении молодой женщины у с. Новое (курган 6, погребение 2) в районе кисти правой руки обнаружен браслет из 8 бусин и двух парных бронзовых колец (Фиалко 1987: 177—178). В Старом Мерчике (курган 3, погребение 1) в области кисти правой руки был зафиксирован наборной браслет из спаренных колечек, шести пастовых бусин и костяной подвески (Бандуровский, Буйнов, 2000, 25, 105). Данные находки, а так же место таких цепочек в других погребениях, говорят об использовании их в сложносоставных ожерельях и наборных браслетах.

Заключение

В результате исследования подборки из 188 колец с выступами выделено 2 отряда и 6 типов (с подтипами и вариантами).

Рассмотренные типы колец бытовали, в основном, с VI по III вв. до н.э., крайне редко во II—I вв. до н.э. — в Северном Причерноморье и Балкано-Карпатском регионе.

Некоторые типы встречаются только в Балкано-Карпатском регионе и, по-видимому, там и производились. Другие тяготеют исключительно к Западному и Северному побережью Чёрного моря, и судя по всему, в этих местах изготавливались. Есть и такие типы, которые встречены и в Балкано-Карпатском регионе и в Северном Причерноморье. Другие размеры, немного отличающиеся формы, большее разнообразие вариантов и, в некоторых случаях,

несколько иные даты Поднепровских и, особенно, Посульских колец могут говорить об их местном производстве, наряду с производством изделий этого типа в Балканском регионе.

Каталог

Аксютинцы (Сумская обл., Роменский р-н), **многочисленные курганы**, копавшиеся в разные годы разными людьми.

В 1897—1899 гг. несколько курганов раскопал В.В. Хвойка. В.А. Ильинская приводит фотографии[6] двух планшетов «вещей, происходящих из раскопок В.В. Хвойки у с. Аксютинцы в 1897—1899 гг. Все вещи, изображенные на них, относятся к V в. до н.э. Принадлежат ли они к одному (что вероятнее всего) или к нескольким разрозненным комплексам — сказать трудно. На одной фотографии изображены ... три пары соединенных бронзовых колечек с шипами» (Ильинская 1968: 38, табл. XXVI: 8, 10, 14). Качество изображений очень плохое. По-видимому, это ***спаренные кольца с тремя*** (одна пара) (рис. 1: 16) ***и четырьмя*** (две пары) ***одинарными выступами***[7] (рис. 2: 6—7).

Курган 5 (1905). Раскопан С.А. Мазараки в 1905 г. Южная гробница была частично разрушена при сооружении Северной гробницы. Именно к Южной гробнице, по предположению В.А. Ильинской, относится ***бронзовое кольцо с шишечками*** (Ильинская 1968: 38, табл. XXI: 9). Судя по рисунку, на боковой стороне ***кольца*** имеются три стерженька, на которых размещена розеточка из строенных шариков. На одном из стерженьков шарики (или фиксатор ремня) отломаны. К кольцу прикреплена скобочка-петелька (рис. 7: 10). Д.С. Гречко датирует этот курган серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (Гречко 2019: 35).

Альсотелекс (Венгрия, уезд Боршод-Абауй-Земплен, медье Казинцбарцика), **могильник.** В слое могильника железного века — вне погребений — было найдено ***кольцо с четырьмя толстыми шарами***, каждый из которых украшен тремя маленькими шариками. Диаметр кольца: 3,1 × 2,5 см (Patay 1962: 16, 17, tabl. III: 4). Кольцо истончено и разомкнуто (рис. 9: 5). Э. Москалу датирует эту находку второй половиной VI — V вв. до н.э. (Moscalu 1990: 153, fig. 1: 9).

Аполлония (Болгария, Бургасская обл., совр. Созополь), **некрополь.**

Могила 92. Погребённый захоронен головой на юго-восток. На скелете между рёбрами и тазовыми костями обнаружены ***кольца из бронзы, снабжённые тремя двойными выступами***. Кольца имеют диаметр 1,5 см (Венедиков 1948: 22). Количество колец не указано, но их не менее двух.

Могила 102. Погребённый похоронен головой на северо-восток. На груди были обнаружены две фибулы бронзовые фракийского типа, которые датируются IV в. до н.э., ***два кольца из бронзы с двойными выступами в трёх местах*** и наконечник стрелы скифского типа. (Венедиков 1948: 23, 26 обр. 25). На фото имеются три одиночных кольца с тремя двойными выступами на каждом — видимо, какое-то или какие-то из этих колец — из могилы 92, а остальные — из могилы 102 (рис. 3: 1—3).

Балки (Запорожская обл., Васильевский р-н, с. Балки), курганная группа «Гайманова могила».

Курган 16. В заполнении погребальной ямы попадались разрозненные кости очень молодого субъекта, предположительно девочки-подростка. В земле, заполнявшей камеру найден ряд украшений: бронзовые серёжки, серебряный перстенёк, и подвески от ожерелья в виде двух соединённых колечек из серебра или электра, маленький глиняный горшочек,

[6] Фотографии выполнены с негативов, хранившихся в ИИМК.

[7] Нет никакой гарантии, что эти вещи удастся где-нибудь отыскать, а из-за неразборчивости фото они полностью выпали из поля зрения исследователей. Мы взяли на себя смелость попытаться воссоздать примерный облик этих колец по некачественным фото.

пастовые бусы и несколько вырезанных из меловой породы плоских подвесок с просверленными дырочками (Тереножкин, Ильинская 1968: 17, табл. 7: 3; Петренко 1978: 78, табл. 23: 24). На рисунке с находками из этого погребения есть ***колечко с тремя округлыми выступами*** и проволочной петелькой (рис. 1: 4). Возможно, именно оно названо в отчёте «бронзовыми серёжками».

Курган 27, погребение 4 (впускное, женское)**.** Скелет молодой женщины лежал вытянуто на спине. В ушах покойницы были кольцевидные бронзовые серёжки (одна с плоской ***бронзовой подвеской с выступами*** (рис. 2: 10), вторая — с пастовой бусиной), на шее — ожерелье, на руках — браслеты или украшение одежды из бусин (Тереножкин, Ильинская 1968 28: табл. 15: 3; Мозолевский 1971: 33, рис. 2; Петренко 1978: 78, табл. 26: 23).

Басовка (Сумская обл., Роменский р-н)**, курган А.** Раскопан Н.Е. Бранденбургом в 1901 г. Погребение ограблено в древности и полностью разрушено. Среди сохранившегося инвентаря были 4 медных кольца — *подвески с бородавчатыми выступами* и без них (ОАК за 1901: 107, рис. 191, Ильинская 1968: 40, табл. XXIX: 1). Судя по фото, ***бронзовое кольцо*** с двумя строенными выступами-розеточками, вместо третьей розеточки — петелька для подвешивания (рис. 5: 11). Отметим, что кольца без выступов в этом наборе тоже имели петельку (Ильинская 1968: табл. XXIX: 14).

Бедняково (Болгария, близ Чирпана), **курган.** В районе «Гробето», к северо-западу от с. Бедняково, в поле находился небольшой холмик, всего около 50 см над поверхностью земли. В 1909 г. этот курган был раскопан жителями села и в нем была обнаружена могила, окруженная необтёсанными камнями, в которой находился скелет, различные глиняные и бронзовые сосуды, железное оружие и бронзовые украшения. Среди украшений были ***два спаренных бронзовых кольца*** диаметром около 2 см, украшенных тремя группами по три шарика в каждой (Филов 1919: 29—31, рис. 28: г; Мелюкова 1979: 228, рис. 48: 2) (рис. 6: 4). Кольца отлиты в виде цепочки. С.В. Полин датирует курган IV в. до н.э. (Полин 2014: 75).

Бердянский курган (Запорожская обл., Бердянский р-н, с. Нововасильевка). **Восточная могила.** Погребение ограблено в древности. Кости и череп женщины старческого возраста сдвинуты в кучу. На различной глубине в заполнении входной ямы обнаружены вещи, среди которых были ***золотые спаренные кольца***, украшенные тремя пирамидками из четырёх шариков. На одном кольце одна из пирамидок утрачена или не вылита. Диаметр колец 1,7 см, толщина проволоки 0,2 см. Комплекс датирован рубежом V—IV вв. до н.э. (Чередниченко, Фиалко 1988: 152, 165, рис. 3: 11; Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017: 114, кат. 114) (рис. 7: 3).

Близнец-2 (Днепропетровская обл., окраина г.Днепропетровск), **курган.** Погребение мужчины 25—30 лет. Погребение дважды грабилось в древности. В заполнении внутренней ямы найдены, кроме прочего, ***спаренные бронзовые кольца.*** Два спаренных бронзовых кольца с тремя расположенными по внешнему ободу утолщениями—шишечками. Курган датирован последними десятилетиями V в. до н.э. (Ромашко, Скорый 2009: 67, 87, рис.12: 18; 63: 6) (рис. 1: 1).

Богдановка (Херсонская обл., Каховский р-н), **курган 3, погребение 2** (впускное, женское)**.** Скелет лежал вытянуто на спине. У левой руки найдены бронзовые литые *кольца* нескольких типов. Диаметры колец 2—2,2 см, сечение — 0,3 см, диаметр шариков — 0,2 см (Битковский, Полин 1987: 76—82, 84, рис. 7: 5, 6). Погребение датируется началом IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 516—517).

1. Цепочка из двух ***продетых*** одно в другое цельных ***колец*** с тремя спаренными выступами (рис. 3: 12);

2. Цепочка из цельного ***кольца с тремя одинарными шишечковидными выступами***, соединённого с кольцом без видимых выступов, но явно отлитым с браком (рис. 1: 3).

Брезово (Болгария, Пловдиевская обл.), **курган.** В 1897 г. в урочище Раднев-геран близ Брезово был раскопан курган, по-видимому, кладоискателями. В отчёте братьев Шкропил написано, что на самом скелете был жезл и золотой обруч. Справа от головы стояла простая урна, рядом с правой рукой два серебряных горшка, рядом с ногами позолоченный сосуд (с двумя крышками) и две кольцевые амфоры (в двух углах могилы). Слева от головы были различные украшения (Шкропил 1898: 140—141). Б. Филов этому описанию не доверяет, хотя пересказывает его неточно (Филов 1919: 4). В кургане было найдено более 50 различных предметов из золота, серебра, бронзы, железа и глины. Среди тех из них, что поступили в музей Софии, были ***два серебряных кольца*** диаметром около 3 см, ***украшенные тремя группами по три шарика в каждой*** (Филов 1919: 3—4, 10, рис. 8; Мелюкова 1979: 228, рис. 48: 2) (рис. 6: 2). Колечки отлиты в виде двухзенной цепочки. Э. Москалу датирует курган второй четвертью IV в. до н.э. (Moscalu 1990: 149).

Волковцы (Сумская обл., Роменский р-н), **курган 1.** Раскопан С.А. Мазараки в 1886 г. В насыпи на глубине 3,4 м «лежали три человеческих черепа и много костей». Среди них найдено ***два соединённых при литье бронзовых колечка***[8] с пятью(?) группами шишечек с наружной стороны на каждом; и ещё одно ***подобное колечко с шишечками и петелькой*** для подвешивания (Ильинская 1968: 44, 149, XXXII: 11, 12) (рис. 6: 7; 5: 17). На рисунке спаренных колец чётко видны — по одному литнику и по три розеточки на каждом колечке.

Гайманова могила (Запорожская обл., Васильевский р-н, с.Балки), **курганная группа. Гробница 3** (впускная, детская)**.** От костяка сохранились только молочные зубы. Кроме прочего, в северо-западном углу камеры найдено бронзовое колечко с тремя симметрично расположенными рельефными шишечками на его внешней стороне. ***Литое бронзовое колечко*** с тремя выступами, в виде гроздей из трёх мелких шариков, сильно потертых, или это литейный брак в результате деформации модели при изготовлении формы для литья по восковой модели. Диаметр — 1,9 см Материалы из Гаймановой Могилы свидетельствуют о датировке кургана в пределах первой половины IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 151, 472, 510, рис. 218: 26; 713) (рис. 5: 2).

Глиное (Слободзейский р-н), **курганные группы.**

Глиное-Водовод, курган 7, погребение 2 (скифское, впускное)**.** Костяк ребёнка 8—9 лет. На уровне фиксации контуров ямы, у её западной стенки, найдено бронзовое кольцо, по всей видимости, положенное на несохранившееся деревянное перекрытие.

Литое ***бронзовое кольцо***, круглое в сечении, с тремя овальными в плане выступами. Изделие фрагментировано. Диаметр кольца около 2,1 см, диаметр сечения около 2 мм. Размеры двух сохранившихся выступов 7 × 6 × 5 мм и 6,5 × 4,6 × 3,5 мм. Третий выступ сохранился частично. Погребение датируется — концом IV — началом III вв. до н.э. (Синика и др. 2019: 387, рис. 4: 3) (рис. 1: 7).

Глиное-Водовод, курган 14, погребение 3 (скифское, основное)**.**

Погребённая женщина возрастом 20—30 лет лежала вытянуто на спине с разворотом на правый бок. Правая рука была слабо согнута в локте, кисть отодвинута от тела. Левая рука согнута в локте почти под прямым углом, кисть на левом крыле таза. Ноги слегка согнуты коленями вправо. Кроме прочих вещей, в области грудной клетки лежали ***строенные кольца с шишечками***, в районе живота и севернее левого крыла таза были найдены ***спаренные кольца с выступами*** (Синика и др. 2021: 345—352, рис. 2: 12; 4: 6, 7).

1. ***Строенные бронзовые кольца*** с тремя выступами, каждый из которых состоит из двух шариков. Диаметр колец 2,3 см (рис. 4: 4);

[8] Есть большая вероятность, что кольца из Фондов Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве, опубликованные не так давно с широкой привязкой к Северному Причерноморью (Журавлёв, Фирсов 2013: 37, фото 16), и есть кольца из раскопанного С.А. Мазараки в 1886 г. кургана 1 у с. Волковцы. Мы специально разместили их изображения рядом — чтобы можно было заметить их сходство.

2. ***Спаренные бронзовые кольца*** с тремя выступами, каждый из которых состоит из двух шариков. Диаметр колец 2,3 см (рис. 3: 15);

3. ***Спаренные бронзовые кольца*** с тремя выступами, каждый из которых состоит из двух шариков. Диаметр колец 2,3 см (рис. 3: 16);

Погребение датируется второй четвертью IV в. до н.э. (Синика и др. 2021: 363).

Глиное-Сад, курган 8, погребение 2 (скифское, впускное)**.**

Костяк ребёнка возрастом 6—9 месяцев, очевидно, лежал в вытянутом положении на спине. От костяка сохранились только кости черепа, фрагмент ребра, плечевой и бедренной кости в западной части ямы. Слева в изголовье погребённого обнаружено скопление украшений, среди которых — *бронзовое кольцо* с выступами.

Литое бронзовое кольцо с тремя строенными выступами. Сечение округлое и овальное. Диаметр кольца 2,8 × 2,65 см. Сечение кольца 2—5 мм и 4 × 4 мм (рис. 5: 3).

Погребение датируется последней четвертью IV в. до н.э. (Синика и др. 2018: 90, рис. 4: 8).

Градешка (Одесская обл., Ренийский р-н, с. Новосельское, оз. Градешка), курганный **могильник.**

Курган 7а, погребение 1 (скифское, двойное, подростки)**.** Оба погребённых вытянуты на спине. У первого костяка (у западной стенки) руки вытянуты вдоль туловища. Костяк 2 слегка повёрнут вправо, сильно разрушен (возможно, сдвинут при захоронении первого погребённого). У головы костяка 1 найдены зеркало и сероглиняный кувшинчик. Вокруг шеи — бусы. У виска лежала бронзовая серьга с бусиной. Вторая серьга найдена в районе позвоночника. На правой руке — бронзовый браслет. В области грудной клетки находились: бронзовый колокольчик, крупная бусина-амулет, бронзовое кольцо. В области тазовых костей обнаружены ***строенные бронзовые колечки с выступами.*** Слева у таза — семь крупных бусин, на левой берцовой кости найдена бронзовая фибула. Справа у колена — бронзовый колокольчик. В ногах лежали: бронзовый браслет, бронзовое ведёрко-подвеска, мелкие бронзовые колечки, три клыка собаки и флакончик (Гудкова, Суничук 1984: 71—72). Бронзовые ***строенные кольца со сдвоенными шариками*** по наружному краю. Отлиты три вместе. Диаметры колец 2,4 см (Гудкова, Суничук 1984: 71, 73, табл. 135: 2—3; Островерхов, Редина 2013: рис. 102: 3) (рис. 4: 7).

Курган 15, погребение 1 (скифское)**.** Погребённая (судя по инвентарю, женщина) лежала вытянуто на спине, руки согнуты в локтях и соединены в области тазовых костей. У висков были лировидные подвески, на ключицах — справа и слева — по бронзовой фибуле. На обе руки надеты бронзовые браслеты. С правой стороны грудной клетки (ближе к пояснице) располагались бронзовый перстень и *строенные бронзовые колечки*. Вдоль пояса находились 8 бронзовых поясных блях. ***Колечки строенные*** — литые с двойными выступами по наружному краю кольца. Диаметр колец 2,5 см. Выступов 3 пары (Гудкова, Суничук 1984: 89, табл. 157: 3—4) (рис. 4: 9).

Эти захоронения были совершены в первой половине III в. до н.э. (Синика и др. 2021, 357).

Греция (место находки не конкретизировано — написано только: «Пелла указана, как место происхождения некоторых объектов, один раз в Салониках и один раз на полуострове Пелопоннес»). В альбоме, публикующем материалы выставки, среди бронзовых предметов VIII—VI вв. до н.э., в разное время попавших в Археологическую (ранее доисторическую) Государственную коллекцию в Мюнхене, есть очень сильно уменьшенное фото *спаренных колец с выступами (4 пары).* Бронза; внутренний диаметр колец — 2,2; 2,8; 3,6 и 4,1 см; инвентарный номер 1966 г., 1499; 1990, 526; 1990, 21 и 528 (Das goldene Antlitz 2017: 14, photo; No. K 15).

К сожалению, качество изображения оставляет желать лучшего[9]. Предположительно, ***две пары с большим диаметром*** имеют по четыре одинарных округлых выступа (рис. 2: 1—2).

[9] Для получения более-менее сносного изображения это фото пришлось очень сильно обработать.

Чуть меньшая пара — видимо — по три выступа-ножки с тремя шариками (рис. 8: 6). ***Самая маленькая пара*** украшена тремя выступами, вероятно, округлой формы (рис. 1: 2).

Дренкова (Румыния, округ Караш-Северин), **клад.** При строительстве дороги в бульдозерном отвале был найден клад бронзовых вещей, состоящий из бронзовой накладки на ножны меча, спиральных пронизей, округлой пластины для заклёпки, двух простых колец, и *двух пар спаренных колец с выступами на ножках*:

1. ***Два квазикруглых кольца***, неравномерные в сечении, имеющие по четыре выступа, расположенных на равном расстоянии друг от друга. В свою очередь, эти выступы украшены тремя выпуклостями. Кольца хорошо сохранились. Диаметры колец 4,5 см; расстояние между двумя противоположными выступами 5,2 см; толщина кольца 0,5 см (Iaroslavschi 1973: 81, fig. 3—4: b) (рис. 10: 2);

2. ***Двойные кольца***. Хорошо сохранившиеся кольца аналогичные описанным выше, но меньше по размеру. Диаметр колец 3 см.; расстояние между двумя противоположными выступами 5 см.; толщина 0,3 см. (Iaroslavschi 1973: 81, fig. 3—4: a) (рис. 10: 3).

М. Петреску-Дымбовица относит клад к HaD (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 165, pl. 403: 3—4). Э. Москалу датирует комплекс второй половиной VI — V вв. до н.э. (Moscalu 1990: 153, fig. 1: 3).

Жданице (Моравия, район Годонин), **погребение.** В кремационном погребении в урне было найдено ***кольцо с выступами*** типа IB по М. Дембец и М. Карвовски (Meduna 1962: 124, Obr. 23: 2; Dębiec, Karwowski 2016, 135, fig. 5: 58). Кольцо имело на внешней поверхности нерегулярно расположенные 4 выступа-ножки с розеточками из строенных шариков (ещё 2 недолиты ?). На боковой поверхности — 2 выступа с розеточками на ножке и ещё один — недолит. Вероятнее всего, кольцо задумывалось с шестью выступами по внешней поверхности и тремя — по боковой. Внешний диаметр кольца 3,3 см (рис. 6: 12).

Золотая Балка (Херсонская обл., Нововоронцовский р-н), **курган 13, погребение 5** (скифское, впускное)**.** Ребёнок лежал скорчено на спине. Слева от головы лежали *бронзовые браслет* и *двухзвенная цепочка*.

Цепочка из ***двух литых бронзовых колец,*** продетых друг в друга. Одно из них массивное, с тремя шишечковидными выступами и ушком для подвешивания. Диаметр 2 см. Второе кольцо менее массивное, с разъемом и тремя заостренными выступами. Диаметр 2,1 см. Датировка — вторая четверть — середина IV в. до н.э. (Полин 2014: 71, 76, рис. 39: 3, 5). Так как кольца не однотипные и не были отлиты вместе (одно из них разомкнуто), мы рассматриваем их по отдельности (рис. 1: 5; 5: 13).

Ильинка (Запорожская обл., Каменско-Днепровский р-н), **курган 4.**

Погребение 1 (основное, грабленное). Встреченные в погребении три черепа (два взрослых и ребёнок) свидетельствуют о групповом захоронении. Среди сохранившегося инвентаря были бронзовые *колечки*. ***Два бронзовых кольца*** подтреугольной формы, продетых одно в другое. По углам — шишкообразные выступы. Диаметр 2 см (Плешивенко 1991: 58, рис. 3: 9) (рис. 1: 6).

Погребение 4 (детское). Погребённый лежал на спине. От скелета сохранились фрагменты черепа, таза, частично рёбра и позвонки. В районе тазовых костей лежали наконечник стрелы и бронзовое кольцо.

Бронзовое кольцо с тремя спаренными шишечками. Диаметр 2,4 см, сечение круглое, диаметром 0,25 см (Плешивенко 1991: 66, рис. 9: *5*) (Рис. 3: *11*).

Погребение 6 (детское)**.** От скелета сохранились фрагменты черепа и несколько позвонков, остальные кости истлели. Положение вытянутое. Справа от черепа найдены три мелкие бусины и два бронзовых перстня, один был надет на цилиндрическую бусину. С другой стороны лежали два спаренных бронзовых *кольца*.

Двухзвенная цепочка из колец с тремя спаренными шишечками. Диаметр колец 2,5 см, диаметр сечения 0,3 см (Плешивенко 1991: 68—69, рис. 11: 6) (рис. 6: 3).

С.В. Полин датирует этот памятник IV в. до н.э. (Полин 2014: 74).

Каиры (Херсонская обл., Горностаевский р-н), **курганная группа.**

Курган 2, погребение 2. Скелет ребёнка (6—8 лет) лежал вытянуто на спине. Кроме прочего инвентаря, на груди обнаружен набор украшений: бусины, золотая серьга, плоская фигурная подвеска, «куриный бог», овальный литик с изображением льва, миниатюрный ладьевидный топор, серебряная каплевидная подвеска, *спаренные колечки* и *кольцо с петелькой*. Погребение датируется IV в. до н.э. (Полин, Дараган 2021: 362—363, рис. 36: 11, 12; Фиалко 2020: 352, рис. 3: 6—7).

1. ***2 бронзовых спаренных колечка***, украшенных тремя выступами в виде строенных шариков (рис. 6: 5). Диаметры колец 3,2 см, сечение 0,4 см, диаметры шариков 0,7 см. Некоторые шарики не долиты, но на фото чётко видна, как минимум, одна розеточка из трёх шариков.

2. ***Кольцо с ушком*** для подвешивания и 3-мя выступами из строенных шариков (рис. 5: 9). Диаметр кольца 4,1 см, сечение 0,4 см, диаметр шариков 0,3 см. (Полин, Дараган 2021: 362—363, рис. 36: 11, 12; Фиалко 2020: 352, рис. 3: 6—7).

Капитановка (Кировоградская обл., Новомиргородский р-н) **курган.** В 1908 г. А.А. Бобринский раскопал здесь **курган 487**. Погребение парное, скифское. В области пояса **второго скелета** было найдено бронзовое ***кольцо*** с ***тремя шишечками*** (Бобринский 1910: 72, рис. 11) (рис. 5: 6) и две бронзовые кнопки, к одной из которых прилипло бронзовое колечко.

На фото у А.А. Бобринского — ***кольцо*** с тремя неопределённой формы выступами, расположенными на почти равном расстоянии друг от друга. По-видимому, после чистки кольца характер выступов стал более понятен, т.к. В.Г. Петренко публикует рисунок этого изделия, как кольца с тремя строенными шишечками (Петренко 1967: табл. 25: 12). А.И. Фурманская указывает диаметр этого кольца — 2,5—2,7 см (Фурманская 1958: 58). Датировка — IV в. до н.э. (Полин 2014: 74).

Кириковка (Сумская обл., Великописаревский р-н)**, курган 12, погребение 4.** Скелет подростка лежал на левом боку, правая рука на тазовой кости, левая поднята к правой ключице, ноги сильно поджаты. Кроме прочего инвентаря, на некотором расстоянии от черепа, было найдено украшение, состоящее из огромной бусины горного дымчатого хрусталя с продольными полированными полосками, к которой продетым в неё ремешком прикреплены *по обе стороны — по два массивных литых колечка* из белого бронзового сплава, украшенных тремя пирамидками из шариков (Мельник 1905: 714—715, рис. 119). ***Две пары спаренных колечек***, каждое — с тремя розеточками из трёх уплощённых шариков (рис. 6: 10).

Красный Перекоп (Херсонская обл, Каховский р-н) **могильник.**

Курган 4, погребение 2. Скелет подростка лежал вытянуто на спине, сильно потревожен землероями. Справа от его плеча лежала серебряная гривна, ***серебряная кольцевая подвеска***, ***второй экземпляр которой*** найден в заполнении камеры.

1. ***Серебряное кольцо*** с поперечно поставленным ушком и тремя короткими одинарными выступами на ободке (рис. 2: 12).

2. Такое же ***серебряное кольцо с тремя выступами и поперечным ушком*** (рис. 2: 11)**,** но чуть меньшего размера (Лесков и др. 1969: 38, табл. VIII: 2 а—б; Петренко 1978: 76, табл. 26: 24). Комплекс может быть датирован серединой IV в. до н.э. на основании амфорного клейма (370 гг. до н.э.)[10] (Кац 2007: 429, прил. V).

[10] Автор признательна В.С. Синике за помощь в получении консультации.

Лубны (Полтавская обл., Лубенский р-н), **курган.** В собрании ГИМ хранится ряд предметов из разрушенного в 1899 г. кургана у Спасо-Преображенского монастыря возле г. Лубны. Среди них — два соединённых между собой кольца с шишечками (Ильинская 1968: табл. XLVII: 13). Одно кольцо фрагментировано (рис. 1: 11).

«Македонские бронзы» (Греция). Ян Боузек, в таблице с подписью «Развитие македонской бронзы: подвески в виде птичьих клеток и глобусов, птиц, бляшек, нарукавных колец и подвесок в виде колокольчиков», разместил без подробностей рисунок *колец с выступами* среди вещей, датируемых первой половиной VI в. до н.э. (Bouzek 2006: fig. 2: 41)[11]. ***Спаренные кольца с четырьмя одинарными выступами*** (рис. 2: 3). Ю. Вокотопулу, при описании колец из Энеи упоминает, что «Подобные были найдены в Олинфе, Трилофе, Месимери, Потидее и др.» (Βοκοτοπούου 1990: 97), со ссылкой на ту же работу Я. Боузека, на которую ссылается и он сам. Следовательно, кольца могут иметь привязку к одному из упомянутых памятников.

Марьевская[12] (**Ма́рьянская** — станица в Краснодарском крае, Красноармейском районе)**.** В 1912 г. Н.И. Веселовский раскопал **курган**, содержавший, деревянный сруб с останками 11-ти человек. Костяк № 1 лежал на спине. На груди и около шеи найдены различные привески, в том числе загадочная золотая привеска из *двух соединённых колец* с гроздьями (ОАК за 1912: 56, рис. 79; Тураев 1913: 131, рис. 1). ***Двухзвенная цепочка из золотых колец*** с тремя розеточками по 4 шарика, расположенных пирамидкой. Количество шариков неточно, т.к. описания колец в публикации нет, а по фото видно только, что их больше трёх (рис. 7: 7). Это погребение датируется не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 74).

Мастюгино (Воронежской губ., Коротоякского уезда)**.** В 1908 г. Н.Е. Макаренко произвёл раскопки. **Курган 5**. На дне погребальной ямы обнаружены четыре костяка. Рядом с третьим костяком, на расстоянии ок. 0,35 м, лежали остатки черепных косточек детского скелета, в том же направлении, головой на восток. На месте шеи этого скелета найдены два соединенных колечка из белого сплава, с тройными отростками-шариками и стеклянные бусы разной формы. ***Два кольца*** из белого сплава, спаянные и захватывающие друг друга. Форма неправильно круглая. Каждое кольцо снабжено тремя выступающими наружу возвышениями, состоящих из трёх шариков неправильной формы. Кольца были, видимо, в долгом употреблении: в местах соприкосновения они стёрты (Макаренко 1911: 59, 72, табл. I: 11). Судя по фото, это ***двухзвенная цепочка из колец***, украшенных тремя розеточками-пирамидками по три шарика в каждой (рис. 6: 1). С.В. Полин датирует Мастюгинский курган в пределах второй четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 74).

Махревичи (Босния, район Чайнича, гмина Милатковичи)**.** В 1909 г. было найдено место многократных кремаций (крематорий ?) с большим количеством обгоревших и кальцинированных костей, а также побывавшего в огне погребального инвентаря. Среди этих вещей были:

1. ***Два соединенных кольца*** (диаметром 3,5 см), каждое из которых украшено по периферии четырьмя радиально расположенными шариками (Truhelka 1912: 21, fig. 11) (рис. 2: 4);

2. Декоративная подвеска с двумя проволочными петлями, в нижней петле висит замкнутое ***кольцо с выступами*** (Truhelka 1912: 21, fig. 12). Три одинарных выступа чередуются с тремя выступами в виде розеточки на ножке. Розеточка состоит из 4 (?) шариков — 3 (?) снизу и 1 — сверху (рис. 7: 11—11а).

[11] Ян Боузек ссылается на другую свою работу, которую нам найти не удалось.
[12] В научный оборот было введено ошибочное название станицы.

Мгарь (Полтавская обл., Лубенский р-н), **курган 1.** Остатки скелетов двух погребённых — мужчины старше 45 лет и женщины. Кости плохой сохранности и были перемещены землероями и грабителями позднего средневековья. Кроме прочего инвентаря, у юго-восточной стенки ямы располагалась растащенная кротами группа женских украшений: три бронзовых подвески (***три кольца с шишечками и петелькой***) и различные бусины. Высота колец — 2,8—3,0 см, диаметр стержня кольца 0,4—0,5 см, диаметр «шишечек» до 0,4 см. Курган середины — второй половины V в. до н.э. (Кулатова, Супруненко 1996: 330, 332, 335, рис. 14: 5). Судя по рисунку, колечки были украшены строенными шишечками и петелькой. У двух колец 4 розеточки, а у одного — три (рис. 5: 14—16).

Миштиче (район Берегово)**.** Ф. Ромер опубликовал без подробностей рисунок «переплетённых бронзовых колец» (Rómer 1866: 42, 132, Ábra. 75). ***Спаренные кольца с пятью одинарными выступами-шариками*** каждое (рис. 2: 9).

Моравске Бране (Чехия, Оломоуцкий край, г. Либава), **поселение.** При проведении археологических обследований территорий с помощью металлоискателя найден ряд вещей, среди которых *кольцо с выступами* (Čižmář, Salaš 2009: 66—67, Obr. 7: 11). ***Бронзовое кольцо***, украшенное четырьмя розетками в виде пирамидок из четырёх шариков. Внешний диаметр кольца около 3 см, внутренний — около 2 см (рис. 7: 4).

Мургени (Румыния, округ Васлуй, ком. Мургени), случайные находки. В округе найден ряд вещей, среди которых (Teodor 1999: 164, fig. 61: 7) была трёхзвенная цепочка из **колец с выступами**. Каждое кольцо украшено тремя группами сдвоенных выступов, плюс литник (рис. 4: 6). Судя по рисунку, диаметр колец — около 2,2—2,3 см.

Муригиол (Румыния, округ Добруджа, р-н Тулча), два могильника с кремациями. Бронзовый *браслет* был случайно найден на первом могильнике.

Могила 5. На глубине 40 см в месте, сделанном из четырех камней найдена урна, в которой находились остатки сожженных костей и пепла, среди которых были найдены два бронзовых ***кольца, украшенных парно сгруппированными бусинами***, которые, вероятно, были частью цепочки или головного украшения. Здесь же вместе с фрагментом бусины из пасты были найдены ещё два кольца, также бронзовые, открытые на концах и украшенные стилизованной змеиной головой (Bujor 1955: 576, pl. I: 5; Бужор 1958: 135, рис. 7: 18). Кольца побывали в огне, т.е были надеты на погребённого в момент кремации (рис. 3: 13).

Спаренные бронзовые кольца (2 шт.) с тремя группами сдвоенных шариков. Одно кольцо повреждено — разомкнуто, второе — оплавлено.

Могильник может быть датирован концом IV — началом III в. до н.э. (Simion 2003: 362).

Несебр (Болгария, Бургасская обл.), **некрополь**. В мае 1952 г. В. Вангелов, житель Несебра, при раскопках перед своим домом, обнаружил каменную гробницу с ценными золотыми, керамическими и бронзовыми предметами, которые поступили в Национальный музей Бургаса, продолживший раскопки. Среди вещей из вскрытой В. Вангеловым гробницы, было сильно оксидированное *маленькое бронзовое кольцо, с тремя утолщениями на нём*. Диаметр кольца 1 см. Гробница целиком попадает в границы III в. до н.э. (Гълъбов 1955: 145, рис. 17: б). **Кольцо с тремя розеточками** из, по-видимому, строенных выступов (рис. 5: 4).

Николаевка (Одесская обл, Овидиопольский р-н), **грунтовый могильник. Погребение 9.** Скелет ребёнка 9—10 лет лежал на спине, руки вдоль туловища. Череп — на правом виске. В области шейных позвонков найдены подвески, составлявшие ожерелье: пять бронзовых *колечек с шишечками* (среди них трёхзвенная цепочка), бронзовый колокольчик и пронизка, 14 пастовых бусин, раковина каури. ***Три соединённых вместе колечка*** (рис. 4: 5)

находились в центре ожерелья, слева и справа от них располагались бусины. Слева за бусинами следовали ворварка и колокольчик. Справа — раковина каури. За ними с обеих сторон находилось ***по одному бронзовому колечку*** (рис. 3: 5—6). ***Все колечки (5 шт.)*** литые, круглые в сечении. Диаметр сечения 0,25 см. Внутренний диаметр каждого из трёх соединённых колечек 2 см, двух одиночных — 1,7 см. Каждое колечко было украшено тремя группами сдвоенных шариков, расположенными на равном расстоянии друг от друга (Мелюкова 1965: 52, рис. 66: а—б, в; Мелюкова 1975: 74, 183, рис. 57: 4). Комплекс датируется третьей четвертью IV в. до н.э. (Синика и др. 2021: 357).

Новое (Запорожская обл., Токмакский р-н)**. Курган 6, погребение 2** (основное, ограбленное)**.** Скелет погребённой женщины (ок. 30 лет) лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Кисти обеих рук, предплечье правой руки и кости ног отсутствуют. Кроме прочего инвентаря, в районе правого предплечья — браслет из 8 бусин и *двух парных бронзовых колец*. ***Два бронзовых кольца***, круглых в сечении, продетых одно в другое, на каждом по три шишечки. Служили украшением браслета. Диаметр колец 2,4 см. Погребение датируется IV в. до н.э. (Фиалко 1987: 177—178, 182; 1991: 5, рис. 3). Судя по рисунку, шишечки имели какую-то невнятную форму. Литники не полностью спилены (рис. 1: 9).

Носаки урочище (Запорожская обл., Васильевский р-н, с. Балки), **курган 4, погребение 3** (подросток)**.** Полностью истлевший скелет лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Среди многочисленного инвентаря авторы раскопок описывают сложносоставное ожерелье из пастовых бусин, металлических колец (бронза, серебро, золото) и подвесок. С правой стороны черепа найдена двухзвенная *цепочка из* ***золотых колец*** *меньшее из которых — с тремя золотыми шариками-зёрнами*[13]. Возможно, что эти кольца входили в состав ожерелья, начинавшегося здесь. Ниже подбородка, на левой стороне грудной клетки лежали ***два бронзовых кольца*** с тройными шишечками[14] (Бидзиля, Болтрик 1971: 38—39, рис. 54, 63; Бидзиля и др. 1977: 112—115, рис. 19: 12, 15). ***Кольца имели по три розеточки из строенных шариков*** (рис. 6: 8). Датировка погребения ограничивается пределами первой четверти IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 517).

Курган 13. В грабительском ходе были найдены ***спаренные кольца*** с тремя одинарными выступами. В тексте отчёта эти кольца не упоминаются, есть только рисунок с подписью «граб. ход» (Бидзиля и др. 1974: табл. XXVII: 3) (рис. 1: 8).

Оберлейзерберг (Австрия, федеральная земля Нижняя Австрия, округ Корнойбург) с поселения на вершине холма происходят 4 кольца, одно из них — интересующего нас типа: ***кольцо с выступами*** типа IC по М. Дембец и М. Карвовски (Dębiec, Karwowski 2016: 136, fig. 6: 61; 17: 61). Кольцо украшено тремя розеточками из пяти выпуклин, из которых 4 расположены крестовидно вокруг пятой. Между розеток имеются поперечные ленточные выступы. Внешний диаметр кольца 3 см. Кольцо сильно истёрто — две розетки значительно менее выпуклые, чем третья.

Одесос (Болгария, г. Варна, областной центр), **погребение.** На ул. Фрунзе случайно было обнаружено погребение, среди инвентаря которого были египетская стеклянная амфора, глиняные сосуды, стеклянные бусы, золотое кольцо, бронзовые статуэтки, четыре кольца и

[13] Изображение золотого кольца с шишечками есть только в отчёте — и то только на фото погребения крупным планом, где его практически невозможно толком рассмотреть (Бидзиля, Болтрик 1971: рис. 54). Из-за отсутствия изображения это кольцо типологизировать невозможно.

[14] Мы склонны рассматривать эти кольца как спаренные, т.к. лежали они очень близко и одно из них разломлено, т.е. оно просто разомкнулось. Кроме того в этом погребении есть и другие спаренные кольца (но без выступов).

серебряная тетрадрахма с надписью MAPONITΩN, датируемая II в. до н.э. Из четырёх колец — три имели системные выступы:

1. Кольцо украшено восемью группами выступов по три в ряд. Диаметр 4 см (Тончева 1956, 54, табл. I: 9);

2. Кольцо украшено 15-ю группами выступов по три в ряд. Диаметр 3,5 см (Тончева 1956, 54, табл. I: 10).

3. ***Кольцо*** из белого металла с гравированными поперечными линиями и ***с тремя выступами-розеточками*** (один обломан или недолит), равноудаленными друг от друга. Выступы состоят из трёх бусинок каждый. Диаметр 3,5 см (Тончева 1956: 54, табл. I: 12) (рис. 5: 5).

Ольвия (Николаевская обл., Очаковский р-н, с. Парутино), **некрополи.**

В 1894 г. В.Н. Ястребов раскопал несколько гробниц к северу от с. Парутино.

Гробница 7, погребение 3. Ограблено в древности. В засыпке катакомбы попадались угли и ручка глиняного сосуда с клеймом, а на дне оказались черепки терракотововго сосуда с узором из шишечек, железные гвозди, куски костей, 27 бусин из пасты, стекла (золочёные), кости, сердолика, каменного угля и раковины. Так же найдены глиняный светильник в виде ступни в сандалии, амфорная ручка с клеймом, разбитый сосуд из чёрной глины с носиком и ручкой, четыре морские раковины (одна из них сохраняла следы румян), четыре медных кольца гладких и одно с шипами по окружности (ОАК за 1894: 99—100). На планшете с вещами из раскопок В.Н. Ястребова в 1894 г. имеется, по-видимому, это самое ***колечко с тремя розетками*** из четырёх (?) шариков (Мусин, Медведева 2019: 666, фото) (рис. 7: 5).

Гробница 65 (Раскопки 1902 г.)**.** Четыре костяка лежали в остатках деревянных гробов. У **костяка 1** найдено много украшений, среди которых — у нижних частей ног — было ***кольцо с выступами*** (№ 295). Ещё одно такое ***кольцо*** (№ 318) найдено в насыпи склепа (Фармаковский, 1906, 131). А.И. Фурманская отмечает, что «Два кольца диаметром 3,5 и 4,5 см с тройными шишечками были найдены в замляном склепе № 65 II в. н.э. ...» (Фурманська 1958: 58). Изображения колец нет, что не даёт возможности их типологизировать.

Могила 63-1910 г. (раскопки Б.В. Фармаковского). Костяк лежал в деревянном гробу. Кроме посуды, в погребении были: на пальце левой руки — обломки бронзового перстня с крестоподобным изображением на щитке; обломки костяного резного украшения, железный стержень, ***соединённые бронзовые кольца***, бронзовое зеркало, остатки красной краски и дерева, возможно, от футляра, пастовая бусина с глазками, обломки железного ножа с костяной ручкой. Диаметр колец 2—2,5 см. Погребение женское, IV в. до н.э. (Козуб 1974: 89—90, 150). Рисунка нет[15].

Могила 74-1910 г. Костяк вытянут, сохранились остатки гроба. Кроме посуды в погребении найдены: возле правой руки — бронзовый браслет, две подвески из стеклянной пасты в виде бородатой головы, большая голубая бусина с глазками, ***соединённые бронзовые кольца***, бронзовая бусина, возле головы — бирюзовая пастовая бусина с глазками, три бронзовых амфороподобных подвески, овальное бронзовое кольцо с заходящими концами. Диаметр соединённых колец 2—2,5 см. Погребение женское, конца V — начала IV вв. до н.э. (Козуб 1974: 89—90, 151, рис. 44: 2). Насколько можно судить по рисунку — шишечки сдвоенные (?), слабовыраженные (рис. 3: 14).

Ю.И. Козуб пишет, что в трёх комплексах женских погребений ольвийского некрополя были найдены ***спаренные бронзовые кольца*** с тремя выступами с внешней стороны. Диаметр колец 2—2,5 см (Козуб 1974: 89—90, рис. 44: 2). Однако, в описании могил нам удалось найти только два погребения с такими двойными цепочками. Прорисовка приведена только для одной пары.

Осняги (Полтавская область, Гадячский район), **курган 5.** Погребение двойное (или тройное) ограблено в древности, кости разбросаны. На дне ямы лежало множество разных мелких вещей, в т.ч. ***бронзовое кольцо***, украшенное тремя группами шариков, расположенных

[15] Хотя кольца не утеряны, т.к. Ю.И. Козуб приводит инвентарный номер — ОЛ 3021.

в форме пирамидок (Городцов 1911, 39, табл. III: 16). Группы-розеточки состоят из четырёх (?) шариков. Литник не до конца спилен (рис. 7: 6). Д.С. Гречко относит этот комплекс к периоду: последняя четверть V — первая четверть IV вв. до н.э. (Гречко 2019: 33).

Панагюриште (Болгария, Пазарджикская обл.), **курган.** Этот курган был раскопан в 1903 г. кладоискателями. Найденные в нём предметы были отправлены в Национальный музей. Из некоторых документов в архиве музея Б.Д. Филову удалось установить лишь, что курган находился в Мряморском лесу и был не очень большим. В нём была только одна могила. Никаких деталей раскопок не сообщается. В кургане было найдено более 50 различных предметов из золота, серебра, бронзы, железа и глины. Среди них — ***бронзовое кольцо диаметром 3 см, украшенное тремя группами по три шарика*** в каждой (Филов 1919: 14—15, 26, обр. 24: б) (рис. 5: 7). Э. Москалу датирует курган второй четвертью IV в. до н.э. (Moscalu 1990: 149).

Первомаевка (Херсонская обл., Верхне-Рогачинский р-н), **курган 4, погребение 2.** Впускное. Скелет подростка лежал вытянуто на спине. Среди инвентаря было *бронзовое кольцо-подвеска*. Литое ***бронзовое кольцо*** с тремя округлыми выступами и ушком для подвешивания. Диаметр кольца 2,2 см. Датировка — рубеж V—IV вв. до н.э. (Евдокимов, Фридман 1987: 105, 115, рис. 16: 3) (рис. 2: 13).

Песочин (Харьковская обл., Харьковский р-н), **могильник.**

Курган 9. В погребении было найдено литое ***бронзовое колечко*** диаметром 2 см, сделанное из круглого в сечении стержня (диаметр 0,3 см). С наружной стороны колечко украшено 3 розеточками, расположенными на равном расстоянии. Каждая розеточка состоит из 5 шариков, центрального и 4 боковых, расположенных крестообразно. Хронологические рамки рассматриваемого комплекса можно определить в пределах конца V — первой половины IV вв. до н.э. (Бабенко 2005: 106, рис. 20: 16) (рис. 7: 9).

Роменский уезд (Полтавская губ.), **случайная находка.** В коллекции Ханенко хранилось ***кольцо с розеточками и петелькой*** (ДП 1900: 4, 15, табл. XLIV: 354). Кольцо украшено двумя розеточками по три шарика в каждой. В нижней части кольцо сильно истёрто или недолито (рис. 5: 12).

А.А. Бобринский опубликовал рисунки ***двух пар соединённых колец с одинарными выступами*** из раскопок С.А. Мазараки в 1986 г. в Роменском уезде, без подробностей (Бобринский 1901: 61, табл. XIX: 12, 14). В 1886 г. С.А. Мазараки раскопал курганы в своих поместьях в селах Великие Будки, Волковцы и Аксютинцы Роменского уезда[16]. Курганы описаны скопом, а материал — просто перечислен в самых общих определениях (ОАК за 1882—1888: CXLVI—CXLIX). Единственное, что можно понять — в Великобудковских курганах никаких бронзовых изделий не найдено. Значит, кольца происходят из курганов у с. Волковцы или с. Аксютинцы.

1. ***Спаренные кольца*** с тремя одинарными выступами. Диаметры колец по рисунку (1 : 1) 2,7 × 2,5 см и 2,5 см. Диаметр сечения 2—3 мм (Бобринский 1901: табл. XIX: 12) (рис.1: 13).

2. ***Спаренные кольца*** с четырьмя одинарными выступами. Диаметры колец 2,7 × 2,5 см и 2,3 × 2,7 см. Диаметр сечения 3—7 мм (Бобринский 1901: табл. XIX: 14). Расстояния между выступами неравные (рис. 2: 5).

[16] Надо сказать, что в Роменском уезде вдоль р. Сулы фиксировалось огромное количество курганов, которые к нескольким соседним сёлам привязывались весьма условно и зачастую именуются сейчас «Курганы Посулья». Так что путаница с названиями сёл в данном уезде вполне возможна.

Северное Причерноморье, случайные находки (?). В Государственном историческом музее в Москве хранятся кольца с выступами, опубликованные без привязки к месту находки (Журавлёв, Фирсов 2013: 37, фото 16: а): ***Бронзовые спаренные кольца***[17], каждое с тремя выступами в виде розеточки из трёх шариков. Литники не спилены, одно кольцо недолито именно в том месте, где должна быть третья розеточка (рис. 6: 9).

Сеземице-над-Лучнова (Богемия, Пардубицкий край) из неизвестного контекста происходит ***кольцо с выступами*** типа IA по М. Дембец и М. Карвовски. Внешний диаметр кольца 2,1 см, сечение 0,8 см (Mangel, Jílek 2011: 83, fig. 2: 9; Dębiec, Karwowski 2016: 136, fig. 3: 29). На кольце сочетаются группы по три в ряд, тройные розеточки и несколько одинарных выступов, обусловленных, видимо, браком отливки (рис. 7: 1).

Сеньковка (Киевская обл., Бориспольский р-н), **курган 14.** Погребение разрушено. Среди инвентаря была найдена (под обломками черепа) бронзовая подвеска. Подвеска в виде ***кольца с петелькой*** для подвешивания и тройными шишечками, размещёнными тремя отдельными группами. Диаметр 3,2 см. Погребение датировано IV в. до н.э. (Покровская 1965: 144, 148, табл. 1: 10) (рис. 5: 10).

Синеморец (Болгария, округ Царево), **погребение.** В 2011 г. в ГИМ в Москве проходила выставка «Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды». Среди экспонатов выставлялись вещи из погребения в Синеморце: золотая пластина с гранатом в центре — по обеим коротким сторонам пластины выбито две строчки текста: «Мастер Деметриос сделал для Кортодзунтоса»; 8 золотых пальметт; золотое ***кольцо с тремя группами строенных шариков*** (рис. 5: 1). Середина III в. до н.э. (Фракийское золото 2013a: 286, фото 108; Фракийское золото 2013b: фото 61[18]). К сожалению, никаких других публикаций этого комплекса нам найти не удалось.

Среднее Поднепровье, **случайная находка (?).** В собрании Ханенко (без подробностей и привязки к местности) хранились ***спаренные кольца с выступами.*** Два кольца, украшенные каждое пятью выступами в виде перевёрнутой пирамидки или розеточки на ножке (одной розеточки не хватает) (ДП 1907: 14, табл. IV: 374) (рис. 10: 1).

Старый Мерчик (Харьковская обл., Валковский р-н), **курганный могильник**, **Курган 3, погребение 1.** Скелет наполовину разрушен грабителями. В области кисти правой руки лежал наборной браслет из ***бронзовых спаренных колечек*** (рис. 2: 8) диаметром 2—2,2 см с четырьмя шишечками по верхнему краю, пастовые глазчатые бусины (6 шт.) и одна костяная подвеска усечённо-пирамидальной формы (Бандуровский, Буйнов 2000: 25, 105, рис. 7: 2). Комплекс датирован второй—третьей четвертью IV в. до н.э. (Полин 2014: 74).

Стельница-Градиштя Маре (Румыния, ком. Яломита), **могильник.**

Могила 76 (Conovici, Matei 1999: 41, fig. 38: 17)**.** Найдено ***кольцо с тремя розетками из сдвоенных выступов***. Кольцо разорвано, образовавшиеся концы слегка растянуты. Гетские гробницы из Стельницы-Градиштя Маре датируются, в основном, второй половиной IV в. до н.э. (Conovici, Matei 1999: 143) (рис. 3: 7).

[17] Как уже упоминалось выше, есть большая вероятность того, что эти кольца происходят из раскопанного С.А. Мазараки в 1886 г. кургана 1 у с. Волковцы (Ильинская 1968: 44, 149, XXXII: 12). Мы специально разместили их изображения рядом, чтобы можно было заметить их сходство.

[18] Среди упоминавшихся выше фотографий, сделанных и выложенных в интернет одним из посетителей выставки, было и фото данного изделия, хотя, к сожалению, не лучшего качества. Как, впрочем, и в доступной нам версии каталога, где некоторые фотографии специально ухудшены. Нам пришлось делать рисунок по плохой фотографии.

Требениште (совр. Северная Македония, оз. Охрид)**.** Во время Первой мировой войны, в 1918 г., при проведении земляных работ болгарские солдаты обнаружили несколько могил (№ 1—5). Приехавший в связи с этим К. Шкропил успел исследовать ещё две могилы (№ 6 и 7). Из материалов этого года более или менее достоверны данные именно о раскопанных К. Шкропилом погребениях. Остальные планы составлены со слов солдат, причём через месяц после находок.

Погребение II. План составлен со слов солдат. Поза реконструируется, как вытянутая, руки вдоль туловища. Инвентарь многочисленный и богатый. На месте левого предплечья лежали ***спаренные кольца***, на левой стороне таза был фрагмент железного меча (Filow, Schkropil 1927: 11, 87, Abb. 4; 102: 5; Деген, 1940, 95, рис. 28 а). Судя по фото, *кольца* были украшены тремя округлыми выступами-ножками с тремя шариками на каждом выступе. Одно из колец имело отлитое вместе с ним, но перпендикулярно расположенное малое гладкое кольцо (рис. 8: 3).

Погребение III. План составлен со слов солдат. Инвентарь многочисленный и богатый. На некотором расстоянии от левого локтя лежали ***спаренные кольца с выступами***, возле них — фрагмент железного меча (Filow, Schkropil 1927: 11, 87, Abb. 5; 102: 1; Деген 1940: 95, рис. 28: б). Судя по фото, *кольца* были украшены тремя округлыми выступами-ножками с тремя шариками на каждом выступе. Одно из колец имело отлитое вместе с ним, но перпендикулярно расположенное, малое гладкое кольцо (рис. 8: 5).

Погребение VI. Скелет лажал вытянуто на спине. Инвентарь многочисленный и богатый. Левее левого колена найдены ***две пары спаренных колец с выступами***. Справа от правого плеча лежало ***одинарное кольцо с выступами*** (Filow, Schkropil 1927: 12, 87, Abb. 8; 102: 3, 4, 7; Деген 1940: 95, рис. 28: в; Verger 2014: pl. II: 13). Судя по фото:

1. ***Спаренные кольца с четырьмя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены 3 отдельностоящих шарика. На одном из колец не хватает выступа-ножки (рис. 9: 4);

2. ***Спаренные кольца с четырьмя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены 3 отдельностоящих шарика. На одном из колец не хватает выступа-ножки, но имеется дополнительное малое гладкое кольцо, отлитое с ним в одной плоскости (рис. 9: 2).

3. ***Одинарное кольцо имело только два выступа-ножки*** с тремя шариками. Судя по расположению этих выступов, всего их должно было быть три. Третий выступ — не вылит при изготовлении или отломан (рис. 8: 4).

Погребение VII. Скелет был вытянут на спине, руки вдоль туловища. Между бедренных костей лежала ***пара спаренных колец с выступами***. У левого бедра лежал меч. ***Вторая пара спаренных колец с выступами*** найдена по другую сторону меча (Filow, Schkropil 1927: 12, 87, Abb. 9; 102: 2, 6; Деген 1940: 95, рис. 28: г). Судя по фото:

1. ***Спаренные кольца с четырьмя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены 3 отдельностоящих шарика (рис. 9: 3);

2. Фрагменты двух колец, возможно, спаренных, ***с четырьмя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены 3 отдельностоящих шарика (рис. 9: 1).

В 1930-ых гг. Н. Вулич раскопал ещё несколько погребений этого могильника.

Погребение VIII. Судя по плану (Вулић 1932: 7, Сл. 3: 21), кости погребённого не сохранились. Исходя из расположения золотой маски, пояса и золотых подошв «сандалий», погребённый лежал вытянуто на спине. Инвентарь многочисленный и богатый. Кроме прочего, вдоль предплечья левой руки лежал меч. На уровне левой кисти и левого крыла таза находились *две пары бронзовых спаренных колец с выступами на ножке*.

1. ***Спаренные кольца с тремя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены на равном расстоянии 3 отдельностоящих шарика. Диаметр колец 4 см (Вулић 1932: 27, Сл. 49: б; Das goldene Antlitz 2017: 61, photo) (рис. 8: 2).

2. ***Спаренные кольца с тремя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены на равном расстоянии 3 отдельностоящих шарика. Один выступ-ножка частично отломан. Диаметр колец 4 см (Вулић 1932: 27, Сл. 49: а; Vasić 1987: Tab. LXXVI: 11) (рис. 8: 1).

Погребение X. Описание погребения найти не удалось, но есть перечень предметов, найденных в нём. Кроме посуды, там были: фибулы, серебряные браслеты со змеиными

головками, серьги и подвески, возможно, украшенные филигранью и зернью, серебряные тесьмы, ожерелье из янтарных и стеклянных бусин. В гробнице также были обнаружены ***четыре группы колец с бронзовыми наконечниками*** (Verger 2014: 267). Рисунок колец (правда, только двух неодинаковых пар) находим у Р. Васича (Vasić 1987: 227, Tab. LXXVI: 10, 11[19]). Судя по рисунку:

1. ***Спаренные кольца, украшеные четырьмя выступами*** околобиконической или бипирамидальной формы с одним шариком на верхушке и четырьмя (?) на боках каждого выступа. Вероятно, была ещё одна пара таких колец (рис. 10: 5);

2. ***Спаренные кольца с тремя грушевидными выступами-ножками***, на которых расположены на равном расстоянии 3 отдельностоящих шарика. Один выступ-ножка частично отломан. Диаметр колец 4 см (Вулић 1932: 27, Сл. 49: а; Vasić 1987: Tab. LXXVI: 11). По-видимому, в погребении была ещё одна пара таких колец (рис. 8: 7).

Все погребения, содержавшие колечки с выступами были отнесены к «царским», «княжеским». Могильник датируется третьей четвертью VI — началом V вв. до н.э. (Vasić 1987: 726).

Тржисов (Чехия, Южночешский край, район Чески-Крумлов), **оппида.** С городища происходит фрагмент ***кольца с выступами*** типа IA по М. Дембец и М. Карвовски (Dębiec, Karwowski 2016: 138, fig. 20: 41). Судя по фото, сохранилось около ¼ окружности с двумя выступами-ножками в трёх плоскостях. На ножках расположены по 3 округлые выпуклины (рис. 7: 13).

Троя (совр. Турция, провинция Чанаккале, с. Тевфикие)**, город.** По результатам раскопок Г. Шлимана было выделено 9 слоёв. К верхним из них — VII—IX слоям — были отнесены найденные кольца с выступами: ***Два бронзовых спаренных кольца***, каждое с тремя выступами-бородавками на внешней поверхности. Диаметр 2,4 см (Schmidt 1902: 262, № 6579; Dörpfeld 1902: 406, fig. 411) (рис. 1: 14).

Усть-Каменка (Днепропетровская обл.), **могильник 3. Курган 2, погребение 1.** Скелет женщины лежал на спине с выпрямленными конечностями. Кроме прочего, на груди найдены бусы и пронизи, подвеска-клык животного, ***бронзовые кольца***, якорная подвеска, спиральная и кольцевидная серьги (Костенко, Мухопад 1990: 102, рис. 3: 8). Судя по рисунку, **бронзовое кольцо** имело три пары выступов и диаметр около 2,3 см (рис. 3: 9).

Фанагория (Краснодарский край, пос. Сенной)**, некрополь**.

Плитовая могила 1 (1975). Обнаружена в ходе строительных работ западнее железнодорожной станции Тамань в 1975 г. Вблизи погребения зафиксированы кости человека, обломки каменных плит, верхняя часть глиняного кувшина. Здесь же, до начала раскопок, строителями был обнаружен бронзовый (?) предмет (вероятно, подвеска) в виде ***трёх последовательно пропущенных друг в друга колец*** и стеклянные полихромные бусы. Все кольца по внешней стороне декорированы тремя равно удаленными друг от друга скоплениями сферических выступов. Кроме того, одно из крайних колец снабжено кольцевидной петлей, расположенной с внешней стороны между двух декоративных элементов. Металлическая подвеска и стеклянные бусы, судя по обстоятельствам находки, происходят из рассматриваемого комплекса и по аналогиям могут быть датированы концом II в. до н.э., возможно, началом I в. до н.э. (Ворошилова 2018: 6, рис. 1: 3). Трёхзвенная цепочка колец с тремя розетками из двух выступов (рис. 4: 8).

[19] У нас нет полной уверенности, что эти кольца именно из погребения X, т.к., к сожалению, публикации Н. Вулича по этому году раскопок и большинство более поздних обобщающих работ других авторов отыскать пока не удалось, несмотря на наличие ссылок. План погребения X приведён у С. Верже (Verger 2014: Fig. 3: X) и предметы, похожие на такие кольца, на нём есть. Так же перечислены 4 пары колец среди находок из данного погребения, но изображений колец нет. У Р. Васича имеется рисунок двух пар колец без указания погребения. И одна из этих пар отлична от всех колец из предыдущих погребений. Следовательно, это и есть кольца из погребения X.

Чаварин (Босния и Герцеговина, Республика Сербская, регион Источно-Сараево, район Соколац)**, некрополь**.

Курган IV. Остатки кремации разбросаны по кургану. Найдены следующие артефакты: 2 гравированные биконические бусины из листового серебра; серебряная двойная булавка; 2 фрагмента бронзовых арбалетных фибул; фрагмент фибулы; 2 декоративные булавки из бронзовой проволоки; железная однопетлевая брошь-бантик с квадратным основанием; бронзовая однополосная арочная фибула с квадратным, семигранным основанием; ***бронзовое кольцо с выступами***; бронзовый перстень с гравировкой; 10 рельефных, полусферических декоративных бронзовых пуговиц; 20 эмалевых бусин; 2 железных наконечника со спирально-ребристым листом; 4 железных, сильно окисленных копья с ребристым лезвием; 3 железных наконечника копья; 4 фрагмента железных лезвий ножей; фрагменты небольшого римского сосуда (Fiala 1893: 144, fig. 46). ***Кольцо*** имело 4 округло-биконических выступа, украшенных четырьмя шариками по ребру и ещё одним — на вершине (рис. 10: 4).

Чаплин (Гомельская обл., Лоевский р-н**), могильник.**

Погребение 116. Кремация в яме. В погребении было найдено массивное, отлитое из бронзы ***кольцо***. На внешней стороне стержня имеются характерные выступы-шишечки, сгруппированные по три вместе. Диаметр около 4 см (Кухаренко 1964: 40, табл. 16: 14). Судя по рисунку, кольцо имеет три розеточки из строенных выступов (рис. 5: 8).

Частые курганы (Воронежская обл., урочище)**, могильник.**

Курган 6. Погребение разграблено в древности. Остатки человеческого костяка в виде черепа и нескольких длинных костей, сложенных в кучу. Несколько вещей найдены в разных местах могилы, среди них ***два соединённых колечка*** из белого сплава (серебро ?), украшенные каждое тремя полушаровидными выступами. Диаметр одного кольца 2 см, толщина 0,4 см. На одном сохранились остатки ремешка (Замятнин 1946: 28, рис. 14: 9) (рис. 1: 10).

Чауш (Одесская обл., Ренийский р-н, с.Новосельское), **курганная группа. Курган 4, погребение 1.** Грабленное. В заполнении ямы попадались обломки человеческих костей, обломки бронзового зеркала, два бронзовых кольца, продетых одно в другое, ***бронзовое кольцо с тремя парами шишечек*** по внешней стороне (Гудкова и др. 1981: 65, табл. LV: 5; Суничук 1985: 42, рис. 3: 6). Колечко с тремя розеточками из сдвоенных шариков (рис. 3: 4). Это погребение может быть датировано второй половиной IV в до н.э. (Синика и др. 2021: 357).

Чиста-Брленка (Чехия, Пардубицкий край, округ Свитавы)**, случайная находка.** В 2009 г. с помощью металлодетектора было найдено ***кольцо с выступами*** размерами 4,2 × 4,2 × 1,7 см. Обстоятельства находки довольно любопытны: «Объект был обнаружен на лугу в непосредственной близости от поселка Брленка, в местах концентрации местного населения, подлежавшего для депортации после окончания Второй мировой войны. Столкнувшись с очень неопределенным будущим, люди немецкой национальности избавлялись от мелких предметов большей ценности, которые были у них с собой, которые также иногда находили во время разведки детектором, бросая их в траву. Поэтому нельзя исключать, что кольцо с выпуклостями попало к месту своей находки вторично, как некий антиквариат, носившийся как диковинка в конце первой половины XX века». Датировка — LT C2—D1 (Vích 2014: 120, 126—127, obr. 4: 7; obr. 7). Кольцо с четырьмя группами выступов по три в ряд. На каждом выступе-ножке сверху расположены по четыре шарика. Кольцо сильно истёрто (рис. 7: 14).

Чорнице (Чехия, Пардубицкий край, Свитавский район). В результате обследования местности с помощью металлодетектора, археологи обнаружили ряд вещей, среди которых было ***кольцо бронзовое с выступами***, диаметром 3 см, толщиной 1,2 см (Vích 2017: 640, Obr. 9: 13). 3 розетки из строенных шариков чередуются с тремя группами шариков по три в ряд (рис. 7: 2).

Чукурова (Румыния, округ Тулча), **могильник.** Урновая кремационная могила, случайно обнаруженная во дворе лесничества. Урна стояла в каменной гробнице. Роль урны выполняла синопская амфора. Погребальный инвентарь датирован с помощью монеты из Истрии, выпущенной в III в. до н.э. На аверсе изображен Аполлон, а на реверсе дельфин, терзаемый орлом. Кроме того в урне были ***четыре группы по три или два бронзовых кольца, соединенные между собой и украшенные группами бусинных возвышений***, четыре бронзовые пуговицы украшеные простыми или бисерными концентрическими кругами, группой из 13 форм стеклянных бусин, разных размеров и украшений, два клыка хищника, пять бронзовых колокольчиков, раковины улиток и морская раковина с отверстием (Simion 1976: 162—163, fig. 10: 3; 2003: 157, fig. 2: 4). На фото представлены три трёхзвенные и одна двухзвенная цепочки. Описание по фото:

1. ***Сдвоенные кольца с тремя розеточками из строенных шишечек*** (рис. 6: 6);
2. ***Строенные кольца с тремя розеточками из сдвоенных шишечек*** (3 цепочки)[20]. Кроме обычных выступов на кольцах двух цепочек видны какие-то крепления с дырочками (для продевания нити или технологические (?)) (рис. 4: 1—3). Размер не указан, масшаба на фото нет.

Широкое II (Херсонская обл., Скадовский р-н), **курган 26, погребение 1** (скифское)**.** Парное детское, погребение ограблено в древности. В заполнении могилы найдены мелкие вещи, в т.ч. бронзовое колечко. ***Бронзовое кольцо с тремя выступами*** в виде сдвоенных шариков. Диаметр 2,3 см (Черненко, Бунятян 1977: 47, рис. 9: 29) (рис. 3: 9).

Энея (Греция, Салоники, полуостров Мегало-Эмболо), **могильник.**

Гробница V. Сохранилась только нижняя половина скелета младенца. Кроме прочего инвентаря, на животе младенца, было разбросано много бронзовых украшений, среди которых была ***пара бронзовых колец*** диаметром 3 см. Продетые одно в другое, они были украшены по окружности тремя бронзовыми шарами, расположенными симметрично. По аттической утвари гробница V датируется первой четвертью V в. до н.э. (Βοκοτοπούου 1990: 97, Πίν. 61: δ). Спаренные кольца с тремя одинарными выступами каждое (рис. 1: 15).

Гробница VI. Скелет взрослого (длина 150 см) лежал вытянуто на спине. Кроме прочего инвентаря, между бедренными костями помещалась одиночная фляжка вверх дном, вокруг нее и на дне чаши различные бронзовые украшения македонского типа. Среди них была *пара бронзовых колец* диаметром 3,1 см. Эта гробница немногим старше гробницы V, той же первой четверти V в. до н.э., около 500—480 гг. до н.э. (Βοκοτοπούου 1990: 101, 102, Πίν. 63: ε). Спаренные кольца с тремя одинарными выступами каждое (рис. 1: 12).

Янково (Болгария, Шуменская обл.). **Курган 2, погребение 1** (впускное, кремация)**.** Кости были собраны в восточной половине могилы вместе с украшениями, которые были на усопшем в момент сожжения. В западной половине могилы найдены бронзовое зеркало, лекиф, кольцеобразная плошка и ещё один глиняный сосуд. Среди вещей было ***бронзовое кольцо с тремя двойными выступами.*** Погребение датируется концом IV — началом III вв. до н.э. (Дремсизова 1955: 69, 82, обр. 12: 8) (рис. 3: 10).

[20] Отметим, что фото одной из этих цепочек довольно низкого качества и рассмотреть количество выступов в розеточке сложно. Кроме того, некоторые места на фото явно подрисованы карандашом. Но т.к. цепочки из трёх колец с тройными выступами-розеточками нам не попадались, мы и эту цепочку относим к тому же типу, что и две остальные в этом погребении.

Литература

Бабенко Л.И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: ИД Райдер.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. 2000. *Курганы скифского времени Харьковской области (северодонецкий вариант)*. Киев: ИА НАНУ.

Бидзиля, Болтрик 1971: НА ИА НАНУ. № 1971/24. Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В. Отчёт о работе Запорожской постояннодействующей экспедиции за 1971 год. Раскопки курганов скифского времени в ур. Носаки близ с. Балки Васильевского района, Запорожской области.

Бидзиля и др. 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/10. Бидзиля В.И., Ляшко, С.Н., Микитенко М.М., Отрощенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А. Отчёт о работах Запорожской экспедиции за 1974 год.

Бидзиля и др. 1977: Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки. В: Бидзиля В.И. (отв. ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев: Наукова думка, 61—159.

Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Наукова думка.

Битковский О.В., Полин С.В. 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V—IV вв. до н.э.). В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 74—85.

Бобринский А.А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы* 3. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

Бобринский А.А. 1910. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г. *ИАК* 35, 61—85.

Бужор Э. 1958. О гето-дакийской культуре в Муригиоле. *Dačia* II, 125—141.

Венедиков И. 1948. Раскопките в некропола на Аполония през 1946 г. *Разкопки и проучвания* II, 7—29.

Ворошилова О.М. 2018. Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г. *ПИФК* 1, 5—11.

Вулић Н. 1932. Један нов гроб код Требеништа. *Гласник Скопског научног Друштва* XI, 1—41.

Городцов В.А. 1911. Дневник археологических исследовани в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. В: Уварова П.С. (ред.). *Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове.* Т. 3. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 93—161.

Гречко Д.С. 2019. Скифия от Октамасада до Атея (по материалам Днепровского Лесостепного Левобережья). *АДІУ* 2 (31), 29—52.

Гудкова и др. 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/1. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1981 г.

Гудкова, Суничук 1984: НА ИА НАНУ. № 1984/3а. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции 1984 г.

Гълъбов И. 1955. Каменни гробници от Несебър. *Известия на археологическия институт* XIX, 129—147.

Деген Б.Е. 1940. О «загадочных предметах» из скифских погребений. *КСИА* 7, 93—97.

ДП 1900: *Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко*. Вып. III. *Эпоха, предшествующая великому переселению народов*. Ч. 2. Киев: Типография и Фотогравюра С.В. Кульженко.

ДП 1907: *Древности Приднепровья и Побережья Чёрного моря*. *Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко*. Вып. VI. Киев: Фото-Типография С.В. Кульженко.

Дремсизова Цв. 1955. Надгробни могили при село Янково. *Известия на археологическия институт* XIX, 61—83.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Мозолевский Б.Н., Мурзин В.Ю. (отв. ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 85—115.

Журавлёв Д., Фирсов К. 2013. Фракия, скифский мир и античные города Северного Причерноморья. В: Журавлёв Д., Фирсов К. (науч. ред.). *Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды*. Москва: Кучково поле, 32—38.

Замятнин С.Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской учёной архивной комиссии 1910—1915 гг.). *СА* 8, 9—49.

Ильинская В.А. 1968. *Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ; Центр археологических исследований «Деметра».

Козуб Ю.І. 1974. *Некрополь Ольвії V—IV ст. до н.е.* Київ: Наукова думка.

Костенко В.И., Мухопад С.Е. 1990. Скифские могильники у с. Усть-Каменка Днепропетровской области. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 96—106.

Кулатова И.Н., Супруненко А.Б. 1996. Первый Мгарский курган. В: Супруненко О.Б. (відп. ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: [б.и.], 318—338.

Кухаренко Ю.В. 1964. *Зарубинецкая культура*. Москва: Наука (САИ Д1-19).

Лесков и др. 1969: НА ИА НАНУ. № 1969/22. Лесков А.М., Кубышев А.И., Черненко Е.В., Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Ястребова С.Б., Отрощенко В.В. Отчёт о работе Каховской экспедиции Института археологии АН УССР в 1969 году.

Макаренко Н.Е. 1911. Археологические исследования 1907—1909 гг. *ИАК* 43, 47—76.

Мельник Е. 1905. Дневники раскопокурган Курганы близ с. Кириковки. В: Уварова П.С. (ред.). *Труды Двенадцатого Археологического Съезда*. Т. 1. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 703—743.

Мелюкова 1965: НА ИА НАНУ. № 1965/42. Мелюкова А.И. Отчёт о работе Западно-Скифской экспедиции АН УССР в 1965 году.

Мелюкова А.И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка*. Москва: Наука.

Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Мозолевский Б.Н. 1971. Работы Северо-Рогачикской экспедиции. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1968 году*. Киев: Наукова думка, 30—36.

Мурзин В.Ю., Белан Ю.А., Подвысоцкая Е.П. 2017. *Бердянский курган (Погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н.э.)*. Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк».

Мусин А.Е., Медведева М.В. (науч. ред., сост.). 2019. *Императорская археологическая комиссия (1859—1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

ОАК за 1882—1888: *Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1882—1888*. 1891. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1894: *Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1894.* 1896. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1901: *Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1898*. 1901. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1912: *Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1912*. 1916. Петроград: Типография Главного управления уделов.

Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 2013. Скифские древности. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМИЛ, 374—418.

Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука. (САИ Д4-5).

Плешивенко А.Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии.* Киев: Наукова думка, 53—72.

Полин С.В. *Курганы Украины*. Т. 3. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до на.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Полин С.В., Дараган М.Н. 2021. Скифские катакомбы с двумя входными ямами. Ч. 1. Ритуальные катакомбы. *МАИАСП* 13, 254—342. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.50.33.007.

Покровська Є.Ф. 1965. Кургани біля с. Сеньківки. *Археологія* XVIII, 139—148.

Ромашко В.А., Скорый С.А. 2009. *Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.

Синика и др. 2018: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университете им. Н.И. Лобачевского* 2, 78—93.

Синика и др. 2019: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Stratum plus* 3, 365—390.

Синика и др. 2021: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Закордонец О.А. Скифские погребения кургана 14 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *МАИАСП* 13, 343—379. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.39.90.008.

Суничук Е.Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В: Ванчугов В.П., Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—45.

Тереножкин, Ильинская 1968: НА ИА НАНУ. № 1968/16. Тереножкин А.И., Ильинская В.А. Отчёт о работе Северо-Рогачикской экспедиции Института археологии АН УССР в 1968 г.

Тончева Г. 1956. Тракийското влияние в Одесос. *Известия на Археологическото дружество гр.Варна* X, 51—64.

Тураев Б.А. 1913. Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области. *ИАК* 49, 128—132.
Фармаковский Б.В. 1906. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. *ИАК* 13.
Фиалко Е.Е. 1987. Скифские курганы у с. Новое. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 171—187.
Фиалко Е.Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии.* Киев: Наукова думка, 4—18.
Фіалко О.Є. 2020. «А дівчат амазонки привчали до зброї, коней та полювання…». *АДІУ* 3 (36), 347—359.
Филов Б. 1919. Паметници на тракийското изкуство. *Известия на българското археологическо дружество* IV, 1—56.
Фракийское золото 2013a: Журавлев Д., Фирсов К. (ред.). 2013. *Фракийское золото из Болгарии: Ожившие легенды.* Москва: Кучково поле.
Фракийское золото 2013b: Фракийское золото — ожившие легенды или тайны древнего народа. *Livejournal*. URL: https://vladimirdar.livejournal.com/10465.html (дата обращения 25.05.2023).
Фурманська А.І. 1958. Ливарні форми з розкопок в Ольвії. *Археологічні пам'ятки УРСР* VII, 40—60.
Чередниченко Н.Н., Фиалко Е. Е. 1988. Погребение жрицы из Бердянского кургана. *СА* 2, 149—166.
Черненко Е.В., Бунятян Е.П. 1977. Курганная группа Широкое-II. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Курганы южной Херсонщины*. Киев: Наукова думка, 45—93.
Шкорпилъ К., Шкорпилъ Х. 1898. *Могили*. Пловдивъ: Издание на книжарницата «Пчела» (Луй Безеншек).
Bouzek J. 2006. Macedonian Bronzes — 30 Years Later. *Folia archaeologica Balkanica* I, 97—109.
Bujor E. 1955. Săpăturile de salvare de la Murighiol. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie* VI (3-4), 571—580.
Conovici N., Matei G. 1999. Necropola getică de la Stelnica — Grădiştea Mare (jud. Ialomiţa). Raport general pentru anii 1987—1996. *Materiale şi cercetări arheologice (Serie nouă)* 1, 99—144.
Čižmař M., Salaš M. 2009. Nové hradiště v Moravské bráně. *Archeologické rozhledy* LXI, 63—76.
Das goldene Antlitz 2017: Wolfgang D. 2017. *Das goldene Antlitz des unbekannten Makedonenkönigs Kelten und Makedonen am Ohrid-See — ein Zusammenprall der Kulturen? Katalog der Ausstellung im kelten römer museum manching 24.7.— 16.11.2014*. Manching: Schriften des kelten römer museums manching.
Dębiec M., Karwowski M. 2016. A Typological Study of the La Tène Knotenringe in the Territory of the Boii. In: Karwowski M., Ramsl P.C. (eds.). *Boii — Taurisci. Proceedings of the International Seminar, Oberleis-Klement, June 14th — 15th, 2012.* Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften (*Mitteilungen der Prähistorischen Kommission* 85), 115—146.
Dörpfeld W. 1902. *Troja und Ilion: Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion 1870—1894.* Bd. 1, 2. Athen: Beck & Barth.
Fiala F. 1893. Die Ergebnisse der Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf dem Glasinac im Jahre 1892. *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegovina* 12, 126—168.
Filow B.D., Schkropil K. 1927. *Die Archaische Nekropole von Trebenischte am Ochrida-See*. Berlin; Leipzig: De Gruyter.
Glodariu I. 1984. "*Brăţările" cu nodozităţi Latene târzii. Dacia* XXI, 63—79.
Iaroslavschi E. 1973. Un depozit de bronzuri de la Drencova (Jud. Caraş-Severin). *Banatica* 2, 79—84.
Mangel T., Jílek J. 2011 Drobné laténské nálezy z východních Čech I. *Archeologie východních Čech* 1 (2011), 81—90.
Meduna J. 1962. Laténské žárové hroby *na* Moravě. *Památky archeologické* 53, 87—134.
Moscalu E. 1990. Piese de podoabă din mediul traco-getic şi scitic: Inele şi brăţări ornamentate cu butoni. *Arheologia Moldovei* 13, 149—154.
Patay P. 1962. Újabb ásatás az alsótelekesi vaskori temetőben. *Folia Archaeologica* XIV, 13—21.
Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
Rómer F. 1866. *Műrégészeti kalauz különös tekintettel Magyarországra* 1. *Rész. Őskori Műrégészet*. Pest: Magyar Tudományos Akadémia Archaeológiai Bizottság.
Schmidt H. 1902. *Heinrich Schliemann's Sammlung Trojanischer Altertümerbeschrieben*. Berlin: Georg Reimer.
Simion G. 1976. Les Gètes de la Dobroudja septentrionale du VI e au I er siècles av.n.è. *Thraco-Dacica* I, 143—163.
Simion G. 2003. *Culturi antice în zona gurilor Dunării*. Cluj; Napoca: Nereamia Napocae.
Teodor S. 1981. Aşezarea geto-dacică de la Huşi-Corni. *Thraco-Dacica* II, 169—195.
Thelka Ć. 1912. Ein Tumulus der La-Tene-Periode in Mahrevići (Bez. Čajnica). *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegovina* 12, 12—28.
Vasić R. 1987. Ohridska oblast. *Praistorija jugoslavenskih zemalja* 5, 724—736.

Verger S. 2014: Cratères à volutes et manifestation du rang dans la nécropole aristocratique de Trebenište (FYROM). In: La Genière J., de Denoyelle M., Tsingarida A., Pouzadoux C. (eds.): *Le cratère à volutes : destinations d'un vase de prestige entre Grecs et non-Grecs: actes du Colloque international du Corpus Vasorum Antiquorum, Paris, 26—27 octobre 2012*. Paris: Académie des inscriptions et Belles-Lettres, 253—278.

Βοκοτοπούου Ι. 1990. *Οι ταφικοί τύμβοι της Αίνειας*. Αθήνα: Υπουργείο Πολιτισμού. Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων.

References

Babenko, L.I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyi mogilnik skifskogo vremeni (Pesochinsky burial mound of the Scythian time)*. Kharkov: ID Raider (in Russian).

Bandurovskiy, A.V., Buinov, Iu.V. 2000. *Kurgany skifskogo vremeni Kharkovskoi oblasti (severodonetskiy variant) (Mounds of the Scythian time of the Kharkov region (Severodonetsk version))*. Kyiv: IA NANU (in Russian).

Bidzilia, Boltrik 1971: NA IA NANU. No. 1971/24. Bidzilia V.I., Boltrik IU.V. Otchet o rabote Zaporozhskoy postoiannodeistvuiushchey ekspeditsii za 1971 god. Raskopki kurganov skifskogo vremeni v ur. Nosaki bliz s. Balki Vasilevskogo raiona, Zaporozhskoi oblasti.

Bidzilia i dr. 1974: NA IA NANU. No. 1974/10. Bidzilia V.I., Liashko, S.N., Mikitenko M.M., Otroshchenko V.V., Savovskiy I.P., Tomashevskiy V.A. Otchet o rabotakh Zaporozhskoy ekspeditsii za 1974 god.

Bidzilia i dr. 1977: Bidzilia, V.I., Boltrik, Iu.V., Mozolevskiy, B.N., Savovskiy, I.P. 1977. In: Bidzilia, V.I. (ed.). *Kurgannye mogilniki Riasnye Mogily i Nosaki (Burial mounds Ryasnye Mogily and Nosaki)*. Kyiv: Naukova dumka, 61—159 (in Russian).

Bidzilia, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaimanova Mogila (Scythian royal burial mound Gaimanova Mogila)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Bitkovskiy, O.V., Polin, S.V. 1987. In: Boltrik, Iu.V., Buniatian, E.P. (eds.). *Skify Severnogo Prichernomorya (Scythians of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 74—85 (in Russian).

Bobrinskiy, A.A. 1901. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely 3 (Mounds and random archaeological finds near the town of Smela 3)*. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnago upravleniya udelov (in Russian).

Bobrinskiy, A.A. 1910. In *Izvestiya Arkheologicheskoy Komissii (Proceedings of the Archaeological Commission)* 35, 61—85 (in Russian).

Buzhor, E. 1958. In *Dačia II*, 125—141 (in Russian).

Venedikov, I. 1948. In *Razkopki i prouchvaniia (Excavations and surveys)* II, 7—29 (in Bulgarian).

Voroshilova, O.M. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture)* 1, 5—11 (in Russian).

Vulić, N. 1932. In *Glasnik Skopskog naučnog Društva (Gazette of the Skopje Scientific Society)* XI, 1—41 (in Serbian).

Gorodtsov, V.A. 1911. In: Uvarova, P.S. (ed.). *Trudy Chetyrnadtsatogo arkheologicheskogo syezda v Chernigove (Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov)*. Vol. 3. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 93—161 (in Russian).

Grechko, D.S. 2019. In *Arkheologiya i davnia istoriya Ukraini (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 2 (31), 29—52 (in Ukrainian).

Gudkova i dr. 1981: NA IA NANU. No. 1981/1. Gudkova A.V., Dobroliubskiy A.O., Toshchev G.N., Fokeev M.M. Otchet o rabote Izmailskoy novostroechnoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1981 g.

Gudkova, Sunichuk 1984: NA IA NANU. No. 1984/3a. Gudkova A.V., Sunichuk E.F. Polevoy otchet Orlovskogo kurgannogo otriada Budzhakskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1984 g.

Galabov, I. 1955. In *Izvestia na arheologicheskia institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XIX, 129—147 (in Bulgarian).

Degen, B.E. 1940. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 7, 93—97 (in Russian).

DP 1900: *Drevnosti Pridneprovya. Sobranie B.I. i V.N. Khanenko (Antiquities of the Dnieper region. Collection of V.I. and V.N. Khanenko)*. Iss. III. *Epokha, predshestvuiushchaya velikomu pereseleniyu narodov (The era preceding the great migration of peoples).* Pt. 2. Kyiv: Tipografiia i Fotograviura S.V. Kulzhenko (in Russian).

DP 1907: *Drevnosti Pridneprovya i Poberezhya Chernogo moria.* Sobranie B.I. i V.N. Khanenko *(Antiquities of the Dnieper region and the Black Sea coast. Collection of V.I. and V.N. Khanenko)*. Iss. VI. Kyiv: Foto-Tipografiia S.V. Kulzhenko (in Russian).

Dremsizova, Tsv. 1955. In *Izvestia na arheologicheskia institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XIX, 61—83 (in Bulgarian).

Evdokimov, G.L., Fridman, M.I. 1987. In: Mozolevskiy, B.N., Murzin, V.Iu. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomorya (Scythians of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 85—115 (in Russian).

Zhuravlev, D., Firsov, K. 2013. In: Zhuravlev, D., Firsov, K. (eds.). 2013. *Frakiyskoye zoloto iz Bolgarii: Ozhivshiye legendy (Thracian Gold from Bulgaria: Legends Revived)*. Moscow: Kuchkovo pole, 32—38 (in Russian).

Zamiatnin, S.N. 1946. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 8, 9—49 (in Russian).

Ilinskaia, V.A. 1968. *Skify dneprovskogo lesostepnogo Levoberezhia (kurgany Posulia) (Scythians of the Dnieper forest-steppe Left Bank (Mounds of Posulya))*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Kats, V.I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Greek ceramic hallmarks of the era of classics and Hellenism (the experience of a comprehensive study))*. Simferopol; Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniia NANU; Tsentr arkheologicheskikh issledovanii «Demetra» (in Russian).

Kozub, Yu.I. 1974. *Nekropol Olvii V—IV st. do n.e. (Necropolis of Olbia 5th — 4th centuries BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Kostenko, V.I., Mukhopad, S.E. 1990. In: Kovalova, I.F. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Podneprov'ya (Researches on the archaeology of the Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: DGU, 96—106 (in Russian).

Kulatova, Y.N., Suprunenko, A.B. 1996. In: Suprunenko, O.B. (ed.). *Bilske horodyshche v konteksti vyvchennia pam'iatok rannoho zaliznoho viku Evropy (The Biel settlement in the context of the study of the monuments of the early Iron Age of Europe)*. Poltava: [s.n.], 318—338 (in Ukrainian).

Kukharenko, Iu.V. 1964. *Zarubinetskaya kultura (Zarubinets culture)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses D1-19) (in Russian).

Leskov i dr. 1969: NA IA NANU. No. 1969/22. Leskov A.M., Kubyshev A.I., Chernenko E.V., Terenozhkin A.I., Ilinskaia V.A., Boldin Ia.I., Zaraiskaia N.P., Iastrebova S.B., Otroshchenko V.V. Otchet o rabote Kakhovskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1969 godu.

Makarenko, N.E. 1911. In *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 43, 47—76 (in Russian).

Melnik, E. 1905. In: Uvarova, P.S. (ed.). *Trudy Dvenadtsatogo arkheologicheskogo syezda (Proceedings of the Twelfth Archaeological Congress).* Vol. 1. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 703—743 (in Russian).

Meliukova 1965: NA IA NANU. No. 1965/42. Meliukova A.I. Otchet o rabote Zapadno-Skifskoy ekspeditsii AN USSR v 1965 godu.

Meliukova, A.I. 1975. *Poselenie i mogilnik skifskogo vremeni u sela Nikolaevka (Settlement and burial ground of the Scythian time near the village of Nikolaevka)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Meliukova, A.I. 1979. *Skifiia i frakiyskiy mir (Scythia and the Thracian world)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mozolevskiy, B.N. 1971. In: Tolochko, P.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1968 godu (Archaeological research in Ukraine in 1968)*. Kyiv: Naukova dumka, 30—36 (in Russian).

Murzin, V.Iu., Belan, Iu.A., Podvysotskaya, E.P. 2017. *Berdianskiy kurgan (Pogrebalnyi kompleks skifskogo aristokrata IV v. do n.e.) (Berdyansk mound (Burial complex of a Scythian aristocrat of the 4th century BCE))*. Kyiv: FOP "Vidavets Oleg Filiuk" (in Russian).

Musin, A.E., Medvedeva, M.V. (ed.). 2019. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859—1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiiskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy (Imperial Archaeological Commission (1859—1917): the history of the first state institution of Russian archaeology from foundation to reform)*. Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).

OAK za 1882—1888: *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1882—1888 (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882—1888)*. 1891. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).

OAK za 1894: *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1894 (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1894)*. 1896. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnago upravleniya udelov (in Russian).

OAK za 1901: *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1898 (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898)*. 1901. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnago upravleniya udelov (in Russian).

OAK za 1912: *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1912 (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1912)*. 1916. Petrograd: Tipografiya Glavnago upravleniya udelov (in Russian).

Ostroverkhov, A.S., Redina, E.F. 2013. In: Bruyako, I.V., Samoilova, T.L. (eds.). *Drevnie kultury Severo-Zapadnogo Prichernomorya (Ancient cultures of the Northwestern Black Sea region)*. Odessa: SMIL, 374—418 (in Russian).

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e. (Jewelry of Scythia 7th — 3rd centuries BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses D4-5) (in Russian).

Pleshivenko, A.G. 1991. In: Boltrik, Iu.V., Buniatian, E.P. (eds.). *Kurgany stepnoy Skifii (Mounds of steppe Scythia)*. Kyiv: Naukova dumka, 53—72 (in Russian).

Polin, S.V. *Kurgany Ukrainy (Mounds of Ukraine)*. Vol. 3. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogilnik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotobalkovsky burial mound of the 5th — 4th centuries BCE in the Kherson region)*. Kyiv: Izdatel Oleg Filiuk (in Russian).

Polin, S.V., Daragan, M.N. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 254—342. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.50.33.007 (in Russian).

Pokrovska, E.F. 1965. In *Arheologia (Archaeology)* XVIII, 139—148 (in Ukrainian).

Romashko, V.A., Skoryi, S.A. 2009. *Bliznets-2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom Nadporozhe (Bliznets-2: Scythian aristocratic mound in the Dnieper right-bank Nadporozhye)*. Dnepropetrovsk: Porogy (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018. In *Vestnik Nizhegorodskogo universitete im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky)* 2, 78—93 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Razumov, S.N. 2019. In *Stratum plus* 3, 365—390 (in Russian).

Sinika et al. 2021: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Zakordonets, O.A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 343—379. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.39.90.008 (in Russian).

Sunichuk, E.F. 1985. In: Vanchugov, V.P., Dzis-Raiko, G.A. (eds.). *Pamiatniki drevney istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Monuments of ancient history of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 38—45 (in Russian).

Terenozhkin, Ilinskaia 1968: NA IA NANU. No. 1968/16. Terenozhkin A.I., Ilinskaia V.A. Otchet o rabote Severo-Rogachikskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1968 g.

Toncheva, G. 1956. In *Izvestia na Arheologicheskoto druzhestvo gr. Varna (Notices of the Archaeological Society of Varna)* X, 51—64 (in Bulgarian).

Turaev, B.A. 1913. In *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 49, 128—132 (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1906. In *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 13 (in Russian).

Fialko, E.E. 1987. In: Shaposhnikova, O.G. (ed.). *Drevneishie skotovody stepey yuga Ukrainy (The most ancient pastoralists of the steppes of the south of Ukraine.)*. Kyiv: Naukova dumka, 171—187 (in Russian).

Fialko, E.E. 1991. In: Boltrik, Iu.V., Buniatian, E.P. (eds.). *Kurgany stepnoy Skifii (Mounds of steppe Scythia)*. Kyiv: Naukova dumka, 4—18 (in Russian).

Fialko, O.E. 2020. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 3 (36), 347—359 (in Ukrainian).

Filov, B. 1919. In *Izvastia na balgarskoto arheologichesko druzhestvo (News of the Bulgarian Archaeological Society)* IV, 1—56 (in Bulgarian).

Frakiyskoye zoloto 2013a: Zhuravlev, D., Firsov, K. (eds.). 2013. *Frakiyskoye zoloto iz Bolgarii: Ozhivshiye legendy (Thracian Gold from Bulgaria: Legends Revived)*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Frakiyskoye zoloto 2013b: Thracian gold — revived legends or secrets of the ancient people. Livejournal. Available at: https://vladimirdar.livejournal.com/10465.html (accessed 25.05.2023).

Furmanska, A.I. 1958. In: *Arkheolohichni pam'iatky URSR (Archaeological monuments of the Ukrainian SSR)* VII, 40—60 (in Ukrainian).

Cherednichenko, N.N., Fialko, E. E. 1988. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 149—166 (in Russian).

Chernenko, E.V., Buniatian, E.P. 1977. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Kurgany yuzhnoy Khersonshchiny (Burial mounds of southern Kherson region)*. Kyiv: Naukova dumka, 45—93 (in Russian).

Shkorpil, K., Shkorpil, H. 1898. *Mogili (Mounds)*. Plovdiva: Izdanie na knizharnitsata "Pchela" (Luy Bezenshek) (in Bulgarian).

Bouzek, J. 2006. Macedonian Bronzes — 30 Years Later. *Folia archaeologica Balkanica* I, 97—109.

Bujor, E. 1955. Săpăturile de salvare de la Murighiol. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie* VI (3-4), 571—580.

Conovici, N., Matei, G. 1999. Necropola getică de la Stelnica — Grădiştea Mare (jud. Ialomiţa). Raport general pentru anii 1987—1996. *Materiale şi cercetări arheologice (Serie nouă)* 1, 99—144.

Čižmař, M., Salaš, M. 2009. Nové hradiště v Moravské bráně. *Archeologické rozhledy* LXI, 63—76.

Das goldene Antlitz 2017: Wolfgang, D. 2017. *Das goldene Antlitz des unbekannten Makedonenkönigs Kelten und Makedonen am Ohrid-See — ein Zusammenprall der Kulturen? Katalog der Ausstellung im kelten römer museum manching 24.7.— 16.11.2014*. Manching: Schriften des kelten römer museums manching.

Dębiec, M., Karwowski, M. 2016. A Typological Study of the La Tène Knotenringe in the Territory of the Boii. In: Karwowski, M., Ramsl, P.C. (eds.). *Boii — Taurisci. Proceedings of the International Seminar, Oberleis-Klement, June 14th — 15th, 2012.* Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften (*Mitteilungen der Prähistorischen Kommission* 85), 115—146.

Dörpfeld, W. 1902. *Troja und Ilion: Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion 1870—1894.* Bd. 1, 2. Athen: Beck & Barth.

Fiala, F. 1893. Die Ergebnisse der Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf dem Glasinac im Jahre 1892. *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegovina* 12, 126—168.

Filow, B.D., Schkropil, K. 1927. *Die Archaische Nekropole von Trebenischte am Ochrida-See*. Berlin; Leipzig: De Gruyter.

Glodariu, I. 1984. "*Brăţările" cu nodozităţi Latene târzii. Dacia* XXI, 63—79.

Iaroslavschi, E. 1973. Un depozit de bronzuri de la Drencova (Jud. Caraş-Severin). *Banatica* 2, 79—84.

Mangel, T., Jílek, J. 2011. Drobné laténské nálezy z východních Čech I. *Archeologie východních Čech* 1 (2011), 81—90.

Meduna, J. 1962. Laténské žárové hroby *na* Moravě. *Památky archeologické* 53, 87—134.

Moscalu, E. 1990. Piese de podoabă din mediul traco-getic şi scitic: Inele şi brăţări ornamentate cu butoni. *Arheologia Moldovei* 13, 149—154.

Patay, P. 1962. Újabb ásatás az alsótelekesi vaskori temetőben. *Folia Archaeologica* XIV, 13—21.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Rómer, F. 1866. *Műrégészeti kalauz különös tekintettel Magyarországra* 1. *Rész. Őskori Műrégészet*. Pest: Magyar Tudományos Akadémia Archaeológiai Bizottság.

Schmidt, H. 1902. *Heinrich Schliemann's Sammlung Trojanischer Altertümerbeschrieben*. Berlin: Georg Reimer.

Simion, G. 1976. Les Gètes de la Dobroudja septentrionale du VI e au I er siècles av.n.è. *Thraco-Dacica* I, 143—163.

Simion, G. 2003. *Culturi antice în zona gurilor Dunării*. Cluj; Napoca: Nereamia Napocae.

Teodor, S. 1981. Aşezarea geto-dacică de la Huşi-Corni. *Thraco-Dacica* II, 169—195.

Thelka, Ć. 1912. Ein Tumulus der La-Tene-Periode in Mahrevići (Bez. Čajnica). *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegovina* 12, 12—28.

Vasić, R. 1987. Ohridska oblast. *Praistorija jugoslavenskih zemalja* 5, 724—736.

Verger, S. 2014: Cratères à volutes et manifestation du rang dans la nécropole aristocratique de Trebenište (FYROM). In: La Genière, J., de Denoyelle, M., Tsingarida, A., Pouzadoux, C. (eds.): *Le cratère à volutes : destinations d'un vase de prestige entre Grecs et non-Grecs: actes du Colloque international du Corpus Vasorum Antiquorum, Paris, 26—27 octobre 2012*. Paris: Académie des inscriptions et Belles-Lettres, 253—278.

Βοκοτοπούου, Ι. 1990. *Οι ταφικοί τύμβοι της Αίνειας*. Αθήνα: Υπουργείο Πολιτισμού. Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων.

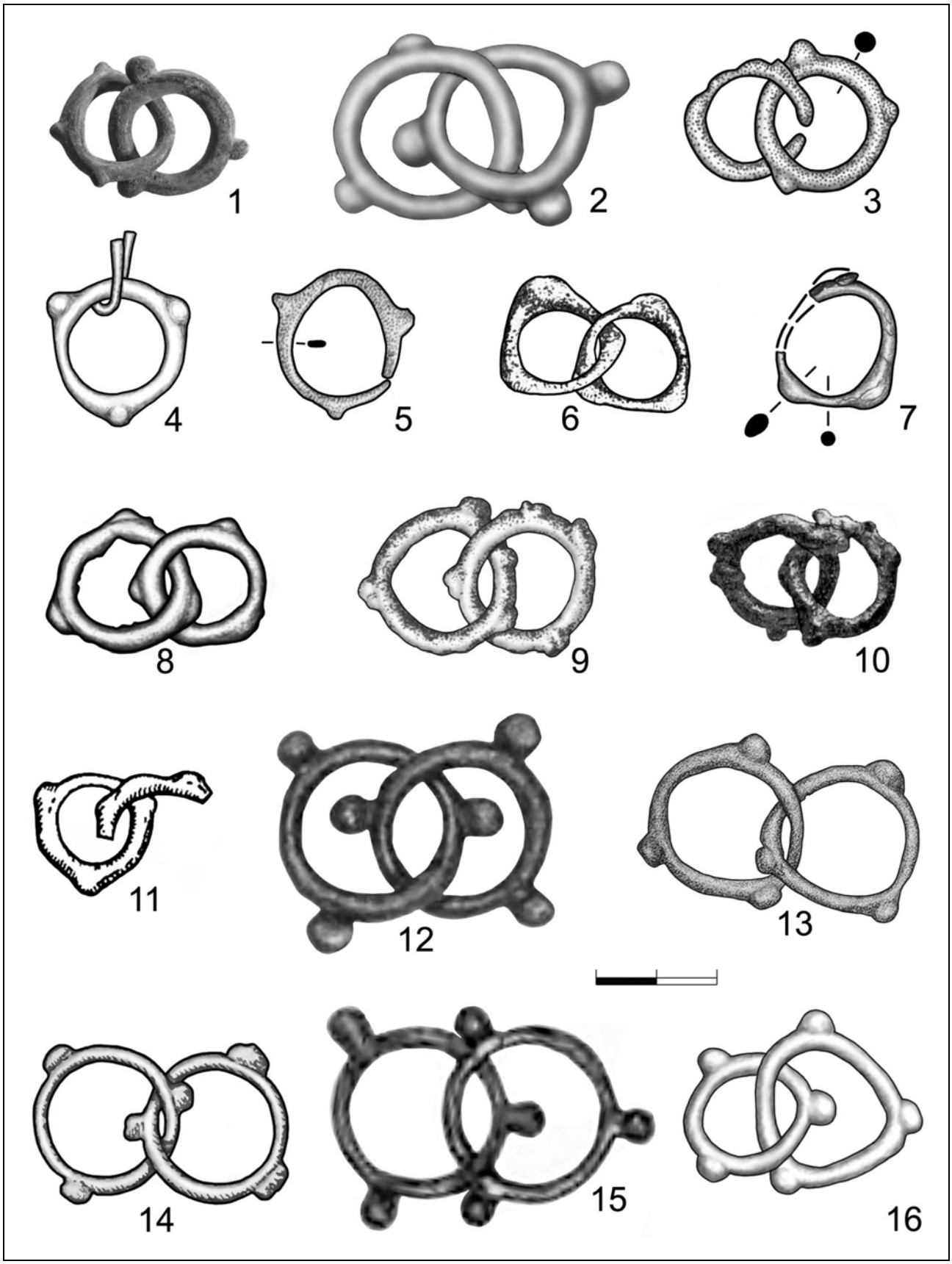

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Рис. 1. Кольца с выступами типа I.1: *4—5, 7* — подтип I.1.3; *1—3, 6, 8—16* — вариант I.1.3(2): *1* — Близнец-2 (по Ромашко, Скорый 2009: рис. 63: 6); *2* — Греция (по Das goldene Antlitz 2017: 14, photo); *3* — Богдановка, курган 3, погребение 2 (по Битковский, Полин 1987: рис. 7: 6); *4* — Балки, курган 16 (по Тереножкин, Ильинская 1968: табл. 7: 3); *5* — Золотая Балка, курган 13, погребение 5 (по Полин 2014: рис. 39: 3); *6* — Ильинка, курган 4, погребение 1 (по Плешивенко 1991: рис. 3: 9); *7* — Глиное-Водовод, курган 7, погребение 2 (по Синика и др. 2019: рис. 4: 3); *8* — Носаки, курган 13 (по Бидзиля и др. 1974: табл. XXVII: 3); *9* — Новое, курган 6, погребение 2 (по Фиалко 1991: рис. 3); *10* — Частые курганы, курган 6 (по Замятнин 1946: рис. 14: 9); *11* — Лубны (по Ильинская 1968: табл. XLVII: 13); *12* — Энея, гробница VI (по Βοκοτοπούου 1990: Πίν. 63: ε); *13* — Роменский уезд (по Бобринский 1901: табл. XIX: 12); *14* — Троя (по Schmidt 1902: No. 6579); *15* — Энея, гробница V (по Βοκοτοπούου 1990: Πίν. 61: δ); *16* — Аксютинцы (по Ильинская 1968: табл. XXVI: 14). Масштаб для: *1—3, 5—12, 14—15*.

Fig. 1. Rings with projections of type I.1: *4—5, 7* — subtype I.1.3; *1—3, 6, 8—16* — option I.1.3(2): *1* — Bliznets-2 (after Romashko, Skoryi 2009: fig. 63: 6); *2* — Greece (after Das goldene Antlitz 2017: 14, photo); *3* — Bogdanovka, barrow 3, grave 2 (after Bitkovskii, Polin 1987: fig. 7: 6); *4* — Balki, barrow 16 (after Terenozhkin, Ilinskaia 1968: tabl. 7: 3); *5* — Zolotaia Balka, barrow 13, grave 5 (after Polin 2014: fig. 39: 3); *6* — Ilinka, barrow 4, grave 1 (after Pleshivenko 1991: fig. 3: 9); *7* — Glinoe-Vodovod, barrow 7, grave 2 (after Sinika et al. 2019: fig. 4: 3); *8* — Nosaki, barrow 13 (after Bidzilia et al. 1974: tabl. XXVII: 3); *9* — Novoe, barrow 6, grave 2 (after Fialko 1991: fig. 3); *10* — Chastye barrowy, barrow 6 (after Zamiatnin 1946: fig. 14: 9); *11* — Lubny (after Ilinskaia 1968: tabl. XLVII: 13); *12* — Eneia, tomb VI (after Βοκοτοπούου 1990: Πίν. 63: ε); *13* — Romenskii uezd (after Bobrinskii 1901: tabl. XIX: 12); *14* — Troia (after Schmidt 1902: No. 6579); *15* — Eneia, tomb V (after Βοκοτοπούου 1990: Πίν. 61: δ); *16* — Aksiutintsy (after Ilinskaia 1968: tabl. XXVI: 14). Scale for: *1—3, 5—12, 14—15*.

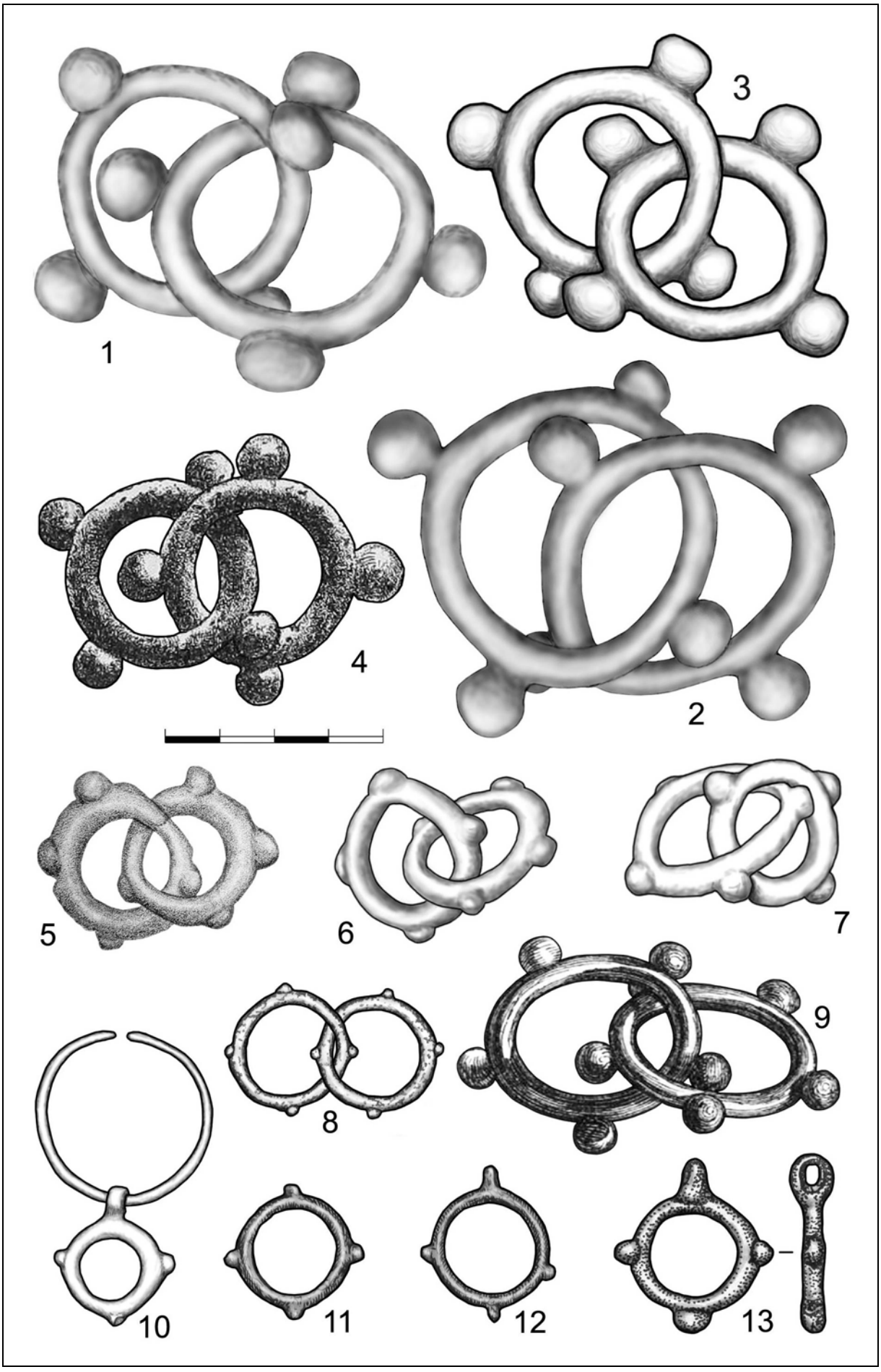

1
3
4
2
5
6
7
8
9
10
11
12
13

Рис. 2. Кольца с выступами типа I.1: *1—8* — подтип I.1.4(2); *9* — подтип I.1.5(2); *10—13* — подтип I.1.3(п): *1—2* — Греция (по Das goldene Antlitz 2017: 14, photo: g, v); *3* — «Македонские бронзы» (по Bouzek 2006: fig. 2: 41); *4* — Махревичи (по Truhelka 1912: fig. 11); *5* — Роменский уезд (по Бобринский 1901: табл. XIX: 14); *6—7*— Аксютинцы — 1897—1899 гг. (по Ильинская 1968: табл. XXVI: 8, 10); *8* — Старый Мерчик, курган 3, погребение 1 (по Бандуровский, Буйнов 2000: рис. 7: 2); *9* — Миштиче (по Rómer 1866: Ábra. 75); *10* — Балки, курган 27, погребение 4 (по Тереножкин, Ильинская 1968: табл. 15: 3); *11* — Красный Перекоп, курган 4, могила 2 (по Лесков и др. 1969: табл. VIII: 2: а); *12* — Красный Перекоп, курган 4, могила 2 (по Лесков и др. 1969: табл. VIII: 2: б); *13* — Первомаевка, курган 4, погребение 2 (по Евдокимов, Фридман 1987: рис. 16: 3). Масштаб для: *1—2, 4—5, 8, 13*.

Fig. 2. Rings with projections of type I.1: *1—8* — subtype I.1.4(2); *9* — subtype I.1.5(2); *10—13* — subtype I.1.3(п): *1—2* — Greece (after Das goldene Antlitz 2017: 14, photo: g, v); *3* — “Macedonian bronz” (after Bouzek 2006: fig. 2: 41); *4* — Mahrevici (after Truhelka 1912: fig. 11); *5* — Romenskiy uyezd (after Bobrinskiy 1901: tabl. XIX: 14); *6—7*— Aksiutintsy — 1897—1899 (after Ilinskaia 1968: tabl. XXVI: 8, 10); *8* — Staryi Merchik, barrow 3, grave 1 (after Bandurovskii, Buinov 2000: Fig. 7: 2); *9* — Miszticze (after Rómer 1866: Ábra. 75); *10* — Balki, barrow 27, grave 4 (after Terenozhkin, Ilinskaia 1968: tabl. 15: 3); *11* — Krasnyi Perekop, barrow 4, grave 2 (after Leskov et al. 1969: tabl. VIII: 2: a); *12* — Krasnyi Perekop, barrow 4, grave 2 (after Leskov et al. 1969: tabl. VIII: 2: b); *13* — Pervomaevka, barrow 4, grave 2 (after Evdokimov, Fridman 1987: fig. 16: 3). Scale for: *1—2, 4—5, 8, 13*.

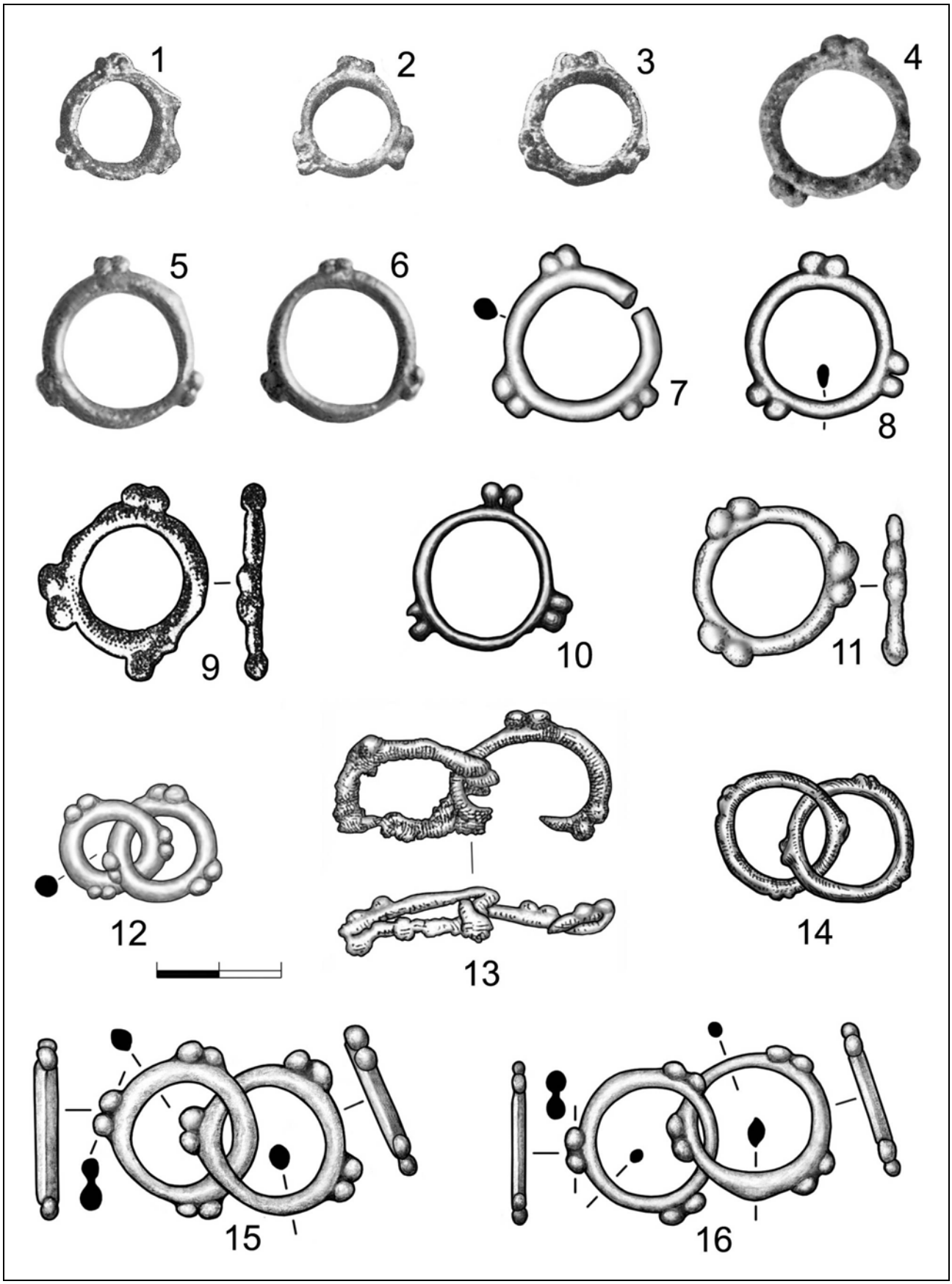

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Рис. 3. Кольца с выступами типа I.2: *1—11* — подтип I.2.3; *12—16* — вариант I.2.3(2): *1—3* — Аполония, погребение 92 и 102 (по Венедиков 1948: обр. 25); *4* — Чауш, курган 4, погребение 1 (по Гудкова и др. 1981: табл. LV: 5); *5—6* — Николаевка, погребение 9 (по Мелюкова 1965: рис. 66: а—б); *7* — Стельница-Градиштя Маре, могила 78 (по Conovici, Matei 1999: fig. 38: 17); *8* — Усть-Каменка, курган 2, погребение 1 (по Костенко 1990: рис. 3: 7); *9* — Широкое, курган 26, погребение 1 (по Черненко, Бунятян 1977: рис. 9: 29); *10* — Янково, курган 2, погребение 1 (по Дремсизова 1955: обр. 12: 8); *11* — Ильинка, курган 4, погребение 4 (по Плешивенко 1991: рис. 9: 5); *12* — Богдановка, курган 3, погребение 2 (по Битковский, Полин 1987: рис. 7: 5); *13* — Муригиол, могила 5 (по Bujor 1955: pl. I: 5); *14* — Ольвия (по Козуб 1974: рис. 44: 2); *15—16* — Глиное-Водовод курган 14, погребение 3 (по Синика и др. 2021: рис. 4: 6, 7). Масштаб для: *1—3, 4—9, 11—16.*

Fig. 3. Rings with projections of type I.2: *1—11* — subtype I.2.3; *12—16* — option I.2.3(2): *1—3* — Apoloniia, grave 92, 102 (after Venedikov 1948: obr. 25); *4* — Chaush, barrow 4, grave 1 (after Gudkova et al. 1981: tabl. LV: 5); *5—6* — Nikolaevka, grave 9 (after Meliukova 1965: fig. 66: a—b); *7* — Stelnica-Grădiştea Mare, mogila 78 (po Conovici, Matei 1999: fig. 38: 17); *8* — Ust-Kamenka, barrow 2, grave 1 (after Kostenko 1990: fig. 3: 7); *9* — Shirokoe, barrow 26, grave 1 (after Chernenko, Buniatian 1977: fig. 9: 29); *10* — Iankovo, barrow 2, grave 1 (after Dremsizova 1955: obr. 12: 8); *11* — Ilinka, barrow 4, grave 4 (after Pleshivenko 1991: fig. 9: 5); *12* — Bogdanovka, barrow 3, grave 2 (after Bitkovskii, Polin 1987: fig. 7: 5); *13* — Murigiol, mogila 5 (after Bujor 1955: pl. I: 5); *14* — Olviia (after Kozub 1974: fig. 44: 2); *15—16* — Glinoe-Vodovod barrow 14, grave 3 (after Sinika et al. 2021: fig. 4: 6, 7). Scale for: *1—3, 4—9, 11—16.*

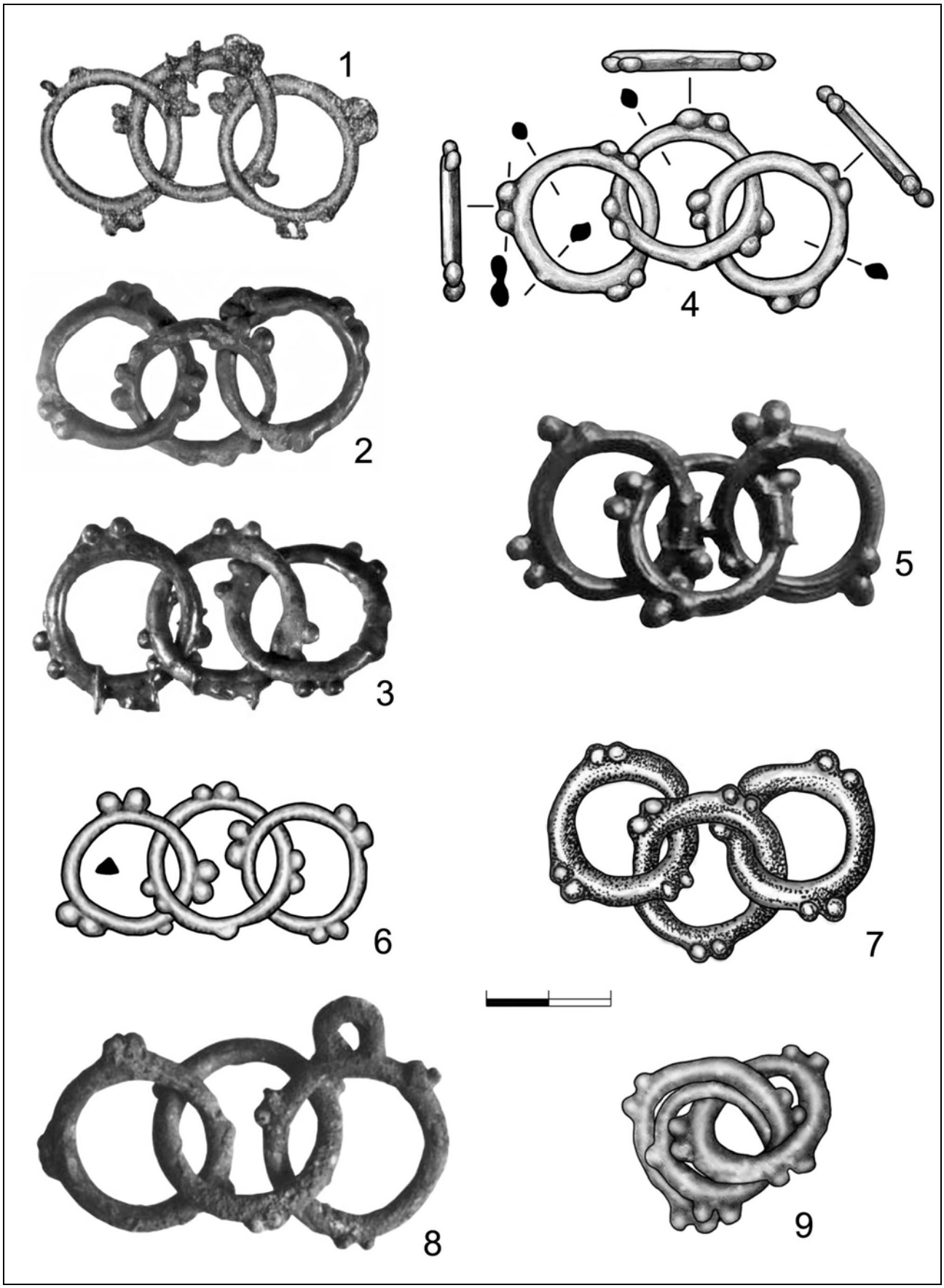

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Рис. 4. Кольца с выступами типа I.2, подтип I.2.3: *1—7, 9* — вариант I.2.3(3): *8* — вариант I.2.3(3п): *1—3* — Чукурова (по Simion 1976: fig. 10: 3v; 2003: Fig. 2: 4); *4* — Глиное-Водовод курган 14, погребение 3 (по Синика и др. 2021: рис. 2: 12); *5* — Николаевка, погребение 9 (по Мелюкова 1965: рис. 66: б); *6* — Мургени (по Teodor 1999: fig. 61: 7); *7* — Градешка, курган 7а, погребение 1 (по Островерхов, Редина 2013: рис.102: 3); *8* — Фанагория, плитовая могила 1 (по Ворошилова 2018: рис. 1: 3); *9* — Градешка, курган 15, погребение 1 (по Гудкова, Суничук 1984: табл. 157: 4). Масштаб для: *4—9*.

Fig. 4. Rings with projections of type I.2, subtype I.2.3: *1—7, 9* — option I.2.3(3): *8* — option I.2.3(3п): *1—3* — Ciucurova (after Simion 1976: fig. 10: 3v; 2003: fig. 2: 4); *4* — Glinoe-Vodovod, barrow 14, grave 3 (after Sinika et al. 2021: fig. 2: 12); *5* — Nikolaevka, grave 9 (after Meliukova 1965: fig. 66: b); *6* — Murgeni (after Teodor 1999: fig. 61: 7); *7* — Gradeshka, barrow 7a, grave 1 (after Ostroverkhov, Redina 2013: fig. 102: 3); *8* — Fanagoriia, slab grave 1 (after Voroshilova 2018: fig. 1: 3); *9* — Gradeshka, barrow 15, grave 1 (after Gudkova, Sunichuk 1984: tabl. 157: 4). Scale for: *4—9*.

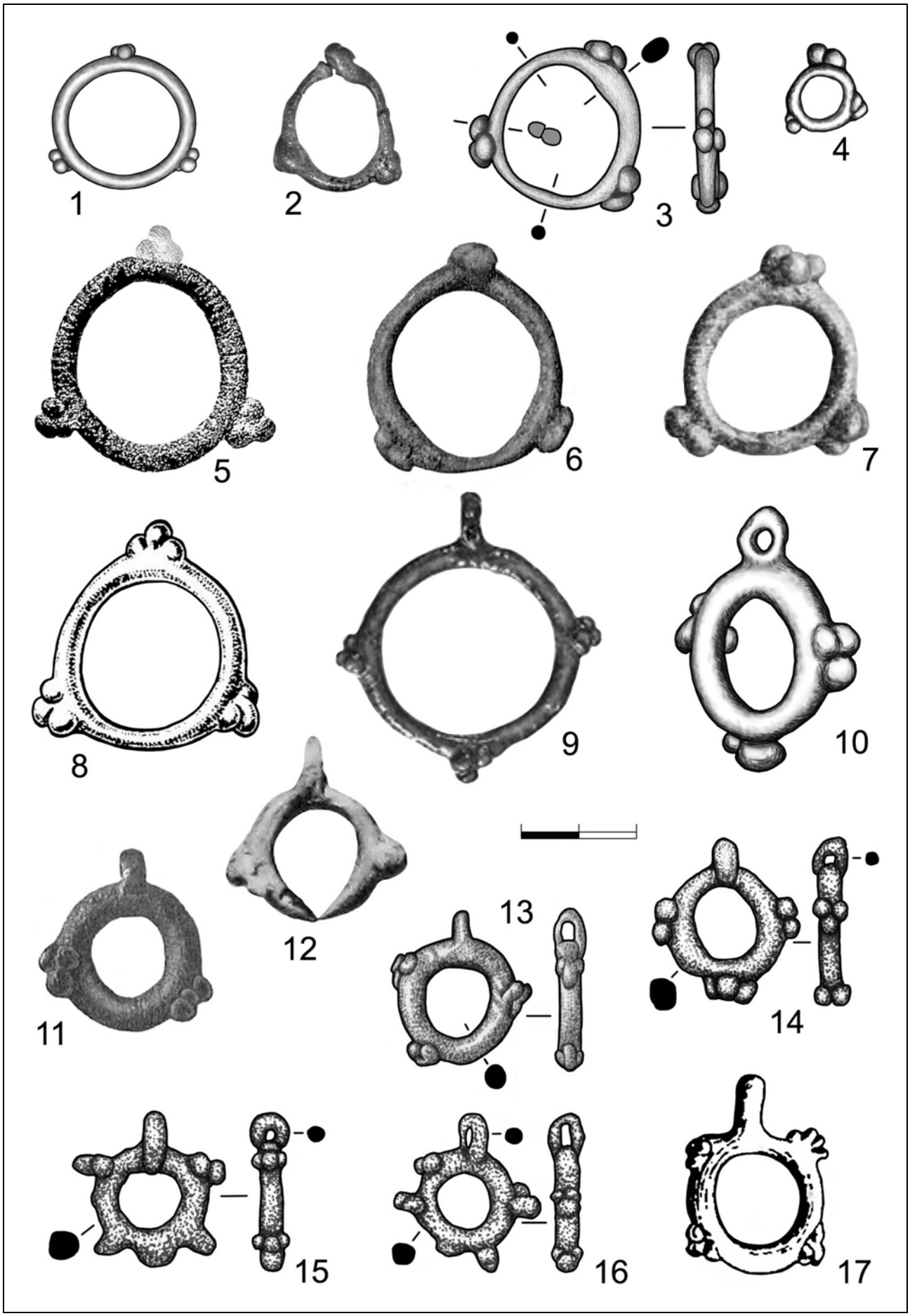

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

Рис. 5. Кольца с выступами типа I.3: *11—12* — подтип I.3.2(п); *1—8* — подтип I.3.3; *9—10*, *13—14* — вариант с петелькой I.3.3(п); *15—17* — подтип I.3.4(п): *1* — Синеморец (по Фракийское золото 2013а: 286, фото 108); *2* — Гайманова Могила, гробница 3 (по Бидзиля, Полин 2012: рис. 713); *3* — Глиное-Сад, курган 8, погребение 2 (по Синика и др. 2018: рис. 4: 8); *4* — Несебр (по Гълъбов 1955: рис. 17: б); *5* — Одессос (по Тончева 1956: табл. I: 12); *6* — Капитановка, курган 487 (по Бобринский 1910: рис. 11); *7* — Панагюриште (по Филов 1919: обр. 24: б); *8* — Чаплин, погребение 116 (по Кухаренко 1964: табл. 16: 14); *9* — Каиры, курган 2, погребение 2 (по Фиалко 2020: рис. 3: 7); *10* — Сеньковка, курган 14 (по Покровская 1965: табл. 1: 10); *11* — Басовка, курган А (по ОАК за 1901: 107, рис. 191); *12* — Роменский уезд (по ДП 1900: табл. XLIV: 354); *13* — Золотая Балка, курган 13, погребение 5 (по Полин 2014: рис. 39: 5); *14—16* — Мгарь (по Кулатова, Супруненко, 1996, рис. 14: *5:* а—в); *17* — Волковцы, курган 1 (по Ильинская 1968: табл. XXXII: 11). Масштаб для: *2—11, 13—17*.

Fig. 5. Rings with projections of type I.3: *11—12* — subtype I.3.2(п); *1—8* — subtype I.3.3; *9—10*, *13—14* — loop option I.3.3(п); *15—17* — subtype I.3.4(п): *1* — Sinemorets (po Frakiiskoe zoloto 2013a: 286, photo 108); *2* — Gaimanova Mogila, tomb 3 (after Bidzilia, Polin 2012: fig. 713); *3* — Glinoe-Sad, barrow 8, grave 2 (after Sinika et al. 2018: fig. 4: 8); *4* — Nesebr (after Gieliebov 1955: fig. 17: b); *5* — Odessos (after Toncheva 1956: tabl. I: 12); *6* — Kapitanovka, barrow 487 (after Bobrinskii 1910: Fig. 11); *7* — Panagiurishte (after Filov 1919: obr. 24: б); *8* — Chaplin, grave 116 (after Kukharenko 1964: tabl. 16: 14); *9* — Kairy, barrow 2, grave 2 (after Fialko 2020: fig. 3: 7); *10* — Senkovka, barrow 14 (after Pokrovskaia 1965: tabl. 1: 10); *11* — Basovka, barrow A (after OAK za 1901: 107, fig. 191); *12* — Romenskii uezd (after DP 1900: tabl. XLIV: 354); *13* — Zolotaia Balka, barrow 13, grave 5 (after Polin 2014: fig. 39: 5); *14—16* — Mgar (after Kulatova, Suprunenko 1996, fig. 14: 5: а—в); *17* — Volkovtsy, barrow 1 (after Ilinskaia 1968: tabl. XXXII: 11). Scale for: *2—11, 13—17*.

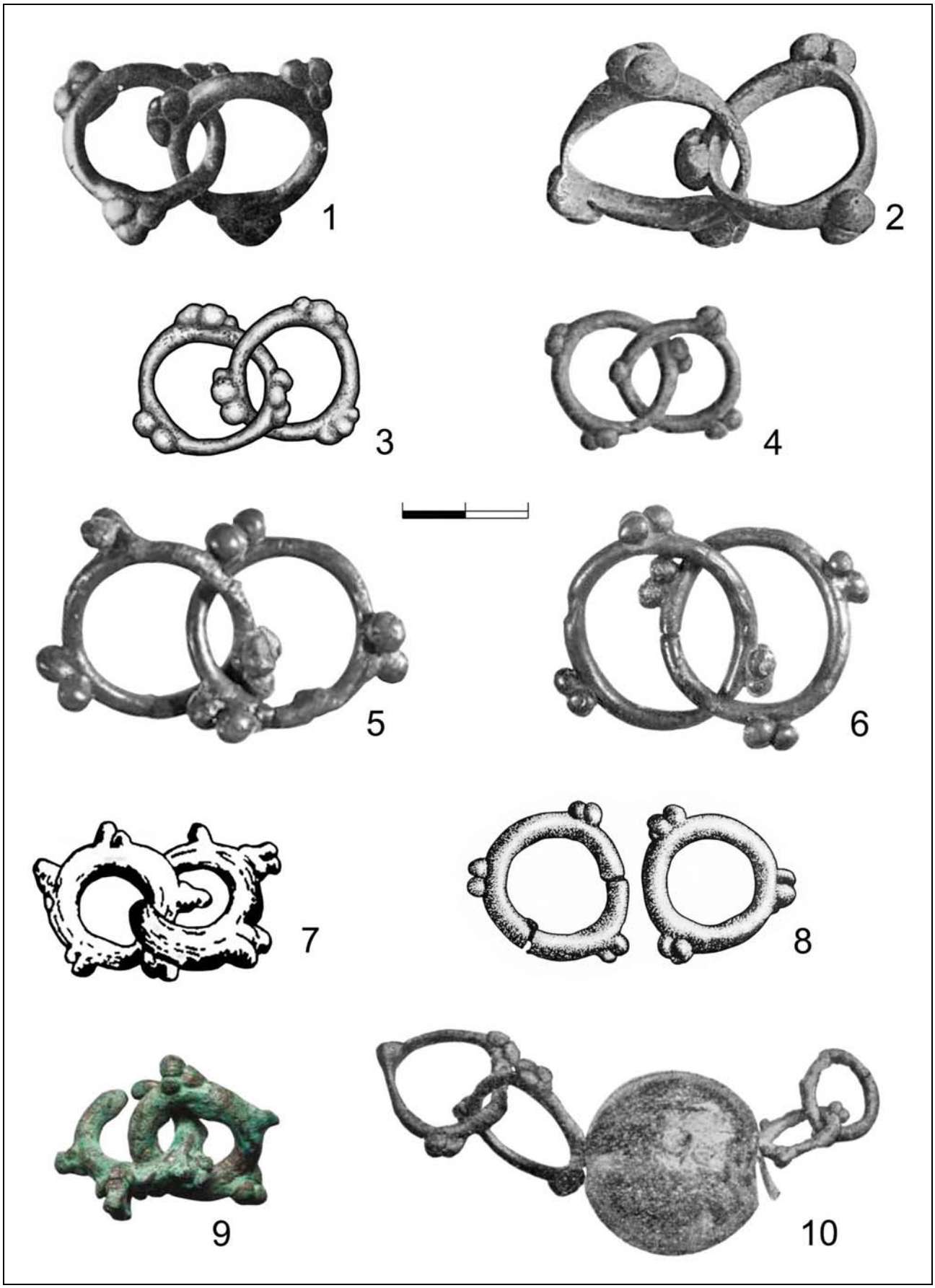

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Рис. 6. Кольца с выступами типа I.3, подтип I.3.3(2): *1* — Мастюгино, курган 5 (по Макаренко 1911: табл. 1: 11); *2* — Брезово (по Филов 1919: обр. 8); *3* — Ильинка, курган 4, погребение 6 (по Плешивенко 1991: рис. 11: 6); *4* — Бедняково (по Филов 1919: обр. 28); *5* — Каиры, курган 2, погребение 2 (по Фиалко 2020: рис. 3: 6); *6* — Чукурова (по Simion 2003: fig. 2: 4); *7* — Волковцы, курган 1 (по Ильинская 1968: табл. XXXII: 12); *8* — Носаки, курган 4, погребение 3 (по Бидзиля, Болтрик 1971: рис. 63); *9* — Северное Причерноморье (по Журавлёв, Фирсов 2013: фото 16: а); *10* — Кириковка, курган 12, погребение 4 (по Мельник 1905: рис. 119). Масштаб для: *2—5, 7—8*.

Fig. 6. Rings with projections of type I.3, subtype I.3.3(2): *1* — Mastiugino, barrow 5 (after Makarenko 1911: tabl. 1: 11); *2* — Brezovo (after Filov 1919: obr. 8); *3* — Ilinka, barrow 4, grave 6 (after Pleshivenko 1991: fig. 11: 6); *4* — Bedniakovo (after Filov 1919: obr. 28); *5* — Kairy, barrow 2, grave 2 (after Fialko 2020: fig. 3: 6); *6* — Chukurova (after Simion 2003: fig. 2: 4); *7* — Volkovtsy, barrow 1 (after Ilinskaia 1968: tabl. XXXII: 12); *8* — Nosaki, barrow 4, grave 3 (after Bidzilia, Boltrik 1971: fig. 63); *9* — Northern Black Sea region (after Zhuravlev, Firsov 2013: foto 16: a); *10* — Kirikovka, barrow 12, grave 4 (after Melnik 1905: fig. 119). Scale for: *2—5, 7—8*.

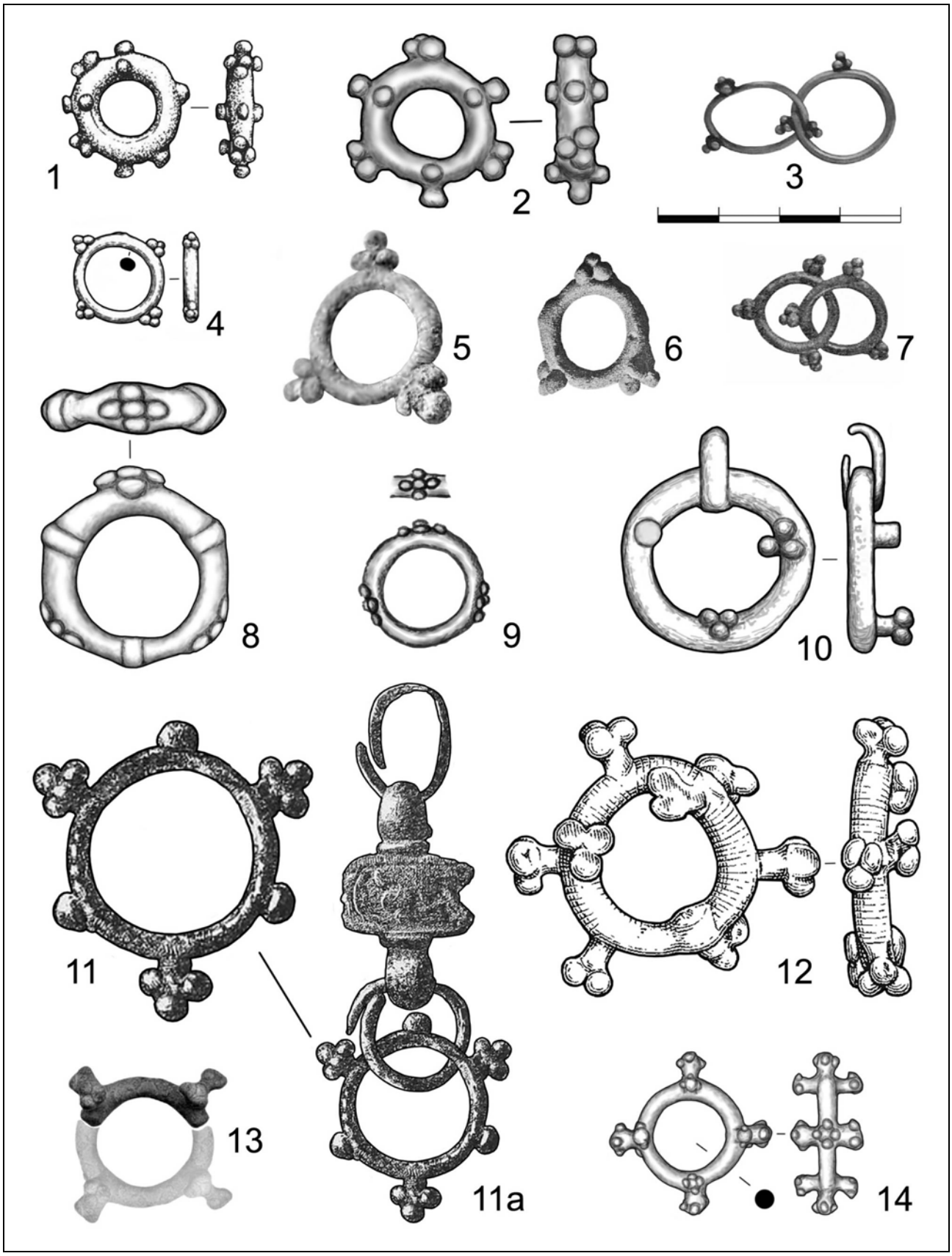

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
11a
12
13
14

Рис. 7. Кольца с выступами, редкие и смешанные типы: *5—6* — I.4.3; *3, 7* — I.4.3(2); *4* — I.4.4; *1* — I.3.4 + III.4; *2* — I.3.3 + III.3; *8—9* — I.5.3; *10* — I(б).6.3.3(п); *12* — III.6.3.3 + I.6.3.3; *11—11a* — I.6.4.3 + I.1.3; *13* — III.6.4.3; *14* — III.6.4.4: *1* — Сеземице-над-Лучнова (по Dębiec, Karwowski 2016: fig. 3: 29); *2* — Чорнице (по Vích 2017: Obr. 9: 13); *3* — Бердянский курган (по Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017: кат. 114); *4* — Моравске Бране (по Čižmář, Salaš 2009: Obr. 7: 11); *5* — Ольвия, гробница 7, погребение 3 (по Мусин, Медведева 2019: 666, фото); *6* — Осняги, курган 5 (по Городцов 1911: табл. III: 16); *7* — Марьевская (по Тураев 1913: рис. 1); *8* — Оберлейзберг (по Dębiec, Karwowski 2016: Obr. 6: 61; 17: 61 — наша прорисовка по обработанному фото и рисунку); *9* — Песочин, курган 9 (по Бабенко 2005: рис. 20: 16); *10* — Аксютинцы, курган 5 (по Ильинская 1968: табл. XXI: 9); *11—11a* — Махревичи (по Truhelka 1912: fig. 12); *12* — Жданице (по Dębiec, Karwowski 2016: fig. 5: 58); *13* — Тржисов (по Dębiec, Karwowski 2016: Obr. 20: 41 — с элементами реконструкции); *14* — Чиста-Брленка (по Vích 2014: obr. 4: *7*). Масштаб для: *1—4, 6—14*.

Fig. 7. Rings with projections, rare and mixed types: *5—6* — I.4.3; *3, 7* — I.4.3(2); *4* — I.4.4; *1* — I.3.4 + III.4; *2* — I.3.3 + III.3; *8—9* — I.5.3; *10* — I(б).6.3.3(п); *12* — III.6.3.3 + I.6.3.3; *11—11a* — I.6.4.3 + I.1.3; *13* — III.6.4.3; *14* — III.6.4.4: *1* — Sezemice nad Loučnou (after Dębiec, Karwowski 2016: fig. 3; 29); *2* — Chornice (after Vích 2017: Obr. 9: *13*); *3* — Berdianskii barrow (after Murzin, Belan, Podvysotskaia 2017: kat. 114); *4* — Moravské bráně (after Čižmář, Salaš 2009: Obr. 7: *11*); *5* — Olviia, tomb 7, grave 3 (after Musin, Medvedeva 2019: 666, photo); *6* — Osnyagi, barrow 5 (after Gorodtsov 1911: tabl. III: 16); *7* — Maryevskaya (afterTuraev 1913: fig. 1); *8* — Oberleiserberg (after Dębiec, Karwowski: 2016, Obr. 6: 61; 17: 61 — our drawing on the processed photo and drawing); *9* — Pesochin, barrow 9 (after Babenko 2005: fig. 20: 16); *10* — Aksiutintsy, barrow 5 (after Ilinskaia 1968: tabl. XXI: 9); *11—11a* — Mahrevici (after Truhelka 1912: fig. 12); *12* — Ždánice (after Dębiec, Karwowski 2016: fig. 5: 58); *13* — Třísov (after Dębiec, Karwowski 2016: Obr. 20: *41* — with elements of reconstruction); *14* — Čistá-Brlenka (after Vích 2014: obr. 4: 7). Scale for: *1—4, 6—14*.

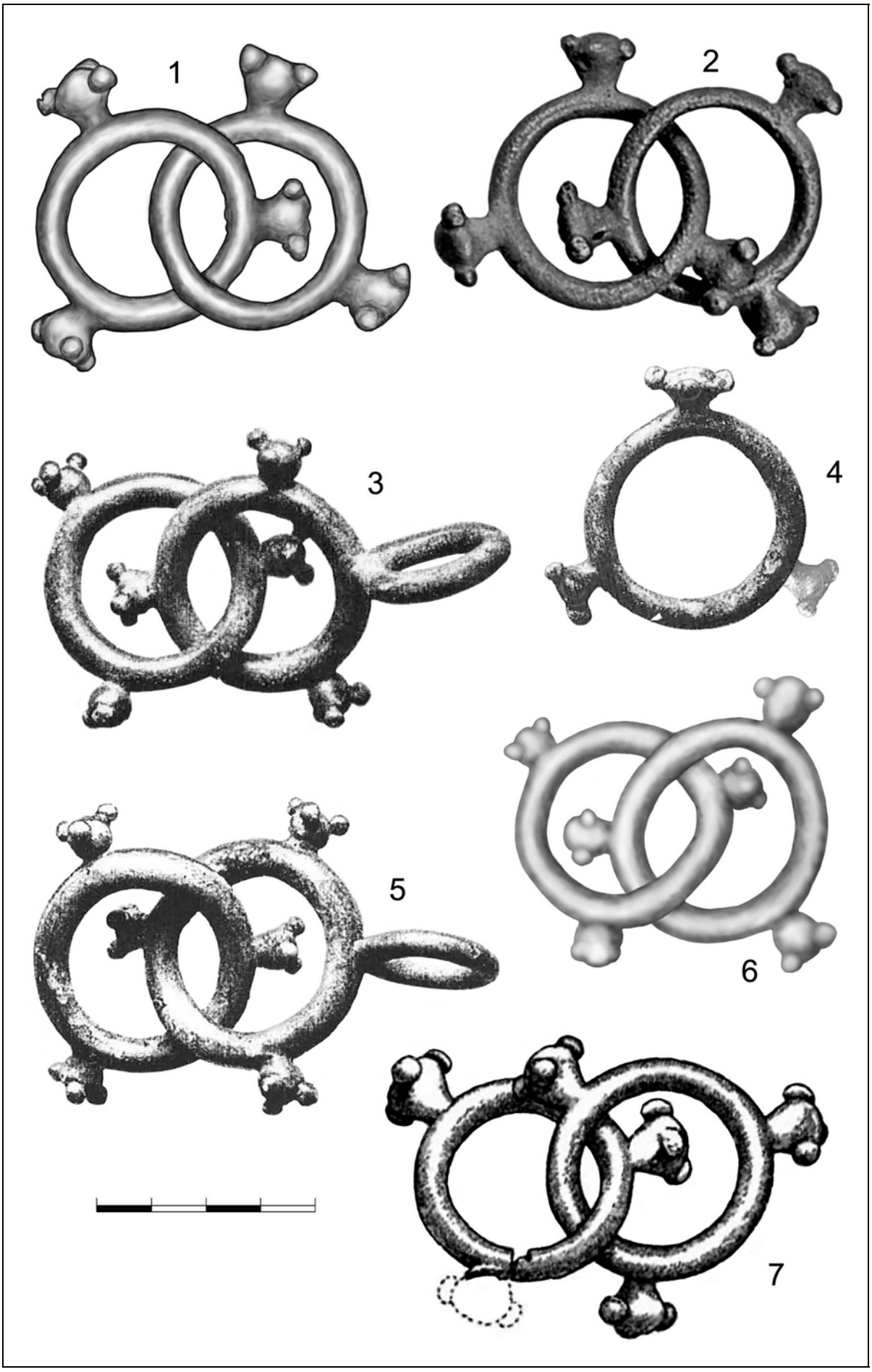

1
2
3
4
5
6
7

Рис. 8. Кольца с выступами типа I.6: ***4*** **— подтип I.6.3.3;** ***1—3, 5—7*** **— вариант I.6.3.3(2):** *1—2* — Требениште, погребение VIII, (по Vulic 1932: fig. 49; Das goldene Antlitz 2017: 61, photo); *3* — Требениште, погребение II (по Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 5); *4* — Требениште, погребение VI (по Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 4); *5* — Требениште, погребение III (по Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 1); *6* — Греция (по Das goldene Antlitz 2017: 14, photo); *7* — Требениште, погребение X (по Vasič 1987: tabl. LXXVI: 10). Масштаб для: *1—2, 6—7.*

Fig. 8. Rings with projections of type I.6: ***4*** **— subtype I.6.3.3;** ***1—3, 5—7*** **— option I.6.3.3(2):** *1—2* — Trebenischte, grave VIII, (after Vulic 1932: fig. 49; Das goldene Antlitz 2017: 61, photo); *3* — Trebenischte, grave II (after Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 5); *4* — Trebenischte, grave VI (after Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 4); *5* — Trebenischte, grave III (after Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 1); *6* — Greece (after Das goldene Antlitz 2017: 14, photo); *7* — Trebenischte, grave X (after Vasič 1987: tabl. LXXVI: 10). Scale for: *1—2, 6—7.*

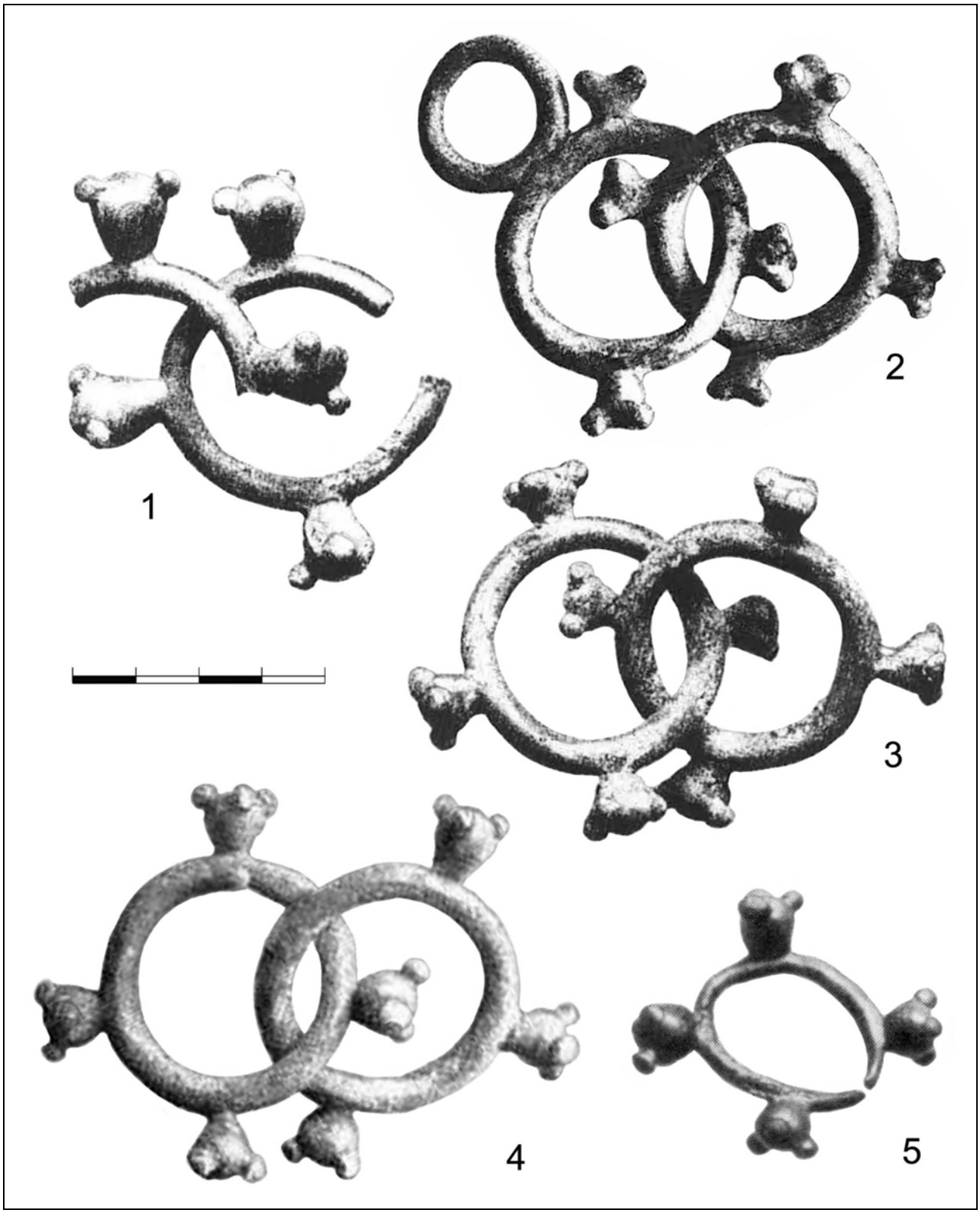

1
2
3
4
5

Рис. 9. Кольца с выступами типа I.6: *5* — подтип I.6.4.3; *1—4* — вариант I.6.4.3(2): *1, 3* — Требениште, погребение VII (по Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 2, 6); *2* — Требениште, погребение VI (по Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 7); *4* — Требениште, погребение VI (по Verger 2014: pl. II: 13); *5* — Альсотелекс (по Patay 1962: tabl. III: 4). Масштаб для: *5*.

Fig. 9. Rings with projections of type I.6: *5* — subtype I.6.4.3; *1—5* — option I.6.4.3(2): *1, 3* — Trebenischte, grave VII (after Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 2, 6); *2* — Trebenischte, grave VI (after Filow, Schkropil 1927: Abb. 102: 7); *4* — Trebenischte, grave VI (after Verger 2014: pl. II: 13); *5* — Alsótelekes (after Patay 1962: tabl. III: 4). Scale for: *5*.

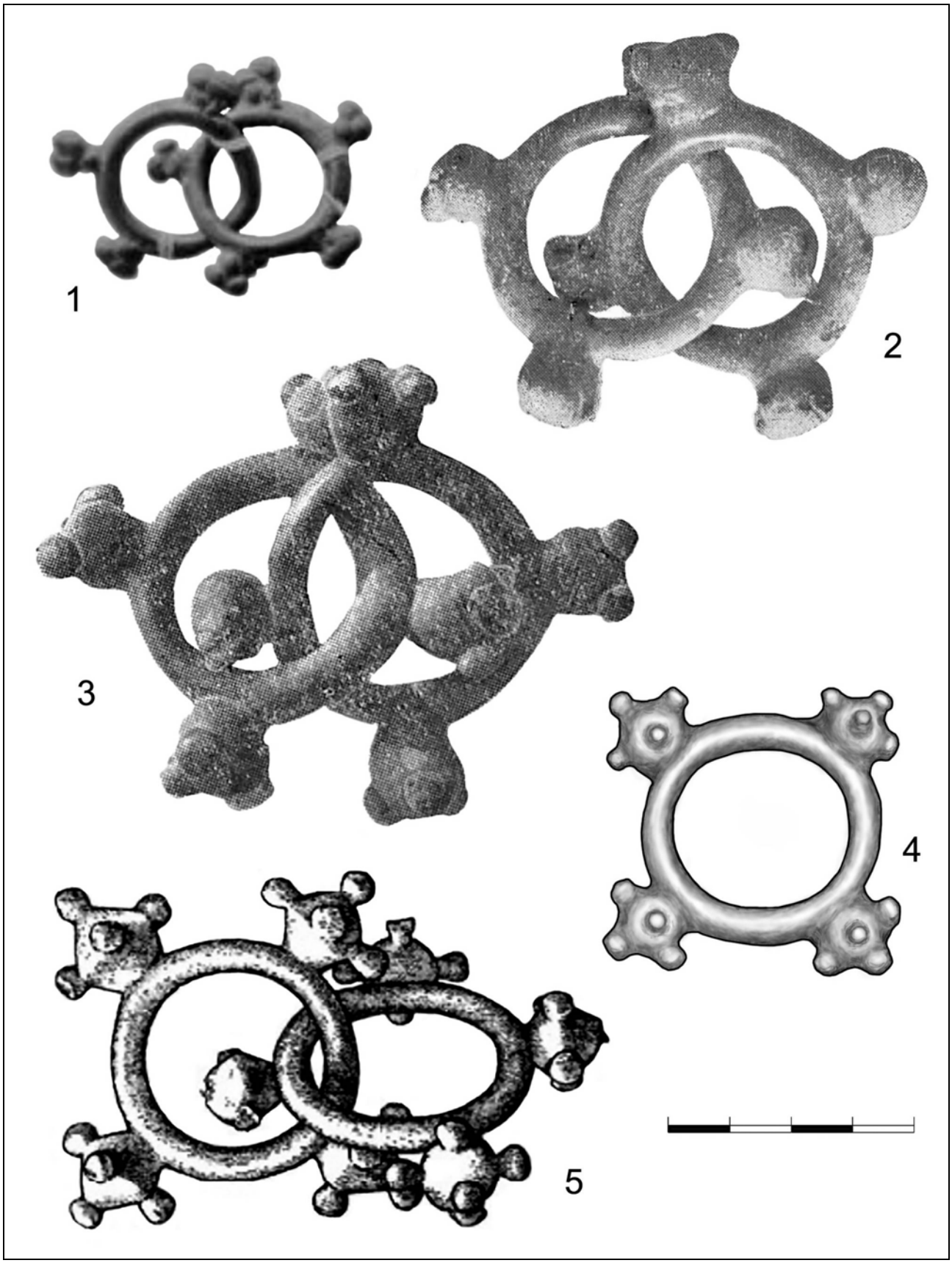
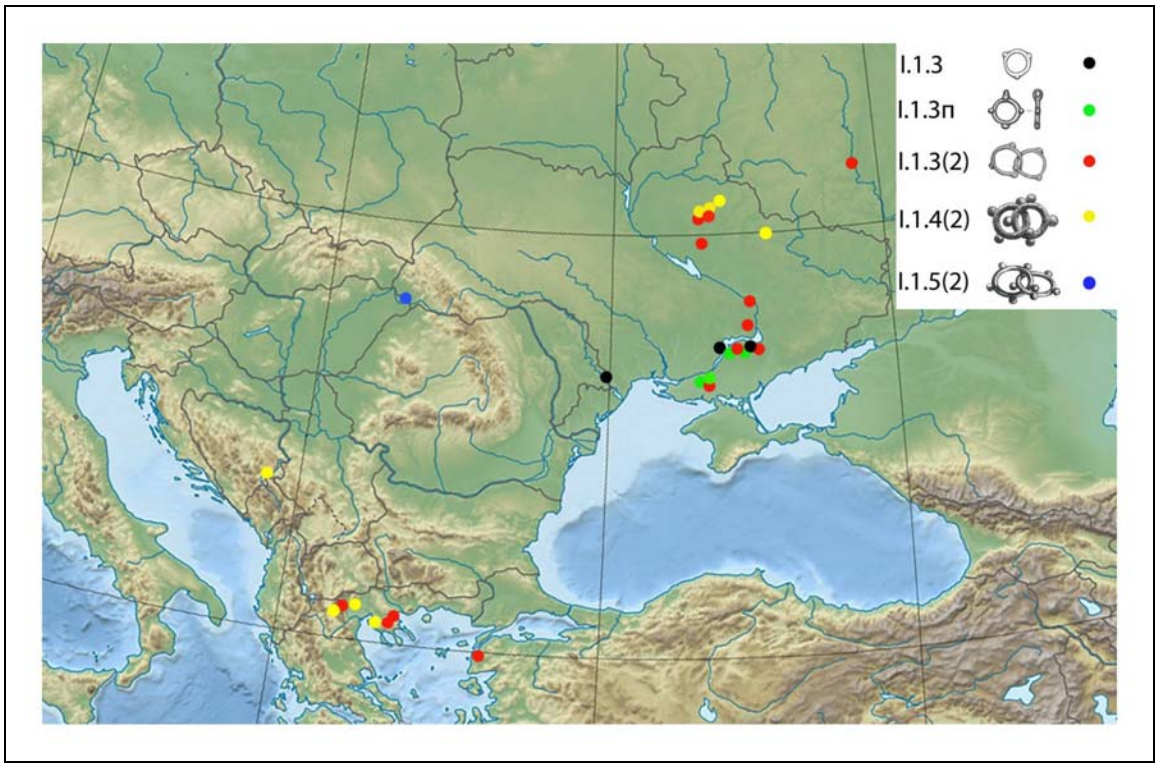

1
2
3
4
5

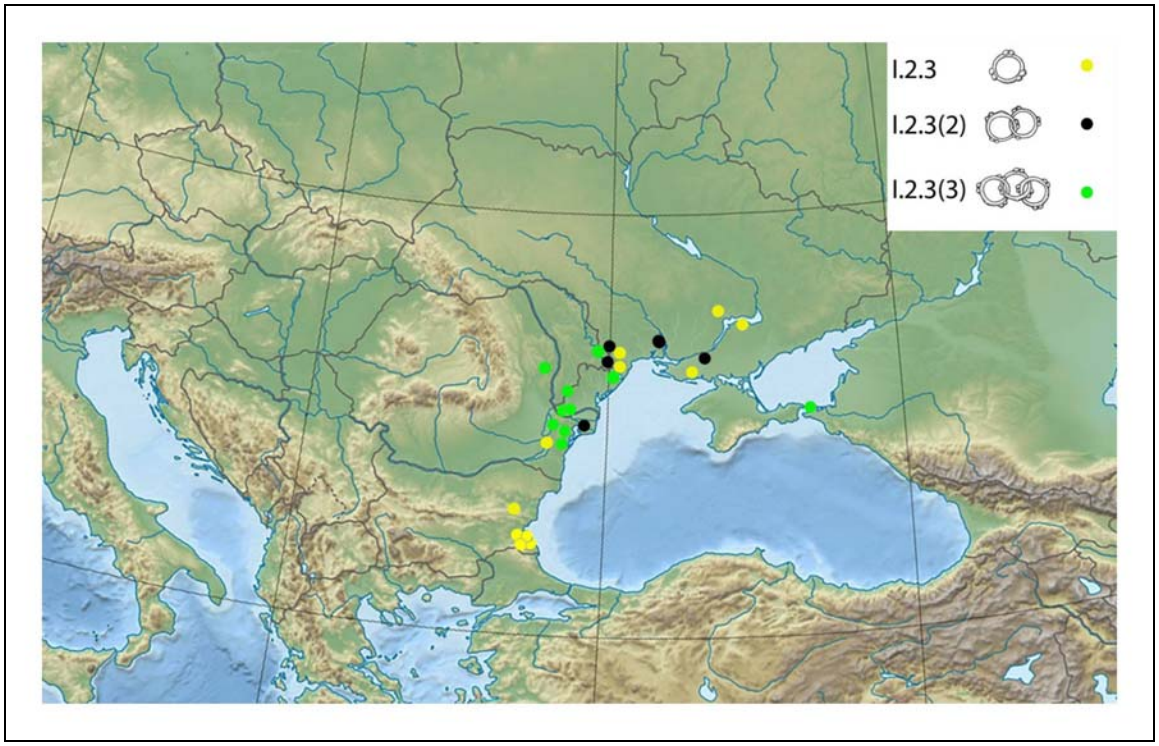
Рис. 10. Кольца с выступами, тип I.6: *1* — подтип I.6.5.3(2); *2—3* — подтип I.6.4.3(2); *4* — подтип I.6.4.5; *5* — вариант I.6.4.5(2): *1* — 6.5.3(2) — Среднее Поднепровье (по ДП 1907: табл. IV: 374); *2—3* — Дренкова (по Iaroslavschi 1973: fig. 4: a—b); *4* — Чаварин, курган IV (по Fiala 1893: fig. 46); *5* — Требениште, погребение X (по Vasič 1987: tabl. LXXVI: 10). Масштаб для: *2—3*.

Fig. 10. Rings with projections of type I.6: *1* — subtype I.6.5.3(2); *2—3* — subtype I.6.4.3(2); *4* — subtype I.6.4.5; *5* — option I.6.4.5(2): *1* — 6.5.3(2) — Middle Dnieper (after DP 1907: Tabl. IV: 374); *2—3* — Drencova (after Iaroslavschi 1973: fig. 4: a—b); *4* — Čavarine, barrow IV (after Fiala 1893: fig. 46); *5* — Trebenischte, grave X (after Vasič 1987: tabl. LXXVI: 10). Scale for: *2—3*.



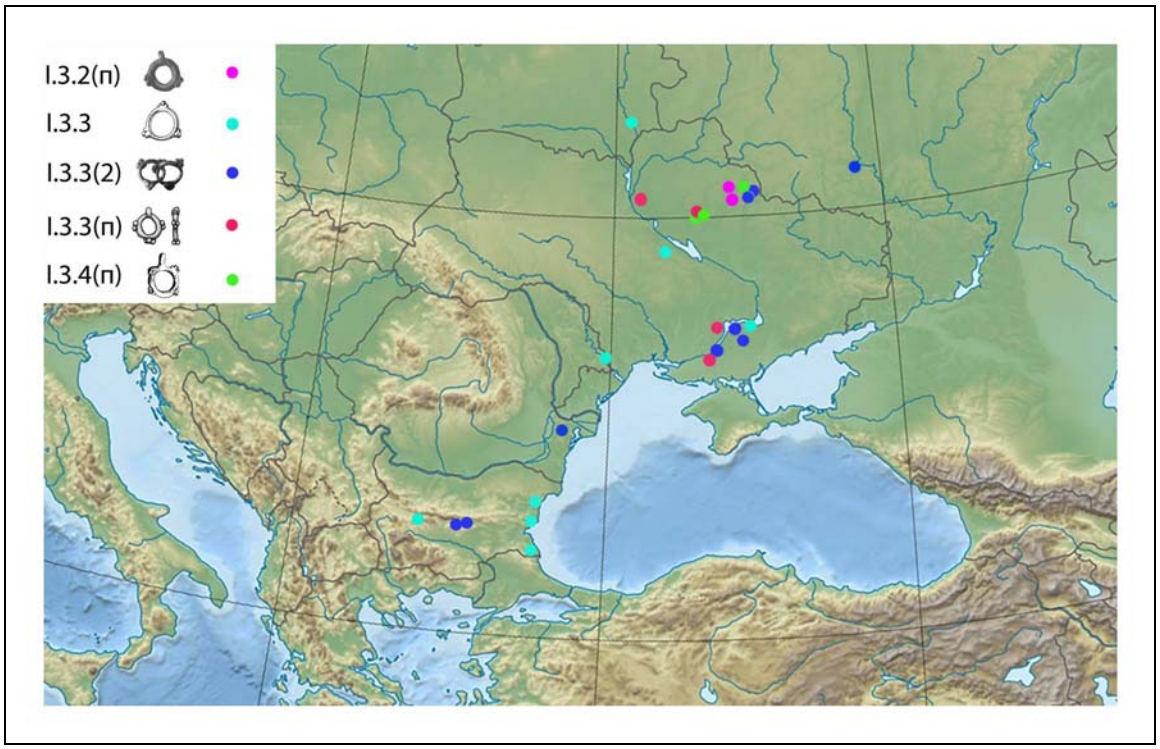
Карта. 1. Распространение колец с выступами типа I.1.

Map. 1. Area of rings with projections of type I.1.



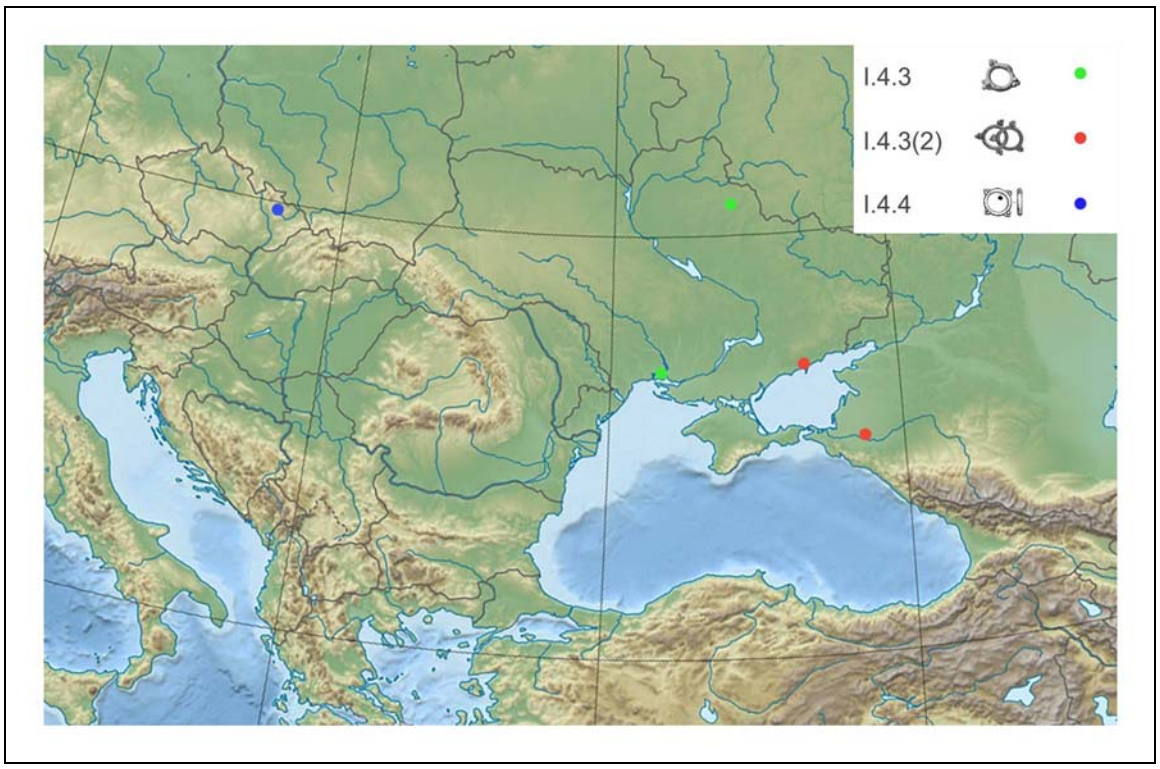
Карта. 2. Распространение колец с выступами типа I.2.

Map. 2. Area of rings with projections of type I.2.



Карта. 3. Распространение колец с выступами типа I.3.

Map. 3. Area of rings with projections of type I.3.

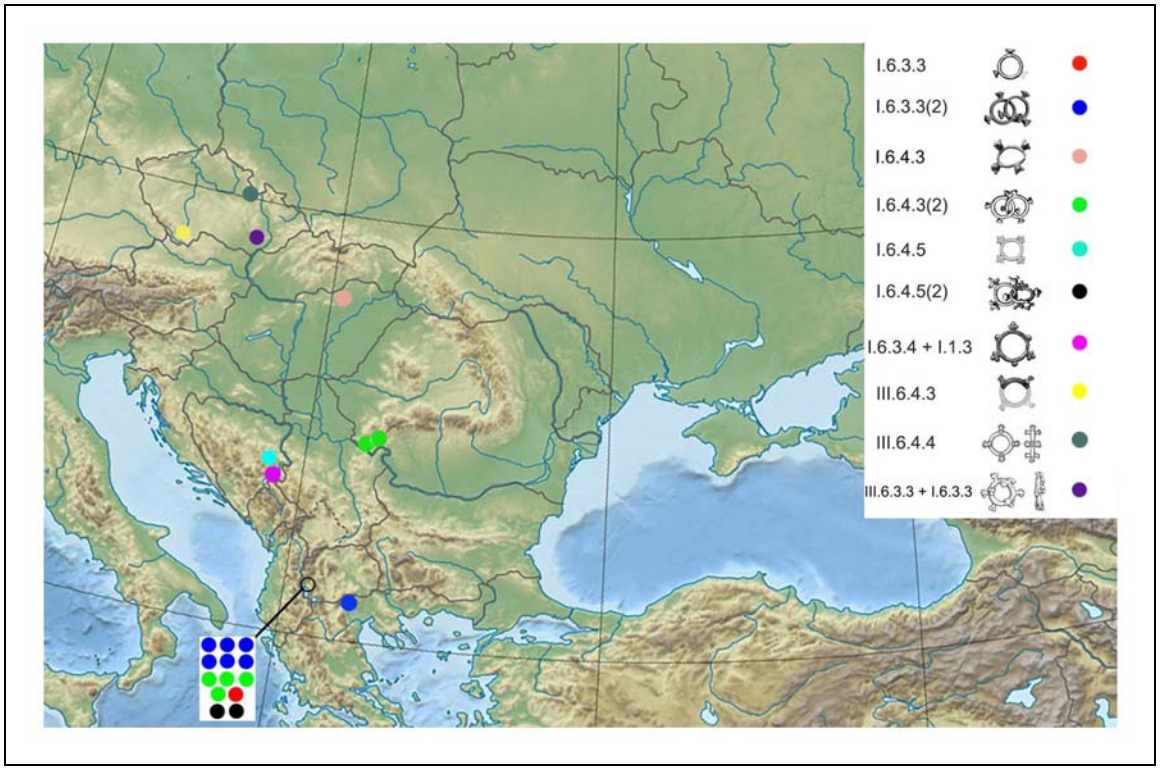


Карта. 4. Распространение колец с выступами типа I.4.

Map. 4. Area of rings with projections of type I.4.

Карта. 5. Распространение колец с выступами типа I.5.

Map. 5. Area of rings with projections of type I.5.



Карта. 6. Распространение колец с выступами типов I.6 и III.6.

Map. 6. Area of rings with projections of type I.6 and III.6.

DOI: 10.53737/5002.2023.86.90.003

А.З. Бейсенов, А.В. Паничкин, Д.Т. Шашенов

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТОПОР ИЗ ТАСМОЛИНСКОГО КУРГАНА МОГИЛЬНИКА КЫЗЫЛЖАРТАС: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО И ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ*

Курган № 1 раннесакского периода в могильнике Кызылжартас (Карагандинская обл., Республика Казахстан) исследован в 2020 году. В основании округлой насыпи диаметром 37 м находилась крепида из крупных камней. Насыпь окружала ограда диаметром 56 м. Под насыпью находились три каменных изваяния (два мужских и одно женское), а ещё одно (мужское) было установлено в дромосе могилы. Захоронение ограблено в древности. Возле могильной ямы найден железный топор длиной 21,3 см и весом 1,7 кг. В могиле находились часть костей скелета человека, возле которых найдено свыше 300 мелких золотых украшений. Весной 2023 г. по образцам кости человека (из могилы) и кости животного (из грабительского хода в насыпи) в лаборатории Vilnius Radiocarbon (Литва) получены две радиоуглеродные даты. На основании археологических данных и радиоуглеродной даты по кости человека погребение датируется VIII в. до н.э. К этому же периоду относится, по-видимому, и массивный железный топор архаического облика, изготовленный из куска железа. Это первая находка железного топора раннесакского периода в Казахстане. В 2022—2023 гг. проведены металлографический и химический анализы топора, и их результаты публикуются здесь впервые. Оба лезвия специально цементированы для придания им твёрдости, что подтверждается результатами измерений твёрдости по шкале Виккерса в зонах лезвий и в центральной части топора.

Ключевые слова: Кызылжартас, Центральный Казахстан, тасмолинская культура, раннесакский период, железный топор, металлографический анализ, твёрдость по шкале Виккерса, химический анализ, радиоуглеродная дата.

Сведения об авторах: Бейсенов Арман Зияденович[1], кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; директор, Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола; Паничкин Александр Владимирович[2], кандидат технических наук, заведующий лабораторией, Институт металлургии и обогащения, Сатпаев университет; Шашенов Дархан Тастемирович[3], старший преподаватель, КарУ им. Е.А. Букетова, старший научный сотрудник, Карагандинский областной историко-краеведческий музей.

Контактная информация: [1]050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Достык, д. 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; [2]050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 29, Институт металлургии и обогащения, Сатпаев университет; [3]100024, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, д. 28, КарУ им. Е.А. Букетова; [1,2,3]e-mail: azbeisenov@mail.ru.

A.Z. Beisenov, A.V. Panichkin, D.T. Shashenov

IRON AXE HEAD FROM THE TASMOLA CULTURE BARROW IN THE QYZYLZHARTAS BURIAL GROUND: RESULTS OF METALLOGRAPHIC AND CHEMICAL ANALYSIS

In 2020, barrow 1 in the Qyzylzhartas burial ground, Karaganda region, the Republic of Kazakhstan, was excavated. The barrow of the Early Saka period had a crepidome in its base, and the mound itself had 37 m

* Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования РК AP14872148 «Ранний железный век Сарыарки: создание современной концепции, систематизация базы данных, разработка хронологической колонки».

Статья поступила в номер 31 июля 2023 г.
Принята к печати 11 августа 2023 г.

© А.З. Бейсенов, А.В. Паничкин, Д.Т. Шашенов, 2023.

in diameter and was surrounded by a stone fence with a diameter of 56 m. Under the mound, there were three stone sculptures depicting two males and a female, while another one, representing a male, was placed in the dromos of the grave. The burial had been robbed in the past. The burial pit contained part of the bones of a human skeleton, near which over 300 small pieces of gold decoration were found. An iron axe head has 21.3 cm of length and 1.7 kg of weight and was found near the burial pit. In the spring of 2023, two bone samples were analyzed by the Laboratory of Mass Spectrometry 'Vilnius Radiocarbon', Lithuania. The one was a human bone found in the grave, and the other was an animal bone from a tunnel dug by robbers. Both archaeological evidence and a radiocarbon date obtained from a human bone sample suggest the 8th century BCE to be the most relevant date for the burial. It is the same time range that the massive axe head of archaic appearance, made of a piece of iron, apparently dates back to. This is the first discovery of an iron axe head of the early Saka period in Kazakhstan. In 2022—2023, metallographic and chemical analyzes of the iron tool were carried out. The results of these analyzes are published for the first time in this paper. The bits of the axe head were found to have been carburized by an ancient blacksmith in order to impart hardness onto these spots. The Vickers hardness test confirmed this observation by comparing the bits and the shaft-hole part of the axe head.

Key words: Qyzylzhartas, Central Kazakhstan, Tasmola Culture, Early Saka period, iron axe head, metallographic analysis, Vickers hardness test, chemical analysis, radiocarbon date.

About the authors: Beisenov Arman Ziyadenovich[1], PhD (History), Chief Researcher, Institute of Archaeology named after. A.Kh.Margulan; Director, Begazy-Tasmola Research Center for the History and Archaeology; Panichkin Alexander Vladimirovich[2], PhD in Engineering, Head of Laboratory, Institute of Metallurgy and Ore Beneficiation JSC, Satpayev University; Shashenov Darkhan Tastemirovich[3], senior teacher, Karaganda University named after E.A. Buketov, Senior Researcher, Karaganda Regional Museum of History and Local Lore.

Contact information: [1]050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk St., Institute of Archaeology named after. A.Kh.Margulan; [2]050010, Kazakhstan, Almaty, 29 Shevchenko St., Institute of Metallurgy and Ore Beneficiation JSC, Satpayev University; [3]100024, Kazakhstan, Karaganda, 28 Universitetskaya St., Karaganda University named after E.A. Buketov; [1,2,3]e-mail: azbeisenov@mail.ru.

Железный топор (рис. 1) был найден под насыпью кургана 1 могильника Кызылжартас, что находится в Шетском районе Карагандинской области Республики Казахстан. Данная часть Центрального Казахстана в геоморфологическом отношении относится к восточному крылу Казахского мелкосопочника.

Могильник Кызылжартас расположен в долине р. Талды, примыкающей к горной гряде Кызылтау (иначе Котыр-Кызылтау). Район богат памятниками древности, в числе которых известный мавзолей бегазы-дандыбаевской культуры Каражартас, могильники и отдельные погребения эпох бронзы и средневековья, а также могила Сенкибай-батыра, исторической личности XVIII в., и др. Под руководством А.З. Бейсенова в составе могильника изучены три объекта: раннесакский курган 1, откуда происходит исследуемый топор, курган позднесакского периода 2, а также погребение коргантасского времени 3 (по поводу памятников этого типа, а также сводку публикаций см.: Бейсенов 1995; 2017; Шульга 2015). Особенности кургана 1 рассмотрены в отдельной статье (Бейсенов 2021а). По кургану 2 пока сделано лишь предварительное сообщение (Бейсенов 2022). В настоящее время данные двух последних памятников готовятся к публикации, в том числе и результаты 14С дат.

Среди памятников тасмолинской культуры (Бейсенов 2018), исследованных в последние годы, одним из значимых стал рассматриваемый курган 1 могильника Кызылжартас, содержавший четыре каменных изваяния (о каменных изваяниях тасмолинской культуры см.: Бейсенов, Ермоленко 2014; Бейсенов 2021а; 2021б; Ермоленко 2018; Касенова 2019). Каменно-земляная насыпь кургана диаметром 37 м и высотой 1,75 м по основанию окольцована крепидой из крупных обломков камней, а также окружена большой оградой из двух рядов вертикальных плит. Диаметр ограды 56 м. Под курганом, сильно ограбленном в древности, была вскрыта дромосная могила (Бейсенов 2021а).

Рис. 1. Общий вид топора (1: a—b, 2: a—b) **и его лезвий:** *3* — лезвие 1, *4* — лезвие 2.

Fig. 1. General view of the axe (1: a—b, 2: a—b) **and its blades:** *3* — blade 1, *4* — blade 2.

В ходе исследования были найдены бронзовое шило, мелкие золотые изделия от парадного костюма (Бейсенов 2021а: рис. 6), а на краю могилы, на древнем горизонте (Бейсенов 2021а: рис. 5: 2) находился уникальный железный топор (рис. 1).

В насыпи встречены 16 отдельных фрагментов керамики, исследование которых показало сходство с глиняной посудой тасмолинской культуры (Бейсенов и др. 2021). В 2022 г. на спектометре «Olimpus» была определена пробность золотых изделий, по результатам которого было выявлено соотношение основных элементов: золота, серебра и меди. В настоящее время готовится проведение полного анализа состава золотых предметов (РФА).

Первоначально курган был датирован раннесакским периодом, в предполагаемом хронологическом отрезке VII—VI вв. до н.э. Проведенный весной 2023 г. радиоуглеродный анализ позволяет скорректировать указанную дату памятника.

В лаборатории 14С Хронологии Вильнюса, Литва, был проведен радиоуглеродный анализ (табл. 1) по двум костным образцам.

В том числе, образец 1 был подготовлен из фрагмента нижней челюсти человека, найденного в заполнении могилы, на глубине 0,35 м от уровня древнего горизонта; образец 2 получен из фрагмента кости животного, лежавшей в центральном секторе насыпи, на глубине 0,6 м от ее верха.

Таблица 1. **AMS ^{14}C даты проанализированных образцов из кургана 1 могильника Кызылжартас (Центральный Казахстан). Кости человека и животного. Лаборатория 14С Хронологии, Вильнюс, Литва**

№ п/п	шифр	Номер образца	^{14}C BP	Калибровка Сигма 1 (1 σ 68,3)	Калибровка Сигма 2 (2 σ, 95,4)
1	FTMC-EU78-8	образец 1	2617±28	CalBC 808—789 (63, 3)	Cal BC 819—773 (95,4)
2	FTMC-EU78-9	образец 2	1629±29	CalAD 410—438 (29, 5) 462—477 (11, 8) 498—532 (27)	CalAD 384—541 (95,4)

Дата образца 1, полученного из человеческой челюсти, указывают на конец IX — первую четверть VIII вв. до н.э. Это дата погребения в этом кургане.

Авторы полагают, что дата образца 2 связана со периодом ограбления кургана. Важно учесть то обстоятельство, что кость животного найдена в грабительском вкопе. Получение дат по образцам из разных мест насыпи, из разных секторов курганного пространства имеет свою непереходимую актуальность.

Что касается даты данного образца, — по-видимому, курган был ограблен в период конца IV — середины VI вв. до н.э.

Золотые украшения относятся к раннесакской эпохе, в чем вряд ли нужно сомневаться. Изделия как в форме прямоугольных обойм, так и спиралей (Бейсенов 2021а: рис. 6) хорошо известны из курганов раннесакской эпохи.

Так же и с пробностью золотых изделий. Два проанализированных предмета из кургана 1 могильника Кызылжартас показали высокую пробность: прямоугольная обойма (Бейсенов 2021а: рис. 6: 2) — 847, спираль (Бейсенов 2021а: рис. 6: 4) — 913.

Судя по материалам исследования Талды-2 (Бейсенов и др. 2011) и других могильников Центрального Казахстана (Кузнецова, Тепловодская 1994) высокая проба характерна для золотых украшений именно раннесакского периода, когда чаще использовалось самородное золото, как и близкоповерхностные россыпи. Об этом же говорят результаты исследования материалов элитных курганов раннесакской эпохи Восточного Казахстана (Толеубаев 2018).

В 2022—2023 гг. были проведены металлографические, химический анализы железного топора из Кызылжартаса. Результаты проведенных исследований впервые представлены в настоящей статье.

Материалы и методы

Железный топор представляет собой уникальную находку: подобный предмет в Казахстане найден впервые. Длина изделия 21, 3 см, вес 1,7 кг. Как показали результаты металлографии, в определении его даты Новое время исключается, топор древний. Все результаты, приведенные ниже, были получены в Институте металлургии и обогащения, Сатпаев университета (Алматы, Казахстан).

Поверхность топора затронута сильной коррозии с формированием широкого слоя коррозионных отложений с рыхлой структурой. Структура топора, его металл, в хорошей сохранности.

Запланированные металлографические, химический анализы, а также определение твердости по шкале Виккерса связаны с разрушающими поверхность изделия методами, такими, как шлифовка (подготовка шлифов), резка, сверление, поэтому для исследования была обозначена «тыльная сторона» топора.

Для этого боковая поверхность орудия, которая при положении топорища горизонтально-справа оказалась верхней (рис. 1: a), была взята в качестве «лицевой», а противоположная — «тыльной» (рис. 2: a). На «тыльной» стороне проводились указанные операции.

Следует сказать, что повреждения действительно оказались существенными, но неизбежными, если учесть прямую необходимость в проведении данных исследований. Рассматриваемый топор не только представляет первую находку такого типа в Казахстане, но также входит в категорию абсолютно неизученных орудий не только в Казахстане, но и в сопредельных регионах.

Топор имеет «крестообразную» форму благодаря двуплановому расположению двух лезвий. Продольное лезвие, параллельное топорищу, было обозначено как лезвие 1, поперечное, перпендикулярное топорищу — как лезвие 2. В целом, такое расположение двух рабочих краев данного орудия напоминают те металлические орудия, в отношении которых в литературе нередко применяются такие термины, как «топор-тесло», «топор-кирка» и др. (Клочко, Козыменко 1994; Рындина 1971).

Форма и ширина, или «высота» (Кореневский 1973), лезвий различные. Лезвие 1 (рис. 1: a, 2: a) имеет характерную для топоров скошенную, слева-направо и сверху-вниз, форму, линия дуговидная (рис. 1: 3). Ширина лезвия 5,4 см. Лезвие 2 (рис. 1: b, 2: b) первоначально имело полукруглую форму, характерную для таких орудий, как тесла. Один край лезвия поврежден в древности (рис. 1: 4). Ширина лезвия 4,6 см.

В середине, в районе проушины, орудие имеет подквадратное сечение. Боковая ширина, т.е.. на «лицевой» стороне (рис. 1: a) — 4,3 см. Ширина этого участка со стороны спинки (рис. 1: b) — 4,7 см.

Проушина топора в сечении круглая. В области проушины имеется хорошо заметное расширение, что указывает на то, что ее получали путем прошивки в процессе ковки топора, т.е. традиционным для древних эпох методом: с использованием пробойника, вгорячую, вероятно, при температуре ковки около 900°C.

Размеры проушины со стороны брюшка (рис. 2: b): D^1, по длиной оси орудия, — 3,1 см; D^2, перпендикулярно длины орудия, — 3,3 см. Размеры проушины со стороны спинки (рис.1: b): D^1 — 3,1 см; D^2 — 3,3 см.

Расстояние от проушины, т.е., от края отверстия, до края лезвия 1 – 8,1 см. Расстояние от противоположного края отверстия до края лезвия 2 — 10,1 см. Таким образом, проушина расположена с заметным отклонением в сторону лезвия 1, что, в свою очередь, говорит о том, что центр тяжести орудия также смещен по направлению к нижнему рабочему краю. Говоря иначе, основным рабочим участком данного орудия являлся именно лезвие 1, или нижний край.

Топор исследовали следующими методами: металлографического анализа с травлением; элементного анализа пробы методом ЭДС с участка; анализа на содержание серы и углерода; измерения твердости по шкале Виккерса. На первом этапе были выполнены осмотр и обследование, а также описание изделия, пробоподготовка. Места исследования показаны на рис. 2.

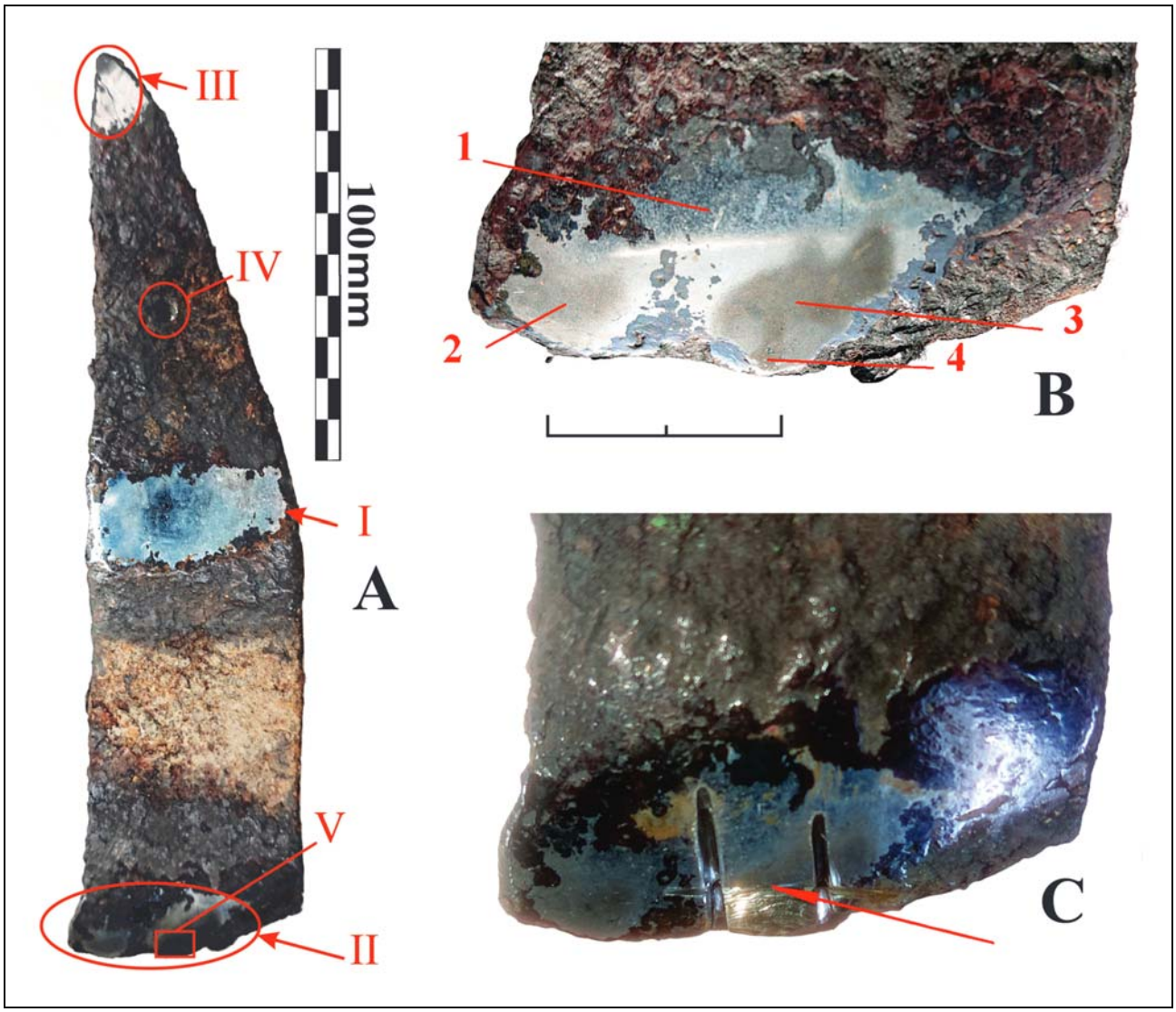


Рис. 2. Места исследования топора: *A* — исследование микроструктуры, измерение твердости по Виккерсу (I, II, III); анализ химического состава (IV); место вырезки для исследования микроструктуры по сечению и микрозондового анализа неметаллических включений в структуре металла (V), из которого изготовлен топор: *B* — зоны с различной структурой на участке II; *C* — место вырезки фрагмента металла из лезвия топора (стрелкой указана поверхность вырезанного образца).

Fig. 2. Axe research locations: *A* — microstructure study, Vickers hardness measurement (I, II, III); chemical composition analysis (IV); place of cutting to study the cross-sectional microstructure and microprobe analysis of non-metallic inclusions in the structure of the metal (V) from which the axe is made: *B* — zones with different structures in area II; *C* — place of cutting a metal fragment from an axe blade (the arrow indicates the surface of the cut sample).

Определение химического состава металла, из которого изготовлен топор

Определение химического состава проводили на образце стружки, взятой путем высверливания с участка IV, показанного на рисунке 2: А. Полуколичественный микрозондовый анализ проводили на микрозондовом анализаторе JEOL JXA-8230. Анализ был осуществлен путем сканирования с участка. Исследованию подвергали поверхность стружки, расплющенной на наковальне.

Содержание углерода и серы определяли на экспресс-анализаторе G4 ICARUSTF (сертификат о поверке № ВА-11-19-0616 от 16.09.2020) по ГОСТ 22536.1-88 и ГОСТ 22536.2-87 соответственно. Результаты определения химического состава образца обобщены в табл. 2.

Таблица 2.**Содержание серы и углерода в составе железа**

Наименование образца	**Химический состав, mas.%**						
	Fe	**C**	**Si**	**Ca**	**Al**	**O**	**S**
Топор	ост.	0,097	0,06—0,3	0,05—0,1	0,07—0,18	2,75	0,005—0,028

На основании полученных данных можно заключить, что на участке IV (рис. 2: А) по химическому составу металл топора соответствует железу, в состав которого входит незначительное количество углерода и серы.

Отсутствие легирующих элементов, традиционных для современных сталей, таких как Mn, Ni и др., указывает на то, что металл топора получен не по традиционной схеме, включающей выплавку и последующую обработку давлением.

Малые примеси Si, Ca, Al и O наиболее вероятно являются микрочастицами оксидов этих металлов, перешедших в структуру металла из руды.

Металлографический анализ структуры металла топора

Исследование структуры металла, из которого изготовлен топор, осуществляли после шлифовки и полировки участков I, II, III, указанных на рис. 2: А. Исследование проводили на металлографической рабочей станции на базе инвертированного микроскопа Leica DM IRM при увеличениях от 50 до 1000 крат.

Неметаллические включения изучали до травления, структуру металла — после травления. Для выявления структуры использовали химическое травление реактивом: раствор 1г $FeCl_3$ и 1,5 мл HCl в 100 мл этилового спирта.

Для выявления структуры зерен феррита использовали реактив — раствор бисульфида натрия 20 г на 100 мл воды. Травление осуществляли протиранием ватным тампоном.

Структура всех исследованых областей топора имеет многочисленные неметаллические шлаковые включения (рис. 3: 1, 2) различных размеров.

Количество шлаковых влючений на разных участках топора сильно различается. Так, на участках топора I и III доля включений достигает 6,2% и 9,73%, существенно превосходит наблюдаемую на участке II (1,37%).

Размер включений от 1 мкм и до 150 мкм, а на участке III размер включений достигает 2000 мкм в длину. Крупные шлаковые включения имеют вытянутую форму, а включения размером до 10 мкм сферическую.

Это указывает на то, что в процессе изготовления топор подвергался несущественной пластической деформации. На участке III имеются трещины, ориентированные от лезвия 2 к проушине, на других участках микротрещины не обнаруживаются.

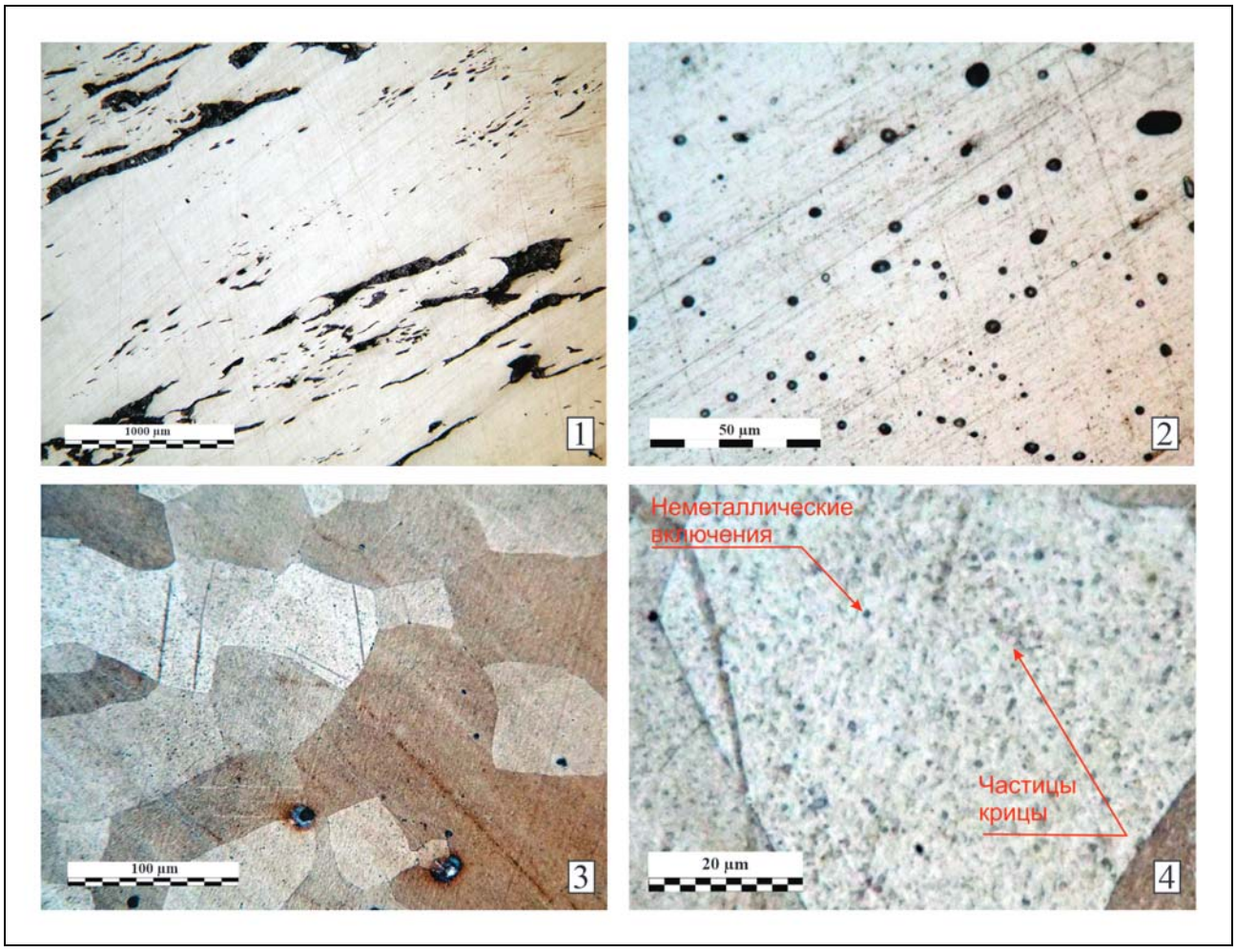


Рис. 3. *1, 2* — шлаковые включения в структуре металла топора на участке I. *1* — ×100; *2* — ×1000. *3, 4* — зерна, частицы крицы и высокодисперсные неметаллические включения в структуре зерен железа на участке I. 3 — ×500; 4 — ×1500.

Fig. 3. *1, 2* — slag inclusions in the structure of the metal of the axe in section I. *1* — ×100; *2* — ×1000. *3, 4* — grains, iron ball particles and highly dispersed non-metallic inclusions in the structure of iron grains in section I. 3 — ×500; 4 — ×1500.

Высокое содержание и неоднородное распределение неметаллических включений существенно снизило пластичность металла топора, по этой причине при ударе лезвий топора не происходила деформация металла, а формировались трещины и последующие сколы. Это вызывало постепенное их разрушение.

На участке I в центральной части топора структура металла однофазная, образованная равноосными зернами железа полиэдрической формы (рис. 3: 3). Размер зерен 75—200 мкм. В структуре отдельных зерен имеются двойники. На отдельных участках границы зерен плохо сформированы и зерна плохо различаются по контрасту. На этих участках достаточно хорошо проявляются частицы крицы, размер которых составляет 0,8—1,5 мкм (рис. 3: 4).

На участке II структура не однородная. В структуре обнаруживаются шлаковые включения, аналогичные наблюдаемым на участке I. При исследовании лезвия топора выявлены зоны с различной структурой, указывающие на изменение содержания углерода в них (рис. 2: В). На удалении от лезвия (рис. 2: В, зона 1) структура однофазная, образована полиэдрическими равноосными зернами (рис. 4: 1). Размер зерен колеблется от 100 мкм до

500 мкм, в местах скопления шлаковых включений зерна более однородны — 80—150 мкм. Такая структура характерна для железа с содержанием углерода <0,08 мас.%.

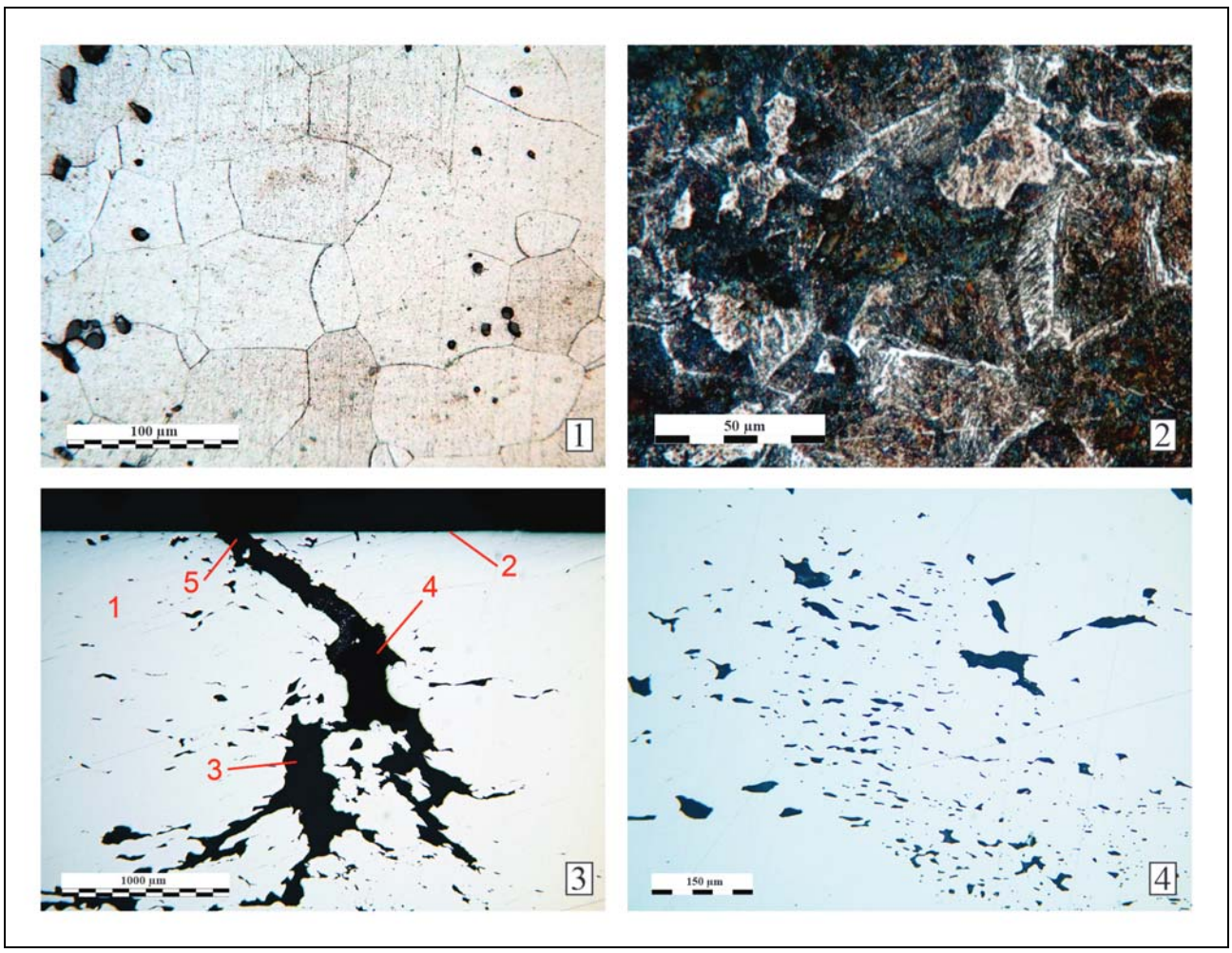


Рис. 4. *1, 2* — Различие микроструктуры на поверхности и вблизи с поверхностью лезвия топора. *1* — зона 1 на рис. 2: В (×500); *2* — зона 3 на рис. 2: В (×1000). *3, 4* — структура прозрачных неметаллических включений в сечении топора (1 — железо; 2 — поверхность топора; 3 — древовидное неметаллическое включение; 4 — газовая пора; 5 — выход неметаллического включения на поверхность лезвия топора). 3 — ×50; 4 — ×200.

Fig. 4. *1, 2* — Difference in microstructure on the surface of the axe blade. *1* — zone 1 in Fig. 2: B (×500); *2* — zone 3 in Fig. 2: B (×1000). *3, 4* — structure of transparent non-metallic inclusions in the cross-section of the axe (1 — iron; 2 — surface of the ax; 3 — tree-like non-metallic inclusion; 4 — gas pore; 5 — release of a non-metallic inclusion onto the surface of the axe blade). 3 — ×50; 4 — ×200.

В зонах 2, 3 и 4 (рис. 2: В) структура феррито-трооститная и трооститная с выделением вторичного цементита (рис. 4: 2). Зоны 2 и 3 представляют собой области с нечеткими границами размером 10 × 8 и 17 × 11 мм. В пределах этих зон количество троостита меняется от 0 до 100%, а в зоне 3 на отдельных участках по границам зерен троостита выделяется вторичный цементит (карбид железа). В соответствии с диаграммой состояния системы Fe-C, это указывает на то, что в пределах зоны 2 концентрация углерода меняется от 0,08 до ~0,8 %, а в пределах зоны 3 от 0,08 до ~1,0 %. Троостит имеет пластинчатую структуру, невидимую в оптический микроскоп, но при травлении окрашивающийся в темно-коричневый цвет. В структуре зон 2 и 3 обнаруживаются точечные

локальные области, которые после травления приобретают черный цвет. С наибольшей вероятностью это указывает на то, что в этих местах существенно повышено содержание углерода.

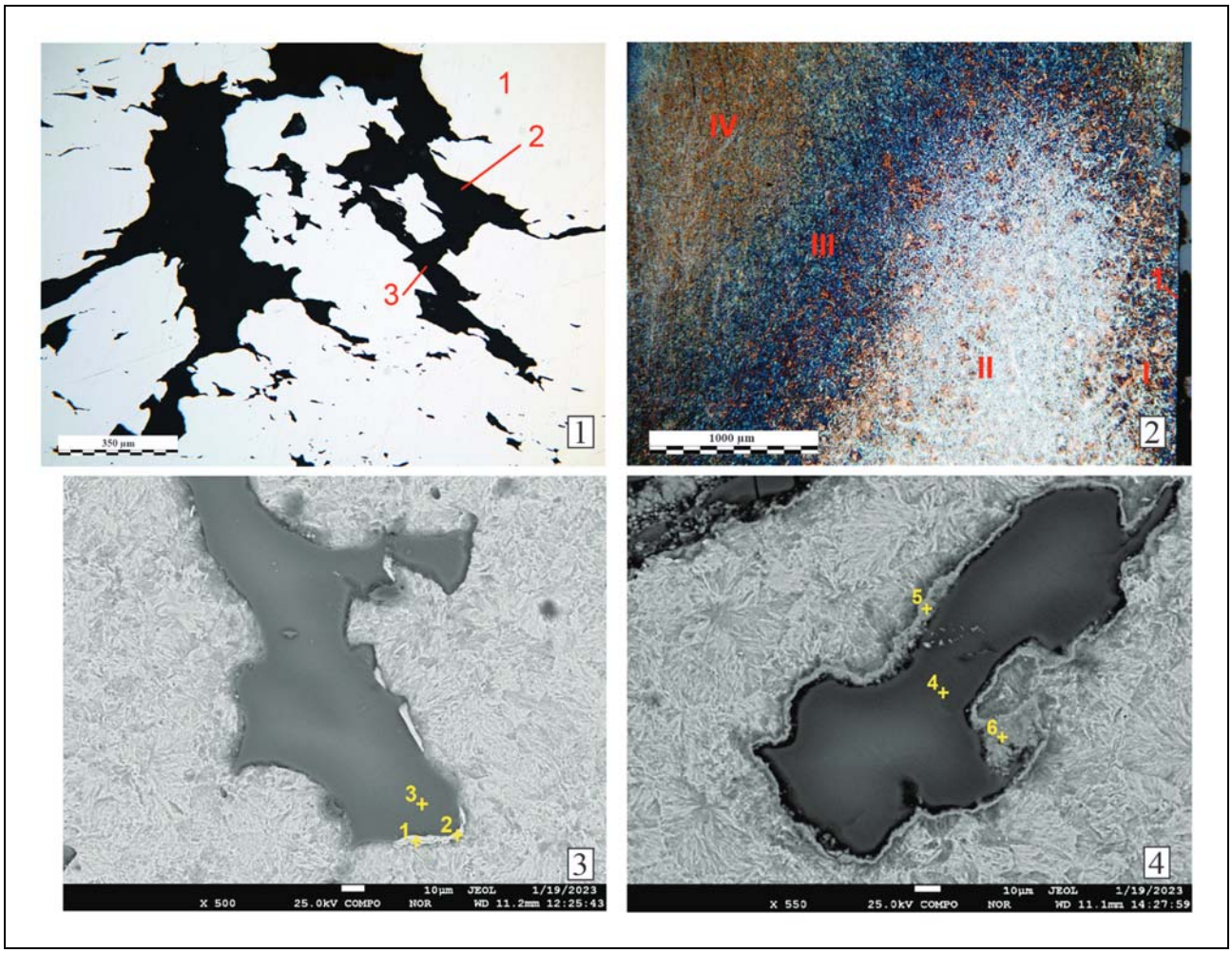


Рис. 5. Структура неметаллических включений и металла вырезки из лезвия топора: *1* — единичная трещина в прозрачном неметаллическом включении, поверхность (×50); *2* — зоны с различной микроструктурой по сечению лезвия топора; *3, 4* — анализируемые неметаллические включения (1 — металл; 2 — неметаллическое включение; 3 — трещина (×100)).

Fig. 5. Structure of non-metallic inclusions and metal of cuttings from an axe blade: *1* — single crack in a transparent non-metallic inclusion, surface (×50); *2* — zones with different microstructures along the cross-section of the axe blade; *3, 4* — analyzed non-metallic inclusions (1 — metal; 2 — non-metallic inclusion; 3 — crack (×100)).

Зона 4 образована однородным мелкозернистым трооститом, в структуре которого присутствуют полупрозрачные светлые неметаллические твердые включения. Для изучения природы этих включений посредством микрозондового анализа, а также оценки изменения структуры по сечению топора была произведена вырезка фрагмента металла на участке V (рис. 2), что соответствовало зонам 3 и 4, указанным на рис. 2: B. Выемка, образовавшаяся после вырезки приведена на рис. 2: C.

Удачно подобранное место вырезки образца позволило изучить не только изменение структуры металла по мере удаления вглубь от поверхности, но и изучить конфигурацию прозрачного неметаллического включения. Как оказалось, форма прозрачного включения не

компактная, а древовидная с множеством ответвлений (рис. 4: 3). Также в структуре, под поверхностью выявлены аналогичные отдельно расположенные дисперсные неметаллические включения (рис. 4: 4).

Такая форма неметаллического включения, указывает на то, что в процессе ковки оно находилось в жидком или полужидком состоянии. В результате ковки вещество этого включения выдавливалось на поверхность топора, а вместе с ним и выходили газовые пузыри. Поскольку неметаллическое включение по всему сечению имеет только одну трещину (рис. 5: 1), то можно заключить, что процесс ковки топора завершался выше температуры кристаллизации вещества, из которого оно состоит. В противном случае наблюдались бы трещины по всему объему этого включения, особенно в местах, где толщина их наименьшая.

Между тем, наличие отдельных дисперсных неметаллических включений, указывает на то, что кузнецу в процессе ковки не удавалось полностью их удалить из структуры металла. Это является основным недостатком такой технологии получения железных изделий.

Исследование микроструктуры вырезки показало, что она характеризуется существенной неоднородностью (рис. 5: 2). Под поверхностью, как и на поверхности, обнаруживаются зоны со структурой троостита (рис. 6: 4), феррита (рис. 6: 2) и смеси феррита и троостита (рис. 6: 1, 3), что свидетельствует об изменении содержания углерода на разных участках от 0,2 до 0,8 мас.%.

Такое изменение структуры по сечению лезвия топора указывает на то, что наблюдаемая на поверхности неоднородность структуры не связана с ее науглероживанием. В случае диффузионного проникновения углерода вглубь железа в процессе выдержки поковки в раскаленном древесном угле на поверхности и небольшом расстоянии от нее наблюдался бы сначала троостит, затем смесь троостита и феррита и следом феррит.

Поскольку в соответствии с структурой вблизи с поверхностью (зона I) в исследуемом участке содержание углерода составляет ~0,5—0,6 мас.%, затем имеется область (зона II) с содержанием углерода 0,2—0,3 мас.% и следом за ней зоны III и IV, где содержание углерода достигает 0,6—0,7 мас.%C и 0,8 мас.%C соответственно, то причиной такого распределения не может стать диффузия углерода.

Это указывает на то, что при изготовлении топора кузнец намеренно использовал куски железа с более высоким содержанием углерода.

Такая процедура была возможна только в случае, если на первом этапе получали восстановленное железо в виде порошка и гранул, а затем, на втором этапе, проводили его спекание и на третьем этапе выполняли пластическую деформацию спеченной заготовки.

Спекание могли проводить в глиняных формах, имеющих внутреннюю полость, близкую к изделию. При этом кузнец на втором этапе в области лезвий мог закладывать порошок (гранулы), который по его опыту был более твердым.

Исследование лезвия 2 (участок III на рис. 2: А) показало, что оно также имеет неоднородную структуру металла (рис. 6: 5). В структуре имеются шлаковые включения, аналогичные наблюдаемым на участке I (рис. 2: А), но преимущественно дисперсные. Непосредственно кончик лезвия (зона 2, рис. 6: 5) образован металлом с феррито-трооститной структурой.

От кончика лезвия эта зона распространяется на расстояние 7 мм. Содержание троостита в ней достигает ~34%. Зона 1 (рис. 6: 5) лезвия имеет однофазную структуру, образованную железом.

В структуре слабо проявляются границы зерен, что указывает на то, что период отжига и ковки были недостаточны для рекристаллизация металла. В зоне 1 имеются 2 локальных участка размером 1,5—2 мм, со структурой феррита и троостита. В структуре лезвия в процессе эксплуатации топора вследствие удара о твердый материал (наиболее вероятно камень) возникли трещины, что указывает на низкую пластичность металла.

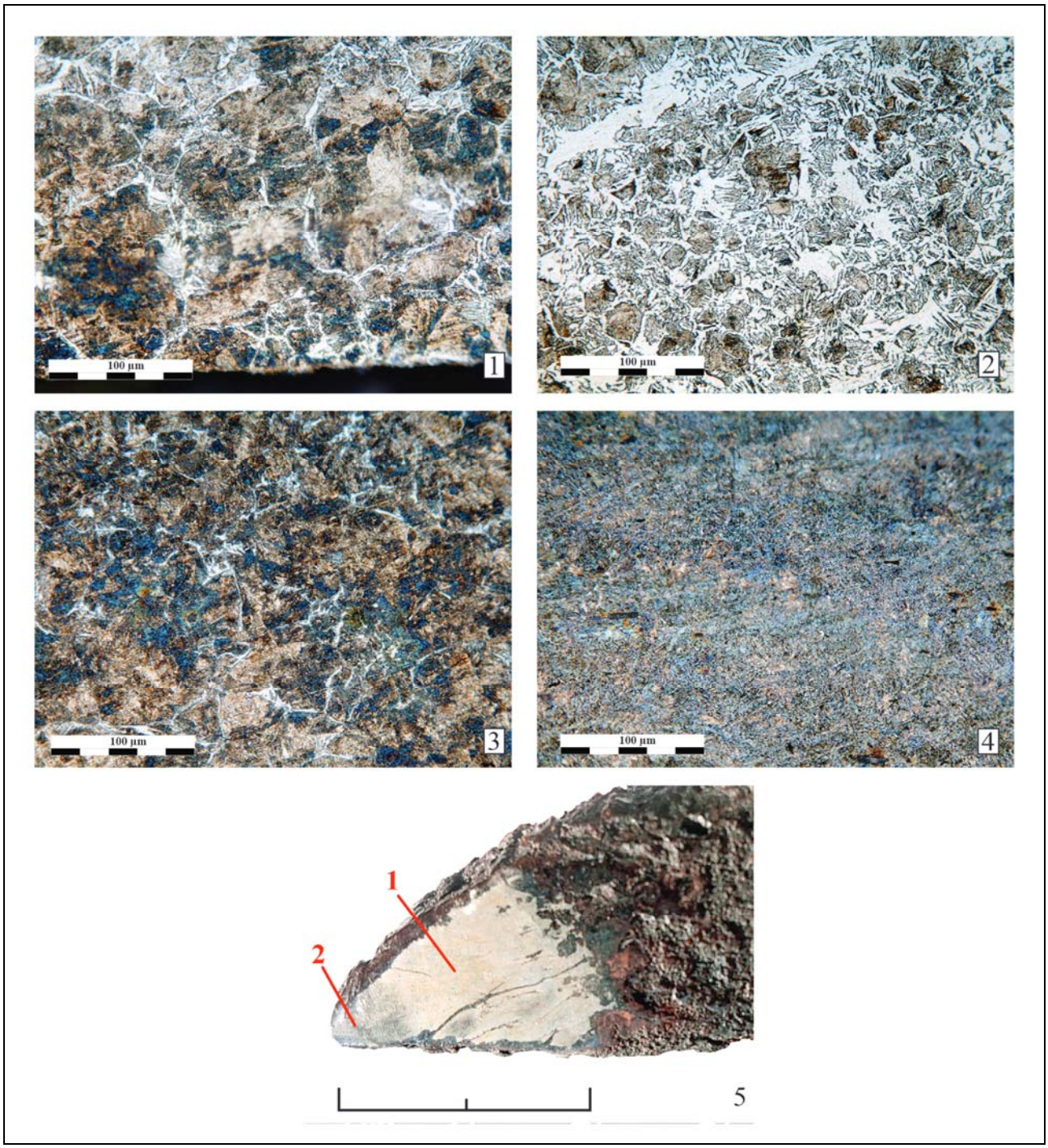


Рис. 6. *1—4* — микроструктура в зонах, приведенных на рис. 5: 2. *1* — зона I; *2* — зона II; *3* — зона III; *4* — зона IV; *5* — зоны с различной структурой на участке III топора (рис. 2).

Fig. 6. *1—4* — microstructure in the zones shown in Fig. 5: 2. *1* — zone I; *2* — zone II; *3* — zone III; *4* — zone IV; *5* — zones with different structures in section III of the axe (Fig. 2).

Наличие в структуре лезвий топора троостита и феррита и отсутствие мартенсита указывает на то, что на финальном этапе термической обработки топор нагревали до 750—780°С и затем его быстро охлаждали, возможно на воздухе.

Измерение твердости металла по шкале Виккерса

Измерение твердости проводилось методом Виккерса HV по СТ РК ИСО 6506-1-2010 при помощи твердомера HBV-30A при нагрузке 10 кг.

Определение твердости на поверхности образца выполняли путем не менее 10 измерений на каждом из 3-х участков топора и их отдельных зон в соответствии с рис. 2. Результаты измерения твердости на различных участках топора приведены в табл. 3.

Таблица 3. **Твердость по Виккерсу HV10 на участках поверхности топора согласно рис. 2**

	Участок I	**Участок II**				**Участок III**	
		зона 1	**зона 2**	**зона 3**	**зона 4**	**зона 1**	**зона 2**
Твердость по Виккерсу, HV10	120^{+38}_{-47}	74^{+23}_{-32}	224^{+37}_{-40}	360^{+52}_{-89}	540	245^{+10}_{-15}	347^{+112}_{-71}

В соответствии с полученными результатами участки, имеющие однофазную структуру железа, имеют твердость HV10 42—255 единиц. Такое различие твердости объясняется различной степенью обработки давлением, неоднородным распределением шлаковых включений. На участках с феррито-трооститной и трооститной структурой твердость HV10 достигает 459 единиц, а в зоне с трооститной структурой 540 единиц.

Микрозондовый анализ неметаллических включений, обнаруженных на участке II

Определение состава неметаллических включений на участке II (рис. 2) проводили методами энергодисперсионного (EDS) и волнодисперсионного (WDS) микрозондового анализа на анализаторе JEOL JXA-8230. Проведен точечный анализ и получены данные о распределении элементов вблизи с анализируемым включением.

Два типичных неметаллических включения, различающихся фазами, сформировавшимися на поверхности раздела приведены на рис. 5: 3, 4.

Таблица 4. **Состав прозрачных неметаллических включений и фаз на их поверхности раздела в точках, указанных на рис. 5: 3, 4**

№ точки	**O**	**Al**	**Si**	**Ca**	**Cr**	**Fe**	**Ni**	**Na**	**Mg**	**K**	**Ti**	**S**
1	5,05	0,53	1,1	0,73	15,7	69,58	7,31					
2		0,57	2,14	0,81	17,11	71,53	7,9					
3	51,17	5,48	22,68	11,78		1,83			3,26	3,8		
4	52,66	5,36	21,78	10,71		1,75		0,65	3,36	3,43	0,21	
5	31,46		0,28			68,01						0,25
6	35,67		0,42			63,63						0,28

Анализ химического состава в точкаках, указанных на рис. 5: 3, 4 показал, что полупрозрачные включения, обнаруженные в острие на участке II (рис. 2) являются оксидными соединениями, содержащими Si, Ca, Mg, Al, K, Fe.

Наиболее вероятно, что они являются включениями, образовавшимися вследствие сплавления глинистых минералов, таких как гиролит, корренсит, кальцит и др. Поскольку их поверхность имеет очевидные следы оплавления, то можно заключить, что они попали в структуру металла на стадии его получения из железной руды. Подтверждением этому

является включение оксида железа в структуре неметаллического включения (точки 5 и 6 на рис. 5: 4 и в табл. 4).

Крайне интересным является то, что на поверхности (между железом и включением) другого анализируемого включения (рис. 5: 3, 4 и точки 1 и 2 в табл. 4) обнаружены слабоокисленные участки, содержащие высокую концентрацию Fe, Ni, Cr.

Заключение

Химический состав металла топора указывает, что он изготовлен из железа, полученного кричным способом. Об этом свидетельствует малое количество углерода 0,097 и отсутствие легирующих элементов, а также присутствие примесей Al, Ca, Si перешедших в структуру металла в виде оксидов из железной руды.

В структуре топора присутствует большое количество шлаковых включений, достигающее на отдельных участках 9,7%. Неоднородное распределение таких включений, вытянутая форма крупных, но сферическая у мелких включений позволяет заключить, что в процессе изготовления различные участки топора подвергались неравномерной пластической деформации. Наибольшей пластической деформации подвергался клинок (лезвие 1), в структуре которого содержание шлаковых включений не превышает 1,37%. Высокое количество неметаллических включений со стороны лезвия 2 привело к его растрескиванию в процессе эксплуатации топора.

Обнаруженные в лезвии клинка топора (лезвие 1) полупрозрачные неметаллические включения с наибольшей вероятностью являются включениями, образовавшимися вследствие сплавления глинистых минералов, таких как гиролит, корренсит, кальцит и др., входящих в состав железной руды, используемой для получения железа. При ковке материал этих включений находился в жидком или полужидком состоянии, в результате чего они выдавливались из толщи металла по образующимся каналам на поверхность поковки. Однако ковкой в полной мере их не удалось удалить. Процесс ковки завершался при температуре выше температуры начала кристаллизации этих включений, что подтверждается единичными трещинами в их структуре. Следовательно ковка завершалась при температуре выше 1100°С. Отсутствие трещин в хрупких неметаллических включениях в острие клинка (лезвия 1) также указывает на то, что топор не подвергался интенсивным динамическим нагрузкам, например для раскалывания руды или камней.

Структура топора характерна для железа, полученного кричным способом. Преимущественно структура зернистая однофазная, в некоторых местах зерна не имеют четких границ, это указывает на то, что при изготовлении топора он не подвергался длительной термической обработке и интенсивной пластической деформации. В структуре зерен феррита в центральной (не рабочей части) присутствуют двойники, вероятно возникшие вследствие термических напряжений, вызванных температурным расширением.

В структуре лезвий топора присутствуют зоны с феррито-трооститной и трооститной структурой с включениями вторичного цементита, это свидетельствует, что в этих зонах содержание углерода варьирует от 0,09 до 1%. Наиболее существенно эти зоны выражены в лезвии 1. Плавный переход от ферритной структуры к трооститной, присутствие множественных точечных участков с повышенным содержанием углерода, отсутствие науглероженного слоя на других участках топора позволяет заключить, что *увеличение содержания углерода в лезвиях топора достигалось намеренно* в процессе изготовления топора.

Наиболее вероятно, что процесс изготовления топора включал несколько этапов. На первом этапе получали восстановленное железо в виде порошка и гранул (частично спеченных кусочков). На втором этапе проводили спекание железа. На третьем этапе выполняли пластическую деформацию спеченной заготовки. Спекание могли проводить в глиняных формах, имеющих внутреннюю полость, близкую к изделию. При этом кузнец на втором этапе в области лезвий мог закладывать порошок (гранулы), который по его опыту

был более твердым. Например, он мог целенаправленно восстанавливать с большим количеством углерода, чем это необходимо, либо в крицу подмешивали углерод в виде толченого древесного угля.

Более высокое содержание углерода в лезвиях топора позволило повысить их твердость в сравнении с основным металлом. Так, твердость металла топора по Виккерсу составляет HV10 42—255 единиц, а твердость HV10 лезвий, упрочненных углеродом достигает 459 единиц, а в зоне с трооститной структурой 540 единиц.

Наличие в структуре лезвий топора троостита и феррита и отсутствие мартенсита и перлита указывает на то, что на финальном этапе термической обработки топор нагревали до 750—780°С и затем его быстро охлаждали, наиболее вероятно на воздухе.

От многих железных топоров скифской эпохи, известных в Абхазии, Грузии, Украине и Волго-Камье (Ильинская 1968: 92—93; Погребова 1969: рис. 1—2; Воронов, 1975: рис. 4; Патрушев, Халиков 1982; Скаков 2020: рис. 1) топор из Кызылжартаса отличается двуплановым расположением лезвий. Отдаленной, но прямой аналогией этой находке является железный топор-кирка (pick-head) из Каркемиша, позднехеттское время (Woolley 1969: pl. 23: 1).

Нужно отметить древнейшие литые топоры-тесла (топоры-кирки, топоры-мотыги), имеющие схожие формы, это, в частности, орудия среднего периода трипольской культуры (Рындина 1971: рис. 29: 1, 2; Клочко, Козыменко 2017: илл. 10—14). Топор из Кызылжартаса также может быть назван «крестообразным» по форме, напоминая древнейшие орудия «с поперечным обушком и продольным лезвием» (Рындина 1971: 127). И точно так же он мог быть использован как в качестве боевого топора, так и рабочего инструмента в обработке дерева, в горном деле. При этом, в отношении лезвия 1 анализы не подтверждают интенсивного использования его по твердой поверхности, тогда как лезвие 2 повреждено именно при ударе по твердому материалу (камень, руда).

В отношении хронологии остается эпоха средневековья или же «гуннское время», если обратиться к дате образца 2, связанной, как было сказано, с периодом ограбления кургана. Следует отметить, что как форма, так и массивный облик нашего топора отличает его от аналогичных орудий более поздних периодов. На данном этапе изучения авторы предполагают раннюю дату орудия. По-видимому, топор связан с раннесакской эпохой.

Дальнейшее изучение данного орудия, как и других железных изделий из Центрального Казахстана, актуально в плане понимания многих особенностей такого абсолютно неисследованного направления, как кузнечное производство населения раннего железного века Центральной Евразии.

Недавно полученные результаты металлографического, химического и трасологического анализов железного грифоньего кинжала из Темирши, Центральный Казахстан (Бейсенов и др. 2023), показали, что это орудие также сделано из железной крицы путем ковки и чеканки, но не был отлит из чугуна, как это ранее допускалось в отношении таких изделий. Кинжал из Темирши датируется второй половиной VI—V вв. до н.э.

В кургане 2 из могильника Кызылжартас найдены фрагменты от двух сосудов, выполненных из железных кованых листов (Бейсенов, Шашенов 2022: рис. 2: 3). Курган на основании археологических и радиоуглеродных данных датируется периодом немного поздним, чем кинжал Темирши. Материалы этого кургана, как было уже сказано, готовятся к публикации.

Новые данные из Центрального Казахстана позволяют по-новому взглянуть на материалы поселения эпохи поздней бронзы Кент (Карагандинская область, Центральный Казахстан), где на производственной площадке Алат были открыты, наряду с бронзолитейными, железоварочные печи, сопровождаемые кусками железной руды и железистого шлака. Исследователи дату этого слоя поселения, обозначенного как «верхний», на основании археологических и радиоуглеродных данных определяют XIII в. до н.э. (Жауымбаев и др. 2018: 117; Жауымбай 2020). Поселение Кент в настоящее время является единственным памятником в Казахстане, где открыты железоварочные печи, к тому же столь ранней эпохи.

Пожалуй, трудно переоценить значение проведенного недавно группой специалистов исследования происхождения железистых шлаков из Кента и других памятников Южного Урала и Казахстана (Анкушев и др. 2023). Среди целого ряда объектов именно кентские образцы оказались напрямую связанными с производством железа. Судя по заключению специалистов по древней металлургии, «железо на поселении Кент было получено целенаправленно в ходе передела именно железной руды» (Анкушев и др. 2023: 81).

Важно, что специалисты, исследовавшие кентские железистые шлаки, одним из наиболее вероятных источников сырья считают месторождение Кентобе (каз., «кен» — руда, полезное ископаемое, «тобе» — холм, сопка), находящееся всего в 25 км от поселения Кент (Анкушев и др. 2023: 82).

Здесь надо отметить, что речь идет о выделенной геологами многие десятилетия назад «Восточно-Каркаралинском районе» железистых месторождений. Сюда отнесены упомянутый Кентобе, а также целый ряд других близкорасположенных пунктов: Кенказган, Карашокы, Карашошак, Карсы, Жалпак-1, Карашукур, Акшокы. По данным А.Х. Маргулана, работавшим по материалам геологов Г.Д. Романовского, Л.Л. Солодовниковой, А. Сборовского и др., эти выработки на железо находятся в районе гор Беркутты (Бала-Беркутты), Бакты и Мыржык, «на расстоянии от 40 до 110 км» (Маргулан 1972: 14). Основная часть этих выработок находится на относительно близком расстоянии от поселения Кент. Также немаловажны сведения геологов относительно железистых месторождений Центрального Казахстана, локализованных в районе горы Котыр-Кызылтау, с которой напрямую связана долина реки Талды, где исследован могильник Кызылжартас. А.Х. Маргулан, отмечает, что «значительная группа древних выработок на железо сосредоточена в горах Котыр-Кызылтау и Манатау» и называет такие пункты, как Уста, Темир, Каратемир, Алабуга (Маргулан 1972: 15). Такие же сведения имеются и в отношении горы Темирши, с которой связана находка вышеуказанного железного грифоньего кинжала (Бейсенов и др. 2023). Такие сведения геологов, работавших в Центральном Казахстане начиная еще с царской эпохи, остаются востребованными и в наши дни.

Следует добавить к сказанному выше еще одну уникальную находку из Центрального Казахстана. Речь идет о небольшом орудии из могильника бегазы-дандыбаевской культуры Сангыру-1, датирующегося серединой II тыс. до н.э. Орудие представляет собой «инструмент ювелира» с бронзовой ручкой и железным наконечником. Недавние исследования состава двух частей этого изделия показали, что наконечник сделан из метеоритного железа (материал готовится к печати). Таким образом, исследование древнего железа Центрального Казахстана предполагает хорошую перспективу в данном направлении.

Литература

Анкушев и др. 2023: Анкушев М.Н., Алаева И.П., Анкушева П.С., Артемьев Д.А., Блинов И.А., Варфоломеев В.В., Пантелеева С.Е., Петров Ф.Н. 2023. Природа некоторых железосодержащих артефактов Урало-Казахстанского региона в позднем бронзовом веке. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 3, 72—87.

Бейсенов А.З. 1995. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина — конец 1 тыс. до н.э.). В: Толеубаев А.Т. (отв. ред.). *Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность).* Алматы: Санат, 55—61.

Бейсенов А.З. 2017. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане. В: Базаров П.В., Крадин Н.Н. (отв. ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы 2 международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова.* Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 103—108.

Бейсенов А.З. 2018. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века. *АДПУ* 2, 386—396.

Бейсенов А.З. 2021а. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас. В: Смирнов Н.Ю. (отв. ред.). *Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство*

человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова и 60-летию его труда на ниве отечественной науки. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 261—277 (Труды ИИМК РАН LVII).

Бейсенов А.З. 2021б. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан. *УАВ*. Т. 21. № 1, 21—37. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2021б.21.1.002.

Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. 2014. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки. *Вестник КемГУ*. № 3 (59). Т. 3, 36—40.

Бейсенов и др. 2011: Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А. 2011. Состав золотых изделий из могильника Талды-2. *В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Международного Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда, 23—25 ноября 2011 г.* Караганда: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 21—25.

Бейсенов и др. 2021: Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Шашенов Д.Т. 2021. Керамика из новых курганов тасмолинской культуры. *НАВ.* Т. 21. № 1, 6—20. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1.

Бейсенов и др. 2023: Бейсенов А.З, Паничкин А.В., Горащук И.В., Шашенов Д.Т. 2023. Кинжал иссыкского типа из Темирши, Центральный Казахстан: результаты металлографического, химического и трасологического анализов. *Stratum plus* 3, 255—265. DOI: https://doi.org/10.55086/sp233255266.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. 2022. Археологические исследования на могильнике Кызылжартас в 2021 г. В: Касеналин А.Е. (отв. ред.). *Археологические исследования в Казахстане* 2021. Астана: Национальный музей РК, 228—234 (на каз. яз.).

Воронов Ю.Н. 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, 218—234.

Ермоленко Л.Н. 2018. Каменные изваяния раннего железного века в западной части азиатских степей. В: Бобров В.В. (отв. ред). *Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха).* Кемерово: КемГУ, 99—113.

Жауымбай С.У. 2020. Начало освоения железа в Казахских степях в эпоху поздней бронзы (производственно-металлургический центр Алат в Сарыарке). *Мир Большого Алтая* 6, 820—841.

Жауымбаев С.У., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. 2018. История изучения производствнно-металлургического комплекса Алат (эпоха поздней бронзы). *Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета* 1, 114—119.

Касенова А.Д. 2019. История изучения древних и средневековых каменных изваяний Сарыарки. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово.

Клочко В.И., Козыменко А.В. 2017. *Древний металл Украины*. Киев: Институт археологии.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. 1994. *Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана*. Алматы: Гылым.

Кореневский Н.С. 1973. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области. *СА* 1, 39—51.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. 2010. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве. В: Цыбиктаров А.В. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири.* Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 148—156.

Маргулан А.Х. 1972. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Поиски и раскопки в Казахстане*. Алматы: Наука, 3—30.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1982. *Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник).* Москва: Наука.

Погребова М.Н. 1969. Железные топоры скифского типа в Закавказье. *СА* 2, 179—188.

Рындина Н.В. 1971. *Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы*. Москва: МГУ.

Скаков А.Ю. 2020. Железные боевые топоры раннего железного века Северного Закавказья и их аналогии в соседних регионах. В: Деревянко А.П., Макаров Н.А, Мочалов О.Д. (отв. ред.). *Труды VI (XII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Самара: СГСПУ, 113—115.

Толеубаев А.Т. 2018. *Раннесакская шиликтинская культура*. Алматы: ИП Садвокасов.

Шульга П.И. 2015. О захоронениях коргантасского типа. В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии.* Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 405—418.

Woolley C.L. 1969. *Carchemish*. Pt. II. *The Town Defences*. London: British Museum.

References

Ankushev et al. 2023: Ankushev, M.N., Alaeva, I.P., Ankusheva, P.S., Artem'ev, D.A., Blinov, I.A., Varfolomeev, V.V., Panteleeva, S.E., Petrov, F.N. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 3, 72—87 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 1995. In: Toleubaev, A.T. (ed.). *Etnokul'turnyye protsessy na territorii Kazakhstana (drevnost', srednevekov'ye, sovremennost') (Ethnocultural processes on the territory of Kazakhstan (antiquity, the Middle Ages, modernity))*. Almaty: Sanat, 55—61 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2017. In: Bazarov, P.V., Kradin, N.N. (eds.). *Aktual'nyye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii: materialy 2 mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu d.i.n., prof. P.B. Konovalova (Current issues in archaeology and ethnology of Central Asia: materials of the 2nd international scientific conference dedicated to the 80th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, prof. P.B. Konovalov)*. Ulan-Ude: Buryatskiy gosuniversitet, 103—108 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 2, 386—396 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2021a. In: Smirnov, N.Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 80-letiyu professora Dmitriya Glebovicha Savinova i 60-letiyu yego truda na nive otechestvennoy nauki (Creator of culture. Material culture and spiritual space of man in the light of archaeology, history and ethnography: A collection of scientific articles dedicated to the 80th Anniversary of Professor Dmitry Glebovich Savinov and the 60th Anniversary of his work in the field of domestic science)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 261—277 (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences LVII) (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2021b. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)*. Vol. 21. No. 1, 21—37. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2021b.21.1.002 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Ermolenko, L.N. 2014. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State Universit)*. No. 3 (59). Vol. 3, 36—40 (in Russian).

Beisenov et al. 2011: Beisenov, A.Z., Tairov, A.D., Zaykov, V.V., Blinov, I.A. 2011. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Yevrazii. Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo Kruglogo stola, posvyashchennogo 20-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan. Karaganda, 23—25 noyabrya 2011 g. (Saka culture of Saryarka in the context of studying ethnosociocultural processes of steppe Eurasia. Abstracts of reports of the International Round Table dedicated to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan. Karaganda, November 23—25, 2011)*. Karaganda: TOO NITSIA "Begazy-Tasmola", 21—25 (in Russian).

Beisenov et al. 2021: Beisenov, A.Z., Loman, V.G., Shashenov, D.T. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Academic Periodical)*. Vol. 21. No. 1, 6—20. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1 (in Russian).

Beisenov et al. 2023: Beisenov, A.Z, Panichkin, A.V., Gorashchuk, I.V., Shashenov, D.T. 2023. In *Stratum plus* 3, 255—265. DOI: https://doi.org/10.55086/sp233255266 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Shashenov, D.T. 2022. In: Kasenalin, A.E. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v Kazakhstane (Archaeological research in Kazakhstan)* 2021. Astana: Natsional'nyy muzey RK, 228—234 (in Kazakh).

Voronov, Yu.N. 1975. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifskiy mir (Scythian World)*. Kyiv: Naukova dumka, 218—234 (in Russian).

Ermolenko, L.N. 2018. In: Bobrov, V.V. (ed). *Ocherki pervobytnogo iskusstva Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii (skifskaya epokha) (Essays on the primitive art of Southern Siberia and Central Asia (Scythian era))*. Kemerovo: KemGU, 99—113 (in Russian).

Zhauymbay, S.U. 2020. In *Mir Bol'shogo Altaya (World of Greater Altai)* 6, 820—841 (in Russian).

Zhauymbaev, S.U., Kukushkin, A.I., Dmitriev. E.A. 2018. In *Vestnik Kazakhskogo gumanitarno-yuridicheskogo innovatsionnogo universiteta (Bulletin of the Kazakh Humanitarian-Legal Innovative University)* 1, 114—119 (in Russian).

Kasenova, A.D. 2019. History of the study of ancient and medieval stone sculptures of Saryarka. PhD Thesis. Kemerovo.

Klochko, V.I., Kozymenko, A.V. 2017. *Drevniy metall Ukrainy (Ancient metal of Ukraine)*. Kyiv: Institut arkheologii (in Russian).

Kuznetsova, E.F., Teplovodskaya, T.M. 1994. *Drevnyaya metallurgiya i goncharstvo Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient metallurgy and pottery of Central Kazakhstan)*. Almaty: Gylym (in Russian).

Korenevskiy, N.S. 1973. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 39—51 (in Russian).

Kushakova, N.A., Chugunov, K.V. 2010. In: Tsybiktarov, A.V. (ed.). *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryatskiy gosuniversitet, 148—156 (in Russian).

Margulan, A.Kh. 1972. In: Akishev, K.A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazakhstane (*Searches and excavations in Kazakhstan*)*. Almaty: Nauka, 3—30 (in Russian).

Patrushev, V.S., Khalikov, A.Kh. 1982. *Volzhskiye anan'intsy (Starshiy Akhmylovskiy mogil'nik) (Volga Ananino people (Senior Akhmylovsky burial ground))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Pogrebova, M.N. 1969. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 179—188 (in Russian).

Ryndina, N.V. 1971. *Drevneyshee metalloobrabatyvayushchee proizvodstvo Vostochnoy Evropy (The oldest metalworking industry in Eastern Europe)*. Moscow: MGU.

Skakov, A.Yu. 2020. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A, Mochalov. O.D. (eds.). *Trudy VI (XII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Samare (Proceedings of the 6th (12th) All-Russian Archaeological Congress in Samara)*. Samara: SGSPU, 113—115 (in Russian).

Toleubaev, A.T. 2018. *Rannesakskaya shiliktinskaya kul'tura (Early Saka Shilikta culture)*. Almaty: IP Sadvokasov (in Russian).

Shulga, P.I. 2015. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of studying ethnosociocultural processes of steppe Eurasia)*. Almaty: NITSIA "Begazy-Tasmola", 405—418 (in Russian).

Woolley, C.L. 1969. *Carchemish*. Pt. II. *The Town Defences*. London: British Museum.

DOI: 10.53737/6909.2023.99.33.004

Akın Temür

TWO PONTOS CASTLES IN VEZIRKÖPRÜ, REG. SAMSUN: BÜYÜKKALE (SAGYLION) AND KÜÇÜKKALE*

Vezirköprü, the district of Samsun, is an area of a continuous sedentism for millennia, from the Chalcolithic and Early Bronze Age until the present, due to its location at an important crossroads, with wide plains and numerous streams all around, and a landscape suitable for settled life. Being a village named Phazemon, in Strabo's words, the site gained the identity of a city with the Roman domination in the region and took the name Neoklaudiopolis (Neapolis). The city has witnessed many wars and showed that it had an important strategic position. Mithridates VI Eupator, King of Pontus, was the biggest enemy of Roman domination in Anatolia back then. In Pontus's coastal parts, castles have already been known, while those in the inner parts of the region have not been adequately researched. Büyükkale and Küçükkale, which are the scope of the paper, are among the latter. Both castles display many things of traditional Mithridatic fortification, with castle walls, rock tunnels, stairs, and tombs. The one in Büyükkale is identified with Sagylion of old written accounts. The castles under study have not yet been published elsewhere, and the paper is expected to contribute to the illumination of the construction activity of the Pontic Kingdom and the Hellenistic Period in Vezirköprü.

Key words: Black Sea studies, Samsun, Vezirköprü, Neoklaudiopolis, Büyükkale, Sagylion, Küçükkale, Pontic Kingdom, stepped tunnel, rock tomb.

About the author: Temür Akın, Doctor of Archaeology, Associate Professor, Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology.

Contact information: 55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology, e-mail: akintemur@gmail.com.

Акин Темур

ДВЕ ПОНТИЙСКИЕ КРЕПОСТИ В ВЕЗИРКЁПРЮ, ОБЛАСТЬ САМСУН: БЮЮККАЛЕ (САГИЛИОН) И КЮЧЮККАЛЕ

Везиркёпрю, один из районов Самсуна, непрерывно занят оседлым населением на протяжении тысячелетий, от энеолита и ранней бронзы по сей день, благодаря расположению на важном перекрёстке, широким равнинам, многочисленным ручьям и подходящим для заселения ландшафтам. Когда-то здесь была деревня под названием Фаземон. По Страбону, она стала городом в период римского господства под названием Неоклаудиополис (Неаполис). Город имел важное стратегическое значение в период, когда самым опасным врагом римского господства в Анатолии был понтийский царь Митридат VI Евпатор. В прибрежных частях Понтийского региона крепости уже исследовались, тогда как укрепления в его внутренних частях не были должным образом изучены. Таковы Бююккале и Кючюккале с характерными чертами фортификации и градостроительства эпохи Митридатидов — мощными стенами, каменными туннелями и лестницами, а также гробницами. Бююккале идентифицируется с Сагилионом, упоминаемым письменными источниками. Нынешняя публикация крепостей, прежде не известных в археологической литературе, поспособствует освещению Понтийского градостроительства и эллинистического периода в Везиркёпрю.

Ключевые слова: Черноморские исследования, Самсун, Везиркёпрю, Неоклаудиополис, Бююккале, Сагилион, Кючюккале, Понтийское царство, ступенчатый туннель, скальная гробница.

Сведения об авторе: Темур Акын, доктор археологии, доцент, Университет Ондокуз Майис, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии.

* Статья поступила в номер 24 июля 2023 г.
Принята к печати 5 августа 2023 г.

© Akın Temür, 2023.

Контактная информация: 55200, Турция, г. Самсун, Университет Ондокуз Майис, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии, e-mail: akintemur@gmail.com.

Introduction

Vezirköprü is a district in the Central Black Sea Region of Samsun Province, surrounded by Alaçam and Durağan in the north, Bafra in the northeast, Havza in the east, Osmancık in the southwest and Saraydüzü in the west. The region's rugged topography, on the one hand, and the plains suitable for settlement and agriculture, on the other hand, have created a different ecosystem, and as a result, the district has been home to various civilizations for hundreds of years. An analysis of the settlement history of Vezirköprü, in general, shows that it has continued uninterruptedly from the Chalcolithic Age to the present day. The first publications on the district were made by the K. Kökten team, who conducted studies in the Samsun region in 1940—1941 (Kökten et al. 1945: 361). The surveys conducted by Dengate (Dengate 1978: 245—258) in 1970 and Alkım and his team between 1971 and 1977 constitute important milestones in illuminating the district's history (Alkım 1973: 435—438; 1974a: 5—16; 1974b: 553—556; 1975a: 23—28; 1975b: 5—12; 1976: 717—719; 1978: 542—547; Kızıltan 1992: 213—241). The stone tools (Bekker-Nielsen et al. 2015: 10) found at Adatepe Mound, 4 km north of Vezirköprü, during these surveys, allow us to date the settlement back to the Early Chalcolithic Period, while the excavations conducted by Rainer M. Czichon since 2007 at Oymaağaç Mound (Czichon, Yılmaz 2014: 340), 7 km north of Vezirköprü, revealed that the mound was not only an important Bronze Age settlement, but was also used during the Iron Age and later during the Hellenistic and Roman Periods. The earliest data from the Hellenistic and Roman Periods in the district belongs to French (French 1988), Kahl and Olshausen (Kahl, Olshausen 1991: 612—613), who researched the inscriptions and coins of the ancient city of Neoklaudiopolis (see Bekker-Nielsen 2013b: 39—59) in the 80s and 90s. In 2010—2013, a team formed by T. Bekker-Nielsen (Bekker-Nielsen 2010: 87—91; Bekker-Nielsen, Högel 2012: 153—160; Bekker-Nielsen 2013c: 203—213; Bekker-Nielsen et al. 2015: 1—96) conducted a survey to identify the Roman roads in the region. The results of the surveys undertaken by A. Temür (Temür, Yiğitpaşa 2020a: 619—654; Temür, Yiğitpaşa 2020b: 2865—2894) since 2018 revealed that the district has witnessed an uninterrupted intensive settlement from the Bronze Age (see Öntaş 2020) to the present day.

During the Hellenistic and Roman Periods of the city, several kingdoms came to the fore in Northern Anatolia in the process that started with the death of Alexander and resulted in the dissolution of the empire he founded. The Kingdom of Pontos, founded in 281 BCE, is one of them (Bekker-Nielsen 2013b: 41). The kingdom's heyday was undoubtedly lived during the reign of Mithradates VI Eupator, characterized by an ambitious personality. The king, who ascended the throne in 120 BCE, embarked on great conquests and spent his life fighting against the expansionist policies of the Romans (see Arslan 2007). Mithradates, who defeated the Romans in many battles, confronted the Roman commander Pompeius in 66 BCE, and the Romans defeated his army. With the end of the Pontic Kingdom, Roman rule began in the region. While organizing the Roman conquests in northern Anatolia, Pompeius united the Kingdom of Pontos with the former Kingdom of Bithynia and established the Province of Pontos and Bithynia (Arslan 2007: 490). During this period, many cities were founded in the region by Pompeius, including Neapolitis (fig. 1). (Bekker-Nielsen 2013a: 3).

Strabo (Strabo. XII, III, 38) stated the following in his work about the city; *"After the land of the Amisos people comes Phazemonitis, which extends to the Halys River. Pompeius declared the settlement in the Phazemon Village here as a city and named it Neapolitis"*. The Phazemonitis region takes its name from a village named Phazemon (Vezirköprü) and is surrounded by Gazelonitis (Bafra), Saramene and Amisos (Samsun) to the north, Amaseia (Amasya) to the south, rivers Iris (Kızılırmak) to the east and Halys (Yeşilırmak) to the west and Phanaroia (Taşova) (Arslan 2007: 18; Dalaison, Delrieux 2014: 163, C. 1). The city's name was later changed to Neoklaudiopolis (City of Claudius) in honour of the emperor Claudius (Anderson 1900: 151; Waddington, Babelon: 1904: 169; Bekker-Nielsen et al. 2015: 16). It is

possible to track this change in the coins minted in the city under the name of Neoklaudiopolis from the 2nd century CE to the early 3rd century CE (Waddington, Babelon 1904: 169—171, Pl. XXIII: 8—15; Dalaison, Delrieux 2014: 159—198). Neoklaudiopolis maintained its significance during this period as it was located on an important road junction leading to Thermai (Samsun/Havza) in the south, Pompeiopolis (Kastamonu/Taşköprü) in the west, Neokaisareia (Tokat/Niksar) and Amisos (Samsun) in the east (Temür, Yiğitpaşa 2018a: 623, fig. 6—8). After the division of the Roman Empire into two, the city became known as "Andrapa" (Ptolemaios. V, 4, 6; Magie 1950: 1067—1068; Arslan 2007: 18). The large number of Byzantine spolia found during the surveys revealed that the city remained important, albeit not as much as in the Roman Period (Temür, Yiğitpaşa 2018a: 619—654; Temür, Yiğitpaşa 2018b: 2865—2894). The Büyükkale and Küçükkale Castles in question were identified and examined in detail during the 2019 surveys. This study is valuable as Büyükkale is localized to the Sagylion Castle mentioned in ancient sources. It is known that Mithridates VI built castles at many points dominating the Black Sea coast within the scope of his military and strategy (Şenyurt, Atakan 2016: 226). In this process, while detailed excavations and research have been carried out in castles such as Kurul (Şenyurt et al. 2017: 133—146; 2019: 691—712; 2020: 505—524; 2022: 461—474) and Cıngırt (Erol 2013b: 1069—1077; 2014: 383—400; 2018: 102—109), located in the coastal area, the castles in the interior of the Pontos Region have been investigated to a lesser extent. In this context, the study of the castles in question is very important in terms of shedding light on the Hellenistic Period of Vezirköprü, which constitutes one of the transition points of the Pontic Region, and, thus, the Black Sea archaeology.

Büyükkale (Sagylion)

Strabo says in his work, *"Above the country of the Amaseians, there are the hot springs of Phazemonitis, which are very good for health. There is also the Sagylion Castle on a high and steep mountain, each extending in the shape of a beak"*. The Sagylion Castle mentioned by Strabo is localized to Vezirköprü by researchers (Hamilton 1842: 332—334; Anderson 1903: 83; Waddington, Babelon 1904: 7, 27; Arslan 2007: 19—20; Højte 2009: 103; Şenyurt, Akçay 2017: 182; Bekker-Nielsen 2021: 252). In particular, Olshausen and Biller point out this castle as Büyükkale today, bearing the same name as the neighbourhood 15 km south of Vezirköprü (Olshausen, Biller 1984: 162).

The castle, approximately 1,400 m above sea level, is located on a steep rocky cliff running east-west (figs. 2—8). The north side of the castle facing the neighbourhood is relatively lower. Since the castle's south side is composed of very steep and sheer rocks, the ascent to the castle is only possible via a narrow zigzagging path on the north side facing the neighbourhood, which is believed to have been used in antiquity. Although no findings related to the entrance gate have been unearthed, the flattened areas on the rocks suggest that the entrance to the castle may be on the continuation of the pathway that leads to the castle today.

The highest point of the castle, the western corner, called "Flag Hill" by the villagers, is reachable by steps carved into the rocks (figs. 9—10). A cistern with a depth of 6 m and a diameter of 4 m can be seen in the area terraced in places (figs. 11—12). The cistern's interior, carved into the rock, was built with bricks, and its surface was plastered. Looking to the south from the top of the castle, remains of fortification walls can be seen on partially flat areas on the slope (figs. 13—16). While large—sized cut stone blocks from the Hellenistic Period are observed at the base of the fortification walls, of which a 70 m section has been preserved in some places, a wall structure of Roman and Byzantine periods (Højte 2009: 103) is observed on the upper parts, which is built of brick and rubble stone with khorasan mortar on the inside and irregular cut stone on the outside (figs. 17—19). The preserved height of the city walls is 4—5 m, and the thickness is 1.30 m. An examination of the walls reveals terracotta pipe pieces and amorphous ceramic pieces belonging to the Roman and Byzantine Periods (fig. 20) for Roman ceramics identified during the surveys, see Karadeniz 2021). These ruins evince that the castle was fortified and reused in the Roman and Byzantine Periods.

There is an opening at the southwest part of the castle considered to belong to the entrance of the stepped rock tunnel (figs. 21—22). No measurement could be taken since the entrance was destroyed and filled with stones. However, Strabo (Strabo. XII, III, 38) provides crucial information about the

tunnel: *"The cistern at Sagylion, now abandoned, was useful to kings in many ways. Arsaces, one of the sons of King Pharnaces, assumed the title of ruler and attempted to revolt but was captured and killed here. Although the castle was taken by kings Polemon and Lycomedes, Arsaces was captured not by force but by starvation and thirst. He fled away from the plains into the mountains without provisions and found the cisterns filled with large rocks; for Pompey had ordered them to be filled and the garrisons demolished, lest they should be of use to those who went up for banditry. This is how Pompey had organized the administration of Phazemonitis"*. Here must be the cistern mentioned by Strabo, which was destroyed by Pompey and filled with rocks, as the other cistern in the castle is intact and too small to meet the needs of an army with its diameter of 4 meters and depth of 6 meters.

Strabo's statements about the stepped tunnel in the Sagylion Castle actually shed light on a debate. The Pontic region of Anatolia, including Samsun, is one of the places where stepped tunnels are most frequently seen (von Gall 1967: 511—517; Erol 2013a: 184; Şenyurt, Bulut 2020: 228). These tunnels are generally defined as stepped architectural structures formed by carving a castle or a natural rock elevation with a slope of 25°—45° (de Jerphanion 1928: 24; von Gall 1967: 504; Şenyurt, Bulut 2020: 228; Tekin et al. 2022: 405). 39 stepped tunnels are known to exist in 30 different locations in Samsun, Ordu, Amasya, Tokat, Sivas and Yozgat provinces (Şenyurt, Bulut 2020: 228; Bulut 2020: 47—48). Since very few of these tunnels have been excavated, their function and dating are still a matter of debate, and there are many opinions (Köroğlu, Danışmaz 2018: 120). It is commonly considered that these tunnels were used for three different purposes: water supply, military and cultic (Şenyurt, Bulut 2020: 229). At this point, some researchers, such as Osten (von der Osten 1929: 128—130) and Jerphanion (de Jerphanion 1928: 26—28), argue that the stepped tunnels are too large solely for access to water and that they may have been used for military purposes, such as escape or an unexpected attack on the enemy, while others, such as Şenyurt (Şenyurt, Bulut 2020: 233, pl. 8) and Leonhard (Leonhard 1915: 238—239), argue that they may have been used for cultic purposes. While Şenyurt (Similar niches are also found in the "Hisarkavak" stepped tunnel in Mecitözü, Çorum. Şenyurt, Bulut 2020: 233, pl. 6—7) bases their opinion on the niches at the entrance of the stepped tunnel in the Kurul Castle where a figurine may have been placed, Leonhard states that some of the tunnels are too large to meet the need for water and that these tunnels may have been built for a representative purpose and associates them with the cult of the mother goddess. In the case of Sagylion, Strabo's statements indicate that the stepped tunnels with no exit were also used as cisterns for storing rainwater. The existence of stepped tunnels in the Pontos region leading nowhere, especially in Ordu Kurul (Şenyurt, Akçay 2016: 221—248; 2017: 182, fig. 3; Şenyurt et al. 2017: 133—146; 2019: 691—712; 2020: 505—524; 2022: 461—474) and Cıngırt Castles (Erol 2013b: 1069—1077), Amasya Harşena Castle (Belck 1901: 473; Doğanbaş 2008: 11— 28; 2010: 65—78. see Dönmez 2014: 29—49), Giresun Kaledere (Kaymakçı 2020: 569—586) and Şebinkarahisar Castles (von Gall 1967: 507; Kaymakçı 2020: 574, fig. 10) and Tokat Castle (Belck 1901: 473; de Jerphanion 1928: 37—39), supports this view.

In some cases, as in Tokat Castle, the spring water found at the end of the tunnel evinces that these cisterns can hold large amounts of water (Şenyurt, Bulut 2020: 231). Since the stepped tunnel in the Sagylion example has been destroyed, we do not have the chance to know whether there were niches at the entrance that could be associated with a cult, as in Ordu Kurul Castle. However, the structures defined as rock bowls or libation pits, frequently encountered on rocky areas in the surveys conducted in the region, are often associated with the fertility/rain cult (Çiğdem, Gönültaş 2004: 74). As in Göbeklitepe (Schmidt 1998: 50, abb. 20), open-air temples/altars, including these pits dating back to the Neolithic period, are common places of worship found in many cultures (Çevik 2003: 233—246; Şimşek, Sezgin 2011: 40). Rock steps are another structure observed in these open-air temples created by shaping rocky areas. Used as a means to reach the gods, Rock steps are found in a very wide area from the west to the east of Anatolia and are a characteristic structure found especially in Phrygian and Urartian castles. However, it is very difficult to distinguish between the steps used for real purposes and those used for cult purposes. Stairs built for cultic purposes often have deadends (Naumann, 1991: 43). Sometimes, these steps end with a statuette of Cybele carved in a niche or a portable figurine of Cybele as a reflection

of epiphanic thought (Tüfekçi-Sivas 2002: 337; Şenyurt, Atakan 2017: 179—199; Şenyurt, Durugönül 2018: 305—344), while in other cases, they end with an inscription or a niche in which it is believed that the god can be seen (Çevik 2003: 234). The steps symbolically represent the ascent to the presence of the god in these monuments and do not serve a practical purpose. During ceremonies, the steps were used to spiritually transport the person to the god's level with offerings placed, or libations poured on them (Tüfekçi-Sivas 2002: 339—340). Considering the niches in some of the stepped tunnels, we can conclude that they may have had cultic purposes in addition to their cistern functions.

The dating of the stepped tunnels is as controversial as their intended use because no inscriptions or reliefs to date them have been found in any of them. Von Gall (von Gall 1967: 517), who studied the stepped tunnels in Anatolia, underlined the difficulty in determining exactly when they were built but that the step tunnels in the regions of Paphlagonia, Phrygia and Pontos may have been built in a time starting from the Achaemenid Period and continuing until the Hellenistic Period, considering the rock tombs and engravings found in the region. However, finds recovered during the excavations at Ordu Kurul (Şenyurt, Akçay 2016: 239), Fatsa Cıngırt Castles, and Tokat Geyraz Castle (Erciyas, Sökmen 2010: 359) indicate that the stepped tunnels date back to the Hellenistic Period, especially to the reign of Mithradates VI Eupator (Şenyurt, Bulut 2020: 236). It would be appropriate to date the Sagylion Castle to the same period. However, the fortification walls and ceramics found during the surveys in the castle revealed that the castle was also intensively used during the Roman and Byzantine Periods.

Küçükkale

Küçükkale in question is located on the road to Büyükkale, 600 m east of the neighbourhood of the same name (fig. 23). Located 1 km southeast of Büyükkale, the castle is situated on a very steep rocky area at approximately 1.165 m above sea level (Map 6). Since the other sides of the castle are very steep, it has a natural defence. The ascent to the castle can only be achieved by climbing from the west side (figs. 24—25). The summit of the castle is a small watchtower measuring 11 × 7 m (figs. 26—27). The other sides of the cliff are not suitable for settlement. The terraced upper part houses two cisterns carved into the rock. The first cistern, built near the summit of the castle, has a diameter of 2.70 m and a height of 5 m (fig. 28). The second cistern is located just below the first cistern (fig. 29). It is 7 m deep and narrows from bottom to top, with a bottom diameter of 5 m and a top diameter of 2 m. The holes where the wooden beams entered are visible in both cisterns. Compared with the cistern at Büyükkale, they have more or less similar dimensions. Many cisterns with similar characteristics were recorded during the surveys conducted in Vezirköprü (Temür, Yiğitpaşa 2020a: 623—624; Temür, Yiğitpaşa 2020b: 2869—2870).

Three of these are located in the castle in the Özyörük Neighbourhood, 15 km northeast of Vezirköprü, one on a rocky area in the Zindankaya Site in the Esen Neighbourhood, 13 km south of the district, and the last one on a castle settlement in the Terekkaya Site in the Türkmen Neighbourhood, 18 km north of Vezirköprü. The common characteristics of these cisterns carved into the rocks are that they were fed by rainwater, have a diameter of 2—4 m and a depth of 5—6 m, expand downwards from the mouth and were plastered to ensure waterproofing. Since this type of cisterns was frequently used in both the Hellenistic and Roman periods, it is impossible to give a precise date.

A semi-circular rock tomb with an arched entrance and a vaulted ceiling was found at the top of the rocky area in Küçükkale on a levelled terrace (fig. 30). The rock tomb, which was severely damaged by illegal excavations, measures 1.45 × 1.10 m and has an inner depth of 90 cm. The benches of the rock tomb were damaged, and no finds have been unearthed to provide a date (The widespread use of vaulting and arches in the rock tombs in the region is interpreted as Roman influence. Durukan 2012: 76; Tekin 2020: 134—135). There is a second rock tomb on the south-facing side of the rocky area (fig. 31). According to the old photographs and remains of the tomb, which could not be entered because of its steep and inaccessible location, it seems to consist of a triangular pedimented, columned

entrance and a vaulted burial chamber. This type of tomb, defined as “Paphlagonia Rock Tombs”, appears as part of the rock tomb tradition of the Pontos Region during the Hellenistic Period.

This rock tomb form is found in many provinces such as Ordu (Kumandaş 2004: 36—37; Kumandaş 2018: 106—129), Sinop (Dökü 2008: 44) and Kastamonu (Dökü 2008: fig. 43) , as well as Samsun (Ünan 2010: 45 et al.) and dates back to the 5th century BCE. They can be traced back to the Phrygian rock tomb monuments and are considered to reflect on the rock the local wooden residential architecture blended with the interaction of Achaemenid and Greek art (Forbes 1983: 93 et al.; Dökü 2008: 17; Vassileva 2012: 250; Tekin et al. 2022: 134). The most distinctive feature of these rock tombs with flat or triangular pediments, consisting of single or multiple burial chambers, is the presence of columns at the entrance, reminiscent of a temple facade. Only traces of the columns and the triangular pediment are visible in the Küçükkale example as they have been destroyed (The better-preserved example of this rock tomb in Küçükkale is the “Evkaya” tomb in the Esen neighbourhood. Dökü 2008: 36, 119, 123, fig. 23; Ünan 2010: 49, pl. LXXXVIII: 1, LXXXIX: 1; Temür et al. 2022: 152, fig. 12b-d).

When we look at the eastern side of the castle facing the stream, we see a 20 m — long horseshoe—shaped (see Bulut 2017: 166—167) rock tunnel with 41 steps (figs. 32—33). The entrance to the stepped tunnel, called by the locals *“Kırk Badal Mevkii”*, is 0.90 m wide and 1.15 m high (fig. 34). The tunnel height reaches 2 m in places inside. The steps are 0.25 m wide and 0.25 m high (fig. 35). At the end of the steps, facing east, there is an arched doorway measuring 1.30 × 0.52 m (figs. 36—37) and a window opening measuring 0.30 × 0.24 m to the left of the door.

Since the steps from the doorway have been destroyed, it is impossible to proceed (fig. 38). Therefore, its length cannot be measured exactly. The locals in the neighbourhood state that the side of the tunnel facing the stream was named *“At Böğerdi Mevkii”,* and the steps led down to the stream but were closed afterwards. This step tunnel is undoubtedly very different from the Büyükkale example. The greatest difference is that it is only high and wide enough for a few people and leads down to a water source (fig. 39). The earliest information about the use of these canals for water supply comes from Strabo. Speaking of Amasya in his work, Strabo (Strabo. XII, III, 39) says: “*My city is built in a wide and deep valley through which the Iris River flows. Human labour and nature have given it the character of both a city and a fortress in an extraordinary way... There are cisterns in these rocks, but the city has no access to them. Two tubular canals have been carved into the rocks, one towards the river and one towards the strait.”* Strabo’s statements are very important in terms of revealing that stepped tunnels were used as a means of access to water in the Hellenistic Period. In this context, the stepped tunnel at Küçükkale must have also been used to access water. Similar stepped tunnels are located in Samsun/Bafra Asarkale (Bilgi et al. 2002: 42; 2003: 88—89; Bulut 2017: 140—142, fig. 81—83), Tependeliği (Bilgi et al. 2003: 88; Bulut 2017: 143—145, fig. 84—86), Tokat/Pazar Dereköy (Tekin et al. 2022: 410—413) stepped tunnels. Both rock tunnels descend to a river source, as in the Küçükkale example. The Tependeliği and Dereköy examples, which are slightly larger than Küçükkale, show similar characteristics to the Küçükkale stepped tunnel with their horseshoe shape.

No fortification wall or building remains were found in Küçükkale. However, there are partially traceable remains of a 1 m thick wall made of rubble stones in the lower part of the rocky area (figs. 40—41). These wall remains probably belong to a later period. The examination around the wall remains yielded sherds from the Roman and Byzantine Periods (fig. 42).

Compared to Büyükkale, Küçükkale is a rather small—scale fort. Especially considering that it is located on the same line, with no fortification walls and no suitable areas for settlement, it gives the impression of a fort/tower built for surveillance purposes. The cistern inside must have been used for the daily needs of the soldiers on guard here. During the surveys, many similar small—scale fort structures were identified in Vezirköprü. The common characteristics of these forts are being located on the passageways at a point dominating the terrain and having terraced areas with rock steps and small cisterns carved into the rock to meet the water needs of the people living there. Since these types of forts are not suitable for dense settlement and are mostly located on a rocky area in the middle or at the top of a hillside settlement, mostly built as watchtowers, as in the cases of Zindankaya (Temür, Yiğitpaşa 2020b: 2869)

and Kocakarıpınarı (Temür, Yiğitpaşa 2020a: 622, 624, fig. 9), they did not have stepped tunnels for water storage, as in Büyükkale. Although it is impossible to say anything definite about the periods in which the castles were used, the ceramics found in the surrounding settlements revealed that their beginnings date back to the Hellenistic Period, but they were also used during the Roman and Byzantine Periods.

Conclusion

The castles evaluated within the scope of the study were identified during the surveys conducted in the Vezirköprü district of Samsun. It is known that Mithridates VI built castles at many points dominating the Black Sea coast within the framework of his military strategy. Some of these castles have been researched in detail, and excavations are still ongoing in some of them. However, in contrast to these studies conducted on the coastal region, the castles in the interior of the Pontic Region have been investigated to a lesser extent. In this context, studying these castles is very important in terms of shedding light on the Hellenistic Period of Vezirköprü, which constitutes one of the transition points of the Pontic Region, and thus on the Black Sea archaeology. In addition, the fact that Büyükkale, one of the castles studied, is localized to the Sagylion Castle mentioned in Strabo's work further increases the importance of the study. Because it is known that with the defeat of Mithradates VI by Pompeius and the subsequent Roman domination in the region, all the castles belonging to the Kingdom of Pontos were destroyed so as not to be used again. As a result of the Roman destruction, the Hellenistic Period data in the region is limited and very few of them have survived to the present day. In this context, the research of these castles, which contain many of the traditional features of the Hellenistic Period Mithridates castles with their fortification walls, rock tunnels, rock steps and rock tombs, and bringing them to the literature will contribute to illuminate the construction activities of the Pontic Kingdom in the region and the Hellenistic Period of Vezirköprü.

References

Alkım, B.U. 1973. Samsun Bölgesi Çalışmaları (1973). *Türk Arkeoloji Dergisi* 22-1, 5—12.
Alkım, B.U. 1974a. Tilmen Höyük ve Samsun Bölgesi Çalışmaları 1971. *Türk Arkeoloji Dergisi* 20-2, 5—16.
Alkım, B.U. 1974b. Samsun Bölgesinde 1973 Çalışmaları. *Belleten* XXXVIII-151, 553—556.
Alkım, B.U. 1975a. Tilmen Höyük ve Samsun Bölgesi Çalışmaları 1972. *Türk Arkeoloji Dergisi* 212, 23—28.
Alkım, B.U. 1975b. Samsun Bölgesi Çalışmaları (1973). *Türk Arkeoloji Dergisi* 22-2, 5—12.
Alkım, B.U. 1976. Samsun Bölgesi Araştırmaları ve İkinci Dönem İkiztepe Kazısı. *Belleten* XL-160, 717—719.
Alkım, B.U. 1978. 1977 Dönemi İkiztepe Kazısı ve Samsun Bölgesi Araştırmaları. *Belleten* XLII-167, 542— 547.
Anderson, J.G.C. 1900. Pontica. *JHS* 20, 159—166.
Anderson, J.G.C. 1903. *Studia Pontica*. Vol. I. *A Journey of Exploration in Pontos*. Bruxelles: H. Lamertin.
Arslan, M. 2007. *Mithradates VI Eupator: Roma'nın Büyük Düşmanı*. İstanbul: Odin Yayıncılık.
Bekker-Nielsen, T. 2010. New milestones from Neoklaudiopolis. *Epigraphica Anatolica* 43, 87—91.
Bekker-Nielsen, T., Høgel, C. 2012. Three Epitaphs from the Vezirköprü Region. *Epigraphica Anatolica* 45, 153—160.
Bekker-Nielsen, T. 2013a. 350 Years Of Research On Neoklaudiopolis (Vezirköprü). *Orbis Terrarum* 11, 3—31.
Bekker-Nielsen, T. 2013b. Neoklaudiopolis'in Araştırma Tarihi Üzerine Notlar (Vezirköprü, Samsun İli). *Höyük* 6, 39—59.
Bekker-Nielsen, T. 2013c. Neapolis-Neoklaudiopolis: A Roman City in Northern Anatolia. *Anatolian Metal* VI, 203—213.
Bekker-Nielsen et al. 2015: Bekker-Nielsen, T., Czichon, R.M., Högel, C., Kıvrak, B., Madsen, J.M., Sauer, V., Sorensen, S.L., Winther-Jacobsen, K. 2015. *Neoklaudioplis Antik Kenti (Vezirköprü-Samsun). Tarihsel ve Arkeolojik Rehber*. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları.
Bekker-Nielsen, T. 2021. An Ancient Route Through the Tavşan Mountains. *OANNES* 3/2, 249—266.
Belck, W. 1901. Forschungsreise in Kleinasien, *Zeitschrift für Ethnologie* 33, 452—522.
Bilgi, Ö., Atasoy, S., Dönmez, Ş. 2002. 2001 Yılı Samsun İli Yüzey Araştırması. *20. Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Cilt. 2, 41—50.
Bilgi, Ö., Atasoy, S., Dönmez, Ş. E.U. Ulugergerli 2003. Samsun İli 2002 Dönemi Yüzey Araştırması. *21. Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Cilt. 1, 87—96.

Bulut, A.E. 2017. Pontos Bölgesi Basamaklı Tünelleri. Master's thesis. Ankara: Gazi University.

Bulut, A.E. 2020. A General Overview on the Stepped Tunnels in Pontos Region. In: Girginer, K.S., Dardeniz, G., Gerçek, A., Erhan, F., Genç, E., Tuğcu, İ., Oyman-Girginer, Ö., Fırat, M.C., Gerçek, H., Tufan, M.F. (eds.). *Mors Immatura, Amanosların Gölgesinde Hayriye Akıl Anı Kitabı*. İstanbul: Ege Yayınları, 47—62.

Czichon, R.M., Yılmaz, M.A. 2014. Vezirköprü/Oymaağaç Höyük-Nerik (?) Projesi. In: Kasapoğlu, H., Yılmaz, M.A. (eds.). *Anadolu'nun Zirvesinde Türk Arkeolojisinin 40 Yılı*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat, 339—346.

Çevik, N. 2003. Anadolu'daki Kaya Mimarlığı Örneklerinin Karşılaştırılması ve Kültürlerarası Etkileşim Olgusunun Yeniden İrdelenmesi. *Olba* VIII, 213—246.

Çiğdem, S., Gönültaş, B. 2004. Gümüşhane Şiran-Araköy'de Sunu Çukurları, *Atatürk Üniversitesi, Sosyal Bilimler Dergisi*. Cilt 4/33, 73—84.

Dalaison, J., Delrieux, F. 2014. La cité de Néapolis-Néoclaudiopolis: histoire et pratiques monétaires. *Anatolia Antiqua* XXII, 159—198.

de Jerphanion, G. 1928. *Mélanges D' Archéologie Anatolienne: Monuments Préhelléniques, Gréco-Romains, Byzantins Et Musulmans De Pont, De Cappadoce Et De Galatie*. T. XIII. Fasc. I. *Mélanges de L'Université Saint Joseph*. Beyrouth: Imprimerie Catholique.

Dengate, J.A. 1978. A Site Survey Along the South Shore of Black Sea. *The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology, 23 Eylül 1973*. Vol. 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 245—258.

Doğanbaş, M. 2008. Amasya Merkez Harşena Kalesi 2008 Yılı Kurtarma Kazısı. *17. Müze Kurtarma Kazıları Sempozyumu*, 11—28.

Doğanbaş, M. 2010. Amasya Merkez Harşena Kalesi Cilanbolu Tüneli 2008 Yılı Kazı ve Temizlik Çalışmaları. *Müze Çalışmaları ve Kurtarma Kazıları Sempozyumu* 18, 65—78.

Dökü, E. 2008. Paphlagonia Bölgesi Kaya Mezarları ve Kaya Tapınakları. PhD Thesis. Antalya: Akdeniz University.

Dönmez, E. 2014. Amasya-Harşena Kalesi ve Kızlar Sarayı Kazıları. In: Özdem, F. (ed.). *Amasya, Yar ile Gezdiğim Dağlar*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 29—49.

Durukan, M. 2012. *Kappadokia'da Argaios Dağı Çevresinde Hellenistik-Roma Dönemi Mezarları ve Ölü Kültü*. İstanbul: Arkeoloji Sanat Yayınları.

Erciyas, D.B., Sökmen, E. 2010. Komana Antik Kenti Arkeolojik Araştırma Projesi 2008 Yılı Raporu. *27. Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Cilt 2, 355—374.

Erol, A.F. 2013a. Ordu İli, Fatsa İlçesi Arkeolojik Yüzey Araştırması 2011. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 30/2, 183—196.

Erol, A.F. 2013b. Archaeological Survey in Fatsa Cıngırt Kayası: New Findings for the Archaeology of the Eastern Black Sea Region. *SOMA 2012*, 1069—1077 (BAR International Series 2581 (II)).

Erol, A.F. 2014. Ordu İli Fatsa İlçesi Cıngırt Kayası Kazısı 2013. *36. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Cilt 1, 383—400.

Erol, A.F. 2016. Fatsa İlçesi Cıngırt Kayası Kazısı 2014. *37. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Cilt 2, 559—572.

Erol, A.F. 2018. An Archaeological Assessment of the Turkish Eastern Black Sea Region in the Light of Fatsa Surveys and Cıngırt Kayası Excavations. In: Yiğitpaşa, D., Öniz, H., Temür, A. (eds.). *Black Sea Archaeology Studies Recent Developments.* İstanbul: Türkiye Sualtı Arkeolojisi Vakfı, 102—109.

Forbes, T.B. 1983. *Urartian Architecture*. Oxford: BAR Publishing (BAR International Series 170).

French, D. 1988. *Roman Roads and Milestones of Asia Minor*. Fasc. 2. *An Interim Catalogue of Milestones* Pt. 1. *British Institute of Archaeology at Ankara*. Ankara: British Archaeological Reports (BAR International Series 392.I; Monograph 9).

Hamilton, W.J. 1842. *Researches in Asia Minor, Pontos, and Armenia; With some Account of their Antiquities and Geology*. Vol. 1. London: John Murray.

Højte, J.M. 2009. The Administrative Organization of the Pontic Kingdom. *BSS* 9. *Mithradates VI and Pontic Kingdom*, 95—108.

Kahl, G., Olshausen, E. 1991. Bericht über die Epigraphische und Numismatische Landesaufname im Samsun İli 1990. *9. Araştırma Sonuçları Toplantısı*, 611—616.

Karadeniz, S. 2021. 2018—2019 Vezirköprü Yüzey Araştırmaları Işığında Neoklaudiopolis Antik Kenti Roma Dönemi Seramikleri. Master's thesis. Samsun: Ondokuz Mayıs University.

Kaymakçı, S. 2020. Doğu Pontos Bölgesi Kaleleri ve Basamaklı Tünellerine Bir Örnek: Kaledere Kalesi—Yeni Bulgular Işığında Arkeolojik Bir Değerlendirme. *Karadeniz İncelemeleri Dergisi* 28, 569—586.

Kızıltan, Z. 1992. Samsun Bölgesi Yüzey Araştırmaları 1971—1977. *Belleten* LVI/215, 213—241.

Kökten, K., Özgüç, N., Özgüç, T. 1945. 1940 ve 1941 Yılında Türk Tarih Kurumu Adına Yapılan Samsun Bölgesi Kazıları Hakkında İlk Kısa Rapor. *Belleten*. Cilt IX *Sayı* 35, 361—400.

Köroğlu, K., Danışmaz, H. 2018. The Origin of Stepped Rock-Cut Tunnels in Eastern Anatolia. *Ancient Near Eastern Studies* 55, 107—124.

Kumandaş, H. 2004. Ordu İli Kaya Mezarları. Master's thesis. Erzurum: Atatürk University.
Kumandaş, H. 2018. Ordu İli Ünye İlçesi Kaya Mezarları. *Avrasya Sosyal ve Ekonomi Araştırmaları Dergisi* 5/5, 106—129.
Leonhard, R. 1915. *Paphlagonia: Reisen und Forschungen im Nördlichen Kleinasien*. Berlin: Reimer.
Magie, D. 1991. *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ*. Vol. II. Princeton: Princeton University Press.
Naumann, R. 1991. *Eski Anadolu Mimarlığı.* Ankara: Türk Tarih Kurumu.
Olshausen, E., Biller, J. 1984. Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. T. 1. Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithradatien. *Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients* 29/1. Rehie B (Geisteswissenschaften).
Öntaş, B. 2020. 2018—2019 Vezirköprü Yüzey Araştırmaları Işığında Tunç Çağı Çanak Çömleği. Master's thesis. Samsun: Ondokuz Mayıs University.
Sökmen, E. 2009. Characteristics of the Temple States of Pontos. *BSS* 9. *Mithridates VI and Pontic Kingdom*, 277—288.
Şenyurt, S.Y., Akçay, A. 2016. Kurul Kalesi (Ordu) VI. Mithradates Dönemi Yerleşimi Üzerine Ön Değerlendirmeler. *Seleucia* VI, 221—248.
Şenyurt, S.Y., Akçay, A. 2017. The Kurul Fortress (Ordu) and the Cult of Cybele as a City Protector. *Colloquium Anatolicum* 16, 179—199.
Şenyurt, S.Y., Akçay, A., Bulut, E. 2017. Kurul Kalesi 2016 Yılı Kazı Çalışmaları. *39. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Cilt 3, 133—146.
Şenyurt, S.Y., Durugönül, S. 2018. Kurul (Ordu) Kalesi'nde Bir Kybele Heykeli. *OLBA* XXVI, 305—344.
Şenyurt et al. 2019: Şenyurt, S.Y., Akçay, A., Bulut, E., Zoroğlu, U., Yorulmaz, L., Akgönül, S.O. 2019. Kurul Kalesi 2017 Yılı Kazı Çalışmaları. *40. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Cilt 3, 691—712.
Şenyurt et al. 2020: Şenyurt, S.Y., Akçay, A., Bulut, E., Zoroğlu, U., Yorulmaz, L., Akgönül, S.O. 2020. Kurul Kalesi 2018 Yılı Kazı Çalışmaları. *41. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Cilt 4, 505—524.
Şenyurt, S.Y., Bulut, A.E. 2020. Pontos Bölgesi Basamaklı Tünellerinin Köken ve İşlevleri Üzerine Bazı Öneriler. *Seleucia* X, 221—248.
Şenyurt et al. 2022: Şenyurt, S.Y., Akçay, A., Bulut, E., Zoroğlu, U., Yorulmaz, L., Bulut, A.E. 2022. Kurul Kalesi 2019—2020 Yılı Kazı Çalışmaları. *2019—2020 Yılı Kazı Çalışmaları* 4, 461—474.
Şimşek, C., Sezgin, M.A. 2011. Eumeneia Açık Hava Kutsal Alanı. In: Söğüt, B. (ed.). *Eumeneia, Şehylü ve Işıklı*. İstanbul: Ege Yayinlari, 29—43.
Tekin, M. 2020. Pontos Bölgesi'nin İç Kesimindeki Kaya Mezar Geleneği Üzerine Bir Değerlendirme (Gaziura ve Zela Örnekleri Üzerinden). *TÜBA-AR* 26, 131—147.
Tekin, M., Ful, Ş. D., Uyanık, H. 2022. Kazova'da (Dazimonitis) Yeni Keşfedilen Basamaklı Tünelli Bir Pontos Krallığı Kalesi: Dereköy Kalesi. *Belleten* 86/306, 399—426.
Temür, A., Yiğitpaşa, D. 2020a. Neoklaudiopolis Antik Kenti ve Territoryumu 2018 Yüzey Araştırması ve Envanter Çalışmaları. *History Studies* 12/2, 619—654.
Temür, A., Yiğitpaşa, D. 2020b. Neoklaudiopolis Antik Kenti ve Territoryumu 2019 Yüzey Araştırması ve Envanter Çalışmaları. *History Studies* 12/6, 2865—2894.
Temür et al. 2022: Temür, A., Yiğitpaşa, D., Kıvrak, B., Özbilgin, Ö., Sarıgül, M., Karadeniz, S. 2022. Neoklaudiopolis Antik Kenti ve Territoryumu 2019 Yılı Yüzey Araştırması. *2019—2020 Yılı Kazı Çalışmaları* 1 (A), 145—165.
Sivas, T. 2022. Ana Tanrıça/Matar Kubileya Kültü İle Bağlantılı Phryg (Frig) Kaya Altarları Üzerine Yeni Gözlemler. *Anadolu Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi* 1/3, 335—355.
Ünan, S. 2010. Samsun ve Çevresi Mezar Tipleri ve Ölü Gömme Adetleri (MÖ. III. Bin—MS. IV. yy). Master's thesis. Kütahya: Dumlupınar Mayıs University.
Vassileva, M. 2012. The Rock-cut monuments of Phrygia, Paphlagonia and Thrace: A Comparative Overview. In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontos and Phrygia in Antiquity Aspects of Archaeology and ancient history*. Oxford: Oxford University Press, 243—252 (BAR International Series 2432).
Von der Osten, H.H. 1929. Researches in Anatolia 1. Explorations in Central Anatolia, Season of 1926. *OIP* 5.
Von Gall, H. 1967. Zu den Kleinasiatischen Treppentunneln, *Archäologischer Anzeiger* 82, 504—527.
Waddington, W.H., Babelon, E. 1904. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, et Theodore Reinach*. Vol. I. Paris: Leroux.

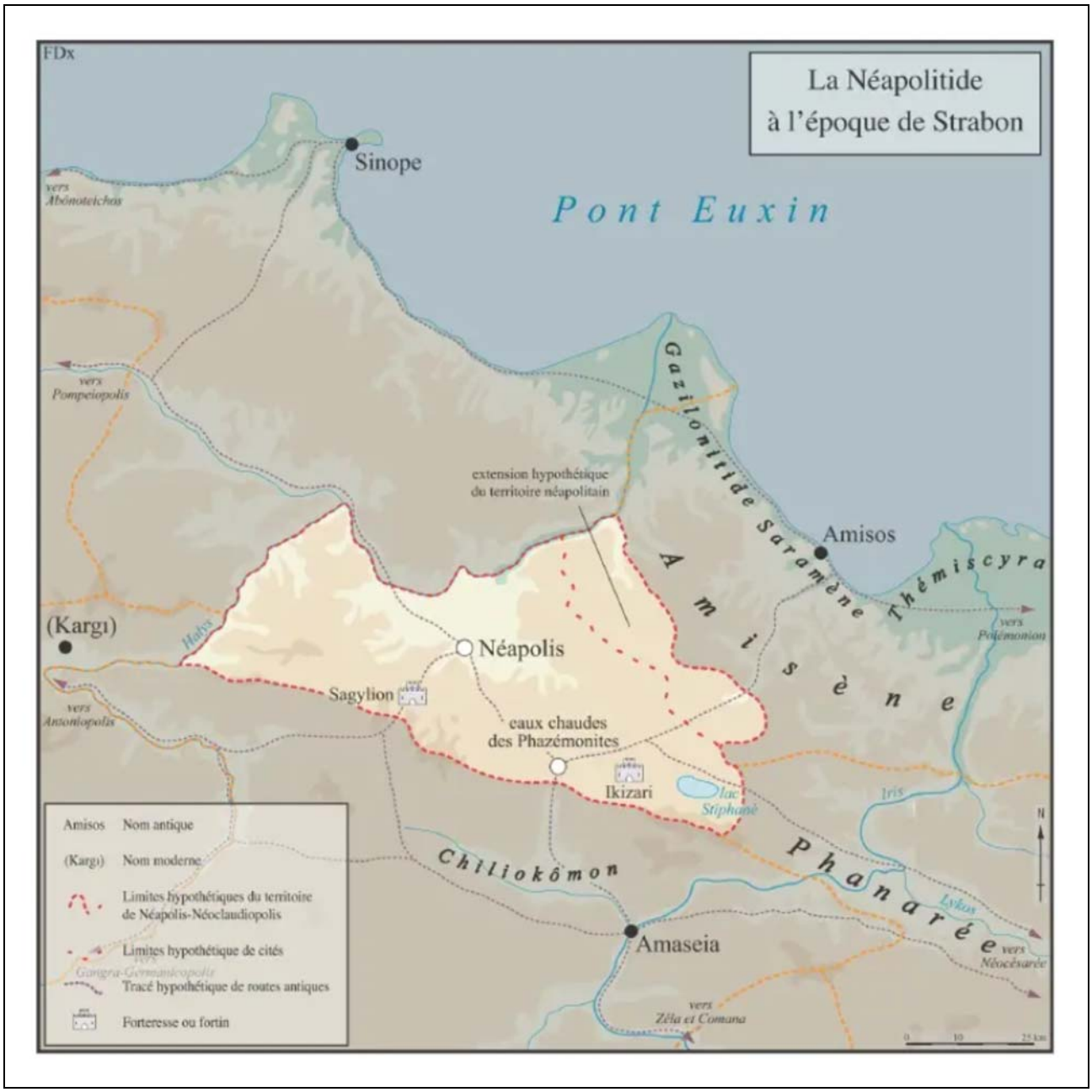


Fig. 1. Neoklaudiopolis in the time of Strabo (Neapolis) (after Dalaison, Delrieux 2014: 163, Carte 1).

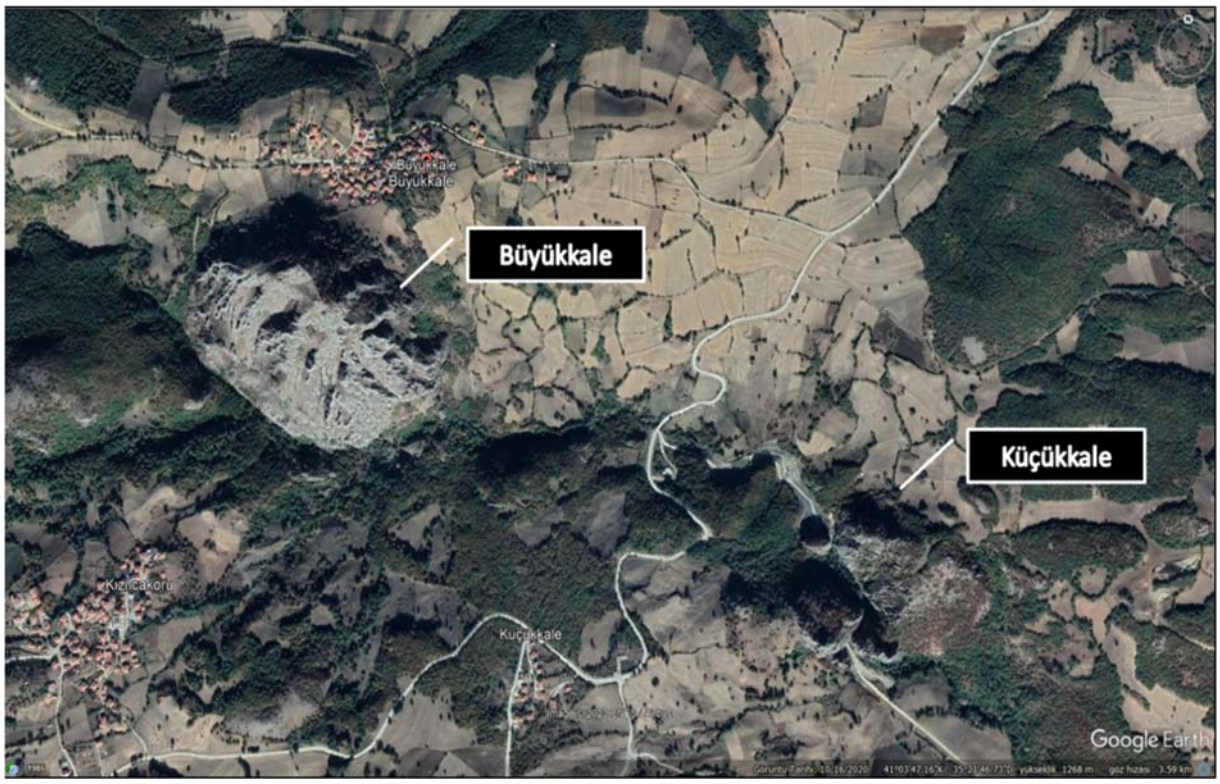


Fig. 2. Satellite photo of Büyükkale and Küçükkale.

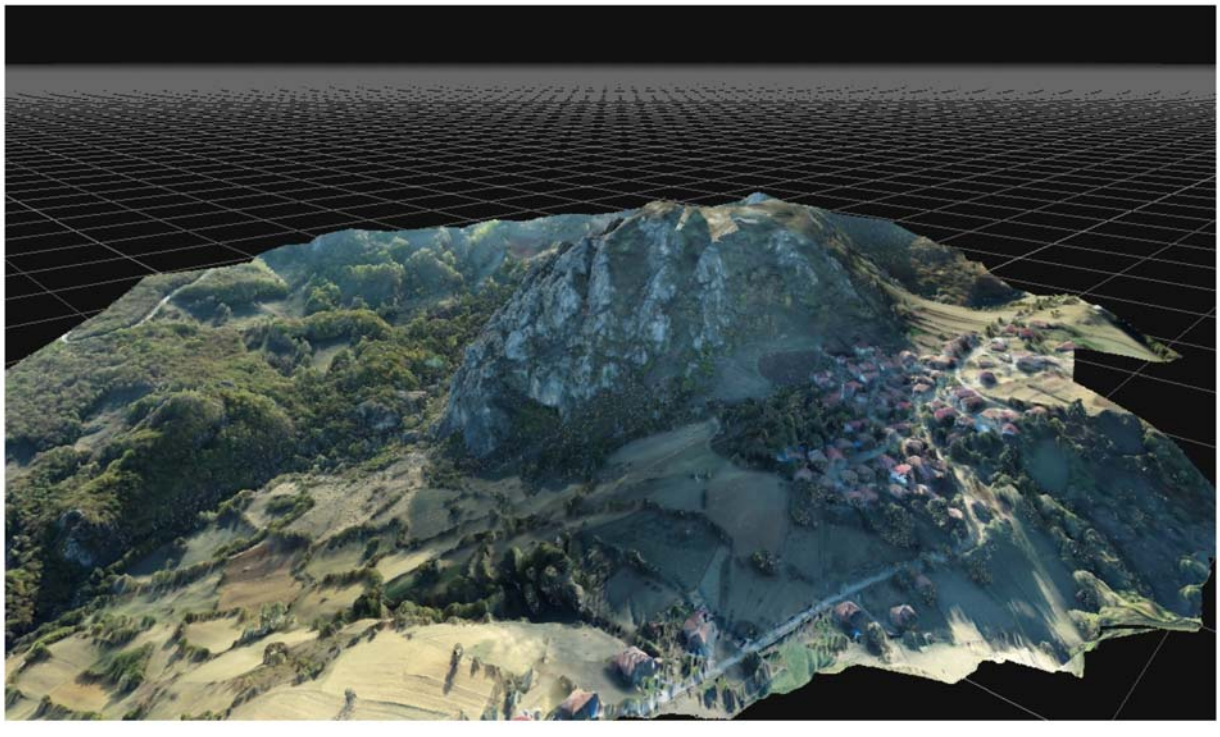


Fig. 3. Orthophoto view of Büyükkale from the North.

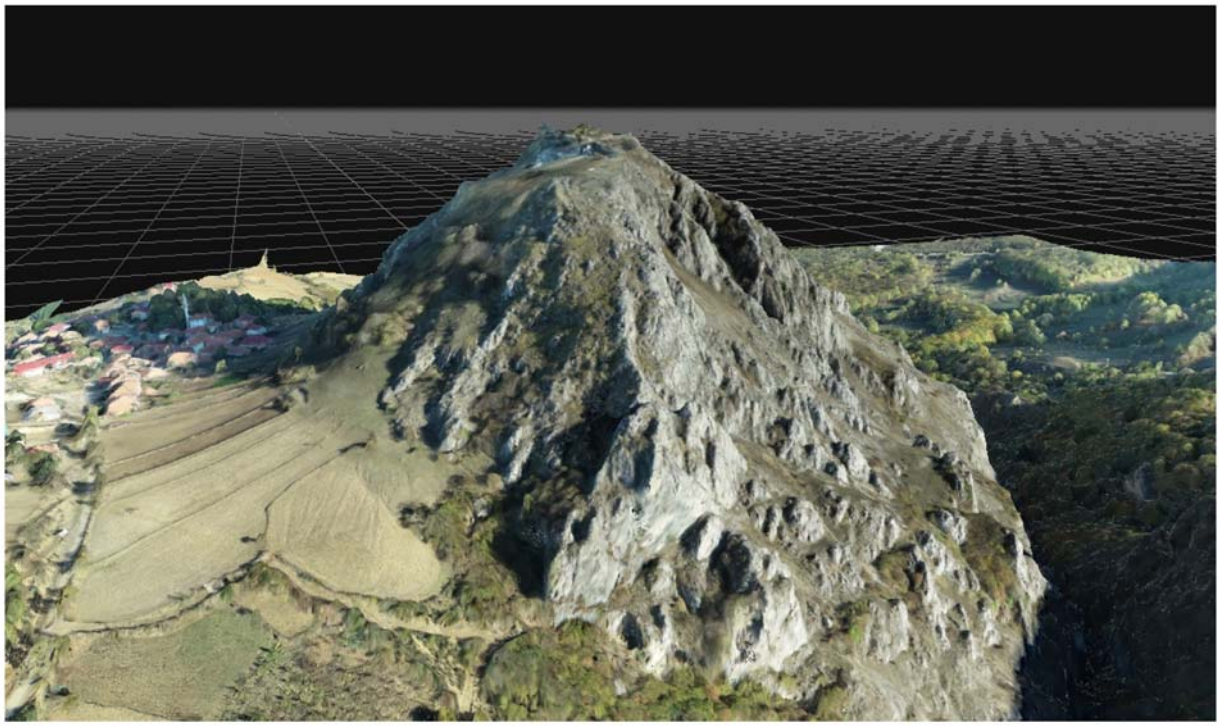


Fig. 4. Orthophoto view of Büyükkale from the west.

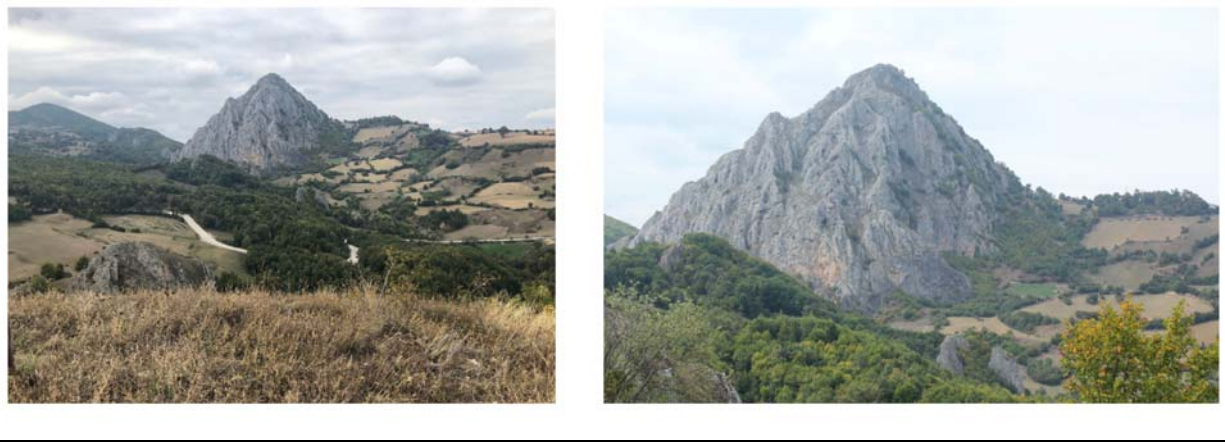


Fig. 5—6. View of Büyükkale from the north.

Fig. 7—8. View of Büyükkale from the south.

Fig. 9—10. The summit of the castle and rock steps.

Fig. 11—12. Cistern carved into the rock.

Fig. 13—16. Late-period fortification walls.

Fig. 17—19. Late-period fortifications built on the Hellenistic Period fortification walls.

Fig. 20. Ceramic sherds found around the walls.

Fig. 21—22. Entrance to the damaged step tunnel.

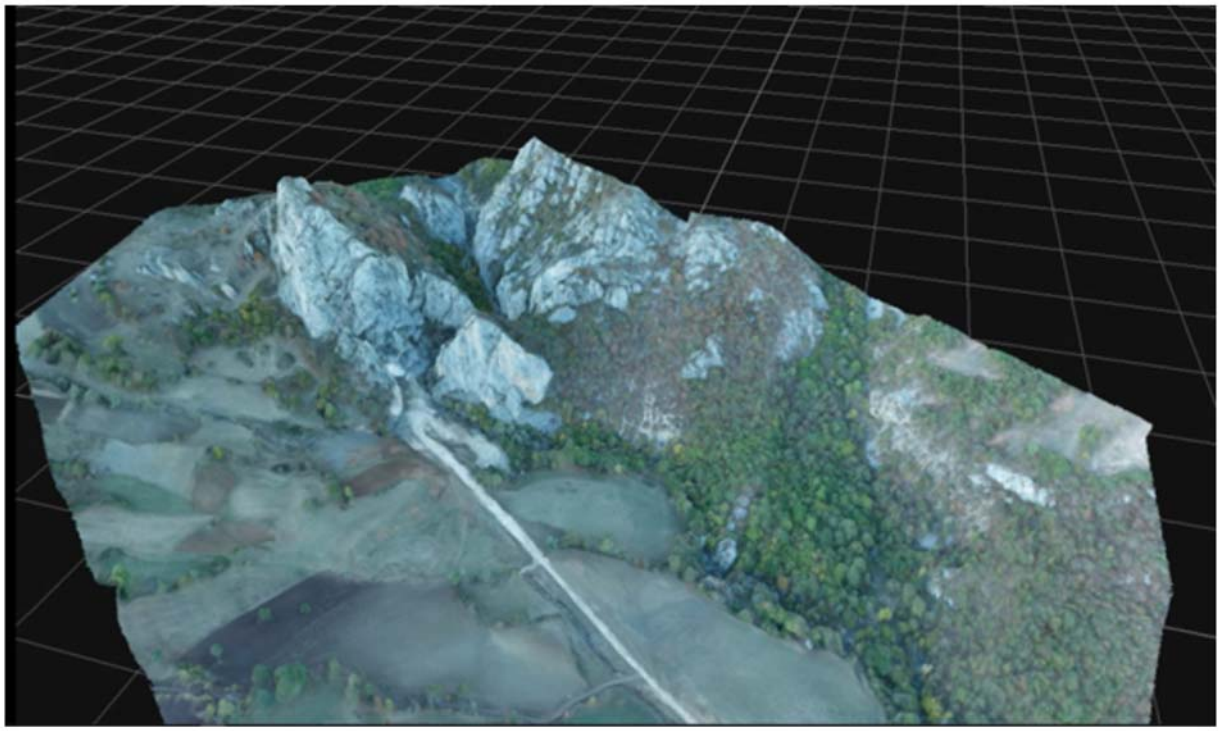


Fig. 23. Orthophoto view of Küçükkale from the southeast.

Fig. 24—25. Southwest view of the castle.

Fig. 26—27. The summit of the castle and Büyükkale.

Fig. 28—29. Cisterns carved into the rock.

Fig. 30. First rock tomb on the terrace.

Fig. 31. The second rock tomb on the south-facing part of the rocky area.

Fig. 32—33. The entrance and corridor of the stepped tunnel on the east side of the castle.

Fig. 34—35. Steps and ceiling at the entrance of the stepped tunnel.

Fig. 36—37. Steps and arched doorway.

Fig. 38—39. End point of the stepped tunnel and water source.

Fig. 40. Remains of the wall at the foot of the castle.

Fig. 41. Remains of the wall at the foot of the castle.

Fig. 42. Pottery sherds seen on the slope around the castle.

DOI: 10.53737/6732.2023.27.87.005

А.А. Красноперов

УДИЛА САРМАТСКИХ ТИПОВ В ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЕ*

Предметом публикации является группа стержневых псалиев с парой выступающих прямоугольных рамок для крепления ремней оголовья. Общая датировка стержневых двухпетельчатых псалиев укладывается в интервал от первой половины I в. до н.э. до первой половины II в. н.э. Обсуждаются находки в сарматском ареале и на его дальней периферии — в лесной зоне. Сопровождающие находки регулярно повторяются, но хронологически неоднородны. Одна хронологическая группа сопряжена с комплексом «восточных инноваций» в сарматской культуре, который даёт лишь достаточно протяжённый интервал бытования вещей во II—I в. до н.э., но не узкую дату. Другая группа связана с находками различных пряжек, лучковых и сильнопрофилированных фибул. Сарматские формы узды получили широкое распространение на периферии сарматского мира, где выделяются два района концентрации находок: Посурье и Прикамье. Учитывая сопроводительный инвентарь, более вероятны связи между пьяноборскими и андреевско-писеральскими группами. В последние удила сарматских типов могли попасть только в результате взаимодействия с сарматскими группами. Андреевско-писеральские группы выступают посредниками в процессе распространения сарматской узды в лесной зоне. Контакты происходили в двух направлениях, с запада на восток и с востока на запад. Исходной позицией выступают именно андреевско-писеральские памятники как содержащие наиболее полный и повторяющийся в комплексах набор элементов. В пьяноборских могильниках эти элементы разрозненны, единичны, хотя и достаточно часты.

Ключевые слова: Прикамье, Посурье, среднесарматское время, удила, псалии, типология, хронология, андреевско-писеральский тип памятников, пьяноборская культура.

Сведения об авторе: Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

Контактная информация: 426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН); e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

A.A. Krasnoperov

BRIDLES OF THE SARMATIAN TYPES IN THE PIANYI BOR CULTURE

The subject of the publication is a group of horse bits with the rod-shaped cheek-pieces equipped with a pair of rectangular frames of fixing the headstall straps. The conventional dates of the two-looped cheek-pieces seem to fit the interval from the first half of the 1st century BCE up to the first half of the 2nd century CE. Bridle finds from the Sarmatian area and the forest zone are discussed. Accompanying finds are regularly repeated, but chronologically not uniform. One chronological group is associated with a complex of ‘oriental innovations’ in the Sarmatian culture, which provides a fairly long interval of dates within the 2nd — 1st centuries BCE, but not narrow dates thereof. Another chronological group is associated with various buckles as well as Almgren-87 and Almgren-156 fibulae. Sarmatian bridle forms became widespread on the periphery of the Sarmatian world, wherein two areas of concentration of finds can be distinguished along the Sura and the Kama Rivers. Considering accompanying grave inventories, interactions between the ‘Pianyi Bor’ and ‘Andreevka—Piseraly’ (AP) groups seem to be the most probable; the cheek-pieces of the Sarmatian types could only get to the latter as a result of interaction with the Sarmatian groups. The

* Статья поступила в номер 30 марта 2023 г.
Принята к печати 15 апреля 2023 г.

© А.А. Красноперов, 2023.

AP groups must have acted as intermediaries in the process of distribution in the forest zone. The contacts were reciprocal, west and east and vice versa, yet the starting position was occupied precisely by the AP groups, since it is these sites which contain the most complete set of elements in recurring archaeological contexts. In the cemeteries of Pianyi Bor, these elements, though quite frequent, are nonetheless scattered and isolated.

Key words: the Kama River, the Sura River, middle Sarmatian time, bridle, cheek-pieces, typology, chronology, the Andreevka—Piseraly site type, the Pianyi Bor Culture.

About the author: Krasnoperov Alexandr Anatolievich, PhD (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS.

Contact information: 426004, Russia, Izhevsk, 4 Lomonosov St., Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS; e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

Пьяноборская культура в Прикамье (основное среднее течение р. Камы, средние и нижние течения рр. Белой и Ика) хронологически соответствует второму этапу ранне-, средне-, и началу позднесарматского времени. Памятники многочисленны, в том числе и погребениями (порядка 3 тысяч), содержащими многочисленный и разнообразный инвентарь. В материалах культуры кроме местного присутствует выразительный «сарматский» комплекс, представленный бусами, фибулами, предметами вооружения и конской сбруи. При этом можно отметить, что удила для ранних памятников не характерны (Красноперов, Камалеев 2023), и представлены (условно) «местными» типами. А в какой-то момент наблюдается взрывной рост погребений с удилами, причем именно «сарматских типов»[1].

Все они однотипны, состоят из соединенных между собой грызл, с загнутыми в кольцо концами. Конструкция таких удил принципиально не изменилась вплоть до настоящего времени. Сводный обзор типов уздечных принадлежностей сарматского времени, обобщающий предшествующие работы[2], представлен А.В Симоненко (Симоненко 2010: 151—169). Типология псалий среднесарматского периода, имеющих в основе стержень, приведена в монографии А.А. Глухова (Глухов 2005). Позже к этому вопросу для погребальных памятников междуречья Дона и Дуная, включая территорию Крымского полуострова, обратилась А.В. Антипенко (Антипенко 2016). Памятники лесной зоны систематически изучались И.Р. Ахмедовым (Ахмедов 1995)[3]. Все авторы оперируют наиболее заметными отличительными признаками удил — формой псалиев, которые можно разделить на четыре ведущих типа: 1) крестовидные; 2) колесовидные; 3) кольцевидные; 4) стержневидные.

Предметом этой публикации является лишь группа стержневых псалиев с парой выступающих прямоугольных рамок для крепления ремней оголовья[4]. Отличия проявляются в форме окончаний.

Учитывая имеющиеся наработки, прежде всего А.А. Глухова (Глухов 2005: 22—23), и конкретные прикамские находки, типологию можно дополнить (рис. 1):

---

[1] Толчком к систематическом сопоставлению этой категории находок послужила серия публикаций коллектива А. Вадаи, В. Кульчар, А.А. Стояновой, И.Н. Храпунова по сравнительному рассмотрению материалов памятников сарматского времени Крыма и Венгерской равнины, в одной из которых обсуждаются находки сбруи (Храпунов и др. 2019). За помощь с коллекциями, литературой, а также за высказанные идеи, подтолкнувшими к пересмотру материала, я благодарен В.А. Бернц, Э.В. Камалееву, А.Н. Буряну, В.С. Синике, И.В. Толочко, Д.А. Топалу и Н.А. Кренке.

[2] Диссертация С.П. Кожухова остается неопубликованной с 1994 г. даже в виде статей и остается на уровне мифологических ссылок.

[3] Публикация А.В. Циркина (Циркин 1987: 218—219, рис. 68) непоследовательна.

[4] И.Н. Храпунов и С.Б. Шабанов специально подчеркивают, что «переход между двухдырчатыми и двухпетельчатыми псалиями осуществлялся постепенно», и реальные пользователи не видели между ними той разницы, которую выделяют археологи (Храпунов, Шабанов 2021: 50).

- с одной центральной петлей (типы[5] Ант-1, -2, П-3А);
- с двумя выступами—петлями овальной или подпрямоугольной формы (Ант-3);
  - стержень псалия равномерного диаметра;
  - стержень псалия расширяется на концах[6] (Ант-3б (железные), Ант-5 (бронзовые), Гл-2/I, П-3Б);
  - стержень псалия сужается (утоньшается) к концам (Ант-3а);
- с рамками разных форм на концах;
  - стержень псалия с круглыми рамками («очковидные») (Ант-4, Гл-2/X, П-4Б);
  - стержень псалия с рамкой сердцевидной формы[7] (Ант-4);
  - стержень псалия с круглыми рамками с одним выступом (Ант-3в-1, Гл-2/III, -IV-1,2, -V-1, П-3В-1);
  - стержень псалия с круглыми рамками с тремя выступами (Ант-3в-2, П-3В-2);
  - стержень псалия с рамкой в виде тамгообразной фигуры (Ант-3в-3);
  - стержень псалия в виде трезубца (ст. Воздвиженская: Гущина, Засецкая 1989: табл. V: 49);
- с сплошными плоскими фигурами на концах;
  - стержень псалия с плоскими дисками[8] (Гл-2/VIII, -IX, Ахм-Б1а, П-4В);
  - стержень псалия с плоскими дисками с выпуклостью в центре диска (Ант-4, П-4А);
  - стержень псалия с расширением ромбической формы (Гл-2/V-2, -VII-1,2);
  - стержень псалия с расширением треугольной формы (Гл-2/VI-1,2);
  - стержень псалия с расширением секировидной формы[9] (Ант-6);
  - стержень псалия с расширением трапециевидной (длинной треугольной) формы (Малая Копаня: Котигорошко 2009, рис. 31: 8, 10, 11);
  - стержень псалия с расширением трапециевидной (длинной треугольной) формы с дополнительным выступом (Малая Копаня: Котигорошко 2009: рис. 31: 15—17);
  - стержень псалия «листовидный» (Гл-2/II);
  - стержень псалия плоский без расширения (Гл-1/1).

Практически любой из вариантов может иметь дополнительный декор, чаще всего в виде инкрустации проволокой, иногда рифлением, сквозными отверстиями, накладными бляшками.

Общая датировка стержневых двухпетельчатых псалиев укладывается в интервал от первой половины I в. до н.э. до первой половины II в. н.э. (Ахмедов 2003: 133—134). Их происхождение (наиболее ранние находки) убедительно связывается с восточными областями

[5] Указаны соответствия в типологиях: Ант — А.В. Антипенко, Гл — А.А. Глухов, П — А.Е. Пуздровский (Пуздровский 2007), Ахм — И.Р. Ахмедов.

[6] Различие вариантов достаточно условно. В т.ч. и вследствие коррозии. Однако есть предметы с заметно утолщенными концами. А среди равномерно утолщенных встречаются толстые—короткие и тонкие—длинные.

[7] А.В. Антипенко объединяет круглые и сердцевидные рамки в один вариант. Логически это выглядит оправданным, поскольку самый яркий образец из Валовый, курган 25, погребение 1 имеет именно круглые рамки, с вписанными декоративными завитками. С другой стороны, разница есть. Собственно «очковидные» псалии имеют скорее овальные, довольно тонкие, рамки, несколько вытянутые в ширину (Никольский, Запорожье, хут. Ленина, Андреевский). Но основные различия хронологические. Рамки без дополнительных элементов представлены с инвентарем среднесарматского времени, рамки с внутренним выступом и/или фасетировкой (на фотографии (Симоненко, Зубарь 2012, рис. 1: 3) псалиев из Херсонеса выступ заметен; рисунку фон Штерна (Симоненко, Зубарь 2012: рис. 1: 4) доверия меньше, но с херсонесскими их объединяют специфической формы зажимы) — с инвентарем позднесарматского времени. С.И. Безуглов упоминает неизданный комплекс Холодный-V, курган 2, погребение 1 (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 99).

[8] Возможен вариант с небольшим выступом (Шаушукумский, катакомба 50: Максимова и др. 1968: табл. XXII: 3).

[9] Дальнейшее обсуждение касается находок среднесарматского времени.

Евразии, а распространение со всей серией «восточных инноваций» (включая мечи с ромбическими перекрестьями, ложечковидные наконечники), приведших к сложению среднесарматской культуры (Сергацков, Захаров 2006: 122; Клепиков, Кривошеев 2020: 187—189). Начало процессу положено во II—I вв. до н.э., но широкое, повсеместное, распространение руководящие типы получают ближе к рубежу эр (Клепиков, Кривошеев 2020: 189), а «на северных рубежах на полстолетия позже» (Клепиков, Кривошеев 2020: 187).

Хронологически наиболее информативные погребения с стержневыми псалиями равной толщины (рис. 2) происходят из лесостепного и нижнего Подонья. В комплексах найдены лучковые фибулы с нижней тетивой (Кропотов 2010: 129—131), пряжки Малашев-П0 (Чертовицкий I, курган 6, погребение 11), «дугоконечные» пряжки (Чертовицкий I, курган 19, погребение 19) Раддац-C/ML-A-25/Труфанов-А второй трети — третьей четверти I в. н.э. (Труфанов 2004: 167), пряжки, близкие Малашев-П1, но железные, сильнопрофилированные (Кропотов 2010: 229—231) фибулы (Новоникольский, курган 29, Кобяково-07, погребение 86), зеркала—подвески (Кобяково-07, погребение 86) (Медведев 1990: рис. 12, 18, 33: 1—10; 2008, рис. 24, 28, 70: 1—10; Ларенок 2021, табл. 73—74). Эта форма преобладает среди прикамских находок.

Самый необычный вариант — в сборах А.В. Коновалова 1958 г. из д. Нагайбаково Бакалинского района (вероятно, разрушенный могильник) (НМРБ[10], 5719). Самый конец стержня (сохранился один) имеет короткую поперечную планку, анфас образуя маленький крестик (рис. 2: 3).

Стержневые псалии, расширяющиеся к концам, известны в комплексах с прорезными колокольчиками, ложечковидными наконечниками (Новый, курган 102, погребение 2: Ильюков, Власкин 1992, рис. 30: 10—20) (рис. 2: Г).

В Тарасово, погребение 1186 (Голдина 2003: табл. 473) найдены с бусами формы (Алексеева 1978: табл. 33: 39) и (Алексеева 1975: табл. 16: 86), а также с пряжками Малашев-П0. Особенно любопытен комплекс Юлдашево, погребение 16 (рассмотрен в отдельной публикации: Красноперов 2023), где псалии этой формы найдены в сочетании с сюльгамой андреевско-писеральского типа (Столяров 2021).

Датировка псалиев[11] очковидной (короткий стержень и кольца большого диаметра — Лимберис, Марченко 2022: 148) формы (рис. 3) опирается на комплекс Никольское, курган 12 (Засецкая 1979), где найдена патера типа Е-155/»Миллинген» (Кропоткин 1970: № 776; Трейстер 2022: 32, рис. 7—9), пряжка среднесарматского полихромного стиля (Засецкая 2019: № 30, табл. XVI: а; Мордвинцева 2003: № 58), пряжка Малашев-П0, ложечковидный наконечник. Само погребение может широко датироваться второй половиной I — началом II в. н.э. (Лимберис, Марченко 2022: 144). В Запорожье, курган 29[12] найдены пряжка Малашев-П0 и ножка бронзового сосуда (Simonenko 2008: taf. 135).

Самая северная находка удил с очковидными псалиями происходит из Андреевского кургана, из погребения 21 (Степанов 1980: табл. 6—7; Гришаков, Зубов 2009: рис. 22: 1), вместе с котлом (Демиденко 2008: тип III.1, № 26), а также с пряжками Малашев-П0.

Псалии с тамгообразными фигурами (рис. 4) всегда различаются в деталях. Наиболее разнообразный инвентарь происходит из ст. Воздвиженской (Гущина, Засецкая 1989: 96—101, №№ 27—50, табл. III—VI; Marčenko, Limberis 2008: 416—418): фибула—брошь (Кропотов 2010: 290, № 46), пряжка среднесарматского полихромного стиля (Засецкая 2019: № 32, табл. XVI: в), фалары (Засецкая 2019: № 67, табл. XXVII: б), стеклянные (скифос/канфар III-а2: Засецкая, Марченко 1995: 94, 96, 100, № 15) и металлические сосуды, бронзовые котлы (Демиденко 2008: тип VI.1.А, рис. 86: № 32, тип IX.2.А, рис. 111: № 107). При публикации комплекс датирован рубежом эр (Гущина, Засецкая 1989: 88), но

[10] Благодарю хранителя фонда «Археология» С.Л. Воробьеву за помощь в работе.

[11] Дальнейшее обсуждение касается только типов, представленных в лесной зоне.

[12] Практически идентичный экземпляр из сборов с Сохтинского могильника в Осетии (Сланов 1988: табл. XXXIII: 10).

практически все категории находок продолжали использоваться до середины I в. н.э. Остальные комплексы: Царский 1988, курган 64, погребение 1, с пряжками Малашев-П0 с заклепкой (Власкин 1990), Левадки, могила 86, по аналогиям, без датирующих находок (Мульд 2009: рис. 3; Мульд, Кропотов 2015: 127, рис. 7), Опушки, могила 156 (Храпунов, Шабанов 2021: 53, 58, рис. 6: 3, 7: 13, 17, 8: 1), относятся ко второй половине I — первой половине II в.

На четыре находки этого типа в сарматской зоне ранее была известна находка в лесной полосе на городище Долматово, в составе клада вещей андреевско-писеральского круга, датированного в целом I — началом II в. (Ахмедов 2003). Еще один экземпляр происходит их Тарасово, погребение 1296 (рис. 4: Д). На рисунке в публикации (Голдина 2003: табл. 502/1296: 5) удила показаны с кольчатыми псалиями, что не соответствует действительности. Непосредственно выступающих («тамгообразных») выступов нет или они не сохранилось, но ближайшее сходство они имеют с экземпляром из Опушки, могила 156 (Храпунов, Шабанов 2021: рис. 6: 3[13]), — еще один эпизод в контактах Кама—Крым. Датировка погребения опирается на тип удил и пару железных пряжек Малашев-П0, и возможна только в широких пределах второй половины I — первой половины II в.

Псалии с дисковидными, плоскими и плоско-выпуклыми, в т.ч. инкрустированными окончаниями (рис. 5, 6), вероятно, одни из самых ранних в группе двухпетельчатых. Их прототип, но еще с 8-видным креплением, выявлен в мавзолее Янлин (141 г. до н.э.) императора Цзин-ди (Клепиков, Кривошеев 2020: рис. 4: 1), а собственно двухпетельчатые формы есть в могильнике Ильмова Падь в Забайкалье (Коновалов 2008: рис. 41, 43), Шаушукумском могильнике на Сыр-Дарье (Максимова и др. 1968: табл. XXII). К западу от Волги (Яшкуль: Очир-Горяева, Лапа 2002; Ochir-Goryaeva 2008; Очир-Горяева 2019: 30—33, рис. 4, 7) они появляются не позже I в. до н.э. (Глебов 2007; Клепиков, Кривошеев 2020: 188), или, по другой версии, даже в I в. н.э. (Очир-Горяева 2019: 32, 33, 37, 38). Находки из Дачи, курган 1 относятся ко второй половине I в. (Беспалый 1992; Беспалый, Лукьяшко 2018: 206—220). Распространение этих вариантов связано с контекстом бытования горизонтально-вытянутых прямоугольных (Новая Чигла, курган 26, погребение 2: Березуцкий 2021, рис. 87) и овальных (Вязовский, курган 37, погребение 1: Медведев 1990: рис. 45; 2008, рис. 74), 8-видных (Кобяково 2008, погребение 7: Ларенок 2016, табл. 94—95) железных пряжек первой половины I в. н.э. (Труфанов 2004: 164), одночастных наконечников—подвесок с треугольным окончанием Малашев-Н01, -Н1 (Старокорсунское-2, погребение 613з: Лимберис, Марченко 2012), римских бронзовых сосудов (кувшин «Страланджа»: Трейстер 2018, прим. 8 — № 8, рис. 8: 3, 4; ситечко Е-160), сильнопрофилированных фибул, пряжек Малашев-П0 с заклепкой и рифленых (Жутово, курган 28: Мордвинцева 1999: рис. 1—2), ложечковидных наконечников (Усть-Альма 1997, курганный могильник 3: Пуздровский 2007: рис. 104: II), пряжек: «укороченных дугоконечных» (Усть-Альма, склеп 850: Пуздровский, Труфанов 2017б: рис. 44—47) Костромичев-D2 (Костромичев 2015: 328—329, рис. 27), Малашев-П1, 8-видных, сбруи с гладкой[14] плакировкой, лучковых фибул, амфор Шелов-С (Мавзолей Неаполя Скифского, могила А: Зайцев, Мордвинцева 2007).

Псалии этой формы найдены в Андреевский курган, погребения 16 и 48 (Степанов 1980: табл. 32: 10—13, 30; Гришаков, Зубов 2009: рис. 22: 7) и 50/51 (Степанов 1980: табл. 27—29, 39, 58; Гришаков, Зубов 2009: рис. 22: 3, 8), Писералы, курган 1, погребение 3 (Халиков 1962: табл. XXIV: 11) и курган 4, погребение Ц (Халиков 1962: табл. XXIV: 12[15]). Первый, третий и четвертый комплексы собственных датировок не имеют. Во втором найдены горизонтально-вытянутые прямоугольные пряжки и пряжки ML-A-14 (Madyda-Legutko 1986: 7, taf. 2), что указывает на датировку I в. н.э.

[13] Первая публикация без подписи на Интернет-ресурсе (открытаяархеология.рф : 1).

[14] Существенный хронологический признак, см.: (Максименко, Безуглов 1987: 189; Гугуев, Безуглов 1990: 172—173; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 100, 102, 103; Зайцев, Мордвинцева 2007: 91; Храпунов 2007: 118, 119).

[15] Подписи перепутаны.

Среди пьяноборских могильников встречены в Камышлы-Тамак, погребение 21 (Мажитов, Пшеничнюк 1968: рис. 8: 10), без датирующих вещей.

Псалии с одним выступом на кольце (рис. 7) типичны для комплексов среднесарматского времени второй половины I в. н.э., где сочетаются с находками одночастных наконечников—подвесок, в т.ч. с инкрустацией (Нижняя Добринка, курган 2: Сергацков, Захаров 2006), горизонтально-вытянутыми прямоугольными железными пряжками (Новый, курган 98, погребение 1: Ильюков, Власкин 1992: рис. 29: 3, 10—17; Октябрьский V, курган 1, погребение 1: Мыськов, Кияшко, Скрипкин 1999; Скрипкин, Мыськов 2009), различными металлическими (Засецкая 2019: № 54, табл. XXXI: г) и стеклянными (скифос/канфар З-М-III-а3) сосудами, бронзовыми котлами (Демиденко 2008: тип XI.1.Б., № 159, рис. 53: 2, 115, тип I.1, № 4, рис. 124), ложечковидными наконечниками, пуговицами и пряжкой с инкрустацией (Трейстер 2020: 384—387).

Псалии этой формы происходят из Андреевского кургана, погребение 28 (Степанов 1980: табл. 17; Гришаков, Зубов 2009: рис. 22: 5), вместе со вторыми удилами со стержневидными псалиями и пряжками Малашев-П0.

Псалии с ромбическим расширением (рис. 2: А) встречаются не часто. Комплексы хронологически мало информативны, за исключением Октябрьский V, курган 1, погребение 1. Найдены в Кушулево III, погребение 361 (Агеев, Мажитов 1986: рис. 12: 13), с трехлопастным железным наконечником стрелы и наконечником копья.

Сопровождающие находки регулярно повторяются, но, очевидно, хронологически не однородны. Одна группа сопряжена с комплексом «восточных инноваций» в сарматской культуре (Скрипкин 2000; 2019; 2021). Однако настаивать на обязательно самой ранней их датировке не обосновано. Появление элементов на восточных памятниках определенно относится ко II в. до н.э., при этом не факт, что к началу века. Так, годы жизни императора Цзин-ди — 188—141 гг. до н.э., что уже может исключать первую четверть II в. до н.э. Даже если распространение новаций на запад в реальной жизни происходило мгновенно, выпадение вещей в погребения заняло какое-то время. Среди самих находок нет реальных запретительных условий, исключающих их бытование минимум до середины I в. до н.э. Отдельные факты свидетельствуют, что и дольше. Набор «восточных инноваций» дает лишь достаточно протяженный интервал бытования вещей — во II—I в. до н.э., но не узкую дату. Другая группа связана с находками горизонтально-вытянутых прямоугольных, овальных и 8-видных пряжек, пряжек Малашев-П0, в т.ч. с заклепкой, Раддац-С, -U, лучковых ранних вариантов и сильнопрофилированных фибул. Нужно отметить находки изделий среднесарматского полихромного стиля, римской бронзовой посуды, стеклянных канфаров, ложечковидных наконечников.

Назвать строгую дату по такому функциональному элементу как удила нельзя. Однако устойчивая повторяемость совместных находок позволяет определять относительно узкие периоды.

Обсуждаемые типы псалиев в целом относятся к рубежу эр и первым векам н.э. Сами удила представлены исключительно сарматскими формами, но широко распространившимися на периферии сарматского мира. Существенный вопрос — пути поступления предметов управления лошадью в Прикамье, который, в свою очередь, является частью более широкого вопроса направлений взаимодействия прикамского населения в контексте хронологии. Однако их прямое поступления от сармат в Прикамье только кажется очевидным.

Диссертация А.А. Глухова[16] дает соотношение находок удил. Узда крайне редка в сарматских комплексах, им отмечено 22 случая (Глухов 2005: 22). Причем большая часть находок сделана в нижнем Подонье. А из учтенных выделяется комплекс Октябрьский V,

[16] Апелляции к перечисляемым ниже публикациям относительно корректны. С одной стороны, они базируются на материалах раскопок, проводившихся примерно в один период «больших строек», с другой, взрывного роста находок удил за последнее время не происходило.

курган 1, погребение 1 сразу с пятью комплектами. Даже с учетом новых раскопок и публикаций старых коллекций за прошедшее время находок такого уровня не было. Псалии практически отсутствуют в рядовых погребениях. И в целом крайне малочисленны в Пред- и в Заволжье. В.И. Костенко пишет, что находки крайне редкие (Костенко 1993: 111—112), Р.С. Берестнев (2017), М.В. Кривошеев (2005) вообще их не описывают для рассматриваемых ими территорий. А.Х. Пшеничнюк упоминает единственную находку (Пшеничнюк 1983: 119) не приводя рисунка. Наоборот, в нижнем Подонье уздечные наборы встречаются (относительно) чаще, и типологически разнообразнее. В пропорциональном отношении по количеству находок близок регион Крыма. Количественно небольшая, но типологически разнообразная серия находок выявлена на среднем Дону (Медведев 2008: рис. 24, 70, 74; Березуцкий 2021: рис. 87).

Сарматские формы узды получили широкое распространение на периферии самого сарматского мира, в частности в лесной зоне, где можно выделить два района концентрации находок: Посурье и Прикамье.

На «сарматском» фоне радикально выделяется Прикамье, где по состоянию на 1982 г. Б.Б. Агеев учел 24 экземпляра со стержневидными псалиями (Агеев 1992: 49). С тех пор количество увеличилось. Самая большая коллекция происходит с Тарасовского могильника (Голдина 2003: табл. 257: 11, 258/611: 7, 277: 6, 291: 17, 439/1088: 2, 453: 12, 467: 7, 504/1305: 11, 522/1363: 1, 559/1484: 7, 563/1500: 3, 590/1603: 3). Точное число находок интереса не представляет — важны специфические типы и общее соотношение по районам.

На пьяноборских памятниках найдены псалии равномерного диаметра, с ромбическим расширением, с трапециевидным расширением, с плоским стержнем, с тамгообразой фигурой[17].

В Андреевском кургане[18] (регион «Посурье») В.В. Гришаков и С.Э. Зубов учли 13 экземпляров удил (Гришаков, Зубов 2009: 23; Зубов 2011: 51), хотя к моменту изданий уже были опубликованы и атрибутированы как «андреевско-писеральские» находки с городища Долматово. Находки из Писеральского и Климкинского могильников представлены только на иллюстрациях. Чуть позже в оборот введен Пильницкий могильник (Зубов, Лифанов, Радюш 2011, рис. 5: 12). Поселенческие памятники (городище Пичке-Сорче) полностью выпали из обзоров и были обобщены только Н.С. Мясниковым (Мясников 2016).

На памятниках андреевско-писеральского типа найдены псалии с расширяющимися концами, с круглой рамкой, с круглой рамкой с одним выступом, с тамгообразной фигурой, с плоскими дисками, с плоским стержнем, возможно, с круглой рамкой и тремя выступами (форма типа Усть-Альма, склеп 777: Пуздровский, Труфанов 2017а: рис. 93: 5).

[17] Удила встречаются на кара-абызских могильниках. Большая их часть не имеет в настоящий момент псалиев, но экземпляры с костяными псалиями свидетельствуют о первоначальной конструкции. Все находки со стержневыми псалиями происходят с Охлебининского могильника. Памятник только сейчас готовится к публикации С.Л. Воробьевой. Мне материалы знакомы по отчетам и коллекциям МАЭ ИЭИ УНЦ РАН (при содействии †Н.Г. Рутто). Найдены варианты с прямым стержнем, с круглой рамкой с одним выступом, с плоским диском, с трапециевидным расширением. Из необычных — с тремя, а не с двумя, петлями, с разными (равный стержень и уплощенный) псалиями на одних удилах, с крестовидными насадками (ср.: Котигорошко 2009: рис. 31: 9) на концах стержня. Хронологически существенен только набор Охлебинино, погребение 230, с ручкой ковша Эггерс-140 во вторичном использовании. В азелинских могильниках стержневые псалии единичны — Ошки, погребение 14 (Лещинская 2000: рис. 14: 31), и относятся ко всадническому горизонту позднесарматской культуры по С.И. Безуглову.

[18] Памятнику сильно не повезло с раскопками и изданиями. Исследование кольцевыми бровками в сочетании с почвенными особенностями региона, бессистемная нумерация погребений (подробнее: Гришаков, Зубов 2009: 11—18), затрудняют распределение инвентаря. Первая (полная) публикация (Степанов 1980) была сделана по комплексам, но с очень плохими рисунками. Фактически это кляксы тушью. Часть предметов дана без масштаба, или с недостоверным масштабом. При переиздании (Гришаков, Зубов 2009), призванном исправить ошибки, находки даны не по комплексам, а типами. Дополнительная трудность — привычка В.В. Гришакова рисовать не саму вещь, а некоторый идеализированный образ вещи, выровненный контур. Высказывались и замечания о несоответствии рисунков реальным предметам в коллекции (Воронцов, Столяров 2019: 69).

По предположению А.М. Воронцова и Е.В. Столярова, появление двух комплектов удил на верхней Оке связано с действиями андревско-писеральских групп (Воронцов, Столяров 2019; 2022). Находки в дьяковском ареале (Смирнов 1970: 176, табл. 14: 21, 24, рис. 16: 26) обычно связывают с сарматским взаимодействием.

Суммируя, рассматриваемых типов (да и удил вообще) нет, или практически нет, в южном Приуралье, на Волге, а также на Северном Кавказе[19]. Удил относительно много на нижнем Дону, много на Кубани и в Крыму. Немного, но есть на среднем Дону. Много в Посурье и Прикамье (в пьяноборских могильниках; меньше — в кара-абызских).

Сравнение деталей конской сбруи, найденных в сарматском ареале, на среднем Дону, в Посурье и в Прикамье, показывает следующее. Удила, использовавшиеся во всех регионах, однотипны. Но в Прикамье находок сделано несравненно больше. Поступление в Прикамье с «сарматской стороны» полностью исключать нельзя, но отсутствие находок делает этот вариант маловероятным. Учитывая количество и разнообразие, а также прочий сопроводительный инвентарь, более вероятны связи между пьяноборскими и андреевско-писеральскими группами. В последние[20] удила сарматских типов могли попасть только в результате какого-то прямого взаимодействия с сарматскими группами вместе с другими сарматскими элементами. Логичным «промежуточным звеном» выглядит ареал находок на среднем Дону, и далее на нижнем Дону. Андреевско-писеральские группы выступают посредниками в дальнейшем процессе взаимодействия и распространения в лесной зоне.

Проблема взаимодействия между ними периодически поднимается в литературе (Ахмедов, Белоцерковская 1998; Ставицкий 2013; 2017; Бугров, Мясников 2018), но систематического обсуждения не получила. Очевидно, что поиск направлений связей нужно начинать с выявления характерного специфического андреевско-писеральского комплекса и его хронологии. Направления контактов были в обе стороны, с запада на восток, и с востока на запад, но в разное время. Элементы сбруи, конкретно, рассматриваемые удила со стержневидными псалиями, отражают ранний период взаимодействия. Исходной позицией здесь выступают именно андреевско-писеральские памятники, как содержащие наиболее полный, и повторяющийся именно в комплексе, набор элементов. В пьяноборских могильниках эти элементы разрозненны, единичны, но при этом достаточно часты.

Только в последнее время Е.В. Столяров и А.М. Воронцов обобщили факты и сформулировали целостную картину роли андреевско-писеральских групп в событиях в лесной зоне в первые века н.э. Процесс был назван «войной I в.» (Воронцов, Столяров 2019). Некоторая хронологическая неоднородность самих андревско-писеральских комплексов позволяет предполагать, что «война»[21] была не одна. Прямое участие андреевско-писеральских групп можно предполагать на памятниках Молого-Шекснинского междуречья, чуть менее выраженное — в верхнем Поочье и в Прикамье. В свою очередь сложение характерного андреевско-писеральского набора происходило при контакте с сарматскими группами, вероятно, среднедонскими, и зарубинецкими, или связанными с ними.

Все детали процессов еще не ясны. Находки удил со стержневидными псалиями являются лишь частью мозаики, но отражают культурные коды и хронологию событий.

[19] Только кольчатые (Абрамова 1993: 147, 163).

[20] В связи с генезисом андреевско-писеральских памятников необходимо отметить, что удил совсем нет в зарубинецкой культуре (Радюш 2011: 10), но много в Закарпатье (Малая Копаня).

[21] Не обязательно непременный военный/вооруженный конфликт — термин составлен в авторском варианте, но в кавычках. Определенно можно говорить, что основные элементы представлены яркой военной составляющей.

Литература

Абрамова М.П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва: [б.и.].

Агеев Б.Б. 1992. *Пьяноборская культура. Уфа*: БНЦ УрО РАН.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. 1986. III Кушулевский могильник. В: Пшеничнюк А.Х. (отв. ред.). *Археологические работы в низовьях р. Белой*. Уфа: ИЯЛИ БФАН, 75—94.

Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья.* Москва: Наука (САИ Г1-12/1).

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья.* Москва: Наука (САИ Г1-12/2).

Антипенко А.В. 2016. Типология псалий I—IV вв. н.э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья). *МАИЭТ* XXI, 84—109.

Ахмедов И.Р. 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников. *Археологические памятники среднего Поочья* 4, 89—111.

Ахмедов И.Р. 2003. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области. В: Челяпов В.П. (отв. ред.). *Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна*. Рязань: Поверенный, 128—138.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998. О начальной дате рязано-окских могильников. *Труды ГИМ* 96. *Археологический сборник*, 32—42.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона: курганный могильник Валовый I*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис.

Березуцкий В.Д. 2021. *Новочигольские курганы*. Воронеж: Научная книга.

Берестнев Р.С. 2017. Сарматы в междуречье Хопра и Волги. Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Беспалый Е.И. 1992. Курган сарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 175—190.

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника*. Т. 2. *Курганный могильник у с. Новоалександровка*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Бугров Д.Г., Мясников Н.С. 2018. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд. *ПА* 3, 314—335. DOI: https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335.

Власкин В.М. 1990. Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника «Новый». *ИАИАНД* 9, 64–68.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. 2019. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел. *Stratum plus* 4, 51—74.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. 2022. Городище Малая Стрекаловка на левобережье средней Упы. *Археологическое наследие* 1 (5), 121—180.

Глебов В.П. 2007. О культурно-этнической принадлежности сарматского погребения у пос. Яшкуль (гр. 37, к. 1). В: Скрипкин А.С. (отв. ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археологическая конференция: тезисы докладов*. Волгоград: ВолГУ, 97—103.

Глухов А.А. 2005. *Сарматы междуречья Дона и Волги в I — первой половине II в. н.э.* Волгоград: Волгоградское научное издательство.

Голдина Р.Д. 2003. *Тарасовский могильник I—V вв. на Средней Каме*. Т. II. Ижевск: Удмуртия.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. *Археология евразийских степей* 7.

Гугуев В.К., Безуглов С.И. 1990. Всадническое погребение первых веков н.э. из курганного некрополя Кобякова городища на Дону. *СА* 2, 164—176.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989 Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — нач. II в. н.э.). *Труды ГИМ* 70. *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва: Наука, 71—141.

Демиденко С.В. 2008. *Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III в. н.э.)*. Москва: URSS.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2007. Элитный некрополь у центральных ворот Неаполя скифского. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 81—109.

Засецкая И.П. 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье. *ТГЭ* XX, 87—113.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. Симферополь: Антиква.

Засецкая И.П., Марченко И.И. 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. *АСГЭ* 32, 90—104.

Зубов С.Э. 2011. *Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I—III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. 2011. Новые памятники писеральско-андреевского типа I—III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение). *Вояджер: мир и человек* 1, 13—30.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992. *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет.

Клепиков В.М., Кривошеев М.В. 2020. Детали конской узды из погребения сарматского всадника из могильника Ковалёвка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 25 (4), 181—199. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.12

Коновалов П.Б. 2008. *Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье)*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

Костенко В.И. 1993. *Сарматы в Нижнем Поднепровье*. Днепропетровск: ДДУ.

Костромичев Д.А. 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения. *Stratum plus* 4, 299—356.

Котигорошко В.Г. 2009. Малокопаньский некрополь (ур. Челленица). *Карпатика* 38, 58—133.

Красноперов А.А. 2023. *К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников*. Ч. 4-2. *Бронзовые наконечники стрел* (в печати).

Красноперов А.А., Камалеев Э.В. 2023. *Удила из погребения 86 Камышлы-Тамакского I могильника: к вопросу о ранних комплексах пьяноборской культуры* (в печати).

Кривошеев М.В. 2005. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Кропоткин В.В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе*. Москва: Наука (САИ Д1-27).

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: ИД «Адеф-Украина».

Ларенок В.А. 2016. *Меотские древности*. Ч. 2. *Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000—2001, 2002, 2004 гг*. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.

Ларенок В.А. 2021. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок некрополя Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса «Метро кэш энд керри» в 2007 году*. Ч. III. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».

Лещинская Н.А. 2000. *Ошкинский могильник — памятник пьяноборской эпохи на р. Вятке*. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет» (Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып. 2).

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища. *Труды ГИМ* 191. *Евразия в скифо-сарматское время*, 261—281.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2022. Меотское погребение с «очковидными» псалиями. В: Казанский М.М., Мастыкова А.В. (ред.). *Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова*. Кишинэу: Stratum Plus, 143—151. DOI: https://doi.org/10.55086/SL22143151.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. 1968. Камышлы-Тамакский могильник. *АЭБ* III, 38—58.

Максименко В.Е., Безуглов С.И. 1987. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой. *СА* 1, 183—193.

Максимова и др. 1968: Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1968. *Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища)*. Алма-Ата: Наука.

Медведев А.П. 1990. *Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)*. Воронеж: Воронежский университет.

Медведев А.П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.

Мордвинцева В.И. 1999. Набор фаларов из кургана 28 могильника Жутово Волгоградской области. *НАВ* 2, 42—51.

Мордвинцева В.И. 2003. *Полихромный звериный стиль*. Симферополь: Универсум.

Мульд С.А. 2009. Исследования позднескифского могильника у с. Левадки в 2007—2008 гг. *Археологічні дослідження в Україні* 2008 р., 207—209.

Мульд С.А., Кропотов В.В. 2015. Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (II в. до н.э. — III в. н.э.). *УАВ* 15, 117—130.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149—167.

Мясников Н.С., Ефимов Е.Л. 2009. Новые археологические материалы Таутовского грунтового могильника железного века в Чувашии. *АЕС* 10. *Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина*. Казань: Институт истории АН РТ, 106—111.

Мясников Н.С. 2015. Городище «Пичке Сарче»: к вопросу об историко-культурной интерпретации. *Чувашская археология* 2, 85—96.

Мясников Н.С. 2016. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н.э. Сурско-Свияжского Междуречья. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.

открытаяархеология.рф: 1: Удила и псалии I—IV вв. н.э. URL: https://открытаяархеология.рф /finds/удила-и-псалии-i-iv-вв-нэ (дата обращения 11.03.2023).

Очир-Горяева М.А. 2019. Погребение воина—всадника из курганной группы Яшкуль. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН* 4, 5—60. DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60.

Очир-Горяева М.А., Лапа Н.Л. 2002. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея. *ВДИ* 3, 200—205.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. 2017а. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя* в 2000—2003 гг. Симферополь; Москва: ИП Зуева Т.В.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. 2017б. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя* в 2004—2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А.

Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.

Радюш О.А. 2011. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры. *Военная археология* 2, 6—31.

Сергацков И.В., Захаров П.Е. 2006. Сарматское погребение на севере Волгоградской области. *РА* 1, 117—123.

Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Симоненко А.В., Зубарь В.М. 2012. О снаряжении боевых коней в первые века н.э. на территории Северного Причерноморья. В: Кривенко О.А. (ред.). *Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев: КНТ, 89—99.

Скрипкин А.С. 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов. *НАВ* 3, 17—40.

Скрипкин А.С. 2021. Сарматская археология от Б.Н. Гракова до современности. *Исторические Исследования. Электронный научный журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова* 16, 39—53.

Скрипкин А.С. 2019. Кочевой мир юга Восточной Европы во II—I вв. до н.э. (восточные инновации, факты, причины, последствия). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 24 (1), 20—34. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2.

Скрипкин А.С., Мыськов Е.П. 2009. Погребения сарматской знати из волгоградского Подонья. *Археологические открытия 1991—2004 гг.: Европейская Россия*, 245—255.

Сланов А.Х. 1988. *Сохтинский могильник*. Тбилиси: Мецниереба.

Смирнов К.А. 1970. Железные изделия Троицкого городища. *МИА* 156. *Древнее поселение в Подмосковье*. Москва: Наука, 170—178.

Ставицкий В.В. 2013. Западный компонент в материалах Андреевского кургана. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия* 3, 137—138.

Ставицкий В.В. 2017. Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения. *Filo Ariadne* 1 (5), 125—142.

Степанов П.Д. 1980. *Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры)*. Саранск: Мордовское книжное издательство.

Столяров Е.В. 2021. Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела. *ПА* 1, 131—147. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.131.147.

Трейстер М.Ю. 2018. Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216—238.

Трейстер М.Ю. 2020. Боспорские(?) пряжки из драгоценных металлов I в. н.э. на Боспоре и в Сарматии. *ДБ* 25, 384—406.

Трейстер М.Ю. 2022. Римские бронзовые патеры типов Eggers 154-155 в Сарматии. *ПИФК* 1, 23—60. DOI: https://doi.org/10.18503/1992-0431-2022-1-75-23-60.

Труфанов А.А. 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье. *РА* 3, 160—170.

Халиков А.Х. 1962. *Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Железный век Марийского края*. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 7—187 (Труды МАЭ II).

Храпунов И.Н. 2007. Погребение воина 2 в. н.э. из могильника Опушки. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 115—124.

Храпунов и др. 2019: Храпунов И.Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. 2019. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и в Альфельде. *МАИЭТ* XXIV, 12—34.

Храпунов И.Н., Шабанов С.Б. 2021. Погребения коней в могильнике. Опушки. *Stratum plus* 4, 49—60.

Циркин А.В. 1987. *Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э.* Красноярск: [б.и].

Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gurtelschnallen der Romischen Kaiserzeit und der fruhen Volkerwanderungszeit im mitteleuropaischen Barbaricum*. Oxford: B.A.R. (BAR International Series 360).

Marčenko I.I., Limberis N.Ju. 2008. Römische Importe in Sarmatischen und Maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko A., Marcenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 265—400, 222 taf. (Archäologie in Eurasien 25).

Ochir-Goryaeva M. 2008. Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien. *Eurasia Antiqua* 8, 353—387.

Simonenko A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko A., Marcenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien 25).

References

Abramova, M.P. 1993. *Central'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. — IV v. n.e.) (Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (3rd century BCE — 4th century CE))*. Moscow: [s.n.] (in Russian).

Ageev, B.B. 1992. *P'yanoborskaya kul'tura (Pyany Bor archaeological culture)*. Ufa: BNC UrO RAN (in Russian).

Ageev, B.B., Mazhitov, N.A. 1986. In: Pshenichnyuk, A.H. (ed.) *Arheologicheskie raboty v nizov'yah r. Beloy (Archaeological discoveries in the lower reaches of the Belaya River)*. Ufa: IYALI BFAN, 75—94 (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique beads of the Northern Black Sea region).* Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12/1) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12/1) (in Russian).

Antipenko, A.V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* XXI, 84—109 (in Russian).

Ahmedov, I.R. 1995. In *Arheologicheskie pamyatniki srednego Pooch'ya (Archaeological sites of the Middle Oka Basin)* 4, 89—111 (in Russian).

Ahmedov, I.R. 2003. In: Chelyapov, V.P. (ed.). *Problemy drevney i srednevekovoy arheologii Okskogo bassejna (Problems of Ancient and Medieval Archaeology of the Oka Basin).* Ryazan: Poverennyy, 128—138 (in Russian).

Ahmedov, I.R., Belocerkovskaya, I.V. 1998. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 96. *Arheologicheskiy sbornik (Archaeological collection)*. Moscow: GIM, 32—42 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona: kurgannyy mogil'nik Valovyy I (Late Sarmatian burials at the mouth of the Don: burial mound Valovyy I)*. Rostov-on-Don: Media-Polis (in Russian).

Berezuckiy, V.D. 2021. *Novochigol'skie kurgany (Novochigol burial mound)*. Voronezh: Nauchnaya kniga (in Russian).

Berestnev, R.S. 2017. Sarmatians in the interfluve of Khoper and Volga. PhD Thesis. Voronezh.

Bespalyy, E.I. 1992. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 175—190 (in Russian)

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika (The ancient population of the interfluve of the Don and Kagalnik)*. Vol. 2. *Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka (Burial mound near the Novoaleksandrovka village)*. Rostov-on-Don: YUNC RAN (in Russian).

Bugrov, D.G., Myasnikov, N.S. 2018. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3, 314—335. DOI: https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335 (in Russian).

Vlaskin, V.M. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na nizhnem Donu v 1989 g.*

(Historical and archaeological research in Azov and on the lower Don in 1989) 9, 64—68 (in Russian).
Voroncov, A.M., Stolyarov, E.V. 2019. In *Stratum plus* 4, 51—74 (in Russian).
Voroncov, A.M., Stolyarov, E.V. 2022. In *Arheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* 1 (5), 121—180 (in Russian).
Glebov, V.P. 2007. In: Skripkin, A.S. (ed.) *Problemy arheologii Nizhnego Povolzh'ya (Problems of Archaeology of the Lower Volga Region)*. Volgograd: VolGU, 97—103 (in Russian).
Gluhov, A.A. 2005. *Sarmaty mezhdurech'ya Dona i Volgi v I — pervoj polovine II v. n.e. (Sarmatians of the interfluve of the Don and the Volga in the 1st — first half of the 2nd century CE)*. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo (in Russian).
Goldina, R.D. 2003. *Tarasovskij mogil'nik I—V vv. na Srednej Kame (Tarasovo burial ground of the 1st — 5th centuries on the Middle Kama)*. Vol. II. Izhevsk: Udmurtiya (in Russian).
Grishakov, V.V., Zubov, S.E. 2009. In *Arheologiya evraziyskih stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 7 (in Russian).
Guguev, V.K., Bezuglov, S.I. 1990. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 164—176 (in Russian).
Gushchina, I.I., Zaseckaya, I.P. 1989 In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 70. *Arheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological research in the south of Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 71—141 (in Russian).
Demidenko, S.V. 2008. *Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. — III v. n.e.) (Bronze cauldrons of the ancient tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th century BCE — 3rd century CE))*. Moscow: URSS (in Russian).
Zaytsev, Yu.P., Mordvinceva, V.I. 2007. In: Zaytsev, Yu.P., Mordvinceva, V.I. (eds.). *Drevnyaya Tavrika (Ancient Taurica)*. Simferopol: Universum, 81—109 (in Russian).
Zasetskaya, I.P. 1979. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitaga (Proceedings of the State Hermitage)* XX, 87—113 (in Russian).
Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoj epohi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The art of the animal style of the Sarmatian era (2nd century BCV — early 2nd century CV))*. Simferopol: Antikva (in Russian).
Zasetskaya, I.P., Marchenko, I.I. 1995. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage)* 32, 90—104 (in Russian).
Zubov, S.E. 2011. *Voinskie migracii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I—III vv.) (Military migrations of Roman times in the Middle Volga region (1st — 3rd centuries))*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).
Zubov, S.E., Lifanov, N.A., Radyush, O.A. 2011. In *Voyadzher: mir i chelovek (Voyager: world and man)* 1, 13—30 (in Russian).
Il'yukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha (Sarmatians between the Sal and Manych rivers)*. Rostov-on-Don: Rostovskiy universitet (in Russian).
Klepikov, V.M., Krivosheev, M.V. 2020. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships)* 25 (4), 181—199. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.12 (in Russian).
Konovalov, P.B. 2008. *Usypal'nica hunnskogo knyazya v Sudzhi (Il'movaya pad', Zabajkal'e) (Tomb of the Xiongnu Prince in Sudzha (Ilmovaya Pad, Transbaikalia))*. Ulan-Ude: BNC SO RAN (in Russian).
Kostenko, V.I. 1993. *Sarmaty v Nizhnem Podneprov'e (Sarmatians in the Lower Dnieper)*. Dnepropetrovsk: DDU (in Russian).
Kostromichev, D.A. 2015. In *Stratum plus* 4, 299—356 (in Russian).
Kotigoroshko, V.G. 2009. In *Carpatika* 38, 58—133 (in Russian).
Krasnoperov, A.A. 2023. *K voprosu o ranney date p'yanoborskih pamyatnikov (On the question of the early date of the Pyany Bor monuments)*. Pt. 4-2. *Bronzovye nakonechniki strel (Bronze arrowheads)* (in print) (in Russian).
Krasnoperov, A.A., Kamaleev, E.V., 2023. *Udila iz pogrebeniya 86 Kamyshly-Tamakskogo I mogil'nika: k voprosu o rannih kompleksah p'yanoborskoj kul'tury (A bridle from burial 86 of the Kamyshly-Tamak I burial ground: on the issue of early assemblages of the Pyanobor culture)* (in print) (in Russian).
Krivosheev, M.V. 2005. Late Sarmatian culture of the southern part of the interfluve of the Volga and Don. PhD Thesis. Volgograd.
Kropotkin, V.V. 1970. *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (Roman imports in Eastern Europe).* Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).
Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoj epohi (Fibulae of the Sarmatian era)*. Kyiv: ID "Adef-Ukraina" (in Russian).

Larenok, V.A. 2016. *Meotskie drevnosti (Meotian Antiquities)*. Pt. 2. Rostov-on-Don: Donskoy izdatel'skiy dom (in Russian).

Larenok, V.A. 2021. *Meotskie drevnosti (Meotian Antiquities)*. Pt. III. Rostov-on-Don: OOO "Donskoy izdatel'skiy dom" (in Russian).

Leshchinskaya, N.A. 2000. *Oshkinskij mogil'nik — pamyatnik p'yanoborskoj epohi na r. Vyatke (Oshki burial ground — a monument of the Pyany Bor era on the river Vyatka)*. Preprint. Izhevsk: Izdatel'skiy dom "Udmurtskiy universitet" (Series of preprints "Scientific reports of the staff of the Kamsko-Vyatka archaeological expedition". Iss. 2) (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2012. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 191. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya (Eurasia in the Scythian-Sarmatian time)*, 261—281 (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2022. In: Kazanski, M.M., Mastykova, A.V. (eds.). *Druzei medlitel'nyi uhod ... Pamyati Olega Sharova (Friends slow departure ... In memory of Oleg Sharov)*. Kishinev: Stratum Plus, 143—151. DOI: https://doi.org/10.55086/SL22143151 (in Russian).

Mazhitov, N.A., Pshenichnyuk, A.H. 1968. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and ethnography of Bashkiria)* III, 38—58 (in Russian).

Maksimenko, V.E., Bezuglov, S.I. 1987. In *Sovetskaya arkheologia (Soviet Archaeology)* 1, 183—193 (in Russian).

Maksimova, A.G., Mershchiev, M.S., Vajnberg, B.I., Levina, L.M. 1968. *Drevnosti Chardary (Antiquities of Chardara)*. Alma-Ata: Nauka (in Russian).

Medvedev, A.P. 1990. *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya) (Sarmatians and the forest-steppe (based on materials from the Don region))*. Voronezh: Voronezhskiy universitet (in Russian).

Medvedev, A.P. 2008. *Sarmaty v verhov'yah Tanaisa (Sarmatians in the upper reaches of the Tanais)*. Moscow: Taus (in Russian).

Mordvinceva, V.I. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 42—51 (in Russian).

Mordvinceva, V.I. 2003. *Polihromnyy zverinyy stil' (Polychrome animal style)*. Simferopol: Universum (in Russian).

Muld, S.A. 2009. In *Arheologichni doslidzhennya v Ukraine (Archaeological reserches in Ukraine)* 2008, 207—209 (in Ukranian).

Muld, S.A., Kropotov, V.V. 2015. *Ufimskiy Arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 15, 117—130 (in Russian).

Mys'kov, E.P., Kiyashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 149—167 (in Russian).

Myasnikov, N.S., Efimov, E.L. 2009. In *Arkheologiya yevraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 10. *Drevnyaya i srednevekovaya arheologiya Volgo-Kam'ya. Sbornik statey k 70-letiyu P.N. Starostina (Ancient and medieval archaeology of the Volga-Kama Region. Collection of articles dedicated to the 70th Anniversary of P.N. Starostin)*. Kazan: Institut istorii AN RT, 106—111 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2015. In *Chuvashskaya arheologiya (Chuvash Archaeology)* 2, 85—96 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2016. Archaeological sites of the first half of the 1st millennium CE Sura-Sviyaga Interfluve). PhD Thesis. Izhevsk.

otkrytayaarkheologiya.rf: 1: The bit and cheek-pieces of the 1st — 4th centuries CE. Available at: https://открытаяархеология.рф /finds/удила-и-псалии-i-iv-вв-нэ (accessed 11.03.2023).

Ochir-Goryaeva, M.A. 2019. In *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN (Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 4, 5—60. DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A., Lapa, N.L. 2002. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 200—205 (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Burial Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000—2003 gg. (Excavations of the Ust-Alma necropolis in 2000—2003)*. Simferopol; Moscow: IP Zueva T.V. (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004—2007 gg. (Excavations of the Ust-Alma necropolis in 2004—2007)*. Simferopol: IP Brovko A.A. (in Russian).

Pshenichnyuk, A.H. 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (Culture of the early nomads of the Southern Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Radyush, O.A. 2011. In *Voennaya arheologiya (Military Archaeology)* 2, 6—31 (in Russian).

Sergackov, I.V., Zaharov, P.E. 2006. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 117—123 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Simonenko, A.V., Zubar, V.M. 2012. In: Krivenko, O.A. (ed.). *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko (Gold, Horse and Man. Collection of Articles to the 60th Birthday of Aleksandr Vladimirovich Simonenko).* Kiev: KNT, 89—99 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2000. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3, 17—40 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2021. In *Istoricheskie Issledovaniya. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova (Historical Research. Electronic scientific journal of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov)* 16, 39—53 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships)* 24 (1), 20—34. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2 (in Russian).

Skripkin, A.S., Mys'kov, E.P. 2009. In: Makarov N.A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya 1991—2004 gg.: Evropejskaya Rossiya (Archaeological discoveries 1991—2004: European Russia)*. Moscow: IA RAN, 245—255 (in Russian).

Slanov, A. 1988. *Sohtinskiy mogil'nik (Sokhta burial ground)*. Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Smirnov, K.A. 1970. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 156. *Drevnee poselenie v Podmoskov'e (Ancient settlement in the Moscow region)*. Moscow: Nauka, 170—178 (in Russian).

Stavickiy, V.V. 2013. In *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia)* 3, 137—138 (in Russian).

Stavickiy, V.V. 2017. In *Filo Ariadne* 1 (5), 125—142 (in Russian).

Stepanov, P.D. 1980. *Andreevskiy kurgan (k istorii mordovskih plemen na rubezhe nashey ery) (Andreevsky Kurgan (to the history of the Mordovian tribes at the turn of our era)*. Saransk: Mordovskoe knignoe izdatel'stvo (in Russian).

Stolyarov, E.V. 2021. In: *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 1, 131—147. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.131.147 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 216—238 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2020. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 25, 384—406 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2022. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1, 23—60. DOI: https://doi.org/10.18503/1992-0431-2022-1-75-23-60 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2004. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 160—170 (in Russian).

Khalikov, A.H. 1962. *Ocherki istorii naseleniya Mariyskogo kraya v epokhu zheleza. Zheleznyy vek Mariyskogo kraya (Essays on the history of the population of the Mari region in the Iron Age. Iron Age of the Mari Territory)*. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat, 7—187 (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II) (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2007. In: Zaytsev, Yu.P., Mordvinceva, V.I. (eds.). *Drevnyaya Tavrika (Ancient Taurica)*. Simferopol: Universum, 115—124 (in Russian).

Khrapunov i dr. 2019: Khrapunov, I.N., Ishtvanovich, E., Kul'char, V., Stoyanova, A.A. 2019. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tauria)* XXIV, 12—34 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Shabanov, S.B. 2021. In *Stratum plus* 4, 49—60 (in Russian)

Cirkin, A.V. 1987. *Material'naya kul'tura i byt narodov Srednego Povolzh'ya v I tys. n.e. (Material culture and life of the peoples of the Middle Volga region in the 1st millennium CE)*. Krasnoyarsk: [s.n.] (in Russian).

Madyda-Legutko, R. 1986. *Die Gurtelschnallen der Romischen Kaiserzeit und der fruhen Volkerwanderungszeit im mitteleuropaischen Barbaricum*. Oxford: B.A.R. (BAR International Series 360).

Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008. Römische Importe in Sarmatischen und Maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marcenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 265—400, 222 taf. (Archäologie in Eurasien 25).

Ochir-Goryaeva, M. 2008. Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien. *Eurasia Antiqua* 8, 353—387.

Simonenko, A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko, A., Marcenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien 25).

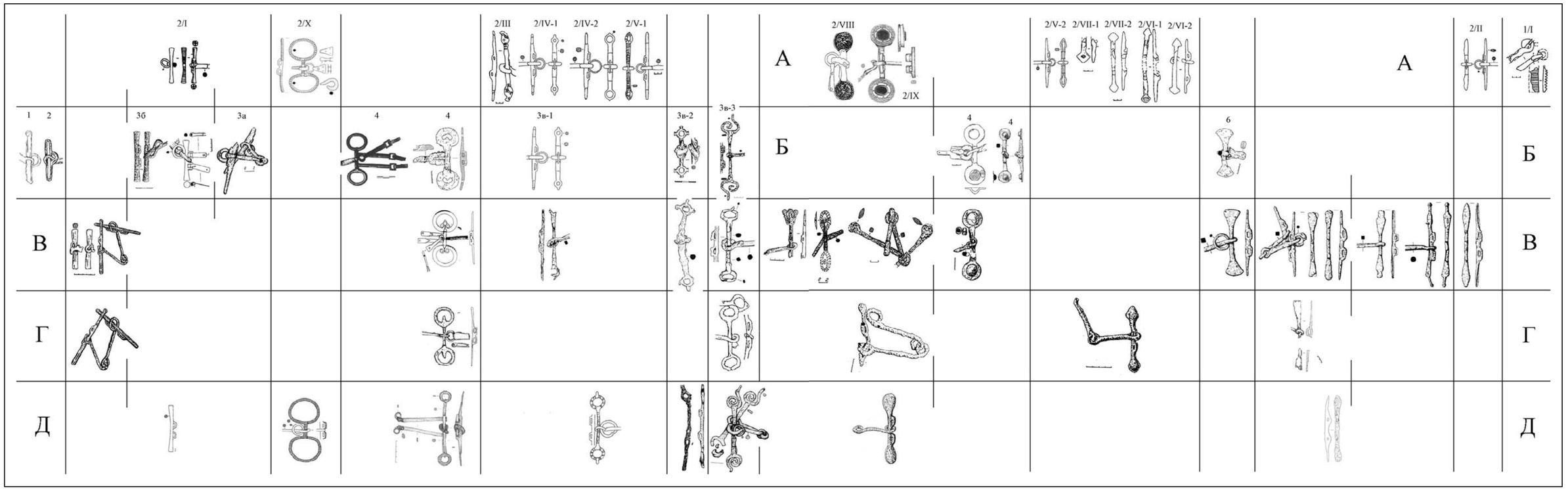


Рис. 1. Типология стержневидных псалиев в двумя петлями, и ее соответствие по разным авторам. *А* — по А.А. Глухову; *Б* — по А.В. Антипенко; *В* — дополнения; *Г* — типы, представленные в пьяноборских могильниках; *Д* — типы, представленные в андреевско-писеральских памятниках (см. ссылки в тексте и подписях к рисункам комплексов). Без масштаба.

Fig. 1. Typology of cheek-pieces with two loops, and its correspondence according to different authors. *А* — after A.A. Glukhov, *Б* — after A.V. Antipenko; *В* — additions; *Г* — types presented in the “Pyany Bor” burial grounds; *Д* — types presented in the “Andreevka-Piseraly” monuments (see references in the text and captions to the figures of the complexes). No scale.

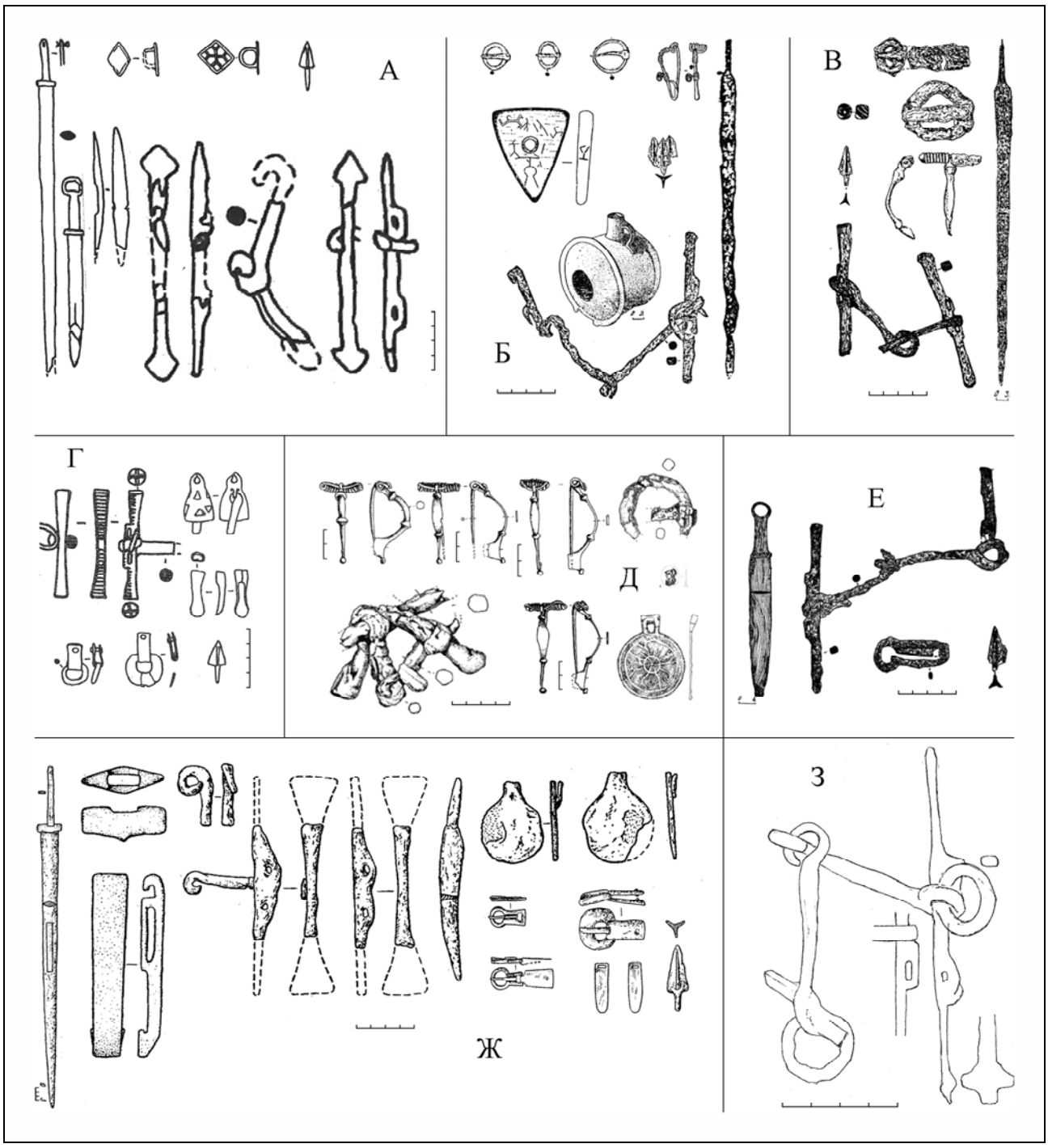

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З

Рис. 2. Удила с прямыми, ромбическими, и расширяющимися псалиями. *А* — Новый, курган 80, погребение 3 (по Ильюков Власкин 1992: рис. 24: 2—10); *Б* — Чертовицкий I, курган 6, погребение 11 (по Медведев 2008, рис. 24: 1—4, 7, 12); *В* — Ново-Никольский, курган 29 (по Медведев 2008: рис. 70: 1, 4—9); *Г* — Новый, курган 102, погребение 2 (по Ильюков, Власкин 1992: рис. 30: 10—12, 14, 16); *Д* — Кобяково-07, раскопки 2, погребение 86 (по Ларенок 2021: табл. 73: 4—8, 12); *Е* — Чертовицкий I, курган 19, погребение 19 (Медведев 1990, рис. 18: 1—4); *Ж* — Сладковский, курган 19, погребение 1 (по Максименко, Безуглов 1987, рис. 2: 1, 2, 4, 5, 7—12, 16—19, 22, 24); *З* — Нагайбаково, сборы А.В. Коновалова 1958 г. (НМРБ. Инв. № 5719, с оригинала). Масштаб кроме оружия и крупных сосудов.

Fig. 2. Complexes of finds from burials with cheek-pieces. *А* — Novyy, mound 80, grave 3 (after Il'yukov Vlaskin 1992: fig. 24: 2—10); *Б* — Chertovickiy I, mound 6, grave 11 (after Medvedev 2008: fig. 24: 1—4, 7, 12); *В* — Novo-Nikol'skiy, mound 29 (after Medvedev 2008: fig. 70: 1, 4—9); *Г* — Novyy, mound 102, grave 2 (after Il'yukov, Vlaskin 1992: fig. 30: 10—12, 14, 16); *Д* — Kobyakovo-07, excavation 2, grave 86 (after Larenok 2021: tab. 73: 4—8, 12); *Е* — Chertovickiy I, mound 19, grave 19 (after Medvedev 1990, fig. 18: 1—4); *Ж* — Sladkovskiy, mound 19, grave 1 (after Maksimenko, Bezuglov 1987: fig. 2: 1, 2, 4, 5, 7—12, 16—19, 22, 24); *З* — Nagaybakovo, collected by A.V. Konovalov 1958 (NMRB. No. 5719, from the original). Scale other than weapons and large vessels.

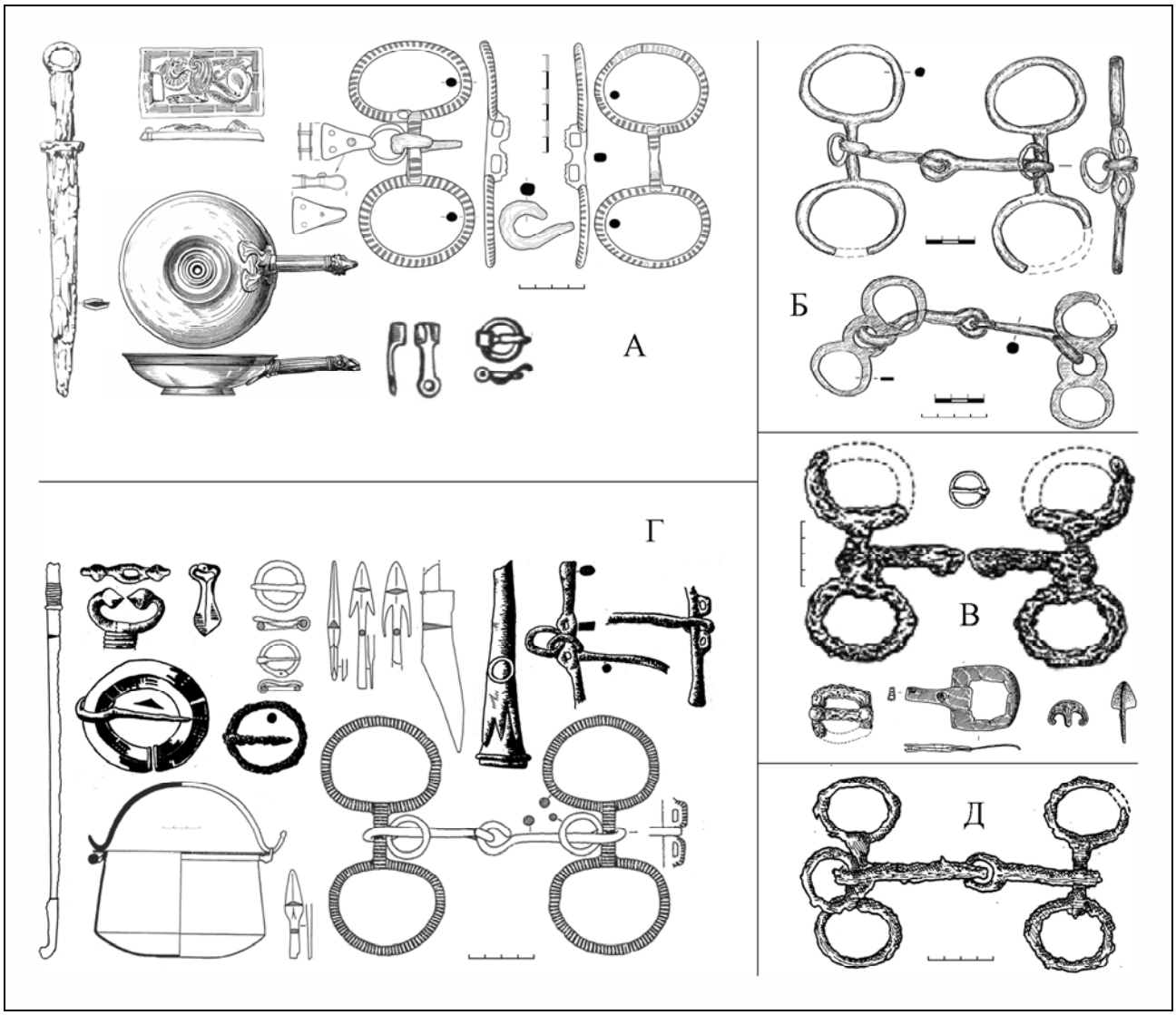


Рис. 3. Удила с «очковидными» псалиями. *А* — Никольский, курган 12 (по Засецкая 1979: рис.17: 1, 4, 5, 20; Лимберис, Марченко 2022: рис. 3, Мордвинцева, 2003, рис. 21); *Б* — хут. Ленина-1, погребение 28 (по Лимберис, Марченко 2022: рис. 2: 5, 6); *В* — Запорожье, курган 29, погребение 1 (по Simonenko 2008: taf. 135: 3, 5—9); *Г* — Андреевский, погребение 21 (по Степанов 1980: табл. 6: 2, 4, 10, 7: 3, 16, 17, 19; Гришаков, Зубов 2009: рис. 18: 4, 16—19, 25: 24, 27, 27: 2, 7); *Д* — Сохтинский, сборы (по Сланов 1988: табл. XXXIII: 10). Масштаб кроме оружия и крупных сосудов. В публикации (по Засецкая 1979) масштаба не было.

Fig. 3. Complexes of finds from burials with cheek-pieces. *А* — Nikol'skiy, mound 12 (after Zaseckaya 1979: fig. 17: 1, 4, 5, 20; Limberis, Marchenko 2022: fig. 3, Mordvinceva 2003: fig. 21); *Б* — Lenina-1 farm, grave 28 (after Limberis, Marchenko 2022: fig. 2: 5, 6); *В* — Zaporizhzhia, mound 29, grave 1 (after Simonenko 2010: taf. 135: 3, 5—9); *Г* — Andreevskiy, grave 21 (after Stepanov 1980: tab. 6: 2, 4, 10, 7: 3, 16, 17, 19; Grishakov, Zubov 2009: fig. 18: 4, 16—19, 25: 24, 27, 27: 2, 7); *Д* — Sohtinskiy (after Slanov 1988: tab. XXXIII: 10). Scale other than weapons and large vessels. In the publication (after Zasetskaya 1979) there was no scale.

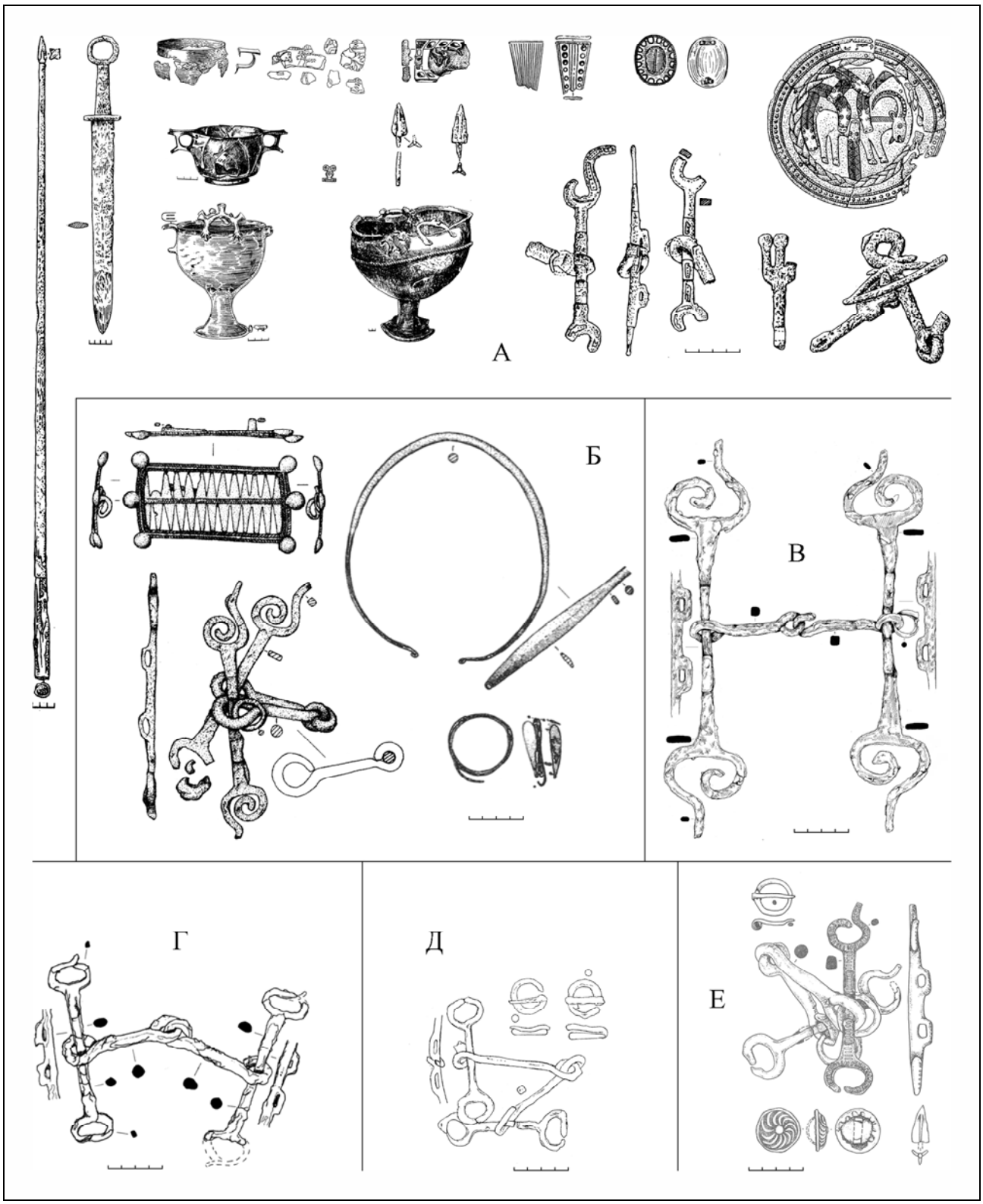

А
Б
В
Г
Д
Е

Рис. 4. Удила с тамгообразными псалиями. *А* — ст. Воздвиженская (по Гущина, Засецкая 1989: табл. III: 27—29, 32, 41, 42, IV: 35, 36, 50, V: 43, 48, 49, VI: *37, 38*); *Б* — городище Долматово, клад (по Ахмедов 2003: рис. 1: 1, 4, 2: 2, 3); *В* — Левадки, погребение 86 (по Мульд 2009: рис. 3: 7); *Г* — Опушки, погребение 156 (по Храпунов, Шабанов 2001: рис. 6: 3); *Д* — Тарасово, погребение 1296 (1780/282, 283, 391, с оригинала); *Е* — Царский, курган 64 (по Власкин 1990: рис. 1: 1, 3, 7, 8). Масштаб кроме оружия и крупных сосудов.

Fig. 4. Complexes of finds from burials with cheek-pieces. *А* — Vozdvizhenskaya Stanitsa (after Gushchina, Zaseckaya 1989: tab. III: 27—29, 32, 41, 42, IV: 35, 36, 50, V: 43, 48, 49, VI: 37, 38); *Б* — gorodishche Dolmatovo, hoard (after Ahmedov 2003: fig. 1: 1, 4, 2: 2, 3); *В* — Levadki, grave 86 (Muld 2009: fig. 3: 7); *Г* — Opushki, grave 156 (Khrapunov, Shabanov 2001: fig. 6: 3); *Д* — Tarasovo, grave 1296 (1780/282, 283, 391, from the original); *Е* — Carskiy, mound 64 (Vlaskin 1990: fig. 1: 1, 3, 7, 8). Scale other than weapons and large vessels.

А
Б
В
Г
Д
Е

Рис. 5. Удила с дисковидными псалиями. *А* — Янлин (по Клепиков, Кривошеев 2020: рис. 4: 1); *Б* — Усть-Альма, курганный могильник 3/1997 (по Пуздровский 2007: рис. 104: II); *В* — Жутово, курган 28 (по Мордвинцева 1999: рис. 1: 1—7, 2); *Г* — Яшкуль, курган 1 (по Очир-Горяева 2019: рис. 2, 4—12); *Д* — Ковалевка, курган 13, погребение 1 (по Клепиков, Кривошеев 2020: рис. 1: 3—5, 2); *Е* — Дачи (по Беспалый, Лукьяшко 2018, рис. 113: 2—6, 11—14, 114—116, 118—121). Масштаб кроме оружия и крупных сосудов.

Fig. 5. Complexes of finds from burials with cheek-pieces. *A* — Yanlin (after Klepikov, Krivosheev 2020: fig. 4: 1); *Б* — Ust-Alma, horse burial 3/1997 (after Puzdrovskiy 2007: fig. 104: II); *B* — Zhutovo, mound 28 (after Mordvinceva 1999: fig. 1: 1—7, 2); *Г* — Yashkul', mound 1 (after Ochir-Goryaeva 2019: fig. 2, 4—12); *Д* — Kovalevka, mound 13, grave 1 (after Klepikov, Krivosheev 2020: fig. 1: 3—5, 2); *E* — Dachi (after Bespalyy, Luk'yashko 2018: fig. 113: 2—6, 11—14, 114—116, 118—121). Scale other than weapons and large vessels.

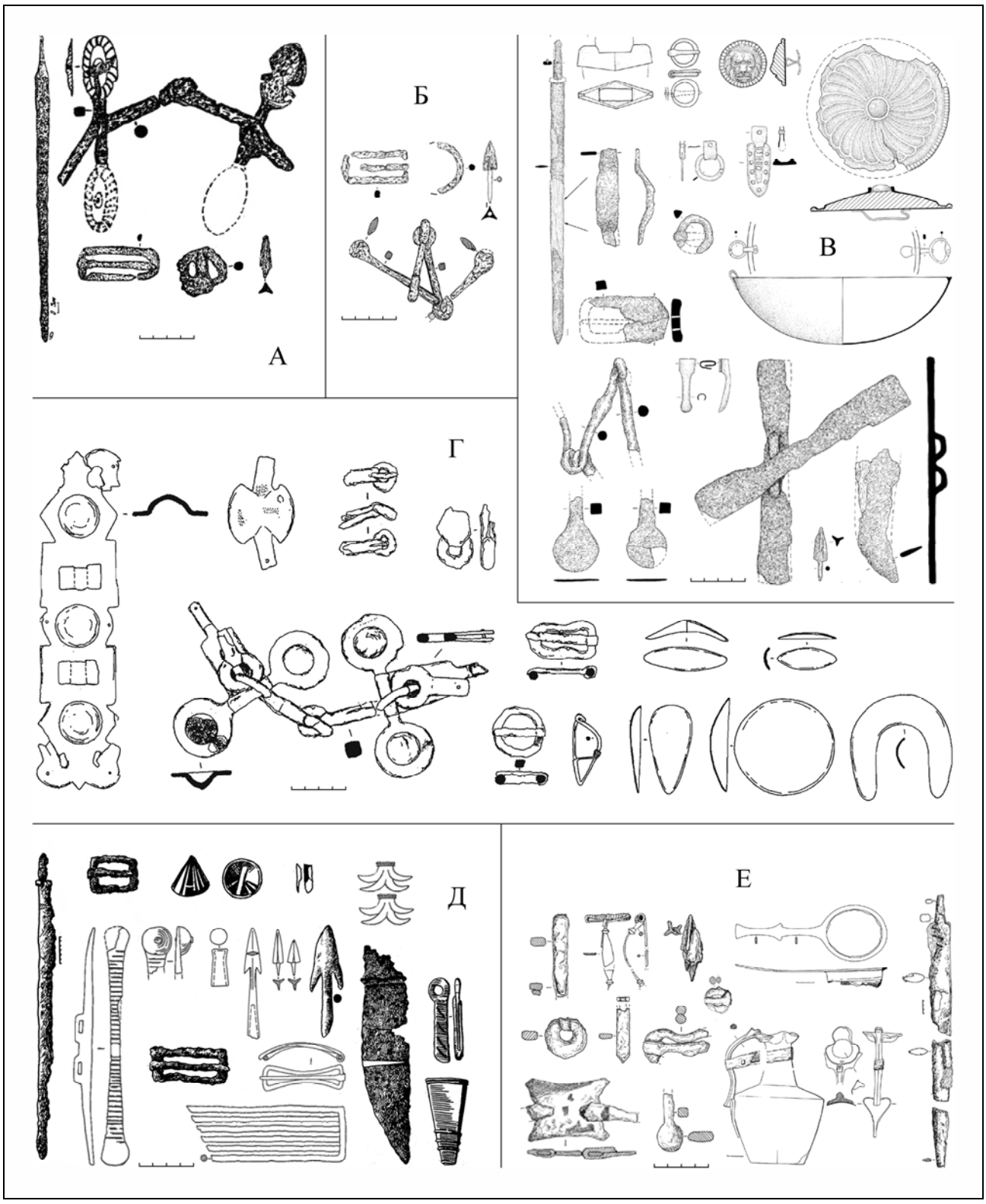

А
Б
В
Г
Д
Е

Рис. 6. Удила с дисковидными псалиями. *А* — Вязовский, курган 37 (по Медведев 2008: рис. 74: 4, 6—9); *Б* — Новая Чигла, курган 26, погребение 2 (по Березуцкий 2021: рис. 94: 1, 3, 4); *В* — Старокорсунское-2, погребение 613з (по Лимберис Марченко 2012: рис. 3: 1, 3, 5, 4: 1, 3, 6, 7, 5: 3, 6, 14, 23, 25, 27, 28); *Г* — Неаполь Скифский (по Пуздровский 2007: рис. 108); *Д* — Андреевский, погребение 50/51 (по Степанов 1980: табл. 26: 9, 28: 1, 2, 4, 16, 39: 31; Гришаков, Зубов 2009: рис. 18: 15, 18, 20, 21, 22: 3, 8, 25: 4, 10, 12); *Е* — Кобяково 2008, погребение 7 (по Ларенок 2016: табл. 94: 2, 4, 13, 14—19, 95: 1, 96: 1, 3). Масштаб кроме оружия и крупных сосудов.

Fig. 6. Complexes of finds from burials with cheek-pieces. *А* — Vyazovskiy, mound 37 (after Medvedev 2008: fig. 74: 4, 6—9); *Б* — Novaya Chigla, mound 26, grave 2 (after Berezuckiy 2021: fig. 94: 1, 3, 4); *В* — Starokorsunskoe-2, grave 613з (after Limberis Marchenko 2012: fig. 3: 1, 3, 5, 4: 1, 3, 6, 7, 5: 3, 6, 14, 23, 25, 27, 28); *Г* — Scythian Neapolis (after Puzdrovskiy 2007: fig. 108); *Д* — Andreevskiy, grave 50/51 (after Stepanov 1980: tab. 26: 9, 28: 1, 2, 4, 16, 39: 31; Grishakov, Zubov 2009: fig. 18: 15, 18, 20, 21, 22: 3, 8, 25: 4, 10, 12); *Е* — Kobyakovo 2008, grave 7 (after Larenok 2016: tab. 94: 2, 4, 13, 14—19, 95: 1, 96: 1, 3). Scale other than weapons and large vessels.

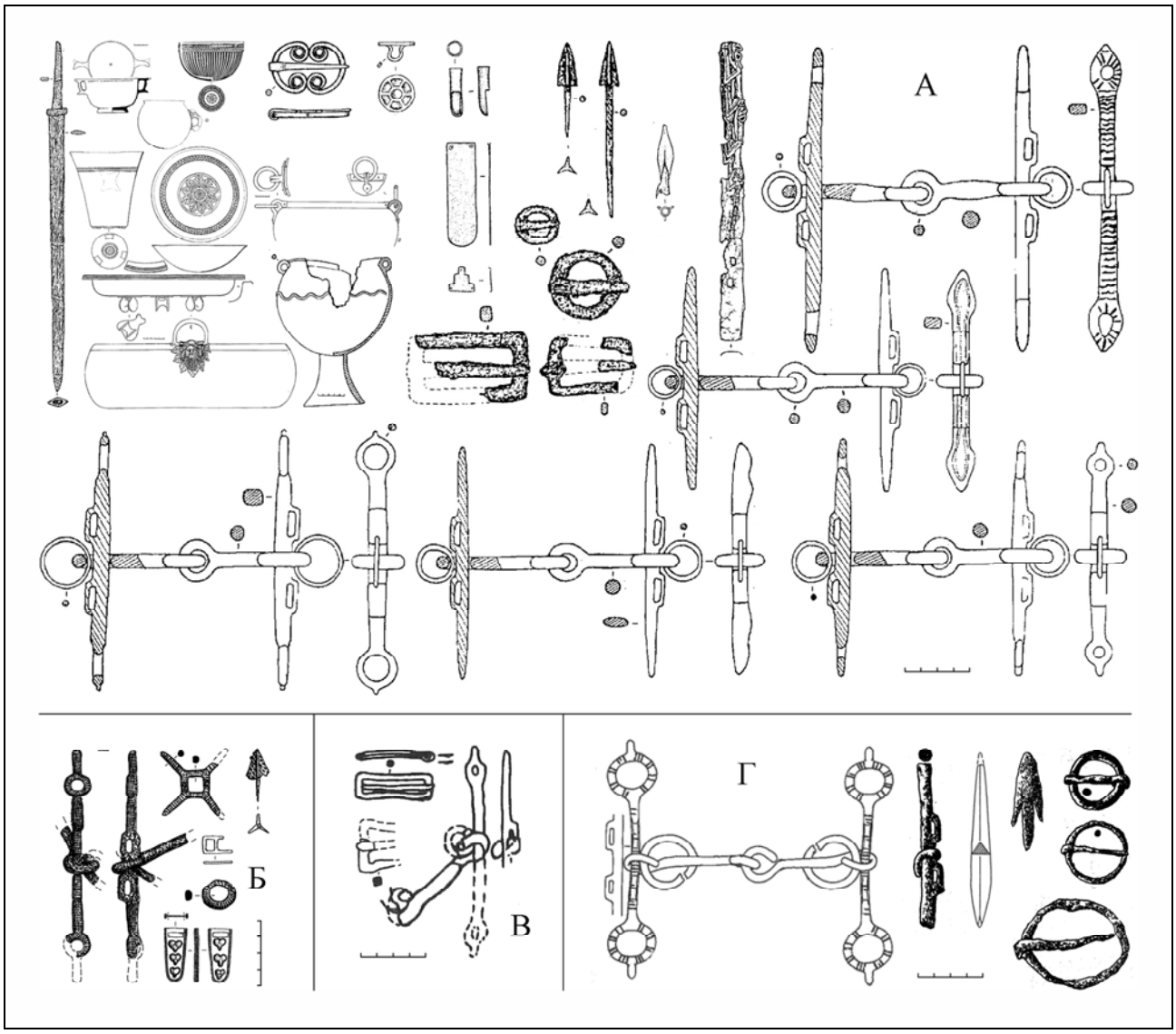


Рис. 7. Удила с кольцевыми псалиями с одним выступом, и ромбическими. *А* — Октябрьский V, курган 1, погребение 1 (по Мыськов, Кияшко, Скрипкин 1999: рис. 2, 3: 1—5, 7, 4: 1, 3, 4, 7, 8, 12, 14, 21, 5, 6: 2, 3, 5, 9, 13, 15); *Б* — Нижняя Добринка (по Сергацков, Захаров 2006: рис. 3: 4—6, 4: 1, 4, 5); *В* — Новый, курган 98, погребение 1 (по Ильюков, Власкин 1992: рис. 29: 10, 11, 16); *Г* — Андреевский, погребение 28 (по Степанов 1980: табл. 17: 2, 4, 8, 14; Гришаков, Зубов 2009: рис. 18: 9, 22: 5). Масштаб кроме оружия и крупных сосудов.

Fig. 7. Complexes of finds from burials with cheek-pieces. *А* — Oktyabr'skiy V, mound 1, grave 1 (after Mys'kov, Kiyashko, Skripkin 1999: fig. 2, 3: 1—5, 7, 4: 1, 3, 4, 7, 8, 12, 14, 21, 5, 6: 2, 3, 5, 9, 13, 15); *Б* — Nizhnyaya Dobrinka (after Sergackov, Zaharov 2006: fig. 3: 4—6, 4: 1, 4, 5); *В* — Novyy, mound 98, grave 1 (after Il'yukov, Vlaskin 1992: fig. 29: 10, 11, 16); *Г* — Andreevskiy, grave 28 (after Stepanov 1980: tab. 17: 2, 4, 8, 14; Grishakov, Zubov 2009, fig. 18: 9, 22: 5). Scale other than weapons and large vessels.

DOI: 10.53737/8959.2023.12.93.006

А.Н. Овсюченко, А.М. Корженков, Д.Е. Едемский, А.А. Масленников, А.И. Сысолин, А.С. Ларьков

АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАЗАНТИП ВОСТОЧНЫЙ И СЕЙСМОТЕКТОНИКА КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ*

В 2021 г. выполнены археосейсмологические и геолого-геофизические исследования городища Казантип Восточный II и его окрестностей. В строительных остатках и естественном окружении городища выявлены и изучены как сейсмически наведённые, так и сейсмотектонические деформации, оставленные очагом сильного землетрясения. Сейсмический очаг вышел на поверхность в пределах городища в виде сейсмотектонического разрыва и сместил одну из его стен. Величина интенсивности сейсмических воздействий была не менее Io = 9 баллов по шкале MSK-64. Можно предположить, что на памятнике зафиксированы признаки выхода очага сильного землетрясения середины I в. до н. э. (63 г. до н. э.?).

Ключевые слова: археосейсмология, сейсмотектоника, активные разломы, Керченский полуостров, Боспор, Казантип, древние сельские поселения.

Сведения об авторах: Овсюченко Александр Николаевич[1], кандидат геолого-минералогических наук, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН; Корженков Андрей Михайлович[2], доктор геолого-минералогических наук, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН; Едемский Дмитрий Евгеньевич[3], кандидат технических наук, Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова РАН; Масленников Александр Александрович[4], доктор исторических наук, Институт археологии РАН, Сысолин Александр Иванович[5], Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН; Ларьков Александр Сергеевич[6], кандидат геолого-минералогических наук, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН.

Контактная информация: [1,2,5,6]123242, Россия, г. Москва, ул. Б. Грузинская, 10, стр. 1, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, e-mail: [1]ovs@ifz.ru; [2]korzhenkov@ifz.ru; [5]alexandr.sysolin@gmail.com; [6]las119@yandex.ru; [3]108840, Россия, г. Москва; г. Троицк, Калужское шоссе, 4, Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова РАН, e-mail: deedemsky@gmail.com; [4]117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: iscander48@mail.ru.

A.N. Ovsyuchenko, A.M. Korzhenkov, D.E. Edemsky, A.A. Maslennikov, A.I. Sysolin, A.S. Larkov

KAZANTIP VOSTOCHNYI SETTLEMENT IN THE 1st CENTURY BCE AND SEISMOTECTONICS OF THE CRIMEAN AZOV REGION

In 2021, archaeoseismological and geological-geophysical surveys were carried out at the Kazantip Vostochny II settlement and its environs. Seismically induced and seismotectonic deformations have been identified both in the hillfort debris and its environment. They are generated by the source of a strong earthquake. The seismic source had cracked the surface on the settlement to form a seismotectonic rupture and displaced one of its walls. The intensity of the seismic shaking was not less than Io = IX MSK-64 scale. It can be assumed that at the Kazantip Vostochnyi II settlement, signs of the source of a strong earthquake were recorded which took place in the middle of the 1st century BCE (63 BCE?).

* Исследования выполнены в рамках государственного задания ИФЗ РАН, георадарные исследования выполнены при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-12-00083.

Статья поступила в номер 12 июля 2023 г.
Принята к печати 30 июля 2023 г.

А.Н. Овсюченко, А.М. Корженков, Д.Е. Едемский, А.А. Масленников, А.И. Сысолин, А.С. Ларьков, 2023.

Key words: archaeoseismology, seismotectonics, active faults, Kerch Peninsula, Bosporus, Kazantip, ancient rural settlements.

About the authors: Ovsyuchenko Alexander Nikolaevich[1], PhD in Geology and Mineralogy, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences; Korzhenkov Andrey Mikhailovich[2], Dr. habil. in Geology and Mineralogy, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences; Edemsky Dmitry Evgenievich[3], PhD in Engineering sciences, Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radiowave Propagation, Russian Academy of Sciences; Maslennikov Aleksandr Aleksandrovich[4], Dr. habil. (History), Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; Sysolin Alexander Ivanovich[5], Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences; Larkov Alexander Sergeevich[6], PhD in Geology and Mineralogy, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1,2,5,6]123242, Russia, Moscow, 10 B. Gruzinskaya St., build. 1, Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, e-mail: [1]ovs@ifz.ru; [2]korzhenkov@ifz.ru; [5]alexandr.sysolin@gmail.com; [6]las119@yandex.ru; [3]108840, Russia, Moscow; Troitsk, 4 Kaluga Highway, Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radiowave Propagation, Russian Academy of Sciences, e-mail: deedemsky@gmail.com; [4]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova St., Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, e-mail: iscander48@mail.ru.

Введение

Археосейсмологические исследования иногда открывают ранее не известные страницы истории. Причина тому — крайняя ограниченность письменных источников и инструментальных сейсмологических данных. В особенности это актуально для Боспора, где известно лишь три — четыре спорных упоминания о сильных землетрясениях античного периода в письменных источниках (Блаватский 1977; Никонов 2001; Хапаев 2008; Масленников 2020). Инструментальные данные о Крымских землетрясениях имеются начиная только с 1927 г., когда произошли известные Ялтинские землетрясения (Пустовитенко и др. 2014).

Архео- и палеосейсмологические исследования позволяют решить отмеченную проблему и направлены на восстановление сейсмической истории за последние несколько тысяч лет. За последние 20—30 лет археосейсмологические исследования обрели статус самостоятельного научного направления с хорошо разработанным методическим инструментарием. Кроме совершенствования типологии сейсмогенных повреждений (Nikonov 1988; Stiros, Jones 1996; Korzhenkov, Mazor 1999; Rodríguez-Pascua et al. 2011; Kázmér 2015; Корженков и др. 2020а; Stiros 2020 и др.), получили развитие количественные методы тестирования деформаций археологических объектов (Galadini et al. 2006; Hinzen et al. 2011; Forlin et al. 2018; Schweppe et al. 2021 и др.), оценки интенсивности сотрясений (Mazor, Korjenkov 2001; Rodríguez-Pascua et al. 2011; Винокуров и др. 2015; Silva et al. 2020 и др.), а также выявления и оценки параметров очаговых зон исторических землетрясений по археосейсмологическим данным (Korzhenkov, Mazor 1999; Giner-Robles et al. 2013; Martín-González 2021 и др.). Наиболее показательны случаи, в которых очаги сильных землетрясений достигают поверхности, разрывают и смещают строительные конструкции или культурные слои (Reches Hoexter 1981; Zhang et al. 1986; Klinger et al. 2000; Korjenkov et al. 2006; Similox-Tohon et al. 2006; Galli et al. 2010; Трифонов, Кожурин 2010; Корженков и др. 2019; Molev et al. 2019; Овсюченко и др. 2020; Зубарев и др. 2022 и др.). Такие деформации маркируют проявление сейсмического очага на поверхности, а строительные конструкции и культурные слои древности служат надежным репером для определения возраста события и параметров сейсмотектонической подвижки.

Развиваемый нами подход направлен на изучение следов землетрясений по нескольким независимым источникам — в археологических и литературных памятниках, а также в

рельефе и молодых отложениях. Такие комплексные исследования успешно зарекомендовали себя в Крыму и дают возможность точной локализации очагов сильных землетрясений далёкого прошлого с продлением сейсмической летописи на тысячи лет (Корженков и др. 2016; Масленников и др. 2017; Корженков и др. 2019; Molev et al. 2019; Овсюченко и др. 2019а; Корженков и др. 2021; Овсюченко и др. 2021; Зубарев и др., 2022 и др.). Настоящая статья посвящена северо-западному уголку Боспора, где по своей археосейсмологической информативности выделяется поселение Казантип Восточный II.

Методы исследований

В районе городища Казантип Восточный II нами были выполнены археосейсмологические и геолого-геофизические исследования. Методы архео- и исторической сейсмологии направлены на выявление и параметризацию сейсмических событий путём специального анализа архитектурных и литературных памятников древности. Распознавание сейсмической природы повреждений архитектурных памятников наиболее достоверно при выявлении преимущественно ориентированного обрушения и деформирования строительных элементов. Систематические наклоны, выдвижения, обрушения, повороты элементов древних строительных конструкций, характерные для стен определенных простираний, представляют собой кинематические индикаторы характера деформаций (Korzhenkov, Mazor 1999; Mazor, Korjenkov 2001; Корженков и др. 2020 и др.).

Геологические исследования выполнены с использованием палеосейсмологического метода, основанного на том, что сильнейшие землетрясения далёкого, часто доисторического прошлого оставляют на поверхности геологические следы — палеосейсмодислокации (Солоненко 1973). Основная задача исследований сводится к выявлению и изучению всех возможных следов сейсмогенной активизации в молодых отложениях и формах рельефа (McCalpin 2009; Рогожин 2012). Идентификация сейсмических очагов наиболее однозначна при выявлении сейсмотектонических разрывов — импульсных смещений древней дневной поверхности, маркирующих собой выход очага сильного землетрясения на поверхность в зоне активного разлома. По отношению к очагу землетрясения такие нарушения являются первичными. Не менее важны исследования вторичных эффектов землетрясений, вызванных собственно сейсмическими сотрясениями.

Геофизические исследования выполнены методом георадиолокации с применением георадара «Лоза-В», укомплектованного резистивно-нагруженными антеннами с центральной частотой зондирующего сигнала 50 МГц. Амплитуда зондирующего импульса составляла 5 кВ, ширина зондирующего импульса 7—10 нс. Такой комплект антенн способен обеспечивать глубину зондирования до 10—20 с разрешающей способностью 0,25—0,5 м. В ряде работ (Kopeikin et al. 2012; Едемский и др. 2018; 2021; Edemsky et al. 2021; Зубарев и др. 2022; Овсюченко и др. 2022) приведены результаты применения данных приборов для решения различных геологических задач. При интерпретации георадарных разрезов были использованы основные признаки, отражающие нарушения в разрезе типа разрывов:

1 — разрывы осей синфазности с их смещением или изменением угла наклона по субвертикальным линиям нарушения;

2 — изменение мощности георадарных комплексов по мере приближения к плоскости нарушения;

3 — образование дифрагированных волн в плоскости линий нарушений; 4 — формирование своеобразной локальной геометрии пакетов отражений с изменением волновой картины отражений.

Объект исследований и его положение относительно активных разломов

Городище Казантип Восточный II расположено в Крымском Приазовье, на юго-восточном берегу мыса Казантип (рис. 1). Здесь трассируется зона Южно-Азовского активного разлома. Разлом образует региональную границу растущей Крымско-Кавказской орогенной гряды и погружающегося Индоло-Кубанского предгорного прогиба, занятого в рассматриваемом районе мелководной котловиной Азовского моря. Молодая тектоническая подвижность и сейсмогенерирующая роль Южно-Азовского разлома были установлены уже в конце 1980-х гг., во время работ по оценке сейсмической опасности для строящейся Крымской АЭС (Геология 1992: 96—118; Никонов 1994: 23—26). Сейсмотектонические разрывы в рельефе и молодых отложениях были выявлены на мысах Казантип, Зюк и Тархан (Никонов 1994: 23—26; Клюкин 1995: 113—114; Борисенко и др. 1999: 115—116). Позже голоценовые сейсмотектонические разрывы были обнаружены нами в многих местах азовского побережья Таманского и Керченского п-овов (Овсюченко и др. 2015; 2017; 2019а; 2019б; Масленников и др. 2017; Корженков и др. 2019). Рассмотренный участок азовского побережья неоднократно служил ареной выхода очага сильного землетрясения на поверхность. Было установлено, что зона разлома следует вдоль азовского побережья Керченского и Таманского п-овов, и кое-где выходит на сушу. Средняя скорость поднятия приазовского побережья по разлому оценена в 1 мм/год для последних 20—25 тыс. лет на Керченском п-ове (Никонов 1994: 22), и 2—3 мм/год для позднего голоцена на Тамани (Трифонов, Караханян 2004: 319). Следы сильных землетрясений сохранились и в виде вторичных нарушений — специфических оползней и обвалов, имеющих признаки аномального перемещения, встряхивания, выброса или отличающиеся колоссальными размерами, а также сейсмогенных разжижений песчаных грунтов.

Археологический памятник Казантип-восточный II был обнаружен в небольшой бухте по обнажению культурного слоя в береговом обрыве (Веселов 2005: 74; Кругликова 1975: 275). Ни по микрорельефу, ни на аэрофотоснимках он не прослеживался. Вероятно, такая ситуация сложилась вследствие того, что позднейший природный катаклизм, уже после запустения поселения, перекрыл культурные напластования слоем камней и грунта мощностью от 0,2 до 0,8 м, что и скрыло памятник от визуальной разведки (Масленников, Литвинюк 2014: 41). Но ниже лежали культурные напластования, причём достаточно мощные (до 3,2 м) с неплохо сохранившимися строительными остатками. Прослежен слой общего разрушения поселения, последовавшего вслед за его запустением в III в. н.э. Всего вскрыта площадь около 640 кв. м.

Археологические исследования на памятнике проводились И.М. Безрученко в 1992, 1996—1997 гг., но опубликованы не были. Памятник, судя по всему, являлся сельским поселением с террасной застройкой. Последняя (на вскрытой части объекта) состояла из нескольких подпрямоугольных помещений, имевших единые внешние стены (блок-кварталы), разделённых узкими улицами. Анализ амфорного материала позволил А.В. Ковальчук (2013) установить довольно широкую общую датировку памятника: IV в. до н.э. — III в. н.э. с периодом расцвета в III—II вв. до н.э. В бытовании поселения выделено четыре строительных периода. В первый — (III — первая половина II вв. до н.э., от более раннего строений не выявлено), видимо, возводились постройки из сырцовых кирпичей на высоких каменных цоколях, но характер общей планировки пока не ясен. Во второй строительный период (вторая половина II в. до н.э. — I в. до н.э.) складывается регулярная и террасная планировка поселения. Постройки четвертого строительного периода (I—II вв. н.э.) возводятся на зольно-мусорных субструкциях — «подушках», что, по-видимому, должно было снизить опасность сейсмического воздействия после предполагаемого пережитого землетрясения (Ковальчук 2013: 190). Находки в целом малоинформативны и относительно немногочисленны. Во всё время бытования поселения постройки были явно одноэтажными и не имели черепичной кровли. Оборонительные сооружения пока не

обнаружены, а особенности топографии памятника столь специфичны, что их существование вообще сомнительно. На этом имеющиеся сведения о хронологии и планировке городища исчерпываются.

Археосейсмологические исследования

Наиболее эффектным и важным среди всех обнаруженных нами деформаций является разрыв каменной кладки стены, находящейся на СВ раскопанного пространства (рис. 2). Разорванной оказалась стена с простиранием 100°. Её горизонтальное смещение по правилу левого сдвига, замеренное по южному фасу, составило 30—35 см. Подвижка по разрыву привела к развороту прилегающих пакетов камней по часовой стрелке вокруг вертикальной оси на 15° и 25° (рис. 3). Этот феномен в структурной геологии называется «волочение» или (по-английски) «drag». Азимут простирания самого разрыва — 40—50°.

В археосейсмологических исследованиях сейсмотектонические деформации встречаются не так часто. Зато частыми деформациями в руинах древних зданий являются сейсмо-инерционные деформации: когда нижняя часть сооружения во время сильного землетрясения смещается вместе с грунтом, а верхняя часть как бы остается на месте вследствие сил инерции. В археологическом раскопе наблюдаются тогда систематические наклоны, обрушения, выдвижения и повороты.

Выдвижения верхних частей стен

Раскопанной оказалась лишь небольшая часть поселения Казантип Восточный II. Да и на той площади, что раскопана, строительные остатки чаще всего мало информативны. От них остались лишь нижние ряды каменной кладки. Тем не менее, в ЮЗ части раскопанного городища в помещениях 3, 8 и 9 нам удалось выявить и описать ряд деформаций (рис. 4).

Во время сильных землетрясений бывает так, что вся верхняя часть строительной конструкции «остается на месте» во время сильных движений грунта. Так, например, СЗ стена помещения 9 сместилась в СЗ направлении, т.е. против уклона местности (рис. 5). Азимут простирания этой стены 30°, выдвижение произошло по азимуту 300° на величину до 10 см. Направление смещения грунта, создавшего описанную деформацию было в направлении 120°.

Аналогичный случай имел место в помещении 8 (рис. 6). Нижняя часть СЗ стены помещения с азимутом простирания 30° во время землетрясения сдвинулась в ЮВ направлении по азимуту 120°. В то же время, верхний ряд камней по инерции остался на месте и теперь видно его смещение на 15 см по азимуту 300° против уклона местности.

Срыв верхних рядов камней имел место при сильных сейсмических подвижках в верхней части стены 14 внутрь помещения 7 (рис. 7). Азимут простирания стены 115°. Во время землетрясения грунт с нижней частью стены подвинулся в ССВ направлении по азимуту 25°, в то время как три верхних ряда камней по инерции выдвинулись в ЮЮЗ направлении на расстояние до 0,5 м и наклонились в том же направлении.

От юго-восточной стены помещения 8 остался только нижний ряд кладки (рис. 8). Ее общее простирание 35°. Однако и он сместился в СЗ направлении по азимуту 305°. При этом смещение грунта имело место в направлении 125°. Камни стояли на подтесанной скале. Их смещение составило 10 см, один из них при движении повернулся вокруг горизонтальной оси на угол в 45°.

Такие изломы стен во время сильных землетрясений имеют место при хрупком режиме деформации — резких ударах и сильнейших колебаниях от расположенных рядом очагов сильных землетрясений. Однако довольно часто можно наблюдать постепенный наклон всей стены. Так СВ стена (№ 33 на рис. 3, ее остаточная нижняя часть) в помещении 8 наклонилась в СВ направлении по азимуту 40° (рис. 9). При этом простирание стены 130°. Чтобы вызвать такую деформацию необходимо сейсмическое смещение грунта в направлении 220°.

Выдвижения частей стен по сопряженным сколам

Хрупкими являются деформации, приводящие к латеральному выдвижению стен по сопряженным сколам. Они возникают при латеральном сжатии, направленном вдоль простирания линейной строительной конструкции. Теперь подобные деформации отмечаются нами повсеместно на древних памятниках Крыма. Однако впервые они были выявлены нами в христианской базилике городища Мангуп-Кале в 2015 г. (Корженков и др. 2020в).

Таковыми деформациями, зафиксированными нами в городище Казантип Восточный II являются латеральные выдвижения центральных частей длинных стен по паре сопряженных сколовых плоскостей. Так, например, ЮЗ стена (№ 30) в помещении 9 (рис. 4) в своей центральной части выдвинулась на ЮЗ — по азимуту 215° (перпендикулярно к направлению уклона местности) на 10 см (рис. 10). Азимут простирания деформированной стены 125°. Ширина стены — 50 см. Ширина выдвинутого пакета каменной кладки в верхней части 110 см, в нижней части 30 см.

Аналогичный случай имел место и для СВ стены (№ 28 на рис. 4) этого же помещения 9. Стена с азимутом простирания 115° выдвинулась по двум сопряженным плоскостям в СВ направлении (рис. 11) на расстояние в 5 см перпендикулярно уклону местности. При этом стена не только выдвинулась, но и наклонилась в том же направлении. Так, например, один из камней в верхней части выдвинувшейся стены наклонился в СВ направлении под углом 52°. К СВ от деформированной стены № 28 во второй строительный период (вторая половина II в. до н.э. — I в. до н.э.) была пристроена подпорная конструкция, здесь же открыт завал камней (Ковальчук 2013: 190).

ЮЗ стена (№ 19) в помещении 8 сильно деформирована (рис. 12). Пакет камней из центральной части ее восточного фаса по двум сопряженным сколам выдвинулся в СВ направлении на величину в 15 см по азимуту 25°. Общий азимут простирания стены — 115°.

Геолого-геофизические исследования

Несмотря на относительное однообразие в составе коренных пород, рельеф в районе городища отличается огромным разнообразием. Окружающие бухту холмы сложены известняками мшанковых рифов мэотического яруса, вытянутых цепочкой вдоль берега моря. В сочетании с долинами мелких балок и крупными обвально-оползневыми телами, ветвистые выступы мшанковых рифов образуют сильно изрезанную береговую линию. Она выступает в море скалистыми рифовыми мысами и вдается в сушу небольшими бухтами, выработанными абразией в межрифовых глинах или обвально-оползневых образованиях. Подошва мэотического яруса испытывает пологое (5—10°) падение в ЮВ направлении. Мэотические рифы бронируют ЮВ крыло относительно крупной брахиантиклинальной складки, прямо выраженной в рельефе полуостровной возвышенностью мыса Казантип. В ядре складки выходят на поверхность более древние глинистые отложения сарматского яруса, выраженные в рельефе эрозионной котловиной, давшей повод к названию мыса — казан. Вдоль берега моря ЮВ крыло складки ограничено Казантипским разломом — ветвью Южно-Азовской разломной зоны (Клюкин 2006: 136).

В районе городища вдоль берега моря прослежена система уступов и рвов, укладывающихся в эшелонированную систему общего субширотного (ВСВ) простирания (рис. 13). Разрывы СВ простирания имеют левосдвиговую кинематику смещений; СЗ ориентировки — правосдвиговую. Преобладает левосдвиговая компонента смещений.

Разрывы СЗ простирания представлены рвами вдоль крупноглыбовых зон дробления шириной до 1 м (рис. 14: а) или ступенчатыми уступами с опущенными СВ крыльями (рис. 14: б). Правый сдвиг уверенно восстанавливается в одном случае смещения скального гребня на 7—8 м в районе георадарного профиля.

К востоку от городища левый сдвиг наблюдается в случае смещения скального гребня по разрыву СВ простирания (50—55°). Сдвиг прослеживается на всю высоту гребня, до уровня моря. Общая величина левого сдвига гребня около 3.5 м. На вершине гребня наблюдается самая молодая горизонтальная подвижка на 40—60 см (рис. 15). Такое же смещение наблюдается и на его восточном склоне. Плоскость самой молодой подвижки отличается свежим обликом — незначительным покрытием лишайниками и кавернозными неровностями относительно поверхности скального выхода на гребне.

Вдоль разрыва СВ простирания (50—60°) наблюдается тектонический контакт массивных мшанковых известняков и глинистых отложений межрифового заполнения (рис. 16). Основной контакт имеет пологое падение (40—55°) в СЗ направлении и образует ветвь цветкообразной разломной зоны. Такие структуры, сочетающие условия тектонического растяжения и сдвига, типичны для разломных зон с преобладающей горизонтальной компонентой смещений.

К западу от городища левый сдвиг наблюдается по разрыву ВСВ простирания, вдоль которого смещена глыба лопнувшего рифового массива (рис. 17). Массив расколот пополам приразломной расселиной. Самый молодой сдвиг образован эшелонированной системой разрывов и серией структур растяжения типа пулл-апарт. Величина левого сдвига — 20—40 см. Сдвиг образует борт крупного рва-расселины, заполненного культурным слоем (зольником) и перекрытого обвалом. Можно полагать, что после образования рва произошло не менее двух событий: первое привело к обвалу; второе к сейсмотектоническому смещению обвальных глыб.

Следы сильных землетрясений представлены не только сейсмотектоническими разрывами, но и вторичными нарушениями, представляющими собой результат сейсмических воздействий. Наиболее ярко они проявлены в скальных известняковых массивах в виде специфических оползней и обвалов, имеющих признаки аномального перемещения, встряхивания, выброса или отличающиеся колоссальными размерами и захватом в смещения значительных водораздельных пространств в скальных массивах (рис. 18). Надо сказать, что в рассматриваемом районе все скальные массивы оказались в той или иной степени поражены вторичными эффектами землетрясений. Отличительная особенность многочисленных мелких обвалов и отброшенных глыб у берега моря — общая односторонняя направленность перемещения в ЮЗ направлении (рис. 13). Такое необычное перемещение в горизонтальном направлении укладывается в кинематическую схему с левосдвиговой подвижкой по разлому вдоль побережья и соответствующим резким рывком массива в ЮВ крыле разлома на СВ.

Для изучения строения разрывов, выраженных в рельефе, были выполнены георадарные исследования по гребню к востоку от городища (положение см. на рис. 13). Длина профилей составила 98 м (рис. 19), шаг по профилю 0,4 м.

Для преобразования георадарных разрезов из временного масштаба в масштаб глубин и оценки глубины залегания отдельных элементов разреза, можно применить усредненную скорость распространения электромагнитной волны V == 0,11 м/нс, которая получена в результате анализа отражений зондирующего импульса от локальных объектов на георадарном профиле.

Анализ волновой картины профиля (рис. 19) показал отсутствие однородности текстуры волновой картины отражений вдоль профиля. На профиле штриховыми линиями приведены линии разрывных нарушений, которые отвечают следующим атрибутам: наличие разрывов осей синфазности; резкое изменение направления или смещения по вертикали осей синфазности; резкое изменение текстуры волновой картины отражений вдоль профиля по линии разлома.

Верхняя часть георадарного разреза (до уровня ~70 нс), за исключением участка 50—80 м, имеет довольно четкую субгоризонтальную стратификацию, при этом необходимо учитывать,

что все отражения от объектов и структур, располагающихся на небольшой глубине (уровень до 20—25 нс), маскируются зондирующим импульсом и воздушными сигналами.

Вдоль профиля наблюдается изменение текстуры волнового рисунка отражений, следовательно, и электромагнитных параметров среды (рис. 20). На профиле можно выделить три зоны с характерными текстурами отражений. На отметках 55—75 м профиля наблюдается зона (1) с нарушением субгоризонтальной структуры отражений, множественными отражениями от локальных неоднородностей или объектов, которая ограниченна справа и слева линиями разлома (штриховая линия). Предположительно, это — зона повышенной трещиноватости и\или заполненная крупнообломочным материалом. Проведенный анализ амплитуды принимаемых сигналов показал, что в данной зоне наблюдается повышенное затухание принимаемых сигналов, одной из возможных причин которого может быть рассеивание сигнала в условиях повышенной трещиноватости.

Значимые нарушения строения приповерхностного георадарного разреза практически не наблюдаются в зоне (2), за исключением линий разломов на отметках 20, 30 и 40 м, на которых фиксируется смещение осей синфазности и изменение углов наклона осей по линиям разломов. Часть георадарного профиля (3) на отметках 80—98 м проложена вдоль моря, в непосредственной близости и параллельно предполагаемому разлому. Интерпретация георадарного разреза на данном участке затруднена без проведения дополнительных изысканий.

Таким образом, разрывы, выраженные в рельефе и неоген-четвертичных отложениях, прослеживаются и в более глубокие горизонты разреза. Они имеют облик ступенчатых сбросов в зоне (2) и микрограбена в зоне (1), выполненного грубообломочными накоплениями и тектонической брекчией. Это позволило составить четкое представление о строении Южно-Азовской разломной зоны в районе городища Казантип Восточный II (рис. 13).

Обсуждение полученных результатов и заключение

Вся совокупность собранных данных свидетельствует о расположении городища Казантип Восточный II в очаговой зоне сильного землетрясения. В строительных остатках выявлены как сейсмически наведенные, так и сейсмотектонические деформации. Такие же деформации наблюдаются и в естественном окружении городища. Сейсмотектонические разрывы имеют устойчивую кинематику смещений — левый сдвиг при СВ простирании, выявленную как в природных объектах, так и в смещении стены городища. Очаг землетрясения вышел на поверхность в пределах городища в виде сейсмотектонического разрыва и сместил одну из его стен.

Судя по степени повреждений и разрушений, величина интенсивности сейсмических воздействий была не менее Io = 9 баллов по шкале MSK-64. Для большинства изученных деформаций (6 случаев из 8: 3 выдвижения верхних частей стен и 3 скола стен) направление смещения грунта было направлено вдоль оси СЗ—ЮВ. Напряжения сжатия, ориентированные вдоль этой оси, вызвали образования сопряженных сколов в стенах. В двух остальных случаях смещения грунта были ориентированы вдоль оси СВ—ЮЗ и вызвали наклоны стен 33 и 14.

Обратимся к имеющимся археологическим материалам. Выявленный раскопками облик (планировку и характер домостроения) городище в основном получает во второй строительный период (вторая половина II в. до н.э. — I в. до н.э.) (Ковальчук 2013: 190). Показательно, что раннее помещение 8 иначе ориентировано в пространстве, чем остальные постройки на памятнике. Помещение 9 находится на 1,5 м выше близлежащих построек этого же времени (стены 6, 29, 10 и др.). С внешней стороны помещения 9, северо-восточнее деформированной стены 28, была открыта подпорная конструкция и завал камней, призванные укрепить край верхней террасы. Во второй период возводятся помещения 1, 2, 3, 9, часть из которых продолжает существовать и в более позднее время.

В это же время поселение, по всей видимости, переживает природный катаклизм (Ковальчук 2013: 190). Отмечено искривление средней части стены 28 и её укрепление с востока, а также

прогибы в центре стен 6 и 9 и горелые прослойки под полами помещения 1. Вероятно, всё это могло быть следствием землетрясения I в. до н.э. (Масленников, Литвинюк 2014: 42). В этой связи представляет интерес также факт возведения построек четвертого строительного периода (I—II вв. н.э.), — помещений 6 и 7 на упоминавшихся выше зольно-мусорных субструкциях, что, по-видимому, должно было снизить опасность сейсмического воздействия.

Сейсмогенные деформации памятников древности и одноактные сейсмотектонические разрывы нескольких генераций возрастом в несколько сотен — тысяч лет были изучены нами на разных участках Южно-Азовского разлома (Корженков и др. 2019, 2020б; Масленников и др. 2017; Овсюченко и др. 2015; 2017; 2019а). В результате, относительно уверенно датированы следы пяти сильных землетрясений: первой половины — середины III в. до н.э.; конца II в. до н.э.; середины I в. до н.э. (63 г. до н.э.?); рубежа третьей—четвертой четвертей VI в. н.э. и XVIII в. (1751 г. (Никонов 1996)), с положением очага в зоне Южно-Азовского разлома. Менее определённо восстанавливаются землетрясения: рубежа VI—V вв. до н.э., начала последней четверти IV в. до н.э. — начала III в. до н.э. а также «события» рубежа I в. до н.э. — I в. до н.э. и около середины III и VI вв. н.э.

За неимением более детальной хронологии строительных этапов, в настоящее время можно предположить, что на памятнике Казантип Восточный II нами зафиксированы признаки выхода очага землетрясения середины I в. до н.э. (63 г. до н.э.?). Не исключено, что на поселении есть следы и других землетрясений. Это может быть выяснено при проведении более детальных исследований. Проведенные исследования дополняют картину сейсмотектонического устройства Крымского Приазовья и позволяют уверенно протрассировать западный фланг Южно-Азовского активного разлома (рис. 1).

Литература

Блаватский В.Д. 1977. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове. *Природа* 8, 56—57.

Борисенко и др. 1999: Борисенко Л.С., Пустовитенко Б.Г., Дублянский В.Н., Вахрушев Б.А., Клюкин А.А., Ена А.В., Китин М.А. 1999. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма. *Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 г.*, 101—132.

Веселов В.В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949—1964 гг. *ДБ.* Suppl. 2.

Винокуров и др. 2015: Винокуров Н.И., Корженков А.М., Родкин М.В. 2015. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии. *Вопросы инженерной сейсмологии* 2 (42), 51—66.

Геология 1992: Гавриленко Н.М., Чекунов А.В. (отв. ред.). *Геология и геодинамика района Крымской АЭС*. Киев: Наукова думка.

Едемский и др. 2018: Едемский Д.Е., Попов А.В., Прокопович И.В., Дегтерев А.В., Рыбин А.В. 2018. Опыт георадиолокационного зондирования почвенно-пирокластического чехла юго-восточной части о. Матуа (Курильские острова). *Вестник КРАУНЦ. Серия: Науки о Земле* 4 (40), 69—81.

Едемский и др. 2021: Едемский Д.Е., Тумской В.Е., Овсюченко А.Н. 2021. Георадиолокационное зондирование отложений в пределах деградирующего полигонального микрорельефа в Арктике. *Криосфера Земли* 5 (XXV), 55—69.

Зубарев и др. 2022: Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Едемский Д.Е., Корженков А.М., Ларьков А.С., Моисеев Д.А., Овсюченко А.Н., Сысолин А.И. 2022. Сейсмический фактор в истории городища «Белинское» (Керченский полуостров, Крым). *Геофизические процессы и биосфера* 2 (21), 44—70.

Клюкин А.А. 1995. Сейсмодислокации Керченского полуострова. *Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г.*, 112—117.

Клюкин А.А. 2006. Факторы, определяющие биоразнообразие Казантипского природного заповедника. *Труды Никитского ботанического сада — Национального научного центра* 126, 133—148.

Ковальчук А.В. 2013. Поселение Казантип-восточный II. Общая характеристика и датировка. *ДБ* 17, 186—201.

Корженков и др. 2016: Корженков А.М., Моисеев Д.А., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.Н., Рогожин Е.А., Эмруллаев Ш.А. 2016. Археосейсмологические исследования в древней столице крымских ханов Салачик. *Вопросы инженерной сейсмологии* 3 (43), 30—47.

Корженков и др. 2019: Корженков А.М., Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Супренков А.А. 2019. Сейсмические деформации в урочище Сююрташ в Крымском Приазовье. *ДБ* 24, 370—397.

Корженков и др. 2020а: Корженков А.М., Минчев А., Тенекеджиев В., Овсюченко А.Н., Димитров О., Ларьков А.С., Рогожин Е.А., Рангелов Б., Стрельников А.А. 2020а. Сейсмические деформации в раннехристианском монастыре в местности Джанавара (Варна, Болгария). Часть 1: Методы исследований. *Вопросы инженерной сейсмологии* 4 (47), 72—91.

Корженков и др. 2020б: Корженков А.М., Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Родина С.Н. 2020б. Следы сейсмических катастроф в руинах усадебных комплексов IV—III вв. до н.э. в Крымском Приазовье. *ПИФК* 3, 49—76.

Корженков и др. 2020в: Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. 2020в. Археосейсмологические исследования в пещерном городе Мангуп-Кале. В: Дегтярев К.Е. (отв. ред.). *Фундаментальные проблемы тектоники и геодинамики.* Т. 1. *Материалы LII тектонического совещания*. Москва: ГЕОС, 326—331.

Корженков и др. 2021: Корженков А.М., Мордвинцева В.И., Овсюченко А.Н., Стрельников А.А., Ларьков А.С. 2021. Сейсмические деформации на археологических памятниках, в отложениях и рельефе горы Опук, Крым. *Вопросы инженерной сейсмологии* 2 (48), 62—103.

Кругликова И.Т. 1975. *Сельское хозяйство Боспора*. Москва: Наука.

Масленников А.А., Литвинюк Н.А. 2014. Археологические памятники на мысе Казантип. *Научные записки природного заповедника «Мыс Мартьян»* 5, 35—44.

Масленников и др. 2017: Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В. 2017. Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом. *ДБ* 21, 265—294.

Масленников А.А. 2020. Страбон, М.И. Ростовцев и Крымское Приазовье. *РА* 4, 40—52.

Никонов А.А. 1994. Признаки молодой тектонической активности в зонах Южно-Азовского и Керченского разломов. *Геотектоника* 5, 16—28.

Никонов А.А. 1996. Разрушительное землетрясение 1751 г. в Крыму. *Физика Земли* 1, 62—74.

Никонов А.А. 2001. О местонахождении и исчезновении античных городов Пирра и Антисса на Боспоре. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства.* Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 241—246.

Овсюченко и др. 2015: Овсюченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В. 2015. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным. *Вопросы инженерной сейсмологии* 3 (42), 33—54.

Овсюченко и др. 2017: Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. 2017. Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова. *Доклады Академии наук* 1 (472), 89—92.

Овсюченко и др. 2019а: Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Масленников А.А., Вакарчук Р.Н., Ларьков А.С., Сысолин А.И. 2019а. Следы и хронология сильных исторических землетрясений на мысе Зюк в Восточном Крыму. *Физика Земли* 4, 133—152.

Овсюченко и др. 2019б: Овсюченко А.Н., Вакарчук Р.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Сысолин А.И., Рогожин Е.А., Мараханов А.В. 2019б. Активные разломы Керченского полуострова: новые результаты. *Доклады Академии наук* 4 (488), 408—412.

Овсюченко и др. 2020: Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Гаджиев М.С., Ларьков А.С., Рогожин Е.А. 2020. О сейсмотектонической деформации раннесредневековой крепостной стены г. Дербент (Дагестан). *Доклады Российской академии наук. Науки о Земле* 1 (493), 63—67.

Овсюченко и др. 2021: Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Бутанаев Ю.В., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. 2021. Следы и хронология сильных землетрясений в стенах древнего города Мирмекий, Восточный Крым. *Вопросы инженерной сейсмологии* 1 (48), 37—74.

Овсюченко и др. 2022: Овсюченко А.Н., Едемский Д.Е., Жостков Р.А. 2022. Активная тектоника Восточной Арктики: новые данные геолого-геофизических исследований на мысе Фомы (запад острова Врангеля). *Геотектоника* 3, 3—19.

Пустовитенко и др. 2014: Пустовитенко Б.Г., Лущик А.В., Боборыкина О.А., Кульчицкий В.Е., Можжерина А.В., Насонкин В.А., Панков Ф.Н., Поречнова Е.И., Пустовитенко А.А, Тихоненков Э.П., Швырло Н.И. 2014. *Мониторинг сейсмических процессов в Крымско-Черноморском регионе.* Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ—Гидрофизика».

Солоненко В.П. 1973. Палеосейсмогеология. *Известия АН СССР. Физика Земли* 9, 3—16.

Трифонов В.Г., Караханян А.С. 2008. Динамика Земли и развитие общества. Москва: ОГИ.

Трифонов В.Г., Кожурин А.И. 2010. Проблемы изучения активных разломов. *Геотектоника* 6, 79—98.

Хапаев В.В. 2008. Письменные источники по истории Крымских землетрясений античного и средневекового периодов. *Ученые записки Таврического национального университета. Серия История* 1 (21), 3—15.

Edemsky D., Popov A., Prokopovich I. 2021. Geophysical survey of Tunnug mound periphery, Tuva, Russia. *Journal of Applied Geophysics* 189, 104326.

Forlin P., Valente R., Kázmér M. 2018. Assessing earthquake effects on archaeological sites using photogrammetry and 3D model analysis. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage* 9, e00073.

Galli et al. 2010: Galli P.A.C., Giocoli A., Naso J.A., Piscitelli S., Rizzo E., Capini S., Scaroina L. 2010. Faulting of the Roman aqueduct of Venafrum (southern Italy): methods of investigation, results, and seismotectonic implications. *Geological Society of America Special Paper* 471, 233—242.

Galadini F., Hinzen K.G., Stiros S. 2006. Archaeoseismology: methodological issues and procedure. *Journal of Seismology* 10, 395—414.

Giner-Robles et al. 2013: Giner-Robles J.L., Pérez-López R., Rodríguez-Pascua M.A., Silva P.G., Martín-González F., Rodríguez-Escudero E. 2013. A review on oriented fall structures (Earthquake Archaeological Effect, EAE) induced by instrumental earthquakes. *Cuaternario y Geomorfología* 3—4 (27), 5—32.

Hinzen et al. 2011: Hinzen K.G., Fleischer C., Reamer S.K., Schreiber S., Schütte S., Yerli B. 2011. Quantitative methods in archaeoseismology. *Quaternary International* 1 (242), 31—41.

Kázmér M. 2015. Damage to ancient buildings from earthquakes. In: Beer M., Patelli E., Kouigioumtzoglou I., Au I.S.-K. (eds). *Encyclopedia of Earthquake Engineering*. Berlin: Springer, 500—506.

Klinger et al. 2000: Klinger Y., Avouac J.P., Dorbath L., Abou Karaki N., Tisnerat N. 2000. Seismic behaviour of the Dead Sea fault along Araba valley, Jordan. *Geophysical Journal International* 3 (142), 769—782.

Kopeikin et al. 2012: Kopeikin V.V., Morozov P.A., Edemskiy F.D., Edemskiy D.E., Pavlovskii B.R., Sungurov Yu.A. 2012. Experience of GPR application in oil-and-gas industry. *2012 14th International Conference on Ground Penetrating Radar (GPR), Shanghai, China* 3, 817—819.

Korzhenkov A.M., Mazor E. 1999. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs. *Science and New Technologies* 1, 62—74.

Martín-González F. 2021. Review and proposed method to study the damage orientation of earthquake effects in pre-instrumental earthquakes. *Izvestiya, Physics of the Solid Earth* 57, 980—993.

Mazor E., Korjenkov A.M. 2001. Applied archaeoseismology: Decoding earthquake parameters recorded in archaeological ruins. In: Krasnov B, Mazor E (eds.). *The Makhteshim Country: laboratory of nature*. Sofia, Moscow: Pensoft, 123—153.

McCalpin J.P. (Ed.). 2009. *Paleoseismology*. Amsterdam: Elsevier.

Molev et al. 2019: Molev E.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. 2019. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaia, Kerch Peninsula, Crimea. *Geodesy and Geodynamics* 4 (10), 331—338.

Nikonov A.A. 1988. On the methodology of archaeoseimic research into historical monuments. In: Marinos P.G., Koukis G.C. (eds.). *Engineering Geology of Ancient Works, Monuments and Historical Sites, Preservation and Protection*. Rotterdam: Balkema, 1315—1320.

Reches Z., Hoexter D.F. 1981. Holocene seismic and tectonic activity in the Dead Sea area. *Tectonophysics* 1-4 (80), 235—254.

Rodríguez-Pascua et al. 2011: Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures. *Quaternary International* 1 (242) 20—30.

Schweppe et al. 2021: Schweppe G., Hinzen K.G., Reamer S.K., Marco S. 2021. Reconstructing the slip velocities of the 1202 and 1759 CE earthquakes based on faulted archaeological structures at Tell Ateret, Dead Sea Fault. *Journal of Seismology* 4 (25), 1021—1042.

Silva et al. 2020: Silva P.G., Elez J., Giner-Robles J.L., Pérez-López R., Roquero E., Rodríguez-Pascua M.Á. 2020. Reappraisal of the 1863 Huércal-Overa earthquake (Betic Cordillera, SE Spain) by the fnalysis of ESI-07 environmental effects and building oriented damage. *Geosciences* 10 (8), 303.

Similox-Tohon et al. 2006: Similox-Tohon D., Sintubin M., Muchez P., Verhaert G., Vanneste K., Fernandez M., Vandycke S., Vanhaverbeke H., Waelkens M. 2006. Identification of an active fault by a multidisciplinary study at the archaeological site of Sagalassos (SW Turkey). *Tectonophysics* 3—4 (420), 371—387.

Stiros S., Jones R.E. (ed.). 1996. Archaeoseismology. *Fitch Laboratory occasional paper 7*. Athens: British School of Athens.

Stiros S.C. 2020. Monumental articulated ancient Greek and Roman columns and temples and earthquakes: archaeological, historical, and engineering approaches. *Journal of Seismology* 4 (24), 853—881.

Wells D.L., Coppersmith K.J. 1994. New empirical relationships among magnitude, rupture length rupture width, rupture area, and surface displacement. *Bulletin of the Seismological Society of America* 4 (84), 974—1002.

Zhang et al. 1986: Zhang B.C., Liao Y.H., Guo S.M., Wallace R.E., Bucknam R.C., Hanks T.C. 1986. Fault Scarps Related to the 1739 Earthquake and Seismicity of the Yinchuan Graben, Ningxia Huizu Zizhiqu, China. *Bulletin of the Seismological Society of America* 5 (76), 1253—1287.

References

Blavatskiy, V.D. 1977. In *Priroda (Nature)* 8, 56—57 (in Russian).

Borisenko et al. 1999: Borisenko, L.S., Pustovitenko, B.G., Dublyanskiy, V.N., Vakhrushev, B.A., Klyukin, A.A., Ena, A.V., Kitin, M.A. 1999. In *Seysmologicheskiy byulleten' Ukrainy za 1997 g. (Seismological Bulletin of Ukraine for 1997)*, 101—132 (in Russian).

Veselov, V.V. 2005. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)*. Suppl. 2 (In Russian).

Vinokurov et al. 2015: Vinokurov, N.I., Korzhenkov, A.M., Rodkin, M.V. 2015. In *Voprosy inzhenernoy seysmologii (Questions of Engineering Seismology)* 2 (42), 51—66 (in Russian).

Geologiya 1992: Gavrilenko, N.M., Chekunov, A.V. (eds.). *Geologiya i geodinamika rayona Krymskoy AES (Geology and geodynamics of the area of the Crimean nuclear power plant)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Edemsky et al. 2018: Edemsky, D.E., Popov, A.V., Prokopovich, I.V., Degterev, A.V., Rybin, A.V. 2018. In *Vestnik KRAUNTS. Seriya: Nauki o Zemle (Bulletin of Kamchatka Regional Association "Educational-Scientific Center". Earth Sciences)* 4 (40), 69—81 (in Russian).

Edemsky et al. 2021: Edemsky, D.E., Tumskoy, V.E., Ovsyuchenko, A.N. 2021. In *Kriosfera Zemli (Cryosphere of the Earth)* 5 (XXV), 55—69 (in Russian).

Zubarev et al. 2022: Zubarev, V.G., Yartsev, S.V., Edemsky, D.E., Korzhenkov, A.M., Lar'kov, A.S., Moiseyev, D.A., Ovsyuchenko, A.N., Sysolin, A.I. 2022. In *Geofizicheskiye protsessy i biosfera (Geophysical processes and biosphere)* 2 (21), 44—70 (in Russian).

Klyukin, A.A. 1995. In *Seysmologicheskiy byulleten' Ukrainy za 1992 g. (Seismological Bulletin of Ukraine for 1992)*, 112—117 (in Russian).

Klyukin, A.A. 2006. In *Trudy Nikitskogo botanicheskogo sada — Natsional'nogo nauchnogo tsentra (Proceedings of the Nikitsky Botanical Garden — National Science Center)* 126, 133—148 (in Russian).

Kovalchuk, A.V. 2013. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 17, 186—201 (in Russian).

Korzhenkov et al. 2016: Korzhenkov, A.M., Moiseev, D.A., Ovsyuchenko, A.N., Lar'kov, A.S., Marakhanov, A.N., Rogozhin, E.A., Emrullaev, Sh.A. 2016. In *Voprosy inzhenernoy seysmologii (Questions of Engineering Seismology)* 3 (43), 30—47 (in Russian).

Korzhenkov et al. 2019: Korzhenkov, A.M., Maslennikov, A.A., Ovsyuchenko, A.N., Lar'kov, A.S., Suprenkov, A.A. 2019. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 24, 370—397 (in Russian).

Korzhenkov et al. 2020a: Korzhenkov, A.M., Minchev, A., Tenekedzhiev, V., Ovsyuchenko, A.N., Dimitrov, O., Lar'kov, A.S., Rogozhin, E.A., Rangelov, B., Strel'nikov, A.A. 2020a. In *Voprosy inzhenernoy seysmologii (Questions of Engineering Seismology)* 4 (47), 72—91 (in Russian).

Korzhenkov et al. 2020б: Korzhenkov, A.M., Maslennikov, A.A., Ovsyuchenko, A.N., Lar'kov, A.S., Rodina, S.N. 2020б. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 3, 49—76 (in Russian).

Korzhenkov i dr. 2020c: Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Lar'kov, A.S., Marakhanov, A.V., Rogozhin, E.A. 2020c. In: Degtyarev, K.E. (ed.). *Fundamental'nye problemy tektoniki i geodinamiki (Fundamental problems of tectonics and geodynamics)*. Vol. 1. *Materialy LII tektonicheskogo soveshchaniya (Materials of the 52nd tectonic conference)*. Moscow: GEOS, 326—331 (in Russian).

Korzhenkov et al. 2021: Korzhenkov, A.M., Mordvintseva, V.I., Ovsyuchenko, A.N., Strel'nikov, A.A., Lar'kov, A.S. 2021. In *Voprosy inzhenernoy seysmologii (Questions of Engineering Seismology)* 2 (48), 62—103 (in Russian).

Kruglikova, I.T. 1975. *Sel'skoe khozyaystvo Bospora (Agriculture of the Bosporus)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Maslennikov, A.A., Litvinyuk, N.A. 2014. In *Nauchnye zapiski prirodnogo zapovednika "Mys Mart'yan" (Scientific notes of the nature reserve "Cape Martyan")* 5, 35—44 (in Russian).

Maslennikov et al. 2017: Maslennikov, A.A., Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Lar'kov, A.S., Marakhanov, A.V. 2017. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 21, 265—294 (in Russian).

Maslennikov, A.A. 2020. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 4, 40—52 (in Russian).

Nikonov, A.A. 1994. In *Geotektonika (Geotectonics)* 5, 16—28 (in Russian).

Nikonov, A.A. 1996. In *Fizika Zemli (Physics of the Earth)* 1, 62—74 (in Russian).

Nikonov, A.A. 2001. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva (Bosporan phenomenon: colonization of the region, the formation of policies, the formation of the state)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 241—246 (in Russian).

Ovsyuchenko et al. 2015: Ovsyuchenko, A.N., Shvarev, S.V., Lar'kov, A.S., Marakhanov, A.V. 2015. In *Voprosy inzhenernoy seysmologii (Questions of Engineering Seismology)* 3 (42), 33—54 (in Russian).

Ovsyuchenko et al. 2017: Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Lar'kov, A.S., Marakhanov, A.V., Rogozhin, E.A. 2017. In *Doklady Akademii nauk (Reports of the Academy of Sciences)* 1 (472), 89—92 (in Russian).

Ovsyuchenko et al. 2019a: Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Maslennikov, A.A., Vakarchuk, R.N., Lar'kov, A.S., Sysolin, A.I. 2019a. In *Fizika Zemli (Physics of the Earth)* 4, 133—152 (in Russian).

Ovsyuchenko et al. 2019б: Ovsyuchenko, A.N., Vakarchuk, R.N., Korzhenkov, A.M., Lar'kov, A.S., Sysolin, A.I., Rogozhin, E.A., Marakhanov, A.V. 2019б. In *Doklady Akademii nauk (Reports of the Academy of Sciences)* 4 (488), 408—412 (in Russian).

Ovsyuchenko i dr. 2020: Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Gadjiev, M.S., Lar'kov, A.S., Rogozhin, E.A. 2020. In *Doklady Rossiyskoy akademii nauk. Nauki o Zemle (Reports of the Russian Academy of Sciences. Earth Sciences)* 1 (493), 63—67 (in Russian).

Ovsyuchenko et al. 2021: Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Lar'kov, A.S., Butanaev, Yu.V., Marakhanov, A.V., Rogozhin, E.A. 2021. In *Voprosy inzhenernoy seysmologii (Questions of Engineering Seismology)* 1 (48), 37—74 (in Russian).

Ovsyuchenko et al. 2022: Ovsyuchenko, A.N., Edemsky, D.E., Zhostkov, R.A. 2022. In *Geotektonika (Geotectonics)* 3, 3—19 (in Russian).

Pustovitenko et al. 2014: Pustovitenko, B.G., Lushchik, A.V., Boborykina, O.A., Kul'chitskiy, V.E., Mozhzherina, A.V., Nasonkin, V.A., Pankov, F.N., Porechnova, E.I., Pustovitenko, A.A, Tikhonenkov, E.P., Shvyrlo, N.I. 2014. *Monitoring seysmicheskikh protsessov v Krymsko-Chernomorskom regione (Monitoring of seismic processes in the Crimean-Black Sea region)*. Sevastopol: NPTS "EKOSI—Gidrofizika" (in Russian).

Solonenko, V.P. 1973. In *Fizika Zemli (Physics of the Earth)* 9, 3—16 (in Russian).

Trifonov, V.G., Karakhanyan, A.S. 2008. *Dinamika Zemli i razvitiye obshchestva (Earth Dynamics and Society Development)*. Moscow: OGI (in Russian).

Trifonov, V.G., Kozhurin, A.I. 2010. In *Geotektonika (Geotectonics)* 6, 79—98 (in Russian).

Khapaev, V.V. 2008. In *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya Istoriya (Scientific notes of the Taurida National University. Series History)* 1 (21), 3—15 (in Russian).

Edemsky, D., Popov, A., Prokopovich, I. 2021. Geophysical survey of Tunnug mound periphery, Tuva, Russia. *Journal of Applied Geophysics* 189, 104326.

Forlin, P., Valente, R., Kázmér, M. 2018. Assessing earthquake effects on archaeological sites using photogrammetry and 3D model analysis. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage* 9, e00073.

Galli et al. 2010: Galli, P.A.C., Giocoli, A., Naso, J.A., Piscitelli, S., Rizzo, E., Capini, S., Scaroina, L. 2010. Faulting of the Roman aqueduct of Venafrum (southern Italy): methods of investigation, results, and seismotectonic implications. *Geological Society of America Special Paper* 471, 233—242.

Galadini, F., Hinzen, K.G., Stiros, S. 2006. Archaeoseismology: methodological issues and procedure. *Journal of Seismology* 10, 395—414.

Giner-Robles et al. 2013: Giner-Robles, J.L., Pérez-López, R., Rodríguez-Pascua, M.A., Silva, P.G., Martín-González, F., Rodríguez-Escudero, E. 2013. A review on oriented fall structures (Earthquake Archaeological Effect, EAE) induced by instrumental earthquakes. *Cuaternario y Geomorfología* 3—4 (27), 5—32.

Hinzen et al. 2011: Hinzen, K.G., Fleischer, C., Reamer, S.K., Schreiber, S., Schütte, S., Yerli, B. 2011. Quantitative methods in archaeoseismology. *Quaternary International* 1 (242), 31—41.

Kázmér, M. 2015. Damage to ancient buildings from earthquakes. In: Beer, M., Patelli, E., Kouigioumtzoglou, I., Au, I.S.-K. (eds). *Encyclopedia of Earthquake Engineering*. Berlin: Springer, 500—506.

Klinger et al. 2000: Klinger, Y., Avouac, J.P., Dorbath, L., Abou Karaki, N., Tisnerat, N. 2000. Seismic behaviour of the Dead Sea fault along Araba valley, Jordan. *Geophysical Journal International* 3 (142), 769—782.

Kopeikin et al. 2012: Kopeikin, V.V., Morozov, P.A., Edemskiy, F.D., Edemskiy, D.E., Pavlovskii, B.R., Sungurov, Yu.A. 2012. Experience of GPR application in oil-and-gas industry. *2012 14th International Conference on Ground Penetrating Radar (GPR), Shanghai, China* 3, 817—819.

Korzhenkov, A.M., Mazor, E. 1999. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs. *Science and New Technologies* 1, 62—74.

Martín-González, F. 2021. Review and proposed method to study the damage orientation of earthquake effects in pre-instrumental earthquakes. *Izvestiya, Physics of the Solid Earth* 57, 980—993.

Mazor, E., Korjenkov, A.M. 2001. Applied archaeoseismology: Decoding earthquake parameters recorded in archaeological ruins. In: Krasnov, B, Mazor, E (eds.). *The Makhteshim Country: laboratory of nature*. Sofia, Moscow: Pensoft, 123—153.

McCalpin, J.P. (Ed.). 2009. *Paleoseismology*. Amsterdam: Elsevier.

Molev et al. 2019: Molev, E.A., Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Larkov, A.S. 2019. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaia, Kerch Peninsula, Crimea. *Geodesy and Geodynamics* 4 (10), 331—338.

Nikonov, A.A. 1988. On the methodology of archaeoseimic research into historical monuments. In: Marinos, P.G., Koukis, G.C. (eds.). *Engineering Geology of Ancient Works, Monuments and Historical Sites, Preservation and Protection*. Rotterdam: Balkema, 1315—1320.

Reches, Z., Hoexter, D.F. 1981. Holocene seismic and tectonic activity in the Dead Sea area. *Tectonophysics* 1-4 (80), 235—254.

Rodríguez-Pascua et al. 2011: Rodríguez-Pascua, M.A., Pérez-López, R., Giner-Robles, J.L., Silva, P.G., Garduño-Monroy, V.H., Reicherter, K.A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures. *Quaternary International* 1 (242) 20—30.

Schweppe et al. 2021: Schweppe, G., Hinzen, K.G., Reamer, S.K., Marco, S. 2021. Reconstructing the slip velocities of the 1202 and 1759 CE earthquakes based on faulted archaeological structures at Tell Ateret, Dead Sea Fault. *Journal of Seismology* 4 (25), 1021—1042.

Silva et al. 2020: Silva, P.G., Elez, J., Giner-Robles, J.L., Pérez-López, R., Roquero, E., Rodríguez-Pascua, M.Á. 2020. Reappraisal of the 1863 Huércal-Overa earthquake (Betic Cordillera, SE Spain) by the fnalysis of ESI-07 environmental effects and building oriented damage. *Geosciences* 10 (8), 303.

Similox-Tohon et al. 2006: Similox-Tohon, D., Sintubin, M., Muchez, P., Verhaert, G., Vanneste, K., Fernandez, M., Vandycke, S., Vanhaverbeke, H., Waelkens, M. 2006. Identification of an active fault by a multidisciplinary study at the archaeological site of Sagalassos (SW Turkey). *Tectonophysics* 3—4 (420), 371—387.

Stiros, S., Jones, R.E. (ed.). 1996. Archaeoseismology. *Fitch Laboratory occasional paper 7*. Athens: British School of Athens.

Stiros, S.C. 2020. Monumental articulated ancient Greek and Roman columns and temples and earthquakes: archaeological, historical, and engineering approaches. *Journal of Seismology* 4 (24), 853—881.

Wells, D.L., Coppersmith, K.J. 1994. New empirical relationships among magnitude, rupture length rupture width, rupture area, and surface displacement. *Bulletin of the Seismological Society of America* 4 (84), 974—1002.

Zhang et al. 1986: Zhang, B.C., Liao, Y.H., Guo, S.M., Wallace, R.E., Bucknam, R.C., Hanks, T.C. 1986. Fault Scarps Related to the 1739 Earthquake and Seismicity of the Yinchuan Graben, Ningxia Huizu Zizhiqu, China. *Bulletin of the Seismological Society of America* 5 (76), 1253—1287.

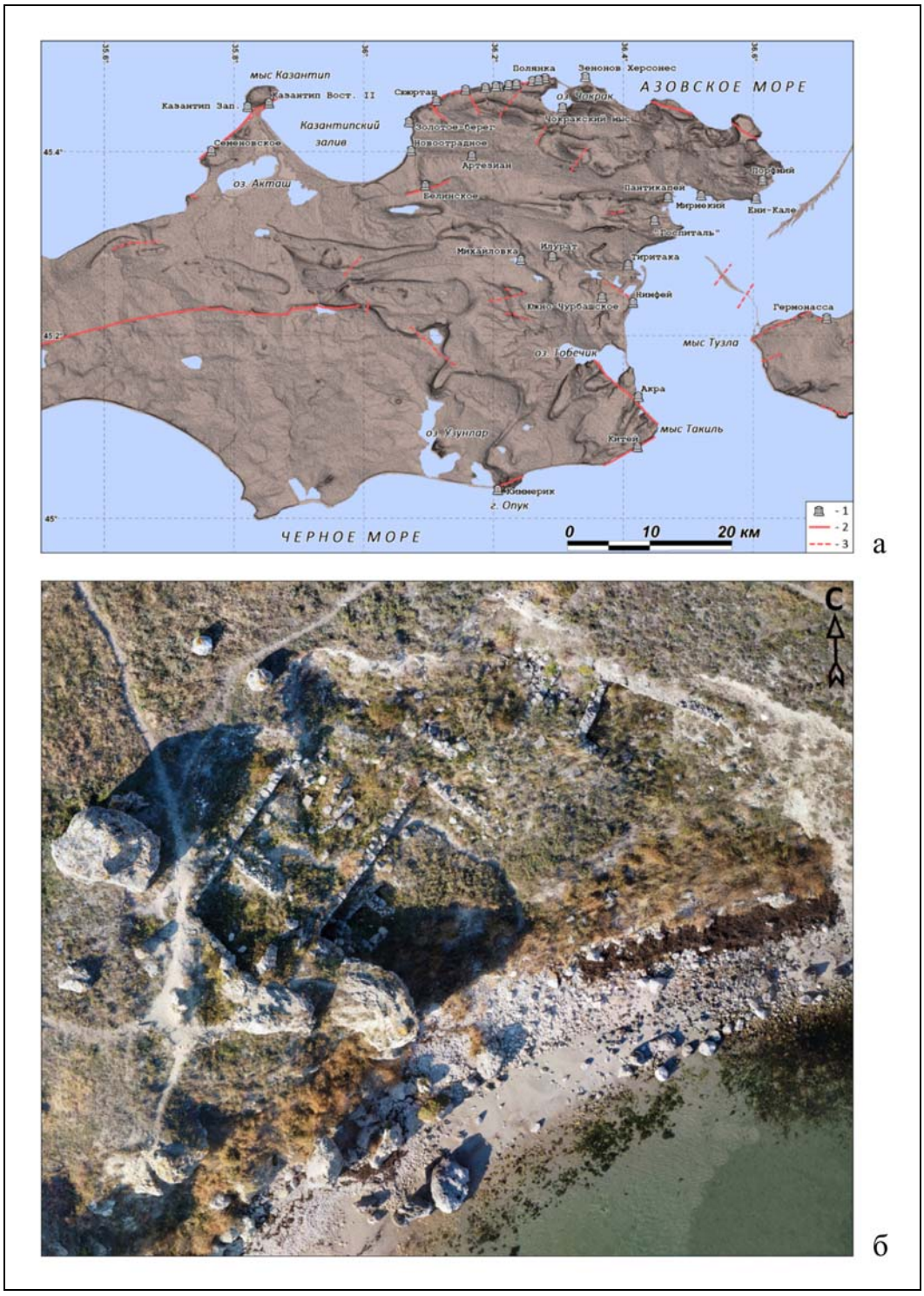


Рис. 1. Местоположение городища Казантип Восточный II. а) Обзорная схема Керченского п-ова: *1* — археологические памятники с изученными следами землетрясений; *2* — активные разломы с изученными следами сейсмотектонических смещений; *3* — предполагаемые активные разломы по структурно-геоморфологическим и дистанционным данным. **б) Снимок раскопов городища Казантип Восточный II с БПЛА 2021 г.**

Fig. 1. Location of the settlement of Kazantip Vostochny II. a) Overview scheme of the Kerch Peninsula: *1* — archaeological sites with studied traces of earthquakes; *2* — active faults with studied traces of seismotectonic displacements; *3* — suspected active faults according to structural-geomorphological and remote data. **б) A snapshot of the excavations of the Kazantip Vostochny II settlement from a UAV in 2021.**

Рис. 2. Левостороннее горизонтальное смещение субширотной стены в СВ части раскопа на 35 см.: а) Вид разорванной стены с БПЛА 2021 г. Синяя линия — южный фас стены, красная линия — разрыв; б) Детальный вид разорванной стены сверху, снятый с высоты роста человека в 2021 г. Синие линии — южный фас деформированной стены, красная — линия разрыва.

Fig. 2. Left-sided horizontal displacement of the sublatitudinal wall in the upper part of the excavation by 35 cm.: a) View of the torn wall from the UAV 2021. The blue line is the southern face of the wall, the red line is the gap; б) A detailed view of the torn wall from above, taken from a height of human growth in 2021. blue lines — the southern face of the deformed wall, red — the line of rupture.

Рис. 3. Развороты пакетов блоков по часовой стрелке вокруг вертикальной оси в зоне разрыва. Фотография 2021 г. Вид на запад. Показаны азимуты простирания повернутых пакетов и недеформированной части стены.

Fig. 3. Clockwise turns of block packages around the vertical axis in the break zone. Photo 2021. View to the west. The azimuths of the stretch of the rotated packages and the undeformed part of the wall are shown.

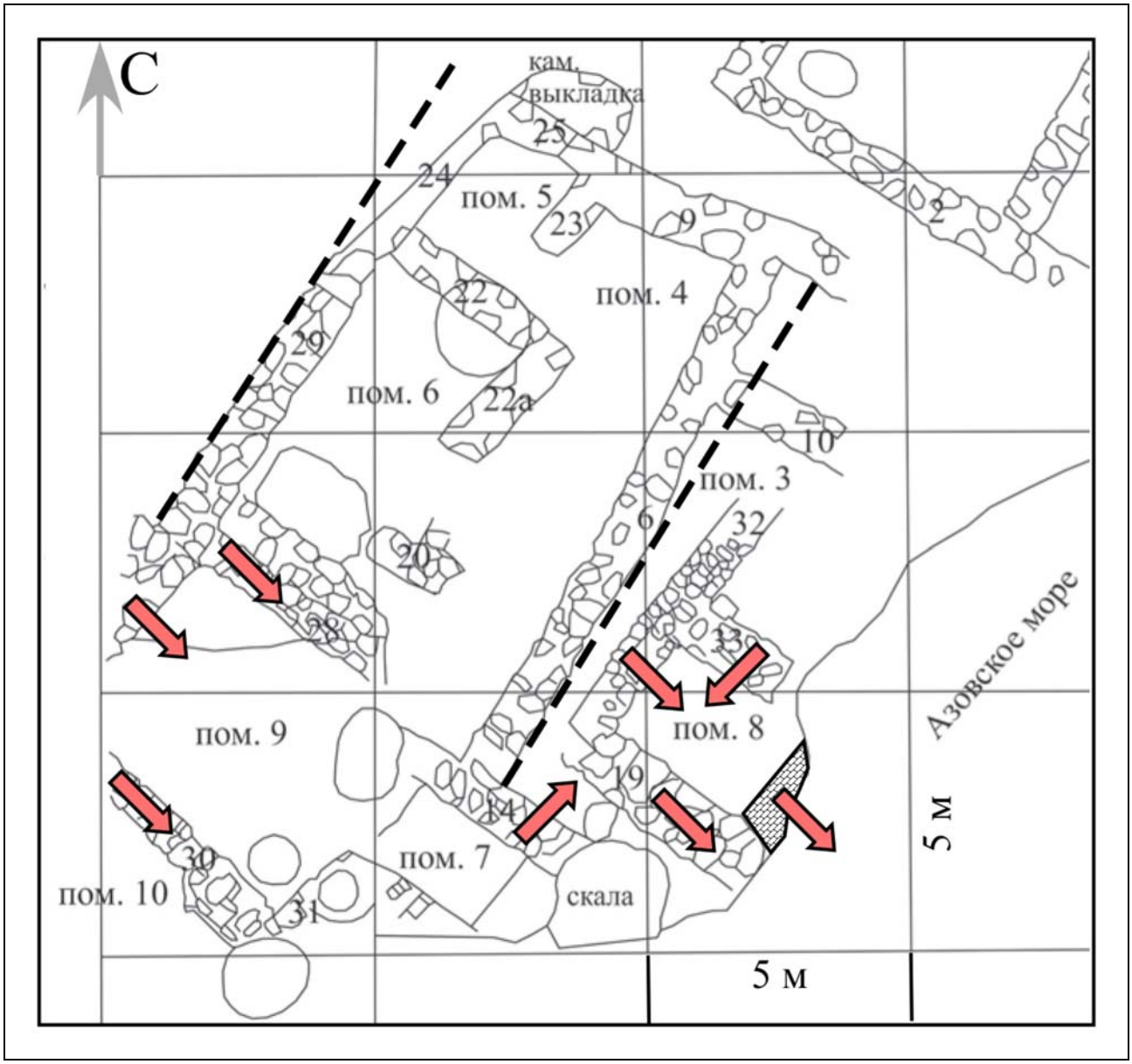


Рис. 4. Поселение Казантип Восточный II. План строительных остатков. Изменения по (Ковальчук 2013). Красные стрелки — направление смещения грунта во время сейсмического воздействия. Штриховые линии показывают первоначальное простирание стен ССВ простирания.

Fig. 4. The settlement of Kazantip Vostochny II. The plan of construction remains. With changes to (Kovalchuk 2013). The red arrows indicate the direction of displacement of the soil during seismic action. The dashed lines show the initial stretch of the CER walls of the stretch.

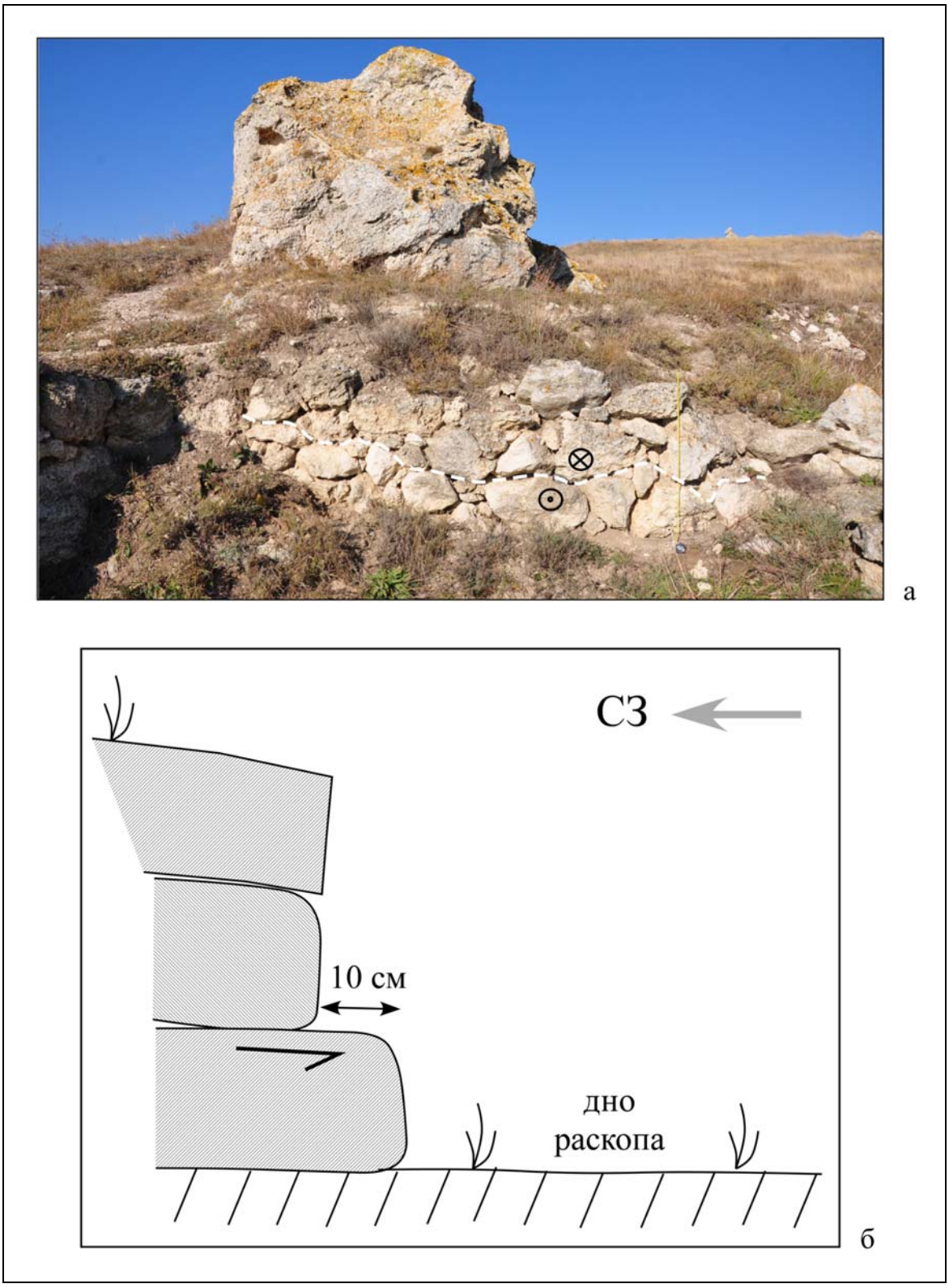


Рис. 5. Выдвижение в СЗ направлении всей верхней части СЗ стены помещения 9: а) Фотография, вид на СЗ; б) Схематическая внемасштабная зарисовка. План. Односторонняя стрелка показывает направление движение грунта с нижним рядом камней.

Fig. 5. Extension in the NW direction of the entire upper part of the NW wall of the room 9: a) Photo, view of the NW; б) Schematic extra-scale sketch. Plan. The one-way arrow shows the direction of movement of the ground with the lower row of stones.

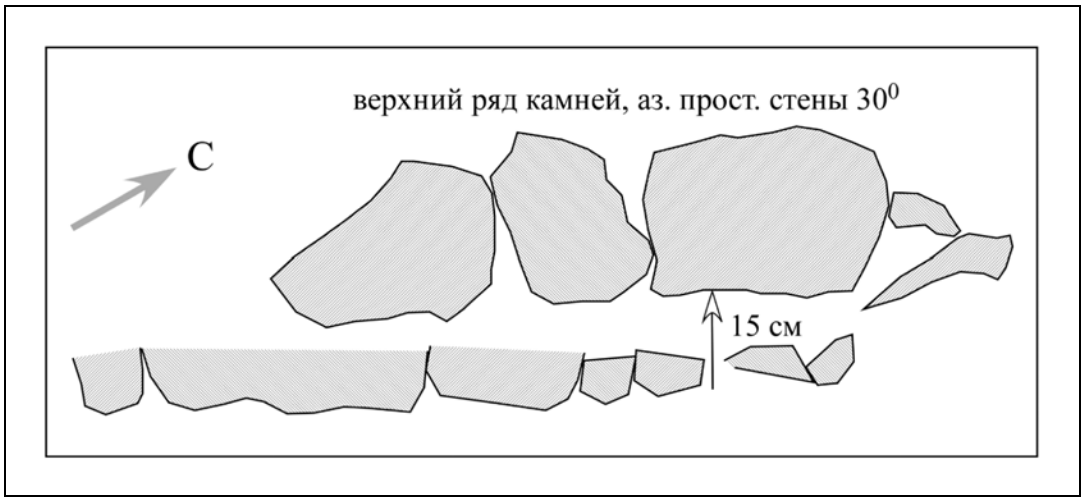


Рис. 6. Смещение верхнего ряда камней СЗ стены помещения 8 при сильном древнем землетрясении. Схематическая внемасштабная зарисовка. План.

Fig. 6. Displacement of the upper row of stones near the wall of room 8 during a strong ancient earthquake. Schematic extra-scale sketch. Plan.

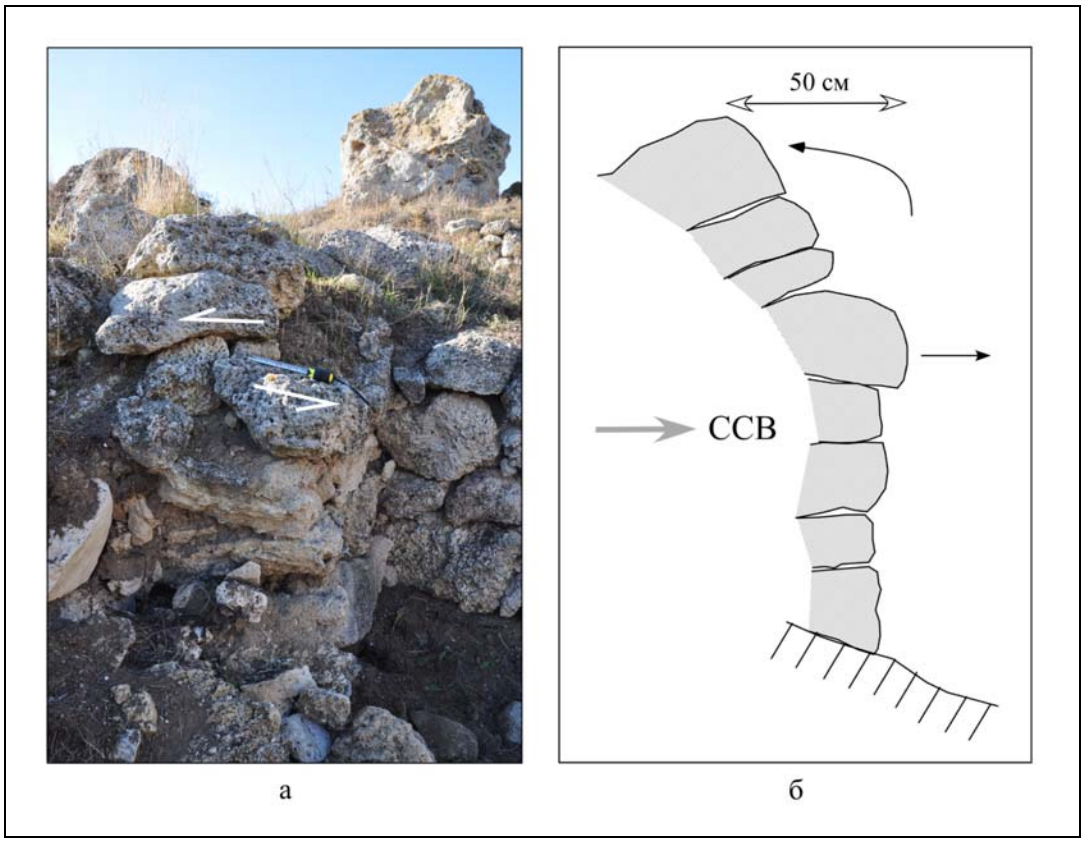


Рис. 7. Срыв и наклон верхних рядов каменной кладки внутрь помещения 7: а) Фотография, вид на запад. Односторонние стрелки показывают плоскость субгоризонтального разрыва; б) Схематическая внемасштабная зарисовка, разрез.

Fig. 7. The breakdown and slope of the upper rows of masonry into the room 7: a) Photo, view to the west. The one-sided arrows show the plane of the subhorizontal gap; б) Schematic extra-scale sketch, section.

Рис. 8. Смещение нижнего ряда камней — остатков ЮВ стены помещения 8 в СЗ направлении. Смещение от подтесанного участка скалы составило 10 см. Один из камней при движении развернулся по часовой стрелке.

Fig. 8. Displacement of the lower row of stones — remnants of the SE wall of room 8 in the NW direction. The displacement from the trimmed section of the rock was 10 cm. One of the stones turned clockwise when moving.

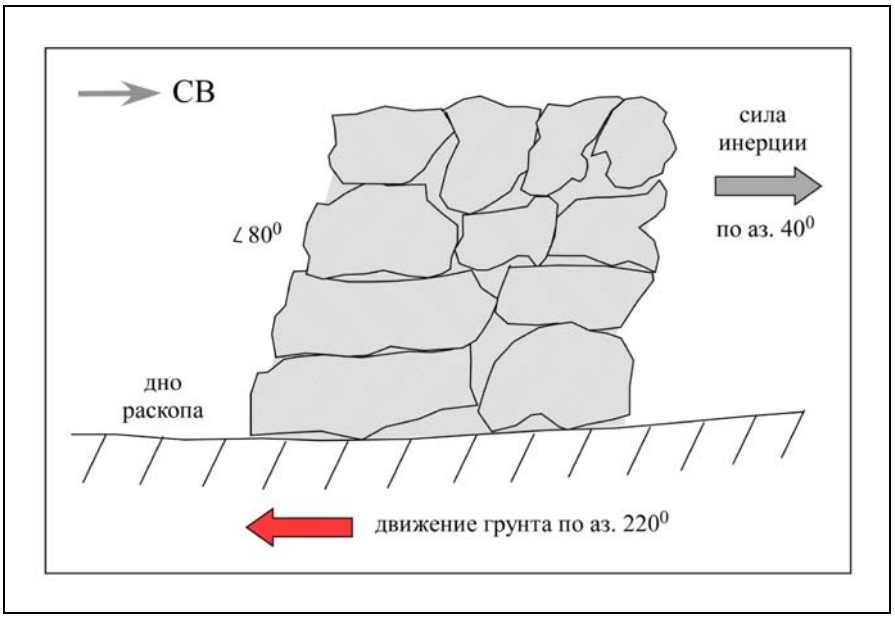


Рис. 9. Наклон оставшейся части стены 33 в помещении 8 в СВ направлении. Схематическая внемасштабная зарисовка, разрез.

Fig. 9. The slope of the remaining part of the wall 33 in room 8 in the right direction. Schematic extra-scale sketch, section.

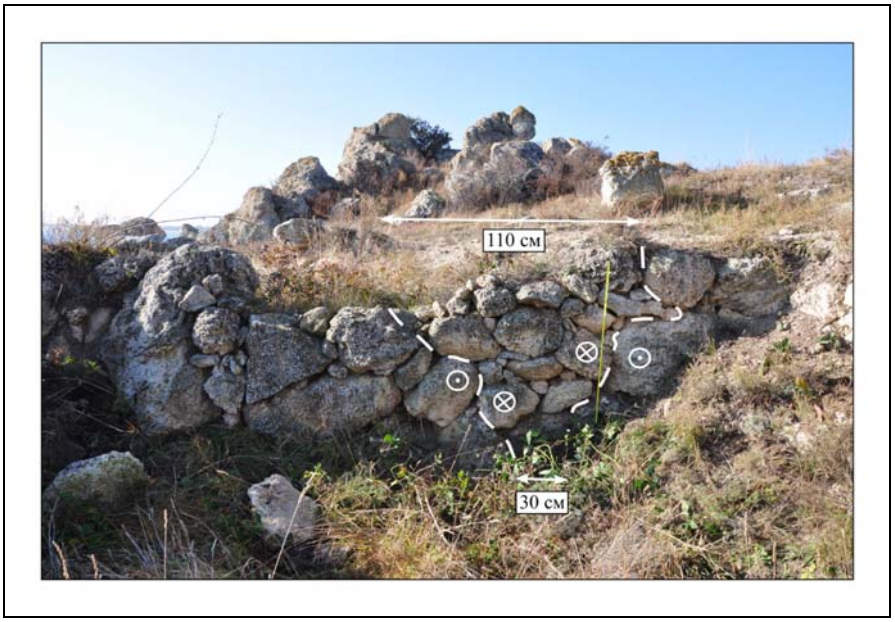


Рис. 10. ЮЗ стена помещения 9 в своей центральной части выдвинулась на ЮЗ. Фотография ее СВ фаса 2021 г. Штриховые линии — поверхности сопряженных разрывов, по которым произошло выдвижение. Кружочек с перекрестием (хвост стрелы) — выдвинувшаяся от зрителя часть каменной кладки. Кружочек с точкой (острие копья) — движение в сторону зрителя.

Fig. 10. SW the wall of room 9 in its central part moved to the SW. A photo of her face in 2021. Dashed lines are the surfaces of conjugate discontinuities along which the extension occurred. A circle with a crosshair (arrow tail) is a part of the masonry that has moved out from the viewer. A circle with a dot (the tip of a spear) — movement towards the viewer.

Рис. 11. Выдвижение и наклон СВ стены 28 в комнате 9 в СВ направлении по двум сопряженным плоскостям: а) Вид на СВ. Сплошные линии — разрывы. Кружочек с перекрестием (хвост стрелы) — выдвинувшаяся от зрителя часть каменной кладки. Кружочек с точкой (острие копья) — движение в сторону зрителя; б) Вид на СЗ. Справа видна первичная стена. Штриховые линии — разрывы. Односторонние стрелки — направление выдвижения.

Fig. 11. Extension and inclination of the SV wall 28 in room 9 in the SV direction along two conjugate planes: a) View of St. Solid lines are breaks. A circle with a crosshair (arrow tail) is a part of the masonry that has moved out from the viewer. A circle with a dot (the tip of a spear) is a movement towards the viewer; b) View of the NW. The primary wall is visible on the right. Dashed lines are breaks. One-way arrows extension direction.

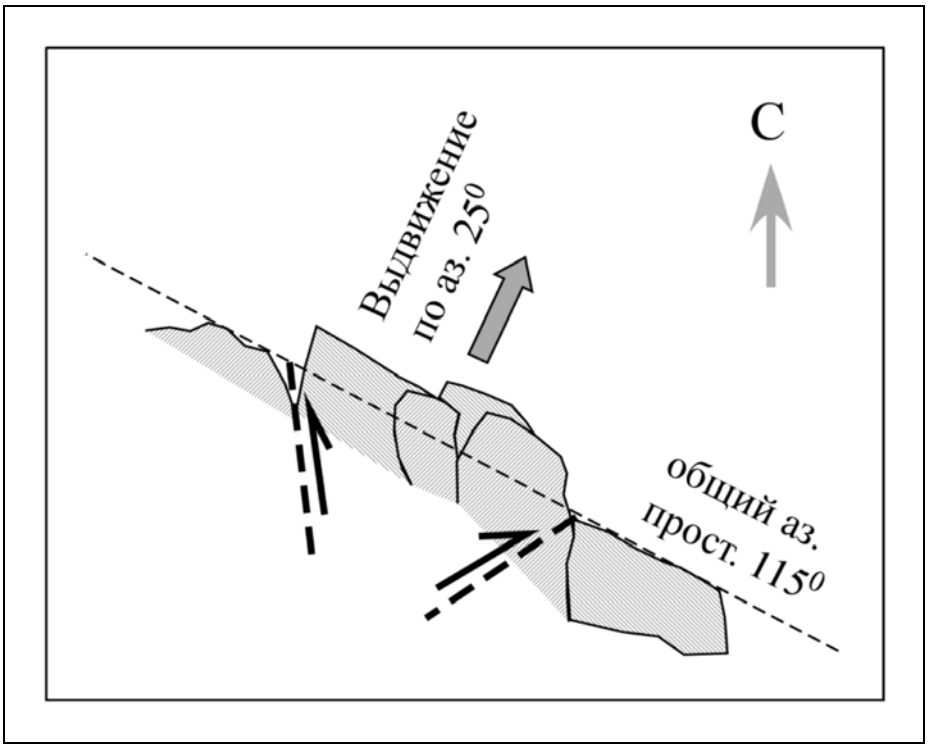


Рис. 12. Выдвижение на СЗ пакета камней в центральной части стены 19 в комнате 8. Схематическая внемасштабная зарисовка, план.

Fig. 12. The extension of a package of stones in the central part of the wall 19 in room 8. Schematic extra-scale sketch, plan.

Рис. 13. Общий вид района городища с тектоническими разрывами (красные линии), точками георадарного профиля и положением выявленных сейсмотектонических смещений. Фотоплан 2021 г.

Fig. 13. General view of the area of the settlement with tectonic discontinuities (red lines), points of the georadar profile and the position of the detected seismotectonic displacements. Photoplane 2021.

Рис. 14. Разрывы СЗ простирания к востоку от городища: а) Строение тектонического рва СЗ простирания в разрезе мшанковых известняков. Вид на СЗ; б) Ступенчатые уступы вдоль разрывов СЗ простирания на восточном склоне мыса непосредственно к востоку от городища. Вид на ЮЗ.

Fig. 14. The gaps of the NW stretch to the east of the settlement: a) The structure of the tectonic moat of the NW strike in the section of mossy limestones. View of the NW; b) Stepped ledges along the breaks of the NW stretch on the eastern slope of the cape directly to the east of the settlement. View of the SW.

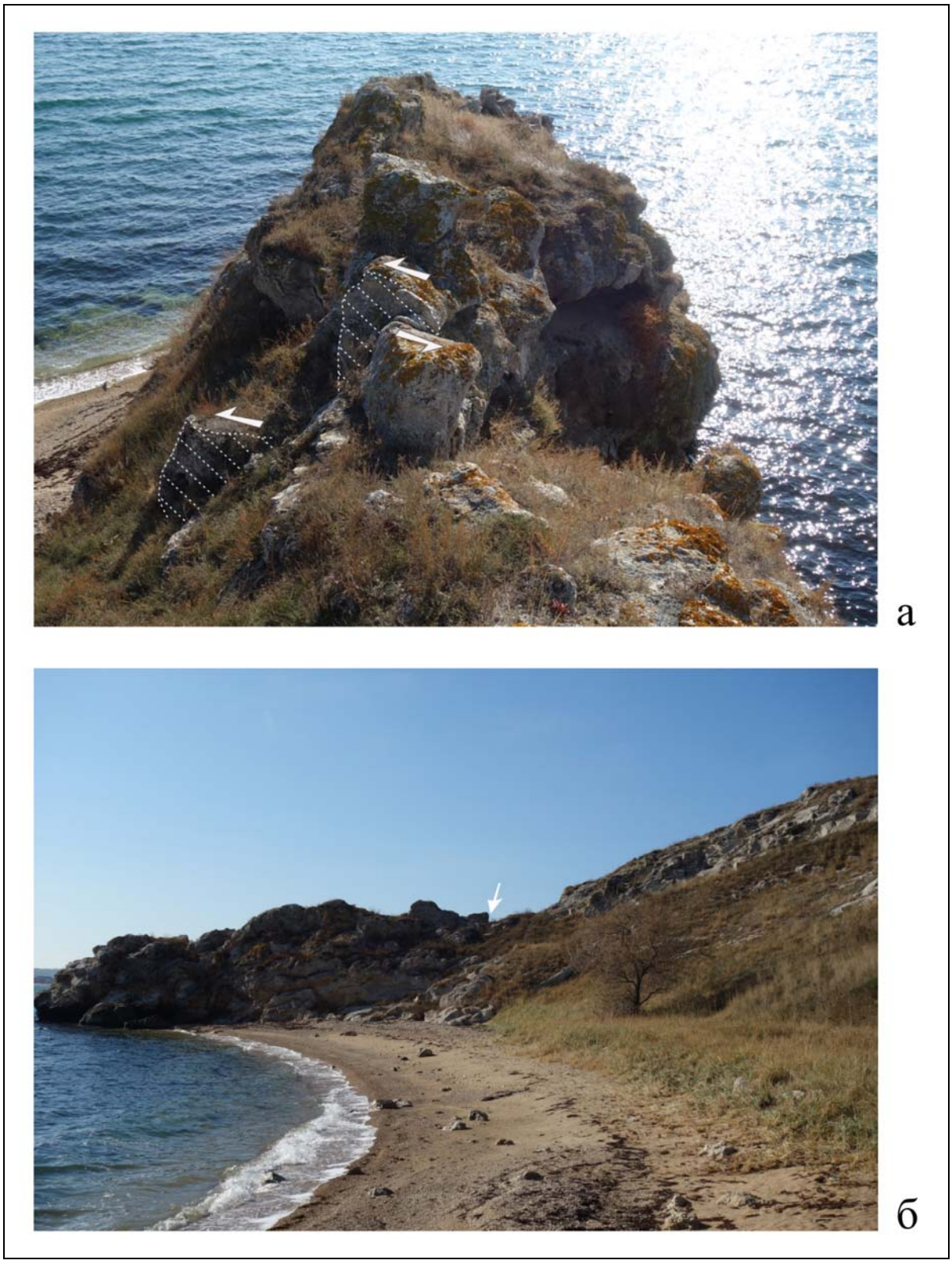


Рис. 15. Сдвиг гребня к востоку от городища (положение сдвига см. на рис. 13): а) Вид на ЮВ. Заштрихована плоскость наиболее молодой подвижки; б) Вид на запад. Сдвиг показан стрелкой.

Fig. 15. The shift of the ridge to the east of the settlement (see the position of the shift in Fig. 13): a) View of the SE. The plane of the youngest movement is shaded; b) View to the west. The shift is indicated by an arrow.

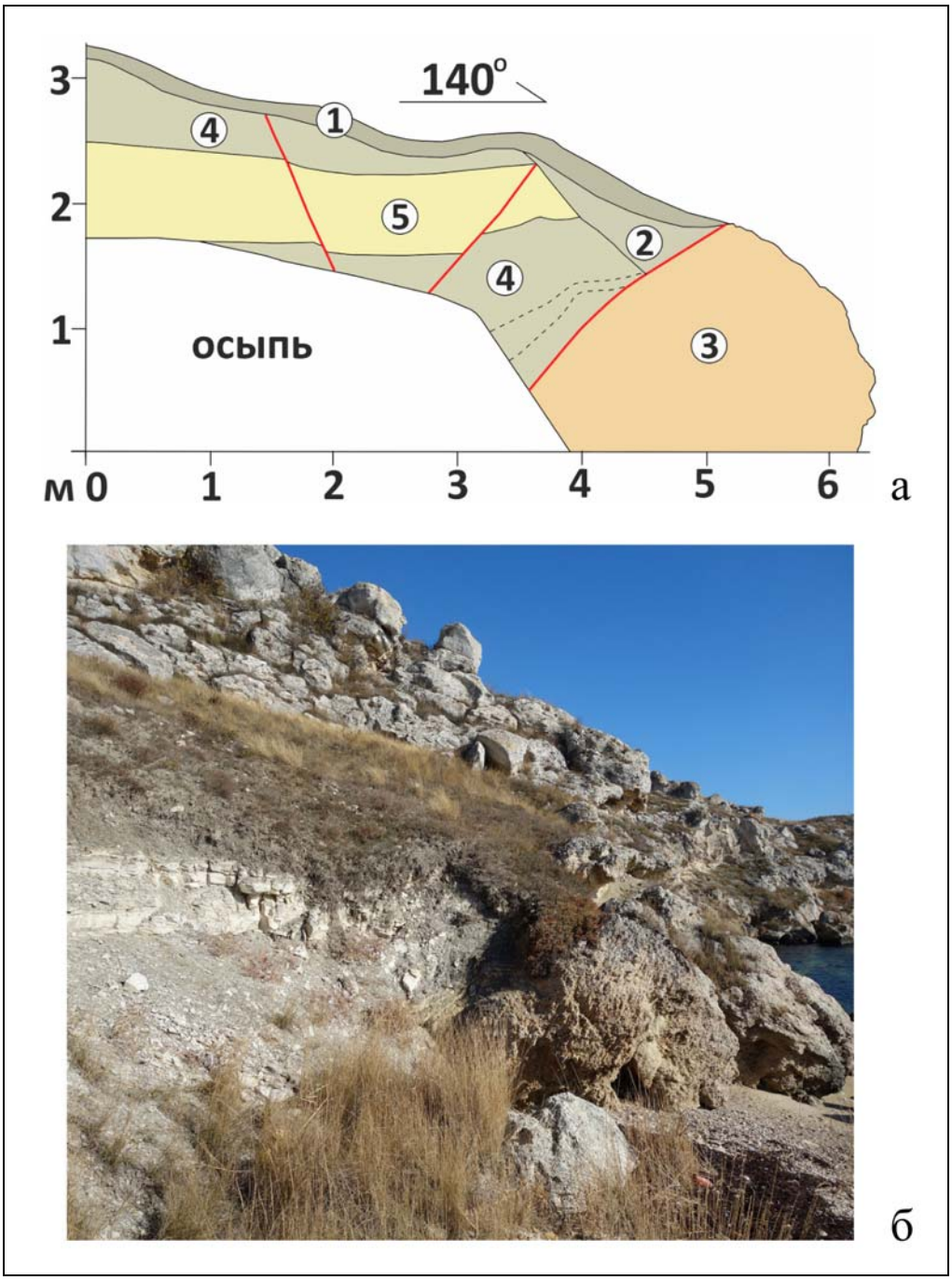


Рис. 16. Строение сдвигового разрыва СВ простирания к востоку от городища (положение разреза см. на рис. 13): а) Схематическая зарисовка обнажения. Красные линии – тектонические разрывы. *1* — современные склоновые отложения с тонким гумусовым горизонтом почвенного профиля; *2* — более древние склоновые накопления в тектонической ловушке; *3* — мшанковые известняки мэотического яруса неогена; *4, 5* — отложения межрифового заполнения мэотического яруса неогена (*4* — глины; *5* — тонкое переслаивание мергелей и глин); б) Общий вид обнажения и разрыва.

Fig. 16. The structure of the shear rupture of the SV strike to the east of the settlement (see the position of the section in Fig. 13): a) Schematic sketch of the outcrop. Red lines are tectonic breaks. *1* — modern slope deposits with a thin humus horizon of the soil profile; *2* — older slope accumulations in a tectonic trap; *3* — mossy limestones of the Meotic stage of the Neogene; *4, 5* — deposits of inter-reef filling of the meotic stage of the Neogene (*4* — clays; *5* — thin interlayer of marls and clays); b) General view of exposure and rupture.

Рис. 17. Левый сдвиг СВ простирания к западу от городища (положение см. на рис. 13): а) Наиболее молодой сдвиговый разрыв обвальной глыбы; б) Общий вид на ЮЗ, разрыв показан стрелкой.

Fig. 17. The left shift of the SV prostration to the west of the settlement (see the position in Fig. 13): a) The youngest strike-slip rupture of an landslide block; b) General view to the SW, the gap is shown by an arrow.

Рис. 18. Крупный скальный оползень в 300—400 м к востоку от городища.

Fig. 18. A large rock landslide 300—400 m to the east of the settlement.

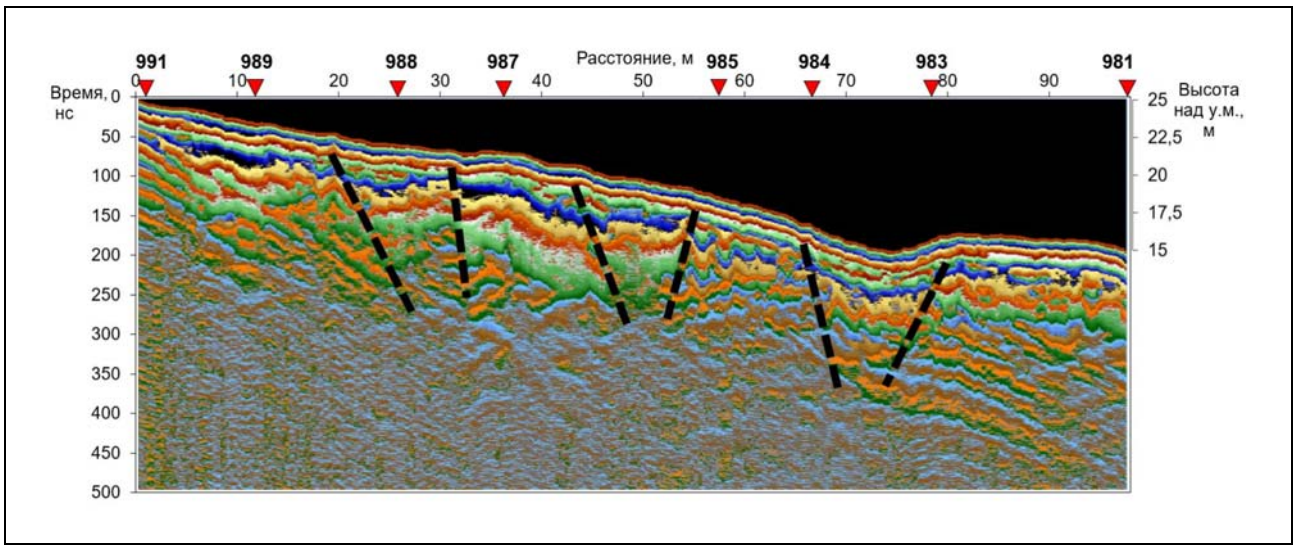


Рис. 19. Георадарный профиль: штриховая линия — предполагаемые линии разлома.

Fig. 19. Georadar profile: dashed line — assumed fault lines.

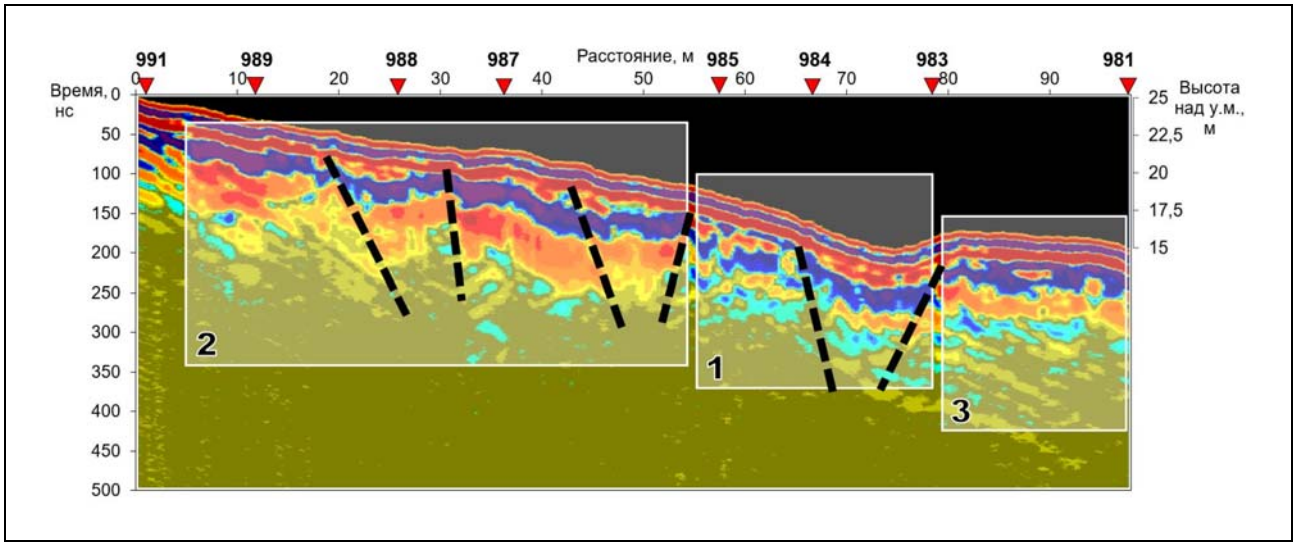


Рис. 20. Георадарный профиль: *1* — зона трещиноватости, нарушения осей синфазности и повышенного затухания сигнала; *2* — зона с регулярной структурой, без существенных нарушений; *3* — часть профиля, проходящая вдоль моря.

Fig. 20. Georadar profile: *1* — zone of fracturing, violation of the axes of in-phase and increased signal attenuation; *2* — zone with a regular structure, without significant violations; *3* — part of the profile passing along the sea.

DOI: 10.53737/7020.2023.61.96.007

М.Ю. Трейстер

СОСУДЫ «ШКОЛЫ АМПСАЛАКА» И ПАРФЯНСКОЕ СЕРЕБРО*

Среди серебряных сосудов из кочевнических погребений Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья среднесарматского времени выделяется группа сосудов разных форм, которые объединяет техника декора. Изображения выполнены в плоскостной манере, контуры переданы длинными прочерченными линиями. Изображения, а также орнаментальные фризы покрыты позолотой. На рубеже 1980-х — 1990-х годов, когда я готовил публикацию сосудов из Косики, мне было очевидно, что указанная группа сосудов представляет собой уникальное собрание, которое по целому ряду признаков могло быть выполнено в кочевнической среде специально для их знати. По надписи на тазе, в которой упоминался некий Ампсалак, сделавший его, я условно обозначил эту группу сосудов работами «школы Ампсалака», впоследствии внеся определенные коррективы в хронологию указанной мастерской, но не отказавшись от ее выделения.

Ни в одной из опубликованных в последние десятилетия работ, в которых сосуды из Косики относят к изделиям парфянских мастерских, нет ни одной параллели с парфянскими серебряными сосудами (!). Либо авторам таковые неизвестны, либо они не считают нужным обосновать свои атрибуции. С другой стороны, стремление отнести указанные сосуды к парфянской продукции вполне вписывается в тенденцию если и не отрицать возможность существования ремесленников-торевтов и их мастерских в кочевых обществах, в том числе и у сарматов, то ставить ее под большое сомнение. Стоящие на таких позициях исследователи демонстрируют незнание широко известных фактов о развитии ремесла, в том числе металлообработки, в кочевых обществах Евразии.

Данная работа представляет попытку апдейта, с учетом новых находок, публикаций и атрибуций, появившихся за последние почти тридцать лет после издания статьи 1994 г.

Как можно реконструировать появление рассматриваемых сосудов?

Рассматривать их все как импортные — оснований нет.

Обращает на себя внимание сочетание орнаментальных мотивов, характерных для торевтики селевкидско-парфянского круга. В то же время, такие важные компоненты, как композиция декора, размеры и соотношение отдельных элементов розетт, примитивное исполнение орнаментальных мотивов, в частности на фризе с побегами растительного орнамента или на розеттах, позволяют говорить о том, что мастер(а), исполнивший(ие) эти сосуды (Косика, Вербовский), был(и), безусловно, знаком с произведениями торевтики Ближнего Востока, Передней и Центральной Азии, но не видел их прототипов и не понимал значение и роль элементов и композиции декора, т.е. являлся представителем другой культуры. Однако это не означает автоматически, что рассматриваемые сосуды обязательно вышли из мастерских Парфии. Традиция изготовления кубков с ручками в форме фигурок животных имеет очень широкое распространение.

На общем фоне выделяется кувшин из Высочино, в котором и уровень исполнения декора выше, и значительно разнообразнее сам репертуар изображений, многие из которых характерны для торевтики селевкидско-парфянского круга. Тем не менее, и здесь изображения выполнены неаккуратно, линии зачастую дублируются, фигуры выходят за рамки фризов, а из всего богатого технического репертуара торевтов Ближнего и Переднего Востока мастер предпочитал резец. Статика и примитивизм особенно бросаются в глаза в изображениях человеческих фигур в сценах рыбной ловли.

Так или иначе, кувшин из Высочино, подвергшийся переделке с дополнением зооморфной ручкой (как и привозной лутерий из Новоалександровки), для номадов Нижнего Подонья был, безусловно, вещью привозной. В то же время, форма этого кувшина, не имеющая прототипов в Передней или Центральной Азии и находящая аналогии в гончарной серолощеной керамике Азиатской Сарматии, скорее говорит о том, что кувшин мог быть выполнен специально для представителя кочевой элиты.

* Статья поступила в номер 7 марта 2023 г.
Принята к печати 22 марта 2023 г.

© М.Ю. Трейстер, 2023.

В целом кувшин из Высочино можно рассматривать как промежуточное звено между произведениями торевтики, выполненными в мастерских Ближнего Востока или Передней Азии, и группой сосудов из Косики и Вербовского. Данные сосуды, декор которых подражал парфянским или селевкидским прототипам, а техника — технике декора кувшина из Высочино, сразу изготавливались (в тех случаях, когда это было необходимо) с зооморфными ручками. По сравнению с кувшином из Высочино резко изменился и репертуар изображений. Это не «мирные» сцены рыбной ловли, изображения рыб, дельфинов, морских драконов и водоплавающих птиц, а сцены охоты, сражений или терзания животных грифонами, которые очевидно в большей степени соответствовали пожеланиям заказчиков.

Отмеченные особенности изображений на сосудах из Косики дают основания как для хронологических заключений, так и предположений о происхождении мастера. Что касается датировки, то весь круг аналогий свидетельствует о том, что отнесение сосудов к I в. до н.э. вполне оправданно. Определенные отличия и в передаче аналогичных изображений и их деталей на сосудах из Косики, Вербовского и коллекции С.И. Григорьянца и уровень мастерства позволяет предполагать работу разных мастеров. На общем фоне бросается в глаза определенная небрежность в передаче деталей на кубке из Вербовского. Это дает возможность предполагать не только изготовление рассматриваемых сосудов разными мастерами, но и в разное время в рамках середины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э.

Эта реконструкция, основанная только на анализе форм сосудов, сюжетов, декоративных мотивов, форм и техники исполнения декоративных элементов без учета исторических реконструкций, тем не менее, прекрасно согласуется с той реконструкцией, которая мною была выполнена изначально и, безусловно, под влиянием прочтения и трактовки надписи на тазе из Косики.

Ключевые слова: Азиатская Сарматия, Нижнее Поволжье, Нижнее Подонье, междуречье Дона и Волги, Парфия, торевтика, серебряные сосуды, «школа Ампсалака».

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

THE VESSELS OF THE “AMPSALAKOS SCHOOL” AND THE PARTHIAN SILVER

Among the finds of silver vessels from the nomadic burials of the Lower Don and Lower Volga regions of the Middle Sarmatian period, a group of vessels of different shapes stands out, which are united by the decoration technique. The images are made in a planar manner, the contours are executed by long incised lines. Images, as well as ornamental friezes are gilded. At the turn of the 1980s — 1990s, when I was preparing the publication of vessels from Kosika, it was obvious to me that this group of vessels is a unique collection, which, according to a number of features, could have been made in a nomadic environment especially for their nobility. According to the inscription on the basin, which mentioned a certain Ampsalakos, who made it, I conditionally designated this group of vessels as the works of the “Ampsalakos school”, later on making certain adjustments to the chronology of the work of this workshop, but without refusing to single it out.

In none of the works published in recent decades, in which the vessels from Kosika are attributed to the products of the Parthian workshops, there is not a single parallel with the Parthian silver vessels (!). Either the authors are not aware of these, or they do not consider it necessary to substantiate their attributions. On the other hand, the desire to attribute these vessels as Parthian products is quite in line with the trend, if not to deny the possibility of the existence of artisans-toreuts and their workshops in the nomadic societies, including the Sarmatians, then to cast it into serious doubt. The researchers who take such positions demonstrate ignorance of the widely known facts about the development of crafts, including metalworking, in the nomadic societies of Eurasia.

This work is an attempt to update, taking into account new finds, publications and attributions that have appeared in the last almost thirty years after the publication of my article in 1994.

How can the appearance of the vessels under discussion be reconstructed?

There is no reason to consider them all as imported. Noteworthy is the combination of ornamental motifs characteristic of the toreutics of the Seleucid-Parthian circle. At the same time, such important components as the composition of the decoration, the size and correlation of individual elements of the rosettes, the

primitive execution of ornamental motifs, in particular on the frieze with shoots of floral ornament or on the rosettes, allow us to say that the craftsman who made these vessels (Kosika, Verbovskiy), was, of course, familiar with the works of toreutics of the Middle East, Western and Central Asia, but did not see their prototypes and did not understand the meaning and role of the elements and composition of the decoration, belonging to a different culture. However, this does not automatically mean that the vessels in question necessarily came from the workshops of Parthia. The tradition of making goblets with handles in the form of animal figurines was very widespread.

Against the general background, a jug from Vysochino stands out, in which the level of decoration is higher, and the repertoire of images is much more diverse, many of which are characteristic of the Seleucid-Parthian toreutics. However, even here the images are made inaccurately, the lines are often duplicated, the figures go beyond the friezes, and from all the rich technical repertory of the Middle and Near Eastern toreutics, the master preferred the cutter. Statics and primitivism are especially striking in the depictions of human figures in the fishing scenes.

One way or another, the jug from Vysochino, which was altered with the addition of a zoomorphic handle (like imported *luterion* from Novoaleksandrovka), for the nomads of the Lower Don was, of course, an imported item. At the same time, the shape of this jug, which has no prototypes in Western or Central Asia and finds parallels in grayware polished ceramics of Asian Sarmatia, rather suggests that the jug could have been made specifically for a representative of the nomadic elite.

On the whole, the jug from Vysochino can be regarded as an intermediate link between the works of toreutics made in the workshops of the Middle East or Western Asia and the group of vessels from Kosika and Verbovskiy. These vessels, the decoration of which imitated the Parthian or Seleucid prototypes, and the technique of decorating the jug from Vysochino, were originally made (in those cases when it was necessary) with zoomorphic handles. Compared to the jug from Vysochino, the set of images has also changed dramatically. These are not the “peaceful” scenes of fishing, images of fish, dolphins, sea dragons and waterfowl, but scenes of hunting, battles or animals being tormented by griffins, which obviously corresponded to the tastes of the customers to a greater extent.

The above-mentioned features of the images on the vessels from Kosika give grounds for both chronological conclusions and assumptions about the origin of the craftsmen. As for dating, the entire range of parallels indicates that the assignment of vessels to the 1st century BCE is quite justified. There are certain differences in the rendering of similar images and their details on the vessels from Kosika, Verbovskiy, and the collection of S.I. Grigoryants and the level of skill allows us to assume the work of different craftsmen. Against the general background, a certain negligence in the rendering of details on the goblet from Verbovskiy is striking. This makes it possible to assume not only the manufacture of the vessels under discussion by different craftsmen, but also at various times in frames of the mid-1st century BCE —first half of the 1st century CE.

This reconstruction, based only on the analysis of the forms of vessels, subjects, decorative motifs, forms and techniques of execution of decorative elements without taking into account historical reconstructions, nevertheless, is in perfect agreement with the reconstruction that I originally carried out and, of course, under the influence of reading and interpretation of the inscription on the basin from Kosika.

Key words: Asian Sarmatia, Lower Volga, Lower Don regions, interfluve of Don and Volga, Parthia, toreutics, silver vessels, “Ampsalakos school”.

About the author: Treister Mikhail, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Введение

Среди находок серебряных сосудов из кочевнических погребений Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья среднесарматского времени (рис. 1) выделяется группа сосудов разных форм, которые объединяет техника декора. Изображения сцен сражений, охоты, рыбной ловли, отдельных персонажей, орнаментальных фризов и розетт выполнены в плоскостной манере, без проработки рельефом. Контуры изображений переданы длинными прочерченными линиями. Мастера практически не использует чеканку. Лишь в отдельных случаях проработаны детали изображений, как правило, короткими насечками. Изображения, а также орнаментальные фризы покрыты позолотой. В случае с орнаментальными фризами

позолота может выходить за контуры изображений, что связано с тем, что края полосок золотой фольги, набивавшейся на основу, выходили за рамки фризов или элементов декора (например, лепестков или побегов розетт). В других случаях, когда речь идет о фигурных изображениях, золочение обычно ограничивалось контуром изображения. Кроме того, полосы золочения без декора использовались для украшения краев сосудов или их крышек или для разделения фигурных фризов.

Тот факт, что при оформлении декора сосудов практически не используется чеканка и оформление изображений в рельефе в технике репуссе, а предпочтение отдается гравировке существенно отличает рассматриваемую группу сосудов от произведений эллинистического восточного серебра (Gunter, Jett 1988: 53; Meyers 2015: 378—379).

Обращает на себя внимание тот факт, что изображения в такой технике и с таким исполнением позолоты присутствуют на сосудах (см. подробно Трейстер 2021г: 79—88):

а) которые изначально создавались с таким декором и не претерпели изменений (набор серебряных сосудов из погребения № 1/1984 у с. Косика (рис. 2—19)[1] (Трейстер 1994: 172—203; 2007: 47—50; Treister 2005: 223—255; Cat. Rome 2005: 136—143, nos. 92, 93, 95, 100; Трейстер 2021г: 79, 82, рис. 7—9), кубок, найденный в кургане № 4/1998 могильника Вербовский-II (рис. 20—29) (кат. № 1.1); серебряный кубок из коллекции С.И. Григорьянца (рис. 30—32) (кат. № 4.1),

б) на сосудах, у которых были в процессе использования внесены изменения, в частности утрачены изначальные ручки и добавлены зооморфные (кувшин из тайника № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (рис. 33—34): кат. № 2.1),

в) на импортных сосудах восточно-средиземноморского или причерноморского происхождения, на которые такие изображения были нанесены дополнительно (пара фиал из ритуального комплекса кургана № 11/1977 могильника Новоалександровка (рис. 35—36): Cat. Tokyo 1991a: 118, nos. 144—145; Cat. Glasgow 1996: 41; Максименко 1998: 234, рис. 51: 4, 7; Cat. Paris 2001: 192—193, nos. 211—212; Кат. Москва 2005: 24, № 28; Кат. Ст. Петербург 2008: 132, № 46; Kat. Leoben 2009, 254, Nr. 107; Трейстер 2010a: 80, рис. 9; 2021г: 85, рис. 12—17; Беспалый, Лукьяшко 2018: 36, рис. 19: 8; фото 2).

На рубеже 1980-х — 1990-х годов, когда я готовил публикацию сосудов из Косики, мне было очевидно, что указанная группа сосудов представляет собой уникальное собрание, которое по целому ряду признаков могло быть выполнено в кочевнической среде специально для их знати. По надписи на тазе из Косики (кат. № 3.2), в которой упоминался некий Ампсалак, сделавший его, я условно обозначил эту группу сосудов работами «школы Ампсалака» (Трейстер 1994), впоследствии внеся определенные коррективы в хронологию работы указанной мастерской, но не отказавшись от ее выделения (Treister 2005: 225—245)[2].

За более чем двадцатилетний срок, прошедший с публикации статьи 1994 г., были внесены определенные коррективы, касающиеся определения форм сосудов. Так, после находки в кургане № 4 могильника Вербовский-II в 1998 г. фрагментированного кубка с крышкой (кат. № 1.1), стало очевидно, что крышка с фигуркой орла из Косики относится не к полусферической чаше, а к кубку, украшенному сценами охоты и сражения. Впервые прорисовки и реконструкции этих двух кубков были опубликованы в 2006 г. (Сергацков 2006а: 58, рис. 6: 1—2; 2006б: 42—45; Мордвинцева, Хабарова 2006: 25, рис. 12 (реконструкция только сосуда из Вербовского); 32).

В 1993 г. была опубликована большая коллекция парфянского серебра, поступившая в Музей П. Гетти (Pfrommer 1993; Cat. Malibu 2022: 215—223, nos. 106—113), а сравнительно недавно — крупное собрание серебряных сосудов эллинистического времени, происходящих также вероятно с территории Ирана и Афганистана, из коллекции аль-Сабаха в Катаре (Carter 2015; Coloru 2018: 101—

[1] **Кубок с крышкой**: кат. № 3.1 (рис. 2—10). — **Таз**: кат. № 3.2 (рис. 11—13). — **Чаша**: кат. № 3.3 (рис. 14—16). — **Пиксида**: кат. № 3.4 (рис. 17—19).

[2] Достаточно подробный обзор различных точек зрения как на датировку погребения, так и интерпретацию найденных в нем серебряных сосудов: см. Туаллагов 2013: 20—32; 2014а: 47—64.

104). В любом случае не следует забывать и важные в качестве сравнительно материала относительно достоверные комплексы, ставшие известными еще в первой половине 20 в. К ним относится так наз. клад из Нихаванда, или сокровище Карен-Пехлевидов или Зафар Султана, который был найден предположительно в 1910 или 1911 г. в сводчатой гробнице в окрестностях Нихаванда (Herzfeld 1928: 21—27; Cat. Toledo 1977: 72—76, nos. 36—41). В 1920-х или 1930-х гг. в провинции Мазендеран были предположительно найдены серебряные сосуды, два из которых опубликованы (Cat. Toledo 1977: 82—83, nos. 45—46). Особое значение имеют надежно датированные I в. до н.э. богатые погребальные комплексы из Южной Армении, открытые в Сисиане в 1970 г. (Khachatrian 1989: 297—310; Хачатрян 2009; Khachatryan 2011: 9—86) и в Сонасаре — в 2010 г. (Хачатрян 2013: 61—82), в которых представлены в том числе и серебряные сосуды.

Я уже анализировал отдельные изображения на кувшине из Высочино (кат. № 2.1), в частности изображения Сциллы (Трейстер 1994: 191—192), рыболовов (Трейстер 1994: 193), рыб и дельфинов (Трейстер 1994: 193), птиц (Трейстер 1994: 194), коз в геральдической позе (Трейстер 1994: 195), уделив значительно меньшее внимание орнаментальным фризам в виде «бегущей волны» и ступенчатых пирамидок (Трейстер 1994: 195). С.И. Лукьяшко попытался связать образы, украшающие кувшин, с иранской космологией (Лукьяшко 2000: 163—171; 2008: 58—61; ср. Королькова 2012а: 140—141), при этом, как такового анализа сюжетов в его работе за редким исключением нет, что не помешало исследователю прийти к выводу о том, что кувшин вероятнее всего был изготовлен в Парфии (Лукьяшко 2000: 168). Подобным же путем пошел и А.А. Туаллагов (2014б: 150—154), который без анализа формы и изображений сразу же перешел к анализу сюжета изображений на пиксиде из Косики, придя к выводу о его связи с индоиранской мифологией. Правда, в отличие от С.И. Лукьяшко никаких выводов о происхождении сосуда сделано не было, в то же время кувшин из Высочино для Туаллагова «парфянский» — видимо это настолько непреложная истина (со ссылкой на С.И. Лукьяшко), что не требует объяснения (Туаллагов 2014б: 151).

Существует и другой подход к рассматриваемому материалу. Не совсем понятно, из чего исходила В.И. Мордвинцева, которая в одном предложении определила происхождение сосуда; «чаша [кат. № 2.3 — МТ], судя по схеме орнамента, происходит, видимо, из эллинистического Ирана» (Мордвинцева 2011: 351 = 2015: 116), при этом ссылка дается на датирующиеся не позднее конца IV в. до н.э. фиалы ахеменидского типа из клада в Тух-эль Карамус в Египте, декор которых представляет простую розетту из наложенных в два слоя ланцетовидных листьев, т.е. не имеет ничего общего с декором чаши из Косики. Подобным же образом В.И. Мордвинцева определяет и происхождение других сосудов из Косики: «Гравированные изображения на сосуде с зооморфными ручками и на пиксиде [кат. № 2.4 — МТ] также говорят в пользу их иранского производства» (Мордвинцева 2011: 351 = 2015: 116)[3] и опять ссылка не на работы, в которых делается попытка анализа формы и декора сосудов, а на статью Х. фон Галла (1997: 174), в которой автор занимается интерпретацией опубликованных нами изображений на сосуде, попутно датируя его II—III в. н.э. (фон Галль 1997: 179; von Gall 1997: 251)[4], даже не пытаясь полемизировать с высказанной авторами раскопок значительно более ранней датировкой, но никак не рассматривает и не анализирует пиксиду вообще. Более того, Х. фон Галль не высказывается и по поводу места, где сосуд был изготовлен, а на странице, указанной в ссылке, представлен короткий историографический очерк, посвященный истории изучения сцен сражения всадников в искусстве Ирана и юга России. Также лаконично и без каких-либо обоснований и

[3] Интересно, что в статье 2011 г. в пределах одного абзаца сосуд с зооморфными ручками вначале определяется как «возможно, выполненный сарматским мастером», а затем относится вместе с пиксидой к «иранскому производству», при этом пиксида двумя строчками выше определяется как «туалетный сосудик греческого происхождения».

[4] См. критику датировки Х. фон Галла также: Ilyasov 2003, 293—294. В работах недавнего времени Р. Скупниевич несколько раз упоминает сосуд из Косики при этом не ссылаясь на мою публикация, а лишь на работу Х. фон Галла 1997 г., из чего вероятно следует, что и он поддерживает датировку последнего, впрочем никак не комментируя ее (Skupniewicz 2016: 62; Skupniewicz, Lichota 2017: 80, 83, 85).

ссылок определено «италийское происхождение» таза (Мордвинцева 2011: 351 = 2015: 116) — непонятно, правда, кто и на каком основании пришел к такому выводу.

Б.А. Раев, обратив внимание на деталь оформления гривы лошадей — невыстриженные участки, оставляющие так наз. городки, указывает на связь этого обычая с восточно-иранским миром, откуда этот обычай был распространен аланами на запад и юго-запад, без каких-либо обоснований переходит к заключению о том, что кубок из Косики «стилистически, технологически, да и хронологически может быть отнесен к сосудам, изготовленным в мастерских эллинистического Востока», объясняя отсутствие обоснования своего заключения тем, что не имеет возможности «в рамках данной работы рассмотреть этот вопрос», обращая внимание на то, «что всеми характерными особенностями серебряные сосуды из курганов Нижнего Поволжья так или иначе связаны с Парфией» (Раев 2009: 260—264), но при этом решительно отвергая мою гипотезу о «школе Ампсалака» (опять же без каких-либо обоснований), в то же время отмечая, что «мастер, который изготовил сосуд, скорее всего, был связан с кочевой средой» (Раев 2009: 264). В другой своей публикации Б.А. Раев, рассматривая в качестве аналогии публикуемому сосуду пиксиду из Косики, также не затрудняет себя аргументацией вывода: «некоторые особенности изображений, техника плакировки золотом и элементы декора позволяют отнести пиксиду, как и другие найденные в Косике сосуды, к изделиям парфянских мастеров» (Раев 2012: 189).

Таким образом, ни в одной из работ, в которых сосуды из Косики относят к изделиям парфянских мастерских, нет ни одной параллели с парфянскими серебряными сосудами (!). Либо авторам таковые неизвестны, либо они не считают нужным обосновать свои атрибуции. С другой стороны, стремление отнести указанные сосуды к парфянской продукции вполне вписывается в тенденцию если и не отрицать возможность существования ремесленников-торевтов и их мастерских в кочевых обществах, в том числе и у сарматов, то ставить ее под большое сомнение (ср. Скрипкин 1996: 167; Раев 2009: 264 и мой ответ на критику А.С. Скрипкина: Трейстер 2001: 169—170). Стоящие на таких позициях исследователи демонстрируют незнание широко известных фактов о развитии ремесла, в том числе высокоспециализированного, в частности, металлообработки, в кочевых обществах Евразии[5] (ср., например, Honeychurch 2013: 300—301; Kradin 2019: 8, 13). Я совершенно не стремлюсь отрицать находки парфянских импортов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии — более того, мною был опубликован подробный анализ находок парфянских серебряных, керамических глазурованных сосудов, ювелирных изделий, деталей костюма и утвари из сарматских погребений (Трейстер 2018б: 118—210; Treister 2020: 379—390), однако это не означает, что все находки, атрибуция которых представляет определенные сложности, должны автоматически приписываться к парфянскому импорту. Такие заключения должны быть основаны на подробном анализе форм, декора и техники изготовления и оформления сосудов.

1. Формы сосудов

Рассматриваемые здесь семь сосудов имеют различные формы (рис. 37): таз на кольцевом поддоне с подвижными ручками (рис. 37: 7) (Косика (кат. № 3.2)), кувшин на кольцевом поддоне с носиком-сливом и крышкой (рис. 37: 3) (Высочино (кат. № 2.1)), полусферическая чаша (рис. 37: 5) (Косика (кат. № 3.3)), пиксида (рис. 37: 2) (Косика

[5] Раев (2009: 264) пишет; «Мне представляется, что всеми характерными особенностями серебряные сосуды из курганов Нижнего Поволжья так или иначе связаны с Парфией. Выстраивать на их специфике гипотезу о существовании «школы Ампсалака» у нас есть не больше оснований, чем говорить о существовании в Петровскую эпоху русской школы судостроения на том основании, что на верфях Голландии в начале XVIII в. трудились русские мастеровые-ученики». Поиск параллелей в новой и современной истории и выводы, сделанные на основании таких «параллелей», — характерная черта творчества этого исследователя (ср. также Раев, Симоненко 2007: 271—272).

(кат. № 3.4)), два кубка с туловом грушевидной формы с зооморфными ручками и крышками (Косика (рис. 37: 4) (кат. № 3.1), Вербовский (рис. 37: 6) (кат. № 1.1)), цилиндрический сосуд с двумя ручками в форме грифонов (коллекция С.И. Григорьянца (рис. 37: 1) (кат. № 4.1)).

1.1. Таз

Найденный в Косике серебряный частично плакированный золотом таз (рис. 11—13) (кат. № 3.2) на низком кольцевом поддоне имел две подвижные ручки с литыми плоскими атташами в форме листа винограда. Основание полуовальной ручки ромбического сечения закреплено во втулке, украшенной двумя группами рельефных валиков. Внутри таза ближе к его дну выгравированы изображения четырех рыб, плакированных золотой фольгой.

Хотя таз из Косики и обнаруживает по форме определенную близость с тазами типа Eggers 92 (Eggers 1951: 168, Beilage 35, Taf. 9: 92; Karte 30; Werner 1954: 57—64, 70—71, Liste H; Lund Hansen 1987: 45), которые также снабжались подвижными ручками, возможно, изготовлялись в кампанских мастерских и имели эллинистические прототипы, следует признать, приведенные мною ранее параллели (Трейстер 1994: 178; 2007: 38—39) весьма отдаленные, при этом атташи в форме пальметт тазов Eggers 92 не в форме сплошного листа винограда, а ажурных пальметт.

Единственная известная мне параллель ручкам с подобными, пусть и не идентичными атташами — серебряные чаши с *net pattern*, у каждой из которых имеются по два таких атташа (у одной из них атташ обломан). Судя по всему, атташи являются более поздними дополнениями к чашам, которые как правило таких ручек с атташами не имеют — обе чаши из коллекции аль-Сабаха — предположительно изготовлены в селевкидской или бактрийской мастерской в III—II вв. до н.э. (Carter 2015: 172—175, no. 38). Чаша с *net pattern* с аналогичными листьями, но гравированными, была найдена в Заревой могиле в районе Казанлыка во Фракии — ее датируют III в. до н.э. (Tonkova, Dimitrova 2021: 79—83, fig. 2; Dimitrova 2022: 85—95, figs. 1—3). Атташи в форме листьев винограда, дополнительно украшенные размещенными на них рельефными женскими бюстами, представлены на бронзовой ручке таза из святилища в храме с нишами в Ай-Хануме — они были найдены в слое разрушения, который датируется 145 г. до н.э. (Francfort 1984: 56—57, no. 27, pl. XX; Kat. Bonn 2010: 129—130, Nr. 13). Подобная же ручка, отлитая из медно-никелевого сплава, характерного для Бактрии, имеется в коллекции аль-Сабаха (Carter 2015: 190—191, no. 45). О том, что виноградные листья были довольно распространенным мотивом для атташей ручек сосудов эллинистического времени, в том числе на Востоке, свидетельствует и серебряный канфар с ручками, имеющими такие атташи, из коллекции аль-Сабаха (Carter 2015: 59—61, no. 2). Впрочем, подобные атташи имеет и серебряный канфар из гробницы III Артюховского кургана (Максимова 1979: 31 (рис.); 78, № 1; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 10, № А8.1 с лит.).

Техника декора таза и изображения рыб на внутренней его стороне сближают таз с другими рассматриваемыми здесь сосудами, в частности с кувшином из Высочино (рис. 33—34) (кат. № 2.1).

1.2. Кувшин

Серебряный кувшин со сливом на кольцевом поддоне с крышкой и с полой ручкой, обтянутой золотой фольгой, в виде сидящей фигурки пантеры или гиены, украшенный гравированными фризами с позолотой в пределах контуров изображений на тулове, был найден в тайнике 1 кургана № 28 группы Высочино-VII (рис. 33—34) (кат. № 2.1). Изначально кувшин имел две ручки (например, Cat. Paris 2001: 190; Кат. Ст. Петербург 2008: 126, № 43; Kat. Leoben 2009: 251; Засецкая 2019: 155), хотя в первых публикациях сосуда Е.И. Беспалого об этом не сообщается. Изнутри крышки кувшина, повторяющей в плане очертания венчика и слива, крепился на заклепках полый цилиндр, глубоко заходящий в горло кувшина. Внешняя поверхности крышки в

центре украшена серебряным шариком, приклепанным в центре 12-лепестковой розетты, инкрустированной золотой нитью, пространство вне которой покрыто позолотой.

Ручка сосуда имеет разделку лап, напоминающую разделку лап пантеры, припаянной к тулову серебряного лутерия из Новоалександровки (Cat. Paris 2001: 192—193, no. 210; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 50, № A151.5; Трейстер 2007: 50; Кат. Ст. Петербург 2008: 130—131, № 45; Kat. Leoben 2009: 253, Nr. 106; Засецкая 2011: 194, 195, рис. 98: II; 2019: 42, табл. 3: I, н; 66, 68, 155, № 56, табл. XXII: а). Трактовка туловища животного параллельными полукруглыми и уплощенными валиками, выполненными в довольно высоком рельефе, напоминает оформление тулова ручки кубка из Мигулинской, в которой канавки между валиками украшены вставками из цветного камня (Архим. Амфилохий 1867: 198, № 3, табл. XIII; Толстой, Кондаков 1890: 140; Мордвинцева 2003: 37, 46, 50, 51, 91, № 83, рис. 35; Treister 2004a: 192, fig. 2: 2. 10; 200, 212, no. 17; 2004c: 160, no. A4, fig. 4; 2013: 53, fig. 9: 1; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123—124, № B24.1 с лит., табл. 20; 54; рис. 16; 46; Засецкая 2015: 171—183, ил. 1; 2: в; 3: б; 7: в; 2019: 50, 154, № 51 с лит., табл. XXI: 6; Трейстер 2021б: 397—399, рис. 9: 2; 2021в: 365, 369, рис. 12: 2). Маленькое круглое отверстие в задней части ручки (для вставки хвоста?) находит параллели на зооморфных ручках большинства серебряных кубков, например, на ручках кубка из Вербовского (рис. 21: 3; 22: 3) (кат. № 1.1), серебряной ручке в форме оленя из Усть-Альминского некрополя (Loboda et al. 2002: 299, Nr. 6; 301, Abb. 4: 1—2; Зайцев, Мордвинцева 2004: 179, 196, рис. 4: 6; Кат. Киев 2005, № 18—19; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 91, № A292.2, табл. 42; Puzdrovskij 2013: 304, Nr. VII.10—11).

Тот факт, что ручка сосуда посажена на сюжетный фриз, при этом, частично перекрывая изображения, в частности, фигуру рыболова и птицу, отличает крепление ручки на кувшине из Высочино (кат. № 2.1) от других сосудов с сюжетными фризами и зооморфными ручками. Так, например, на косикском сосуде, нижние атташи ручек закреплены на уровне гладкой золотой полосы в центре тулова, а верхние — между фигурами верхнего фриза (рис. 2; 3: 2; 4: 6: 1) (кат. № 3.1). На сосуде из Вербовского ручки закреплены практически на уровне верхнего фигурного фриза (рис. 20) (кат. № 1.1), что как будто бы дает основания для вывода об их вторичном характере (Мордвинцева, Хабарова 2006: 89, № 52), однако, если внимательно посмотреть на сохранившиеся места крепления заклепок к тулову сосуда, то видно, что мастер старался закрепить ручки таким образом, чтобы их атташи не перекрывали изображения (рис. 26: 1—3)[6]. Также и на цилиндрическом сосуде из московской частной коллекции ручки в виде фигурок грифонов, хоть и перекрывают орнаментальную полосу меандра, но при этом разделяют парные сцены верхнего и нижнего фриза, не перекрывая изображений (рис. 30: 2; 32) (кат. № 4.1).

Вероятнее всего, указанное несоответствие местоположения ручки и орнаментальных фризов сосуда — это свидетельство вторичного крепления ручки или в результате утраты или преднамеренного демонтажа первоначальной ручки. Учитывая форму сосуда (кувшин) и его функциональное назначение можно предположить, что изначально он мог скорее иметь одну вертикальную ручку, которая должна была находиться по оси слива с противоположной его стороны. Впоследствии сосуд мог быть переделан (дополнен) в мастерской, в которой изготавливались кубки с зооморфными ручками. При этом ручки были закреплены высоко на тулове сосуда, ближе к его горлу. Тот факт, что ручки перекрывали фризы с изображениями, вероятно, говорит о том, что наличие зооморфной ручки на драгоценном сосуде значительно больше интересовало заказчика, нежели содержание фигурных фризов. Очевидно, что после переделки сосуд какое-то время находился в употреблении, если учесть, что одна из новых ручек сосуда была утрачена (Treister 2005: 243).

Таким образом, анализ сосуда (в его первоначальном виде) необходимо вести без учета зооморфной ручки. Форма кувшина из Высочино (кат. № 2.1) не имеет параллелей среди

[6] Так, например, заклепки верхнего атташа одной из ручек закреплены над хвостом лошади всадника, у которого утрачена верхняя часть тела с головой и над фигурой кабана второй сцены (рис. 26: 1—3). Нижние атташи ручек отстояли еще дальше от фигур и располагались выше фриза с растительными побегами.

известных мне серебряных сосудов, ни античных, ни приписываемых к изделиям парфянских мастерских. Среди парфянской керамики кувшины на кольцевом поддоне с туловом, близким по форме к шаровидному или биконическому, относительно низкому горлу с выделенным носиком-сливом мне не известны (ср., например, Haerinck 1983).

В то же время сосуды близкой формы с одной вертикальной ручкой (правда, без крышек) известны среди гончарной серолощеной керамики из сарматских погребений I в. до н.э. — первой половины II в. н.э. в Подонье, Прикубанье, Нижнем Поволжье и Южном Приуралье[7].

Важной конструктивной особенностью кувшина является наличие крышки, причем крышки очень своеобразной конструкции. Крышка имеет цилиндрическую втулку, вставляющуюся глубоко в горло сосуда (рис. 31: 3). Единственная близкая параллель такой конструкции — крышка серебряной амфоры из кургана Хохлач (рис. 38) (Raev 1986: 15, 88, pl. 10; Treister 2004d: 455—457, fig. 4; Banghard, Gorecki 2004: 143, Abb. 12; Трейстер 2007: 42; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 133, № B45.3, табл. 58; Засецкая 2011: 226—227, рис. 120; 267, № 25), обстоятельство, на которое я уже ранее обращал внимание (Treister 2004d: 456—457; Трейстер 2007: 42). Й. Горецки считает, что возможно весь набор серебряных сосудов из Хохлача был изготовлен в мастерской понтийско-малоазийского региона в конце I в. до н.э., не приводя впрочем каких-либо подробных и весомых аргументов в пользу этой точки зрения (Banghard, Gorecki 2004: 143—144). Проведенный мною анализ сосудов позволил прийти к выводу о различной их датировке в рамках конца II в. до н.э. — первой половины I в. н.э. (Treister 2004d: 451—459). Так или иначе, среди серебряных сосудов из Хохлача нет ни одного, которого можно было бы надежно связать с Арменией, или шире Закавказьем, или с Парфией (Трейстер 2018б: 152). Мне точно не известна конструкция крышки бронзового кувшина из слоя I в н.э. в Таксиле (Marshall 1951: 589, no. 265, pl. 183f), но внешне крышка с полусферической верхней частью, крепившаяся на цепочке к ручке кувшина, также напоминает крышку амфоры из Хохлача. О том, что такая конструкция крышек не является инновацией позднеэллинистического или раннеимператорского времени свидетельствует аналогичная конструкция крышки бронзовой амфоры IV в. до н.э. из некрополя Париона в Малой Азии (Başaran et al. 2011. 61, fig. 11; 2019; Tavukçu, Tavukçu 2012: 59—60, 62—63, 72, figs. 13—14).

1.3. Чаша полусферической формы

Полусферическая чаша (рис. 14—16) представляет форму наряду с конической, широко распространенную в эллинистическом мире, как на западе, так и на Востоке (Strong 1966, 108—109; Raddatz 1969, 86—89; Pfrommer 1993: 43; Jaeggi 1999: 82; Spânu 2002: 115—120; Трейстер 2007: 27—30; Sideris 2016: 294—295).

1.4. Пиксида

То же самое можно сказать и о пиксиде из Косики (рис. 17—19). Ее форма восходит к пиксидам эллинистического времени (Трейстер 2007а: 55—56), однако, в отличие, например, от пиксид из Артюховского кургана (гробница № 1: Максимова 1979: 73, 75, рис. 23: B7; 83, 86, № 10, рис. 27 (слева вверху); Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 6, № A6.4; гробница № 2: Максимова 1979: 73, 75, рис. 23: B8; 83—84, 86, № 9. Арт. 65, рис. 27 (внизу); Invernizzi 1999: pl. 14g; Treister 2005: 210, fig. 5: 2; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 9, № A7.9, табл. 21) верхняя поверхность крышки плоская.

[7] Скрипкин 1990: 159, рис. 45: M26; 2006: 19, рис. 8; Марченко 1996: 159, тип XIV, рис. 32; 80;. Кувшин из кургана № 1/1899 у хут. Зубова: Гущина, Засецкая 1989: 117, № 129, табл. XI. См. также кувшин из кургана № 13/1987, погребения № 1 могильника Валовый-I: Беспалый и др. 2007: 39—40, № 34, табл. 42: 4. — Верхний Колышлей, курган 1: Берестнев 2017: 58, 262, рис. 3: 14. — Могильник Базар-тюбе, курган № 4, погребение № 2: Кригер 1983: 106, № 4; 110, рис. 4: 6; 113. — Калиновка, курган № 55/1954, погребение № 8: Шилов 1959: 478, 483, рис. 55: 6.

1.5. Кубки с парными зооморфными ручками и крышкой

Большие кубки грушевидной формы с парными зооморфными ручками и крышками известны только по находкам из Косики (рис. 2—10) (кат. № 3.1) и Вербовского (рис. 20—29) (кат. № 1.1). Есть все основания полагать, что эти сосуды создавались изначально с парными зооморфными ручками в форме объемных фигурок животных, припаянных к атташам прямоугольной формы с выступающими округлыми углами. Однако к сосудам эти атташи крепились по-разному. Каждая ручка кубка из Вербовского — при помощи восьми заклепок (четыре — в верхнем и четыре — в нижнем атташе) (рис. 20: 2; 21—23). У кубка из Косики — при помощи двух заклепок в верхнем атташе, а нижние атташи были припаяны (рис. 7: 1—2, 4). Интересно, что ближайшей параллелью форме атташей и технике крепления является пластинчатая (не зооморфная) ручка золотого кубка из кургана Хохлач, украшенная обведенными калиброванной зернью кастами со вставками бирюзы (Засецкая 2011: 195, 196, илл. 99; 262, № 9) — и верхний, и нижний атташ этой ручки имеют скругленные концы, в каждом из которых пробиты отверстие для заклепки — по два на каждом атташе. Подобным же образом крепится ручка в форме пантеры серебряного круглодонного кубка из кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (Беспалый 1985: 167, № 3; 169, рис. 6: 2; Bespaly 1986: 78, no. 3, pl. 69: 1; Cat. Paris 2001: 186—187, no. 206; Кат. Москва 2005: 22—23, № 24; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 22, № А45.7 с лит.; Кат. Ст. Петербург 2008: 125, № 41; Kat. Leoben 2009: 249, Nr. 102; Засецкая 2011: 175—176, илл. 88; 2019: 49, 154, № 52, табл. XXI: в). Таким образом, и форма атташей ручек, и техника их крепления — является ближайшей параллелью форме атташей и технике их крепления сосуда из Косики (кат. № 3.1).

Ручки в форме фигурок животных кубков из Хохлача (с фигуркой лося: Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 21—22, № В45.10 с лит.; Кат. Ст. Петербург 2008: 114—115, № 29; Kat. Leoben 2009: 236—237, Nr. 90; Засецкая 2011: 161, 163, илл. 80: д—е; 262, № 8; 2019: 58, 62, 66—67, 153—154, № 50, табл. XXI: а) и из Мигулинской (Архим. Амфилохий 1867: 198, № 3, табл. XIII; Толстой, Кондаков 1890: 140; Мордвинцева 2003: 37, 46, 50, 51, 91, № 83, рис. 35; Treister 2004a: 192, fig. 2: 2, 10; 200, 212, no. 17; 2004c: 160, no. A4, fig. 4; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123—124, № В24.1 с лит., табл. 20; 54; рис. 16; 46; Treister 2013a: 53, fig. 9: 1; Засецкая 2015: 171—183, ил. 1; 2: в; 3: б; 7: в; 2019: 50, 154, № 51 с лит., табл. XXI: 6; Трейстер 2021б: 397—399, рис. 9: 2; 2021в: 365, 369, рис. 12: 2) хоть и приклепаны четырьмя заклепками каждая, но, в первом случае в качестве атташей выступают пластины прямоугольной формы, к которым припаяны ножки животного. А во втором случае, штифты с заклепками входили непосредственно в лапы животных — атташа не было вообще (Засецкая 2011: 185, илл. 93а).

За пределами распространения сарматской культуры сосуды такой формы неизвестны. При этом совершенно очевидна из связь, с одной стороны, с золотыми и серебряными кубками округлой или грушевидной формы с одной зооморфной ручкой, которые также получили распространение в памятниках Северного Причерноморья и Азиатской Сарматии, главным образом, I в. н.э., а, с другой, с деревянными сосудами различных форм, снабженными подобными зооморфными ручками, известными нам по находкам в погребениях I—III вв. н.э. в различных комплексах от Северо-Западного Причерноморья (Мелюкова 1962: 203, рис. 6: 5—7; 204—205), до Крыма (Зайцев, Мордвинцева 2002: 57—67, рис. 4—5; Puzdrovskij 2013: 303, Nr. VII.3; 312, Nr. VII.60) и Нижнего Подонья. Известны и керамические сосуды с зооморфными или орнитоморфными ручками (Абрамова 1969: 69—84), при этом такие сосуды с парными ручками рассматриваемого времени в Северном Причерноморье и на Нижнем Дону или в Нижнем Поволжье практически неизвестны, а те экземпляры, которые существуют, датируются значительно более поздним временем (Нейзац: Khrapunov 2013: 351, Nr. X.9; Кат. Симферополь 2022: 101, № 239). В I в. до н.э. — I в. н.э., то есть в то время, когда были созданы сосуды из Косики и Вербовского, керамические сосуды с парными ручками, как правило, изображающие баранов, были в употреблении в Закавказье (Абрамова 1969: 72, рис. 1: 48, 50, 52; 81—82), при этом это были сосуды в форме амфор, явно следующие ахеменидской традиции.

Интересен и репертуар зооморфных образов. Так, в частности, среди зооморфных ручек на деревянных и керамических сосудах из сарматских погребений, реалистически выполненные ручки в форме кабана, как на сосуде из Косики, неизвестны. Парные ручки в виде очень схематизированных фигурок кабанов, которые можно опознать только по проработанным пятачкам украшают серолощеные сосуды с биконическим туловом и коротким цилиндрическим горлом, найденные в погребении второй половины III в. н.э. курганов группы «Три Брата» в Калмыкии (Мошкова 2008а: 247, 252, 258, рис. 3: 7; 260, рис. 5: 9; 2008б: 543, рис. 2: 10; 547, рис. 4: 4; Болелов 2014: 38—39, рис. 3: 3—4) и хронологически близким погребении в кургане № 3 Челкарского могильника в Западном Казахстане (Мошкова, Кушаев 2004: 208, рис. 1: 3; Болелов 2014: 38). Ручки в форме кабанов очень характерны с одной стороны, для сосудов I—III вв. н.э. из городов и поседений Боспора (Абрамова 1969: 73, рис. 2: 4—8; 75—76; Мошкова 2008б: 546—547), с другой — для некоторых поселений Бактрии и Восточного Туркестана (Хотана). При этом ручки в виде кабанчиков на Кампыр-тепа найдены только в слоях Нижнего города, которые по данным нумизматики твердо датируются в пределах середины I — первой трети II в. н.э. Этим же временем датируются находки этих ручек и на других памятниках этого региона Центральной Азии (Болелов 2005: 72; 2014: 34—35, рис. 1). Таким образом, очевидно, что все приведенные примеры нельзя рассматривать в качестве прототипов оформления кубка из Косики ни с точки зрения реалистичности передачи изображений, ни по хронологическим соображениям. Еще более необычны ручки сосуда из Вербовского в форме волков с кабаньими пятачками.

Фигурка орла со сложенными крыльями представлена на крышке кубка из Косики (рис. 8—10) (кат. № 3.1). Не исключено, что какая-то фигурка была изначально и на крышке кубка из Вербовского (кат. № 1.1). В центре розетты, образованном пятью ступенчатыми пирамидками, имеется круглый след припоя (рис. 29: 5). Вполне вероятно, сосуд такого типа находился и в ограбленном склепе № 603 Усть-Альминского некрополя — от этого сосуда сохранились две литые серебряные фигурки оленя и орла, соединенные между собой серебряной цепочкой (Loboda et al. 2002: 299, Nr. 6; 301, Abb. 4: 1—2; Зайцев, Мордвинцева 2004: 179, 196, рис. 4: 6; Кат. Киев 2005, № 18—19; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 91, № А292.2, табл. 42; Puzdrovskij 2013: 304, Nr. VII.10—11). При этом фигурка орла чрезвычайно близка фигурке орла на крышке сосуда из Косики (рис. 10) (кат. № 3.1)[8]. Они напоминают и серебряную с позолотой фигурку орла на квадратном постаменте из Старой Нисы (Кошеленко 1977: 133, рис. 63; Invernizzi 1999: 49—52, tav. C: a—c; 7: a—d). Бронзовые фигурки орлов в аналогичной позе известны и по находкам из Ай-Ханума (Guillaume, Rongeulle 1987: 63, nos. 1147—1148, pl. 19: 17—18; pl. XVII: 5; Invernizzi 1999: 52, tav. 7: i—l).

1.6. Цилиндрический сосуд с парными ручками

Ближайшей параллелью цилиндрическому сосуду с двумя ручками в форме грифонов (рис. 30—32) (кат. № 4.1) являются алебастровые (мраморные) цилиндрические сосуды из Соколовой Могилы (с надписью по верхнему краю) (рис. 39) (Ковпаненко 1986: 59—60, рис. 59—61; Simonenko 2008: Taf. 111: 2) и погребения № 3 кургана № 14/1984 могильника Первомайский-VII (рис. 40) (Мамонтов 2000: 19, № 20, рис. 17: 18; Глухов 2001: 39—40, рис. 2: 5; Археологическое наследие 2013: 122, илл. вверху, 267, № 253). Сосуд из Соколовой Могилы служил предположительно в качестве ступы «для измельчения целебных и ароматических трав» (Ковпаненко 1986: 60).

Таким образом, за исключением широко распространенных форм таза (рис. 37: 7), полусферической чаши (рис. 37: 5) и пиксиды (рис. 37: 2), все остальные формы (кубки с туловом грушевидной формы, двумя зооморфными ручками и крышкой (рис. 37: 4, 6),

[8] Это предположение представляется мне более обоснованным, чем высказанное авторами раскопок предположение о том, что это мог быть кувшин типа находки из Высочино: Loboda et al. 2002: 299. На крышке кувшина из Высочино не фигурка птицы, а шарик.

цилиндрический сосуд с двумя зооморфными ручками (рис. 37: 1) и кувшин со сливом (рис. 37: 3), с одной стороны, не имеют параллелей в эллинистической посуде Восточного Средиземноморья, Передней или Центральной Азии, а с другой — находят параллели в материальной культуре кочевников рассматриваемого времени, причем в разных материалах: керамике, дереве и камне, что дает основание полагать, по крайней мере, изготовление рассматриваемых сосудов для кочевников (если не самими кочевниками).

2. Орнаментальные фризы

2.1. Ступенчатые пирамидки

Два фигурных фриза кувшина из Высочино обрамлены сверху и снизу поясом «бегущей волны», а между собой разделены фризом из трехступенчатых пирамидок, ориентированных вершинами вниз (рис. 33: 1, 4; 34) (кат. № 2.1). Фриз из мерлонов в очень грубом исполнении и очень компактный (фактически это розетта) обрамлял утраченную фигурку на крышке кубка из Вербовского (рис. 20: 1; 29: 5) (кат. № 1.1).

Ступенчатые пирамидки (мерлоны), *stepped battlements*, — архитектурный элемент, типичный для ахеменидской архитектуры и получивший широкое распространение в эпоху эллинизма и первые столетия н.э. в архитектуре (Porada 1967: 1—12; Королькова 2012а: 134—143)[9] и мозаиках (Делос: Bruneau 1972: 50, 147—150, no. 50, figs. 43—46. — Арсамея: Dörner, Goell 1963: 161, Abb. 16; 192, Taf. 47A) Переднего Востока и Центральной Азии, широко применялся в торевтике, в частности, для украшения серебряных чаш II—I вв. до н.э., в том числе, предположительно изготовленных в Северо-Западном Иране (Pfrommer 1993: 22, 39; nos. 4, 6, 7, 9—11)[10], хотя и в ахеменидскую эпоху использовался в декоре серебряных чаш (например, в виде фриза из золотых вставок в серебряной чаше из Британского музея: Moorey 1988: 233—234, pl. 1; Kat. Wien 1996: 216, Nr. 60; Cat. London 2005: 118, no. 111) и ювелирных украшений, в частности пекторали, хранящейся в Музее Михо и предположительно найденной в районе Ардебиля в Северо-Западном Иране, которую датируют IV в. до н.э., вероятно, 380—370 гг. до н.э. (Kat. Wien 1999: 65—67, Nr. 28; Cat. Miho 2002: 235, no. 33; Bernard, Inagaki 2000: 1371—1437; Bernard, Inagaki 2002: 207—210; Casabonne, Gabrielli 2006: 85—90).

2.1. «Бегущая волна»

Помимо кувшина из Высочино (рис. 33: 1, 4; 34: 1—2, 6) фриз «бегущей волны» обрамляет также розетту на внутренней стороне полусферической чаши из Косики (рис. 14; 15: 1; 16).

Этот орнамент широко использовался в античном искусстве, в том числе и в эллинистической торевтике (Pfrommer 1993: 39) и фресковых росписях (см., например, на фризе из загородного дома в окрестностях Еркургана: Абдуллаев 2011: 311, tav. 3a) и мозаиках (Bruneau 1972, 47—50).

[9] О подобных мерлонах с вырезами-бойницами в форме стрелы в архитектуре Центральной Азии см. наш обзор в связи с аналогичным оформлением башни на спине боевого слона, изображенной на фаларах из Сибирской коллекции, см. Treister 1999: 585—586. См. также: Haerinck, Overlaet 2008: 211, pl. 9: 3. — Ниса: Пилипко 1996, 39—40; табл. 22, 23: 1—2; Пилипко 2001: 29, рис. 17: 3; 231, 233, рис. 168.

[10] См. также чашу, предположительно происходящую из Ирана и хранящуюся в Гамбурге: Cat. Toledo 1977: 80—81, no. 44.

2.2. Свастикообразный меандр

Свастикообразный меандр представлен на крышке кубка из Косики (рис. 2: 1; 8: 1—3; 10: 4) (кат. № 3.1)[11] и на цилиндрическом кубке с двумя ручками из коллекции С.И. Григорьянца. Ближайшей аналогией использования фриза свастикообразного меандра на сосуде являются алебастровые (мраморные) цилиндрические сосуды из Соколовой Могилы (рис. 39) (Ковпаненко 1986: 59—60, рис. 59—61; Simonenko 2008: Taf. 111: 2) и погребения № 3 кургана № 14/1984 могильника Первомайский-VII (рис. 40) (Мамонтов 2000: 19, № 20, рис. 17: 18; Глухов 2001: 39—40, рис. 2: 5; Археологическое наследие 2013: 122, илл. вверху, 267, № 253).

В торевтике Восточного Средиземноморья, Парфии и Центральной Азии эллинистического времени использование этого орнаментального мотива не зафиксировано, однако в качестве параллели можно указать на одну из серебряных пиксид из Артюховского кургана (гробница № 2: Максимова 1979: 73, 75, рис. 23: В8; 83—84, 86, № 9. Арт. 65, рис. 27 (внизу); Invernizzi 1999: pl. 14g; Treister 2005: 210, fig. 5: 2; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 9, № А7.9, табл. 21). В любом случае, на серебряных сосудах, приписываемых к изделиям мастерских Парфии или Бактрии эллинистического времени, такой орнаментальный мотив до сих пор не встречался, хотя изделия с декором в виде свастикообразного меандра в Центральную Азию попадали, о чем свидетельствуют находки в храме Окса: трубка из слоновой кости (Литвинский 2010а: 374, № 1167, рис. 79: 10) и фрагменты ткани с золотым шитьем (Lindström 2016: 298, Abb. 16), а также фриз на фреске из загородного дома в окрестностях Еркургана (Абдуллаев 2011: 310—311, tav. 3b), резной фриз из парфянского Кух-и Хваджа (Ghirshman 1962: 40, Abb. 54; 41; Абдуллаев 2011: 311, fig. 1) и фрагментированная бронзовая пластина из слоя III Таксилы (Marshall 1951: 603, no. 395, pl. 185k).

Орнамент в форме меандра использовался, однако, и очень широко, в декоре мегарских чаш и других типов керамических сосудов, изготовленных в формах, происходящих преимущественно из мастерских Ионии[12] и датирующихся II — первой половиной I в. до н.э. Фриз свастикообразного меандра украшает по краю и полусферическую чашу с внутренней позолотой из коллекции барона Ротшильда (Wuilleumier 1930: 29—31, pls. XI—XII; Küthmann 1958: 106, Taf. 7: 1; Byvanck-Quarles van Ufford 1970: 139—140; Rotroff 1982b: 333—335, pl. 84; Thompson 1987: 29), датирующуюся ок. 200 г. до н.э. (Rotroff 1982a: 8, note 21; 1982b: 333—335). В то же время на аттических чашах этот орнамент практически неизвестен, а фрагменты с Афинской агоры возможно импортные (Rotroff 1982a: 80, no. 291, pl. 55; 90, no. 391, pl. 67; 1982b: 334). Широко использовался меандр в мозаиках II—I вв. до н.э. (Sezer 2007: 551—566), например, на Делосе (Bruneau 1972: 54—55; 224, no. 195, fig. 156, 227, fig. 158; 238, no. 210, fig. 174; 265, no. 234, fig. 217; Dunbabin 1999: 33—34, fig. 34) и в Пергаме (Dunbabin 1999: 224, fig. 235; Salzmann 2011: 105, Abb. 8; Kat. Berlin 2011: 520—521, Nr. 5.43).

[11] «Very pure Greek hatched double meander» (Boardman 2015: 107).

[12] См., например, на чашах из Эфеса, Приены, Измира и Пергама, Сард в Малой Азии, а также с о. Делос: Laumonier 1977: no. 1613, pl. 46; nos. 1923, 2146, pl. 47; Kat. Berlin 2011: 476, Nr. 3.94; Mitsopoulou-Leon 1991, 36, 67, 73, Nr. D52, Taf. 86; Rotroff, Oliver 2003: 124, no. 519, pl. 90; Ersoy 2013: 33, 35, fig. 2: 13; 38, fig. 5; Rogl 2014: 126, 128, fig. 13: 10; 130, fig. 15a; 131; Fenn 2014: 150, 152; Lightfoot, Picón 2015: 26, 27, fig. 7. — Из Олимпии: Siebert 1978: pl. 88: 3, 5. — Фрагмент мегарской чаши из Трои: № 6 (classics.uc.edu: 1). — С о. Эвбея: Langridge-Noti 2004: 491, pl. 232: CK 13; Schmid 2004: 496—497, nos. 13—14, 17; 501—502, pl. 239: 13—14, 17. — Из Истрии: Bottez 2010: 44, pl. 1. — Из Сикули в Хорватии: Kamenjarin 2014: 140, pl. 1; 141—143, no. 2. — Из Пантикапея: Tolstikov, Zhuravlev 2004: 275, pl. 101: 1, 10, 14. — Из Неаполя Скифского: Zaytsev 2004: 754, pl. 348: 14.

2.3. Побеги растительного орнамента

Побеги растительного орнамента использованы в качестве разделительного фриза на кубке из Вербовского (рис. 20: 3; 24—25; 26: 3) (кат. № 1.1). Очевидно, что прототипом декора послужили фризы побегов растительного орнамента, получивших широкое распространение в торевтике Восточного Средиземноморья, Парфии и Бактрии эллинистического времени (см. в целом, Pfrommer 1993: 26—30; 124—131, no. 8—11; 134—141, nos. 13—16)[13]. Использовались такие фризы и в декоре ритонов из Нисы (Masson, Pugachenkova 1982: fig. 16, pls. 45: 2—3; 107—108; Pappalardo 2010: 291—295 (ритоны № 8 и 76); Kidd 2011: 257—258, fig. 15) и в фресковой живописи из Акшахан-кала в Хорезме (Kidd 2011, 257—258, figs. 12—13).

3. Разделители фризов

Из всех рассматриваемых сосудов разделение фриза на отдельные регистры использовано только в композициях фризов кувшина из Высочино (рис. 33: 1, 4; 34: 1—5) (кат. № 2.1) и не имеет параллелей в торевтике рассматриваемого времени.

3.1. Пальметты

Отдельные сцены верхнего фриза разделены сильно схематизированными и упрощенными пальметтами. У одной из них, центральной, — по три лепестка с каждой стороны отходят от центрального стебля, загибаясь вниз, у двух других — по два лепестка — завернуты вверх. Внизу каждого лепестка в горизонтальной плоскости переданы также упрощенные почти до неузнаваемости изрезанные листья аканфа (рис. 33: 1. 4; 34: 1—2).

Особое внимание привлекают пальметты с двумя парными лепестками, загнутыми внутрь. Этот тип пальметт, появившийся не позднее середины IV в. до н.э., получает широкое распространение, как в архитектуре, так и в декоративном искусстве эллинистической эпохи. О том, что он был распространен как в Греко-Бактрии, так и в Парфии свидетельствуют, в частности, терракотовые антефиксы с изображением пальметт именно такого типа (но с большим количеством лепестков — как правило, они 9-лепестковые) из дворца в Ай-Ханум (Kat. Mannheim 2009: 346, Nr. 226; Kat. Bonn 2010: 140—143, Nr. 25—26, 28)[14] и из Старой Нисы (Пилипко 1996: табл. 18: 5; 2001: 227, рис. 163: 5; 229, 232, рис. 167; Invernizzi 1999: 126, tav. 17: c). Впрочем, на мозаике из Ай-Ханума представлены именно 5-лепестковые пальметты этого типа (Kat. Bonn 2010: 101), а на сегментовидной серебряной чаше из погребения № 6 в кургане № 3/1989 могильника Исаковка-I на берегу р. Иртыш аналогичного типа 7-лепестковые пальметты (Лившиц 2002: 51—55, № 2, рис. 5—7; Livshits 2003: 161—165, figs. 5—7; Koryakova 2006: 111, fig. 16; Koryakova, Epimakhov 2007: 304—305, fig. 8.17), находящие параллели на накладных железных пластинах парадного щита из Старой Нисы (Invernizzi 1999: 121—127, tav. F: c—d; 2007: 170, fig. 5; Пилипко 2001: 317, рис. 226) и на обкладке из слоновой кости ножен меча из храма Окса (Литвинский 2001: 261, № 1166/1, табл. 72: 2; 2010a: 370, рис. 67: 30; Kat. Mannheim 2009: 357, Nr. 244).

[13] См. также: Cat. Toledo 1977: 80—81, nos. 44, 44a; Zafeiropoulou 2004, pl. 329γ. Подобный фриз украшает и серебряную крышку футляра для стрел из погребения № 4 в Тилля-тепе: Sarianidi 1985: 251, no. 4.33, pl. 155.

[14] См. также аналогичные пальметты в декоре сандалии культовой статуи: Bernard 2012: 49, fig. 14; Hannestad 2013: 107, fig. 15.

3.2. Колонны

Отдельные сцены нижнего фриза кувшина (рис. 33: 1; 34: 1. 3—5) (кат. № 2.1) разделены схематически переданными колоннами, аналогии которым мне не известны.

4. Розетты

Розетта на крышке пиксиды (рис. 17: 1; 18: 2. 4—6) кат. № 3.4 — двойная и представляет собой в центре сильно упрощенную четырехлепестковую розетту из широких лепестков с волнистым краем, из которой произрастает внешняя розетта из пяти ланцетовидных листьев с осевыми прожилками (крышка пиксиды). Очевидно, что прототипами розетты на крышке пиксиды из Косики служили розетты на дне золотого кубка из тайника № 2 в кургане № 28/1982 могильника Высочино-VII (Трейстер 2007а: 23; Мордвинцева, Трейстер 2007: 22, № А45.5, с лит.; Кат. Ст. Петербург 2008: 123, № 38; Kat. Leoben 2009: 246, no. 99; Трейстер 2018б: 122, рис. 5) и сегментовидной чаши из погребения № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V (Мыськов и др. 1999: 150, № 8; рис. 3: 1; Мордвинцева, Хабарова 2006: 122, № 166; Трейстер 2007а: 30; Мордвинцева, Трейстер 2007: 56, № А163.3, табл. 16, 34, рис. 3; Скрипкин, Мыськов 2009: 249—250, рис. 7; Трейстер 2018б: 122, рис. 4: 4—6), а также чаши из клада IV в Музее Гетти (Pfrommer 1993: 54—55, no. 75). Однако обращает на себя внимание очевидное несоответствие. Во всех указанных выше розеттах число лепестков каждого типа одинаково, и во всех случаях имеет место строгая композиция — остроконечные лепестки лишь слегка выходят за контуры широких волнистых лепестков. Здесь же размеры лепестков каждого типа несопоставимы, отличается их число, а лепестки *nymphea* выступают в качестве завязей цветка из остроконечных лепестков.

Розетта на внутренней стороне полусферической чаши представляет собой более сложный вариант, хотя в центре ее помещена подобная маленькая розетта из четырех лепестков *nymphea*, которая трансформировалась в лепестки сердцевидной формы (рис. 14; 15: 1, 3, 5) (кат. № 3.3), подобных декору на метопе из Старой Нисы (Абдуллаев 2011: 310—311, tav. 3e). Из этой розетты вырастает по шесть чередующихся элементов двух типов: несколько более крупные ланцетовидные лепестки с прочерченными осевыми прожилками и более узкие побеги с прочерченными по сторонам от осевой прожилки парами мелких округлых лепестков — на концах побегов — завитки.

Розетты из чередующихся остроконечных листьев и побегов, вырастающие из розетт с лепестками *nymphea,* в эллинистической торевтике мне не известны. Ближайшей параллелью являются полусферические чаши II — первой половины I в. до н.э., в том числе происходящие из Армении и Ирана, у которых остроконечные лепестки дополняются побегами с гроздьями винограда, при этом у этих чаш раппорты растительного орнамента чередуются с группами каннелюров, а сам декор выполнен не на внутренней, а на внешней стороне чаши. Не исключено, конечно, что побеги с округлыми листьями по сторонам стеблей являются трансформацией листьев так наз. селевкидского аканфа, для которого характерны не остро изрезанные, а закругленные выступы листьев (Pfrommer 1993: 31), как на медальонах некоторых сегментовидных чаш из Ирана, в том числе из клада I в Музее Гетти (Cat. Toledo 1977: 80—81, no. 44; Pfrommer 1993: 31, 118—121, nos. 5—6)[15], на раструбе ритонов парфянского типа (с протомой льва из клада II в Музее Гетти: Pfrommer 1993: 31, 178—179, no. 66. — С протомой коня из коллекции аль-Сабаха: Carter 2015: 90—93, no. 13), а также на стеклянной чаше из коллекции Ротшильда (Wuilleumier 1930, 29—31, pls. XI—XII; Küthmann 1958, 106, Taf. 7: 1; Byvanck-Quarles van Ufford 1970: 139—140; Rotroff 1982b: 333—335, pl. 84; Thompson 1987: 29). Другой вариант — побеги, которые

[15] См. также пару чаш сегментовидного профиля с такими розеттами и фризами с изображением дельфинов из собрания аль-Сабаха: Carter 2015: 122—125, no. 22.

описываю мегарские чаши с Афинской агоры, Г. Томпсон предположительно определял как фруктовые побеги финиковой пальмы (Thompson 1987: 51, no. C16, fig. 34).

При этом сама структура декора на чаше из Косики — розетта на дне, вырастающая вверх, вверху горизонтальный фриз «бегущей волны», а над ним фриз с чередующимися изображениями рыб и дельфинов (рис. 14—16) (кат. № 3.3), напоминает структуру декора на внутренней стороне сегментовидной чаши из Исаковки (Лившиц 2002: 51—55, № 2, рис. 5—7; Livshits 2003: 161—165, figs. 5—7; Koryakova 2006: 111, fig. 16; Koryakova, Epimakhov 2007: 304—305, fig. 8.17).

12-лепестковая розетта из двойного ряда листьев водяной лилии (листья заднего ряда гладкие, без намеченной осевой линии; осевые прожилки лепестков переднего ряда переданы одинарными гравированными линиями, инкрустированными золотой нитью) украшает крышку серебряного кувшина из Высочино (рис. 33: 2; 34: 1) (кат. № 2.1). Аналогии этой розетте мне не известны.

5. Отдельные изображения

5.1. Дельфины

Пара дельфинов изображена на нижнем фризе кувшина из Высочино (рис. 33: 1; 34: 1) (кат. № 2.1). Кроме того, четыре дельфина, чередующихся с четырьмя рыбами, представлены на верхнем фризе чаши из Косики (рис. 14; 15: 1; 16) (кат. № 3.3).

В торевтике эллинистического времени дельфины изображались на сегментовидных чашах: на упомянутой выше чаше из погребения № 6 в кургане № 3/1989 могильника Исаковка-I на берегу р. Иртыш (Лившиц 2002: 51—55, № 2, рис. 5—7; Livshits 2003: 161—165, figs. 5—7; Koryakova 2006: 111, fig. 16; Koryakova, Epimakhov 2007: 304—305, fig. 8.17), на чаше из открытого в 2012 г. погребения II в. до н.э. некрополя Танаиса (Беспалый 2014: б/№) и на двух чашах из коллекции аль-Сабаха (Carter 2015: 122—125, no. 22). Интересно, что в двух случаях изображения дельфинов на верхних фризах чередовалось с изображением птиц (на чаше из погребения № 6 в кургане № 3/1989 могильника Исаковка-I на берегу р. Иртыш — плывущих уток), на чаше из некрополя Танаиса — летящих лебедей (?) с венками в клювах).

Напротив, в эллинистической расписной керамике, в которой образ дельфина был очень популярен, особенно в III в. до н.э., он изображался, как правило, в сочетании с орнаментом в форме волны (Rotroff 1997: 53—54; Alexandropoulou 2004: 668, pl. 323γ); на мегарских же чашах нередки изображения эротов на дельфинах (например, Rotroff 1982a: 64, no. 171, pls. 31; 79), а изображения дельфинов часто встречаются не только отдельно[16], но и с другими персонажами, связанными с морем, Сциллами, тритонами, рыбами (Rotroff 1982a: 19, 28; S. Künzl 2004: 737—738, Taf. 340, справа (группа 1)), а также в сценах с мифологическими персонажами (Edwards 1981: 196, pl. 44: C. 1980-123a; S. Künzl 2002: Nr. 39, Taf. 100—102; Nr. 41—46, Taf. 104—121; Nr. 75, Taf. 159—161).

Очевидно, что указанные чаши селевкидской и парфянской работы послужили прототипами для чаши из Косики (рис. 14—16) (кат. № 3.3), выполненной в другой технике и более примитивной манере (Трейстер 2021г: 82).

Композиционно пара дельфинов, изображенных на кувшине из Высочино, может быть сопоставлена с изображениями на мозаике «Дома Дельфинов» на Делосе, датируемой ок. 100 г. до н.э. с подписью мастера Асклепиада из финикийского Арада (Bruneau 1972: 235—239,

[16] Siebert 1978: pl. 52: Ol.5; Callaghan 1996: 371—372, fig. 3; Rotroff, Oliver 2003: 111, no. 446, pl. 75; 118, no. 485, pl. 84; 140, no. 588, pl. 102; 150, no. 636, pl. 111; Tolstikov, Zhuravlev 2004: 275, pl. 101: 6; Południkiewicz 2011: 426, 434, fig. 14; 435, no. 14; Kamenjarin 2014: 135, 137, 143, nos. 4—5; 147, no. 15; 148, pl. 4; Petrova 2014: 216, figs. 3: 1; 9: 5; Nasioula 2022: 563, fig. 5. — На формах для изготовления мегарских чаш, датирующихся концом II в. до н.э. и происходящих из Малой Азии: S. Künzl 2002: 54; T2—3; 59, T8—9; Nr. 24, Taf. 57—58; Nr. 32—34, Taf. 80—87; Nr. 74, Taf. 156—158; Nr. 76, Taf. 162—164; 2004, 737—738, Taf. 341—342 (группы 1—2).

no. 210, figs. 168—173; Dunbabin 1999: 34, figs. 34—35; Martin 2017a: 60—61, pls. 4—5; Martin 2017b: 72—73).

О популярности образа дельфина на эллинистическом Востоке свидетельствует не только его включение в официальный символ селевкидской династии — вместе с якорем, который он обвивает (такие изображения помещены в на дне некоторых чаш сегментовидной формы из клада I в Музее Гетти (Pfrommer 1993: 23—26, fig. 20: A—C; 110—115, nos. 1—3; Cat. Malibu 2022: 215—217, no. 106), но и использование образа дельфина в ювелирных изделиях из Тилля-тепе: застежках с изображением Эрота на дельфине (Sarianidi 1985: pl. 85, 231, no. 2, 5; pl. 87; 236, no. 3.2; Rosen Stone 2008: 80—81, Abb. 1; Kat. Bonn 2010: 168, Nr. 59; 182, Nr. 80) и бляшках с изображением человека с веслом, держащего дельфина (Sarianidi 1985: pl. 86; 226, no. 1.1; Boardman 2003: 142, 143, fig. 13; 2012: 108, 109, fig. 8; 2015: 114, fig. 62), а также в форме амфорок с ручками в виде дельфинов, которые получили распространение в Таксиле (Marshall 1951: 620—623, no. 1, pl. 190; Chandra 1979: 44, pl. XI: a; Treister 2004b: 306—307; Трейстер 2007: 130; 2019: 208; Belaňová 2016: 118—121, figs. 4—5)[17] и могильниках Северной Бактрии[18]. Исследователи уже отмечали такое сравнительно широкое использование образа дельфина, которые никак не был связан с местной фауной, в искусстве Парфии и Индо-Парфии (Pfrommer 1993: 25; Boardman 2015: 114—115).

5.2. Рыбы

Изображения рыб, в некоторых случаях очень напоминающие представленные на кувшине из Высочино (рис. 33: 1, 4; 34: 1, 3—4) (кат. № 2.1), крышке кубка (рис. 2: 1; 8: 1, 3; 10: 2—3) (кат. № 3.1), тазе (рис. 11, 13) (кат. № 3.2), чаше (рис. 14; 15: 1; 16) (кат. № 3.3) и пиксиде (рис. 17: 2; 19: 1, 4) (кат. № 3.4) из Косики, известны в эллинистической рельефной керамике, в частности, на чаше мастерской Биона из Афин, датированной последней четвертью III — первой четвертью II в. до н.э. (Rotroff 1982a: 19, 26, 27, 67, no. 190; pls. 35, 80). Очень близки изображения рыб на золотой пластине, обтягивающей железную прямоугольную поясную пластину, из найденного у с. Веселая Долина ритуального клада первой половины II в. до н.э., на которой представлены изображения хищных птиц, в том числе с рыбами в когтях (Редина, Симоненко 2002: 79, № 11, рис. 1: 3; 84; Симоненко 2010: 214, рис. 176; 2015: 287, 288, рис. 105: 1—2; Mordvinceva, Redina 2013: 396—397, 399, Nr. XVI.4).

Рыбы и птицы изображены на ткани настенной драпировки из хуннского кургана № 6 Ноин-Улы. С.И. Руденко предполагал малоазийское происхождение ноинульских гобеленных тканей или работу иноземных мастеров, находившихся при ставках хуннских вождей, или получение их Средней Азии через усуней (Руденко 1962: 101, 110, рис. 71, табл. LVIII; Rudenko 1969: Taf. LIV—LIX).

К приведенным наблюдениям, частично отмеченным в статье 1994 г., можно сейчас добавить удивительное сходство в композиции элементов фризов с изображением рыб на чаше (кат. № 3.3), крышке кубка (кат. № 3.1), пиксиде (кат. № 3.4) и фриза из рыб на внутренней стороне тазе из Косики (кат. № 3.2) с изображением на внешней стороне серебряной позолоченной полусферической чаши из коллекции аль-Сабаха, которая убедительно отнесена к сасанидской работе IV—V вв. н.э. (Carter 2015: 310—311, no. 86).

[17] Подобные серьги, приобретенные в Равалпинди, Пакистан, хранятся в Музее Фитцвилльяма в Кембридже: WAE.1970.8-9. Acc. No. E.8-9.1970. Дар Миссис С.Г. Керрингтон. Автор благодарен Л. Берн (Кембридж) за возможность ознакомится с серьгами. Аналогичные серьги хранятся и в Музее Михо: Cat. Miho 2002: 135 (ill.); 250, no. 188: e—g.

[18] См, например, золотые серьги из курганов Тулхарского могильника: Мандельштам 1966: 124—126, табл. LIX: 1—5, 7—8; Артамонов 1973: 20, рис. 12; Kat. Zürich 1989: 58—59, Nr. 29 = Cat. Venice 1993: no. 28. — Могильник Иттифок: Kat. Zürich 1989: 59, Nr. 31= Cat. Venice 1993: no. 30; Guerra et al. 2009: 178, 179, fig. 2e.— Могильник Аралтау: Мандельштам 1975: 52, 167, табл. XVIII: 23.

5.3. Морские драконы и морской дракон с человеческой фигурой с трезубцем

Морские драконы с задней частью туловища, свернутой спиралью, и с вытянутыми вперед передними конечностями изображены на крышках кубков из Косики (рис. 2: 1; 8: 3; 10: 1, 4) (кат. № 3.1) и Вербовского (рис. 20: 1; 29) (кат. № 1.1), а также на цилиндрическом сосуде из коллекции С.И. Григорьянца (рис. 30—33) (кат. № 4.1).

На крышке сосуда из Косики изображения морских драконов чередуются с изображением рыб. Сами драконы имеют протомы крылатых собак с трехпалыми лапами, туловом, проработанным вертикальными параллельными полосками, с гребнем на шее, исполненным в форме неправильных зубцов, слегка наклоненных в сторону головы. Подобные же зубцы имеются и на задней, свернутой части тулова. Хвост не раздвоенный (рис. 2: 1; 8: 3; 10: 1, 4) (кат. № 3.1).

На крышке кубка из Вербовского представлены по две фигуры разных типов морских драконов. Их объединяет то, что задняя часть тулова, свернутая спиралью, оформлена чешуей, показанной элементами перьевидного декора, сами хвосты раздвоены, в месте, где хвост раздвоен, изображен кружок, а само окончание хвоста приобретает форму бутона с лепестками, расходящимися в стороны. При этом, у двух драконов — протомы собак с головами, показанными в профиль, с вертикально стоящими ушами, а у двух других, голова, которых развернута *en face*, — протомы козлов (?). Интересно, что при этом передние конечности изображены и у тех, и других фантастических существ — с копытами (рис. 20: 1; 29) (кат. № 1.1).

Морские драконы, представленные на верхнем фризе сосуда из коллекции С.И. Григорьянца, также относятся к двум типам и образуют две геральдические композиции, каждая из которых представляет обращенных друг к другу с одной приподнятой лапой крылатых существ, одного с головой собаки, с открытой пастью и высунутым вперед волнистым языком, второго — с головой коня. У дракона с головой собаки — лапы когтистые, трехпалые, у дракона с головой коня — с копытами. Хвосты драконов — раздвоены в форме цветка с двумя отогнутыми наружу лепестками и треугольным выступом в центре (рис. 30—33) (кат. № 4.1).

Интересно, что и на кувшине из Высочино в нижнем фризе также представлен морской дракон с головой собаки с вытянутыми вперед когтистыми лапами с сидящей на нем (?) женщиной (?) с трезубцем в поднятой вверх правой руке. Неясно, впрочем, изображена ли сидящая на драконе фигура (нижняя часть изображения повреждена), или, что представляется более вероятным, представлен дракон с человеческой протомой, из нижней части которой вырастает голова собаки (рис. 33: 1, 4; 34: 5) (кат. № 2.1).

В целом ясно, что прототипом изображений на сосудах из Косики, Вербовского и коллекции С.И. Григорьянца был образ греческого морского дракона, кетоса, существа с протомой собаки и задней частью морского существа, чрезвычайно распространенный в античном искусстве, иконография которого сложилась уже в классическую эпоху, а сам образ стал очень популярным на Востоке в эпоху эллинизма, тогда как образ на кувшине из Высочино, скорее всего, восходит к греческой Скилле.

Кетос изображался, как правило, с головой собаки (интересно, что на шее и голове собаки может изображаться гребень, как у грифона), хотя в некоторых случаях он был представлен и с протомой пантеры. Оба примера украшают, в частности, серебряную пиксиду в форме раковины конца III — начала II в. до н.э. из Tomba degli Ori в Канозе — на спине каждого дракона изображена сидящая Нереида (Cat. Milan 1984: 58—62, no. 8; Cat. Triest 2002: 114, fig. 1; Minardi 2016: 172—173, figs. 2—3 (рельеф с изображением существа с головой собаки)). Нереида, восседающая на бескрылом морском драконе с головой собаки (?) изображена на фрагментированной терракотовой форме эллинистического времени из Селевкии на Тигре (Invernizzi 1989: 150, fig. 90).

О распространении образа морского дракона (бескрылого) в торевтике селевкидско-парфянского и бактрийского круга во II в. до н.э. свидетельствуют изображения: на чепраке слона на фаларах из Сибирской коллекции (Трейстер 1994: 192—193; Treister 1999: 587; Boardman 2015: 105; Minardi 2016: 174, fig. 5; 175), на серебряной с позолотой тарелке из так наз. второй части клада Окса в собрании Музея Михо (Cat. Miho 2002: 104 (илл. внизу слева), 244, no. 112; Boardman 2015: 94), а также на окончании найденного в Афганистане (?) золотого спирального браслета с надписью мастера (Bernard, Bopearachchi 2002: 240—245, figs. 4—7), оформление конца которого находит аналогии в ювелирных изделиях из Западного и Северного Причерноморья эллинистического времени (Bernard, Bopearachchi 2002: 244 с лит.). О распространении таких образов в Хорезме в I в. до н.э. — I в. н.э. свидетельствует находка фрагментов необожженной глиняной фигуры на городище Акшахан-кала (Minardi 2016: 165—200). Что касается крылатых морских драконов — то единственным примером является изображения таких существ с протомами грифонов на фаларах неизвестного происхождения, но с большой вероятностью парфянской работы II в. до н.э., в коллекции Новочеркасского музея (Ильюков 2000: 133—135; Treister 2005: 203, fig. 3: 3—4; 211; Дедюлькин 2015: 132—133, рис. 2: 1—2).

Что касается дракона с протомой коня на сосуде из коллекции С.И. Григорьянца (рис. 30—33) (кат. № 4.1), то, вероятно, истоки образа следует искать в изображениях гиппокампа. В античном искусстве от архаического до эллинистического времени последние изображались, как с крыльями, так и без них на расписных вазах (LIMC VIII: 634, no. 7; s.v. Hippokampos (N. Icard-Gianolio)), ювелирных изделиях (LIMC VIII: 634—635, no. 11; s.v. Hippokampos (N. Icard-Gianolio)), бронзовых складных зеркалах (Boucher 1970: 32, no. 13; Schwarzmaier 1997: 26, 245—246, Nr. 24; 262—263, Nr. 69; 322, Nr. 215, Taf. 47: 2), на эмблемах монет (LIMC VIII: 635, nos. 12, 14; s.v. Hippokampos (N. Icard-Gianolio)), в скульптуре (LIMC VIII: 635, no. 24; s.v. Hippokampos (N. Icard-Gianolio)), мелкой бронзовой пластике (LIMC VIII: 635, no. 17; s.v. Hippokampos (N. Icard-Gianolio)) и на геммах (LIMC VIII: 635—636, no. 29a; s.v. Hippokampos (N. Icard-Gianolio)). Образы крылатых гиппокампов встречаются и на стеатитовых фиалах из Таксилы (Francfort 1979: no. 50, pl. XXV; no. 90, pl. XIV).

Совершенно уникально изображение морского дракона с головой козла на крышке сосуда из Вербовского (рис. 20: 1; 29) (кат. № 1.1). Примеров подобных изображений мне не известно, хотя и в данном случае можно предполагать заимствование образа из искусства Гандхары, в рельефе которой встречаются, например, изображения крылатых морских драконов с головой барана, как на рельефе I—II вв. н.э. лестничного ограждения из Андан Дери в Пакистане (Kat. Bonn 2008: 96, Nr. 24).

Что касается изображения на кувшине из Высочино (рис. 33: 1, 4; 34: 5) (кат. № 2.1), прототип которого я связывал с образом греческой Скиллы (Трейстер 1994: 191—192), что вызвало критику С.И. Лукьяшко, определявшего персонаж, как образ индийского макара (Лукьяшко 2000: 167), на которую я уже отвечал (Treister 2005: 243—244). С этой гипотезой согласиться нельзя[19] и не только потому, что фигура дракона с трезубцем не известна в кушанском искусстве, а, главным образом, потому что такие изображения с трезубцем характерны для изображений Скиллы в искусстве эпохи эллинизма[20], а также восседающего на гиппокампе Посейдона искусстве поздней архаики и ранней классики (LIMC VII: 455, Nr. 72—72a; 462—463, Nr. 153—157; s.v. Poseidon (E. Simon)). В этой связи укажем и на то, что появление образа макара было связано именно с заимствованием образа морского дракона из

[19] Такого же мнения придерживается и Дж. Бордман, который сообщил мне об этом в мейле 21.06.2003.

[20] Об изображениях Скиллы с трезубцем в искусстве эпохи раннего эллинизма, см., например, бронзовую матрицу из Фессалии, хранящуюся в Балтиморе и пластину из некрополя Диррахия с комментариями: Treister 2001: 230—235, figs. 84: 2; 93.

античного искусства[21], многие образы которого были восприняты в искусстве Гандхары (Tanabe 2002: 71—100; Rosen Stone 2008: 80—85; Boardman 2015: 142—153; Minardi 2016: 177)[22].

Образ Сциллы, также, как и образ морского дракона, в эллинистическую эпоху получает распространение на Востоке вплоть до Центральной Азии, о чем свидетельствует как выполненная в классическом варианте и датируемая серединой I в. до н.э. пластина из слоновой кости с рельефным изображением из дворца в Дедоплис Гора в Кавказской Иберии (Gagoshidze 2008: 98—99, 111, no. 90; Knauß 2008: 117—121, pl. 47; Andreae 2009: 69—80), так и бутероль меча из слоновой кости, найденная в храме Окса, на которой изображена Сцилла с камнем в поднятой вверх правой руке и с веслом в левой, атрибутами Сциллы, хорошо известными. Авторы публикаций называют ее гиппокампессой или «ихтиокентаврессой с чертами Сциллы». Обращает на себя внимание то, что она крылатая и что выброшенные вперед передние конечности оформлены копытами (Kat. Zurich 1989: 38, Nr. 9; Пичикян 1991: 179—180, рис. 30—31; Litvinskij, Pichikian 1995: 140—149, fig. 13; Литвинский 2001: 269, № 1155/2; табл. 79: 4; 80; 2010a: 230—239, илл. 23, рис. 51; Boardman 2015: 87, pl. XXII: a winged female horse-fish holding an oar and a fruit! (!); Lindström 2016: 293—294, Abb. 11)[23]. Нельзя не согласиться с Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном, которые пришли к выводу о сложном пути появления этого образа, истоки которого отчетливо прослеживаются на западе, и определяли изделие как работу бактрийского ремесленника первой половины II в. до н.э. В этой связи укажем также на эмблемы монет чеканки индо-греческого царя Гиппострата, правившего в Пенджабе между ок. 65 и 55 гг. до н.э. с изображением тритона, держащего в одной руке — дельфина, а в другой — весло (Bopearachchi 1991: 137, pl. 66, series 12; Boardman 2003: 143, fig. 14; 2012: 108, 109, fig. 9; 2015: 98—99).

Обращает на себя внимание и использование перьевого орнамента в оформлении крыльев грифонов на сосуде из Вербовского (рис. 20: 1; 29) (кат. № 1.1), а также на тулове грифонов, изображенных на золотой пекторали из Косики (в целом о пекторали см.: Трейстер 2020: 377—409; Treister 2022: 110—147; о сцене с грифонами: Трейстер 2020: 380, рис. 1; 384—385, 390, рис. 6; Treister 2022: 116, fig. 6). Интересно, что подобным же образом проработан первый ряд чешуи на теле Скиллы на упомянутой выше бутероли из храма Окса.

Раздвоенные кончики хвостов, оформленные в качестве бутонов, раскрывающихся наружу, сопоставимы с хвостами драконов, изображенных на чепраках слонов фаларов из Сибирской коллекции (Трейстер 1994: 192—193; Treister 1999: 587; Boardman 2015: 105; Minardi 2016: 174, fig. 5; 175). Оформление раздвоенных кончиков хвостов драконов, с кружком в основании на крышке сосуда из Вербовского (рис. 20: 1; 29) (кат. № 1.1) находит ближайший прототип в оформлении хвоста Сциллы на рассмотренной выше бутероли меча из клада Окса.

5.4. Козы на задних конечностях в геральдической позе

Стоящие на задних лапах, с передними — поджатыми — в геральдической позе козы (козлы?) представлены на верхнем фризе кувшина из Высочино (рис. 33: 1; 34: 1, 6) (кат. № 2.1).

Этот мотив стоящих «на цыпочках» животных в антитетической позе имеет прототипы еще в древневосточном искусстве и греческом искусстве эпохи бронзы (Crowley 1977: 15—27; Sørensen 2015: 440). Приведенная мною в статье 1994 г. параллель с изображением

[21] О типологии макара, см. Viennot 1954; Boardman 1986; 2015: 105, 116, 138. Об изображении макара на золотой подвеске из Тилля-тепе, см. Boardman 2003: 140—141, fig. 11.

[22] Стеатитовые фиалы из Гандхары (Francfort 1979), назначение которых дискуссионно (Falk 2014: 89—113), изначально датировали II—I вв. до н.э. (Francfort 1979). Недавно была высказано точка зрения об их датировке I—II вв. н.э. (Lo Muzio 2011: 331—340).

[23] Еще одно изображение гиппокампессы с веслом представлено на шиферной тарелочке из частной коллекции в Японии: Tanabe 2002: 81, fig. 6.

животных по сторонам «древа жизни» на рукояти секиры из Келермесского кургана (Трейстер 1994: 195) лишь одна из параллелей на известных памятниках.

Обратимся к хронологически более близким параллелям. Мы встречаем геральдическую композицию из двух стоящих на задних лапах коз также на фреске эллинистического времени из Нимфея с изображением корабля «Исида» (Grač 1987: 89, 92—93, Abb. 2; Taf. 27; Vinogradov 1999: 274—275, fig. 1; Höckmann 1999: 306—307, fig. 1, pl. 1; 2010: 348, Abb. 3: 2—3; 359—362, Anm. 109 с лит.; Murray 2001: 251, fig. 1; 253, fig. 2; Cat. Malibu 2007: 175—177, no. 78; Bricault 2020: 23—27, note 94 с лит.; fig. 2) и на фреске гробницы, открытой в 1975 г. в Анапе (Алексеева 2016: 43, рис. 4: 2; 2021: 91, 170, 174, 217, рис. 48), на бронзовой матрице позднеэллинистического времени или первых веков н.э. неизвестного происхождения в Музее Балтимора (Treister 2001: 299, fig. 104.1).

Близкие композиции со стоящими на задних ногах животными (но по сторонам кратера) встречаются на мегарских чашах, особенно, аттического производства, в том числе с Афинской агоры, датированных концом III — первой четвертью II в. до н.э. (Rotroff 1982a: 56, 57, 59, nos. 105, 114, 123, pls. 18, 20, 23; 75—77; Thompson 1987: 59, no. C26, fig. 44), из Моргантины (Stone 2015: 278, no. 629, pl. 126), Гортины в Аркадии (Siebert 1978: 236—238, pl. 51: Go.88—89) и Коринфа (Edwards 1975: 170, nos. 845—848; 1981: 195), в том числе из контекста, датированного 146—44 гг. до н.э. (чаша аргосского производства: Bald Romano 1994: 66—67, no. 8, pl. 15). Впрочем, встречаются такие изображения и с листом аканфа между животными, которые становятся вписанными в розетту на дне чаши (Edwards 1986: 412, no. 15a, pl. 86).

5.5. Рыбаки

На кувшине из Высочино представлены две сцены рыбной ловли с изображением обнаженных рыбаков. В одной случае стоящий рыбак держит удочку, на крючке которой висит небольшая рыба, а перед ней изображена крупная плывущая рыба. В другой сцене рыбачка (судя по прическе это женский персонаж) сидит на скале. Поскольку мастер не передал никаких половых признаков в изображениях, о гендерных различиях рыбаков можно судить только по прическам. На крючке удочки висит мелкая рыбка, а перед ней также изображена плывущая — крупная (рис. 33: 1; 34: 1, 3) (кат. № 2.1).

Сцены рыбной ловли на удочку, хотя и получают в распространение на мозаиках позднеримского и ранневизантийского времени из Македонии и Восточного Средиземноморья (Kankeleit 1999: 69—79; 2003: 273—278; Kokkini 2012: 47—67; 2016: 89—124), тем не менее, известны еще в позднеархаическую и классическую эпоху, в краснофигурной вазописи, а сидящие на скале рыболовы представлены и на краснофигурных вазах конца VI — V в. до н.э. (килик из Орвьето в Бостоне: Himmelmann 1980: Taf. 10. — Пелика в Вене: Ziomecki 1975: 123, fig. 47). Образ сидящего на скале полуобнаженного или обнаженного рыбака получил распространение в мелкой пластике эпохи эллинизма и первых веков н.э. (Bayer-Niemeier 1983: 99—122, Abb. 14—16; 19—20; Masséglia 2015: 222—223, fig. 4.34), в изображении на медальоне бронзовой чаши из погребения первой половины I в. н.э. в Приене (Wiegand, Schrader 1894: 282—283, Abb. 295—296; Nuber 1972: 47, 193, Liste EII, a.1, Taf. 6; 218, Grabliste 141; Raeder 1983: 40, Nr. 116, Abb. 25; Antikenmuseum Berlin 1988: 192—193, Nr. 2; Bolla 1994: 35; Petrovszky, Stupperich 2002: 12, 22, 36, Griffschale, Typ A, Nr. 1, Taf. 34), а также в рельефной керамике первых веков н.э. (Salomonson 1979: 119, 133, Abb. 7a).

Рыбаки в античном искусстве могли изображаться одетыми, полуобнаженными или обнаженными (Masséglia 2015: 222—230) — персонажи, представленные на кувшине из Высочино (рис. 33: 1; 34: 1. 3) (кат. № 2.1), обнажены полностью. Более, того в античном искусстве не известны изображения женщин, ловящих рыбу. В античной торевтике образ рыбака с удочкой, который ассоциировался с бедностью, также не получил распространения — во всяком случае, единственный пример — изображение на блюде III в. н.э. из Ловере в Италии (Stefanelli 1991: 196—197, fig. 196—197; 279, no. 114).

Изображений сцен рыбной ловли в торевтике Ирана нам не известно. Приводимый С.И. Лукьяшко пример со сценой на серебряном сасанидском блюде из Оношат (Лукьяшко 2000: 166) таковой не является — здесь изображены две водоплавающие птицы и две рыбы, а также птицы с рыбами в клюве — здесь можно говорить лишь о рыбной ловле птиц (Тревер, Луконин 1987: 118, № 39, табл. 113).

5.6. Птицы

Изображения идущих и летящих водоплавающих птиц представлены на верхнем фризе кувшина из Высочино (рис. 33: 1, 4; 34: 1, 2) (кат. № 2.1), на нижнем и верхнем фризах — пиксиды из Косики (рис. 17; 18: 5—6; 19: 1, 4) (кат. № 3.4). Я уже отмечал в связи с этими изображениями тот факт, что тема водоплавающих птиц получила распространение в торевтике греко-скифского стиля IV в. до н.э. (Трейстер 1994: 194). Если же обратиться к хронологически более близким параллелям, то, безусловно, необходимо указать на уже приведенные выше примеры изображений плывущих уток и летящих лебедей с венками в клювах на серебряных сегментовидных чашах из Исаковки (Лившиц 2002: 51—55, № 2, рис. 5—7; Livshits 2003: 161—165, figs. 5—7; Koryakova 2006: 111, fig. 16; Koryakova, Epimakhov 2007: 304—305, fig. 8.17) и Танаиса (Беспалый 2014: б/№), на которых указанные изображения сочетались с изображениями дельфинов.

Изображения длинноногих и длинношеих птиц украшают штаны царского персонажа на фреске центрального здания городища Акшахан-кала (Betts et al. 2017: 125, 127, 155, fig. 17).

Кроме того, идущие водоплавающие птицы нередко изображались и на мегарских чашах (Siebert 1978: 303—304, pls. 12, D1, 1—2; 306, DI. 29, pl. 14; Ol. 3, 5, pl. 52; Rotroff, Oliver 2003: 118—119, nos. 486—489, pl. 84; Puppo 2004: 600—601, pl. 298b). Известны и изображения летящих птиц, как на чашах аттической работы, на которых они появляются на изделиях мастерской Биона 225—175 гг. до н.э., так и на более поздних — коринфской и аргивской работы (Edwards 1986: 397, fig. 1: A—C; 398; 412, no. 12, pl. 86; Rotroff 2013: 152, 154—156, pls. 1; 3: 2).

6. Сцены

6.1. Сцены охоты на кабана

Сцены верхних фризов сосудов из Косики (рис. 2: 2; 3; 5: 1—2; 6: 1; 7: 1—2) (кат. № 3.1) и Вербовского (рис. 20: 2; 24: 1; 25: 1, 3—4; 26: 1—3) (кат. № 1.1) очень близки — они представляют собой изображение охоты воина-копейщика на кабана. Отличие их заключается в том, что на сосуде из Косики в охоте принимают участие собаки. Одна из собак изображена под брюхом кабана (в первой сцене она показана в профиль влево, вторая собака, вскочившая на кабана сзади, показана грызущей его). Во второй сцене, в отличие от первой, изображение кабана практически не сохранилось.

Тема охоты на кабана получила распространение как в искусстве древнего Востока, начиная с III тыс. до н.э. (Herles 2012: 219—225), так и архаической и классической Греции — в вазописи изображалась охота на кабана как всадников, так и пеших охотников, вооруженных копьем или мечом, как правило, с собаками (Scherrer 2000: 167—176; Fornasier 2001: 7—101, 286—321; Barringer 2002: 15—36, figs. 1—2, 4—5, 8—10, 15—16, 18, 22, 26; 60—63, table 1; Sachs 2012: 94—98, figs. 51—53). О значение охоты на кабана в иранской мифологии уже неоднократно писалось; а сам кабан являлся воплощением образа Веретрагны (Раевский 1977: 83; Переводчикова 1994: 46—48; Маразов 1996: 160—179; Полидович 2009: 322; Vassileva 2010: 43—44; Лопатин, Леонтьева 2011: 91—107; 2012: 146—155; Вертиенко 2014: 271—280). Кабан был символом армянской династии Аршакидов (Russel 1987: 88, 126, 191—192; Тадевосян 2014: 97—105). Обучение охоте, в том числе на кабана, было неотъемлемой

частью как царской охоты, так и воспитания юношей элиты в Ахеменидском государстве и впоследствии в Парфии, о чем сохранились сообщения в письменных источниках (Seyer 2007: 43—65; iranicaonline.org: 1). В отличие от искусства парфянской эпохи, в ахеменидском и греко-персидском (персо-анатолийском) искусстве сцены охоты на кабана всадников, вооруженных копьями, довольно многочисленны и представлены изображениями на погребальных стелах (Fabricius 1999: 35, Taf. 7; Sevinç, Rose 2001: 398, fig. 17; 399; Herles 2012: 228), фресках (Mellink 1998: 32—34, 53), саркофагах (Саркофаг с плакальщицами: Fleisher 1983: 11, 30—35, Taf. 12.— Саркофаг со сценами охоты и битвы из Чана: Sevinç, Rose 2001: 389—395, figs. 4—10; Rose 2007: 256—257, fig. 13; Vassileva 2010: 40, fig. 7), в глиптике (Boardman 2001: pls. 905, 924, 925; Vassileva 2010: 42, fig. 11; Herles 2012: 225—227, Abb. 6—9).

В V—IV вв. до н.э. охота на кабана получает распространение как занятие царей и элиты, судя по памятникам искусства, и во Фракии, где это связывают с ахеменидским влиянием (Маразов 1975: 30—42; Рабаджев 2014: 369—370; Vassileva 2015: 332)[24], и в Македонии (Seyer 2007: 67—124; Cohen 2010: 72—74)[25].

Сцены с охотой на кабана с участием собак (Hull 1964: 103 —105), представлены на рельефе саркофага начала IV в. до н.э. из Чана в Троаде (Sevinç, Rose 2001: 389—395, figs. 4—10; Rose 2007: 256—257, fig. 13; Vassileva 2010: 40, fig. 7), на фреске гробницы из Александрово (см. ниже прим. 24), на халцедоновом скарабеоиде в Париже (здесь пеший охотник) (Boardman 2001: pl. 885), на золотом перстне из фракийской гробнице в Староселе (Vassileva 2010: 43, fig. 15), на охотничьем фризе фасада гробницы II в Вергине (см. ниже прим. 25).

Отметим, что в отличие ахеменидского искусства, а также греко- и фрако-персидского, в искусстве Ирана сасанидской эпохи (Herles 2012: 230—236) (например, рельефы Так-и Бустана (Tanabe 1983: 103—104, pls. I—II), серебряные сасанидские блюда (Тревер, Луконин 1987: № 6, табл. 13 (Шапур III); № 7, табл. 15 (Варахран); № 17, табл. 35)), многие сцены охоты на кабана представляли изображения не всадника с копьем, а всадника, стреляющего из лука. Это же относится и некоторым к памятникам парфянского времени (граффити из Дура Европос: Ghirshman 1962: 51, Abb. 63A). С другой стороны, на терракотовом рельефе парфянского времени из Британского музея изображен всадник в чешуйчатом доспехе и шлеме с копьем в схватке с кабаном (Ghirshman 1962: 106, Abb. 122; Skupniewicz 2016: 64, fig. 9; 65), также как и на граффито из Хатры (Venco Ricciardi 1996: 159, 160, fig. 7, 2005: 212, fig. 7; Gaibov, Košelenko 2008: 105, fig. 6 (ошибочно как происходящем из Дурра-Европос); Harper 2008: 84, fig. 7), изображен всадник с копьем и нападающие на него два кабана. Весьма вероятно, что всадник с копьем, охотящийся на кабана, представлен и на фрагменте фляги из Джанбас-калы в Хорезме (Толстов 1948: 202, табл. 82: 1; Гаибов, Кошеленко 2013: 293, рис. 4), памятника датируемого в рамках IV—I вв. до н.э. Особое значение приобретают костяные гравированные пластины из дворца в Дедоплис Гора в Кавказской Иберии, основанного на рубеже II—I вв. до н.э. и погибшего в конце I в. н.э., на которых мы встречаем изображения охоты на кабанов именно с копьями: в некоторых случаях представлены пешие охотники (Gagoshidze 2008: 91—97, 107, nos. 50—51, pl. 36), в других — конные (Gagoshidze 2008: 91—97, 107—108, nos.41, 53, 58—59, pl. 35—37). Лишь на одной пластинке представлена охота конного лучника на кабана (Gagoshidze 2008: 91—97, 106, no. 32, pl. 34). Во всех случаях, однако, в сценах охоты нет изображений собак.

[24] Фреска в гробнице в Александрово: Kat. Bonn 2004: 254—256, figs. 11, 13, 15; Vassileva 2010: 40—41, figs. 8—9; 2015: 332. — В торевтике: Маразов 1996: 160—179; Vassileva 2010: 42—43, figs. 13—15; 2015: 332.

[25] См. фриз с изображением охоты на разных животных, в том числе кабана, с участием всадников и пеших охотников, вооруженных копьями, и собак на фасаде гробницы II в Вергине; при этом на кабана нападают пешие охотники: Andronicos 1984: 102—103, figs. 58—59; Collins Reilly 1993: 160—162; Seyer 2007: 77—78, 173—178, pls. 16—17; Cat. Oxford 2011: 210—213, figs. 247—250. Интересно, что эту композицию рассматривают как прототип подобной сцены с участием пеших воинов с копьями и топорами, охотящихся на разных животных, в том числе и кабана, на аттическом расписном канфаре III в. до н.э.: Rotroff 1997: 55—56, 270—271, no. 271, pls. 26—27.

В искусстве кочевников Евразии раннего железного века изображения охоты всадника с копьем на кабана появляется не позднее IV в. до н.э. Интересно, что ни в скифском искусстве Северного Причерноморья, ни в греко-скифском искусстве сцены охоты на кабана не известны[26], однако, такая сцена представлена на декоративной пластине клинка меча из кургана № 4/2006 могильника Филипповка-I в Южном Приуралье (Рукавишникова 2011: 373—376, рис. 1а, сцена 1; Yablonsky et al. 2011: 54, face A, frise 2: 1—3; 57 (ill); Яблонский и др. 2011: 230, рис. 5, ряд 1: 1—3; 232—2; 232—233).

Сцена, изображающая охотника с луком и горитом, убивающего кабана кинжалом или коротким мечом, с собакой, вцепившейся в кабана сзади, представлена на золотой накладке в форме колпачка со вставками сердолика и бирюзы, случайной находке рядом с курганным могильником Теерге-II в Туве — стилистически накладку связывают с золотыми предметами Сибирской коллекции и датируют IV—III вв. до н.э. (Грач 1980: 81, 255, рис. 117; Троицкая, Новиков 2007: 137, рис. 38, Полидович 2009: 314, 316, рис. 2). На В-образных поясных бляхах III—II вв. до н.э. из Сибирской коллекции изображена охота конного лучника на кабана, являющаяся частью сложной композиции, в которой изображен еще один конь, всадник которого залез, спасаясь от кабана, на дерево (Rudenko 1962: 49, 51, Taf. I: 5; IV: 5; Артамонов 1973, 136—137, рис. 184—185; 143; Cat. Triest 2001: 104, no. 57; Рец 2004: 325—332; Boardman 2010: 77, no. 375—376; pl. 50; Королькова 2012б: 347, рис. XXV; Francfort 2014: 1558, fig. 8; 1559; Маслов 2015: 279, илл. 5: 1—2; 282).

Впрочем, такие изображения довольно редки — к ним относятся сцена на золотой ажурной пряжке из Саксанохура в Северной Бактрии, которую датируют I—II вв. н.э. (Kat. Zürich 1989: 52—53, Nr. 25; Маслов 1999: 222, 227; ср.: Ilyasov, Rusanov 1998: 115, 116, 127; Curtis 2001: 307; Marshak 2002: 9, fig. 10; Cat. Miho 2002: 160 (ill.), 253, no. 214; Ilyasov 2003: 286, pl. III: 2; Abdullaev 2008: 138, 139, fig. 4; Jäger 2009: 77, pl. 17; Kat. Mannheim 2009: 343, Nr. 222; Brosseder 2011: 401, 424, List 9, no. 9; Gruber et al. 2012: 367, 368, fig. 22; Francfort 2014: 1553, 1554, fig. 2; Olbrycht 2015: 340) и на фреске склепа № 9 Восточного некрополя Неаполя Скифского (Раевский 1977: 83; Попова 1984: 130 (илл. вверху), 141; Зайцев 2003: 206, рис. 136). Причем лишь на последней в охоте на кабана принимают участие собаки.

Таким образом, изображения сцен охоты всадников с копьями на кабанов на сосудах из Косики (рис. 2: 2; 3; 5: 1—2; 6: 1; 7: 1—2) (кат. № 3.1) и Вербовского (рис. 20: 2; 24: 1; 25: 1. 3—4; 26: 1—3) (кат. № 1.1) вписываются в иранскую традицию изображений царской (элитарной) охоты, уже сложившуюся в ахеменидскую эпоху и к IV в. до н.э. получившую широкое распространение в Евразии. Интересно, что изображение собак в сценах на сосуде из Косики находит ближайшие прототипы именно не в известных нам памятниках со сценами охоты на кабана парфянского времени, а на фресках, рельефах и произведениях торевтики Северо-Запада Малой Азии и Фракии IV в. до н.э., хотя, судя по бляшке из Тувы, кочевники Евразии в это время также использовали собак для охоты на кабанов.

6.2. Сцена охоты лучников на птиц

Коленопреклоненные лучники изображены стреляющими в птиц на верхнем фризе пиксиды из Косики (рис. 17; 18: 5; 19) (кат. № 3.4). Б.А. Раев приводит им параллели на костяных пластинах со сценами охоты из погребения Шиловского могильника в Поволжье VII в. н.э. (Раев 2012: 190; см. теперь также: Фонякова 2013а: 166—180; 2013б: 203—208 с лит.). Хотя трактовка изображений и тот факт, что лучники изображены натягивающими тетиву лука левой рукой на пиксиде из Косики и пластинах из значительно более позднего кургана на Средней Волге действительно очень близки, нас интересует в первую очередь истоки иконографии изображения лучников на пиксиде из Косики, а не ее дальнейшее развитие в средневековом искусстве.

[26] В искусстве европейской Скифии получили распространение отдельные изображения кабанов или только их кабаньих голов (см. Канторович 2011: 34—42; Канторович, Грибкова 2011: 132—146).

Изображения коленопреклоненного лучника-охотника известно еще в хеттском и ассирийском искусстве Анатолии и Сирии второй половины II тыс. до н.э. (Albenda 2008: 65—66) — подобным образом он представлен, в частности, на рельефе блока Ворот Сфинкса в Аладжи-Уюке (Güterbock 1956: 54—56; 1989: 119, pl. 18c; Akurgal 1961: 81, Taf. 94, 97; Mellink 1970, 19—20, fig. 2), на печатях из Богазкея (Güterbock 1989: 119, pl. 18b) и Телль Саби Абияда (Akkermans, Wiggermann 2015: 95, fig. 6, 8); в первом случае хорошо видно, что лучник, стреляющий в кабана, натягивает тетиву правой рукой. При этом положение ног лучников, в тех случаях, когда изображения более-или-менее детально проработаны, стандартны — он опирается на левую ногу, выставленную вперед и согнутую в колене, тогда как правая нога поджата под тело и стоит на носке.

Лучники в такой позе, один из которых натягивает тетиву левой[27], а другой — правой рукой (вероятно, в интересах симметрии изображения, как полагает О. Маскарелла), изображены охотящимися на разных животных на фризе на внутреннем крае бронзовой чаши, найденном в погребении могильника раннего железного века III Чамачзи Мума в Луристане (Haerinck, Overlaet 1998: 26, ill. 12; fig. 37, pls. 58; 60; Muscarella 2000: 122). Различные изображения коленопреклоненных лучников, стреляющих как влево, так и вправо, представлена на пластинках из слоновой кости из Хасанлу в Северо-Западном Иране (Muscarella 1980: 162), на золотом сосуде из царской ассирийской гробницы VII в. до н.э. в Нимруде (Damerji 1999: 11, covers and Abb. 46—52; Hussein, Suleiman 2000: 366—367; Oates, Oates 2001: 86, pl. IIIb; Collon 2008: 115—117, fig. 14) и луристанских печатях VII—VI вв. до н.э. (Schmidt et al. 1989: pl. 237, fig. 86, Sor 1299).

Таким образом, совершенно неудивительно появление в ахеменидской чеканке при Дарии I царских изображений в виде лучника в позе коленопреклоненного бега (*Knielaufpose*), передающих образ царственного охотника (Root 1989: 45—46; Garrison 2010: 337—339, figs. 32.1—2), который в предшествующую эпоху представлен на ассирийских рельефах, в частности изображающих в такой позе Ашшурбанипала (Magen 1986: pl. 2: 8), и широкое использование мотива коленопреклоненного лучника в ахеменидской глиптике, на оттисках печатей из Персеполя (Garrison 2010: 339—359, figs. 32: 7—9). Интересно, что и в греческом искусстве архаического и классического времени коленопреклоненные лучники часто изображались или во фригийских колпаках, или в персидской одежде, как на краснофигурном килике, хранящемся в Берлине (CVA Berlin, Antiquarium 2: 21—22, Taf. (993, 995) 64: 3—4, 66: 6). Известны изображения коленопреклоненных лучников и в греческой глиптике (Boardman 2001: pls. 356, 376) и в скульптуре (западный фронтон храма Афины Афайи на о. Эгина: Fürtwangler 1906, 210—211, 311, Abb. 152—154; Taf. 108: 2; Brinkmann, Koch-Brinkmann 2001: 101—102, 141), фракийской торевтике V—IV вв. до н.э. (на поясе из Ловеча:) Велков 1934: 18—33; Маразов 1975: 30—42, рис. 1; 1992: рис. 104; 1996, 83, 86, рис. 94—95; 87; Venedikov, Gerassimov 1973: pls. 248, 250; Венедиков 1996: 27—29, рис. 24; Cat. Saint Louis 1998: 175, no. 105; Alexandrescu 1999: 271, pl. 28; Kat. Bonn 2004: 229, Nr. 235, 318, Abb. 3; Шалганова 2008: 125, 137, рис. 4; Sîrbu, Ştefan 2010: 243, 258, fig. 3: 1; Vassileva 2010: 42, fig. 13; обкладка ножен меча из коллекции В. Божкова: Marazov 2011: 95—98, no. 66). О широком распространении позы коленопреклоненного лучника свидетельствует и тот факт, что именно в такой позе представлены лучники терракотовой армии из гробницы Цинь Шихуанди, захороненного в 210 г. до н.э. (Kat. Bonn 2006: 150—151, Nr. 27).

Более близкие хронологические параллели мотиву на пиксиде из Косики (рис. 17; 18: 5; 19) (кат. № 3.4) мне не известны. Вряд ли есть основания сопоставлять эти изображения с мифом о Геракле и стимфалийских птицах (LIMC V, 1990: 54—57, nos. 2241—2283, s.v. Herakles and the Stymphalian Birds, S. Woodford; Stafford 2012: 37—38.). Хотя известны изображения Геракла, стреляющего в птиц из лука, но он, как правило, представлен

[27] Лучник, оттягивающий тетиву левой рукой, изображен и на пластине неизвестного происхождения: Godard 1962: fig. 83; Muscarella 2000: 123.

стоящим, по крайней мере, на мозаиках (arachne.dainst.org: 1), рельефах (arachne.dainst.org: 2) и фресках первых веков н.э., в частности из горгиппийского склепа 1975 г. (Алексеева 2016: 42, рис. 3: 1; 2021: 98, 124, рис. 66—67). Изображения коленопреклоненного Геракла, стреляющего из лука в стимфалийских птиц, чрезвычайно редки и представляют Геракла в львиной шкуре (LIMC V, 1990: 55, nos. 2245—2249, s.v. Herakles and the Stymphalian Birds, S. Woodford). Поэтому трудно говорить о такой связи.

Ближайшую же параллель позе лучника на пиксиде из Косики мы обнаруживаем на изображении всадника, охотника с луком, на роговой накладке лука из кургана № 14/2021 могильника Кылышжар в Южном Казахстане, которая датирована автором раскопок в широком интервале I в. до н.э. — II в. н.э. (Подушкин 2022: 191, 192, рис. 8; 193). А.Н. Подушкин называет ее позой «низко силящего жокея», отмечая, что она впервые появляется на изображениях рассматриваемого им круга (Подушкин 2022: 191). Как видим, это не так.

6.3. Сцены терзания

Сцены терзания представлены на нижних фризах сосудов из Вербовского (рис. 20: 3; 24; 25: 2; 27: 2. 4) (кат. № 1.1) и коллекции С.И. Григорьянца (рис. 30—33) (кат. № 4.1).

На сосуде из Вербовского (кат. № 1.1) в нижнем фризе представлены три сцены, одна из которых сохранилась почти полностью, а две другие — фрагментированы. На наиболее полно сохранившемся фрагменте изображен олень в профиль влево, на которого спереди и сзади нападают по одному грифону (фигура одного из них, нападающего на оленя сзади, сохранилась полностью — это орлиноголовый грифон). На двух других сценах представлены: 1) кошачий хищник (?) (от него сохранилась задняя часть туловища с хвостом), нападающий на лошадь (сохранилась голова и одна из передних ног с копытом) и 2) олень, на которого спереди нападает орлиноголовый грифон (сохранилась передняя часть тулова с головой) и кошачий хищник — сзади (сохранилась только голова).

На сосуде из коллекции С.И. Григорьянца (кат. № 4.1) на нижнем, плохо сохранившемся фризе представлены две сцены терзания: в каждой из которых — два льва терзают копытного (оленя или, скорее, лося).

Подобные композиции с изображением кошачьих хищников или грифонов, терзающих копытное животное, получили распространение в греческом искусстве начиная с архаического времени и были широко представлены на произведениях греко-скифской торевтики конца V — IV в. до н.э. (Pfrommer 1993: 11, 72, notes 41—43; Treister 2001: 156—157; 2005, 219 с примечаниями; 2022: 124—128; Трейстер 2020: 384—388). Если обратиться к хронологически более близким примерам, то следует указать на две пары фаларов из клада I в Музее Гетти, предположительно происходящего из Северо-Западного Ирана, одну из которых считают греко-бактрийской (Pfrommer 1993: 155—157, nos. 30—31; Treister 1999: 592—593, fig. 13; Invernizzi 1999, pl. 15: e; Cat. Malibu 2022: 222—223, nos. 111—112), а вторую — парфянской работы (Pfrommer 1993: 158—160, nos. 32—33; Treister 1999: 593, fig. 14; Invernizzi 1999: pl. 15: f), на каждой из которых изображен лев, нападающий на оленя сзади. Подобная же сцена представлена и на пластине, украшенной вставками, из коллекции Д. Зеликовиц в Нью-Йорке, предположительно происходящая из Дайламана в Иране (Cat. Paris 1961: no. 733A, pl. LXXVII).

О том, что образ грифона получает распространение в искусстве Парфии, свидетельствуют и находка серебряной статуэтки орлиноголового грифона в Нисе (Пугаченкова 1959: 76—77, рис. 5; Invenizzi 1999: 85—97, tav. E: a—b; 12: i—o; Пилипко 2001: 324, рис. 233: 3), и украшения, изображающие орлиноголового грифона с зайцем в лапах, со вставками из бирюзы и лазурита, которые были найдены в составе одного из кладов, попавших

в Музей Гетти (Pfrommer 1993: 63—64, 202, nos. 81—84 (I в. до н.э. — I в. н.э.))[28]. Сопоставимо и изображение грифона на пряжке с боковым крючком из ольвийского погребения, открытого в 1913 г. (Pharmakowsky 1914: 254—256, Nr. 5, Abb. 78; Zahn 1921: 31, L, 35, Taf. 28, Nr. 92; Cat. Baltimore 1979: 102—103, no. 296; Treister 2003: 251, figs. 3—4). Однако сцены терзания грифонами копытных, как в греческом или греко-скифском искусстве в искусстве Передней и Центральной Азии эллинистического времени мне не известны.

Таким образом, нельзя исключать, что прототипами сцен на нижнем фризе сосуда из Вербовского (рис. 20: 3; 24; 25: 2; 27: 2. 4) (кат. № 1.1) послужили изображения на предметах скифского или греко-скифского стиля V—IV вв. до н.э. (Treister 2005: 220), которые, как показала находка пекторали в Косике, доживали по крайней мере, до I в. до н.э. Из трех сцен, сохранившихся на лицевой пластины пекторали, в центре представлены два орлиноголовых грифона, терзающих быка, а по сторонам — пары львов, терзающих барана (слева) и оленя — справа (Трейстер 2020: 377—409; Treister 2022: 110—147).

6.4. Сцены сражений всадников

На нижнем фризе сосуда из Косики (кат. № 3.1) представлены две сцены сражения всадников.

А) Одна из них представляет сражение облаченного в панцирь воина-катафрактария, который мощным ударом пики выбивает из седла легковооруженного лучника (рис. 3: 2; 5: 3; 6: 2—3; 7: 5—6).

Типологически сцены сражения всадников, при которых один выбивает другого из седла, сравнительно редки (на стене так называемого «дома фресок» в Дура-Европос (Little 1933: 186—187, pls. XVII—XVIII; Goldman, Little 1980, 285—287, fig. 2, pl. 7; von Gall 1990: 52—55 с лит., Taf. 18; Goldman 1999; Langner 2001, 154, Taf. 87, Nr. 1334; James 2004: 42, fig. 22), на фреске из так наз. Стасовского склепа в Керчи (Ростовцев 1914: 293—345, табл. 64: 1; 79; von Gall 1990: 76; Taf. 23a; Бобровская и др. 2017: 99, ил. 160), на рельефе из Накш-и-Рустем (von Gall 1990: 30—35) и они неоднократно рассматривались (von Gall 1990: 91—92; 1997: 243—269; Skupniewicz, Lichota 2017: 80—81).

Весьма вероятно, что такая композиция была представлена и на фрагментарно сохранившейся бронзовой пряжке из Кампыр-тепа — на дошедшей до нас ее правой части представлен всадник, на падающем, вероятно раненом коне с подогнутыми передними конечностями (Ilyasov, Rusanov 1998: 110, 149, fig. VII: 4; Cat. Tokyo 1991b: 167, no. 287; Лунева 2001: 120—121, 124, рис. 2: 7; 128, рис. 6: 32; Пилипко 2001: 294, рис. 2: 6; Curtis 2001: 307; Brosseder 2011: 390, note 61, 420, list 3d, no. 2; Shu Takahama 2012: 30, no. F-3; fig. 6: 3; см. контекст находки: Курбанов 2000: 54—55). Реконструкция М. Моде, который дополнил изображения фигурой всадника с копьем, представляется мне вполне возможной (Mode 2013: 212—213, Abb. 11).

Отреставрированные и реконструированные фрагменты батальной сцены II — начала I в. до н.э., росписи на штукатурке из т.н. Башенного сооружения на городище Старая Ниса позволили воссоздать сцену сражения четырех всадников: три из них с горитами на боку, атакуют копьями окруженного ими всадника-лучника, конь которого ранен (?) (Pilipko 2000: 69—86; Вересоцкая 2006: 172—173, рис. 5—6; Пилипко 2001: 275—276, рис. 194—195; 277—278; 2007: 153, рис. 6—7, цв. вклейка 3; 2008: 19—21, рис. 2—3; Olbrycht 2015: 335, fig. 2).

Со времени первой публикации сосудов из Косики были также опубликованы находки из Дедоплис Горы, в том числе пластина с изображением катафрактария с копьем или трезубцем (?) в

[28] Ср. композицию с орлом с добычей в когтях на парфянских золотых ажурных пряжках (I в. до н.э. — I в. н.э.) в Британском музее (Collon 1995: fig. 160 (above); Curtis 2001: 306, 327, pl. XIV: b; Rahbar et al. 2014: 301, 313, pl. 2: 3) и Музее Метрополитен (Ghirshman 1962: 100, Abb. 112 (вверху); Cat. New York 2000b: 124—125, no. 95; 208), предположительно происходящих из гробницы, открытой в 1910—1911 гг. в районе Нихавенда в Ирана (Herzfeld 1928: 21—27; Rahbar et al. 2014: 301).

схватке с всадником, также облаченным в панцирь и со щитом, раненым или убитым (щит закрывает большую часть изображения второго всадника) (Gagoshidze 2008: 87—88, 99—100, 111, no. 92; 124, pl. 40). По мнению издателей, на пластине представлена сцена сражения парфян с римлянами. Это объяснение представляется вполне вероятным, учитывая характерную форму щита (овального со срезанными вершиной и основанием и с вытянутым, расширяющимся в центральной части умбоном) раненого или убитого воина, а также одежду всадника с копьем и закрепленный у него на правом бедре кинжал с кольцевым навершием рукояти. Эта новая находка, возможно относящаяся к I в. до н.э. и в любом случае датирующаяся не позднее I в. н.э., удревняет известные нам изображения батальных сцен с участием катафратариев.

В любом случае у нас нет никаких оснований считать, что батальный сюжет, представленный на кубке из Косики, появляется в иранском искусстве лишь в III в. н.э. или еще позднее, как это утверждалось Х. фон Галлем (1997: 251) и С.А. Яценко (2000: 96—97), критикующим меня.

Б) Вторая сцена, центральная часть которой утрачена, изображает конного лучника, натягивающего тетиву короткого лука. В правой части сцены изображена раненная стрелой в холку лошадь (рис. 2: 2; 3: 1; 5: 4; 7: 3—4). Надо полагать, что сбитый с лошади всадник был изображен в центральной части композиции. Аналогии такой композиции мне не известны.

6.4.1. Стриженные гривы

Б.А. Раев обратил внимание на то, что в центральной части гривы коней, изображенных на сосуде из Косики (кат. № 3.1), имеется по одному участку, где волоски (три) несколько выше остальных — наиболее четко это видно у коня всадника в панцирном доспехе (рис. 3: 2; 5: 3; 6: 2—3; 7: 5). Б.А. Раев приводит множество параллелей подобному оформлению гривы коней, с хронологическим разбросом от V—IV вв. до н.э. до VIII в. н.э., с территории от Северного Причерноморья до Китая (Раев 2009: 270—281). Вывод, к которому он приходит, и который в общем-то принципиально не отличается от наблюдений, сделанных до него в 1957 г. О. Менхен-Хельфеном (Maenchen-Helfen 1957: 85—138) и в 2003 г. (с учетом новых материалов) Д. Ильясовым (Ilyasov 2003, 259—325)[29], заключается в том, что такое характерное оформление гривы коней появляется впервые в восточно-иранском (сакском мире), прежде всего в пазырыкской культуре, а затем распространяется аланами на запад и юго-запад.

Выдвинутый Б.А. Раевым тезис о том, что мода на рассматриваемую стрижку лошадей распространялась аланами, уже подвергся критике со стороны В.Е. Маслова (2015: 280), который считает, на мой взгляд, совершенно справедливо, что распространение этой моды нельзя связывать с какой-то конкретной этнической группой. Замечу в этой связи следующее. Совершенно очевидно, что необходимо учитывать и формы так наз. городков, которые могут быть и прямоугольные, и треугольные, и трапециевидные, а также их количество и вряд ли корректно рассматривать их все вместе. Во всяком случае, Ч. Ксиуквин рассматривает варианты выступов на гриве в сасанидской торевтике раздельно, выделяя, на мой взгляд совершенно справедливо, два типа (Xiuqin Zhou 2009: 164—165).

С заключением о регионе, в котором появилась эта традиция, основанном на изображениях на ковре из Пазырыкского кургана № 5 и бляхах из Сибирской коллекции, которые приводит Б.А. Раев (2009: 260), нет необходимости спорить, за исключением того, что Пазырыкский курган № 5, самый поздний в группе, следует датировать не V—IV, как это делает Раев, а не раньше первой четверти III в. до н.э.[30], также как очевидна и значительно более поздняя датировка Р-образных пряжек из Сибирской коллекции,

[29] Здесь необходимо также отметить опубликованный в 2009 г. очерк о стриженных гривах в книге китайского исследователя Xiuqin Zhou 2009: 160—172.

[30] См. о датировке кургана № 5: Евразия в скифскую эпоху 2005: 79—80; ср. Степанова 2012: 451—452; Шульга 2015: 366 с литературой; Шульга и др. 2016: 277.

которые, относятся, скорее всего, не ранее, чем ко II в. до н.э., возможно даже не ранее последней четверти II в. до н.э. (Boardman 2010: 77, nos. 377—378; pl. 50: «these golden plaques surely bring us well into the second century BC, if not later»; Brosseder 2011: 383, 423, List 7, no. 7; ср. также Маслов 2015: 281; Трейстер 2019: 200—201). Тем не менее, раннее происхождение этой моды в сакском мире подтверждается неучтенной Б.А. Раевым находкой бляхи в кургана № 2 могильника Нуркен-2 в Центральном Казахстане, который датируют VIII — первой половиной VI в. до н.э. (Бейсенов, Джумабекова 2014: 42; Бейсенов 2016: 81, 82, табл. 2—3); на фрагментированной пряжке среди прочего представлено изображение всадника на коне, у которого в центре гривы имеется невыстриженный пучок прямоугольной формы (Бейсенов 2007: 179, рис. 12; 2016: 82, рис. 5; Хабдулина 2007: 192; Бейсенов, Джумабекова 2014: 42—45, рис. 1), такой же, как на лошадях кубка из Косики (кат. № 3.1).

В этой связи важно отметить следующее. На рельефах Ападаны в Персеполе ни у одного коня различных делегаций, в том числе скифской, а также согдийской или хорезмской, не фиксируется подобное оформление грив коней: они могут быть пострижены или нет, в тех случаях, когда они подстрижены оставлялись три или четыре локона в нижней части шеи, уложенных набок (Maenchen-Helfen 1957: 100, note 63; Xiuqin Zhou 2009: 163; Трейстер 2010б: 359). Ровно подстрижены гривы и у коней, изображенных на расписных фризах гробницы из Татарлы (Summerer 2007: 16—18; 2010, 124—125, fig. 3; 131—133, figs. 9—10) и у коня на гребне из кургана могильника Таксай в Западной Казахстане (Сдыков, Лукпанова 2013: 220—225; Cat. London 2017: 300, no. 214; Summerer, Lukpanova 2020: 592—598, figs. 8—11). Таким образом, очевидно, что в данном случае оформление грив коней не связано с традицией ахеменидского времени[31].

Не позднее III в. до н.э. обычай стрижки гривы распространяется в Китае, где он находит отражение в двух памятниках: 1) у одного (!) терракотового и у восьми бронзовых коней, запряженных в колесницы, из гробницы императора Цин Шихуанди, у которых такой выступ также имеет прямоугольную форму и дополняется одним или двумя довольно длинными локонами, зачесанными на сторону (Kat. Bonn 2006: 153, Nr. 33; Xiuqin Zhou 2009: 163, figs. 86, 87a—b); 2) у коней, изображенных на черепицах, найденных в провинции Западная Хенань, изображены имеется два-три выступа на прямоугольной или треугольной формы (Xiuqin Zhou 2009: 163, figs. 88—91).

Б.А. Раев предполагает, что «попав вместе с кочевниками в южные и юго-западные районы Центральной Азии, он отразился в искусстве не только Бактрии, но и Парфии» (Раев 2009: 264). Если для Бактрии примером может являться изображение на костяных пластинах со сценами охоты из Тахти-Сангина, которые в настоящее время достаточно надежно датируются в рамках I в. до н.э. — I в. н.э. (Kat. Zürich 1989: 50, Nr. 22; Litvinsky 2001: 137—166; Литвинский 2001: 30, 43—44, 79, 118, 342, табл. 12, 13, 99: 1; 2002: 181—213; 2010a: 335—356, рис. 61—64; Ilyasov 2003: 266—267, 321, pls. VI: 1—2; Никоноров 2010: 50, рис. 2: 4; Francfort 2011: 309, 312; 2014: 1553, 1554, fig. 3; Gruber et al. 2012: 362—364, fig. 19; Grenet 2012: 1—3, 15, fig. 12; Ильясов 2013: 102—103; Ильясов и др. 2013: 185—186, 196, рис. 1; Olbrycht 2015: 337—338, fig. 3; Горячев и др. 2016: 636, рис. 4: 5; 641), на которых, впрочем, изображен не прямоугольный «городок» в центре гривы, а локон (на пластинах — из Орлата не выстриженный участок гривы имеет либо треугольную, либо трапециевидную форму (Пугаченкова 1987: 56—65; 1989a: 148—152, рис. 70—72; 1989б: 104—108; Abdullaev 1995: 174; 2007: 79; 88, fig. 8; 89; 92; Бернар, Абдуллаев 1997: 75—78, рис. 2; Ilyasov, Rusanov 1998: 107—159; Никоноров, Худяков 1999: 141—154; Маслов 1999: 219—236;

[31] При том, что, как уже отмечалось выше, для ахеменидской эпохи такая манера стрижки гривы не характерна, на протоме коня ахеменидского серебряного ритона первой половины IV в. до н.э. из Ново-Кумакского могильника в Южном Приуралье грива выстрижена фигурно с множеством выступов прямоугольной формы, расположенных примерно на равных расстояниях один от другого. См. Трейстер 2010б: 355—362, 367—372, рис. 2—4; 2012: 65—69, табл. I.22—25, рис. I.17—18; Трейстер, Шемаханская 2012: 51—52, № A9.1.1.1, табл. II.6: 1, рис. II.34: 1; Treister 2013b: 85—90, Taf. I.22—25, Abb. I.17—18; Treister, Šemachanskaja 2013: 51—52, Nr. A9.1.1.1, Taf. II.6: 1, Abb. II.34: 1.

Алимов, Богомолов 2000: 171—172, рис. 4; Яценко 2000: 89—92, рис. 2; Горбунова 2001: 138—139, рис. 6а—б; Bopearachchi, Sachs 2001: 325—339, fig. 3; Ilyasov 2003: 267—269, 271—304, pl. VII: 1—2; Winkelmann 2003: 88, Abb. 18; Fröhlich 2005: 63—64, fig. 2; Francfort 2011: 309, 312, 313, fig. 33; 2014: 1553, 1555, fig. 4; Grenet 2012: 11, fig. 11 (слева); 14; Gruber et al. 2012: 366, fig. 21; 370; Подушкин 2012: 37—42, рис. 3; 5: 1—2; 47—48; Ильясов и др. 2013: 186—188; Brosseder 2013: 96, Abb. 8; Olbrycht 2015: 338—340, fig. 4; Горячев и др. 2016: 636, рис. 4: 1; 638, 640—645; Skupniewicz, Lichota 2017: 71, fig. 6), то для Парфии у нас таких свидетельств нет вообще, о чем писал еще О. Менхен-Хельфен (Maenchen-Helfen 1957: 100, note 63; Xiuqin Zhou 2009: 163), во всяком случае, для рассматриваемого времени, потому что граффити на фресках из Дура Европос датируются III в. н.э., не говоря уже о том, что выступы на гривах лошадей имеют треугольную форму. Исходя из особенностей прически трудно датировать временем раньше II—III вв. н.э. и бронзовую пряжку неизвестного происхождения в собрании Британского музея, на гриве коня которой имеется два прямоугольных выступа (Curtis 2001: 306, pl. XIIa—b; Olbrycht 2015: 361, 363, fig. 21a). Ни на граффито I в. до н.э. — I в. н.э. с изображением коня из Старой Нисы (Пилипко 1996: 69, табл. 45: 1; 46: А), ни на фрагментах фресковой росписи II в. до н.э. с изображением всадника оттуда же (Pilipko 2000: 69—86; Вересоцкая 2006: 172—173, рис. 5—6; Пилипко 2007: 153, рис. 6—7, цв. вклейка 3; 2008: 19—21, рис. 2—3; Olbrycht 2015: 335, fig. 2), ни на скульптурных расписных фризах из Халчаяна (Пугаченкова 1971: 69, 71, № 38, 48; рис. 82—84; 1987: 253—267; Bernard 1987: 760—761; Abdullaev 1995, 172—174, fig. 4; 2007, 89—95; Грене 2000: 130—135; Литвинский 2010б: 89—91; Francfort 2011: 311—312; Ходжайов, Абдуллаев 2011: 45—53; Grenet 2012: 12—13, figs. 9—10; Mode 2013: 206—212; Olbrycht 2015: 348—349, figs. 10—11. О датировке Халчаяна см. также Loeschner 2008, 7—9) ни на раннем (III в. до н.э. ?) фрагменте фляге с изображением всадника из Калалы-Гыр 2 в Хорезме (Калалы-Гыр 2, 2004: 227—229, рис. 7.14—15; Ольбрихт 2010: 75; Гаибов, Кошеленко 2013: 290—292, рис. 2; Olbrycht 2015: 371, fig. 25c; Дедюлькин 2015: 129, рис. 1: 8; 134), изображений «городков» какой-либо формы не наблюдается. Нет никаких выстриженных участков гривы (она подстрижена абсолютно ровно) и у коня охотника с луком на упомянутой выше роговой накладке лука из могильника Кылышжар в Южном Казахстане (Подушкин 2022: 192, рис. 8; 193).

Среди близких по времени и территориально (к Парфии) многочисленных изображений всадников на костяных пластинах из дворца в Дедоплис Гора в Кавказской Иберии, основанного на рубеже II—I вв. до н.э. и погибшего в конце I в. н.э., ни у одного коня нет выступов на подстриженной гриве (Gagoshidze 2008: 91—97, 99—100, nos. 33—34, 36, 41, 53—56, 58—62, 64, 92; pls. 35—37, 40). Нет выступов на постриженной гриве и у раненного коня на сосуде из Косики (рис. 3: 2; 5: 3; 6: 2—3; 7: 6), у коней, изображенных на хронологически близких сосудам из Косики серебряных фалярах из могильника Кривая Лука-IX в Нижнем Поволжье (рис. 41—42) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981: 100—105; Fedorov-Davydov 2001: 8, fig. 3: 10; Mordvinceva 2001: 37—38, Taf. 19; Cat. Rome 2005: 169, nos. 148—149). Таким образом, как было показано выше, очерк Б.А. Раева о выстриженных гривах лошадей никаким образом не доказывает парфянское происхождение сосуда из Косики, а лишь свидетельствует о распространении этой моды с Востока, вероятно, через Бактрию и Центральную Азию.

6.4.2. Седла

Седла изображены у коней без всадников нижнего фриза сосуда из Косики (рис. 2: 2; 3: 1—2; 5: 3—4; 6: 2—3; 7: 3—6) (кат. № 3.1). Я уже сравнивал их с изображениями седел на пряжке из Саксанохура, на пластинах из Орлата и фреске из Стасовской катакомбы (Трейстер 1994: 190—191).

Опубликованное после выхода моей статьи изображения коня — граффито на штукатурке здания с квадратном залом в Старой Нисе (Пилипко 1996: 69, табл. 45: 1; 46: А), дало основание В.П. Никонорову (2002: 21, рис. 1: 1; 2003: 264; 2010: 52, рис. 4: 1) отнести это

граффито, к одному из самых ранних образцов парфянского седла с «роговыми» выступами типа, появившегося у кочевников центрально-азиатских степей и заимствованного парфянами уже в раннепарфянский период (Herrmann 1989: 764—769)[32], к которому, по его мнению, относятся и седла, изображенные на сосуде из Косики (Никоноров 2002: 21)[33]. В этой связи можно отметить только то, что на опубликованной В.Н. Пилипко фотографии ни седла, ни тем более его деталей не видно. Таким образом непонятно, на каком основании В.П. Никоноров пишет, что изображение седла «хорошо различимо» (Никоноров 2003: 264), тем более, что несколько позже он написал следующее: «роговое седло **угадывается** (выделено мною — МТ) на граффити I в. до н. э. из «Здания с квадратным залом» на городище Старая Ниса в Северной Парфиене» (Никоноров 2010: 52). Итак, если какое-то изображение на спине коня и было, то она было нанесено совершенно точно значительно более тонкими линиями, а сам автор первой публикации писал, что «на ее спине нарисован не совсем понятный предмет, возможно седло» (Пилипко 1996: 69), между тем на рисунке, который был опубликован В.Н. Пилипко и переиздан В.П. Никоноровым, четко и в деталях изображено седло. К этому же типу относят и седло жеребенка, изображенного на ткани из кургана № 31 Ноин-Улы (Полосьмак, Богданов 2015: 88, рис. 4.4; 99, 108, рис. 4.25).

Е.В. Степанова относит седла, изображенные на сосуде из Косики, к мягким седлам скифского типа с крыльями-упорами, которые с V в. до н.э., по крайней мере, по II в. н.э. получили широкое распространение в степях Евразии и на прилегающих территориях, т.е. от Греции до Китая (Степанова 2015: 389, 394). К этому же типу исследовательница относит и парфянские седла, представленные, в том числе, на рассматриваемом выше граффито из Старой Нисы (Степанова 2015: 394—395). Исследовательница не исключает, что седло лошади с упавшим всадником на сосуде из Косики изображено с передней лукой (Степанова 2015: 416), указывая на то, что в памятниках хунну в Забайкалье (Царам) и Монголии (Ноин-Ула, курган № 6) такие седла появляются на рубеже нашей эры (Степанова 2015: 410, 429). При этом в задней части седла, как на падающей лошади на сосуде из Косики, по предположению Е.В. Степановой, могли сохраняться сравнительно невысокие упорные элементы, не соединенные лукой (Степанова 2015: 418). А.В. Симоненко без всяких сомнений считает седла, изображенные на сосуде из Косики, относящимися к типу с твердой рамой и высокой передней лукой (Симоненко 2010: 230; 2015: 301—303, рис. 109: 8—9).

При этом у изображенного на сосуде из Косики (рис. 3: 2; 5: 3; 6: 2—3; 7: 5—6) (кат. № 3.1) строго в профиль раненого коня, упавший всадник которого держится за повод, и задняя, и передняя лука седла не только оформлены одинаково, но и имеют одинаковую высоту, так что говорить о высокой передней луке седла в данном случае вообще не приходится. И передняя, и задняя части седла видны также и у всадника-лучника — и здесь они имеют равную высоту и, судя по верхним видным частям, одинаково оформлены. Лишь у второй раненой лощади, изображение упавшего всадника которой не сохранилось, можно отметить, что передняя часть седла изображена несколько более высокой, чем задняя (рис. 2: 2; 3: 1; 5: 4; 7: 3—4). Однако, скорее всего, это объясняется тем, что этот конь изображен в перспективе, под углом сверху и спереди, при которой передний план всегда крупнее заднего. Таким образом, на основании анализа самих изображений говорить о том, что седла коней, изображенных на кубке из Косики (кат. № 3.1), имели переднюю луку и относились к типу седел с жесткой рамой, оснований нет.

[32] См. в целом о влиянии номадов Центральной Азии на военное дело Парфии; Olbrycht 2003: 92—100; 2015: 369—377.
[33] К такому же выводу приходит и А.А. Туаллагов (2005: 24).

6.4.3. Псалии

Все кони на кубке из Косики (кат. № 3.1), изображения морд которых сохранились, имеют одинаковые псалии в форме стержней, плавно расширяющихся к концам (рис. 2: 2; 3: 2; 5: 1—3; 6; 7: 1, 4—6). Они переданы с этнографической точностью и относятся к типу пропелеровидных, тип 8 по классификации В.М Вернера (Werner 1988: 48—51). Такой псалий изображен и у одного из коней на костяной пластине из Орлатского могильника (Пугаченкова 1987: 56—65; 1989а: 148—152, рис. 70—72; 1989б: 104—108; Abdullaev 1995: 174; 2007: 79; 88, fig. 8; 89; 92; Бернар, Абдуллаев 1997: 75—78, рис. 2; Ilyasov, Rusanov 1998: 107—159; Никоноров, Худяков 1999: 141—154; Маслов 1999: 219—236; Алимов, Богомолов 2000: 171—172, рис. 4; Яценко 2000: 89—92, рис. 2; Горбунова 2001: 138—139, рис. 6а—б; Bopearachchi, Sachs 2001: 325—339, fig. 3; Ilyasov 2003: 267—269, 271—304, pl. VII: 1—2; Winkelmann 2003: 88, Abb. 18; Fröhlich 2005: 63—64, fig. 2; Francfort 2011: 309, 312, 313, fig. 33; 2014: 1553, 1555, fig. 4; Grenet 2012: 11, fig. 11 (слева); 14; Gruber et al. 2012: 366, fig. 21; 370; Подушкин 2012: 37—42, рис. 3; 5: 1—2; 47—48; Ильясов и др. 2013: 186—188; Brosseder 2013: 96, Abb. 8; Olbrycht 2015: 338—340, fig. 4; Горячев и др. 2016: 636, рис. 4: 1; 638, 640—645; Skupniewicz, Lichota 2017: 71, fig. 6), а также на гравированном изображении со сценой охоты на роговой накладке лука из могильника Кылышжар в Южном Казахстане (Подушкин 2022: 192, рис. 8; 193).

Подобные же псалии происходят из Ай-Ханума (Guillaume 1985: 259, figs. 7—8; Guillaume, Rongeulle 1987: 34—35, nos. 630, 634, pl. 13: 1—2) и слоя I в. н.э. в Сиркапе (Marshall 1951: vol. II, 551; vol. III: pl. 165, nos. 100a-b, pl. 185d). Парфянские и сасанидские псалии имели другую форму (Azzaroli 1985: 92—93). Генезис пропеллеровидсных псалиев в Средней Азии и на Переднем Востоке детально прослежен начиная с эпохи поздней бронзы (Guillaume 1985: 259; Litvinskij 1984: 51—52, Abb. 11: 10). Надо полагать, что именно среди данных памятников надо искать прототипы и параллели псалиям, изображенным на сосуде из Косики (см. подробнее: Трейстер 1994: 189—190).

В.Е. Маслов (1999: 226) справедливо расширяет список аналогий таким псалиям находками из Покровки и Сидоровки, опубликованными уже после выхода моей статьи 1994 г.

В кургане № 1/1986 в Сидоровке на р. Иртыш такие железные псалии (Матющенко, Татаурова 1997: 46, 58 (с датировкой II—III вв. н.э.), рис. 5: 9—10) были найдены в одном комплексе с серебряными фалярами парфянского типа, серебряной чашей с *net-pattern*, хорезмской флягой, разнообразными китайскими изделиями, а сам комплекс вряд ли выходит за рамки I в. до н.э. (Treister 2020: 382—384, note 45).

Не менее примечателен и кургана № 17/1993 могильника Покровка-2, в насыпи которого были найдены аналогичные псалии (Яблонский и др. 1994: 38, 159, рис. 81: 1—2), а в одном из погребений которого (Трейстер 2021а: 177—178, рис. 8; 2022: 53, 86, рис. 3) были обнаружены, среди прочего, китайская бронзовая поясная пластина первой половины II в. до н.э. во вторичном использовании (Яблонский и др. 1994: 41—42, 159, рис. 81: 13; Яблонский 1998: 100, 112, рис. 5; Davis-Kimbal, Yablonsky 1996: 7, 15, pl. 7; Богданов 2006: 71, pl. LXI: 2; Boardman 2010: 55, No. B/W4, figs. 196—198; Brosseder 2011: 355—356; 358, fi g. 5: 3; 416, list 1, no. 1; Трейстер 2011: 134—135, прим. 193; 2018а: 156—159 с лит., рис. 2; 2022: 53, рис. 1: 2; 3: 5; Treister 2012: 92—93, note 187; Глебов 2016: 72, рис. 2: 13; 75), кинжал с серповидным навершием рукояти, украшенной золотой фольгой и фигурной обмоткой из золотой проволоки и в ножнах с накладным золотым декором (Яблонский и др. 1994: 41, 162, рис. 84: 2—3; Трейстер 2011, 134—135, прим. 193; 2018а: 158—159; 2021а: 177, рис. 8: 1—2; 2022: 53, рис. 1: 2; 3: 5; Brosseder 2011: 356, 358, fig. 5: 24; Treister 2012: 92, note 187) и покрытый красным ангобом кувшин (Яблонский и др. 1994: 42, 162, рис. 84: 4; Brosseder 2011: 356, 358, fig. 5: 4), который по морфологическим, параметрическим и декоративным признакам весьма близок кувшинам, широко представленным в керамических комплексах парфянского периода на территории подгорной полосы Копет-дага (определение С.Б. Болелова). При этом находки предметов

конского снаряжения в насыпи, носившие ритуальный характер, автор раскопок связывает именно с этим погребением (Яблонский и др. 1994: 42).

Такие же псалии известны и в ритуальных кладах, в частности, со шлемом типа Монтефортино — из кургана у с. Антиповка Воронежской области, который датируется И.И. Гущиной концом II — началом I в. до н.э. (Гущина 1961, 244, рис. 3: 6—8; 246; Raev et al. 1991: 475, fig. 9; 476) и в комплексе с железным восточно-кельтским шлемом в кладе первой половины I в. до н.э. в кургане № 18/2011 могильника Царский в окрестностях Танаиса (Глебов и др. 2020: 361, № 5; 366—367, рис. 7: 7; 8: 5).

На большинстве коней, изображенных на пластинах из Орлата, и у коней на пластине из Тахти-Сангина на концах псалиев изображены кружочки. По мнению Д. Ильясова, это псалии с дисковидными окончаниями, напоминающие богато украшенные в зверином стиле из Северного Причерноморья (Ilyasov 2003: 290—291). В.П. Никоноров и Ю.С. Худяков (1999: 147) выделяют несколько типов псалиев на конях пластин из Орлатского могильника, в том числе с дисковидными окончаниями. В этой связи заслуживают внимания, псалий, изображенный на морде одного из коней сосуда из Вербовского (голова второго коня не сохранилась) (рис. 20: 3; 24: 2; 25: 1, 3—4; 27: 6, 8; 28) (кат. № 1.1). При том, что эти изображения выполнены относительно небрежно, хорошо видно, что округлые окончания псалиев не просто имеют дисковидную форму, но выполнены в виде колец несколько неправильной формы. Возможно, что именно такие псалии имели в виду и резчики пластин из Орлата и Тахти-Сангина, а возможно — нет. В качестве ближайшей известной мне параллели псалию, изображенному на сосуде из Вербовского, следует указать на железные псалии с золотой плакировкой с окончаниями в форме колец округлой или листовидной форм с небольшими выступами на концах, найденные в хронологически близком погребении первой половины I в. н.э. № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V (рис. 43) (Мыськов и др. 1999: 151, № 20; 153, № 55, рис. 5: 2, 3, 5; Кияшко, Мыськов 2000: 47, № 20; 48, № 55, рис. 8: 2; Археологическое наследие 2013: 111 (илл.), № 224; Антипенко 2016: 92, 108, рис. 3: 5). Предполагается, что такие псалии относятся к типу, который появился на рубеже н.э. (Мыськов и др. 1999: 155—156; Глухов 2005: 58). Аналогичные псалии, в том числе украшенные серебряной плакировкой, известны и в других памятниках Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Прикубанья и Юго-Западного Крыма, датирующихся от рубежа н.э. до I—II вв., при этом исследователи обращали внимание на подобные псалии из погребений хунну в Забайкалье (Могильников 1992: 265, табл. 105: 12), предполагая восточное происхождение псалиев, найденных в кочевнических комплексах на юге Восточной Европы (Мыськов и др. 1999: 155—156; Сергацков, Захаров 2006: 121—122; Антипенко 2016: 92). Между тем псалии из Забайкалья изображены на рисунке только в профиль и совершенно очевидно, если обратиться не только к рисунку, как это сделали исследователи, но и к тексту, то будет ясно, что указанные псалии из могильника Ильмовая падь имели «заостренные или уплощенные концы» (Могильников 1992: 265). Таким образом, основывать предположение о восточном происхождении псалиев этого типа из Забайкалья невозможно, поскольку там такие псалии неизвестны (Соенов 1998: 96—97, рис. 1; Турбат и др. 2004: 84—92; Миняев 2007: 31—32, рис. 15; Матренин, Тишкин 2015: 116—123, рис. 1; 2016).

6.4.4. Копья

Длинные копья в руках всадников на сосудах из Косики (рис. 2: 2; 3: 2; 5: 1—3; 6; 7: 1: 5—6) (кат. № 3.1) и Вербовского (рис. 20: 3; 24; 25: 1: 3—4; 26: 2; 27: 6—8) (кат. № 1.1) сближает между собой то, что они имеют втулку, сильно расширяющуюся к основанию, при этом перья наконечников несколько отличаются по форме.

Перо наконечника копья в руках всадника из Косики имеют ярко выраженную ромбовидную форму с центральным ребром, относительно короткое и по длине чуть больше втулки, тогда как у наконечника копья, который держит в руках всадник, охотящийся на

кабана, на сосуде из Вербовского, имеется более скругленное основание пера, которое приблизительно в полтора раза длиннее втулки, а ребро, как на копье из Косики, не обозначено.

Ближайшей параллелью наконечникам копий, изображенным на сосуде из Косики, является фрагмент фляги из Калалы-Гыр 2 в Хорезме с рельефным изображением всадника, скачущего влево (Калалы-Гыр 2 2004: 227—229, рис. 7: 14—15; Ольбрихт 2010: 75; Гаибов, Кошеленко 2013: 290—292, рис. 2; Olbrycht 2015: 371, fig. 25c; Дедюлькин 2015: 129, рис. 1: 8; 134). Среди известных мне изображений всадников на флягах из Хорезма это единственное изображение, на котором виден наконечник копья, вопреки утверждению Б.А. Литвинского (2001: 199) о том, что копье с ромбовидным наконечником изображено на фрагменте фляги из Кой-Крылган-калы — на этом фрагменте как раз наконечник копья отбит (Толстов 1962: 123, 125, рис. 65е; Воробьева 1967: 201, 203, рис. 75: 6; Пугаченкова 1971, рис. 18; Ольбрихт 2010: 75; Гаибов, Кошеленко 2013: 292, рис. 3; Olbrycht 2015: 371, fig. 25b), наконечник такой формы изображен на копье у всадника на фрагменте фляге из Джанбас-калы, памятника датируемого в рамках IV—I вв. до н.э. (Толстов 1948: 202, табл. 82: 1; Гаибов, Кошеленко 2013: 293, рис. 4). Фляга из Калалы-Гыр 2 не может быть датирована позднее середины II в. до н.э., когда городище прекращает существование (Калалы-гыр 2 2004: 240). Косвенно эта датировка подтверждается и изображенным пристегнутым к левому бедру всадника кинжалу с серповидным навершием и овальными выступами на ножнах, позволяющим предполагать датировку фляги поздним периодом существования городища, скорее всего второй половиной III — первой половиной II в. до н.э. Такие кинжалы изображены в деталях у воинов на каменных стелах из святилищ Байте III и Карамунке на плато Устюрт (Ольховский 2005: 141—143, рис. 142—152; Самашев и др. 2007: 232—234, 238—239, 241, 243, 244, 247—250). Ближайшими параллелями таким кинжалам являются реальные находки III—II вв. до н.э. из кочевнических погребений Южного Приуралья (Прохоровка, курган № 1/1911; Красногоровка) и Нижнего Поволжья (Верхнее Погромное, курган № 7/1957), а также из Буеровой могилы на Таманском полуострове (Мордвинцева, Шинкарь 1999: 140, рис. 1: 2; Трейстер 2010в: 520—521; 2011: 134—135; 2018а: 158—159; 2021а: 178; Зуев 2012: 394—395, рис. 11: 3; 13—14), поэтому относить флягу из Калалы-Гыр-2 к концу IV—III в. до н.э., как это делает М. Ольбрихт (Olbrycht 2015: 371), оснований не вижу.

Определенную близость форме пера наконечникам, изображенным на сосуде из Косики (рис. 3; 5: 1. 3; 6; 7: 6) (кат. № 3.1), демонстрируют один из железных наконечников копий из раскопок Тахти-Сангина (Литвинский 2001: табл. 37: 4) и наконечник копья из упомянутого выше погребения № 6 кургана № 3/1989 могильника Исаковка-I (Koryakova 2006: 109, fig. 11: 1), которые, однако, имеют значительно более длинную втулку, а форма пера наконечника копья с обломанной втулкой из Ай-Ханума (Francfort 1984: 67, pl. 24: 7, no. 1; tabl. 33, no. 1; pl. XXIX: no. 1) близка перу копья, изображенного на сосуде из Вербовского (рис. 20: 3; 24: 2; 25: 1: 3—4; 27: 6—8) (кат. № 1.1).

Среди известных мне наконечников копий из памятников Северного Причерноморья последних веков н.э. — первых веков н.э. (см., например, Хазанов 1971: 44—48; табл. XXIV—XXVII; Лимберис, Марченко 2006: 170—177, рис. 1—2; Гущина, Засецкая 1994: 9; Дашевская 1991: 34, табл. 60: 16—25; Пуздровский 2007: 133, рис. 89: 5—12; Симоненко 2010: 69—76, рис. 45—49; 2015: 82—87, рис. 23—24; Савельев 2010: 176—179, рис. 2) точных параллелей наконечнику копья, изображенному на сосуде из Косики, мне не известно. Возможно, это объясняется тем, что на изображениях втулка очень сильно (утрировано сильно) расширяется к основанию при этом диаметр его, это хорошо видно на изображениях из Косики и Вербовского, сильно превышает диаметр древка копья, что в реальности было бы невероятно. Таким образом, среди реальных археологических материалов поиск очевидно нужно ограничить наконечниками копий с близким соотношением пера и втулки и подобными очертаниями пера.

Хотя среди прикубанских материалов и встречаются копья с ромбовидными перьями с ребром и близкими соотношениями длины втулки и наконечника, в частности в датированном

второй половиной III — первой половиной II в. до н.э. княжеском погребении в Мезмае, но по своим размерам мезмайский наконечник явно не мог относиться к длинному копью (Mordvintseva et al. 2012: 311, no. 33, fig. 9: 2). В.И. Мордвинцева с соавторами (Mordvintseva et al. 2012: 320—321), приводя параллели из меотских памятников правобережья Кубани (Лимберис, Марченко 2006: рис. 2 (ссылка взята из статьи Mordvintseva et al. 2012: 321)), указывает на то, что, по данным Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, наконечники копий с ромбовидным пером появляются здесь не ранее II в. до н.э. На самом деле, они известны уже в комплексах IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2006: 170—177, рис. 1—2).

6.4.5. Луки и стрелы

Короткий лук изображен у всадника второй сцены нижнего фриза сосуда из Косики (рис. 5: 4; 7: 3) (кат. № 3.1). Такой же лук представлен и у коленопреклоненного воина, изображенного на пиксиде (рис. 17; 18: 5; 19: 1—3) (кат. № 3.4). Совпадают не только изображение лука, но и характерного наконечника стрелы с тремя остриями, который относится к типу вильчатых по классификации Б.А. Литвинского. Такие наконечники стрел традиционно считают предназначенными для охоты на птиц и мелкую дичь (Литвинский 1965: 90). Если это соответствует контексту изображения на пиксиде, то на круглодонном сосуде он представлен в сцене сражения. Рассматривая аналогии, я в своей статье 1994 г. (Трейстер 1994: 184—185) указал на тогда еще не опубликованные находки из Тахти-Сангина (см. теперь: Литвинский 2001: 115—116, табл. 31: 33), из Таксилы (Marshall 1951, vol. I: 560, nos. 200—202; vol. III: pl. 169) и отметил, что вероятно наиболее ранним таким наконечником стрелы из Центральной Азии является находка из погребения в Орлатском могильнике, из которого происходят знаменитые пластины со сценами сражения и охоты (Бернар, Абдуллаев 1997: 77, рис. 3: 1; Ilyasov, Rusanov 1998: 145, pl. III; Подушкин 2012: 34, рис. 2: 22; 43). К этому списку можно добавить и подобный наконечник из Ай-Ханума, на которые обратил внимание Б.А. Литвинский (Guillaume, Rougeulle 1987: 37, pl. 14: 8; Литвинский 2001: 115). В качестве альтернативного варианта, менее вероятного, на мой взгляд, я указал на то, что на сосудах могли быть изображены не наконечники вильчатого типа, а так называемые ступенчатые (ярусные) наконечники, которые в хуннских памятниках Забайкалья и Монголии датируются I в. до н.э. — I в. н.э., отметив также находку такого железного наконечника стрел в сарматском погребении I в. н.э. у с. Пороги (см. подробнее, Трейстер 1994: 185).

Б.А. Раев решительно отверг мое предположение о том, что на пиксиде из Косики изображен вильчатый наконечник стрелы и высказался в пользу моего альтернативного предположения: «Представляется, однако, что наконечники стрел с выступающим центральным жалом и пламевидно расходящимися от него лопастями изображены настолько реалистично, что отнести их к какому-то иному типу, кроме как к хуннским ступенчатым, невозможно» (Раев 2012: 189)[34]. Если мы исходим из того, что наконечники стрелы на сосудах переданы реалистично, то следует указать на то, что боковые лопасти наконечников расходятся под острым углом к центральному бойку, а не почти под прямым углом, как это имеет место у ступенчатых наконечников, например из погребения у с. Пороги (Симоненко, Лобай 1991: 15, рис. 7: 5; Симоненко 2008: 251; 2010: 97, рис. 68: 4; 98; 2015: 109, рис. 30: 22; 110; Нефедкин 2011: 171, илл. внизу), из погребения II в. н.э. могильника Битак в Крыму (Пуздровский 2007: 138, рис. 92: 14; Симоненко 2008: 251; 2010: 98; 2015: 110) или датированного в рамках II в. до н.э. — I в. н.э. погребения курганного могильника Ачмайли в Ташкентском оазисе (Алимов, Богомолов 2000: 167, 168, рис. 2: 6), и лишь чуть короче центрального. Таким образом, не вижу никаких оснований менять свою точку зрения — с

[34] См. также Нефедкин 2011: 171 со странным комментарием. Вначале пишется, что на сосуде из Косики изображена стрела «с наконечником в виде трезубца, предназначенная, по-видимому, для поражения лошадей противника (о том, что аналогичные наконечники изображены на пиксиде, А.К. Нефедкину не известно — МТ). Затем комментируя ярусный наконечник стрелы из Порогов, автор пишет; «он же изображен на сосуде из Порогов». Вероятно, автора не смущает тот факт, что наконечник стрелы из Порогов никак нельзя обозначить как имеющий «форму трезубца».

наибольшей вероятностью на сосудах изображены именно наконечники вильчатого типа, находки которых, датирующиеся не позднее 145 г. до н.э. (Ай-Ханум) и II—I вв. до н.э. (курган № 2 Орлатского могильника) известны в Бактрии и Согде.

6.4.6. Мечи

Мечами, подвешенными на поясе слева, вооружены лишь два всадника нижнего фриза сосуда из Косики (кат. № 3.1): катафрактарий (рис. 3: 2; 5: 3; 6: 2—3; 7: 5) и стреляющий лучник (рис. 5: 4; 7: 3). Оба меча имеют округлое навершие, тогда как формы перекрестий различаются: меч катафрактария имеют почти треугольное перекрестье с вершиной, обращенной вверх и нижней слега выпуклой стороной (т.е. почти ромбовидной формы), тогда как форма перекрестья второго меча неясна: возможно, оно достаточно широкое, прямоугольное, и украшено в центральное части двумя вертикальными полосками.

В статье 1994 г. я отмечал, что было бы естественно отнести меч к типу с кольцевидным навершием I в. до н.э. — II в. н.э., однако, мечи этого типа имеют прямые перекрестья. Так или иначе, я предполагал, что, скорее всего, меч, который всадники носили слева, был длинным мечом (Трейстер 1994: 185—186). Длинные мечи с кольцевидными навершиями рукояти и прямыми перекрестьями, по крайней мере, ко II в. до н.э. получают довольно широкое распространение у кочевников Южного Приуралья, Центральной Азии и Нижнего Поволжья (Скрипкин 1990: 120—125, рис. 21: 15—17, 19; 2005: 171—185; 2006, 13, 28, рис. 8: 1—12; 2010: 335—358; Марченко 1996: 54—56; Васильев 2001: 52; Winkelmann 2003: 85—86; Гуцалов 2007: 14; Сергацков 2007: 58—64; Трейстер 2010в: 498—502; Петров 2013: 256—258; Симоненко 2015: 43—53; Olbrycht 2015: 368).

Перекрестья мечей типа изображенных на сосуде из Косики среди реальных находок длинных мечей или кинжалов в рассматриваемую эпоху мне не известны. Они отличаются по форме и от перекрестий длинных мечей китайского типа, имеющих прямоугольный вырез в верхней части и нижнюю — в форме треугольника углом вниз, как например, у меча из кургана № 2 Орлатского могильника. Я уже не говорю о том, что такие мечи имели не округлые, а дисковидные (сегментовидные в профиле) навершия. Изображений длинных мечей парфянского времени ранее II—III вв. н.э. практически не известно, а на поздних длинных мечах детали оформления рукояти и перекрестий неразличимы (Winkelmann 2003: 58—62; 2013: 240—242; 245—249); реальные находки парфянских длинных мечей чрезвычайно редки, а среди опубликованных — известны экземпляры с прямыми перекрестиями, но без наверший (Farrokh et al. 2016: 49—53, figs. 21—25; Karamian et al. 2018: 44—50, fig. 5), лишь в одном случае в могильнике Вестемин на севере Иране был найден длинный меч с прямым перекрестьем и навершием, опубликованный на фотографии — ни размеры навершия, ни его форма и материал не указаны (Farrokh et al. 2018: 19, fig. 3; Karamian et al. 2018: 45, 46, fig. 4).

Если мы все же будем исходить из того, что меч на сосуде из Косики имел не кольцевидное, а именно округлое навершие (что мешало мастеру, на самом деле, изобразить его кольцевидным!), то в уже упомянутом погребении в Ташкентском оазисе был найден длинный меч (слева от погребенного) не с кольцевым, а именно с округлым навершием рукояти, материал которого в публикации не обозначен, и с прямым перекрестьем (Алимов, Богомолов 2000: 166—167, рис. 1 (слева); 171). Подобные навершия (в форме округлой пластины) венчают рукояти длинных мечей с аналогичным перекрестьем из датированного II—I вв. до н.э. кургана № 5 Агалыкского могильника в Самаркандской области (Обельченко 1967: 181, 183, рис. 3: 1; 1978, 117, рис. 1: 3; 1981: 26; Бернар, Абдуллаев 1997: 79—80, рис. 4: 2; Алимов, Богомолов 2000: 171) и погребения в кургане у тригонометрического пункта Лявандакского могильника в Бухарском оазисе (Обельченко 1962: 131, рис. 8; 1978: 117—118; Бернар, Абдуллаев 1997: 79—80, рис. 4: 4; Алимов, Богомолов 2000: 171), а также парадного кинжала с прямым перекрестием из погребения второй половины I в. до н.э. в кургане № 1/1899 у хут. Зубова в Прикубанье

(навершие в виде пластины имеет округлый сбоку вид с волютообразным декором из золотой фольги в технике плакировки?) (Думберг 1901: 97; Гущина, Засецкая 1989: 116, № 124, табл. XI; Cat. New York 2000a: 187, no. 134; Трейстер 2010в: 513; Воронятов 2020: 241, ил. 6; Кат. Ст. Петербург 2020: 633, № 241.3). Интересно, что подобное округлое (но не кольцевидное) навершие имеют мечи воинов, изображенных на ковре из кургана № 31 могильника Ноин-Ула в Северной Монголии. При этом перекрестье меча, которое в публикации обозначено как прямое, на самом деле очень близко по форме перекрестью меча, изображенного на сосуде из Косики: оно не узкое, имеет скругленные углы (Полосьмак, Богданов 2015: 88—89, рис. 4.4—5; 91, рис. 4.7; 93; 98; 108, рис. 4.25). Авторы публикации материалов из Ноин-Улы склоняются, вероятно, к тому, что этот меч относится к типу длинных мечей без навершия (тип 1 по классификации А.М. Хазанова), никак не объясняя ни наличие округлого навершия, ни перекрестья формы, не характерной для таких длинных мечей (Полосьмак, Богданов 2015: 93, 96). Предполагается, что ткань ковра изначально предназначалась для туник и была изготовлена в Сирии, а сшита в полотнище и расшита изображениями она была в Северо-Западной Индии, вероятнее всего не ранее последней четверти I в. до н.э. (*terminus ante quem* — датировка кургана 9 г. до н.э. по лаковой чашечке с иероглифическими надписями), при этом изображения отражают реалии индо-скифов (саков) и индо-парфян (Полосьмак, Богданов 2015: 113—114). Альтернативная точка зрения предполагает, что ткани были расшиты в Бактрии в эпоху, когда она была под властью юэчжей, т.е. после 120-х гг. до н.э. (Яценко 2011: 27—38; Yatsenko 2012: 39).

Интересно, что у всадников с мечом на левом боку, изображенных на сосуде из Косики (рис. 3: 2; 5: 3—4; 6: 2—3; 7: 3. 5), нет прикрепленного к правому бедру кинжала. Такое сочетание — длинный меч, носившийся, как правило, слева на поясе и короткий кинжал в ножнах, прикрепленных к правому бедру, — получает распространение у кочевников Евразии еще во II—I вв. до н.э., что подтверждается находками *in situ* в погребениях кочевников этого времени и в Западной Сибири, и в Бактрии, а также в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону (см. Трейстер 2010в: 502)[35], а также изображением таких кинжалов у воинов с длинными мечами и копьями на ткани из кургана № 31 Ноин-Улы (Полосьмак, Богданов 2015: 88, рис. 4.4; 91—92, рис. 4.7—8; 95, рис. 4.11; 93; 108, рис. 4.25; Francfort 2014: 1566—1569, fig. 12).

Впрочем, считать, что этот обычай получил повсеместное распространение вероятно также нельзя. Известны случаи, когда в погребениях были найдены только парадные кинжалы с серповидным навершием (без длинного меча), как в упомянутом выше погребении кургана № 17/1993 могильника Покровка-2 (Яблонский и др. 1994: 41, 162, рис. 84: 2—3; Трейстер 2011, 134—135, прим. 193; 2018а: 158—159; 3021: 177, рис. 8: 1—2; 2022: 53, рис. 1: 2; 3: *5*; Brosseder 2011: 356, 358, fig. 5: 24; Treister 2012: 92, note 187) или в погребении № 9 кургана № 10 могильника Барановка-I (Мордвинцева, Шинкарь 1999: 139, № 3, рис. 1: 3; Сергацков 2000, 31, рис. 33: 8). Интересно в этой связи, что кинжал такого же типа у всадника с копьем на фляге из Калалы-Гыр 2 изображен пристегнутым не к правому, а к левому бедру.

6.5. Костюм

Все персонажи кубков из Косики (рис. 3: 2; 5; 6: 2; 7: 1. 3. 5—6) (кат. № 3.1) и Вербовского (рис. 24; 25: 1. 3; 26: 2; 27: 6. 8; 28: 2) (кат. № 1.1) имеют плотно обтягивающие ноги штаны, заправленные в низкие сапожки, края которых показаны двумя параллельными линиями. При этом поверхность сапожек персонажей на кубке из Вербовского дополнительно оформлена двумя х-образно пересекающимися линиями. Возможно, они дополнительно обтягивались длинными завязками, которые у сапожек воинов, изображенных на фаларах из могильника

[35] См. также совместную находку длинного меча и кинжала в рассматриваемом выше погребении могильника Ачмайли в Ташкентском оазисе. См. меч: Алимов, Богомолов 2000: 166—167, рис. 1 (слева); 171. См. кинжал: Алимов, Богомолов 2000: 166—167, рис. 2: 1.

Кривая Лука-IX в Нижнем Поволжье (рис. 41—42) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981: 100—105; Fedorov-Davydov 2001: 8, fig. 3: 10; Mordvinceva 2001: 37—38, Taf. 19; Cat. Rome 2005: 169, nos. 148—149), свисают по сторонам.

Верхняя часть их костюма весьма разнообразна. На кубке из Косики (кат. № 3.1) представлено четыре типа верхней одежды (см. ниже), анализ и аналогии которым уже приводились нами ранее (Трейстер 1994: 186—188).

1) Охотники на кабана верхнего фриза одеты в подпоясанные кафтаны с левой полой, запахнутой внутрь, при этом правая пола имеет отходящий с заспинной части треугольный конец, заткнутый за пояс слева на боку (рис. 5: 1—2; 6: 1; 7: 1). Поскольку на кубке из Вербовского (кат. № 1.1) из двух всадников, верхняя часть тулова одного утрачена полностью, а у второго в значительной части, можно предполагать, что их кафтаны относятся к этому же типу. В одном случае пояс украшен косыми параллельными насечками (рис. 24: 1; 26: 2—3). В другом — аналогичная полоса проходит поперек бедра всадника и вероятно обозначает нижний край кафтана (рис. 24: 2; 25, 1—3; 27: 6. 8; 28: 2).

2) Воин-копейщик на нижнем фризе одет, вероятно, в панцирную рубаху с небольшим треугольным вырезом на груди, показанным двойной линией: внутри выреза видны мелкие кольца, скорее всего, кольчуги, одетой под панцирь (рис. 3: 2; 5: 3 слева; 6: 2—3; 7: 5).

3) Легковооруженный всадник из первой сцены нижнего фриза одет в подпоясанную рубашку, плечи и грудь закрывают очевидно кожаные оплечья, закрывающие, главным образом, плечи, вероятно лопатки и часть груди (во всяком случае он не спас конника от стрелы, попавшей в подмышку) (рис. 5: 3 справа; 6: 2; 7: 6).

4) Лучник на второй сцене нижнего фриза (рис. 5: 4; 7: 3) и лучник на пиксиде (рис. 17; 18: 5; 19: 1—3) (кат. № 3.4) одеты в кафтаны с оторочкой, показанной дополнительной параллельной линией, левая пола запахнута внутрь; кафтан подпоясан, на груди остается треугольный вырез.

Здесь мы сосредоточимся на наиболее важных элементах костюма.

6.5.1. Панцирь

Воин-копейщик на нижнем фризе сосуда из Косики (кат. № 3.1) одет, вероятно, в панцирную рубаху с небольшим треугольным вырезом на груди, показанным двойной линией: внутри выреза видны мелкие кольца, скорее всего от кольчуги, одетой под панцирь[36] или являющейся элементом панцирной рубахи (рис. 3: 2; 5: 3 слева; 6: 2—3; 7: 5).

По форме чешуек и их размеру близкой аналогией является панцирная рубаха всадника, изображенного на костяной пластине из Дедоплис Гора. Однако имеются и существенные отличия — отсутствует V-образные вырез на груди, а рукава рубахи — короткие (Gagoshidze 2008: 99—100, no. 92; pl. 40). На парфянском рельефе со сценой охоты на кабана (Ghirshman 1962: 106, Abb. 122; Abdullaev 1995: 175, fig. 6: 12; Cat. London 2012: 115; Skupniewicz 2016, 64—65, fig. 9) чешуйчатый доспех закрывает все тело всадника, в том числе его ноги. В любом случае следует отметить отличие панцирной рубахи всадника из Косики от доспехов сако-юэчжийского типа (Литвинский 2010а, 338—346), представленных, в частности, на фризе из Халчаяна (Пугаченкова 1971: 69, 71, № 38, 48; рис. 82—84; 1987: 253—267; Bernard 1987: 760—761; Abdullaev 1995, 172—174, fig. 4; 2007, 89—95; Грене 2000: 130—135; Литвинский 2010б: 89—91; Francfort 2011: 311—312; Ходжайов, Абдуллаев 2011: 45—53; Grenet 2012: 12—13, figs. 9—10; Mode 2013: 206—212; Olbrycht 2015: 348—349, figs. 10—11) и пластинах из Орлатского могильника (Пугаченкова 1987: 56—65; 1989а: 148—152, рис. 70—72; 1989б: 104—108; Abdullaev 1995: 174; 2007: 79; 88, fig. 8; 89; 92; Бернар, Абдуллаев 1997: 75—78, рис. 2; Ilyasov, Rusanov 1998: 107—159; Никоноров, Худяков 1999: 141—154; Маслов 1999: 219—236; Алимов, Богомолов 2000: 171—172, рис. 4; Яценко 2000: 89—92, рис. 2; Горбунова 2001: 138—

[36] К моему предположению (Трейстер 1994: 187) присоединился и А.К. Нефедкин (2011: 162).

139, рис. 6а—б; Bopearachchi, Sachs 2001: 325—339, fig. 3; Ilyasov 2003: 267—269, 271—304, pl. VII: 1—2; Winkelmann 2003: 88, Abb. 18; Fröhlich 2005: 63—64, fig. 2; Francfort 2011: 309, 312, 313, fig. 33; 2014: 1553, 1555, fig. 4; Grenet 2012: 11, fig. 11 (слева); 14; Gruber et al. 2012: 366, fig. 21; 370; Подушкин 2012: 37—42, рис. 3; 5: 1—2; 47—48; Ильясов и др. 2013: 186—188; Brosseder 2013: 96, Abb. 8; Olbrycht 2015: 338—340, fig. 4; Горячев и др. 2016: 636, рис. 4, 1; 638, 640—645; Skupniewicz, Lichota 2017: 71, fig. 6) — здесь доспехи воинов изготовлены из крупных прямоугольных пластин, руки защищены подвижными, заходящими друг на друга пластинчатыми кольцами, и сами кони также имеют панцирную защиту. Доспех всадника, изображенного на ковре из кургана № 31 Ноин-улинского могильника, образован прямоугольными (почти квадратными) пластинами (Полосьмак, Богданов 2015: 88, рис. 4.4; 97, рис. 4.13; 98; 102, рис. 4.17; 103; 108, рис. 4.25). Отличие граффити из Дура-Европос заключается в том, что верхняя часть панцирной рубахи и здесь, как на сосуде из Косики, образована рядами мелких чешуек с закругленным нижним краем. Наиболее крупные пластины и на граффити из Дура-Европос (Dura-Europos. Preliminary Rep. IV 1933: pls. XXI: 3; XXII: 2; Ghirshman 1962: 50, Abb. 63C; Хазанов 1971: 57; Abdullaev 1995: 175, fig. 6: 11; James 2004: 43, fig. 23; Симоненко 2015: 132), и на рассматриваемом изображении располагались в нижней части панциря.

Комбинированные доспехи, представлявшего собой комбинацию кольчуги и чешуйчатого панциря, так наз. *lorica hamata squamataque* или *lorica plumata* употреблялись как в римской армии, так и пользовались популярностью у варварской аристократии на границах Империи (E. Künzl 2002: 133, 135—136, 138—140, список № 2, 1—10; Abb. 12 (карта); James 2004: 110—111; Wijnhoven 2009; Driehaus et al. 2010: 339—407). Вероятно, кольчуги как элемент комбинированного доспеха применялись уже в парфянскую эпоху, высказывал в свое время предположение А.М. Хазанов, отмечая, что время и место появления кольчужных доспехов нельзя считать установленным, хотя наиболее вероятно, что родиной их был Иран или эллинистический Восток (Хазанов 1971: 57). Однако совершенно очевидно, что кольчуги и в Малой Азии, куда они попали с галатами, и в Селевкидском царстве, и в Прикубанье и на Северо-Западном Кавказе появляются не позднее начала II в. до н.э. (Waurick 1979: 318—332; Алексинский 2013: 77; Симоненко 2015: 139, 141; Anderson 2016: 38—40; Дедюлькин, Шевченко 2017: 51—53). Впрочем, кольчугу, представленную на фризе из храма Афины Полии в Пергаме, с короткими рукавами и птеригами (Bohn 1885: 96—97, Taf. XLVI; XLIX: 4; Waurick 1979: 327, Abb. 197; Webb 1996: 58) трудно сравнивать с панцирной рубахой с длинными рукавами и V-образным вырезом, изображенной на сосуде из Косике.

Если обратиться к реальным археологическим находкам защитного вооружения, то комбинированные доспехи, состоящие из элементов кольчужного плетения, пластин и чешуек были найдены в некоторых кочевнических погребениях Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья и Прикубанья (Хазанов 1971: 60—62, табл. XXX: 1—2, 9—10; Waurick 1979: 325—326; Симоненко 2010: 111—119, рис. 76), причем самые ранние из них из погребений у ст. Воздвиженской и хут. Зубова в Прикубанье (Дедюлькин, Шевченко 2017: 53, № 24—25), А.В. Симоненко считает трофеями сираков во время Похода в Малую Азию Фарнака в 48—47 гг. до н.э. (Симоненко 2015: 125, рис. 34; 127, 131—132). Интересно в этой связи, что доспех всадника, изображенного на сосуде из Косики, не удостоился комментария А.В. Симоненко.

В любом случае, прототипы панцирной рубахе на всаднике из Косики следует скорее искать на территории державы Селевкидов и в Парфии, нежели в Бактрии или Хорезме.

6.5.2. Наплечники

Вероятно кожаные наплечники изображены у раненного всадника, упавшего с коня, на нижнем фризе кубка из Косики (рис. 5: 3 справа; 6: 2; 7: 6). В статье 1994 г. я уже приводил аналогии использованию наплечников по находкам в скифских курганах, изображениям на гребне из Солохи и скифских стелах (Трейстер 1994: 187—188). Новые находки позволяют

включить в круг аналогий наплечники доспеха из погребений IV в. до н.э. могильника Филипповка-I в Южном Приуралье, в частности, погребения № 2 кургана № 4. Они представляли собой нашитые на кожаную основу 9 рядов крупных чешуйчатых пластин 3,5 × 2,5 см. Нижний ряд состоит из 25—30 крупных (10,5 × 2 см) пластин прямоугольной формы. Реконструируемые размеры каждого наплечника — около 45—50 × 30—35 см (Рукавишников, Рукавишникова 2008: 110, рис. 8—9; Рукавишникова 2013: 74).

6.5.3. Наручи

Все всадники, изображенные на кубке из Косики (кат. № 3.1), имеют наручи в виде широких браслетов с центральной продольной полосой, украшенной зигзагообразным орнаментом. При этом копейщики носят наручь на правой руке (рис. 3: 2; 5: 1—2, 3 слева; 6: 1—3; 7: 1, 5), а лучники — на левой (рис. 5: 3 справа. 4; 6: 2; 7: 3. 6).

Наручи из широких металлических колец видны на некоторых граффити из Дура-Европос (Dura-Europos. Preliminary Rep. IV: pls. XXI: 3; XXII: 2; Ghirshman 1962: 50, Abb. 63C; Хазанов 1971: 57; Abdullaev 1995: 175, fig. 6: 11; James 2004: 43, fig. 23; Симоненко 2015: 132). Известны находки такого рода I в. н.э. из Таксилы — одна из них состояла из 18 пластин, вторая — из 24 (Marshall 1951: vol. 2, 550, no. 91a—b; vol. 3: pl. 170). А.М. Хазанов предполагает, что такие кольца-полосы могли быть и кожаными: таковы были доспехи иранских катафрактариев (Хазанов 1971: 57; см. также Горелик 1982: 82—83, табл. 1; 97, табл. 10: к).

Близкой параллелью являются наручи, изображенные на руках всадников на пластине из Шами, однако, в отличие от публикуемых изображений здесь отсутствует продольная полоса зигзагообразного орнамента (Ghirshman 1962: 109, fig. 125). Отметим также, что подобная широкая наручь, заштрихованная косыми параллельными линями, образующими ромбы, изображена и на правой руке охотника с луком на роговой накладке лука из могильника Кылышжар (Подушкин 2022: 192, рис. 8; 193).

В статье 1994 г. я предполагал, что эти «наручи могли выполнять не только, а возможно, и не столько защитные функции, сколько служить инсигниями власти, а также иметь декоративное назначение. Такое же назначение мог иметь и золотой ажурный предмет с аналогичной зигзагообразной орнаментацией, найденный в том же самом погребении Косики» (Трейстер 1994: 188). Наручь из Косики состоит из двух частей на шарнирном соединении. Помимо ранее публиковавшейся целой части (рис. 44) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: 7, рис. 2; 1993: 170—173, рис.18; Dvornitchenko, Fedorov-Davydov 1994: 69 (рис. вверху справа); Treister 1997: 53—54; 90, fig. 21; 2005: 230—231, 236—237, figs. 12: 3; 13: 3; Fedorov-Davydov 2001: 145, no. 3, pls. 17—18; Cat. Rome 2005: 120—121, no. 64; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 42, № A114.8), были найдены и фрагменты второй половины наручи (рис. 45).

6.5.4. Диадема

Диадема в форме узкой повязки изображена лишь на лбу воина-катафрактария кубка из Косики (рис. 3: 2; 5: 3 слева; 6: 2—3; 7: 5). Повязки-диадемы начиная с Александра Великого и на протяжении эллинистической эпохи были однозначным атрибутом царской власти «quintessential hellenistic symbol of royalty» (Eckstein 2009: 249) и изображались на портретах царей и цариц в чеканке различных династий, в том числе и в державе Селевкидов, и в Парфии, и в Бактрии[37]. Диадема присутствует и на портретных статуях царей

[37] Об этом подробно в целой серии статей в сборнике материалов конференции, прошедшей в Мюнстере в 2009 г.: Das Diadem der hellenistischen Herrscher: Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschaftszeichens? Bonn, 2012. См. в частности: Dahmen 2012: 281—292; Haake 2012: 293—313; Salzmann 2012: 337—383; Dumke 2012: 385—393; Haake 2014: 24—28. О заимствовании диадемы как инсигнии власти у Александром Македонским у Ахеменидов см. также: Ольбрихт 2015: 134—143.

эллинистического времени, в частности предполагаемом портрете царя селевкидской или греко-бактрийской династии из храма Окса (Kat. Zürich 1989: 42, Nr. 13; Nehru 2009: 195, Abb. 4; Kat. Mannheim 2009: 351, Nr. 232; Литвинский 2010а: 255—269, илл. 18). Специальное исследование изображений диадем на парфянских монетах, предпринятое Х. фон Галлом, позволило исследователю выделить несколько типов диадем, которые носили представители династии Аршакидов.

Диадема, изображенная на лбу катафрактария, — «эллинистического типа в форме простой повязки из ткани типа представленных на ранних парфянских монетах, чеканенных от Тиридата I до Орода I, т.е. до 38 г. до н.э. (von Gall 1969/70: 301—303, Abb. 2; Curtis 1998: 62—63; Яценко 2006: 132—133)[38]. Более поздняя, так называемая ребристая, диадема появляется не ранее середины I в. до н.э., она, в частности, представлена на бронзовой статуе, найденной в Шами (Ghirshman 1962: 88—89, fig. 99; Colledge 1977: 86, fig. 12; Mathiesen 1992: 166—167, no. 80; Brentjes 1993: 34, Abb. 39; Vogelsang-Eastwood 2000: 43—44, fig. 13; Curtis 2001: 315, pl. IIa; Winkelmann 2003: 56, Abb. 6 oben; Kat. Bochum 2004: 822, Abb. S. 823 rechts, 826; Яценко 2006: 114, fig. 68; Ellerbrock, Winkelmann 2012: 192, Abb. 36; Olbrycht 2013: 87, Abb. 12; 2015: 360, 362, fig. 19; Brosseder 2015: 223, 224; 293, list 21, no. 60; Lindström 2021: 189—190, fig. 13).

Несомненно, диадема на голове катафрактария, изображенного на сосуде из Косики, указывает на его очень высокий социальный ранг, вероятно, если и не царя, то, по крайней мере, члена царской семьи или представителя высшей знати[39].

Носили ли такие диадемы кочевники? Ни один из них на известных мне изображениях воинов, связываемых с культурой кочевников Евразии последних столетий до н.э. и первых веков н.э., не был изображен с диадемой (нет их ни у всадников на пластинах из Тахти-Сангина и пряжках из Орлатского могильника; скорее всего, нет ее и у всадника на роговом предмете с городища Калылы-гыр 2, хотя самая верхняя часть головы его утрачена, поэтому 100% гарантии нет). Возвращаясь к диадеме катафрактария на сосуде из Косики (рис. 3: 2; 5: 3 слева; 6: 2—3; 7: 5), отметим, что подобную же диадему мы встречаем и на фресках из Акшахан-кала в Хорезме (Yagodin et al. 2009: 33, fig. 7, KY06 P028; 37, fig. 11, KY06 P034; Kidd, Betts 2010: 658—659, figs. 8—9; Betts et al. 2017: 124). Однако особое внимание привлекают такие диадемы, изображенные на скульптурах из Халчаяна, причем как на персонаже, который идентифицируется как парфянский правитель (царь или один из князей) (Пугаченкова 1971: 50, № 52, рис. 59 («парфянский принц», которого Г.А. Пугаченкова отождествляла с царем Фраатом IV, 38/37 — 3/2 гг. до н.э.); Rtveladze 2011: 158, fig. 2; Ходжайов, Абдуллаев 2011: 50—51, 122, рис. 22. Об атрибуции см. также Грене 2000: 130—135; Grenet 2012: 12 (Вардан I, ок. 39—47 гг. н.э.). См. критику гипотезы Ф. Грене: Литвинский 2010б: 89—90; Rtveladze 2011: 158—159 (Фраат IV); Olbrycht 2015:, 349 (необязательно царь, возможно один из местных парфянских князей эпохи Орода II, 58/57—38/37 гг. до н.э. или Фраата IV; здесь же обзор различных точек зрения о датировке Халчаяна); Skupniewicz, Lichota 2017: 69—78), так и на местных кушанских аристократах и всадниках-лучниках (саках или юэчжи?) (Пугаченкова 1971: 48, № 6, рис. 50, 53 (царица); 57, № 56, рис. 63—64 (принц Геранч); № 70, рис. 65, 67 («пожилой Геранч»); № 58, рис. 68 («сидящий правитель»); 68, № 45, рис. 78 («голова всадника»); 69, № 48, рис. 79 («голова Геранча»); von Gall 1990: 48—49, Abb. 8; Nehru 2009: 193, Abb. 1a; 194, Abb. 3; Francfort 2014: 1574,

[38] Такая диадема кроме монет представлена, например, на бронзовом медальоне из Западной Сибири, поступившем в Эрмитаж из Музея Ханты-Мансийска: Кинжалов 1959: 197—202, рис. 1—2 (Готарз I); Lukonin 1967: pl. 18 (II в. н.э.); Кат. Ст. Петербург 1996: 46—47, № 1 (Е. Зеймаль: 80—30 гг. до н.э., или Готарз I, или Фраат III, или Митридат III или Ород II); Kat. Wien 1996: 396, Nr. 69 (Е. Зеймаль: Фраат III или Ород II); Берзина 2005: 193, 194, рис. 4 (Готарз I); Kat. Mannheim 2009: 335, Nr. 213. М. Ольбрихт (Olbrycht 1998: 29, Anm. 145) упоминает только атрибуцию Кинжалова. См. также подобную диадему у лучника на перламутровой пластине инкрустации из гробницы в Шами, предположительно датированной II—I вв. до н.э.: Ghirshman 1962: 109, Abb. 125A; Godard 1965: 157, fig. 93; Compareti 2011: 5, note 16.

[39] К аналогичному выводу пришел и А.К. Нефедкин (2011: 162): «Поскольку на лбу побеждающего всадника видна диадема, скорее всего, это изображение какого-нибудь князя».

1575, fig. 15b; Skupniewicz, Lichota 2017: 71, figs. 1—2. См. также диадему на голове так наз. «бактрийской богини» из Дальверзин-тепе: Pougatchenkova 1978: 48—49, figs. 32—33; Ходжайов, Абдуллаев 2011: 59—60, 130, рис. 32).

Фрагмент безворсового ковра, возможно бактрийской работы III—II в. до н.э. во вторичном использовании (из него были сшиты штаны погребенного) с портретным изображением воина с копьем, с повязанной на голове диадемой, происходит из гробницы No. 1 могильника Сампула I в Хотане — хотя С.А. Яценко определяет изображение просто как воина, имеются основания, учитывая другие изображения на ткани (в частности, кентавра Хирона) предполагать, что это мог быть портрет или Александра Великого, или одного из индо-скифских царей (Cat. New York 2004: 194—195, no. 101; Яценко 2006: 261; Kat. Mannheim 2007: 213—214, Nr. 113; Wagner et al. 2009: 1065—1075; Christopoulos 2012: 15, 25, pl. 4; Yatsenko 2012: 46, fig. 7; Гюль 2012: 318, 319, рис. 1: 1; 320; Francfort 2014: 1570, fig. 13a), что косвенно подтверждается результатами ДНК исследований костяных остатков из могильников, свидетельствующих о происхождении погребенных из Восточного Средиземноморья или Кавказа (Christopoulos 2012: 27). Узкие диадемы повязаны также на головах трех воинов, изображенных на ковре из кургана № 31 Ноин-Улы, включая спешившегося всадника в доспехе, с плащем или знаменем (Полосьмак, Богданов 2015: 88, рис. 4.4; 97, рис. 4.13; 98; 102, рис. 4.17; 103; 108, рис. 4.25), а также воина на ковре из кургана № 25 (Тревер 1940: 144—145, табл. 42; Руденко 1962: табл. LXI; Ghirshman 1962: 109, Abb. 126; Rudenko 1969: Taf. LX).

Так или иначе, ближайшие параллели диадеме всадника-катафрактария на сосуде из Косики (рис. 3: 2; 5: 3 слева; 6: 2—3; 7: 5) уводят нас или в Парфию, или еще дальше на восток, где, судя по всему, этот обычай перенимают кочевники саки и юэчжи. Нельзя исключать и возможность эллинистического влияния, например, через Северное Причерноморье. Обычай ношения диадем сарматской знатью Северного Причерноморья в I в. н.э. подтверждается изображением ее на портрете царя аорсов Фарзоя на золотых статерах, чеканенных в Ольвии (Карышковский 1988: 108—112; 2003: 141—142, 283—285, № 452—463), а также реальными находками диадем в погребения кочевников Нижнего Подонья (Яценко 2006: 227). Отметим в этой связи, что из погребения в Косике происходят и золотые подтреугольной формы «гофрированные листки, которые могли крепиться к погребальному венку или диадеме (Cat. Rome 2005: 130—131, nos. 79—85). Они относятся к типу, получившему распространение в Средиземноморье еще во II в. до н.э., а на Боспоре — не позднее второй половины I в. до н.э. (Трейстер 2015: 89—97).

7. Фронтальность изображений

Рассматривая с этой точки зрения сцену сражения на публикуемом сосуде, необходимо отметить сочетание в ней элементов фронтального и профильного изображения. Так, если фигура катафрактария представлена *en face*, сидящей на лошади, изображенной в профиль (рис. 3: 2; 5: 3 слева; 6: 2—3; 7: 5), то фигура сраженного им лучника изображена в профиль (рис. 5: 3 справа; 6: 2; 7: 6). Также в профиль изображена голова катарфрактария, изображенного сидящем на коне, скачущим вправо, на костяной пластине из Дедоплис Гора (Gagoshidze 2008: 99—100, no. 92; pl. 40).

В качестве сочетания в одной сцене профильного и фронтального изображения в статье 1994 г. я ссылался на фреску с изображением охотящегося Митры из Дура-Европос, а обратив внимание на ранние примеры изображений всадников, скачущих в профиль, с головой развернутой *en face*, я пришел к заключению о том, что вряд ли можно относить использование принципа фронтальности мастером сосуда из Косики к заимствованиям из художественного арсенала парфянского искусства, в котором фронтальные изображения появляются, скорее всего, не ранее середины I в. н.э. (Трейстер 1994, 196—197)[40].

[40] О хронологии появления фронтальных изображений в парфянском искусстве см. также Compareti 2011: 5.

Здесь следует обратить внимание и на изображения всадников на фризе из Халчаяна. Скачущие вправо и изображенные в профиль всадники показаны с лицами, развернутыми к зрителю — в три-четверти или фронтально (катафрактарий) (Пугаченкова 1971: 65—75; Mode 2013: 206—212). Я уже писал (Трейстер 1994, 196—197) о том, что профильные изображения всадников с развернутой en face головой представлены еще в произведениях торевтики III—II вв. до н.э. (ритон из Мерджан (Ростовцев 1913: 133—137, табл. X: 1; Трейстер 2007: 37—38; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123, № B23.1 с лит.) и появляются на хронологически близких сосудам из Косики серебряных фаларах из могильника Кривая Лука-IX в Нижнем Поволжье (рис. 41—42) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981: 100—105; Fedorov-Davydov 2001: 8, fig. 3: 10; Mordvinceva 2001: 37—38, Taf. 19; Cat. Rome 2005: 169, nos. 148—149). Укажем также на подобные изображения всадников на конических серебряных чашах II—I вв. до н.э. найденных в Болгарии: кладе из Якимово (Маразов 1979: 26—31, рис. 2; Cat. Saint Louis 1998: 236, no. 202) и из собрания В. Божкова (Sideris 2016: 208—309, no. 142). Таким образом, ракурс изображения катафрактария на сосуде из Косики не может являться аргументом в пользу возможного парфянского происхождения сосуда.

8. Исследование металла

Анализ металла из пробы, взятой из стенки кубка из Вербовского (Treister, Chugaev 2022: 90, 97, 103, AG-12; Group A, fig. 24), показал близость металла по своим Pb-Pb характеристикам к серебросодержащим эпитермальным месторождениям Восточных Понтид, которые простираются вдоль южного побережья Черного моря к востоку от Синопа и на востоке постепенно переходят в структуры Малого Кавказа (Treister, Chugaev 2022: 98, fig. 28). Впрочем, это свидетельство лишь происхождения металла, а не места производства. В любом случае близкие характеристики показали, как сосуды, вполне вероятно, изготовлявшиеся в мастерских античных центров, в том числе возможно Северного Причерноморья (Treister, Chugaev 2022: 88—89, 100—102, AG-3), так и обкладки ножек стула или табурета из кургана Хохлач, возможно парфянской работы (Treister, Chugaev 2022: 95, 101, 103, AG-16—17).

Заключение

Как можно реконструировать появление рассматриваемых сосудов? Рассматривать их все как импортные, как было показано выше, — оснований нет. Обращает на себя внимание сочетание орнаментальных мотивов, характерных для торевтики селевкидско-парфянского круга (фризы мерлонов, пальметты с лепестками, загнутыми вовнутрь), с образами (рыбы, птицы, козлы в геральдических позах, Сциллы и морские драконы), которые находят близкие параллели на эллинистической рельефной керамике[41], в том числе, именно в таком сочетании на чашах мастерской Биона из Афин, датированных последней четвертью III — первой четвертью II в. до н.э. (Rotroff 1982a: 19, 26—27, 64, 67, nos. 171, 190; pls. 31, 35, 79, 80), хотя и образы дельфинов получили распространение в торевтике и ювелирном искусстве парфянского круга. Весьма вероятно, что эти мотивы попали на Восток и были заимствованы мастерами, работавшими здесь, в том числе и с использованием как моделей мегарских чаш и гипсовых слепков произведений торевтики[42]. Несомненно, античные прототипы были и у сцен с изображением стоящего и сидящего на скале рыболова.

В то же время, такие важные компоненты, как композиция декора, размеры и соотношение отдельных элементов розетт, примитивное исполнение орнаментальных мотивов, в частности на фризе с побегами растительного орнамента или на розеттах,

[41] На это я обращал внимание еще в статье 1994 г.: Трейстер 1994: 198.

[42] См. об этом: Трейстер 1994: 198, прим. 180 с литературой, а также Mairs 2014: 175—195, в том числе о мегарских чашах из Ай-Ханума — с. 179—182.

позволяют говорить о том, что мастер, исполнивший эти сосуды (Косика, Вербовский), был, безусловно, знаком с произведениями торевтики Ближнего Востока, Передней и Центральной Азии, но не видел их прототипов и не понимал значение и роль элементов и композиции декора, т.е. являлся представителем другой культуры. К приведенным наблюдениям можно сейчас добавить удивительное сходство в композиции элементов фризов с изображением рыб на чаше, крышке кубка, пиксиде из Косики и фриза из рыб на внутренней стороне тазе из Косики и на внешней стороне серебряной позолоченной полусферической чаши из коллекции аль-Сабаха, которая убедительно отнесена к сасанидской работе IV—V вв. н.э. (Carter 2015: 310—311, no. 86).

Что касается серебряного кувшина со сливом на кольцевом поддоне с крышкой и с полой ручкой, обтянутой золотой фольгой, в виде сидящей фигурки пантеры или гиены, украшенный фризами с позолотой в пределах контуров изображений из тайника № 1 кургана № 28 группы Высочино-VII, а также близких ему по технике декора: кубков с крышками со сценами сражений и охоты и ручками в форме фигурок животных из погребения № 1 в Косике и погребения № 2 кургана № 4/1988 могильника Вербовский-II, полусферической чаши на поддоне и таза из Косики, то эти сосуды не имеют параллелей по форме среди известных нам серебряных сосудов происходящих с территории Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии.

Я не стал бы, конечно, полностью исключать возможность их изготовления в мастерских Парфии, тем не менее, традиция изготовления кубков с ручками в форме фигурок животных имеет очень широкое распространение (Засецкая 2011: 166, 172; Королькова 2003: 54; Мордвинцева 2007: 216—218; Трейстер 2007а: 48). Однако это не означает автоматически, что рассматриваемые сосуды обязательно вышли из мастерских Парфии — они, в частности тот же кувшин из Высочино, могли быть изготовлены и в кушанских мастерских Северо-Западной Индии (Treister 2005: 242—245) и с использованием парфянских (кушанских) прототипов, в мастерских Северного Причерноморья, ориентированных на вкусы заказчиков-номадов. Аргументы в пользу этого предположения, в том числе основанные и на надписи Ампсалака на бортике таза из Косики, уже приводились мною ранее (Трейстер 1994: 197—202; Treister 2005: 223).

В этой связи могу обратить внимание еще на одно косвенное свидетельство — ручку в форме кошачьего хищника (тигра?) на серебряном лутерии из Новоалександровки (Cat. Paris 2001: 192—193, no. 210; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 50, № A151.5; Трейстер 2007: 50; Кат. Ст. Петербург 2008: 130—131, № 45; Kat. Leoben 2009: 253, Nr. 106; Засецкая 2011: 194, 195, рис. 98: II; 2019: 42, табл. 3: I, н; 66, 68, 155, № 56, табл. XXII: а). Очевидно, что изначально таз, форма которого находит почти точное соответствие в маленькой серебряной чаше из Палеокастро в Фессалии, предположительно, туалетном сосуде для масла или благовоний, имел лишь две горизонтальные ручки с миндалевидными вырезами под пальцы, конструктивно напоминающие оформление ручек (другого типа) бронзовых тазов из Помпей и Геркуланума (Трейстер 2007: 50; 2010а: 79—80). Таким образом, если принять «парфянскую» гипотезу, то следует предположить, что таз, выполненный в позднеэллинистическую эпоху в Италии или Греции, был усовершенствован в I в. н.э., для чего его отвезли в Парфию, а затем доставили в Нижнее Подонье. Такое объяснение представляется маловероятным — есть гораздо больше оснований для предположения о том, что такие переделки, задача которых состояла в адаптации изделий к вкусам номадов, скорее производились вблизи места обитания заказчиков, скорее всего — на Боспоре (в частности, в Танаисе), где, как я постарался аргументировано доказать, в рассматриваемое время осуществлялась переделка и парфянских полусферических чаш в кубки на ножках с горизонтальными ручками (Трейстер 2016: 215—225). Таким образом, не думаю, что имеет смысл, как это предлагает И.П. Засецкая, с одной стороны, на мой взгляд, справедливо, отрицать возможность изготовления чаш типа находки из Жутово в Парфии (Засецкая 2011: 185—189), с другой — принимать точку зрения С.И. Лукьяшко (2000: 168) об изготовлении

кувшина из Высочино в Парфии (Засецкая 2011: 195), а с третьей — писать о том, что кубки с зооморфными ручками были изготовлены в неких «восточных центрах» (Засецкая 2011: 184).

На общем фоне выделяется кувшин из Высочино, в котором, и уровень исполнения декора выше, и значительно разнообразнее сам репертуар изображений, многие из которых, как уже отмечено выше, характерны для торевтики селевкидско-парфянского круга. Тем не менее, и на кувшине из Высочино изображения выполнены неаккуратно, линии зачастую дублируются, фигуры выходят за рамки фризов[43], а из всего богатого технического репертуара торевтов Ближнего и Переднего Востока мастер предпочитал резец. Статика и примитивизм особенно бросаются в глаза в изображениях человеческих фигур в сценах рыбной ловли.

Так или иначе, кувшин из Высочино, подвергшийся переделке с дополнением зооморфной ручкой (как и привозной лутерий из Новоалександровки), для номадов Нижнего Подонья был, безусловно, вещью привозной. В то же время, форма этого кувшина, не имеющая прототипов в Передней или Центральной Азии и находящая аналогии в гончарной серолощеной керамики Азиатской Сарматии, скорее говорит о том, что кувшин мог быть выполнен специально для представителя кочевнической элиты.

В целом кувшин из Высочино можно рассматривать как промежуточное звено между произведениями торевтики, выполненными в мастерских Ближнего Востока или Передней Азии, и группой сосудов из Косики и Вербовского. Данные сосуды, декор которых подражал парфянским или селевкидским прототипам, а техника — технике декора кувшина из Высочино, сразу изготавливались (в тех случаях, когда это было необходимо) с зооморфными ручками. Как уже было отмечено выше, мастера, исполнившие эту работу, были, безусловно, знакомы с произведениями торевтики Ближнего Востока, Передней и Центральной Азии, но не видели их прототипов (или аналогов в других сферах материальной культуры, в архитектуре, фресковой живописи, мелкой пластике и прочих видах декоративного искусства) и не понимали значение и роль элементов и композиции декора, т.е. являлись представителями другой культуры.

По сравнению с кувшином из Высочино резко изменился и репертуар изображений. Это не «мирные» сцены рыбной ловли, изображения рыб, дельфинов, морских драконов и водоплавающих птиц, а сцены охоты, сражений или терзания животных грифонами, которые очевидно в большей степени соответствовали вкусам заказчиков. Что касается сцен сражения — я не берусь при этом давать этнические определения представленных на сосудах персонажей, были ли это парфяне, сарматы, или, как предположил М. Ольбрихт (2010: 80), скорее, мидийцы или армяне и уж тем более давать определение лошадям, как это делает А.В. Симоненко (2010: 228; 2015: 301), называя изображенных на сосуде из Косики — «сарматскими».

При анализе композиции изображений на сосудах из Косики, деталей изображений (оружие, конское снаряжение), декора, бросается в глаза множество параллелей в памятниках Бактрии, Парфии, Хорезма, кочевнических погребениях Западной Сибири, Бактрии, Согда и Южного Приуралья II—I вв. до н.э., что вряд ли было случайным, было отмечено мною еще в статье 1994 г. и требует объяснения.

Какие-то детали изображений или отсутствие таковых, наоборот, кажутся странными. К ним относятся, в частности, детали изображения мечей, в первую очередь их перекрестий, не находящих параллелей в археологических реалиях, но сопоставимые только с изображениями на расшивке ковра бактрийской работы, возможно изображающего юэчжей, найденного в погребении сюнну в Северной Монголии, и отсутствие кинжала, прикрепленных к правому бедру всадника. Впрочем, последнее возможно имеет хронологическое объяснение, если предположить, какую-то связь изображенного на сосуде катафрактария с диадемой с Парфией (диадема), а прикрепленный к бедру кинжал в ножнах с боковыми выступами становятся непременным атрибутом изображений знатных парфян не ранее времени правления Орода II, т.е. середины I в. до н.э. (ср. Winkelmann 2006: 143—144; Olbrycht 2015: 362, 364). Во всяком

[43] На эти и другие несовершенства изображений уже обращалось внимание: Лукьяшко 2000: 165.

случае, у катафрактария на костяной пластине из Дедоплис Гора такой кинжал с кольцевым навершием на правом бедре изображен (Gagoshidze 2008: 99—100, no. 92; pl. 40), как представлены прикрепленные к правому бедру кинжалы и на фигурах воинов на упомянутой выше расшивке ковра, найденной в кургане № 31 Ноин-Улы (Полосьмак, Богданов 2015: 88, рис. 4.4; 97, рис. 4.13; 98; 102, рис. 4.17; 103; 108, рис. 4.25). На лошадях не изображены крупные наплечные фалары, подобные представленным на скульптурах Халчаяна, на фрагменте фляге из Калалы-Гыр 2, пластине из Дедоплис Гора и коврах из курганов № 6 (Тревер 1940: 141—143, табл. 39, 40; Руденко 1962: табл. LXIII; Gruber et al 2012: 367—368) и № 31 Ноин-Улы.

На мой взгляд, отмеченные особенности изображений на сосудах из Косики дают основания как для определенных хронологических заключений, так и предположений о происхождении мастера. Что касается датировки, то весь круг приведенных аналогий свидетельствует о том, что отнесение сосудов к I в. до н.э. вполне оправданно.

Определенные отличия и в передаче аналогичных изображений и их деталей на сосудах из Косики (кат. № 3.1—4), Вербовского (кат. № 1.1) и коллекции С.И. Григорьянца (кат. № 4.1) и уровень мастерства позволяет предполагать работу разных мастеров. Так, на общем фоне бросается в глаза определенная небрежность в передаче деталей на кубке из Вербовского (рис. 20—29) (кат. № 1.1). Это дает возможность предполагать не только изготовление рассматриваемых сосудов разными мастерами, но и в разное время. Если наше предположение о датировке погребения из Косики временем после 47—46 гг. до н.э. (Treister 2005: 223—240; Трейстер 2005: 322—330) и соответственно об изготовлении сосудов из этого комплекса около середины I в. до н.э. верно, то сосуд из Вербовского вполне мог быть выполнен позже, например, в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э., что вполне коррелируется с другими находками в погребении, позволяющими датировать его в рамках первой половины I в. н.э. (Мамонтов 2000: 168, 169, рис. 29; 2008: 171—173; Мордвинцева, Хабарова 2006: 89—90; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 17, № А31). Вероятно, к этому же времени относится и сосуд из коллекции С.И. Григорьянца (рис. 30—32) (кат. № 4.1), учитывая среди прочего его типологическую близость каменному сосуду из Соколовой Могилы (Ковпаненко 1986: 59—60, рис. 59—61; Simonenko 2008, Taf. 111: 2), комплекса, близкого по времени погребению в кургане у пос. Вербовский (о датировке см. Трейстер 2018а: 164—165). Наконец и дополнительное украшение серебряных фиал из Новоалександровки (рис. 35—36) (Cat. Tokyo 1991a: 118, nos. 144—145; Cat. Glasgow 1996: 41; Максименко 1998: 234, рис. 51: 4, 7; Cat. Paris 2001: 192—193, nos. 211—212; Кат. Москва 2005: 24, № 28; Кат. Ст. Петербург 2008: 132, № 46; Kat. Leoben 2009, 254, Nr. 107; Трейстер 2010а: 80, рис. 9; 2021г: 85, рис. 12—17; Беспалый, Лукьяшко 2018: 36, рис. 19: 8*;* фото 2) примитивными изображениями животных в той же техники, что и рассматриваемые сосуды — позолота в пределах контура изображений — также еще один из аргументов в пользу того, что сосуды с декором, выполненным в этой технике, могли изготавливаться в первой половине I в. н.э.

Эта реконструкция, основанная только на анализе форм сосудов, сюжетов, декоративных мотивов, форм и техники исполнения декоративных элементов без учета исторических реконструкций, тем не менее, прекрасно согласуется с той реконструкцией, которая мною была выполнена изначально и, безусловно, под влиянием прочтения и трактовки надписи на тазе из Косики.

Каталог

1. Вербовский-II

Курганный могильник Вербовский-II. Курган № 4. Погребение № 1. Раскопки Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ под руководством В.И. Мамонтова, 1998 г. Могильник расположен в 1,5 км к СВ от пос. Вербовский (Волгоградская область, Калачевский район). Курган № 4 расположен в центральной части могильника; высота насыпи 0,5 м, диаметр 16,0 м.

Погребение № 1 находилось в центре насыпи. Большая прямоугольная яма с закругленными углами (длина 2,72 м, ширина 1,43 м, глубина 1,35 м от уровня погребенной почвы) ориентирована длинной осью по линии север—юг. Погребенный мужчина 35—40 лет лежал в центре ямы в вытянутом положении на спине черепом к югу. Под костяком — тонкий слой куги.

Дата комплекса: первая половина I в. н.э.

Литература: Мамонтов 2000: 168, 169, рис. 29; 2008, 171—173; Мордвинцева, Хабарова 2006: 89—90, № 52—54; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2: 17, № А31, рис. 28.

Хранение: Волгоград, ВОКМ.

1. Кубок с крышкой

Фрагментированный сосуд с грушевидным туловом и слабо отогнутым наружу краем, украшенный тремя гравированными фризами, позолоченными в пределах контура изображений.

В верхней части расположены две сцены охоты всадника с копьем на кабана. Средний ярус представляет собой ряд растительного орнамента из цветов и листьев. В нижней части представлены три сцены терзания. Под венчиком горизонтальная полоса позолоты.

Отдельно сохранились две ручки сосуда в виде гладких литых фигурок волков, отлитых в различных формах, частично перекрывающие атташами в пластинах с закругленными углами фризы с изображениями. В атташах по углам сделаны отверстия для крепления фигурок к корпусу заклепками. В крупах животных сделаны отверстия для вставки хвоста из органического материала. В отверстии ручки 31513/16 сохранились остатки органики светло-коричневого цвета.

На полусферической крышке сосуда в той же технике, что и на сосуде, изображена в центре пятилепестковая розетта из ступенчатых элементов, вокруг которой расположены четыре фигурки морских драконов с протомами козлов (?) и волков.

Сохранность: сохранился во фрагментах, очищен от окислов.

Серебро; ковка, выколотка, литье, клепка, гравировка, чеканка, пайка. Золото; плакировка.

Ручки: вес 127 г и 121,7 г, проба 960. В. 23,3 см. В. реконстр. с крышкой 32,8 см. Дм. макс. 18 см.— Ручки: 4,4 × 8,8 см и 4,5 × 9 см, дм. заклепок на атташах 0,15 см.

Место находки: в СВ углу могильной ямы.

Хранение: инв. № 31513/15—17.

Дата: конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.

Литература: Мамонтов 2000: 168—169, рис. 29; 2004: 205—207, рис. 1; 2008: 172, рис. 4; Мордвинцева, Хабарова 2006: 25, рис. 12; 89, № 52; Сергацков 2006b: 45, рис 6: 2; Трейстер 2007: 47—48; 2021: 79, 82, рис. 10; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 17, № А31.2, табл. 19; рис. 7—9; Засецкая 2011: 190, илл. 96б; 2019: 42, табл. 3: III: ж; 68, 85—86, 125, 156, № 58, табл. XXIII; Археологическое наследие 2013: 119 (илл.), кат. № 277; Treister, Chugaev 2022: 90—91, figs. 9—13.

2. Высочино-VII

Могильник Высочино-VII. Курган № 28. Тайник № 1. Раскопки Приморского отряда Азово-Донецкой экспедиции под руководством Е.И. Беспалого, 1982 г. у с. Высочино (Ростовская область, Азовский район).

Курган имел высоту 1,4 м и диаметр 45 м. В кургане расчищено центральное погребение и два тайника. Тайник № 1 обнаружен в западном — северо-западном секторе кургана на глубине 1,85 м и представлял собой округлую ямку глубиной 0,4 м.

Дата комплекса: третья четверть I в. н.э.

Литература: Беспалый 1985: 163—172; Bespaly 1986: 78; Cat. Glasgow 1996: 35.

Хранение: Азов, АИАПМЗ.

1. Кувшин

Кувшин на кольцевом поддоне, со сливом, с крышкой, с вертикальной ручкой в виде сидящей фигурки пантеры или гиены и двумя гравированными фризами на тулове. Вторая ручка сосуда утрачена.

Кувшин изготовлен из серебряного листа; отдельно выполненные горло и поддон припаяны. Ручка полая внутри, обтянутая золотой фольгой, состоит из двух половин, сделанных в технике басмы по скульптурной модели, и припаяна к стенке сосуда. В настоящее время утраченные уши и хвост были изготовлены отдельно, вставлялись в отверстия и припаивались.

На гравированных фризах представлены изображения водоплавающих и хищных птиц, рыб, дельфинов, гиппокампов и людей, инкрустированными золотой нитью и позолоченными в пределах контура изображения.

Крышка имеет форму полого цилиндра, изготовленного из толстой серебряной пластины в технике выколотки, вставлявшегося в горло, с внешней поверхностью, украшенной гравированной, инкрустированной золотой нитью и позолоченной в пределах контура розеттой с шариком в центре.

Серебро, золочение; ковка, выколотка, басма, пайка, гравировка, инкрустация.

В. 27,5 см. Дм. тулова макс. 26 см. Дм. по краю 10 см. — Ручка: дл. 10,5 см; в. 7 см.

Вес 1590 г.

Место находки: тайник № 1.

Хранение: инв. № 19532/170.

Дата: первая половина — середина I в. до н.э.

Литература: Беспалый 1985: 163, 165, № 2; 167, рис. 4; Bespaly 1986: 77, no. 2, pls. 66—67; Cat. Tokyo 1991a: 98, no. 103; Трейстер 1994: 177—178; 2007: 49; 2021: 83, 85, рис. 11; Cat. Glasgow 1996: 34; Максименко 1998: 235, рис. 52; Лукьяшко 2000: 163—171; Cat. Paris 2001: 189—190, no. 208; Treister 2004c: 134, 137, ill. 5; Кат. Москва 2005: 23, № 24; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 21, № А44.2, табл. 25, рис. 13—14; Кат. Ст. Петербург 2008: 126, № 43 (ошибочно, как происходящий из тайника № 2); Kat. Leoben 2009: 251, Nr. 104 (ошибочно, как происходящий из тайника № 2); Засецкая 2011: 192—193, ил. 98: 1—2; 195; 2019: 66, 68, 155—156, № 57, табл. 22: б (ошибочно, как происходящий из тайника № 2).

3. Косика

Погребение № 1. Доследовалось Енотаевским отрядом Поволжской археологической экспедиции ИА АН СССР и Астраханского музея-заповедника под руководством В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова, 1984 г.

Погребение, частично разрушенное при строительных работах, входило в могильник, расположенный на вершине естественной возвышенности в 3,0 км к ЮВ от с. Косика (Астраханская область, Енотаевский район). Могильная яма прямоугольной в плане формы размером 2,9 × 1,9 м

длинной осью ориентирована по линии СЗ—ЮВ, глубина от современной поверхности 1,6 м. В заполнении могильной ямы фиксировались остатки решетчатого перекрытия, обрушившегося при засыпке. Остатки решетки из узких плах расчищены и на дне ямы, под ними лежала ткань или циновка, дно посыпано мелом.

Основная часть находок собрана у строителей и в процессе осмотра отвалов траншеи.

Дата комплекса: середина I в. до н.э., ср. середина I в. н.э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 178).

Хранение: Астрахань, АГОИАМЗ.

1. Кубок с крышкой

А) Сосуд с грушевидным туловом и отогнутым наружу утолщенным краем, с двумя позолоченными вертикальными ручками в виде фигурок кабанов и двумя гравированными фризами на тулове: с двумя сценами охоты (вверху), и двумя сценами сражений (внизу), позолоченными в пределах контура изображений. Фризы разделены горизонтальной полосой, плакированной золотом.

Сосуд изготовлен из серебряного листа в технике выколотки. Полые ручки, спаянные из двух половинок, выполнены в технике басмы по скульптурной модели. Уши сделаны отдельно и прикреплены на стерженьках. Копытами кабаны напаяны на фигурные пластинки, которые припаивались и приклепывались двумя заклепками к кубку.

Б) Крышка с вертикальной, сужающейся книзу закраиной, и сферической центральной частью, к которой припаяна украшенная гравировкой покрытая позолотой фигурка орла. Глаза птицы выделены углублениями для вставок. Центральная часть крышки вокруг фигурки орла украшена гравированным кольцевым фризом в виде свастикообразного меандра, а также фризом из двух парных изображений обращенных головами друг к другу рыб и крылатых морских драконов с собачьими головами. Линии меандра и зооморфные фигуры в пределах контура изображения позолочены.

Сохранность: склеен, обработан синтетическими смолами, утрачены части стенок с орнаментом. Утрачены значительные участки позолоты и вставки из глаз орла. При реставрации форма тулова была искажена.

Серебро, позолота; ковка, выколотка, литье, гравировка, чеканка, клепка, пайка, инкрустация.

А) Вес 855,48 г. Проба серебра 960. Б) Вес 130,92 г. Проба серебра 960.

В. без крышки 21,1 см. Дм. по краю 12,7 см. Дм. тулова макс. 20,3 см. Толщ. края 0,3—0,33 см. — Ручки: дл. 11,1 см, в. 6,5 см, шир. 2,4 см. — Фриз горизонтальной плакировки: шир. 1,9 см. — Крышка: в. 3,2 см, в. закраины 2,0 см, в. фигурки орла 3,1 см. *Место находки:* неизвестно (фрагменты собраны у рабочих).

Хранение: А) инв. № 35560; Б) инв. № 35581/б.

Дата: середина I в. до н.э.

Литература: *кубок*: Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: 8—10, рис. 4—6; 1993: 148—151, рис. 5; Dvornitchenko, Fedorov-Davydov 1994: 71 (рис. внизу), 74—75 (рис. вверху); Трейстер 1994: 176—198, рис. 1, 5, 7—11; Treister 1997: 54, 92, 95—97, figs. 24; 28—32; von Gall 1997: 243—247, Abb. 1—3; фон Галль 1997: 175—179, рис. 1, 2, 12; Treister, Yatsenko 1998: 106, fig. 21; Fedorov-Davydov 2001: 14, fig. 6; 114—115, pl. 22—26; p. 146, no. 7; Kat. Frankfurt 2003: 50, Abb. 18; Королькова 2003: 35, рис. 3: 15; 52; von Carnap-Bornheim 2003: 378, 380, Abb. 6; Treister 2004c: 134—135, ill. 3; Cat. Rome 2005: 140—141, no. 95; Herles 2012: 229—230, Abb. 12; Lau 2014: 76, 77, Abb. 61; Засецкая 2019: 41, табл. 3: 1: г; 68, 156—157, № 59, табл. XXIV; *крышка*: Dvornitchenko, Fedorov-Davydov 1994: 71 (рис. внизу); Трейстер 1994: 173, рис. 2 (справа); 192—193, рис. 12; Treister 1997: 62, 93, fig. 25; 98, fig. 33; Cat. Rome 2005: 143, no. 100; Treister 2005: 236, fig. 12: 1; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 41, № A114.5; Раев 2009: 260, рис. 1.

2. Таз

Таз с полусферическим туловом на низком кольцевом поддоне, с резко отогнутым наружу горизонтальным краем, с полуовальными ручками с атташами в виде виноградного листа, частично плакированными золотом. Поддон спаян из узкой ленты.

На внутренней поверхности стенок выгравированы изображения четырех рыб, поверхность которых внутри контура изображений плакирована золотом. По краю корпуса и нижнему краю поддона нанесены удары острым рубящим орудием. По горизонтальному краю точечным наколом выбита греческая надпись: Βασιλέως Ἀρθευάζου *vacat* Αμψαλαϙος ἐποίησεν «(Собственность) *царя Артевазда. Сделал Ампсалак*» (реконструкция А.В. Белоусова).

Сохранность: из двух ручек сохранилась одна. Атташ второй ручки — с обломанной втулкой. Утрачены части стенок в нижней половине корпуса, на поверхности царапины, мелкие вмятины, местами стерт слой позолоты.

Серебро, позолота; ковка, резка полосы, выколотка, литье, гравировка, чеканка, пайка.

Вес 1287,90 г. Проба серебра 960.

В. 15,3 см, дм. по краю 31,1 см, шир. края 0,63—0,67 см, толщ. стенки: в придонной части 0,05 см, у верхнего края 0,15 см. — Поддон: в. 2,1 см; нижний дм. 14,4 см. — Атташ: дл. 6,8 см; шир. 8,1 см. — Втулка: дл. 5,0 см. — Ручка: дл. 6,8 см, шир. 4,0 см.

Место находки: неизвестно (фрагменты собраны у рабочих).

Хранение: инв. № 40898.

Дата: середина I в. до н.э.

Литература: Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 148; Dvornitchenko, Fedorov-Davydov 1994: 72 (рис. вверху); Трейстер 1994: 175, рис. 3; 178—179, рис. 6; Treister 1997: 59, 93, fig. 26; 99, fig. 34; Fedorov-Davydov 2001: 13, 113, pl. 20; 146, no. 5; Cat. Rome 2005: 136—137, no. 92; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 41, № A114.2; Белоусов, Трейстер 2018: 95—99, рис. 3—5; Belousov, Treister 2020: 173—178, figs. 3—5. — *Надпись:* Виноградов 1994: 156—158, рис. 1, 2; Braund 1994: 310—312; SEG XLIV: 660, 662; Bull. Ep 1996: no. 307; Белоусов, Трейстер 2018: 95, 99, прим. 3; Belousov, Treister 2020: 174—175, note 4.

3. Чаша

Чаша полусферической формы с невысокими стенками и утолщенным верхним краем. Внутри в центре дна гравированное изображение четырехлепестковой розетты, вписанной в центр шестилепестковой розетты. У этой розетты ланцетовидные листья с выделенной центральной жилкой перемежаются шестью ветками с распустившимися и отогнутыми вправо верхними кончиками. Вокруг розетты полоса «бегущей волны», и выше — чередующиеся изображения рыб и дельфинов вправо, ограниченные сверху полосой позолоты под венчиком. Все изображения в пределах контура позолочены.

В центре четырехлепестковой розетты след от упора станка. След от упора станка и следы давления на внешней поверхности уничтожены последующей шлифовкой абразивами. По верхнему краю следы ударов острым рубящим орудием.

Сохранность: части стенок утрачены, склеена, обработана синтетическими смолами, местами утрачен слой позолоты.

Серебро, позолота; литье, ковка, доработка на станке, шлифовка, гравировка.

Вес 195,63 г. Проба серебра 960.

В. 5,2 см, дм. по краю 13,4 см, толщ. края 0,21 см, толщ. стенок на середине высоты тулова 0,07 см.

Место находки: неизвестно (фрагменты собраны у рабочих).

Хранение: инв. № 35581/а.

Дата: середина I в. до н.э.

Литература: Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 148; Трейстер 1994: 173, рис. 2 (слева); 194, рис. 13; Treister 1997: 93, fig. 25 (слева); Cat. Rome 2005: 142, no. 96; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 40—41, № A114.1.

4. Пиксида

Тулово цилиндрической формы со слабо вогнутым дном с выступающей закраиной. В верхней части стенки сужаются, образуя уступ под крышку. Крышка сферическая — снизу припаян свернутый из узкой полоски цилиндр, которым крышка надевалась на стенки.

Пиксида и крышка украшены гравированными изображениями, позолоченными в пределах контура. На стенках — три фриза. На верхнем — три летящих птицы и два коленопреклоненных охотника, стреляющих в них из луков. На среднем — рыбы, а на нижнем — четыре птицы. На крышке — розетта с пятью остроконечными лепестками лотоса с продольными осевыми линиями, сгруппированными вокруг маленькой центральной розетты из четырех сердцевидных лепестков.

Сохранность: утрачена часть дна, трещины, позолота участками стерта, на поверхности царапины. Сосуд реставрирован с воссозданием утраченных частей, закреплен синтетическими смолами.

Серебро, позолота; ковка, пайка, гравировка.

В. с крышкой 6,7 см, дм. дна 4,9 см. — Тулово: дм. нижний 4,5 см, дм. верхний 4,3 см. — Крышка: дм. 4,5 см, в. 1,5 см.

Вес общий 44,35 г. Проба серебра 960.

Место находки: около СЗ стенки могильной ямы.

Хранение: инв. № 40899.

Дата: середина I в. до н.э.

Литература: Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 147; Dvornitchenko, Fedorov-Davydov 1994: 66 (рис. в центре), 67 (рис. слева); Трейстер 1994: 174, 175, рис. 4; Treister 1997: 59; 94, fig. 27; Fedorov-Davydov 2001: 13—14, 113, pl. 21; 146, no. 6; Cat. Rome 2005: 138, no. 93; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 41, № A114.4; Раев 2012: 189, рис. 2, 2а.

4. Коллекция С.И. Григорьянца[44]

1. Кубок

Цилиндрический кубок с плоским дном и отогнутым краем, с вертикальными скульптурными ручками в виде полых полностью позолоченных фигурок лежащих грифонов.

Украшен двумя фигурными фризами с изображением двух пар морских львиноголовых грифонов и гиппокампов на верхнем фризе и двух сцен терзания лося львами — на нижнем. Фризы разделены горизонтальной полосой свастикообразного меандра.

Серебро, позолота, коралл; выколотка, литье, чеканка, золочение.

В. 12,8 см. Дм. по краю (внешний) 13,3 см. Дм. внутренний 11,3 см. — Ручки: дл. 9,5 см; в. 4,2 см.

Место находки: неизвестно. По информации владельца, приобретен в Керчи.

Хранение: Москва, коллекция С.И. Григорьянца (2003).

Дата: I в. до н.э.

Литература: Treister 2005: 199—223, figs. 1—2; 4; Трейстер 2007: 49—50; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 165, № D3, табл. 18; 74.

[44] Современное местонахождение сосуда автору неизвестно, тем более, что неизвестна и судьба коллекции после смерти С.И. Григорянца, правозащитника и диссидента, 14 марта 2023 г.

Литература

Абдуллаев К. 2011. Парфянские мотивы в настенной росписи нахшеба (Еркурган и его округа). In: Lippolis C., de Martino S. (eds.). *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*. Firenze: Le Lettere, 309—320 (Monografie di Mesopotamia XIV).

Абрамова М.П. 1969. О керамике с зооморфными ручками. *СА* 2, 69—84.

Алексеева Е.М. 2016. Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г. *ДБ* 20, 34—67.

Алексеева Е.М. 2021. *Некрополь античного города Горгиппии: комплекс гробниц рубежа II—III вв. н.э.* Москва; Вологда: Древности Севера.

Алексинский Д.П. 2013. *Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алимов К.А., Богомолов Г.И. 2000. К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача. *ИМКУ* 31, 164—177.

Антипенко А.В. 2016. Типология псалий I—IV вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья). *МАИЭТ* XXI, 84—109.

Артамонов М.И. 1973. *Сокровища саков*. Москва: Искусство.

Археологическое наследие 2013: Скрипкин А.С. (ред.). 2013. *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея.* Волгоград: Издатель.

Архим. Амфилохий. 1867. Находка древностей в юрту станицы Мигулинской на Дону. *Древности* 1.2 (1865), 197—200.

Бейсенов А.З. 2007. Работы на могильнике Нуркен-2. В: Ломан В.Г. (ред.). *Историко-культурное наследие Сарыарки.* Караганда: Карагандинский государственный университет, 173—181.

Бейсенов А.З. 2016. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан). *Самарский научный вестник* 3 (16), 77—86.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. 2014. Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана. *Известия Алтайского госуниверситета* 4, 42—45.

Белоусов А.В., Трейстер М.Ю. 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье. *Аристей* XVIII, 92—128.

Берестнев Р.С. 2017. Сарматы в междуречье Хопра и Волги. Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Берзина С.Я. 2005. Стеклянный медальон из Самарканда. В: Антонова Е.В., Мкртычев Т.К. (ред.). *Центральная Азия. Источники, история, культура.* Москва: Восточная литература, 191—204.

Бернар П., Абдуллаев К. 1997. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации). *РА* 1, 68—86.

Беспалый Г.Е. 2014. *Выставка «Новые открытия в Танаисе».* Буклет. Танаис: Музей-Заповедник.

Беспалый Е.И. 1985. Курган I в. н.э. у г. Азова. *СА* 4, 163—172.

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2).

Бобровская и др. 2017: Бобровская Е.В., Кукина Д.А., Лазаревская Н.А., Медведева М.В. 2017. Иллюстративные документы XIX — первой половины XX в. по фиксации античной декоративной живописи Боспора из собрания Научного архива ИИМК РАН. В: Виноградов Ю.А., Медведева М.В. (ред.). *Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН; ЛЕМА, 66—110 (Труды ИИМК РАН LI).

Богданов Е.С. 2006. *Образ хищника в пластическом искусстве кочевников народов Центральной Азии.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Болелов С.Б. 2005. Кушано-бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа. В: Никоноров В.П. (ред.). *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 года*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 71—74.

Болелов С.Б. 2014. Заметки о бактрийской керамике. Зооморфные ручки сосудов в комплексах конца I — первой пол. II в. н.э. *Вестник МИЦАИ* / Bulletin of IICAS 19, 34—46.

Васильев В.Н. 2001. *Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н.э.* Уфа: Гилем.

Велков И. 1934. Сребъренъ коланъ отъ с. Ловечъ, Старо-Загорско. *ИБАИ* VIII, 18—23.

Венедиков И. 1996. *Тракийското съкровище от Летница.* София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски».

Вересоцкая Г.Э. 2006. Реставрация фрагмента археологической живописи «Всадники» из Старой Нисы. *Художественное наследие. Хранение, исследования, реставрация* 23 (53), 166—174.

Вертиенко А.В. 2014. Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация. *Stratum plus* 3, 271—280.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151—170.

Воробьева М.Г. 1967. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. В: Толстов С.П., Вайнберг Б.И. (ред.). *Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э.* Москва: Наука, 173—214 (ТХАЭЭ V).

Воронятов С.В. 2020. Сарматы Северо-Западного Предкавказья. В: Кат. Ст. Петербург 2020, 235—242.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. 2013. От Хорезма до Боспора: о «сарматской» посадке всадников. *ПИФК* 2, 286—296.

Глебов В.П. 2016. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья. В: Яблонский Л.Т., Краева Л.А. (ред.). *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова.* Оренбург: ОГПУ, 69—79.

Глебов и др. 2020: Глебов В.П., Гордин И.А., Дедюлькин А.В. 2020. Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье. В: Радюш О., Блюэнэ А., Любичев М. (ред.). *Германия—Сарматия*. Вып. III. Москва: ИА РАН, 354—385.

Глухов А.А. 2001. Ритуальные каменные сосудики из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона. *Донская археология* 1—2, 37—46.

Глухов А.А. 2005. *Сарматы междуречья Волги и Дона в I — первой половине II в. н.э.* Волгоград: Волгоградское научное издательство.

Горбунова Н.Г. 2001. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов. *АСГЭ* 35, 126—151.

Горелик М.В. 1982. Кушанский доспех. В: Бонгард-Левин Г.М. (ред.). *Древняя Индия: Историко-культурные связи*. Москва: Главная редакция Восточной литературы, 82—112.

Горячев и др. 2016: Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А. 2016. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-IV в верховьях ущелья Тургень. В: Байтанаев Б.А. (ред.). *Актуальные проблемы археологии Евразии. Материалы конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана.* Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 632—648.

Грач А.Д. 1980. *Древние кочевники в центре Азии.* Москва: Наука.

Грене Ф. 2000. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна. *ВДИ* 2, 130—135.

Гущина И.И. 1961. Случайная находка в Воронежской области. *СА* 1, 241—246.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — II в. н.э.). В: Абрамова М.П. (ред.). *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва: ГИМ, 71—141 (Труды ГИМ 70).

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «*Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье.* Санкт-Петербург: Фарн.

Гуцалов С.Ю. 2007. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI—I вв. до н.э. В: *Вооружение сарматов*, 11—15.

Гюль Э. 2012. «Бактрийские» ковры**:** к вопросу о греко-юечжийских культурных взаимодействиях. В: Культуры степной Евразии. Кн. 1, 317—323.

Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука (САИ Д1-7).

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области. *КСИА* 168, 100—105.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. В: К.А. Смирнов (ред.). *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, 5—13.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141—179.

Дедюлькин А.В. 2015. К вопросу о генезисе и хронологии наплечных фаларов эллинистической эпохи. *Восток (Oriens)* 5, 127—136.

Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф. 2017. Доспех из погребения рубежа эр могильника Мезмай 1. Кольчуги на Северо-Западном Кавказе. *Stratum plus* 4, 47—56.

Думберг К. 1901. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *ИАК* 1, 94—103.

Евразия в скифскую эпоху 2005: Зайцева Г.И., Боковенко Н.А., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В., Скотт Е.М. (ред.). 2005. *Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология.* Санкт-Петербург: Теза.

Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.).* Симферополь: Тарпан.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2002. Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя. В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13—15 июня 2001 г.).* Краснодар: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, 57—67.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2004. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. — I в. н.э. В: Раев Б.А. (ред.). *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар: [б.и.], 174—204.

Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Засецкая И.П. 2015. Загадка золотого кубка из разрушенного погребения у ст. Мигулинской. В: Археология без границ, 171—183.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. Симферополь: Антиква (Археологические памятники Северного Причерноморья 1).

Зуев В.Ю. 2012. Красногорский курган. В: Кривенко О.А. (ред.). *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко.* Киев: Олег Филюк, 385—410.

Ильюков Л.С. 2000. Два серебряных фалара из Новочеркасского музея истории донского казачества. *Донская археология* 3—4, 133—135.

Ильясов Дж.Я. 2013. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2. *РА* 2, 96—104.

Ильясов и др. 2013: Ильясов Дж.Я., Каниут К., Грубер М. 2013. Тахтисангинские пластины — шкатулка или поясной набор? В: Колганова Г.Ю., Петрова А.А., Кулланда С.В. (ред.). *Последний энциклопедист: к юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского*. Москва: ИВ РАН, 185—199.

Калалы-гыр 2 2004. *Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV—II вв. до н.э.* Москва: Восточная литература РАН.

Канторович А.Р. 2011. Кабан в восточноевропейском скифском зверином стиле: типы изображений и истоки образа. В: Васильев Д.В., Зеленеев Ю.А., Ситдиков А.Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур. Материалы V международной научной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Астрахань, 2—6 октября 2011 г.)*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 34—42.

Канторович А.Р., Грибкова А.А. 2011. Золотая пластина из коллекции МИДУ и сюжет лежащего кабана в скифском зверином стиле. *ВДИ* 4, 132—146.

Карышковский П.О. 1988. *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наукова думка.*

Карышковский П.О. 2003. *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Одесса:* А.С. Фридман.

Кат. Киев 2005: Зайцев Ю.П. (ред.). 2005. *Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки*. Симферополь: Тарпан.

Кат. Москва 2005: Габуев Т.А. 2005. *Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков.* Москва: ГМИНВ.

Кат. Симферополь 2022: Храпунов И.Н. (ред.). 2022. *Наследие тысячелетий: сокровища крымских варваров I—IV веков нашей эры*. Симферополь: ООО «Фирма “Салта” ЛТД».

Кат. Ст. Петербург 1996: Маршак Б., Крамаровский В. (ред.). 1996. *Сокровища Приобья.* Санкт-Петербург: Формика.

Кат. Ст. Петербург 2008: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского.* 2008. Санкт-Петербург; Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

Кат. Ст. Петербург 2020: Алексеев А.Ю., Наврот М., Гасс А., Пиотровский Ю.Ю. (ред.). 2020. *Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист.

Кинжалов Р.В. 1959. Серебряная пластина с изображением парфянского царя. *СА* 2, 197—204.

Кияшко А.В., Мыськов Е.П. 2000. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование). В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Терра, 46—60 (Материалы и исследования по археологии Дона 1).

Ковпаненко Г.Т. 1986. *Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге.* Киев: Наукова думка.

Королькова Е.Ф. 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников. *АСГЭ* 36, 28—59.

Королькова Е.Ф. 2012а. Сарматские бляшки как элемент сакрального орнамента. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (ред.). *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. Москва: ГИМ, 134—143 (Труды ГИМ 191).

Королькова Е.Ф. 2012б. Сибирская коллекция Петра I в Эрмитаже. *Scripta antiqua* 2, 329—355.

Кошеленко Г.А. 1977. *Родина парфян*. Москва: Советский художник.

Кригер В.А. 1983. Сарматские курганы левобережья нижнего течения реки Урал. В: Скрипкин А.С. (ред.). *История и культура сарматов.* Саратов: Саратовский университет, 103—113.

Курбанов С.А. 2000. Археологические исследования цитадели Кампыртепа. В: Ртвеладзе Э.В., Ильясов Дж. (ред.). *Материалы Тохаристанской экспедиции* 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент: San'at, 39—74.

Лившиц В.А. 2002. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1. *ВДИ* 2, 43—56.

Лимберис Н.Ю. Марченко И.И. 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани. *МИАК* 6, 152—181.

Литвинский Б.А. 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел. *СА* 2, 75—91.

Литвинский Б.А. 2001. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан).* Т. 2. *Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте.* Москва: Восточная литература РАН.

Литвинский Б.А. 2002. Бактрийцы на охоте. *ЗВОРАО*. Новая серия I (XXVI), 181—213.

Литвинский Б.А. 2010а. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)*. Т. 3. *Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты.* Москва: Восточная литература РАН.

Литвинский Б.А. 2010б. Парфяно-бактрийские перекрестки. *ПИФК* 1, 84—103.

Лопатин В.А., Леонтьева А.С. 2011. Культ вепря в искусстве древних индоиранцев. Опыт образно-логической реконструкции одного из объектов исторической памяти. *История и историческая память* 3, 91—107.

Лопатин В.А., Леонтьева А.С. 2012. Изображения вепря в искусстве древних индоиранцев. Опыт образно-логической реконструкции утраченного мифа. *АПО* 10, 146—155.

Лукьяшко С.И. 2000. О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII. *НАВ* 3, 163—171.

Лукьяшко С.И. 2008. Древнеиранский космологический сюжет на серебряном кувшине из сарматского погребения у г. Азова. В: Кат. Ст. Петербург 2008, 58—61.

Лунева В. 2001. Ювелирные изделия из Кампыртепа. В: Ртвеладзе Э. (ред.). *Материалы Тохаристанской Экспедиции.* 2. *Археологические исследования Кампыртепа.* Ташкент: San'at, 113—125.

Максименко В.Е. 1998. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)*. Азов: Азовский краеведческий музей (Донские древности 6).

Максимова М.И. 1979. *Артюховский курган*. Ленинград: Искусство.

Мамонтов В.И. 2000. *Древнее население левобережья Дона (по материалам могильника Первомайский VII)*. Волгоград: ВолГУ.

Мамонтов В.И. 2004: К вопросу о сарматской торевтике. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I международная Нижневолжская археологическая конференция*. Волгоград: ВолГУ, 204—208.

Мамонтов В.И. 2008. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II. *НАВ* 9, 170—197.

Мандельштам А.М. 1966. *Кочевники на пути в Индию*. Москва, Ленинград: Наука(МИА 136).

Мандельштам А.М. 1975. *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии.* Ленинград: Наука.

Маразов И. 1975. Сюжетът «лов на глигани» в колана от с. Ловец. *Археология* 2, 30—42.

Маразов И. 1979. *Съкровището от Якимово* / *The Treasure from Yakimovo*. София: Български художник.

Маразов И. 1992. *Мит, ритуал и изкуство у траките*. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски».

Маразов И. 1996. *Рогозенското съкровище.* София: ИК «Сектор».

Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани*. Краснодар: Кубанский государственеый университет.

Маслов В.Е. 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Башилов В.А. (ред.). *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи.* Москва: ИА РАН, 219—236.

Маслов В.Е. 2015. Композиция с номадами из Калалы-гыр 2 и ее культурно-исторический фон. В: *Археология без границ*, 269—295.

Матренин С.С., Тишкин А.А. 2015. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I. *Известия Алтайского государственного университета* 4/2 (88), 116—124.

Матренин С.С., Тишкин А.А. 2016. Хронология деталей конской узды из курганов хуннуского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай). URL: konf.asu.ru/archeo/download_file.php?id =262_349&f=matrenin...tishkin... (дата обращения 11.01.2023).

Мелюкова А.И. 1962. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. *СА* 1, 195—208.

Миняев С.С. 2007. *Дурестуйский могильник* (Археологические памятники Сюнну 3). 2-е доп. изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Могильников В.А. 1992. Хунну Забайкалья. В: М.Г. Мошкова (ред.). *Степная полоса азиатской части СССР* (Археология СССР). Москва: Наука, 254—273.
Мордвинцева В.И. 2003. *Полихромный звериный стиль.* Симферополь: Тарпан.
Мордвинцева В.И. 2007. Сарматский полихромный звериный стиль. В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан, 195—244.
Мордвинцева В.И. 2011. Культурные изменения в Нижнем Поволжье по материалам комплексов с предметами из драгоценных металлов (III в. до н. э. — сер. III в. н.э.). *Античный мир и археология* 15, 332—365.
Мордвинцева В.И. 2015. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье. *ВДИ* 1, 109—135.
Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Симферополь; Бонн: Тарпан.
Мордвинцева В.И., Хабарова, Н.В. 2006. *Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея.* Симферополь: Тарпан.
Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. *НАВ* 2, 138—149.
Мошкова М.Г. 2008а. Позднесарматские погребения могильника «Три брата». В: Мошкова М.Г. (ред.). *Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова.* Москва: Таус, 243—264 (МИАР 10).
Мошкова М.Г. 2008б. Позднесарматские погребения второй половины III в. н.э. из могильника «Три брата». *ПИФК* 21, 538—549.
Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. 2004. Сарматские памятники Западного Казахстана. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 3, 203—211.
Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149—167.
Нефедкин А.К. 2011. *Военное дело сарматов и аланов.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.
Никоноров, В.П. 2002. К вопросу о седлах парфянской кавалерии. В: Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. (ред.). *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии.* Новосибирск: *Новосибирский* государственный университет, 21—27.
Никоноров В.П. 2003. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела. В: *Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова.* Санкт-Петербург: Государстченный Эрмитаж, 263—267.
Никоноров В.П. 2010. К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана). В: *Роль номадов евразийских степей*, 43—65.
Никоноров В.П., Худяков Ю.С. 1999. Изображения воинов из Орлатского могильника. В: Митько О.А. (ред.). *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2. *Горизонты Евразии. Сборник научных статей.* Новосибирск: *Новосибирский* государственный университет, 141—154.
Обельченко О.В. 1962. Лявандакский могильник. *ИМКУ* 2, 97—176.
Обельченко О.В. 1967. Погребение сарматского типа под Самаркандом. *СА* 2, 181—187.
Обельченко О.В. 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда. *СА* 4, 115—127.
Обельченко О.В. 1981. *Курганы древнего Согда.* Ташкент: Узбекистан.
Ольбрихт М.-Я. 2010. К вопросу о происхождении катафрактов в Иране и Средней Азии. В: Роль номадов евразийских степей, 66—85.
Ольбрихт М.-Я. 2015. Ornamenta regia — регалии Александра Македонского в 330—323 гг. *ПИФК* 1, 131—143.
Ольховский В.С. 2005. *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа.* Москва: Наука.
Переводчикова Е.В. 1994. *Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи.* Москва: Восточная литература.
Петров П.А. 2013. Клинковое оружие среднесарматского времени в Нижнем Поволжье. *Археология Восточно-Европейской степи* 10, 256—261.
Пилипко В.Н. 1996. *Старая Ниса. Здание с квадратным залом.* Москва: Восточная литература.
Пилипко В.Н. 2001. *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период.* Москва: Наука.
Пилипко В.Н. 2007. Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе. *РА* 1, 150—158.
Пилипко В.Н. 2008. Изучение остатков настенных росписей на городище Старая Ниса. *Вестник РГНФ* 3, 14—23.
Пичикян И.Р. 1991. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды.* Москва: Наука.

Подушкин А.Н. 2012. К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. — I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе). *Stratum plus* 4, 31—53.

Подушкин А.Н. 2022. Знатный кангюец на охоте. *Stratum plus* 4, 183—208.

Полидович Ю.Б. 2009. Женская и мужская сфера культуры в скифском изобразительном искусстве (сцены с участием хищников и антропоморфных персонажей). В: Бессонова С.С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого.* Киев, Полтава: Институт археологии НАН Украины, 314—323.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2015. *Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия).* Ч. 1. Новосибирск: Инфолио.

Попова Е.А. 1984. О декоративном офоормлении склепа № 9 восточного некрополя позднескифской столицы. *ВДИ* 1, 129—145.

Пугаченкова Г.А. 1959. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. *СА* 2, 70—84.

Пугаченкова Г.А. 1971. *Скульптура Халчаяна.* Москва: Искусство.

Пугаченкова Г.А. 1987. Образ кангюйца в согдийском искусстве. В: Пугаченкова Г.А. *Из художественной сокровищницы Среднего Востока.* Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 56—65.

Пугаченкова Г.А. 1989а. *Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции*. Ташкент: ФАН.

Пугаченкова Г.А. 1989б. Образы юэчжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда. В: Пугаченкова Г.А. (ред.). *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана*. Ташкент: ФАН, 96—110.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Рабаджев К. 2014. *Конят, колесницата и конникът. Към интерпретацията на образа в тракийската култура*. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски».

Раев Б.А. 2009. «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня. *НАВ* 10, 260—271.

Раев Б.А. 2012. Серебряный сосуд из с. Майкор (Пермский край). В: Федорова Н.В. (ред.). *Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады, г. Салехард, 27—30 ноября 2012 г.* Екатеринбург: Деловая пресса, 188—192.

Раев Б.А., Симоненко А.В. 2007. «Странные комплексы»: от эпохи латена до могилы Неизвестного солдата. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 268—272.

Раевский Д.С. 1977. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. Москва: Наука.

Редина Е.Ф., Симоненко А.В. 2002. «Клад» конца 2 — 1 вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. *МИАК* 2, 78—96.

Рец К.И. 2004. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: К вопросу о хронологической и культурной атрибуции. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы международной научной конференции.* Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 325—332.

Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62, 133—140.

Ростовцев М.И. 1913—1914. *Античная декоративная живопись на юге России.* Санкт-Петербург: Издание Императорской Археологической комиссии.

Руденко С.И. 1962. *Культура хуннов и ноинульские курганы.* Москва, Ленинград: АН СССР, Ленинградское отделение.

Рукавишникова И.В. 2011. Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в контексте звериного стиля. В: Макаров Н.А. (ред.). *Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе.* Т. 1. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК РАН, 373—376.

Рукавишникова И.В. 2013. К вопросу изучения доспехов евразийской степи раннего железного века (аналогии, взаимовлияние и происхождение). *КСИА* 231, 71—78.

Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. 2008. Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1 (интерпретация комплекса и реконструкция первоначального облика). В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы Международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (21—25 апреля 2008 г.)*. Оренбург: ОГПУ, 105—116.

Савельев О.К. 2010. Оружие дальнего боя из «странных комплексов». *Stratum plus* 3, 175—184.

Самашев и др. 2007: Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. 2007. *Сокровища Устюрта и Манкыстау.* Алматы: Елчиди ИП.

Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. 2013. *Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I)*. Уральск: Полиграфсервис.

Сергацков И.В. 2000. *Сарматские курганы на Иловле.* Волгоград: ВолГУ.

Сергацков И.В. 2006а. Проблема становления среднесарматской культуры. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 37—58.

Сергацков И.В. 2006б. Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. н.э. В: Мурашева В.В. (ред.). *III Международная научная конференция «Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне», посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (21—24 ноября 2006 г., Москва).* Москва: Нумизматическая литература, 42—45.

Сергацков И.В. 2007. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья. В: *Вооружение сарматов*, 58—64.

Сергацков И.В., Захаров П.Е. 2006. Сарматское погребение на севере Волгоградской области. *РА* 1, 117—123.

Симоненко А.В. 2008. Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий. В: Хазанов А.М. *Очерки военного дела сарматов.* 2-е изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 238—286.

Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья.* Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.

Симоненко А.В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. 2-е изд. Киев: Олег Филюк.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э.* Киев: Наукова думка.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия.* Саратов: Саратовский университет.

Скрипкин А.С. 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры. *ВДИ* 1, 160—169.

Скрипкин А.С. 2005. Сарматские мечи с кольцевидным навершием. В: Белоцерковская И.В. (ред.). *II Городцовские чтения. Материалы научной конференции посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ.* Москва: ГИМ, 171—185.

Скрипкин А.С. 2006. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 5—27.

Скрипкин А.С. 2010. Сарматские мечи с кольцевидным навершием. В: Скрипкин А.С. *Сарматы и Восток. Избранные труды.* Волгоград: ВолГУ, 335—358.

Скрипкин А.С., Мыськов Е.П. 2009. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья. В: Макаров Н.А. (ред.). *Археологические открытия. 1991—2004. Европейская Россия.* Москва: Институт археологии РАН, 245—255.

Соенов В.И. 1998. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая. В: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. (ред.). *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и Средневековье.* Барнаул: Алтайский государсвенный университет, 93—98.

Степанова Е.В. 2012. Седла из Третьего Пазырыкского кургана. В: *Культуры степной Евразии.* Кн. 2, 446—454.

Степанова Е.В. 2015. Седла гунно-сарматского времени. В: *Археология без границ*, 389—425.

Тадевосян Т.В. 2014. *Семантические параллели фольклорных архетипов: мифологический аспект.* Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет.

Толстов С.П. 1948. *Древний Хорезм.* Москва: МГУ.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* Москва: Восточная литература.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. 1890. *Древности времен переселения народов. Русские древности в памятниках искусства*. Т. 3. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения.

Тревер К.В. 1940. *Памятники Греко-Бактрийского искусства.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. *Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа*. Москва: Искусство.

Трейстер М.Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики). *ВДИ* 3, 172—203.

Трейстер М.Ю. 2001. Заметки по поводу дискуссии «Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия». *ВДИ* 4, 168—174.

Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер М.Ю. 2010а. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). *АВ* 16, 72—94.

Трейстер М.Ю. 2010б. Серебряный ритон и золотая гривна из Ново-Кумакского кургана № 1/1971. В: Герасимова М.М., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. (ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, 355—377 (МИАР 13).

Трейстер М.Ю. 2010в. Оружие сарматского типа на Боспоре в I—II вв. н.э. *ДБ* 14, 484—561.

Трейстер М.Ю. 2011. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике. *Scripta antiqua* 1, 90—146.

Трейстер М.Ю. 2012. Сосуды из драгоценных металлов ахеменидского круга из Южного Приуралья. В: *Влияния ахеменидской культуры.* Т. 1, 50—87.

Трейстер М.Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: Институт археологии РАН, 77—181 (Материалы по археологии и истории Фанагории 2).

Трейстер М.Ю. 2016. Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о переделке антикварных серебряных сосудов для кочевников Азиатской Сарматии). В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева. Кагальник, 20—21 октября 2016 г.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 215—225.

Трейстер М.Ю. 2018а. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. — первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153—200.

Трейстер М.Ю. 2018б. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСП* 10, 118—210.

Трейстер М.Ю. 2019. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. *ПИФК* 4, 180—238.

Трейстер М.Ю. 2020. Пекторали из Косики. *ВДИ* 2, 377—409.

Трейстер М.Ю. 2021а. Веретенообразные унгвентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии. В: И.Н. Храпунов (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.).* VII. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 157—194.

Трейстер М.Ю. 2021б. Диадема из кургана Хохлач. Размышления о центре изготовления. *ДБ* 26, 381—410.

Трейстер М.Ю. 2021в. Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. *ВДИ* 2, 340—393.

Трейстер М.Ю. 2021г. Сарматская чаша на Нижнем Рейне: к интерпретации серебряной чаши с золотым накладным декором из раннесредневекового поселения Угстгест под Лейденом. *Scripta antiqua* 10, 73—116.

Трейстер М.Ю. 2022. Существовал ли Трансъевразийский «Меховой путь» в эпоху Хань? (размышления на основании материалов археологии). *МАИАСП* S1, 50—109. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.30.80.003.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., 2012. А9. Комплекс с предметами ахеменидского круга Ново-Кумакского могильника. В: Влияния ахеменидской культуры. Т. 2, 51—53.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. 2007. *Скифо-сибирский мир.* Новосибирск: Академическое издательство «Гео».

Туаллагов А.А. 2005. К вопросу об аланской тяжелой кавалерии. *Вестник Владикавказского научного центра* 5.3, 22—25.

Туаллагов А.А. 2013. Аланы и некоторые данные эпиграфических памятников. *Известия СОИГСИ* 9(48), 20—32.

Туаллагов А.А. 2014а. *Аланы Придарьялья и закавказские походы I—II вв.* Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А.

Туаллагов А.А. 2014б. О семантике сюжета на серебряной пиксиде из погребения у с. Косика. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки* 4, 150—154.

Турбат Ц., Эрдэнэбаатар, Д., Худяков, Ю.С. 2004. Предметы воинского и конского снаряжения хуннов Северной Монголии. *Древности Алтая* 12, 84—92.

фон Галль Х. 1997. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики. Истоки и восприятие одного иранского мотива в южной России. *ВДИ* 2, 174—197.

Фонякова Н.А. 2013а. К семантике Шиловских пластин. *Поволжская археология* 1, 166—180.

Фонякова Н.А. 2013б. Загадки Шиловских пластин. *Филология и культура* 1 (31), 203—208.

Хабдулина М.К. 2007. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 2, 181—194.

Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.

Хачатрян Ж. 2009. *Гробница Сисиана (вторая половина I в. до н.э.)*. Ереван: Гитутюн (Археологические памятники Армении 21).

Хачатрян Ж. 2013. Античное захоронение Содского района Армении. *Вестник арменоведения / Journal of Armenian Studies* 1, 61—82.

Ходжайов Т., Абдуллаев К. 2011. *Население кушанской Бактрии: антропология, письменные источники и изобразительное искусство.* Saarbrucken: Lambert Academic Publ.

Шалганова Т. 2008. Голотато в тракийското изкуство. *Проблеми и изследвания на тракийската култура* III, 124—137.

Шилов В.П. 1959. Калиновский курганный могильник. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Древности Нижнего Поволжья*. 1. Москва: АН СССР, 323—523 (МИА 60).

Шульга П.И. 2015. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с т-образными знаками. В: Тишкин А.А. (ред.). *Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина.* Барнаул: Алтайский государственный университет, 366—371.

Шульга и др. 2016: Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. 2016. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 272—286.

Яблонский Л.Т. 1998. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области. *АПО* 2, 97—119.

Яблонский и др. 1994: Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека*. Вып. 2. Москва: Институт археологии РАН, 4—57.

Яблонский и др. 2011: Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. 2011. «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка 1. *ВДИ* 4, 219—250.

Яценко С.А. 2000. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии. *ВДИ* 4, 86—104.

Яценко С.А. 2006. *Костюм древней Евразии.* Москва: Восточная литература РАН.

Яценко С.А. 2011. Юэчжи на бактрийских вышивках тканей из монгольской Нойон ул / Ноин-улы. *Батыр* 2 (3), 27—38.

Abdullaev K.A. 1995. Armour of Ancient Bactria. In: *In the Land of the Gryphons*, 163—180.

Abdullaev K.A. 2007. Nomad Migration in Central Asia. In: Cribb J., Herrmann G. (eds.). *After Alexander: Central Asia before Islam.* Oxford; New York: Oxford University Press; British Academy, 73—98 (Proceedings of the British Academy 133).

Abdullaev K.A. 2008. Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica* 10, 135—149.

Akkermans M.M.G., Wiggermann F.A.M. 2015. West of Aššur: The Life and Times of the Middle Assyrian *Dunnu* at Tell Sabi Abyad. In: Düring B.S. (ed.). *Understanding Hegemonic Practices of the Early Assyrian Empire. Essays Dedicated to Frans Wiggermann.* Leiden: Peeters Publishers, 89—124.

Akurgal E. 1961. *Die Kunst der Hethiter*. München: Hirmer.

Albenda P. 2008. Assyrian Royal Hunts: Antlered and Horned Animals from Distant Lands. *Bulletin of the American School of Oriental Research* 349, 61—78.

Alexandrescu P. 1999. *L'aigle et le dauphin. Etudes d'archéologie pontique.* Bucharest; Paris: Editura enciclopedică.

Alexandropoulou A. 2004. Η κεραμική της Γνάθια και της «Δυτικής Κλιτύος»: Μια συγκριτική προσέγγιση. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 667—672.

Anderson E.B. 2016. *Cataphractes: Knigts of the Ancient Eastern Empires.* Barnsley: Pen & Sword Books Limited.

Andreae B. 2009. Die Skylla im Beinrelief von Dedoplis Gora und die Zeitgebundenheit von Betrachtungsweisen. In: Einicke R., Lehmann S., Löhr H., Mehnert G., Mehnert A., Slawisch A. (Hrsg). *Zurück zum Gegenstand. Festschrift für Andreas E. Furtwängler.* Bd. I. Langenweißbach: Beier & Beran, 69—80 (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums 16).

Andronicos M. 1984. *Vergina: The Royal Tombs.* Athens: Ekdotike Athenon.

Antikenmuseum Berlin 1988. Heilmeyer W.-D. (Hrsg.). *Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werken.* Berlin: Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz.

arachne.dainst.org: 1: Szene 1: Sz.Nr. 13 Töten der Stymphalischen Vögel. Mosaik mit den Taten des Herakles. URL: https://arachne.dainst.org/entity/1251290 (дата обращения 11.01.2023).

arachne.dainst.org: 2: Bronzebasis mit den Taten des Herakles. Galleria di Capodimonte, Neapel. URL: https://arachne.dainst.org/entity/1082856 (дата обращения 11.01.2023).

Azzaroli A. 1985. *An Early History of Horsemanship*. Leiden: E.J. Brill.

Bald Romano I. 1994. A Hellenistic Deposit from Corinth. Evidence for Interim Period Activity (146—44 B.C.). *Hesperia* 63.1, 57—104.
Banghard K., Gorecki J. 2004. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119—150.
Barringer J.M. 2002. *The Hunt in Ancient Greece.* Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press.
Başaran et al. 2011: Başaran C., Kocak E., Ertuğ Ergurer H., Kasapoğlu H. 2011. Parion Nekropolu'nde Bulunan Bronz Amphoranın Konservasyonu ve Restorasyonu. *27. Arkeometri sonuçlari toplantisi*, 55—72.
Başaran et al. 2019: Başaran C., Keleş V., Çelikbaş E. 2019. *Parion bronz Aphora-Situlasi*. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat.
Bayer-Niemeier E. 1983. *Fischerbilder in der hellenistischen Plastik.* Bonn: R. Habelt.
Belaňová P. 2016. Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111—126.
Belousov A.V., Treister M. 2020. Inscribed ceremonial dagger from princely Sarmatian burial near the village of Kosika in the Lower Volga Region. *ACSS* 26.1, 172—206.
Bernard P. 1987. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle. *CRAI*, 758—768.
Bernard P. 2012. Aï Khanum: A Greek Colony in Post-Alexandrian Central Asia, or How to be Greek in an Oriental Milieu. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 42—53.
Bernard P., Bopearachchi O. 2002. Deux bracelets grecs avec inscriptions grecques trouvés dans l'Asie centrale hellénisée. *Journal des savants*, 237—278.
Bernard P., Inagaki H. 2000. Un torque achéménide avec une inscription grecque au Musée Miho (Japan). *CRAI*, 1371—1437.
Bernard P., Inagaki H. 2002. Un torque achéménide avec une inscription grecque au Musée Miho (Japan). In: Cat. Miho 2002, 207—210.
Bespaly E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR Intern. ser. 278).
Betts et al. 2017: Betts A., Yagodin V.N., Grenet F., Kidd F., Minardi M., Bonnat M., Khashimov S. 2017. The Akchakhan-kala Wall Paintings: New Perspectives on Kingship and Religion in Ancient Chorasmia. *Journal of Inner Asia Art and Archaeology* 7, 125—165.
Boardman J. 1986. The Ketos in India. In: L. Kahil (ed.). *Iconographie classique et identités regionales.* Athènes, Paris: École Française d'Athènes; Diffusion de Boccard, 447—453 (BCH Suppl. 14).
Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical.* London: Thames and Hudson.
Boardman J. 2003. Three Monsters at Tillya Tepe. *ACSS* 9.1—2, 133—146.
Boardman J. 2010. *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin*. Oxford: Archaeopress (Beazley Archive Occasional Paper).
Boardman J. 2012. Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 102—111.
Boardman J. 2015. *The Greeks in A*sia. London: Thames and Hudson.
Bohn R. 1885. *Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros*. Berlin: W. Spemann (Altertümer von Pergamon II).
Bolla M. 1994. *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano.* Milano: The Pool s.r.l. (RASMI Suppl. 11).
Bopearachchi O. 1991. *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques.* Paris: Bibliothèque Nationale.
Bopearachchi O., Sachs, C. 2001. Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques. *Topoi* 11.1, 321—355.
Bottez V. 2010. Kebriones and Odysseus on a Graffito discovered at Histria (Constanţa County, Romania). In: Angelescu M.V., Achim I., Bâltâc A., Rusu-Bolindet V., Bottez V. (eds.). *Antiquitas istro-pontica: Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu.* Cluj-Napoca: Mega, 43—49.
Boucher S. 1970. *Bronzes grecs, hellénistiques et étrusques. Collection des Musées de Lyon.* Lyon: En dépôt aux Éditions de Boccard.
Braund D. 1994. An Inscribed Bowl from the Volga Region: King Artheouazes and Ampsalakos. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 102, 310—312.
Brentjes B. 1993. Waffen der Steppenvölker. — I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 26, 5—45.
Bricault L. 2020. *Isis Pelagia: Images, Names and Cults of a Goddess of the Seas*. Leiden; Boston: E.J. Brill (Religions in the Graeco-Roman World 190).
Brinkmann V., Koch-Brinkmann U. 2001. Polychromy on Greek Sculpture. The Archer on the West Pediment of the Aphaia Temple, Aegina (English/Chinese). In: Wu Yongqi, Zhang Tinghao, Petzet M., Emmerling E., Blänsdorf C. (eds.). *The Polychromy of Antique Sculpture and the Terracotta Army of the First Chinese*

Emperor. München: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege, 101—102, 141 (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege 111).
Brosseder U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder U., Miller B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia.* Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 349—424 (BCAA 5).
Brosseder U. 2013. Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: Kat. Bonn 2013, 89—101.
Bruneau P. 1972. *Les mosaïques*. Paris: De Boccard (Exploration archéologique de Délos XXIX).
Byvanck-Quarles van Ufford L. 1970. Les bols hellénistiques en verre doré. *Bulletin antieke beschaving* 45, 129—141.
Callaghan P.J. 1996. An Antiochene Bowl in Cambridge. *The Annual of the British School at Athens* 91, 369—375.
Carter M.L. 2015. *Arts of the Hellenized East, Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era.* London: Thames and Hudson.
Casabonne O., Gabrielli M. 2006. Brèves remarques sur un torque achéménide au musée Miho (Japan). *Colloquium Anatolicum* V, 85—90.
Cat. Baltimore 1979: *Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book.* 1979. New York; Baltimore: New York: Viking Press, in cooperation with Walters Art Gallery.
Cat. Glasgow 1996: *Treasures of the Warrior Tombs.* 1996. Glasgow: *Glasgow* Museums.
Cat. London 2005: Curtis J., Tallis N. (eds.). 2005. *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia.* London: British Museum Press.
Cat. London 2012: Curtis J.E., Tallis N. (eds.). 2012. *The Horse from Arabia to Ascot*. London: British Museum Press.
Cat. London 2017: Simpson St.J., Pankova S. (eds.). 2017. *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia.* London: Thames and Hudson.
Cat. Malibu 2007: Trofimova A.A. (ed.). *Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.
Cat. Malibu 2022: Spier J., Potts T.F., Cole S.E. (eds.). 2022. *Ancient Iran and the Classical World*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.
Cat. Miho 2002: *Treasures of Ancient Bactria. Miho Museum.* 2002. Shigaraki: Miho Museum.
Cat. Milan 1984: de Juliis E.M. (ed.). 1984. *Gli ori di Taranto in età ellenistica.* Milan: Mondadori Ed. Arte.
Cat. New York 2000a: Aruz J., Farkas A., Alekseev A., Korolkova E. (eds.). 2000. *The Golden Deer of Eurasia*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Cat. New York 2000b: Milleker E.J. (ed.). 2000. *The Year One. Art of the Ancient World. East and West*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Cat. New York 2004: Watt J.C.Y. *China: Dawn of a Golden Age, 200—750 AD. The Metropolitan Museum of Art*. 2004. New York, New Haven, London: Metropolitan Museum of Art; Yale University Press.
Cat. Oxford 2011: *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy.* 2011. Oxford: Ashmolean Museum.
Cat. Paris 1961: *Sept mille ans d'art en Iran.* 1961. Paris: Presses artistiques.
Cat. Paris 2001: Schiltz V. (ed.). *L'or des Amazones.* 2001. Paris: Editions Findakly; Paris musées.
Cat. Rome 2005: Anisimova L., Bonora G.L., Franchi C., Karavaeva L., Plakhov V.V. (eds.). 2005. *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan: Mondadori Electa.
Cat. Saint Louis 1998: Marazov I. (ed.). 1998. *Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria.* New York: Harry N. Abrams.
Cat. Tokyo 1991a: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia.* 1991. Tokyo: Ancient Orient Museum.
Cat. Tokyo 1991b: Pugachenkova G.A., Rtveladze E.V., Kato K. (eds.). 1991. *Antiquities of Southern Uzbekistan.* Soka: University Press.
Cat. Toledo 1977: Oliver A.Jr. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver*. 1977. Toledo: Museum of Art.
Cat. Triest 2001: Popescu A., Alekseev A., Piotrovskij J. (eds.). 2001. *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati.* Milan: Electa.
Cat. Triest 2002: Giumlia-Mair A., Rubinich M. (eds.). 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste: Silvana.
Cat. Venice 1993: Litvinskij B.A. (ed.). 1993. *Oxus. Tesori dell'Asia Centrale* . Rome: Edizioni de Luca.
Chandra R.G. 1979. *Indo-Greek Jewellery*. New Delhi: Abhinav Publications.
Christopoulos L. 2012. *Hellenes and Romans in Ancient China*. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania (Sino-Platonic Papers 230).

classics.uc.edu: 1: Greek, Roman and Byzantine Pottery at Ilion (Troia): Sebastian Heath and Billur Tekkök, Editors. Hellenistic Moldmade Bowls. URL: http://classics.uc.edu/troy/ grbpottery/html/hell-moldmade-bowls.html (дата обращения 11.01.2023).

Cohen A. 2010. *Art in the Era of Alexander the Great: Paradigms of Manhood and Their Cultural Traditions.* Cambridge: Cambridge University Press.

Colledge M.A.R. 1977. *Parthian Art.* Ithaca, London: Elek.

Collins Reilly L. 1993. The Hunting Frieze from Vergina. *Journal of Hellenic Studies* 113, 160—162.

Collon D. 1995. *British Museum. Ancient Near Eastern Art.* London: British Museum Press.

Collon D. 2008. Nimrud Treasures: Panel Discussion. In: Curtis J.E., McCall H., Collon D., al-Gailani Werr L. (eds.). *New Light on Nimrud. Proceedings of the Nimrud Conference,11th — 13th March 2002.* London: British Institute for the Study of Iraq, in association with the British Museum, 105—118.

Coloru O. 2018. On a Pair of Inscribed Bowls from the Hellenistic East. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 207, 101—104.

Comparetti M. 2011. The State of Research on Sasanian Painting. *e-Sasanika* 8, 1—50.

Crowley J.L. 1977. *The Aegean and the East. An Investigation into the Exchange of Artistic Motifs — between the Aegean, Egypt, and the Near East in the Bronze Age.* Diss. University of Tasmania. Hobart: University of Tasmania.

Curtis V.S. 1998. The Parthian Costume and Headdress. In: *Das Partherreich*, 61—73.

Curtis V.S. 2001. Parthian Belts and Belt Plaques. *IrAnt* XXXVI, 299—327.

Dahmen K. 2012. Alexander und das Diadem. Die archäologische und numismatische Perspektive. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 281—292.

Damerji M.S. 1999. Gräber assyrischer Königinnen aus Nimrud. *JbRGZM* 45, 1—84.

Davis-Kimball J., Yablonsky L.T. 1996. Excavation of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia. Questions concerning the Northern Silk Route. *SRAA* 4, 1—16.

Dimitrova V. 2022. Net Pattern Silver Bowl from Zareva Mogila near the Village of Yasenovo, Kazanlak Region. *Национален Исторически музей — София. Известия* XXXIV, 85—95.

Dörner F.K., Goell Th. 1963. *Arsameia am Nymphaios*. Berlin: Gebr. Mann (Istanbuler Forschungen 23).

Driehaus et al. 2010: Driehaus J., Raub C., Bakker L., Radnoti-Alföldi M. 2010. Die Panzer von Augsburg und Vize. Eine Untersuchung zur Metalltechnologie im 1. Jahrhundert n. Chr. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 91 (2012), 339—407.

Dumke G.R. 2012. Diadem = Königsherrschaft? Der Fall des Diodotos I. von Baktrien. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 385—393.

Dunbabin K. 1999. *Mosaics of the Greek and Roman world.* Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Dvornitchenko V.V., Fedorov-Davydov G.A. 1994. Trésors des tombes de l'aristocratie sarmate au nord de la Caspienne. *Les dossiers d'archéologie* 194, 66—75.

Edwards C.M. 1981. Corinth 1980: Molded Relief Bowls. *Hesperia* 50.2, 189—210.

Edwards C.M. 1986. Corinthian Moldmade Bowls: The 1926 Reservoir. *Hesperia* 55.4, 389—419.

Edwards G.R. 1975. *Corinthian Hellenistic Pottery*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (Corinth VIII.3).

Eggers H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte (Atlas der Urgeschichte, 1).

Ellerbrock U., Winkelmann S. 2012. *Die Parther: die vergessene Großmacht*. Darmstadt: von Zabern; Wissenschaftliche Buchgesselschaft.

Ersoy A. 2013. Smyrna/ İzmir kazilari kalip yapimi kaseleri ve kabartmali kaplar. *TÜBA-KED* 11, 31—50.

Fabricius J. 1999. *Die hellenistischen Totenmahlreliefs. Grabrepräsentation und Wertvorstellung in ostgriechischen Städten.* München: F. Pfeil.

Falk H. 2014. Libation trays from Gandhara. *Bulletin of the Asia Institute* 24, 89—113.

Farrokh et al. 2016: Farrokh K., Karamian G., Delfan M., Astaraki F. 2016. Preliminary reports of the late Parthian or early Sassanian relief at Panj-e Ali, the Parthian relief at Andika and examinations of late Parthian swords and daggers. *Historia i Świat* 5, 31—55.

Farrokh K., Karamian G. 2018. Weapons in the Tombs of Parthian Era Women in Northern Iran. A Preliminary Report. *Fezana Journal* 32.3, 18—21.

Fedorov-Davydov G.A. 2001. *The Silk Road and the Cities of the Golden Horde.* Berkeley: Zinat Press.

Fenn N. 2014. The Hellenistic Moldmade Bowl Production at Priene — A Case Study Concerning the Reception of Ephesian Examples. In: *Pottery, Peoples and Places*, 141—155.

Fleischer R. 1983. *Der Klagefrauensarkofag aus Sidon*. Tübingen: Wasmuth (Istanbuler Forschungen 34).

Fornasier J. 2001. *Jagddarstellungen des 6.—4. Jhs. v. Chr. Eine ikonographische und ikonologische Analyse* (Eikon 5). Münster.

Francfort H.P. 1979. *Les palettes du Gandhāra*. Paris: Diff. de Boccard (MDAFA XXIII).

Francfort H.P. 1984. *Le sanctuaire du temple à niche indentées; les trouvaille*. Paris: Diff. de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum III.2; MDAFA XXVII. 2).
Francfort H.P. 2011. Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C., *Topoi* 17/1, 277—347.
Francfort H.P. 2014. Les nomades installés dans la bactriane (IIe s. av. J.-c.—Ier s. ap. J.-C.): Nouvelles découvertes. *CRAI* IV (2013—2014), 1543—1576.
Fröhlich C. 2005. La représentation du roi cavalier sur les monnaies indo-scythes et indo-parthes: une approche numismatique. *Revue numismatique*, 6e série, 161, 59—78.
Furtwängler A. 1906. *Aegina das Heiligtum der Aphaia, unter Mitwirkung von Ernst R. Fiechter und Hermann Thiersch*. Munich: Verlag der K.B. Akademie der Wissenschaften.
Gagoshidze I. 2008. Bone Objects. In: *Iberia and Rome*, 87—115.
Gaibov V., Košelenko G.A. 2008. A Horseman charging a Foot-Soldier: A new Subject in Parthian Glyptic Art. *Parthica* 10, 99—107.
Garrison M.B. 2010. Archers at Persepolis: The Emergence of the Royal Ideology at the Heart of the Empire. *In: Curtis J., Simpson* St.J. (eds.). *The World of Achaemenid Persia*: *History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. Proceedings of a Conference at the British Museum. 29th September — 1st October 2005.* London: I.B. Tauris, 337—359.
Ghirshman R. 1962. *Iran. Parther und Sasaniden.* München: Beck.
Godard A. 1962. *L'art de l'Iran.* Paris: Arthaud.
Godard A. 1965. *The Art of Iran.* New York, Washington: George Allen & Unwin Ltd.
Goldman B. 1999. Pictorial graffiti of Dura-Europos, *Parthica* 1, 19—106.
Goldman B., Little A.M.G. 1980. The Beginning of Sasanian Painting and Dura-Europos. *IrAnt* 15, 283—298.
Grač N. 1987. Ein neu entdecktes Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch. In: Galanina L.K., Franke H. (Hrsg.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporanischen Reichs anläßlich einer Ausstellung der Leningrader Ermitage in München 1984*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften; In Kommission bei der C.H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung, 7—95 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen, Neue Folge 98).
Grenet F. 2012. The Nomadic Element in the Kushan Empire (1st—3rd Century AD). *Journal of Central Eurasian Studies* 3, 1—22.
Gruber M., Il'yasov J., Kaniuth K. 2012. A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339—375.
Guerra et al. 2009: Guerra M.F., Demortier G., Vitobello M.L., Bobomulloev S., Bagault D., Borel T., Mirsaidov I. Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *Archeosciences. Revue d'archeometrie* 33, 177—185.
Güterbock H.G. 1956. The Sphinx Gate of Hüyük, near Alaca. *Anatolian Studies* 6, 54—56.
Güterbock H.G. 1989. Hittite Kursa "Hunting Bag". In: Leonard Jr. A., Williams B.B. (eds.). *Essays in Ancient Civilization Presented to Helene A. Kantor*. Chicago: The Oriental Institute, 113—124 (Studies in Ancient Oriental Civilization 47).
Guillaume O. 1985. Contribution à l'étude d'un artisanat bactrien pré-hellénistique . In: Asimov M.S., Iskandarov B.I., Munchaev R.M., Masson V.M., Negmatov N.N., Ranov V.A. (eds.). *Actes du colloque franco-sovietique "L'archeologie de la Bactriane ancienne", Dushanbe, (U.R.S.S.), 27 octobre — 3 novembre 1982.* Paris: CNRS, 257—267.
Guillaume O., Rougeulle A. 1987. *Fouilles d'Ai Khanoum.* T. VII. *Les petit objets*. Paris: Boccard (MDAFA 31).
Gunter A., Jett P. 1992. *Ancient Iranian Metalwork in the Arthur M. Sackler Gallery and the Freer Gallery of Art.* Washington: Arthur M. Sackler Gallery Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution.
Haake M. 2012. Diadem und *basileus*. Überlegungen zu einer Insignie und einem Titel in hellenistischer Zeit. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 293—313.
Haake M. 2014. Das Diadem — königliches Symbol in hellenistischer Zeit. In: Ehling K., Weber G. (Hrsg.). *Hellenistische Königreiche.* Darmstadt: von Zabern, 24—28.
Haerinck E. 1983. *La céramique ein Iran pendant la période parthe (ca. 250 av. J.C. à 225 après J.C.): typologie, chronologie et distribution*. Gent: Iranica antiqua (IrAnt Suppl. II).
Haerinck E., Overlaet B. 1998. *Chamachzi Mumah: an Iron Age III graveyard*. Leuven: Peeters (Acta Iranica 35).
Hannestad L. 2013. A Comparative Study of the Cultural Dynamics in Two Cities of the Eastern Seleucid Kingdom: Uruk and Ai Khanoum. In: *Zwischen Ost und West*, 99—113.
Harper P.O. 2008. Image and Identity: Art of Early Sasanian Dynasty. In: Curtis V.S., Stewart S. (eds.). *The Sasanian Era.* Vol. III. *The Idea of Iran.* London: I.B. Tauris in association with The London Middle East Institute at SOAS and The British Museum, 71—87.

Herles M. 2012. Zur Darstellung der Wildschweinjagd im Alten Orient. In: Baker H., Kaniuth K., Otto A. (Hrsg.). *Stories of Long Ago. Festschrift für Michael D. Roaf*. Münster: Ugarit Verlag, 219—240 (Alter Orient und Altes Testament 397).

Herrmann G. 1989. Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West. In: De Meyer L., Haerinck E. (eds.). *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe.* Vol. II. Gent: Peeters, 757—809.

Herzfeld E.B. 1928. The Hoard of the Karen Pahlavs. *Burlington Magazine* 53, 21—27.

Himmelmann N. 1980. *Über Hirten-Genre in der antiken Kunst.* Opladen: Westdeutscher Verlag.

Höckmann O. 1999. Naval and other graffiti from Nymphaion. *ACSS* 5.4, 303—356.

Höckmann O. 2010. Zur antiken Schifffahrt im Schwarzen Meer. *Kölner Jahrbuch* 43, 345—369.

Honeychurch W. 2013. The Nomad as State Builder: Historical Theory and Material Evidence from Mongolia. *Journal of World Prehistory* 26.4, 283—321.

Hull D.B. 1964. *Hounds and Hunting in Ancient Greece.* Chicago: University of Chicago Press.

Hussein M.M., Suleiman A. 2000. *Nimrud. The City of Golden Treasure.* Baghdad: Al-Huriyah Printing House.

Ilyasov J. 2003. Covered Tail and “Flying” Tassels. *IrAnt* XXXVIII, 259—325.

Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V. 1998. A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107—159.

Invernizzi A. 1989. The investiture of Nemesis-Allat in Hatra. *Mesopotamia* 24, 129—176.

Invernizzi A. 1999. *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia.* Louvain-la-Neuve: Peeters (Acta Iranica XXXI).

iranicaonline.org: 1: HUNTING IN IRAN i. In the pre-Islamic Period. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/hunting-in-iran (дата обращения 11.01.2023).

Jäger U. 2009. Some Remarks on Horses on the Ancient Silk Roads Depicted on Monuments of Art between Gandhara and the Tarim Basin. In: Fragner B.G., Kauz R., Ptak R., Schottenhammer A. (Hrsg.). *Pferde in Asien. Geschichte, Handel und Kultur.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 75—82 (Veröffentlichungen zur Iranistik, 46).

Jaeggi O. 1999. *Der Hellenismus auf der Iberischen Halbinsel*. Mainz: von Zabern (Iberia Archaeologica I).

James S. 2004. *The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: British Museum Press (The Excavations at Dura-Europos, Final Report VII).

Kamenjarin I. 2014. Hellenistic Moldmade Relief Pottery from Siculi (Resnik). *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 107, 129—160.

Kankeleit A. 1999. *Représentations de pêcheurs* sur des mosaïques en Grèce. In: Ennaifer M., Rebourg A. (eds.). *La mosaïque gréco-romaine* VII. *Actes du VII Colloque international pour l’étude de la mosaïque antique et médiévale* (Tunis, 3.—8.10.1994). Tunis: Institut National du Patrimoine, 69—79.

Kankeleit A. 2003. Fisch und Fischer. Mosaikbilder in Griechenland. *Antike Welt* 34.3, 273—278.

Karamian et al. 2018: Karamian G., Farrokh K., Kiapi M.F., Lojandi H.N. 2018. Graves, Crypts and Parthian Weapons excavated from the Gravesites of Vestemin. *Historia i Świat* 7, 35—70.

Kat. Berlin 2011: Grüßinger R., Kästner V., Scholl A. 2011. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung.* Berlin: Imhof.

Kat. Bochum 2004: Stöllner T. (Hrsg.). 2004. *Persiens Antike Pracht. Bergbau — Handwerk — Archäologie. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum von 28. November 2004 bis 29. Mai 2005.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bonn 2004: Echt R. (Hrsg.). 2004. *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus.* Mainz: von Zabern.

Kat. Bonn 2006: *Xi’an. Kaiserliche Macht im Jenseits. Grabfunde und Tempelschätze aus Chinas alter Hauptstadt*. 2006. Mainz: von Zabern.

Kat. Bonn 2008: *Gandhara. Das buddhistische Erbe Pakistans. Legenden, Klöster und Paradiese.* 2008. Bonn; Mainz: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland; Philipp von Zabern.

Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul.* 2010. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Bonn 2013: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). 2013. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: Landesmuseum Bonn.

Kat. Frankfurt 2003: Wamers E., Stutzinger D. (Hrsg.). 2003. *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don.* Frankfurt: Archäologisches Museum.

Kat. Leoben 2009: Seipel W. (Hrsg.). 2009. *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs.* Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Mannheim 2007: Wieczorek A., Lind C. (Hrsg.). 2007. *Ursprünge der Seidenstraße.* Mannheim; Stuttgart: Theiss; Reiss-Engelhorn-Museen.

Kat. Mannheim 2009: Hansen S., Wieczorek A., Tellenbach M. (Hrsg.). 2009. *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt.* Regensburg: Reiss-Engelhorn-Museen; Schnell & Steiner.

Kat. Wien 1996: Seipel W. (Hrsg.). 1996. *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996.* Wien, Milano: Kunsthistorisches Museum; Skira.

Kat. Wien 1999: Seipel W. (Hrsg.). 1999. *Schätze des Orients. Meisterwerke aus dem Miho Museum*. Wien; Milano: Kunsthistorisches Museum; Skira.

Kat. Zürich 1989: Rickenbach J. (Hrsg.). 1989. *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan.* Museum Rietberg Zürich. Zürich: Museum Rietberg.

Khachatrian J.D. 1989. Silver bowls and Basins of Armenia in the Late Hellenistic Period. *IrAnt* XXIV, 297—310.

Khachatryan Z. 2011. The Tomb of Sisian (Second Half of the 1st Century B.C.). *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 13, 9—86.

Khrapunov I. 2013. Die Nekropole von Neisatz. In: Kat. Bonn 2013, 340—351.

Kidd F. 2011. Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229—276.

Kidd F., Betts A.V.G. 2010. Entre le fleuve et la steppe: Nouvelles perspectives sur le Khorezm ancient. *CRAI* II, 637—686.

Knauß F. 2008. The Skylla Relief. In: *Iberia and Rome*, 117—121.

Kokkini Ph. 2012. *Η απεικόνιση του καθημερινού βίου στα ψηφιδωτά δάπεδα του ελλαδικού χώρου κατά τη ρωμαϊκή αυτοκρατορική περίοδο — La représentation de la vie quotidienne sur les mosaïques grecques de l'époque imperial*. Αθήνα: Εθνικού και Καποδιστριακού Πανεπιστημίου Αθηνών.

Kokkini Ph. 2016. Scènes de pêche sur les mosaïques de la péninsule balkanique: tradition romaine et iconographie paléochrétienne. In: Topalilov I., Georgiev B. (eds.). *Transition from Late Paganism to Early Christianity in the Architecture and Art in the Balkans.* Shumen: Shumen University Press, 89—124 (Studia academica Šumenensia 3).

Koryakova L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz J., Farkas A., Valtz Fino E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koryakova L., Epimakhov A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages.* Cambridge: Cambridge University Press.

Kradin N.N. 2019. Social Complexity, Inner Asia, and Pastoral Nomadism. *Social Evolution & History* 18.2, 3—34.

Künzl E. 2002. Der römische Schuppenpanzer (lorica squamata): Importwaffe und Prunkgrabelemen. In: Peška J., Tejral J. (Hrsg.). *Germanische Königsgrab von Mušov in Mähren.* Teil 1. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 127—140 (Monographien, Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz 55).

Künzl S. 2002. *Ein Komplex von Formschüsseln für megarische Becher. Die "Mainzer Werkstatt"*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz, Kataloge Vor-und Frühgeschichtlicher Altertümer 32).

Künzl S. 2004. Eine kleinasiatische Werkstattgruppe von Formschüsseln zur Herstellung von Megarischen Bechern. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 737—738.

Küthmann H. 1958. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. *JbRGZM* 5, 94—127.

Langner M. 2001. *Antike Graffitizeichnungen. Motive, Gestaltung und Bedeutung*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.

Langridge-Noti E. 2004. Hellenistic Pottery from Two Southern Euboian Excavations. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 487—494.

Lau N. 2014. *Die Pferdegeschirre. Germanische Zaumzeuge und Sattelgeschirre als Zeugnisse kriegerischer Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum*. Schleswig: Verein zur Förderung des Archäologischen Landesmuseums e.V. (Das Thorsberger Moor 1).

Laumonier A. 1977. *La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers "ioniens"*. Paris: De Boccard (Exploration archéologique de Délos XXXI).

Lightfoot C.S., Picón C.A. 2015. A Fragment of a Mold-Pressed Glass Bowl in The Metropolitan Museum of Art. *Journal of Glass Studies* 57, 21—28.

Lindström G. 2016. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivpraxis. In: Hansen S., Neumann D., Vachta T. (Hrsg.). *Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften.* Berlin: Edition Topoi, 281—310 (Berlin Studies of the Ancient World 38).

Lindström G. 2021. The Portrait of a Hellenistic Ruler and Other Bronze Sculptures from Kal-e Chendar/Shami. Results of the 2015 and 2016 studies in the National Museum of Iran. *Journal of Iran National Museum* 2.1, Serial no. 2, 177—196.

Little A.M.G. 1933. IV. Pictures. I. The Sasanian Fresco. In: Baur P.V.C., Rostovtzeff M.I., Bellinger A.R. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Fourth Season of Work, October 1930—March 1931*. New Haven; Conn.: Yale Univ. Press, 182—199.
Litvinskij B.A. 1984. *Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir und Aral-See*. München: C.H. Beck (Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie 22).
Litvinsky B.A. 2001. The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus. *SRAA* 7, 137—166.
Litvinskij B.A., Pičikian I.R. 1995. River-Deities of Greece Salute the God of the River Oxus-Vakhsh Achelous and the Hippocampes. In: *In the Land of the Gryphons*, 129—149.
Livshits V.A. 2003. Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9.1—2, 147—172.
Loboda et al. 2002: Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P. 2002. Prunkbestattungen des 1.Jh. n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295—346.
Lo Muzio C. 2011. Gandharan Toilet-trays: some reflections on chronology. *ACSS* 17, 331—340.
Lukonin V.G. 1967. *Persia II* (Archaeologia Mundi). Cleveland; New York: The World Pub. Co.
Lund Hansen U. 1987. *Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab (NordiskeFortidsminder, B/10).
Maenchen-Helfen O. 1957. Crenelated Mane and Scabbard Slide. *Central Asiatic Journal* III. 2, 85—138.
Mairs R. 2014. Models, Moulds and Mass Production: The Mechanics of Stylistic Influence from the Mediterranean to Bactria. *Ancient West & East* 13, 175—195.
Marazov I. 2011. *Thrace and the Ancient World: Vassil Bojkov Collection.* Sofia: The Thrace Foundation.
Marshak B.I. 2002. Pre-Islamic Painting of the Iranian Peoples, and its Sources in the Sculpture and the Decorative Arts. In: Sims E., Marshak B.I., Gruber E.J. *Peerless Images. Persian Painting and its Sources.* New Haven, London: Yale University Press, 7—19.
Marshall J. 1951. *Taxila.* Cambridge: Cambridge University Press.
Martin R.S. 2017a. *The Art of Contact: Comparative Approaches to Greek and Phoenician Art.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
Martin R.S. 2017b. Craft Identity: Mosaics in the Hellenistic East. In: Seaman K., Schultz P. (eds.). *Artists and Artistic Production in Ancient Greece.* Cambridge: Cambridge University Press, 55—80.
Masséglia J. 2015. *Body Language in Hellenistic Art and Society.* Oxford: Oxford University Press.
Masson M.E., Pugachenkova G.A. 1982. *The Parthian Rhytons of Nisa.* Firenze: Le Lettere.
Mathiesen H.E. 1992. *Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology*. Aarhus: Aarhus University Press.
Mellink M.J. 1970. Observations on the Sculptures of Alaca Hüyük. *Anadolu* 14, 15—27.
Mellink M.J. 1998. *Kızılbel: An Archaic Painted Tomb Chamber in Northern Lycia.* Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology an Anthropology.
Meyers P. 2015. Technical Examination of Silver Objects in this Catalogue. In: Carter 2015, 377—382.
Minardi M. 2016. The Hellenistic Chorasmian Ketos of Akchkhan-Kala. *IrAnt* 51, 165—200.
Mitsopoulou-Leon V. 1991. *Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. Kleinfunde 1: Keramik hellenistischer und römischer Zeit*. Wien: Schindler (Forschungen in Ephesos IX.2/2.1).
Mode M. 2013. Die Skulturenfriese von Chalčajan. Neue Rekostruktionsversuche zur Kunst der frühen Kuschan in Baktrien. In: *Zwischen Ost und West*, 205—220.
Moorey P.R S. 1988. The Technique of Gold-figure Decoration on Achaemenid Silver Vessels and its Antecedents. *IrAnt* XXIII, 231—246.
Mordvinceva V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden: Marie Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).
Mordvinceva V.I., Redina E.F. 2013. Der Depotfund von Veselaja Dolina. In: Kat. Bonn 2013, 394—401.
Mordvintseva et al. 2012: Mordvintseva V.I., Shevchenko N.F., Zaïtsev Yu. P. 2012. Princely Burial of the Hellenistic Period in the Mezmay Burial-Ground. *ACSS* 18.2, 279—337.
Murray W.M. 2001. A Trireme Named Isis: The Sgraffito from Nymphaion. *International Journal of Nautical Archaeology* 30.2, 250—256.
Muscarella O.W. 2000. *The Lie became Great. The Forgery of Ancient Near Eastern Cultures*. Groningen: Styx Publications.
Nasioula M. 2022. Ἀμφιδάμαντα δὲ Τηλέμαχος. The Killing of the Suitors on Grammatika Vases. In: Rembart, L., Waldner, A. (eds.). *Manufacturers and Markets. The Contributions of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small. Proceedings of the 4th Conference of IARPotHP, Athens, November 2019, 11th—14th.* Wien: Phoibos, 559—568 (International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period e. V. 4).
Nehru L. 2009. Die Skulpturen von Khalchajan. In: Kat. Mannheim 2009, 193—199.
Nuber H.-U. 1972. Kanne und Griffschale. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 53, 1—232.

Oates J., Oates D. 2001. *Nimrud. An Assyrian Imperial City Revealed*. London: British School of Archaeology in Iraq.
Olbrycht M. 1998. Die Kultur der Steppengebiete und die Beziehungen zwischen Nomaden und der Sesshaften Bevölkerung (der Arsakidische Iran und die Nomadenvölker). In: *Das Partherreich*, 11—43.
Olbrycht M. 2003. Parthia and Nomads of Central Asia. Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsacid Iran. *Orientwissenschaftliche Hefte* 12, 69—109.
Olbrycht M. 2013. Die Geschichte der Seidenstraße in antiker Zeit. In: Kat. Bonn 2013, 67—87.
Olbrycht M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann J., Schmauder M. (Hrsg.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 333—390 (BCAA 7).
Pappalardo E. 2010. *Nisa partica. I rhyta ellenistici*. Firenze: Le Lettere (Monografie di Mesopotamia 12).
Petrova A. 2014. A Pontic Group of Hellenistic Moldmade Bowls. In: *Pottery, Peoples, and Places*, 215—231.
Petrovszky R., Stupperich R. 2002. *Die "Trau-Kasserollen". Einige Bemerkungen zu den reliefverzierten Kasserollen E 151*. Möhnesee: Bibliopolis (Mentor. Studien zu Metallarbeiten und Toreutik der Antike 1).
Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.
Pharmakowsky B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 205—292.
Pilipko V.N. 2000. On the Wall-Paintings from the Tower-Building of Old Nisa. *Parthica* 2, 69—86.
Południkiewicz A. 2011. "Megarian" Bowls from Tell Atrib. In: Meyza H., Zych I. (eds.). Classica Orientalia. Essays Presented to Wiktor Andrzej Daszewski on his 75th Birthday, Warsaw: PCMA UW, Wydawnictwo DiG, 425—445.
Porada E. 1967. Battlements in the Military Architecture and in the Symbolism of the Ancient Near East. In: Fraser D., Hibbard H., Lewine M.J. (eds.). *Essays Presented to Rudolf Wittkower on his Sixty-fifth Birthday.* Vol. 1. London: Phaidon, 1—12.
Pougatchenkova G. 1978. *Les trésors de Dalverzine-Tépé.* Leningrad: Aurore.
Puppo P. 2004. Attestazioni di ceramica megarese nell'alto Adriatico. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 593—604.
Puzdrovskij A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In Kat. Bonn 2013, 290—323.
Raddatz K. 1969. *Die Schatzfunde der iberischen Halbinsel vom Ende des dritten bis zur Mitte des ersten Jahrhunderts von Chr. Geb.* Berlin: De Gruyter (Madrider Forschungen 5).
Raeder J. 1983. *Priene. Funde aus einer griechischen Stadt*. Berlin: Mann (Bilderhefte der Staatlichen Museen Preußischer Kulturbesitz 45/46).
Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Ju. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. *JbRGZM* 38, 465—496.
Rahbar M., Alibaigi S., Haerinck E., Overlaet B. 2014. In Search of the Laodike Temple at Laodikeia in Media / Nahavand, Iran. *IrAnt* XLIX, 301—329.
Rogl C. 2014. Moldmade Relief Bowls from Ephesos — The Current State of Research. In: *Pottery, Peoples and Places*, 113—139.
Root M.C. 1989. The Persian Archer at Persepolis: Aspects of Chronology, Style and Symbolism. *Revue des Études Anciennes* 91.1—2, 33—50.
Rose C.B. 2007. The Tombs of the Granicus River Valley. In: Delemen I. (ed.). *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth — Fourth Centuries B.C.). Papers presented at the International Workshop, Istanbul 20—21 May 2005.* Istanbul: Turkish Institute of Archaeology, 247—264.
Rosen Stone E. 2008. Die Adaption westlicher Motive in der Kunst von Gandhara. In: Kat. Bonn 2008, 80—85.
Rotroff S.I. 1982a. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XXII).
Rotroff S.I. 1982b. Silver, Glass, and Clay. Evidence for the Dating of Hellenistic Luxury Tableware. *Hesperia* 51, 329—337.
Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material.* Princeton: American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XXIX).
Rotroff S.I. 2013. A New Moldmade Bowl from Athens. *Studies in Ancient Art and Civilisation* 17, 151—162. DOI: https://doi.org/10.12797/SAAC.17.2013.17.14.
Rotroff S.I., Oliver A.Jr. 2003. *The Hellenistic Pottery from Sardis: The Finds through 1994*. Cambridge, Mass., London: Archaeological Exploration of Sardis; Distributed by Harvard University Press (Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 12).
Rtveladze E.V. 2011. Parthians in the Oxus Valley. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 2, 149—178.

Rudenko S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I*. Moskau; Leningrad: Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (Sammlung archäologischen Quellen D3-9).
Rudenko S.I. 1969. *Die Kultur des Hsiungnu tend die Hügelgräber von Noin Ula* (Antiquitas, Reihe 3 (Serie in 4to): Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums, Bd. 7.) Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH.
Russel J.R. 1987. *Zoroastrianism in Armenia*. Cambridge, Mass.: Harvard University (Harvard Iranian Studies 9).
Sachs G. 2012. *Die Jagd im antiken Griechenland.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač.
Salomonson J. W. 1979. Kleinasiatische Tonschalen mit Reliefverzierung. Bemerkungen zu einem Fragment der 'Oinophorengattung' in der Universitätssammlung in Utrecht. *BABesch* 54, 117—130.
Salzmann D. 2011. Hellenistische und frühkaiserzeitliche Mosaiken und Pavimente in Pergamon. In Kat. Berlin 2011, 101—107.
Salzmann D. 2012. Anmerkungen zur Typologie des hellenistischen Königsdiadems und zu anderen herrscherlichen Kopfbinden. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 337—383.
Sarianidi V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora-Kunstverlag.
Schmid S.G. 2004. Some Reflections on Recently Found Mouldmade and Relief Decorated Pottery from Eretria. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 495—504.
Schmidt et al. 1989: Schmidt E.F., van Loon M., Curvers H.H. 1989. *The Holmes Expeditions to Luristan*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (The University of Chicago Oriental Institute Publications 108).
Schwarzmaier A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Berlin: Mann (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung Beiheft 18).
Sevinç N., Rose C.B. 2001. A New Painted Graeco-Persian Sarcophagus from Çan. *Studia Troica* 11, 383—420.
Seyer M. 2007. *Der Herrscher als Jäger. Untersuchungen zur königlichen Jagd im persischen und makedonischen Reich vom 6. —4. Jahrhundert v.Chr. sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen.* Wien: Phoibos (Wiener Forschungen zur Archäologie).
Sezer S.S. 2007. Başlangıcından Roma Dönemine Kadar Mozaikler Üzerinde Görülen Meander Motifleri. In:Can B., Işıklı M. (eds.). *Atatürk Üniversitesi 50. Kuruluş Yıldönümü Arkeoloji Bölümü armağanı: Doğudan Yükselen Işık Arkeoloji Yazıları.* Istanbul: Zero Production, 551—566.
Shu Takahama 高濱, 秀 2012. 匈奴・サルマタイ時代のユーラシア草原西部の帯飾板について. [On the Belt Plaques of the Western Eurasian Steppes in the Xiongnu]. 金沢大学考古学紀要 = *Archaeology Bulletin, Kanazawa University* 33, 23—34.
Sideris A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection.* Vol. 1. Sofia: The Thrace Foundation.
Siebert G. 1978. *Recherches sur les ateliers de bols à reliefs du Péloponnèse à l'époque hellénistique*. Athènes, Paris: Ecole française d'Athènes; de Boccard (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome 233).
Simonenko A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko A., *Marčenko* I.I.*, Limberis* N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien 25).
Sîrbu V., Ştefan M. 2010. Images of Gendered Identities. North-Thracian Case 5th — 3rd Century BC. *Istros* XVI, 235—265.
Skupniewicz P. 2016. The Himyarite «knight» and Partho-Sasanian Art. *Historia i Świat* 5, 57—75.
Skupniewicz P., Lichota M. 2017. Diadem on the Head from Khalchayan Battle Scene and Possible Reconstruction of the Composition. In: Maksymiuk K., Karamian G. (eds.). *Crowns, Hats, Turbans and Helmets.The Headgear in Iranian History. I: Pre-Islamic Period.* Siedlce, Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, 69—95.
Sørensen L.W. 2015. Here There be Monsters: Hybrids Painted on Cypriot Iron Age Pottery. In: Fejfer J., Moltesen M., Rathje A. (eds.). *Tradition Transmission of Culture in the Ancient World.* Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 427—450 (Acta Hyperborea 14).
Spânu D. 2002. Studien zum Silberschatzfund des 1. Jahrhunderts v. Chr. von Lupu, Rumänien. *Praehistorische Zeitschrift* 77/1, 84—136.
Stafford E. 2012. *Herakles.* London, New York: Routledge.
Stefanelli L.P.B. 1991. *L'argento dei Romani*. Roma: L'Erma di Bretschneider.
Stone S.C. 2015. *The Hellenistic and Roman Fine Pottery* (Morgantina Studies VI). Princetion: Princeton University Press.
Strong D.E. 1966. *Greek and Roman Gold and Silver Plate.* London: Methuen.
Summerer L. 2007. Picturing Persian Victory: The Painted Battle Scene on the Munich Wood. *ACSS* 13.1—2, 3—30.

Summerer L. 2010. Wall Painting. In: Summerrer L. (ed.). *Tatarli — renklerin dönüşü = Tatarli — The Return of Colours = Tatarli — Rückkehr der Farben*. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 120—185.
Summerer L., Lukpanova Ya. 2020. The wooden comb of the 'golden lady': a new battle image from the Taksai-1 kurgan (western Kazakhstan). In: Pankova S., Simpson St.J. (eds.). *Masters of the steppe. The Impact of the Scythians and later Nomad Societies of Eurasia*. Oxford: Archaeopress, 588—604.
Tanabe K. 1983. Iconography of the Royal-hunt Bas-Reliefs at Taq-i Bustan. *Orient* 19, 103—116.
Tanabe K. 2002. Greek, Roman and Parthian Influences on the Pre-Kushana Gandharan «Toilet-Trays» and Forerunners of Buddhist Paradise (Pâramitâ). *SRAA* 8, 73—100.
Tavukçu A.Y., Tavukçu Z.A. 2012. Parion bronz amphorasi. *Güzel Sanatlar Enstitüsü Dergisi* 28, 55—73.
Thompson H., Thompson D. 1987. *Two Century of Hellenistic Pottery and Terracottas.* Princeton: American School of Classical Studies at Athens.
Tolstikov V., Zhuravlev D. 2004. Hellenistic Pottery from two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 269—276.
Tonkova E., Dimitrova V. 2021. Hellenistic Net-Pattern Vessels from the Territory of Bulgaria. *Bulgarian e-Journal of Archaeology Supplements* VIII, 77—88.
Treister M. 1997. New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI. *ACSS* 4, 35—100.
Treister M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae). In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden: E.J. Brill, 567—605.
Treister M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).
Treister M. 2003. Further Thoughts about Parthian and Related Belt and Belt Plaques. *IrAnt* 38, 247—257.
Treister M.Y. 2004a. Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic — Early Imperial Periods. *Acta Archaeologica* 75.2, 189—219.
Treister M. 2004b. Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297—321.
Treister M. 2004c. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia. In: Tuplin C. (ed.). *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* Leiden, Boston, Köln: E.J. Brill, 131—193 (Colloquia Pontica 9).
Treister M. 2004d. Silver Vessels from the Khokhlach barrow. In: Muşeţeanu C. (ed.). *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity: The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26—31 May, 2003*. Bucharest: Editura Cetatea de Scaun, 451—467.
Treister M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the "Ampsalakos School". *ACSS* 11.3—4, 199—255.
Treister M. 2012. Silver phalerae with a depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian burial in Volodarka (Western Kazakhkstan). A reappraisal of the question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic toreutics. *ACSS* 18.1, 51—109.
Treister M. 2013a. Gepaypyris II? Once More about a Silver Plate from Neapolis Skythike. *ACSS* 19.1, 33—83.
Treister M. 2013b. Edelmetallgefäße des achämenidischen Kreises aus dem südlichen Uralvorland. In: *Einflüsse der achämenidischen Kultur.* Bd. 1, 69—108.
Treister M. 2020. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd—1st Centuries BC). *ACSS* 26.2, 379—390.
Treister M. 2022. The Pectoral from Kosika and the Origin of the Scenes of Animal Combat in the Greco-Scythian goldwork. *ACSS* 28.1, 110—147.
Treister M., Chugaev A. 2022. Sources of metal of silver objects from burials of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd century BCE — 3rd century CE after the results of archaeological and Pb-Pb isotopic studies. *МАИАСП* 14, 85—139. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.21.32.004.
Treister M., Šemachanskaja M.S. 2013. A9. Grabkomplex mit Objekten des achämenidischen Kreises der Nekropole Novyj Kumak. In: *Einflüsse der achämenidischen Kultur.* Bd. 2, 51—53.
Treister M.Yu., Yatsenko S.A. 1998. About the Centres of manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in 'Gold-Turquoise Animal Style' of the 1st—2nd Centuries AD. *SRAA* 5, 51—106.
Vassileva M. 2010. Achaemenid Interfaces: Thracian and Anatolian Representations of Elite Status. In: *Roma 2008 — International Congress of Classical Archaeology. Meetings between Cultures in the Ancient Mediterranean. Bollettino di Archeologia on line.* URL: http://www.academia.edu/1304243/Achaemenid_Interfaces (дата обращения 11.01.2023).
Vassileva M. 2015. Persia. In: Valeva J., Nankov E., Graninger D. (eds.). *A Companion to Ancient Thrace.* Chichester: Wiley-Blackwell, 320—336.
Venco Ricciardi R. 1996. Wall Paintings from Building A at Hatra. *IrAnt* XXXI, 147—165.
Venco Ricciardi R. 2005. Immagini graffite dall'edificio A di Hatra. *Parthica*, 6, 203—225.
Venedikov I., Gerassimov T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien; München: Schroll.

Viennot O. 1954. Typologie de makara et essai de chronologie. *Arts asiatiques* 1, 189—208.
Vinogradov Yu.G. 1999. Der Staatsbesuch der ‘Isis’ im Bosporus. *ACSS* 5.4, 271—302.
Vogelsang-Eastwood G. 2000. The Clothing of the «Shami Prince». *Persica* XVI, 31—47.
von Carnap-Bornheim C. 2003. Zu ‘magischen’ Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfunden. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus* [Kolloquium Marburg 1998]. Neumunster: Wachholtz, 371—382.
von Gall H. 1969/70. Beobachtungen zum arsakadischen Diadem und zur parthischen Bildkunst. *Istanbuler Mitteilungen* 19, 299—318.
von Gall H. 1990. *Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit*. Berlin: Gebr. Mann (Teheraner Forschungen VI).
von Gall H. 1997. Die Reiterkampszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrußland. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29, 243—269.
Wagner et al. 2009: Wagner M., Bo W., Tarasov P., Westh-Hansen S., Völling E., Heller J. The ornamental trousers from Sampula (Xinjiang, China): Their origins and biography. *Antiquity* 83 (322), 1065—1075.
Waurick G. 1979. Die Schutzwaffen im numidischen Grab von Es Soumâa. In: Horn H.G., Rüger Ch.B. (Hrsg.). *Die Numider. Reiter und Könige nördlich der Sahara.* Köln; Bonn: Rheinland Verlag; Habelt, 305—332.
Webb P.A. 1996. *Hellenistic Architectural Sculpture: Figural Motifs in Western Anatolia and the Aegean Islands*. Wisconsin: University of Wisconsin Press.
Werner J. 1954. Die Bronzekanne von Kelheim. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 20, 43—73.
Werner M.W. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau*. München: C.H. Beck (Prähistorische Bronzefunde XVI.4).
Wiegand Th., Schrader H. 1904. *Priene: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895—1898.* Berlin: G. Reimer.
Wijnhoven M.A. 2009. Lorica Hamata Squamataque: A Study of Roman Hybrid Feathered Armour. *The Mail Research Society*. Vol. 2. No. 1, 3—65.
Winkelmann S. 2003. Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 «Differenz und Integration»* 4,1, 21—140.
Winkelmann S. 2006. Waffen und Waffenträger auf parthischen Münzen. *Parthica* 8, 131—152.
Winkelmann S. 2013. The weapons of Hatra as reflection of interregional contacts. In: Dirven L. (ed.). *Hatra. Politics, Culture and Religion between Parthia and Rome.* Proceedings of the conference held at the University of Amsterdam. 18—20 December 2009. Stuttgart: F. Steiner, 235—249 (Oriens et Occidens 21).
Wuilleumier P. 1930. *Trésor de Tarente.* Paris: Librairie Ernest Leroux.
Xiuqin Zhou 2009. *The Mausoleum of Emperor Tang Taizong*. Philadelphia: University of Pennsylvania (Sino-Platonic Papers 187).
Yablonsky L.T., Rukavishnikova I.V., Shemakhanskaya M.S. 2011. L’épée dorée de Filippovka. *Archeologia (Paris)* 494, 50—57.
Yagodin et al. 2009: Yagodin V.N., Betts A.V.G., Kidd F., Baker Brite E., Khozhaniyazov G., Amirov S., Yagodin V.V., Fray G. Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait” Gallery. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 4, 7—41.
Yatsenko S.A. 2012. Yuezhi on Bactrian Embroidery from Textiles Found at Noyon uul, Mongolia. *The Silk Road* 10, 39—48.
Zafeiropoulou F.N. 2004. Άκραι Τριχωνίτιδας, πρώιμη ελληνιστική ταφή. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 683—686.
Zahn R. 1921. *Die Sammlung der Galerie Bachstitz*. Berlin: A. Frisch.
Zaytsev Yu.P. 2004. The Ceramic Complex of Neapolis Scythian (Crimea, Northern Black Sea). In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 751—758.
Ziomecki J. 1975. *Les représentations d'artisans sur les vases attiques*. Wroclaw: Polska Akademia Nauk.

References

Abdullaev, K. 2011. In: Lippolis, C., de Martino, S. (eds.). *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*. Firenze: Le Lettere, 309—320 (Monografie di Mesopotamia XIV) (in Russian).
Abramova, M.P. 1969. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (2), 69—84 (in Russian).
Alekseeva, E.M. 2016. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 20, 34—67 (in Russian).

Alekseeva, E.M. 2021. *Nekropol' antichnogo goroda Gorgippii: kompleks grobnits rubezha II—III vv. n.e. (The Necropolis of Ancient City Gorgippia: a Complex of Tombs of the Turn from the 2nd to 3rd Century CE)*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa (in Russian).

Aleksinskiy, D.P. 2013. *Antichnoe vooruzhenie v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Ancient Arms in the Collection of the State Hermiatge).* Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Alimov, K.A., Bogomolov, G.I. 2000. In *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (The History of the Material Culture of Uzbekistan)* 31, 164—177 (in Russian).

Antipenko, A.V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXI, 84—109 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1973. *Sokrovishcha sakov (The Treasures of Saka)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Arkheologicheskoe nasledie 2013: Skripkin, A.S. (ed.). 2013. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (The Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum).* Volgograd: Izdatel' (in Russian).

Archimandrite Amphilokhiy. 1867. In *Drevnosti (Antiquities)* 1. 2 (1865), 197—200 (in Russian).

Beysenov, A.Z. 2007. In: Loman, V.G. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki (Historical and Cultural Heritage of Saryarka)*. Karaganda: Karaganda State University, 173—181 (in Russian).

Beysenov, A.Z. 2016. In *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Scientific Journal)* 3 (16), 77—86 (in Russian).

Beysenov, A.Z., Dzhumabekova, G.S. 2014. In *Izvestiya Altayskogo gosuniversiteta (Reports of the Altai State University)* 4, 42—45 (in Russian).

Belousov, A.V., Treister, M.Yu. 2018. In *Aristey (Aristeas)* XVIII, 92—128 (in Russian).

Berestnev, R.S. 2017. *Sarmaty v mezdurech'e Khopra i Volgi (The Sarmatians in the Interfluve of the Khoper and Volga).* PhD Thesis. Voronezh (in Russian).

Berzina, S.Ya. 2005. In: Antonova, E.V., Mkrtychev, T.K. (eds.). *Tsentral'naya Aziya. Istochniki, istoriya, kul'tura (Central Asia. Sources, History, Culture).* Moscow: Vostochnaya literatura, 191—204 (in Russian).

Bernard, P., Abdullaev, K. 1997. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 68—86 (in Russian).

Bespalyy, G.E. 2014. *Vystavka "Novye otkrytiya v Tanaise". Buklet (Exhibition "New Discoveries in Tanais". Booklet).* Tanais: Museum-Reserve (in Russian).

Bespalyy, E.I. 1985. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (4), 163—172 (in Russian).

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka (The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Novoaleksandrovka)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and Researches on Archeology of the South of Russia 1.2) (in Russian).

Bobrovskaya et al. 2017: Bobrovskaya, E.V., Kukina, D.A., Lazarevskaya, N.A., Medvedeva, M.V. 2017. In: Vinogradov, Yu.A., Medvedeva, M.V. (eds.). *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii (Ancient Decorative Painting of the Cimmerian Bosporus: From Graphic Fixation to the Photograph).* Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; LEMA, 66—110 (Proceedings Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences LI) (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevnikov narodov Tsentral'noy Azii (The Image of Predator in the Plastic Art of the Nomads of the Peoples of the Central Asia)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Department, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bolelov, S.B. 2005. In: *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov. Arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo. Sankt-Peterburg, 2—5 noyabrya 2004 goda (Central Asia from the Achaemenids to the Timurids. Archaeology, History, Ethnology, Culture. Proceedings of the international scientific Conference dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Markovich Belenitskiy. Saint Petersburg, November 2—5, 2004).* Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71—74 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2014. In *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy* / *Bulletin of IICAS* 19, 34—46 (in Russian).

Vasil'ev, V.N. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI—II vv. do n.e. (Arms and Military Practice of the Nomads of the South Urals in the 6th — 2nd Centuries BCE).* Ufa: Gilem (in Russian).

Velkov, I. 1934. In *Izvestiya na Balgarskiya Arheologicheski Institut* (*Bulletin de l'Institut archéologique bulgare)* VIII, 18—23 (in Bulgarian).

Venedikov, I. 1996. *Trakiyskoto sakrovishche ot Letnitsa (The Thracian Treasure from Letnitsa).* Sofia: "Saint Kliment of Ohrid". University Publ. (in Bulgarian).

Veresotskaya, G.E. 2006. In *Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovaniya, restavratsiya (Art Heritage. Storage, Investigations, Restorations)* 23 (53), 166—174 (in Russian).

Vertienko, A.V. 2014. In *Stratum plus* (3), 271—280 (in Russian).

Vinogradov, Yu. G. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (2), 151—170 (in Russian).

Vorob'eva, M.G. 1967. In: Tolstov, S.P., Veinberg, B.I. (eds.). *Koy-Krylgan-kala — pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n.e. — IV v. n.e. (Koy-Krylgan-kala — the Monument of Culture of Ancient Chorasmia 4th Century BCE — 4th Century CE)*. Moscow: Nauka, 173—214 (Proceedings of the Chorasmian Archaeological and Ethnographic Expedition V) (in Russian).

Voronyatov, S.V. 2020. In: Cat. St. Petersburg 2020, 235—242 (in Russian and German).

Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2013. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 2, 286—296 (in Russian).

Glebov, V.P. 2016. In: Yablonskiy, L.T., Kraeva, L.A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 69—79 (in Russian).

Glebov et al. 2020: Glebov, V.P, Gordin, I.A., Dedyul'kin, A.V. 2020. In: Radyush, O., Bluene, A., Lyubichev, M. (eds.). *Germania—Sarmatia*. Iss. III. Moscow: Institute of archaeology Russian Academy of Sciences, 354—385 (in Russian).

Glukhov, A.A. 2001. In *Donskaya arkheologiya (Don Archaeology)* 1—2, 37—46 (in Russian).

Glukhov, A.A. 2005. *Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I — pervoy polovine II v. n.e.* (*The Sarmatians of the Interfluve of Volga and Don in the 1st — first half of the 2nd Century CE*). Volgograd: Volgograd Scientific Publ.

Gorbunova, N.G. 2001. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 35, 126—151 (in Russian).

Gorelik, M.V. 1982. In: Bongard-Levin, G.M. (ed.). *Drevnyaya Indiya: Istoriko-kul'turnye svyazi (Ancient India: Historical and Cultural Connections)*. Moscow: Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury, 82—112 (in Russian).

Goryachev et al. 2016: Goryachev, A.A., Yatsenko, S.A., Egorova, T.A. 2016. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (Actual Problems of Archeology of Eurasia. Materials of the Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 25th Anniversary of the Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan).* Almaty: Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, 632—648 (in Russian).

Grach, A.D. 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii (Ancient Nomads in the Centre of Asia).* Moscow: Nauka (in Russian).

Grenet, F. 2000. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (2), 130—135 (in Russian).

Gushchina, I.I. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (1), 241—246 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological Investigations in the south of Eastern Europe)*. Moscow: State Historical Museum, 71—141 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994. *"Zolotoe kladbishche" rimskoy epokhi v Prikuban'e ("Golden Cemetery" of the Roman Period in the Kuban Area).* Saint Petersburg: Farn (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2007. In: Yablonskiy, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov. Regional'naya tipologiya i khronologiya (Arms of the Sarmatians. Regional Typology and Chronology).* Chelyabinsk: South Urals State University, 11—15 (in Russian).

Gyul', E. 2012. In: Alekshin, V.A. et al. (eds.). *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa M.P. Gryaznova (Cultures of the Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations. Proceedings of the international scientific Conference dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of the outstanding Russian Archaeologist M.P Gryaznov)*. Pt. 1. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Peripheriya, 317—323 (in Russian).

Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Late Scythians in the Crimea)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses D1-7) (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1981. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 168, 100—105 (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989. In: Smirnov, K.A. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh'ya (The Treasures of the Sarmatian Chieftains and the ancient Cities of the Volga Region)*. Moscow: Nauka, 5—13 (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (3), 141—179 (in Russian).

Dedyul'kin, A.V. 2015. In *Vostok (Oriens)* 5, 127—136 (in Russian).

Dedyul'kin, A.V., Shevchenko, N.F. 2017. In *Stratum plus* 4, 47—56 (in Russian).

Dumberg, K. 1901. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 1, 94—103 (in Russian).

Evraziya v skifskuyu epokhu 2005: Zaytseva G.I., Bokovenko N.A., Alekseev A.Yu., Chugunov K.V., Skott E.M. (eds.). 2005. *Evraziya v skifskuyu epokhu radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya (Eurasia in the Scythian Epoch: Radio-Carbon and Archaeological Datings).* Saint Petersburg: Teza (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Scythian Neapolis (2nd Century BCE — 3rd Century CE)).* Simferopol: Tarpan (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2002. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy 8-go arkheologicheskogo seminara. Krasnodar, 13—15 iyunya 2001 g.) (Ancient Civilization and the Barbarian World. Materials of the 8th Archaeological Seminar. Krasnodar, June 13—15, 2001)*. Krasnodar: Committee for the Protection, Restoration and Exploitation of the Historical and Cultural Values (Heritage) of the Krasnodar Region, 57—67 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2004. In: Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Papers to the 5th International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History")*. Krasnodar, 174—204 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad (The Treasures of the Khokhlach Tumulus. The Novocherkassk Hoard).* Saint Petersburg: The State Hermitage (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2015. In: Korol'kova, E.F. (ed.). *Arkheologiya bez granits. Kollektsii, problemy, issledovaniya, gipotezy (Archaeology without Frontiers. Collections, Problems, Studies, Hypothesis)*. Saint Petersburg: The State Hermitage, 171—183 (Proceedings of the State Hermitage LXXVII) (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd Century BCE — early 2nd Century CE))*. Simferopol: Antiqua (Archaeological Monuments of the North Pontic Area 1) (in Russian).

Zuev, V.Yu. 2012. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko (Gold, Horse and Man. Collection of Articles to the 60th Birthday of Aleksandr Vladimirovich Simonenko).* Kiev: Oleg Filyuk, 385—410 (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2000. In *Donskaya arkheologiya (Don Archaeology)* (3—4), 133—135 (in Russian).

Il'yasov, G.Ya., 2013. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 96—104 (in Russian).

Il'yasov et al. 2013: Il'yasov, G.Ya., Kaniut, K., Gruber, M. 2013. In: Kolganova, G.Yu., Petrova, A.A., Kullanda, S.V. (eds.). *Posledniy entsiklopedist: k yubileyu so dnya rozhdeniya B.A. Litvinskogo (The last Encyclopedist: on the Anniversary of the birth of B.A. Litvinsky)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 185—199 (in Russian).

Kalaly-gyr 2 2004: Vajnberg, B.I. (ed.). *Kalaly-gyr 2: kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV—II vv. do n.e. (Kalaly-gyr 2: Cult center in Ancient Chorasmia of the 4th — 2nd Centuries BCE)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2011. In: Vasil'ev, D.V., Zeleneev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur. Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G.A. Fedorova-Davydova (2—6 oktyabrya 2011 g.). (The Dialogue between the Urban and the Steppe Cultures. Proceedings of the V International scientific Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov (October 2—6, 2011)*). Kazan: Insitute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences, Republic of Tatarstan, 34—42 (in Russian).

Kantorovich, A.R., Gribkova, A.A. 2011. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (4), 132—146 (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 1988. *Monety Ol'vii. Ocherk denezhnogo obrashcheniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu (Coins of Olbia. Essay on the Monetary Circulation of the North Western Black Sea Region in the Antiquity)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 2003. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii (VI v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Coinage and Monetary Circulation of Olbia (6th Century BCE — 4th Century CE))*. Odessa: A.S. Friedman (in Russian).

Cat. Kiev 2005: Zaytsev, Yu.P. (ed.). 2005. *Drevnie sokrovishcha Yugo-Zapadnogo Kryma. Katalog vystavki (Ancient Treasures of the South-Western Crimea. Exhibition catalogue)*. Simferopol: Tarpan (in Russian).

Cat. Moscow 2005: Gabuev, T.A. 2005. *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I—XII vekov (Alanian Horseman. The Treasures of the Princes of the 1st —12th Centuries).* Moscow: State Museum of Art of the Peoples of Orient (in Russian).

Cat. Simferopol 2022: Khrapunov, I.N. (ed.). 2022. *Nasledie tysyacheletiy: sokrovishcha krymskikh varvarov I—IV vekov nashey ery (The Heritage of Millennia: The Treasures of the Crimean Barbarins of the 1st—4th Centuries CE)*. Simferopol: OOO "Firma Salta Ltd." (in Russian).

Cat. St. Petersburg 1996: Marshak, B., Kramarovskiy, V. (eds.). 1996. *Sokrovishcha Priob'ya (The Treasures of the Ob Region).* Saint-Petersburg: Formika (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo (The Treasures of the Sarmatians. Exhibition Catalogue. To the 100th Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovsky).* 2008. Saint-Petersburg; Azov: Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2020: Alekseev, A.Yu., Nawroth, M., Gass, A., Piotrovskiy, Yu.Yu. (Hrsg.). 2020. *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n.e. Katalog vystavki (Eisenzeit. Europa ohne Grenzen. Katalog zur Ausstellung)*. Saint-Petersburg: Nota bene (in Russian and German).

Kinzhalov, R.V. 1959. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (2), 197—204 (in Russian).

Kiyashko, A.V., Mys'kov, E.P. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (The Sarmatians and their Neighbours on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 46—60 (Materials and Investigations on the Archaeology of Don 1) (in Russian).

Kovpanenko, G.T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge (A Sarmatian Burial of the 1st Century CE in the South Bug Region).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Korol'kova, E.F. 2003. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 36, 28—59 (in Russian).

Korol'kova, E.F. 2012a. In: Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy (Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. To the Memory of Irina Ivanovna Gushchina).* Moscow: State Historical Museum, 134—143 (Proceedings of the State Historical Museum 191).

Korol'kova, E.F. 2012b. In *Scripta antiqua* 2, 329—355 (in Russian).

Koshelenko, G.A. 1977. *Rodina parfyan (The Homeland of the Parthians)*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Kriger, V.A. 1983. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Istoriya i kul'tura sarmatov (The History and Culture of the Sarmatians).* Saratov: Saratov University, 103—113 (in Russian).

Kurbanov, S.A. 2000. In: Rtveladze, E.V., Il'yasov, G. (eds.). *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii 1. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa Materials of the Tokharistan expedition 1. Archaeological research Kampyrtepa*. Tashkent: San'at, 39—74 (in Russian).

Livshits, V.A. 2002. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (2), 43—56 (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2006. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and Studies on the archeology of the Kuban)* 6, 152—181 (in Russian).

Litvinskiy, B.A. 1965. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (2), 75—91 (in Russian).

Litvinskiy, B.A. 2001. *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) (Temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan).* Vol. 2. *Baktriyskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste (Bactrian Weapons in the ancient Eastern and Greek context).* Moscow: Publishing company "Vostochnaya literature" of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Litvinskiy, B.A. 2002. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Eastern Department of the Russian Archaeological Society)*. New Ser. I (XXVI), 181—213 (in Russian).

Litvinskiy, B.A. 2010a. *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) (Temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan)*. Vol. 3. *Iskusstvo. Khudozhestvennoe remeslo. Muzykal'nye instrumenty. (Art. Artistic Craftmanship. Musical Instruments).* Moscow: Publishing company "Vostochnaya literature" of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Litvinskiy, B.A. 2010b. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (1), 84—103 (in Russian).

Lopatin, V.A., Leont'eva, A.S. 2011. In *Istoriya i istoricheskaya panyat' (The History and the historical Memory)* 3, 91—107 (in Russian).

Lopatin, V.A., Leont'eva, A.S. 2012. In *Arkheologishie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monements of the Orenburg Region)* 10, 146—155 (in Russian).

Luk'yashko, S.I. 2000. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3, 163—171 (in Russian).

Luk'yashko, S.I. 2008. In: Cat. St. Petersburg 2008, 58—61 (in Russian).

Luneva, V. 2001. In: Rtveladze, E.V., Il'yasov, G. (eds.). *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii 2. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa Materials of the Tokharistan expedition 2. Archaeological research Kampyrtepa*. Tashkent: San'at, 113—125 (in Russian).

Maksimenko, V.E. 1998. *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii) (The Sarmatians on the Don (Archaeology and the Problems of the Ethnic History))*. Azov: Azov Local Lore Museum (Don antiquities 6) (in Russian).

Maksimova, M.I. 1979. *Artyukhovskiy kurgan (Artyukhov Tumulus)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Mamontov, V.I. 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam mogil'nika Pervomayskiy VII) (The ancient Population of the left Bank of the Don (after the Materials of the Burial Ground Pervomayskiy VII))*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Mamontov, V.I. 2004. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. I mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Problems of Archaeology of the Lower Volga Region. Ist International Lower Volga archaeological conference)*. Volgograd: Volgograd State University, 204—208 (in Russian).

Mamontov, V.I. 2008. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 170—197 (in Russian).

Mandel'shtam, A.M. 1966. *Kochevniki na puti v Indiyu (Nomads on their Way to India).* Moscow; Leningrad: Nauka (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 136) (in Russian).

Mandel'shtam, A.M. 1975. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii (Monuments of the Nomads of the Kushan Period in Northern Bactria).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Marazov, I. 1975. In *Arkheologiya (Archaeology)* (2), 30—42 (in Bulgarian).

Marazov, I. 1979. *Sakrovishcheto ot Yakimovo* / *The Treasure from Yakimovo*. Sofia: Balgarski khudozhnik (in Bulgarian and English).

Marazov, I. 1992. *Mit, ritual I izkustvo u trakite (Myth, Ritual and Art of the Thracians)*. Sofia: "Saint Kliment of Ohrid University" (in Bulgarian).

Marazov, I. 1996. *Rogozenskoto sakrovishche (The Rogozen Treasure).* Sofia: IK "Sektor" (in Bulgarian).

Marchenko, I.I. 1996. *Siraki Kubani (The Siraces of the Kuban Region)*. Krasnodar: Kuban State University (in Russian).

Maslov, V.E. 1999. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G., Bashilov, V.A. (eds.). *Evraziyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i (The Eurasian Antiquities, 100th Annversary of B.N. Grakov: Archive Materials, Publications, Articles).* Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 219—236 (in Russian).

Maslov, V.E. 2015. In: Korol'kova, E.F. (ed.). *Arkheologiya bez granits. Kollektsii, problemy, issledovaniya, gipotezy (Archaeology without Frontiers. Collections, Problems, Studies, Hypothesis)*. Saint Petersburg: The State Hermitage, 269—295 (Proceedings of the State Hermitage LXXVII) (in Russian).

Matrenin, S.S., Tishkin, A.A. 2015. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta (Reports of the Altai State University)* 4/2 (88), 116—124 (in Russian).

Matrenin, S.S., Tishkin, A.A. 2016. The Chronology of the Elements of the Horse Harness from the Burial mounds of Xiongnu Period Yaloman-II Cemetery (Central Altai)). Available at: konf.asu.ru/archeo/download_file.php?id=262_349&f=matrenin...tishkin... (accessed 11.01.2023).

Melyukova, A.I. 1962. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (1), 195—208 (in Russian).

Minyaev, S.S. 2007. *Durestuyskiy mogil'nik (Durestuy Cemetery)*. 2nd compl. edition. Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University (Archaeological sites of Xiongnu 3) (in Russian).

Mogil'nikov, V.A. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR (The Steppe Band of the Asian Part of the USSR)*. Moscow: Nauka, 254—273 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2003. *Polikhromnyy zverinyy stil' (Polychrome Animal Style).* Simferopol: Tarpan (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE).* Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 195—244 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2011. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 15, 332—365 (in Russian).

Mordvintseva, V.I.2015. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (1), 109—135 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE).* Vols. I—III. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006. *Drevnee zoloto Povolzh'ya iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (Ancient Gold from the Volga Region from the Depot of the Volgograd Regional Local Lore Museum)*. Simferopol: Tarpan (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Shinkar', O.A. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 138—149.

Moshkova, M.G. 2008a. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Problemy sovremennoy arkheologii. Sbornik pamyati V.A. Bashilova (Problems of Modern Archaeology. The Collection of Articles to the Memory of V.A. Bashilov).* Moscow: Taus, 243—264 (Materials and Studies on the Archaeology of Russia 10) (in Russian).

Moshkova, M.G. 2008b. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 21, 538—549 (in Russian).

Moshkova, M.G., Kushaev, G.A. 2004. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan)* 3, 203—211 (in Russian).

Mys'kov et al. 1999: Mys'kov, E.P., Kiyashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 149—167 (in Russian).

Nefedkin, A.K. 2011. *Voennoe delo sarmatov i alanov (Military Practice of the Sarmatians and Alani).* Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University; Nestor-Istoriya (in Russian).

Nikonorov, V.P. 2002. In: Khudyakov, Yu.S., Skobelev, S.G. (eds.). *Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii (Military Practice of the Nomads of North and Central Asia).* Novosibirsk: Novosibirsk State University, 21—27 (in Russian).

Nikonorov, V.P. 2003. In: *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Kniga II. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova (Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Book II. Materials of the scientific-practical Conference dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of M.P. Gryaznov)*. Saint Petersburg: The State Hermitage, 263—267 (in Russian).

Nikonorov, V.P. 2010. In: Erofeeva, I.V., Zhanaev, B.T., Masanova, L.E. (eds.). *Rol' nomadov evraziyskikh stepey v razvitii mirovogo voennogo iskusstva. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Role of the Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of the World Military Art. Scientific Readings in Memory of N.E. Masanov: Collection of Materials of the international scientific Conference)*. Almaty: LEM, 43—65 (in Russian).

Nikonorov, V.P., Khudyakov, Yu.S. 1999. In: Mit'ko, O.A. (ed.). *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy. Vyp. 2. Gorizonty Evrazii. Sbornik nauchnykh statey (Eurasia: The cultural Heritage of Ancient Civilizations. Issue. 2. Horizons of Eurasia. Collection of scientific Articles)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 141—154 (in Russian).

Obel'chenko, O.V. 1962. In *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (The History of the Material Culture of Uzbekistan)* 2, 97—176 (in Russian).

Obel'chenko, O.V. 1967. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (2), 181—187 (in Russian).

Obel'chenko, O.V. 1978. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (4), 115—127 (in Russian).

Obel'chenko, O.V. 1981. *Kurgany drevnego Sogda (Burial mounds of Ancient Sogd).* Tashkent: Uzbekistan (in Russian).

Olbrycht, M.-Ya. 2010. In: Erofeeva, I.V., Zhanaev, B.T., Masanova, L.E. (eds.). *Rol' nomadov evraziyskikh stepey v razvitii mirovogo voennogo iskusstva. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Role of the Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of the World Military Art. Scientific Readings in Memory of N.E. Masanov: Collection of Materials of the international scientific Conference)*. Almaty: LEM, 66—85 (in Russian).

Olbrycht, M.-Ya. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (1), 131—143 (in Russian).

Ol'khovskiy, V.S. 2005. *Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza (The monumental Sculpture of the Population of the Western Part of Eurasian Steppes of the Early Iron Age).* Moscow: Nauka (in Russian).

Perevodchikova, E.V. 1994. *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epokhi (The Language of Animal Images. Essays on the Art of the Eurasian Steppes of the Scythian era).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Petrov, P.A. 2013. In *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archaeology of the Eastern Europe Steppe)* 10, 256—261 (in Russian).

Pilipko, V.N. 1996. *Staraya Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom (Old Nisa. The Building with the rectangular Hall).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Pilipko, V.N. 2001. *Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya v sovetskiy period (Old Nisa. Main Results of the Archaeological Investigation in the Soviet Period).* Moscow: Nauka (in Russian).

Pilipko, V.N. 2007. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 150—158 (in Russian).

Pilipko, V.N. 2008. In *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Journal of Russian Humanitarian Scientific Foundation)* 3, 14—23 (in Russian).

Pichikyan, I.R. 1991. *Kul'tura Baktrii. Akhemenidskiy i ellinisticheskiy periody (The Culture of Bactria. Achaemenid and Hellenistic Periods).* Moscow: Nauka (in Russian).

Podushkin, A.N. 2012. In *Stratum plus* 4, 31—53 (in Russian).
Podushkin, A.N. 2022. In *Stratum plus* 4, 183—208 (in Russian).
Polidovich, Yu. B. 2009. In: Bessonova, S.S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S. A. Skorogo (Early Iron Age. Collection of scientific Papers dedicated to the 60th Anniversary of S.A. Skoryi).* Kyiv; Poltava: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine, 314—323 (in Russian).
Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2015. *Kurgany Sutszukte (Noin-Ula, Mongoliia) (The Suzukteh Burial-mounds (Noin-Ula, Mongolia)*. Pt. 1. Novosibirsk: Infolio (in Russian).
Popova, E.A. 1984. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (1), 129—145 (in Russian).
Pugachenkova, G.A. 1959. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (2), 70—84 (in Russian).
Pugachenkova, G.A. 1971. *Skul'ptura Khalchayana (The Sculpture of Khalchayan).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).
Pugachenkova, G.A. 1987. In: Pugachenkova, G.A. *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka (From the Artistic Treasury of the Middle East)*. Tashkent: The Literature and Art Publ. House named after Gafur Gulyam, 56—65 (in Russian).
Pugachenkova, G.A.1989a. *Drevnosti Miankalya. Iz rabot Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspeditsii (Antiquities of Miankal. From the Works of the Uzbekistan Art Expedition).* Tashkent: FAN (in Russian).
Pugachenkova, G.A. 1989b. In: Pugachenkova, G.A. (ed.). *Antichnye i rannesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana (Ancient and Early Medieval Antiquities of South Uzbekistan).* Tashkent: FAN, 96—110 (in Russian).
Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).
Rabadzhev, K. 2014. *Konyat, kolesnitsata i konnikat. Kam interpretatsiyata na obraza v trakiyskata kultura (The Horse, the Chariot and the Rider. To the Interpretation of the Image in the Thracian Culture).* Sofia: "Saint Kliment of Ohrid University".
Raev, B.A. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 260—271 (in Russian).
Raev, B.A. 2012. In: Fedorova, N.V. (ed.). *Arkheologiya Arktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu otkrytiya pamyatnika arkheologii "Drevnee svyatilishche Ust'-Poluy". Doklady, g. Salekhard, 27—30 noyabrya 2012 g. (Archaeology of Arctic. Materials of the international scientific and practical Conference dedicated to the 80th Anniversary of the Opening of the archeology Sie "Ancient Sanctuary Ust-Poluy". Reports, Salekhard, November 27—30, 2012)*. Ekaterinburg: Delovaya pressa, 188—192 (in Russian).
Raev, B.A., Simonenko, A.V. 2007. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'yy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan Phenomenon: The Sacral Meaning of the Region, the Sites, the Finds. Materials of the International scientific Conference).* Pt. 2. Saint Petersburg: The State Hermitage, 268—272 (in Russian).
Raevskiy, D.S. 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen (The Essays on Ideology of the Scytho-Iranian Tribes)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Redina, E.F., Simonenko, A.V. 2002. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and Studies on the archeology of the Kuban)* 2, 78—96 (in Russian).
Rets, K.I. 2004. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: Problemy khronologii i datirovki pamyatnikov: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan Phenomenon: Problems of Chronology and Dating of Monuments. Materials of the International scientific Conference).* Pt. 2. Saint Petersburg: The State Hermitage, 325—332 (in Russian).
Rostovtsev, M.I. 1913. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 49, 1—62, 133—140 (in Russian).
Rostovtsev, M.I. 1913—1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii (Ancient Decorative Painting in the south of Russia).* Saint Petersburg: Publication of the Imperial Archaeological Commission (in Russian).
Rudenko, S.I. 1962. *Kul'tupa khunnov i noinul'skie kurgany (The Culture of Xiongnu and the Noin-Ula Burial mounds).* Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, Leningrad Dept. (in Russian).
Rukavishnikova, I.V. 2011. In: Makarov, N.A. (ed.). *Trudy III(XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Staroy Russe (Proceedings of the III(XIX) All-Russian Archaeological Congress in Staraya Russa).* Vol. 1. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 373—376 (in Russian).
Rukavishnikova, I.V. 2013. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 231, 71—78 (in Russian).
Rukavishnikov, D.V., Rukavishnikova, I.V. 2008. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Rannie kochevniki Yuzhnogo*

Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy" (21—25 aprelya 2008 g.) (Early Nomads of the Volga-Ural Region: Materials of the International Scientific Conference "Early Nomads of the Southern Sub-Urals in the Light of Recent Archaeological Discoveries" (April 21—25, 2008). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ., 105—116 (in Russian).

Savel'ev O.K. 2010. In *Stratum plus* (3), 175—184 (in Russian).

Samashev et al. 2007: Samashev, Z., Kusherbaev, K., Amanshaev, E., Astaf'ev, A. 2007. *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau (The Treasures of Ustyurt and Mankystau)*. Almaty: Elchidi IP.

Sdykov, M.N., Lukpanova, Ya.A. 2013. *Rannie kochevniki Zapadnogo Kazakhstana (na primere kompleksa Taksay I) (Early nomads of Western Kazakhstan (after the example of the Taksay I Complex)*. Ural'sk: Poligrafservis (in Russian, English and Kazahkh).

Sergatskov, I.V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle (Sarmatian Burial mounds on Ilovlya)*. Volgograd: Volgograd University (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2006a. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* (*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*) 1. Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, 37—58 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2006b. In: Murasheva, V.V. (ed.). *III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone», posvyashchennaya 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (21—24 noyabrya 2006 g., Moskva) (III International Scientific Conference "City and Steppe in the Contact Euro-Asian Zone", devoted to the 75th Anniversary of the Birth of G.A. Fedorov-Davydov (November 21—24, 2006, Moscow)).* Moscow: Numizmaticheskaya literatura, 42—45 (in Russian).

Sergatskov, I.V.2007. In: Yablonskiy, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov. Regional'naya tipologiya i khronologiya (Arms of the Sarmatians. Regional Typology and Chronology).* Chelyabinsk: South Urals State University Publ., 58—64 (in Russian).

Sergatskov, I.V., Zakharov, P.E. 2006. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 117—123 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2008. In: Khazanov, A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the Military Practice of the Sarmatians).* 2nd ed. Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University, 238—286 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Horsemen of the North Pontic Region).* Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the Saint Petersburg State University (in Russian).

Simonenko, A.V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Horsemen of the North Pontic Region).* 2nd ed. Kyiv: Oleg Filyuk.

Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e. (The Sarmatians of the North-Western Pontic Region in the 1st Century CE).* Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya (The Asian Sarmatia)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A.S. 1996. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (1), 160—169 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2005. In: Belotserkovskaya, I.V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM (2nd Gorodtsov Readings. Materials of the Scientific Conference dedicated to the 100th Anniversary of the Activity of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum).* Moscow: State Historical Museum, 171—185 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation)* 1. Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, 5—27 (in Russian).

Skripkin, A.S. 2010. In: Skripkin, A.S. *Sarmaty i Vostok. Izbrannye trudy (The Sarmatians and the East. Selected Works).* Volgograd: Volgograd State University, 335—358 (in Russian).

Skripkin, A.S., Mys'kov, E.P. 2009. In: Makarov, N.A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991—2004. Evropeyskaya Rossiya (Archaeological Discoveries. 1991—2004. European Russia).* Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 245—255 (in Russian).

Soenov, V.I. 1998. In: Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. (eds.). *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i Srednevekov'e (Equipment of the Riding Horse of Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages).* Barnaul: Altai State University, 93—98 (in Russian).

Stepanova, E.V. 2012. In: Alekshin, V.A. et al. (eds.). *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa M.P. Gryaznova (Cultures of the Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations. Proceedings of the international scientific Conference dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of the outstanding Russian Archaeologist M.P Gryaznov)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Peripheriya, 446—454 (in Russian).

Stepanova, E.V. 2015. In: Korol'kova, E.F. (ed.). *Arkheologiya bez granits. Kollektsii, problemy, issledovaniya, gipotezy (Archaeology without Frontiers. Collections, Problems, Studies, Hypothesis)*. Saint Petersburg: The State Hermitage, 389—425 (Proceedings of the State Hermitage LXXVII) (in Russian).

Tadevosyan, T.V. 2014. *Semanticheskie paralleli fol'klornykh arkhetipov: mifologicheskiy aspekt (Semantic Parallels of Folklore Archetypes: A Mythological aspect).* Vladikavkaz: North-Ossetian State University (in Russian).

Tolstov, S.P. 1948. *Drevniy Khoresm (Ancient Khorezm)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta (Along the Ancient Deltas of Oxus and Jaxartes).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Tolstoy, I.I., Kondakov, N.P. 1890. *Drevnosti vremen pereseleniya narodov (The Antiquities of the Migration Period). Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva (Russian Antiquities in the Monuments of Art)*. Vol. 3. Saint Petersburg: Typography of the Transport Ministry (in Russian).

Trever, K.V. 1940. *Pamyatniki Greko-Baktriyskogo iskusstva (Monuments of the Graeco-Bactrian Art)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Trever, K.V., Lukonin, V.G. 1987. *Sasanidskoe sepebpo. Sobpanie Gosudapstvennogo Epmitazha (The Sasanian Silver. The Collection of the State Hermitage)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Treister, M.Yu. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (3), 172—203 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2001. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (4), 168—174 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2010a. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological news)* 16, 72—94 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2010b. In: Gerasimova, M.M., Malashev, V.Yu., Moshkova, M.G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy (Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and neighboring Territories)*. Moscow: Taus, 355—377 (Materials and Studies on the Archaeology of Russia 13) (in Russian).

Treister, M.Yu. 2010c. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 14, 484—561 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2011. In *Scripta antiqua* 1, 90—146 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th—3rd Centuries BCE).* Vol. 1. Moscow: Taus, 50—87 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In: Treister, M.Yu (ed.). *Zoloto Fanagorii (Gold of Phanagoria)*. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 77—181 (Materials on Archaeology and History of Phanagoria 2) (in Russian).

Treister, M.Yu. 2016. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20—21 oktyabrya 2016 g. (Ancient Civilization and the Barbarian World of the Ponto-Caspian Region. Materials of the All-Russian scientific Conference with international Participation dedicated to the 70th Anniversary of B.A. Raev. Kagalnik, October 20—21, 2016)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 215—225 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2018a. In *Stratum plus* (4), 153—200 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2018b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (4), 180—238 (in Russian).

Treister, M.Yu.. 2020. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (2), 377—409 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021a. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE).* Iss. VII. Simferopol: OOO "Firma Salta Ltd.", 157—194 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021b. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 26, 381—410 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021c. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 340—393 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021d. In *Scripta antiqua* 10, 73—116 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 50—109. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.30.80.003 (in Russian).

Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th—3rd Centuries BC).* Vol. 2. Moscow: Taus, 51—53 (in Russian).

Troitskaya, T.N., Novikov, A.V. 2007. *Skifo-sibirskiy mir (The Scytho-Siberian World).* Novosibirsk: "Geo" Academic Publ. (in Russian).

Tuallagov, A.A. 2005. In *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra (Journal of the Vladikavkaz Scientific Centre)* 5.3, 22—25 (in Russian).

Tuallagov, A.A. 2013. In *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abaeva (Peports of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev)* 9(48), 20—32 (in Russian).

Tuallagov, A.A. 2014a. *Alany Pridar'yal'ya i zakavkazskie pokhody I—II vv. (Alans of the Daryal Region and Transcaucasian Campaigns of the 1st—2nd Centuries).* Vladikavkaz: Publishing and printing center of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientif Centre of the Russian Academy of Sciences and Republic North Ossetia-Alania (in Russian).

Tuallagov, A.A.2014b. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki (Journal of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Social Sciences)* 4, 150—154 (in Russian).

Turbat et al. 2004: Turbat, Ts., Erdenebaatar, D., Khudyakov, Yu.S. 2004. In *Drevnosti Altaya (Antiquities of Altai)* 12, 84—92 (in Russian).

von Gall, H. 1997. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (2), 174—197 (in Russian).

Fonyakova, N.A. 2013a. In *Povozhskaya arkheologiya (Archaeology of Volga Region)* 1, 166—180 (in Russian).

Fonyakova, N.A. 2013б. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 1 (31), 203—208 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archeology of Western Kazakhstan)* 2, 181—194 (in Russian).

Khazanov, A.M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the Military Practice of the Sarmatians)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Khachtryan, Zh. 2009. *Grobnitsa Sisiana (vtoraya polovina I v. do n.e.) (The Tomb of Sisian (second Half of the 1st Century BCE)*. Erevan: Gitutyun (Archaeological Monuments of Armenia 21) (in Russian).

Khachtryan, Zh. 2013. In *Vestnik armenovedeniya / Journal of Armenian Studies* 1, 61—82 (in Armenian with summaries in Russian and English).

Khodzhayov, T., Abdullaev, K. 2011. *Naselenie kushanskoy Baktrii: antropologiya, pis'mennye istochniki i izobrazitel'noe iskusstvo (The Population of the Kushan Bactria: Anthropology, Written Sources and Art).* Saarbrucken: Lambert Academic Publ. (in Russian).

Shalganova, T. 2008. In: *Problemi i izsledvaniya na trakiyskata kultura (Problems and Studies of the Thracian Culture)* III. Kazanlak: Irita, 124—137 (in Bulgarian).

Shilov, V. P. 1959. In Krupnov, E.I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ia (Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Antiquities of the Lower Volga Area (Results of Fieldworks of the Stalingrad Archaeological Expedition))* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 323—523 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 60 (in Russian).

Shulga, P.I. 2015. In: Tishkin, A.A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (*Archaeology of Western Siberia and Altai: an Attempt of interdisciplinary Research. Collection of Articles dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin*).* Barnaul: Altai State University, 366—371 (in Russian).

Shulga et al. 2016: Shulga, P.I., Myglan, V.S., Slyusarenko, I.Yu. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (eds.). *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey (Altai in the Circle of Eurasian Antiquities).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Department, Russian Academy of Sciences, 272—286 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 1998. In *Arkheologishie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monements of the Orenburg Region)* 2, 97—119 (in Russian).

Yablonskiy, L.T., Trunaeva, T.N., Davis-Kimball, J., Egorov, V.L. 1994. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Burial Mounds of the Left-Bank Ilek).* Iss. 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 4—57 (in Russian).

Yablonskiy et al. 2011: Yablonskiy, L.T., Rukavishnikova, I.V., Shemakhanskya, M.S. 2011. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (4), 219—250 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2000. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (4), 86—104.
Yatsenko, S.A. 2006. *Kostyum drevney Evrazii (The Costume of the ancient Eurasia).* Moscow: Vostochnaya literature of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2011. In *Batyr (Batyr)* 2 (3), 27—38 (in Russian).
Abdullaev, K.A. 1995. Armour of Ancient Bactria. In: *In the Land of the Gryphons*, 163—180.
Abdullaev, K.A. 2007. Nomad Migration in Central Asia. In: Cribb, J., Herrmann, G. (eds.). *After Alexander: Central Asia before Islam.* Oxford, New York: Oxford University Press; British Academy, 73—98 (Proceedings of the British Academy 133).
Abdullaev, K.A. 2008. Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica* 10, 135—149.
Akkermans, M.M.G., Wiggermann, F.A.M. 2015. West of Aššur: The Life and Times of the Middle Assyrian *Dunnu* at Tell Sabi Abyad. In: Düring, B.S. (ed.). *Understanding Hegemonic Practices of the Early Assyrian Empire. Essays Dedicated to Frans Wiggermann.* Leiden: Peeters Publishers, 89—124.
Akurgal, E. 1961. *Die Kunst der Hethiter*. München: Hirmer.
Albenda, P. 2008. Assyrian Royal Hunts: Antlered and Horned Animals from Distant Lands. *Bulletin of the American School of Oriental Research* 349, 61—78.
Alexandrescu, P. 1999. *L'aigle et le dauphin. Etudes d'archéologie pontique.* Bucharest; Paris: Editura enciclopedică.
Alexandropoulou, A. 2004. Η κεραμική της Γνάθια και της «Δυτικής Κλιτύος»: Μια συγκριτική προσέγγιση. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 667—672.
Anderson, E.B. 2016. *Cataphractes: Knigts of the Ancient Eastern Empires.* Barnsley: Pen & Sword Books Limited.
Andreae, B. 2009. Die Skylla im Beinrelief von Dedoplis Gora und die Zeitgebundenheit von Betrachtungsweisen. In: Einicke, R., Lehmann, S., Löhr, H., Mehnert, G., Mehnert, A., Slawisch, A. (Hrsg). *Zurück zum Gegenstand. Festschrift für Andreas E. Furtwängler.* Bd. I. Langenweißbach: Beier & Beran, 69—80 (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums 16).
Andronicos, M. 1984. *Vergina: The Royal Tombs.* Athens: Ekdotike Athenon.
Antikenmuseum Berlin 1988. Heilmeyer, W.-D. (Hrsg.). *Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werken.* Berlin: Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz.
arachne.dainst.org: 1: Szene 1: Sz.Nr. 13 Töten der Stymphalischen Vögel. Mosaik mit den Taten des Herakles. Available at: https://arachne.dainst.org/entity/1251290 (accessed 11.01.2023).
arachne.dainst.org: 2: Bronzebasis mit den Taten des Herakles. Galleria di Capodimonte, Neapel. Available at: https://arachne.dainst.org/entity/1082856 (accessed 11.01.2023).
Azzaroli, A. 1985. *An Early History of Horsemanship*. Leiden: E.J. Brill.
Bald Romano, I. 1994. A Hellenistic Deposit from Corinth. Evidence for Interim Period Activity (146—44 B.C.). *Hesperia* 63.1, 57—104.
Banghard, K., Gorecki, J. 2004. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119—150.
Barringer, J.M. 2002. *The Hunt in Ancient Greece.* Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press.
Başaran et al. 2011: Başaran, C., Kocak, E., Ertuğ Ergurer, H., Kasapoğlu, H. 2011. Parion Nekropolu'nde Bulunan Bronz Amphoranın Konservasyonu ve Restorasyonu. *27. Arkeometri sonuçlari toplantisi*, 55—72.
Başaran et al. 2019: Başaran, C., Keleş, V., Çelikbaş, E. 2019. *Parion bronz Aphora-Situlasi.* Istanbul: Arkeoloji ve Sanat.
Bayer-Niemeier, E. 1983. *Fischerbilder in der hellenistischen Plastik.* Bonn: R. Habelt.
Belaňová, P. 2016. Ancient Adornments of Central Asia Influenced by the Greek Jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia* XX.1, 111—126.
Belousov, A.V., Treister, M. 2020. Inscribed ceremonial dagger from princely Sarmatian burial near the village of Kosika in the Lower Volga Region. *ACSS* 26.1, 172—206.
Bernard, P. 1987. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle. *CRAI*, 758—768.
Bernard, P. 2012. Aï Khanum: A Greek Colony in Post-Alexandrian Central Asia, or How to be Greek in an Oriental Milieu. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 42—53.
Bernard, P., Bopearachchi, O. 2002. Deux bracelets grecs avec inscriptions grecques trouvés dans l'Asie centrale hellénisée. *Journal des savants*, 237—278.
Bernard, P., Inagaki, H. 2000. Un torque achéménide avec une inscription grecque au Musée Miho (Japan). *CRAI*, 1371—1437.
Bernard, P., Inagaki, H. 2002. Un torque achéménide avec une inscription grecque au Musée Miho (Japan). In: Cat. Miho 2002, 207—210.
Bespaly, E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev, B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR Intern. ser. 278).

Betts et al. 2017: Betts, A., Yagodin, V.N., Grenet, F., Kidd, F., Minardi, M., Bonnat, M., Khashimov, S. The Akchakhan-kala Wall Paintings: New Perspectives on Kingship and Religion in Ancient Chorasmia. *Journal of Inner Asia Art and Archaeology* 7, 125—165.

Boardman, J. 1986. The Ketos in India. In: Kahil, L. (ed.). *Iconographie classique et identités regionales.* Athènes, Paris: École Française d'Athènes; Diffusion de Boccard, 447—453 (BCH Suppl. 14).

Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical.* London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 2003. Three Monsters at Tillya Tepe. *ACSS* 9.1—2, 133—146.

Boardman, J. 2010. *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin*. Oxford: Archaeopress (Beazley Archive Occasional Paper).

Boardman, J. 2012. Tillya Tepe: Echoes of Greece and China. In: *Afghanistan: Forging Civilizations*, 102—111.

Boardman, J. 2015. *The Greeks in A*sia. London: Thames and Hudson.

Bohn, R. 1885. *Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros*. Berlin: W. Spemann. (Altertümer von Pergamon II).

Bolla, M. 1994. *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano.* Milano: The Pool s.r.l. (RASMI Suppl. 11).

Bopearachchi, O. 1991. *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques.* Paris: Bibliothèque Nationale.

Bopearachchi, O., Sachs, C. 2001. Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques. *Topoi* 11.1, 321—355.

Bottez, V. 2010. Kebriones and Odysseus on a Graffito discovered at Histria (Constanţa County, Romania). In: Angelescu, M. V., Achim, I., Bâltâc, A., Rusu-Bolindet, V., Bottez, V. (eds.). *Antiquitas istro-pontica: Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu.* Cluj-Napoca: Mega, 43—49.

Boucher, S. 1970. *Bronzes grecs, hellénistiques et étrusques. Collection des Musées de Lyon.* Lyon: En dépôt aux Éditions de Boccard.

Braund, D. 1994. An Inscribed Bowl from the Volga Region: King Artheouazes and Ampsalakos. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 102, 310—312.

Brentjes, B. 1993. Waffen der Steppenvölker. — I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 26, 5—45.

Bricault, L. 2020. *Isis Pelagia: Images, Names and Cults of a Goddess of the Seas* (Religions in the Graeco-Roman World 190). Leiden; Boston: E.J. Brill.

Brinkmann, V., Koch-Brinkmann, U. 2001. Polychromy on Greek Sculpture. The Archer on the West Pediment of the Aphaia Temple, Aegina (English/Chinese). In: Wu Yongqi, Zhang Tinghao, Petzet, M., Emmerling, E., Blänsdorf, C. (eds.). *The Polychromy of Antique Sculpture and the Terracotta Army of the First Chinese Emperor*. München: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege, 101—102, 141 (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege 111).

Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia.* Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 349—424 (BCAA 5).

Brosseder, U. 2013. Austausch und Kommunikation durch die eurasischen Steppen in den Jahrhunderten um Christi Geburt. In: Kat. Bonn 2013, 89—101.

Bruneau, P. 1972. *Les mosaïques*. Paris: De Boccard (Exploration archéologique de Délos XXIX).

Byvanck-Quarles van Ufford, L. 1970. Les bols hellénistiques en verre doré. *Bulletin antieke beschaving* 45, 129—141.

Callaghan, P.J. 1996. An Antiochene Bowl in Cambridge. *The Annual of the British School at Athens* 91, 369—375.

Carter, M.L. 2015. *Arts of the Hellenized East, Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era.* London: Thames and Hudson.

Casabonne, O., Gabrielli, M. 2006. Brèves remarques sur un torque achéménide au musée Miho (Japan). *Colloquium Anatolicum* V, 85—90.

Cat. Baltimore 1979: *Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book.* New York; Baltimore: New York: Viking Press, in cooperation with Walters Art Gallery.

Cat. Glasgow 1996: *Treasures of the Warrior Tombs.* 1996. Glasgow: *Glasgow* Museums.

Cat. London 2005: Curtis, J., Tallis, N. (eds.). 2005. *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia.* London: British Museum Press.

Cat. London 2012: Curtis, J.E., Tallis, N. (eds.). 2012. *The Horse from Arabia to Ascot.* London: British Museum Press.

Cat. London 2017: Simpson, St.J., Pankova, S. (eds.). 2017. *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia.* London: Thames and Hudson.

Cat. Malibu 2007: Trofimova, A.A. (ed.). 2007. *Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.

Cat. Malibu 2022: Spier, J., Potts, T.F., Cole, S.E. (eds.). 2022. *Ancient Iran and the Classical World*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.

Cat. Miho 2002: *Treasures of Ancient Bactria. Miho Museum.* 2002. Shigaraki: Miho Museum.

Cat. Milan 1984: de Juliis, E.M. (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. 1984. Milan: Mondadori Ed. Arte.
Cat. New York 2000a: Aruz, J., Farkas, A., Alekseev, A., Korolkova, E. (eds.). 2000. *The Golden Deer of Eurasia*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Cat. New York 2000b: Milleker, E.J. (ed.). *The Year One. Art of the Ancient World. East and West*. 2000. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Cat. New York 2004: Watt, J.C.Y. *China: Dawn of a Golden Age, 200—750 AD. The Metropolitan Museum of Art.* 2004. New York, New Haven, London: Metropolitan Museum of Art; Yale University Press.
Cat. Oxford 2011: *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy.* 2011. Oxford: Ashmolean Museum.
Cat. Paris 1961: *Sept mille ans d'art en Iran.* 1961. Paris: Presses artistiques.
Cat. Paris 2001: Schiltz, V. (ed.). *L'or des Amazones.* 2001. Paris: Editions Findakly; Paris musées.
Cat. Rome 2005: Anisimova, L., Bonora, G.L., Franchi, C., Karavaeva, L., Plakhov, V.V. (eds.). 2005. *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan: Mondadori Electa.
Cat. Saint Louis 1998: Marazov, I. (ed.). 1998. *Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria.* New York: Harry N. Abrams.
Cat. Tokyo 1991a: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia.* 1991. Tokyo: Ancient Orient Museum.
Cat. Tokyo 1991b: Pugachenkova, G.A., Rtveladze, E.V., Kato, K. (eds.). 1991. *Antiquities of Southern Uzbekistan.* Soka: University Press.
Cat. Toledo 1977: Oliver, A.Jr. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver*. 1977. Toledo: Museum of Art.
Cat. Triest 2001: Popescu, A., Alekseev, A., Piotrovskij, J. (eds.). 2001. *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati.* Milan: Electa.
Cat. Triest 2002: Giumlia-Mair, A., Rubinich, M. (eds.). 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste: Silvana.
Cat. Venice 1993: Litvinskij, B.A. (ed.). 1993. *Oxus. Tesori dell'Asia Centrale* . Rome: Edizioni de Luca.
Chandra, R.G. 1979. *Indo-Greek Jewellery*. New Delhi: Abhinav Publications.
Christopoulos, L. 2012. *Hellenes and Romans in Ancient China*. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania (Sino-Platonic Papers 230).
classics.uc.edu: 1: Greek, Roman and Byzantine Pottery at Ilion (Troia): Sebastian Heath and Billur Tekkök, Editors. Hellenistic Moldmade Bowls. Available at: http://classics.uc.edu/troy/ grbpottery/html/hell-moldmade-bowls.html (accessed 11.01.2023).
Cohen, A. 2010. *Art in the Era of Alexander the Great: Paradigms of Manhood and Their Cultural Traditions.* Cambridge: Cambridge University Press.
Colledge, M.A.R. 1977. *Parthian Art.* Ithaca, London: Elek.
Collins Reilly, L. 1993. The Hunting Frieze from Vergina. *Journal of Hellenic Studies* 113, 160—162.
Collon, D. 1995. *British Museum. Ancient Near Eastern Art.* London: British Museum Press.
Collon, D. 2008. Nimrud Treasures: Panel Discussion. In: Curtis, J.E., McCall, H., Collon, D., al-Gailani Werr, L. (eds.). *New Light on Nimrud. Proceedings of the Nimrud Conference,11th — 13th March 2002.* London: British Institute for the Study of Iraq, in association with the British Museum, 105—118.
Coloru, O. 2018. On a Pair of Inscribed Bowls from the Hellenistic East. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 207, 101—104.
Comparetti, M. 2011. The State of Research on Sasanian Painting. *e-Sasanika* 8, 1—50.
Crowley, J.L. 1977. *The Aegean and the East. An Investigation into the Exchange of Artistic Motifs — between the Aegean, Egypt, and the Near East in the Bronze Age.* Diss. University of Tasmania. Hobart: University of Tasmania.
Curtis, V.S. 1998. The Parthian Costume and Headdress. In: *Das Partherreich*, 61—73.
Curtis, V.S. 2001. Parthian Belts and Belt Plaques. *IrAnt* XXXVI, 299—327.
Dahmen, K. 2012. Alexander und das Diadem. Die archäologische und numismatische Perspektive. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 281—292.
Damerji, M.S. 1999. Gräber assyrischer Königinnen aus Nimrud. *JbRGZM* 45, 1—84.
Davis-Kimball, J., Yablonsky, L.T. 1996. Excavation of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia. Questions concerning the Northern Silk Route. *SRAA* 4, 1—16.
Dimitrova, V. 2022. Net Pattern Silver Bowl from Zareva Mogila near the Village of Yasenovo, Kazanlak Region. *Natsionalen Istoricheski muzey — Sofiya. Izvestiya (National Historical Museum — Sofia. News)* XXXIV, 85—95.
Dörner, F.K., Goell, Th. 1963. *Arsameia am Nymphaios*. Berlin: Gebr. Mann (Istanbuler Forschungen 23).
Driehaus et al. 2010: Driehaus, J., Raub, C., Bakker, L., Radnoti-Alföldi, M. 2010. Die Panzer von Augsburg und Vize. Eine Untersuchung zur Metalltechnologie im 1. Jahrhundert n. Chr. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 91 (2012), 339—407.
Dumke, G.R. 2012. Diadem = Königsherrschaft? Der Fall des Diodotos I. von Baktrien. In*: Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 385—393.
Dunbabin, K. 1999. *Mosaics of the Greek and Roman world.* Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Dvornitchenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1994. Trésors des tombes de l'aristocratie sarmate au nord de la Caspienne. *Les dossiers d'archéologie* 194, 66—75.
Edwards, C.M. 1981. Corinth 1980: Molded Relief Bowls. *Hesperia* 50.2, 189—210.
Edwards, C.M. 1986. Corinthian Moldmade Bowls: The 1926 Reservoir. *Hesperia* 55.4, 389—419.
Edwards, G.R. 1975. *Corinthian Hellenistic Pottery*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (Corinth VIII.3).
Eggers, H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte (Atlas der Urgeschichte, 1).
Ellerbrock, U., Winkelmann, S. 2012. *Die Parther: die vergessene Großmacht*. Darmstadt: von Zabern; Wissenschaftliche Buchgesselschaft.
Ersoy, A. 2013. Smyrna/ İzmir kazilari kalip yapimi kaseleri ve kabartmali kaplar. *TÜBA-KED* 11, 31—50.
Fabricius, J. 1999. *Die hellenistischen Totenmahlreliefs. Grabrepräsentation und Wertvorstellung in ostgriechischen Städten.* München: F. Pfeil.
Falk, H. 2014. Libation trays from Gandhara. *Bulletin of the Asia Institute* 24, 89—113.
Farrokh et al. 2016: Farrokh, K., Karamian, G., Delfan, M., Astaraki F. 2016. Preliminary reports of the late Parthian or early Sassanian relief at Panj-e Ali, the Parthian relief at Andika and examinations of late Parthian swords and daggers. *Historia i Świat* 5, 31—55.
Farrokh, K., Karamian, G. 2018. Weapons in the Tombs of Parthian Era Women in Northern Iran. A Preliminary Report. *Fezana Journal* 32.3, 18—21.
Fedorov-Davydov, G.A. 2001. *The Silk Road and the Cities of the Golden Horde.* Berkeley: Zinat Press.
Fenn, N. 2014. The Hellenistic Moldmade Bowl Production at Priene — A Case Study Concerning the Reception of Ephesian Examples. In: *Pottery, Peoples and Places*, 141—155.
Fleischer, R. 1983. *Der Klagefrauensarkofag aus Sidon*. Tübingen: Wasmuth (Istanbuler Forschungen 34).
Fornasier, J. 2001. *Jagddarstellungen des 6.—4. Jhs. v. Chr. Eine ikonographische und ikonologische Analyse* (Eikon 5). Münster.
Francfort, H.P. 1979. *Les palettes du Gandhāra*. Paris: Diff. de Boccard (MDAFA XXIII).
Francfort, H.P. 1984. *Le sanctuaire du temple à niche indentées; les trouvaille*. Paris: Diff. de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum III.2; MDAFA XXVII. 2).
Francfort, H.P. 2011. Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C., *Topoi* 17/1, 277—347.
Francfort, H.P. 2014. Les nomades installés dans la bactriane (IIe s. av. J.-c.—Ier s. ap. J.-C.): Nouvelles découvertes. *CRAI* IV (2013—2014), 1543—1576.
Fröhlich, C. 2005. La représentation du roi cavalier sur les monnaies indo-scythes et indo-parthes: une approche numismatique. *Revue numismatique*, 6e série, 161, 59—78.
Furtwängler, A. 1906. *Aegina das Heiligtum der Aphaia, unter Mitwirkung von Ernst R. Fiechter und Hermann Thiersch*. Munich: Verlag der K.B. Akademie der Wissenschaften.
Gagoshidze, I. 2008. Bone Objects. In: *Iberia and Rome*, 87—115.
Gaibov, V., Košelenko, G.A. 2008. A Horseman charging a Foot-Soldier: A new Subject in Parthian Glyptic Art. *Parthica* 10, 99—107.
Garrison, M.B. 2010. Archers at Persepolis: The Emergence of the Royal Ideology at the Heart of the Empire. *In: Curtis J., Simpson* St.J. (eds.). *The World of Achaemenid Persia*: *History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. Proceedings of a Conference at the British Museum. 29th September — 1st October 2005.* London: I.B. Tauris, 337—359.
Ghirshman, R. 1962. *Iran. Parther und Sasaniden.* München: Beck.
Godard, A. 1962. *L'art de l'Iran.* Paris: Arthaud.
Godard, A. 1965. *The Art of Iran.* New York, Washington: George Allen & Unwin Ltd.
Goldman, B. 1999. Pictorial graffiti of Dura-Europos, *Parthica* 1, 19—106.
Goldman, B., Little, A.M.G. 1980. The Beginning of Sasanian Painting and Dura-Europos. *IrAnt* 15, 283—298.
Grač, N. 1987. Ein neu entdecktes Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch. In: Galanina, L.K., Franke, H. (Hrsg.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporanischen Reichs anläßlich einer Ausstellung der Leningrader Ermitage in München 1984*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften; In Kommission bei der C.H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung, 7—95 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen, Neue Folge 98).
Grenet, F. 2012. The Nomadic Element in the Kushan Empire (1st—3rd Century AD). *Journal of Central Eurasian Studies* 3, 1—22.
Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012. A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339—375.

Guerra et al. 2009: Guerra, M.F., Demortier, G., Vitobello, M.L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., Mirsaidov, I. Analytical Study of the Manufacturing Techniques of Kushan Gold Jewellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *Archeosciences. Revue d'archeometrie* 33, 177—185.

Güterbock, H.G. 1956. The Sphinx Gate of Hüyük, near Alaca. *Anatolian Studies* 6, 54—56.

Güterbock, H.G. 1989. Hittite Kursa "Hunting Bag". In: Leonard, Jr.A., Williams, B.B. (eds.). *Essays in Ancient Civilization Presented to Helene A. Kantor*. Chicago: The Oriental Institute, 113—124 (Studies in Ancient Oriental Civilization 47).

Guillaume, O. 1985. Contribution à l'étude d'un artisanat bactrien pré-hellénistique . In: Asimov, M.S., Iskandarov, B.I., Munchaev, R.M., Masson, V.M., Negmatov, N.N., Ranov, V.A. (eds.). *Actes du colloque franco-sovietique "L'archeologie de la Bactriane ancienne", Dushanbe, (U.R.S.S.), 27 octobre — 3 novembre 1982.* Paris: CNRS, 257—267.

Guillaume, O., Rougeulle, A. 1987. *Fouilles d'Ai Khanoum.* T. VII. *Les petit objets*. Paris: Boccard (MDAFA 31).

Gunter, A., Jett, P. 1992. *Ancient Iranian Metalwork in the Arthur M. Sackler Gallery and the Freer Gallery of Art.* Washington: Arthur M. Sackler Gallery Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution.

Haake, M. 2012. Diadem und *basileus*. Überlegungen zu einer Insignie und einem Titel in hellenistischer Zeit. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 293—313.

Haake, M. 2014. Das Diadem — königliches Symbol in hellenistischer Zeit. In: Ehling, K., Weber, G. (Hrsg.). *Hellenistische Königreiche.* Darmstadt: von Zabern, 24—28.

Haerinck, E. 1983. *La céramique ein Iran pendant la période parthe (ca. 250 av. J.C. à 225 après J.C.): typologie, chronologie et distribution*. Gent: Iranica antiqua (IrAnt Suppl. II).

Haerinck, E., Overlaet, B. 1998. *Chamachzi Mumah: an Iron Age III graveyard*. Leuven: Peeters (Acta Iranica 35).

Hannestad, L. 2013. A Comparative Study of the Cultural Dynamics in Two Cities of the Eastern Seleucid Kingdom: Uruk and Ai Khanoum. In: *Zwischen Ost und West*, 99—113.

Harper, P.O. 2008. Image and Identity: Art of Early Sasanian Dynasty. In: Curtis, V.S., Stewart, S. (eds.). *The Sasanian Era.* Vol. III. *The Idea of Iran.* London: I.B. Tauris in association with The London Middle East Institute at SOAS and The British Museum, 71—87.

Herles, M. 2012. Zur Darstellung der Wildschweinjagd im Alten Orient. In: Baker, H., Kaniuth, K., Otto, A. (Hrsg.). *Stories of Long Ago. Festschrift für Michael D. Roaf*. Münster: Ugarit Verlag, 219—240 (Alter Orient und Altes Testament 397).

Herrmann, G. 1989. Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West. In: De Meyer, L., Haerinck, E. (eds.). *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe.* Vol. II. Gent: Peeters, 757—809.

Herzfeld, E.B. 1928. The Hoard of the Karen Pahlavs. *Burlington Magazine* 53, 21—27.

Himmelmann, N. 1980. *Über Hirten-Genre in der antiken Kunst.* Opladen: Westdeutscher Verlag.

Höckmann, O. 1999. Naval and other graffiti from Nymphaion. *ACSS* 5.4, 303—356.

Höckmann, O. 2010. Zur antiken Schifffahrt im Schwarzen Meer. *Kölner Jahrbuch* 43, 345—369.

Honeychurch, W. 2013. The Nomad as State Builder: Historical Theory and Material Evidence from Mongolia. *Journal of World Prehistory* 26.4, 283—321.

Hull, D.B. 1964. *Hounds and Hunting in Ancient Greece.* Chicago: University of Chicago Press.

Hussein, M.M., Suleiman, A. 2000. *Nimrud. The City of Golden Treasure.* Baghdad: Al-Huriyah Printing House.

Ilyasov, J. 2003. Covered Tail and "Flying" Tassels. *IrAnt* XXXVIII, 259—325.

Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998. A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107—159.

Invernizzi, A. 1989. The investiture of Nemesis-Allat in Hatra. *Mesopotamia* 24, 129—176.

Invernizzi, A. 1999. *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia.* Louvain-la-Neuve: Peeters (Acta Iranica XXXI).

iranicaonline.org: 1: HUNTING IN IRAN i. In the pre-Islamic Period. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/hunting-in-iran (accessed 11.01.2023).

Jäger, U. 2009. Some Remarks on Horses on the Ancient Silk Roads Depicted on Monuments of Art between Gandhara and the Tarim Basin. In: Fragner, B.G., Kauz, R., Ptak, R., Schottenhammer, A. (Hrsg.). *Pferde in Asien. Geschichte, Handel und Kultur.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 75—82 (Veröffentlichungen zur Iranistik, 46).

Jaeggi, O. 1999. *Der Hellenismus auf der Iberischen Halbinsel*. Mainz: von Zabern (Iberia Archaeologica I).

James, S. 2004. *The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: British Museum Press (The Excavations at Dura-Europos, Final Report VII).

Kamenjarin, I. 2014. Hellenistic Moldmade Relief Pottery from Siculi (Resnik). *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 107, 129—160.

Kankeleit, A. 1999. *Représentations de pêcheurs* sur des mosaïques en Grèce. In: Ennaifer, M., Rebourg, A. (eds.). La mosaïque gréco-romaine VII. *Actes du VII Colloque international pour l'étude de la mosaïque antique et médiévale* (Tunis, 3.—8.10.1994). Tunis: Institut National du Patrimoine, 69—79.

Kankeleit, A. 2003. Fisch und Fischer. Mosaikbilder in Griechenland. *Antike Welt* 34.3, 273—278.
Karamian et al. 2018: Karamian, G., Farrokh, K., Kiapi, M.F., Lojandi, H.N. 2018. Graves, Crypts and Parthian Weapons excavated from the Gravesites of Vestemin. *Historia i Świat* 7, 35—70.
Kat. Berlin 2011: Grüßinger, R., Kästner, V., Scholl, A. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung.* Berlin: Imhof.
Kat. Bochum 2004: Stöllner, T. (Hrsg.). 2004. *Persiens Antike Pracht. Bergbau — Handwerk — Archäologie. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum von 28. November 2004 bis 29. Mai 2005.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.
Kat. Bonn 2004: Echt, R. (Hrsg.). 2004. *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus.* Mainz: von Zabern.
Kat. Bonn 2006: *Xi'an. Kaiserliche Macht im Jenseits. Grabfunde und Tempelschätze aus Chinas alter Hauptstadt*. 2006. Mainz: von Zabern.
Kat. Bonn 2008: *Gandhara. Das buddhistische Erbe Pakistans. Legenden, Klöster und Paradiese.* 2008. Bonn; Mainz: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland; Philipp von Zabern.
Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul.* 2010. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.
Kat. Bonn 2013: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). 2013. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: Landesmuseum Bonn.
Kat. Frankfurt 2003: Wamers, E., Stutzinger, D. (Hrsg.). 2003. *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don.* Frankfurt: Archäologisches Museum.
Kat. Leoben 2009: Seipel, W. (Hrsg.). 2009. *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs.* Wien: Kunsthistorisches Museum.
Kat. Mannheim 2007: Wieczorek, A., Lind, C. (Hrsg.). 2007. *Ursprünge der Seidenstraße.* Mannheim; Stuttgart: Theiss; Reiss-Engelhorn-Museen.
Kat. Mannheim 2009: Hansen, S., Wieczorek, A., Tellenbach, M. (Hrsg.). 2009. *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt.* Regensburg: Reiss-Engelhorn-Museen; Schnell & Steiner.
Kat. Wien 1996: Seipel, W. (Hrsg.). 1996. *Weihrauch und Seide: alte Kulturen an der Seidenstrasse. Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996.* Wien, Milano: Kunsthistorisches Museum; Skira.
Kat. Wien 1999: Seipel, W. (Hrsg.). 1999. *Schätze des Orients. Meisterwerke aus dem Miho Museum*. Wien; Milano: Kunsthistorisches Museum; Skira.
Kat. Zürich 1989: Rickenbach, J. (Hrsg.). 1989. *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan.* Museum Rietberg Zürich. Zürich: Museum Rietberg.
Khachatrian, J.D. 1989. Silver bowls and Basins of Armenia in the Late Hellenistic Period. *IrAnt* XXIV, 297—310.
Khachatryan, Z. 2011. The Tomb of Sisian (Second Half of the 1st Century B.C.). *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 13, 9—86.
Khrapunov, I. 2013. Die Nekropole von Neisatz. In: Kat. Bonn 2013, 340—351.
Kidd, F. 2011. Complex Connections: Figurative Art from Akchakhan-Kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia. *Topoi* 17.1, 229—276.
Kidd, F., Betts, A.V.G. 2010. Entre le fleuve et la steppe: Nouvelles perspectives sur le Khorezm ancient. *CRAI* II, 637—686.
Knauß, F. 2008. The Skylla Relief. In: *Iberia and Rome*, 117—121.
Kokkini, Ph. 2012. *Η απεικόνιση του καθημερινού βίου στα ψηφιδωτά δάπεδα του ελλαδικού χώρου κατά τη ρωμαϊκή αυτοκρατορική περίοδο — La représentation de la vie quotidienne sur les mosaïques grecques de l'époque imperial*. Αθήνα: Εθνικού και Καποδιστριακού Πανεπιστημίου Αθηνών.
Kokkini, Ph. 2016. Scènes de pêche sur les mosaïques de la péninsule balkanique: tradition romaine et iconographie paléochrétienne. In: Topalilov, I., Georgiev, B. (eds.). *Transition from Late Paganism to Early Christianity in the Architecture and Art in the Balkans.* Shumen: Shumen University Press, 89—124 (Studia *academica Šumenensia* 3).
Koryakova, L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz, J., Farkas, A., Valtz Fino, E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.
Koryakova, L., Epimakhov, A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages.* Cambridge: Cambridge University Press.
Kradin, N.N. 2019. Social Complexity, Inner Asia, and Pastoral Nomadism. *Social Evolution & History* 18.2, 3—34.
Künzl, E. 2002. Der römische Schuppenpanzer (lorica squamata): Importwaffe und Prunkgrabelemen. In: Peška J., Tejral J. (Hrsg.). *Germanische Königsgrab von Mušov in Mähren.* Teil 1. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 127—140 (Monographien, Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz 55).
Künzl, S. 2002. *Ein Komplex von Formschüsseln für megarische Becher. Die "Mainzer Werkstatt".* Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz, Kataloge Vor-und Frühgeschichtlicher Altertümer 32).

Künzl, S. 2004. Eine kleinasiatische Werkstattgruppe von Formschüsseln zur Herstellung von Megarischen Bechern. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 737—738.
Küthmann, H. 1958. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. *JbRGZM* 5, 94—127.
Langner, M. 2001. *Antike Graffitizeichnungen. Motive, Gestaltung und Bedeutung*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.
Langridge-Noti, E. 2004. Hellenistic Pottery from Two Southern Euboian Excavations. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 487—494.
Lau, N. 2014. *Die Pferdegeschirre. Germanische Zaumzeuge und Sattelgeschirre als Zeugnisse kriegerischer Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum*. Schleswig: Verein zur Förderung des Archäologischen Landesmuseums e.V. (Das Thorsberger Moor 1).
Laumonier, A. 1977. *La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers "ioniens"*. Paris: De Boccard (Exploration archéologique de Délos XXXI).
Lightfoot, C.S., Picón, C.A. 2015. A Fragment of a Mold-Pressed Glass Bowl in The Metropolitan Museum of Art. *Journal of Glass Studies* 57, 21—28.
Lindström, G. 2016. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivpraxis. In: Hansen, S., Neumann, D., Vachta, T. (Hrsg.). *Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften*. Berlin: Edition Topoi, 281—310 (Berlin Studies of the Ancient World 38).
Lindström, G. 2021. The Portrait of a Hellenistic Ruler and Other Bronze Sculptures from Kal-e Chendar/Shami. Results of the 2015 and 2016 studies in the National Museum of Iran. *Journal of Iran National Museum* 2.1, Serial no. 2, 177—196.
Little, A.M.G. 1933. IV. Pictures. I. The Sasanian Fresco. In: Baur, P.V.C., Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Fourth Season of Work, October 1930—March 1931*. New Haven; Conn.: Yale Univ. Press, 182—199.
Litvinskij, B.A. 1984. *Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir und Aral-See*. München: C.H. Beck (Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie 22).
Litvinsky, B.A. 2001. The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus. *SRAA* 7, 137—166.
Litvinskij, B.A., Pičikian, I.R. 1995. River-Deities of Greece Salute the God of the River Oxus-Vakhsh Achelous and the Hippocampes. In: *In the Land of the Gryphons*, 129—149.
Livshits, V.A. 2003. Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9.1—2, 147—172.
Loboda et al. 2002: Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002. Prunkbestattungen des 1.Jh. n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295—346.
Lo Muzio, C. 2011. Gandharan Toilet-trays: some reflections on chronology. *ACSS* 17, 331—340.
Lukonin, V.G. 1967. *Persia II* (Archaeologia Mundi). Cleveland; New York: The World Pub. Co.
Lund Hansen, U. 1987. *Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab (NordiskeFortidsminder, B/10).
Maenchen-Helfen, O. 1957. Crenelated Mane and Scabbard Slide. *Central Asiatic Journal* III. 2, 85—138.
Mairs, R. 2014. Models, Moulds and Mass Production: The Mechanics of Stylistic Influence from the Mediterranean to Bactria. *Ancient West & East* 13, 175—195.
Marazov, I. 2011. *Thrace and the Ancient World: Vassil Bojkov Collection.* Sofia: The Thrace Foundation.
Marshak, B.I. 2002. Pre-Islamic Painting of the Iranian Peoples, and its Sources in the Sculpture and the Decorative Arts. In: Sims, E., Marshak, B.I., Gruber, E.J. *Peerless Images. Persian Painting and its Sources.* New Haven, London: Yale University Press, 7—19.
Marshall, J. 1951. *Taxila.* Cambridge: Cambridge University Press.
Martin, R.S. 2017a. *The Art of Contact: Comparative Approaches to Greek and Phoenician Art.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
Martin, R.S. 2017b. Craft Identity: Mosaics in the Hellenistic East. In: Seaman, K., Schultz, P. (eds.). *Artists and Artistic Production in Ancient Greece.* Cambridge: Cambridge University Press, 55—80.
Masséglia, J. 2015. *Body Language in Hellenistic Art and Society.* Oxford: Oxford University Press.
Masson, M.E., Pugachenkova, G.A. 1982. *The Parthian Rhytons of Nisa.* Firenze: Le Lettere.
Mathiesen, H.E. 1992. *Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology*. Aarhus: Aarhus University Press.
Mellink, M.J. 1970. Observations on the Sculptures of Alaca Hüyük. *Anadolu* 14, 15—27.
Mellink, M.J. 1998. *Kızılbel: An Archaic Painted Tomb Chamber in Northern Lycia.* Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology an Anthropology.
Meyers, P. 2015. Technical Examination of Silver Objects in this Catalogue. In: Carter 2015, 377—382.
Minardi, M. 2016. The Hellenistic Chorasmian Ketos of Akchkhan-Kala. *IrAnt* 51, 165—200.
Mitsopoulou-Leon, V. 1991. *Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. Kleinfunde 1: Keramik hellenistischer und römischer Zeit*. Wien: Schindler (Forschungen in Ephesos IX.2/2.1).
Mode, M. 2013. Die Skulturenfriese von Chalčajan. Neue Rekostruktionsversuche zur Kunst der frühen Kuschan in Baktrien. In: *Zwischen Ost und West*, 205—220.

Moorey, P.R S. 1988. The Technique of Gold-figure Decoration on Achaemenid Silver Vessels and its Antecedents. *IrAnt* XXIII, 231—246.
Mordvinceva, V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden: Marie Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).
Mordvinceva, V.I., Redina, E.F. 2013. Der Depotfund von Veselaja Dolina. In: Kat. Bonn 2013, 394—401.
Mordvintseva et al. 2012: Mordvintseva, V.I., Shevchenko, N.F., Zaïtsev, Yu. P. 2012. Princely Burial of the Hellenistic Period in the Mezmay Burial-Ground. *ACSS* 18.2, 279—337.
Murray, W.M. 2001. A Trireme Named Isis: The Sgraffito from Nymphaion. *International Journal of Nautical Archaeology* 30.2, 250—256.
Muscarella, O.W. 2000. *The Lie became Great. The Forgery of Ancient Near Eastern Cultures*. Groningen: Styx Publications.
Nasioula, M. 2022. Ἀμφιδάμαντα δὲ Τηλέμαχος. The Killing of the Suitors on Grammatika Vases. In: Rembart, L., Waldner, A. (eds.). *Manufacturers and Markets. The Contributions of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small. Proceedings of the 4th Conference of IARPotHP, Athens, November 2019, 11th—14th.* Wien: Phoibos, 559—568 (International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period e. V. 4).
Nehru, L. 2009. Die Skulpturen von Khalchajan. In: Kat. Mannheim 2009, 193—199.
Nuber, H.-U. 1972. Kanne und Griffschale. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 53, 1—232.
Oates, J., Oates, D. 2001. *Nimrud. An Assyrian Imperial City Revealed*. London: British School of Archaeology in Iraq.
Olbrycht, M. 1998. Die Kultur der Steppengebiete und die Beziehungen zwischen Nomaden und der Sesshaften Bevölkerung (der Arsakidische Iran und die Nomadenvölker). In: *Das Partherreich*, 11—43.
Olbrycht, M. 2003. Parthia and Nomads of Central Asia. Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsacid Iran. *Orientwissenschaftliche Hefte* 12, 69—109.
Olbrycht, M. 2013. Die Geschichte der Seidenstraße in antiker Zeit. In: Kat. Bonn 2013, 67—87.
Olbrycht, M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann, J., Schmauder, M. (Hrsg.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 333—390 (BCAA 7).
Pappalardo, E. 2010. *Nisa partica. I rhyta ellenistici*. Firenze: Le Lettere (Monografie di Mesopotamia 12).
Petrova, A. 2014. A Pontic Group of Hellenistic Moldmade Bowls. In: *Pottery, Peoples, and Places*, 215—231.
Petrovszky, R., Stupperich, R. 2002. *Die "Trau-Kasserollen". Einige Bemerkungen zu den reliefverzierten Kasserollen E 151*. Möhnesee: Bibliopolis (Mentor. Studien zu Metallarbeiten und Toreutik der Antike 1).
Pfrommer, M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.
Pharmakowsky, B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 205—292.
Pilipko, V.N. 2000. On the Wall-Paintings from the Tower-Building of Old Nisa. *Parthica* 2, 69—86.
Południkiewicz, A. 2011. "Megarian" Bowls from Tell Atrib. In: Meyza, H., Zych, I. (eds.). Classica Orientalia. Essays Presented to Wiktor Andrzej Daszewski on his 75th Birthday, Warsaw: PCMA UW, Wydawnictwo DiG, 425—445.
Porada, E. 1967. Battlements in the Military Architecture and in the Symbolism of the Ancient Near East. In: Fraser, D., Hibbard H., Lewine, M.J. (eds.). *Essays Presented to Rudolf Wittkower on his Sixty-fifth Birthday.* Vol. 1. London: Phaidon, 1—12.
Pougatchenkova, G. 1978. *Les trésors de Dalverzine-Tépé.* Leningrad: Aurore.
Puppo, P. 2004. Attestazioni di ceramica megarese nell'alto Adriatico. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 593—604.
Puzdrovskij, A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In Kat. Bonn 2013, 290—323.
Raddatz, K. 1969. *Die Schatzfunde der iberischen Halbinsel vom Ende des dritten bis zur Mitte des ersten Jahrhunderts von Chr. Geb.* Berlin: De Gruyter (Madrider Forschungen 5).
Raeder, J. 1983. *Priene. Funde aus einer griechischen Stadt*. Berlin: Mann (Bilderhefte der Staatlichen Museen Preußischer Kulturbesitz 45/46).
Raev et al. 1991: Raev, B.A., Simonenko, A.V., Treister, M.Ju. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. *JbRGZM* 38, 465—496.
Rahbar et al. 2014: Rahbar, M., Alibaigi, S., Haerinck, E., Overlaet, B. 2014. In Search of the Laodike Temple at Laodikeia in Media / Nahavand, Iran. *IrAnt* XLIX, 301—329.
Rogl, C. 2014. Moldmade Relief Bowls from Ephesos — The Current State of Research. In: *Pottery, Peoples and Places*, 113—139.
Root, M.C. 1989. The Persian Archer at Persepolis: Aspects of Chronology, Style and Symbolism. *Revue des Études Anciennes* 91.1—2, 33—50.
Rose, C.B. 2007. The Tombs of the Granicus River Valley. In: Delemen, I. (ed.). *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth — Fourth Centuries B.C.). Papers presented at the International Workshop, Istanbul 20—21 May 2005.* Istanbul: Turkish Institute of Archaeology, 247—264.
Rosen Stone, E. 2008. Die Adaption westlicher Motive in der Kunst von Gandhara. In: Kat. Bonn 2008, 80—85.

Rotroff, S.I. 1982a. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XXII).
Rotroff, S.I. 1982b. Silver, Glass, and Clay. Evidence for the Dating of Hellenistic Luxury Tableware. *Hesperia* 51, 329—337.
Rotroff, S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XXIX).
Rotroff, S.I. 2013. A New Moldmade Bowl from Athens. *Studies in Ancient Art and Civilisation* 17, 151—162. DOI: https://doi.org/10.12797/SAAC.17.2013.17.14.
Rotroff, S.I., Oliver, A.Jr. 2003. *The Hellenistic Pottery from Sardis: The Finds through 1994*. Cambridge, Mass.; London: Archaeological Exploration of Sardis; Distributed by Harvard University Press (Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 12).
Rtveladze, E.V. 2011. Parthians in the Oxus Valley. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 2, 149—178.
Rudenko, S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I*. Moskau; Leningrad: Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (Sammlung archäologischen Quellen D3-9).
Rudenko, S.I. 1969. *Die Kultur des Hsiungnu tend die Hügelgräber von Noin Ula* (Antiquitas, Reihe 3 (Serie in 4to): Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums, Bd. 7.) Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH.
Russel, J.R. 1987. *Zoroastrianism in Armenia*. Cambridge, Mass.: Harvard University (Harvard Iranian Studies 9).
Sachs, G. 2012. *Die Jagd im antiken Griechenland.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač.
Salomonson, J. W. 1979. Kleinasiatische Tonschalen mit Reliefverzierung. Bemerkungen zu einem Fragment der 'Oinophorengattung' in der Universitätssammlung in Utrecht. *BABesch* 54, 117—130.
Salzmann, D. 2011. Hellenistische und frühkaiserzeitliche Mosaiken und Pavimente in Pergamon. In: Kat. Berlin 2011, 101—107.
Salzmann, D. 2012. Anmerkungen zur Typologie des hellenistischen Königsdiadems und zu anderen herrscherlichen Kopfbinden. In: *Das Diadem der hellenistischen Herrscher*, 337—383.
Sarianidi, V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora-Kunstverlag.
Schmid, S.G. 2004. Some Reflections on Recently Found Mouldmade and Relief Decorated Pottery from Eretria. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 495—504.
Schmidt et al. 1989: Schmidt, E.F., van Loon, M., Curvers, H.H. 1989. *The Holmes Expeditions to Luristan*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (The University of Chicago Oriental Institute Publications 108).
Schwarzmaier, A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Berlin: Mann (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung Beiheft 18).
Sevinç, N., Rose, C.B. 2001. A New Painted Graeco-Persian Sarcophagus from Çan. *Studia Troica* 11, 383—420.
Seyer, M. 2007. *Der Herrscher als Jäger. Untersuchungen zur königlichen Jagd im persischen und makedonischen Reich vom 6. —4. Jahrhundert v.Chr. sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen.* Wien: Phoibos (Wiener Forschungen zur Archäologie).
Sezer, S.S. 2007. Başlangıcından Roma Dönemine Kadar Mozaikler Üzerinde Görülen Meander Motifleri. In: Can, B., Işıklı, M. (eds.). *Atatürk Üniversitesi 50. Kuruluş Yıldönümü Arkeoloji Bölümü armağanı: Doğudan Yükselen Işık Arkeoloji Yazıları.* Istanbul: Zero Production, 551—566.
Shu Takahama 高濱, 秀 2012. 匈奴・サルマタイ時代のユーラシア草原西部の帯飾板について. [On the Belt Plaques of the Western Eurasian Steppes in the Xiongnu]. 金沢大学考古学紀要 = *Archaeology Bulletin, Kanazawa University* 33, 23—34.
Sideris, A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection.* Vol. 1. Sofia: The Thrace Foundation.
Siebert, G. 1978. *Recherches sur les ateliers de bols à reliefs du Péloponnèse à l'époque hellénistique*. Athènes; Paris: Ecole française d'Athènes; de Boccard (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome 233).
Simonenko, A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko, A., *Marčenko,* I.I.*, Limberis,* N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien 25).
Sîrbu, V., Ştefan, M. 2010. Images of Gendered Identities. North-Thracian Case 5th — 3rd Century BC. *Istros* XVI, 235—265.
Skupniewicz, P. 2016. The Himyarite "knight" and Partho-Sasanian Art. *Historia i Świat* 5, 57—75.
Skupniewicz, P., Lichota, M. 2017. Diadem on the Head from Khalchayan Battle Scene and Possible Reconstruction of the Composition. In: Maksymiuk, K., Karamian, G. (eds.). *Crowns, Hats, Turbans and Helmets.The Headgear in Iranian History. I: Pre-Islamic Period.* Siedlce, Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, 69—95.
Sørensen, L.W. 2015. Here There be Monsters: Hybrids Painted on Cypriot Iron Age Pottery. In: Fejfer, J., Moltesen, M., Rathje, A. (eds.). *Tradition Transmission of Culture in the Ancient World.* Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 427—450 (Acta Hyperborea 14).

Spânu, D. 2002. Studien zum Silberschatzfund des 1. Jahrhunderts v. Chr. von Lupu, Rumänien. *Praehistorische Zeitschrift* 77/1, 84—136.
Stafford, E. 2012. *Herakles.* London, New York: Routledge.
Stefanelli, L.P.B. 1991. *L'argento dei Romani*. Roma: L'Erma di Bretschneider.
Stone, S.C. 2015. *The Hellenistic and Roman Fine Pottery* (Morgantina Studies VI). Princetion: Princeton University Press.
Strong, D.E. 1966. *Greek and Roman Gold and Silver Plate.* London: Methuen.
Summerer, L. 2007. Picturing Persian Victory: The Painted Battle Scene on the Munich Wood. *ACSS* 13.1—2, 3—30.
Summerer, L. 2010. Wall Painting. In: Summerrer, L. (ed.). *Tatarli — renklerin dönüşü = Tatarli — The Return of Colours = Tatarli — Rückkehr der Farben*. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 120—185.
Summerer, L., Lukpanova, Ya. 2020. The wooden comb of the 'golden lady': a new battle image from the Taksai-1 kurgan (western Kazakhstan). In: Pankova, S., Simpson, St.J. (eds.). *Masters of the steppe. The Impact of the Scythians and later Nomad Societies of Eurasia*. Oxford: Archaeopress, 588—604.
Tanabe, K. 1983. Iconography of the Royal-hunt Bas-Reliefs at Taq-i Bustan. *Orient* 19, 103—116.
Tanabe, K. 2002. Greek, Roman and Parthian Influences on the Pre-Kushana Gandharan "Toilet-Trays" and Forerunners of Buddhist Paradise (Pâramitâ). *SRAA* 8, 73—100.
Tavukçu, A.Y., Tavukçu, Z.A. 2012. Parion bronz amphorasi. *Güzel Sanatlar Enstitüsü Dergisi* 28, 55—73.
Thompson, H., Thompson, D. 1987. *Two Century of Hellenistic Pottery and Terracottas.* Princeton: American School of Classical Studies at Athens.
Tolstikov, V., Zhuravlev, D. 2004. Hellenistic Pottery from two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 269—276.
Tonkova, E., Dimitrova, V. 2021. Hellenistic Net-Pattern Vessels from the Territory of Bulgaria. *Bulgarian e-Journal of Archaeology Supplements* VIII, 77—88.
Treister, M. 1997. New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI. *ACSS* 4, 35—100.
Treister, M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae). In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden: E.J. Brill, 567—605.
Treister, M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).
Treister, M. 2003. Further Thoughts about Parthian and Related Belt and Belt Plaques. *IrAnt* 38, 247—257.
Treister, M.Y. 2004a. Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic — Early Imperial Periods. *Acta Archaeologica* 75.2, 189—219.
Treister, M. 2004b. Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production of the North Pontic Area in the 1st Century AD. *IrAnt* 39, 297—321.
Treister, M. 2004c. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia. In: Tuplin, C. (ed.). *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* Leiden, Boston, Köln: E.J. Brill, 131—193 (Colloquia Pontica 9).
Treister, M. 2004d. Silver Vessels from the Khokhlach barrow. In: Muşeţeanu, C. (ed.). *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity: The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26—31 May, 2003*. Bucharest: Editura Cetatea de Scaun, 451—467.
Treister, M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the "Ampsalakos School". *ACSS* 11.3—4, 199—255.
Treister, M. 2012. Silver phalerae with a depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian burial in Volodarka (Western Kazakhkstan). A reappraisal of the question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic toreutics. *ACSS* 18.1, 51—109.
Treister, M. 2013a. Gepaypyris II? Once More about a Silver Plate from Neapolis Skythike. *ACSS* 19.1, 33—83.
Treister, M. 2013b. Edelmetallgefäße des achämenidischen Kreises aus dem südlichen Uralvorland. In: *Einflüsse der achämenidischen Kultur.* Bd. 1, 69—108.
Treister, M. 2020. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd—1st Centuries BC). *ACSS* 26.2, 379—390.
Treister, M. 2022. The Pectoral from Kosika and the Origin of the Scenes of Animal Combat in the Greco-Scythian goldwork. *ACSS* 28.1, 110—147.
Treister, M., Chugaev, A. 2022. Sources of metal of silver objects from burials of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd century BCE — 3rd century CE after the results of archaeological and Pb-Pb isotopic studies. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 85—139. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.21.32.004.
Treister, M., Šemachanskaja, M.S. 2013. A9. Grabkomplex mit Objekten des achämenidischen Kreises der Nekropole Novyj Kumak. In: *Einflüsse der achämenidischen Kultur.* Bd. 2, 51—53.

Treister, M.Yu., Yatsenko, S.A. 1998. About the Centres of manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in 'Gold-Turquoise Animal Style' of the 1st—2nd Centuries AD. *SRAA* 5, 51—106.

Vassileva, M. 2010. Achaemenid Interfaces: Thracian and Anatolian Representations of Elite Status. In: *Roma 2008 — International Congress of Classical Archaeology. Meetings between Cultures in the Ancient Mediterranean. Bollettino di Archeologia on line*. Available at: http://www.academia.edu/1304243/Achaemenid_Interfaces (accessed 11.01.2023).

Vassileva, M. 2015. Persia. In: Valeva, J., Nankov, E., Graninger, D. (eds.). *A Companion to Ancient Thrace.* Chichester: Wiley-Blackwell, 320—336.

Venco Ricciardi, R. 1996. Wall Paintings from Building A at Hatra. *IrAnt* XXXI, 147—165.

Venco Ricciardi, R. 2005. Immagini graffite dall'edificio A di Hatra. *Parthica* 6, 203—225.

Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien; München: Schroll.

Viennot, O. 1954. Typologie de makara et essai de chronologie. *Arts asiatiques* 1, 189—208.

Vinogradov, Yu.G. 1999. Der Staatsbesuch der 'Isis' im Bosporus. *ACSS* 5.4, 271—302.

Vogelsang-Eastwood, G. 2000. The Clothing of the "Shami Prince". *Persica* XVI, 31—47.

von Carnap-Bornheim, C. 2003. Zu 'magischen' Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfunden. In: von Carnap-Bornheim, C. (Hrsg.). *Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus* [Kolloquium Marburg 1998]. Neumunster: Wachholtz, 371—382.

von Gall, H. 1969/70. Beobachtungen zum arsakadischen Diadem und zur parthischen Bildkunst. *Istanbuler Mitteilungen* 19, 299—318.

von Gall, H. 1990. *Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit*. Berlin: Gebr. Mann (Teheraner Forschungen VI).

von Gall, H. 1997. Die Reiterkampszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrußland. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 29, 243—269.

Wagner et al. 2009: Wagner, M., Bo, W., Tarasov, P., Westh-Hansen, S., Völling, E., Heller, J. 2009. The ornamental trousers from Sampula (Xinjiang, China): Their origins and biography. *Antiquity* 83 (322), 1065—1075.

Waurick, G. 1979. Die Schutzwaffen im numidischen Grab von Es Soumâa. In: Horn, H.G., Rüger, Ch.B. (Hrsg.). *Die Numider. Reiter und Könige nördlich der Sahara.* Köln, Bonn: Rheinland Verlag; Habelt, 305—332.

Webb, P.A. 1996. *Hellenistic Architectural Sculpture: Figural Motifs in Western Anatolia and the Aegean Islands*. Wisconsin: University of Wisconsin Press.

Werner, J. 1954. Die Bronzekanne von Kelheim. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 20, 43—73.

Werner, M.W. 1988. *Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau*. München: C.H. Beck (Prähistorische Bronzefunde XVI.4).

Wiegand, Th., Schrader, H. 1904. *Priene: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895—1898.* Berlin: G. Reimer.

Wijnhoven, M.A. 2009. Lorica Hamata Squamataque: A Study of Roman Hybrid Feathered Armour. *The Mail Research Society*. Vol. 2. No. 1, 3—65.

Winkelmann, S. 2003. Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlicher Bildquellen. In: *Mitteilungen des SFB 586 «Differenz und Integration»* 4,1, 21—140.

Winkelmann, S. 2006. Waffen und Waffenträger auf parthischen Münzen. *Parthica* 8, 131—152.

Winkelmann, S. 2013. The weapons of Hatra as reflection of interregional contacts. In: Dirven, L. (ed.). *Hatra. Politics, Culture and Religion between Parthia and Rome.* Proceedings of the conference held at the University of Amsterdam. 18—20 December 2009. Stuttgart: F. Steiner, 235—249 (Oriens et Occidens 21).

Wuilleumier, P. 1930. *Trésor de Tarente.* Paris: Librairie Ernest Leroux.

Xiuqin Zhou 2009. *The Mausoleum of Emperor Tang Taizong*. Philadelphia: University of Pennsylvania (Sino-Platonic Papers 187).

Yablonsky, L.T., Rukavishnikova, I.V., Shemakhanskaya, M.S. 2011. L'épée dorée de Filippovka. *Archeologia (Paris)* 494, 50—57.

Yagodin et al. 2009: Yagodin, V.N., Betts, A.V.G., Kidd, F., Baker Brite, E., Khozhaniyazov, G., Amirov, S., Yagodin, V.V., Fray, G. Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the "Portrait" Gallery. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 4, 7—41.

Yatsenko, S.A. 2012. Yuezhi on Bactrian Embroidery from Textiles Found at Noyon uul, Mongolia. *The Silk Road* 10, 39—48.

Zafeiropoulou, F.N. 2004. Άκραι Τριχωνίτιδας, πρώιμη ελληνιστική ταφή. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 683—686.

Zahn, R. 1921. *Die Sammlung der Galerie Bachstitz*. Berlin: A. Frisch.

Zaytsev, Yu.P. 2004. The Ceramic Complex of Neapolis Scythian (Crimea, Northern Black Sea). In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 751—758.

Ziomecki, J. 1975. *Les représentations d'artisans sur les vases attiques*. Wroclaw: Polska Akademia Nauk.

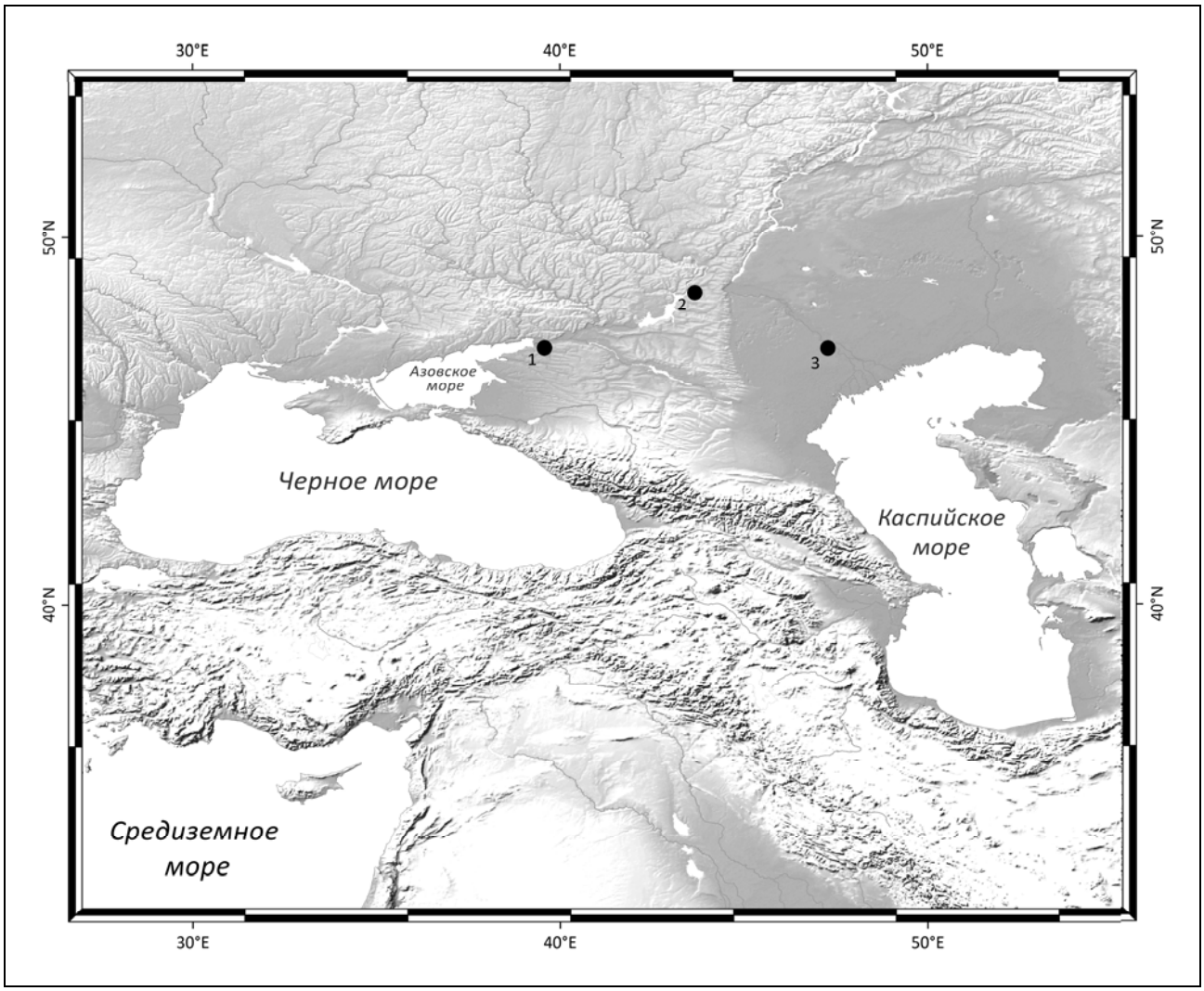


Рис. 1. Места находок серебряных сосудов с гравированными изображениями и позолотой в пределах контуров изображений. 1 — Высочино-VII; 2 — Вербовский-II; 3 — Косика. Карта: М.Ю. Трейстер, 2023.

Fig. 1. The distribution map of the silver vessels with engraved images gilded in frames of their outlines. 1 — Vysochino-VII; 2 — Verbovskiy-II; 3 — Kosika. Map: M.Yu. Treister, 2023.

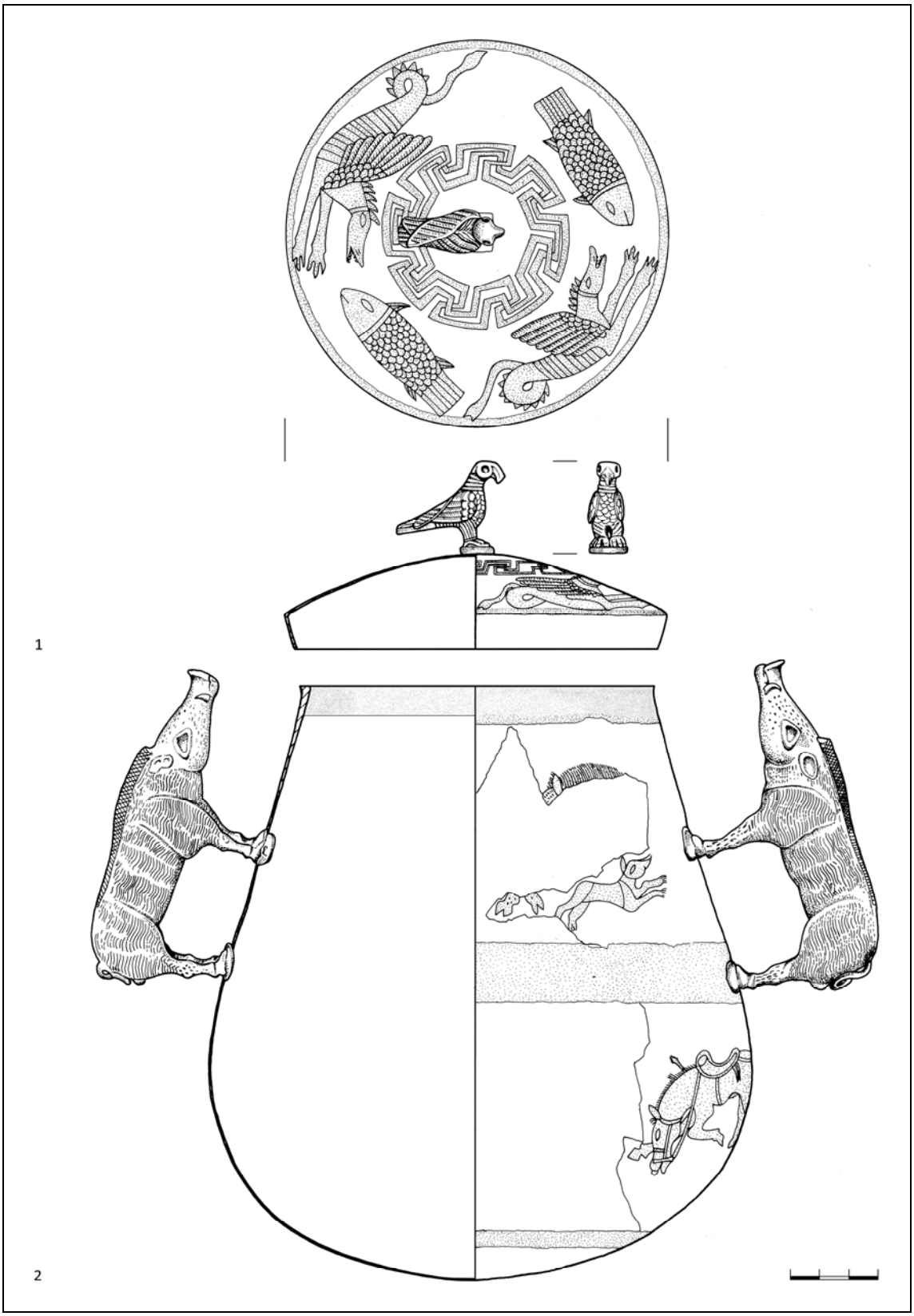


Рис. 2. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой кубок с крышкой. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35560 (кубок); 35581/б (крышка). Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 2. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt goblet with a lid. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35560 (goblet); 35581/b (lid). Drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

Рис. 3. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой кубок. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35560. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 3. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt goblet. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35560. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 4. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой кубок. Ручки. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35560. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 4. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt goblet. Handles. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35560. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 5. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой кубок. Фигурные фризы. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35560. Рисунки В.К. Гугуева, 1991.

Fig. 5. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt goblet. Figural friezes. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35560. Drawings by V.K. Guguev, 1991.

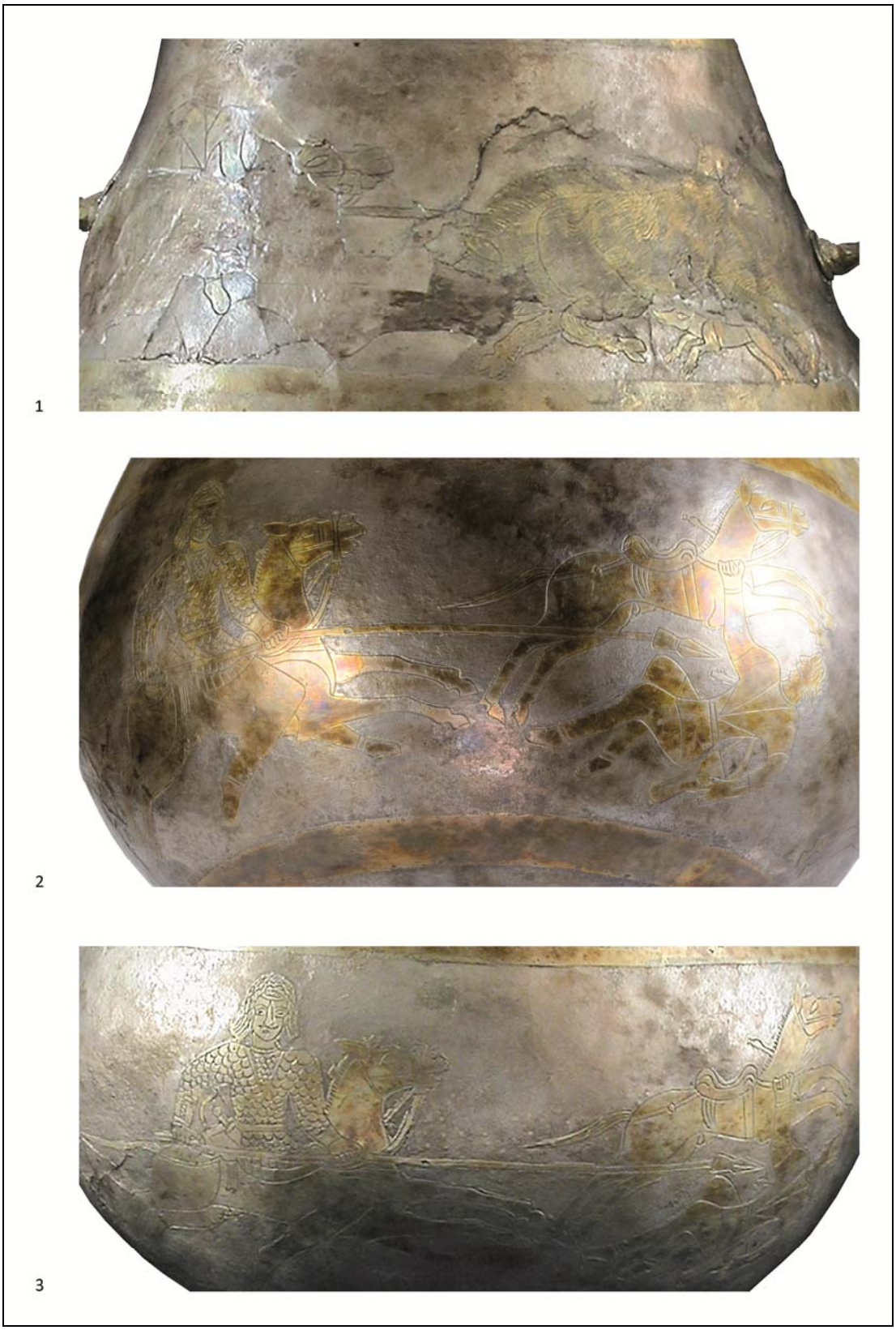


Рис. 6. Косика. Погребение № 1/1984. Кубок. Фигурные фризы. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35560. 1—2 — фото М.Ю. Трейстера, 2015; 3 — фото Музея.

Fig. 6. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt goblet. Figural friezes. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35560. 1—2 — photos by M.Yu. Treister, 2015; 3 — photo, Museum.

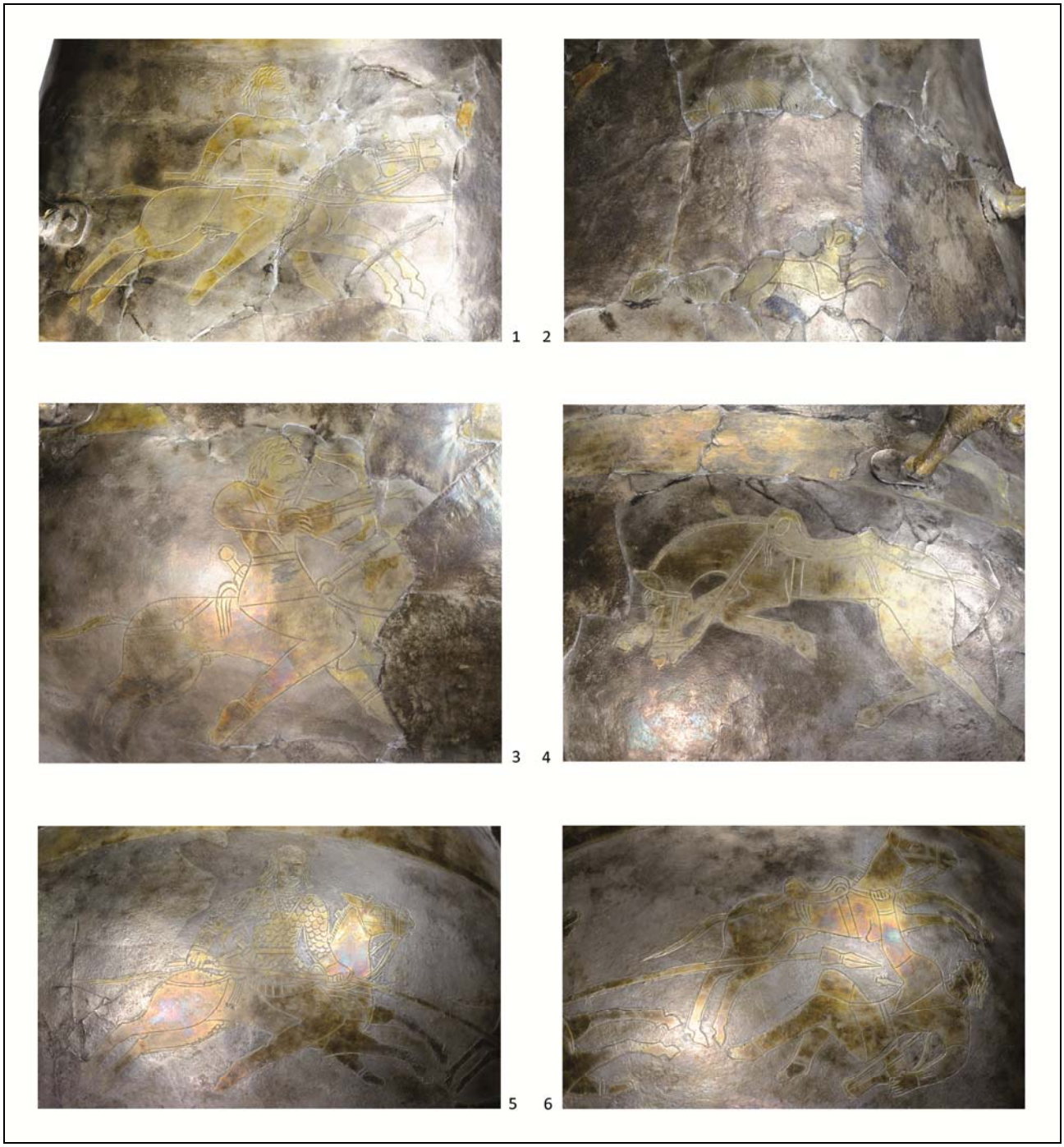


Рис. 7. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой кубок. Фигурные фризы. Детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35560. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 7. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt goblet. Figural friezes. Details. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35560. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

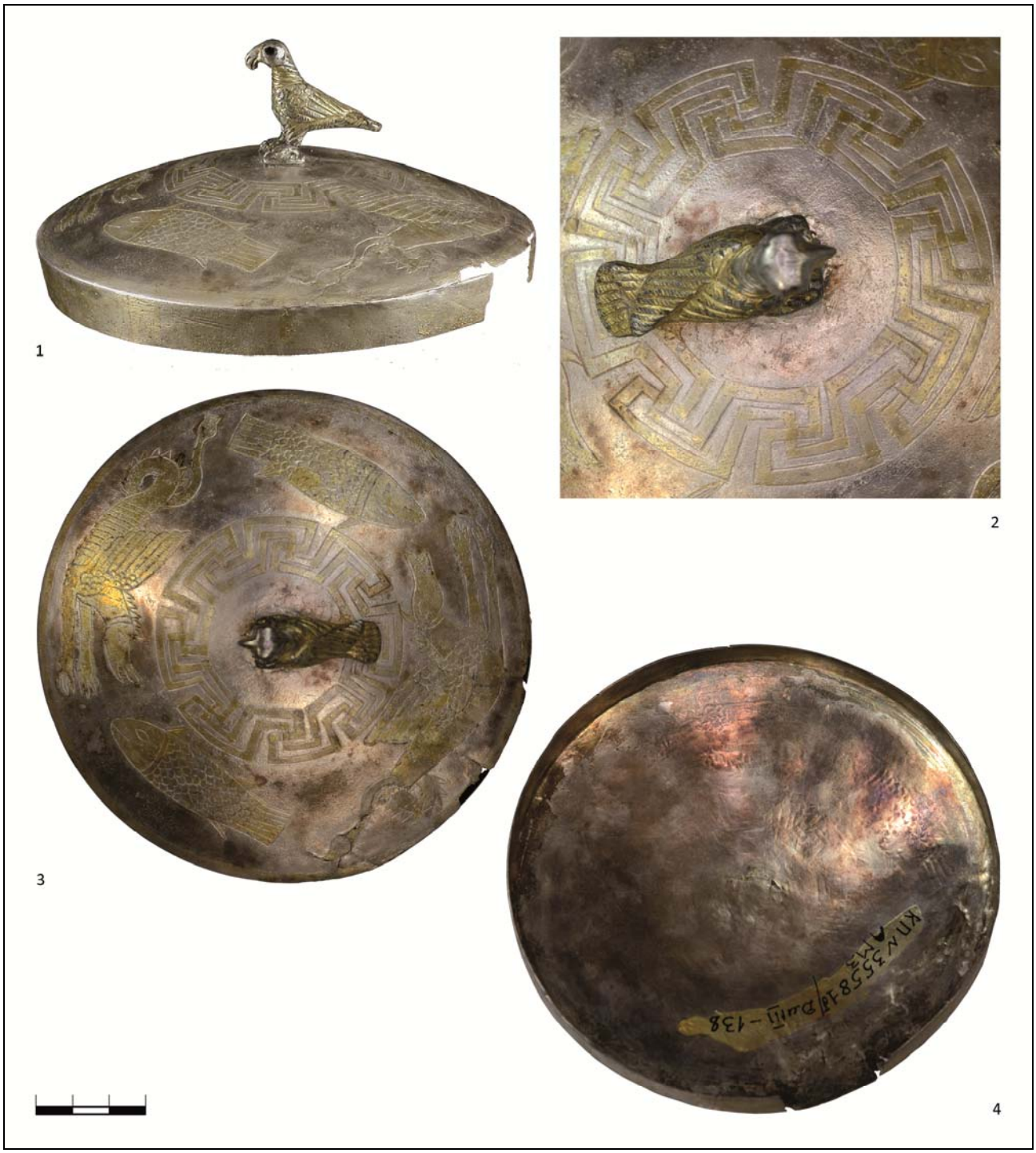


Рис. 8. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой крышка кубка. Общие виды и деталь. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35581/b. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 8. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt lid of the goblet. General views and detail. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35581/b. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 9. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой крышка кубка. Фигурка хищной птицы. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35581/б. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 9. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt lid of the goblet. Figure of a bird of prey. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35581/b. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

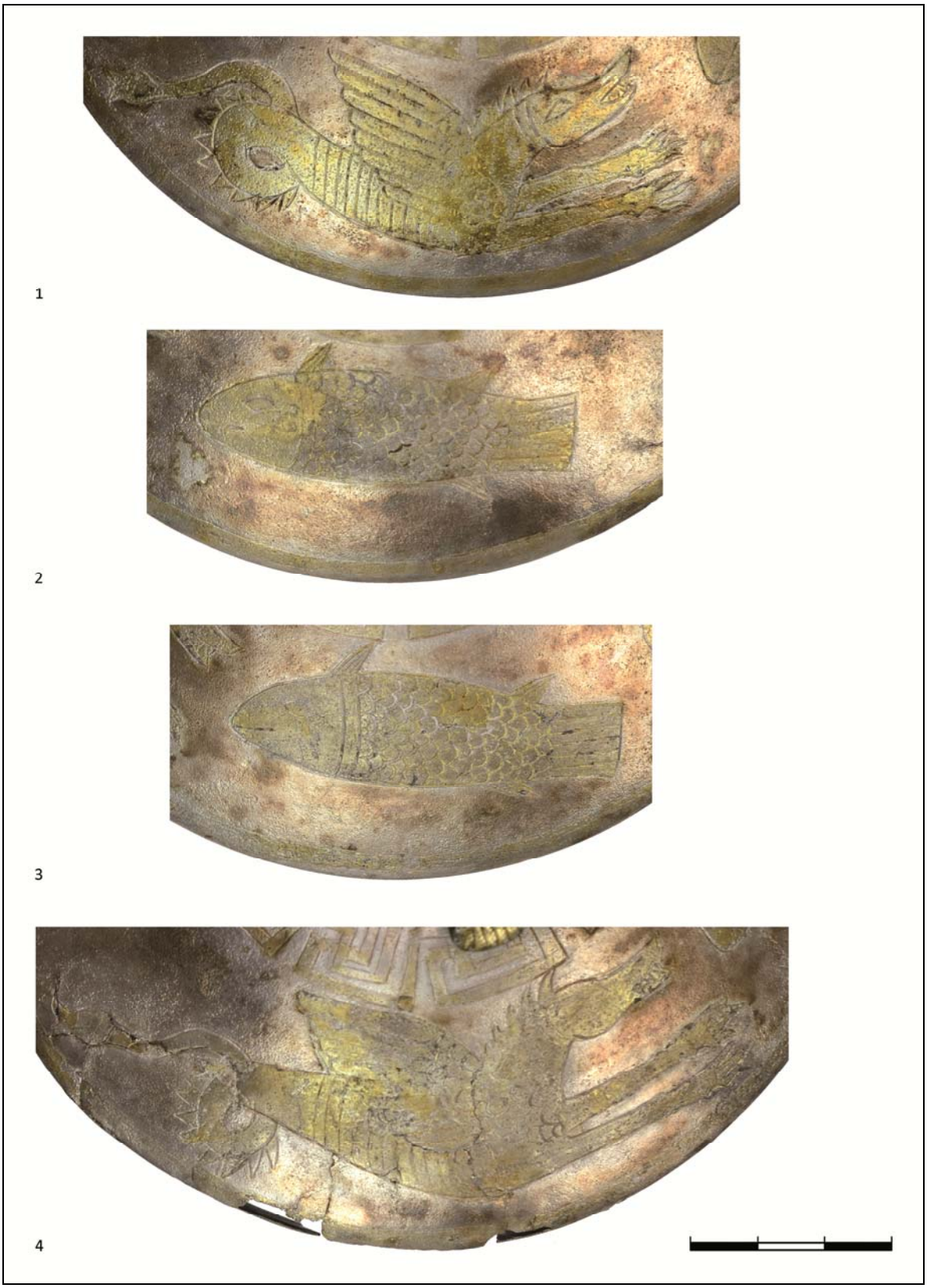


Рис. 10. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой крышка кубка. Фигурный фриз. Детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35581/б. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 10. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt lid of the goblet. Figural frieze. Details. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35581/b. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

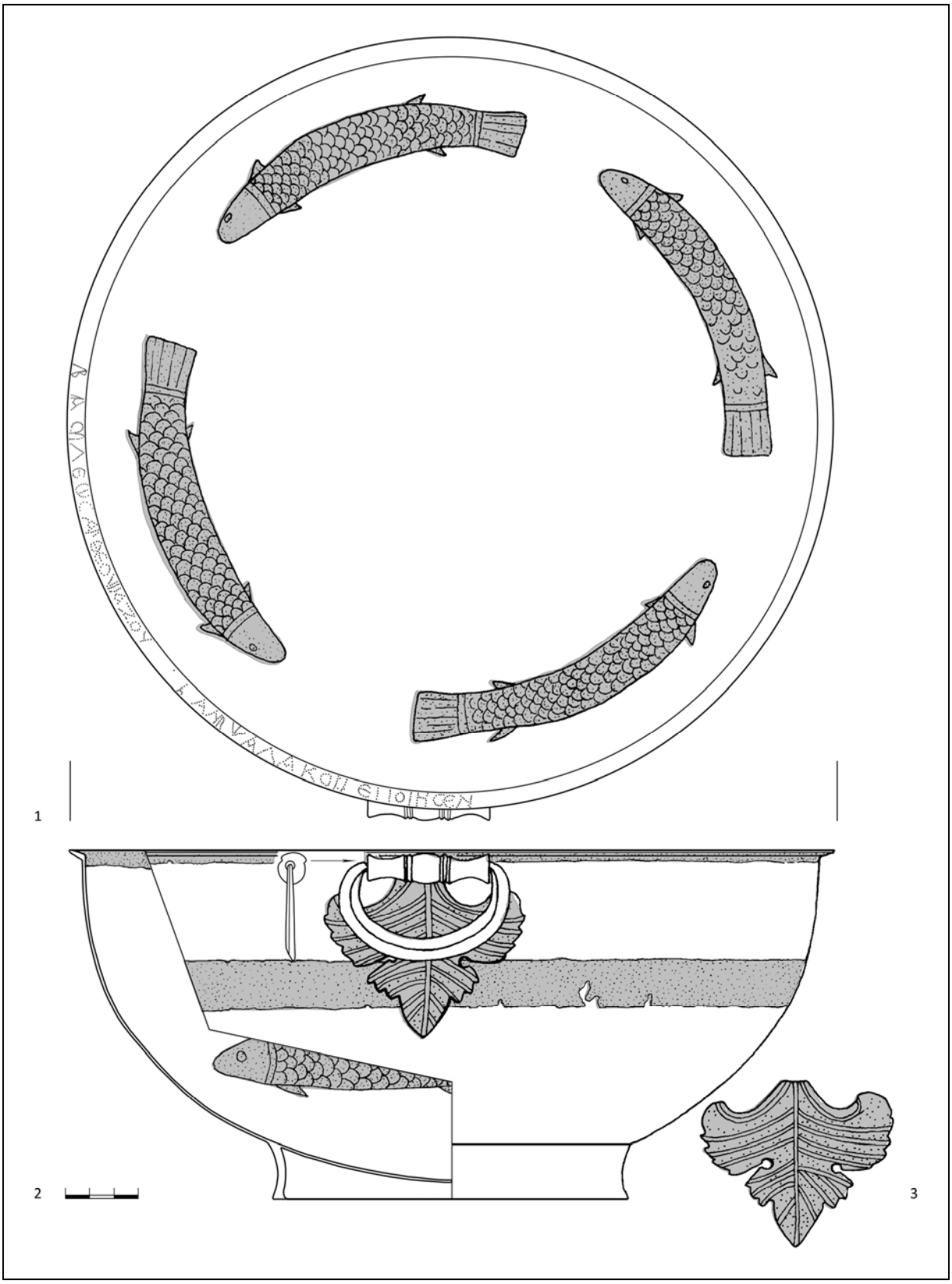


Рис. 11. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой таз. Общие виды и деталь. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 40898. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

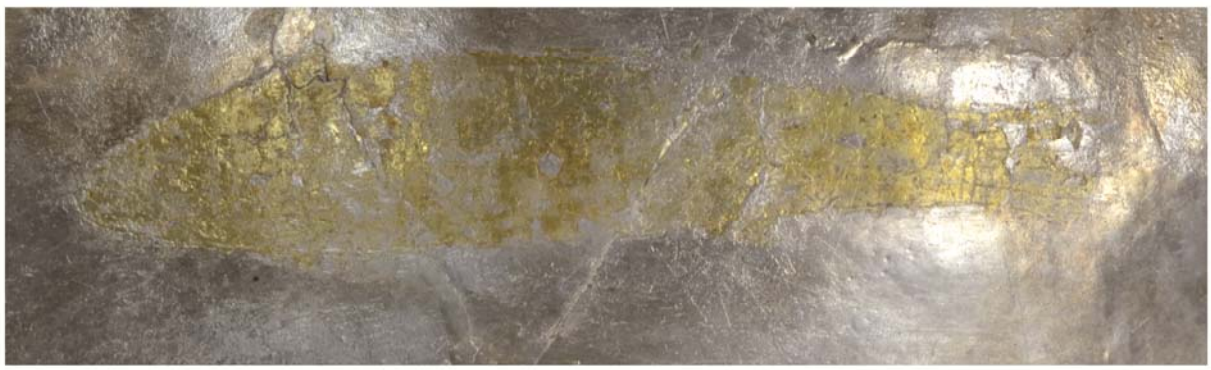
Fig. 11. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt basin. General views and detail. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 40898. Drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

Рис. 12. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой таз. Общие виды и детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 40898. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 12. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt basin. General views and details. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 40898. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

1

2



3

Рис. 13. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряный с позолотой таз. Фигурный фриз. Детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 40898. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 13. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt basin. Figural frieze. Details. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 40898. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

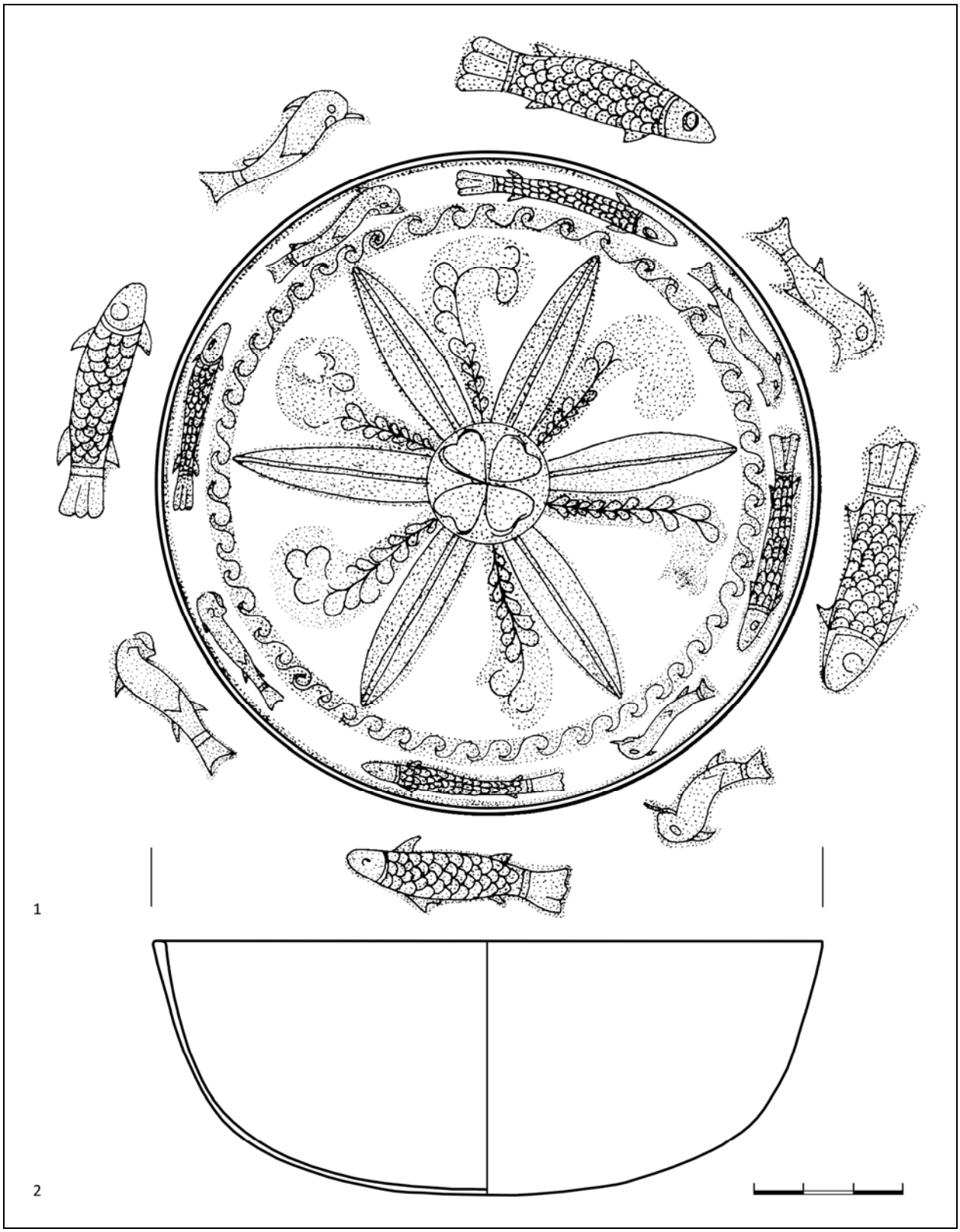


Рис. 14. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой чаша. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35581/а. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 14. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt bowl. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35581/a. Drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

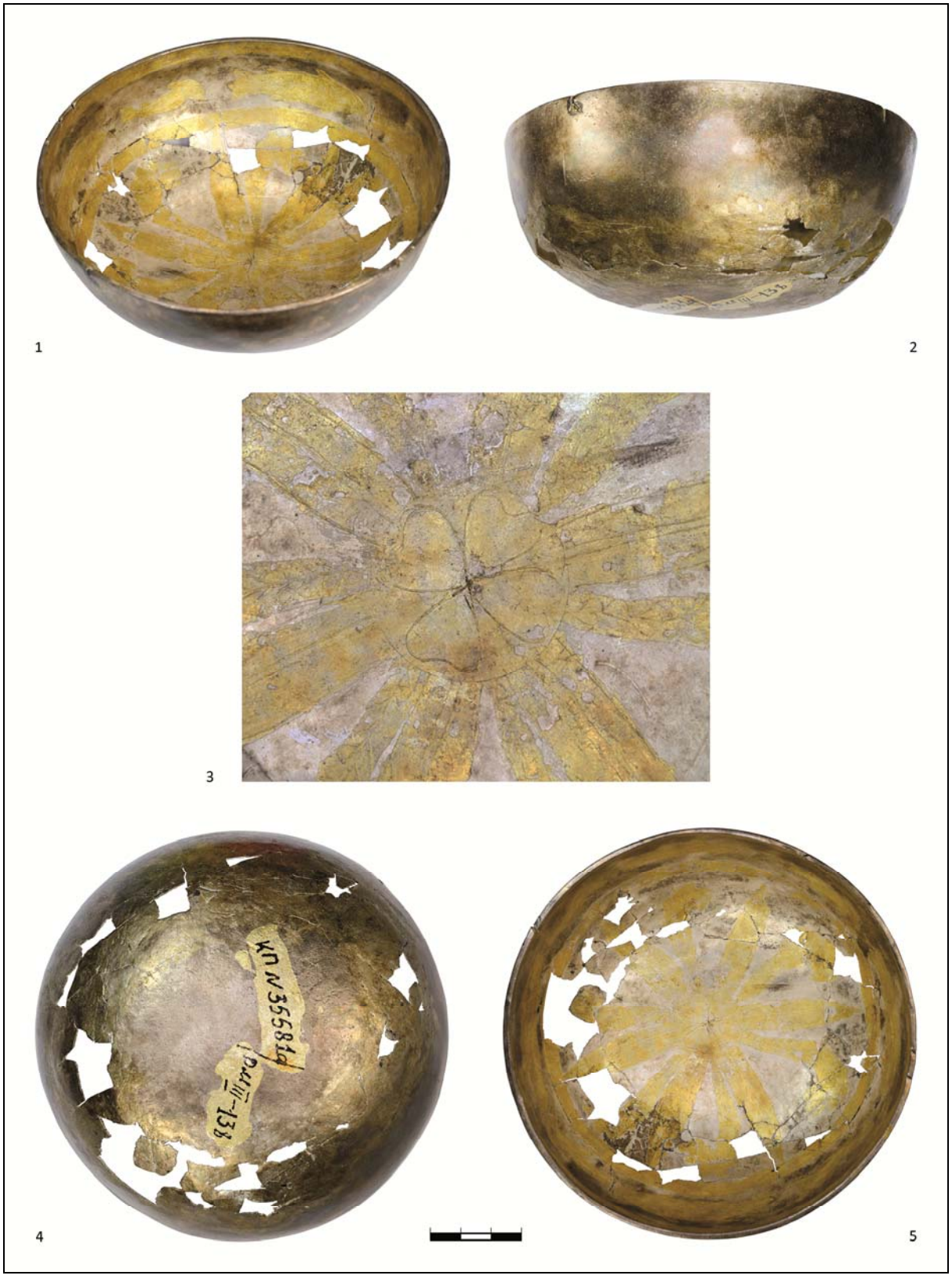


Рис. 15. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой чаша. Общие виды и деталь. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35581/а. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 15. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt bowl. General views and detail. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35581/a. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

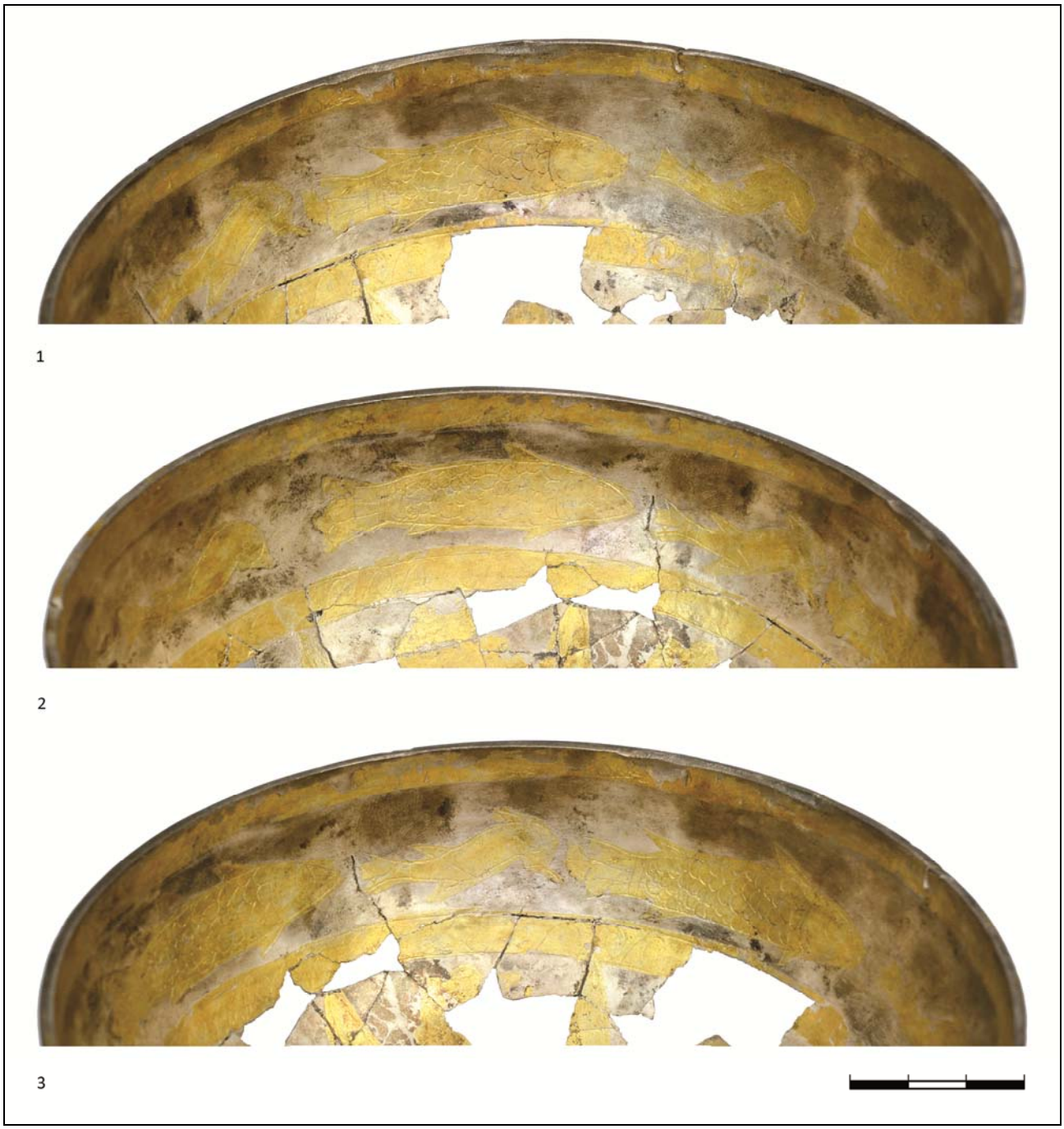


Рис. 16. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой чаша. Фигурный фриз. Детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35581/а. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 16. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt bowl. Figural frieze. Details. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35581/a. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

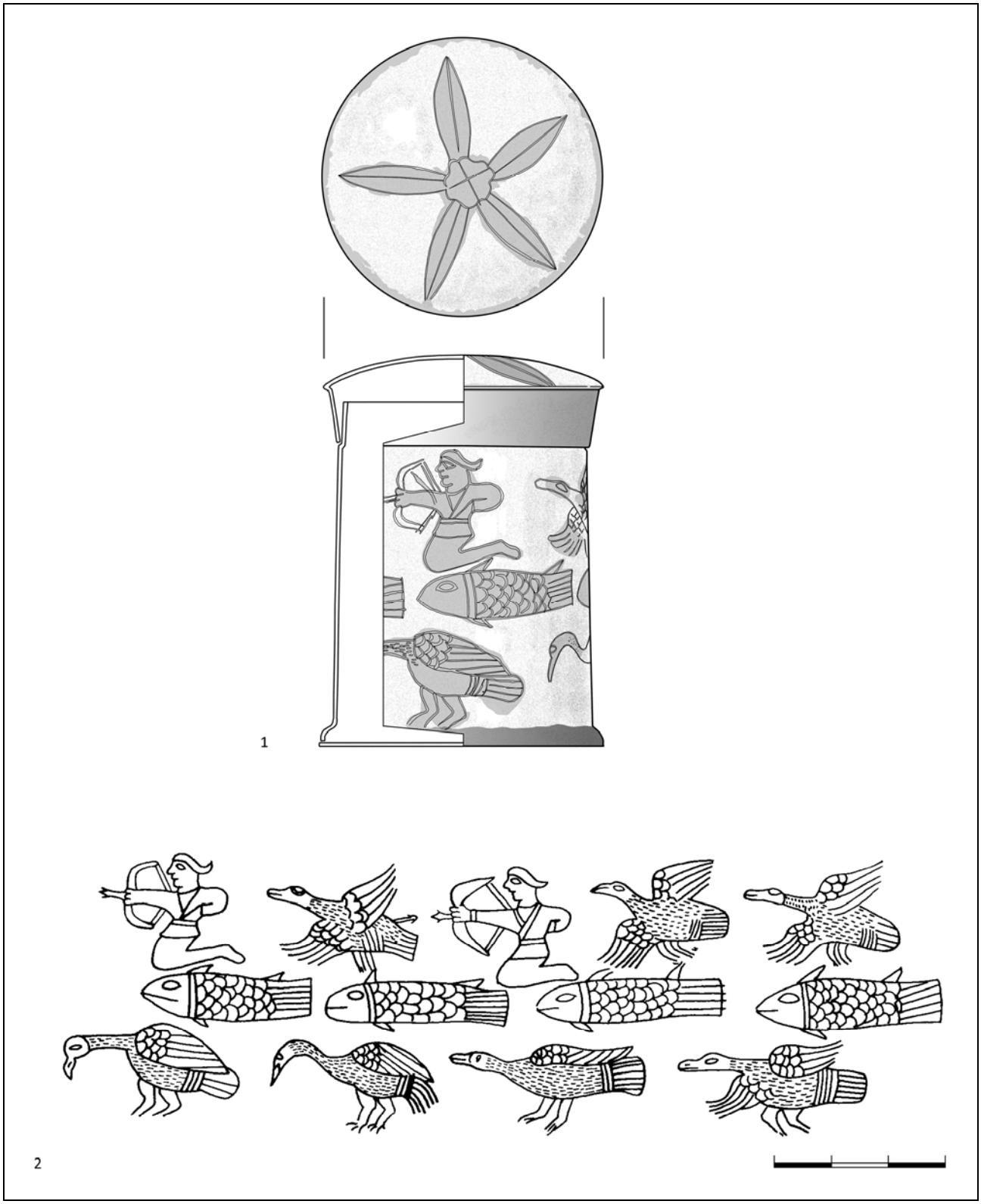


Рис. 17. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой пиксида. Общие виды и развертка фриза. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 40899. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 17. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt pyxis. General views and frieze scanning. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 40899. Drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

Рис. 18. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой пиксида. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 40899. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 18. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt pyxis. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 40899. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 19. Косика. Погребение № 1/1984. Серебряная с позолотой пиксида. Общие виды и детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 40899. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 19. Kosika. Burial no. 1/1984. Silver-gilt pyxis. General views and details. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 40899. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

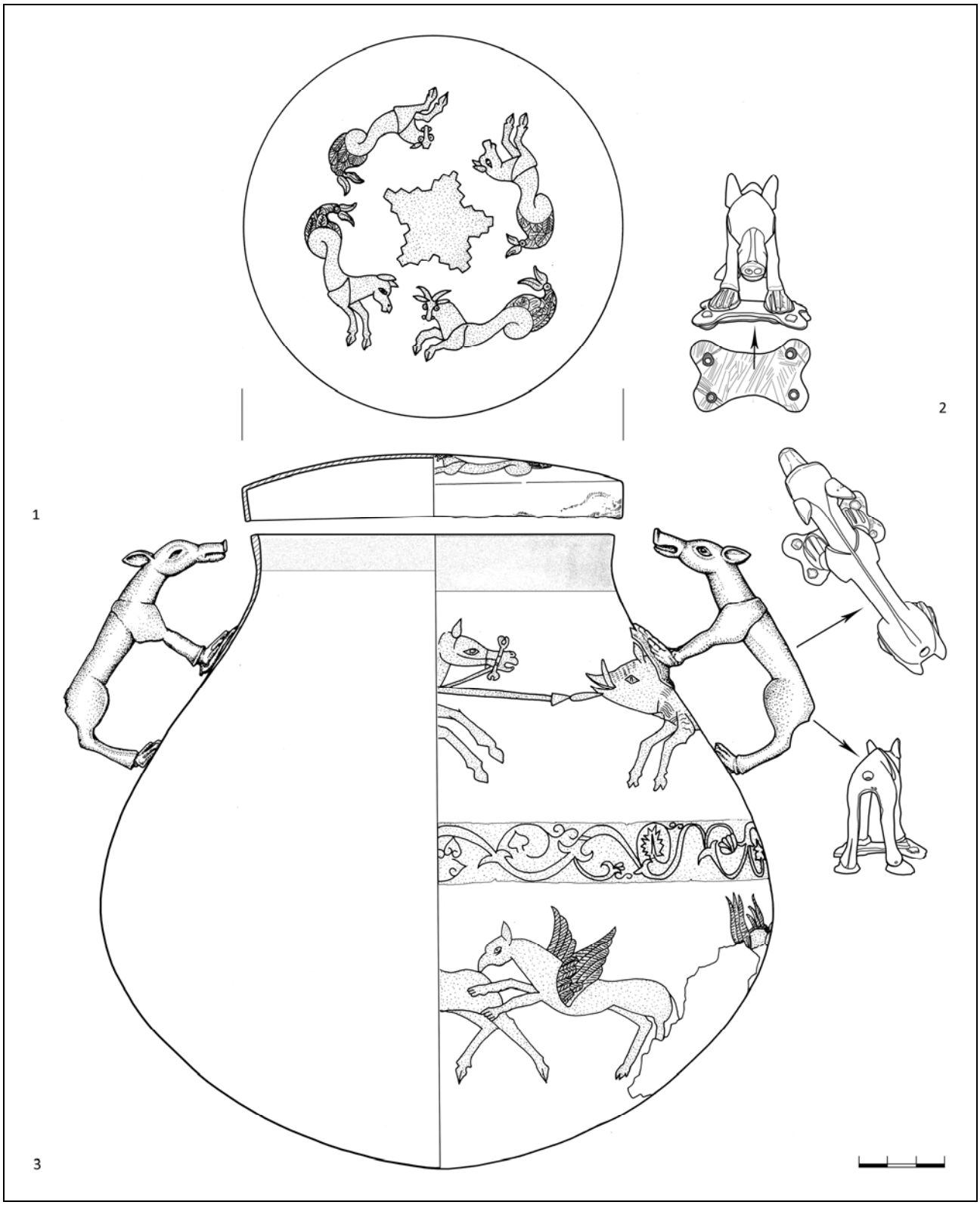


Рис. 20. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок с крышкой. Общие виды и детали. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/15—17. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 20. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet with a lid. General views and details. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/15—17. Drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

Рис. 21. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Ручка 1. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/15. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 21. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Handle 1. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/15. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 22. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Ручка 2. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/16. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 22. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Handle 2. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/16. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 23. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Ручки. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/15—16. Фото Музея.

Fig. 23. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Handles. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/15—16. Photos, Museum.

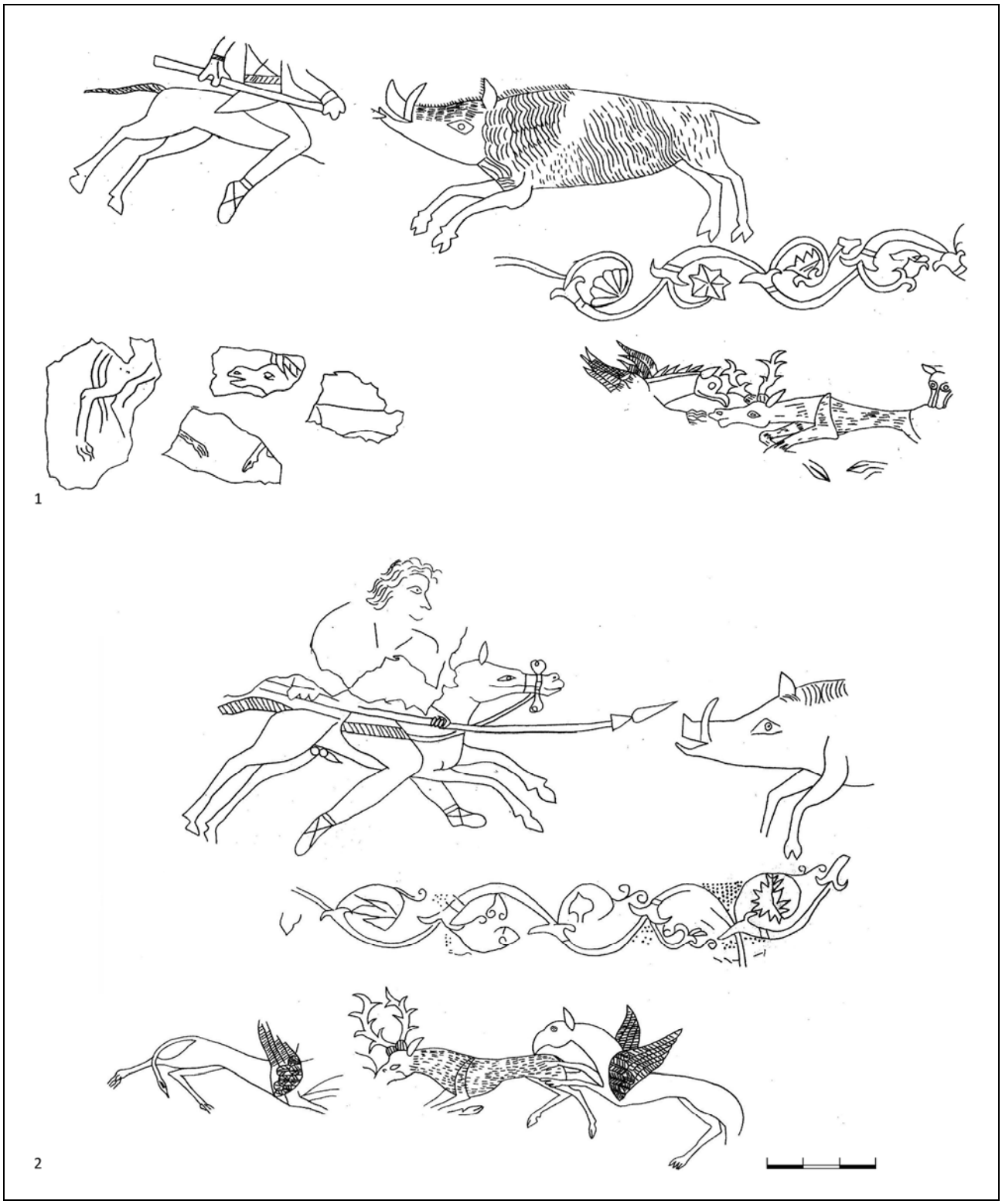


Рис. 24. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Фигурные фризы. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/17. Рисунки В.И. Мордвинцевой, 2003.

Fig. 24. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Figural friezes. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/17. Drawings by V.I. Mordvintseva, 2003.

Рис. 25. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Фрагменты тулова. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 25. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Fragments of the body. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/17. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

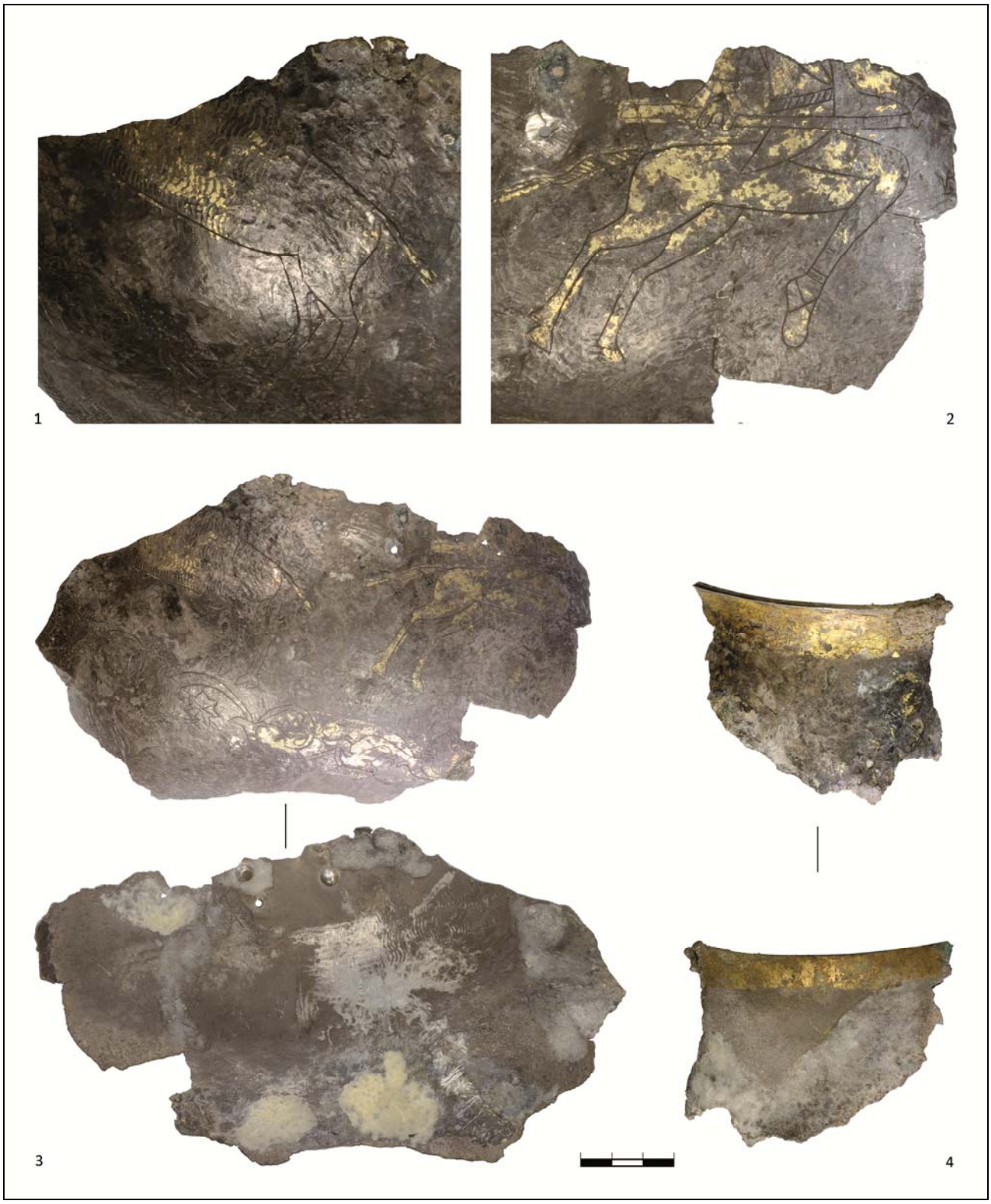


Рис. 26. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Фрагменты тулова. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 26. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Fragments of the body. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/17. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

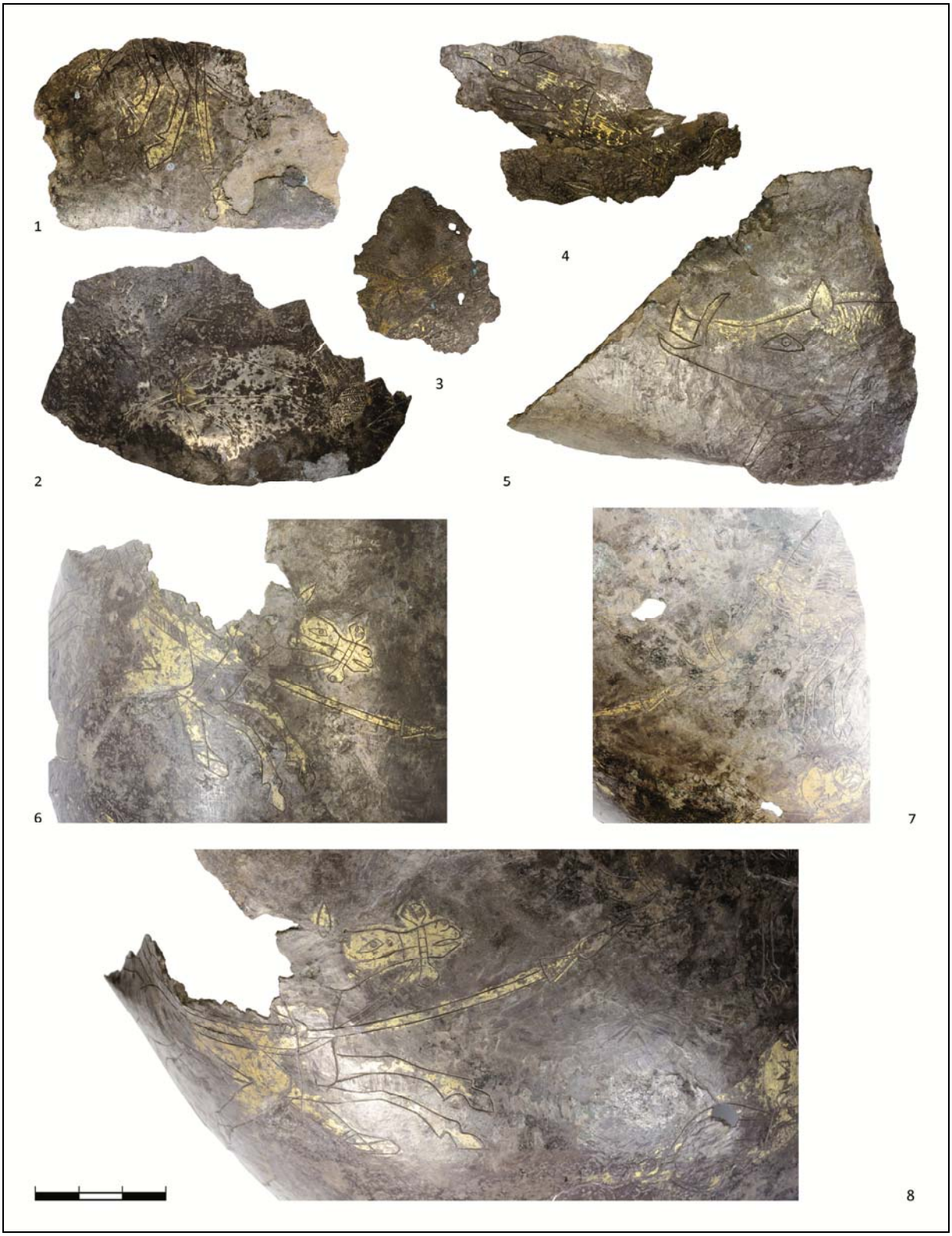


Рис. 27. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Фрагменты тулова. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 27. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Fragments of the body. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/17. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

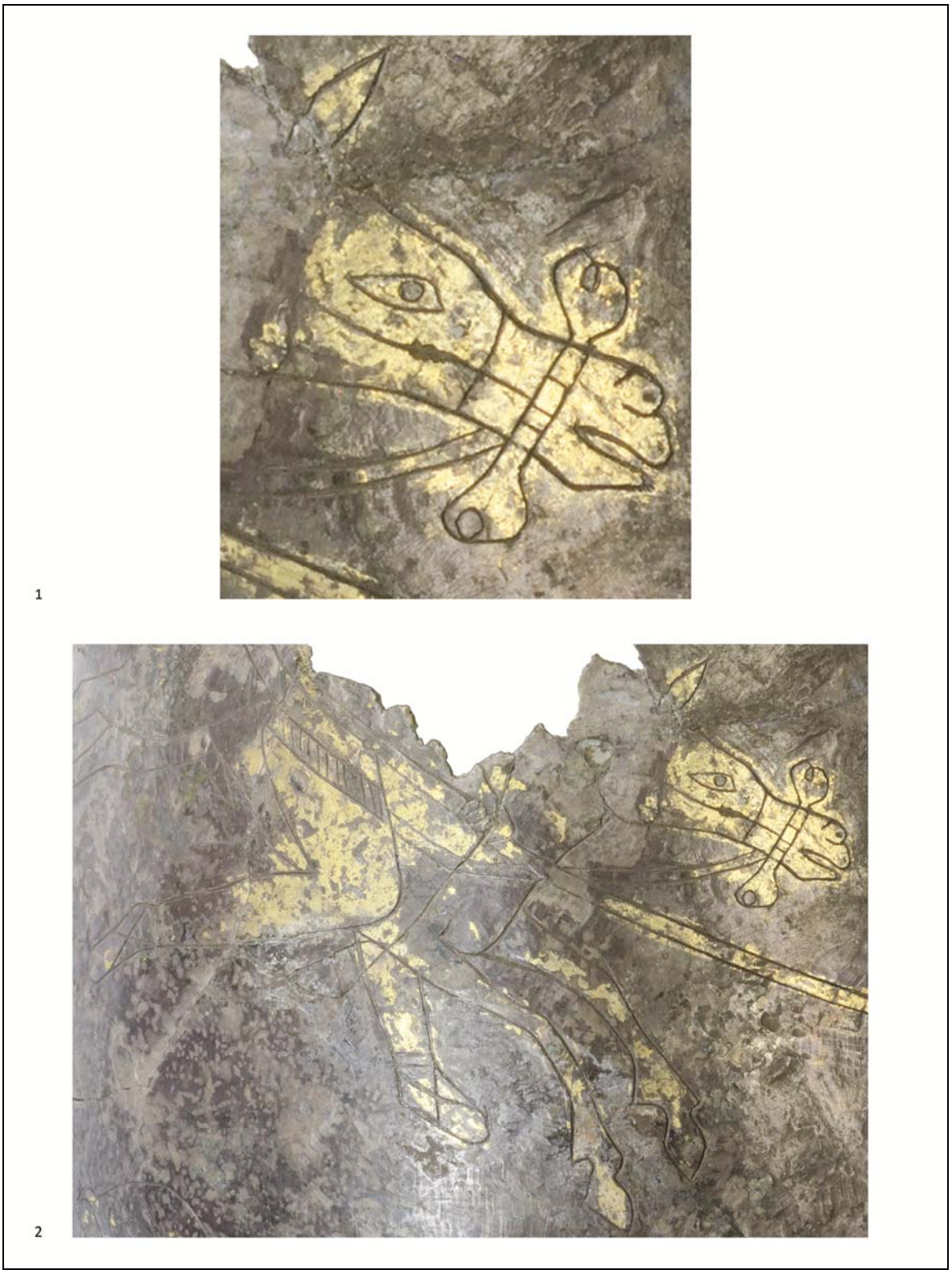


Рис. 28. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок. Фрагмент тулова. Деталь. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 28. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet. Fragment of the body. Detail. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/17. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

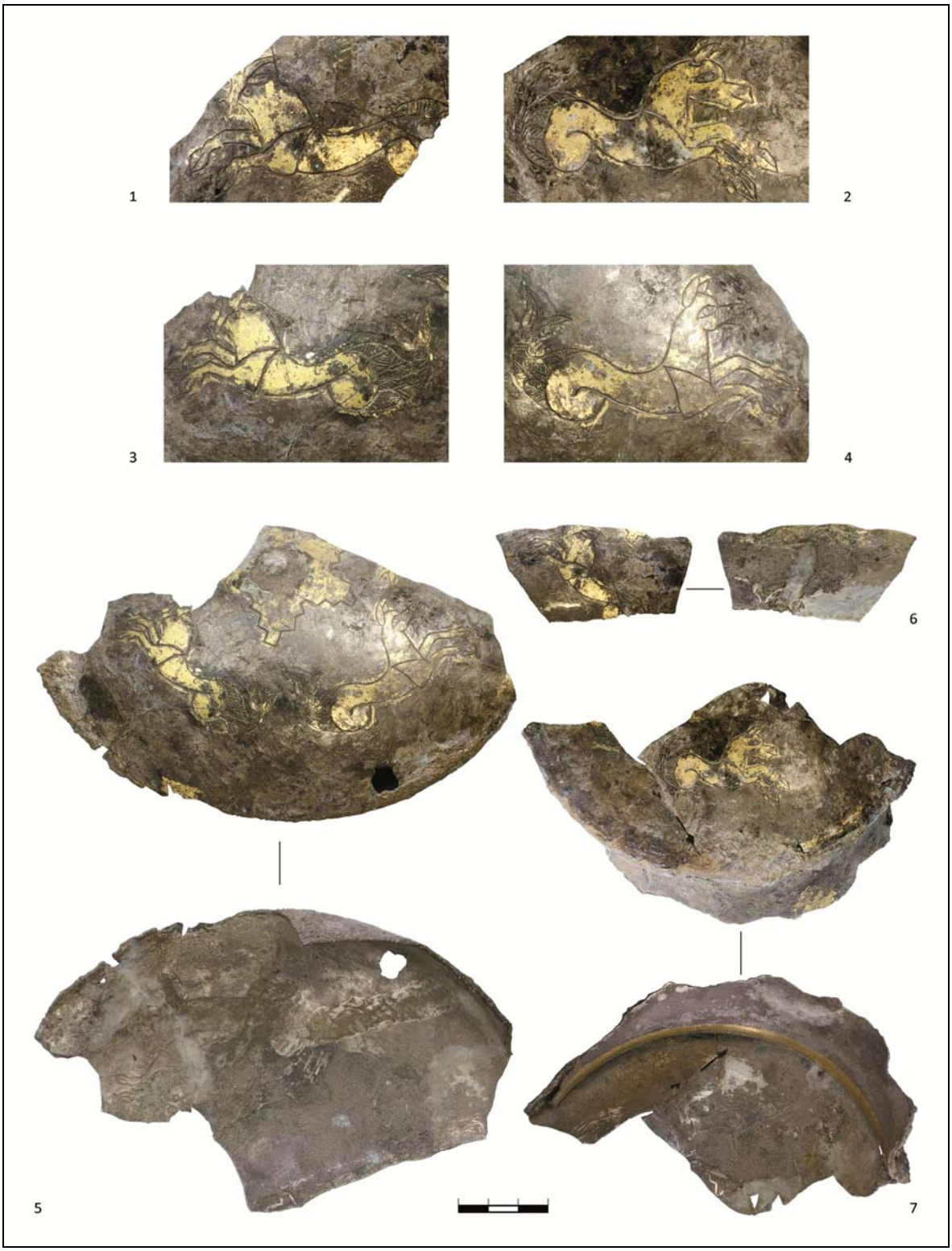


Рис. 29. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Серебряный с позолотой кубок с крышкой. Фрагменты крышки. Общие виды и детали. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 29. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Silver-gilt goblet with a lid. Fragments of the lid. General views and details. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/17. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 30. Коллекция С.И. Григорьянца, Москва. Серебряный с позолотой кубок. Общие виды. Фото, Москва, ГосНИИР, 2003.

Fig. 30. S.I. Grigor'yants Collection. Silver-gilt goblet. General Views. Photos, The State Research Institute for Restoration, 2003.

Рис. 31. Коллекция С.И. Григорьянца, Москва. Серебряный с позолотой кубок. Общие виды. Фото, Москва, ГосНИИР, 2003.

Fig. 31. S.I. Grigor'yants Collection. Silver-gilt goblet. General Views. Photos, The State Research Institute for Restoration, 2003.

Рис. 32. Коллекция С.И. Григорьянца, Москва. Серебряный с позолотой кубок. Общие виды. Фото, Москва, ГосНИИР, 2003.

Fig. 32. S.I. Grigor'yants Collection. Silver-gilt goblet. General Views. Photos, The State Research Institute for Restoration, 2003.

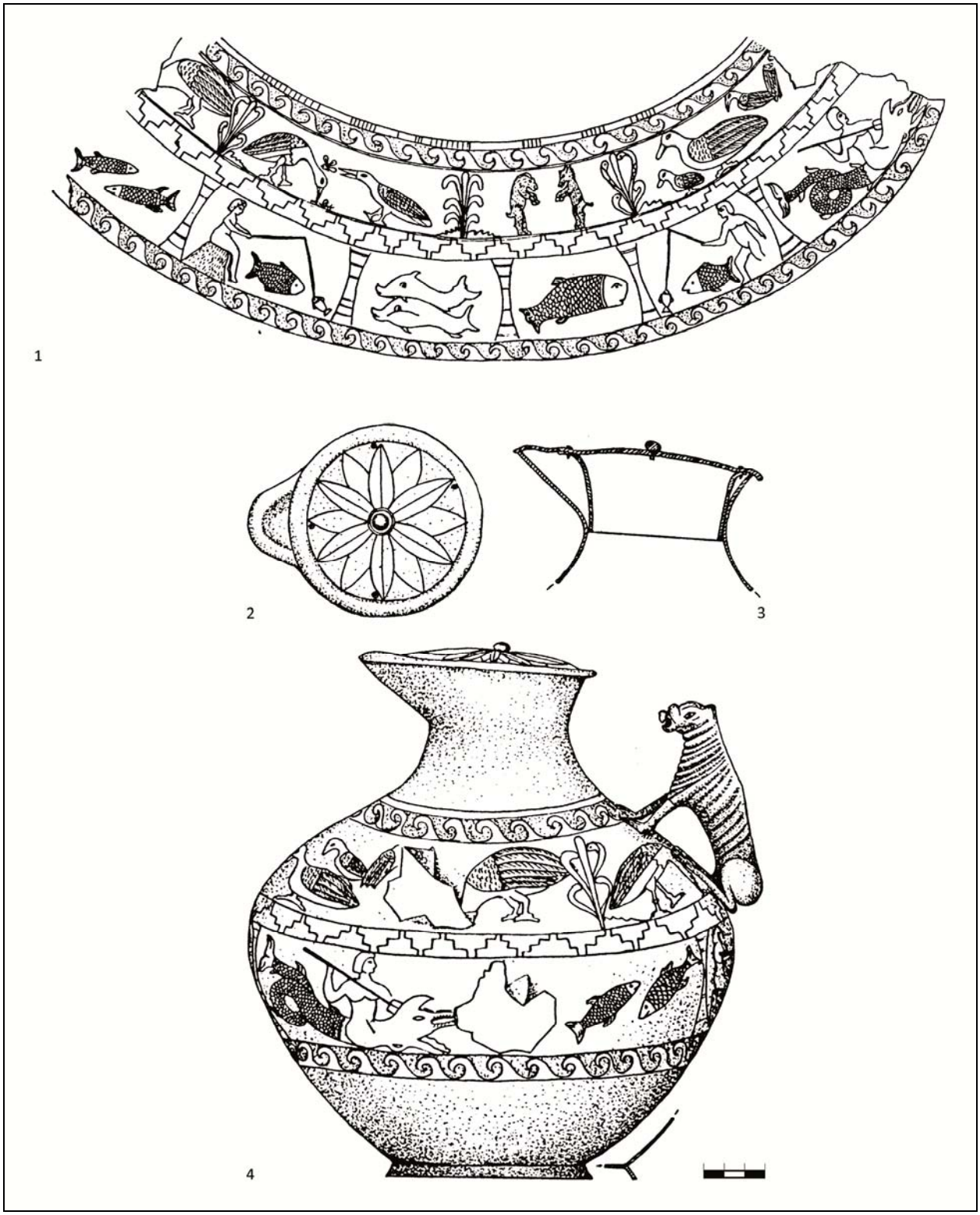


Рис. 33. Высочино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 1. Серебряный с позолотой кувшин с крышкой. Общие виды, разрез и развертка фриза. Азов, АИАПМЗ, инв. № 19532/170. Рисунки по: Беспалый 1985.

Fig. 33. Vysochino-VII. Burial mound no. 28/1982. Cache no. 1. Silver-gilt jug with a lid. General views, cross-section and frieze scanning. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 19532/170. Drawings after: Bespalyy 1985.

Рис. 34. Высочино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 1. Серебряный с позолотой кувшин с крышкой. Общий вид и детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № 19532/170. Фото Музея.

Fig. 34. Vysochino-VII. Burial mound no. 28/1982. Cache no. 1. Silver-gilt jug with a lid. General view and details. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 19532/170. Photos, Museum.

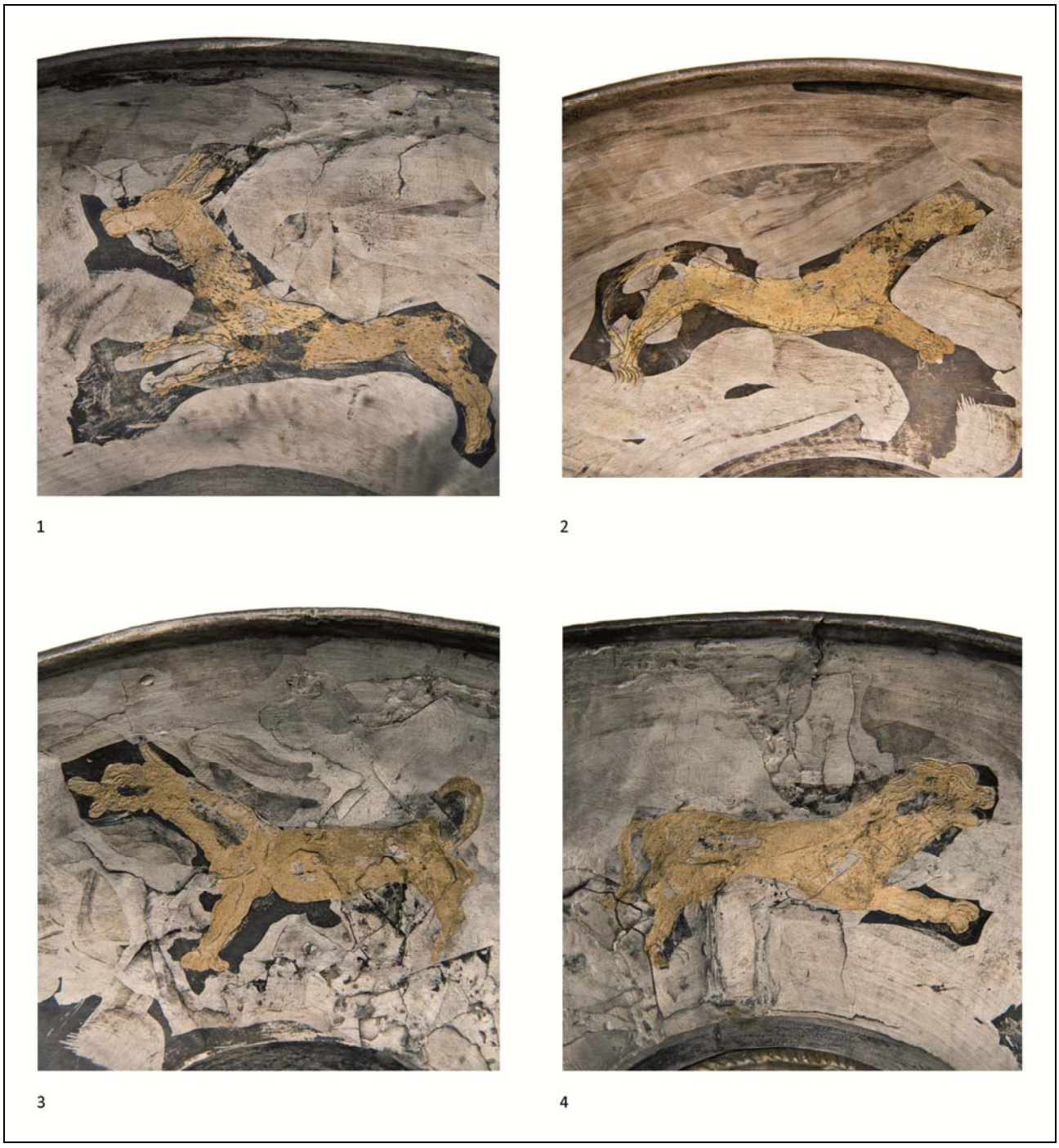


Рис. 35. Новоалександровка. Курган № 11/1977. Тризна. Серебряная с позолотой фиала. Детали. Виды изнутри. Фриз с изображением животных. Азов, АИАПМЗ, инв. № 15162. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 35. Novoaleksandrovka. Burial mound no. 11/1977. Funeral feast. Silver-gilt phiale. Details. Views inside. Frieze with animals. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 15162. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

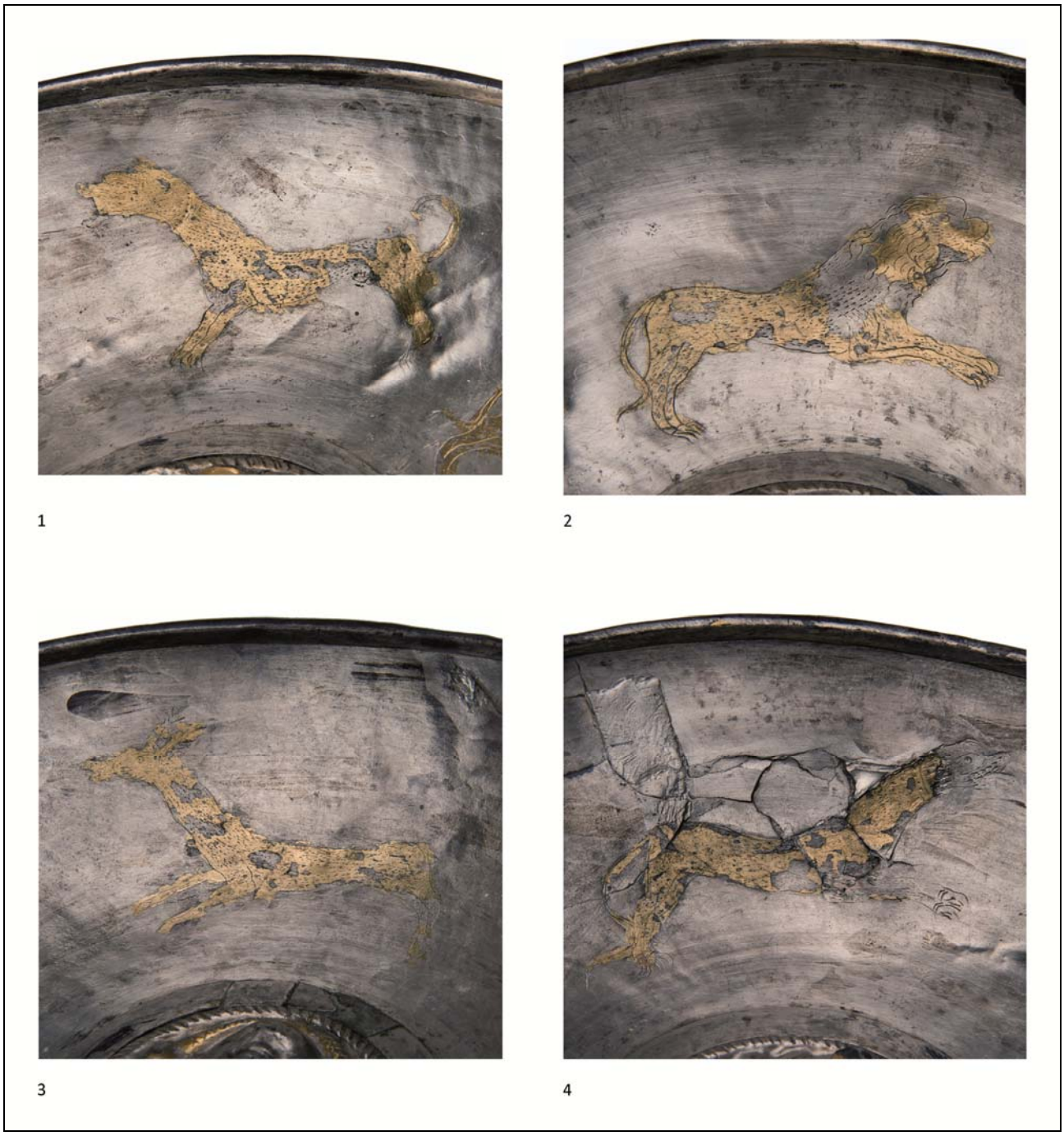


Рис. 36. Новоалександровка. Курган № 11/1977. Тризна. Серебряная с позолотой фиала а. Детали. Виды изнутри. Фриз с изображением животных. Азов, АИАПМЗ, инв. № КП-15161. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 36. Novoaleksandrovka. Burial mound no. 11/1977. Funeral feast. Silver-gilt phiale. Details. Views inside. Frieze with animals. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 15161. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

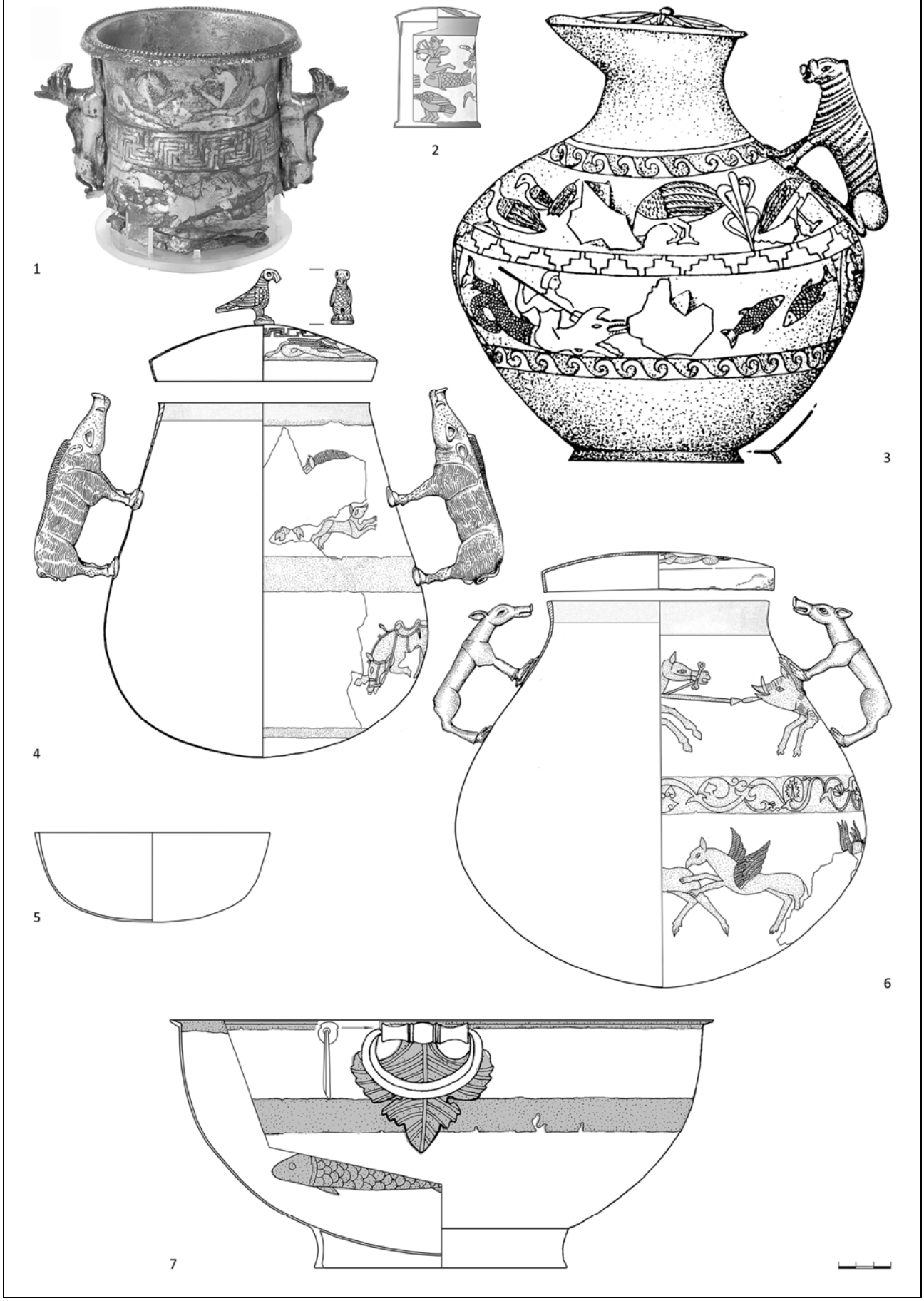

1
2
3
4
5
6
7

Рис. 37. Формы серебряных сосудов с гравированными изображениями и позолотой в пределах контуров изображений. 1 — кубок, коллекция С.И. Григорьянца, Москва (2003); 2, 4, 5, 7 — Косика. Погребение № 1/1984. Астрахань, АГОИАМ: 2 — пиксида, инв. № 40899; 4 — кубок с крышкой, инв. № 35560 (кубок); 35581/б (крышка); 5 — чаша, инв. № 35581/а; 7 — таз, инв. № 40898; 3 — Высочино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 1. Кувшин с крышкой. Азов, АИАПМЗ, инв. № 19532/170; 6 — Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Кубок с крышкой. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31513/15—17. 1 — фото ГосНИИР; 2—7 — рисунки Н.Е. Беспалой.

Fig. 37. The forms of silver vessels with engraved images gilded in frames of their outlines. 1 — goblet, S.I. Grigor'yants collection, Moscow (2003); 2, 4, 5, 7 — Kosika. Burial no. 1/1984. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve: 2 — pyxis, inv.-no. 40899; 4 — goblet with a lid, inv.-no. 35560 (goblet); 35581/b (lid); 5 — bowl, inv.-no. 35581/a; 7 — basin, inv.-no. 40898; 3 — Vysochino-VII. Burial mound no. 28/1982. Cache no. 1. Jug with a lid. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 19532/170; 6 — Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998. Burial no. 1. Goblet with a lid. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 31513/15—17. 1 — photo, The State Research Institute for Restoration; 2—7 — drawings by N.E. Bespalaya.

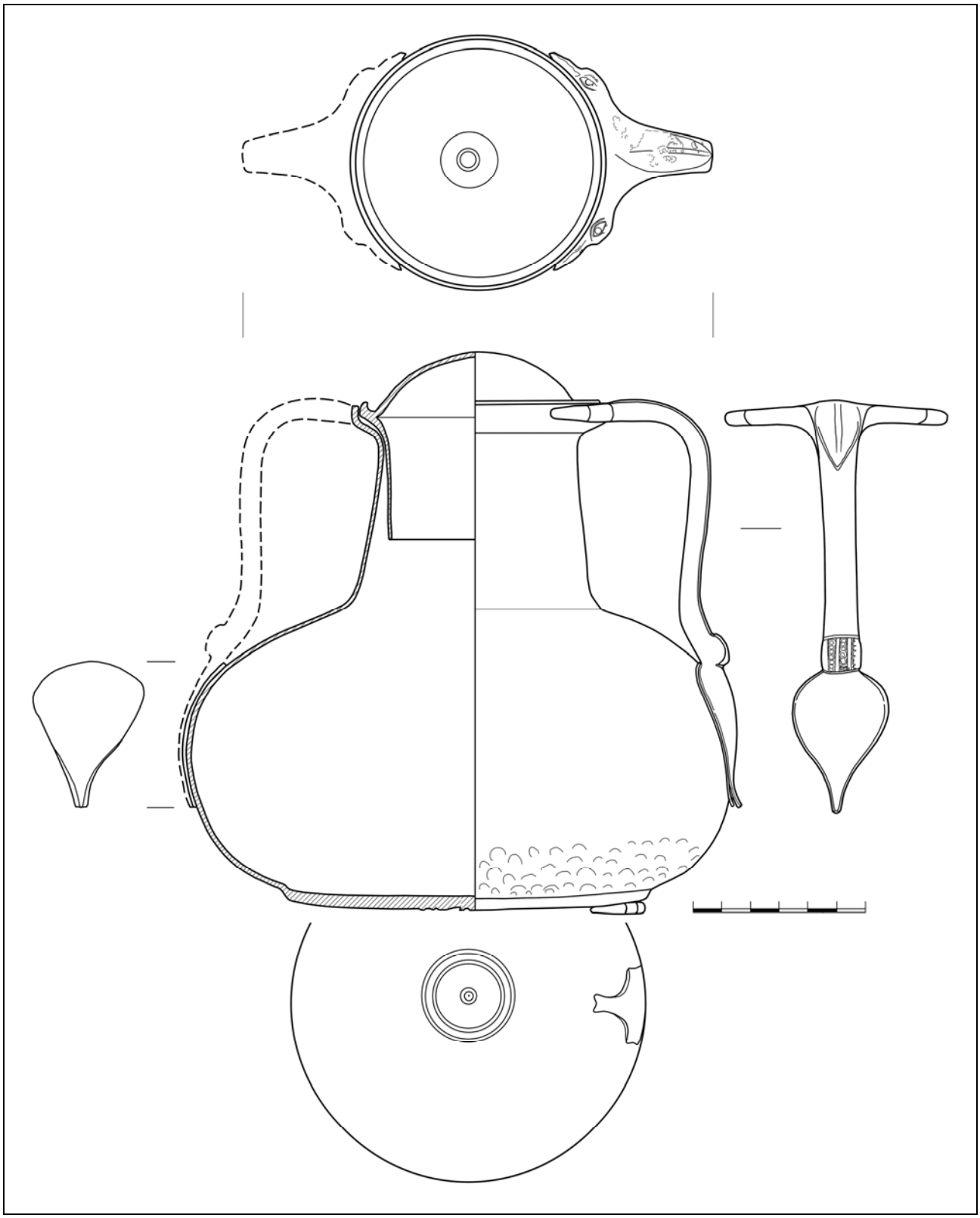


Рис. 38. Курган Хохлач, 1864 г. Серебряная амфора. Общие виды. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № 2213/27. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 38. Khokhlach Burial mound, 1864. Silver amphora. General views. Saint Petersburg, The State Hermitage, inv.-no. 2213/27. Drawings by N.E. Bespalaya, 2015.

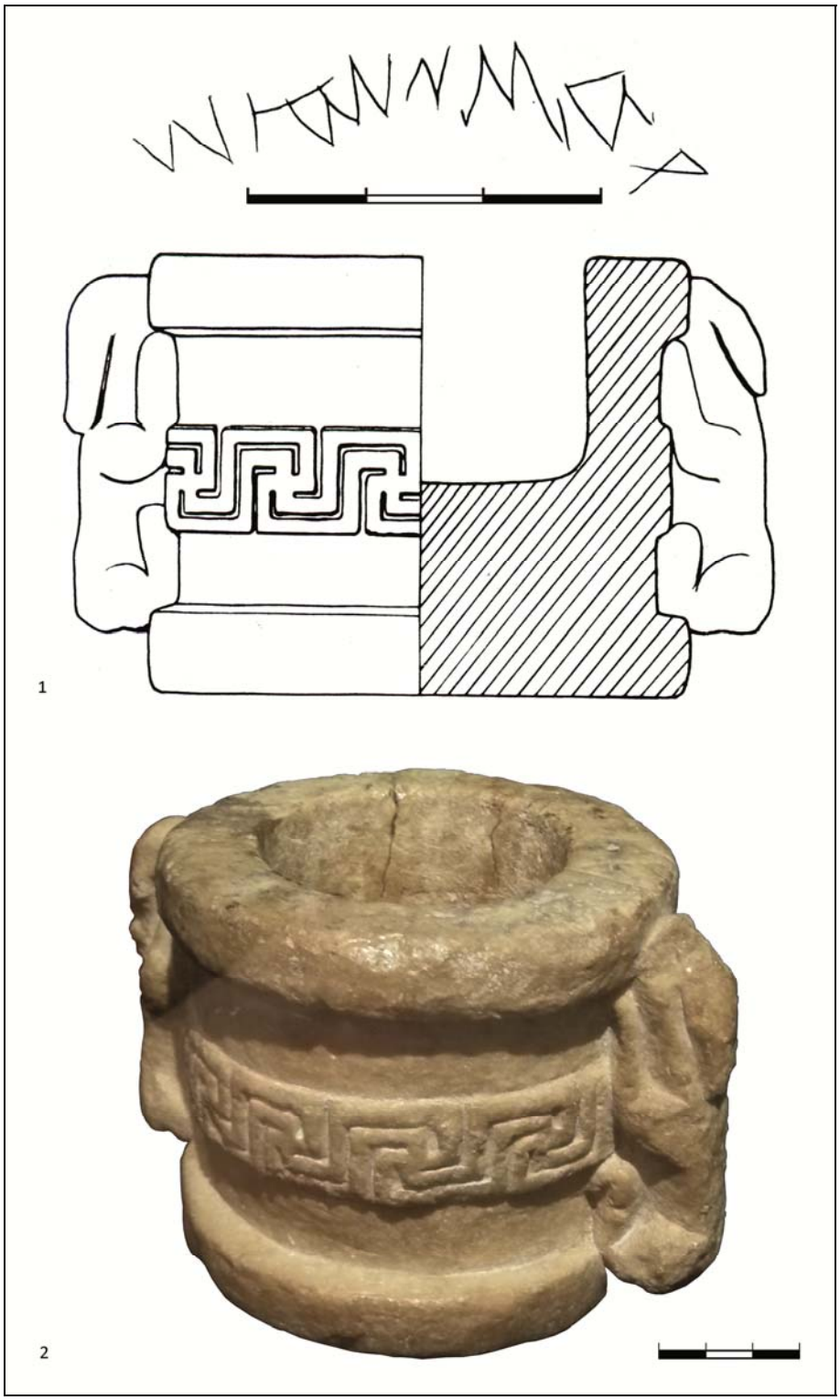


Рис. 39. Курган Соколова Могила, 1974 г. Мраморный сосуд. Общие виды. Киев, Музей исторических драгоценностей Украины. 1 — Прорисовка по: Ковпаненко 1986: 60, рис. 61; 2 — фото М.Ю. Трейстера, 2021.

Fig. 39. Sokolova Mogila Burial mound, 1974. Marble vessel. General views. Kiev, Museum of the Historical Treasures of the Ukraine. Photos by M.Yu. Treister, 2015. 1 — Drawing after: Ковпаненко 1986: 60, fig. 61; 2 — photo by M.Yu. Treister, 2021.

Рис. 40. Первомайский-VII. Курган № 14/1984. Погребение № 3. Алебастровый сосуд. Волгоград, ВОКМ, инв. № 22365/43. Фото, М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 40. Pervomayskiv-VII. Burial mound no. 14/1984. Burial no. 3. Alabaster vessel. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 22365/43. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 41. Кривая Лука-IX. Курган № 1/1974. Погребение № 17. Серебряные фалары. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ. 1 — инв. № КП-28747. А-10664; 2 — инв. № КП-28748. А-10665. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 41. Krivaya Luka-IX. Burial mound no. 1/1974. Burial no. 17. Silver phalerae. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve. 1 — inv.-no. КП-28747. A-10664; 2 — inv.-no. КП-28748. A-10665. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

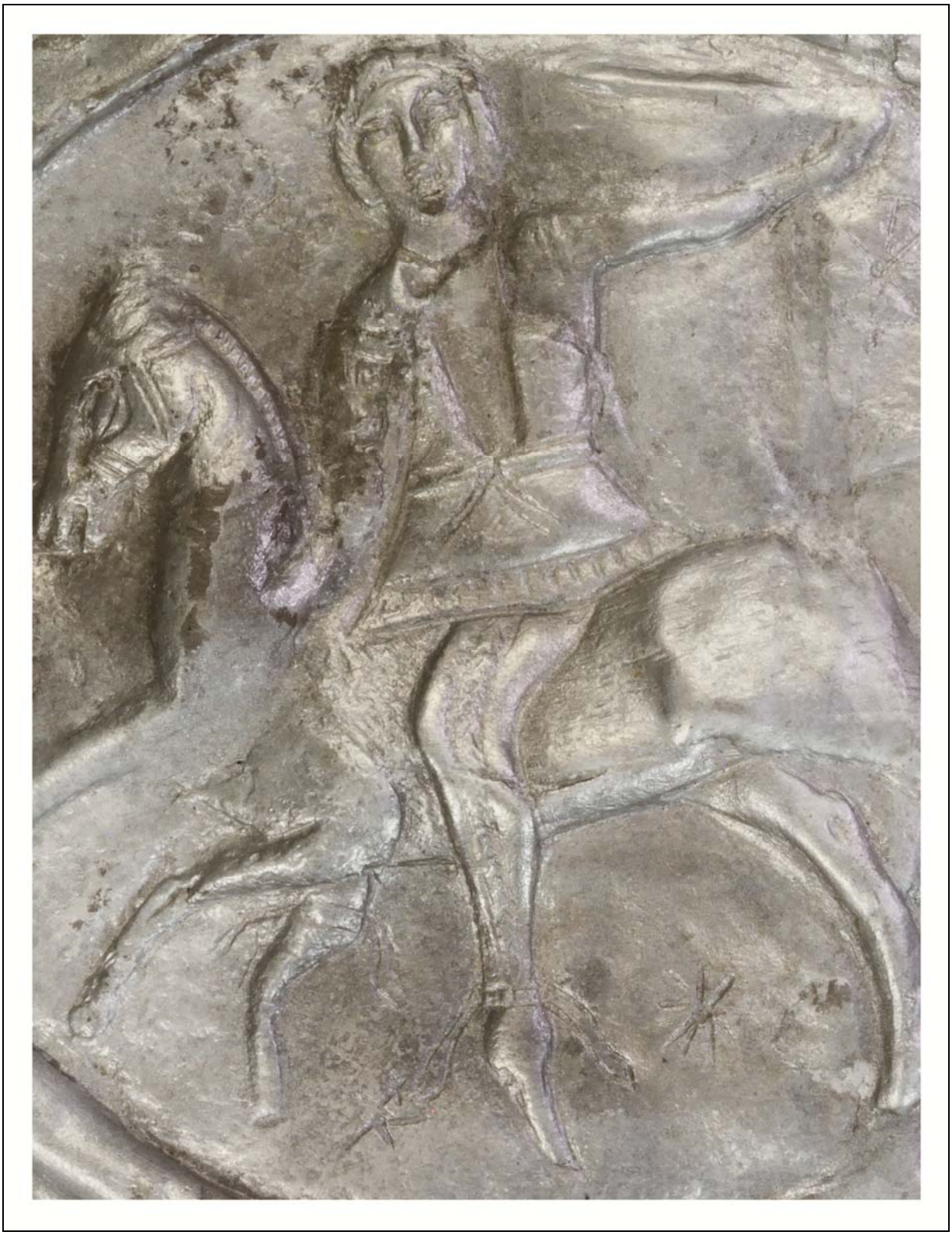


Рис. 42. Кривая Лука-IX. Курган № 1/1974. Погребение № 17. Серебряный фалар. Деталь. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № КП-28747. А-10664. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 42. Krivaya Luka-IX. Burial mound no. 1/1974. Burial no. 17. Silver phalera. Detail. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. КП-28747. A-10664. Photo by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 43. Октябрьский-V. Курган № 1/1995. Погребение № 1. Псалий железный с инкрустаций золотом. Общие виды. Волгоград, ВОКМ, инв. № 30200/34. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 43. Oktyabr'skiy-V. Burial mound no. 1/1995. Burial no. 1. Iron bit inlaid with gold. General views. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 30200/34. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 44. Косика. Погребение № 1/1984. Половина наручи золотой. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 32527. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 44. Kosika. Burial no. 1/1984. Half of a gold vambrace. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 32527. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 45. Косика. Погребение № 1/1984. Фрагменты второй половины золотой наручи. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 35567—35570. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 45. Kosika. Burial no. 1/1984. Fragments of the second half of a gold vambrace. General views. Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35567—35570. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

DOI: 10.53737/7965.2023.55.50.008

М.Ю. Трейстер

О ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. ИЗ КОМПЛЕКСОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОЛХИДЫ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ГОРГИППИЯ — ЛОО»)*

В данной работе пойдет речь о золотых полихромных украшениях, происходящих из комплексов на территории Западной Грузии (Гонио, Махо, Капандиби, Клдеети) и прилегающих областей (Лоо), а также относящейся к этой же группе подвески с изображением Минервы, которая в начале XX в. находилась в собрании ростовского коллекционера Ф.С. Романовича (она специально рассматривается в приложении к статье). По мнению О.В. Шарова, высказанному впервые в 2006 г., указанные украшения входят в группу полихромных ювелирных изделий позднеримского времени, названную им группой «Горгиппия—Лоо» и датированную в первой работе — III в. н.э., в дальнейшем — второй половиной II — первой половиной III в. н.э. Отчасти это характеристика действительно соответствует находкам из склепа II/1975 в Горгиппии (но лишь отчасти — композиции из зерни, также как и касты с зубчатым краем в их декоре не использованы), но при этом находки из Горгиппии не имеют ничего общего с указанными украшениями из Гонио, Клдеети, Капандиби и Лоо, для которых использование филиграни, как в изделиях из Горгиппии, не характерно. Соответственно, очевидно, что следует отказаться от такого необоснованного термина, который обозначает изделия, не связанные между собой. Анализ особенностей формы и декора украшений из Колхиды и прилегающих областей, а также стилистический и хронологических анализ комплексов, из которых они происходят, позволяет прийти к следующим выводам.

Прямых оснований датировать III в. н.э. ни один из рассматриваемых комплексов из Колхиды и Лоо — нет. Более того, ювелирные изделия, входящие в состав кладов и погребений из Махо, Гонио, Капандиби и Лоо, вряд ли выходят за рамки I в. н.э., а часть из них с очевидностью может быть датирована еще I в. до н.э. Вместе с тем, подробный анализ бляхи из собрания Ф.С. Романовича дает основание предполагать, что образцом для подражания ювелира могла послужить монетная эмблема, которая появляется на монетах Каракаллы и Геты и, соответственно, датировать подвеску не ранее рубежа II—III вв. н.э.

Таким образом, не исключено, что мастерские, появившиеся в Колхиде еще на рубеже н.э. и изготавливавшие в I в. н.э. золотые украшения в характерном стиле, с широким использованием зерни и цветных вставок, преимущественно в пластинчатых кастах с зубчатым краем, продолжали работать в указанном стиле, по крайнем мере, до начала III в. н.э., что теоретически не исключает и более позднюю датировку колхидских комплексов в рамках второй половиной II — первой половиной III в. н.э. Укажем в этой связи, что сочетание в комплексах значительно более ранних импортных драгоценных вещей (в частности, римской бронзовой, серебряной посуды, гемм) и римских и парфянских монет I—II вв., в том числе золотых, которые рассматривают в качестве дипломатических даров, в целом характерно для богатых погребений некрополей Картли, особенно Мцхеты, середины / второй половины II — начала / первой половины III в. н.э.

О.В. Шаров высказал предположение, что изготовление и стиль орнаментации украшений рассматриваемой группы «изначально связаны с традициями еще Аршакидского Ирана, а часть предметов могла изготавливаться мастерами Иберии, находящейся в III в. н.э. под сильным иранским влиянием». И этот тезис вызывает серьезные сомнения, учитывая отсутствие в Иране не только близких параллелей по форме украшений, но и сочетаний композиций из зерни со вставками в кастах с зубчатым краем. Скорее рассматриваемые изделия следует рассматривать как изделия местных мастерских и не Иберии, а Колхиды (т.е. Западной Грузии) в том числе с учетом очевидных элементов и мотивов, восходящих к произведениям ювелирного искусства Колхиды более раннего

* Статья поступила в номер 17 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© М.Ю. Трейстер, 2023.

времени. Обращает на себя внимание и практически полное отсутствие украшений, которые можно определить как римские. Разве что можно было бы говорить о происхождение перстня и вставки в одну из блях из Лоо. Стеклянный кубок из Лоо был вероятно изготовлен в Сирии, тогда как серебряный канфар из Капандиби находит ближайшие параллели оформлению ручек на сосудах августовского времени из Центральной Европы. Парфянские же коннотации прослеживаются лишь в случае навершия с характерными подвесками из клада в Гонио и возможно, с фаларом из этого же клада, но и они не имеют никакого отношения ни к III в. н.э., ни к мастерским Иберии.

Ключевые слова: Колхида, Кавказская Иберия, ювелирные украшения, серебряные, золотые и стеклянные сосуды, клады, римские монеты, иконография Минервы и Горгоны в римском искусстве, частное коллекционирование в России в начале XX в.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

ON JEWELLERY FROM THE FIRST CENTURIES CE COMPLEXES ON THE TERRITORY OF COLCHIS AND SURROUNDING AREAS OF THE NORTH-EASTERN BLACK SEA REGION (ABOUT THE SO-CALLED STYLISTIC GROUP “GORGIPPIA — LOO”)

This paper focuses on gold polychrome jewellery originating from the complexes in Western Georgia (Gonio, Makho, Kapandibi, Kldeeti) and adjacent areas (Loo), as well as a pendant with the image of Minerva belonging to the same group, which in early 20th century was acquired by the Rostov-on-Don collector F.S. Romanovich (it is specially considered in the appendix to the article). According to O.V. Sharov, whose opinion was expressed for the first time in 2006, these adornments are included in the group of polychrome jewelry of the late Roman period, which he called the “Gorgippia — Loo” group and dated in 2006 to the 3rd century CE, later — to the second half of the 2nd — the first half of the 3rd century CE. In part, this characteristic really corresponds to the finds from crypt II/1975 in Gorgippia (but only in part — compositions made of granulation, as well as cells with a jagged edge, were not used in their decoration), but the finds from Gorgippia have nothing in common with the jewellery from Gonio, Kldeeti, Kapandibi and Loo under discussion, for which the use of filigree, as in the finds from Gorgippia, is not typical. Accordingly, it is obvious that such an unreasonable term, which denotes objects that are not related to each other, should be abandoned. An analysis of the characteristic features of the shape and decoration of jewellery from Colchis and adjacent areas, as well as a stylistic and chronological analysis of the complexes from which they originate, allows us to come to the following conclusions.

There are no direct reasons to date to the 3rd century CE any of the complexes from Colchis and Loo under discussion. Moreover, the jewellery found in the hoards and burials from Makho, Gonio, Kapandibi and Loo is unlikely to be later than the 1st century CE, and some of these items can obviously be dated even to the 1st century BCE. At the same time, a detailed analysis of the pendant from the collection of F.S. Romanovich gives reason to believe that the coin emblem that appeared on the coins of Caracalla and Geta could serve as a prototype for the jeweler and, accordingly, this allows to date the pendant no earlier than the turn of the 2nd—3rd centuries CE.

Thus, it is possible that the workshops that were established in Colchis at the turn of the Christian era and produced in the 1st century CE gold jewellery in a characteristic style, with extensive use of granulation and colored inlays, mainly in sheet cells with a serrated edge, continued to work in this style, at least until the early 3rd century CE, which theoretically does not exclude the later dating of the Colchis complexes within the second half of the 2nd — the first half of the 3rd centuries CE. In this regard, I would point out that the combination in the complexes of much earlier imported precious items (in particular, Roman bronze and silver utensils and gems), as well as Roman and Parthian coins of the 1st—2nd centuries, including gold ones, which are considered as diplomatic gifts, is in general typical for the rich burials of the necropoleis of Kartli, especially Mtskheta, of the middle / second half of the 2nd — early / first half of the 3rd centuries CE.

O.V. Sharov suggested that the manufacture and the style of decoration of the jewellery of the group under consideration “originally was associated with the traditions of Arsakid Iran, and some of the items

could have been made by craftsmen of Iberia, experiencing in the 3rd century a strong Iranian influence". Also this thesis raises serious doubts, given the absence in Iran not only of close parallels to the forms of jewellery under discussion, but also of combinations of compositions made of granulation with inlays in cells with a jagged edge. Rather, the objects in question should be considered as products of local workshops and not of Caucasian Iberia, but of Colchis (i.e., Western Georgia), also taking into account obvious elements and motifs dating back to the works of jewellery art of Colchis of an earlier period. Noteworthy is the almost complete absence of adornments which could be identified as Roman, unless one could consider the origin of the finger ring and cameo inlay in one of the plaques from Loo. The glass goblet from Loo was probably made in Syria, while the silver cantharus from Kapandibi finds the closest parallels in the design of the handles among the vessels of the Augustan period from Central Europe. Parthian connotations can be traced only in the case of a finial with characteristic pendants and, possibly, a phalera from the Treasure from Gonio, but they also have nothing to do neither with the 3rd century, nor with the workshops of Iberia.

Key words: Colchis, Caucasian Iberia, jewellery, silver, gold and glass vessels, treasures, Roman coins, iconography of Minerva and Gorgon in the Roman art, private collectioning in Russia at the beginning of the 20th century.

About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

---

1. Введение

В данной работе пойдет речь о золотых полихромных украшениях, происходящих из комплексов на территории Западной Грузии (рис. 1: 1) (Гонио (рис. 1—8), Махо (рис. 9), Капандиби (рис. 10—13), Клдеети (рис. 14)) и прилегающих областей (Лоо (рис. 15—16)). Я должен сразу сделать важное замечание. В отличие от большинства моих публикаций, эта работа основана на фотографиях, описаниях и публикациях (за исключением краткой возможности увидеть находки из клада в Гонио при подготовке и монтаже выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина 1980 г.). К сожалению, у меня не было возможности работать с указанными памятниками *de visu*, что, безусловно, вносит ограничения в атрибуцию. Это касается весьма распространенной практики приводить в публикациях лишь вид лицевой стороны предмета при полном игнорировании описания оборотной стороны. По некоторым фотографиям, в частности, одного из серебряных сосудов из Капандиби (рис. 11: 2), при отсутствии качественных описаний чрезвычайно трудно получить представление о форме предмета или его деталей. Серьезным недостатком является и отсутствие масштаба или размеров в публикациях ювелирных изделий из Батумского музея (Kakhidze et al. 2015) — по этой причине я не могу привести размеры предметов из кладов в Махо (рис. 9) и Капандиби (рис. 10—13). Тем не менее, даже в таком урезанном виде, данный материал может быть рассмотрен и проанализирован значительно более основательно, чем это было сделано до сих пор, хотя очевидно, что он заслуживает полноценной публикации с подробными описаниями, техническими характеристиками и качественными фотографиями и рисунками. Учитывая ограниченный объем статьи, рассматривая комплексы, я остановился лишь на самых важных с точки зрения хронологии и атрибуции предметах, хотя, вне всякого сомнения, данные материалы заслуживают комплексной монографической публикации.

Впервые на рассматриваемые украшения (за исключением найденного позднее комплекса из Капандиби) обратили внимание авторы монографии о кладе из Гонио, в котором помимо этого клада были упомянуты и частично проиллюстрированы также находки из Клдеети, Махо и Лоо (Лордкипанидзе и др. 1980). В публикациях последующего времени вещи, главным образом из клада в Гонио, в лучшем случае полностью (Tsetskhladze 1999) или частично перечислялись (Kakhidze et al. 2002; Kakhidze 2008; Mamuladze et al. 2019) и отчасти были проиллюстрированы. Лишь в каталоге Батумского музея приводятся фотографии почти всех находок из Гонио, Махо

и Капандиби, впрочем, с изображениями преимущественно с лицевой стороны, с неточными описаниями и без указания размеров и инвентарных номеров музея (Kakhidze et al. 2015). По мнению О.В. Шарова, высказанному впервые в 2006 г., указанные украшения входят в группу полихромных ювелирных изделий позднеримского времени, названную им группой «Горгиппия—Лоо» и датированную в первой работе — III в. н.э. (Shchukin et al. 2006: 65, fig. 57), в дальнейшем — второй половиной II — первой половиной III в. н.э. (Шаров 2019: 205; 2022: 61, рис. 115). По мнению исследователя, это «массивные золотые предметы, украшенные в центре обойм бирюзовыми, сердоликовыми и гранатовыми вставками, а по полю — орнаментом в виде фестонов из напаянной зерни, по краям обойм и вокруг гнезд — в виде напаянной филиграни». Отчасти это характеристика действительно соответствует находкам из склепа II/1975 в Горгиппии (но лишь отчасти — композиции из зерни, также как и касты с зубчатым краем в их декоре не использованы) (см. о них: Treister 2003: 45—57), но при этом не имеет ничего общего с указанными украшениями из Гонио, Клдеети, Капандиби и Лоо, для которых использование филиграни, в отличие от горгиппийских находок, вообще не характерно. Соответственно, очевидно, что следует отказаться от такого необоснованного термина, который обозначает изделия, не связанные между собой. В пользу датировки указанных украшений из Гонио, Клдеети и Лоо первой половиной или даже серединой III в. н.э. высказывался и Ю.Н. Воронов (2006: 150), впрочем, также не приводя для этого каких-либо аргументов.

2. Общая характеристика украшений

Для рассматриваемых украшений характерно сочетание вставок в кастах, как правило, с зубчатым краем, с обильным использованием композиций из зерни.

Прежде всего имеются в виду разнообразные бляхи разнообразных форм. Такие бляхи происходят из: разрушенного погребения в Лоо (рис. 16: 8—10, 12) (Иванова, Голубев 1961: 284—288, рис. 6—9, 11; Воронов 1979: 75, рис. 36: 1—3; 37: 1 = 2014: 344—345, рис. 36: 1—3; 37: 1; Лордкипанидзе и др. 1980: 44, табл. XXVII—XXIX; Кат. Сочи 2013: 59, 60 (слева и справа)); клада в Гонио (рис. 6) (Лордкипанидзе и др. 1980: 61—64, № 7—9, табл. XXI—XXVI; Kacharava 1984: 101, fig. 7; Braund 1994: 186, 187, pl. 11; Kakhidze 2008: 317, fig. 18: вверху слева; Kakhidze et al. 2002: 254, pl. 3: b; 2015: 77—80; Mamuladze et al. 2019: 72: одна из блях изображена вверх ногами); «клада» в Капандиби (рис. 12; 13: 3) (Kakhidze et al. 2015: 58—59, figs. 73—78) и некрополя Клдеети (рис. 14: 2) (Капанадзе 1956: 83, 84, рис. 5: 2; Ломтатидзе 1957: 30—34, № 23; 103—104, № 150; 197—198, 201, табл. I: 2; XIV: 1; XIX: 1 (2); см. 8 частично фрагментированных блях: Ломтатидзе 1957: табл. XV: 2); Лордкипанидзе и др. 1980: 43—44, табл. XXX—XXXII; Dshawachischwili, Abramischwili 1986: Abb. 71; Лордкипанидзе 1989: 346—347, табл. XXIV; Shchukin et al. 2006: 65, fig. 57; Gamkrelidze 2014: 49; Lordkipanidze 2015: 352—353, fig. 327; Шаров 2022: 61, рис. 115).

Эти бляхи имеют различные формы:

1) прямоугольной формы с завершениями треугольной формы, как правило, с дополнительными фигурками двух обращенных друг к другу птиц, в одном случае — животных (львов) вверху на фронтоне (рис. 6: 2) и тремя (в одном случае — Капандиби — четырьмя (рис. 13: 3)) круглыми подвесками из тонкого листа на цепочках внизу. Это наиболее распространенный тип, представленный во всех рассматриваемых комплексах (вариант — бляхи из Клдеети (рис. 14) и одна из блях из Гонио (рис. 6: 3—4) (Лордкипанидзе и др. 1980: 36—37, № 7; 43, табл. XXI—XXII; Kat. Saarbrücken 1995: 138, Abb. 133; 303, Nr. 291; Tsetskhladze 1999: 93, no. 7; Kakhidze et al. 2002: 254, pl. 3, b; 2015: 78—79, figs. 102—103; Gamkrelidze 2014: 59; Mamuladze et al. 2019: 72) — с двумя треугольными завершениями);

2) в форме пластинчатых лунниц со слегка вогнутым основанием и закругленной верхней частью, с двумя обращенными друг к другу фигурками птиц вверху и тремя круглыми подвесками из тонкого листа на цепочках внизу. Шесть таких блях (некоторые без

фигурок птиц или с утраченными подвесками) происходят из Капандиби (рис. 12) (Kakhidze et al. 2015: 58—59, figs. 73—78);

3) фигурная: округлая в центре, по периметру оформленная в виде вырастающих из центральной части четырех пар обращенных друг к другу стилизованных конских головок на длинных шеях, с пятью круглыми подвесками из тонкого листа на цепочках внизу. Один экземпляр происходит из Лоо (рис. 16: 8) (Иванова, Голубев 1961: 284, 289, рис. 7: 2; Воронов 1979: 75, рис. 36: 2 = 2014: 344, 348, рис. 36: 2; Лордкипанидзе и др. 1980: 44, табл. XXIX; Кат. Сочи 2013: 59: слева);

4) ромбовидной формы. С подвесками типов 1—2 ее сближает украшение в верхней части двумя обращенными друг к другу фигурками птиц. Подвески на цепочках (пять) отличаются от подвесок блях типов 1—3: они выполнены в форме трехлопастных наконечников, напоминающих наконечники стрел. Один экземпляр происходит из Лоо (рис. 16: 12) (Иванова, Голубев 1961: 284, 289, рис. 7: 1; Воронов 1979: 75, рис. 36: 1= 2014: 344, 348, рис. 36: 1; Лордкипанидзе и др. 1980: 44, табл. XXVIII; Кат. Сочи 2013: 60: справа).

Указанные бляхи рассматривали как украшения поясов или головных уборов (см. обзор точек зрения (Лордкипанидзе и др. 1980: 44—45; Лордкипанидзе 1989: 347)), но, судя по расположенным на оборотной стороне в центре одной из пластин двух небольших петель с отверстиями по горизонтальной оси (Kakhidze et al. 2015: 79, fig. 102), их можно скорее рассматривать как элементы ожерелий.

Кроме блях в аналогичном стиле выполнены: серьга из Лоо с дужкой из крученой проволоки. Основная часть серьги выполнена в форме двух соединенных между собой и обращенных в противоположные стороны головок лошадей, к морде каждой из них на цепочке подвешена фигурка птицы. В нижней части основного элемента серьги к колечкам закреплены на цепочках пять листовидных трехлопастных подвесок. Еще по две аналогичные подвески свисают на цепочках, закрепленных на колечках в нижней части фигурок птиц (рис. 16: 11) (Иванова, Голубев 1961: 284, 290, рис. 8: 1; Воронов 1979: 75, рис. 36: 4 = 2014: 344, 348, рис. 36: 4; Кат. Сочи 2013: 60 (в центре)).

Также из Лоо происходит флакон биконической формы на цепочке со съемной крышкой, украшенной фигуркой птицы, к голове которой на колечке подвешен полый биконический шарик с пирамидкой из шариков зерни внизу (рис. 16: 7) (Иванова, Голубев 1961: 286, 290, рис. 9: 2; Воронов 1979: 74, рис. 35: 1 = 2014: 344, 346, рис. 35: 1; Treister 2004a: 176—177, no. 22 (B15); Трейстер 2007a: 54; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 121, № B20.3; Кат. Сочи 2013: 63 (справа)).

Золотая подвеска трапециевидной формы с широкой петлей для подвешивания, центральной овальной вставкой в касте с зубчатым краем происходит из клада в Капандиби. Поверхность подвески украшена декором из треугольников и ромбов зерни (рис. 13: 4; 17: 4) (Kakhidze et al. 2015: 56, fig. 71). Подвеска аналогичной формы, место находки которой неизвестно, в начале XX в. находилась в собрании ростовского коллекционера Ф.С. Романовича. На ней в низком рельефе представлена фронтально стоящая фигура Минервы, которая правой рукой опирается на край фронтально стоящего щита, выпуклая часть которого украшена головой Медузы в обрамлении из перьев, а левой рукой держит под наконечником вертикально стоящее копье со втоком. В углах и в центре длинных сторон — касты с треугольными выступами по краю со вставками овальной и каплевидной формы. Вверху — два филигранных каста в виде листьев плюща. По длинным сторонам композиции из ромбов и пирамидок зерни (рис. 17: 1, 3) (Спицын 1909: 27, 42, рис. 56). Очевидно, что подвески из Капандиби и коллекции Романовича чрезвычайно близки и относятся к изделиям одного круга.

Необычен браслет из Капандиби, который скручен из относительно толстой и узкой золотой полоски и имеет каплевидные окончания, на которые напаяны касты такой же формы с зубчатым краем и выпуклыми вставками граната (рис. 13: 1) (Kakhidze et al. 2015: 53, fig. 69).

Бусы в концевых оправах, украшенных композициями из треугольников и ромбов зерни, происходят из Лоо (рис. 16: 2) (Иванова, Голубев 1961: 288, рис. 6; Воронов 1979: 74, рис. 37: 2 = 2014: 344, 349, рис. 37: 2; Кат. Сочи 2013: 64 (вверху)) и клада в Махо (рис. 9: 3)

(здесь сохранились только четыре концевые оправы: Kakhidze et al. 2015: 93, fig. 118). При этом в Лоо это были вытянутые, сужающиеся к концам бусы из гагата, в одном случае имелись не только концевые оправы, но и центральная оправа в виде кольца, украшенного тремя рядами розетт из шариков зерни.

3. Общие наблюдения и датировка ювелирных изделий

Пластинчатые касты с зубчатым краем, подобные использованным в украшениях рассматриваемой группы, в целом встречаются на украшениях из Северного Причерноморья, датированных в рамках II/I вв. до н.э. — I в. н.э. (Трейстер 2007в: 274—275, типы 4—5, рис. 64: 4—5). Примеры надежно датированных комплексов с ювелирными украшениями с такими кастами, которые бы датировались позднее конца I или рубежа I—II вв. н.э. мне не известны. Это же можно сказать и относительно украшений изделий композициями из шариков зерни: треугольниками, ромбами и розеттами (Трейстер 2007б: 270—271). За пределами Северного Причерноморья касты с зубчатым краем украшали ювелирные изделия, которые происходят самое позднее также из комплексов I в. н.э., вероятно около середины столетия (Konrad 2014: 39—41; 2017: 276—277), в частности, погребения № 11 некрополя Эмессы в Сирии (Seyrig 1953: 20—21, no. 5, pl. A; Pfeiler 1970: 86—87, Taf. 28; Konrad 2014: 37, Taf. 5: 3a—b; 7; 2017: 269, fig. 3: 3; 273, fig. 4; 275). Единственное известное мне исключение — круглая золотая брошь со вставкой агатовой пластины в касте с аналогично оформленным краем, вероятно, украшение головного убора из гробницы № 7 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 101, рис. 52: 19; 102, № 149, табл. LIII: 11; Lordkipanidze 2015: 340—341, fig. 316), найденная среди богатого инвентаря, включающего и римские ауреусы, самый поздний из которых датируется 156/157 гг. н.э. (Апакидзе и др. 1958: 108—109, № 167), что с учетом и другого инвентаря не позволяет датировать погребение ранее второй половины II в. н.э. (Апакидзе и др. 1958: 112).

Значительно реже использовались пластинчатые касты с ровным краем (например, крупная овальные вставки в центре одной из блях из Гонио (рис. 6: 2) (Лордкипанидзе и др. 1980: 38—39, № 9, табл. XXV—XXVI; Kakhidze et al. 2015: 80, fig. 103) и одной из блях из Клдеети (рис. 14: 2, вверху в центре)[1] (Капанадзе 1956: 83, 84, рис. 5: 2; Ломтатидзе 1957: 103—104, № 150; 197—198, 201, табл. XIV: 1; Лордкипанидзе и др. 1980: 43—44, табл. XXX: 1; Shchukin et al. 2006: 65, fig. 57: вверху в центре; Lordkipanidze 2015: 352—353, fig. 327: вверху в центре; Шаров 2022: 61, рис. 115: вверху в центре).

Филигранный декор использовался редко и явно выступал второстепенным на фоне зерни. Напаянные гладкие проволочки с завитками на концах украшают бляхи в форме лунниц из Капандиби (рис. 12) (Kakhidze et al. 2015: 58—59, figs. 73—78) и брошь из Махо (рис. 9: 4) (Лордкипанидзе и др. 1980: 33, 46, табл. LIII—LIV; Kakhidze et al. 2015: 90, fig. 115).

3.1. Бляхи

Общая конфигурация блях с квадратной основой, которая увенчана треугольником, очень напоминает щитки золотых серег с аналогичными подвесками в виде дисков на цепочках из керченского склепа Юлия Каллисфена (Скалон 1961: 33, рис. 3: 1; Трейстер 2007а: 128; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 128, В32.1, табл. 56) с богатым инвентарем, позволяющим датировать погребение в рамках второй половины I в. н.э. Хотя в последнее время высказывались соображения в пользу датировки погребений в склепе второй половиной II в. н.э. (Завойкина 2013: 55—56; Шаров, Чореф 2015: 367—369), оснований для датировки комплекса позднее второй половины I в. н.э. нет (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 128; Масякин 2018: 302—304; Трейстер 2019: 564).

[1] В публикациях 1956 и 1957 гг. — с дисками на концах цепочек, в более поздних — без них.

Аналогичным декором с использованием вставки сердолика в касте с зубчатым краем и зерни в форме ромбов и пирамидок украшена золотая брошь с фигурным щитком с приемником для двойной иглы из погребения № 12/1983 могильника № 1 у хут. Ленина под Краснодаром. Брошь датировалась в рамках I в. до н.э. — I в. н.э. (Кат. Москва 1987: 135, № 165, табл. 34: в центре слева; Kat. Mannheim 1989: 144, Nr. 165, Taf. 34: в центре слева; Cat. Tokyo 1991: 91, no. 95; Treister 2002b: 38, pl. III: 3; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 44, № A125.1, табл. 31; Мордвинцева и др. 2010: 34, 282—283, № 227, цв. табл. 4; табл. 45, рис. 39), при этом очевидно, что находка в погребении флакона типа bulbous (Мордвинцева и др. 2010: с. 282) делает датировку погребения позднее середины I в. до н.э. маловероятной (Труфанов, Мордвинцева 2018: 35).

Еще один пример сочетания декора из зерни (треугольники, розетты) со вставкой в касте с зубчатым краем — ромбовидной формы золотая брошь из погребения № 22 некрополя Мысхако (Малышев, Шишлов 2010: 162, рис. 8; Малышев 2020: 168—169, рис. 146). Погребение датируется в рамках I — начала II в. н.э. (Дмитриев 2020: 57—59, рис. 50—51). Примечательно, что эта брошь в углах украшена проволочными кастами в форме четырехлепестковых розетт. В одном из них сохранилась выпуклая вставка из голубой пасты — подобный декор розетты с аналогичными голубыми вставками, правда, пяти и шестилепестковые с выделенным центром украшают прямоугольные накладки из клада в Гонио (рис. 7: 1) (Лордкипанидзе и др. 1980: 41, № 28; табл. XLIII—XLIV; XLV: 1; XLVI; Kakhidze et al. 2015: 83, fig. 109; Mamuladze 2019: 72).

Оформление углов блях из Капандиби (бляхи в форме лунниц (рис. 11): Kakhidze et al. 2015: 58—59, figs. 73—78; прямоугольная бляха с треугольным завершением и фигуркой птички (рис. 13: 3): Kakhidze et al. 2015: 55, fig. 70) и Гонио (рис. 6: 3) (Лордкипанидзе и др. 1980: 36—37, № 7; 43, табл. XXI—XXII; Kat. Saarbrücken 1995: 138, Abb. 133; 303, Nr. 291; Tsetskhladze 1999: 93, no. 7; Kakhidze et al. 2002: 254, pl. 3: b; 2015: 78—79, figs. 102—103; Gamkrelidze 2014: 59; Mamuladze 2019: 72) парными завитками рубчатой проволоки находит ближайшие параллели на ромбовидных брошах с двуигольным аппаратом из Прикубанья, которые датируются в рамках II в. до н.э. — I в. н.э. (Трейстер 2007a: 133; Мордвинцева и др. 2010: 34, рис. 39). Впрочем, аналогичным образом оформлены и омеговидной формы золотые бляхи-застежки, украшенные зернью и вставками в кастах, из гробницы № 7 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 101, 103, № 151, рис. 52: 18; табл. X: 1; Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 50; Лордкипанидзе 1989: 352, 360, табл. XXII; Lordkipanidze 2015: 334—335, fig. 311).

Филигранные элементы декора блях в форме лунниц из Капандиби (передающие лепестки пальметт) (рис. 12) находят близкие параллели в оформлении овальной броши с утраченной двойной иглой на обороте из клада в Махо (рис. 9: 4) (Лордкипанидзе и др. 1980: 33, 46, табл. LIII—LIV; Kakhidze et al. 2015: 90, fig. 115). Брошь из Махо без сомнения относится кругу позднеэллинистических застежек прикубанского типа и не может никак датироваться позднее I в. н.э., скорее же всего ее можно относить к изделиям I в. до н.э. — начала I в. н.э. (Treister 2002: 33—34; Трейстер 2007a: 135).

Большая часть рассматриваемых блях украшена вверху парными, обращенными друг к другу фигурками птиц, у некоторых из которых имеются вставки, украшающие глаза и крылья. Сопоставимы с ними парные фигурки птиц, украшающие биконические подвески серег из сарматских погребений I — начала II в. н.э. в Ново-Петровке (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 125, № B26.2, табл. 14; 54) и в Заканальном (погребение № 1 кургана № 10/1967: Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 33, № A81.1, табл. 14; 29, рис. 24).

Очевидно, что прототипы таких композиций прослеживаются, по крайней мере, до IV в. до н.э. в скифских ювелирных изделий, в частности фигурках, украшающих золотые серьги в форме калачика (Петренко 1978: 29—30, тип 9, табл. 19; Бессонова 2007: 3—26). Такие фигурки имеются у серег двух вариантов (Лифантий 2015: 177), которые представлены находками из погребений в кургане № 38 у дер. Любимовка (вариант 6) (Leskov 1972: figs. 19—20; 1974: 65, Abb. 86—87; Лєсков 1974: 37, рис. 28; Петренко 1978: 30, табл. 19: 9;

Бессонова 2007: 5, рис. 2: 17; 12; Клочко 2010: 60, рис. 3; Ліфантій 2014: 43, рис. 2: 3) Чмыревой могилы (Rudenko 1962: 27, Abb. 20; Онайко 1970: 42, 104, № 453, табл. XXXVI; Петренко 1978: 30, табл. 19: 12; Бессонова 2007: 5, рис. 2: 19; 12; Клочко 2010: 63), курганов № 4 у с. Новоселки (Петренко 1978: 30, табл. 19: 13; Galanina, Grach 1986: figs. 247—248; Бессонова 2007: 5, рис. 2, 11; 12; Клочко 2010: 65, рис. 5), № 8 у с. Волчанске (Kat. Schleswig 1991: 315, Nr. 109; Kat. Wien 1993: 174—175, Nr. 48; Cat. Milan 1995: 88 (внизу), 191—192, no. 39; Cat. San Antonio 1999: 266, no. 129; Бессонова 2007: 12; Клочко 2010: 66—67, рис. 6), № 9 — у с. Малая Лепетиха (Витрик, Данилко 2002: 139, 148, рис. 5: 1; Бессонова 2007: 5, рис. 2: 18; 12; Клочко 2010: 61—62, рис. 4) (вариант 7). Парные фигурки уточек украшают и переднюю пластину золотой гривны начала IV в. до н.э. из скифского кургана № 5 у с. Дубесарь в Молдове (Niculiţă 2018: 68—69, no. 23).

3.2. Подвески трапециевидной формы

Подвеска трапециевидной формы с широкой петлей для подвешивания, центральной овальной вставкой в касте с зубчатым краем происходит из клада в Капандиби (рис. 13: 4; 17: 4). Поверхность подвески украшена декором из треугольников и ромбов зерни (Kakhidze et al. 2015: 56, fig. 71). Ближайшей параллелью ей является подвеска такой же формы с изображением Минервы и с аналогичным декором из вставок в кастах с зубчатым краем и композиций из зерни, которая в начале XX в. находилась в коллекции ростовского антиквара Ф.С. Романовича (рис. 17: 1, 3) (Спицын 1909: 27, 42, рис. 56). Подробно эти подвески рассматриваются в Приложении к статье.

3.3. Серьга

Мотив парных конских головок, но обращенных не в противоположную сторону, а друг к другу, находит параллели на одной из рассмотренных выше блях из Лоо (рис. 16: 8).

Композиция серьги с парными конскими головками (рис. 16: 11) с очевидностью восходит к значительно более ранней золотой подвеске серьги, происходящей из погребения № 22 могильника Гастон Уота в Горной Дигории (Северная Осетия), которая представляет собой объемное изображение двух протом взнузданных коней, развернутых в разные стороны; снизу прикреплены желудевидные подвески. С учетом материалов из погребения подвеска была датирована первой половиной IV в. до н.э. (Мошинский 2006: 47, 186, рис. 27: 16; 2020: 152, рис. 3: 3; Трейстер 2008: 506—507, 515, № 9, рис. 10: 1; Вольная 2011: 67, рис. 1: 11). Пара аналогичных серег попала в собрании семьи С.И. Платонова и была опубликована как украшение из Прикубанья с ошибочной датировкой II—I вв. до н.э. (см. о них и о правильной датировке: Трейстер 2008: 506—507, 517, № 14, рис. 10: 2). При всем различии, по своему декору (использованию рядов треугольников зерни, манере изображения глаз в виде шариков зерни, впаянных в колечко из проволоки, напаянное на основу), а также использованию желудевидных подвесок, эти украшения обнаруживают близость с датирующимися еще V в. до н.э. височными подвесками из Вани и савроматского погребения в кургане у Сазонкина Бугра в Нижнем Поволжье (Трейстер 2008: 507).

Ближайшей же параллелью серьге из Лоо является золотая серьга — случайная находка из Ахалшени в районе Хелвачаури (Батуми) (Kakhidze et al. 2015: 51, fig. 68). Сохранилась основная часть украшения с протомами двух коней. Оформление коней рядами зерни явно свидетельствует в пользу подражания ранним прототипам. Однако в отличии от них, в основании каждой головки имеются округлые стеклянные вставки, причем в кастах с зубчатым краем. Оформление нижнего края косичкой, места крепления цепочек и форма подвесок, также напоминают декор серьги из Лоо.

3.4. Флакон

Флаконы с туловом яйцевидной формы, как находка из Лоо (рис. 16: 7), появляются в любом случае не позднее середины II в. н.э., судя по находке в гробнице № 7 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 95, табл. IX; Скалон 1961: 133—134, рис. 14: 1; Pfeiler 1970: 79, Taf. 22; Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 46; Musche 1988: 135—136, Nr. 3.2.4.2, Taf. XXXV; Лордкипанидзе 1989: 360, табл. XIX; Lordkipanidze 1991: Taf. 55: 4; Treister 2004a: 170, no. 15 (B8) с библиографией; Odisheli 2013: 155, pl. 12; Lordkipanidze 2015: 330—331, fig. 307), известны в комплексах середины III в. н.э. (серебряный флакон аналогичной формы в танаисской усадьбе вместе с монетами Рескупорида V (242—276 гг. н.э. (Арсеньева, Науменко 1992: 78, 215, рис. 99: *7*) и продолжают бытовать вплоть до первой половины IV в. н.э. («погребение с Золотой маской» в Керчи) (Трейстер 2004: 248—249, рис. 1: 2; Treister 2004a: 168—169, no. 14 (B7) с полной библиографией; Кат. Ст. Петербург 2009: 84—85, илл. 5; 125, № 4), отражая тенденцию к украшению тулова флаконов и крышки многочисленными вставками из гранатов и альмандинов круглой и каплевидной формы. Серебряный флакон со вставками из гранатовых кабошонов в пластинчатых кастах, обрамленных зернью, предположительно происходящий из Керчи, имеет тулово аналогичной формы (Скалон 1961: 133—134, рис. 14: 2a—b). Близкую форму тулова с декором из филиграни и многочисленными вставками граната в кастах округлой и миндалевидной формы имеет золотой флакон неизвестного происхождения, подаренный Гос. Эрмитажу Е.Я. Сатановским, датируемый в рамках второй половины II — первой половины III в. н.э. (Засецкая 2004: 54—61, рис. 1: а—в; Кат. Ст. Петербург 2008: 141, № 56; Kat. Leoben 2009: 268, Nr. 117).

От всех перечисленных выше флаконов, у которых крышки имеют цилиндрическую форму, флакон из Лоо отличается тем, что крышка у него конической формы и фактически она симметрична самому тулову флакона (рис. 16: 7). Таким образом точной параллели флакону из Лоо по форме нет. Все упомянутые параллели флакону из Лоо по форме, отличаются от него также тем, что украшены лишь вставками в кастах, причем вставками поздними, конической формы, и отсутствием в декоре композиций из зерни. Более того, не только композиции в виде розетт и ромбов из шариков зерни, но и оформление краев кастов треугольными выступами, ставят флакон из Лоо в один ряд с бляхами и серьгами, рассмотренными выше. Очевидно, что это изделие той же мастерской (мастерских) и того же времени.

3.5. Браслет

Аналогии оформлению перекрученной дужки браслета из Капандиби (рис. 13: 1) (Kakhidze et al. 2015: 53, fig. 69) среди браслетов мне не известны. Вместе с тем, в такой технике выполнены дужки некоторых золотых серег с замком в форме петли и крючочка, в частности, находок из могилы № 20/1990 на г. Митридат (Зинько, Шаров 2021: 101, илл. 23: 6; 105—106 (здесь названы височными подвесками, приведенные аналогии не имеют к ним отношения), 169—170, илл. 124: 5; 125: 5), которая датируется разнообразным инвентарем 70—80-ми гг. н.э. (Зинько, Шаров 2021: 114).

Золотой браслет из дрота округлого сечения с близкими по форме окончаниями с цветными вставками каплевидной формы, но в пластинчатых кастах с прямым краем, происходит из некрополя в Клдеети (Ломтатидзе 1957: 148, № 214, табл. II: 6; XIX: 5).

3.6. Бусы в золотых оправах, украшенных композициями из зерни

Бусы в концевых оправах, украшенных композициями из треугольников и ромбов зерни, происходят из Лоо (рис. 16: 2) (Иванова, Голубев 1961: 288, рис. 6; Воронов 1979: 74, рис. 37: 2; Кат. Сочи 2013: 64 (вверху)) и клада в Махо (рис. 9: 3) (здесь сохранились только четыре концевые оправы: Лордкипанидзе и др. 1980: 33, табл. LIII—LIV: внизу; Kakhidze et al. 2015: 93,

fig. 118). При этом в Лоо это были вытянутые, сужающиеся к концам бусы из гагата; в одном случае имелись не только концевые оправы, но и центральная оправа в виде кольца, украшенного тремя рядами розетт из шариков зерни.

Подобной удлиненно-овальной формы, сужающиеся к концам бусы в концевых оправах, украшенных композициями из зерни, имеют прототипы значительно более раннего времени. Так бусина из агата (?) (в публикации названа сердоликовой, но похожа на агатовую), найдена в скифском погребении V в. до н.э. в кургане № 1/1876 у с. Яблоновка (Онайко 1966: 64, № 234, табл. XXIII: 5; Кат. Москва 2002: 100, № 452) — ее оправы также имеют усечено-биконическую форму и украшены сплошными рядами треугольников зерни, вершинами друг к другу. Близка по форме находке из Яблоновки бусина, найденная в одном из саркофагов гробницы Табнита царского некрополя Сидона: единственная сохранившаяся оправа украшена рядами треугольников и ромбов из шариков зерни (Hamdi Bey, Reinach 1892: 105, fig. 47: слева). Целая серия подобных подвесок с бусинами удлиненно-овальной и цилиндрической форм, с оправами, украшенными зернью или филигранью, происходит из клада I, хранящегося в Музее Гетти, возможно найденного в Северо-Западном Иране и датирующегося I в. до н.э. — I в. н.э. (Pfrommer 1993: 44—45, 167—176, nos. 40—60). М. Пфроммер предполагает, что эти украшения имели ахеменидские прототипы. Отметим, что большинство этих украшений использовались как подвески, т. к. имеют пластинчатые петельки, припаянные к обоймам (Pfrommer 1993: 167—176, nos. 40—41, 43—52, 54—59). Более того, почти все они снабжены дополнительной обоймой (как и в случае с одной из бусин из Лоо), но с петелькой в центральной части бусины (Pfrommer 1993: 167—176, nos. 40—41, 43—50). Близкая по форме сердоликовая бусина в концевых золотых оправах, оформленных как львиные головки, происходит из погребения № 11 некрополя Эмессы в Сирии (Seyrig 1953: 19—20, no. 3, fig. 2; Konrad 2014: 37, Taf. 5: 4; 2017, 269, fig. 3: 9; 275 (здесь как халцедоновая)).

4. Датировка комплексов

4.1. Капандиби

Клад из Капандиби (рис. 10) без какого-либо анализа относят к I в. н.э. (Kakhidze 2014: 255).

Верхние пластины ручек канфара из Капандиби овальной формы с остроконечным завершением и завитками в основании (рис. 10; 11: 1) (Kakhidze et al. 2015: 61—62, figs. 82—83) сопоставимы с пластинами канфаров августовского времени из Калькризе (Schlüter 1997: 136, Abb. 12; Schuster 2010: 31—33, Abb. 7: 1), Оберадена (Stupperich 1997: 167, Abb. 1; Schuster 2010: 31—33, Abb. 7: 2) в Германии и Бирстеда на севере Ютландии (Künzl 1997: 38, Abb. 3: c; 39, Abb. 4: a; 40; 2002: 336, Taf. 14: 2; Schuster 2010: 31—33, Abb. 7: 3) и Голубице в Богемии (Künzl 1997: 40, Abb. 5: a; 2002: 336, Taf. 17: 2; Schuster 2010: 31—33, Abb. 7: 5). Судя по фотографии, и форма тулова канфара соответствует форме сосудов с ручками такого же типа из Любшова (Sandberg 1) в Польше (Wielowiejski 1989: 199, 228—229, Nr. 2—3, Taf. 68; Künzl 1997: 38, Abb. 3: d; 2002: 336, Taf. 15; Schuster 2010: 30—42, Abb. 7: 5, Taf. 2—3; Niemeyer 2015: 219, fig. 4: 3b; 220, fig. 5: 2; 2018: 71, fig. 61; Niemeyer, Schwarzmaier 2021: 24, fig. 5, 145—146, 219, Nr. 35 с полной библиографией). Редкий для оснований ножек канфаров декор в виде плетенки находит параллель на кольцевом поддоне ножки одного из канфаров клада в Хильдесхайме с туловом, украшенном шестью масками (Niemeyer, Schwarzmaier 2021: 110).

Близкую форму имеют и серебряные ручки зеркал (Kat. Hildesheim 1997: 62—63, Nr. 42—43; Niemeyer, Schwarzmaier 2021: 119) и ручки овального блюда (Kat. Hildesheim 1997: 67, Nr. 51) из клада в Хильдесхайме. Все эти наблюдения не дают оснований датировать фрагментированный канфар из Капандиби позднее первых десятилетий I в. н.э.

Аналогии другому серебряному сосуду из клада с низким почти цилиндрическим туловом, слегка сужающимся книзу, на низком кольцевом поддоне с ручками с ажурными атташами, одна из которых утрачена (рис. 10; 11: 2) (Kakhidze et al. 2015: 60, figs. 79—81) мне не известны.

Фрагмент золотого венка в виде узкой ленты с вытянутыми трилистниками со слегка выпуклыми сторонами (рис. 10; 13: 2) (Kakhidze et al. 2015: 57, fig. 72) не противоречит предлагаемой датировке комплекса. Диадема в форме узкой ленты с прикрепленными к ней листками близкой формы происходит из датируемой позднеэллинистическим временем гробницы № 3 на участке Папатеодору на Родосе (Papachristodoulou 1980: 544, pl. 343β). Подобной формы, но гофрированные, листки с черенками были также прикреплены к узкой ленте, найденной на левой руке погребенного в земляной гробнице № 63/1903 на г. Митридат, в которой пять таких листков были обнаружены и на черепе погребенного (Шкорпил 1905: 18, рис. 15). Листик такой формы были найдены в Танаисе в могиле, предположительно датированной 1 в. н.э. (Арсеньева 1977: 62, 97, табл. XXIX: 6) и в Усть-Альминском некрополе в склепе середины I в. н.э. (Труфанов, Мордвинцева 2018: 39, рис. 5: 1; 43, рис. 8). Один из венков с такими листками из раскопок некрополя Пантикапея 1877 г. также имел основу в форме узкой золотой ленты; к ленте с крючками на концах были прикреплены восемь таких листков, а в центре венка находилась имитация монеты с изображением гермы и пальмовой ветви (Stephani 1881: 115; Толстой, Кондаков 1889: 40, рис. 49; Reinach 1892: 44, fig. 49; Minns 1913: 388, fig. 285; 390), дающая основание для датировки его, скорее всего, 1 в. н.э. (Калашник 2013: 92—93). Таким образом в целом, подобные погребальные диадемы в виде узких лент с листками такой формы характерны для II в. до н.э. — I в. н.э. (ср. Трейстер 2015: 90—93, рис. 13: 3, табл. 60). Листья погребальных венков II—III вв. н.э. имели обычно другую форму (Трейстер 2015: 84—89, рис. 3—8).

Таким образом, оснований для датировки комплекса временем после I в. н.э. не наблюдается.

4.2. Лоо

Проблема с этим комплексом (рис. 15—16) заключается в том, что он не был полностью подробно опубликован. В первой публикации была опубликована без какого-либо анализа лишь небольшая часть вещей (Иванова, Голубев 1961: 284—290). В популярной книге Ю.Н. Воронова (1979: 73—76, рис. 35—37 = 2014: 344—349, рис. 35—37) изданы довольно грубо исполненные рисунки большего количества вещей, но и они подробно не рассматриваются. Часть находок была сравнительно недавно опубликована в цветных изображениях в буклете временной выставки 2013 г. (Кат. Сочи 2013: 58—64).

Погребение в Лоо иногда датируют III в. н.э. (Воронов 1979: 73—76, рис. 35—37 = 2014: 344—349, рис. 35—37; Kazansky, Mastykova 2007: 18, pl. 15: A—C; Казанский, Мастыкова 2009: 26). Высказавшийся впервые в пользу этой датировки Ю.Н. Воронов основывал ее на фрагментированной серебряной фибуле, у которой частично сохранилась проволочная обмотка дужки (Воронов 1979: 74, 75, рис. 37: 21 = 2014: 349, рис. 37: 21). Проблема в том, что эта фибула, опубликованная только в виде рисунка Ю.Н. Вороновым, вполне вписывается в круг лучковых фибул 3 или 4 вариантов (точнее определить по рисунку нельзя) и может быть датирована в рамках II — начала III в. н.э. (ср. Кропотов 2010: 73—80, рис. 33—34, 36—38).

Что же касается остальных находок в комплексе, отметим следующее.

Золотая биконическая бусина, украшенная композициями из треугольников и ромбов из шариков зерни (рис. 16: 3) (Иванова, Голубев 1961: 286, рис. 11: в центре; Воронов 1979: 74, рис. 35: 3 = 2014: 346, рис. 35: 3; Кат. Сочи 2013: 62: вверху справа), находит ближайшую параллель в бусах из клада в Гонио (рис. 4: 5) и приведенных ниже аналогиях им и вполне может датироваться в рамках I в. до н.э. — I в. н.э.

Пластинчатая подвеска цепочки в форме лунницы с подтреугольным выступом в центре, обведенным напаянной в форме листа плюща или каплевидной формы проволоки (рис. 16: 1) (Иванова, Голубев 1961: 286, рис. 11: в центре; Воронов 1979: 75, рис. 37: 3 = 2014: 349, рис. 37: 3; Кат. Сочи 2013: 62: внизу слева) находит ближайшую параллель среди подвесок из погребения I в.

н.э. № 6 некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане (Sarianidi 1985: 257, no 6.24). Сопоставима и подвеска на цепочки серьги из Сибирской коллекции (Rudenko 1962: 57, Taf. XX: 5).

Золотая подвеска в форме лунницы из дрота ромбовидного сечения с шариками на концах и в основании пластинчатой петли (рис. 16: 6) (Иванова, Голубев 1961: 286, рис. 10: 2; Воронов 1979: 75, рис. 37: 3 = 2014: 349, рис. 37: 3; Трейстер 2007a: 72; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 121—122, № B20.4; Кат. Сочи 2013: 61: вверху в центре) относится к типу украшений, появившихся не позднее рубежа II—I вв. до н.э. и получившему широкое распространение в I — первой половине II вв. н.э. в Причерноморье (Трейстер 2007a: 94, Мастыкова 2022: 151—165, рис. 2—5; Трейстер, Винокуров 2023: 114—117), в том числе и в расположенном в районе Новороссийска могильнике Мысхако, где такие серебряные лунницы были найдены в комплексах раннего I в. н.э. (Dmitriev et al. 1999: 461, Abb. 19: 3) и второй половины I — первой половины II в. н.э. (Дмитриев и др. 2020: 30, рис. 25: 12; 31, № 12; Малышев 2020: 163, рис. 142; 2021: 161, рис. 14: 12), а также кавказской Иберии — одна золотая и две серебряные лунницы из дрота ромбовидного сечения с шариками на концах и в основании петли происходят из раскопок дворцового комплекса Дедоплис Гора I в. до н.э. — I в. н.э. (Gogiberidze 2008: 171, 186, nos. 149, 151—152, pl. 72). Соответственно, лунница из Лоо может быть датирована в широком интервале I в. до н.э. — первой половины II в. н.э.

Круглые золотые бляшки со вставками гранатовых кабошонов в кастах с зубчатой оправой, десять экземпляров которых были опубликованы в буклете 2013 г. (рис. 16: 4) (Иванова, Голубев 1961: 286, рис. 11: внизу слева; Воронов 1979: 75, рис. 37: 18 = 2014: 349, рис. 37: 18; Кат. Сочи 2013: 61: слева), находят ближайшие параллели в элементах золотой поясной накладки из погребения № 1 кургана № 71/1974 у ст. Жутово в Волго-Донском междуречье (Мордвинцева, Хабарова 2006: 102, № 93, табл. 11). Это ограбленное погребение датируют I в. н.э.

Бляха с камеей (рис. 16: 9) (Воронов 1979: 75, рис. 37: 1 = 2014: 349, рис. 37: 1; Кат. Сочи 2013: 59: справа). Материал камеи не описан, поэтому не ясно, вырезана ли она из двухслойного оникса или является стеклянной имитацией. Изображенная в профиль женская головка с валиком по краю сопоставима с образами на геммах (Giraud 1992: 72—73, no. 9) и стеклянных камеях (Platz-Horster 2012: 150—151, Nr. 344—346, Taf. 42), датирующихся августовским временем.

Геммы сравнительно часто использовались в декоре ювелирных изделий (помимо перстней) первых веков н.э. из Колхиды и Кавказской Иберии: в украшении поясных блях из гробницы № 1 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 27—32, № 2, табл. I bis: 2—4; Lordkipanidze 2015: 324—325, fig. 302), браслета из гробницы № 2 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 46—47, № 37, рис. 17, табл. II: 3; Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 47; Odisheli 2013: 155, 156, pl. 14; Lordkipanidze 2015: 326—327, fig. 304), медальонов из Жилкани (Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 66—67) и Урбниси (Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 79—80), брошей из Усахело (Придик 1914: 109—110, табл. 1: 1—2; Neverov 1976: 78, no. 136; Кат. Ленинград 1980, 60, № 221; Treister 2002: 32—33, pl. I: 7; Odisheli 2013: 150), Цихидзири (Pharmakowsky 1908: 159—160, Abb. 7; Neverov 1976: 78—79, no. 137; Кат. Ленинград 1980: 60, № 222; Инаишвили 1987: 123—127, табл. 54; Kat. Zurich 1993: 237, Nr. 124; Braund 1994: 188, pl. 12; Oliver 1996: 145, no. 37; Tsetskhladze 1999: 80, no. 2; Odisheli 2013: 150) и Клдеети (рис. 14: *1*) (Ломтатидзе 1957: 28—30, № 22; 198, табл. I: 3; XV: 1; Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 70; Braund 1994: 202, 203, pl. 15; Odisheli 2013: 150, pl. 2; Lordkipanidze 2015: 322—323, fig. 301).

Реже, но известны и вставки камей, как в медальонах из гробницы № 2 в Армазисхеви (Апакидзе и др. 1958: 47—48, № 38, рис. 18, табл. II: 2; Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 55; Odisheli 2013: 155, 156, pl. 13) и гробницы № 3 в Згудери (Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 65; Braund et al. 2009: 62—63; Odisheli 2013: 157, pl. 16) и браслетах из Багинети (Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 61; Kat. Saarbrücken 1995: 176, Abb. 180; 314, Nr. 327).

Вполне вписывается в рамки I — начала II в. н.э., судя по видам перстня сбоку и под углом на гемму (тип 2b, по классификации Х. Жиро (Guiraud 1988: 79) ср., например,

перстни из Помпей: d'Ambrosio, De Carolis 1997: 44—45, nos. 98—101, tav. IX—X и Геркуланума: Scatozza Höricht 1989: 34, 36, no. 18; из погребения в Ниме, датирующегося в рамках второй половины I в. до н.э. — первой половиной I в. н.э.: Guiraud 1988: 127, no. 364, pls. XXIV, LXVII) и золотой перстень с инталией из сардоникса с изображением женской головки влево (рис. 16: 5) (Иванова, Голубев, 1961: 286, рис. 10: 1; Воронов 1979: 74, рис. 35: 8; Кат. Сочи 2013: 61: справа). Поскольку изображение геммы не публиковалось, ничего более конкретного об этом перстне сказать нельзя.

Фрагменты серебряных скифосов из этого комплекса с перьевым декором на стенках и трехчастными ручками (рис. 15: 1—2) (Иванова, Голубев 1961: 284—286, рис. 1—3; Кропоткин 1970: 85, № 723; Трейстер 2007: 23; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 121, № В20.1—2) также могут датироваться еще I в. н.э. (ср. декор канфара в Античном собрании Берлина: Niemeyer, Schwarzmaier 2021: 95—96, Nr. 33, 218 с библиографией).

Стеклянный кубок с надписью ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦ Ω ΠΑΡΕΙ «Радуйся, доколе пребываешь здесь» (рис. 15: 3—4) (Иванова, Голубев, 1961: 284, 287, рис. 4; Воронов 1979: 74, рис. 35: 7) относится не позднее, чем к первой половине II в. н.э., как считала Т.В. Блаватская, отмечавшая, что чаша из Лоо может датироваться I — первой половиной II в. н.э. (Блаватская 1964: 329—336, рис. 1—2). Д. Браунд (Браунд 1991: 268—270), которому осталась неизвестной статья Т.В. Блаватской, фактически повторил ее выводы, но датировал чашу II в. н.э. В настоящее время исследователи сходятся во мнении, что группа чаш Harden G1i, к которой относится кубок из Лоо (Stern 1995: 97—98, no. 6c; Antonaras 2017: 69), датируется не позднее третьей четверти I в. н.э., что, конечно, не исключает их использования и в более позднее время (von Saldern, 2004: 248—249; Antonaras 2017: 69—70). Мне, в любом случае, кажется очень маловероятным чтобы такой хрупкий стеклянный кубок мог просуществовать полтора или два столетия.

Таким образом, с учетом всех этих данных, не вижу никаких оснований датировать погребение позднее первой половины II в. н.э.

4.3. Гонио

Клад из Гонио, найденный весной 1974 г. «в металлической посуде», которая не сохранилась (рис. 1—8), на хребте, который возвышается с юга над крепостью, издатели датировали широким интервалом I в. до н.э. — II в. н.э. (Лордкипанидзе и др. 1980: 50—51), первыми веками н.э. (Kakhidze et al. 2002: 253) или I—II вв. н.э. (Kakhidze et al. 2015: 63), или II в. н.э. (Mamuladze 2019: 74). Высказывалась и точка зрения о его датировке II—III вв. н.э. (Лордкипанидзе 1989: 345—346, рис. 173—174; Lordkipanidze 1991: Taf. 54: 8; 55: 1; Braund 1994: 186; Kat. Saarbrücken 1995: 136; Tsetskhladze 1999: 97). При этом ни в одной из работ после первой публикации 1980 г. не было проведено хоть какого-то анализа вещей. Я уже обращался к рассмотрение некоторых предметов, найденных в кладе, в частности, подвески-лунницы, фиалы, блях, фаларов и статуэтки-подвески (Treister 1996: 81—96, figs. 8, 11, 14—16).

Надежно датируемых материалов, за исключением нескольких предметов, в этом комплексе нет. Вместе с тем, можно сделать следующие наблюдения.

Статуэтка-подвеска в виде стоящего на плоском округлом постаменте обнаженного юноши с крупной (вторичной?) петлей на спине, фиалой – в опущенной вниз правой руке, с наброшенной на плечи накидкой и изначально державшего какой-то предмет в согнутой в локте правой руке отличается характерным головным убором в форме пилоса (рис. 2: 4—7) (Лордкипанидзе и др. 1980: 34—35, № 1, табл. VII—X; Кат. Москва 1983: № 487; Kacharava 1984: 101, fig. 6; Lordkipanidze 1991: Taf. 54: 8; Treister 1996: 95—96, fig. 16; Tsetskhladze 1999: 91—92, no. 1, fig. 111; Kakhidze et al. 2002: 253, 254, pl. 3: a; 2015: 64—65, fig. 86; Kakhidze 2008: 316, fig. 18; Mamuladze et al. 2019: 73).

Представляется, что нет оснований идентифицировать образ юноши с Корибантом, чье происхождение ассоциируется с Колхидой, как это было сделано авторами первой публикации

(Лордкипанидзе и др. 1980: 48—49). Отмечу, что фигурка из Гонио — редкий экземпляр античной золотой статуэтки. В каталоге золотых и серебряных греческих и римских скульптур (Vermeule 1974), нет ни одного примера фигурок Диоскуров. Издатели фигурки из Гонио (Лордкипанидзе и др. 1980: 48, прим. 61) уже отмечали близость фигурки из Гонио бронзовым фигуркам Диоскуров из Неаполя Скифского, одна из которых считается работой эллинистического времени, тогда как другая датируется первыми веками н.э. (Шульц 1969: 120—136; Штительман 1977: илл. 65—66; Высотская 1979: 163—165, рис. 78; Зайцев 2003: 19, 35, рис. 108). Стилистически близка фигурке из Гонио статуэтка из Парамифии в Эпире, атрибутирована как образец классицистического стиля времени Адриана (Swaddling 1979: 103—105 с библиографией, pl. 50, fig. 3; LIMC III 1986: 572, no. 48, s.v. Dioskuroi (A. Hermary)).

В качестве близкой параллели, в том числе позе и положению рук упомянем и статуэтку, также в пилосе, происходящую из зольника святилища на перевале Гурзуфское седо (Cat. Rimini 1995: 134, no. III. 46 (как фигурка Ареса); Трейстер 1998: 76—76, рис. 8 (как изображение Диоскура); Новиченкова 2015: 41, рис. 64: 3; 192—193, № 6, рис. 251). Судя по контексту находки, фигурка, изначально определенная автором раскопок как изображение Ареса (Новиченкова 1993: 62—63, рис. 5: 1), а затем вероятно под влиянием моей атрибуцией переименованной в немыслимого Ареса (Диоскура) (Новиченкова 2015: 41, рис. 64: 3; 192—193, № 6, рис. 251) не может быть датирована позднее конца I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. (Новиченкова 2015: 118—120).

Чрезвычайно редкий атрибут, который не известен на бронзовых статуэтках Диоскуров, — фиала. Фигурки Диоскуров с фиалами в таком же положении представлены практически на всех сохранившихся вотивных терракотовых пластинах из святилища Диоскуров в Таренте конца IV — начала III в. до н.э. (Petersen 1900: 1—36; Wuilleumier 1939: 520—521; Stefanelli 1977: 20—35, tav. LXV—LXXIV; LIMC III 1986: 574, nos. 67—69, s.v. Dioskuroi (A. Hermary)). Тем не менее, Диоскуры из Тарента изображены без пилоса, который появляется как атрибут Диоскуров в III в. до н.э. (Wuilleumier 1939: 520; ср. LIMC III 1986: 587—588, nos. 238—249, s.v. Dioskuroi (A. Hermary)). Возможно, этот редкий атрибут, представленный на статуэтке из Гонио, указывает на сравнительно раннюю (позднеэллинистическую?) датировку фигурки.

На пилосе юноши выгравированы три восьмилучевые звезды (рис. 2: 4). В качестве единственной и ближайшей типологической параллели упомянем восьмиконечные «ахеменидские» звезды и четырехлепестковые розетты, инкрустированные серебром, на фригийском колпаке, который надет на голову женщины, отождествляемой с боспорскими царицами: либо с Динамией, либо с Гипеперией — бронзовый бюст был найден в 1898 г. в районе Мысхако (Ростовцев 1914: 1—23; Cat. Los Angeles 2007: 183—187, no. 85; Parlasca 2009: 241—257 как Гипеперия, с библиографией; см., однако, Трофимова 2021: 115—116 как Динамия). Весьма вероятно, что данная параллель дает основание и для датировки статуэтки-подвески из Гонио в рамках конца I в. до н.э. — первой половины I в. н.э.

Подвеска-лунницы с центральной вставкой с изображением *en face* бюста божества Гелиоса со вставками в броши на его плече и: одной — в верхней части петли и двумя — в нижней части оправы (рис. 2: 3) (Лордкипанидзе и др. 1980: 36, 61, № 6, табл. XIX—XX; Кат. Москва 1983: № 487; Treister 1996: 81—88, fig. 8; Tsetskhladze 1999: 92—93, no. 6, fig. 116; Kakhidze et al. 2015: 68, fig. 91), которая по мнению издателей не может датироваться эллинистическим временем из-за цветных вставок (Лордкипанидзе и др. 1980: 47—48), имеет ближайшую параллель своей оправе в золотом медальоне с о. Делоса.

Этот медальон, найденный в 1966 г. в составе клада, вставлен в оправу-лунницу со вставками из цветного стекла, находящимися на тех же местах, что и на медальоне из Гонио. Е. Леви датирует делосскую находку II в. до н.э. (Lévy 1968: 533—535, no. 3, fig. 9). Датировка клада, найденного на Делосе, вполне убедительна: здесь была также найдена серебряная афинская тетрадрахма «Нового стиля» (Lévy 1968: 524—525, no. 1, fig. 2), которая должна быть датирована в рамках 127/126—69 г. до н.э. Таким образом, исключать датировку медальона из гонийского клада позднеэллинистическим временем нельзя, и он вполне может датироваться не

первыми веками н.э., а концом II — началом I в. до н.э., тогда как сюжет изображения — редуцированная версия изображения Гелиоса на колеснице (Treister 1996: 88).

Обращает на себя внимание пара массивных золотых браслетов восьмигранного сечения с расширяющимися концами (рис. 2: 1) (Лордкипанидзе и др. 1980: 35, № 3—4, табл. XV—XVI; Tsetskhladze 1999: 92, nos. 3—4, Kakhidze et al. 2015: 70, figs. 93—94). Отмеченный в указанных публикациях в качестве аналогий один из браслетов из позднеантичного погребения в Уреки не имеет к ним никакого отношения — он квадратный в сечении и концы его не расширяются (ср. Левкинадзе 1975: 200, рис. 7: а (справа); 202, № 13). Как я уже отмечал (Трейстер 2007а: 145), близкими параллелями браслетам из Гонио являются браслеты из датирующихся серединой — второй половиной I в. н.э. сарматских погребений у с. Михайловка (Субботин, Дзиговский 1990: 21, № 15, рис. 16: 9; Дзиговський 2000: 89, рис. 36: 4—5; 91; 104, рис. 43: 9; Трейстер 2007: 145; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 127, № A129.4; Simonenko 2008: Taf. 119: 3), Цветна (ОАК за 1896 г.: 214; Pósta 1905: 496—498, Abb. 275: 23; 507; Simonenko 2008: Taf. 81: 1; Трейстер 2007а: 145; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 136, № B46.3), а также из Ольвии (Pharmakowsky 1914: 254—256, Nr. 6, Abb. 78; Трейстер 2007а: 145; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 127, № B29.8, табл. 55). Подобные граненые браслеты (с четырьмя гранями, но с расширяющимися концами) были найдены и в погребении № 4 в Тилля-тепе, которое надежно датируется не позднее второй половины I в. н.э. (Sarianidi 1985: 249, no. IV.21).

Фалар в полихромном стиле (рис. 3: 1—2) (Лордкипанидзе и др. 1980: 35—36, № 5, табл. XVII—XVIII; Кат. Москва 1983: № 487; Лордкипанидзе 1989: 346, рис. 174; Tsetskhladze 1999: 92, no. 5, figs. 114—115; Kat. Saarbrücken 1995: Frontispiz (Abb.), 303, Nr. 292; Treister 1996: 93—94, fig. 14; Treister, Yatsenko 1997/98: 69—71, fig. 4; Mordvinceva 2001: 86, Nr. 110, Taf. 55 (ошибочно вместо Гонио как «Goni-Schatz»); Kakhidze et al. 2002: 253, 254, pl. 3: c; 2015: 66—67, figs. 87—90; Мордвинцева 2003: 58—59, рис. 47: 3; Kakhidze 2008: 316, fig. 18; Засецкая 2012: 111, рис. 6: 1; 112—113, № 5 с ошибочной информацией о находке 1982 г.; 116, рис. 9: 6; 128—130; Odisheli 2013: 150; Gamkrelidze 2014: 61; Mamuladze et al. 2019: 73), судя по параллелям среди фаларов из сарматских погребений Северного Причерноморья, при всей уникальности его художественного оформления (Засецкая 2012: 128—129) вряд ли может датироваться позднее I — начала II в. н.э. Очевидно, что конструктивно фалар относится к группе фаларов с бронзовым основанием, к которому крепилась обкладка с загнутыми внутрь краями (оборотная сторона фалара из Гонио впервые опубликована: Kakhidze et al. 2015: 66—67, fig. 88), а к бронзовому основанию, в свою очередь, крепились петли. Близки по конструкции и размерам фалары из датируемого первой половиной I в. н.э. погребения № 1 кургана № 28/1964 у с. Жутово (Mordvinceva 2001: 86, Nr. 104, Taf. 52; Засецкая 2019: 66, 160, № 71.1 с библиографией, табл. XXVIIIa; Трейстер 2021: 7—8, рис. 6: 1—2) и некоторые другие наплечные и фалары узды из сарматских погребений Нижнего Подонья, в частности, из Садового кургана (Mordvinceva 2001: 84—85, Nr. 102—103, Taf. 51; Засецкая 2019: 66, 161, № 72 с библиографией) и из упомянутого выше кургана № 28/1964 у с. Жутово (Mordvinceva 2001: 85, Nr. 105, Taf. 52; Засецкая 2019: 66, 160, № 71.2 с библиографией, табл. XXVIIIb; Трейстер 2021: 8, рис. 6: 3—5), из кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (Mordvinceva 2001: 82, Nr. 88—90, Taf. 49; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 39—40, № A109.6, рис. 40 с библиографией; Трейстер 2021:8, рис. 7). На этих фаларах золотым листом обтянута вся лицевая сторона, а между основой и золотым листом находилась мастикообразная масса, служившая, как для обработки лицевой стороны рельефа, так и для фиксации его (Засецкая 2018: 127; 2019: 66; Трейстер 2021: 7—8). В подобной же технике с краями лицевой пластины, загнутой вниз и обжимающей узким ободком пластину основы, изготовлены и другие изделия, в частности, пряжки, из сарматских погребений I — начала II в. н.э. Нижнего Поволжья (Трейстер 2018а: 113, рис. 8—9; 2021: 8, рис. 8). С фаларами из кургана № 28 у с.

Жутово фалар из Гонио сближает и аналогичное оформление края в виде ионийского киматия со стрелками со полуовальными вставками в кастах.

В.И. Мордвинцева полагает (Mordvinceva 2001: 86, Nr. 111, Taf. 55), что к тому же уздечному набору относятся четыре золотые бляхи с рельефным декором в виде вихреобразной розетты. В центре пластин имеются гнезда для вставок из камней (или стеклянной пасты) зеленого цвета, которые сохранились на двух бляхах (рис. 3: 2) (Лордкипанидзе и др. 1980: 39, 65, № 11—14, табл. XXXIII—XXXIV; Кат. Москва 1983: № 487; Treister 1996: 88—89, fig. 11; Tsetskhladze 1999: 94—95, nos. 11—14; Kakhidze 2008: 317, fig. 18; Kakhidze et al. 2015: 82, figs. 105—108). Как я уже отмечал (Treister 1996: 88, 93), аналогичный декор встречается на фалярах, датирующихся как II в. до н.э. (хут. Клименкова на верхнем Дону: Treister 1996: 88 с лит.; Mordvinceva 2001: 74, Nr. 28, Taf. 11; Трейстер 2017: 203, 206—207, рис. 4: 1—2; 5: 4)), так и второй половиной I — началом II в. н.э. (могильник Царский на Нижнем Дону: Власкин 1990: 65—66, рис. 1: 7; Mortdvinceva 2001: 84, Nr. 97, Taf. 50). Последние (их также четыре), будучи близких, но несколько меньших размеров, также имели в центре округлые (утраченные вставки). Вместе с тем в известных комплексах наплечные фалары, выполненные в зверином стиле, как правило сопровождались фалярами, украшенными в том же стиле (Жутово, Садовый), поэтому принадлежность указанных обкладок тому набору, к которому относился фалар в зверином стиле, представляется маловероятной.

Низкая золотая фиала с вертикальными лепестками на кольцевом поддоне (рис. 2: 2) (Лордкипанидзе и др. 1980: 35, 59, № 2, табл. XIII—XIV; Treister 1996: 94—95, fig. 15; Tsetskhladze 1999: 92, no. 2, figs. 112—113; Kakhidze 2008: 316, fig. 18; Kakhidze et al. 2015: 63, figs. 84—85; Mamuladze et al. 2019: 73) находит, как я уже отмечал (Treister 1996: 94—95), параллель в чаше из погребения № 4 некрополя Тилля-тепе (Sarianidi 1985: 251, no. 31, pls. 138—139; Kat. Bonn 2010: 208—209, Nr. 123).

Крупные бусы, украшенные композициями из треугольников и ромбов зерни (рис. 4: 5) (Лордкипанидзе и др. 1980: 40, № 21—22, табл. XXXVII: 1; XXXVIII: 1; Tsetskhladze 1999: 95, nos. 21—22, fig. 117; Kakhidze et al. 2015: 71; Mamuladze et al. 2019: 74) относятся к типу, который появляется и распространяется в Прикубанье не позднее II в. до н.э., судя по их находкам в погребении № 3/2005 могильника у с. Мезмай (Мордвинцева и др. 2010: 26, 296, № 298, табл. 55, цв. табл. 7, рис. 31; Mordvintseva et al. 2012: 305, no. 9, fig. 11: 13), в погребении кургана у ст. Воронежской, открытом в 1950 г. (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 117, № В7.1; Мордвинцева и др. 2010: 26, 255, № 75, табл. 17, цв. табл. 7, рис. 31; Анфимов 2011, 215: вверху), в составе ожерелья из погребения № 10/1979 в кургане у хут. Песчаный (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 71, № А227.4 с библиографией, табл. 1, 37; Мордвинцева и др. 2010: 313, № 407а—б, табл. 72, цв. табл. 7, рис. 30; Анфимов 2011: 211). Близкие параллели бусам из Гонио представлены в находках из окрестностей Сочи (Кат. Москва 2002: 137, № 638; Мордвинцева, Трейстер: 2007: т. 2, 146, № В/1.15, табл. 62; Мордвинцева и др. 2010: 313, № 488, табл. 85, цв. табл. 7, рис. 31; Анфимов 2011: 255 с ошибочной датировкой IV в. до н.э.), из Лоо (рис. 16: *3*) (Иванова, Голубев 1961: 286, рис. 11: в центре; Воронов 1979: 74, рис. 35: 3), и, что особенно важно, из погребения некрополя Мысхако под Новороссийском (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 46, № А132.1; Дмитриев и др. 2020: 80, рис. 74; 81, № 4.2; Малышев 2020: 165, рис. 144), которое надежно датируется и стеклянным бальзамарием, и золотым статером Котиса I 49 г. н.э. второй половиной I в. н.э. (Дмитриев и др. 2020: 80—82).

Заслуживает внимания небольшое золотое навершие конусообразной формы с пятью цепочками, на которых сохранились три подвески (рис. 3: 3), названное «навершием штандарта» (Лордкипанидзе и др. 1980: 41—42, № 33, табл. XLVII—XLVIII; Tsetskhladze 1999: 96—97, no. 33) или даже «навершием легионного штандарта» (Kakhidze et al. 2015: 69, fig. 92). Вряд ли вообще можно говорить о том, что предмет высотой 4,9 см и внутренним диаметром 0,5 см мог быть навершием некоего штандарта, а уже тем более

штандарта римского легиона (!). Скорее можно было бы предположить, что это навершие крупной булавки.

Подвески в виде объемных полуовалов использовались для украшения парфянских серег и амулетов (Porada 1967: 103—109). Подвеска из Селевкии найдена в кладе из слоя, датирующегося 40—120 гг. н.э. Предположительно клад связан с осадой города во время кампании Траяна 115—116 гг.: Braidwood 1933: 67—68, pl. XXIV, fig. 2: 6; Ackerman 1967: 465, pl. 139: A; Pfeiler 1970: 84; Musche 1988: 105, Nr. 15.7, Taf. XX). Подобные же подвески имеют и серьги из погребения начала II в. н.э. в Ниневии (Marshall 1911: 370, nos. 2668—2669, pl. 55; Higgins 1976: 29, pl. 15, B; 1980: 178, pl. 54: G; Curtis 1976: 62, no. 8, fig. 91; Musche 1988: 94, Nr. 13.2, Taf. XVII; Foietta 2014: 178, 180, fig. 11; Sengupta 2019: 199, fig. 4.25; Cat. New York 2019: 223, no. 161A—B; Cat. Los Angeles 2022: 229, nos. 119—120), а также датируемые I—II в. н.э. близкие по конструкции серьги из Гандхары (Sengupta 2019: LXVI, fig. 0.4c; colorsandstones.eu: 1). Аналогичные подвески имеются у стеклянной бусины в золотых торцевых и центральной оправах из гробницы F в Пальмире, построенной в 128 г. н.э.: Higuchi, Saito 2001: 120, no. 23; Raat 2013: 62, 66, 98, 154, no. 172). Аналогичные подвески встречаются и в украшениях, точное происхождение которых хоть неизвестно, но весьма вероятно, что они происходят из Ирана, как предположительно найденное в Дайламане ожерелье, находившееся в коллекции К. Рабену в Нью-Йорке (Cat. Paris 1961: 126, no. 741, pl. LXXVI; Ghirshman 1962: 100, Abb. 112; Porada 1967: 103; Musche 1988: 144, Nr. 4.6, Taf. XLI; Treister 2004b: 226) или подвески из частных собраний: предположительно из Эмлаша (Porada 1967: pls. XXII—XXIV; Musche 1988: 160—161, Nr. 1, Taf. LIV; Konrad 2014: 38, Abb. 9 — здесь ошибочно как находка из Армазисхеви) или Табриза (Naumann 1980: 29, Nr. 27, Farbtaf. III; Musche 1988: 163, Nr. 6.2, Taf. LIV), а также предположительно — из Палестины (серьги в Бруклинском Музее: Davidson, Oliver 1984: 142—143, no. 193).

Подобные подвески имеются и у серег из так наз. «сако-парфянского» слоя III—II Сиркапа (Таксила) (Marshall 1951: 625, nos. 26—28; pl. 190: e; Musche 1988: 105, Nr. 15.8, Taf. XX; Sengupta 2019: 201, figs. 4.29—30; 253, fig. 5.20a, pls. 22: d; 38: d (с датировкой I в. н.э.); museumsofindia.gov.in: 1). Учитывая современную хронологию Таксилы, разрушения апсидального храма, в котором был найден клад, относится уже к кушанскому времени и может соответственно датироваться примерно третьей четвертью I в. н.э. (Dar 1993: 110; Barba, Trapani 2016: 139). Четыре отдельные подвески происходят из погребения № 1 в Тилля-тепе (Sarianidi 1985: 230, no. 1.29; Sengupta 2019: 253, fig. 5.20b), которое вполне может датироваться этим же временем.

Известны такие подвески и в комплексах некрополя Мцхеты (гробница № 1: Апакидзе и др. 1958: 35, № 5б, рис. 11: 5; табл. XXXVII: 14а; гробница № 6: там же, 84, № 108, рис. 43: 5, табл. LXVI: 42; Musche 1988: 160, Nr. 17, Taf. LIII; 173, Nr. 23.2, Taf. LIX). Аналогичные дополнительные подвески имеются у подвески серьги в форме треугольного щитка, украшенного вставками, из разграбленного женского погребения в кургане № 1/2003 могильника «Горелый-I» в Саратовском Поволжье (Трейстер 2018b: 130—131, рис. 16: 2). Сохранившийся в погребении богатый инвентарь, включающий римские и парфянские импортные изделия, в том числе краснолаковую чашку и узкогорлую светлоглиняную амфору, дают весомые основания для датировки комплекса серединой II в. н.э. (Трейстер 2018b: 154—155), что коррелирует и с датировкой комплексов из Мцхеты (ауреусы Адриана в гробнице № 1: Апакидзе и др. 1958, 46; ауреус Коммода 190 г. н.э. в гробнице № 6: Апакидзе и др. 1958, 95). Учитывая тот факт, что элементы серьги из могильника «Горелый-I» находят близкие параллели среди парфянских ювелирных изделий, а их ближайшими параллелями по форме и структуре декора щитков являются находки с Кавказа и Закавказья, вряд ли есть основания сомневаться в том, что серьги могли быть изготовлены в мастерской парфянского круга, которая могла находиться как на территории Ирана, так и в Закавказье (Трейстер 2018b: 131). Косвенно это предположение подтверждается находками аналогичных подвесок к золотым пронизям-трубочкам из

погребения в пифосе № 3/2017 в укрепленном квартале Тигранокерта, которое издатели относят к позднеэллинистическому времени (Petrosyan et al. 2021: 297, fig. 11).

Вероятно, одним из поздних примеров являются такие подвески серег из погребения №13/1896 некрополя Пантикапея с круглым рельефным щитком с тисненым фризом в виде «веревочки» и со вставкой в виде кабошона в центре с подвешенной на проволочке пластиной трапециевидной формы с изображением двух Эротов, несущих корзину с фруктами (ОАК за 1896 г.: 66, рис. 307; 158, рис. 529; Трейстер 2007а: 128; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 63, № А196.1, табл. 35), а также находок из позднесарматских погребений Нижнего Подонья и Поволжья: треугольных подвесок серег из кургана № 20 у с. Ново-Александровка (Cat. Daoulas 1995: 103—104, no. 126; Беспалый, Лукьяшко 2018: 71, № 4; 73, рис. 40: 1—2) и аналогичных, происходящих предположительно из Керчи: Damm 1988: 126—137, Nr. 36; Naumann-Steckner, Trier 2017: 66—67, Nr. 17), а также подвески в форме четырехгранной пирамидки из кургана у с. Новая Норка (Берхин 1961: 149, рис. 4: 2; 150, № 3; Cat. Daoulas 1995: 110, no. 137). Указанные украшения датируются II, возможно рубежом II—III вв. н.э.

Достоверных примеров находок таких подвесок в комплексах, которые датировались бы не позднее I в. н.э. за исключением находок из Таксилы и Тилля-тепе, мне не известно. Таким образом, рассматриваемое навершие конусообразной формы можно датировать в широких рамках I — II вв. н.э., преимущественно, второй половины I — II вв.

Все рассмотренные выше предметы из клада в Гонио позволяют предложить для комплекса датировку скорее всего не позднее середины—второй половины II в. н.э., при том, что в нем очевидно преобладали вещи более раннего времени, датирующиеся еще I в. н.э. и даже, возможно, позднеэллинистическим временем.

4.4. Клдеети

На территории некрополя было найдено всего 10 блях, из которых лишь одна происходит из предположительно женского погребения № 2 (рис. 14: 2) (Капанадзе 1956: 83, 84, рис. 5: 2; Ломтатидзе 1957: 30—34, № 23; 197—198, 201, табл. I: 2; XIV: 1; XIX: 1 (2); см. 8 частично фрагментированных блях: там же, табл. XV: *2*). При этом, если одни авторы указывают на то, что лишь одна бляха происходит из погребения, открытого экспедицией (Лордкипанидзе и др. 1980: 43), то другие отмечают (ошибочно?) что их было найдено шесть (Воронов 2006: 303).

Могильник в целом вслед за автором первой публикации датируют как правило серединой — второй половиной II в. н.э. (Ломтатидзе 1957: 195—196; Лордкипанидзе и др. 1980: 43), реже — III—IV в. н.э. (Воронов 2006: 150, 303), при этом сами бляхи в отдельных публикациях датируются III в. н.э. (Dshawachischwili, Abramischwili 1986: Abb. 71; Воронов 2006: 150, 303). Трудно согласиться с омоложением датировки могильника, предложенной Ю.Н. Вороновым, в том числе на основании шарнирной фибулы, которую он датирует III—IV вв. н.э. (Ломтатидзе 1957: 107—108, № 159, 199, табл. III: 1; Sulava 2008: 87, pl. I: 3). Эта фибула относится к распространенному в Европе (Philippe 1999: No. 490, fig. 67; Gaspar 2007: Nr. 1992; Nickel 2011: 110, Abb. 27: 13) типу шарнирных фибул с эмалью, датируемых в рамках второй — третьей четверти II в. н.э. (Ettlinger 1973: 120, Taf. 14: *9*—группа 3, тип 44), второй половины II в. н.э. (Feugère 1985: 150, fig. 55, Type 26c3a) или второй половины II — первой половины III в. н.э. (Riha 1979: 191, Typ 7.15, Nr. 1626, Taf. 62).

Одна из наиболее интересных находок в могильнике — золотая брошь со вставкой геммы с портретным изображением (рис. 14: 1) (Ломтатидзе 1957: 28—30, № 22; 198, табл. I: 3; XV: 1; Лордкипанидзе 1961: 76, № 53, табл. VIII (как материал геммы указан сердолик); Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 70 (как материал геммы указан сердолик); Braund 1994: 202, 203, pl. 15; Plantzos 1997: 199—200, fig. 4; 1999: 59—60, 118, no. 140, pl. 25 (как материал геммы указан сард); Odisheli 2013: 150, pl. 2 (как материал геммы указан аметист); Lordkipanidze 2015: 322—323, fig. 301). В одних публикациях брошь датируется II в. н.э. (Odisheli 2013: 150), в других, также без какого-либо анализа, отмечается, что гемма

эллинистическая, а оправа — II—III вв. н.э. (Лордкипанидзе 1961: 76, № 53), или что гемма датируется I в. до н.э., а оправа — III в. н.э. (Dshawachishwili, Abramishwili 1986: Abb. 70).

В каталоге гемм музея предполагается, что изначально инталия была вероятно большего размера и была обколота, что повредило часть изображения при монтировке в оправу. Действительно, гемма производит впечатление позднеэллинистической работы, возможно датируется еще второй половиной II в. до н.э. и является произведением греческого резчика, работавшего в Междуречье, что было убедительно показано Д. Планцосом (Plantzos 1997: 200—205; 1999: 59—60), поэтому трудно принять как предположение М.Н. Лордкипанидзе о том что на гемме изображен местный персонаж (Лордкипанидзе 1961: 76, № 53), так и бездоказательное утверждение о том, что она является подражанием геммам императорского времени (Odisheli 2013: 150).

Судя по опубликованной фотографии оборотной стороны, это брошь с шарниром, возможно с приемником рассчитанным на двойную иглу (Ломтатидзе 1957: 28—30, № 22; 198, табл. XV: 1 справа), хотя в описании М.Н. Лордкипанидзе указывается, что на обороте «сохранилась петля и крючок для иглы» (Лордкипанидзе 1961: 76, № 53). Такая конструкция (шарнирное соединение иглы) не характерна для позднеэллинистических прикубанских брошей и отмечается на датируемой началом III в. н.э. золотой броши со вставкой геммы из зеленого камня с изображением Нарцисса из Дура-Эвропос. У этой броши по краю также имеются выступы со вставками в кастах, но не треугольной, а трапециевидной формы, обведенных рубчатой проволокой (Rostovtzeff 1938: pl. III: 2; Perkins 1952, 58—62, pl. 12; Pfeiler 1970: 76, 93, Taf. 17; El-Chehadeh 1972: Nr. 34; Chehade 1987: 196, 198, Abb. 6; Musche 1988: 183, Nr. 1.3.3, Taf. LXIV; Oliver 1996: 140, fig. 14; 150, no. 75; Guiraud 1992: 58, note 14; 81—82, no. 22; 1996, 93—94, fig. 64; Kat. Basel 1999: 300, Nr. 339; Betti 2005: 368—369, fig. 4; Martin-Kilcher 2008: 100, 103, fig. 3.32; Hoss 2016, James 2019: 157—161, fig. 6.4). Различие в брошах из Клдеети и Дура-Эвропос заключается в том, что последняя представляет собой типичную для сирийских брошей II—III в. н.э. коробочку, тогда как основу броши из Клдеети составляет пластина. Очевидно, что, судя по отверстиям в углах выступов, в ряде случаев повредивших касты со вставками, брошь из Клдеети на последнем этапе существования использовалась не как брошь, а как нашивное украшение, возможно аналогично бляхе украшавшей головной убор из гробницы № 7 в Армазисхеви, где по краю оборотной стороны были припаяны проволочные петли для нашивания (Апакидзе и др. 1958: 101, рис. 52: 19; 102, № 149, табл. LIII: 11; Lordkipanidze 2015: 340—341, fig. 316). Так или иначе, есть все основания датировать брошь из Клдеети в рамках второй половины II — начала / первой четверти III в. н.э.

Датировка могильника базируется во многом на нумизматическом материале: при преобладании монет I в. н.э.: денариев Августа (Sherozia 2008: 239) и парфянских драхм Готарза II (40/41—51 гг.) (Sherozia 2008: 247, no. 16) и Вологеза I (51—77/78 гг.) (Sherozia 2008: 249, no. 2), редкие монеты II в. н.э. представлены двумя дидрахмами Адриана, и по одной — Антонина Пия и Марка Аврелия (Ломтатидзе 1957: 194—195; Голенко 1964: 57, 102—105, табл. V—VI). Импортные датирующие материалы из могильника относятся в основном к I в. н.э., будучи представлены, в частности, бронзовой патерой (Ломтатидзе 1957: 125—131, № 183, рис. 24—25; Лордкипанидзе 1964: 213, 214, рис. 11: 1—2) и стеклянным с шаровидным туловом бальзамарием (Ломтатидзе 1957: 23—24, № 16, рис. 15: 1; табл. XX: 2; Gagoshidze 2008: 263).

В любом случае очевидно, что бляхи из Клдеети (рис. 14: 2), даже если и они и происходят из комплексов первой четверти / половины III в. н.э., скорее всего определенное время находились в использовании, о чем говорит тот факт, что практически у всех из них цепочки с подвесками закреплены не на колечках, припаянных по нижнему краю, а продеты в грубо пробитые отверстия в орнаментальном поле блях.

5. Заключение

Подводя итоги, приходим к выводу, что нет прямых оснований датировать III в. н.э. ни один из рассматриваемых комплексов из Колхиды. Более того, ювелирные изделия входящие в состав комплексов из Махо, Гонио, Капандиби и Лоо вряд ли выходят за рамки I в. н.э., а часть из них с очевидностью может быть датирована еще I в. до н.э. Вместе с тем, подробный анализ бляхи из собрания Ф.С. Романовича (см. Приложение) дает основание предполагать, что образцом для подражания ювелира могла послужить монетная эмблема, которая появляется на монетах Каракаллы и Геты и соответственно датировать подвеску не ранее рубежа II—III вв. н.э. Необычный для указанных монет ракурс щита, проработанный изображением горгонейона на фоне перьев, как на панцирях серебряных и золотых бюстов римских императоров второй половины I и особенно второй половины II — начала III в., позволяет высказать гипотезу, что мастер был знаком не только с образами Минервы в римской чеканке, но и с изображением горгонейонов в торевтике, что косвенно подтверждает находка в погребении второй половины II — первой половины III в. н.э. в Мцхете серебряной шкатулки с головы Медузы, обрамленной перьями.

Таким образом, не исключено, что мастерские, появившиеся в Колхиде еще на рубеже н.э. и изготавливавшие в I в. н.э. золотые украшения в характерном стиле, с широким использованием зерни и цветных вставок, преимущественно в пластинчатых кастах с зубчатым краем, продолжали работать в указанном стиле, по крайнем мере, до начала III в. н.э., что теоретически не исключает и более позднюю датировку колхидских комплексов в рамках второй половиной II — первой половиной III в. н.э. Укажем в этой связи, что сочетание в комплексах значительно более ранних импортных драгоценных вещей (в частности, римской бронзовой, серебряной посуды, гемм) и римских и парфянских монет I—II вв., в том числе золотых, которые рассматривают в качестве дипломатических даров (Fabian 2017: 52—53), в целом характерно для богатых погребений некрополей Картли, особенно Мцхеты, середины / второй половины II — начала / первой половины III в. н.э., при этом в одних и тех же погребениях встречаются серебряные и золотые римские монеты, зачастую относящиеся к чеканке императоров от Августа (серебряные денарии) до Коммода (Sherozia 2008: 239—240; Fabian 2019: 49—50).

О.В. Шаров высказал предположение, «что их изготовление и стиль орнаментации изначально связаны с традициями еще Аршакидского Ирана, а часть предметов могла изготавливаться мастерами Иберии, находящейся в III в. н.э. под сильным иранским влиянием» (Шаров 2019: 205; 2022: 61). И этот тезис вызывает серьезные сомнения, учитывая отсутствие в Иране не только близких параллелей по форме украшений, но и сочетаний композиций из зерни со вставками в кастах с зубчатым краем (ср. Musche 1988). Скорее рассматриваемые изделия следует рассматривать как изделия местных мастерских и не Иберии, а Колхиды (т.е. Западной Грузии) в том числе с учетом очевидных элементов и мотивов, восходящих к произведениям ювелирного искусства Колхиды более раннего времени, о чем уже писалось (Лордкипанидзе и др. 1980: 46—47; Лордкипанидзе 1989: 347). Проведенный нами анализ некоторых форм и сюжетов также свидетельствует в пользу этого предположения.

Обращает на себя внимание и практически полное отсутствие украшений, которые можно было бы определить как римские. Разве что можно было бы говорить о происхождение перстня (рис. 16: 5) и вставки камеи в одну из блях (рис. 15: 9) из Лоо. Стеклянный кубок из Лоо (рис. 15: 3—4) был вероятно изготовлен в Сирии, тогда как серебряный канфар из Капандиби (рис. 10; 11: 1) находит ближайшие параллели оформлению ручек на сосудах августовского времени из Центральной Европы. Парфянские коннотации прослеживаются лишь в случае навершия с характерными подвесками из клада в Гонио (рис. 3: 3) и возможно, с фаларом (рис. 3: 1—2) из этого же клада, но и они не имеют никакого отношения ни к III в. н.э., ни к мастерским Иберии.

Приложение 1.

ПОДВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МИНЕРВЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Ф.С. РОМАНОВИЧА И КЛАД ИЗ КАПАНДИБИ В АДЖАРИИ

1. Подвески из коллекции Ф.С. Романовича и «клада» из Капандиби в Аджарии

Из коллекционеров конца XIX — начала XX вв., активно формировавших свою коллекцию на юге России, в том числе имевших контакты с авторами грабительских раскопок в Нижнем Подонье и Прикубанье, выделялась фигура Ф.С. Романовича. Он занимался книжной, картинной и писчебумажной торговлей, был владельцем книжного магазина в Ростове-на-Дону и имел тесные контакты с Археологической комиссией в Петербурге, неоднократно предлагая для покупки древности, происходящие как из Нижнего Подонья, так и Прикубанья и Предкавказья (Алексеев 1997: 29—30; Бойко, Толочко: 2016: 45—48). Среди прочих важных комплексов через руки Ф.С. Романовича прошел клад из шести серебряных с позолотой фаларов, найденный, по слухам, в 1897 г. при распашке земли в районе Таганрога (Спицын 1909: 27, 41—42, рис. 51—55, 57; Смирнов 1984: 74—75, рис. 29: 5; Mordvinceva 2001: 77, Nr. 45—50, Taf. 22—25), который недавно подробно рассматривался мною (Трейстер 2021: 305—312, рис. 1; Treister 2022: 229—254, fig. 1). Наряду с фаларами А. А. Спицын опубликовал золотую подвеску трапециевидной формы с изображением Минервы, не имеющую никакого отношения к фаларам, указывая, что место находки ее неизвестно и она также находится в собрании Романовича (рис. 17: 1, 3) (Спицын 1909: 27, 42, рис. 56). Непонятно, на каком основании К.Ф. Смирнов написал «Оттуда же (имеется в виду район Таганрога — М.Т.) происходит золотая пластинка-подвеска с изображением Афины» (Смирнов 1984: 74). Хотя нам удалось проследить судьбу некоторых фаларов Таганрогского клада, оказавшихся в Германии через коллекцию Пьера Маврогордато (Трейстер 2021: 305—312, рис. 1; Treister 2022: 229—254, fig. 1), современное местонахождение подвески остается мне неизвестным.

На первый взгляд, подвеска из коллекции Романовича выглядит очень странно, как с точки зрения необычности ее формы, аналогии которой были нам неизвестны до недавнего времени, так и декора, сочетающего рельефное изображение с зернью и вставками в кастах (рис. 17: 1, 3). Сразу же возникали обоснованные сомнения не только в возможности ее происхождения из того же комплекса, что и фалары, но и вообще — в ее аутентичности.

В начале 2010-х гг. в окрестностях Батуми в низовьях р. Чорохи у д. Капандиби был найден комплекс, поступивший в Батумский археологический музей, названный кладом (на самом деле, учитывая находку в нем фрагмента венка с трилистника, вероятно, разрушенного погребения) (рис. 10—13) (Kakhidze 2014: 255; Inaishvili 2015: 98—99; Kakhidze et al. 2015: 53—62, figs. 69—83), в составе которого была найдена золотая подвеска аналогичной формы с подобной широкой петлей для подвешивания, центральной овальной вставкой в касте с зубчатым краем. Поверхность подвески украшена декором из треугольников и ромбов зерни (рис. 13: 4) (Kakhidze et al. 2015: 56, fig. 71). Очевидно, что подвески из Капандиби и коллекции Романовича чрезвычайно близки и относятся к изделиям одного круга. В интернете опубликованы еще две подвески аналогичной формы, украшенные композициями из треугольников и ромбов зерни и вставками из стекла округлой, овальной формы и в виде листа плюща в кастах с ровным краем, обведенным напаянной рубчатой проволокой. Подвески из «Северного Причерноморья» находятся в частной коллекции (рис. 17: 2) (Konkin 2012: 37, figs. II.2.55—56; С. Конкин: antiqueland.ru: 1).

Выпуклые вставки из стекла или цветных камней в сочетании с композициями из зерни и изображениями в низком рельефе украшают редкие медальоны и подвески с территории Северо-Западного Кавказа. К ним относятся происходящий из окрестностей Новороссийска

медальон с довольно примитивным изображением бюста Гелиоса, лучевая корона которого передана зигзагом из зерни, а поле медальона «перегружено» рядами маленьких розетт из зерни (Колбасина и др. б.д.: 11, справа вверху; Малышев, Шишлов 2010: 162, рис. 7), а также квадратная бляха с изображением всадника, с подвесками и с двумя фигурками уточек вверху, происходящая из клада в Гонио (рис. 6: 3) (Лордкипанидзе и др. 1980: 36—37, № 7; 43, табл. XXI—XXII; Kat. Saarbrücken 1995: 138, Abb. 133; 303, Nr. 291; Tsetskhladze 1999: 93, no. 7; Kakhidze et al. 2002: 254, pl. 3: b; 2015: 78—79, figs. 102—103; Gamkrelidze 2014: 59; Mamuladze et al. 2019: 72).

В других регионах ювелирные украшения, сочетающие такие принципы декора чрезвычайно редки. Я могу упомянуть лишь два предмета:

1) диск, украшающий золотую серьгу, из погребения № 100 некрополя Мамфиса в Израиле, с изображением Афродиты-Анадиомены, обрамленным рядом зерни и композициями из треугольников зерни и двумя вставками гранатов каплевидной формы в пластинчатых кастах с ровным краем (Rosentahl-Heginbottom 2015: 157—158, fig. 6; 2018: 102—103, Nr. 34, Abb. 8; 103, 152, Abb. 53: в центре). Погребение датирует найденный в нем денарий Траяна (Rosentahl-Heginbottom 2015: 157; 2018: 103, 152, Abb. 53: слева вверху).

2) фигурную брошь из Хамы в Сирии, с изображением Эрота, вставками округлой и каплевидной формы в пластинчатых кастах с ровным краем и дополнительным декором из зерни и филиграни (Kat. Basel 1999: 301, Nr. 340).

Вернемся к подвеске из коллекции Романовича.

2. Форма подвески

Близкую параллель по форме ей представляет украшенная в технике клуазоне подвеска ахеменидской пекторали (Dshawachischwili, Abramischwili 1986, Abb. 21; Kat. Saarbrücken 1995: 298, Nr. 279, Abb. 1; Kacharava, Kvirkvelia 2008: 158—159, pls. 23—24; Трейстер 2012: 48, прим. 57 с библиографией), из погребения № 6/1961 в Вани, которое датируется не позднее последней трети V в. до н.э. (Трейстер 2012: 38—40).

Трапециевидная форма совершенно не характерна для греческих или римских ювелирных изделий, в частности, подвесок (в какой-то степени исключением является форма броши из клада ок. 260-х гг. н.э. в Дура-Эвропос: Johnson 1931: 78, no. 9; 81—82, Taf. XLIV: 1; Nettleton 1933: pl. XXVI; Makkay 1949: 166, fig. 1: d; Ackermann 1967: 465, pl. 139: M; Cat. Providence 1983: 125, fig. 16; Musche 1988: 194, Nr. 6.3, Taf. LXVIII; Oliver 1996: 149—150, no. 74; artgallery.yale.edu: 1).

3. Изображение стоящей Минервы, правой рукой, опирающейся на щит, а левой — держащей копье

На подвеске из коллекции Романовича в низком рельефе представлена фронтально стоящая фигура Минервы в шлеме с плюмажем, хитоне и подпоясанном пеплосе, проработанных складками. Опущенной вниз правой рукой она опирается на край фронтально стоящего щита, выпуклая часть которого украшена головой Медузы в обрамлении из перьев, с плавно извивающейся линией с точками по сторонам по краю. Левой рукой, согнутой в локте и поднятой вверх, она держит под наконечником вертикально стоящее копье со втоком. По краю пластина обведена рубчатой и крученой проволоками. В углах и в центре длинных сторон — касты с треугольными выступами по краю со вставками овальной и каплевидной формы. Вверху — два филигранных каста в виде листьев плюща. По длинным сторонам представлены композиции из ромбов и пирамидок зерни.

3.1. Иконография

Изображение Минервы в подобной позе со щитом и копьем довольно редки. Близкие образы представлены на датируемых I—III вв. н.э. геммах (Henig 1978: 213, no. 230, pl. 8) из сердолика из Аквилеи (Sena Chiesa 1966: 128, nos. 132—133, tav. 7), в Ганновере (AGD IV: 159, Nr. 778, Taf. 101), Мюнхене (AGD I, 3: 62, Nr. 2479, Taf. 226; LIMC II, 1082, no. 104, s.v. Athena / Minerva (F. Canciani)), Кельне (Krug 1981: 221, Nr. 263, Taf. 105) и Москве (Финогенова 1993: 37, 47—48, № 50, 83; Кат. Москва 2012: 95—96, № 48—49), на гемме из халцедона в Геттингене (AGD III: 86—87, Nr. 86, Taf. 36), а также на геммах из яшмы, найденных в Аквилее (Sena Chiesa 1966: 129, no. 134, tav. 7), Кесарии Приморской (Caesarea Maritima) (Hamburger 1968: 27, no. 32, pl. II), в Вогезах (Guiraud 1988: 95, no. 76, pl. VI; 1996, 71, fig. 46), аметисте — в Королевском музее в Гааге (Maaskant-Kleibrinck 1978: 286—287, no. 809, pl. 135), и на хранящемся в Мюнхене литике (AGD I, 3: 160, Nr. 3156; Taf. 305).

Отметим также аналогичные изображения на глиняных буллах из Долихе в Коммагене (Önal 2011: 260, Nr. 45, Farbtaf. 12; 2014: 190, Nr. 110—112, Farbtaf. 21) и Урука (LIMC II: 972, no. 155, s.v. Athena (P. Demargne)) и на серебряных и золотых вотивных пластинах конца II — первой половины III в. н.э. (клад из Вайсенбурга: Kellner, Zahlhaas 1993: 67, 71, Nr. 29—30, Taf. 57—58; клад из Бальдока: Jackson, Burley 2018: 8—10, figs. 15—16; 22—27; figs. 42, 45—47; 39—57, nos. A8—17; 20—24, britishmuseum.org: 1).

При всей распространенности образов Минервы на реверсе римских монет императорского времени все они представляют индивидуальные типы и в чеканке многих императоров, прежде всего Домициана, использовались другие образы (Morawiecki 1977: 185—194). Изображение стоящей Минервы, опирающейся левой рукой на щит и держащей копье в правой руке, появляются впервые на денариях восточной чеканки Адриана 128—130 гг. н.э. (RIC II: pt. 3, Hadrian 3059—3060; numismatics.org: 1). Этот тип изображений представлен далее на сестерциях, дупондиях, денариях и ауресах Антонина Пия 145—160 гг. (RIC III: Antoninus Pius 427A—B, 435A—B, 438A—B, 1245, 1248 etc.; numismatics.org: 2).

Отличие изображений на геммах, буллах, вотивных пластинах и монетах II—III вв. н.э. заключается в том, что что щит развернут и показан сбоку, на монетах в некоторых случаях — с внутренней стороны, а также в положении атрибутов — Минерва держит копье не левой рукой, а правой, и опирается на щит, соответственно, левой рукой.

Лишь на геммах из Ганновера (AGD IV: 159, Nr. 778, Taf. 101), Кельна (Krug 1981: 221, Nr. 263, Taf. 105), одной из гемм из Аквилеи (Sena Chiesa 1966: 129, no. 134) и гемме из оникса из коллекции Б. Берри в Блумингтоне (Berry 1969: 61, no. 110) богиня изображена опирающейся на щит правой рукой и держащей копье — в левой. Подобным же образом Минерва впервые предстает лишь на ауресах и денариях Каракаллы (RIC IV: Caracalla 2; numismatics.org: 3), в том числе на денарии, чеканенном в 196—197 гг. в Лаодикии в Сирии (Laodicea ad Mare) (RIC IV: Caracalla 330; numismatics.org: 4), а также на ассах и сестерциях (RIC IV: Caracalla 399, 403) и изображается позднее на монетах Геты (RIC IV: Geta 25A, 30, 34A—B, 45—46, 98, 105A—B) и антонианах Галлиена 266—268 гг. (RIC V: Gallienus 617; numismatics.org: 5).

Аналогична поза богини, расположение щита и копья и на посвятительном рельефе начала III в. н.э. из Филиппополиса (Oppermann 2012: 232, 233, Abb. 2), в то время как на рельефе середины II в. н.э. из Остии с изображением различных стоящих богов Минерва изображена держащая копье правой рукой (Matern 2002: 118, 147—148, 239—240, no. I50, fig. 57), а на многочисленных рельефах колонн Юпитера, например, из Кельна (arachne.dainst.org: 1), или так наз. памятников с четырьмя божествами (Viergöttersteine) из рейнских провинций, датируемых в рамках последней трети II — первой половины III в. н.э. (Bauchhenß, Noelke 1981: 48—51, 192—193, Nr. 388, Taf. 38: 4; 244, Nr. 557, Taf. 53: 4; Noelke 2011: 197, 200, Abb. 45; 291—292, Nr. 224.1 (щит справа); 198, 203, Abb. 48: a; 275, Nr. 174; 208, Abb. 53; 355—356, Nr. 329; 213, Abb. 59: c; 219, 314—315, Nr. 244.1; 224, Abb. 72; 293 Nr. 226; о датировке — Noelke 2011: 212), представлены оба варианта

местоположения щита и копья, при этом вариант со щитом справа встречается значительно реже. В одном случае на рельефе с изображением щита справа, щит, также как на рассматриваемой подвеске, развернут *en face*, но он украшен не горгонейоном, а лучевой розеттой (Noelke 2011: 235, Abb. 85, 290—292, Nr. 224.1).

В мелкой бронзовой пластике первых веков н.э. встречаются изображения Минервы в шлеме с эгидой на груди, но, как правило, она держит копье не левой рукой, а правой, и опирается на щит, соответственно, левой рукой, хотя за редкими исключениями (Veličkovič 1972: 21—22, no. 13a—b) атрибуты (копье и особенно щит) — утрачены (Babelon, Blanchet 1895: 71—72, no. 155; Ognenova-Marinova 1975: 122, no. 133; Veličkovič 1972: 19—20, no. 11; Cat. Madrid 1990: 244, no. 152; Трейстер, Косяненко 1995: 159—162, рис. 1). Этот тип предположительно восходит (Kaufmann-Heinimann 1977: 61, тип IIA) к Афине Медичи, который связывают с Фидием (LIMC II: 1085, no. 144, s.v. Athena / Minerva (F. Canciani); arachne.dainst.org: 1), греческой скульптуре IV в. до н.э. (Boucher 1976: 138) или рассматривается как не имеющий классических прототипов создание римского классицизма середины I в. н.э. (Leibundgut 1976: 40—41, Nr. 22, Taf. 24—26; Menzel 1986: 36, Nr. 77, Taf. 42—43). Близкий тип, изображающий богиню, но не с правой (как в нашем случае), а с левой опорной ногой, который связывают (Kaufmann-Heinimann 1977: 60, тип IA) с типом Афины Джустиниани (LIMC II: 1086, no. 154, s.v. Athena / Minerva (F. Canciani); представлен в частности, статуэтками из Августы Раурики (Kaufmann-Heinimann 1977: 62—63, Nr. 59—60, Taf. 59—61).

3.2. Оформление щита эгидой с горгонейоном в обрамлении из перьевого декора

Оформление щита эгидой с горгонейоном в обрамлении из перьевого декора, как на рассматриваемой подвеске, встречается в торевтике и коропластике еще во второй четверти III в. до н.э., как на серебряной с позолотой бляхе из бывшей коллекции Фляйшман в собрании Музея Гетти (Cat. Malibu 1994: 123—124, no. 55A) и на терракотовых медальонах из гробницы Эротов в Эретрии (Huguenot 2008: 15, nos. 39—45; 154, 169—171, pl. 78: 3), а также на золотом медальоне предположительно египетской работы в Античном музее Берлина, который относят к первой половине II в. до н.э. (Platz-Horster 2001: 75—77, no. 44c). Оно таже появляется в монетной чеканке не позднее ок. 200 г. до н.э. при Антиохе IV (Gkikaki 2020: 233—235; Haymann 2022: 14—18) и получает распространение на Ближнем Востоке и в Малой Азии, например, на серебряных тетрадрахмах пергамского царя Эвмена II (197—159 до н.э.) (Mørkholm 1984: 187—188, no. 9, pl. 27: 9; Kat. Berlin 2011: 552, Nr. 6.67) и позднее в чеканке Митридата VI (Gkikaki 2020: 232, fig. 5; Haymann 2022: 15, Abb. 19, Nr. 27). Подобным же образом оформлен и щит из храма Диониса II в. до н.э. в Пергаме (Buschor 1958: 19, Nr. 4, Taf. 22: 2; Kat. Berlin 2011: 528—530, Nr. 6.6), а также щит в руках у Нереиды на датированном 40—10 гг. до н.э. алабастре из сардоникса, хранящемся в Берлине (Platz-Horster 2012: 93—94, Nr. 86, Taf. 18—19).

Щит с горгонейоном (также без перьевого декора) изображен в руках римского легионера на мраморном рельефе конца III в. н.э. из Никомедии (Abbe, Aktürk 2019: fig. 2: a, d—e). Аналогичные изображения щитов встречаются на дионисийских саркофагах и саркофагах с эротами, в том числе антониновского времени (arachne.dainst.org: 3; arachne.dainst.org: 4; arachne.dainst.org: 5; arachne.dainst.org: 6; Koch, Sichtermann 1982: 500, Abb. 483; 568, Abb. 577).

В римской чеканке щиты с изображением горгонеойна встречаются редко. Отметим изображения на реверсах ауресов Адриана (без перьевого декора) (RIC III: pt. 3, Hadrian 1432—1433; numismatics.org: 6), а также на дупондиях Марка Аврелия (щит, стоящий у ног сидящей Ромы) (RIC 1035; coinarchives.com: 1) и Коммода (coinarchives.com: 2; Haymann 2022: 20, Anm. 105).

В то же время изображение головы Медузы в окружение из перьев нельзя считать исключительно эллинистическим признаком — подобным же образом украшена серебряная шкатулка из гробницы № 905 в Самтавро (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 19, 23, no. 3; 24, fig. 9;

Treister 2001: 324; Parjanadze, Bode 2017: 43, fig. 8). Сама поздняя монета из погребения — ауреус Адриана 125—128 гг. н.э. (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 36, no. 25, fig. 22), при этом погребение, в котором имеются бронзовые и серебряные сосуды еще I в. н.э., по всему комплексу инвентаря датируется второй половиной II — первой половиной III в. н.э. (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 52). Подобным же образом оформлены и горгонейоны панцирей на серебряных бюстах Гальбы (68 г.) из Геркуланума (de Pury-Gysel 2017: 136—137, Abb. 122—127; 139; 106—107, Nr. 7 с библиографией), Луция Вера из клада в Маренго (161—169 гг.) (de Pury-Gysel 2017: 144—146, Abb. 134—136; 139; 106—107, Nr. 8 с библиографией) и Каракаллы — из Бригецио (de Pury-Gysel 2017: 147—151, Abb. 137, 140; 106—107, Nr. 8 с библиографией) и золотых бюстах Марка Аврелия (176—180 гг.) из Аванша (de Pury-Gysel 2017: 108—110, Abb. 87, 91; 104—105, Nr. 1 с библиографией) и Септимия Севера (195—197 гг.) из Платинополиса (de Pury-Gysel 2017: 26—27, Abb. 19, 21; 33—34; 40—41, Abb. 41; 51; 104—105, Nr. 2 с библиографией).

4. Заключение

Таким образом, очевидно, что при всей близости изображения богини с копьем и щитом, мастер подвески внес в ее трактовку (отсутствие эгиды на груди, разворот и проработка щита) и местоположение атрибуты черты, не характерные для изображений Минервы со щитом и копьем в римском монументальном, прикладном искусстве, и монетной чеканке. Учитывая широкое распространение римских монет на Северо-Западном Кавказе в первые века н.э. (Голенко 1964: 38—58; Abramzon 2003: 243—256; Dundua 2006: 74—85; Sherozia 2008, 236—242, 249—251; Fabian 2017: 37—68; 2019, 47—51), в том числе в римском форте Аспаре (Гонио) (Jaworski 2021: 125—136; Jaworski et al. 2021: 289—306), где был найден один из рассматриваемых комплексов, есть все основания предполагать, что именно монетная эмблема могла послужить образцом для подражания ювелира. В таком случае, вероятно в качестве образцов можно рассматривать эмблемы на монетах Каракаллы и Геты и, соответственно, датировать подвеску не ранее рубежа II—III вв. н.э. В то же время необычный для указанных монет ракурс щита, проработанный изображением горгонейона на фоне перьев, как на панцирях серебряных и золотых бюстов римских императоров второй половины I и особенно второй половины II — начала III в., дает основания предполагать, что мастер был знаком не только с образами Минервы в римской чеканке. То, что мастер мог видеть подобное оформление горгонейонов косвенно подтверждает находка в погребении второй половины II — первой половины III в. н.э. в Мцхете серебряной шкатулки с головой Медузы, обрамленной перьями.

Литература

Алексеев А.Ю. 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V—IV вв. до н.э. *Stratum+Петербургский археологический вестник*, 29—43.

Апакидзе и др. 1958: Апакидзе А.М., Гобедзишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А. 1958. *Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937—1946 гг.* Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР.

Арсеньева Т.М. 1977. *Некрополь Танаиса.* Москва: Наука.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. *Усадьбы Танаиса.* Москва: Институт археологии РАН.

Берхин И.П. 1961. *О трёх находках* позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. *АСГЭ* 2, 141—153.

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России I.2).

Бессонова С.С. 2007: Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты VII—IV вв. до н.э. *БИ* XVI, 3—30.

Блаватская Т.В. 1964. Стеклянная чаша с греческой надписью из Лоо. *Klio* 42. No. 1, 329—336. https://doi.org/10.1524/klio.1964.42.jg.329.

Бойко А.Л., Толочко И.В. 2016. Криминальный антикварный рынок на юге России в конце XIX — начале XX века: «agente recitatore» Ф.С. Романович и «tombarolo» А.А. Смычков. В: Зинько В.Н. (ред.). *Боспорские чтения* XVII. Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 43—56.

Браунд Д. 1991. Римско-сирийская стеклянная чаша из Лоо близ Сочи. *СА* 3, 268—270.

Вітрик І.С., Данилко Н.М. 2002. Поховання знатної скіф'янки у «Великому кургані» М.І. Веселовського. В: Клочко Л.С. (відп. ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р.* Київ: Музей історичних коштовностей України, 138—149.

Вольная Г.И. 2011. Привески в виде сдвоенных протом лошадей из памятников Центрального Кавказа раннего железного века. В: Балахванцев А.С., Колганова Г.Ю. (ред.). *Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского*. Вып. V. Москва: Институт востоковедения РАН, 67—70.

Воронов Ю.Н. 1979. *Древности Сочи и его окрестностей.* Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Воронов Ю.Н. 2006. *Научные труды*. Т. I. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии.

Воронов Ю.Н. 2014. *Научные труды*. Т. IV. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии.

Высотская Т.Н. 1979. *Неаполь — столица государства поздних скифов*. Киев: Наукова думка.

Голенко К.В. 1964. *Денежное обращение Колхиды в римское время*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Дзиговський О.М. 2000. *Культура сарматив Північно-Західного Причорномор'я*. Одеса: Гермес.

Дмитриев и др. 2020: Дмитриев А.В., Малышев А.А., Медникова М.Б., Онайко Н.А., Столярова Е.К. 2020. Описание археологических комплексов. Каталог. В: *Мысхакский некрополь*, 10—122.

Завойкина Н.В. 2013. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией.* Москва: Университет Дмитрия Пожарского.

Зайцев Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.).* Симферополь: Универсум.

Засецкая И.П. 2004. Золотой флакон сарматской эпохи. *СГЭ* LXII, 54—61.

Засецкая И.П. 2018. Фалары из кургана Садовый и образ «тарандра». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 23.3, 126—137.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. Симферополь: Антиква (Археологические памятники Северного Причерноморья 1).

Иванова М.И., Голубев П.М. 1961. Находки в Лоо. *СА* 3, 284—290.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской Империи на территории Абхазии (II—VII вв.). *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика* 9(64), вып.11, 25—31.

Калашник Ю.П. 2013. Пантикапейские индикации. В: Виноградов Ю.А, Вахтина М.Ю., Горончаровский В.А. (ред.). *Фидития. Памяти Ю.В. Андреева*. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 85—99.

Капанадзе Д.Г. 1956. Изображение знаков власти на древнегрузинских монетах. *КСИИМК* 66, 83—88.

Кат. Ленинград 1980: *Художественные изделия эпохи римской империи (I в. до н.э. — IV в. н.э.). Каталог выставки. Государственный Эрмитаж.* Ленинград: Искусство.

Кат. Москва 1983: Коровина А.К. (ред.). *Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху*. Москва: Советский художник.

Кат. Москва 2002: Журавлев Д.В. (ред.). *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского.* Москва: ГИМ.

Кат. Москва 2012: Смирнова Н.М. (ред.). *Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Кат. Сочи 2013: Хачатурова Е., Гусева А. *Древнее золото Кубани и Черноморья из коллекции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына и музея истории города Сочи*. Краснодар; Сочи: Платонов.

Кат. Ст. Петербург 2008: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского.* Азов: Азовский музей-заповедник.

Кат. Ст. Петербург 2009: Бутягин А.М. (ред.). *Тайна золотой маски.* Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитажа.

Клочко Л.С. 2010. Образ водоплавного птаха на декоративних елементах скіфського костюму. В: Строкова Л.В. (відп. ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки" 9—11 листопада 2009 р.* Київ: Музей історичних коштовностей України, 55—73.

Колбасина и др. б.д.: Колбасина Л.А., Раскатова Т.В., Терехова В.П., Соколова Р.М., Шишлов А.В. Без даты. *Новороссийский государственный исторический музей-заповедник*. Новороссийск: Музей.

Кропоткин В.В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.)*. Москва: Наука (САИ Д1—27).

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи.* Киев: АДЕФ-Украина.

Левкинадзе В.А. 1975. Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия). *СА* 4, 193—208.

Ліфантій О.В. 2014: Золоті прикраси одягу із ранніх скіфських комплексов. *БИ* 30, 39—53.

Лифантий О.В. 2015: Орнитоморфные изображения на золотых аппликативных украшениях одежды скифов. *Stratum plus* 3, 167—182.

Ломтатидзе Г.А. 1957. *Kldeetis samarovani akhali tseltaghritskhvis II saukunisa / Некрополь II в. н.э. в Клдеети*. Тбилиси: АН Грузинской ССР (на грузинском яз. С резюме на русском яз.).

Лордкипанидзе М.Н. 1961: *Геммы Государственного музея Грузии 3, Каталог памятников глиптики, найденных на территории Грузии*. Тбилиси: Мецниереба.

Лордкипанидзе О.Д. 1964. Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии. *СА* 1, 199—220.

Лордкипанидзе О.Д. 1989. *Наследие древней Грузии*. Тбилиси: Мецниереба.

Лордкипанидзе и др. 1980: Лордкипанидзе О.Д., Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А. 1980. Гонийский клад / *Le trésor de Gonio.* Тбилиси: Мецниереба.

Лєсков О. 1974: *Скарби курганів Херсонщини.* Київ: Мистецтво.

Малышев А.А. 2020. Погребальный инвентарь Мысхакского некрополя. В: *Мысхакский некрополь*, 143—172.

Малышев А.А. 2021. Полуостров Абрау в римское время. *Hyparis* 3, 147—170.

Малышев А.А., Шишлов А.В. 2010. Новороссийский исторический музей-заповедник. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. 3. Москва: Наука, 158—166.

Мастыкова А.В. 2022. Женские амулеты в форме лунниц из золотой проволоки в некрополе римского времени Фронтовое 3 (Юго-Западный Крым). *Stratum plus* 4, 151—165.

Масякин В.В. 2018. Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *XIX Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции*. Симферополь; Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 299—308.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1—3. Симферополь; Бонн: Тарпан.

Мошинский А.П. 2006. *Древности горной Дигории VII—IV вв. до н.э. Систематизация и хронология*. Москва: ГИМ (Труды ГИМ 154).

Мошинский А.П. 2020. Дупликация и дихотомия в артефактах Кавказа. В: Леванова Е.С., Смирнов Н.Ю. (ред.). *ДИАЛОГ 2017—2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2017 г.; Москва, 6—7 декабря 2018 г.). Сборник научных статей*. Москва: Институт археологии РАН, 145—166.

Новиченкова Н.Г. 1993: Святилище біля перевала Гурзуфське Сідло. *Археологія* 1, 54—66.

Новиченкова Н.Г. 2015: *Горный Крым II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло.* Симферополь: Н. Оріанда.

Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-27).

Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-27).

Петренко В.Г. 1978: *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д4—5).

Придик Е.М. 1914. Новые кавказские клады. *МАР* 34, 94—110.

Ростовцев М.И. 1914. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. *Древности* XXV, 1—23.

Скалон К.М. 1961. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. *АСГЭ* 2, 114—140.

Смирнов К.Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. Москва: Наука.

Спицын А.А. 1909. Фалары Южной России. *ИАК* 29, 18—53.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1990. *Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья.* Вып. 2. *Курганные могильники Дивизийский и Белолесский.* Киев: Институт археологии.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. 1889. *Классические древности южной России*. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (Русские древности в памятниках искусства 1).

Трейстер М.Ю. 1998. К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское Седло. *ВДИ* 2 (225), 68—80.

Трейстер М.Ю. 2007а. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер М.Ю. 2007б. Декор из филиграни и зерни. В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т.1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 256—271.

Трейстер М.Ю. 2007в. Типы накладных пластинчатых кастов, форма, материал и цвет вставок. В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 272—287.

Трейстер М.Ю. 2012. Проблемы хронологии произведений ахеменидской торевтики, ювелирного дела и стеклянных сосудов. Опорные комплексы. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 35—49.

Трейстер М.Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: Институт археологии РАН, 77—181 (Материалы по археологии и истории Фанагории 2).

Трейстер М.Ю. 2017. Находка у хут. Клименкова (полвека спустя публикации И.В. Яценко). *Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ* 8, 201—220. («hist.msu.ru»).

Трейстер М.Ю. 2018а. Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика. *НАВ* 17.1, 108—143.

Трейстер М.Ю. 2018б. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСП* 10, 118—210.

Трейстер М.Ю. 2019. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре. *ДБ* 24, 553—580.

Трейстер М.Ю. 2021. Парадные фалары из тайника сарматского кургана № 1 /1985 у пос. Дачи под Азовом. *ПИФК* 4, 5—44.

Трейстер М.Ю., Винокуров Н.И. 2023. Золотые и серебряные подвески—лунницы из слоя пожара 46/47 гг. н.э. ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму. *ПИФК* 3, 112—128.

Трейстер М.Ю., Косяненко В.М. 1995. Бронзовые фигурки Минервы из собрания Ростовского музея. *РА* 1, 159—164.

Трофимова А.А. 2021. Античный портрет в трудах О.Ф. Вальдгауера и М.И. Ростовцева. *Актуальные проблемы теории и истории искусства* 11, 107—123.

Труфанов А.А., Мордвинцева В.И. 2018. Погребение I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым). *ПИФК* 3, 30—46.

Финогенова С.И. 1993. *Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.* Москва: Индрик.

Шаров О.В. 2019. Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи. *НАВ* 18.2, 197—220.

Шаров О.В. 2022. *Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV в. н.э.).* Москва: Институт археологии РАН.

Шаров О.В., Чореф М.М. 2015. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена. *Stratum plus* 4, 357—375.

Шкорпил В.В. 1905. Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г., *ИАК* 17, 1—76.

Штительман Ф.М. 1977. *Античне мистецтво в музеях України. Альбом*. Київ: Мистецтво.

Шульц П.Н. 1969. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского. *СА* 1, 120—136.

Abbe M.B., Ağtürk T.Ş. 2019. The new corpus of painted Imperial Roman marble reliefs from Nicomedia: a preliminary report on polychromy. *Technè* 48. DOI: https://doi.org/10.4000/techne.2567.

Abramzon M.G. 2003. The Gerzeul hoard of coins of Caesarea of Cappadocia (in the Museum of Abkhazia). *Revue numismatique*. 6e série 159, 243—256.

Ackerman P. 1967. The Art of the Parthian Silver- and Goldsmiths. In: Pope A.U. (ed.). *A Survey of Persian Art*. Tehran; London; New York; Tokyo: Oxford University Press, 459—470.

antiqueland.ru: 1: Стекло и золото в ювелирном искусстве древности и античности. URL: https://antiqueland.ru/articles/204/ (дата обращения 25.05.2023).

Antonaras A.C. 2017. *Glassware and Glassworking in Thessaloniki. 1st Century BC — 6th Century AD*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 27).

Apakidze A., Nikolaishvili V. 1994. An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta. *Antiquaries Journal* 74, 16—54.

arachne.dainst.org: 1: Schuppensäule mit figürlichem Relief. URL: https://arachne.dainst.org/entity/ 1112406 (дата обращения 25.05.2023).
arachne.dainst.org: 2: Athena Medici. URL: arachne.dainst.org/entity/1242092 (дата обращения 25.05.2023).
arachne.dainst.org: 3: Erotensarkophag. URL: arachne.dainst.org/entity/528961 (дата обращения 25.05.2023).
arachne.dainst.org: 4: Szene 1: Reliefszene Vorderseite. URL: https://arachne.dainst.org/entity/1248042 (дата обращения 25.05.2023).
arachne.dainst.org: 5: Dionysischer Sarkophag mit Kentaurenbigen und Clipeus. URL: arachne.dainst.org/entity/1086734 (дата обращения 25.05.2023).
arachne.dainst.org: 6: Szene 2: Nebenseite mit Kampfdarstellung. URL: https://arachne.dainst.org/entity/1215421 (дата обращения 25.05.2023).
artgallery.yale.edu: 1: Silver Fibula. URL: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/3544#technical-metadata (дата обращения 25.05.2023).
Babelon E., Blanchet A. 1895. *Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque nationale*. Paris: Ernest Leroux.
Barba F., Trapani F. 2016. New evidence on the temples of Sirkap and Jandial C at Taxila. In: Klimburg-Salter D., Lojda L. (eds.). *Proceedings of the 20th Conference of the "European Association for South Asian Archaeology and Art"*. Vol. 2. *Contextualizing Material Culture in South and Central Asia in Pre-Modern Times.* Turnhout: Brepols.
Bauchhenß G., Noelke P. 1981. *Die Iupitersäulen in den germanischen Provinzen*. Köln; Bonn: Rheinland-Verlag; In Kommission bei R. Habelt (BJb Beiheft 41).
Berry B.Y. 1969. *Ancient Gems from the Collection of Burton Y. Berry*. Bloomington: Indiana University Art Museum (Indiana University Art Museum Publications 1/1969).
Betti F. 2005. Gemme da scavo dall'Oriente romano. Alcune osservazioni preliminari. *ACME. Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano* 58, 3, 357—374.
Boucher S. 1976. *Recherches sur les bronzes figurés de Gaule préromaine et romaine*. Rome: *École française de Rome* (BÉFAR 228).
Braidwood R.J. 1933. Some Parthian Jewelry (Season 1930—31). In: Waterman L. *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq.* Ann Arbor: University of Michigan, 65—73.
Braund D., Javakhishvili K., Nemsadze G. 2009. *The Treasures of Zghuderi. Elite Burials of Caucasian Iberia in the Roman Period c. AD 200—250.* Tbilisi: Georgian National Museum.
britishmuseum.org: 1: Votive Plaque. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_2003-0901-24 (дата обращения 25.05.2023).
Buschor E. 1968. *Medusa Rodanini*. Stuttgart: W. Kohlhammer.
Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin — 29 octobre 1995.* Abbaye de Daoulas: Abbaye de Daoulas.
Cat. Los Angeles 2007: Trofimova A.A. (ed.). *Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage.* Los Angeles: J.P. Getty Museum.
Cat. Los Angeles 2022: Spier J., Potts T., Cole S.E. (eds.). *Persia. Ancient Iran and the Classical World*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.
Cat. Madrid 1990: *Los bronces romanos en España.* Madrid: Centro Nacional de Exposiciones.
Cat. Malibu 1994: Harris J. (ed.). *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman.* Malibu: J. Paul Getty Museum.
Cat. Milan 1995: Curletti M.G. (ed.). *Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari*. Milano: La Rinascente.
Cat. New York 2019: Fowlkes-Childs B., Seymour M. (eds.). *The World Between Empires: Art and Identity in the Ancient Middle East.* New York: Metropolitan Museum of Art.
Cat. Paris 1961: *Sept mille ans d'art en Iran.* Paris: *Sept mille ans d'art en Iran.* Paris: Presses artistiques.
Cat. Providence 1983: Hackens T., Winkes R. (eds.). *Gold Jewelry. Craft, Style and Meaning from Mycenae to Constantinople*. Louvain-la-Neuve: Brown University (Aurifex 5).
Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milan: Electa.
Cat. San Antonio 1999: Reeder E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Harry N. Abrams.
Chehade J. 1987. Zu Schmuckdarstellungen auf palmyrenischen Grabreliefs. In: Beck H., Bol P.C. (Hrsg.). *Palmyra. Geschichte, Kunst und Kultur der syrischen Oasendstadt*. Linz: Gutenberg, 193—199 (Linzer Archäologischer Forschungen 16).
coinarchives.com: 1: Leu Numismatik AG. Web Auction 26. Lot 4496. URL: https://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=2242087&AucID=5442&Lot=4496&Val=192524100ba85bcfcc86b6c266e06518 (дата обращения 25.05.2023).

coinarchives.com: 2: Numismatik Lanz München. Auction 112. Lot 556. URL: https://www.coinarchives.com/a/openlink.php?l=40032%7C43%7C556%7Cbd0027406f48f714d12dc1de747133cf (дата обращения 25.05.2023).

colorsandstones.eu: 1: Gold Carnelian Gandhara 1st — 2nd century CE. URL: https://colorsandstones.eu/ wp-content/uploads/2022/04/Temple-ear-pendant-1-Gold-Carnelian-Gandhara-1st-2nd-century-CE.png (дата обращения 25.05.2023).

Curtis J. 1976. Parthian Gold from Nineveh. *The British Museum Yearbook* 1. *The Classical Tradition*, 47—66.

d'Ambrosio A., De Carolis E. 1997. *I monili dall'area Vesuviana*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei 6).

Damm I.G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor-und Frühgeschichte* 21, 65—210.

Dar S.R. 1993. Dating the Monuments of Taxila. *Studies in the History of Art* 31, 103—122.

de Pury-Gysel A. 2017. *Die Goldbüste des Septimius Severus. Gold- und Silberbüsten römischer Kaiser*. Basel; Frankfurt: Librum Publishers & Editors.

Dmitriev A.V., Malyšev A.A., Vjazkova O.E. 1999. Die Siedlung von Myschako. Ein südöstlicher Vorposten des Bosporanischen Reiches. *Eurasia antiqua* 5, 445—486.

Dundua T. 2006. Influx of the Roman Coins in Georgia. *Phasis* 9, 74—85.

El-Chehadeh J. 1972. *Untersuchungen zum antiken Schmuck in Syrien*. Inagural-Diss. Berlin: Freie-Universität.

Ettlinger E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz.* Bern: Francke.

Fabian L. 2017. Numismatic communities in the northern South Caucasus 300 BCE—300 CE: A geospatial analysis of coin finds from Caucasian Iberia and Caucasian Albania. In: Teigen H.F., Seland E.H. (eds.). *Sinews of Empire. Networks in the Roman Near East and Beyond.* Oxford: Oxbow, 37—68.

Fabian L. 2019. The Meanings of Coins in the Ancient Caucasus. *Historische Anthropologie* 27,1, 32—51.

Feugère M. 1985. *Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.C.* Paris: Éditions du CNRS (Revue Archéologique de Narbonnaise, 12e supplément).

Foietta E. 2014. Jewels with stone inlays from Hatra. *Parthica* 16, 165—198.

Gagoshidze I. 2008. Catalog of sites. In: *Iberia and Rome*, 257—222.

Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

Gamkrelidze G. 2014. *Archaeology of the Roman Period of Georgia (Iberia-Colchis). Essay & Catalog*. Tbilisi: The Otar Lordkipanidze Centre of Archaeology of the Georgian National Museum (Iberia-Colchis Supplement).

Gaspar N. 2007. *Die keltischen und gallo-römischen Fibeln vom Titelberg / Les fibules gauloises et gallo-romaines du Titelberg*. Luxembourg: Musée National d'Histoire et d'Art (Dossiers d'archéologie du Musée national d'Histoire et d'Art 11).

Ghirshman R. 1962. *Iran. Parther und Sasaniden.* München: C.H. Beck.

Gkikaki M. 2020. Η Αιγίδα των Σελευκιδών στο Νότιο Τείχος της Ακροπόλεως (Με παράρτημα του Δ. Ταμπακόπουλου). In: Kopanías K., Doulfís G. (eds.). *Τέχνης ἐμπειρία. Νέα Αρχαιολογικά Ευρήματα και Πορίσματα. Τιμητικός τόμος για την Καθηγήτρια Γεωργία Κοκκορού—Αλευρά.* Athens: Kardamitsa, 227—236.

Gogiberidze N. 2008. Jewelry. In: *Iberia and Rome*, 165—189.

Guiraud H. 1988. *Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français).* T. I—II. Paris: Éditions du CNRS (48e supplément à Gallia).

Guiraud H. 1992. Intaglios from Dura-Europos. *Yale University Art Gallery Bulletin*, 48—85.

Guiraud H. 1996. *Intailles et camées romains.* Paris: Editions A&J Picard.

Hamburger A. 1968. Gems from Caesarea Maritima. *'Atiqot (English Series)* 8, 1—38.

Hamdi Bey O., Reinach T. 1892. *Une nécropole royale a Sidon*. Paris: E. Leroux.

Haymann F. 2022. Politische und andere Deutungsmöglichkeiten von Gorgoneia auf Münzen. *OZeAN. Online Zeitschrift zur antiken Numismatik* 4, 1—32.

Higgins R. 1976. *Jewellery from Classical Lands*. London: British Museum Press.

Higgins R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.

Higuchi T., Saito K. (eds.). 2001. *Tomb F-Tomb of BWLH and BWRP Southeast Necropolis Palmyra, Syria*. Nara: Research Center for Silk Roadology (Publication of Research Center for Silk Roadology 2).

Hoss S. 2016. Of brooches and men. In: Hoss S., Whitmore A. (eds.). *Small Finds and Ancient Social Practices in the Northwest Provinces of the Roman Empire*. Oxford: Oxbow, 35—53.

Huguenot C. 2008. *La tombe aux Erotes et la tombe d'Amaryntbos. Architecture funeraire et presence macedonienne en Grece centrale*. Vols. I—II. Gollion: Infolio Ed.

Inaishvili N. 2015. Archaeological Sites in Environment of Batumi. In: Karagianni F., Kocabaş U. (eds.). *Proceedings of the Symposium on City Ports from the Aegean to the Black Sea. Medieval — Modern Networks 22nd—29th August 2015*. Istanbul: Ege Yayinlari, 93—107.

Jackson R., Burleigh G. 2018. *Dea Senuna: Treasure, Cult and Ritual at Ashwell, Hertfordshire*, London: British Museum Press (Research Publication 194).

James S. 2019. *The Roman Military Base at Dura-Europos, Syria: an Archaeological Visualisation*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Jaworski P. 2021. Reading the History of the Roman Fort in Apsaros (Autonomous Republic of Adjara, Georgia) from a Numismatic Perspective. *Notae nimismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XVI, 125—136.

Jaworski P., Karasiewicz-Szczypiorski R., Mamuladze S. 2021. The rise and fall of the Roman fort in Apsaros: recent numismatic evidence. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 30/2, 289—306. https://doi.org/10.31338/uw.2083—537X.pam30.2.11.

Johnson J. 1931. Jewelry. In: Baur P.V.C., Rostovtzeff M.I. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Second Season of Work, October 1928—April 1929*. New Haven: Yale University Press; London: H. Milford; Oxford: Oxford University Press, 78—82.

Kacharava D.D. 1984. Archaeological Investigations on the Eastern Black Sea Littoral, 1970—80. *Archaeological Reports* 30, 98—101.

Kacharava D., Kvirkvelia G. 2008. *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* Princeton: Princetion University Press.

Kakhidze A. 2014. New Archaeological Finds from Ajara Littoral. In: Giorgadze M., Siradze T. (eds.). *International Conference "Humanities in the Information Society — II"*. Batumi: Batumu State University Publ. House, 255—256.

Kakhidze A., Shalikadze T., Partenadze T. 2015. *Batumi Archaeological Museum Treasure*. Catalogue. Batumi: Batumi Archaeological Museum.

Kakhidze E. 2008. Apsaros: A Roman Fort in Southwestern Georgia In: Bilde P.G., Petersen J.H. (eds.). *Meetings of cultures in the Black Sea region: Between conflict and coexistence*. Aarhus, 303—332 (Black Sea Studies 8).

Kakhidze et al. 2002: Kakhidze A., Mamuladze S., Inaishvili N., Tavamaishvili G., Khalvashi M., Kakhidze E., Ebralidze T. Varshalomidze I. 2002. Recent archaeological finds in Gonio-Apsarus. In: Faudot M., Fraysse A., Geny E. (eds.). *Pont Euxin et commerce: la genèse de la "route de la soie". Actes du IXe Symposium de Vani (Colchide, 1999)*. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 251—262 (Collection "ISTA" 853).

Kat. Basel 1999: Fortin M. *Syrien — Wiege der Kultur. Eine Sonderausstellung im Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig*. Mainz: von Zabern.

Kat. Berlin 2011: Grüßinger R., Kästner V., Scholl A. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung.* Berlin: Imhof.

Kat. Hildesheim 1997: Boetzkes M., Stein H. (Hrsg.). *Der Hildesheimer Silberfund. Original und Nachbildung. Vom Römerschatz zum Bürgerstolz.* Hildesheim: Gerstenberg.

Kat. Leoben 2009: Seipel W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs.* Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Saarbrücken 1995: Miron, A., Orthmann, W. (Hrsg.). *Unterwegs zum goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien*. Saarbrücken: Theiss.

Kat. Schleswig 1991: Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine.* Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.

Kat. Wien 1993: Seipel W. (Hrsg.). *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien.* Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Zürich 1993: Karabelnik M. (Hrsg.). *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* Zürich: Kunsthaus.

Kaufmann-Heinimann A. 1977. *Die römischen Bronzen der Schweiz. I. Augst und das Gebiet der Colonia Augusta Raurica.* Mainz: von Zabern.

Kazanski M., Mastykova A. 2007. *Tsibilium II. La nécropole apsile de Tsibilium. L'étude du site* (Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400—1000 A.D.). Oxford: Archaeopress (BAR S1721).

Kellner H.-J., Zahlhaas G. 1993. *Der Römische Tempelschatz von Weissenburg i. Bay.* Mainz: von Zabern.

Koch G., Sichtermann H. 1982. *Römische Sarkophage* (Handbuch der Archäologie). München: C.H. Beck.

Konkin V.S. 2012. *Artistic Features of Antiquity Glass: Aspects of Combining Glass and Gold.* Moscow: Russian State University for the Humanities.

Konrad M. 2014. *Emesa zwischen Klientelreich und Provinz: Identität und Identitätswandel einer lokalen Fürstendynastie im Spiegel der archäologischen Quellen*. Rahden/Westf.: Leidorf (Orient-Archäologie 34).

Konrad M. 2017. The client kings of Emesa: a study of local identities in the Roman East. *Syria* 94, 261—295.

Krug A. 1981. *Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln*. Köln: Römisch-Germanisches Museum (Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln IV).

Künzl S. 1997. Mušov — Zu kostbaren Beigaben in germanischen Gräbern der Frühen Kaiserzeit. In: Bridger C., Carnap-Bornheim C.V. (Hrsg.). *Römer und Germanen — Nachbarn über Jahrhunderte. Beiträge der gemeinsamen Sitzung der Arbeitsgemeinschaften"Römische Archäologie" und "Römische Kaiserzeit im Barbaricum" auf dem 2. Deutschen Archäologen-Kongress, Leipzig, 30.09.—4.10.1996*. Oxford: Archaeopress, 37—42 (BAR Internat. Ser. 678).

Künzl S. 2002. Römische Silberbecher bei den Germanen: der Schalengriff. In: Peška J., Tejral J. (Hrsg.). *Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 329—349 (Monographien, Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz 55.2).

Leibundgut A. 1976. *Die römischen Bronzen der Schweiz.* Bd. II. *Avenches*. Mainz: Philipp von Zabern.

Leskov A.M. 1972. *Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries*. Leningrad: Aurora.

Leskov A.M. 1974. *Die skythischen Kurgane*. Zürich: Küsnacht-Zürich Raggi-Verlag (Antike Welt Sondernummer 5).

Lévy E. 1968. Noveaux bijoux à Délos. *BCH* 92, 523—539.

Lordkipanidze N. 2015. *Žveli k'art'uli samkauli = Ancient Georgian jewelry.* Tbilisi: K'arč'xažis gamomc'emloba.

Lordkipanidze O.D. 1991. *Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter*. Weinheim: VCH Verlagsgesellschaft (Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie 5).

Maaskant-Kleinbrink M. 1978. *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet, The Hague. The Greek, Etruscan, and Roman Collections*. Vol. I—II. Wiesbaden: Franz Steiner.

Makkay D. 1949. The Jewellery of Palmyra and its Significance. *Iraq* 11, 160—187.

Mamuladze S., Aslanishvili L., Kamadadze K. 2019. *Gonio-Apsarus. Giude.* Batumi: Cultural Heritage Preservation of Ajara.

Marshall F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum.* London: British Museum Press.

Martin-Kilcher S. 2008. *Der römische Goldschmuck aus Lunnern (ZH): Ein Hortfund des 3. Jahrhunderts und seine Geschichte*. Zürich: Chronos (Collectio archaeologica 6).

Matern P. 2002. *Helios und Sol. Kulte und Ikonographie des griechischen und römischen Sonnengottes.* Istanbul: Ege Yayinlari.

Menzel H. 1986. *Die römischen Bronzen aus Deutschland III, Bonn*. Mainz: von Zabern.

Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge: University Press.

Morawiecki L. 1977. The Symbolism of Minerva on the Coins of Domitianus. *Klio* 59, no. 1—2, 185—194.

Mordvinceva V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden/Westf.: Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).

Mørkholm O. 1984. Some Pergamene Coins in Copenhagen. In: Houghton A., Hurter S., Mottahedeh P.E., Scott J.A. (eds.). *Festschrift für Leo Mildenberg /* Studies Mildenberg. Wetteren: Editions Numismatique Romaine, 181—192.

Musche B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill.

museumsofindia.gov.in: 1: Pendant. URL: https://museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-49-262-8-9800 (дата обращения 25.05.2023).

Naumann F. 1980. *Staatliche Kunstsammlungen Kassel. Antiker Schmuck.* Kassel: Staatliche Kunstsammlungen.

Naumann-Steckner F., Trier M. (Hrsg.) 2017. *Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit.* München.

Nettleton M.T. 1933. Silver Jewelry and Beads. In: Baur P.V.C., Rostovtzeff M.I., Bellinger A.R. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Fourth Season of Work October 1930—March 1931.* New Haven: Yale University Press; London: H. Milford; Oxford: Oxford University Press, 254—259.

Neverov O. 1976. *Antique intaglios in the Hermitage Collection*. Leningrad: Aurora.

Nickel C. 2011. *Martberg. Heiligtum und Oppidum der Treverer*. II. *Die Fibeln vom Martberg. Altfunde, Privatsammlungen, Feldfunde, Grabungen*. Koblenz: Gesellschaft für Archäologie an Mittelrhein und Mosel (Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel 18).

Niculiţă A. 2018: *Piese de giuvaiergerie antică din colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei: Catalog / Древние ювелирные изделия из коллекций Национального Музея Истории Молдовы: Каталог*. Chişinău: Muzeul Naţ. de Istorie a Moldovei.

Noelke P. 2011. Neufunde von Jupitersäulen und -pfeilern in der Germania inferior seit 1980 nebst Nachträgen zum früheren Bestand. *BJb* 210/211 (2010/2011), 149—374.
numismatics.org: 1: RIC II, Part 3 (second edition) Hadrian 3059-3060: http://numismatics.org /ocre/id/ric.2_3(2).hdn.3059-3060 (дата обращения 25.05.2023).
numismatics.org: 2: RIC III Antoninus Pius 427A. URL: http://numismatics.org/ocre/id/ric.3.ant.427A (дата обращения 25.05.2023).
numismatics.org: 3: RIC IV Caracalla 2 (aureus). URL: http://numismatics.org/ocre/id/ric.4.crl.2_aureus (дата обращения 25.05.2023).
numismatics.org: 4: RIC IV Caracalla 330. URL: http://numismatics.org/ocre/id/ric.4.crl.330 (дата обращения 25.05.2023).
numismatics.org: 5: RIC V Gallienus 617. URL: http://numismatics.org/ocre/id/ric.5.gall(2).617 (дата обращения 25.05.2023).
numismatics.org: 6: RIC II, Part 3 (second edition) Hadrian 1432. URL: http://numismatics.org/ocre/ id/ric.2_3(2).hdn.1432 (дата обращения 25.05.2023).
Odisheli M. 2013. Georgia in Roman Times (1st to 4th c. AD). In: Opper T. (ed.). Hadrian: *Art, Politics and Economy*. London: British Museum, 148—165 (British Museum, Research Publication 175).
Ognenova-Marinova L. 1975. *Statuettes en bronze du Musée national archéologique à Sofia*. Sofia: Éditions de l'Academie Bulgare des Sciences.
Oliver A.Jr. 1996. Roman Jewelry. A Stylistic Survey of Pieces from Excavated Contexts. In: Calinescu A. (ed.). *Ancient Jewelry and Archaeology.* Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 130—151.
Önal M. 2011. Die Tonbullae von Doliche. In: Winter E. (Hrsg.). *Von Kummuh nach Telouch. Archäologische und historische Untersuchungen in Kommagene*. Bonn: Habelt, 247—279 (Dolichener und Kommagenische Forschungen 4, Asia Minor Studien 64).
Önal M. 2014. Die Tonbullae von Doliche. II. In: Winter E. (Hrsg.). *Kult und Herrschaft am Euphrat*. Bonn: Habelt, 163—239 (Dolichener und Kommagenische Forschungen 6, Asia Minor Studien 73).
Oppermann M. 2012. Darstellungen und Kultzeugnisse der Athena-Minerva in den römischen Provinzen Moesia Inferior und Thracia. In: Manov M. (ed.). *Vasilka Gerasimova Tomova in memoriam. National Institute of Archaeology with Museum. Bulgarian Academy of Sciences.* Sofia: National Institute of Archaeology with Museum, 231—256.
Papachristodoulou I. Ch. 1980. Οικόπεδο Π. Παπαθεοδώρου (Ο. Τ. 259). *ADelt* 35.2.2, 543—544.
Parjanadze T., Bode M. 2017. Roman Silver Objects from the Ancient Kingdom of Kartli (Caucasian Iberia) in Georgia (Mtskheta, Dedoplis Gora [Kareli district]) — a Lead Isotope Investigation. *Metalla* 23.2, 39—50.
Parlasca K. 2009. Gepaypyris, nicht Dynamis. Die Bronzebüste einer bosporanischen Königin in Sankt Petersburg. *Eurasia antiqua* 15, 241—257.
Perkins A. 1952. The Objects. In: Rostovtzeff M.I., Bellinger A.R., Brown F.E., Wells C.B. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936.* Pt. III. New Haven: Yale University Press; London: H. Milford; Oxford: Oxford University Press, 58—68.
Petersen E. 1900. Dioskuren in Tarent. *Römische Mitteilungen* XV, 1—36.
Petrosyan et al. 2021: Petrosyan H., Safaryan V., Karapetyan I., Kirakosyan L., Vardanyan R., Vardanesova T., Gabrielyan A. 2021. Pithos Burials of Tirganakert in Artsakh. In: Vetisyan P., Bobokhyan A. (eds.). *Archaeology of Armenia in Regional Context. Proceedings of the International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography held on July 9—11, 2019 in Yerevan*. Yerevan: Publ. House of the Insititute of Archaeology and Ethnography, 293—304.
Pfeiler B. 1970. *Römischer Goldschmuck des ersten und zweiten Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden.* Mainz: von Zabern.
Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.
Pharmakowsky B. 1908. Archäologische Funde im Jahre 1907. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger,* 149—192.
Pharmakowsky B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 205—292.
Philippe J. 1999. *Les fibules de Seine-et-Marne du 1er siècle av. J.-C. au 5e siècle ap. J.-C.* Nemours: *Musée* de *Préhistoire* d'*Ile-de-France* (Mémoires archéologiques de Seine-et-Marne 1).
Plantzos D. 1997. Greek Gem-Cutters in Babylonia and beyond. In: Palagia O. (ed.). *Greek Offerings: Essays in Honour of Sir John Boardman.* Oxford: Oxbow, 197—207 (Oxbow Monograph 89).
Plantzos D. 1999. *Hellenistic Engraved Gems.* Oxford: Clarendon Press.
Platz-Horster G. 2001. *Altes Museum. Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werke.* Mainz: von Zabern.
Platz-Horster G. 2012. *Erhabene Bilder. Die Kameen in der Antikensammlung Berlin.* Wiesbaden: Reichert.

Porada E. 1967. Of deer, bells and pomegranates. *Iranica Antiqua* VII.2, 99—120.
Pósta B. 1905. *Archaeologische Studien auf russischem Boden.* Teil 2. Budapest; Leipzig: Hornyánszky.
Raat A. 2013. Diadems: a girl's best friend? Jewellery finds and sculptural representations of jewellery from Rome and Palmyra in the first two centuries AD. Research Master Thesis. Rotterdam: Leiden University.
Reinach S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris: Didot.
Riha E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst.* Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft (Forschungen in Augst 3).
Rosenthal-Heginbottom R. 2015. Grave Goods and Nabatean Identity. *Eretz-Israel* 31. Jerusalem: Israel Exploration Society, 154*—165* (Ehud Netzer Volume).
Rosenthal-Heginbottom R. 2018. Schmuck aus dem Reich der Nabatäer. Hellenistische Traditionen in frührömischer Zeit. *Journal of Hellenistic Pottery and Material Culture* 3, 88—175.
Rostovtzeff M.I. 1938. *Dura-Europos and its Art.* Oxford: Oxford University Press.
Rudenko S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I*. Moskau; Leningrad: Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (Sammlung archäologischen Quellen D3-9).
Sarianidi V.I. 1985. *Bactrian Gold*. Leningrad: Aurora.
Scatozza Höricht L.A. 1989. *I monili di Ercolano*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei 3).
Schlüter W. 1997. Archäologische Forschungen zur Varusschlacht in der Kalkrieser-Niewedder Senke am Nordrand des Wiehengebirges im Osnabrücker Land. In: Kat. Hildesheim 1997, 125—140.
Schuster J. 2010. *Lübsow — Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12).
Sengupta A. 2019. *Buddhist jewels in mortuary cult: magic symbols.* Delhi: Agam Kala Prakashan.
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. *Des les Goths aux Huns. Le Nord de la memoire au Bas-Empire et a l'epoque des Grandes Migration*. Oxford: Archaeopress (Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400—1000 A.D.; BAR Intern. Ser. 1535).
Sherozia M. 2008. Monetary Circulation in Iberia in the 1st Century B.C.—1st Century A.D. In: *Iberia and Rome*, 235—252.
Simonenko A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien. 25).
Stefanelli L.P.B. 1977. Tabelle fittili tarantine relative al culto dei Dioscuri. *Archaeologia Classica* 29, 310—398.
Stephani L. 1881. Erklärung einiger Kunstwerke der kaiserlichen Ermitage und anderer Sammlungen. *OAK за 1878—1879 гг.*, 5—174.
Stern M. 1995. *The Toledo Museum of Art. Roman Mold—Blown Glass; the First through the Sixth Centuries.* Rome: L'Erma di Bretschneider.
Stupperich R. 1997. Der Hildesheimer Silberfund — Griechisches Tafelgeschirr aus der augusteischen Zeit. In: Kat. Hildesheim 1997, 166—190.
Sulava N. 2008. Enameled Fibulae from Georgia. *Iberia-Colchis* 4, 86—89 (на груз. яз. с резюме на англ. яз.).
Swaddling J. 1979. The British Museum Bronze Hoard from Paramythia, North Western Greece: Classical Trends revived in the 2nd and 18th Centuries A.D. *Cahiers d'archéologie romande de la Bibliothèque historique vaudoise* 17. *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8-13 mai 1978*, 103—106.
Treister M. 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus. In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *New Studies on the Black Sea Littoral* (Colloquia Pontica I). Oxford: Oxbow, 73—134.
Treister M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden, Cologne & Boston: E.J. Brill. (Colloquia Pontica 8).
Treister M. 2002. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *SRAA* 8, 29—72.
Treister M. 2003. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations). *ACSS* 9, 43—85.
Treister M. 2004a. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia. In: Tuplin C. (ed.). *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology*. Leiden; Boston; Köln: E.J. Brill, 131—193 (Colloquia Pontica 9).
Treister M. 2004b. Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants). *ACSS* 10, 199—257.

Treister M.Yu., Yatsenko S.A. 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in 'Gold-Turquoise Animal Style' of the 1st—2nd Centuries AD. *SRAA* 5, 51—106.

Tsetskhladze G.R. 1999. *Pichvnari and its environs: 6th c BC — 4th c AD.* Besançon: Université de Franche-Comté (Annales litéraires de l'Université de Besançon 659).

Veličkovič M. 1972. *Римска ситна бронзана пластика у Народному Музеју / Petits bronzes figurés romains au Musée national*. Beograd: Musée national (Антика / Antiquité IV).

Vermeule C. 1974. *Greek and Roman Sculpture in Gold and Silver*. Boston: Museum of Fine Arts.

Wuilleumier P. 1939. *Tarente, des origines* à la *conquête romaine*. Paris: E. de Boccard (BÉFAR 148).

References

Alekseev, A.Yu. 1997. In *Stratum+Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik (Stratum+Peterburg Archaeological Herold)*, 29—43 (in Russian).

Apakidze et al. 1958: Apakidze, A.M., Gobedzishvili, G.F., Kalandadze, A.N., Lomtatidze, G.A. 1958. *Mtskheta. Itogi arkheologicheskikh issledovaniy. I. Arkheologicheskie pamyatniki Armazis-Khevi po raskopkam 1937—1946 gg. (Mtskheta. Results of Archaeological Excavations. I. Archaeological Monuments of Armazis-Khevi after the Excavations of 1937—1946)*. Tbilisi: Academy of Sciences of Georgian Soviet Socialist Republic (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1977. *Nekropol' Tanaisa (The Necropolis of Tanais).* Moscow: Nauka (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Naumenko, S.A. 1992. *Usad'by Tanaisa (Estates of Tanais).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Berkhin, I.P. 1961. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 2, 141—153 (in Russian).

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka (The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Novoaleksandrovka)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and Researches on Archeology of the South of Russia 1.2) (in Russian).

Bessonova, S.S. 2007. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XVI, 3—30 (in Russian).

Blavatskaya, T.V. 1964. In *Klio* 42. No. 1, 329—336 https://doi.org/10.1524/klio.1964.42.jg.329 (in Russian).

Boyko, A.L., Tolochko, I.V. 2016. In: Zin'ko, V.N. (ed.). *Bosporskie chteniya (Bosporan readings)* XVII. Kerch: Demeter Foundation, 43—56 (in Russian).

Braund, D. 1991. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (3), 268—270 (in Russian).

Vitrik, I.S., Danilko, N.M. 2002. In: Klichko, L.S. (ed.). *Muzeyni chitannya. Materiali naukovoï konferentsii, gruden' 2001 r. Kiïv, Muzey istorichnikh koshtovnostey Ukraini (Museum Readings. Materials of the Scientific Conference, December 2001)*. Kiev: Museum of Historical Treasures of the Ukraine, 138—149 (in Ukrainian).

Vol'naya, G.I. 2011. In: Balakhvantsev, A.S., Kolganova, G.Yu. (eds.). *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati E.A. Grantovskogo i D.S. Raevskogo (Antiquity. Historical Knowledge and the Specifics oft he Source. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the Memory of E.A. Grantovskiy and D.S. Raevskiy)*. V. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 67—70 (in Russian).

Voronov, Yu.N. 1979. *Drevnosti Sochi i ego okrestnostey (Antiquities of Sochi and its Vicinities).* Krasnodar: Krasnodar Book Publ. (in Russian).

Voronov, Yu.N. 2006. *Nauchnye trudy (Scientific Works)*. Vol. I. Sukhum: Abkhas Institute of Humanitarian Studies, Academy of Sciences of Abkhasia (in Russian).

Voronov, Yu.N. 2014. *Nauchnye trudy (Scientific Works)*. Vol. IV. Sukhum: Abkhas Institute of Humanitarian Studies, Academy of Sciences of Abkhasia (in Russian).

Vysotskaya, T.N. 1979. *Neapol' — stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov (Neapolis — the Capital of the State of the Late Scythians).* Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Golenko, K.V. 1964. *Denezhnoe obrashchenie Kolkhidy v rimskoe vremya (Coin Circulation of Colhis in the Roman Period)*. Leningrad: State Hermitage Publ. (in Russian).

Dzigovs'kiy, O.M. 2000. *Kul'tura sarmativ Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomor'ya (The Culture oft he Sarmatians oft he North-Western Pontic Area)*. Odessa: Hermes.

Dmitriev et al. 2020: Dmitriev, A.V., Malyshev, A.A., Mednikova, M.B., Onayko, N.A., Stolyarova, E.K. 2020. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Myskhakskiy nekropol'. Raskopki 1978—1979 (Myskhako*

Necropolis. Excavations of 1978—1979). Moscow: MAKS Press, 10—122 (Nekropoli Chernomor'ya (Necropoleis of the Black Sea Region) V) (in Russian).

Zavoykina, N.V. 2013. *Bosporskie fiasy: mezhdu polisom i monarkhiey (Bosporan Thiasoi: Between Polis and Monarchy).* Moscow: Dmitry Pozharsky University (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Scythian Napolis) (2nd Century BC — 3rd Century AD).* Simferopol: Universum (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2004. In *Soobscheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage)* LXII, 54—61 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Journal of the Volgograd State University. Series 4. History, Regional Studies, International Relations)* 23.3, 126—137 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd Century BCE — early 2nd Century CE))*. Simferopol: Antiqua (Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya (Archaeological Monuments of the North Pontic Area) 1) (in Russian).

Ivanova, M.I., Golubev, P.M. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (3), 284—290 (in Russian).

Kazanskiy, M.M., Mastykova, A.V. 2009. In *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika (Scientific Bulletin oft he Belgorod State University. Series History. Politology. Economy. Informatic)* 9(64), iss. 11, 25—31 (in Russian).

Kalashnik, Yu.P. 2013. In: Vinogradov, Yu.A., Vakhtina, M.Yu., Goroncharovskiy, V.A. (eds.). *Fiditiya. Pamyati Yu.V. Andreeva (Fiditiya.To the Memory of Yu.V. Andreev)*. Saint Petersburg: Institute of History of the Material Culture, Russian Academy of Sciences, 85—99 (in Russian).

Kapanadze, D.G. 1956. *Kratkie soobscheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Reports of the Institute of History of the Material Culture)* 66, 83—88 (in Russian).

Cat. Leningrad 1980: *Khudozhestvennye izdeliya epokhi rimskoy imperii (I v. do n.e. — IV v. n.e.). Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh (Art Objects of the Period of the Roman Empire (1st Century BCE — 4th Century BCE). Exhibition catalogue. State Hermitage).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Cat. Moscow 1983: Korovina, A.K. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu (The Culture and Art of the Black Sea Region in Antiquity)*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Cat. Moscow 2002: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo (On the edge of the oikumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontus Euxine).* Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Cat. Moscow 2012: Smirnova, N.M. (ed.). *Mir v miniatyure. Gemmy iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina (The World in Miniature. Gems from the Collection of the State Pushkin Museum of Fine Arts)*. Moscow: State Pushkin Museum of Fine Arts (in Russian).

Cat. Sochi 2013: Khachaturova, E., Guseva, A. *Drevnee zoloto Kubani i Chernomor'ya iz kollektsii Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna i muzeya istorii goroda Sochi (Ancient Gold of Kuban and Black Sea Region from the collections of the Krasnodar State Historical-Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn and the Museum of History, City of Sochi)*. Krasnodar; Sochi: Platonov (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo (The Treasures of the Sarmatians. Exhibition Catalogue. To the 100th Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovsky).* Saint-Petersburg; Azov: Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2009: Butyagin, A.M. (ed.). *Tayna zolotoy maski. Katalog vystavki. Gos. Ermitazh (The Mystery of the Gold Masc. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Klochko, L.S. 2010. In: Strokova, L.V. (ed.). *Muzeyni chitannya. Materiali naukovoi konferentsii, gruden' 2001 r. Kyiv, Muzey istorichnikh koshtovnostey Ukraini (Museum Readings. Materials of the Scientific Conference, 9—11 November 2009)*. Kyiv: Museum of Historical Treasures of the Ukraine, 55—73 (in Ukrainian).

Kolbasina et al. n.d.: Kolbasina, L.A., Raskatova, T.V., Terekhova, V.P., Sokolova, R.M., Shishlov, A.V. No date. *Novorossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy muzey-zapovednik (Novorossiysk State Historical Museum-Reserve).* Novorossiysk: Museum (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1970. *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. — V v. n.e.) (Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BCE — 5th Century CE).* Moscow: Nauka (in Russian) (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi (Fibulae of the Sarmatian Period).* Kyiv: ADEF-Ukraine (in Russian).

Levkinadze, V.A. 1975. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 193—208 (in Russian).

Lifantiy, O.V. 2014. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* 30, 39—53 (in Russian).

Lifantiy, O.V. 2015. In *Stratum plus* 3, 167—182 (in Russian).

Leskov, A.M. 1974. *Skarbi kurganiv Khersonshchini (Treasures oft he Burial Mounds of the Kherson Region).* Kyiv: Mistetstvo (in Ukrainian).

Lomtatidze, G.A. 1957. *Kldeetis samarovani akhali tseltaghritskhvis II saukunisa / Nekropol' II v. n.e. v Kldeeti (The Necropolis of the 2nd Century CE in Kldeeti)*. Tbilisi: Academy of Science oft he Georgian Soviet Socialist Republic Publ. (in Georgian with Summary in Russian).

Lordkipanidze, M.N. 1961. *Gemmy Gosudarstvennogo muzeya Gruzii 3, Katalog pamyatnikov gliptiki, naydennykh na territorii Gruzii (Gems of the State Museum of Georgia. 3. Catalogue of Glyptics found in the Trerritory of Georgia)*. Tbilisi: Metsniereba.

Lordkipanidze, O.D. 1964. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 199—220 (in Russian).

Lordkipanidze, O.D. 1989. *Naslediye drevney Gruzii (Legacy of ancient Georgia)*. Tbilisi: Metsniyereba (in Russian).

Lordkipanidze et al. 1980: Lordkipanidze, O.D., Mikeladze, T.K., Khakhutayshvili, D.A. 1980. *Goniyskiy klad* / *Le trésor de Gonio.* Tbilisi: Metsniereba (in Russian and French).

Malyshev, A.A. 2020. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Myskhakskiy nekropol'. Raskopki 1978—1979 (Myskhako Necropolis. Excavations of 1978—1979)*. Moscow: MAKS Press, 143—172 (Nekropoli Chernomor'ya (Necropoleis of the Black Sea Region) V) (in Russian).

Malyshev, A.A. 2021. In *Hypanis* 3, 147—170 (in Russian).

Malyshev, A.A., Shishlov, A.V. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)* 3. Moscow: Nauka, 158—166 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2022. In *Stratum plus* (4), 151—165 (in Russian).

Masykin, V.V. 2018. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bosporskie chteniya (Bosporan readings)* XIX. Simferopol, Kerch: Demeter Foundation, 299—308 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vols. I—3. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Moshinskiy, A.P. 2006. *Drevnosti gornoy Digorii VII—IV vv. do n.e. Sistematizatsiya i khronologiya (Antiquities of mountainous Digoria of the 7th — 4th centuries BCE. Systematization and Chronology)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian) (Proceedings of the State Historical Museum 154).

Moshinskiy, A.P. 2020. In: Levanova, E.S., Smirnov, N.Yu. (eds.). *DIALOG 2017—2018. Dikhotomiya iskusstva v arkheologii: lokus, obrazy, genezis: Materialy ob"edinennogo seminara Instituta arkheologii RAN i Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Sankt-Peterburg, 6—7 dekabrya 2017 g.; Moskva, 6—7 dekabrya 2018 g.). Sbornik nauchnykh statey (DIALOGUE 2017—2018. The Dichotomy of Art in Archeology: Locus, Images, Genesis: Proceedings of the Joint Seminar of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences and the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, December 6—7, 2017; Moscow, December 6—7, 2018). Collection of scientific articles).* Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 145—166 (in Russian).

Novichenkova, N.G. 1993. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1, 54—66 (in Ukrainian).

Novichenkova, N.G. 2015. *Gornyy Krym II v. do n.e. — II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha Gurzufskoe Sedlo (Mountaineous Crimea in the 2nd Century BCE — 2nd Century CE. After the Materials of the Excavations of the Sanctuary at Gurzufskoe Sedlo Pass).* Simferopol: N. Orianda (in Russian).

Onayko, N.A. 1966. *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v VII—V vv. do n.e. (Antique Import in the Dnieper and Bug Rivers Basins in the 7th — 5th Centuries BCE).* Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Onayko, N.A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV—II vv. do n.e. (Antique Import in the Dnieper and Bug Rivers Basins in the 4th — 2nd Centuries BCE).* Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e. (Jewelley of Scythia of the 7th — 3rd Centuries BCE)* Moscow: Nauka (in Russian) (Corpus of Archaeological Sources D4-5).

Pridik, E.M. 1914. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials in Archaeology of Russia)* 34, 94—110 (in Russian).

Rostovtzeff, M.I. 1914. In *Drevnosti (Antiquities)* XXV, 1—23 (in Russian).

Skalon, K.M. 1961. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 2, 114—140 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1984. *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii (The Sarmatians and the Confirmation of their Political Dominance in Scythia)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Spitsyn, A.A. 1909. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 29, 18—53 (in Russian).

Subbotin, L.V., Dzigovskiy, A.N. 1990. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya. 2. Kurgannye mogil'niki Diviziyskiy i Belolesskiy (Sarmatian Antiquities of the Dnestro-Danubian Interfluve. 2. Kurgan Cemeteries Diviziyskiy and Beloloesskiy).* Kyiv: Institute of Archaeology (in Russian).

Tolstoy, I.I., Kondakov, N.P. 1889. *Klassicheskie drevnosti yuzhnoy Rossii (The Classical Antiquities of the South Russia). Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva (Russian Antiquities in the Monuments of Art)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Typography of the Transport Ministry (in Russian).

Treister, M.Yu. 1998. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 68—80 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007a. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007b. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 256—271 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007c. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 272—287 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th—3rd Centuries BCE).* Vol. 1. Moscow: Taus, 35—49 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Zoloto Fanagorii (Gold of Phanagoria)*. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 77—181 (Materials on Archaeology and History of Phanagoria 2) (in Russian).

Treister, M.Yu. 2017. In *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU (History Studies. Journal of the History Faculty Lomonosov Moscow State University)* 8, 201—220. («hist.msu.ru») (in Russian).

Treister, M.Yu. 2018a. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17.1, 108—143 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2018b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2019. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)*24, 553—580 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (4), 5—44 (in Russian).

Treister, M.Yu., Vinokurov, N.I. 2023. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (3), 112—128 (in Russian).

Treister, M.Yu., Kosyanenko, V.M. 1995. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 159—164 (in Russian).

Trofimova, A.A. 2021. In: Zakharova, A.V., Mal'tseva, S.V., Stanyukovich-Denisova, E.Yu. (eds.). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of the Theory and History of Art)* 11. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 107—123 (in Russian).

Trufanov, A.A., Mortdvintseva, V.I. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (3), 30—46 (in Russian).

Finogenova, S.I. 1993. *Katalog sobraniya antichnykh gemm Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina (Index Thesauri Gemmarum Antiquarum non Ectyparum in Museo Publico Artium Liberalium Pushkiniano Servatarum).* Moscow: Indrik (in Russian).

Sharov, O.V. 2019. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)*18.2, 197—220 (in Russian).

Sharov, O.V. 2022. *Bosporskoe tsarstvo i varvarskiy mir Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v pozdnerimskuyu epokhu (seredina II — seredina IV v. n.e.) (The Bosporan Kingdom and the Barbarian World of the Central and Eastern Europe in the Late Roman Period (mid-2nd — mid-4th Centuries CE)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sharov, O.V., Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus* 4, 357—375 (in Russian).

Shorpil, V.V. 1905. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 17, 1—76 (in Russian).

Shtitel'man, F.M. 1977. *Antichne mistetstvo v muzeyakh Ukraini (Antique Art in the Museum of the Ukraine). Альбом.* Kyiv: Mistetstvo (in Ukrainian).

Shul'ts, P.N. 1969. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 120—136 (in Russian).

Abbe, M.B., Ağtürk, T.Ş. 2019. The new corpus of painted Imperial Roman marble reliefs from Nicomedia: a preliminary report on polychromy. *Technè* 48. DOI: https://doi.org/10.4000/techne.2567.

Abramzon, M.G. 2003. The Gerzeul hoard of coins of Caesarea of Cappadocia (in the Museum of Abkhazia). *Revue numismatique*. 6e série 159, 243—256.

Ackerman, P. 1967. The Art of the Parthian Silver- and Goldsmiths. In: Pope, A.U. (ed.). *A Survey of Persian Art*. Tehran; London; New York; Tokyo: Oxford University Press, 459—470.

antiqueland.ru: 1: Glass and gold in the jewelry art of antiquity and antiquity. Available at: https://antiqueland.ru/articles/204/ (accessed 25.05.2023).

Antonaras, A.C. 2017. *Glassware and Glassworking in Thessaloniki. 1st Century BC — 6th Century AD*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 27).

Apakidze, A., Nikolaishvili, V. 1994. An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta. *Antiquaries Journal* 74, 16—54.

arachne.dainst.org: 1: Schuppensäule mit figürlichem Relief. Available at: https://arachne.dainst.org/entity/1112406 (accessed 25.05.2023).

arachne.dainst.org: 2: Athena Medici. Available at: arachne.dainst.org/entity/1242092 (accessed 25.05.2023).

arachne.dainst.org: 3: Erotensarkophag. Available at: arachne.dainst.org/entity/528961 (accessed 25.05.2023).

arachne.dainst.org: 4: Szene 1: Reliefszene Vorderseite. Available at: https://arachne.dainst.org/entity/1248042 (accessed 25.05.2023).

arachne.dainst.org: 5: Dionysischer Sarkophag mit Kentaurenbigen und Clipeus. Available at: arachne.dainst.org/entity/1086734 (accessed 25.05.2023).

arachne.dainst.org: 6: Szene 2: Nebenseite mit Kampfdarstellung. Available at: https://arachne.dainst.org/entity/1215421 (accessed 25.05.2023).

artgallery.yale.edu: 1: Silver Fibula. Available at: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/3544#technical-metadata (accessed 25.05.2023).

Babelon E., Blanchet A. 1895. *Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque nationale*. Paris: Ernest Leroux.

Barba, F., Trapani, F. 2016. New evidence on the temples of Sirkap and Jandial C at Taxila. In: Klimburg-Salter, D., Lojda, L. (eds.). *Proceedings of the 20th Conference of the "European Association for South Asian Archaeology and Art".* Vol. 2. *Contextualizing Material Culture in South and Central Asia in Pre-Modern Times.* Turnhout: Brepols.

Bauchhenß, G., Noelke, P. 1981. *Die Iupitersäulen in den germanischen Provinzen*. Köln; Bonn: Rheinland-Verlag; In Kommission bei R. Habelt (BJb Beiheft 41).

Berry, B.Y. 1969. *Ancient Gems from the Collection of Burton Y. Berry*. Bloomington: Indiana University Art Museum (Indiana University Art Museum Publications 1/1969).

Betti, F. 2005. Gemme da scavo dall'Oriente romano. Alcune osservazioni preliminari. *ACME. Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano* 58, 3, 357—374.

Boucher, S. 1976. *Recherches sur les bronzes figurés de Gaule préromaine et romaine*. Rome: *École française de Rome* (BÉFAR 228).

Braidwood, R.J. 1933. Some Parthian Jewelry (Season 1930—31). In: Waterman, L. *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq.* Ann Arbor: University of Michigan, 65—73.

Braund, D., Javakhishvili, K., Nemsadze, G. 2009. *The Treasures of Zghuderi. Elite Burials of Caucasian Iberia in the Roman Period c. AD 200—250.* Tbilisi: Georgian National Museum.

britishmuseum.org: 1: Votive Plaque. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_2003-0901-24 (accessed 25.05.2023).

Buschor, E. 1968. *Medusa Rodanini*. Stuttgart: W. Kohlhammer.

Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin — 29 octobre 1995.* Abbaye de Daoulas: Abbaye de Daoulas.

Cat. Los Angeles 2007: Trofimova, A.A. (ed.). *Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage.* Los Angeles: J.P. Getty Museum.

Cat. Los Angeles 2022: Spier, J., Potts, T., Cole, S.E. (eds.). *Persia. Ancient Iran and the Classical World*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.

Cat. Madrid 1990: *Los bronces romanos en España.* Madrid: Centro Nacional de Exposiciones.

Cat. Malibu 1994: Harris, J. (ed.). *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman.* Malibu: J. Paul Getty Museum.

Cat. Milan 1995: Curletti, M.G. (ed.). *Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari*. Milano: La Rinascente.

Cat. New York 2019: Fowlkes-Childs, B., Seymour, M. (eds.). *The World Between Empires: Art and Identity in the Ancient Middle East.* New York: Metropolitan Museum of Art.

Cat. Paris 1961: *Sept mille ans d'art en Iran.* Paris: *Sept mille ans d'art en Iran.* Paris: Presses artistiques.

Cat. Providence 1983: Hackens, T., Winkes, R. (eds.). *Gold Jewelry. Craft, Style and Meaning from Mycenae to Constantinople*. Louvain-la-Neuve: Brown University (Aurifex 5).

Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milan: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Harry N. Abrams.

Chehade J. 1987. Zu Schmuckdarstellungen auf palmyrenischen Grabreliefs. In: Beck, H., Bol, P.C. (Hrsg.). *Palmyra. Geschichte, Kunst und Kultur der syrischen Oasendstadt*. Linz: Gutenberg, 193—199 (Linzer Archäologischer Forschungen 16).

coinarchives.com: 1: Leu Numismatik AG. Web Auction 26. Lot 4496. Available at: https://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=2242087&AucID=5442&Lot=4496&Val=192524100ba85bcfcc86b6c266e06518 (accessed 25.05.2023).

coinarchives.com: 2: Numismatik Lanz München. Auction 112. Lot 556. Available at: https://www.coinarchives.com/a/openlink.php?l=40032%7C43%7C556%7Cbd0027406f48f714d12dc1de747133cf (accessed 25.05.2023).

colorsandstones.eu: 1: Gold Carnelian Gandhara 1st — 2nd century CE. Available at: https://colorsandstones.eu/ wp-content/uploads/2022/04/Temple-ear-pendant-1-Gold-Carnelian-Gandhara-1st-2nd-century-CE.png (accessed 25.05.2023).

Curtis, J. 1976. Parthian Gold from Nineveh. *The British Museum Yearbook 1. The Classical Tradition*, 47—66.

d'Ambrosio, A., De Carolis, E. 1997. *I monili dall'area Vesuviana*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei 6).

Damm, I.G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor-und Frühgeschichte* 21, 65—210.

Dar, S.R. 1993. Dating the Monuments of Taxila. *Studies in the History of Art* 31, 103—122.

de Pury-Gysel, A. 2017. *Die Goldbüste des Septimius Severus. Gold- und Silberbüsten römischer Kaiser*. Basel; Frankfurt: Librum Publishers & Editors.

Dmitriev, A.V., Malyšev, A.A., Vjazkova, O.E. 1999. Die Siedlung von Myschako. Ein südöstlicher Vorposten des Bosporanischen Reiches. *Eurasia antiqua* 5, 445—486.

Dundua, T. 2006. Influx of the Roman Coins in Georgia. *Phasis* 9, 74—85.

El-Chehadeh, J. 1972. *Untersuchungen zum antiken Schmuck in Syrien*. Inagural-Diss. Berlin: Freie-Universität.

Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz.* Bern: Francke.

Fabian, L. 2017. Numismatic communities in the northern South Caucasus 300 BCE—300 CE: A geospatial analysis of coin finds from Caucasian Iberia and Caucasian Albania. In: Teigen, H.F., Seland, E.H. (eds.). *Sinews of Empire. Networks in the Roman Near East and Beyond.* Oxford: Oxbow, 37—68.

Fabian, L. 2019. The Meanings of Coins in the Ancient Caucasus. *Historische Anthropologie* 27,1, 32—51.

Feugère, M. 1985. *Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.C.* Paris: Éditions du CNRS (Revue Archéologique de Narbonnaise, 12e supplément).

Foietta, E. 2014. Jewels with stone inlays from Hatra. *Parthica* 16, 165—198.

Gagoshidze, I. 2008. Catalog of sites. In: *Iberia and Rome*, 257—222.

Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora.

Gamkrelidze, G. 2014. *Archaeology of the Roman Period of Georgia (Iberia-Colchis). Essay & Catalog*. Tbilisi: The Otar Lordkipanidze Centre of Archaeology of the Georgian National Museum (Iberia-Colchis Supplement).

Gaspar, N. 2007. *Die keltischen und gallo-römischen Fibeln vom Titelberg / Les fibules gauloises et gallo-romaines du Titelberg*. Luxembourg: Musée National d'Histoire et d'Art (Dossiers d'archéologie du Musée national d'Histoire et d'Art 11).

Ghirshman, R. 1962. *Iran. Parther und Sasaniden.* München: C.H. Beck.

Gkikaki, M. 2020. Η Αιγίδα των Σελευκιδών στο Νότιο Τείχος της Ακροπόλεως (Με παράρτημα του Δ. Ταμπακόπουλου). In: Kopanías, K., Doulfís, G. (eds.). *Τέχνης ἐμπειρία. Νέα Αρχαιολογικά Ευρήματα και Πορίσματα. Τιμητικός τόμος για την Καθηγήτρια Γεωργία Κοκκορού—Αλευρά.* Athens: Kardamitsa, 227—236.

Gogiberidze, N. 2008. Jewelry. In: *Iberia and Rome*, 165—189.

Guiraud, H. 1988. *Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français).* T. I—II. Paris: Éditions du CNRS (48e supplément à Gallia).

Guiraud, H. 1992. Intaglios from Dura-Europos. *Yale University Art Gallery Bulletin*, 48—85.

Guiraud, H. 1996. *Intailles et camées romains.* Paris: Editions A&J Picard.

Hamburger, A. 1968. Gems from Caesarea Maritima. *'Atiqot (English Series)* 8, 1—38.

Hamdi Bey, O., Reinach, T. 1892. *Une nécropole royale a Sidon*. Paris: E. Leroux.

Haymann, F. 2022. Politische und andere Deutungsmöglichkeiten von Gorgoneia auf Münzen. *OZeAN. Online Zeitschrift zur antiken Numismatik* 4, 1—32.

Higgins, R. 1976. *Jewellery from Classical Lands*. London: British Museum Press.

Higgins, R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.

Higuchi, T., Saito, K. (eds.). 2001. *Tomb F-Tomb of BWLH and BWRP Southeast Necropolis Palmyra, Syria*. Nara: Research Center for Silk Roadology (Publication of Research Center for Silk Roadology 2).

Hoss, S. 2016. Of brooches and men. In: Hoss, S., Whitmore, A. (eds.). *Small Finds and Ancient Social Practices in the Northwest Provinces of the Roman Empire*. Oxford: Oxbow, 35—53.

Huguenot, C. 2008. *La tombe aux Erotes et la tombe d'Amaryntbos. Architecture funeraire et presence macedonienne en Grece centrale*. Vols. I—II. Gollion: Infolio Ed.

Inaishvili, N. 2015. Archaeological Sites in Environment of Batumi. In: Karagianni, F., Kocabaş, U. (eds.). *Proceedings of the Symposium on City Ports from the Aegean to the Black Sea. Medieval — Modern Networks 22nd-29th August 2015*. Istanbul: Ege Yayinlari, 93—107.

Jackson, R., Burleigh, G. 2018. *Dea Senuna: Treasure, Cult and Ritual at Ashwell, Hertfordshire*, London: British Museum Press (Research Publication 194).

James, S. 2019. *The Roman Military Base at Dura-Europos, Syria: an Archaeological Visualisation*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Jaworski, P. 2021. Reading the History of the Roman Fort in Apsaros (Autonomous Republic of Adjara, Georgia) from a Numismatic Perspective. *Notae nimismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XVI, 125—136.

Jaworski, P., Karasiewicz-Szczypiorski, R., Mamuladze, S. 2021. The rise and fall of the Roman fort in Apsaros: recent numismatic evidence. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 30/2, 289—306. https://doi.org/10.31338/uw.2083—537X.pam30.2.11.

Johnson, J. 1931. Jewelry. In: Baur, P.V.C., Rostovtzeff, M.I. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Second Season of Work, October 1928—April 1929*. New Haven: Yale University Press; London: H. Milford; Oxford: Oxford University Press, 78—82.

Kacharava, D.D. 1984. Archaeological Investigations on the Eastern Black Sea Littoral, 1970—80. *Archaeological Reports* 30, 98—101.

Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2008. *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* Princeton: Princetion University Press.

Kakhidze et al. 2002: Kakhidze, A., Mamuladze, S., Inaishvili, N., Tavamaishvili, G., Khalvashi, M., Kakhidze, E., Ebralidze, T. Varshalomidze, I. 2002. Recent archaeological finds in Gonio-Apsarus. In: Faudot, M., Fraysse, A., Geny, E. (eds.). *Pont Euxin et commerce: la genèse de la "route de la soie". Actes du IXe Symposium de Vani (Colchide, 1999)*. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 251—262 (Collection "ISTA" 853).

Kakhidze, A. 2014. New Archaeological Finds from Ajara Littoral. In: Giorgadze, M., Siradze, T. (eds.). *International Conference "Humanities in the Information Society — II"*. Batumi: Batumu State University Publ. House, 255—256.

Kakhidze, A., Shalikadze, T., Partenadze, T. 2015. *Batumi Archaeological Museum Treasure*. Catalogue. Batumi: Batumi Archaeological Museum.

Kakhidze, E. 2008. Apsaros: A Roman Fort in Southwestern Georgia In: Bilde, P.G., Petersen, J.H. (eds.). *Meetings of cultures in the Black Sea region: Between conflict and coexistence*. Aarhus, 303—332 (Black Sea Studies 8).

Kat. Basel 1999: Fortin M. *Syrien — Wiege der Kultur. Eine Sonderausstellung im Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig*. Mainz: von Zabern.

Kat. Berlin 2011: Grüßinger, R., Kästner, V., Scholl, A.. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung.* Berlin: Imhof.

Kat. Hildesheim 1997: Boetzkes, M., Stein, H. (Hrsg.). *Der Hildesheimer Silberfund. Original und Nachbildung. Vom Römerschatz zum Bürgerstolz.* Hildesheim: Gerstenberg.

Kat. Leoben 2009: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs.* Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Saarbrücken 1995: Miron, A., Orthmann, W. (Hrsg.). *Unterwegs zum goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien*. Saarbrücken: Theiss.

Kat. Schleswig 1991: Rolle, R., Müller-Wille, M., Schietzel, K. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine.* Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.

Kat. Wien 1993: Seipel, W. (Hrsg.). *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien.* Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Zürich 1993: Karabelnik, M. (Hrsg.). *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* Zürich: Kunsthaus.

Kaufmann-Heinimann, A. 1977. *Die römischen Bronzen der Schweiz. I. Augst und das Gebiet der Colonia Augusta Raurica.* Mainz: von Zabern.

Kazanski, M., Mastykova, A. 2007. *Tsibilium II. La nécropole apsile de Tsibilium*. *L'étude du site* (Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400—1000 A.D.). Oxford: Archaeopress (BAR S1721).

Kellner, H.-J., Zahlhaas, G. 1993. *Der Römische Tempelschatz von Weissenburg i. Bay.* Mainz: von Zabern.

Koch, G. Sichtermann, H. 1982. *Römische Sarkophage* (Handbuch der Archäologie). München: C.H. Beck.

Konkin, V.S. 2012. *Artistic Features of Antiquity Glass: Aspects of Combining Glass and Gold.* Moscow: Russian State University for the Humanities.

Konrad, M. 2014. *Emesa zwischen Klientelreich und Provinz: Identität und Identitätswandel einer lokalen Fürstendynastie im Spiegel der archäologischen Quellen*. Rahden/Westf.: Leidorf (Orient-Archäologie 34).

Konrad, M. 2017. The client kings of Emesa: a study of local identities in the Roman East. *Syria* 94, 261—295.

Krug, A. 1981. *Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln*. Köln: Römisch-Germanisches Museum (Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln IV).

Künzl, S. 1997. Mušov — Zu kostbaren Beigaben in germanischen Gräbern der Frühen Kaiserzeit. In: Bridger, C., Carnap-Bornheim, C.V. (Hrsg.). *Römer und Germanen — Nachbarn über Jahrhunderte. Beiträge der gemeinsamen Sitzung der Arbeitsgemeinschaften"Römische Archäologie" und "Römische Kaiserzeit im Barbaricum" auf dem 2. Deutschen Archäologen-Kongress, Leipzig, 30.09.—4.10.1996*. Oxford: Archaeopress, 37—42 (BAR Internat. Ser. 678).

Künzl, S. 2002. Römische Silberbecher bei den Germanen: der Schalengriff. In: Peška, J., Tejral, J. (Hrsg.). *Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 329—349 (Monographien, Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz 55.2).

Leibundgut, A. 1976. *Die römischen Bronzen der Schweiz.* Bd. II. *Avenches*. Mainz: Philipp von Zabern.

Leskov, A.M. 1972. *Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries*. Leningrad: Aurora.

Leskov, A.M. 1974. *Die skythischen Kurgane*. Zürich: Küsnacht-Zürich Raggi-Verlag (Antike Welt Sondernummer 5).

Lévy, E. 1968. Noveaux bijoux à Délos. *BCH* 92, 523—539.

Lordkipanidze, N. 2015. *Žveli k'art'uli samkauli = Ancient Georgian jewelry.* Tbilisi: K'arč'xažis gamomc'emloba.
Lordkipanidze, O.D. 1991. *Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter*. Weinheim: VCH Verlagsgesellschaft (Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie 5).
Maaskant-Kleinbrink, M. 1978. *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet, The Hague. The Greek, Etruscan, and Roman Collections*. Vol. I—II. Wiesbaden: Franz Steiner.
Makkay, D. 1949. The Jewellery of Palmyra and its Significance. *Iraq* 11, 160—187.
Mamuladze, S., Aslanishvili, L., Kamadadze, K. 2019. *Gonio-Apsarus. Giude.* Batumi: Cultural Heritage Preservation of Ajara.
Marshall, F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum.* London: British Museum Press.
Martin-Kilcher, S. 2008. *Der römische Goldschmuck aus Lunnern (ZH): Ein Hortfund des 3. Jahrhunderts und seine Geschichte*. Zürich: Chronos (Collectio archaeologica 6).
Matern, P. 2002. *Helios und Sol. Kulte und Ikonographie des griechischen und römischen Sonnengottes.* Istanbul: Ege Yayinlari.
Menzel, H. 1986. *Die römischen Bronzen aus Deutschland III, Bonn*. Mainz: von Zabern.
Minns, E.H. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge: University Press.
Morawiecki, L. 1977. The Symbolism of Minerva on the Coins of Domitianus. *Klio* 59, no. 1—2, 185—194.
Mordvinceva, V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden/Westf.: Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).
Mørkholm, O. 1984. Some Pergamene Coins in Copenhagen. In: Houghton, A., Hurter, S., Mottahedeh, P.E., Scott, J.A. (eds.). *Festschrift für Leo Mildenberg /* Studies Mildenberg. Wetteren: Editions Numismatique Romaine, 181—192.
Musche, B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill.
museumsofindia.gov.in: 1: Pendant. Available at: https://museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-49-262-8-9800 (accessed 25.05.2023).
Naumann, F. 1980. *Staatliche Kunstsammlungen Kassel. Antiker Schmuck.* Kassel: Staatliche Kunstsammlungen.
Naumann-Steckner, F., Trier, M. (Hrsg.) 2017. *Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit.* München.
Nettleton, M.T. 1933. Silver Jewelry and Beads. In: Baur, P.V.C., Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Fourth Season of Work October 1930—March 1931.* New Haven: Yale University Press; London: H. Milford; Oxford: Oxford University Press, 254—259.
Neverov, O. 1976. *Antique intaglios in the Hermitage Collection*. Leningrad: Aurora.
Nickel, C. 2011. *Martberg. Heiligtum und Oppidum der Treverer*. II. *Die Fibeln vom Martberg. Altfunde, Privatsammlungen, Feldfunde, Grabungen*. Koblenz: Gesellschaft für Archäologie an Mittelrhein und Mosel (Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel 18).
Niculiţă, A. 2018: *Piese de giuvaiergerie antică din colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei: Catalog / Древние ювелирные изделия из коллекций Национального Музея Истории Молдовы: Каталог*. Chişinău: Muzeul Naţ. de Istorie a Moldovei.
Noelke, P. 2011. Neufunde von Jupitersäulen und -pfeilern in der Germania inferior seit 1980 nebst Nachträgen zum früheren Bestand. *BJb* 210/211 (2010/2011), 149—374.
numismatics.org: 1: RIC II, Part 3 (second edition) Hadrian 3059-3060: http://numismatics.org /ocre/id/ric.2_3(2).hdn.3059-3060 (accessed 25.05.2023).
numismatics.org: 2: RIC III Antoninus Pius 427A. Available at: http://numismatics.org/ocre/id/ ric.3.ant.427A (accessed 25.05.2023).
numismatics.org: 3: RIC IV Caracalla 2 (aureus). Available at: http://numismatics.org/ocre/id/ric.4.crl.2_ aureus (accessed 25.05.2023).
numismatics.org: 4: RIC IV Caracalla 330. Available at: http://numismatics.org/ocre/id/ric.4.crl.330 (accessed 25.05.2023).
numismatics.org: 5: RIC V Gallienus 617. Available at: http://numismatics.org/ocre/id/ric.5.gall(2).617 (accessed 25.05.2023).
numismatics.org: 6: RIC II, Part 3 (second edition) Hadrian 1432. Available at: http://numismatics.org/ocre/ id/ric.2_3(2).hdn.1432 (accessed 25.05.2023).
Odisheli, M. 2013. Georgia in Roman Times (1st to 4th c. AD). In: Opper, T. (ed.). Hadrian: *Art, Politics and Economy*. London: British Museum, 148—165 (British Museum, Research Publication 175).

Ognenova-Marinova, L. 1975. *Statuettes en bronze du Musée national archéologique à Sofia*. Sofia: Éditions de l'Academie Bulgare des Sciences.

Oliver, A.Jr. 1996. Roman Jewelry. A Stylistic Survey of Pieces from Excavated Contexts. In: Calinescu, A. (ed.). *Ancient Jewelry and Archaeology.* Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 130—151.

Önal, M. 2011. Die Tonbullae von Doliche. In: Winter, E. (Hrsg.). *Von Kummuh nach Telouch. Archäologische und historische Untersuchungen in Kommagene*. Bonn: Habelt, 247—279 (Dolichener und Kommagenische Forschungen 4, Asia Minor Studien 64).

Önal, M. 2014. Die Tonbullae von Doliche. II. In: Winter, E. (Hrsg.). *Kult und Herrschaft am Euphrat*. Bonn: Habelt, 163—239 (Dolichener und Kommagenische Forschungen 6, Asia Minor Studien 73).

Oppermann, M. 2012. Darstellungen und Kultzeugnisse der Athena-Minerva in den römischen Provinzen Moesia Inferior und Thracia. In: Manov, M. (ed.). *Vasilka Gerasimova Tomova in memoriam. National Institute of Archaeology with Museum. Bulgarian Academy of Sciences.* Sofia: National Institute of Archaeology with Museum, 231—256.

Papachristodoulou, I. Ch. 1980. Οικόπεδο Π. Παπαθεοδώρου (Ο. Τ. 259). *ADelt* 35.2.2, 543—544.

Parjanadze, T., Bode, M. 2017. Roman Silver Objects from the Ancient Kingdom of Kartli (Caucasian Iberia) in Georgia (Mtskheta, Dedoplis Gora [Kareli district]) — a Lead Isotope Investigation. *Metalla* 23.2, 39—50.

Parlasca, K. 2009. Gepaypyris, nicht Dynamis. Die Bronzebüste einer bosporanischen Königin in Sankt Petersburg. *Eurasia antiqua* 15, 241—257.

Perkins, A. 1952. The Objects. In: Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R., Brown, F.E., Wells, C.B. (eds.). *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936.* Pt. III. New Haven: Yale University Press; London: H. Milford; Oxford: Oxford University Press, 58—68.

Petersen, E. 1900. Dioskuren in Tarent. *Römische Mitteilungen* XV, 1—36.

Petrosyan et al. 2021: Petrosyan, H., Safaryan, V., Karapetyan, I., Kirakosyan, L., Vardanyan, R., Vardanesova, T., Gabrielyan, A. 2021. Pithos Burials of Tirganakert in Artsakh. In: Vetisyan, P., Bobokhyan, A. (eds.). *Archaeology of Armenia in Regional Context. Proceedings of the International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography held on July 9—11, 2019 in Yerevan*. Yerevan: Publ. House of the Insititute of Archaeology and Ethnography, 293—304.

Pfeiler, B. 1970. *Römischer Goldschmuck des ersten und zweiten Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden.* Mainz: von Zabern.

Pfrommer, M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Pharmakowsky, B. 1908. Archäologische Funde im Jahre 1907. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger,* 149—192.

Pharmakowsky, B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 205—292.

Philippe, J. 1999. *Les fibules de Seine-et-Marne du 1er siècle av. J.-C. au 5e siècle ap. J.-C.* Nemours: *Musée* de *Préhistoire* d'*Ile-de-France* (Mémoires archéologiques de Seine-et-Marne 1).

Plantzos, D. 1997. Greek Gem-Cutters in Babylonia and beyond. In: Palagia, O. (ed.). *Greek Offerings: Essays in Honour of Sir John Boardman.* Oxford: Oxbow, 197—207 (Oxbow Monograph 89).

Plantzos, D. 1999. *Hellenistic Engraved Gems.* Oxford: Clarendon Press.

Platz-Horster, G. 2001. *Altes Museum. Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werke.* Mainz: von Zabern.

Platz-Horster, G. 2012. *Erhabene Bilder. Die Kameen in der Antikensammlung Berlin.* Wiesbaden: Reichert.

Porada, E. 1967. Of deer, bells and pomegranates. *Iranica Antiqua* VII.2, 99—120.

Pósta, B. 1905. *Archaeologische Studien auf russischem Boden.* Teil 2. Budapest; Leipzig: Hornyánszky.

Raat, A. 2013. Diadems: a girl's best friend? Jewellery finds and sculptural representations of jewellery from Rome and Palmyra in the first two centuries AD. Research Master Thesis. Rotterdam: Leiden University.

Reinach, S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris: Didot.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst.* Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft (Forschungen in Augst 3).

Rosenthal-Heginbottom, R. 2015. Grave Goods and Nabatean Identity. *Eretz-Israel* 31. Jerusalem: Israel Exploration Society, 154*—165* (Ehud Netzer Volume).

Rosenthal-Heginbottom, R. 2018. Schmuck aus dem Reich der Nabatäer. Hellenistische Traditionen in frührömischer Zeit. *Journal of Hellenistic Pottery and Material Culture* 3, 88—175.

Rostovtzeff, M.I. 1938. *Dura-Europos and its Art.* Oxford: Oxford University Press.
Rudenko, S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I.* Moskau; Leningrad: Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (Sammlung archäologischen Quellen D3-9).
Sarianidi, V.I. 1985. *Bactrian Gold*. Leningrad: Aurora.
Scatozza Höricht, L.A. 1989. *I monili di Ercolano*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei 3).
Schlüter, W. 1997. Archäologische Forschungen zur Varusschlacht in der Kalkrieser-Niewedder Senke am Nordrand des Wiehengebirges im Osnabrücker Land. In: Kat. Hildesheim 1997, 125—140.
Schuster, J. 2010. *Lübsow — Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12).
Sengupta, A. 2019. *Buddhist jewels in mortuary cult: magic symbols.* Delhi: Agam Kala Prakashan.
Shchukin, M., Kazanski, M., Sharov, O., 2006. *Des les Goths aux Huns. Le Nord de la memoire au Bas-Empire et a l'epoque des Grandes Migration*. Oxford: Archaeopress (Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400—1000 A.D.; BAR Intern. Ser. 1535).
Sherozia, M. 2008. Monetary Circulation in Iberia in the 1st Century B.C.—1st Century A.D. In: *Iberia and Rome*, 235—252.
Simonenko, A.V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 1—264 (Archäologie in Eurasien. 25).
Stefanelli, L.P.B. 1977. Tabelle fittili tarantine relative al culto dei Dioscuri. *Archaeologia Classica* 29, 310—398.
Stephani, L. 1881. Erklärung einiger Kunstwerke der kaiserlichen Ermitage und anderer Sammlungen. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1878—1879 gg. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1878—1879)*, 5—174.
Stern, M. 1995. *The Toledo Museum of Art. Roman Mold—Blown Glass; the First through the Sixth Centuries.* Rome: L'Erma di Bretschneider.
Stupperich, R. 1997. Der Hildesheimer Silberfund — Griechisches Tafelgeschirr aus der augusteischen Zeit. In: Kat. Hildesheim 1997, 166—190.
Sulava, N. 2008. Enameled Fibulae from Georgia. *Iberia-Colchis* 4, 86—89 (in Georgian, summary in English).
Swaddling, J. 1979. The British Museum Bronze Hoard from Paramythia, North Western Greece: Classical Trends revived in the 2nd and 18th Centuries A.D. *Cahiers d'archéologie romande de la Bibliothèque historique vaudoise* 17. *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8-13 mai 1978*, 103—106.
Treister, M. 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus. In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *New Studies on the Black Sea Littoral* (Colloquia Pontica I). Oxford: Oxbow, 73—134.
Treister, M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden, Cologne & Boston: E.J. Brill. (Colloquia Pontica 8).
Treister, M. 2002. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *SRAA* 8, 29—72.
Treister, M. 2003. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations). *ACSS* 9, 43—85.
Treister, M. 2004a. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia. In: Tuplin, C. (ed.). *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology*. Leiden; Boston; Köln: E.J. Brill, 131—193 (Colloquia Pontica 9).
Treister, M. 2004b. Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants). *ACSS* 10, 199—257.
Treister, M.Yu., Yatsenko, S.A. 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in 'Gold-Turquoise Animal Style' of the 1st—2nd Centuries AD. *SRAA* 5, 51—106.
Tsetskhladze, G.R. 1999. *Pichvnari and its environs: 6th c BC — 4th c AD.* Besançon: Université de Franche-Comté (Annales litéraires de l'Université de Besançon 659).
Veličkovič, M. 1972. *Римска ситна бронзана пластика у Народному Музеју / Petits bronzes figurés romains au Musée national*. Beograd: Musée national (Антика / Antiquité IV).
Vermeule, C. 1974. *Greek and Roman Sculpture in Gold and Silver*. Boston: Museum of Fine Arts.
Wuilleumier, P. 1939. *Tarente, des origines* à la *conquête romaine*. Paris: E. de Boccard (BÉFAR 148).

Рис. 1. 1 — места находок колхидских ювелирных украшений первых веков н.э. *1* — Лоо; *2* — Гонио; *3* — Капандиби; *4* — Махо; *5* — Клдеети. Карта: М.Ю. Трейстер, 2023; **2 — клад из Гонио, общий вид** (по Лордкипанидзе и др. 1980: табл. VI).

Fig. 1. 1 — the distribution map of the Colchian jewellery of the first centuries CE. *1* — Loo; *2* — Gonio; *3* — Kapandibi; *4* — Makho; *5* — Kldeeti. Map: M.Yu. Treister, 2023; **2 — Gonio Treasure, general view** (after Lordkipanidze et al. 1980: pl. VI).

Рис. 2. Клад из Гонио. Батуми, Археологический музей. *1* — пара золотых браслетов, инв. № 20110/6—7; *2* — золотая фиала, инв. № 20110/1; *3* — золотой медальон, инв. № 20110/12; *4—7* — золотая статуэтка-подвеска, инв. № 20110/10 (по Kakhidze et al. 2015: 63—65, figs. 84—86; 68, fig. 91; 70, figs. 93—94).

Fig. 2. Gonio Treasure. Batumi, Archaeological Museum. *1* — pair of gold bracelets, inv.-nos. 20110/6—7; *2* — gold phiale, inv.-no. 20110/1; *3* — gold medallion, inv.-no. 20110/12; *4—7* — gold statuette-pendant, inv.-no. 20110/10 (after Kakhidze et al. 2015: 63—65, figs. 84—86; 68, fig. 91; 70, figs. 93—94).

Рис. 3. Клад из Гонио. Батуми, Археологический музей. *1*—2 —золотой фалар, лицевая и оборотная стороны, инв. № 20110/2; *3* — золотое навершие с подвесками, инв. № 20110/13 (по Kakhidze et al. 2015: 66—67, figs. 87—88; 69, fig. 92).

Fig. 3. Gonio Treasure. Batumi, Archaeological Museum. *1*—2 — gold phalera, front and rear sides, inv.-no. 20110/2; *2* — gold finial with pendants, inv.-no. № 20110/13 (after Kakhidze et al. 2015: 66—67, figs. 87—88; 69, fig. 92).

Рис. 4. Клад из Гонио. Батуми, Археологический музей. *1* — пара золотых блях, лицевая и оборотная стороны, инв. № 20110/20; *2* — четыре золотые бляхи со вставками, инв. № 20110/11—14; *3* — пара янтарных подвесок со вставками в золотых кастах, инв. № 20110/12; *4* — золотая треугольная бляшка с петлей для крепления, инв. № 20110/23; *5* — пара золотых бус, инв. № 20110/18 (по Kakhidze et al. 2015: 71, fig. 95; 74, fig. 98; 76, fig. 100; 81—82, figs. 104—108).

Fig. 4. Gonio Treasure. Batumi, Archaeological Museum. *1* — pair of gold appliqués, front and rear sides, inv.-no. 20110/20; *2* — four gold appliqués with inlays, inv.-nos. 20110/11—14; *3* — pair of amber pendants with gold cells with inlays, inv.-no. 20110/12; *4* — gold triangular plaque with fixation loop, inv.-no. 20110/23; *5* — pair of gold beads, inv.-no. 20110/18 (after Kakhidze et al. 2015: 71, fig. 95; 74, fig. 98; 76, fig. 100; 81—82, figs. 104—108).

Рис. 5. Клад из Гонио. Батуми, Археологический музей. Две золотые цепочки. *1* — инв. № 20110/8, 19; *2* —инв. № 20110/9 (по Kakhidze et al. 2015: 72—73, figs. 96—97).

Fig. 5. Gonio Treasure. Batumi, Archaeological Museum. Two gold chains. *1* — inv.-nos. 20110/8, 19; *2* —inv.-no. 20110/9 (after Kakhidze et al. 2015: 72—73, figs. 96—97).

Рис. 6. Клад из Гонио. Золотые бляхи со вставками и подвесками. Батуми, Археологический музей. *1* — инв. № 20110/26; *2* — инв. № 20110/17; *3—4* — инв. № 20110/6 (по Kakhidze et al. 2015: 77—80, figs. 101—103).

Fig. 6. Gonio Treasure. Gold plaques with inlays and pendants. Batumi, Archaeological Museum. *1* — inv.-no. 20110/26; *2* — inv.-no. 20110/17; *3—4* — inv.-nos. 20110/6 (after Kakhidze et al. 2015: 77—80, figs. 101—103).

Рис. 7. Клад из Гонио. Батуми, Археологический музей, инв. № 20110/14, 25. **Золотые накладки со вставками** (по Kakhidze et al. 2015: 83—85, figs. 109—111).

Fig. 7. Gonio Treasure. Batumi, Archaeological Museum, inv.-no. 20110/14, 25. **Gold appliqués with inlays** (after Kakhidze et al. 2015: 83—85, figs. 109—111).

Рис. 8. Клад из Гонио. Батуми, Археологический музей. **Золотые накладки.** *1* — инв. № не известен; *2* — инв. № 20110/5; *3—4* — лицевая и оборотная стороны, инв. № 20110/3 (по Kakhidze et al. 2015: 86—89, figs. 112—114).

Fig. 8. Gonio Treasure. Batumi, Archaeological Museum. **Gold appliqués.** *1* — inv.-no. unknown; *2* — inv.-no. 20110/5; *3—4* — front and rear sides, inv.-no. 20110/3 (after Kakhidze et al. 2015: 86—89, figs. 112—114).

Рис. 9. Клад из Махо. Батуми, Археологический музей, инв. № 16073/1—4. *1* — пара золотых цепочек; *2* — пара золотых кастов со вставками и подвесками, лицевая и оборотная стороны; *3* — золотые концевые оправы бус, две пары; *4* — золотая брошь, лицевая и оборотная стороны (по Kakhidze et al. 2015: 90—93, figs. 115—118).

Fig. 9. Makho Treasure. Batumi, Archaeological Museum, inv.-nos. 16073/1—4. *1* — pair of gold chains; *2* — pair of gold cells with inlays and pendants, front and rear sides; *3* — gold end framings of beads, two pairs; *4* — gold brooch, front and rear sides (after Kakhidze et al. 2015: 90—93, figs. 115—118).

Рис. 10. Клад из Капандиби. Общий вид. Батуми, Археологический музей (по Kakhidze et al. 2015: 62, fig. 83).

Fig. 10. Kapandibi Treasure. General view. Batumi, Archaeological Museum (after Kakhidze et al. 2015: 62, fig. 83.

Рис. 11. Клад из Капандиби. Фрагменты серебряных сосудов. Батуми, Археологический музей. *1* — фрагменты серебряного канфара; *2* — фрагменты серебряного кубка (по Kakhidze et al. 2015: 60—61, figs. 79—82).

Fig. 11. Kapandibi Treasure. Fragments of silver vessels. Batumi, Archaeological Museum. *1* — fragments of silver cantharus; *2* — fragments of silver goblet (after Kakhidze et al. 2015: 60—61, figs. 79—82).

Рис. 12. Клад из Капандиби. Золотые бляхи со вставками и подвесками. Батуми, Археологический музей (по Kakhidze et al. 2015: 58—59, figs. 73—78).

Fig. 12. Kapandibi Treasure. Gold plaques with inlays and pendants. Batumi, Archaeological Museum (after Kakhidze et al. 2015: Kakhidze et al. 2015: 58—59, figs. 73—78).

Рис. 13. Клад из Капандиби. Батуми, Археологический музей. *1* — золотой браслет со вставками; *2* — фрагменты золотого погребального венка; *3* — золотая бляха со вставками и подвесками; *4* — золотая подвеска со вставкой (по Kakhidze et al. 2015: 53—57, figs. 69—72).

Fig. 13. Kapandibi Treasure. Batumi, Archaeological Museum. *1* — gold bracelet with inlays; *2* — fragments of gold funerary wreath; *3* — gold plaque with inlays and pendants; *4* — gold pendant with an inlay (after Kakhidze et al. 2015: 53—57, figs. 69—72).

Рис. 14. Некрополь Клдеети. Золотые украшения со вставками. Тбилиси, Национальный музей Грузии. *1* — брошь, инв. № 11—57: 1; *2* — бляхи со вставками и подвесками, инв. № 11—57: 2—5, 9, 10 (по Lordkipanidze 2015: figs. 301, 327).

Fig. 14. Kldeeti necropolis. Gold jewellery with inlays. Tbilisi, National Museum of Georgia. *1* — brooch, inv.-no. 11—57: 1; *2* — plaques with inlays and pendants, inv.-nos. 11—57: 2—5, 9, 10 (after Lordkipanidze 2015: figs. 301, 327).

Рис. 15. Некрополь Лоо. **Находки из разрушенного погребения. Серебряные и стеклянный сосуды. Сочи, Музей истории города-курорта Сочи.** *1—2* — фрагменты серебряных скифосов; *3—4* — стеклянный кубок с надписью (по Иванова, Голубев 1961: 285—287, рис. 1—4; Блаватская 1964: 331, рис. 1—2).

Fig. 15. Loo necropolis. Finds from the destroyed burial. Silver and glass vessels. Sochi, **Museum of History of Sochi.** *1—2* — fragments of silver scyphi; *3—4* — glass goblet with an inscription (after Ivanova, Golubev 1961: 285—287, figs. 1—4; Blavatskaya 1964: 331, figs. 1—2).

Рис. 16. Некрополь Лоо. **Находки из разрушенного погребения. Сочи, Музей истории города-курорта Сочи.** *1* — золотые подвески; *2* — гагатовые бусы в золотых оправах; *3* — золотые бусы; *4* — золотые бляшки со вставками; *5* — золотой перстень с геммой; *6* — золотая подвеска-лунница; *7* — золотой флакон со вставками на цепочке; *8—10, 12* — золотые бляхи со вставками и подвесками; *11* — золотая серьга со вставками и подвесками (по Иванова, Голубев 1961: 288, рис. 6; Кат. Сочи 2013: 59—62).

Fig. 16. Loo necropolis. Finds from the destroyed burial. Sochi, **Museum of History of Sochi.** *1* — gold pendants; *2* — jet beads with gold caps; *3* — gold beads; *4* — gold plaques with inlays; *5* — gold finger ring with intaglio; *6* — gold lunular pendant; *7* — gold flask with inlays and chain; *8—10, 12* — gold plaques with inlays and pendants; *11* — gold earring with inlays and pendants (after Ivanova, Golubev 1961: 288, fig. 6; Cat. Sochi 2013: 59—62).

Рис. 17. Золотые трапециевидные подвески со вставками. *1, 3* — место находки неизвестно, коллекция Ф.С. Романовича (начало XX в., Ростов-на-Дону) (по Санкт-Петербург, ИИМК РАН, фотоархив, инв. № III-7295); *2* — Северное Причерноморье (?), частная коллекция (по antiqueland.ru: 1: рис. 22); *4* — клад из Капандиби. Батуми, Археологический музей (по Kakhidze et al. 2015: 56, fig. 71).

Fig. 17. Gold trapezoidal pendants with inlays. *1, 3* — findspot unknown, F.S. Romanovich collection (early 20th century, Rostov-on-Don) (after Saint Petersburg, Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, inv-no. III-7295); *2* — North Pontic area (?), private collection (after antiqueland.ru: 1: fig. 22); *4* — Kapandibi Treasure. Batumi, Archaeological Museum, afterg Kakhidze et al. 2015: 56, fig. 71.

DOI: 10.53737/9576.2023.68.88.009

О.С. Румянцева, М.В. Червяковская, В.С. Червяковский

ВТОРИЧНЫЕ ПРАКТИКИ СТЕКЛОДЕЛОВ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ ПО ДАННЫМ СОСТАВА СТЕКЛА МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ*

Состав 147 образцов стекла сосудов из могильника конца I — рубежа IV/V вв., полностью раскопанного на окраине Севастополя, проанализирован методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой, с пробоотбором лазерной абляцией. На основе полученных данных оценивается применение практики вторичной переработки стекла в мастерских, производивших посуду для населения, оставившего могильник. Сопоставление данных о формах сосудов, их планиграфическом распределении и составе позволяют получить косвенную информацию о возможном времени возникновения и характере стеклоделательного производства в Юго-Западном Крыму (вероятно, в Херсонесе). Стеклянная посуда массово распространяется у местного населения со II в.; в это же время появляются первые формы, представленные серийно и изготовленные из стекла «смешанного» состава, содержащего марганец и сурьму. Это могло быть обусловлено возникновением в это время в регионе местного стеклоделательного производства, основой которого служили импортный сырец из Восточного Средиземноморья с высокой примесью стекольного боя. Эта же особенность характерна и для массовых серий стекла из поздней части могильника. Местное производство, таким образом, в значительной степени было основано на вторичной переработке стекла; эта особенность характерна для периферии Римской империи, очевидно, недостаточно снабжавшейся сырцом. Стекло египетского происхождения из Фронтового более интенсивно подвергалось переработке, чем сиро-палестинское.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, стекло, вторичная переработка, местное стеклоделательное производство, ЛА-ИСП-МС.

Сведения об авторах: Румянцева Ольга Сергеевна[1], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН; Червяковская Мария Владимировна[2], кандидат химических наук, научный сотрудник, Институт геологии и геохимии УрО РАН; Червяковский Василий Станиславович[3], младший научный сотрудник, Институт геологии и геохимии УрО РАН.

Контактная информация: [1]117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии РАН; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru; [2,3]620110, Россия, Екатеринбург, ул. Академика Вонсовского, д. 15, Институт геологии и геохимии УрО РАН; e-mail: [2]zaitseva.mv1991@gmail.com; [3]v.chervyakovskiy@mail.ru.

Olga Rumyantseva, Maria Chervyakovskaya, Vasiliy Chervyakovskiy

GLASS RECYCLING PRACTICES IN THE ROMAN PERIOD: A CASE STUDY OF THE FRONTOVOE CEMETERY IN SOUTH-WESTERN CRIMEA

Composition of 147 vessel glass samples from a cemetery of late 1st — late 4th / early 5th centuries, completely excavated on the outskirts of Sevastopol, has been studied with LA-ICP-MS technique. This data allows evaluating glass recycling practices in the workshops producing vessels for regional population. The data on vessel forms, their spread in the cemetery and the chemical composition of glass could yield the circumstantial evidence on the local glass working (most probably, in Chersonessos), time of its emergence

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

Статья поступила в номер 12 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© О.С. Румянцева, М.В. Червяковская, В.С. Червяковский, 2023.

and peculiarities. Glass vessels become widespread here from the 2nd century, and serial types, made of the "mixed" Sb-Mn glass occur at the same period. It could be related to the emergence of local glass working, based on the raw glass imported from Eastern Mediterranean, and the extensive glass recycling. Large-scale recycling is also typical for the late series of glass (and vessel types) especially widespread here (Foy-3.2, 3.2/2.1). Local glass working was therefore based on extensive use of cullet; this peculiarity is usually typical for the periphery of the Roman Empire, lacking the imported raw glass. Glass of the Egyptian origin form Frontovoe has much more pronounced evidence for recycling than of the Levantine one.

Key words: south-western Crimea, Roman period, glass, recycling, local glass working, LA-ICP-MS.

About the authors: Rumyantseva Olga[1], PhD (History), Senior Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Chervyakovskaya Maria[2], PhD (Chemistry), Researcher, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Chervyakovskiy Vasiliy[3], Junior Researcher, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova Str., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru; [2,3]620110, Russia, Ekaterinburg, 15 Akademika Vonsovskogo Str., Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: [2]zaitseva.mv1991@gmail.com; [3]v.chervyakovskiy@mail.ru.

Одним из направлений в изучении состава стекла является анализ вторичных практик (окрашивания, глушения, вторичной переработки и пр.), использовавшихся древними мастерами. Информация о них существенно пополняет наши знания о производственных традициях, распространенных в разные исторические эпохи. В римское время стекло варилось в ограниченном числе крупных стекловаренных центров, преимущественно ближневосточных, откуда в виде полуфабрикатов распространялось по разветвленной сети европейских мастерских неполного цикла, где из него производились готовые изделия (Nenna et al. 1997; Foy et al. 2000; 2003; Freestone et al. 2000 и многие другие). И, если основной состав позволяет определить регион производства собственно стекла, то изучение технологических добавок и микропримесей дает также важную информацию о способах и сырье для его окрашивания, глушения и пр. Одной из наиболее распространенных практик являлась вторичная переработка стекла, когда, наряду с сырцом, в стекломассу добавлялся стекольный бой, намеренно собранный для нужд стеклоделательного производства (Jackson 1996; Foy 2003; Freestone 2015, там же см. ссылки на литературу). Сегодня на основании комплекса данных письменных и археологических (в т.ч. археометрических) источников исследователи сходятся во мнении, что практика эта распространяется с конца I в. н.э., хотя известна могла быть чуть раньше (см. ниже).

Импорт в римское время стекла-сырца, преимущественно ближневосточного, на дальние расстояния означает, что на основании его состава невозможно определить происхождение готовых изделий. Находки же мастерских — в частности, в Северном Причерноморье, довольно редки. Однако косвенную информацию о хронологии локального стеклоделательного производства, его особенностей и номенклатуры производимых изделий можно получить на основе косвенных данных о морфологии, технологических признаков и зон наибольшего распространения тех или иных типов изделий и пр.

Уникальную возможность для изучения практик работы со стеклом дают материалы могильника Фронтовое 3, изученного экспедицией ИА РАН под руководством А.Н. Свиридова и С.В. Язикова[1] в 2018 г. Памятник конца I — конца IV/начала V вв. был полностью раскопан на окраине Севастополя (Гавритухин и др. 2020а). Выборка анализов стекла составляет 151 образец сосудов из более 230 обнаруженных на памятнике, что позволяет проводить исследования на репрезентативной группе материалов с учетом типологии, хронологии, состава и планиграфического распределения находок. На основе

[1] Выражаем благодарность А.Н. Свиридову и С.В. Язикову за любезно предоставленную возможность опубликовать материалы их раскопок

полученных данных мы попытаемся выделить признаки, которые могли быть характерны для местного стеклоделательного производства, определить его возможную хронологию и выявить характерные особенности. Могильник Фронтовое расположен недалеко от Херсонеса, где свидетельства производства известны для позднеримского времени и предполагались для периода более раннего (Белов 1965; 1969; Голофаст 1998; Кунина, Сорокина 1972). При этом, безусловно, нужно учитывать, что могильник принадлежал не городскому, а варварскому населению округи Херсонеса, где могли быть свои особенности распространения стеклянной посуды, отличающиеся от существовавших в античных городах, в которых располагались мастерские.

Данные об основном составе стекла, изученного методов СЭМ-ЭДС, опубликованы (Румянцева 2022б). В дополнение к ним, в настоящее время методом ЛА-ИСП-МС изучено содержание в стекле из Фронтового следовых элементов, существенно дополняющих как информацию о происхождении стекла, так и о практиках его обработки. Анализ выполнен в ЦКП «Геоаналитик» ИГГ УрО РАН, методика его проведения была ранее опубликована (Румянцева и др. 2019; Rumyantseva et al. 2023). Более подробно она также будет представлена в полной публикации результатов анализов стекла Фронтового, которые в настояще время готовятся к печати.

Стекло могильника Фронтовое 3 представлено преимущественно неокрашенным, но по большей части намеренно обесцвеченным материалом. В связи с этим данные о вторичных практиках связаны в первую очередь со вторичным использованием стекла в производстве.

Данные письменных и археологических источников о вторичном использовании стекла

Открытие, что стеклобой можно «переплавить», как считается, было тесно связано с изобретением стеклодувной техники (Stern 1999: 451), а объемы производимого и используемого в быту стекла отныне делали этот процесс экономически выгодным. Практика сбора стеклобоя с последующим его обменом на другие мелкие бытовые товары отражена в серии литературных произведений, начиная с эпохи Флавиев (69—96 гг.) — вероятно, с ранней ее части. К ним обычно относят отрывок из эпиграммы римского поэта Марциала (85/86—101/102 гг.) (Whitehouse 1999: 78), герой которой сравнивается с разносчиком из-за Тибра, меняющим битое стекло на «серные спички» (Martial, 1.41.1—5; Алексеева, Сорокина 2007: 38). «… Те, кто меняет серу на битое стекло», фигурируют также в сборнике стихов Стация «Сильвы», написанном в период с конца 80-х до 95 г. (Statius, 1.6.70—74; Whitehouse 1999: 78). Совместное упоминание серы и битого стекла есть и в «Сатирах» Ювенала (конец I — начало II в.) (Juv., 5.48.). Большинство исследователей связывают все три перечисленные фрагмента с описанием практики сбора и обмена стеклобоя на серу, спички или, возможно, другие мелкие бытовые товары (Stern 1999: 450—451; Whitehouse 1999: 78; Foy 2003; Keller 2004: 67—68).

Тройное упоминание подобного обмена говорит о том, что данная практика была распространена в повседневной жизни римлян уже в последней четверти I в. н.э. (Keller 2004: 67). При этом одним из наиболее ранних археологических свидетельств сбора стеклобоя считается наполненная битым стеклом корзина, найденная на вилле Пизанелла в Помпеях. Обнаруженное здесь стекло было, очевидно, собрано на территории этого хозяйства, однако осталось невостребованным, т.к. вилла была разрушена в результате извержения Везувия в 79 г. н.э. (Foy 2003: 272; Keller 2004: 66). Данное свидетельство хорошо подтверждает начальную дату применения этой практики, полученную по источникам литературным (Stern 1999: 450—451; Keller 2004: 67). При этом Плиний Старший, погибший при извержении Везувия в 79 г., был, возможно, еще незнаком с этим свойством: он сообщает, что куски битого стекла могут быть лишь склеены, полностью расплавить их невозможно (Plin., 36. 199; Stern 1999: 451; Whitehouse 1999: 78; Keller 2004: 67). Если письменные источники указывают на Рим, то археологические данные подтверждают ее повсеместное применение. Начиная с I в. н.э., скопления битой стеклянной

посуды, предназначенной для переработки, находят на обширной территории от Великобритании до Египта (Price 1998: 337—338; Foy 2003: 274), включая города Северного Причерноморья (Алексеева, Сорокина 2007). Стекольный бой не только собирали, но и торговали им на дальние расстояния: подтверждением этому является судно Юлия Феликс, затонувшее у Адриатического побережья в Градо и датирующееся концом II—III вв. На нем была обнаружена бочка битого стекла (Silvestri et al. 2008).

К химическим элементам — маркерам применения в производстве стекольного боя относят обесцвечиватели (сурьму и марганец), а также микроконцентрации элементов, присутствующих в окрашенном стекле — медь, свинец, кобальт, олово, цинк и некоторые другие. Все известное на сегодня стекло, происходящее из стекловаренных центров, содержит только один обесцвечиватель (или не содержит его вовсе); присутствие и сурьмы, и марганца одновременно говорят о том, что в производстве использовался стеклобой (Freestone et al. 2015: 31, там же см. ссылки на литературу). Изучение средиземноморских песков показало, что естественный уровень сурьмы в них чаще всего менее 1,4 ppm; в единичных случаях он может достигать 20—30 ppm (Degryse 2014: 79, 84—85). Содержание марганца в песке может варьировать от 0.01 до 0.11% MnO (Degryse 2014: 79), однако для песка, подходящего для изготовления стекла, оно ниже. Д. Бремс определяет диапазон естественного содержания MnO в таких песках от 0,004 до 0,078 % (Brems et al. 2012). В ряде исследований на основе археометрических данных порог содержания марганца в стекле, обесцвеченном сурьмой, определяется как 250 ppm или 330 ppm (Gliozzo 2017, Schibille et al. 2016; подробнее по теме см. также Gratuze 2018: 351). На порог 250 ppm будем ориентироваться и мы.

Незначительное содержание металлов, связанных с красителями (кобальта, меди, свинца, олова и др.) в неокрашенном стекле обусловлено попаданием в стекломассу недостаточно тщательно отсортированного стеклобоя и фрагментов сосудов с цветными декоративными элементами (Jackson 1996 и др.; ссылки см.: Freestone 2015). Долгое время считалось, что их концентрации более 1000 ppm обусловлены чаще всего намеренным введением, содержания от 100 до 1000 ppm маркируют использование стеклобоя, а менее 100 ppm —говорят о применении чистого сырца или тщательно отсортированного боя. Однако со временем было установлено, что их естественная концентрация в песке стеклоделов существенно ниже 100 ppm (например, в исследованных средиземноморских песках содержание кобальта не превышало, как правило, 4,5 ppm, а медь вообще не была зафиксирована ни в одном из образцов) (Degryse 2014: 79). При этом в «свежем» сырце из стекловаренных центров содержание элементов-маркеров может быть выше, чем в песке — в том числе потому, что стеклобой мог добавляться не только во вторичных мастерских, но и на этапе варки стекла (Foy et al. 2003; Cholakova, Rehren 2018: 65; De Juan Ares et al. 2019: 28).

Характеристика стекла по группам

На основании основного состава для материалов могильника Фронтовое ранее было выделено 9 групп стекла. Стекло трех из них является продукцией сиро-палестинских стекловаренных центров, четырех — сварено предположительно на территории Египта. Стекло еще двух групп было определено как результат интенсивного применения стеклобоя.

В стекле *ранней части могильника* выделяется две модели использования сырья при изготовлении готовых сосудов. Первая — применение в качестве сырья (полуфабрикатов) «чистого» стекла-сырца, не имеющего или имеющего слабо выраженные признаки вторичного использования. Вторая — использование в производстве очень высокой доли стеклобоя. Первая модель представлена стеклом групп 1—3, выделенных по основному составу (Румянцева 2022б) — римского зелено-голубого; римского, обесцвеченного марганцем; обесцвеченного сурьмой. Стекло первых двух имеет сиро-палестинское происхождение, стекло третьей — египетское.

В стекле группы 1 (наиболее близком по составу римскому зелено-голубому, сиро-палестинского происхождения) из 10 образцов 9 содержат менее 6 ppm сурьмы, один образец — 16 ppm; максимальная концентрация металлов-маркеров вторичного использования стекла, связанных с красителями (кобальта, меди, олова и свинца), в каждом из образцов в сумме не превышает 68 ppm (табл. 1: 1). Концентрация марганца в 9 из 10 из них — более 250 ppm, что считается порогом естественного содержания марганца в сырье, и составляет 436—5105 ppm (0,06—0,66% MnO). Порог намеренного введения марганца в содовое стекло обычно определяется как 0,5%, однако он дискуссионен (ссылки см.: Schibille 2022: 80). Считается также, что для полноценного обесцвечивания (т.е. нейтрализации красящего действия железа, содержащегося в песке) значение соотношения MnO/Fe_2O_3 должно быть более 2 (Gratuze 2018: 352); для стекла данной группы оно не превышает 1,7, а в большинстве случаев — существенно ниже. Можно предположить, что в большинстве случаев в не обесцвеченной намеренно стекломассе присутствует переменное содержание обесцвеченного марганцем стеклобоя (реже — наоборот, в обесцвеченном стекле присутствует необесцвеченный стеклобой), однако прочие признаки вторичного использования в стекле данной группы отсутствуют. Хронологические рамки группы во Фронтовом определяются концом I—II в. (преимущественно первой его половиной). Это время, когда практика вторичного использования стекла только начинает широко распространяться (см. выше). Со II в. более популярным становится и стекло, обесцвеченное сурьмой, которое ранее использовалось только для производства посуды класса люкс (Schibille 2022: 36, там же см. ссылки на литературу). Возможно, относительная «чистота» этого стекла может отчасти объясняться хронологическими причинами.

Признаки использования стеклобоя практически не выражены и в стекле группы 2 (римское, обесцвеченное марганцем, также сиро-палестинского происхождения). Из 8 образцов выраженные признаки вторичного использования характерны для двух: один из них содержит 267 ppm сурьмы; другой, с пограничным содержанием сурьмы (ок. 30 ppm), — свинец в концентрации 128 ppm, а также более высокую, чем в целом для данной группы, концентрацию олова (9 ppm) (табл. 1: 2). В остальном в образцах данной группы присутствует до 8 ppm сурьмы (в т.ч. в трех образцах — менее 3 ppm), а сумма четырех металлов, маркирующих вторичное использование стекла (см. выше), не превышает 102 ppm.

Время распространения стекла этой группы в Юго-Западном Крыму, судя по данным из Фронтового, — чуть позже, чем римского зелено-голубого, и приходится на II — первую половину III в. В это время на территории Европы уже шире распространяется стекло, обесцвеченное сурьмой (часть которого содержит к тому же повышенные концентрации свинца, сопутствующие сурьме — Paynter 2006), что делает признаки вторичного использования более выраженными. Кроме того, практика вторичного использования уже широко распространена в это время на территории Римской империи.

Одну из наиболее «чистых» групп составляют сосуды из стекла египетского происхождения, обесцвеченного сурьмой (группа 3 в могильнике Фронтовое (Румянцева 2022б), группа 4 по Foy et al. 2004). Из 21 образца данной группы 17 представлены стеклом без признаков вторичного использования (содержание марганца — 78—130 ppm, суммарная концентрация металлов-маркеров — до 43 ppm) (табл. 1: 3). В могильнике Фронтовое время распространения стекла данной группы приходится на II—III вв., возможно, исключая начало II и конец III вв. (Румянцева 2022б). Один образец группы имеет пограничное содержание марганца (258 ppm); высокое содержание в нем свинца (7970 ppm) и, очевидно, олова (201 ppm) объясняется, вероятнее всего, не вторичным использованием стекла, а тем, что они либо являются геохимическими спутниками сурьмы, либо намеренно вводились в некоторых случаях в обесцвеченное сурьмой стекло, что наиболее характерно для раннего стекла этой группы, датирующегося I—II вв. (Paynter 2006). Он отличается также и более высоким содержанием сурьмы. Такое сочетание — высокое содержание сурьмы и свинца — считается также характерным признаком стекла эллинистического времени (Foy et al. 2004: 173). Во Фронтовом

погребение 73, содержавшее бальзамарий такого состава, расположено на участке с могилами второй половины/конца II — первой половины III в. (Суханов 2021: 219; Гавритухин 2022).

«Чистота» стекла, обесцвеченного сурьмой, в целом типична для римской производственной традиции. Это самое высококачественное, идеально бесцветное стекло римского времени обычно берегли от смешения со стеклобоем, которое могло бы повлиять на качество итогового материала (Foster, Jackson 2010; Schibille et al. 2016 и др.).

Четыре образца этой группы отличают, тем не менее, слабо выраженные признаки добавления стеклобоя (табл. 1: 4). Содержание марганца в них составляет 294—577 ppm, а суммарное содержание металлов, маркирующих вторичное использование стекла, в трех из них чуть выше, чем в прочих образцах данной группы (84—87 ppm). Два из них — близкие друг другу по форме стаканы, а один относится к позднему типу бальзамариев[2].

Самым представительным в ранней части могильника является стекло группы 4, содержащее одновременно два обесцвечивателя, что является маркером вторичного использования стекла. К ней принадлежат 36 образцов. Соотношение марганца и сурьмы, графически выраженное на диаграмме (рис. 1), не позволяет установить, сырец какой группы мог браться за основу. На диаграмме стекло «смешанного» состава отделено промежутком как от стекла, обесцвеченного сурьмой, так и от обесцвеченного марганцем. Очевидно, доля стеклобоя в массе была очень существенной. Суммарное содержание прочих маркеров, маркирующих добавление стеклобоя (Cu, Co, Sn, Pb) ожидаемо высока и в части образцов превышает 200—300 ppm (табл. 1: 5); это самое высокое их содержание в стекле ранней части могильника. Интенсивное применение стеклобоя в целом характерно для производства, расположенного на периферии Римской империи. В качестве примера можно привести стекло римской Британии, в котором доля материала вторичного использования также очень велика (Foster, Jackson 2010). Близкая ситуация наблюдается и среди материалов мастерской, расположенной на черняховском поселении Комаров на Среднем Днестре (Rumyantseva et al. 2023). В то же время, подобная стратегия использования стекла характерна не только для периферии. Высокая доля стекла с двумя обесцвечивателями фиксируется и среди материалов конца II — первой половины III в. в Риме, как среди престижных сосудов, так и рядовых (Gliozzo et al. 2015). А ближе к концу III—IV вв. н.э., когда объемы поступления высококачественного обесцвеченного сурьмой стекла в Европу сокращаются, даже сосуды класса люкс начинают делать из стекла «смешанного» состава, содержащих марганец и сурьму одновременно (Cholakova et al. 2017; Nagel et al. 2018).

В контексте проблемы возможного времени появления стеклоделательного производства в Юго-западном Крыму интересно сопоставить данные о планиграфическом распределении сосудов из стекла разных групп (рис. 2) и их формах.

Сосуды из стекла группы 1 (римского зелено-голубого) распространены в самой ранней части могильника — прежде всего, на северо-западном участке, где стекло других групп еще не встречается (рис. 2: 1). Здесь преобладают могилы без стеклянных сосудов. И, хотя среди сосудов группы 1 половина представлена бальзамариями, можно отметить, что в целом они довольно разнообразны по морфологии, не образуя устойчивых серий (Румянцева 2022б: рис. 2).

Сосуды группы 2 также довольно разнообразны по морфологии, и это единичные находки, рассредоточенные по восточному и южному «лепесткам» могильника (рис. 2: 2, 2а). Напомним, что могильник развивался с северо-запада на юго-восток, при этом восточный «лепесток» — более ранний по времени, чем южный (Суханов 2021: 218—219, рис. 5; Гавритухин 2022). При проведении анализа удалось выявить всего восемь сосудов из стекла группы 2 в рамках довольно широкого хронологического периода — около полутора веков (Румянцева 2022б: рис. 3).

Подавляющее большинство сосудов из стекла группы 3 (обесцвеченного сурьмой) сосредоточено в более позднем южном «лепестке» могильника — здесь встречено

[2] Морфологический анализ стеклянных сосудов из Фронтового готовится в настоящее время к публикации Л.А. Голофаст.

17 находок из 21 (рис. 2: 3); 4 сосуда происходят из захоронений более раннего восточного «лепестка» (Суханов 2021: 218—219, рис. 5). Это стекло — самое качественное из известного в римское время, и, вероятно, самое дорогое. Ряд исследователей считает, что именно оно упоминается в Эдикте о ценах Диоклетиана (301 г.) как «александрийское» бесцветное, и его цена в 1,5—2 раза превышает стоимость стекла «иудейского» зелено-голубого (Whitehouse 2004: 189 и другие; ссылки см.: Schibille 2022: 35). Тем не менее, количество находок из этого стекла более чем вдвое превышает число сосудов из сиро-палестинского стекла групп 1 и 2, встреченных в погребениях могильника более раннего этапа. Одновременно с этим, на плане могильника (рис. 2) хорошо видно, как постепенно меняется соотношение захоронений с сосудами и без них. От северо-западного «ядра» могильника, где могилы со стеклянными сосудами единичны, к восточному, а затем к южному его лепестку доля захоронений, содержащих посуду из стекла, заметно возрастает.

Единичные сосуды из стекла с признаками вторичной переработки, отнесенного к группам 2 (римское бесцветное, Mn, погребения 3, 54) и 3 (обесцвеченное сурьмой, погребения 65, 70, 191, 213) имеют следующую хронологию. Самое раннее среди них — погребение 191, расположенное в поздней части восточного «лепестка» могильника и содержащее краснолаковую керамику второй хронологической группы, может быть отнесено ко II в. (Суханов 2021: 219). Два погребения, 65 и 70, расположенные в более позднем южном «лепестке» могильника, содержат лучковые одночленные фибулы, отнесенные И.О. Гавритухиным к горизонту ФЛ-4 второй половины II — середины / третьей четверти IIIв. (Гавритухин 2022); самое позднее захоронение 3 содержало двучленные лучковые фибулы горизонта ФЛ-5 и монету середины III в. (там же). То есть, практика применения в производстве стеклобоя в мастерских, работавших со стеклом этих групп, прослеживается по материалам Фронтового со II (возможно, второй половины) — первой половины III в.

Стекло «смешанного» состава с двумя обесцвечивателями появляется уже в ранних погребениях восточного «лепестка» могильника, однако наибольшее количество сосудов из него — более половины всех находок — встречено в южном «лепестке» (рис. 2: 4). Оно распространено здесь преимущественно во II—III вв., однако самые поздние единичные находки происходят уже из поздней части могильника. В раннем горизонте памятника сосуды из стекла данной группы составляют почти половину найденной здесь стеклянной посуды. Если судить по планиграфии, появление сосудов, изготовленных из стекла «смешанного» состава, совпадает с увеличением стекла в погребениях могильника в целом и сокращением числа могил без стеклянной посуды. С точки зрения форм, именно для этой группы характерно наличие наиболее ранних массовых серий — чаш, стаканов и бальзамариев, что может быть одним из признаков локального производства (Румянцева, 2022б: рис. 7—8). Именно к этой серии принадлежат две чаши из погребения 250 второй половины II в. (рис. 3: 5, 6), которые могли быть изготовлены из одной партии стекла, которые, вероятно, также могут быть связаны скорее с местным производством, чем поступить издалека (Румянцева, 2022а: 57, рис. 1: 5—6; см. также ниже).

Контраст между «чистыми» группами стекла практически без признаков вторичного использования и «смешанного» с очень интенсивным использованием стеклобоя как одного из компонентов сырья, при отсутствии переходных вариантов (рис. 1), позволяет говорить о двух традициях работы со стеклом. Наиболее вероятна связь второй из них с местным производством стеклянных изделий, существовавшим, скорее всего, в Херсонесе. Это не означает, что среди стекла «смешанного» состава отсутствуют импортные формы, прибывшие в Юго-Западный Крым издалека.

Интересной особенностью является более раннее, судя по планиграфии, появление среди материалов могильника стекла «смешанного» состава, чем стекла, обесцвеченного только сурьмой (рис. 2: 3, 4). Второе, попав в Юго-Западный Крым и просуществовав какое-то время в виде готовой посуды, со временем должно было быть собрано как стеклобой, став, таким образом, одним из компонентов первого. Вероятнее всего, данная особенность объясняется

разными ритмами распространения, объемами и качеством стекла, бывшего в обиходе в городах и у варварского населения, жившего в округе. Высококачественные сосуды из «чистого» стекла (преимущественно импортные — ?) могли на ранних этапах просто не попадать к населению, захороненному во Фронтовом. Местные же изделия, более массово распространенные в регионе, могли начать проникать сюда раньше и в б*о*льших количествах.

В целом практика вторичного использования стекла начинает фиксироваться на материалах могильника, начиная со II в.

Можно предположить, что сосуды из сиро-палестинского стекла групп 1 и 2 — малочисленные в могильнике, разнородные по форме и без выраженных признаков вторичного использования, скорее прибыли в Юго-Западный Крым в качестве импортов, чем были изготовлены в локальных мастерских. Ситуация с изделиями из стекла группы 3, обесцвеченного сурьмой, сложнее. Их находки более многочисленны и по времени приходятся на период, когда местное производство уже, вероятно, существовало в Юго-Западном Крыму, а в римской технологической традиции это стекло в принципе берегли от смешения. В то же время, по морфологии они достаточно разнородны — однотипных серий среди них не выделяется. Ситуация, правда, осложняется тем, что именно сосуды данной группы чаще всего представлены в погребениях скоплением фрагментов, не позволяющих реконструировать формы (Румянцева 2022б). Исследуемый материал не позволяет делать предположения о месте их производства.

Среди групп, распространенных *в переходной и поздней частях* могильника, для стекла различного происхождения также можно выявить разные стратегии использования. Встреченное здесь стекло сиро-палестинского происхождения (группа 5) не имеет выраженных признаков вторичного использования, в отличие от стекла египетского (группы 6 и 7), в которых эти признаки говорят об интенсивной вторичной переработке. Группа 8, также египетского происхождения, слишком мала, чтобы можно было опираться на статистические данные при ее анализе.

В стекле группы 5 (левантийского производства, обесцвеченного марганцем), встречающемся во Фронтовом преимущественно в центральной части могильника (рис. 2: 5), на участке ближе к югу, в захоронениях середины III (или чуть ранее) — середины IV в. (Румянцева 2022б), признаки вторичной переработки практически отсутствуют. Из девяти образцов лишь два отличает незначительно повышенное содержание сурьмы (27 и 44 ppm); остальные 7 содержат до 1,5 ppm сурьмы (табл. 1: 6). Других выраженных признаков вторичного использования стекла также не выделяется: 7 образцов (в т.ч. с повышенной концентрацией сурьмы) содержат суммарно менее 40 ppm металлов, маркирующих вторичное использование стекла (кобальта, меди, свинца и олова), два — чуть более высокие концентрации, 70—74 ppm. Вероятно, сосуды из стекла данной группы изготовлены из «чистого» сырца или с минимальным добавлением стеклобоя (на этапе варки или в мастерской по производству готовых изделий).

Из шести образцов группы 8 (группа HIMT египетского происхождения, время распространения во Фронтовом — IV в., возможно, исключая начало — рубеж IV/V вв.) три содержат сурьму в концентрации до 8 ppm, из которых один имеет выраженные признаки применения стеклобоя — медь в концентрации 124 ppm; еще один образец отличает повышенное содержание сурьмы (832 ppm), а также чуть более высокое, по сравнению с «чистыми» от признаков вторичного использования группами, суммарное содержание металлов, маркирующих вторичное использование стекла — 111 ppm (в т.ч. 60 ppm меди) (табл. 1: 11). В целом общее содержание связанных с красителями металлов в данной группе выше, чем в «чистом» стекле ранней части могильника — от 60 до 197 ppm. Здесь, однако, нужно отметить, что и для сырца данной группы бывает характерно более высокое содержание перечисленных элементов, что может говорить об использовании стеклобоя уже на этапе варки стекла (Foy et al. 2003: Annexe 1: 49—53, 82—87); содержание сурьмы, однако, в сырце насчитывает 15—20, а не сотни ppm.

Стекло групп 6 и 7 (египетского происхождения — см. Румянцева 2022б) — самое многочисленное на могильнике — очень разнородно по концентрациям микропримесей, маркирующих применение стеклобоя (табл. 1: 7—10). Во Фронтовом стекло этих групп встречается в захоронениях в IV в. (возможно, исключая его начало), доживая до финала могильника. Группа 6 идентична по составу средиземноморской серии Foy-3.2, группа 7 занимает промежуточное положение между сериями Foy-3.2 и распространенной в более позднее время Foy-2.1 (вторая половина V/VI — первая половина VII в.) (Румянцева 2022б).

Из 16 образцов группы 6 четыре не имеют признаков вторичного использования стекла (содержание сурьмы — до 5 ppm, сумма кобальта, меди, олова и свинца — до 31 ppm) (табл. 1: 7). В 11 они в разной степени выражены (табл. 1: 8), при этом большинство из них говорит об интенсивной вторичной переработке (концентрация сурьмы — 50—970 ppm, сумма остальных маркеров — 24—326 ppm). В одном образце они выражены исключительно сильно — суммарное содержание меди, кобальта, олова и свинца составляет 2417 ppm (в том числе меди — 1072 ppm, олова — 86 ppm, свинца — 1253 ppm).

Из 23 образцов группы 7 признаков вторичной переработки не имеют также три (содержание сурьмы — до 6 ppm, сумма прочих металлов — 15—40 ppm — табл. 1: 9); в 19 выражены признаки интенсивной вторичной переработки (концентрация сурьмы — 229—1382 ppm, сумма прочих маркеров — 82—780 ppm — табл. 1: 10). В одном образце признаки вторичной переработки выражены исключительно сильно — сумма кобальта, меди, олова и свинца в нем составляет 9026 ppm при содержании сурьмы 310 ppm.

Столь выраженные признаки интенсивного вторичного использования стекла, выявленные для группы 6 во Фронтовом, в целом не типичны для стекла данной группы на территории Римской империи (Foy-3.2; Cholakova, Rehren 2018: 64). Однако на периферии империи, в зонах, очевидно, недостаточно хорошо снабжавшихся «свежим» сырцом, наблюдается схожая картина. Считается, что выделенная на материалах римской Британии группа HIMT-2 — это результат смешения стекла серии Foy-3.2 со стеклобоем; нижняя дата распространения стекла данной группы определяется 330-ми годами (Foster, Jackson 2009; Jackson, Foster 2014; Schibille 2022: 39), т.е., очень близка хронологически группе 6 из Фронтового. На поселении Комаров на Среднем Днестре, где была изучена стеклоделательная мастерская, наряду с «чистым» сырцом, зафиксированы единичные куски эрклеза (невыработанной стекломассы) группы Foy-3.2 с признаками вторичной переработки (Rumyantseva et al. 2023). В отличие от серии Foy-3.2, стекло серии Foy-2.1 в Западной и Центральной Европе — более позднее по времени распространения — имеет выраженные признаки использования стеклобоя, причем, очевидно, уже на этапе варки стекла (Foy et al. 2003; Cholakova, Rehren 2018: 65; De Juan Ares et al. 2019: 28). Во Фронтовом группа 7 абсолютно лидирует по выраженности признаков вторичной переработки — здесь зафиксированы самые высокие содержания ее маркеров (за исключением сурьмы, содержание которой выше в группе 4). В Комарове стекло, аналогичное по составу группе 7, также имеет признаки вторичного использования, однако среднее содержание маркеров переработки в нем ниже (Rumyantseva et al. 2023).

Стекло группы 9 не обладает однородным составом, позволяющим соотнести его с какой-либо из известных нам средиземноморских групп. В нее были объединены изделия из стекла, полученного, предположительно, в результате смешения материала разных групп позднего горизонта. Поэтому довольно неожиданно, что более половины из них (9 образцов из 13) не несут признаков интенсивного вторичного использования стекла (содержание сурьмы — до 9 ppm, сумма прочих маркеров — 18—88 ppm) (табл. 1: 12). В остальных четырех эти признаки выражены в разной степени (концентрация сурьмы — 270—1037 ppm, сумма прочих маркеров — 36—228 ppm — табл. 1: 13). Таким образом, состав и происхождение стекла данной группы нуждаются в более глубоком дальнейшем изучении.

Находки сосудов из стекла групп 6 и особенно 7 — среди самых массовых на могильнике и абсолютно преобладают в его поздней части. Кроме того, большинство

сосудов предположительно местного (херсонесского?) производства изготовлены из стекла именно этих групп. Речь идет, в первую очередь, о серии стаканов типа I (группы 6, 7) и находке стакана типа II.1 (группа 7), выделенных на материалах могильника Дружное (рис. 4). В IV в. они становятся самыми популярными типами посуды у варварского населения Центрального и Юго-Западного Крыма и одними из самых распространенных в предгорном Крыму (Храпунов 2002: 56; Gavritukhin et al. 2021: 102).

Помимо групп 6 и 7, стаканы данных предположительно «локальных» типов изготовлены также из стекла группы 5 (левантийского происхождения) и «смешанного» группы 4 с двумя обесцвечивателями; один экземпляр типа II.1 изготовлен также из обесцвеченного сурьмой стекла без признаков вторичной переработки.

Сопоставление «локальных» форм с составом стекла, из которого они сделаны, подтверждают, таким образом, предположение о том, что в качестве сырья для местного производства в юго-западном Крыму служили группы стекла, в составе которых присутствует высокая доля стекла вторичной переработки: группа 6 (Foy-3.2), группа 7 (Foy-3.2/2.1), «смешанного» группы 4 с марганцем и сурьмой. Особое место среди них занимает стекло группы 5 сиро-палестинского происхождения: оно не несет выраженных признаков вторичной переработки, однако «местные» формы стаканов из такого стекла делались. Предположение о его использовании в локальном производстве косвенно подтверждается и наличием в одном из погребений могильника двух колбообразных бутылей, изготовленных из единой порции стекла, для которых мы также предполагали ранее местное производство (Румянцева 2022а) (рис. 3: 7, 8). Интересная параллель в тактике использования сиро-палестинского стекла прослеживается в римской Британии: там, на окраине Римской империи, где применение в производстве стеклобоя интенсивно практиковалось, стекло левантийской I группы также не несет признаков вторичной переработки; правда, в том случае речь идет о естественно окрашенном, не обесцвеченном стекле (Jackson, Foster 2014: 10, 12). Возможно, это обусловлено какими-то технологическими причинами.

В стекле двух сосудов групп 6 и 7 маркеры, связанные с красителями, присутствуют в особенно высоких концентрациях (погребения 50 и 51, стакан типа I по И.Н. Храпунову и конический кубок с синими налепами (рис. 5: 1, 2); медь — 1072 и 1681 ppm (0,11 и 0,17%), свинец — 1252 и 6908 ppm (0,12 и 0,69 %), олово — 86 и 413 ppm). Подобные концентрации данных элементов, в первую очередь — меди и свинца, чаще всего встречаются в средневековом неокрашенном стекле — на этапе, когда европейские мастерские начинают испытывать недостаток в поступлении «свежего» сырца из восточносредиземноморских стекловаренных центров, и основным сырьем становится стекольный бой более раннего времени. Считается, что данные элементы либо накапливаются в ходе многократных переплавок, либо попадают в стекло при намеренном добавлении для объема определенной доли окрашенного материала — например, римских мозаик (Jackson 1996; Schibille, Freestone 2013). Однако иногда подобное стекло встречается и в более раннее время, в т.ч. в позднеримское (Verita 2009; Rumyantseva et al. 2023). Во Фронтовом одно из захоронений с сосудами из подобного стекла относится к гуннскому времени (Гавритухин и др. 2020б: 240), дата второго нуждается в уточнении. Не исключено, что мастерские, из которых происходят данные сосуды, испытывали сложности с поставками сырья для производства, однако, учитывая единичный характер таких находок, обсуждать эту особенность преждевременно.

Зависимости между формами сосудов, датой погребения и степенью выраженности признаков вторичного использования для групп 6 и 7 не выявляется. Стакан типа I по системе И.Н. Храпунова в одном случае изготовлен из «чистого» стекла (группа 7, погребение 51), в одном — из стекла, в котором признаки вторичного использования выражены особенно интенсивно (группа 6, погребение 50). В двух случаях сосуды из «чистого» от примесей-маркеров стекла группы 7 происходят из могил гуннского времени — позднейших на памятнике (погребения 51, 86 — см. Гавритухин и др., 2020). В погребении 51 гуннского времени стакан типа 1 без признаков вторичного использования стекла найден вместе с коническим кубком, в стекле которого эти признаки выражены наиболее интенсивно.

Сосуды, изготовленные из единой порции стекла

Ранее мы высказывали предположение, что в шести случаях пары сосудов абсолютно идентичного состава, происходящих из одного погребения, изготовлены из единой порции стекла. Они, скорее всего, являются продукцией местного производства — в этом случае шансы пройти весь путь от мастерской до потребителя и в итоге оказаться в одном комплексе у них были выше, чем у далеких импортов — особенно с учетом того, что такой пример не единичен (Румянцева 2022а). Данные по содержанию микроэлементов в целом не противоречат результатам изучения основного состава[3]. Помимо упомянутых выше колбообразных бутылей из стекла группы 5 (погребение 41) и стакана и чаши из стекла «смешанного» состава (погребение 250), в таких парах встречены два кувшина разных типов (Румянцева, 2022а: рис. 1: 2, 4) и еще несколько колб, изготовленных из стекла групп 6 и 7 (Foy-3.2 и Foy-3.2/2.1) (рис. 3). То есть, на основе этих данных получается тот же набор групп стекла, предположительно использовавшихся в местном производстве, что и при комплексном анализе состава, морфологии и планиграфического распределения сосудов.

Время распространения стекла групп 6 и 7 — IV в., возможно, исключая его начало — рубеж IV/V вв. — хорошо согласуется с датой свидетельств стеклоделательного производства конца IV — первой половины V в., изученных в XXV квартале Херсонеса (Голофаст 1998: 316).

Заключение

На основе данных о содержании следовых элементов, среди стекла могильника Фронтовое выделяется две модели его использования при изготовлении посуды. Одна из них — применение чистого сырца или с очень незначительной примесью стеклобоя, признаки которого практически не фиксируются в составе (возможно, добавлялся на этапе варки в стекловаренном центре) — характерна в большей степени для стекла сиро-палестинского происхождения и ранней группы высококачественного египетского стекла. Результаты анализов показывают, что для перечисленных групп «естественное» содержание маркеров использования вторсырья крайне низко и даже суммарно не достигает 100 ppm, обычно не превышая уровень в 50—70 ppm. Вторая модель — интенсивное вторичное использование стекла в мастерских по производству посуды, найденной в могильнике Фронтовое 3. Судя по косвенным признаками, выявленным на основе данных о составе, морфологии и планиграфическом распределении находок на территории памятника, можно полагать, что интенсивное вторичное использование стекла было характерно для местного стеклоделательного производства, существовавшего в Юго-Западном Крыму (вероятнее всего, в Херсонесе). Его сырьевой базой, таким образом, было привозное стекло-сырец, который смешивался с высокой долей стеклобоя. Судя по этим данным, производство стеклянной посуды появляется в регионе уже во II в. Это не означает, однако, что все сосуды из стекла подобного сосуда связаны с местным производством — среди них есть, безусловно, и далекие импорты.

В то же время, все полученные нами данные являются косвенными. Ограничения исследуемого источника обусловлены еще и тем, что исследован один (хотя и полностью раскопанный) памятник из округи Херсонеса. Эти данные было бы интересно сопоставить с результатами аналогичного исследования стекла из городских слоев и некрополя Херсонеса. Окончательные выводы могут быть сделаны после исследования, в т.ч. археометрического, непосредственно свидетельств стеклоделательного производства в городских слоях рассматриваемого периода.

[3] Результаты анализа в настоящее время готовятся к публикации

Литература

Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. 2007. *Коллекция стекла античной Горгиппии*. Москва: Интербук-бизнес.

Белов Г.Д. 1965. Стеклоделие в Херсонесе. *СА* 3, 237—239.

Белов Г.Д. 1969. Стеклоделательная мастерская в Хероснесе. *КСИА* 116, 80—84.

Гавритухин И.О. 2022. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 (типология и хронология). В: Мастыкова А.М., Хайрединова Э.А. (отв. ред.). *Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи.* Москва: ИА РАН, 22—42.

Гавритухин и др. 2020а: Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* 2, 91—110.

Гавритухин и др. 2020б: Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. 2020. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности). *Stratum plus* 4, 235—247.

Голофаст Л.А. 1998. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе. *МАИЭТ* VI, 312—326.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П. 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора. *ТГЭ* 13, 146—177.

Румянцева О.С. 2022а. Состав стекла из могильника Фронтовое 3 и локальное стеклоделательное производство в Юго-Западном Крыму. Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи. В: Мастыкова А.М., Хайрединова Э.А. (отв. ред.). *Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи.* Москва: ИА РАН, 54—62.

Румянцева О.С. 2022б. Стекло могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: хронология, динамика распространения и производственные центры (по данным химического состава). *МАИЭТ* XXVII, 72—116.

Румянцева и др. 2019: Румянцева О.С., Кадиева А.А., Демиденко С.В., Ханин Д.А., Червяковская М.В., Трифонов А.А. 2019. Стеклянные изделия раннесредневековых могильников горной зоны центральных районов Северного Кавказа: химический состав и данные о происхождении. *КСИА* 255, 32—49.

Суханов Е.В. 2021. Краснолаковая керамика конца I — первой половины III вв. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ). *Stratum plus* 4, 211—220.

Храпунов И.Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. н.э.)*. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Brems et al. 2012: Brems D., Degryse P., Hasendoncks F., Gimeno D., Silvestri A., Vassilieva E., Luypaers S., Honings J. 2012. Western Mediterranean sand deposits as a raw material for Roman glass production. *JAS* 39, 2835—2907.

Cholakova et al. 2017: Cholakova A., Rehren Th., Gratuze B., Lankton J. 2017. Glass Coloring Technologies of Late Roman Cage Cups: Two Examples from Bulgaria. *JGS* 59, 117—133.

Cholakova A., Rehren T. 2018. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution. In: Rosenow D., Phelps M., Meek A., Freestone I. (eds.). *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE.* London: UCL Press, 46—71.

Degryse P. (ed) 2014. *Glass Making in the Greco-Roman World*. Leuven: Leuven University Press (Studies in Archaeological Sciences 4).

De Juan Ares et al. 2019: De Juan Ares J., Vigil-Escalera Guirada A., Cáceres Gutiérrez Y., Schibille N. 2019. Changes in the supply of eastern Mediterranean glasses to Visigothic Spain. *JAS* 107, 23—31.

Foster H.E., Jackson C.M. 2009. The composition of “naturally coloured” late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply. *JAS* 36, 189—204.

Foster H.E., Jackson C.M. 2010. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption. *JAS 37*, 3068—3080.

Foy D. 2003. Recyclages et réemplois dans l’artisanat du verre. Quelques exemples antiques et médiévaux. In: Ballet P., Cordier P., Dieudonné-Glad N. (eds.). *La ville et ses déchets dans le monde romain. Rebuts et recyclages (Actes du colloque 19-21 sept. 2002, Poitiers).* Montagnac: Éditions Monique Mergoil, 271—276.

Foy et al. 2000: Foy D., Vichy M., Picon M. 2000. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Age. In: Pétrequin P., Fluzin Ph., Thiriot J., Benoit P. (eds.). *Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres internationales d’Archéologie et d’Histoire d’Antibes (21-23 octobre 1999)*. Antibes: Éditions APDCA, 419—433.

Foy et al. 2003: Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. 2003. Caractérisation des verres de la fin de l’Antiquité en Méditerranée occidentale: l’émergence de nouveaux courants commerciaux. In: Foy D., Nenna M.-D. (eds.). *Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l’AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7-9 juin 2001*. Montagnac: Éditions Monique Mergoil, 41—85.

Foy et al. 2004: Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M. 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine. *Revue d'Archéométrie* 28, 169—177.

Freestone I.C. 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches. *JGS* 57, 29—40.

Freestone et al. 2000: Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Hughes M.J. 2000. Composition of primary glass from Israel. In: Nenna M.-D. (ed.). *La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 65—84 (Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen 33).

Gavritukhin et al. 2021: Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S. The cemetery of Frontovoe 3: New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods *Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied* 68 (1), 87—118. DOI: https://doi.org/10.31577/szausav.2021.68.4.

Gliozzo E. 2017. The composition of colourless glass: a review. *Archaeological and Anthropological Science* 9, 455—483

Gliozzo et al. 2015: Gliozzo E., Lepri B., Sagui L., Turbanti Memmi I. 2015. Colourless glass from the Palatine and Esquiline hills in Rome (Italy). New data on antimony- and manganese-decoloured glass in the Roman period. *Archaeological and Anthropological Sciences* 9 (2), 165—180. DOI: 10.1007/s12520-015-0264-1.

Gratuze B. 2018. Contribution à l'étude des verres décolorés à l'antimoine. In: Foy D., Labaune-Jean F., Leblond C., Martin Pruvot Ch., Marty M.-Th., Massart C., Munier C., Robin L., Roussel-Ode J. *Verres incolores de l'Antiquité romaine en Gaule et aux marges de la Gaule.* Vol. 2. *Typologie—Analyses*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 42).

Jackson C. 1996. From Roman to early medieval glasses. Many happy returns or a new birth. In: *Annales du 13e Congrès De l'Association Internationale Pour l'histoire Du Verre*. Loche: AIHV, 289—301.

Jackson C., Foster H. 2014. The last Roman glass in Britain: recycling at the periphery of the empire. In: Keller D., Price J., Jackson C. (eds.). *Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD*. Oxford, Philadelphia: Oxbow, 6—14.

Keller D. 2004: Social and economic aspects of glass recycling. In: Bruhn J., Croxford B., Grigoropoulos D. (eds.). *TRAC 2004: Proceedings of the Fourteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference. Durham, 2004.* Oxford: Oxbow, 65—78.

Nagel et al. 2018: Nagel S., Paz B., Behrendet S. 2018. Tief ins Glas geschaut... Das Potenzial zerstörungsfreier Analysemethoden am Beispiel spätantiker figürlich gravierter Gläser. *Archäometrie und Denkmalpflege*, 136—139.

Nenna M.-D., Picon M., Vichy M. 1997. L'atelier de verrier de Lyon et l'origine des verres "romains". *Revue d'archéométrie* 21, 81—87.

Paynter S. 2006. Analyses of colourless Roman glass from Bilchester, County Durham, *JAS* 33, 1037—1057.

Price J. 1998. The social context of glass production in Roman Britain. In: McCray P., Kingery W.D. (eds.). *The prehistory and history of glassmaking technology.* Westerville: American Ceramic Society, 331—348 (Ceramics and Civilization 8).

Rumyantseva et al. 2023: Rumyantseva O., Trifonov A., Khanin D., Chervyakovskaya M., Chervyakovskiy V. 2023. Raw glass and glassworking practices beyond the Roman limes: A case study of the late Roman workshop in Komarov (Middle Dniester, Western Ukraine). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 74 (1), 51—69.

Schibille N. 2022. *Islamic glass in the making: Chronological and geographical dimensions*. Leuven: Leuven University Press (Studies in Archaeological Sciences 7).

Schibille N., Freestone I.C. 2013. Composition, Production and Procurement of Glass at San Vincenzo al Volturno: An Early Medieval Monastic Complex in Southern Italy. *PLoS ONE* 8(10): e76479. DOI: 10.1371/journal.pone.0076479.

Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I.C. 2016. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage. *Archaeological and Anthropological Sciences* 9 (6), 1223—1241.

Silvestri A., Molin G., Salviulo G. 2008. The colourless glass of Iulia Felix. *JAS* 35, 331—341.

Stern E.M. 1999. Roman Glassblowing in a Cultural Context. *American Journal of Archaeology* 103. No. 3, 441—484.

Verità M. 2009. Italian window glass chemical composition from the Roman time to the 18th century. In: Lagabrielle S., Philippe M. (dir.). *Verre Et Fenêtre de L'Antiquité Au XVIIIe Siècle: Actes Du Premier Colloque International de L'association Verre & Histoire, Paris-La Défense-Versailles, 13-15 Octobre 2005*. Paris: Verre et histoire.

Whitehouse D. 1999. Glass in the Epigrams of Martial. *JGS* 41, 73—81.

Whitehouse D. 2004. Glass in the Price Edict of Diokletian. *JGS* 46, 189—191.

References

Alekseeva, E.M., Sorokina, N.P. 2007. *Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii (Antique Gorgippia glass collection)*. Moscow: Interbuk-biznes (in Russian).

Belov, G.D. 1965. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 237—239 (in Russian).

Belov, G.D. 1969. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of. Archaeology)* 116, 80—84 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2022. In: Mastykova, A.M., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The burial ground of the Roman period Front-line-3: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 22—42 (in Russian).

Gavritukhin et al. 2020a: Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 91—110 (in Russian).

Gavritukhin et al. 2020b: Gavritukhin, I.O., Mastykova, A.V., Sviridov, A.N., Sukhanov, E.V., Yazikov, S.V. 2020. In *Stratum plus* 4, 235—247 (in Russian).

Golofast, L.A. 1998. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VI, 312—326 (in Russian).

Kunina, N.Z., Sorokina, N.P. 1972. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* 13, 146—177 (in Russian).

Rumyantseva, O.S. 2022a. In: Mastykova, A.M., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The burial ground of the Roman period Front-line-3: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 54—62 (in Russian).

Rumyantseva, O.S. 2022b. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXVII, 72—116 (in Russian).

Rumyantseva et al. 2019: Rumyantseva, O.S., Kadiyeva, A.A., Demidenko, S.V., Khanin, D.A., Chervyakovskaya, M.V., Trifonov, A.A. 2019. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of. Archaeology)* 255, 32—49 (in Russian).

Sukhanov, E.V. 2021. In *Stratum plus* 4, 211—220 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoye (III—IV vv. n.e.) (Druzhnoye burial ground (3rd — 4th centuries CE))*. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).

Brems et al. 2012: Brems, D., Degryse, P., Hasendoncks, F., Gimeno, D., Silvestri, A., Vassilieva, E., Luypaers, S., Honings, J. 2012. Western Mediterranean sand deposits as a raw material for Roman glass production. *JAS* 39, 2835—2907.

Cholakova et al. 2017: Cholakova, A., Rehren, Th., Gratuze, B., Lankton, J. 2017. Glass Coloring Technologies of Late Roman Cage Cups: Two Examples from Bulgaria. *JGS* 59, 117—133.

Cholakova, A., Rehren, T. 2018. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution. In: Rosenow, D., Phelps, M., Meek, A., Freestone, I. (eds.). *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE.* London: UCL Press, 46—71.

Degryse, P. (ed) 2014. *Glass Making in the Greco-Roman World*. Leuven: Leuven University Press (Studies in Archaeological Sciences 4).

De Juan Ares et al. 2019: De Juan Ares, J., Vigil-Escalera Guirada, A., Cáceres Gutiérrez, Y., Schibille, N. 2019. Changes in the supply of eastern Mediterranean glasses to Visigothic Spain. *JAS* 107, 23—31.

Foster, H.E., Jackson, C.M. 2009. The composition of "naturally coloured" late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply. *JAS* 36, 189—204.

Foster, H.E., Jackson, C.M. 2010. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption. *JAS 37*, 3068—3080.

Foy, D. 2003. Recyclages et réemplois dans l'artisanat du verre. Quelques exemples antiques et médiévaux. In: Ballet, P., Cordier, P., Dieudonné-Glad, N. (eds.). *La ville et ses déchets dans le monde romain. Rebuts et recyclages (Actes du colloque 19-21 sept. 2002, Poitiers).* Montagnac: Éditions Monique Mergoil, 271—276.

Foy et al. 2000: Foy, D., Vichy, M., Picon, M. 2000. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Age. In: Pétrequin, P., Fluzin, Ph., Thiriot, J., Benoit, P. (eds.). *Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes (21-23 octobre 1999)*. Antibes: Éditions APDCA, 419—433.

Foy et al. 2003: Foy, D., Picon, M., Vichy, M., Thirion-Merle, V. 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux. In: Foy, D., Nenna, M.-D. (eds.). *Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7-9 juin 2001*. Montagnac: Éditions Monique Mergoil, 41—85.

Foy et al. 2004: Foy, D., Thirion-Merle, V., Vichy, M. 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine. *Revue d'Archéométrie* 28, 169—177.

Freestone, I.C. 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches. *JGS* 57, 29—40.

Freestone et al. 2000: Freestone, I.C., Gorin-Rosen, Y., Hughes, M.J. 2000. Composition of primary glass from Israel. In: Nenna, M.-D. (ed.). *La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 65—84 (Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen 33).

Gavritukhin et al. 2021: Gavritukhin, I., Golofast, L., Mastykova, A., Sukhanov, E., Sviridov, A., Yazikov, S. The cemetery of Frontovoe 3: New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods *Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied* 68 (1), 87—118. DOI: https://doi.org/10.31577/szausav.2021.68.4.

Gliozzo, E. 2017. The composition of colourless glass: a review. *Archaeological and Anthropological Science* 9, 455—483

Gliozzo et al. 2015: Gliozzo, E., Lepri, B., Sagui, L., Turbanti Memmi, I. 2015. Colourless glass from the Palatine and Esquiline hills in Rome (Italy). New data on antimony- and manganese-decoloured glass in the Roman period. *Archaeological and Anthropological Sciences* 9 (2), 165—180. DOI: 10.1007/s12520-015-0264-1.

Gratuze, B. 2018. Contribution à l'étude des verres décolorés à l'antimoine. In: Foy, D., Labaune-Jean, F., Leblond, C., Martin Pruvot, Ch., Marty, M.-Th., Massart, C., Munier, C., Robin, L., Roussel-Ode, J. *Verres incolores de l'Antiquité romaine en Gaule et aux marges de la Gaule.* Vol. 2. *Typologie—Analyses*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 42).

Jackson, C. 1996. From Roman to early medieval glasses. Many happy returns or a new birth. In: *Annales du 13e Congrès De l'Association Internationale Pour l'histoire Du Verre*. Loche: AIHV, 289—301.

Jackson, C., Foster, H. 2014. The last Roman glass in Britain: recycling at the periphery of the empire. In: Keller, D., Price, J., Jackson, C. (eds.). *Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD*. Oxford, Philadelphia: Oxbow, 6—14.

Keller, D. 2004: Social and economic aspects of glass recycling. In: Bruhn, J., Croxford, B., Grigoropoulos, D. (eds.). *TRAC 2004: Proceedings of the Fourteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference. Durham, 2004.* Oxford: Oxbow, 65—78.

Nagel et al. 2018: Nagel, S., Paz, B., Behrendet, S. 2018. Tief ins Glas geschaut... Das Potenzial zerstörungsfreier Analysemethoden am Beispiel spätantiker figürlich gravierter Gläser. *Archäometrie und Denkmalpflege*, 136—139.

Nenna, M.-D., Picon, M., Vichy, M. 1997. L'atelier de verrier de Lyon et l'origine des verres "romains". *Revue d'archéométrie* 21, 81—87.

Paynter, S. 2006. Analyses of colourless Roman glass from Bilchester, County Durham, *JAS* 33, 1037—1057.

Price, J. 1998. The social context of glass production in Roman Britain. In: McCray, P., Kingery, W.D. (eds.). *The prehistory and history of glassmaking technology*. Westerville: American Ceramic Society, 331—348 (Ceramics and Civilization 8).

Rumyantseva et al. 2023: Rumyantseva, O., Trifonov, A., Khanin, D., Chervyakovskaya, M., Chervyakovskiy, V. 2023. Raw glass and glassworking practices beyond the Roman limes: A case study of the late Roman workshop in Komarov (Middle Dniester, Western Ukraine). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 74 (1), 51—69.

Schibille, N. 2022. *Islamic glass in the making: Chronological and geographical dimensions*. Leuven: Leuven University Press (Studies in Archaeological Sciences 7).

Schibille, N., Freestone, I.C. 2013. Composition, Production and Procurement of Glass at San Vincenzo al Volturno: An Early Medieval Monastic Complex in Southern Italy. *PLoS ONE* 8(10): e76479. DOI: 10.1371/journal.pone.0076479.

Schibille, N., Sterrett-Krause, A., Freestone, I.C. 2016. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage. *Archaeological and Anthropological Sciences* 9 (6), 1223—1241.

Silvestri, A., Molin, G., Salviulo, G. 2008. The colourless glass of Iulia Felix. *JAS* 35, 331—341.

Stern, E.M. 1999. Roman Glassblowing in a Cultural Context. *American Journal of Archaeology* 103. No. 3, 441—484.

Verità, M. 2009. Italian window glass chemical composition from the Roman time to the 18th century. In: Lagabrielle, S., Philippe, M. (dir.). *Verre Et Fenêtre de L'Antiquité Au XVIIIe Siècle: Actes Du Premier Colloque International de L'association Verre & Histoire, Paris-La Défense-Versailles, 13-15 Octobre 2005*. Paris: Verre et histoire.

Whitehouse, D. 1999. Glass in the Epigrams of Martial. *JGS* 41, 73—81.

Whitehouse, D. 2004. Glass in the Price Edict of Diokletian. *JGS* 46, 189—191.

Таблица 1. Содержание маркеров вторичного использования в стекле могильника Фронтовое 3 по группам, выделенных по основному составу (в ppm)[4]

№ п/п	Группа стекла	Кол-во образцов	Sb	Mn	Co	Cu	Sn	Pb	Co+Cu+Sn+Pb
1	Группа 1 (римское зелено-голубое)	10	< ПО-6; 16*	143*; 436—5105	1—15	3—42	<ПО-2	4—23	9—68
2	Группа 2 (римское бесцветное)	8	<ПО-8; 30*; 267*	осн.	2—16	5—47; 81*	0,5—3; 9*	4—10; 128*	19—60; 102*; 194*
3	Группа 3 (Foy-4, Sb), «чистые»	17	осн.	78—130	0,8—1	5—11	<ПО-1	14—31	17—43
4	Группа 3 (Foy-4, Sb), с признаками вторичного использования	4	осн.	294—577	1—2	8—18	0,6—5	25—67	35—88
5	Группа 4 («смешанное» Mn-Sb)	36	1382—4328	2085—5131	3—11	12—86	1—23	21—274	39—543
6	Группа 5 (левантийская I — Джаламе)	9	<1,5; 27*; 44*	осн.	3—18	5—48	<1	5—9	17—39; 71*; 75*
7	Группа 6 (Foy-3.2), «чистые»	4	3—5	осн.	4—5	4—16	0,4—10; 86*	4—8	12—31
8	Группа 6 (Foy-3.2), с признаками вторичного использования	12	50—970	осн.	4—15	11—99; 230*; 1073*	0,3—2	10—150; 1252*	24—326; 2417*
9	Группа 7 (Foy-3.2/2.1), «чистые»	3	1—6	осн.	4—5	6—27	0,6—2	4—7	15—40
10	Группа 7 (Foy-3.2/2.1), с признаками вторичного использования	20	229—755; 1382	осн.	5—22	42—235	3—27	30—412; 6908*	82—680; 9026*
11	Группа 8 (HIMT)	6	0,6—8; 69*; 832*	осн.	6—18	37—83*; 124	1—6	10—54	60—197
12	Группа 9, относительно «чистые»	9	0,5—9; 17	осн.	2—5; 21*	18—58	0,7—1,3	4—7	18—88
13	Группа 9, с признаками вторичного использования	4	270—1037	осн.	4—6	35—123	0,7—8	12—92	36—228

[4] <ПО — ниже предела обнаружения, * — содержание в одном из образцов, ppm — parts per million (1 ppm = 0,0001 масс. %).

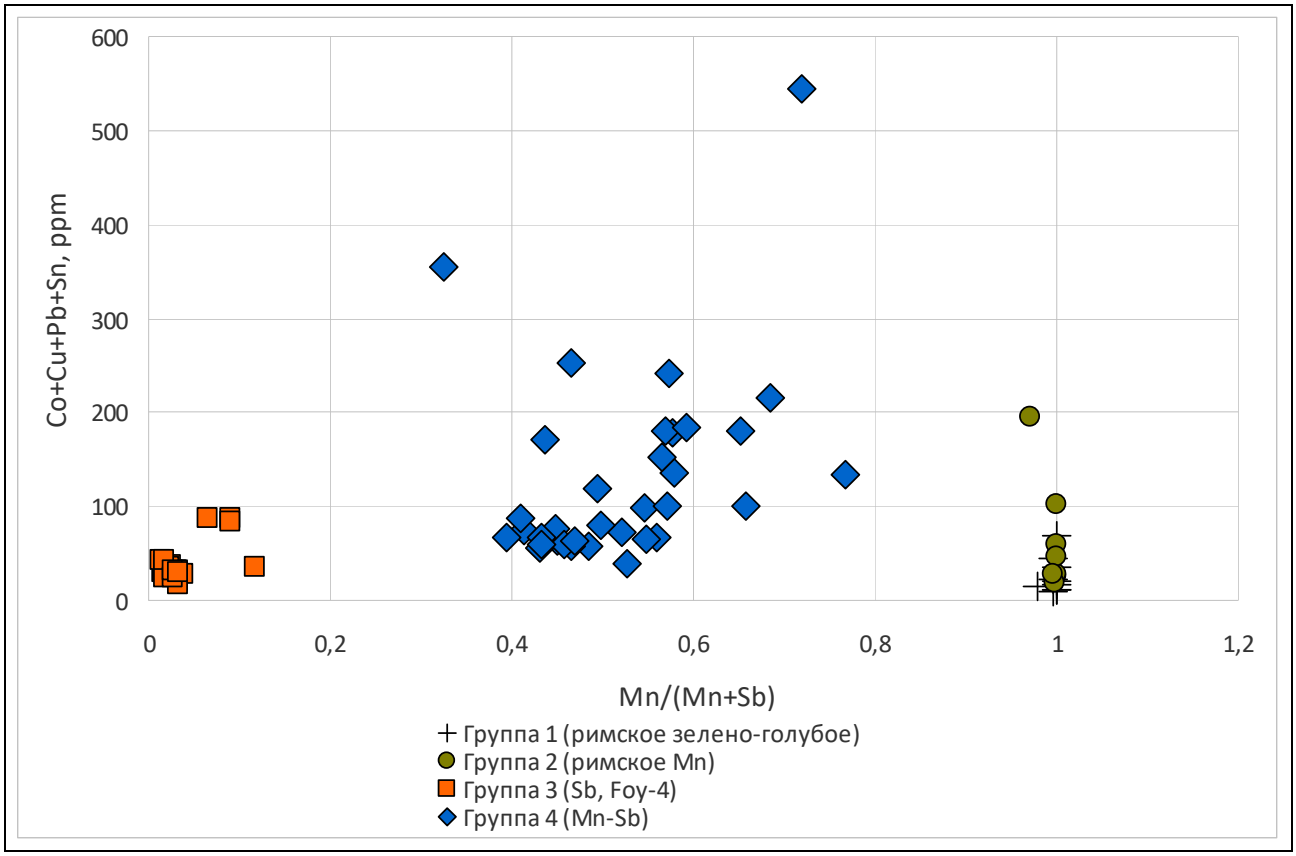


Рис. 1. Содержание маркеров вторичного использования в стекле сосудов ранней части могильника (группы 1—4).

Fig. 1. The content of recycling markers in the glass of vessels from the early part of the burial ground (groups 1—4).

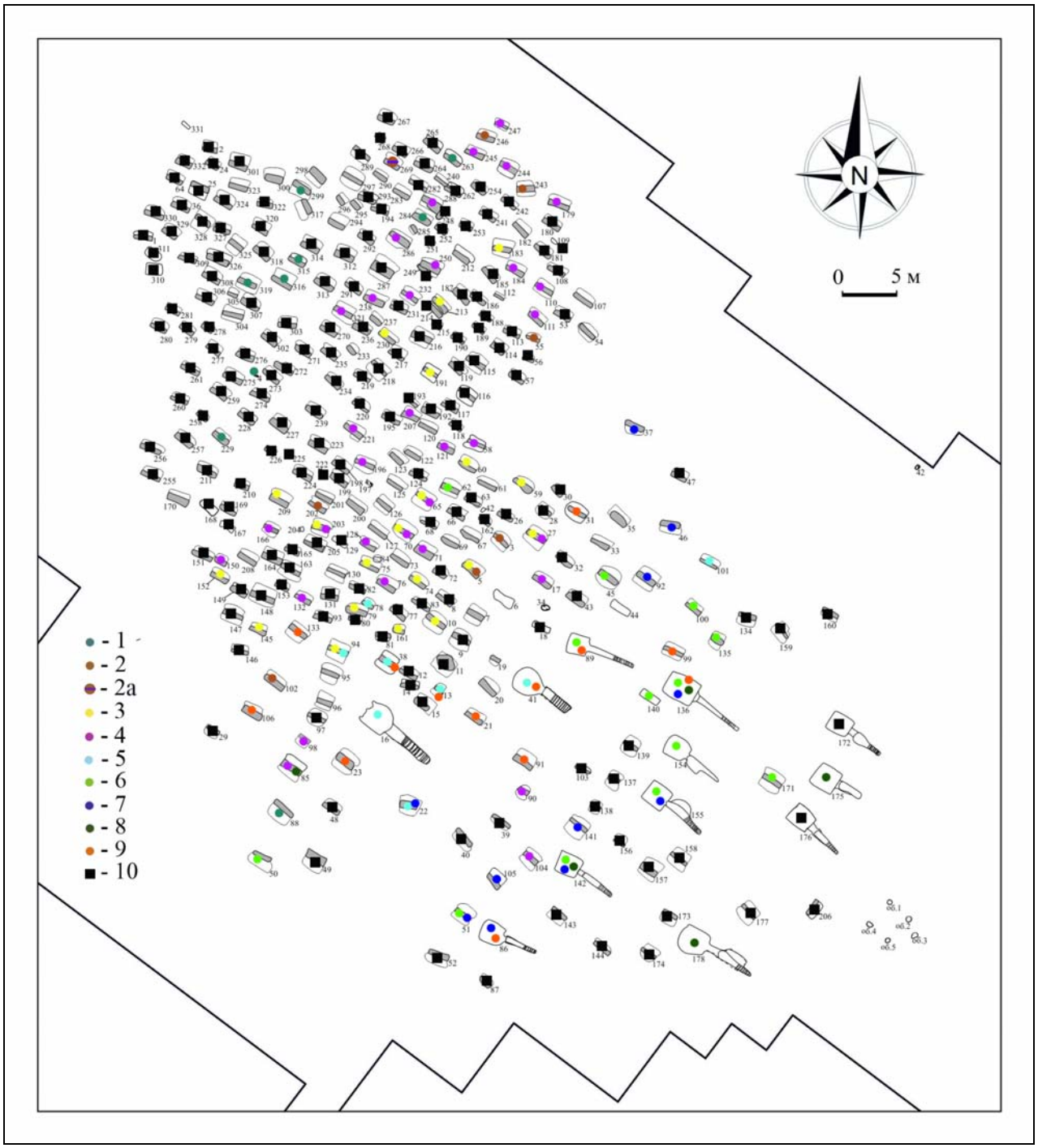


Рис. 2. Распределение стекла различных групп на плане могильника Фронтовое 3 (по Румянцева 2022б: рис. 1, с дополнениями): *1* — группа 1 («римское» зелено-голубое); *2* — группа 2 («римское» бесцветное); 2а — группа 2, фиолетовое прозрачное; *3* — группа 3 (обесцвеченное сурьмой); *4* — группа 4 («смешанное» Mn+Sb); *5* — группа 5 (Джаламе/левантийская I группа, бесцветное); *6* — группа 6 (серия Foy-3.2); *7* — группа 7 (серия Foy-3.2/2.1); *8* — группа 8 (HIMT); *9* — группа 9 (результат вторичного использования — ?); *10* — погребения без стеклянных сосудов.

Fig. 2. Distribution of glass of various groups on the plan of the Frontovoye 3 burial ground (after Rumyantseva 2022b: Fig. 1, with additions): *1* — group 1 (Roman blue-green); *2* — group 2 (Roman colourless); 2a — group 2, purple translucent; *3* — group 3 (decolourized with antimony); *4* — group 4 (“mixed” Mn+Sb); *5* — group 5 (Jalame/Levantine I group, colorless); *6* — group 6 (Foy-3.2 series); *7* — group 7 (Foy-3.2/2.1 series); *8* — group 8 (HIMT); *9* — group 9 (result of recycling — ?); *10* — burials without glass vessels.

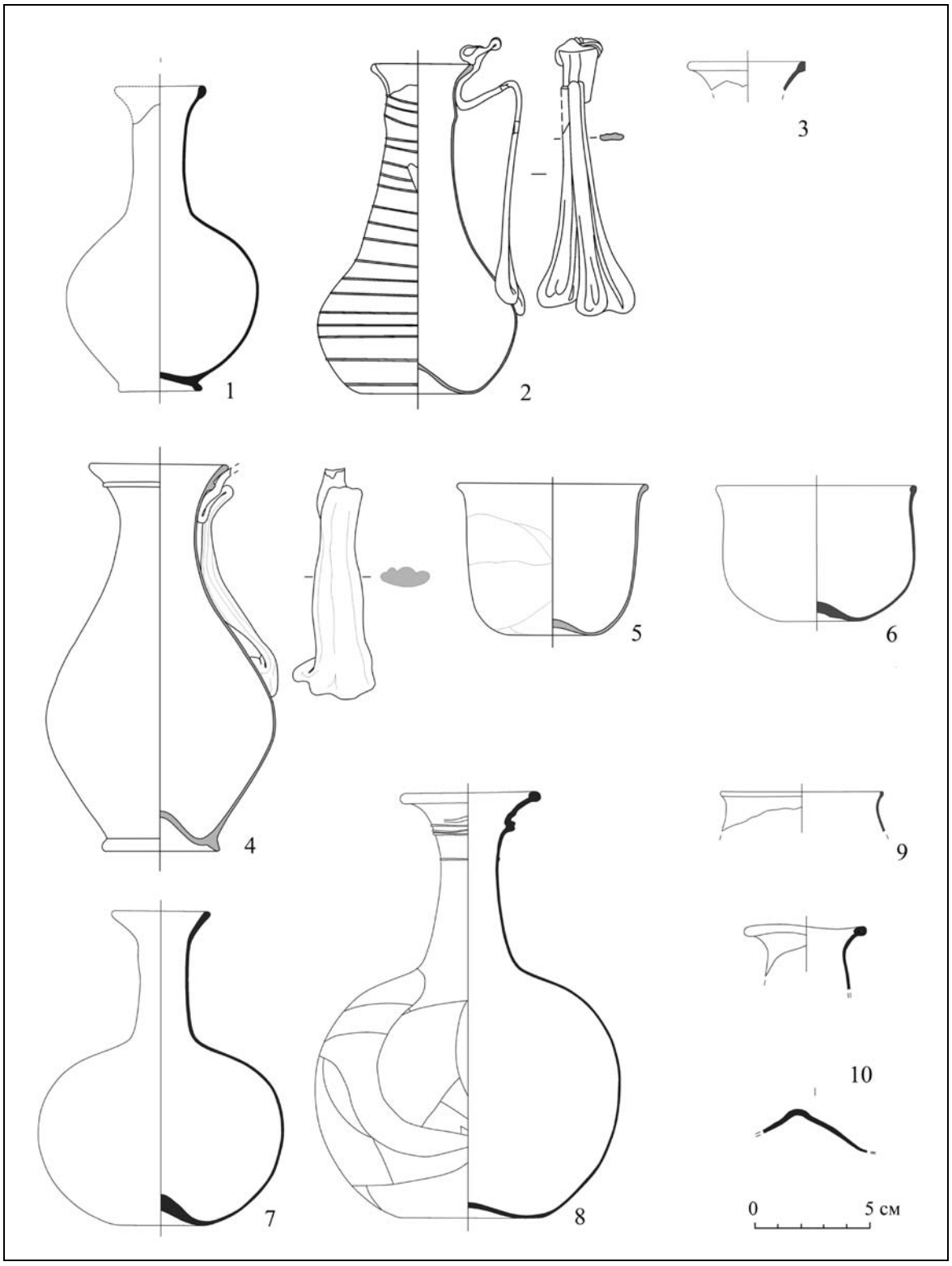


Рис. 3. Могильник Фронтовое 3. Сосуды с «идентичным» химическим составом. Производство мастерских Херсонеса (?) (по Румянцева 2022а: рис. 1): *1* — погребение 140; *2, 3* — погребение 136; *4* — погребение 46; *5, 6* — погребение 250; *7, 8* — погребение 41; *9, 10* — погребение 155. Рисунок А.В. Тяпухиной.

Fig. 3. Frontovoye 3 burial ground. Vessels with "identical" chemical composition. Production of workshops of Chersonese (?) (after Rumyantseva 2022a: Fig. 1): *1* — burial 140; *2, 3* — burial 136; *4* — burial 46; *5, 6* —burial 250; *7, 8* — burial 41; *9, 10* — burial 155. Drawing by A.V. Tyapukhina.

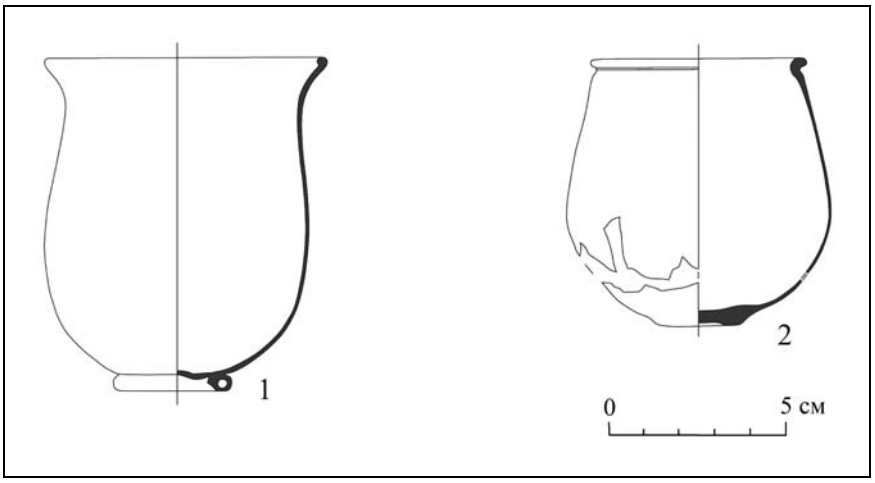


Рис. 4. Могильник Фронтовое 3. Стаканы — предполагаемая продукция мастерских Херсонеса (по Румянцева 2022а: рис. 2). *1* — тип 1; *2* — тип II.2 (по Храпунов 2002). *1* — погребение 51; 2 — погребение 13. Рисунок А.В. Тяпухиной.

Fig. 4. Frontovoe 3 burial ground. Glasses — the alleged products of the workshops of Chersonesos (after Rumyantseva 2022a: Fig. 2). *1* — type 1; *2* — type II.2 (after Khrapunov 2002). *1* — burial 51; 2 — burial 13. Drawing by A.V. Tyapukhina.

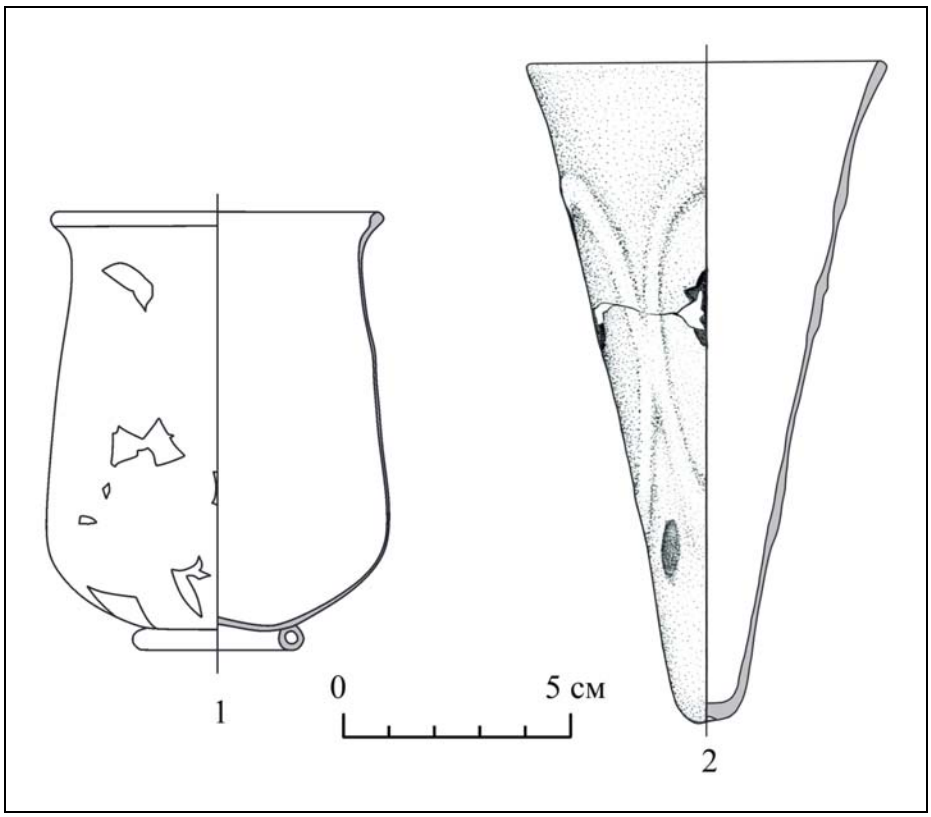


Рис. 5. Могильник Фронтовое 3. Сосуды из стекла с высоким содержанием маркеров вторичного использования стекла (группы 6, 7): *1* — погребение 50, № 339; *2* — погребение 51, № 390. Рисунок А.В. Тяпухиной.

Fig. 5. Frontovoe 3 burial ground. Glass vessels with a high content of glass recycling markers (groups 6, 7): *1* — burial 50, no. 339; *2* — burial 51, no. 390. Drawing by A.V. Tyapukhina.

DOI: 10.53737/2126.2023.72.71.010

Т.А. Ильина, Н.Г. Свиркина, Д.В. Веселкова

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЗАХОРОНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМОНАССЫ*

В процессе исследования горизонта третьей четверти III в. в северной части Гермонассы обнаружены свидетельства пожаров и разрушений, а также хозяйственные ямы с человеческими костными останками разной комплектности. Последние характеризуются половозрастной вариабельностью. Часть останков принадлежит мирному населению, погибшему во время вооружённого конфликта; признаки обезглавливания и скальпирования могут рассматриваться как маркёр, идентифицирующий нападавших. Контекст обнаружения останков указывает на то, что хозяйственные ямы использовались для санитарных захоронений. Через короткий промежуток времени после нападения мирная жизнь на городище возобновилась.

Ключевые слова: Боспорское царство, римское время, искусственная деформация черепа, скальпирование, декапитация, вооружённое нападение.

Сведения об авторах: Ильина Татьяна Анатольевна[1], кандидат исторических наук, ГМИИ им. А.С. Пушкина; Свиркина Наталия Геннадиевна[2], кандидат исторических наук, Институт археологии Российской академии наук; Веселкова Дарья Владимировна[3], Институт археологии Российской академии наук.

Контактная информация: [1]119019, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 12, ГМИИ им. А.С. Пушкина; e-mail: ta-ilyina@yandex.ru; [2,3]117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии Российской академии наук; e-mail: [2]svirkina.natalia@mail.ru; [3]daria.veselkova@yandex.ru.

T.A. Ilyina, N.G. Svirkina, D.V. Veselkova

ON THE CIRCUMSTANCES OF THE BURIAL OF HUMAN REMAINS IN HERMONASSA

Traces of fires and demolition in the northern part of Hermonassa were traced as a result of the study of the strata dating back to the third quarter of the 3rd century. Human remains of various completeness were found in the pits. Sex and age variability of the buried indicates a civilian population killed during the armed conflict, while decapitation and scalping marks can be considered as a marker that identifies the attackers. The pits were used as hygienic burials. Peaceful life in the settlement resumed in a short period of time after the attack.

Key words: Bosporan Kingdom, Roman times, artificial skull deformation, scalping, decapitation, armed attack.

About the authors: Ilyina Tatyana Anatolyevna[1], PhD (History), Pushkin Museum; Svirkina Natalia Gennadievna[2], PhD (History), Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science; Veselkova Daria Vladimirovna[3], Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science.

Contact information: [1]119019, Russia, Moscow, 12 Volkhonka St., Pushkin Museum; e-mail: ta-ilyina@yandex.ru; [2,3]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulanova St., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science; e-mail: [2]svirkina.natalia@mail.ru; [3]daria.veselkova@yandex.ru.

---

* Исследование антропологических останков выполнено в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

Макрофотосъемка (рис. 7: 6 и 8: 5) была выполнена с помощью микроскопа стереоскопический Olympus SZX ZB7. Благодарим ЦКП «Гербарий ГБС РАН» за предоставленное оборудование.

Статья поступила в номер 29 июня 2023 г.
Принята к печати 11 июля 2023 г.

© Т.А. Ильина, Н.Г. Свиркина, Д.В. Веселкова, 2023.

Античная Гермонасса локализована на южном берегу Таманского залива, в северо-западной части станицы Тамань Темрюкского р-на Краснодарского края. Городище расположено на двухуровневом плато, центральная часть застроена домами местных жителей; северная, составляющая треть территории памятника, полностью «съедена» морем и обвалами берега. С целью изучения разрушающихся слоев работы экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина ведутся на западном участке Северного раскопа. На данный момент исследуемая площадь составляет около 800 кв. м.

В 2016—2018 гг. было раскопано пять жилищно-хозяйственных комплексов третьей четверти III в., имеющих несколько строительных периодов (рис. 1). Открытые сооружения относятся к группе безордерных построек площадью от 38 до 45 кв. м. Состояли из одного или нескольких крытых помещений, выходящих на вымощенный двор. Цоколи домов каменные, стены сложены из сырцового кирпича, ширина основания составляла 0,65 м, стены — 0,5 м. Открытые кладки типичны для римского времени: двухпанцирные с забутовкой, из мелкого и среднего известняка и скальника, сохранились на один-два ряда, местами пробраны. В некоторых случаях прослежена тщательная подтеска дверных проемов и торцов стен. Судя по конструкции каменных порогов, дома имели достаточно развитую конструкцию дверных коробок с установкой дверных полотнищ на петлях. Исследование участков камки, образованных в результате падения крыши, позволяет говорить, что они были односкатные, крытые камышом или тростником.

Дома имели довольно четкую относительно прямоугольную разбивку и блокировались в кварталы. Комплексы разделены улицами шириной до 1,2 м; прослежены остатки водостоков и участки керамических вымосток.

В процессе расчистки сгоревших перекрытий крыши комплекса № 5, рухнувшей внутрь здания, были открыты останки ребенка (рис. 1). Скелет лежал на груди, лицом вниз головой на запад, тазовые кости и ноги были пробиты поздней хозяйственной ямой. Юго-восточнее был прослежен раздавленный сероглиняный горшок и костяк собаки. Останки не были затронуты огнем, следы горения не прослежены; сверху были перекрыты слоем коричневого суглинка. Возможно, их завалило упавшей стеной полусгоревшего помещения, или они были сброшены сюда в период запустения квартала, когда разрушающееся здание использовали как свалку (Ильина 2019: 25—27).

К юго-востоку от этого комплекса на соседних квадратах в этом же строительном горизонте в 1970—1973 гг. было исследовано монументальное «здание с пилястрами», погибшее в результате сильного пожара (Коровина 2002: 73—74). В южной части этого комплекса под вымосткой был открыт горшочек с биллоновыми статерами Рескупорида IV (аверс: бюст царя вправо, по кругу надпись ΒΑΣΙΛΕΩϹ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ; реверс: голова императора вправо, внизу год НМФ — 548 г. б.э.), датированными 251—252 гг. (Анохин 1986: № 699). Такая же монета была расчищена в слое жилищно-хозяйственного комплекса № 1 (рис. 3: 6). Эти находки позволяют фиксировать terminus post quem произошедшей катастрофы — 251—252 гг.

Следы пожаров и разрушений, отмеченные в комплексе № 5, прослежены на всей площади исследуемого горизонта. В некоторых случаях интенсивность горелого слоя достигала 0,15—0,2 м.

В семи метрах к северо-востоку от комплекса №5 была открыта неглубокая хозяйственная яма № 20 (2017 г.), использованная для замешивания глины при формовке сырцовых кирпичей, диаметр — 0,8 м; глубина — 0,2 м (рис. 1). В процессе выборки плотного коричневого суглинка у юго-восточного борта на дне ямы был расчищен череп взрослого человека. Керамический материал в заполнение не прослежен.

К западу от неё в результате расчистки внутреннего двора жилищно-хозяйственного комплекса № 4 была открыта небольшая круглая яма № 6 (2016 г.) диаметром 0,7 м, глубиной около 1 м (Ильина 2017: 29) (рис. 1, 2). Основное заполнение верхних 0,6 м составлял коричневый суглинок, насыщенный углем, фрагментами побывавших в огне

сырцовых кирпичей и битой керамикой (рис. 2: 2—3). В этом пространстве сверху, на глубине 0,1 м от уровня хождения, выявлен череп ребенка (№ 1) и взрослого человека (№ 4). Ниже на глубине 0,5 м от устья ямы были открыты два черепа (№ 2, 3), лежащие вплотную друг к другу, поверх которых был «посажен» скелет без головы (рис. 2: 3). Из этого слоя происходит незначительное количество керамики: фрагменты красноглиняных кувшинов, чаш, мисок, кастрюль и лепных горшков (рис. 3: 8—18). Здесь также был найден щиток краснолакового светильника с рельефным изображением мужского бюста и железный гвоздь (рис. 3: 7, 19).

Оставшаяся часть ямы — около 0,3 м, была заполнена слоем чистой золы с костями, использованных в пищу птиц, мелкими фрагментами столовой посуды, лепного светильника и ткацкого пряслица (рис. 2: 4, 3: 1—5). Это свидетельствует о ее активном использовании в первый период существования жилищно-хозяйственного комплекса № 4 в качестве ямы для сбора золы из домашнего очага.

Таким образом, при раскопках северного участка городища удалось зафиксировать следы некоторого негативного события (пожар, разрушение построек гибель людей, захоронение останков на территории города), которое произошло в середине III в.

Спустя непродолжительное время после произошедшей катастрофы все жилищно-хозяйственные комплексы были перестроены. На старых каменных цоколях восстановлены сырцовые стены, появились новые перегородки и помещения. Внутренний двор комплекса №4, где находилась яма №6, перекрыли каменной вымосткой (рис. 4: 2). Расположенный рядом с ямой северный дверной проем заложили, организовав вход во двор с южной стороны. Открытый в этом горизонте боспорский статер Рескупорида IV (аверс: бюст царя вправо, перед лицом трезубец, по кругу ΒΑΣΙΛΕΩϹ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ; реверс: бюст императора вправо, справа — «I»), датированный 264/5—265/6 гг., позволил определить terminus post quem начала восстановления городища (Анохин 1986: № 712б, 713) (рис. 3: 20).

Палеоантропологические материалы из двух ям (№ 6 и 20) были переданы антропологам для дальнейших изысканий с целью установления обстоятельств, приведших к захоронению человеческих останков на территории города.

Яма № 20 (2017 г.). Останки представлены черепом с нижней челюстью мужчины 35—45 лет[1]. Травм или иных прижизненных повреждений не обнаружено. Краниум несет следы прижизненной искусственной лобно-затылочной кольцевой деформации — результат продолжительного механического воздействия на голову человека в раннем возрасте (рис. 5: 1). Прижизненных или предсмертных травм не выявлено.

Из ямы № 6 (2016 г.) происходят останки пяти индивидов разного пола и возраста[2].

Череп 1. Череп без нижней челюсти принадлежал ребенку 5—9 лет. На краниуме зафиксированы повреждения без признаков заживления. На лобной кости над правой глазницей выявлен вдавленный перелом (рис. 6: 2). На левой стороне черепа присутствуют множественные насечки разной длины, нанесенные орудием с тонким режущем краем — следы скальпирования (рис. 6: 1, 5—6*).* Косые надрезы на левой скуловой кости, вероятно, также связаны с процессом скальпирования (рис. 6: 3*).* На затылочной кости слева вблизи ламбдовидного шва зафиксирована рубленая рана (рис. 6: 1, 5—6). Вероятно, в результате рубящего удара были срезаны мыщелки затылочной кости, служащие для сочленения головы с первым шейным позвонком (рис. 6: 3). Наличие подобного повреждения — результат отсечения головы (декапитации).

Череп 2. Череп с нижней челюстью и первыми тремя шейными позвонками принадлежал мужчине старше 50 лет. Кости найдены в сочленении. На черепе выявлены следы циркулярного скальпирования (рис. 7: 1, 3—4, 6). Сосцевидные отростки обоих височных

[1] Половозрастные определения выполнены с использованием методик привлекаемых для работы с палеоантропологическими материалами (Методика 2020)

[2] Сбор материала производился антропологом (Свиркиной Н.Г.), поэтому удалось зафиксировать некоторые особенности комплектности и расположения костей.

костей повреждены, слева на затылочной, височной кости и нижней челюсти выявлены множественные рубленые травмы (не менее 7), которые могут быть связаны с попытками декапитации (рис. 7: 1—2, 5).

Череп 3. Череп с нижней челюстью мужчины 45—55 лет. Отсечен фрагмент тела нижней челюсти в результате рубящего удара (рис. 5: 2, 3). Признаков скальпирования или декапитации не обнаружено.

Череп 4. Череп с нижней челюстью, несколько шейных позвонков принадлежали женщине старше 50 лет. Перечисленные кости в яме найдены в сочленении. На черепе зафиксированы повреждения сосцевидных отростков височных костей и угла нижней челюсти слева. Края повреждений неровные. На данном этапе мы не можем однозначно утверждать, что эти повреждения были получены перед смертью, а не в процессе археологизации (тафономия).

Важно упомянуть, что у трех индивидов (ребенок, мужчина (череп 2) и женщина) выявлена прижизненная деформация черепа – позадивенечное понижение, мозговой отдел продольно вытянут (рис. 6: 1, 7:1, 2).

Костяк без черепа, найденный в яме № 6, принадлежал мужчине 25—35 лет[3]. Скелет не полный: утрачены шейные позвонки, кости рук, ключицы, левая большеберцовая кость и кости обеих стоп. Анатомический порядок сохранен. Правая нога согнута в неестественном положении под себя. Прижизненных повреждений не выявлено.

На костях скелета обнаружены многочисленные повреждения (рис. 8: 1). Морфология и расположение различны. Конусовидные вдавления и проломы округлой формы зафиксированы на телах позвонков, крыльях таза, крестце, дистальном конце большеберцовой кости (рис. 8: 3—4, 8—9). На дистальном диафизе бедренных и большеберцовых костей (в области эпифизов) так же присутствуют линейные борозды U-образной формы (рис. 8: 6—7, 10). Тонкие борозды выявлены на диафизах бедренных костей. Расщепление и отслаивание компакты концентрируются преимущественно на ребрах и отростках позвонков (рис. 8: 2).

Исходя из характера повреждений и их локализации можно сделать вывод о том, что эти следы были оставлены плотоядным животным (одним или несколькими) при обгладывании тела (Власюк, Леонов 2011; Arilla et al 2014; Jalvo, Andrews 2016).

Поскольку в двух ямах были найдены не изолированные кости, а останки с сохранением анатомической последовательности костей (черепа с нижними челюстями и позвонками, практически полный посткраниальный скелет), то на момент погребения на них присутствовала некоторая доля мягких тканей благодаря которым кости оставались в сочленении. Следовательно, до захоронения человеческие останки не только были привлекательны для животных, но и были для них доступны.

Кем были люди, останки которых были сложены в яму? Наличие искусственной деформации черепов позволяет видеть в погребенных варварский контингент.

Активное проникновение сармат на Боспор способствовало значительной иранизации его населения в первой половине III в. (Айбабин 2016: 11). Так многие жители, в том числе и правители, носили сарматскую одежду, а количество иранских имен на рубеже II—III в. составило около 20% (Масленников 1990). В Гермонассе найдена надпись, датированная 208 г., позволяющая предполагать, что в городе существовал штат ананских переводчиков, руководимый неким Гераком, сыном Понтика, который построил и посвятил городу какое-то сооружение (КБН 2004: № 1053). Известно также, что захоронения носителей «варварской» традиции деформации головы с разной частотой встречаются на некрополях боспорских городов (Десятчиков 1973; Масленников 1990; Герасимова и др. 1987: 9—97; Батиева 2011; Свиркина 2022).

[3] На данный момент нет оснований связывать скелет с одним из мужских черепов, т.к. возрастной диапазон отличается.

Признаки насильственной смерти и скальпирования на черепах, разный половозрастной состав индивидов делает возможным предположить в них мирное население города, перебитое в результате военного набега.

Обращение к письменным источникам не позволяет однозначно ответить на вопрос кем были нападавшие. В рассматриваемый период в регионе агрессивные действия предпринимались различными группами (племенами). Известно, что аланы совершали грабительские набеги вдали от территории своего кочевания, заставали противника врасплох, отличались жестокостью по отношению к мирному населению (Иосиф Флавий. Иудейская война). Им так же приписывают обычай скальпирования врагов (Аммиан Марцелин, XXXI, 2, 22). Отметим, что о снятии кожи с убитых противников упоминается при описании гелонов (Аммиан Марцелин, XXXI, 2, 14).

Археологические и антропологические данные не позволяют прояснить ситуацию. Так, признаки скальпирования выявлены у четырех индивидов из погребений ранне-среднесарматского времени могильника Новый (Нижний Дон). Общий контекст данных находок (погребение на могильнике, половозрастной состав, погребальный инвентарь) указывает на ритуальный характер процедуры (Перерва 2005). С очевидно насильственными действиями связана находка на поселении Чекупс 2 (Крымский р-он, Краснодарский край). В яме II—III вв. н.э. было обнаружено 35 черепов, на большинстве из них зафиксированы многочисленные травмы без следов заживления, в том числе повреждения типичные для отсечения головы и снятия скальпа. Кем были совершены эти действия достоверно не известно (Абрамова 2021; Баринов 2021)

В целом, результаты нашего исследования позволяют предположить, что обнаруженные на территории Гермонассы человеческие кости — следствие вооруженного конфликта, произошедшего в период с 252—262 гг. По неизвестной причине человеческие останки не были захоронены на городском некрополе, а сброшены в хозяйственные ямы. Через короткий промежуток времени последствия вражеского набега были ликвидированы, а мирная жизнь в городе продолжена.

Литература

Абрамова А.Н. 2021. Предварительное сообщение о черепах с поселения Чекупс-2. *Археология Евразийских степей* 5, 228—236.

Айбабин А.И. 2016. Аланы и германцы в Боспорском царстве во второй половине 3 в. *АДСВ* 44, 10—23.

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Баринов Д.Г. 2021. Охранно-спасательные работы на поселении Чекупс 2 в Крымском районе в 2018—2019 гг. *АО* 2019, 210—212.

Батиева Е.Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование).* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Власюк И.В., Леонов С.В. 2011. *Материалы к судебно-медицинской оценке повреждений, причиненных некоторыми животными.* Хабаровск: Редакционно-издательский центр ИПКСЗ.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987. *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. Москва: Наука.

Десятчиков М.Ю. 1973. Сарматы на Таманском полуострове. *СА* 4, 69—80.

Архив ИА РАН. Р-1. Ильина Т.А. 2017. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса—Тмутаракань 2016 г.

Архив ИА РАН. Р-1. Ильина Т.А. 2019. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса—Тмутаракань 2018 г.

Коровина А.К. 2002. *Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина.

КБН 2004: Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Т. II. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).

Масленников А.А. 1990. *Население Боспорского государства в первых веках н.э*. Москва: Наука.

Методика 2020: Добровольская М.В. 2020. *Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях*. Москва: ИА РАН.

Перерва Е.В. 2005. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый). *РА* 3, 36—44.

Свиркина Н.Г. 2022. Население Фанагории в III в. до н.э. — V в. н.э. (по палеоантропологическим материалам из Восточного некрополя. Дисс. … канд. ист. наук. Москва: ИА РАН.

Arilla et al. 2014: Arilla M., Rosell J., Blasco R., Domínguez-Rodrigo M., Pickering T.R. 2014. The “Bear” Essentials: Actualistic Research on Ursus arctos arctos in the Spanish Pyrenees and Its Implications for Paleontology and Archaeology. *PLoS ONE* 9 (7), e102457.

Jalvo Y.F., Andrews P. 2016. *Atlas of Taphonomic Identifications: 1001+ Images of Fossil and Recent Mammal Bone Modification.* Dordrecht: Springer Netherlands (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology).

References

Abramova, A.N. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 228—236 (in Russian).

Aybabin, A.I. 2016. In *Antichnaya drevnost’ i sredniye veka* 44, 10—23 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Barinov, D.G. 2021. In *Arkheologicheskiye otkrytiya (Archaeological discoveries)* 2019, 210—212 (in Russian).

Batiyeva, E.F. 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie) (The population of the Lower Don in the 9th century BCE — 4th century CE (paleoanthropological study))*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (in Russian).

Vlasyuk, I.V., Leonov, S.V. 2011. *Materialy k sudebno-meditsinskoy otsenke povrezhdeniy, prichinennykh nekotorymi zhivotnymi (Materials for the forensic medical assessment of damage caused by some animals)*. Khabarovsk: Redaktsionno-izdatel’skiy tsentr IPKSZ (in Russian).

Gerasimova, M.M., Rud’, N.M., Yablonskiy, L.T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy (Anthropology of the ancient and medieval population of Eastern Europe)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Desyatchikov, M.Yu. 1973. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 69—80 (in Russian).

Arkhiv IA RAN. R-1. Ilyina T.A. 2017. Otchet o raskopkakh na territorii gorodishcha Germonassa—Tmutarakan’ 2016 g.

Arkhiv IA RAN. R-1. Ilyina T.A. 2019. Otchet o raskopkakh na territorii gorodishcha Germonassa—Tmutarakan’ 2018 g.

Korovina, A.K. 2002. *Germonassa: Antichnyy gorod na Tamanskom poluostrove (Hermonassa: An ancient city on the Taman Peninsula)*. Moscow: GMII im. A.S. Pushkina (in Russian).

KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al’bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Vol. II. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).

Maslennikov, A.A. 1990. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e. (The population of the Bosporan state in the first centuries CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Metodika 2020: Dobrovol’skaya, M.V. *2020. Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh (Methods of working with paleoanthropological materials in the field)*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Pererva, E.V. 2005. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 36—44 (in Russian).

Svirkina, N.G. 2022. The population of Phanagoria in the 3rd century BCE — 5th century CE (based on paleoanthropological materials from the Eastern necropolis. PhD Thesis. Moscow: IA RAN.

Arilla et al. 2014: Arilla, M., Rosell, J., Blasco, R., Domínguez-Rodrigo, M., Pickering, T.R. 2014. The “Bear” Essentials: Actualistic Research on Ursus arctos arctos in the Spanish Pyrenees and Its Implications for Paleontology and Archaeology. *PLoS ONE* 9 (7), e102457.

Jalvo, Y.F., Andrews, P. 2016. *Atlas of Taphonomic Identifications: 1001+ Images of Fossil and Recent Mammal Bone Modification.* Dordrecht: Springer Netherlands (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology).

Рис. 1. Северный раскоп. План строительного горизонта третьей четверти III в. с объектами, где были найдены человеческие останки (выделены желтым цветом).

Fig. 1. Northern site. Plan of the building horizon of the third quarter of the 3rd century with objects where human remains were found (marked in yellow).

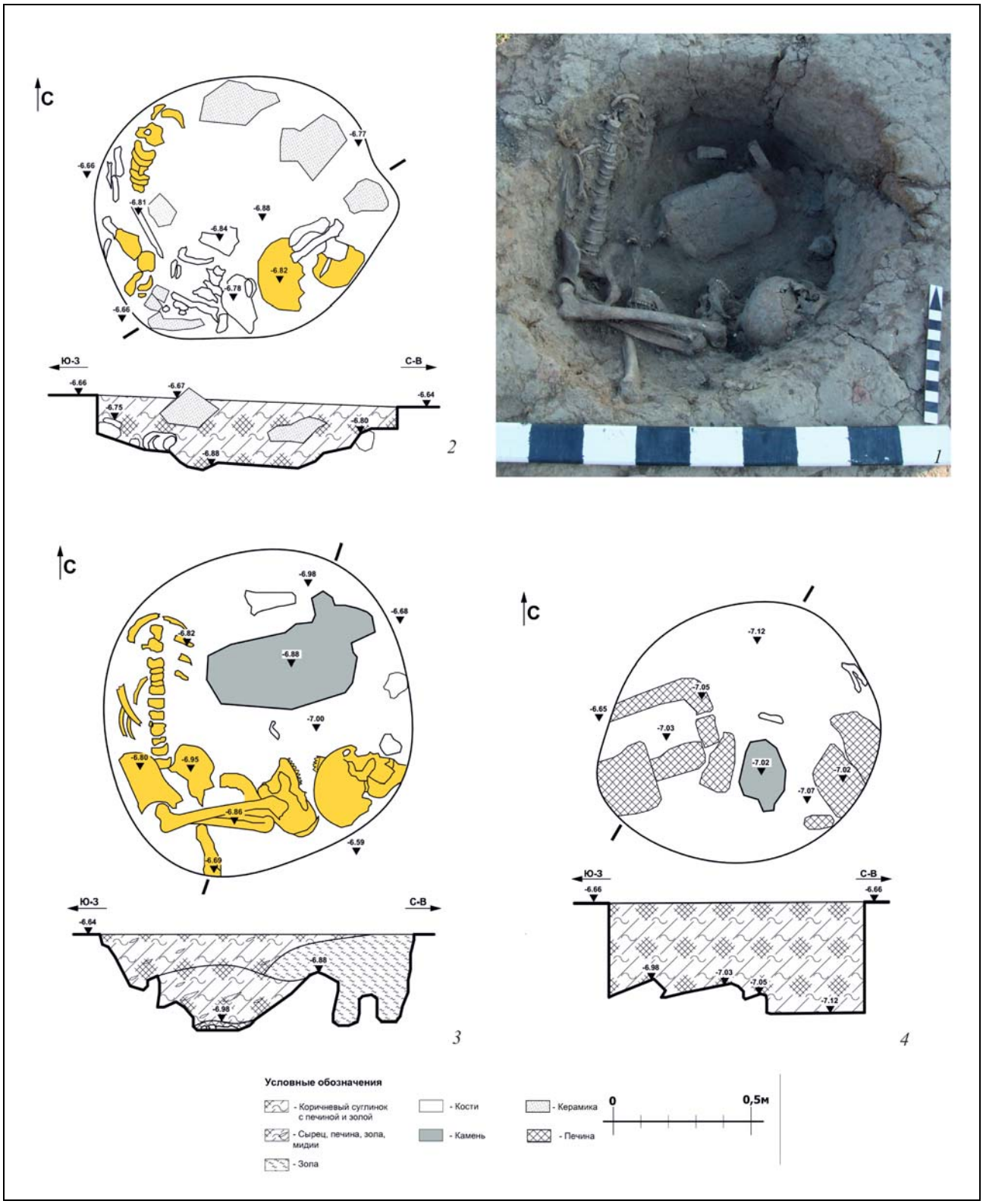


Рис. 2. Яма № 6 (2016 г.), план и стратиграфия заполнения: *1—3* — этапы расчистки человеческих останков; *4* — горизонт первого строительного периода жилищно-хозяйственного комплекса № 4. Человеческие останки выделены желтым цветом.

Fig. 2. Pit No. 6 (2016), plan and stratigraphy of the fill: *1—3* — stages of finding of human bones; *4* — horizon of the 1st period of construction of manor No. 4. Human bones are indicated in yellow.

Рис. 3. Археологический материал из заполнения ямы № 6 (2016 г.) и соседних объектов: *1—6* — первый строительный период; *7—20* — второй уровень залегания человеческих останков.

Fig. 3. Archaeological material from the filling of pit No. 6 (2016) and neighboring objects: *1—6* — 1st construction period; *7—20* — 2nd level of finding human bones.

Рис. 4. Жилищно-строительный комплекс № 4, яма № 6 (2016 г.): *1* — первый строительный период, вид сверху, с юго-запада; *2* — второй строительный период, вид сверху, с юго-запада.

Fig. 4. Manor No. 4, pit No. 6 (2016): *1* — 1st construction period, view from southwest; *2* — 2nd construction period, view from southwest.

Рис. 5. Антропологические материалы из хозяйственных ям: *1* — яма № 20 (2017 г.), череп мужчины 35—45 лет, профиль (белые стрелки указывают на следы от давящих повязок); *2* — яма № 6 (2016 г.), череп 3, мужчина 45—55 лет, профиль; *3* — яма №6 (2016 г.), череп 3, мужчина 45—55 лет, нижняя челюсть, профиль (белые стрелки указывают на повреждения).

Fig. 5. Anthropological materials from the pits: *1* — pit No. 20 (2017), profile of the skull of a male 25—35 years old (white arrows indicate traces of pressure bandages); *2* — pit No. 6 (2016), skull 3, profile of the skull of a male 45—55 years old; *3* — pit No. 6 (2016), skull 3, profile of a lower jaw male 45—55 years old (white arrows indicate damage).

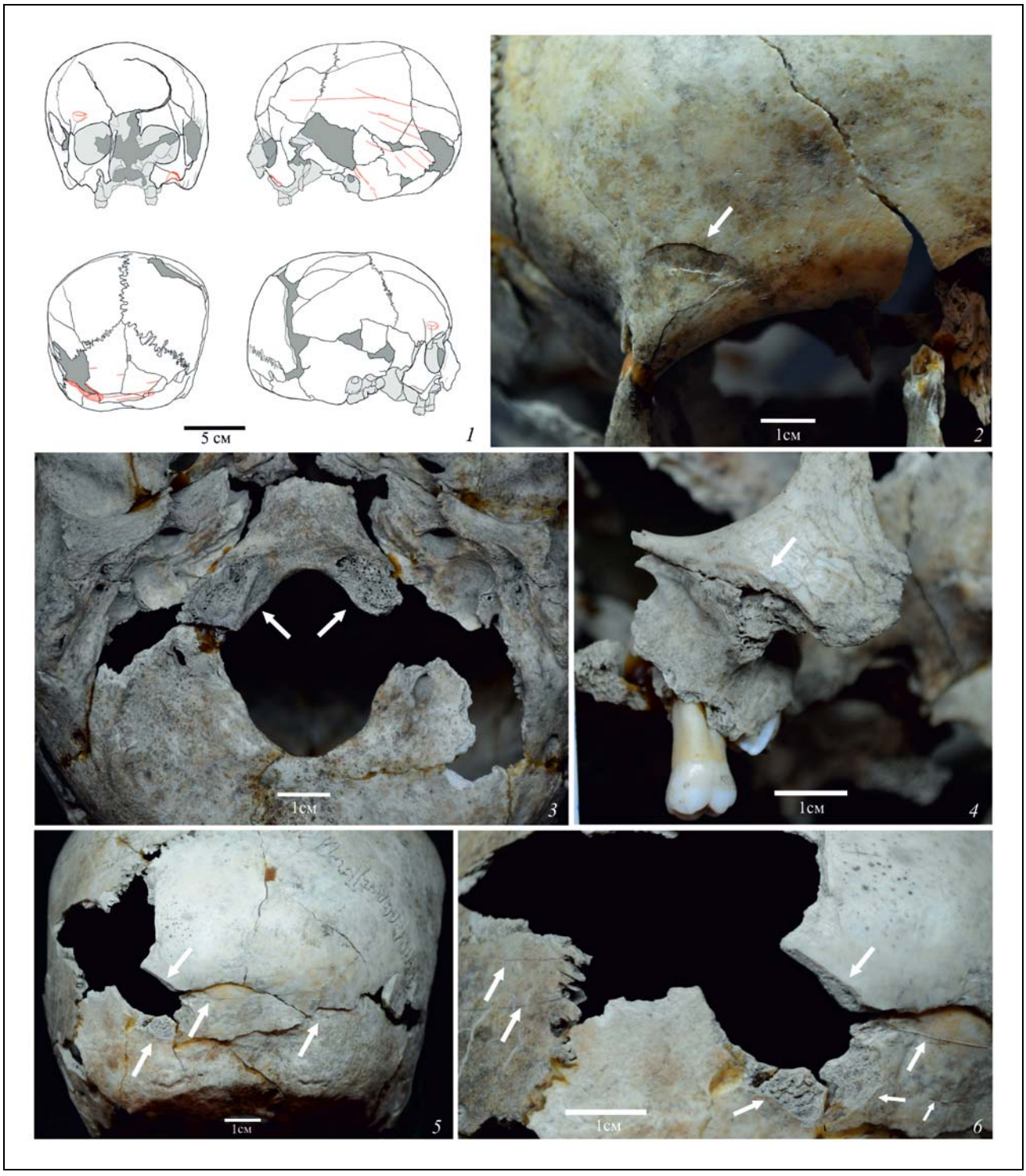


Рис. 6. Яма № 6 (2016 г.), череп 1, ребенок 5—9 лет: *1* — схема черепа (красным цветом обозначены места повреждений); *2* — лобная кость, глазничный край, вдавленный перелом; *3* — основание черепа; *4* — левая скуловая кость; *5* — затылочная кость; *6* — рубленая травма и признаки скальпирования на затылочной и левой теменной кости. Белые стрелки указывают на повреждения.

Fig. 6. Pit No. 6 (2016), skull 1, child 5—9 years old: *1* — scheme of skull (the places of damage are indicated in red); *2* — supraorbital margin of frontal bone, depressed fracture; *3* — occipital condyles; *4* — left zygomatic bone; *5* — occipital bone; *6* — decapitation sharp force trauma and scalping marks on the occipital and left parietal bones. White arrows indicate damage.

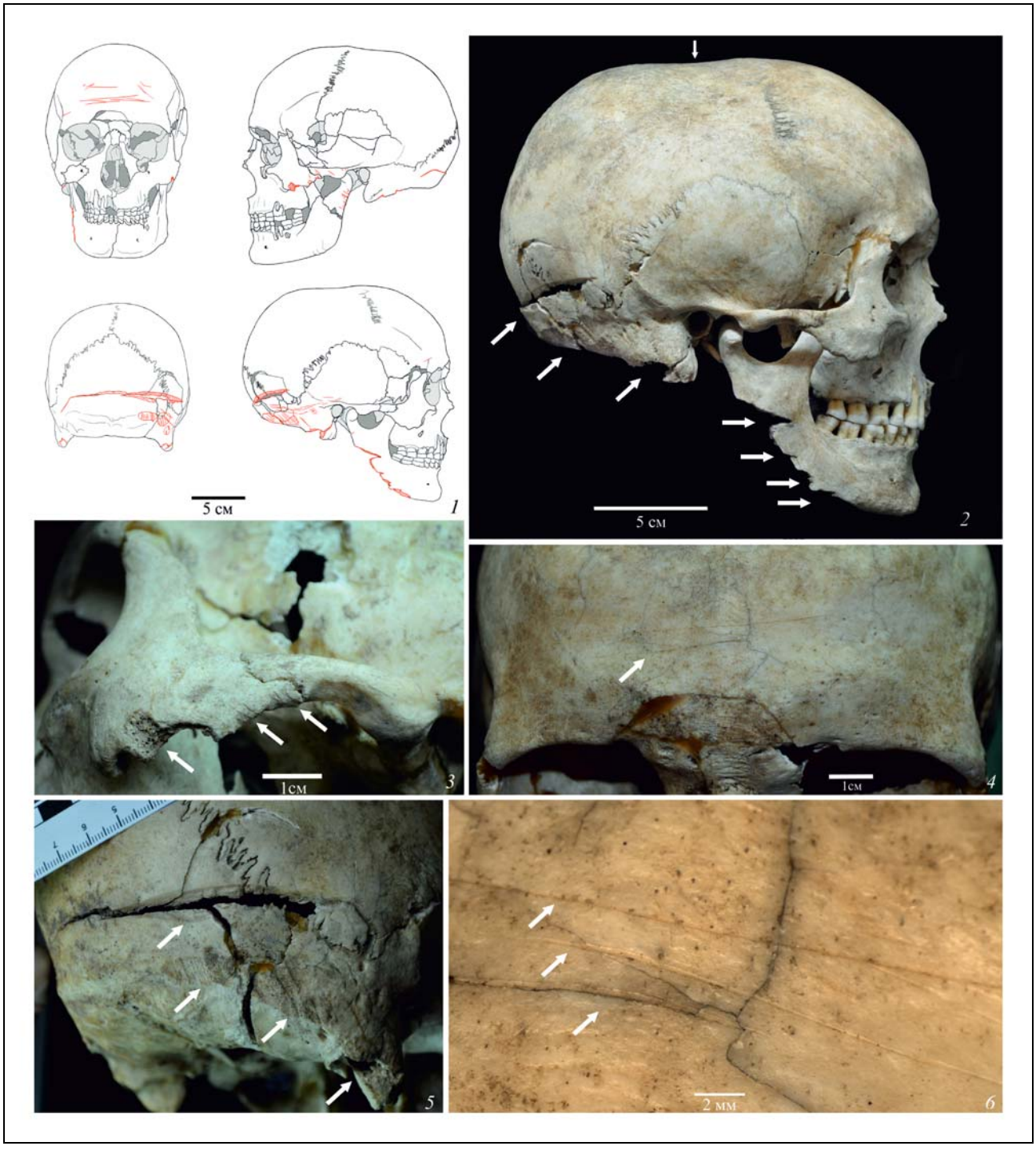


Рис. 7. Яма № 6 (2016 г.), череп 2, мужчина старше 50 лет: *1* — схема черепа (красным цветом обозначены места повреждений); *2* — профиль черепа с обозначением деформации и травм; *3* — левая скуловая кость; *4* — лобная кость; *5* — травмы в области затылка и правой височной кости; *6* — следы скальпирования в центральной части лобной кости. Белые стрелки указывают на повреждения.

Fig. 7. Pit No. 6 (2016), skull 2, male over 50 years old: *1* — scheme of skull (the places of damage are indicated in red); *2* — profile of the skull with indication of deformation and damage; *3* — left zygomatic bone; *4* — frontal bone; *5* — damage to the occipital and right temporal bones; *6* — traces of scalping in the central part of the frontal bone. White arrows indicate damage.

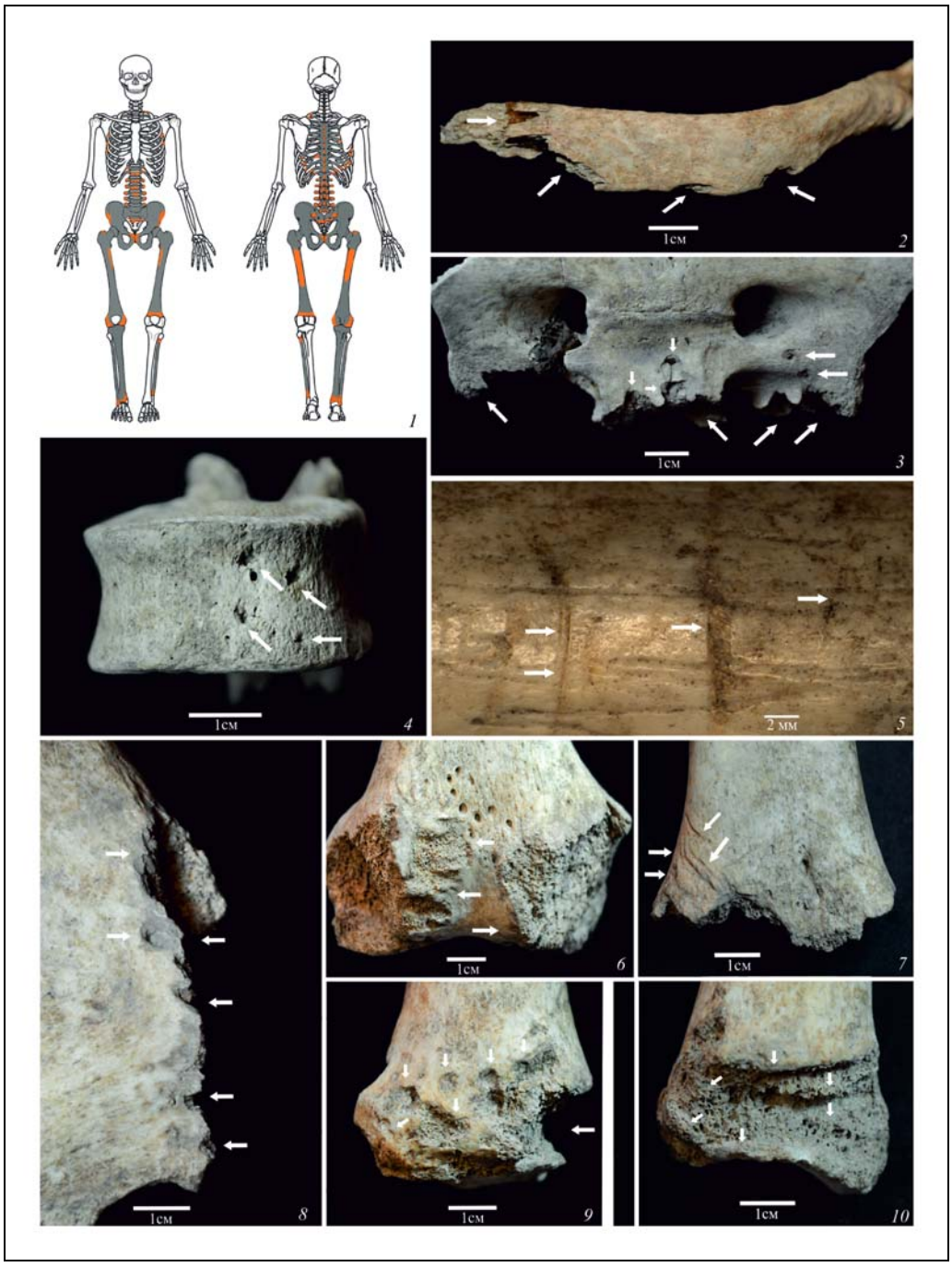


Рис. 8. Яма № 6 (2016 г.), скелет, мужчина 25—35 лет: *1* — схема скелета (серый цвет — наличие костей, оранжевый цвет — локализация повреждений); *2* — ребро, вид спереди; *3* — крестец, вид спереди; *4* — поясничный позвонок; *5* — медиальная поверхность бедренной кости; *6* — нижний эпифиз правой бедренной кости, вид спереди; *7* — дистальный конец левой бедренной кости, вид спереди; *8* — крыло подвздошной кости; *9* — нижний эпифиз правой большеберцовой кости, вид спереди; *10* — латеральная поверхность нижнего эпифиза правой большеберцовой кости. Белые стрелки указывают на повреждения.

Fig. 8. Pit No. 6 (2016), male 25—35 years old: *1* — scheme of the skeleton (gray color — presence of bones, orange color — localization of damage); *2* — rib, front view; *3* — sacrum, front view; *4* — lumbar vertebra; *5* — medial surface of the femur; *6* — lower epiphysis of the right femur, front view; *7* — distal end of the left femur, front view; *8* — wing of ilium; *9* — lower epiphysis of the right tibia, front view; *10* — lateral surface of the lower epiphysis of the right tibia. White arrows indicate damage.

DOI: 10.53737/2355.2023.36.27.011

Е.В. Шушунова, С.В. Ярцев

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ПОМИНАЛЬНО-ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АНТИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ*

Объектом исследования являются поминально-погребальные комплексы античных городищ и поселений. На основе анализа археологических источников авторы делят такие комплексы на два типа. Первый тип пространственно связан с отдельными погребениями некрополей. Там происходили тризны, следующие сразу же за совершением погребения, проводились обряды посещения могил после похорон, а во время ежегодных праздников — обряды, посвящённые умершим предкам. Комплексы второго типа располагаются как на некрополях, так и на городищах. В большинстве случаев они не привязаны к отдельным захоронениям и, скорее всего, являлись результатом постепенной трансформации комплексов первого типа. Именно на участках с комплексами второго типа выполнялись сложные магические действия, нацеленные на сплочение семьи в единую духовную силу.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, античная цивилизация, варварский мир, культ предков, религия, героизация умерших, поминально-погребальные комплексы, хтонические божества.

Сведения об авторах: Шушунова Елена Валерьевна[1], Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Ярцев Сергей Владимирович[2], доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: [1,2]300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: [1]schuschunova.elena@yandex.ru; [2]s-yartsev@yandex.ru.

E.V. Shushunova, S.V. Yartsev

TO THE QUESTION OF THE TYPES OF FUNERAL AND COMMEMORATIVE COMPLEXES OF THE NORTH PONTIC AREA IN THE PERIOD OF CLASSICAL ANTIQUITY

The research scope covers funeral and commemorative complexes of city sites and necropoleis of classical antiquity in the North Pontic area. Two types of such complexes were distinguished by the authors on the basis of the archaeological record. The first one is spatially associated with individual burials in necropoleis. A series of events may have taken place there, such as feasts following immediately after a burial ceremony, rites of revisiting graves in a long while after the funeral, as well as those dedicated to deceased ancestors and held during annual celebrations. Complexes of the second type were discovered both in necropoleis and in city sites. Basically, these were not associated with individual graves, being most likely a result of gradual transformation of complexes of the first type. It is actually these places wherein elaborated magical actions have been performed with an eye to unite all family members into a solid spiritual force.

Key words: Northern Black Sea region, classical antiquity civilization, barbarian world, ancestor cult, religion, glorification of the dead, funeral complexes, chthonic deities.

About the authors: Shushunova Elena Valerievna[1], Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Yartsev Sergey Vladimirovich[2], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: [1,2]300026, Russia, Tula, 125 Lenin Ave., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: [1]schuschunova.elena@yandex.ru; [2]s-yartsev@yandex.ru.

---

* Работа выполнена за счёт гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Статья поступила в номер 11 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© Е.В. Шушунова, С.В. Ярцев, 2023.

Религия всегда являлась одним из связующих звеньев полисов Северного Причерноморья с остальным греко-римским миром, обеспечивая культурное единство всей античной цивилизации. Погребальные же обряды, являясь наиболее консервативным элементом культуры, всегда оставались неотъемлемой частью духовной традиции античного населения, в том числе и тех людей, которые в указанное время проживали на территории Северного Причерноморья.

Однако религиозное мировоззрение жителей Северного Причерноморья, особенно на протяжении первых веков н.э., все более менялось и трансформировалось. Имеющие римское, западно-понтийское и восточное происхождение культы божеств получали все более широкое распространение, верования индивидуализировались. Число частных культов неуклонно росло, популярность стали приобретать тяготеющие к монотеизму верования синкретического характера. Начала распространяться христианская религия в регионе. Почитание богов стало сосредотачиваться в собственных домах (Русяева 2005: 195). По этой причине, в качестве обязательной составляющей повседневной жизни все чаще начинают выступать культовые действия, относящиеся именно к домашнему почитанию божеств (Крапивина 2012: 204).

Известно, что святилища и жертвенники наряду с погребальной обрядностью, устойчиво сохраняют наиболее консервативные черты духовной культуры населения (Тульпе 2014: 197—204). Тем не менее, в поминальной традиции в Северном Причерноморье, учитывая все серьезнейшие изменения, происходившие в античной духовной культуре в первые века н.э., до сих пор не все выглядит понятным и однозначным. Так, на современный момент можно уверенно констатировать, что так называемые поминально-погребальные комплексы античных городищ и поселений не были однородными. Одни из них традиционно были связаны территориально с конкретными погребениями на античных некрополях. Мы знаем, что в таких местах обычно отправлялись тризны, следующие непосредственно сразу после совершения погребения (следы которых прослеживаются по выкопанным вблизи могил жертвенным ямам или возведенным конструкциям — эсхарам) (Хршановский 2017: 158—166). В дальнейшем данные археологические объекты были востребованы для совершения обрядов, связанных с традицией посещения мест захоронений в определенные дни, а также с ежегодными праздниками, посвященными умершим предкам. На примере таких комплексов на некрополе Ольвии, где жертвенник был сделан из срезанных горловин амфор, вкопанных у изголовья погребенного, видно, что использовался он многократно и на протяжении длительного времени. Только по этой причине кости левой руки погребенного полностью разрушились из-за частых возлияний в одном и том же месте. В другом подобном случае по этой же причине полностью разрушились кости ног стоп погребенного в могиле I в. н.э. Зафиксирован подобный же обряд и для могилы II в. н.э. (Папанова 2006: 57). Учитывая, что речь идет о самом начале римского времени, очевидно, что перед нами следы традиционных эллинских обычаев, связанных с посещением могилы на третий, девятый и тридцатый день после похорон (Carland 1985: 40), а также возможно известного эллинского праздника весеннего пробуждения природы — Антестерия. Строгое соблюдение всех этих правил, очевидно, было связанно с уверенностью, что малейшее нарушение обрядовых действий, например не предоставление еды и питья душе умершего, могло привести к тому, что последняя начинала тревожить живых (Herod., I, 167; Paus., VI, 6,7). Более того, она могла жестоко отомстить за неподобающее к ней обращение (Петрухин 2010: 104). Из таких представлений следовала убежденность, что если умершего похоронить с нарушениями существующих правил, то душа его не найдет покоя и может накликать беду на ближайших родственников. Поэтому, если не было никакой возможности похоронить подобающим образом умершего, его потомки делали кенотаф, в котором и должна была найти успокоение неприкаянная душа (Eurip. Hel., 1061, 1240; Verg. Aen., VI, 505; XII, 214) (Carland 1985: 76, 102, 110—115).

Однако постпогребальные обряды, которые совершались на могилах в римское время, не заключались только в исполнении четко регламентированных предписаний с целью умилостивить обожествленных и в целом доброжелательных духов умерших предков. На неоднозначность постпогребальной практики античного населения явно указывает круг

вопросов, затрагивающий особый тип поминально-погребальных комплексов городищ и поселений. В рамках постпогребальной обрядовой традиции именно такие комплексы являются самыми трудно интерпретируемыми и требующими проведения дополнительных исследований. Самой большой сложностью здесь является то, что этот тип сакральных объектов, как правило, представляющий собой каменные круги и другие сооружения подквадратной и прямоугольной формы, в большинстве случаев, напрямую не был связан с собственно погребениями и даже с некрополями. Однако то обстоятельство, что указанные конструкции невозможно полностью оторвать от захоронений и культа умерших предков, все же позволяет нам именовать данные памятники поминально-погребальными объектами. При этом необходимо учитывать то, что на первом месте в обрядовых действиях здесь всегда идет обращение уже к умершему и погребенному родственнику, могила которого могла иногда располагаться на значительном удалении от места проведения ритуала. Следовательно, такие комплексы являлись, в первую очередь, именно поминальными и лишь затем погребальными, ведь собственно захоронения здесь могло и не быть.

Обращаясь непосредственно к подобным конструкциям, необходимо учитывать то обстоятельство, что каменные круглые постройки были достаточно хорошо распространены в эллинском мире. Например, в Северном Причерноморье в предэллинистическое и эллинистическое время они известны в Крымском Приазовье на поселении Генеральское Западное и поселении Тюмень 2 в Западном Крыму. При этом данные конструкции интерпретируются как зернохранилища (Масленников 2010: 112—116, 181—184; Смекалова, Кутайсов 2017: 408—409, рис. VIII, 47.8). Однако уже в римское время подобные или сравнительно близкие сооружения, трудно связать с производственной деятельностью. Они известны на Илурате, Белинском, Танаисе и, возможно, Фанагории, Китее, а также на Гераклейском полуострове и «Городище 11 км». Большинство из них явно связаны с культом предков, на что указывает, прежде всего, территориальное расположение данных объектов как непосредственно на некрополе, так и вблизи его (к тому же в центре одного из таких кругов на Илурате было выявлено захоронение, хорошо датируемое по монете Аркадия (395—408) (Ханутина, Хршановский 2003: 318). Правда, в Китее подобная конструкция была возведена еще в классический период в самом сакральном месте городища, непосредственно в его центре, возможно, с целью доминирования над окружающей местностью. Поэтому данное святилище имело отношение к культу предков лишь опосредованное, в рамках почитания в первых веках нашей эры Великой Матери, через ритуальные действия, направленные на установление тесных связей с хтоническим миром (Молев, Молева 2022: 192—206).

Однако сложнее обстоит дело в других случаях, как, например, на Гераклейском полуострове или «Городище 11 км», где у исследователей данных комплексов нет уверенности в их сакральном предназначении.

В первом таком проблемном случае В.М. Зубарь склоняется к версии, что каменные круги, разбросанные по всему Гераклейскому полуострову на территории земельных участков хоры Херсонеса (здесь известно уже более 20 таких объектов), датирующиеся позднеантичным временем, являются нижней углубленной частью юртообразных сооружений, предположительно оставшихся после гуннов (Зубарь 2006: 65—87). Однако существует версия, что данные сооружения (во всяком случае, те из них, которые явно не относятся к усадьбам и находятся на размежеванной территории) надо интерпретировать, как и другие подобные конструкции, в качестве поминально-погребальных комплексов, связанных с почитанием Деметры и Коры (Кленина, Созник 2004: 83—84). Критика и альтернативные гипотезы объясняют возведение круглых конструкций необходимостью использования их в качестве башен (Сапрыкин 2005: 170—171, прим. 69), производственных сооружений (Буйских 2008: 241), холодильных камер с целью хранения мяса, сыра, молока (Ковалевская, Сарновски 2010: 390—391) и даже загона для содержания животных (Кузищин, Иванчик 1998: 227—229). Заметим, что в ряде случаев внутри круглых конструкций помимо керамики удалось

зафиксировать зольные пятна, оставшиеся после костра или ритуальной ямы (глубиной до 0,25 м) (Зубарь 2006: 68—71).

Во втором сложном случае на «Городище 11 км» расположенном недалеко от Керчи, внутри каменных кругов, датируемых I—II вв. н.э., помимо фрагментов керамики также удалось зафиксировать пепельный слой мощностью до 0,15 м, фрагмент черепа собаки (?) и небольшую яму, заваленную мелкими камнями (Свиридов, Язиков 2018: 201—202). В некоторых местах камни кладки каменного круга сохранили следы воздействия сильного огня (Свиридов, Язиков 2018: 203).

Все указанные особенности могут свидетельствовать в пользу сакральной функции указанных сооружений, т.к. обращает на себя внимание главная общая черта для большей части подобных конструкций, во всяком случае, для тех, которые функционировали в период поздней античности, — отсутствие привязки сооружений к конкретным захоронениям. Даже на Илурате, например, такие круги, по сути находящиеся на территории некрополя, были разбросаны по всему плато без видимого порядка и вне связи с конкретными могилами памятника. При этом, что, по нашему мнению, является важной особенностью, датируются они позднеантичным временем, вторичное же использование фиксируется уже в хазарский период в VIII—IX вв. (Хршановский 2014а: 179).

На некрополе Танаиса похожие объекты, начиная с I в., расположены непосредственно на его территории и интерпретируются авторами раскопок как кольцеобразные каменные оградки могил рядовых жителей. Только в последующее время они превращаются в массивные стенки над богатыми могилами (Толочко 2014: 156). Заметим, что по причине разрушения города в III в. эволюция этих, безусловно, важнейших сакральных сооружений в Танаисе была прервана. Вот почему данные сооружения сложно сравнивать, например, с теми же каменными кругами Илурата, датируемыми самое раннее IV в. Тем более, что похожий подход к выделению границы мира живых и мира мертвых на месте захоронения прослеживается и в ряде других мест, например грубые кольцевые выкладки из необработанных известняковых камней, иногда ограничивающие даже по два грунтовых захоронения, на античном некрополе римского времени Зеленый мыс, овально-круглые выкладки из дикарных камней на некрополе Сиреневая бухта или кольцевые оградки, сложенные из необработанных больших камней, на некрополе урочища Сююрташ (Масленников 2000: 138—140).

Еще загадочнее выглядит картина с выявленным А.П. Медведевым необычным сооружением на некрополе Фанагории. Объект датируется по расположенным вблизи могилам IV—V вв. и представляет собой некий ровик в виде правильного кольца с заполнением из супеси желтоватого цвета шириной до 0,5 м. Но самое интересное то, что данное кольцо, также как и каменные круги на Белинском городище и Илурате, напрямую не было связано с погребениями. Внутри ровика погребения отсутствовали. Зато они располагались вокруг данного сооружения, а входная шахта одного из них в виде подбоя, вообще, полностью вписалась в конфигурацию ровика. Другими словами, кольцеобразное сооружение явно было как-то связано с захоронениями (Медведев 2013: 333—334), что, по нашему мнению, сближает данный объект с каменными кругами на других античных некрополях. Конечно, по своей структуре и материалу этот ровик существенно отличается от упомянутых выше каменных кругов, в чем мы согласны с А.П. Медведевым (Медведев 2013: 334). Но исходя из сакрального смысла, которое закладывалось людьми во все эти кольцеобразные конструкции, они могут являться явлением одного духовного порядка. Тем более, что подобные круглые выкладки как из камней (Щукин 2005: 29—33), так и ровики, напоминающие круг из Фанагории (Schmidt 1961: 72—73, abb. 32), по замечанию А.П. Медведева, были характерны и для варварских регионов Северной Европы этого времени.

На Белинском городище в ходе раскопок на раскопе «Восточный» было обнаружено пять компактно сложенных каменных кругов, три из которых были датируемы, так же, как и на Илурате, самое раннее IV в. н.э., остальные два сооружения — салтовским периодом. Сходство данных объектов с похожими конструкциями на Илурате прослеживается, во-первых, по

круглой форме и датировке, во-вторых, по пространственной структуре, не имеющей прямого отношения собственно к погребениям, равно как и характерному расположению на крутых склонах, в-третьих, по связи данных сооружений с обрядами возлияния жидкости. На Илурате система углублений и канавок была выявлена непосредственно в круге, на Белинском городище она зафиксирована рядом с кругами на алтарной вымостке с жертвенным камнем с чашеобразным углублением (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 416—430).

Некоторое сходство указанных сооружений прослеживается и с объектом на городище Китея, который авторы раскопок интерпретировали как святилище, посвященное хтоническому женскому божеству, поклонение которому сохранялось и в позднеантичное время (Молев, Молева 2007б: 84—89). Здесь данное сооружение, расположенное практически в самом центре городища, было также напрямую не связано с захоронениями людей. Две конструкции из четырех данного комплекса имели круглую форму, наличие же более 30 больших боспорских амфор явно указывало на какие-то обряды, которые отправлялись с помощью возлияния жидкости (был предложен вариант купания статуи женского божества и омовения мистов). Однако с такой интерпретацией слабо связаны обнаруженные здесь, как вотивные приношения — бальзамарии, лепные горшочки, так и принесение в жертву собак. Более того, в кладку конструкций аккуратно были вмонтированы надгробия антропоморфного вида. При этом строители явно старались не отбить головы используемых надгробий, несмотря на то, что это создавало проблемы при возведении конструкции (Молев, Молева 2007б: 84—88). Все эти особенности позволяют нам рассматривать данный сакральный комплекс на городище Китея в одной группе интересующих нас объектов, в рамках специфики отправления культа предков на Боспоре.

В этой связи обратим внимание на еще одну особенность, которая несколько выделяет данный комплекс из большинства подобных сооружений. Дело в том, что объект в Китее беспрерывно функционировал с конца II — начала III в. (Молев, Молева 2007а: 222) по V в. включительно (Молев, Молева 2007б: 84), что сближает его по времени с каменными оградками и стенками на некрополе Танаиса в своей нижней дате. Более того, на некрополе Китея, отличающимся монументальными семейными усыпальницами с росписью (Болгов 2021: 235—237), одно из мест захоронений (склеп № 206 II—VI вв.) было также ограничено каменной оградкой овальной формы, напоминающей поминальные кольца Танаиса. Только в данном случае место захоронения в Китее было со временем превращено в особый поминально-погребальный комплекс, где в III—IV вв. целенаправленно осуществлялись жертвоприношения и тризны (Тульпе, Хршановский 1999: 78—82; Болгов, Ляховская, Репина 2010: 20—21). Это позволяет предположить, что второй тип поминально-погребального комплекса античных городищ и поселений является трансформацией первого типа таких объектов, которые, напомним, располагались на некрополях и были привязаны к конкретным могилам.

В этом смысле огромный интерес вызывает обнаруженный не так давно на раскопе Восточный городища «Белинское» новый каменный круг. Он фактически располагается на том же самом участке, что и предыдущие объекты, но датируется несколько более ранним временем — II в., что сближает его с подобными комплексами в других местах. Данная каменная кольцеобразная стена с внутренним диаметром 4,6 м (ограничивающая данное круглое помещение № 55 площадью 23,75 кв. м) была выявлена под слоем зольника, который, похоже, имел отношение к позднескифским хтоническим верованиям (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 427). В позднеантичное время в специальной яме здесь были совершены ритуальные действия, которые мы связали с обрядом героизации умершего, похороненного где-то рядом со святилищем или на некрополе. При этом нами выделены позднескифские черты данного обряда, в первую очередь, трехуровневость ямы-ботроса, демонстрирующей следы варварской трехчленной организации космоса, которая по замыслу и должна была обеспечить обожествление, новое рождение и отправку умершего на небеса (Ярцев, Зубарев, Шушунова 2021: 578—602).

Все это, безусловно, отражает своеобразную региональную трансформацию религиозных представлений в пограничном регионе в результате влияния античной и варварских культур в

эпоху кризиса античной цивилизации и боспорской государственности. Однако по этой же причине возникает огромная сложность в интерпретации подобных религиозных комплексов. Применительно к той же яме-ботросу на Белинском городище не все противоречия были устранены до сих пор. Напомним, что отождествление древнего топора (тёрочника/лощила) с хтоническим женским божеством, олицетворяющим третий нижний сакральный уровень ямы-ботроса, оказалось невозможным. Дело в том, что данный предмет был специально размещен между двумя половинами амфоры, т.е., возможно, с целью воскрешения в новой жизни. В связи с тем, что воскрешать в новой жизни женское божество не имело смысла, мы символически отождествили топор с собственностью умершего и с родом его занятий. Однако давно было замечено, что не каждый положенный в могилу предмет являлся личной собственностью умершего (Грязнов 1961: 144). Более того, очевидно, что такой топор в связи со своей древностью, обладал особой ценностью, и после смерти хозяина не мог не перейти во владение к кому-то еще. Поэтому по причине особой редкости, в момент ритуальных действий, он, скорее всего, являлся общей собственностью всех членов семьи умершего. Следовательно, сакральным смыслом такого обряда могло являться не только создание особых почестей своему умершему родственнику, но и стремление соединить своего обожествленного предка со всеми живыми членами его семьи, т.е. с ближайшими потомками. Возможно, это было необходимо для совершения возрождения умершего и даже реинкарнации образов предков, ныне живущих в божественном мире. Может быть, поэтому в позднеантичное время в подобных святилищах необходимо было использовать именно такие предметы — реликты, которые являлись собственностью всей семьи и поэтому символизировали всех ее членов целиком. Во всяком случае, такие предметы встречаются в интересующих нас круглых комплексах. Для примера приведем находку древнего кремневого орудия и кремневого отщепа из одного такого круга на Илурате (Хршановский 2015: 143). Несмотря на распространенное мнение, что кремень в погребениях могли использовать как огниво (Медведев 2013: 336), все же заметим, что подобные предметы, такие как каменные топоры со сглаженными сколами, не относились только к амулетами и оберегам (Яценко 2007: 275—278). Это были не просто редкие и дорогие вещи, они, по мнению людей, падали с неба и поэтому являлись таинственными и священными предметами, которые давали их владельцу богатство и большую власть (Карутц 1911: 124; Клейн 1978: 58), что, безусловно, дает нам право относить их к семейным реликвиям, со всеми вытекающими последствиями. Может именно поэтому В.А. Хршановский отмечает, что встречаемость вещей обладающих особой «сакральной» значимостью (кремневых орудий, нуклеусов, отщепов) в ходе исследований погребально-поминальных комплексов и святилищ на том же Илуратском плато, не просто эпизодическое, а является закономерностью (Хршановский 2014б: 435). Более того, в погребениях столичной знати в склепах первого хронологического периода по И.П. Засецкой (конец IV — первая половина V в.), в которых явно наблюдалось смешение традиций готов, гуннов, и сармато-аланов, также начинает фиксироваться одна своеобразная особенность, ставшая, по мнению, исследовательницы, главной их отличительной чертой — устойчивое использование в погребальном обряде вещей более древнего периода (Засецкая 1996: 34; 2002: 311—320). Все эти действия родственников в обрядовой составляющей культа предков, скорее всего, не случайны и явно отражают его серьезную трансформацию.

При этом, как и ранее, отправление подобных ритуалов в поминально-погребальных комплексах второго типа с использованием вышеуказанных необычных предметов продолжало обеспечивать умершему лучшую участь в новой жизни. Однако в первых веках н.э. она все более отождествлялась уже не с мрачным Аидом, а с райской обителью героев (Диатроптов 2001: 58—59), которое в сознании людей все увереннее связывалось со звездами и небесами (Plato. Republ., 614, 621; Plut. Romul., XXVIII) (Cumont 1959: 103, 105, 167—169; Штаерман 1961: 288; Соломоник 1973: 70—77).

Для членов же конкретной семьи подобные ритуальные действия, означали, что все живые и давно умершие родственники объединялись в одну духовную силу, пронизанную божественной благодатью, что, по мнению людей, обеспечивало им лучшую максимальную сакральную защиту

от зла. Другими словами, скорее всего, речь стала идти о духовном соединении не, как раньше умершего с эллинскими богами, которые к этому времени, по-видимому, уже сильно дискредитировали себя, а именно живых людей со своими умершими предками — новыми божествами хтонического мира. Смысл таких изменений заключался в том, что боги — предки теперь стали представляться сверхъестественными персонажами более высокого ранга, что полностью отвечало потребностям конкретной семьи и изменившейся ситуации в позднеантичном мире. Такие боги — родственники, в отличие от традиционных эллинских богов, отличались от обычных божеств наличием любви к своим детям и внукам, что давало людям практически абсолютную гарантию в помощи и защите в трудной жизненной ситуации, а также убеждало их в надежде на спасение. Возможно, что люди после такого магического ритуала считали себя возрожденными в особой контактной зоне, расположенной между реальным и божественным мирами, что обеспечивало им по жизни постоянный пристальный надзор родственных потусторонних сил, и, следовательно, максимальное их покровительство.

Таким образом, очевидно, что поминально-погребальные комплексы античных городищ и поселений были двух типов. Одни из них были явно связаны территориально с конкретными погребениями на античных некрополях. Именно на них отправлялись тризны, следующие непосредственно сразу же после совершения погребения, совершались обряды, имеющие отношение к обычаям посещения могилы после похорон, а также к ежегодным праздникам, посвященным умершим предкам.

Что же касается второго типа поминально-погребальных комплексов античных городищ и поселений, расположенных как на некрополях, так и на городищах, то в большинстве случаев они не были привязаны к конкретным захоронениям, и скорее всего, являлись результатом постепенной трансформации первого вида подобных объектов. Другими словами, они отражали сложный процесс кризиса демократизации апофеоза умерших, начавшегося еще в первые века н.э. Однако только в IV в., по причине провала массовой героизации и неспособностью справиться с усиливающимся злом с помощью обожествленных родственников, произошла неизбежная и окончательная трансформация данных комплексов в объекты для отправления совершенно новой особой сакральной практики.

Судя по анализу полученного нами археологического материала, именно на участках второго вида поминально-погребальных комплексов, члены семьи стали совершать сложные магические действия, способствующие соединению всей семьи в единую духовную могучую силу, в которой фактически сливались живые и мертвые родственники в целостный организм, пронизанный божественной благодатью. Теперь не погребенный родственник сливался как раньше с эллинскими богами, а живые люди соединялись со своими умершими предками — новыми божествами хтонического мира. Не исключено, что статус богов — предков, в представлениях людей теперь стал гораздо выше, чем был раньше. Такие боги — родственники, в отличие от традиционных эллинских богов, отличались наличием любви к своим детям и внукам, что давало людям надежде на спасение и защиту. При этом защитное действие потусторонних сил пронизывало божественной благодатью всех членов большой семьи, как умерших предков, так и ныне живущих потомков что, по мнению людей, обеспечивало лучшее сакральное покровительство в изменяющемся мире. Не исключено, что живые потомки после такого ритуала могли представлять себя возрожденными в особой контактной зоне под пристальным взором родственных потусторонних сил. Возможно именно по этой причине такие обряды, затрагивающие, как мертвых, так и живых, безопасней всего было проводить не на конкретных могилах, а в пограничных местах между городом живых и городом мертвых. Допускаем, именно этим и должна объясняться выявленная учеными специфика расположения поминально-погребальных комплексов второго типа на античных городищах и некрополях.

Литература

Болгов Н.Н. 2021. *Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III — 1-я пол. VII в.)*. Белгород: ИД «БелГУ».

Болгов Н.Н., Ляховская О.В., Репина Е.В. 2010. Боспорский город Китей в позднеантичный период: микрозона, городище, некрополь. В: Кузищин В.И. (ред.). *Причерноморье. История, политика, культура.* Вып. III. Серия А. *Античность и средневековье: избранные материалы международной научной конференции «Лазаревские чтения».* Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 18—24.

Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху.* Симферополь: ТОВ «Керченьска міська друкарня».

Грязнов М.П. 1961. Так называемые оселки скифо-сарматского времени. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Исследования по археологии СССР: сборник статей в честь М.И. Артамонова.* Ленинград: ЛГУ, 139—144.

Диатроптов П.Д. 2001. *Культ героев в античном Северном Причерноморье.* Москва: Индрик.

Засецкая И.П. 1996. Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV—V вв. н.э.) Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Москва: Институт археологии РАН.

Засецкая И.П. 2002. Три хронологических индикатора боспорского некрополя раннесредневекового периода. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен.* Ч. I. *Погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 311—320.

Зубарь В.М. 2006. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове. *ПИФК* XVI/1, 65—87.

Карутц Р. 1911. *Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке.* Санкт-Петербург: А.Ф. Девриен.

Клейн Л.С. 1978. *Археологические источники.* Ленинград: ЛГУ.

Кленина Е.Ю., Созник В.В. 2004. *Керамические сосуды II—III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы».* Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza; Instytut historii.

Ковалевская Л.А., Сарновски Т. 2010. Сельские усадьбы Херсонеса Таврического в римское время: итоги исследований украинско-польской экспедиции. *БИ* XXIII, 379—410.

Крапивина В.В. 2012. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья. *БИ* XXVI, 182—217.

Кузищин В.И. Иванчик А.И. 1998. «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 205—233.

Масленников А.А. 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. *ДБ* 3, 136—200.

Масленников А.А. 2010. *Царская хора Боспора: (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 1. *Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников.* Москва: Триумф-принт.

Медведев А.П. 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории IV—V вв. (раскопки 2005 г.). В: Кузнецов В.Д. (ред.). *Фанагория.* Т. 1. *Результаты археологических исследований.* Москва: Институт археологии РАН, 330—402.

Молев Е. А., Молева Н. В. 2007а. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *БЧ* VIII. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты.* Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 219—225.

Молев Е.А., Молева Н.В. 2007б. О культовой принадлежности архитектурного комплекса II—V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища. В: Зинько В.Н., Крапивина В.В. (ред.). *Древности Северного Причерноморья в античное время.* Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения А.Е. Крымского НАН Украины, 84—89.

Молев Е.А., Молева Н.В. 2022. Практика жертвоприношений в святилищах боспорского города Китея. В: Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: большие и малые города Боспорского царства: «круглый стол», посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947—2021)*. Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 192—206.

Папанова В.А. 2006. Урочище Сто могил — некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знания Украины.

Петрухин В.Я. 2010. *Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов*. Москва: АСТ; Астрель.

Русяева А.С. 2005. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев.* Киев: Стилос.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху.* Москва: Наука.

Свиридов А. Н., Язиков С. В. 2018. Круглые каменные сооружения на поселении «Городище 11 км» на Керченском полуострове. *ДБ* 23, 201—212.

Соломоник Э.И. 1973. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам). *ВДИ* 1, 55—77.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. 2017. *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Толочко И.В. 2014. Погребения грунтового некрополя Танаиса I—III вв. н.э. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 155—161.

Тульпе И.А. 2014. Семиотическая вселенная некрополя. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 197—204.

Тульпе И.А., Хршановский В.А. 1999. Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея. В: Борисковская С.П. (ред.). *Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 78—82.

Ханутина З.В., Хршановский В.А. 2003. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата. *БИ* III, 315—328.

Хршановский В.А. 2014а. Археологические исследования Илуратского плато: (ретроспектива и перспектива). В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 172—182.

Хршановский В.А. 2014б. Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илуратского плато). В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *БЧ* XV. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии.* Керчь: Крымское отделение Института востоковедения, 433—438.

Хршановский В.А. 2015. Круглые святилища на илуратском плато: Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности. *Таврические студии. Исторические науки* 7, 142—147.

Хршановский В.А. 2017. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато и Китейской равнины). *Таврические студии. Исторические науки* 12, 158—166.

Штаерман Е.М. 1961. *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи.* Москва: АН СССР.

Щукин М.Б. 2005. *Готский путь: (готы, Рим и черняховская культура).* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. *Греко-варварский Крым в период поздней античности (III—IV вв.н.э.: от морских походов до битвы при Андрианополе).* Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Шушунова Е.В. 2021. Особенности культа предков в Северном Причерноморье позднеантичного времени (по материалам городища «Белинское»). *МАИАСП* 13, 578—602. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.65.89.015.

Яценко С.А. 2007. Орудия ранних эпох в погребальных и жилых комплексах античных городов Северного Причерноморья и окружающих варварских племен. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен.* Ч. II. *Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной конференции.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 275—278.

Carland R. 1985. *The Greek Way of Death.* London: Duckworth.

Cumont F. 1959. *After life in Roman Paganism.* New York: Dover.

Schmidt B. 1961. *Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland: Katalog (Nord und Ostteil).* Halle-Saale: Niemeyer.

References

Bolgov, N.N. 2021. *Severnoe Prichernomor'e ot antichnosti k srednevekov'yu (2-ya pol. III — 1-ya pol. VII v.) (Northern Black Sea region from antiquity to the Middle Ages (2nd half of the 3rd — 1st half of the 7th century)).* Belgorod: ID "BelGU" (in Russian).

Bolgov, N.N., Lyahovskaya, O.V., Repina, E.V. 2010. In: Kuzishchin, V.I. (ed.). *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura (Black Sea region. History, politics, culture).* Iss. III. Series A. *Antichnost' i srednevekov'e: izbrannye materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii "Lazarevskie chteniya"*

(Antiquity and the Middle Ages: Selected Materials of the International Scientific Conference "Lazarev Readings"). Sevastopol: Filial MGU v g. Sevastopole, 18—24 (in Russian).

Buyskih, A.V. 2008. *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (Spatial development of Chersonese Tauride in the ancient era).* Simferopol: TOV "Kerchen'ska mis'ka drukarnya" (in Russian).

Gryaznov, M.P. 1961. Tak nazyvaemye oselki skifo-sarmatskogo vremeni. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Issledovaniya po arheologii SSSR: sbornik statej v chest' M.I. Artamonova (Research in archeology of the USSR: a collection of articles in honor of M.I. Artamonov).* Leningrad: LGU, 139—144 (in Russian).

Diatroptov, P.D. 2001. *Kul't geroev v antichnom Severnom Prichernomor'e (The cult of heroes in the antique Northern Black Sea region).* Moscow: Indrik (in Russian).

Zaseckaya, I.P. 1996. Steppes of the Northern Black Sea Region and the Bosporus in the Hun era (late 4th — 5th centuries CE). Problems of chronology and ethno-cultural affiliation. Dr. habil. Thesis. Moscow: Institut arheologii RAN.

Zaseckaya, I.P. 2002. Tri hronologicheskih indikatora bosporskogo nekropolya rannesrednevekovogo perioda. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen (Bosporan phenomenon)*. Pt. I. *Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Materialy mezhdunarodnoy konferencii (Funerary monuments and sanctuaries. Materials of the international conference).* Saint Peterbsurg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 311—320 (in Russian).

Zubar, V.M. 2006. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (*Problems of history, philology, culture*) XVI/1, 65—87 (in Russian).

Karutc, R. 1911. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake (Among the Kirghiz and Turkmens on Mangyshlak).* Saint Petersburg: A.F. Devrien (in Russian).

Kleyn, L.S. 1978. *Arheologicheskie istochniki (Archaeological sources).* Leningrad: LGU (in Russian).

Klenina, E.Yu, Soznik, V.V. 2004. *Keramicheskie sosudy II—III vv. n.e. iz usad'by "Bliznecy" (Ceramic vessels of the 2nd — 3rd centuries CE from the estate "Gemini").* Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza; Instytut historii (in Russian).

Kovalevskaya, L.A., Sarnovski, T. 2010. In *Bosporskie issledovaniya* (*Bosporos Studies*) XXIII, 379—410 (in Russian).

Krapivina, V.V. 2012. In *Bosporskie issledovaniya* (*Bosporos Studies*) XXVI, 182—217 (in Russian).

Kuzishchin, V.I. Ivanchik, A.I. 1998. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 205—233 (in Russian).

Maslennikov, A. A. 2000. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 3, 136—200 (in Russian).

Maslennikov, A.A. 2010. *Tsarskaya khora Bospora: (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye) (Royal chorus of the Bosporus: (based on excavations in the Crimean Sea of Azov)*. Vol. 1. *Arhitekturno-stroitel'naya i arheologicheskaya harakteristika pamyatnikov (Architectural, construction and archaeological characteristics of monuments).* Moscow: Triumf-print (in Russian).

Medvedev, A.P. 2013. Pozdneantichnyi nekropol' Fanagorii IV—V vv. (raskopki 2005 g.). In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Fanagoriya (Phanagoria)*. Vol. 1. *Rezul'taty arheologicheskih issledovaniy (Results of archaeological research).* Moscow: Institut arheologii RAN, 330—402 (in Russian).

Molev, E.A., Moleva, N.V. 2007a. In: Aybabin, A.I., Zinko V.N. (eds.). Bosporskie chteniya (Bosporan Readings) VIII. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Svyatilishcha i sakral'nye ob'ekty (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Sanctuaries and sacred objects).* Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NAN Ukrainy, 219—225 (in Russian).

Molev, E.A., Moleva, N.V. 2007b. In: Zinko, V.N., Krapivina, V.V. (eds.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoe vremya (Antiquities of the Northern Black Sea region in ancient times).* Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya A.E. Krymskogo NAN Ukrainy, 84—89 (in Russian).

Molev, E.A., Moleva, N.V. 2022. In: Khrshanovsky, V.A. (ed.). *Bosporskiy fenomen: bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva: "kruglyi stol", posvyashchennyi 75-letiyu E.A. Moleva (1947—2021) (The Bosporan Phenomenon: Large and Small Cities of the Bosporan Kingdom: A Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of E.A. Molev (1947—2021)).* Saint Petersburg: IPC SPbGUPTD, 192—206 (in Russian).

Papanova, V.A. 2006. *Urochishche Sto mogil — nekropol' Ol'vii Pontiyskoy (The tract Sto mogil — the necropolis of Pontic Olbia).* Kyiv: Znaniya Ukrainy (in Russian).

Petruhin, V.Ya. 2010. *Zagrobnyi mir. Mify o zagrobnom mire: mify raznyh narodov (Afterworld. Myths about the afterlife: myths of different peoples).* Moscow: AST; Astrel' (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 2005. *Religiya pontiyskih ellinov v antichnuyu epohu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskih bogov i geroev* (*The Religion of the Pontic Hellenes in Antiquity: Myths. Sanctuaries. Cults of the Olympic gods and heroes).* Kyiv: Stilos (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 23, 201—212 (in Russian).

Solomonik, E.I. 1973. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 55—77 (in Russian).

Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A. 2017. *Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Epoha pozdney bronzy. Ranniy zheleznyi vek. Antichnost' (Archaeological atlas of the Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity).* Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Tolochko, I.V. 2014. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovsky, V.A. (eds.). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova (Burial culture of the Bosporan kingdom. Materials of the round table dedicated to the 100th Anniversary of the birth of M.M. Kublanov).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 155—161 (in Russian).

Tul'pe, I.A. 2014. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovsky, V.A. (eds.). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova (Burial culture of the Bosporan kingdom. Materials of the round table dedicated to the 100th Anniversary of the birth of M.M. Kublanov).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 197—204 (in Russian).

Tul'pe, I.A., Khrshanovsky, V.A. 1999. In: Boriskovskaya, S.P. (ed.). *Bosporskiy gorod Nimfey: novye issledovaniya i materialy i voprosy izucheniya antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 60-letiyu Nimfejskoy arheologicheskoy ekspedicii i 70-letiyu so dnya rozhdeniya N.L. Grach (The Bosporan City of Nymphaeum: New Research and Materials and Issues of Studying the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region: International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Nymphaeological Expedition and the 70th Anniversary of the Birth of N.L. Grach).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 78—82 (in Russian).

Khanutina, Z.V., Khrshanovsky, V.A. 2003. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* III, 315—328 (in Russian).

Khrshanovsky, V.A. 2014a. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovsky, V.A. (ed.). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova (Burial culture of the Bosporan kingdom. Materials of the round table dedicated to the 100th Anniversary of the birth of M.M. Kublanov).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 172—182 (in Russian).

Khrshanovsky, V.A. 2014b. In: Zinko, V.N., Zinko, E.A. (eds.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* XV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy hronologii (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Actual problems of chronology).* Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya, 433—438 (in Russian).

Khrshanovsky, V.A. 2015. In *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki (Tauride studios. Historical sciences)* 7, 142—147 (in Russian).

Khrshanovsky, V.A. 2017. In: *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki (Tauride studios. Historical sciences)* 12, 158—166 (in Russian).

Shtaerman, E.M. 1961. *Moral' i religiya ugnetennyh klassov Rimskoy imperii (Morality and Religion of the Oppressed Classes of the Roman Empire).* Moscow: AN SSSR (in Russian).

Shchukin, M.B. 2005. *Gotskiy put': (goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura) (Gothic way: (Goths, Rome and Chernyakhov culture)).* Saint Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU (in Russian).

Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskiy, A.Yu. 2015. *Greko-varvarskiy Krym v period pozdney antichnosti (III—IV vv. n.e.: ot morskih pohodov do bitvy pri Adrianopole) (Greco-barbarian Crimea in late antiquity (3rd — 4th centuries CE: from sea campaigns to the battle of Adrianople)).* Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).

Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Shushunova, E.V. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 578—602. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.65.89.015 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2007. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen (Bosporan phenomenon)*. Pt. II. *Sakral'nyi smysl regiona, pamyatnikov, nahodok. Materialy mezhdunarodnoy konferencii (Sacred meaning of the region, monuments, finds. Materials of the international conference).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 275—278 (in Russian).

Carland, R. 1985. *The Greek Way of Death.* London: Duckworth.

Cumont, F. 1959. *After life in Roman Paganism.* New York: Dover.

Schmidt, B. 1961. *Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland: Katalog (Nord und Ostteil).* Halle-Saale: Niemeyer.

DOI: 10.53737/1325.2023.67.90.012

Е.В. Вдовченков, О.Ю. Арамова, Джи Ын Ли, Д.К. Леонова, В.С. Флоринская, А.А. Тищенко, И.В. Корниенко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОНСКИХ МЕОТОВ И САРМАТОВ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АУТОСОМНЫХ STR-ЛОКУСОВ)*

Цель исследования — выявление мажорных аллелей для популяций нижнедонских меотов и сарматов и сравнение их частотности с частотностью метапопуляций. Проведено исследование популяционных характеристик по аутосомным STR-локусам на основе анализа 7 погребений курганного могильника Черкасов, относящегося к средне- и позднесарматской культуре, 24 погребений меотской культуры некрополя Нижнегниловского городища и 3 погребений меотской культуры некрополя Темерницкого городища. Данные сопоставлены с результатами археологических и антропологических исследований меотов и сарматов Нижнего Дона.

Ключевые слова: аутосомные STR-локусы, ДНК-идентификация, популяционная выборка, генетическое разнообразие, меоты, сарматы, Нижнее Подонье.

Сведения об авторах: Вдовченков Евгений Викторович[1], кандидат исторических наук, Южный федеральный университет; Арамова Ольга Юрьевна[2], Южный федеральный университет; Джи Ын Ли[3], кандидат исторических наук, Азиатско-Тихоокеанский региональный секретариат Организации Городов Всемирного Наследия; Леонова Дарья Константиновна[4], Южный федеральный университет; Флоринская Валерия Сергеевна[5], Южный федеральный университет; Тищенко Анна Александровна[6], Южный федеральный университет; Корниенко Игорь Валериевич[7], доктор биологических наук, Южный федеральный университет.

Контактная информация: [1,2,4—7]344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Южный федеральный университет, e-mail: [1]evvdovchenkov@sfedu.ru; [2]aramova@sfedu.ru; [4]dfedchenko@yandex.ru; [5]vhadyka@sfedu.ru; [6]tishche@sfedu.ru; [7]ivkornienko@sfedu.ru; [3]38102, Республика Корея, г. Кёнгджу, Ул.Янджонгро, 260, Мэрия города Кёнгджу, Азиатско-Тихоокеанский региональный секретариат Организации Городов Всемирного Наследия (ОГВН-АТ), e-mail: johannalee@korea.kr.

E.V. Vdovchenkov, O.Yu. Aramova, Ji Eun Lee, D.K. Leonova, V.S. Florinskaya, A.A. Tishchenko, I.V. Kornienko

THE ORIGIN OF THE DON MAEOTIANS AND SARMATIANS ACCORDING TO PALAEOGENETIC DATA (BASED ON RESULTS OF AUTOSOMAL STR LOCI)

The aim of the study was to identify major alleles for populations of the Lower Don Maeotians and Sarmatians and compare their frequency with that of metapopulations. Population characteristics by autosomal STR loci have been studied based on the analysis of 7 burials from the Cherkasov barrow ground attributed to the Middle and Late Sarmatian Culture, 24 burials of the Maeotian Culture from the necropolis of the Nizhnegnilovskaia city site, and 3 burials of the Maeotian Culture from the necropolis of the Temernik city site. The data obtained were compared with the results of archaeological and anthropological studies of the Maeotians and Sarmatians of the Lower Don.

Key words: autosomal STR loci, DNA-identification, population sample, genetic diversity, Maeotians, Sarmatians, Lower Don area.

* Исследование было выполнено в рамках реализации гранта РНФ 22-28-02000 «Комплексное историко-культурное и молекулярно-генетическое исследование древнего населения Нижнего Подонья в сарматское время».

Статья поступила в номер 11 июля 2023 г.
Принята к печати 31 июля 2023 г.

© Е.В. Вдовченков, О.Ю. Арамова, Джи Ын Ли, Д.К. Леонова, В.С. Флоринская, А.А. Тищенко, И.В. Корниенко, 2023.

About the authors: Vdovchenkov Evgeny Viktorovich[1], PhD (History), Southern Federal University; Aramova Olga Yurievna[2], Southern Federal University; Ji Eun Lee[3], PhD (History), Organization of World Heritage Cities, Asia-Pacific Regional Secretariat; Leonova Daria Konstantinovna[4], Southern Federal University; Florinskaya Valeriya Sergeevna[5], Southern Federal University; Tishchenko Anna Alexandrovna[6], Southern Federal University; Kornienko Igor Valerievich[7], Dr. habil. (Biology), Southern Federal University.

Contact information: [1,2,4–7]344006, Russia, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Southern Federal University, e-mail: [1]evvdovchenkov@sfedu.ru; [2]aramova@sfedu.ru; [4]dfedchenko@yandex.ru; [5]vhadyka@sfedu.ru; [6]tishche@sfedu.ru; [7]ivkornienko@sfedu.ru; [3]38102, Republic of Korea, Gyeongsanbuk-do, Gyeongju, St.Yangjeongro 260, Cityhall of Gyeongju, Asia-Pacific Regional Secretariat of the Organization of World Heritage Cities (OWHC-AP), e-mail: johannalee@korea.kr.

Материалы и методы

Образцы

В исследовании использованы костные образцы из погребений могильников Нижнегниловского и Темерницкого городищ, оба располагаются на территории г. Ростова-на-Дону и принадлежат к меотской культуре Нижнего Дона (рис. 1: 1, 3). В ходе работы был привлечен костный материал из шести погребений Темерницкого городища (ООО «АНИБ», раскопки И.Н. Парусимова по адресу ул. Социалистическая 36, 2020 г.) и 30 погребений Нижнегниловского городища (раскопки ГАУК РО «Донское наследие», 2021 г.). В результате анализа были выявлены аутосомные STR-локусы в трех погребениях из могильника Темерницкого городища (№ 2, 3, 6) и 24 погребениях некрополя Нижнегниловского городища (Екатерининский 2021, раскоп 8, № 150, 106, 198, 199, 203, 213, 219, 220, 238, 246, 247, 258, 266, 269, 272, 274, 275, 285, 288, 295, 296, 298, 304, 309).

Погребения из некрополя Темерницкого городища относятся ко второй половине II в. н.э. Погребения из некрополя Нижнегниловского городища датируются I—III вв. н.э. Для скелетов из погребений 1, 4 и 5 из некрополя Темерницкого городища и 6 скелетов из некрополя Нижнегниловского городища установить генотип не представилось возможным, вследствие сильной деградации генетического материала.

В работе также использованы материалы 7 погребений из курганных могильников Черкасов V, Черкасов VI, Черкасов IX, Черкасов X Аксайского района Ростовской области (рис. 1: 2) к западу от г. Новочеркасск (ЗАО «Окн-Проект», раскопки С.С. Вострикова, 2021 г.). Погребение Черкасов X курган 1, погребение 1 относится к позднесарматской культуре (Безуглов, Востриков 2022) и датируется поздним II — началом III в. н.э. Остальные шесть погребений курганного могильника Черкасов относятся, видимо, к среднесарматской культуре. В связи с ограбленностью могильника нельзя дать его точную характеристику. Погребения Черкасов V курган 1, погребение 1, Черкасов IX курган 3, погребение 2 с уверенностью характеризуются как среднесарматские. Для остальных — Черкасов IX курган 1, погребение 1, VI курган 2, погребение 1, IX курган 3, погребение 1 — основанием для этого является наличие широких подпрямоугольных ям, характерных для среднесарматской культуры, южная ориентировка, характеристика керамического материала. Таким образом, эти шесть погребений датируются I — первой половиной II вв. н.э.

Пробоподготовка костных объектов

Пробоподготовка, а также экстракция ДНК из археологических образцов проводилась в заранее подготовленном помещении: на протяжении двух суток оно подвергалось облучению с помощью облучателя-рециркулятора закрытого типа «Дезар-7» (Кронт-М) (суммарная мощность излучения составляла 100 Вт). Горизонтальные поверхности, а также полы и стены помещения обрабатывали 10%-ным коммерческим раствором «Белизна». Затем, помещение в течение суток вновь подвергалось облучению с помощью облучателя-рециркулятора.

Во избежание контаминации пробоподготовку к экстракции ДНК осуществляли с использованием персональных стерильных средств защиты (халатов, одноразовых масок, шапочек и перчаток) в отдельной комнате.

Получение костного порошка проводили в соответствии с методиками, разработанными И.В. Корниенко и соавторами (Корниенко, Харламов 2012; Корниенко и др. 2021). Его обработку производили с использованием инновационных деконтаминационных растворов (Арамова и др. 2019; Патент 2789387). Уникальность метода заключается в использовании композиции растворов, способных к деградации как свободной ДНК, так и ДНК в составе различных биологических структур, в то время как действие продуктов-аналогов, направлено только лишь на «голые» молекулы ДНК.

Экстракцию ДНК из костного порошка исследуемых образцов проводили в трех независимых параллелях методом органической экстракции (Корниенко и др. 2021) с применением концентрирующих колонок «Amicon Ultra-4, ultracel 30K» (Merck).

Оценка концентрации выделенной ДНК

С целью нормирования концентрации ДНК осуществляли амплификацию ДНК в режиме реального времени (ПЦР-РВ). Измерение концентрации активной ДНК-матрицы реализовывали в автоматическом режиме посредством калибровочной кривой, полученной в ходе амплификации пятикратно разбавленной стандартной ДНК коммерческой тест-системы «XY-Детект» (Синтол, Россия) (использованные концентрации: 5 нг/мкл, 1 нг/мкл, 0,2 нг/мкл, 0,04 нг/мкл, 0,008 нг/мкл) при помощи термоциклера с мультиканальным детектором iQ5 (Bio-Rad, США) в 3 повторностях.

Для ПЦР-РВ использовали следующую программу: предварительная инкубация при 95° С в течение 285 с, затем 45 циклов, каждый из которых включал денатурацию (95° С, 15 с), отжиг праймеров (58° С, 15 с) и элонгацию цепи (72° С, 35 с). Эффективность ПЦР-РВ, вычисленная по стандартной кривой, составляла 0,92. Анализ данных проводился при помощи программы «iQ5 Optical System Software» (версия 2.0). Оценку концентрации древней ДНК проводили по каналу FAM (фрагмент гена *HBB* размером 120 н.п.). Концентрация активной ДНК-матрицы полученных препаратов составила не менее $2{,}29 \times 10^{-3}$ нг/мкл.

Типирование STR-локусов по системе COrDIS «ЭКСПЕРТ 26» (AMEL, SRY, D3S1358, TH01, D12S391, D5S818, TPOX, Yindel, D2S441, D7S820, D13S317, FGA, D22S1045, D18S51, D16S539, D8S1179, CSF1PO, D6S1043, vWA, D21S11, SE33, D10S1248, D1S1656, D19S433, D2S1338, DYS391)

Амплификацию STR-локусов осуществляли с использованием набора «COrDIS ЭКСПЕРТ 26» (GORDIZ) с помощью с помощью термоциклера GeneAmp PCR System 9700 (Applied Biosystems) согласно стандартному протоколу для объема реакционной смеси 10 мкл (COrDIS ЭКСПЕРТ 26). Фрагментный анализ образцов проводили с помощью ДНК-анализатора ABI PRISM 3130xl (Applied Biosystems) согласно руководству пользователя. Обработку результатов электрофореза и идентификацию аллелей проводили с помощью программы GeneMapper ID (версия 3.2). Для каждого из препаратов ДНК типирование производили в 5 повторностях.

Типирование STR-локусов по системе AmpFLSTR™ Identifiler™ Plus (D21S11, CSF1PO, vWA, D8S1179, TH01, D18S51, D5S818, D16S539, D3S1358, D2S1338, TPOX, FGA, D7S820, D13S317, D19S433)

Амплификацию STR-локусов осуществляли с использованием набора «AmpFLSTR Identifiler Plus PCR Amplification Kit» (Applied Biosystems) с помощью с помощью термоциклера GeneAmp PCR System 9700 (Applied Biosystems) согласно стандартному протоколу (AmpFLSTR Identifiler 2023). Фрагментный анализ образцов проводили с помощью ДНК-анализатора ABI PRISM 3130xl

(Applied Biosystems) согласно руководству пользователя. Обработку результатов электрофореза и идентификацию аллелей проводили с помощью программы GeneMapper ID (версия 3.2). Для каждого из препаратов ДНК типирование производили в 5 повторностях.

Статистический анализ

Оценка популяционных характеристик была произведена с использованием базы данных «pop.STR» (AmpFLSTR Identifiler 2023).

Общий коэффициент LR по всем исследуемым локусам (при независимости частот аллелей) оценивается произведением локальных коэффициентов по всем локусам:

$$LR = LR_1 \times LR_i \times \ldots \times LR_L$$

Если LR > 1, то это свидетельствует в пользу первой гипотезы, в противном случае — в пользу второй гипотезы. И чем больше это соотношение, тем больше вероятность что гипотеза 1 верна (Buckleton и др. 2016: 39).

Результаты и обсуждение

Результаты генотипирования аутосомных STR локусов семи скелетов сарматов из курганных могильников «Черкасов» и двадцати семи меотов нижнедонских некрополей представлены в табл. 1 и 2 соответственно.

Для проведения популяционно-статистических расчетов были выбраны локусы, где частота идентифицированных аллелей ≥ 8. Для индивидуумов сарматского происхождения было выбрано 10 локусов D3S1358, TH01, D1S1656, D10S1248, D22S1045, D2S441, D7S820, TPOX, D18S51, SE33 (табл. 3). Для меотов было определено 11 локусов D8S1179, D21S11, D7S820, D3S1358, TH01, D16S539, D19S433, vWA, TPOX, D5S818, FGA (табл. 4).

Для определения того, какая доля представителей метапопуляций имеет те или иные аллели, присущие исследуемым представителям сарматов и меотов, была рассчитана сумма частот встречаемости аллелей по каждому локусу в каждой метапопуляции международной базы данных «pop.STR» (spsmart.cesga.es: 1).

Для определения того, какая доля представителей метапопуляций имеют аллели, встречающиеся у представителей сарматов и меотов по всем исследуемым локусам, были вычислены вероятности путем перемножения сумм частот встречаемости аллелей для каждой метапопуляции международной базы данных «pop.STR». Результаты представлены в табл. 3 «Вероятность встречаемости генетических признаков меотов и сарматов у представителей метапопуляций международной базы данных».

Для определения вероятности того, что исследуемые генетические признаки характерны для той или иной метапопуляции, рассчитывали коэффициент правдоподобия гипотез (LR) о принадлежности к той или иной метапопуляции, что косвенно указывает на генетическое происхождение представителей сарматов (табл. 4) или меотов (табл. 5).

Как следует из табл. 4, оценка LR = P («Central South Asia») / P («Africa») = 2.909 свидетельствует в пользу предположения о принадлежности STR-генотипа к популяционной выборке «Central South Asia», нежели к «Africa». В этом случае показатель LR свидетельствует, что в 2,9 раза гипотеза об центральном южно-азиатском происхождении сарматов более правдоподобна, чем гипотеза об их африканском происхождении.

Как следует из табл. 5, оценка LR = P («Central South Asia») / P («Africa») = 3.524 свидетельствует в пользу предположения о принадлежности STR-генотипа к популяционной выборке «Central South Asia», нежели к «Africa». В этом случае показатель LR свидетельствует, что в 3,5 раза гипотеза об центральном южно-азиатском происхождении меотов более правдоподобна, чем гипотеза об их африканском происхождении. Оценка LR = P («Europe») / P («Africa») = 3.591

свидетельствует в пользу предположения о принадлежности STR-генотипа к популяционной выборке «Europe», нежели к «Africa». В этом случае показатель LR свидетельствует, что в 3,6 раза гипотеза об европейском происхождении меотов более правдоподобна, чем гипотеза об их африканском происхождении. Таким образом, показатель LR для представителей меотов свидетельствует в пользу центрально южно-азиатского или европейского происхождения.

С учетом частот наиболее часто встречающихся аллелей у сарматов и меотов были рассчитаны коэффициенты правдоподобия (LR) на основе сравнения частот таких же аллелей в метапопуляциях. Например, в локусе D22S1045 в сарматской выборке чаще всего встречается аллель 11 (с частотой 0.38), так же этот аллель чаще всего характерен для восточноазиатской метапопуляции (0.268).

Как следует из табл. 6 «Расчет коэффициентов правдоподобия гипотез (LR) с учетом частот мажорных аллелей о принадлежности сарматов к той или иной метапопуляции», оценка LR = P («East Asia») / P («Africa») = 75,9 свидетельствует в пользу предположения о принадлежности наиболее часто встречающихся аллелей сарматов к популяционной выборке «East Asia», нежели к «Africa». В этом случае показатель LR свидетельствует, что в 75,9 раз гипотеза восточноазиатском происхождении сарматов более правдоподобна, чем гипотеза об их африканском происхождении.

Как следует из табл. 7 «Расчет коэффициентов правдоподобия гипотез (LR) с учетом частот мажорных аллелей о принадлежности меотов к той или иной метапопуляции», оценка LR = P («Europe») / P («East Asia») = 4,27 свидетельствует в пользу предположения о принадлежности наиболее часто встречающихся аллелей сарматов к популяционной выборке «Europe», нежели к «East Asia». В этом случае показатель LR свидетельствует, что в 4,27 раз гипотеза о европейском происхождении меотов более правдоподобна, чем гипотеза об их восточноазиатском происхождении.

Объединяя полученные результаты LR исследованных представителей, можно сделать вывод об азиатском происхождении сарматов и о европейском происхождении меотов.

Историко-археологический комментарий

Изучение происхождения как сарматов, так и меотов, сталкивается с рядом сложных задач, главная из которых — специфика археологических источников.

Происхождение меотской культуры

Меоты — древний оседлый народ, живший преимущественно на нижней и средней Кубани, вдоль юго-восточного побережья Азовского моря, в VIII в. до н.э. — III в. н.э., а также на Нижнем Дону в I—III вв. н.э. (Отражение прошлого 2000; Каменецкий 2011; Тохтасьев 2017). Меоты связывают с меотской культурой. Здесь рассматриваются именно донские меоты, но их связь с меотами Кубани и Восточного Приазовья общепризнана. Более того, по-нашему мнению, именно донские меоты отражены на Певтингеровой карте термином «meote» (Вдовченков 2023).

В настоящее время выдвинуты разные версии этноязыковой и этнокультурной характеристики меотов. Гипотеза об индоарийском происхождении меотов, выдвинутая П. Кречмером и поддержанная О.Н. Трубачевым (1999), так и осталась маргинальной (Грантовский, Раевский 1984; Тохтасьев 2017: 173—194).

Другая версия о связи меотов с протоадыгами пользуется большей популярностью, и даже отражена в названии сборника «Меоты — предки адыгов» (Анфимов 1989). Для подтверждения этой версии мало языковых данных, хотя есть ряд исследований, сближающий ряд этнонимов с протоадыгским, например, псессов (Тохтасьев 2017: 204—217). Говоря о связи оседлого населения Северо-Западного Кавказа и Приазовья раннего железного века, средневековья и Нового времени, в первую очередь следует указать, что роль меотов в этногенезе народов региона бесспорна, но конкретных языковых данных мало, а археологическая история региона дискретна.

При том, что культурная и особенно этническая история Восточного Приазовья и Северо-Западного Кавказа раннего железного века в настоящее время реконструируется довольно

фрагментарно, мы можем видеть в населении меотской культуры оседлое население Северо-Западного Кавказа, которое тысячу лет проживало здесь, и вполне может быть автохтонным, и, таким образом, данные о связи с метапопуляцией Европы может быть вполне обоснованы.

Следует указать на то, что выводы нашей статьи согласуются с выводами коллег (Морозова и др. 2018). Сотрудниками Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН положено начало изучению митохондриального генофонда меотов I—III вв. н.э. Исследователям удалось показать большее генетическое разнообразие меотов по сравнению с сарматами. Данное явление было ими аргументировано следующими фактологическими данными: генофонд меотов более древний, а их взаимосвязь с окружающими племенами более тесная, по сравнению с сарматами. В результате анализа полиморфизмов митохондриальной ДНК меотов исследователи пришли к выводу о принадлежности их гаплотипов исключительно западноевропейским гаплогруппам (принадлежность к восточноевразийским гаплотипам, указывающим на наличие монголоидного компонента, была исключена). Именно в силу оседлости своего носителя этот генофонд в большей степени накапливал и в меньшей степени распространял свои черты, сохраняя в себе следы того населения, с которым меоты контактировали на протяжении своей истории (Морозова и др. 2018: 1115).

Происхождение среднесарматской культуры

Сарматы принадлежат по языку к восточноиранским народам. Сарматы приходят, как и прочие кочевники, обычно с востока, с волнами номадов из Центральной Азии. 6 из 7 проанализированных генетиками погребений относятся к среднесарматской культуре.

Конкретное место исхода населения среднесарматской культуры — дискуссионная проблема. При анализе происхождения сарматов исследователи используют концепты миграционизма и автохтонизма. В настоящее время очевидна значительная роль миграций в формировании сарматских культур, хотя нельзя отрицать и значение субстрата и предшествующих традиций, что отражается как в культуре номадов, так и антропологическом облике. Появление среднесарматской культуры в I в. н.э. сопровождается яркими восточными импортами и инновациями, такими, например, как тамги. При этом исследователи обращают внимание на то, что в среднесарматскую эпоху появляется ряд культурных явлений, которые связывают с возрождением традиций скифской эпохи, из которых самая яркая черта — положение погребенных по диагонали квадратной или широкой прямоугольной ямы (Кривошеев 2013).

Анализ костного материала позволил антропологу М.А. Балабановой прийти к выводу о том, что территориальные группы среднесарматского населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона обладают морфологическим сходством, что может объясняться общностью европеоидного генетического субстрата. Помимо этого компонента в формировании антропологического типа населения среднесарматского времени участвовали различные восточные группы, которые в процессе миграции повлияли на облик населения I — первой половины II в. н.э. (Балабанова 2019). М.А. Балабанова предполагает как минимум два восточных компонента. Первый имеет смешанные монголоидно-европеоидные черты и своим происхождением связан с населением Казахстана III—I вв. до н. э. (предположительно кангюйским населением) и Южной Сибири (пазырыкская и каменская культуры). Второй компонент также имеет южно-сибирское происхождение (тагарско-тесинское).

В этом плане любопытно обратить внимание на серию петроглифов с изображениями тамг в районе оз. Балхаш, которая свидетельствует о том, что здесь был один из источников культурного импульса, сформировавшего среднесарматскую культуру (Яценко, Рогожинский 2021: 734—738).

Что касается населения позднесарматской культуры, то, по заключению М.А. Балабановой, наибольшее сходство носители позднесарматской культуры имеют с населением тесинского этапа тагарской культуры и некоторыми группами пазырыкской культуры (Балабанова 2011). Наличие на позднесарматских черепах затылочной и теменно-затылочной деформации также позволяет сближать их с «тесинским типом» (Балабанова 2011: 88).

Вывод о связи рассмотренной нами выборки сарматов с азиатскими метапопуляциями находит свое подтверждение как в археологическом, так и антропологическом материале.

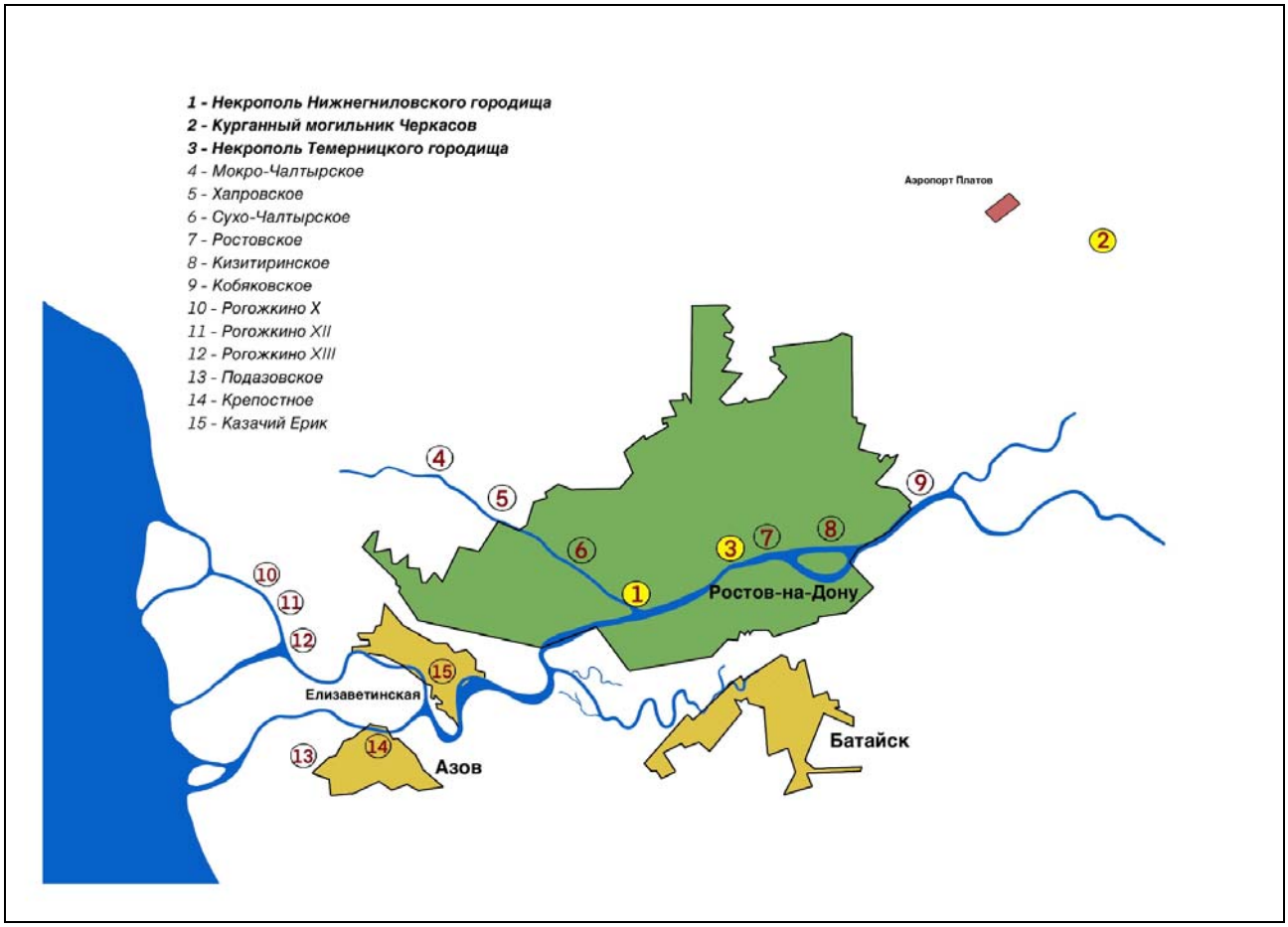


Рис. 1. Меотские городища Нижнего Дона и курганный могильник Черкасов.

Fig. 1. Meotian settlements of the Lower Don and the Cherkasov burial mound.

Таблица 1. **Обобщенные результаты генотипирования аутосомных STR-локусов костных останков из курганных могильников «Черкасов»**[1]

STR-локус	IX K1 P1	IX K3 P2	V K1 P1	X K1 P1	VI K1 P1	VI K2 P1	IX K3 P1
D3S1358	15,17	14,16	-	15,18	14,16	15,16	14,16
TH01	8,9	9,11	9.3,-	8, 9, 9.3	7,7	6,6	7,9
D12S391	20,23	-	19,-	18,19	20,-	-	-
D1S1656	12,17.3	12,16.3	11,16	12,12	-	17.3,17.3	12
D10S1248	13,16	13,15	-	13,15	-	-	13,15
D22S1045	11,16	11,15	-	14,16	-	-	11,15
D2S441	10,12	10,11	15,-	10,15	10,11	11,-	10,11
D7S820	11,11	10,12	-	9,11	10,12	10,12	11,12
D13S317	-	11,13	-	11, 12	12,12	9,-	-
FGA	22,?	31,-	-	21,23	20,-	-	-
TPOX	8,8	8,9	11,-	8,8	8,11	8,9,11	-
D18S51	10,14	17,18	-	14,17	17,18	11,-	17,18
D16S539	11	13,-	10,-	11,12	9,13	-	-
D8S1179	-	12,14	-	14,14	-	-	-
CSF1PO	-	11,11	-	10,11	-	-	-
D5S818	12,12	-	-	11,11	-	-	-
vWA	14,18	-	13,-	14,16	17,18	16,18	17,18
D21S11	29,32.2	-	-	-	-	-	-
SE33	16,-	19,20	-	28,30.2	30,31.2	30,30	-
D16S433	13,-	14	-	19,32.2	-	-	-
AMEL	X,Y	X,Y	X,-	X,Y	X,Y	X,X	X,Y

[1] Здесь и далее аллели обозначены номерами в соответствии с принятой номенклатурой; «-» – ПЦР-продукт отсутствует; «?» – гомозиготное состояние вызывает сомнение.

Таблица 2**. Обобщенные результаты генотипирования аутосомных STR-локусов костных останков некрополя Нижнегниловского городища и некрополя Темерницкого городища, г. Ростов-на-Дону**

STR-локус	**150**	**106**	**198**	**199**	**203**	**213**	**219**	**220**	**238**	**246**	**247**	**258**	**266**	**269**	**272**	**274**	**275**	**285**	**288**	**295**	**296**	**298**	**304**	**309**	**2**	**3**	**6**
D8S1179	16,-	-	-	-	-	-	-	-	12,14	10,11	13,-	-	10,13	-	-	14,-	-	14,-	-	-	-	-	11,-	-	11,12	9,-	10,-
D21S11	-	-	-	-	-	-	-	-	31.2,-	-	32.2,-	-	28, 33.2	-	-	-	-	30,-	-	-	-	-	28,-	-	31,32.2	29,-	-
D7S820	-	-	-	9,10	-	-	-	-	12,-	-	11,-	-	11,-	-	-	8,-	-	12,-	-	-	-	-	-	-	11,12	-	-
CSF1PO	-	-	-	9,-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9,11.2	-	-
D3S1358	16,-	-	-	16,16	-	-	-	17,-	15,-	-	15,-	-	15,18	-	-	14,-	-	15,18	-	-	-	-	-	14,16	12,15	11,-	16,18
TH01	6,-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9.3,-	-	6,8,9.3	-	-	-	-	6,9,7	-	-	-	-	-	-	6,10	-	-
D13S317	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11,12	-	10,12	-	-	-	-	11,-	-	-	-	-	-	-	8,12	-	-
D16S539	11,11	-	-	-	-	-	-	-	-	9,12	-	-	9,11	-	-	-	-	11,-	-	-	-	-	-	-	11,13	-	9,?
D2S1338	24,-	-	19,-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
D19S433	13.2,-	-	-	16,-	-	-	-	-	16.2, 18.2	-	12.2,15	-	12.2,15	-	-	-	-	13.2,14	-	-	14,-	-	-	-	13.2,14	-	-

Таблица 2**. Обобщенные результаты генотипирования аутосомных STR-локусов костных останков некрополя Нижнегниловского городища и некрополя Темерницкого городища, г. Ростов-на-Дону (продолжение)**

STR-локус	**150**	**106**	**198**	**199**	**203**	**213**	**219**	**220**	**238**	**246**	**247**	**258**	**266**	**269**	**272**	**274**	**275**	**285**	**288**	**295**	**296**	**298**	**304**	**309**	**2**	**3**	**6**
vWA	15,-	-	18,-	-	-	-	-	17,-	16,17	17,-	17,-	-	15,18	-	-	17,-	-	14,18,19	-	-	14,18	-	-	-	15,19	-	-
TPOX	-	-	11,-	-	-	-	-	-	-	-	8,11,12	-	8,12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8,11	8,?	8,?
D18S51	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17,-	-	17,-	-	-	12,-	-	-	-	-	-	-	-	14,-	13,14	-	-
D5S818	13,-	-	-	12,-	-	-	-	11,-	9,13	9,10,12	12,-	-	12,11	-	-	-	-	10,13	-	-	11,12	-	-	-	12,13	-	-
FGA	-	-	-	-	-	-	-	-	24,-	-	21,25.2	-	21,22	22,-	-	23,-	-	23,-	-	-	21,-	-	-	-	21,24	-	24,?
Amelogenin	X,-	X,-	X,-	X,-	X,-	X,-	X,-	X,-	X,Y	X,Y ?	X,Y	X,-	X,Y	X,Y	X,-	X,Y?	X,-	X,Y	X,-	X,-	X,-	X,-	X,Y	X,Y	X,X	X,X	X,X
Пол	не определен	не определен	не определен	не определен	не определен	не определен	не определен	не определен	мужской	мужской	мужской	не определен	мужской	мужской	не определен	мужской?	не определен	мужской	не определен	не определен	не определен	не определен	мужской	мужской	женский	женский	женский

Таблица 3. **Вероятность встречаемости генетических признаков меотов и сарматов у представителей мета популяций международной базы данных**

	Частоты встречаемости аллелей по всем исследуемым локусам представителей сармат	**Частоты встречаемости аллелей по всем исследуемым локусам представителей меотов**
Africa	0.004	0.027
East Asia	0.009	0.076
Central South Asia	0.012	0.095
Europe	0.009	0.097
Middle East	0.011	0.087
Oceania	0.014	0.047

Таблица 4. **Расчет коэффициентов правдоподобия гипотез (LR) о принадлежности сарматов к той или иной метапопуляции**

	East Asia	**Africa**	**Central South Asia**	**Europe**	**Middle East**	**Oceania**
East Asia	1	0.457	1.332	1.014	1.193	1.508
Africa	2.183	1	2.909	2.215	2.607	3.293
Central South Asia	0.750	0.343	1	0.761	0.896	1.132
Europe	0.985	0.451	1.313	1	1.177	1.486
Middle East	0.837	0.383	1.115	0.849	1	1.263
Oceania	0.663	0.303	0.883	0.672	0.791	1

Таблица 5. **Расчет коэффициентов правдоподобия гипотез (LR) о принадлежности меотов к той или иной метапопуляции**

	East Asia	**Africa**	**Central South Asia**	**Europe**	**Middle East**	**Oceania**
East Asia	1	0.356	1.255	1.279	1.155	0.628
Africa	2.807	1	3.524	3.591	3.244	1.765
Central South Asia	0.796	0.283	1	1.019	0.920	0.500
Europe	0.781	0.278	0.981	1	0.903	0.491
Middle East	0.865	0.308	1.086	1.106	1	0.544
Oceania	1.590	0.566	1.996	2.034	1.837	1

Таблица 6. **Расчет коэффициентов правдоподобия гипотез (LR) с учетом частот мажорных аллелей о принадлежности сарматов к той или иной метапопуляции**[2]

	Africa	East Asia	Cent South Asia	Europe	Middle East	Oceania
Africa	1	7,59E+01	9,57E+00	2,19E+01	3,61E+01	2,74E+00
East Asia	1,32E-02	1	1,26E-01	2,89E-01	4,76E-01	3,62E-02
Cent Souyh Asia	1,04E-01	7,92E+00	1	2,29E+00	3,77E+00	2,87E-01
Europe	4,56E-02	3,46E+00	4,37E-01	1	1,65E+00	1,25E-01
Middle East	2,77E-02	2,10E+00	2,65E-01	6,08E-01	1	7,61E-02
Oceania	3,64E-01	2,76E+01	3,49E+00	7,99E+00	1,31E+01	1

Таблица 7. **Расчет коэффициентов правдоподобия гипотез (LR) с учетом частот мажорных аллелей о принадлежности меотов к той или иной метапопуляции**

	Africa	East Asia	Cent South Asia	Europe	Middle East	Oceania
Africa	1	2,07E-01	7,46E-01	8,84E-01	8,96E-01	6,53E-02
East Asia	4,83E+00	1	3,60E+00	4,27E+00	4,33E+00	3,16E-01
Cent Souyh Asia	1,34E+00	2,78E-01	1	1,19E+00	1,20E+00	8,76E-02
Europe	1,13E+00	2,34E-01	8,43E-01	1	1,01E+00	7,39E-02
Middle East	1,12E+00	2,31E-01	8,32E-01	9,87E-01	1	7,29E-02
Oceania	1,53E+01	3,17E+00	1,14E+01	1,35E+01	1,37E+01	1

[2] Здесь и далее: E — 10 в степени.

Литература

Анфимов Н.В. (отв. ред.). 1989. *Меоты — предки адыгов*. Майкоп: Адыгоблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома.

Арамова и др. 2019: Арамова О.Ю., Фалеева Т.Г., Махоткин М.А., Андриянов А.И., Корниенко И.В. 2019. Инновационная методика деконтаминации археологического биологического материала. В: Шкурат Т.П. (гл. ред.). *Генетика — фундаментальная основа инноваций в медицине и селекции: Материалы VIII научно-практической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 26—29 сентября 2019 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 89—90.

Балабанова М.А. 2012. О центрально-азиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 3 (18), 82—91.

Балабанова М.А. 2019. Этногенетические связи населения среднесарматского времени восточно-европейских степей. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 24. № 5, 51—66.

Безуглов С.И., Востриков С.С. 2022. Позднесарматский курган близ Новочеркасска. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VIII, 22—45.

Вдовченков Е.В. 2023. Этническая ситуация в Северном Причерноморье и Приазовье по данным Певтингеровой карты. В: Подосинов А.В. (ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2023 год. *Черноморский регион в античности и раннем средневековье: проблемы исторической географии*. Москва: ГАУГН-Пресс, 331—353.

Грантовский Э.А., Раевский Д.С. 1984. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху. В: Гиндин Л.А. (отв. ред.). *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология*. Москва: Наука, 47—66.

Каменецкий И.С. 2011. *История изучения меотов*. Москва: Таус.

Корниенко и др. 2021: Корниенко И.В., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю., Очир-Горяева М.А., Батиева Е.Ф., Вдовченков Е.В., Мошков Н.Е., Куканова В.В., Иванов И.Н., Сидоренко Ю.С., Татаринова Т.В. 2021. Y-гаплогруппы костных останков из курганных погребений хазарского времени на территории юга России. *Генетика*. Т. 57. № 4, 464—477.

Корниенко И.В., Харламов С.Г. 2012. *Методы исследования ДНК человека. Выделение ДНК и ее количественная оценка в аспекте судебно-медицинского исследования вещественных доказательств биологического происхождения: учебно-методическое пособие*. Ростов-на-Дону: ЮФУ.

Кривошеев М.В. 2013. Скифо-сарматские параллели. Новые данные. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Краснодар: Экоинвест: 210—213.

Морозова и др. 2013: Морозова И.Ю., Батиева Е.Ф., Грошева А.Н. Ковалевская В.Б., Рычков С.Ю. 2013. Особенности митохондриального генофонда меотов в свете их связи с кочевым населением приазовских степей. *Генетика*. Т. 49. № 9, 1114—1119.

Отражение прошлого 2000: Ларенок П.А. (ред.). *Отражение прошлого (Темерницкое городище). Сборник трудов археологической экспедиции Ростовской региональной организации Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»*. Ростов-на-Дону: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Патент 2789387 Российская Федерация. МПК A61L 2/18, A61L 101/26, A61L 101/28, A61L 101/22, A61L 101/32. Композиция для удаления ДНК и/или РНК-содержащего биологического материала (варианты) / Корниенко И.В., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю.; патентообладатель Корниенко И.В., Фалеева Т.Г. № 2021129837; заявл. 11.10.2021; опубл. 02.02.2023.

Тохтасьев С.Р. 2017. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора. *Scripta antiqua* VI, 135—279.

Трубачев О.Н. 1999. *Indoarica в Северном Причерноморье*. Москва: Наука.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

AmpFLSTR Identifiler Plus PCR Amplification Kit. URL: https://www.thermofisher.com/order/catalog/product/4427368 (дата обращения 28.06.2023).

Buckleton, J.S., Bright, J.-A., Taylor, D. (eds.). 2016. *Forensic DNA Evidence Interpretation.* Boca Raton: CRC Press.

COrDIS ЭКСПЕРТ 26. URL: https://gordiz.ru/products/dna-hid/cordis-ekspert-26/ (дата обращения 28.06.2023).

spsmart.cesga.es: 1: pop.STR. URL: http://spsmart.cesga.es/popstr.php (дата обращения 28.06.2023).

References

Anfimov, N.V. (ed.). 1989. *Meoty — predki adygov (Meots are the ancestors of the Circassians)*. Maykop: Adygoblpoligrafob'yedineniye upravleniya izdatel'stv, poligrafii i knizhnoy torgovli Krasnodarskogo krayispolkoma (in Russian).

Aramova et al. 2019: Aramova, O.Yu., Faleyeva, T.G., Makhotkin, M.A., Andriyanov, A.I., Korniyenko, I.V. 2019. In: Shkurat, T.P. (ed.). *Genetika — fundamental'naya osnova innovatsiy v meditsine i selektsii: Materialy VIII nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Rostov-na-Donu, 26—29 sentyabrya 2019 g.) (Genetics is the fundamental basis for innovation in medicine and breeding: Proceedings of the 8th scientific and practical conference with international participation (Rostov-on-Don, September 26—29, 2019))*. Rostov-on-Don: YuFU, 89—90 (in Russian).

Balabanova, M.A. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 3 (18), 82—91 (in Russian).

Balabanova, M.A. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)*. Vol. 24. № 5, 51—66 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Vostrikov, S.S. 2022. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 4th century CE))* VIII, 22—45 (in Russian).

Vdovchenkov, E.V. 2023. In: Podosinov, A.V. (ed.). *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy.* 2023 god. *Chernomorskiy region v antichnosti i rannem srednevekov'e: problemy istoricheskoy geografii (The most ancient states of Eastern Europe. 2023: The Black Sea region in antiquity and the early Middle Ages: problems of historical geography)*. Moscow: GAUGN-Press, 331—353 (in Russian).

Grantovskiy, E.A., Rayevskiy, D.S. 1984. In: Gindin, L.A. (ed.). *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya. Lingvistika, istoriya, arkheologiya (Ethnogenesis of the peoples of the Balkans and the Northern Black Sea region. Linguistics, history, archaeology)*. Moscow: Nauka, 47—66 (in Russian).

Kamenetskiy, I.S. 2011. *Istoriya izucheniya meotov (History of the study of the Maeotians)*. Moscow: Taus (in Russian).

Korniyenko et al. 2021: Korniyenko, I.V., Faleeva, T.G., Aramova, O.Yu., Ochir-Goryayeva, M.A., Batiyeva, E.F., Vdovchenkov, E.V., Moshkov, N.E., Kukanova, V.V., Ivanov, I.N., Sidorenko, Yu.S., Tatarinova, T.V. 2021. In *Genetika (Genetics)*. Vol. 57. No. 4, 464—477 (in Russian).

Korniyenko, I.V., Kharlamov, S.G. 2012. *Metody issledovaniya DNK cheloveka. Vydelenie DNK i eye kolichestvennaya otsenka v aspekte sudebno-meditsinskogo issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv biologicheskogo proiskhozhdeniya: uchebno-metodicheskoye posobie (Methods for studying human DNA. Isolation of DNA and its quantitative assessment in the aspect of forensic medical examination of material evidence of biological origin: educational and methodological manual)*. Rostov-on-Don: YuFU (in Russian).

Krivosheev, M.V. 2013. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: Materialy konferencii (Sixth International Kuban Archaeological Conference: Conference Materials)*. Krasnodar: Ekoinvest: 210—213 (in Russian).

Morozova et al. 2013: Morozova, I.Yu., Batiyeva, E.F., Grosheva, A.N. Kovalevskaya, V.B., Rychkov, S.Yu. 2013. In *Genetika (Genetics)*. Vol. 49. No. 9, 1114—1119 (in Russian).

Otrazhenie proshlogo 2000: Larenok, P.A. (ed.). *Otrazheniye proshlogo (Temernitskoye gorodishche). Sbornik trudov arkheologicheskoy ekspeditsii Rostovskoy regional'noy organizatsii Vserossiyskoy obshchestvennoy organizatsii "Vserossiyskoye obshchestvo okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury" (Reflection of the past (Temernitsky settlement). Collection of works of the archaeological expedition of the Rostov regional organization of the All-Russian public organization "All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments")*. Rostov-on-Don: Vserossiyskoye obshchestvo okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury (in Russian).

Patent 2789387 Rossiyskaya Federatsiya. MPK A61L 2/18, A61L 101/26, A61L 101/28, A61L 101/22, A61L 101/32. Kompozitsiya dlya udaleniya DNK i/ili RNK-soderzhashchego biologicheskogo materiala (varianty) / Korniyenko I.V., Faleyeva T.G., Aramova O.Yu.; patentoobladatel' Korniyenko I.V., Faleyeva T.G. No. 2021129837; zayavl. 11.10.2021; opubl. 02.02.2023.

Tokhtas'ev, S.R. 2017. In *Scripta antiqua* VI, 135—279 (in Russian).

Trubachev, O.N. 1999. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* (*Indoarica in the Northern Black Sea region*). Moscow: Nauka.

Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).

AmpFLSTR Identifiler Plus PCR Amplification Kit. Available at: https://www.thermofisher.com/order/catalog/product/4427368 (accessed 28.06.2023).

Buckleton, J.S., Bright, J.-A., Taylor, D. (eds.). 2016. *Forensic DNA Evidence Interpretation.* Boca Raton: CRC Press.

COrDIS ЭКСПЕРТ 26. Available at: https://gordiz.ru/products/dna-hid/cordis-ekspert-26/ (accessed 28.06.2023).

spsmart.cesga.es: 1: pop.STR. Available at: http://spsmart.cesga.es/popstr.php (accessed 28.06.2023).

DOI: 10.53737/3648.2023.37.72.013

Ю.А. Прокопенко, Р.Р. Рудницкий

КНЯЖЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ПЕЩЕРЫ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ГОРЫ РАЗВАЛКА (РАЙОН КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД)*

Статья посвящена типологическому и хронологическому анализу предметов, обнаруженных в 1999 г. в пещере в северной части седловины горы Развалки (район Кавказских Минеральных Вод). Всего обнаружено около 20 предметов, в числе которых: фрагменты железного меча, включая ромбическое перекрестие; фрагменты железного кинжала; серебряная Г-образная скоба от устья ножен меча; железный топор с узким, слегка выгнутым лезвием и невыделенным обухом (втулка выступает ниже края лезвия); несколько пряжек, в т.ч. серебряные с треугольным щитком, с округлым щитком и со щитком в форме трилистника, украшенным накладкой из тонкого золотого листа с кабошонами из граната (альмандина?); серебряное блюдо на поддоне, украшенное чеканным растительным орнаментом; бронзовая полусферическая чаша; медный клёпанный котел; фрагменты железной очажной цепи из восьмёрковидных звеньев с крюками; фрагменты крюка для вытаскивания мяса и черпака. Большинство предметов дают широкие даты комплекса в пределах IV—VI вв. Ряд предметов имеет достаточно узкие датировки: топор (IV — первая половина V в.), детали поясной гарнитуры (пряжки с треугольным и округлым щитками — вторая половина IV — вторая половина V в., пряжка с выступающим язычком, с альмандинами на щитке в форме трилистника — первая половина — середина V в.). Они являются маркёрами принадлежности комплекса к первой половине — середине V в. Престижный характер большинства изделий — полный набор вооружения (меч, кинжал, топор и наконечник копья с уплощенным пером, обилие предметов из драгоценных металлов (скоба от ножен, пряжки, блюдо), в т.ч. декорированных кабошонами, уникальность чаши, а также разнообразие изделий, связанных, скорее всего, с культом домашнего очага (котёл, очажная цепь и др.) позволяют относить данный комплекс к захоронению представителя княжеского рода.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, эпоха Великого переселения народов, гора Развалка, погребение, престижный инвентарь, набор вооружения, топор без выделенного обуха, пряжка, блюдо на поддоне, полусферическая чаша, культ домашнего очага.

Сведения об авторах: Прокопенко Юрий Анатольевич[1], доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет; Рудницкий Роман Романович[2], кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: [1]355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: z_proko_15@mail.ru; [2]357411, Ставропольский край, г. Железноводск, ул. Лермонтова, д. 2; e-mail: rudnizky2010@yandex.ru.

Yu.A. Prokopenko, R.R. Rudnitsky

A PRINCELY COMPLEX OF THE MIGRATION PERIOD FROM THE CAVE IN THE NORTHERN PART OF THE MOUNT RAZVALKA (THE CAUCASIAN MINERAL WATERS AREA)

The article is devoted to the typological and chronological analysis of objects discovered in 1999 in a cave in the northern part of the saddle of Mount Razvalka (the area of the Caucasian Mineral Waters). In total, about 20 objects were found, including: fragments of an iron sword, including rhombic crosshairs; iron dagger fragments; silver Г-shaped bracket from the mouth of the sword’s sheath; an iron axe with a narrow,

* Статья поступила в номер 5 декабря 2022 г.
Принята к печати 15 января 2023 г.

© Ю.А. Прокопенко, Р.Р. Рудницкий, 2023.

slightly curved blade and an unassigned butt (the sleeve protrudes below the edge of the blade); several buckles, including silver with a triangular shield, with a rounded shield and with a shamrock-shaped shield decorated with a thin gold sheet overlay with garnet cabochons (almandine?); a silver dish on a pallet decorated with chequered plant ornaments; bronze hemispherical bowl; copper riveted boiler; fragments of an iron focal chain of eight-shaped links with hooks; fragments of a hook for pulling out meat and scoop. Most items give wide dates of the complex within the 4th — 6th centuries. A number of objects have fairly narrow dates: an axe (4th — first half of the 5th century), details of the waist headset (buckles with triangular and rounded shields — second half of 4th — second half of the 5th century, buckle with a protruding tongue, with almandines on a trefoil-shaped shield — first half — middle of the 5th century). They are markers of the belonging of the complex to the first half — the middle of the 5th century. The prestigious nature of most products is a complete set of weapons. (sword, dagger, axe and spear tip with flattened pen, abundance of precious metal objects (scabbard, buckles, dish), including decorated cabochons, the uniqueness of the bowl, as well as the variety of products associated, most likely, with the cult of the hearth (cauldron, hearth chain, etc.) make it possible to attribute this complex to the burial of a representative of the princely family.

Key words: the Central Ciscaucasia, the Migration Period, the Mount Razvalka, burial rite, prestigious grave goods, weapons, short-butted axe head, buckle, footed dish, hemispherical bowl, hearth cult.

About the authors: Prokopenko Yuriy Anatol'yevich[1], Dr. habil. (History), North-Caucasus Federal University; Rudnitsky Roman Romanovich[2], PhD (History), Independent Researcher.

Contact information: [1]355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North-Caucasus Federal University; email: z_proko_15@mail.ru; [2]357411, Russia, Stavropol Territory, Zheleznovodsk, 2 Lermontova St.; e-mail: rudnizky2010@yandex.ru.

Введение. В северной части седловины горы Развалки находится скалистое возвышение, окруженное крутыми склонами с осыпями и отдельно стоящими скалами. Северный край переходит в обрывистый склон горы. Вся эта часть горы пронизана расщелинами и состоит из нагромождения скал и каменных глыб. Местами щели имеют вид небольших пещер, доступных посещению человеком. Примечательно, что входы в «пещерки» зачастую завалены обломочным материалом (намеренно?). Входы же в наиболее крупные и глубоко идущие полости можно проследить зимой, при наличии снежного покрова. Тёплый воздух, подымающийся снизу, растапливает в этих местах снег. Один из таких «гротов» между огромными валунами содержал богатое воинское погребение эпохи Великого переселения народов.

Первые сведения о находке артефактов в пещере датируются началом 1980-х г. Дети случайно наткнулись на фрагмент железного меча (лезвия с черенком рукояти). Основная же часть погребального инвентаря была найдена в 1999 г. В этом же году о данном открытии узнал один из соавторов настоящей публикации. По горячим следам удалось выяснить некоторые детали захоронения и зарисовать часть находок. По рассказу нашедших, предметы просыпались между камнями в скальной расщелине. Часть артефактов, предположительно, находится там и поныне. Всего было обнаружено около 20 предметов:

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на выделении и исследовании типов мечей, кинжалов, Г-образных скоб от ножен, топоров, пряжек, металлических сосудов и очажных предметов. Сравнительный анализ особенностей деталей железных топоров без обозначенного обуха, найденных в Центральном Предкавказье и подобных, обнаруженных на территории Абхазии, Крыма и на территории Западной Европы позволяет локализовать ареал их распространения и центры производства в IV—V вв. н.э.

Анализ. В пещере в северной части седловины горы Развалки было обнаружено около 20 предметов:

1. Меч, намеренно сломанный в древности (два фрагмента лезвия и перекрестие) (рис. 1: 1а, 1б) — железо. Лезвие в сечении линзовидное. Перекрестие массивное, подромбической формы (рис. 2: 4). В его центре — прямоугольное отверстие для черенка рукояти (вполне возможно, что

от этого же меча происходила рукоять с фрагментом лезвия, обнаруженная в 1980-е гг.). Размеры фрагментов лезвия: Дл — 24,1 и 17,7 см; Ш — 5,1 — 5,5 см; Т — 0,55 см. Размеры перекрестия — 9,7 × 2 × 1 см.

2. Г-образная скоба — накладка от ножен меча (рис. 3: 6) — серебро (зарисована в распрямленном виде, первоначально, более длинная ее часть, скорее всего, была в форме петли) (рис. 4: 1, 1а). Размеры: Дл полосы идущей поперек ножен (предположительно распрямлена, имеет три отверстия для крепления; лицевая сторона орнаментирована косыми врезными линиями; сверху и снизу она дополнительно декорирована насечками, придающими вид псевдовитого декора) — 11,5 см, Ш — 5 мм, Т — 2 мм; Дл полосы располагавшейся вдоль ножен — 6,2 см, Ш — 0,7 см, Т — 0,1 см. Данная часть скобы украшена двумя рядами гравированных полукружий. Край ближний к ножнам дополнительно декорирован угловидными вырезами (в центре полукружий).

3. Кинжал (сохранились два фрагмента), обоюдоострый (рис. 1: 2) — железо. Основание клинка расширено за счет выделения углов в месте его перехода в черенок рукояти. Размеры: Дл фрагмента с черенком рукояти — 14,9 см; Ш лезвия на сломе — 3 см; Т — 0,6 см; Дл — фрагмента кончика клинка — 5,5 см.

4. Наконечник копья (фрагмент) (рис. 2: 5) — железо. Втулка овальной формы. Перо — уплощенное (форма не угадывается). Размеры: Дл фрагмента — 9,4 см; Т лезвия на сломе — 0,6 см.

5. Боевой топор (рис. 2: 3) — железо. Предмет имеет узкое, слегка выгнутое лезвие и невыделенный обух. Тело топора плавно изогнуто и слабо расширяется от проушины к рубящей кромке. Проушина имеет неправильную овальную форму. Втулка цилиндрическая, направлена к низу (выступает ниже края лезвия) Размеры: общая Дл — 11,5 см; Ш режущей кромки — 4 см; В втулки — 5,5 см, Д проушины — 3 × 3,1.

Пряжки — несколько экз. (удалось зарисовать только 3 экз.).

6. Пряжка № 1 (рис. 3: 3) — серебро. Рамка овальная — литая. Щиток пластинчатый, кованный — удлиненно-подтреугольной формы. В его центре — округлая шляпка от заклепки. Размеры: Дл — 2,5 см; Д рамки — 0,9 × 1,3 см; Ш щитка — 0,9 см.

7. Пряжка № 2 (рис. 3: 2) — серебро. Рамка овальная — литая, сделана из круглого в сечении более массивного дрота в передней части и зауженного круглого в сечении дрота в задней части. Язычок утерян. Щиток пластинчатый, кованый округлой формы (без заклепок). Размеры: Дл — 5,5 см; Д рамки — 3 см; Д щитка — 2,6 см.

8. Пряжка № 3 (рис. 3: 1) — серебро. Рамка овальной формы и язычок — литьё, ковка. Язычок длинный, далеко выступающий за передний конец пряжки, хоботкообразный, утолщающийся к задней части — вариант 3 язычков по В.Б. Ковалевской (1979: 11). Основа щитка — раскованная серебряная пластина в форме трилистника. С внешней стороны украшена накладкой из тонкого золотого листа, на котором укреплены гнезда с кабошонами из граната (альмандина?). Касты (три округлые, расположены треугольником, между ними каст треугольной формы) из квадратной в сечении проволоки, окружены зернью в один ряд. Дл — 8 см; Д рамки — 3,4 х 3,5 см; Ш щитка — 3 см.

9. Чаша — полусферическая, по форме близкая к круглодонной — бронза (рис. 3: 4). Венчик слегка расширен, имеет подтреугольную форму. Размеры: Д 17,2 см; В — 5,8 см; Ш венчика — 0,4 см.

10. Блюдо с цилиндрическим поддоном (край слегка скошен) (рис. 4: 1, 1а, 1б) — серебро. На дне и в стенках есть утраты. Внутренняя поверхность декорирована чеканным растительным узором из розеток, бутонов и псевдозерни (рис. 4: 1а). Размеры: Д венчика — 19,3 см; В — 4,7 см; Д поддона — 4,7 см; В поддона — 0,8 см.

11. Котёл для варки мяса (рис. 3: 5) — медь. Тулово изготовлено из трёх пластин, соединённых медными заклёпками. Две полосы составляют борта котла. Дно состоит из одной пластины. Котёл намеренно повреждён при совершении погребения. Пластины оторваны друг от друга и смяты. Железная дужка и ушки утрачены. Размеры: Т листов 1,6 —

0,22 см; наибольшая Т на венчике до 0,26 см; В котла около 26 см; Д венчика около 54 см; Д донной части около 50 см.

12. Фрагменты очажной цепи (рис. 2: 1, 1а, 1б) — железо — 3 экз. Два фрагмента соединены с кольцами, к которым подвешены крюки (один и два). Крайние крюки предназначены — нижний для подвешивания котла, верхний для крепления (подвешивания) всей цепи к какой-либо конструкции — деревянной перекладине или жерди над очагом. Третий, средний крюк имел целью регулировку высоты котла над огнём. Звенья цепи восьмёрковидные, изготовлены из полосы металла. Размеры: Дл нижнего крюка — 28,4 см; Дл среднего крюка — 15,7 см; Дл верхнего крюка — 26 см; Д нижнего кольца — 7,3 см; Д верхнего кольца — 6,7 см; Дл основных звеньев цепи — 3,8 — 4 см; Дл звеньев соединяющихся с кольцами — 5,6 и 5,8 см; Ш звеньев — 2—2,3 см; Ш полосы металла, из которой изготовлены звенья, — 8—9 мм.

12. Фрагмент крюка для вытаскивания мяса из котла (рис. 2: 2) — железо. Изготовлен из четырёхгранного в сечении прута. В средней части дрот закручен в спираль. Дл сохранившейся части — 21 см.

13. Фрагмент ложки—черпака (рис. 2: 6) — железо. Вогнутый предмет имел овальную форму. Ручка утеряна. Размеры — 7,8 × 4,7 × 2,2 см.

Воинский (княжеский) характер захоронения характеризует полный набор видов вооружения: меч, кинжал, топор и копье.

Судя по сохранившимся фрагментам — около 42 см, обоюдоострый меч имел длину не менее 80 см, предположительно, около 1 м (рис. 1: 1). Скорее всего, он имел черенок в виде штыря, с резким переходом от рукояти к лезвию. Предмет, видимо, находился в ножнах, от которых сохранилась только Г-образная скоба (рис. 3: 6). В комплект с длинным мечом входил обоюдоострый кинжал (рис. 1: 2). Такие кинжалы известны на Северном Кавказе уже в позднеримское время и поэтому для эпохи переселения народов могут считаться местным традиционным оружием (могильник Дюрсо, погребения 408, 517; могильник Сопино, погребение 2; могильник Джамагат, погребение 1; могильник Харачой, погребение 14; могильник Калкни, погребение 3; могильник Зарагиж, (кат. 6.5) погребение 118 и др.) (Казанский 2012: 332). Следует отметить угловидные выступы в основании клинка. Возможно, это является рудиментом мечей и кинжалов позднесарматского времени (боковыми вырезами у пяты клинка выделялись угловидные выступы в месте перехода рукояти в клинок — см. Абрамова 1993: 162, рис. 63: 13—17). Клинок из развалкинского комплекса по форме близок престижному кинжалу из погребения 118 могильника Зарагиж (территория Кабардино-Балкарии) (Atabiev 2000: № 26.1). Типы пряжек и особенности декора бутероли кинжала позволили отнести зарагижский комплекс к началу V в. (Казанский 2012: 332—333).

Серебряная Г-образная скоба устья ножен меча из развалкинского комплекса (рис. 3: 6) с псевдовитым орнаментом на лицевой части петли и двумя рядами гравированных полукружий, дополненных угловидными вырезами на продольной части напоминает полукруглые выступы краев (за счет угловидных вырезов) подобной скобы из Чонград-Кендерфёлдек (Csongrád-Kenderföldek — могила 28) в бассейне р. Тиса (Tejral 1997: 150, fig. 12: 4) (рис. 5: 6). Также, следует отметить композиционное сходство с декором Г-образных скоб из Цебельды (могильник Шапка-Церковный холм-4 — погребение 7) (рис. 5: 7) и могильника Чми (погребение 8) (рис. 5: 5). В первом случае, вдоль обоих краев выгравированы ряды З-видных значков (Воронов, Шенкао 1982: рис. 4: 30). В последнем случае наблюдаются два ряда уголков (второй ряд — частично) (Абрамова 1997: рис. 62: 26). Еще одной аналогией является комбинированный орнамент (два ряда насечек и ряд уголков вдоль краев) на Г-образной скобе из погребения 479 могильника Дюрсо (Kazanski, Perin 1988: 23, fig. 8: 2; Мастыкова 2009: 333, табл. 12: 5) (рис. 5: 2).

Комплексы с мечами или кинжалами в ножнах с Г-образными скобами из Csongrád-Kenderföldek и Шапка-Церковный холм-4 (погребение 7) относятся к IV—V в. (Воронов, Шенкао 1982: рис. 4: 30; Kazanski, Perin 1988: 23, fig. 8: 1, 3). В последнем случае предмет

включен в группу изделий периода 7 Цебельдинской культуры — 400—425 гг. (Гей, Бажан 1997: 100, табл. 28: 12). Погребение 8 могильника Чми—I, по мнению А.В. Мастыковой, датируется гуннским или ранней частью «шиповского» горизонта от 360/370 по 500/510 гг. По сочетанию предметов инвентаря захоронение «вождя» 479 могильника Дюрсо может быть датировано временем фазы 1—2 могильника, т.е. 450—480/490 гг. (Мастыкова 2009: 193, 254).

В Центральном Предкавказье, кроме погребения 8 могильника Чми, Г-образные скобы зафиксированы: от устья ножен скрамасакса в погребении 118 могильника Зарагиж (декорирована в полихромном стиле) (рис. 5: 4) и в погребении 10 могильника Лермонтовская скала-2 (не орнаментирована) (рис. 5: 3). В первом случае инвентарь относится к началу V в. (Atabiev 2000: № 26.2; Казанский 2012: 332—333). Материалы второго датируются как поздней частью гуннского времени, так и ранней фазой «шиповского» горизонта, в целом от 380/400 по 500/510 гг. (Мастыкова 2009: 233).

Боевой топорик с узким, слегка выгнутым лезвием, без выделенного обуха и выступающей втулкой (ниже лезвия) (рис. 2: 3) по форме напоминает подобные топоры из комплексов IV в., второй половины IV — первой половины V в., второй половины V — первой половины VI в. могильников Цебельды (Воронов, Шенкао 1982: 127—128, рис. 10: 11; 11, 5, 12: 4). Предметы условно относятся к типу 1 (Воронов—Шенкао-1) (Воронов, Шенкао 1982: 127; Казанский 2015: 38, рис. 5: 1—3) или первой группе, типу 2, варианту 1 — топорам с коротким обухом и не очень широким лезвием, имеющим едва намеченный приостренный боковой выступ (Гей, Бажан 1997: 11, 22, 74, 97, табл. 1: 6) (рис. 6: 10, 11).

Некоторое сходство по выгнутому лезвию наблюдается с узколезвийными топорами (длина 9,5 — 15 см) типа C (территория Германии, Бельгии и Франции), согласно классификации Х. Беме (Дамери, Фратин, Бремен-Махндорф, Рен (погребения 819 и 846), Вейстер (погребение 116), Фель, Vanveysur-Ource, Dép. Côte d’Or и др.) или группы 3 варианта 7, по Г. Киферлингу (Böhme 1974: 105—107, abb. 42, 1, 2; Kieferling 1994: 337, abb. 2; Bemmann 2007: 257, 262, 266; abb. 9: 1, 13: 1, 17: 1, 18: 3). Отмечено, что боевые топоры из германских погребений Западной Европы первой половины V в. н.э., отдаленно напоминающие цебельдинские, сочетаются с высокими коническими умбонами и копьями, также, подобными цебельдинским (Böhme 1974: 81, taf. 63: Tehttabel B; Гей, Бажан 1997: 25; Казанский 2015: 39—50).

Однако большая часть цебельдинских топоров, подобно развалковскому, не имеет выделенного обуха. Среди германских «франциков» также встречаются подобные, однако, они в большинстве случаев, отличаются отогнутостью (и заострением) обоих углов лезвия. Происхождение топоров с ассиметричным лезвием на территории Абхазии, видимо, связано с заимствованиями из римской военной экипировки (Воронов, Шенкао 1982: 127; Казанский 2015: 38, рис. 5: 1—3). Согласно второй точке зрения, появление в Северном Причерноморье образцов без выделенного обуха связано с влиянием германской воинской культуры. В частности, два экземпляра с невыделенным обухом IV в. обнаружены в могильнике Нейзац (погребение 4) и могильнике Дружное (погребение 85) на территории Крыма. Обращается внимание на их полное сходство с одновременными топорами черняховской культуры и близость к серии подобных экземпляров вельбарской, пшеворской культур, из памятников на Эльбе, Юго-Западной Германии, Богемии. Появление топоров без выделенного обуха в памятниках региона объясняется сармато-германскими контактами (Храпунов 2010: 549; Храпунов и др. 2020: 9—10). В IV—V вв. узколезвийные топоры без выделенного обуха появляются и севернее Северного Причерноморья. В числе проушных топоров римского времени, выявленных в памятниках Верхнего и Среднего Поочья (городище Борисово), зафиксирован узколезвийный экземпляр без выделенного обуха, с незначительно обозначенной втулкой, отдаленно напоминающий развалкинский (отличается короткой втулкой) — тип 6Б согласно классификации И.Р. Ахмедова и А.М. Воронцова. Предмет обнаружен в слое второй — третьей четверти IV в. (Ахмедов, Воронцов 2012: 22, 29, рис. 3, 10: 2).

Появление в комплексе топора, не характерного для боевой экипировки представителей населения Центрального Предкавказья в исследуемый период, предположительно, следует связывать с влиянием иноземной воинской культуры — либо населения римского времени Абхазии, либо германских (готских) племен. Интересно, что для тех и других обычен обряд кремации. Возможно, их небольшая группа находилась в районе Кавказских Минеральных Вод, об этом свидетельствует захоронение IV—V вв. с зафиксированным аналогичным обрядом (кремация не характерна для региона), случайно обнаруженное в начале 2000-х на горе Верблюд. Здесь был найден меч, видимо, аналогичный развалковскому (рис. 6: 12) и боевой топор (оба со следами пребывания в огне) (рис. 6: 9), близкий по форме (с невыделенным обухом, с выступающей втулкой обуха и не широким лезвием с боковым выступом — промежуточная форма вариантов 1 и 2 типа 2, группы 1 цебельдинских топоров по Гей, Бажан 1997: 10) к развалкинскому экземпляру (рис. 6: 8), отдаленно напоминающий топоры группы 2, варианта 02, согласно классификации Г. Киферлинга (Kieferling 1994: 337, abb. 2). По мнению М.М. Казанского, время наибольшего распространения культурных черт германского облика в Абхазии соответствует стадии III 380/400—440/450 гг. В этот же период в конце IV — первой половине V в. появляются и другие элементы иностранного происхождения (Казанский 2015: 54, 56).

Оружию сопутствовали пояса. Из числа найденных деталей поясной гарнитуры были зарисованы только три пряжки.

Серебряная пряжка (№ 1) (рис. 3: 3) с подвижным щитком подтреугольной формы условно относится к типу 7 подобных изделий с треугольным щитком 8 варианта, согласно классификации В.Б. Ковалевской, варианту 12 (по О.А. Гей, И.А. Бажан) или группе I, отделу I, подотделу I, типу В (щиток — разновидность 9) по И.П. Засецкой. Они характерны для комплексов IV—VI вв. (Ковалевская 1979: 12, 16, рис. 3: 8а, табл. 1: 16; Гей, Бажан 1997: 14, табл. 9: 18; Засецкая 1994: рис. 18б, 19а). В частности, пряжки с треугольными щитками зафиксированы в погребениях IV в.: ст. Тимошевская, Кишпек и др. (Амброз 1989: рис. 1: 19; Kazanski 1995: fig. 5: 3).

Подобные экземпляры отмечены в материалах цебельдинской культуры периодов 5 (350—375 гг.) и 7 (400—425 гг.) (Гей, Бажан: 1997: 100, табл. 28: 5). Комплекс из Беляуса, включающий пряжку с удлиненно-треугольным щитком с тремя заклепками, А.И. Айбабиным отнесен к первой половине V в. (Ajbabin 1995: 208, 211, fig. 6: 13). Близкой аналогией развалкинскому экземпляру является подобная пряжка с удлиненно-треугольным щитком (с заклепкой в середине щитка), происходящая из погребения 300 могильника Дюрсо. Экземпляр по совокупности вещей датируется 430/440—470/480 гг. (Мастыкова 2007: 189). Следует отметить, что отмеченный престижный кинжал из погребения 118 могильника Зарагиж (территория Кабардино-Балкарии) находился в комплексе со скрамасаксом в ножнах с Г-образной скобой устья и с пряжкой с треугольным щитком (Atabiev 2000: № 26.1, 26.2; Мастыкова 2009: табл. 188: 1). По форме пряжек и особенностям декора бутероли кинжала комплекс отнесен к началу V в. (Казанский 2012: 332—333).

Серебряная пряжка № 2 (рис. 3: 2) с подвижным щитком округлой формы условно относится к типу 2 пряжек с щитком разновидности 1, согласно классификации В.Б. Ковалевской, относящихся к периоду IV—V вв. (1979: 12: 15, рис. 3: 1) или группе I, отделу I, подотделу I, типу Б пряжек гуннской эпохи, по И.П. Засецкой (1994: рис. 19а: 4). Подобные хоботковидные малые пряжки с округлым кольцом и округлым щитком зафиксированы в погребениях 54, 57 и «княжеской» могиле некрополя Клин-Яр, а также в погребениях 500 и 517 могильника Дюрсо. По сведениям А.В. Мастыковой, изделия характерны для гуннского времени и второй половины V в. (Мастыкова 2009: 58, рис. 4: 6—10). Комплекс с двумя подобными пряжками из погребения 4 могильника Гиляч А.К. Амброз датировал V в. (Амброз 1989: 96; Абрамова 1997: 50, рис. 41: 4, 5).

Серебряная пряжка (№ 3) (рис. 6: 1) со щитком в форме трилистника, украшенная золотой фольгой и альмандинами(?), отдаленно напоминает подобные изделия, включенные

А.В. Мастыковой, в группу пряжек с овальным кольцом и вытянутым треугольным подвижным щитком, датирующихся поздним V — ранним VI в. (Мастыкова 2009: 60, рис. 44: 6—11). Однако, пряжка из пещерного комплекса горы Развалка отличается более плотной компоновкой щитка — формой трилистника. По своей форме она близка к типу 24 — овальнорамчатым пряжкам со щитком 23-го варианта (согласно классификации В.Б. Ковалевской). В числе ранних экземпляров В.Б. Ковалевская отметила пряжки, найденные в Херсонесе и в районе Нанси (Франция). Данные экземпляры имели похожий щиток — трилистник, но он, в отличие от развалковской, составляет с рамкой одно целое. Пряжка из Херсонеса также отличается коническими вогнутостями примыкающих друг к другу кружков—лепестков с отверстиями в центре каждого (Ковалевская 1979: 291, табл. XII: 12) (рис. 3: 6). Обе пряжки датируются V в. н.э. (Salin 1939: 73, tab. VIII; Ковалевская 1979: 291).

К настоящему времени известно о находках нескольких экземпляров с подвижными щитками, аналогичными развальскому. В частности, пряжка с щитком в форме трилистника с округлыми шляпками заклепок в центре лепестков зафиксирована в материалах из Косаново — V — начало VI в. (Jiřik, Gil, Vávra 2019: 417, pl. 1: 41) (рис. 6: 6). Еще один похожий экземпляр обнаружен в de Fontenay-le-Marmion (Франция). В данном случае крупный кабошон (гранат) занимает оба ближних к рамке лепестка щитка. Центральный лепесток подтреугольной формы не имеет каста (Pilet 1990: fig 3; 1995: 330, fig. 2: 1) (рис. 6: 2). М.М. Казанский датировал пряжку V веком, предположительно, первой его половиной или серединой (Kazanski 1994: 158, fig 18: 1).

Близкой аналогией развальской находке является обувная золотая пряжка из Szeged-Nagyszéksos (территория Венгрии). Сходство наблюдается в Т-образной форме щитка — трилистник и в особенностях расположения гнезд для вставок — треугольник из овальных гнезд, в центре — между ними располагалась небольшая треугольная вставка (Garnet Cloisonné Ornamets 1991а: 385, № 169; 1991б: 59, 209, 385, pl. X: 2a) (рис. 6: 4). Отличается изделие вставками из зеленого стекла и наличием на рамке выемки-ложа для язычка. Предмет датируется 420—454 гг. по А. Кисс, серединой — развитым V в. по Я. Тейрал (Kiss 1982: 164; Tejral 1995: 341—342, abb. 20: 7).

Еще одной аналогией развальскому экземпляру следует считать бронзовую пряжку с Т-образным щитком из погребения 5 могильника Чми—I (рис. 6: 7). Здесь похоже расположены вставки — три круглые — в углах (лепестках) щитка, в центре — треугольная. Данный вариант отличается более вытянутым центральным лепестком (с тремя заклепками) и упрощением декора щитка. Вместо альмандинов в данном случае использована инкрустация стеклянными вставками (две утеряны). М.П. Абрамовой, инвентарь могильника был датирован временем не позже первой половины VI в. (Абрамова 1997: 91, 92, рис. 62: 1). Ряд женских погребений из данного могильника А.В. Мастыкова отнесла к периоду конца IV — начала VI в. (Мастыкова 2009: 252—254).

В числе инвентаря, обнаруженного в пещере на горе Развалка, выделяются два металлических сосуда: серебряное блюдо на кольцевом поддоне и бронзовая круглодонная чаша. Интересен декор блюда. Внутренняя поверхность украшена чеканным растительным узором (рис. 4: 1, 1а). В центре трехчастной композиции (на дне сосуда) расположена в двойном круге рельефная восьмилепестковая розетка (с закругленными лепестками), являющаяся центром двойной шестилучевой розетки. Лучи завершаются полусферическими выступами, окруженными четырьмя кругами миниатюрных округлых выступов, напоминающих зернь. Пространство между лучами занимают рельефные изображения вытянутых бутонов (лилии?), располагающихся между загнутыми лепестками — концами двойных дуг, выгнутых в сторону края чаши. Бутоны продолжаются (в сторону края сосуда) линией из рельефных миниатюрных округлых выступов, соединяющей с тремя кругами такого же декора, аналогичных вышеотмеченным (завершающих лучи розетки). Ниже края чаши — по окружности прочеканены две линии подобных рельефных округлых выступов.

Изображения розетки (с закругленными лепестками) известны с эллинистического времени (использовались в украшениях, в декоре серебряных сосудов и т.д.). Например, в I в. до н.э. они включались в орнамент серебряных чаш «цветочный усик» или составляли фризы (Pfrommer 1993: 140, 183). Такие изображения украшали сосуды и в позднеримское время. В частности, восьмилучевые розетки, вписанные в двойной круг, декорировали медальон серебряного блюда с надписью в честь 10-летнего юбилея правления императора Константа (343 г.) (хранится в Римском музее г. Аугсбурга) (Levada 2013: 214—215, 217, fig. 4).

Также, подобные розетки, скорее всего, использовались в декорировании серебряных сосудов Ирана этапа ранних Сасанидов. Впоследствии они являлись образцами для подражаний в декоре восточных сосудов более поздних периодов. Например, аналогичная розетка, вписанная в двойной круг, является украшением дна серебряной кружки, найденной в устье Дона (Согд — первая половина VIII в.) (Маршак 2017: 378, 538, рис. 57: 58).

Тоже нужно отметить и для другого элемента декора развальского блюда, занимавшего донную и придонную часть внутренней поверхности сосуда — шестилучевой розетки, являющейся вторым ярусом трехчастной композиции (рис. 6: 1а). В частности, близкая к отмеченной, но усложненная шестилучевая розетка (вместо лучей — пятилепестковые пальметты) в качестве второго яруса украшает серебряную чашу на высоком поддоне из Согда или Уструшана (VI в.). Здесь же присутствует в качестве декора псевдозернь (группы по три полусферы и верхний пояс по окружности) (Маршак 2017: 377, 522, рис. 38).

Интересна уникальная бронзовая полусферическая круглодонная чаша (о находках подобных сосудов нам не известно) (рис. 3: 4). Близкие по форме тулова и расширенного венчика подтреугольной формы, только, серебряные сосуды характерны для позднеэллинистического периода. В каталоге М. Пфроммера профили наиболее сходных образцов (I в. до н.э.) помещены под №№ 9, 18, 79. В единичных случаях они имеют иранское происхождение (кубок из Мазандарана II в. до н.э. — хранится в Британском музее, г. Лондон) (Pfrommer 1993: 36, 197, 200, 223—233, fig. 34). Полусферические серебряные гладкостенные чаши производились и в позднеримский период, в том числе в незначительном количестве в раннесасанидском Иране. Формы этих чаш идентичны римским и они аналогичного размера. В основном они датируются концом III — началом IV в. (Hobbs 2021: 135, 139, pl. 8.3a, 8.3b). Возможно, подобные сосуды являлись прототипами бронзовой чащи из развальского захоронения.

Особо следует отметить в комплексе из пещеры на горе Развалка присутствие полного набора предметов, скорее всего, связанных с культом домашнего очага, включающих: медный котел (рис. 3: 5); фрагменты очажной цепи из восьмерковидных звеньев (два фрагмента соединены с кольцами, к которым подвешены крюки (один и два); крайние крюки предназначены — нижний для подвешивания котла, верхний для крепления (подвешивания) всей цепи к какой-либо конструкции — деревянной перекладине или жерди над очагом; третий, средний крюк имел целью регулировку высоты котла над огнём) (рис. 2: 1, 1а, 1б); крюк для вытаскивания мяса из котла (сохранился частично) (рис. 2: 2); ложку-черпак (сохранилась частично) (рис. 2: 6).

Для памятников Центрального Предкавказья эпохи Великого переселения народов наличие в погребальном инвентаре аналогичных цепей, а также различных вариантов крюков, не характерно (обычны находки котлов). Исключением являются: крюк для вынимания мяса (в комплексе с котлом) в погребении № 11 могильника №2 Лермонтовская скала (Рунич 1976: 265, рис. 3: 22; Абрамова, 1997, рис. 22: 21) и цепочка в погребении 13 этого же могильника (Мастыкова 2009: 88, 89). Первое захоронение А.В. Мастыкова датировала развитым гуннским временем и ранней частью «шиповского» горизонта от 380/400—500/510 гг.; второе — 430/470—530/570 гг. (Мастыкова 2009: 234, 235). Напротив, находки фрагментов цепей, с восьмерковидными звеньями меньших размеров, возможно, имитации надочажных цепей, обычны в комплексах «шиповского» горизонта могильников на Черноморском побережье и на Нижней Кубани (могильник Бжид I, погребение 38, 57;

Сопино, погребение 11; могильник Дюрсо, погребение 300, 408, 410, 483, 516; могильник Пашковский, погребение 7 (1948 г.), 14 (1948 г.), 15 (1948 г.), погребение 1 (1949 г.), 5 (1949 г.), 11 (1949 г.) и др. В женских захоронениях они являются элементом костюма, в мужских — являются заупокойными дарами (Мастыкова 2009: рис. 104, 105). Следует отметить, что фрагменты таких цепочек с восьмерковидными звеньями зафиксированы в комплексах римского времени на территории Германии. Например, Майнфранк (Вюрцбург — Бавария) (Bemmann 2003: 108, abb. 23: 3, 4).

Котел из развалкинского комплекса изготовлен из медных листов. Две полосы, сформировавшие цилиндрическое тулово, соединены двумя вертикальными рядами из пяти заклепок. Выгнутое днище, состоящее из одной пластины, крепилось к краю тулова (по окружности) посредством горизонтального ряда аналогичных заклепок (рис. 3: 5). Как уже было отмечено, подобные клепанные котлы характерны для погребений Центрального Предкавказья (могильник Лермонтовская скала-2, погребение 10; погребение 11; могильник Гиляч, погребение 4 (1965 г.); Георгиевское плато; могильник Хабаз; могильник Острый мыс, погребение 1; могильник Байтал-Чапкан, погребение 29; могильник Шестая шахта; могильник Мокрая Балка, погребение 123 и др.). Все они встречены в комплексах V—VI вв. (Абрамова 1997: 27, 29, 40, 42, 46, 50, 66) или конца IV—VI вв. (Мастыкова 2009: 233, 234, 243). Экземпляр, происходящий из пещеры на горе Развалка, отличается от перечисленных котлов большим диаметром и низким корпусом.

Ложка-черпак (без отверстий) без сохранившейся ручки не имеет полных аналогий в памятниках региона. Она отличается от многочисленных находок в захоронениях Предкавказья ложек-цедилок отсутствием отверстий (рис. 2: 6). Единственная известная небольшая ложка, также не имевшая отверстий, происходит из погребения 22 могильника Мокрая Балка (Мастыкова 2009: 88). Но, по своим размерам данный экземпляр не может быть ложкой-черпаком, а скорее являлась туалетной ложечкой.

Результаты. Таким образом, результаты хронологического анализа некоторых категорий инвентаря: предметов вооружения (меч, кинжал, скоба от ножен), металлических сосудов и изделий, связанных с культом домашнего очага дают широкие даты комплекса в пределах IV—VI в. Однако, ряд предметов имеет достаточно узкие датировки: топор с узким лезвием, без обозначенного обуха (IV — первая половина V в.), детали поясной гарнитуры (пряжки № 1 с треугольным щитком и № 2 с округлым щитком — вторая половина IV — вторая половина V в.; пряжка № 3 с далеко выступающим язычком, с альмандинами на щитке в форме трилистника (первая половина — середина V в.). Они являются маркерами, позволяющими отнести данный комплекс к V в., предположительно, первой половине — середине V в.

Престижный характер большинства найденных изделий — полный набор вооружений (меч, кинжал, топор и копье), значительный процент предметов из драгоценных металлов — серебра и золота (Г-образная скоба от ножен меча; три (?) пряжки, богато орнаментированное блюдо), включая декорирование кабошонами из гранатов (альмандинов?), уникальность бронзовой полусферической чаши, а также разнообразие изделий, скорее всего, связанных с культом домашнего очага (медный котел; фрагменты очажной цепи из восьмерковидных звеньев с крюками и др.) позволяет включить данный комплекс в число захоронений вождистской культуры. Скорее всего, найденные вещи являются частью княжеского комплекса, подобного катакомбе 5.6 могильника Клин-Яр 3 и погребению 10 могильника Лермонтовская скала-2.

Литература

Абрамова М.П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.).* Москва: ИА РАН.

Абрамова М.П. 1997. *Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н.э.* Москва: ИА РАН.

Амброз А.К. 1989. *Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв.* Москва: Наука.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи Великого переселения народов.* Конференция 3. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 9—54.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. 1982. *Вооружение воинов Абхазии IV—VII веков*. Москва: Наука.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. *Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа)*. Москва: ИА РАН.

Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.).* Санкт-Петербург: Эллипс Лтд.

Казанский М.М. 2012. К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе: кинжал и скрамасакс. В: Гаджиев М.С. (отв. ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции Махачкала, 23—28 апреля 2012 г.* Махачкала: Мавраевъ, 332—334.

Казанский М.М. 2015. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. *Scripta Antiqua* IV, 33—61.

Ковалевская В.Б. 1979. *Поясные наборы Евразии IV—X вв. Пряжки*. Москва: Наука (САИ Е1-2).

Маршак Б.И. 2017. *История восточной торевтики III—XIII вв. и проблемы культурной преемственности.* Санкт-Петербург: Академия исследования культуры.

Мастыкова А.В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э.* Москва: ИА РАН.

Рунич А.П. 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. *СА* 3, 256—266.

Храпунов И.Н. 2010. Оружие из могильника Нейзац. In: Urbaniak A., Prochowicz R., Jakubczyk I., Levada M., Schuster J. (eds). *Terra Barbarica. Monumenta Archaelogica Barbarica.* Series Gemina. Lódź; Warzava: Instytut Archeologil Uniwer syletu Lódzkiego, 535—555.

Храпунов и др. 2020: Храпунов И.Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.Н. 2020. Оружие сарматского времени в Крыму и в Альфёльде. *МАИЭТ* XXV, 5—24.

Ajbabin A. 1995. Les tombes de chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècles. In: Vallet F., Kazanski M. (eds.). *La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle.* T. IX. Condé-sur-Noireau: Associaton Frangaisçaise d'Archéologie Mérovingienne (A.F.A.M.), 207—216.

Atabiev B. 2000. Tombe 118. Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie. In: Périn P., Vallet F., Kazanski M., Wieczorek A., Koch U., Braun C., Tejral J. (eds.). *L'Or des princes barbares. Du Caucase á la Gaule, Ve siècle après J.-C.* Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux.

Bemmann J. 2003. Romanisierte Barbaren oder erfolgreiche plunderer? Anmerkungen zur Intensität, Form und Dauer des provinzialrömiscen Einflusses auf Mitteldeu tschland während der jüngeren Römischen Keiser zeit und der Völker wanderungszeit. In: Bursche A., Ciołek R. (eds.). *Antyk i Barbarzyńcy Ksiega dedykowana Profesorowi jerzemi Kolendo w siedemdziesiątą rocznicę Urodzin*. Warszawa: Instytut Archeologii UW, 53—198.

Bemmann J. 2007. Anmerkungen zu Waffenbeigabensitte und Waffenformen während der jüngeren Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. *Alt-Thüringen* 40, 247—290.

Böhme H.W. 1974. *Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire*. München: C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung.

Garnet Cloisonné Ornamets 1991a: Adams D.N. 1991a. *Garnet Cloisonné Ornamets. Origins, styles and Workshop production.* Vol. I. *Text and Catalogue*. London: University College London.

Garnet Cloisonné Ornamets 1991b: Adams D.N. 1991b. *Garnet Cloisonné Ornamets. Origins, styles and Workshop production.* Vol. II. *Figures, plates, Maps*. London: University College London.

Hobbs R. 2021. Use of Dekorated Silver plate in Imperial Rome and Sasanian Iran. In: Elsner J., Wood R. (eds.). *Imagining the Divine: Exploring Art in Religions of Late Antiquity across Eurasia.* London: British Museum, 132—150.

Jiřik J., Gil J.P., Vávra J. 2019. Raiders, federates and settlers: parallel and direct contacts between Bohemia and the Western Mediterranean (Late 4th — early 6th Century). In: Boube E., Corrochano A., Hernandez J. (eds.). *Du Royaume goth au Midi merovingien: Actes des XXXIVe Joumées d'Archéologie Mérovingienne de Toulouse, 6,7, et 8 Novembre 2013*. Bordeaux: AUSONIUS, 415—421 (Ausonius Éditions. Mémoires 56. T. 35 coll. Mémoires de l'AFAM).

Kazanki M. 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve — VIe siècles. *Archéologie médiévale* XXIV, 137—198.

Kazanki M. 1995. Les tomben des chefs alano-sarmates au IVe siècle dans les steppes pontiques. In: Vallet F., Kazanski M. (eds.). *La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle.* T. IX. Condé-sur-Noireau: Associaton Frangaisçaise d'Archéologie Mérovingienne (A.F.A.M.), 189—205.

Kieferling G. 1994. Bemerkungen zu Äxten der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbarikum. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Betträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2 Internatonalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar*. Lubln; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 335—356.

Kiss A. 1982. *Die goldbeschlagenen Schalen der Fürstengräber von Szeged-Nagyszéksós und Apahida 1-2*. Budapest: Múzsák Közművelődési Kiadó.

Levada M. 2013. Sösdala: The Problem of Singling out an Artistic Style. In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds.). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea.* Kristiansand; Simferopol: Dolya, 213—236.

Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenizeg east. Cataloque of the collections*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Pilet C. 1990. Militaires et Barbares sur le Limes Saxonicum. In: Marin J.-Y. (ed.). *Attila. Les influences danubiennes dans l'Ouest de l'Europe au Ve siècle.* Caen: Mussée de Normandie (Publication du Mussée de Normandie 9).

Pilet C. 1995. Un centre de pouvoir: le domaine d'Airan, Calvados (IVe — IXe siècles). In: Vallet F., Kazanski M. (eds.). *La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle.* T. IX. Condé-sur-Noireau: Associaton Frangaisçaise d'Archéologie Mérovingienne (A.F.A.M.), 327—333.

Quast D. 2005. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien. *Jahrbbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 52. Jahrgang. T. 2, 237—315.

Salin E. 1939. *Le Haut Moyen Âge en Lorraine d'après le mobilier funéraire*. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.

Tejral J. 1995. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. In: Tejral J.; Friesinger H.; Kazanski M. (eds.). *Neue Beiträge zur Ervorschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický ústav AV ČR, 321—389.

Tejral J. 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des dornées archéologiques. In: Vallet F., Kazanski M., Périn P. (eds.). *Des royaumes barbares au Regnum Francorum. L'Occident à l'époque de Childéric et de Clovis (vers 450-vers 530). Actes des XVIIIes Journées Internationales d'Archéologie Mérovingienne Saint-Germain-en-Laye — Musée des Antiquités Nationales. 23-24 avril 1997*. Chelles: Association française d'archéologie mérovingienne, 137—166 (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne 29).

References

Abramova, M.P. 1993. *Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. — IV v. n.e.) (Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (3rd century BCE — 4th century CE))*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Abramova, M.P. 1997. *Ranniye alany Severnogo Kavkaza III—V vv. n.e. (Early Alans of the North Caucasus 3rd — 5th centuries CE)*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Ambroz, A.K. 1989. *Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V—VII vv. (Chronology of the antiquities of the North Caucasus 5th — 8th centuries).* Moscow: Nauka (in Russian).

Akhmedov, I.R., Vorontsov, A.M. 2012. In: Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3 (Forest and forest-steppe*

zones of Eastern Europe in the era of the Great Migration of Peoples. Conference 3). Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", 9—54 (in Russian).

Voronov, Yu.N., Shenkao, N.K. 1982. *Vooruzheniye voinov Abkhazii IV—VII vekov (Armament of the warriors of Abkhazia 4th — 7th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Gey, O.A., Bazhan, I.A. 1997. *Khronologiya epokhi "gotskikh pokhodov" (na territorii Vostochnoy Yevropy i Kavkaza) (Chronology of the era of the "Gothic campaigns" (on the territory of Eastern Europe and the Caucasus))*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 1994. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV — V vv.) (Culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hun era (late 4th — 5th centuries)*. Saint Petersburg: Ellips Ltd (in Russian).

Kazanski, M.M. 2012. In: Gadjiev, M.S. (ed.). *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Makhachkala, 23—28 aprelya 2012 g. (The latest discoveries in the archaeology of the North Caucasus: research and interpretation. XXVII Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference Makhachkala, April 23—28, 2012).* Makhachkala: Mavrayev, 332—334 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2015. In *Scripta Antiqua* IV, 33—61 (in Russian).

Kovalevskaya, V.B. 1979. *Poyasnye nabory Evrazii IV—X vv. Pryazhki (Belt sets of Eurasia 4th — 10th centuries. Buckles)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources E1-2) (in Russian).

Marshak, B.I. 2017. *Istoriya vostochnoy torevtiki III—XIII vv. i problemy kul'turnoy preemstvennosti (History of Oriental toreutics 3rd — 13th centuries. and problems of cultural continuity)*. Saint Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury (in Russian).

Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV — seredine VI v. n.e. (Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia at the end of the 4th — the middle of the 6th century CE)*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Runich, A.P. 1976. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 256—266 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2010. In: Urbaniak, A., Prochowicz, R., Jakubczyk, I., Levada, M., Schuster, J. (eds). Terra Barbarica. Monumenta Archaelogica Barbarica. Series Gemina. Lódź; Warzava: Instytut Archeologil Uniwer syletu Lódzkiego, 535—555 (in Russian).

Khrapunov i dr. 2020: Khrapunov, I.N., Ishtvanovich, E., Kul'char, V., Stoyanova, A.N. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 5—24 (in Russian).

Ajbabin, A. 1995. Les tombes de chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècles. In: Vallet, F., Kazanski, M. (eds.). *La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle.* T. IX. Condé-sur-Noireau: Associaton Frangaisçaise d'Archéologie Mérovingienne (A.F.A.M.), 207—216.

Atabiev, B. 2000. Tombe 118. Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie. In: Périn, P., Vallet, F., Kazanski, M., Wieczorek, A., Koch, U., Braun, C., Tejral, J. (eds.). *L'Or des princes barbares. Du Caucase á la Gaule, Ve siècle après J.-C.* Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux.

Bemmann, J. 2003. Romanisierte Barbaren oder erfolgreiche plunderer? Anmerkungen zur Intensität, Form und Dauer des provinzialrömiscen Einflusses auf Mitteldeu tschland während der jüngeren Römischen Keiser zeit und der Völker wanderungszeit. In: Bursche, A., Ciołek, R. (eds.). *Antyk i Barbarzyńcy Ksiega dedykowana Profesorowi jerzemi Kolendo w siedemdziesiątą rocznicę Urodzin*. Warszawa: Instytut Archeologii UW, 53—198.

Bemmann, J. 2007. Anmerkungen zu Waffenbeigabensitte und Waffenformen während der jüngeren Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. *Alt-Thüringen* 40, 247—290.

Böhme, H.W. 1974. *Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire*. München: C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung.

Garnet Cloisonné Ornamets 1991a: Adams, D.N. 1991a. *Garnet Cloisonné Ornamets. Origins, styles and Workshop production.* Vol. I. *Text and Catalogue*. London: University College London.

Garnet Cloisonné Ornamets 1991b: Adams, D.N. 1991b. *Garnet Cloisonné Ornamets. Origins, styles and Workshop production.* Vol. II. *Figures, plates, Maps*. London: University College London.

Hobbs, R. 2021. Use of Dekorated Silver plate in Imperial Rome and Sasanian Iran. In: Elsner, J., Wood, R. (eds.). *Imagining the Divine: Exploring Art in Religions of Late Antiquity across Eurasia.* London: British Museum, 132—150.

Jiřik, J., Gil, J.P., Vávra, J. 2019. Raiders, federates and settlers: parallel and direct contacts between Bohemia and the Western Mediterranean (Late 4th — early 6th Century). In: Boube, E., Corrochano, A.,

Hernandez, J. (eds.). *Du Royaume goth au Midi merovingien: Actes des XXXIVe Joumées d'Archéologie Mérovingienne de Toulouse, 6,7, et 8 Novembre 2013*. Bordeaux: AUSONIUS, 415—421 (Ausonius Éditions. Mémoires 56. T. 35 coll. Mémoires de l'AFAM).

Kazanki, M. 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve — VIe siècles. *Archéologie médiévale* XXIV, 137—198.

Kazanki, M. 1995. Les tomben des chefs alano-sarmates au IVe siècle dans les steppes pontiques. In: Vallet, F., Kazanski, M. (eds.). *La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle.* T. IX. Condé-sur-Noireau: Associaton Frangaisçaise d'Archéologie Mérovingienne (A.F.A.M.), 189—205.

Kieferling, G. 1994. Bemerkungen zu Äxten der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbarikum. In: von Carnap-Bornheim, C. (Hrsg.). *Betträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2 Internatonalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar*. Lubln; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 335—356.

Kiss, A. 1982. *Die goldbeschlagenen Schalen der Fürstengräber von Szeged-Nagyszéksós und Apahida 1-2*. Budapest: Múzsák Közművelődési Kiadó.

Levada, M. 2013. Sösdala: The Problem of Singling out an Artistic Style. In: Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (eds.). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea.* Kristiansand; Simferopol: Dolya, 213—236.

Pfrommer, M. 1993. *Metalwork from the Hellenizeg east. Cataloque of the collections*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Pilet, C. 1990. Militaires et Barbares sur le Limes Saxonicum. In: Marin, J.-Y. (ed.). *Attila. Les influences danubiennes dans l'Ouest de l'Europe au Ve siècle.* Caen: Mussée de Normandie (Publication du Mussée de Normandie 9).

Pilet, C. 1995. Un centre de pouvoir: le domaine d'Airan, Calvados (IVe — IXe siècles). In: Vallet, F., Kazanski, M. (eds.). *La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle.* T. IX. Condé-sur-Noireau: Associaton Frangaisçaise d'Archéologie Mérovingienne (A.F.A.M.), 327—333.

Quast, D. 2005. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien. *Jahrbbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 52. Jahrgang. T. 2, 237—315.

Salin, E. 1939. *Le Haut Moyen Âge en Lorraine d'après le mobilier funéraire*. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.

Tejral, J. 1995. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. In: Tejral, J.; Friesinger, H.; Kazanski, M. (eds.). *Neue Beiträge zur Ervorschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický ústav AV ČR, 321—389.

Tejral, J. 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des dornées archéologiques. In: Vallet, F., Kazanski, M., Périn, P. (eds.). *Des royaumes barbares au Regnum Francorum. L'Occident à l'époque de Childéric et de Clovis (vers 450-vers 530). Actes des XVIIIes Journées Internationales d'Archéologie Mérovingienne Saint-Germain-en-Laye — Musée des Antiquités Nationales. 23-24 avril 1997*. Chelles: Association française d'archéologie mérovingienne, 137—166 (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne 29).

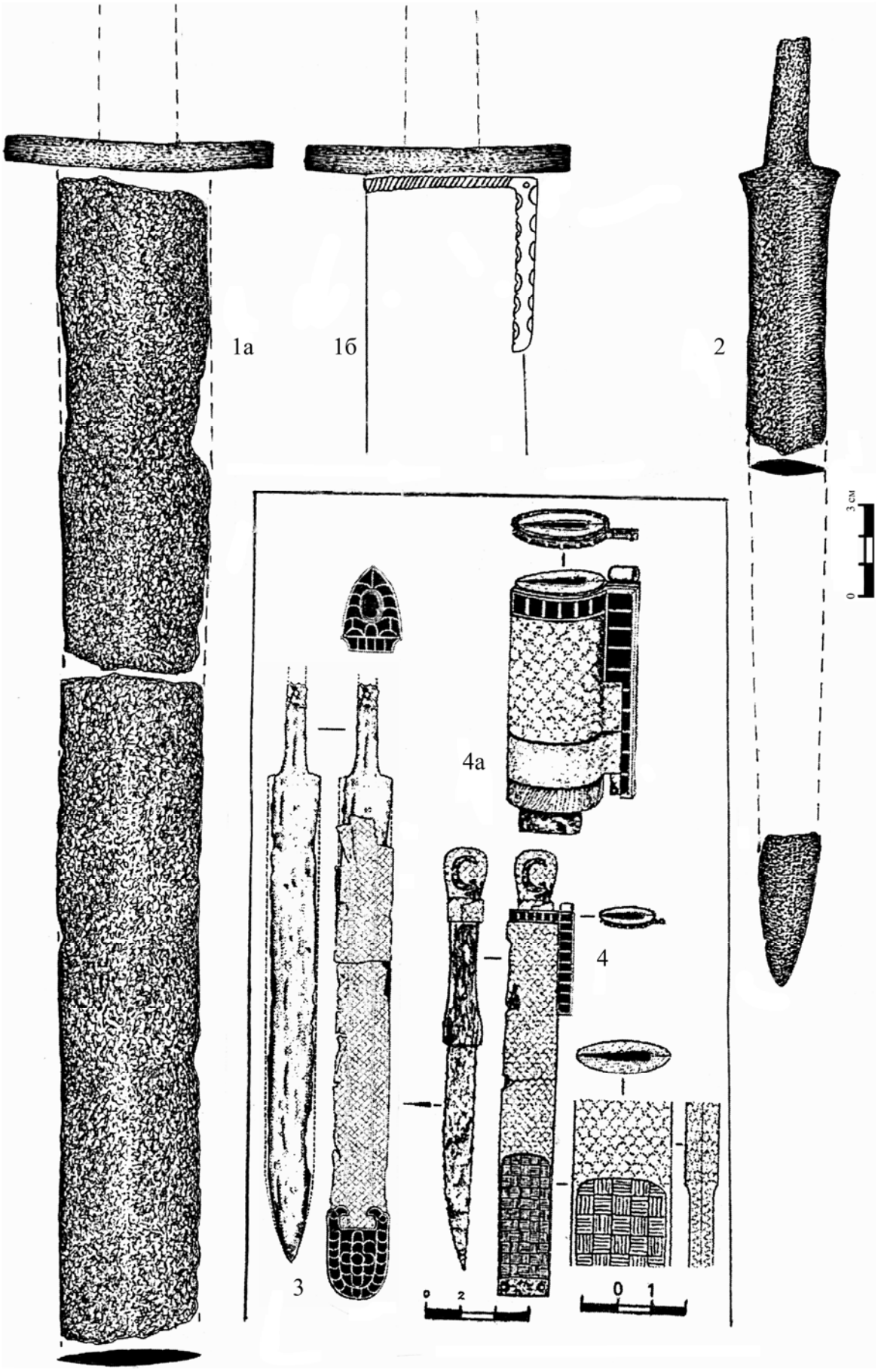

1а
1б
2
4а
4
3
0 2
0 1
0
3 см

Рис. 1. Меч и кинжал из пещеры на горе Развалка и кинжалы из погребения 113 могильника Зарагиж (по Atabiev 2000): *1а* — меч из пещеры на горе Развалка; *1б* — реконструкция меча в ножнах с Г-образной скобой из пещеры на горе Развалка; *2* — кинжал из пещеры на горе Развалка; *3* — кинжал из погребения 113 могильника Зарагиж (по Atabiev 2000); *4* — скрамасакс в ножнах с Г-образной скобой из погребения 113 могильника Зарагиж (по Atabiev 2000.

Fig. 1. Sword and dagger from the cave on Mount Razvalka and daggers from burial 113 of the Zaragizh burial ground (after Atabiev 2000): *1a* — sword from cave on Mount Razvalka; *1б* — reconstruction of sword in sheath with an Г-shaped bracket from a cave on Mount Razvalka; 2 — dagger from cave on Mount Razvalka; *3* — dagger from burial 113 of the Zaragizh burial ground (after Atabiev 2000); *4* — scramasax in sheath with an Г-shaped bracket from burial 113 of the Zaragizh burial ground (after Atabiev 2000.

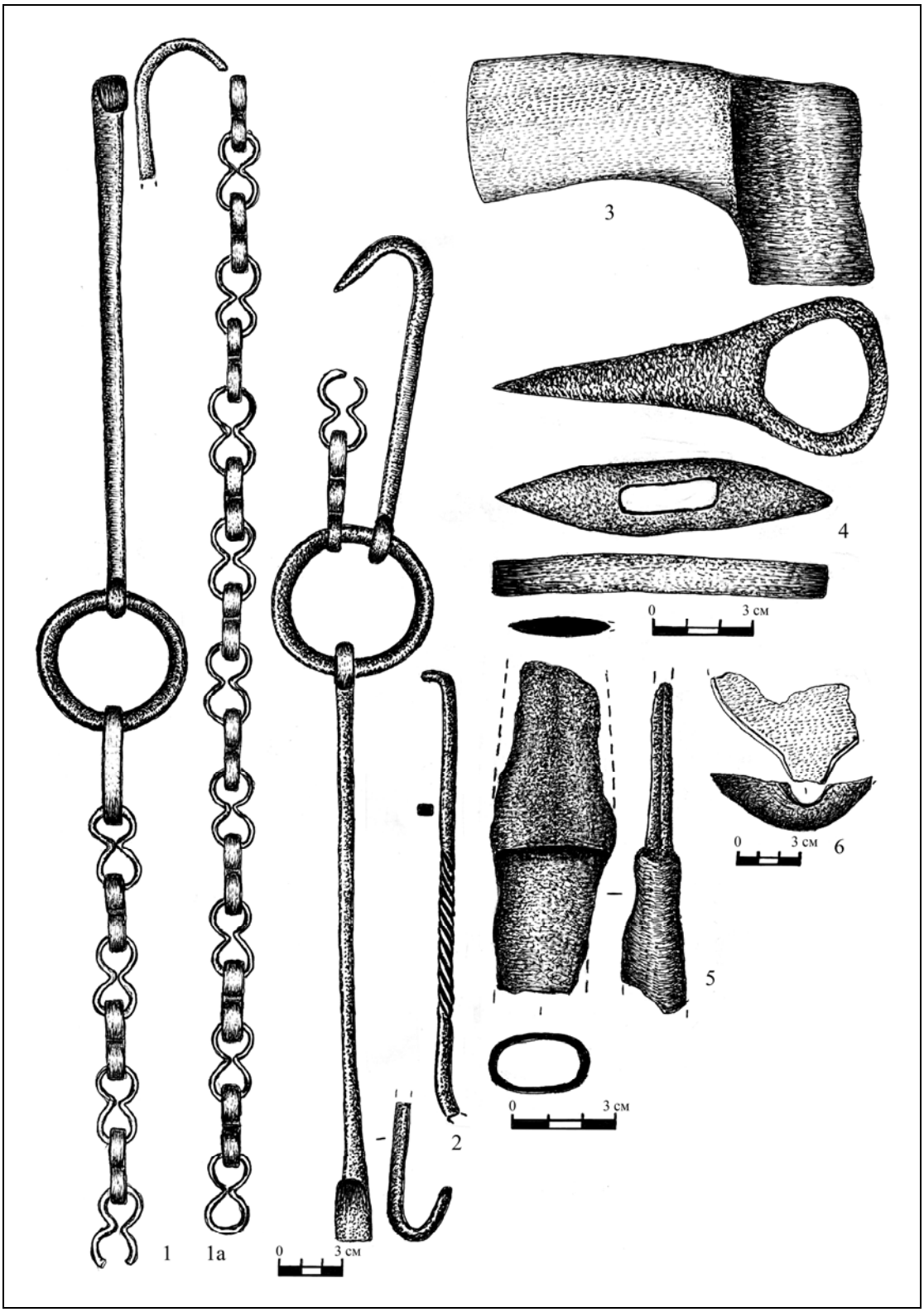


Рис. 2. Предметы из пещеры на горе Развалка: *1, 1а, 1б* — фрагменты очажной цепи с крюками; *2* — фрагмент крюка для вытаскивания мяса из котла; *3* — топор; *4* — перекрестие от меча; *5* — фрагмент наконечника копья; *6* — фрагмент ложки-черпака; все — железо.

Fig. 2. Items from the cave on Mount Razvalka: *1, 1a, 1б* — fragments of hearth chain with hooks; *2* — fragment of a hook for pulling meat out of the boiler; *3* — axe; *4* — crosshair from the sword; *5* — fragment of spearhead; *6* — fragment of spoon-scoop; everything is iron.

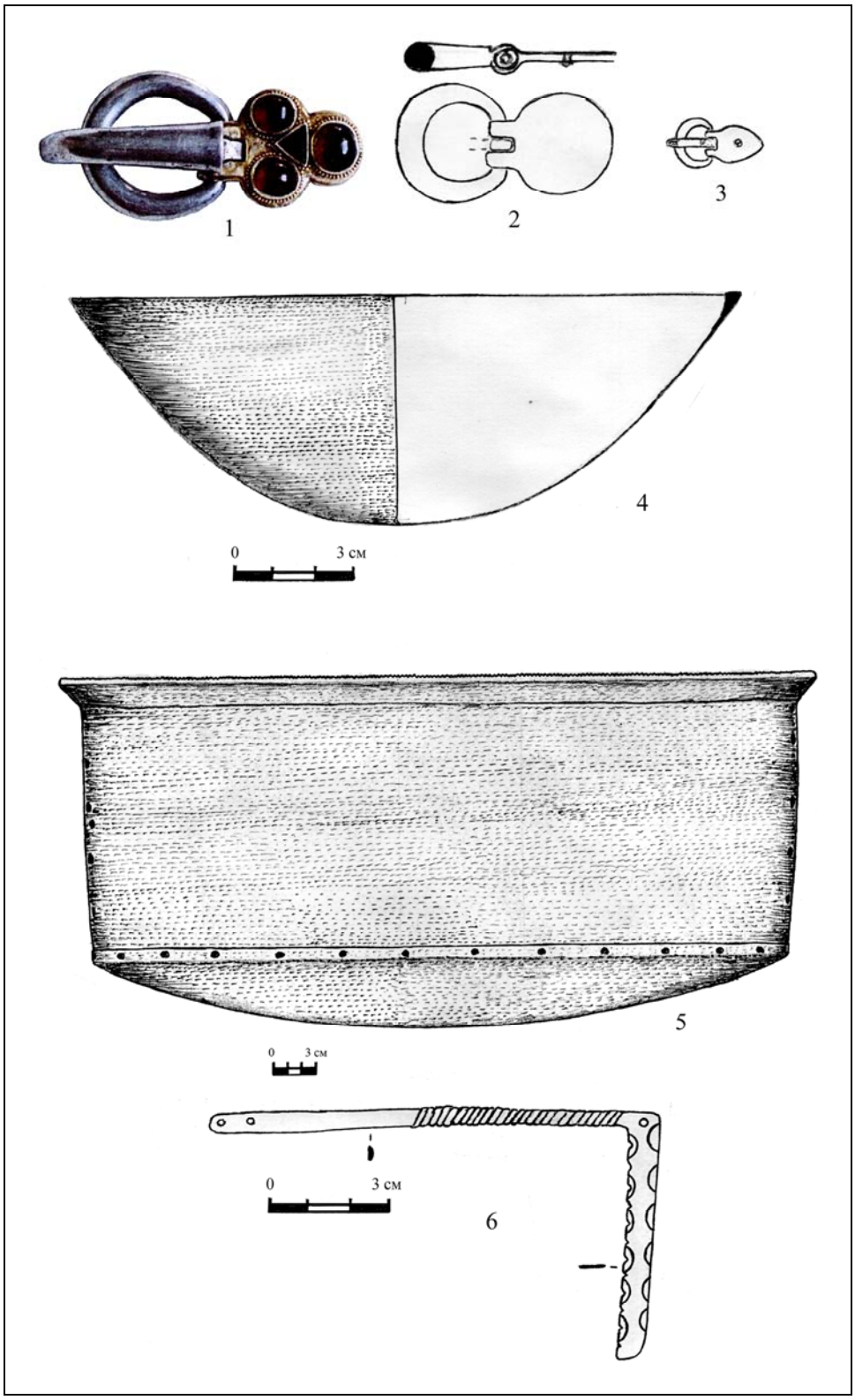


Рис. 3. Предметы из пещеры на горе Развалка: *1—3* — пряжки; *4* — чаша; *5* — котел; *6* — скоба от устья ножен меча; *1* — серебро, золото, гранаты (альмандины?); *2, 3, 6* — серебро; *4* — бронза; *5* — медь.

Fig. 3. Items from the cave on Mount Razvalka: *1—3* — buckles; *4* — bowl; *5* — boiler; *6* — bracket from the mouth of the scabbard of the sword; *1* — silver, gold, garnets (almandines?); *2, 3, 6* — silver; *4* — bronze; *5* — copper.

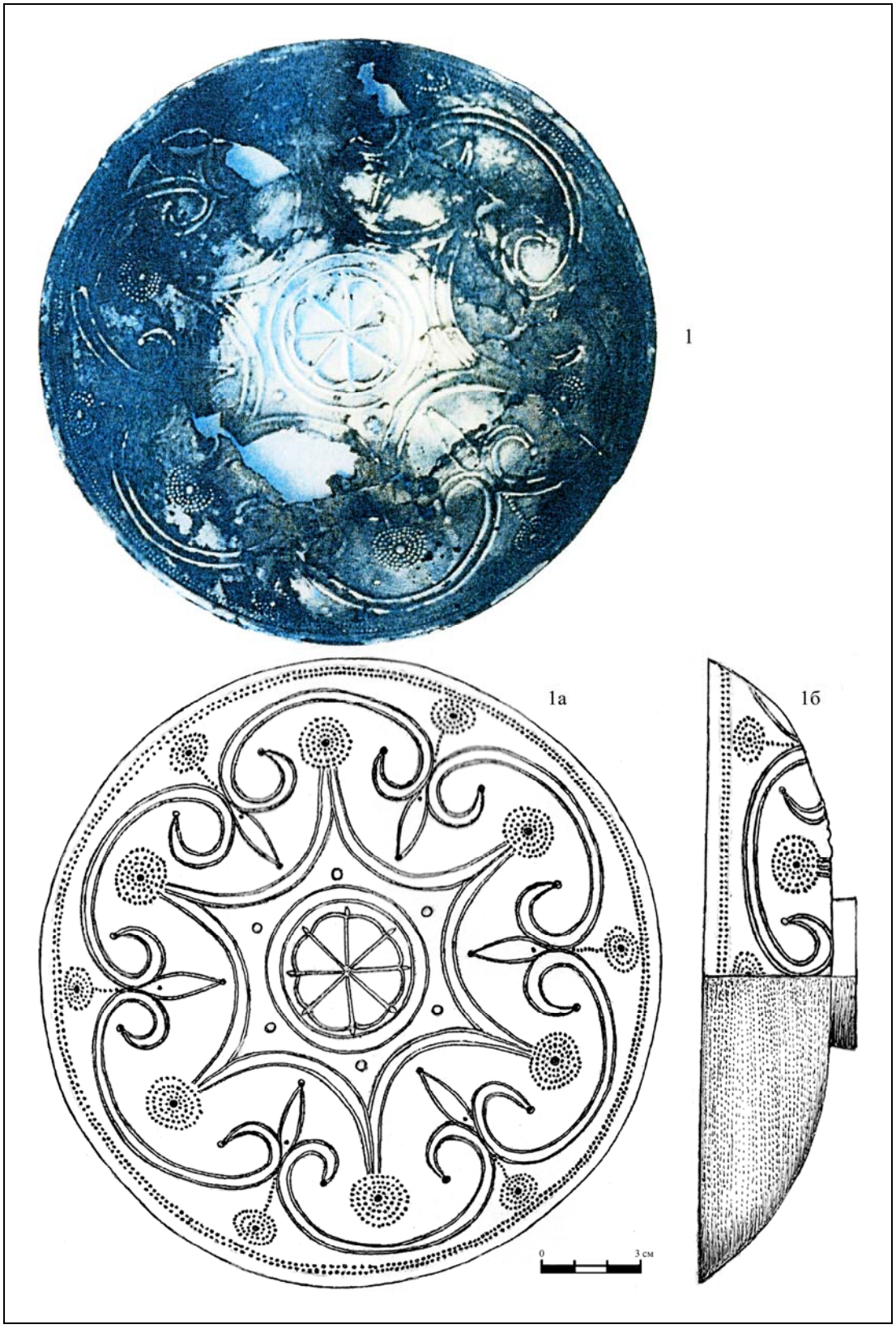


Рис. 4. Серебряное блюдо из пещеры на горе Развалка: *1* — фото; *1а* — прорисовка; *1б* — прорисовка профиля.

Fig. 4. Silver dish from the cave on Mount Razvalka: *1* — photo; *1a* — drawing; *1б* — profile drawing.

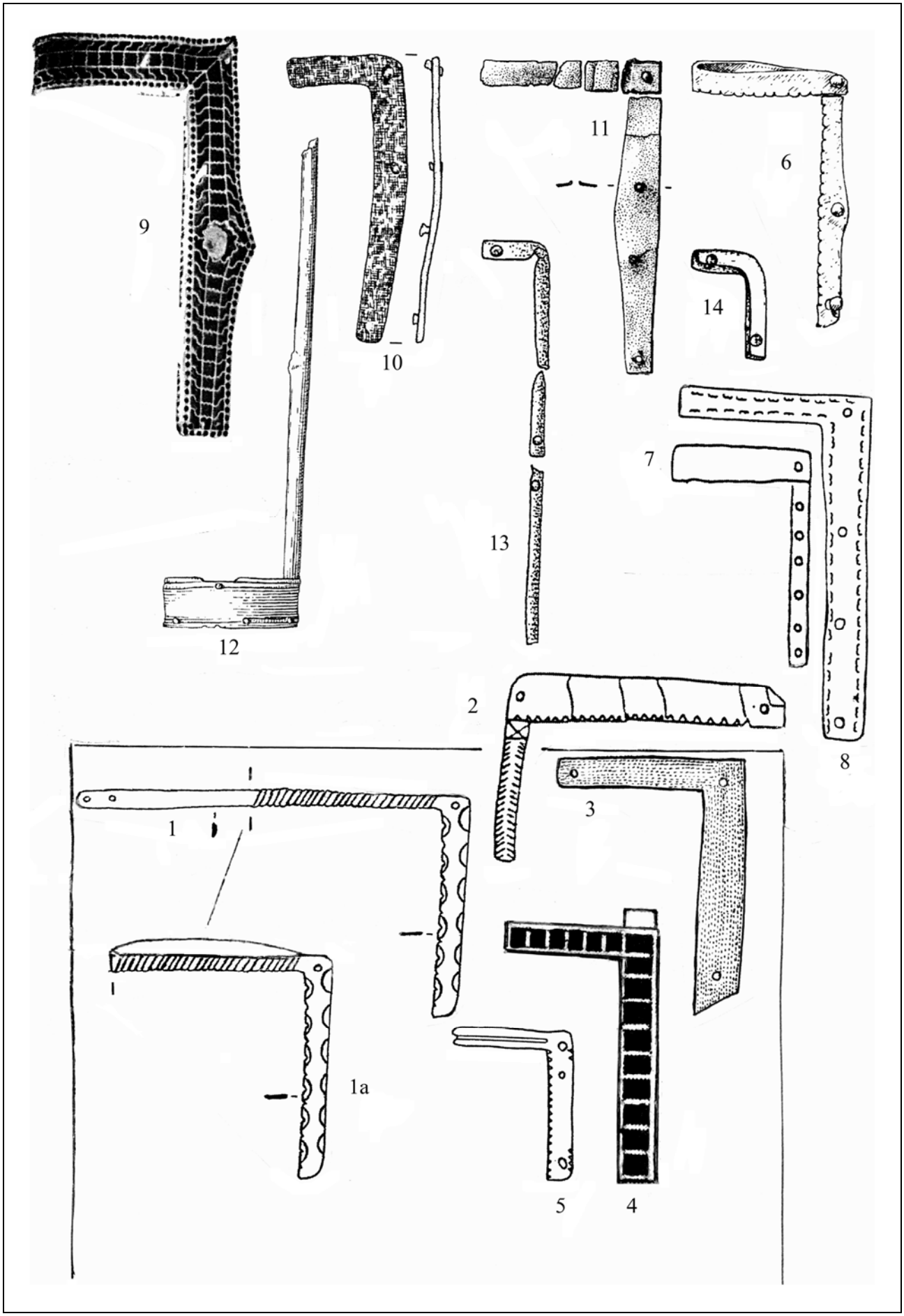

9
10
11
6
14
12
13
7
8
2
3
1
1a
5
4

Рис. 5. Г-образная скоба от устья ножен меча из пещеры на горе Развалка и ее аналогии из памятников Центрального Предкавказья, Северного Причерноморья и Западной Европы: *1* — Г-образная скоба из пещеры на горе Развалка; *1а* — Г-образная скоба из пещеры на горе Развалка (предполагаемый первоначальный вид); *2* — могильник Дюрсо (кат. 1.2), погребение 479 (по Воронов, Шенкао 1982); *3* — могильник Лермонтовская Скала-2 (кат. 5.11), погребение 10 (по Рунич 1976); *4* — могильник Зарагиж (кат. 6.5), погребение 118 (по Atabiev 2000); *5* — могильник Чми, погребение 8 (по Абрамова 1997); *6* — Чонград-Кендерфёлдек, могила 28 (по Tejral 1997); *7* — Боспор (по Kazanki, Perin 1988); *8* — могильник Шапка-Церковный холм-4, погребение 7 (по Воронов, Шенкао 1982); *9* — Tournai (по Quast 2005); *10* — Eschborn, могила 9 (по Quast 2005); *11* — Hemmingen, могила 15 (по Quast 2005); *12* — Lébény (по Tejral 1997); *13* — Basel-Bernerring, могила 33 (по Quast 2005); *14* — Fridingen, могила 148 (по Quast 2005).

Fig. 5. An Г-shaped bracket from the mouth of sword scabbard from the cave on Mount Razvalka and its analogies from the sites of the Central Ciscaucasia, the Northern Black Sea region and Western Europe: *1* — Г-shaped bracket from a cave on Mount Razvalka; *1a* — Г-shaped bracket from cave on Mount Razvalka (presumed original appearance); *2* — burial ground Durso (cat. 1.2), burial 479 (after Voronov, Shenkao 1982); *3* — burial ground Lermontovskaya Skala-2 (cat. 5.11), burial 10 (after Runich 1976); *4* — burial ground Zaragizh (cat. 6.5), burial 118 (after Atabiev 2000); *5* — burial ground of Chmi, burial 8 (after Abramova 1997); *6* — Chongrad-Kenderföldek, grave 28 (after Tejral 1997); *7* — Bosporus (after Kazanki, Perin 1988); *8* — burial ground Shapka-Tserkovny kholm-4, burial 7 (after Voronov, Shenkao 1982); *9* — Tournai (after Quast 2005); *10* — Eschborn, grave 9 (after Quast 2005); *11* — Hemmingen, grave 15 (after Quast 2005); *12* — Lébény (after Tejral 1997); *13* — Basel-Bernerring, grave 33 (after Quast 2005); *14* — Fridingen, grave 148 (after Quast 2005).

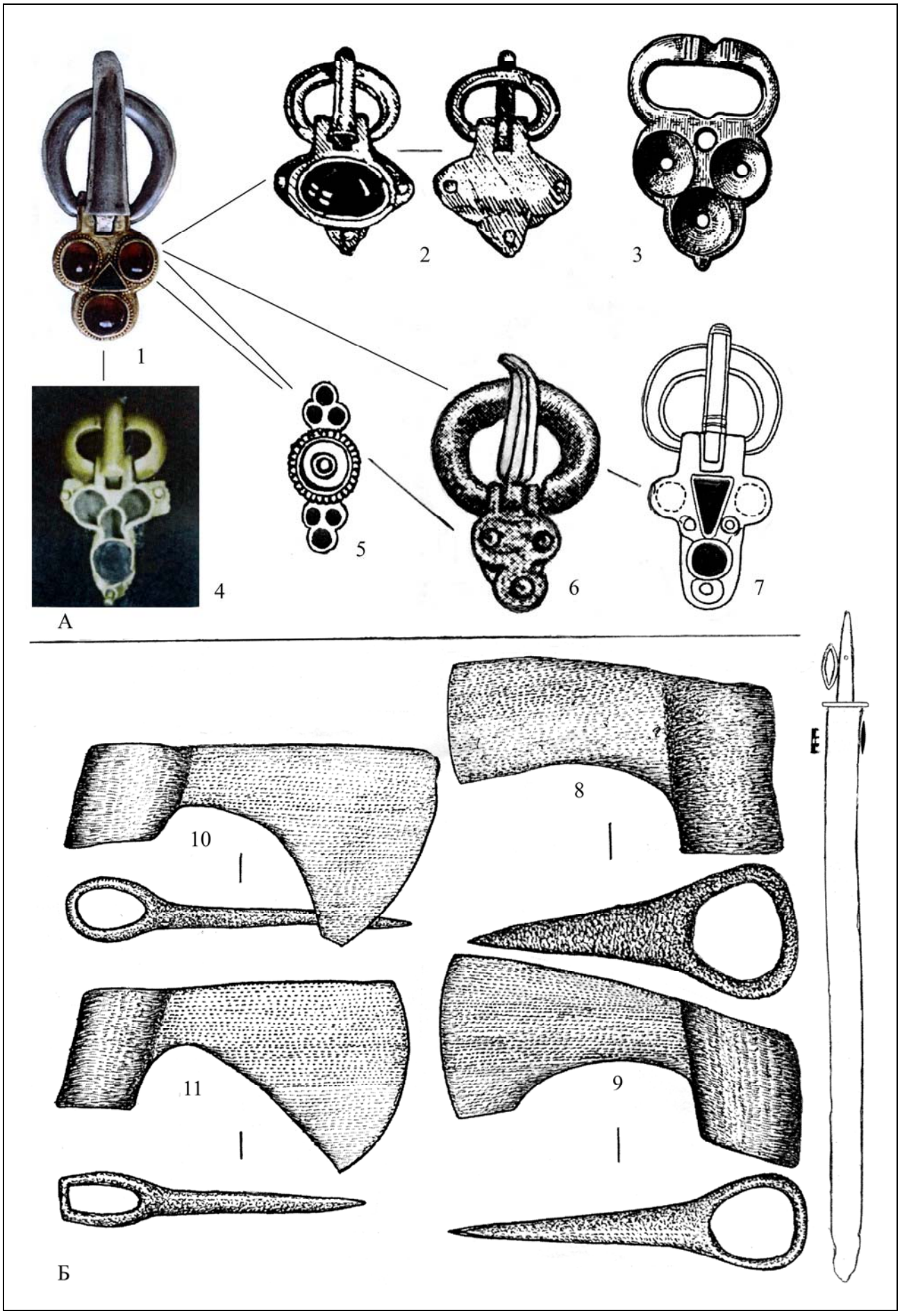

1
2
3
4
5
6
7
А
8
9
10
11
Б
Е

Рис. 6. Предметы из пещеры на горе Развалка и их аналогии: *А* — пряжка с щитком в форме трилистника, украшенного альмадинами(?), из пещеры на горе Развалка и ее аналогии из памятников Предкавказья и Западной Европы: *1* — гора Развалка; *2* — de Fontenay-le-Marmion (по Pilet 1990); *3* — Херсонес (по Ковалевская 1979); *4* — Szeged-Nagyszéksos (по Garnet Cloisonné Ornamets 1991a); *5* — могильник Лемонтовская скала-2, погребение 10 (по Рунич 1976); *6* — Косаново (по Jiřik, Gil, Vávra 2019); *7* — могильник Чми-I, погребение 5 (по Абрамова 1993); *Б* — железный топор из пещеры на горе Развалка и его аналогии из памятников Предкавказья и Абхазии: *8* — гора Развалка; 9, *12* — гора Верблюд; *10, 11* — цебельдинская культура — Абхазия (по Гей, Бажан 1997).

Fig. 6. Items from cave on Mount Razvalka and their analogies: *A* — buckle with shield in the form of trefoil, decorated with almadins (?), from cave on Mount Razvalka and its analogies from the sites of Ciscaucasia and Western Europe: *1* — Mount Razvalka; *2* — de Fontenay-le-Marmion (after Pilet 1990); *3* — Chersonese (after Kovalevskaya 1979); *4* — Szeged-Nagyszéksos (after Garnet Cloisonné Ornamets 1991a); *5* — burial ground Lemontovskaya skala-2, burial 10 (after Runich 1976); *6* — Kosanovo (after Jiřik, Gil, Vávra 2019); *7* — Chmi-I burial ground, burial 5 (after Abramova 1993); *B* — iron axe from cave on Mount Razvalka and its analogies from the sites of Ciscaucasia and Abkhazia: *8* — Mount Razvalka; *9, 12* — Mount Verblud; *10, 11* — Tsebelda culture — Abkhazia (after Gay, Bazhan 1997).

DOI: 10.53737/5092.2023.68.87.014

Svetlana Tarkhanova

EARLY BYZANTINE “MEDALLION” CAPITALS IN THE HOLY LAND: THEIR CONTEXT, STYLISTIC EVOLUTION, AND GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION*

In this paper, twelve marble “medallion” capitals of the Holy Land are collected together, stylistically analyzed, and dated for the first time. For a better understanding of their geographical distribution, the places of recovery were marked on the map. In the recent article of C. Barsanti (2017), only 40 capitals of this type were collected throughout the whole Mediterranean region, so the number of local artifacts is rather considerable. None of the local capitals was revealed in situ but only in secondary use in the Early Islamic context or scattered at the sites. In all cases, Early-Byzantine churches dated to the 5th — 6th centuries CE were located in close vicinity. The paper consistently provides them as apparent sources from which the capitals might be hypothetically generated. Stylistic analysis showed the process of order alteration: the recognizable morphological basis of the type was followed (though not strictly) in all specimens. At the same time, ancillary details might vary considerably from one capital to the other. This process implies gradual order decline moves from more complete and detailed to more laconic variations of the “medallion” type.

Key words: “Medallion” capitals, Early-Byzantine churches, Holy Land, marble imports, Constantinople workshops, order morphology.

About the author: Tarkhanova Svetlana, PhD (Cultural Studies), National Treasures Department of the Israel Antiquities Authority.

Contact information: 9905543, Israel, Beth Shemesh, 203 HaMelacha St., National Treasures Department of the Israel Antiquities Authority; e-mail: svetlanat@israntique.org.il; foteini_t@yahoo.com.

Светлана Тарханова

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ «МЕДАЛЬОННЫЕ» КАПИТЕЛИ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: ИХ КОНТЕКСТ, СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

В данной работе собраны вместе, стилистически проанализированы и впервые датированы двенадцать мраморных «медальонных» капителей Святой Земли. Для лучшего понимания их географического распространения места обнаружения были отмечены на карте. В недавней статье К. Барсанти (2017) по всему Средиземноморью было собрано всего 40 капителей этого типа, так что количество местных артефактов довольно значимо. Ни одна из местных капителей не была обнаружена in situ. Все они находились во вторичном использовании в раннеисламском контексте или были разбросаны на поверхности земли вне археологического контекста. Но во всех случаях в непосредственной близости располагались ранневизантийские храмы V—VI вв. н.э. В статье они последовательно представлены как источники, из которых гипотетически могли происходить капители. Стилистический анализ показывает процесс развития ордера: узнаваемая морфологическая основа типа соблюдается (хотя и не строго) во всех экземплярах. В то же время вспомогательные детали могут значительно отличаться от одной капители к другой. Этот процесс «развития» подразумевал постепенный упадок ордерного канона и переход от более детализированных к более лаконичным вариантам капителей «медальонного типа».

Ключевые слова: капители-медальоны, ранневизантийские храмы, Святая земля, импорт мрамора, константинопольские мастерские, ордерная морфология.

Сведения об авторе: Тарханова Светлана, PhD (Cultural Studies), Департамент национальных сокровищ Управления древностей Израиля.

* Статья поступила в номер 16 июля 2023 г.
Принята к печати 30 июля 2023 г.

© Svetlana Tarkhanova, 2023.

Контактная информация: 9905543, Израиль, г. Бейт Шемеш, ул. Хамелаха, д. 203, Департамент национальных сокровищ Управления древностей Израиля; e-mail: svetlanat@israntique.org.il; foteini_t@yahoo.com.

Introduction

Subject, methods, and historiography

This paper is devoted to one special and very few in number type of "medallion" marble capitals which might be allocated among the other types imported to the Holy Land during the Early Byzantine period[1]. These "medallion" capitals were never collected together, systemized, adequately investigated, or dated, though some of them were recently published in disparate archaeological reports. In the recent article of C. Barsanti, three of them (Caesarea, Nazareth, Be'er Sheva) were mentioned among the general row of 40 samples with some short stylistic analysis (Barsanti 2017: 393—394, Figs. 4—6). Several examples (Caesarea, Constantinople) were analyzed in my Ph.D. dissertation (Tarkhanova 2016: 233—234), but in this article, the list is more complete, and the analysis is more detailed and broader. Some new ideas about the evolution of order morphology and style, as well as on genesis and meaning of separate elements, are presented. The geographical distribution of the known artifacts is shown on the map prepared by the author (Fig. 1).

Plenty, if not the majority, of all known "medallion" capitals were revealed in Constantinople. The dating of the "medallion" type is rather contradictive. In early German bibliography, the type was generally named "Kapitelle mit weich-zackingem Akanthus: Blattfächer unter den Außenhelices" (Kautzsch 1936: 52—53; transl. of the author: "Capitals with soft-pointed acanthus: fan-like leaflets under the outer helices"). R. Kautzsch has presented evolutional development of the type (based on Constantinopolitan samples) starting from the early capitals in the Triumphal Arch of Theodosius (late 4th century CE; Kautzsch 1936: 42—43, no. 154 (Abbs. a-b); Fig. 2)[2], the pilaster capital in the Golden Gates (425—450 CE; Bardill 1999: 682, Fig. 1) and completing with other artifacts from various places in Constantinople, which he hypothetically dated to the 460—490s CE (Kautzsch 1936: 42—43, Taf. 12, nos. 162—167). Thus by Kautzsch, the chronological borders include the period from the late 4th till the late 5th century. In the review of Kautzsch's monograph, Schunk criticized his dating and offered another upper chronological border — ca. 530—540s CE (Schunk 1937: 383—384, Abb. 2). Still, the author concentrated only on the style of acanthus leaves in his arguments. Barsanti is not going deep into the chronological and evolutional problems maintaining (with the references to earlier bibliography) that the "medallion" type was spread from the 1st decades of the 5th century CE till the 6th century CE (Barsanti 2017: 391). P. Niewöhner included this type into the group of capitals dated to the earlier 4th century CE (erroneously (?)). The author is not discussing morphological or stylistic evolution, though he had accurately chosen capitals with exclusive design, highlighting the type's diversity (Niewöhner 2021: 25).

The geographical distribution of the "medallion" capitals encompasses the whole Mediterranean area, though not very deep into the mainland. Barsanti collected 40 "medallion" capitals from various regions, including Italy, Constantinople, Asia Minor, Lebanon, Syria, Cyprus, Bulgaria, and the Holy Land (Barsanti 2017). Betsch published one sample from Chios Island (Betsch 1977: 201—202, 441, Fig. 147 (attributed as Corinthian with mask-acanthus)).

[1] The examples of the capitals and the general information about the churches were collected on the basis of the sections "Architectural members" and "Churches" of the Digital Corpus of Early Christian Churches and Monasteries in the Holy Land, directed by Dr. L.Di Segni, Prof. J. Patrich (henceforth — DCCMHL; dig.corps-cmhl.huji.ac.il: 1). It was carried out on behalf of the Hebrew University of Jerusalem with a budget allotted by the Israel Science Foundation (ISF) (2014—2021). The section "Architectural members" was worked out by the author of this paper. Concerning general description of the corpus, including geographical and chronological borders of the material see Patrich, Backner, Burger, and Tarkhanova 2020: 11—31.

[2] Compare to the early sample of the "medallion" capital from the portico flanking the porch of the Theodosian Hagia Sophia in Constantinople (dated to 415 CE; Niewöhner 2021: 25, Fig. 40).

Niewöhner had mentioned that the “medallion” capitals were found in Constantinople, the Eastern Mediterranean, and the Black Sea regions, for example, in Pamphylia (Niewöhner 2021: 25).

Notwithstanding the firm adherence to the uniform canon and anticipated manufacturing only in the Constantinopolitan area without regional replicas, there are some discrepancies in the capitals’ design. The sequent evolution of the type could explain some of them. But the details are also different on the coeval capitals. Regional reasons can’t explain this variety, as they were all manufactured in one circle of workshops from Proconessian marble.

Order morphology and its development

The order morphology of “medallion” capitals is relatively standard, displaying rigorous adherence to the established tradition/canon. In modern scientific research, this type is described as: “Corinthian capitals with reduced apparatus, no inner helices, but caules that enclose a rounded boss under the abacus knob” (Niewöhner 2021: 25). Early samples of “medallion” capitals of the Theodosian period (Kautzsch 1936: 42—43, no. 154 (Abbs. a-b), Bardill 1999: 682, Fig. 1, Niewöhner 2021: 25, Fig. 40) feature recognizable leaflets in their upper parts, but these leaflets are three pairs in number, small and not well articulated. The lower parts of kalathi bear two ranges of acanthus leaves. In their detailing, several characteristics are essential to outline for further discussion. The ranges are located so that the joints between the lower leaves and midribs of the upper leaves coincide with the axes of the capital sides. Midribs of upper leaves might be covered with lanceolate patterns, while spaces between them are filled with small paired acanthus bundles or semicircular segments. The further stylistic development of leaflets in the upper part of kalathos and their enlargement in scale has replaced the 2nd tier of acanthus leaves, but lanceolate patterns were not omitted.

In the later period, the order morphology of “medallion” capitals became more distinctive and typical. Each capital is topped by an abacus with concave (in horizontal section) sides and protruding knobs. Usually, the abacus and its knobs are embellished with a continuous horizontal line (in the middle); the sides of the abacus are slanted downwards (in the vertical section). The decorative composition of the upper part of kalathos is the main distinguishable feature. It is comprised of reduced soft volutes with tiny spirals at the ends. These volutes are leaning on the corner floral, geometric elements, or plain chamfers. On each side between the corners, there is single pair of symmetrical leaflets joined in the lower part and completed with lobes. The details of the leaflets differ on various capitals, but their standard features are pointed fan-like lobes (three-four), some of which (or all) are grooved. These grooves might continue towards the lower part of each leaflet or steeply bordered in the upper part. They also might be widening or tapering towards the lower ends, independent of each other, or joined. The inner lobes of stylized leaflets constitute oval medallions. The order meaning of these leaflets might be defined as a highly simplified and altered combination of cauliculi (caules) and calyxes. But a strict schematic form of the pattern and its almost heraldic character forces us to assume another source of inspiration; for example, it might be developed from the motif of two interlacing cornucopias arranged symmetrically (in a mirror-like manner). This pattern was popular in the Roman and Early Byzantine periods and was adopted in various arts, such as numismatics, mosaics, sculptural elements (including capitals), etc. On such c A mask or another pattern might be placed on such capitals between two cornucopia a medallion n 1962: 125, 129, no. 344 (Abb. 652), Plate 86; Niewöhner 2021: 81).

The presence of large stylized leaflets on Early Byzantine “medallion” capitals omit or considerably reduce some other Corinthian order elements traditional for the upper part of kalathos, such as cauliculi, calyxes, volutes, helixes. Oval bosses between leaflets might be bold or decorated with various patterns. The lower part of kalathos (on later capitals) features only one range of four, six, or eight acanthus leaves instead of the traditional two ranges of eight leaves. Traditionally the acanthus leaves on capitals of this type are soft-pointed[3] with wide and soft midribs, squat in proportions. Astragalus is usually omitted.

[3] Only once “broad-pointed” leaves are occurred on capital from Varna (Barsanti 2017: 396, Fig. 12).

“Medallion” capitals in the Holy Land

All capitals revealed in the Holy Land (and elsewhere) are carved from Proconessian marble of different greyish tints. Only once a reproduction of the upper stylized pointed leaflets with a medallion in between was detected on limestone capital of “basket” type (the church in Khirbet Et-Tell (Magen, Kagan 2012: 179, Fig. 57.1)). Two “medallion” capitals were found in a more or less definite ecclesiastical context (Nazareth, Caesarea Maritima). The others were revealed scattered at the sites or in secondary use in Early Islamic monuments but close to the churches with which they might be hypothetically associated. Usually, capitals are of medium scale. Due to the rareness and importance of the type, capitals revealed out of the ecclesiastical context are also included in the list.

Further description of the capitals is organized generally by geographical principle following the direction from south to north, from the Western coast towards Judea and the Sea of Galilee (with one exception for stylistic reasons — no. 8). Each capital and each site have its sequent numbers (capitals: nos. 1—12; sites: nos. (1)—(7)). No more than three capitals were revealed in each place.

(1) Nos. 1—2. Two “medallion” capitals are applicable in *Ashqelon (Ascalon)*. Both were never published.

Capital no. 1 was reused as spolium in the *old Majdal mosque* (now *Khan Museum in Ashqelon*) over the column flanking the entrance. The nearest church is located in Khirbet Abu Fatun (Sheikh el-Kubakha; DCCMHL: NID# 12650, Huster 2015), at ca. 3 km to the southeast of the spot. There could be another church in the closer vicinity or under the mosque, from which the capital might have been obtained in the past.

The abacus of capital no. 1 **(**Fig. 3a-b**)** has concave walls and protruding bosses decorated with continuous horizontal lines. The abacus knobs are angular at the ends. The reduced soft volutes lean on the elongated tongue-like leaves with ribbed edges and bent tips. Their central surfaces are sunken. There are small slits between these corner tongue-like leaves and central stylized leaflets. Two outer lobes of the stylized leaflets are grooved, though only to half of their height. The virtuously carved grooves are shallow and tapering towards the lower parts. The inner lobes are wider and lower but flat; their tips are bent inwards. The bosses between the leaflets are almost round. Two of the opposite bosses are adorned with plain medallions with *crux quadrata* (with Ro (P) symbol) and *crux decussata* (with Chi Ro (XP) symbols). Two other bosses are bold, but the kalathos rims (double lips) are accentuated over them. The lower range is formed by eight acanthus leaves (severely chiseled). The joints between the leaves are located along the axes of the frontal sides (under the bosses) and at the corners. An unusual feature is an ancillary ring of the lanceolate patterns located between the eight acanthus leaves. They cover the corner tongue-like leaves and lower parts of the paired leaflets (directly under the bosses; see below no. 5). All decorative elements are uniform, symmetrical, and delicately accentuated with narrow grooves. The proportions of the capital are slim; the silhouette is nicely tapering towards the bottom. The upper part is almost twice higher than the lower range.

Capital no. 2 was revealed at the territory of *Tel Ascalon* (*Ashkelon National Park*; Fig. 4a-b). It is currently located among the other marble details in the archaeological park. Some were published as part of the basilica decoration (Fischer 2008); the derivation of the others, including this capital, is inapplicable (it might be revealed together with plenty of other details at the site during the British Mandate). In the closest vicinity, at least four churches were identified and partially excavated (Ascalon (Tel) Church 1, DCCMHL: NID# 12618; Ascalon (Tel), Church 2, DCCMHL: NID# 12619; Ascalon (Tel), South Church, DCCMHL: NID# 4201; Ascalon (Tel), East Church (Saint Mary the Green?), DCCMHL: NID# 4852; Bagatti 2002; Tzaferis, Stager 2008: 399—405; Huster 2015). Initially, the capital might decorate one of them with some other ecclesiastical details scattered at the site. The churches are generally dated to the Early Byzantine period.

The abacus of the capital was preserved. The volutes existed, but only scanty remains of them are traceable. They are leaning on corner tongue-like leaves, similar to those of capital no. 1 but softer. The stylized leaflets in the upper part are broad. Their outer lobes are straight and grooved though not to the

bottom; inner lobes are curling inwards and grooved, but the grooves are shorter and narrower. These grooves are widening towards the lower parts and have pyramidal or arrow-like shapes. The bosses between the leaflets are bold. The lower range of the capital is adorned with four very wide acanthus leaves, which midribs are located directly under the bosses. Each leaf is comprised of a very wide flat midrib completed with a trefoil and flanked by long soft grooved lobes. The tips of the neighboring leaves were touching each other, comprising a globular silhouette. For a specific stylistic reason, only four leaves are presented; they are considerably stretched to cover the whole diameter. Four semicircular patterns (instead of lanceolate) were located between them, covering the corner leaves' lower parts. The proportions of the capital are squat with minor tapering of the silhouette towards the bottom; the upper part (without the abacus) is almost the same height as the lower range. This capital no. 2 is quite different from capital no. 1 and obtained from another import.

(2). Nos. 3—4. Two “medallion” capitals were revealed in Caesarea (Dalali-Amos 2021: 250, 280—281, nos. 58(T142)—59(T150); Barsanti 2017: 394, Fig. 4; Tarkhanova 2016: 233—234).[4] One of them (no. 3) was discovered in secondary use in later structures (Dalali-Amos 2021: 280, no. 58) (Figs. 5, 8). Another (no. 4) (Figs. 6, 8) was left at the site near the Octagonal church by A. Negev (in 2006, it was still there), so apparently, it was derived from this church. Recently it was included in the permanent exhibition of the new museum in Caesarea National Park (Dalali-Amos 2021: 281, no. 59) (Fig. 7a-b). The Octagonal church from which this capital might be derived is dated either to the end of the 5th (before 491 CE, Shalev-Hurwitz 2016: 235—251) or to the beginning of the 6th century (Holum 2004: 109—111; Holum, Iamim 2021: 197—247, 249—300; DCCMHL: NID# 13365).

Dalali-Amos have joined these “medallion” capitals with two other small Corinthian capitals found at the site into Type E (Dalali-Amos 2021: 256—257, Fig. 9.9, Type E; 280—281, nos. 57, 58, 59, 61). All four capitals are close to each other by scale and morphology, but there are some considerable deviations between those attributed as “medallion” and two others. Capital no. 57 (Dalali-Amos 2021: 280) does not bear the main feature of the “medallion” type, which is a pair of heraldic leaflets on the kalathos; instead of them, it is decorated with the 2nd tier of four large acanthus leaves. Capital no. 61 is severely eroded (Dalali-Amos 2021: 281), but the character of acanthus leaves is similar to those of capital no. 57. In both of them, the leaves are broad-pointed (mask-acanthus). At the same time, in the “medallion” type, they are almost always “soft-pointed” (see reference no. 3). Dalali-Amos proposed dating to the 6th century (Dalali-Amos 2021: 280).

Both capitals no. 3 (=no. 58 by Dalali-Amos) and no. 4 (=no. 59 by Dalali-Amos) are similar, though not identical. The small rudimental volutes join at the corners and lean on the tongue-like leaves curved at the ends. The detailing of the leaflets is considerably varying. On capital no. 3 they are separated from the corner leaves by strips. All lobes of the leaflets are grooved from the tips to the bottom; the grooves of the central lobes are almost joining or joining in the lower part comprising semicircles. On capital no. 4, the stylized leaflets are joined with corner chamfers. The outer lobes of the leaflets are grooved to half of their height, while the inner lobes are flat. The bosses are almost round on capital no. 3 and oval on capital 4, but the bosses are joining with the abacus knobs on both of them. The kalathos rims are omitted, while they are applied on capitals nos. 1-2. The bosses on both capitals are decorated with the Maltese crosses with flat (no. 3) or grooved (no. 4) arms (without medallions). The lower range on each capital is comprised of six acanthus leaves. But their character is different. In one case (no. 3), the leaves are fleshy and thick with ridged protruding midribs. In the other case (no. 4), the leaves are flatter with even and wide midribs. Only on capital no. 4 four semicircular patterns (instead of lanceolate) are covering the corner chamfers (on capital no. 3, they are omitted). Their arrangement is not symmetrical towards the arrangement of acanthus leaves over kalathos. In both samples, the detailing of the acanthus leaves and leaflets are well correlated stylistically.

The proportions of capital no. 3 are taller: its height (0.50 m) exceeds the size of capital no. 4 (0.41 m) on 0.09 m, while their diameters are almost equal (0.44 m and 0.43 m). The difference in

[4] The right-hand capital on Fig. 9.2 (Dalali-Amos 2021: 250, Fig. 9.2) was erroneously numbered as no. 52 in the caption; by its features it is the "medallion" capital, apparently, no. 58.

proportions is visible in the illustration where they are presented nearby (Dalali-Amos 2021: 257, Fig. 9.9, Type E, nos. 58—59) (Fig. 8).

(3). No. 5. "Medallion" capital was also revealed in *Apollonia (Sozousa, Reshef, Arsuf)*. Excavators recently published a photo and short description of this capital (Fischer et al. 2018: 446—449, Item 5) (Fig. 9). It was dated by Fischer to the 5th — 6th centuries CE and hypothetically attributed to the Early-Byzantine church excavated in 1962 and 1976 in Area K (Ovadiah 1970: 155 (no.155); Oren 2017; the church was dated to the 6th century; DCCMHL: NID# 14446). It is located within one of the rooms of the Crusader fortress in Apollonia, where it was secondarily used.

Only less than half of the capital is preserved, but most of its morphological elements are traceable (except for the abacus). Some scanty remains of the volutes are visible. The leaves on which they are leaning are well articulated: their central surfaces are slightly sunken and tapering towards the tops, and the lateral sides are ridged and grooved. The pairs of stylized leaflets are separated from these corner leaves by slits (as on capital no. 1). The outer lobes of the leaflets are narrow and grooved to half of their height; the inner lobes are wide and flat. The bold bosses have an irregular shape of the ovals, narrowing towards the lower part. The lower range bears one ring of eight acanthus leaves with wide midribs. The leaves are arranged in such an order that their axes coincide with the corners and central axes of the sides. There is a range of eight flat lanceolate patterns between the acanthus leaves. They cover the lower parts of the stylized leaflets. The lower range is adorned with a ring of eight acanthus leaves and eight lanceolate patterns.

(4). No. 6. One "medallion" capital is included in the exhibition of the Davidson Centre in *Jerusalem* (Fig. 10). Apparently, it was found in the Early-Islamic context as most of the other Early Byzantine elements at the site (Ben-Dov 1985: 237). No further information was possible to gain. The nearest ecclesiastical buildings in the area are the New Church of Theotokos (built by Justinian I; Gutfeld et al. 2021; DCCMHL: NID# 2564, Jerusalem (Old City) — New Church of the Theotokos (Nea Church)) and the monastery of Virgins at Ophel (Mazar 2003: 3—67; DCCMHL: NID# 581, Jerusalem, Extramural) — Virgins (?)). Another unknown Byzantine edifice with marble decoration was spoliated before the erection of the Umayyad complex at the Western Plaza (Monnickendam-Givon et al. 2021).

It is one of the plainest capitals among the others of the "medallion" type. Its abacus and knobs are adorned with a hardly noticeable continuous strip. The volutes are entirely omitted. The corner parts are chamfered (chamfers are tapering towards the upper part). The lobes of the paired stylized leaflets are equalized, and all of them are grooved to the bottom, but the grooves of the inner lobes are not joining but sunken under the acanthus. The bosses with pointed lower parts are undecorated, except for one with the relief cross. The lower range is adorned with four large acanthus leaves. The proportions of the leaves are odd: their upper lateral bundles of lobes are elongated, and the tips of the midribs are steeply bent downwards. By these features and substantial reduction of the traditional order morphology, the capital might be accurately dated to the late 6th — 7th century CE. Still, from the other point of view, all elements are carved symmetrically and on a high artistic level, so omitting order morphology might be explained by intentional size reduction.

The rest capitals (except capital no. 9) comprise one group by their stylistic features.

(5). No. 7. One "medallion" capital was discovered in *the church of the Annunciation in Nazareth* (Bagatti 1967: 165, Figs. 131—134; Barsanti 2017: 394, Fig. 6; DCCMHL: NID# 13671) (Fig. 11). Bagatti dated the church to the late 4th — early 5th century CE; it was still in use in the 9th century CE (Bagatti 1967). Photos of its four sides are published (though in low quality), and some measurements are specified (height — 0.37 m, diameter of the base — 0.42 m). The volutes are mainly broken, but the chamfered corners (or leaves) they lean on are traceable. The grooved trefoils complete the paired stylized leaflets (the grooves join in the lower parts). The lobes are grooved to half of their height and join in the lower parts. There are slits between them and corner chamfers as on capitals nos. 1 and 5. Oval bosses bear different patterns: 1) plain empty medallion, 2) laurel medallion with defaced motif (cross?), 3) pomegranate, and 4) fleuron. Bagatti assumed that such images are traditional for

synagogue decoration and mentioned a parallel from Caesarea (Bagatti 1967: 164). Apparently, he meant capital no. 3. The lower range was adorned with six squat acanthus leaves.

(6). No. 8. The "medallion" capital was published in the catalog of the exhibition "Cradle of Christianity," which took place in the Museum of Israel in 2000 (Segal 1988: 238; Israeli, Mevorah 2000: 124f; Govrin 2015: 69, Fig. 7; Barsanti 2017: 394, Fig. 5) (Fig. 12). Initially it was presented in the *Negev Museum in Be'er Sheva* but its exact provenance is unknown. Apparently, it derives from one of the churches in Be'er Sheva. There are four archaeologically known churches (Beer Sheba, Church 1, DCCMHL: NID# 17847; Beer Sheba, Church 2, DCCMHL: NID# 17850; Beer Sheba, Triapsidal church, DCCMHL: NID# 13303, Govrin 2015: 116—119, 121; Beer Sheba, Triconch church, DCCMHL: NID# 15195, Fabian, Ustinova 2020) and two monasteries (Beer Sheba (ed-Deir), DCCMHL: NID# 13543; Beer Sheba (Monastery ?), DCCMHL: NID# 13542, Figueras 1995: 401—450) within the central part of the modern city. They are all dated to the Early Byzantine period.

Some capital measurements are specified in the bibliography: diameter at the top — 0.75 m, diameter at the bottom — 0.42 m, height — 0.45 m (Segal 1988: 238). By its stylistic, morphological, and proportional features, it's very close to capital no. 7. The published photos of all four sides are of good quality, so it's possible to specify some essential details. There is a flattened circumference traceable on the upper side of the abacus. The stylized leaflets are separated from corners with grooves (without slits). Outer lobes are grooved to half of their height. The joining grooves of the inner lobes comprise a semicircle as on capital nos. 3, 10—11. The patterns decorating the bosses are 1) a medallion formed by a twisted rope pattern with the *crux quadrata* within it (with Ro (P) symbol (as on capital no. 1 from Ashqelon)), 2) a dolphin turned upwards, 3) a similar dolphin turned downwards, 4) pair of smaller dolphins turned upwards (located back to back to each other). Six acanthus leaves of the lower range are arranged asymmetrically: a) the axes of two sides coincide with the midribs; b) the axes of the two other sides coincide with joints between leaves. The lanceolate patterns that occurred on the capital are placed between the acanthus leaves. Inevitably they follow their asymmetrical arrangement covering either the center of the arched joint between the leaflets (manner a) or their lower parts (manner b). On the other capitals with six acanthus leaves in the lower row (nos. 3—4, 7, 10—12), the arrangement of the elements is identical.

(7). Nos. 9—11. Three "medallion" capitals were revealed in secondary use in the *Umayyad palace in el-Minya*. They are correctly attributed as "medallion" (Ritter 2017: 94—95, Taf. 31, nos. 3—4, nos. 6-8, Taf. 32, nos. 1—4).

The nearest churches are located in Tabgha/Heptapegon, which is ca. 4 km northeast of the place. The Miracle of the Multiplying of Loaves and Fishes chapel was built in the 4th century CE (Schneider 1937; Barkay, Shiler 1999; DCCMHL: NID# 12438). In the 2nd half of the 5th century CE colonnaded church was built over it (rebuilt in the 6th century CE, Schneider 1937; DCCMHL: NID# 12444). Another chapel, the Sermon on the Mount, was erected in the late 4th century CE and reconstructed in the early 6th century CE (Loffreda 1981: 22; DCCMHL: NID# 12439). The chapel Mensa Domini devoted to the Primacy of Peter was built in the 4th century CE and then several times rebuilt in the 7th century CE and later during the Medieval period (Barkai, Shiler 1999: 52—54; DCCMHL: NID# 12440).

For this group of capitals, it's necessary to mention that 5.4 km north of the spot, there is a synagogue in Horvat Kur, dated to the Late Roman — Early Byzantine period (Zangenberg 2013[5]).

Capital no. 9 (Ritter 2017: Taf. 31, nos. 3—4) bears some individual features (Fig. 13). It has a notable design of the stylized leaflets. Their inner lobes comprise the oval bosses, but the general character is relatively soft and not strictly geometric. All three lobes are grooved to half of their height and bent inwards. There are narrow strips between leaflets and corner ribbed chamfers which are comparatively narrow on this artifact. One boss is bold; the other one is adorned with a five-petal rosette. The petals are rounded and fleshy; the pestle is dot-like. Eight acanthus leaves are elongated

[5] For more complete bibliography please follow the link to the Bornblum Eretz Israel Synagogues Website of Kinneret College on the Sea of Galilee, synagogues.kinneret.ac.il: 1.

and closely attached to the kalathos together with the tips of the midribs. The lanceolate patterns are placed in a symmetrical manner covering the lower parts of the stylized leaflets (as on capitals nos. 1 and 5). At the edges, the patterns are emphasized with narrow recessing moldings. The proportions of the capital are taller than in all other samples. The row of acanthus leaves is higher than the upper part of the capital, which is an unusual proportional trait for the type.

Capitals nos. 10—11 (Figs. 14—15; Ritter 2017: 94—95, Taf. 31, nos. 6—8, Taf. 32, nos. 1—4) are almost identical to the capitals nos. 7—8. Only the decorative patterns of the bosses are different. On capital no. 10, there are: 1) branch completed with three lobes, 2) trefoil, 3) four-armed floral pattern resembling *crux quadrata*. The lobes and arms of all patterns are grooved. Bosses of capital no. 11 are decorated differently: 1) branch with four lateral leaves, 2) pomegranate (?), 3) forked branch, 4) four-petal rosette with a dot-like pestle. The midribs, arms, and lobes of these patterns are flat. The excavator mentioned that some of these motifs resemble Jewish symbols such as *lulav* and *etrog* (Ritter 2017: 94—95, Abb. 29). But I assume these associations are not enough for synagogue attribution of the capitals because 1) the interpretation of the floral motifs might be alternative, 2) more obvious Jewish symbols such as Menora are absent, 3) two symbols resemble crosses.

(8). Capital no. 12 was revealed in secondary use in the Early Islamic mosque during the excavations in *Tiberias* directed by Dr. K. Cytryn on behalf of the Institute of Archaeology of Hebrew University in Jerusalem[6] (Fig. 16). The Early-Byzantine church is located in the closest vicinity to the mosque, and, most probably, the capital is deriving from it. The church was recently excavated and published (Cytryn-Silverman 2016; DCCMHL: NID# 15121). According to K. Cytryn-Silverman, it was built before 427 CE (apparently, in the 4th century CE) and rebuilt in the 1st half of the 6th century CE and the 7th — 8th centuries CE.

The abacus (0.42 m wide) and the lower part (diameter 0.32 m) of the capital are eroded. Proportions and design of the upper part, including stylized leaflets, are similar to those of capital no. 5. Still, morphology and irregular arrangement of the lower six acanthus leaves and lanceolate patterns are identical to those of capital no. 8 and its other variations. The general height of the capital is 0.37 m. Three bosses are bold, and the fourth one is destroyed, but the damage traces do not look like iconoclastic activity. Traces of claw chiseling are preserved all over the capital, but on the midribs and bosses, they are most prominent.

Discussion: stylistic development and variety of order elements

So, the analysis of local “medallion” capitals showed the following varieties of decoration.

Abacus and knobs

These elements are similarly decorated with a continuous horizontal line in all cases. Only on capital no. 6 the line is light and hardly noticeable. Interestingly, none of the knobs are adorned with any particular pattern, so the main decorative effect was focused on the bosses below.

The circumference on the upper side of the abacus

Such Classical feature as protruding circumference (inner diameter of the abacus) applies to capitals nos. 8, 10, 11. Probably, all capitals bear it.

[6] From personal conversation with Dr. K. Cytryn-Silverman.

Corners

Rudimental volutes are applicable on all capitals, except no. 6, where the corners are chamfered. They are all carved very plainly with a single spiral at the ends, with narrow grooves separating them from the abaci. The ends of the volutes join at the corners without secondary patterns. Their lower parts are sunken under the bosses.

Corner leaves are also similar: they have a tongue-like shape with ridged lateral sides, sunken central fields, and bent semicircular tips. On capitals nos. 1—2, 4 the lower parts of the leaves are covered with semicircular or lanceolate segments. On capital no. 6, the corner chamfers are flat. On capitals nos. 3, 5, 7—9, 11, 1, 5, the leaves are sunken under the lower acanthus. Both variants (with and without lanceolate segments) are applicable to some capitals.

Stylized leaflets

Four sides of every other capital are always decorated with similar pairs of stylized heraldic leaflets, though the ancillary detailing varies from one specimen to the other. All pairs of leaflets are joined in the lower parts comprising oval bosses in the middle. Leaflets are completed with three tips. Compared with the lower ranges of acanthus, these decorative elements are more strictly following symmetry.

There are several variants of leaflets detailing.

a) Outer lobes grooved, inner ones are flat; the grooves are steeply finished on half of the leaflets height: no. 1, 4, 5, 12.

b) All three lobes are grooved to half of the leaflets’ height; the grooves of the inner lobes are shorter: no. 2.

c) All three lobes are grooved; outer ones – to half of the leaflets height or more but not to the bottom; inner ones comprise semicircular loop: nos. 3, 10—11.

d) All three lobes are grooved not to the bottom but more than to the half of the leaflets height; three grooves are of the same height, tied in the lower part: nos. 7, 9. This kind of groove is most close to those of the earlier “medallion” capitals.

e) All three lobes are grooved to the bottom: no. 6.

The other notable features are the short slits which separate stylized leaflets from comers, emphasizing their independent order meaning. These slits are used on capitals nos. 1, 7, and 10. On the other capitals, the leaflets are separated from the corners with narrow grooves (without slits): nos. 2, 3, 4, 6. 8, 9, 11, and 12.

Kalathos rim

The double rim is applicable on capital no. 1. Rim in the shape of the plain angular fold between the abacus and the boss are applied on capitals nos. 2, 6—8, and 10—12. The surface of the abacus knob is merged with the boss between leaflets on capitals nos. 3, 4.

Decoration of the bosses between stylized leaflets

The decorative pattern varies on each side of the capital, and no one repeats the other (on the same capital). The state of preservation of specimens and the available illustrations limit the set of the presented patterns.

The following patterns are applicable:

1) Undecorated (flat ovals): nos. 1, 2, 6, 12;

2) cross (without medallion): nos. 3, 4, 6, 10 (?);

3) floral pattern/-s without medallion: nos. 7, 9[7];
4) fish/fishes: no. 8;
5) plain medallion with inapplicable pattern: no. 7;
6) plain medallion with a cross (*crux quadrata, crux decussata*): nos. 1;
7) laurel medallion with inapplicable pattern: no. 8; 8) medallion comprised of twisted rope pattern with cross: no. 8.

The crosses indicate the religious "affiliation" of six capitals quite clearly. The others are neutral in their character. It's difficult to argue that some might belong to the synagogues, but this opportunity can't be excluded (especially for nos. 9—11).

The lower range of acanthus leaves and lanceolate patterns

The lower ranges are adorned with one row of acanthus leaves. On the majority of the capitals, the lower acanthus leaves are also added with lanceolate (or semicircular) small segments between them (nos. 1, 5, 9—13). Such patterns are applied on the earliest "medallion" capitals with two ranges of acanthus (see above). In later specimens, the 2nd tier of leaves was omitted, but lanceolate elements were preserved.

The quantity of acanthus leaves does not always result from the capital's size, so the capitals of the same scope might be decorated with various leaves. When there were four (nos. 2, 6) or eight leaves (nos. 1, 5), it was easier to arrange them identically on all four sides following the main vertical axes along with the abacus knobs and oval bosses. On capitals nos. 2, 5, and 6, the axes of sides coincide with the midribs of acanthus leaves. Alternatively, on capital no. 1, the joints between the leaves are coordinated with the axes. So, on the capitals nos. 1 and 5, there are similar rings of eight acanthus leaves and eight lanceolate patterns. Still, they are arranged differently, as if the whole range of these elements revolved around half of the leaf's width around the inner vertical axis of the capital. When the arrangement of the acanthus leaves is symmetrical, the lanceolate patterns cover only corner tongue-like leaves or lower parts of stylized leaflets.

The symmetrical arrangement of six acanthus leaves and six intermediate lanceolate/semicircular patterns is more problematic as this quantity is not discrete to four (number of capital sides). Nevertheless, the capitals with six acanthus leaves are more frequent than the others. There are eight such capitals (nos. 3—4, 7—12), and the rearrangement of the lower elements is similar on all of them. Generally, the next order is being followed on each capital: on two sides, the vertical axes coincide with the midribs of the acanthus leaves, and on two others – with the joints between them. Consequently, the intermediate lanceolate patterns cover the corners or lower part of the semicircular joint (inverted "arch") between the stylized leaflets. This asymmetry is sometimes balanced by thickening of the midribs and transforming them into lanceolate protrusions. The artistic decision to reduce the quantity of the acanthus leaves from eight to six, preserving at the same time the strict symmetry of the stylized paired leaflets of the upper range, is rather odd and causes noticeable deviations of the whole design and discoordination of the elements. Also, these capitals with six leaves are carved coarsely with substantial curvatures of other morphological features. Such negligence is not characteristic of marble capitals which are usually finely elaborated.

The analysis of the order morphology of "medallion" capitals shows that the earliest examples from Constantinople (Kautsch 1936: 42—43, no. 154 (Abbs. a—b); Niewöhner 2021: 25, Fig. 40) are more detailed and close to the Classical Corinthian order, its proportions, articulation of all morphological elements and their artistic meaning. There are no capitals of such kind in the Holy Land. All twelve specimens revealed here are later and bear different characteristics. Two of them are closer to prototypes featuring strict proportional symmetry, a balanced system of small ancillary elements (such as slits or patterns on the bosses), and a fine carving style (nos. 1, 5). The others are more coarsely carved and feature various deviations, asymmetries, and even discarding

[7] The floral patterns are located over the oval bosses (exclusive design).

of some essential elements. Assuming that the process of order decline was chronologically consistent, capitals nos. 1 and 5 are earlier and might be dated to the middle or 2nd half of the 5th century CE. The other capitals are later and might be dated to the end of the 5th — beginning of the 6th century CE. Capital no. 6 might be the latest from the group, even Early-Islamic.

Conclusions

Twelve “medallion” capitals have been discovered in the Holy Land. There is a possibility that more of them were revealed but not yet published, and even more, might have been initially imported. Still, anyway, in comparison with more widespread standard Early-Byzantine Corinthian capitals, they are only a few in number (Tarkhanova, in work). It seems that their quantitative percentage of the other capital types is the same as in the different regions (literally, only a few). The churches with which they are associated in the Holy Land are dated to the 5th — 6th centuries CE. It’s not contradicting traditional dating of the type elsewhere. Only from this period did the “medallion” capitals start to be exported from Constantinople to the other regions, including the Holy Land. Their earliest samples (early 5th century CE) were shipped as none of them was revealed in any other region of the Mediterranean except Constantinople[8].

By their general design, all “medallion” capitals are similar. Still, in ancillary details (quantity and style of acanthus leaves, type of corner leaves, detailing of stylized leaflets, patterns on bosses, etc.), the capitals of the Holy Land are similar to only some of those found in Constantinople (Kautzsch 1936: 52—53, Taf. 12, nos. 162—167; Barsanti 2017: 396, Fig. 15; Niewohner 2021: 25, Fig. 42) and Side (Barsanti 2017: 393, Fig. 3). So probably, there was more than one workshop where these capitals were manufactured, each with its artistic features and final destinations. A specific workshop might import specimens only to the Holy Land.

Measurements are applicable only in several cases, but it might be assumed that the scale of all capitals is corresponding. The lower diameters of local capitals fluctuate around 0.32—0.40/0.42 m (see also Pralong 2000: 292—294). This identity in scale is remarkable, as the capitals bear various quantities of acanthus leaves in the lower range and might have a different level of detailing and accuracy. It results in flexibility of style with preservation of morphological basis: some capitals are more general, the others are more accurate and diligent. Niewöhner assumed secondary positions of “medallion” capitals (Niewöhner 2021: 25), and this is undoubtedly fair for the capitals with a lower diameter of around 0.32 m. But the lower diameter of more than 0.40 m fits the scales of the main colonnades of local churches. Still, their exact spatial location in the ecclesiastical or other buildings is undetermined.

The stylistic diversity of the “medallion” capitals shows that there were probably several transportations to the harbors of the Holy Land and thence to the important Christian pilgrimage centers. The geographical distribution shows adherence to the most significant ports (Ashqelon, Caesarea, and Apollonia), cities with bishoprics (Be’er Sheva, Jerusalem, and Tiberias), or important *loca sancta* (Nazareth on the territory of bishopric Gaba Hippeum). In this sense, the sequence follows the general distribution of marble details through the Roman and Byzantine periods. Seemingly this type of capital was unique and might have been ordered for particular types of churches both by their function and architectural features (with ancillary galleries, porticos, ciboria, etc.). But these questions can’t be solved for the moment as any of the specimens in the Holy Land weren’t found in situ.

Interestingly, the “medallion” type continued to develop in local workshops after its production in main Constantinopolitan/Nicomedian workshops ceased. In the Early Islamic period, especially

[8] Two marble capitals (one in the Islamic museum, the other — reused in the eastern gate of the Haram platform on the 2nd column from the north, Fig. 17) have design similar to that one of the early “medallion” type (Wilkinson 1987: 89—90, no. 43—44). Their kalathos rim also bears a row of stylized leaflets (six pairs), bur the difference is that they do not comprise a medallion in the middle. So it might be considered as preceding link which contributed to the development of early “medallion” type. Kautzsch dated it the 4th century (Kautzsch 1936: 99, Pl. 19, no. 287).

Abbasid, variations of marble "medallion" capitals started to be locally manufactured (Fig. 18). Nine such capitals are located in the Islamic museum on the Temple Mount (Wilkinson 1987: 56—63). The type's main feature, paired stylized leaflets, was adapted and transformed within new stylistic trends. The leaflets were widened (till four-five lobes each), multiplied in number (till four leaflets), and set close to each other so that the oval boss in the middle was considerably tapered and almost omitted, crowding out any decorative patterns or symbols. The leaflets on such capitals comprise the ancillary third row of acanthus lobes. Such crowded composition of the leaflets is close in a certain sense to the earliest capitals of the "medallion" type.

Reference

Bagatti, B. 1967. *Gli scavi di Nazaret.* Vol. 1. *Dalle origini al secolo XII*. Gerusalemme: Tipografia dei PP. Francescani, 1967—1984 (Publications of the Studium Biblicum Franciscanum 17).

Bagatti, B. 2002. *Ancient Christian Villages of Judaea and Negev*. Jerusalem: Franciscan Printing Press. (Publications of the Studium Biblicum Franciscanum. Collectio minor 42).

Bardill, J. 1999. The Golden Gates in Constantinople: A Triumphal Arch of Theodosius I. *American Journal of Archaeology* 103/4 (Oct.), 671—696.

Barkay, G., Shiler, E. 1999. Tabgha and its Churches. *Ariel* 139, 51—61 (in Hebrew).

Barsanti, C. 2017. Capitelli Corinzi del Tipo Cosiddetto 'a Medaglione' con Inserti Decorativi. In: Caprioli, F., Pensabene, P. (eds.). *Decor. Decorazioni e architettura nel Mondo Romano. Atti del Convegno Internazionale, Roma 21—23 maggio 2014*. Rome: Roma Edizioni Quasar, 391—400 (Thiasos monografie 9).

Ben-Dov, M. 1985. *In the Shadow of the Temple: the Discovery of Ancient Jerusalem.* Jerusalem; New York: Harper and Row.

Betsch, W.E. 1977. The History, Production, and Distribution of the Late Antique Capital in Constantinople. PhD Thesis. Philadelphia.

Cytryn-Silverman, K. 2016. Tiberias' Houses of Prayer in Context. In: Patrich, J., Peleg-Barqat, O., Ben-Yosef, E. (eds.). *Arise, Walk Through the Land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld on the Tenth Anniversary of His Demise.* Jerusalem: The Israel Exploration Society, 235—248.

Dalali-Amos, E. 2021. Chapter 9. Byzantine Architectural Elements from the Temple Platform in Marble and Other Materials. In: Holum, K.G. (ed.). *Caesarea Maritima Excavations in the Old City 1989—2003 Conducted by the University of Maryland and the University of Haifa, Final Reports*. Vol. 1. *The Temple Platform (Area TP), Neighboring Quarters (Area TPS and Z), and the Inner Harbor Quays (Area I): Hellenistic Evidence, King Herod's Harbor Temple, Intermediate Occupation, and the Octagonal Harbor Church*. Alexandria, VA: American Society of Overseas Research, 249—300 (Archaeological Reports 27).

dig.corps-cmhl.huji.ac.il: 1: A Digital Corpus of Early Christian Churches and Monasteries in the Holy Land. Available at: https://dig.corps-cmhl.huji.ac.il/ (accessed 15.07.2023).

Figueras, P. 1995. Monks and Monasteries in the Negev Desert. *Liber Annuus* 45, 401—450.

Fischer, M. 2008. Sculpture in Roman Palestine and its Architectural and Social Milieu: Adaptability, Imitation, Originality? The Ascalon Basilica as an example. In: Eliav, Z.Y., Friedland, E.A., Herbert, S. (eds.). *The Sculptural Environment of the Roman Near East; Reflections on Culture, Ideology, and Power*. Leuven: Peeters Publ., 483—508.

Fischer, M., Tambakopoulos, D., Maniatis, Y. 2018. Recycling of Marble: Apollonia/Sozousa/Arsuf (Israel) as a Case Study. In: Poljak, D.M., Marasović, K. (eds). *ASMOSIA* XI. *Interdisciplinary Studies on Ancient Stone At Split, Croatia, 18—22 May 2015*. Split: Arts Academy in Split University of Split and University of Split Faculty of Civil Engineering, Architecture and Geodesy, 443—456.

Govrin, Y. 2015. The Settlement Pattern in the "Negev of Judah" in the Byzantine Era. PhD Thesis. Haifa.

Gutfeld, O., Avigad, N., Geva, H. (eds). 2012. *Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969—1982.* Vol. V. *The Cardo (Area X) and the Nea Church (Areas D and T). Final Report*. Jerusalem: Israel Exploration Society; Institute of Archaeology; Hebrew University of Jerusalem.

Holum, K.G. 2004. The combined Caesarea Expeditions' Excavations: The Warehouse Quarter Alongside the Harbor and Temple Platform, *Qadmoniot* 37/128, 102—112 (in Hebrew).

Holum, K.G., Iamim, A. 2021. Chapter 8. The Octagonal Church: Excavated Evidence. In: Holum, K.G. (ed.). *Caesarea Maritima Excavations in the Old City 1989—2003 Conducted by the University of Maryland and the University of Haifa, Final Reports.* Vol. 1. *The Temple Platform (Area TP), Neighboring Quarters (Area TPS and Z), and the Inner*

Harbor Quays (Area I): Hellenistic Evidence, King Herod’s Harbor Temple, Intermediate Occupation, and the Octagonal Harbor Church, ed. Alexandria, VA: American Society of Overseas Research, 197—248.

Huster, Y. 2015. Survey of Settlements Patterns by Periods. In: Huster, Y., Master, D., Press, M. (eds.). *Ashkelon 5: The Land Behind Ashkelon (Final Reports of The Leon Levy Expedition to Ashkelon)*. Winona Lake, IN: Eisenbraus, 13—87.

Israeli, Y., Mevorah, D. (eds.). 2000. *Cradle of Christianity*. Jerusalem: Israel Museum.

Kautzsch, R. 1936. *Kapitellstudien; Beiträge zu Einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom Vierten bis ins Siebente Jahrhundert*. Berlin: Berlin W. de Gruyter & Co. (Studien zur spätantiken Kunstgeschichte 9).

Magen, Y., Kagan, E.D. 2012. *Christians and Christianity*. Vol. I. *Corpus of Christian Sites in Samaria and Northern Judea*. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology, Civil Administration for Judea and Samaria (Judea and Samaria Publications Israel Antiquities Authority 13).

Mazar, E. (ed.). 2003. *The Temple Mount Excavations in Jerusalem 1968—9 Directed by Benjamin Mazar, Final Reports*. Vol. II. *The Byzantine and Early Islamic Periods*. Jerusalem: Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem (Qedem Reports 43).

Mercklin, E. von. 1962. *Antike Figuralkapitelle*. Berlin: De Gruyter.

Monnickendam-Givon, B., Chalaf, O., Sadiel, T., Chernin, M. 2021. The Urban Development West of Temple Mount/Al-Haram as Sharif: A View from the Western Wall Plaza Excavations. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region* 14, 231—247 (in Hebrew).

Niewöhner, P. 2021. *Byzantine Ornaments in Stone Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin; Boston: De Gruyter.

Oren, T. 2017. Apollonia-Arsuf Excavation Project site. Available at: http://archaeology.tau.ac.il/?page_id=4668 (accessed 15.07.2023).

Ovadiah, A. 1970. *Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land*. Bonn: P. Hanstein (Theophaneia 22).

Patrich, J., Backner, T., Burger, S., Tarkhanova, S. 2020. Churches of the Holy Land. A New Digital Corpus Introduction and Some Preliminary Results. In: Coniglio, A., Ricco, A. (eds.). *Holy Land Archaeology on Either Side. Archaeological Essays in Honour of Eugenio Alliata, OFM*. Milano: Franciscan, 11—31. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior 57).

Pralong, A. 2000. Les chapiteaux. In: Duval, N., Marin, E. (eds.). *Salona III: Manastirine. Établissement préromain, nécropole et basilique paléochrétienne à Salone*. Rome; Split: École Française de Rome, 292—294 (Collection de l’École Française de Rome).

Ritter, M. 2017. *Der umayyadische Palast des 8. Jahrhunderts in Hirbat al-Minya am See von Tiberias Bau und Baudekor*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert (Studien zur islamischen Kunst und Archäologie 1).

Schlunk, H. 1937. Review of Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert, by Rudolf Kautzsch. *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. Bd. 6. H. 5/6, 381—388.

Schneider, A. M. 1937. *The Church of the Multiplying of the Loaves and Fishes*. London: A.A. Gordon.

Segal, A. 1988. *Architectural Decoration in Byzantine Shivta, Negev Desert, Israel*. Oxford: British Archaeological Reports (British Archaeological Reports British Series).

Shalev-Hurwitz, V. 2015. *Holy Sites Encircled: The Early Byzantine Concentric Churches of Jerusalem*. Oxford Studies in Byzantium. Oxford: Oxford University Press.

synagogues.kinneret.ac.il: 1: Kur. Available at: https://synagogues.kinneret.ac.il/synagogues/kur/ (accessed 15.07.2023).

Tarkhanova, S. 2016. The architecture of the Late Antique Synagogues (3rd — 4th centuries CE) at the Territory of Northern Palestine: Typology, Compositions, Decoration. PhD Thesis. Moscow.

Tarkhanova, S. *Architectural Elements of the Early Christian Churches and Monasteries in the Holy Land: A Typological and Stylistic Synthesis*. Berlin: De Gruyter (in print).

Tzaferis, V., Stager, L.E. 2008. The Church by the Jerusalem Gate. In: Stager, L.E., Schloen, J.D., Master, D.M. (eds.). *Ashkelon 1: Introduction and Overview (1985—2006)*. Winona Lake: Eisenbraus, 399—405.

Wilkinson, J. 1987. *Column Capitals in Al-Haram Al-Sharif (From 138 A.D. to 1118 A.D.) (With Over 200 Photos and 36 Illustrations And 94 Diagrams)*. Jerusalem: Adm. of Wakfs and Islamic Affairs, Islamic Museum, al-Haram al-Sharif.

Zangenberg, J. 2013. Horbat Kur preliminary report 2011. *Hadashot Arkheologiyot-Excavations and Surveys in Israel* 125. Available at: http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.aspx?id=2230&mag_id=120 (accessed 15.07.2023).

Table 1. **Early Byzantine "Medallion" Capitals in the Holy Land**

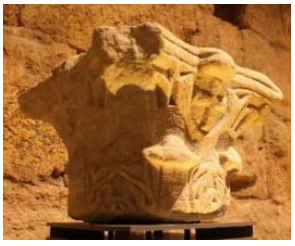
Item no.	Place of find/present location (if appl.)	Church associated and its dating	Figure
1	The old Majdal mosque (Khan museum in Ashqelon) in secondary use.	Khirbet Abu Fatun (Sheikh el-Kubakha) (Early Byzantine)	
2	National Park of Ashqelon	Ascalon (Tel) Church 1; Ascalon (Tel), Church 2; Ascalon (Tel), South church; Ascalon (Tel), East Church (Saint Mary the Green?) (all — Early Byzantine)	
3	Caesarea Maritima	Caesarea Octagonal church (the end of the 5th (before 491 CE) — the beginning of the 6th century CE)	
4	Caesarea Maritima	The same as no. 3.	
5	Apollonia	Church in Apollonia (Sozousa, Reshef, Arsuf) (5th — 6th centuries CE)	

Table 1. **Early Byzantine “Medallion” Capitals in the Holy Land (continued)**

Item no.	Place of find/present location (if appl.)	Church associated and its dating	Figure
6	Jerusalem (Davidson Center Museum)	u/a	
7	Nazareth	The church of the Annunciation in Nazareth (late 4th — early 5th century CE; still in use in the 9th century CE)	
8	Negev Museum in Be’er Sheva	Beer Sheba, Church 1; Beer Sheba, Church 2; Beer Sheba, Triapsidal church; Beer Sheba, Triconch church; Beer Sheba (ed-Deir); Beer Sheba (Monastery ?) (all — Early Byzantine)	
9	Khirbet el-Minya, in secondary use.	Chapel and church of the Miracle of the Multiplying of Loaves and Fishes in Heptapegon (4th century CE; 2nd half of the 5th century; rebuilt in the 6th century); Chapel of Sermon on the Mount (late 4th century, reconstructed in the early 6th century CE); Chapel Mensa Domini devoted to the Primacy of Peter (4th century, rebuilt in the 7th century CE and later during the Medieval period); synagogue in Horvat Kur (Late Roman — Early Byzantine period).	
10	Khirbet el-Minya, in secondary use.	The same as no. 9.	

Table 1. **Early Byzantine "Medallion" Capitals in the Holy Land (continued)**

Item no.	Place of find/present location (if appl.)	Church associated and its dating	Figure
11	Khirbet el-Minya, in secondary use.	The same as no. 9.	
12	Tiberias (mosque)	Tiberias (center) church (4th century CE, rebuilt in the 6th — 8th centuries CE)	

Fig. 1. Map of the Holy Land with the distribution of the marble “medallion” capitals (Map by S. Tarkhanova based on ArcGIS free online resource).

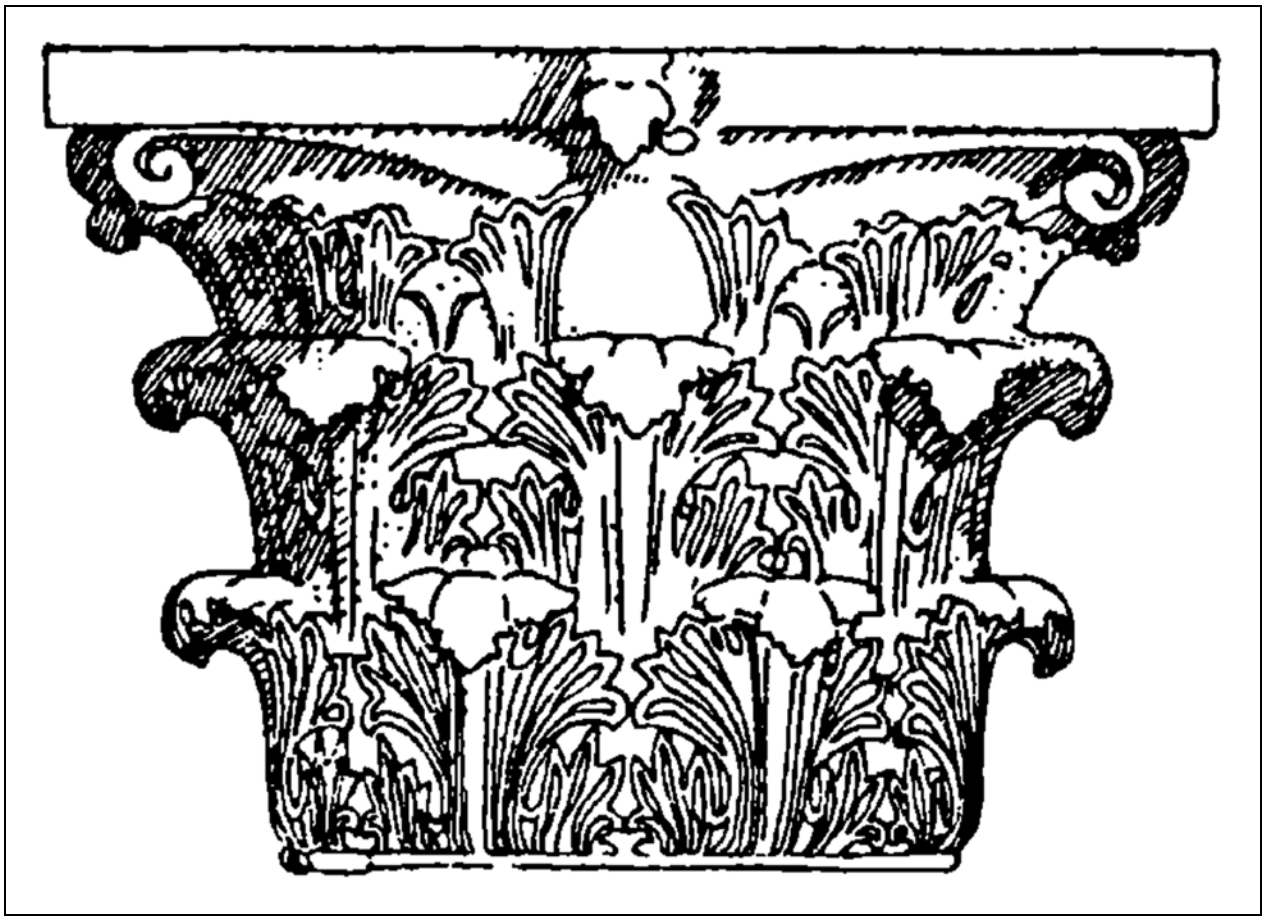


Fig. 2. Early capital from the Triumphal Arch of Theodosius in Constantinople (after Kautzsch 1936: 42, Abb. I, no. 154a; late 4th century CE).

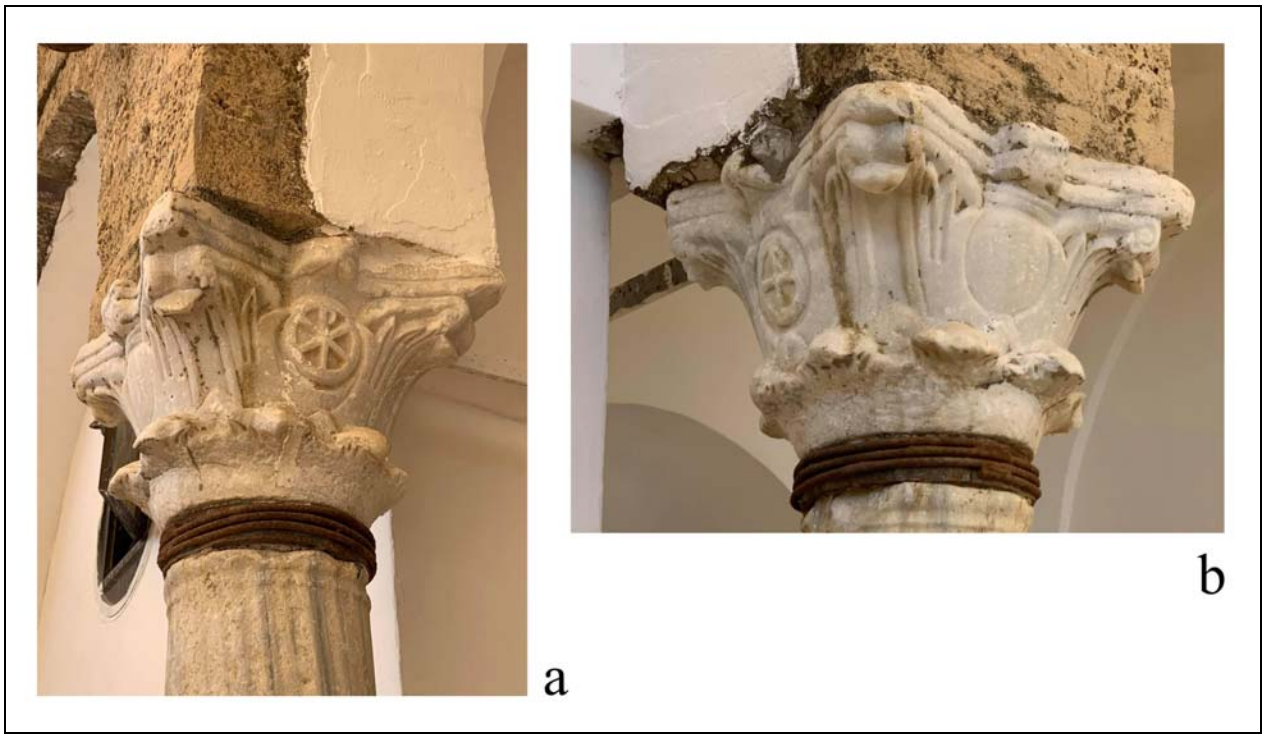


Fig. 3a-b. Capital no. 1 reused in the old Majdal mosque, now Khan museum in Ashqelon (Photo and courtesy of Dr. M. Tuval).

a

b

Fig. 4a-b. Capital no. 2 scattered at the site of the National Park in Ashqelon (Photos of the author).

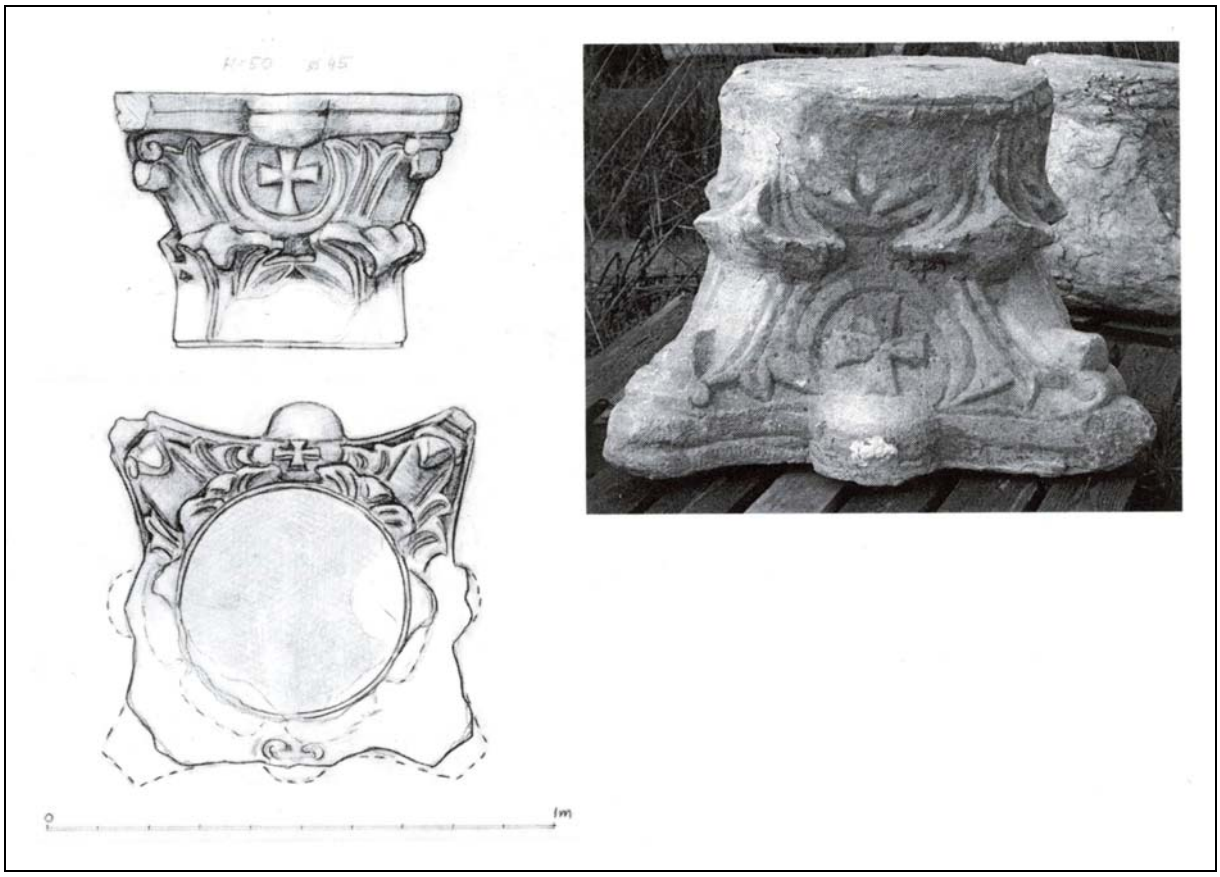


Fig. 5. Capital no. 3 found in secondary use in later structure in Caesarea Maritima (after Dalali-Amos 2021: 280, no. 58; courtesy of E. Dalali-Amos).

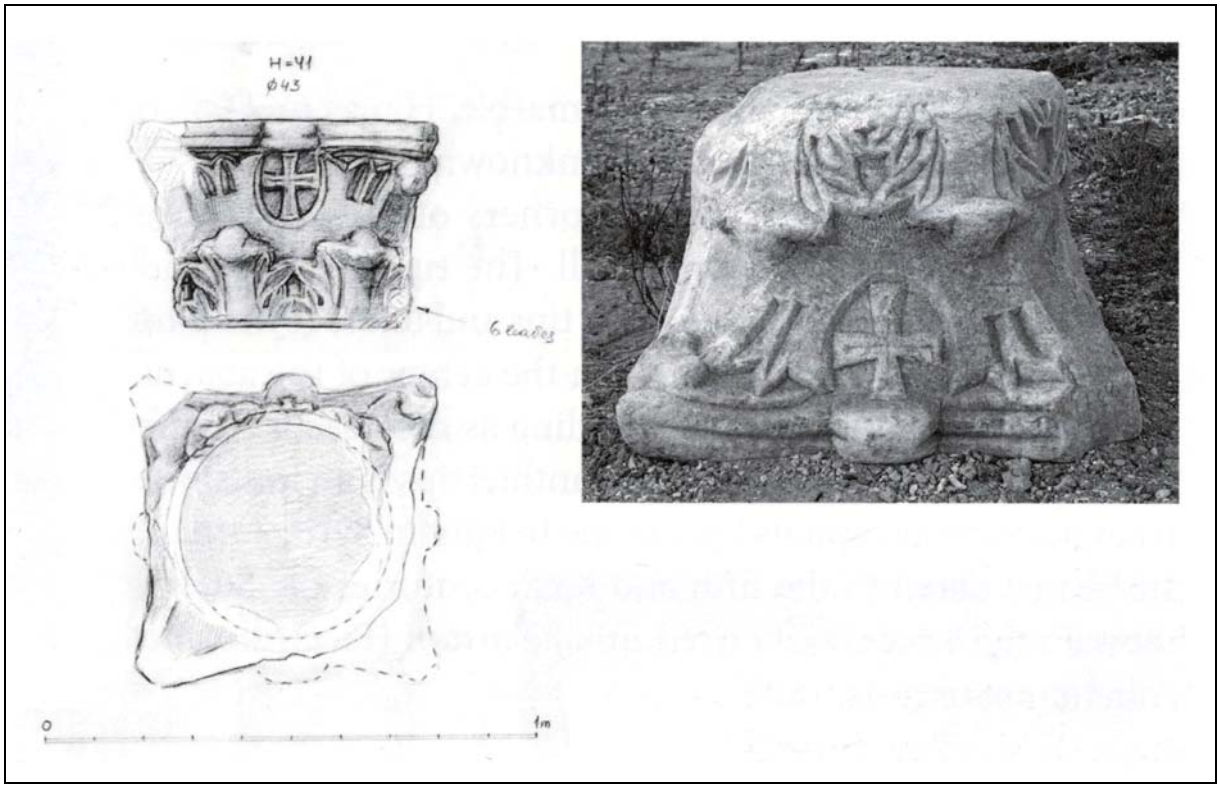


Fig. 6. Capital no. 4 found in earlier excavations near the Octagonal church in Caesarea Maritima (after Dalali-Amos 2021: 281, no. 59; courtesy of E. Dalali-Amos).

Fig. 7a-b. Capital no. 4 exhibited in the recently opened museum in Caesarea National Park (Photos of the author).

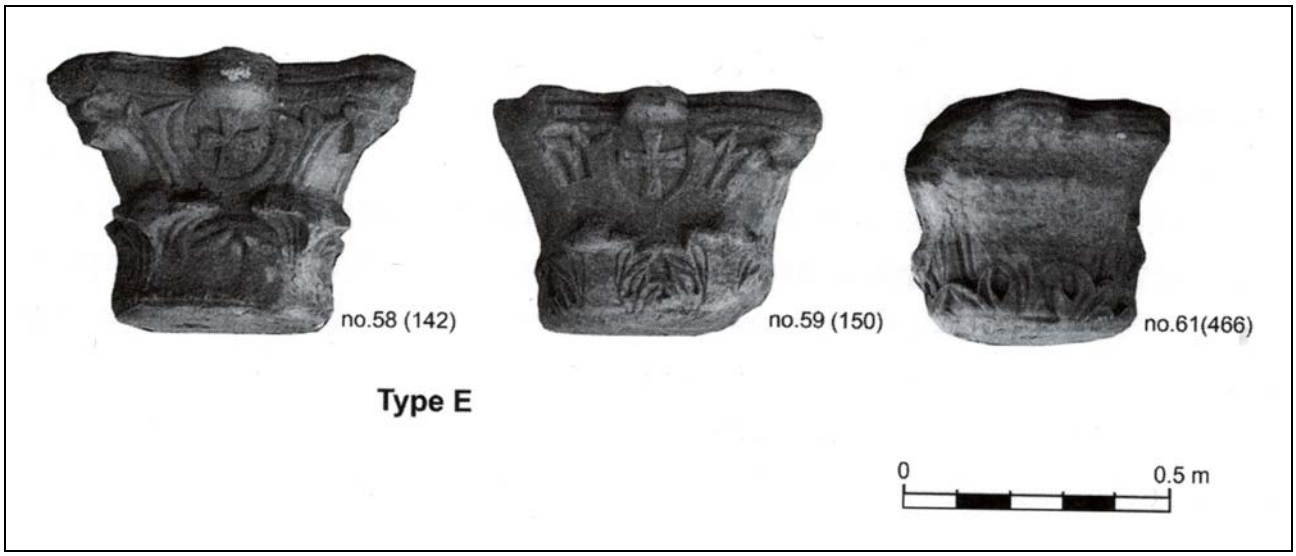


Fig. 8. Capitals of Type E from Caesarea Maritima (after Dalali-Amos 2021: 257, Fig. 9.9, Type E, nos. 58—59, courtesy of E. Dalali-Amos).

Fig. 9. Capital no. 5 found in secondary use in Crusader building in Apollonia (after Fischer et al. 2018: 446—449, Item 5; courtesy of Apollonia-Arsuf Excavation Project).

Fig. 10. Capital no. 6 in the exhibition in Davidson Center in Jerusalem (Photo of the author).

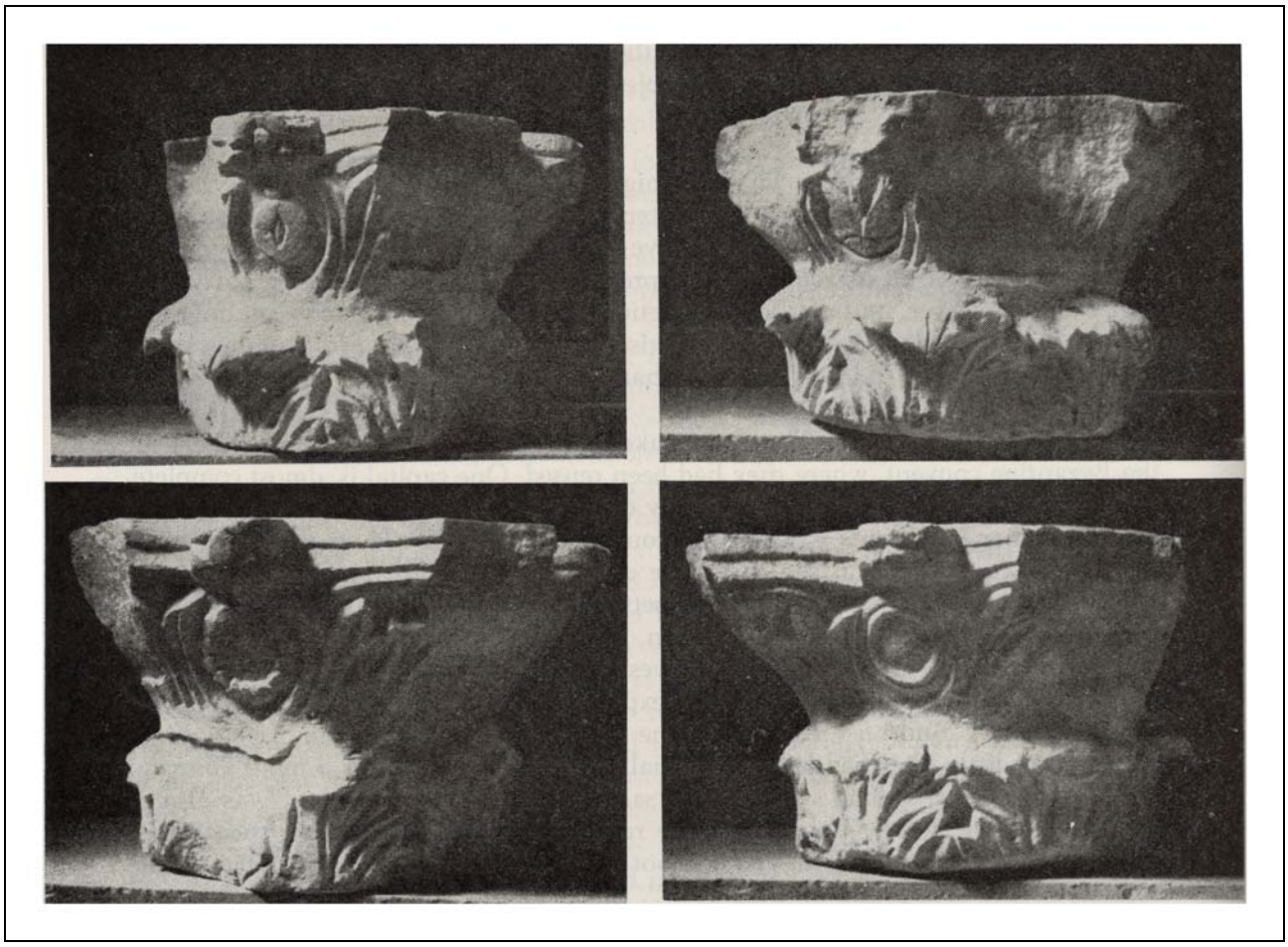


Fig. 11. Capital no. 7 from the Church of Annunciation in Nazareth (after Bagatti 1967: 165, nos. 131—134, courtesy of Studium Biblicum Franciscanum Photographic Archive).

Fig. 12. Capital no. 8 from Negev Museum in Be’er Sheva (after Israeli, Mevorah 2000: 124f; courtesy of Museum of Israel in Jerusalem).

Fig. 13. Capital no. 9 from Khirbet el-Minya (after Ritter 2017: Taf. 31, nos. 3—4; courtesy of Prof. M. Ritter).

Fig. 14. Capital no. 10 from Khirbet el-Minya (after Ritter 2017: Taf. 31, nos. 6—8; courtesy of Prof. M. Ritter).

Fig. 15. Capital no. 11 from Khirbet el-Minya (after Ritter 2017: Taf. 32, nos. 1—4; courtesy of Prof. M. Ritter).

Fig. 16. Capital no. 12 from the excavations in Tiberias (Courtesy of Dr. K. Cytryn).

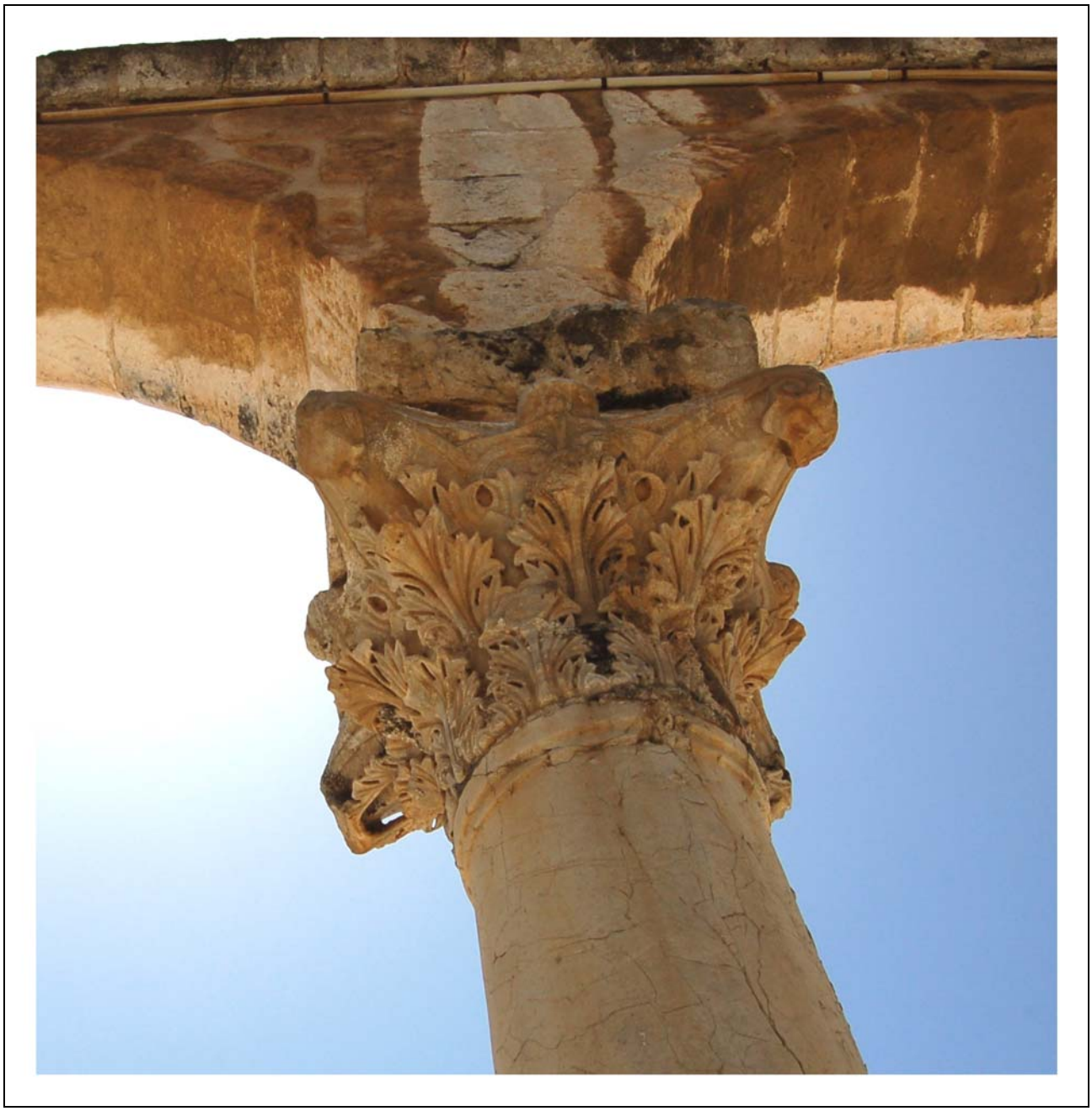


Fig. 17. Marble capital with stylized leaflets reused in the eastern gate of the Haram platform on the 2nd column from the north (Photo of the author).

Fig. 18. Abbasid limestone capital from the Islamic Museum on the Temple Mount (Photo of the author).

DOI: 10.53737/1698.2023.18.58.015

М.С. Гаджиев, М.Ш. Сайпудинов, В.А. Саидов, Ю.А. Магомедов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ЛОКАЛИЗАЦИИ КРЕПОСТИ БИЛИСТАН*

В статье рассматривается вопрос локализации крепости Билистан, которую по данным авторитетного арабского историка Ибн А'сама ал-Куфи (ум. 926) осаждали арабские войска во главе с наместником Арминийи Марваном ибн Мухаммадом в 738 г., в период завоевательных кампаний на Восточном Кавказе, и в которой укрывался царь лакзов Арбис ибн Басбас. Согласно информации, приведённой в «Китаб ал-футух» Ибн А'сама ал-Куфи, это укреплённое поселение располагалось в «стране лакзов» в среднем течении реки Самур. В 2019 г. одним из авторов этой статьи на основе лингво-этимологического и топонимического анализа была предложена гипотеза, согласно которой этот исторически засвидетельствованный пункт мог находиться на среднем течении р. Самур, в зоне расположения современного сел. Куйсун. Выявленное здесь в 2023 г. городище с укреплённой цитаделью, а также полученный там керамический комплекс позволяют датировать этот археологический объект VI—VIII вв. Существуют веские аргументы для локализации крепости Билистан на месте городища Куйсун.

Ключевые слова: Дагестан, Лакз, Билистан, арабские завоевания, Марван ибн Мухаммад, Арбис ибн Басбас, городище Куйсун.

Сведения об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович[1], доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН; Сайпудинов Мурад Шахбанович[2], Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН; Саидов Вадим Атемович[3], Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН; Магомедов Юсуп Абдусаламович[4], Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН.

Контактная информация: [1,2,3,4]367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: [1]murgadj@rambler.ru; [2]haosta@mail.ru; [3]vsaidov1973@mail.ru; [4]yusup_103@mail.ru.

M.S. Gadjiev, M.Sh. Saypudinov, V.A. Saidov, Yu.A. Magomedov

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE FOR THE LOCALIZATION OF THE BILISTAN FORTRESS

The article deals with the localization of the Bilistan fortress, which, according to the authoritative Arab historian Ibn A'tham al-Kufi (d. 926), was besieged by Arab troops led by the governor of Arminiyya Marwan ibn Muhammad in 120 AH / 738 CE during the conquest campaigns in the East Caucasus and in which the king of Lakz Arbis ibn Basbas took refuge. According to al-Kufi's *Kitāb al-futūḥ* (*The Book of Conquests*), this fortified settlement was located in the Land of Lakz in the middle reaches of the Samur River. In 2019, a hypothesis based on a linguistic-etymological and toponymic analysis was proposed by one of the authors of this article, according to which this historically attested site could be located in the middle reaches of the Samur River, in the area of the modern-day village of Kuysun. Discovered here in 2023, a settlement with a fortified citadel as well as the ceramic material collected there enable the dating of the site to the 6th — 8th century. Hence, there is a strong argument for localizing the Bilistan fortress exactly where the recently discovered Kuysun settlement is situated.

Key words: Dagestan, Lakz, Bilistan, Arab conquests, Marwan ibn Muhammad, Arbis ibn Basbas, Kuysun fortified settlement.

* Статья поступила в номер 9 апреля 2023 г.
Принята к печати 30 апреля 2023 г.

© М.С. Гаджиев, М.Ш. Сайпудинов, В.А. Саидов, Ю.А. Магомедов, 2023.

About the authors: Gadjiev Murtazali Serazhutdinovich[1], Dr. habil. (History), Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Saypudinov Murad Shakhbanovich[2], Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Saidov Vadim Atemovich[3], Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Magomedov Yusup Abdusalamovich[4], Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1,2,3,4]367030, Russia, Makhachkala, 75 M. Yaragsky St., Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: [1]murgadj@rambler.ru; [2]haosta@mail.ru; [3]vsaidov1973@mail.ru; [4]yusup_103@mail.ru

---

Введение

В 2019 г. была опубликована статья «К локализации крепости Билистан», в которой была предложена версия, согласно которой это исторически засвидетельствованное укрепление могло находиться на среднем течении р. Самур, в зоне расположения современного сел. Куйсун (Магарамкентский район Республики Дагестан) (Гаджиев, Абдулгамидов 2019: 8—16). Напомним, что укрепленное поселение Билистан упоминается известным и заслуживающим доверия арабским историком Абу Мухаммадом Ахмадом ибн А'самом ал-Куфи (ум. 926), который в своем сочинении «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний») повествует, в частности, о завоевании в 119—120 гг. х. / 737—738 гг. различных государственных образований Восточного Кавказа арабскими войсками под предводительством наместника Арминийи Марвана ибн Мухаммада, будущего халифа (744—750), двоюродного брата халифа Хишама (723—743) и внука халифа Марвана I (684—685) (Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1981: 56—57).

Сведения ал-Куфи о Билистане и ранее предложенная его локализация

Согласно ал-Куфи, Марван ибн Мухаммад в 119 г.х. / 737 г. завоевал «одну крепость за другой, пока не покорил все крепости стран ас-Сарир, Хамзин, Туман и Шандан, а также и те, до которых добрался», и затем возвратился на зимовку в Баб ал-абваб (Дербент). Весной следующего года Марван «призвал всех царей гор и к нему прибыли цари из Ширвана, Лайзана, Филана, Табарсарана и других стран, кроме Арбиса ибн Басбаса, царя лакзов, который отказался прибыть к нему» (Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1981: 56—57). С целью наказания непокорного повелителя (араб. — *м'алик* — «царь») страны Лакз, локализуемой в Южном Дагестане и Северном Азербайджане, в бассейне рек Самур, Курах-чай, Чирах-чай (Шихсаидов 1980: 65—81; Аликберов 2003: 92—109), арабский полководец предпринял поход против него. Марван ибн Мухаммад с войском «вскоре достиг села под названием Билистан, расположенного в среднем течении реки Самур» и где укрылся царь Арбис ибн Басбас. Расположившись «напротив одной крепости в среднем течении реки Самур», он осадил Билистан и «разрешил своим воинам совершать набеги по стране лакзов и они начали опустошать, грабить и жечь и так продолжалось в течение года» (Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1981: 56—57).

По словам ал-Куфи, «Арбис не выдержал этих событий и длительной осады и однажды ночью покинул свою крепость и бежал с некоторым числом своих воинов. Однако Марван о его бегстве не узнал. … Арбис бежал до тех пор, пока не приблизился к городу Баб ал-абвабу». Последующие события привели к гибели царя Арбиса. Эмир Баб ал-абваба Усайд ибн Зафир ас-Сулами, к которому доставили тело убитого царя, приказал отрубить голову Арбиса, которая была доставлена сыном эмира Йазидом Марвану, продолжавшему осаждать Билистан. Голова царя была насажена на копье и выставлена перед крепостью. В итоге

защитники Билистана сдали крепость, им была гарантирована безопасность (араб. *аман*), «их оставили в своем городе» и «обязали ежегодно доставлять в город ал-Баб 10 тысяч [мудд][1] провианта» (Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи 1981: 57—59).

В выше упомянутой статье предполагаемая локализация Билистана на месте современного селения Куйсун опиралась как на соответствие его местоположения в топографически стратегическом месте на среднем Самуре, так и на топонимические и лингвистические доводы. Согласно последним, известные наименования данного ойконима — Куйсун и Куюстан — являются кальками персидского названия Билистан и означают «место в низине», что отражает географическое положение объекта и определенные политические доминанты и культурно-языковые влияния, представляющие три хронологических уровня: перс. *Билистан*, очевидно, относящееся ко времени правления Хосрова Ануширвана (середина VI в.), тюрк.-перс. *Куюстан*, восходящее, вероятно, к сельджукскому периоду (вторая половина XI — первая половина XII в.), и тюрк.-монг. *Куйсун*, возникшее, видимо, в монгольский / золотордынский период (XIII—XIV вв.) (Гаджиев, Абдулгамидов 2019: 8—16). Как отмечают авторы статьи, «смысловое совпадение тюрко-персидского и тюрко-монгольского названий, сохранившихся до наших дней, с иранским по происхождению топонимом Билистан, и их соответствие географо-топографическим условиям дают, как представляется, серьезные основания для локализации этой раннесредневековой крепости, упомянутой ал-Куфи, «в среднем течении реки Самур» в месте расположения современного селения Куйсун (Куюстан)» (Гаджиев, Абдулгамидов 2019: 14).

Селение Куйсун расположено на левом берегу среднего течения р. Самур, в низине, в пойме и на надпойменной террасе, у края Самурской долины на границе равнинной и предгорной зон. Здесь отрог Самурского хребта, тянущегося параллельно руслу реки, наиболее близко, почти вплотную подходит к пойме, оставляя относительно узкий проход между рекой и хребтом (Гаджиев, Абдулгамидов 2019: 14) (рис. 1). Это важное, как в военно-стратегическом, так и торгово-экономическом (контроль торгового пути) отношениях место могло обусловить возникновение здесь значимого укрепленного населенного пункта, особенно в свете колоссального фортификационного строительства на Кавказе и создания хорошо эшелонированной оборонительной системы в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531—579), направленной против Тюркского каганата и его союзников — арабские авторы IX—X вв. сообщают о строительстве им 360 крепостей, фортов в стратегически важных местах Кавказа (Гаджиев 2013: 58—64). Напомним и сообщение исторической хроники «Ахты-наме» (список А. Бакиханова) о возведении в Ахты (лезг. *Ахцагь*), расположенном на расстоянии ок. 55 км от Куйсуна выше по течению р. Самур, по приказу шаханшаха Хосрова I Ануширвана наместником Шахбани крепости и размещении здесь 60 семей из Фарса и 300 воинов-*сипах*ов; остатки крепости «все еще видны на вершине горы», до сих пор носящей название лезг. *КIелез хев* — «гребень крепости» (Шихсаидов, Айтберов, Оразаев 1993: 69, прим. 2).

В упомянутой статье исследователи акцентировали внимание на важности археологических разысканий в этой зоне, которые, «возможно, выявят остатки укрепленного поселения Билистан, в котором весной 738 г. укрывался от амира Марвана ибн Мухаммада царь лакзов Арбис ибн Басбас» (Гаджиев, Абдулгамидов 2019: 14). И такие визуальные археологические изыскания были проведены, но, к сожалению, в связи с разрушением выявленного археологического объекта.

[1] Мудд — мера веса, равная 650—660 г, соответственно 10 тыс. мудд = 6500—6600 кг. Речь, очевидно, идет о зерне.

Городище Куйсун

2 марта 2023 г. в Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН поступила информация о выявлении и разрушении в ходе несанкционированных земляных работ близ сел. Куйсун Магарамкентского района Республики Дагестан древнего поселения и обнаружении большого количества керамической посуды. Об этом немедленно был поставлен в известность уполномоченный орган — Агентство по охране культурного наследия Республики Дагестан. 4 марта группа археологов Института и специалистов Агентства выехала на место обнаружения объекта, обладающего признаками объекта археологического наследия. В результате визуального осмотра территории было зафиксировано раннесредневековое укрепленное поселение, получившее наименование по близрасположенному селению — городище Куйсун.

Городище расположено на южной окраине сел. Куйсун (рис. 1, 2), большая часть его находится под современными домостроениями и приусадебными участками – осмотр территории, обнажений и информация местных жителей об обнаружении у них на участках обломков керамической посуды, позволяет предварительно определять размеры памятника в 3,5—4,0 га. Оно находится непосредственно перед узким, шириной 200—300 м, дефиле, образуемом с СЗ отрогом Самурского хребта и с ЮВ руслом реки Самур, на относительно высоком обрывистом левом берегу поймы реки, который периодически подмывается и разрушается в результате паводков. Очевидно, значительная часть южной, примыкающей к руслу территории городища и его цитадели ранее были разрушены водной стихией. Судя по расположению городища, оно перекрывало проход в горы по течению р. Самур со стороны Прикаспийской равнины и, тем самым, контролировало этот стратегический участок. Заметим, что с противоположной, юго-западной стороны этого дефиле за юго-восточной окраиной сел. Гильяр, также на пойменной террасе на левом берегу р. Самур расположено средневековое Гильярское поселение, которое остается неизученным.

В сохранившейся южной части городища над руслом реки располагалась цитадель (рис. 2, 3: 1), представлявшая собой первоначально, очевидно, круглую курганообразную возвышенность, высотой до 3,5 м и диаметром около 50 м, обведенную заплывшим рвом (рис. 3: 3), шириной 8—10 м и глубиной 2,5—3 м. К северу от цитадели располагалось собственно поселение (рис. 3: 2), на территории которого встречается красноглиняная керамика. В результате указанных несанкционированных работ цитадель была практически полностью срыта (рис. 3: 1), но ранее сохранявшаяся ее половина осталась запечатленной на космоснимках (рис. 2). По проведенному осмотру местности, предоставленным информаторами фотографиям и их рассказам, цитадель по периметру была защищена каменной оборонительной стеной (рис. 4: 2, 5: 2), возведенной из речного булыжника на глиняном растворе и достигавшей сохранявшейся высоты до max.2,5 м при толщине до 1,0 м. По сообщению информаторов, за разрушенной обводящей стеной в восточной и юго-восточной частях цитадели располагались рядами до 30 крупных тарных сосудов, высотой 70—80 см (рис. 9: 3), очевидно, представляющих хранилище воды или зерна. Кроме того, были зафиксированы остатки стен, уходящих в массив культурного слоя цитадели (рис. 4: 1, 5: 1), расположенных перпендикулярно оборонительной стене и также возведенных из булыжника на глиняном растворе. Толщина культурного слоя цитадели, представлявшего серо-коричневый, со следами обожженности суглинок, достигала до max. 3,5 м. Сверху культурный слой был перекрыт слоем гумуса толщиной 15—20 см; в основании культурного слоя лежал слой речного булыжника аллювиального происхождения (рис. 4: 1, 5).

Керамический комплекс городища Куйсун

Из культурного слоя цитадели происходит, кроме упомянутых тарных сосудов—хумов, большое количество красноглиняной и коричневоглиняной посуды (рис. 6—8), представленной как целыми экземплярами, так и фрагментами. Значительная часть целых сосудов, как и целые тарные сосуды, разошлась по рукам местных жителей. Нам удалось осмотреть и сфотографировать некоторые из этих сосудов и собрать фрагменты керамики, описание которой приводится ниже.

Керамический комплекс городища представлен тарной, столовой и кухонной керамикой. Сразу отметим, что вся керамика изготовлена на гончарном, в том числе быстровращающемся, круге и равномерно обожжена в окислительной среде, вследствие чего она имеет красно-коричневые поверхность и излом.

Столовая керамика изготовлена из хорошо отмученного теста, без заметных примесей, имеет качественный красно-коричневый обжиг. Представлена она плоскодонными кувшинами и мисками. В большом количестве представлены кувшины—ойнохои высотой от 15 см до 45—50 см с налепными «глазками», «ушками» по бокам слива, придающими сосуду зооморфный облик, декорированные врезным обводящим орнаментом в основании горла и по плечикам (рис. 6, 7). Среди целых и почти целых экземпляров сосудов:

- крупный (h = 35 см) гладкостенный кувшин—ойнохоя (рис. 6: 5, 7: 5) с невысоким высоким горлом (⅕ высоты сосуда) с пуговичными налепами—«глазками» по бокам слива и круглой в сечении вертикальной ручкой, расположенной на противоположной сливу стороне и крепящейся к краю венчика и плечику; основание горла подчеркнуто пояском из косых насечек;
- крупный (h = ок. 45—50 см) гладкостенный кувшин-ойнохоя (рис. 6: 6, 7: 6) с высоким горлом (¼ высоты сосуда) с пуговичными налепами—«глазками» и «ушком» по бокам слива и несохранившейся круглой в сечении вертикальной ручкой, расположенной на противоположной сливу стороне и крепящейся к краю венчика и плечику; кувшин по основанию горла и плечикам украшен врезными многорядными линейно-волнистыми орнаментальными обводящими поясками, сделанными 4—5-зубым гребешком; налепные «глазок» и «ушко» обведены точечным пояском из наклонно нанесенных гребешковых вдавлений;
- небольшой (h = ок. 15 см) кувшинчик—ойнохоя (рис. 6: 1) со сферическим туловом, орнаментированным в верхней половине врезными обводящими поясками из попеременно расположенных многорядным прямых и волнистых линий, нанесенных гребнем, с высокой (ок. ½ высоты сосуда) горловиной с пуговичными налепами—«глазками» по бокам слива и круглой в сечении вертикальной ручкой (обломана), расположенной на противоположной сливу стороне и крепящейся к краю венчика и плечику.

Миски однотипны — они округлобокие, с невыделенным закругленным венчиком и с обводящими чередующимися тремя канавками и тремя валиками, расположенными ниже венчика и образованными при формовке сосуда на гончарном круге (рис. 8: 1—3, 12: 1, 2). Миски различаются размерами – небольшие миски имеют d устья = 10—15 см, d наибольшего расширения тулова = ок. 18 см, высоту = ок. 8 см (рис. 8: 2, 12: 1), крупная миска имеет d устья = 20 см, d наибольшего расширения тулова = 24 см, h = 10,5 см (рис. 8: 3, 12: 2). Фрагмент маленькой мисочки (d устья = 10 см) имеет по верхнему валику косые точечные насечки, нанесенные 4-зубым гребешком (рис. 8: 1, 12: 1).

К специфическим, редким формам столовой посуды можно отнести два сосуда. Это:

- усеченно-сферической формы маленький (h = ок. 10 см) плоскодонный сосуд с широким устьем, окаймленным тонкой канавкой, закругленным венчиком и двумя, расположенным на противоположных сторонах немного ниже устья, ручками-выступами с вертикальными отверстиями для подвешивания (рис. 9: 2);
- усеченно-сферической формы маленький (h = ок. 8 см, d наибольшего расширения тулова = ок. 11 см) плоскодонный сосуд—чайник с невыделенным венчиком, приподнятым сливным носиком и ленточной ручкой, расположенной сбоку (почти под прямым углом к

носику) и украшенной поверху врезным орнаментом из пересекающихся прямых вертикальной и наклонных линий (рис. 9: 1).

Тарная керамика представлена крупными хозяйственными сосудами яйцевидной формы, с низким горлом, широким устьем с утолщенным наружу венчиком и узким плоским дном. Среди имеющихся экземпляров – это сосуды со сплошной одно- и двусторонней штриховкой тулова многозубым гребнем (рис. 10: 3), с косыми точечными насечками таким же гребнем на плечиках, гладкостенные сосуды с налепным опоясывающим валиком с пальцевыми вдавлениями. Они изготовлены по частям (горло с плечиками, средняя часть тулова, основание), затем соединенных, из хорошо отмученной глины, без крупных примесей, имеют красно-коричневый обжиг. В этой категории керамики представлен также весьма крупный, со светлокоричневым тестом, гладкостенный, покрытый бежевым ангобом сосуд, с невысоким раструбовидным широким горлом (h = 22 см, d устья = 39 см, наружный d венчика = 51 см), подчеркнутым в основании чередующимися валиками и канавками, с утолщенным и отогнутым наружу, с верхней широкой (6 см) горизонтальной площадкой венчиком, под наружным краем которого проходит налепной поясок с палечными вдавлениями (рис. 10: 1, 12: 6); сосуд орнаментирован по плечикам и в верхней части тулова налепными лентами-валиками с точечными, вертикальными и косыми вдавлениями (рис. 10: 2, 12, 6), а в тесте представлены заметные добавки отощителей (дресва, песок).

К категории тарной керамики относятся и крупные горшковидной формы двуручные или без ручек сосуды типа корчаги с низкой (h = 3,3—4 см) широкой (d устья = 11,5—26 см) раструбовидной или немного отогнутой прямой горловиной и утоньшенным невыделенным венчиком (рис. 8: 4, 5, 12: 3, 4); основание их горловин и плечиков декорировано опоясывающим валиком с косыми вдавлениями (рис. 10: 1), насечками (рис. 8: 4, 5, 11: 5, 6, 12: 3—5), врезными многорядными линиями (рис. 11: 2, 3), линейно-волнистыми поясками (рис. 11: 7, 8). Горизонтальные, круглые в сечении ручки этих сосудов, крепившиеся на противоположных сторонах к плечикам, украшены вдавленно-врезным орнаментом, сделанным валиком с тонкими зазубринами (рис. 11: 6, 12: 5), многозубым гребешком (рис. 11: 7) или заостренным предметом (рис. 11: 8). Обратим внимание, что эти сосуды отличаются высоким качеством изготовления, что сближает их со столовой керамикой; они имеют чистое, хорошо отмученное тесто, равномерный обжиг, звонкий черепок.

Кухонная керамика представлена фрагментами и целым плоскодонным горшком (h = ок. 16 см, d наибольшего расширения тулова = ок. 16 см) с невысокой раструбовидной горловиной с невыделенным венчиком и усеченно-сферическим туловом, орнаментированным по основанию горла и в верхней половине тулова четырьмя обводящими точечными поясками, сделанными зубчатым колесиком по сырой глине (рис. 8: 3).

Датировка керамического комплекса и городища Куйсун

Представленный керамический комплекс городища Куйсун хронологически весьма показателен. Представленные кувшины—ойнохои, в том числе декорированные врезным линейно-волнистым орнаментом и с налепными «глазками» и «ушками» по бокам слива, получили широкое распространение в Южном Дагестане в VI—VIII в. и представлены, в частности, в слоях этого времени Дербента, в материалах могильников близ селений Яраг, Мугерган, Сардаркент, Чувек, Сыртыч, Кулиф, Ерси (Пикуль 1959: 68, 103; Гаджиев 1984: 56, 57, табл. IV; 1986: 72). Также и красноглиняные округлобокие чаши с обводящими устье канавками получили распространение в Южном Дагестане в указанное время и известны, в частности, в Мугергане (Гаджиев 1984: 58, 59, табл. V: 10, 11). Описанный сосудик-чайник с носиком и боковой ручкой известен среди материалов раннесредневековой Кавказской Албании (Нуриев 2009: 317, табл. 31: 2).

Представленные в керамическом комплексе городища Куйсун тарные сосуды—хумы, сплошь покрытые одно- или двусторонней штриховкой тулова многозубым гребнем,

появляются, судя по стратиграфическим наблюдениям в Дербенте, в IV—V в., получают широкое распространение в позднесасанидский период (VI—VII вв.) (см., напр.: Гаджиев и др. 2018: рис. 13: 4, 10, 11) и продолжают бытовать вплоть до времени монгольских завоеваний. Они представлены и в позднесасанидских слоях 1-го Паласа-сыртского городища (Малашев, Болелов 2017: 95, 100, рис. 6: 5), расположенного на р. Рубас в прикаспийской зоне Южного Дагестана. Среди тарных сосудов особый интерес представляют фрагменты крупного сасанидского хума (рис. 9: 1, 2) со специфическим тестом, декором и бежевым ангобным покрытием, который находит аналоги среди сасанидской тарной керамики Дербента и уже упомянутого 1-го Паласа-сыртского городища (Малашев, Болелов 2017: 95, 98, рис. 4: 6, 11).

Таким образом, керамический комплекс городища Куйсун датируется в рамках VI—VIII вв. Вместе с тем, следует обратить особое внимание на тот немаловажный факт, что здесь совершенно отсутствует, с одной стороны, глазурованная керамика, появляющаяся в Южном Дагестане в конце VIII в. (Гаджиев, Кузеева 2007: 194—198; Гаджиев и др. 2018: 194—198), и, с другой, красноглиняная красноангобированная и каннелюрованная лощеная посуда, пик распространения которых на Северо-Восточном Кавказе приходится на IV—V вв. и которая доживает до начала VI в. (Гаджиев 1998: 267—276). Эти две даты — начало VI в. и конец VIII в. — определяют хронологический диапазон описанного керамического комплекса и *terminus post quem* и *terminus ante quem* бытования городища Куйсун, его нижнюю и верхнюю даты.

Заключение

Тем самым, археологические материалы — наличие городища, датируемого по керамическому комплексу VI—VIII вв., соотношение археологических данных со сведениями нарративного источника о местоположении памятника, с результатами ранее проведенного лингво-этимологического и топонимического анализа позволяют достаточно веско локализовать на месте открытого городища Куйсун, расположенного в стратегически важном месте в среднем течении р. Самур, раннесредневековую крепость Билистан, в которой в 738 г. непреклонный царь лакзов Арбис ибн Басбас укрывался от амира Марвана ибн Мухаммада. Коррелируя информацию письменных источников о масштабной фортификационной деятельности Хосрова I Ануширвана на Восточном Кавказе в середине VI в. и сообщение ал-Куфи об осаде Билистана в 738 г. этими датами можно предварительно ограничить время существования городища Куйсун — одного из оплотов царства Лакз.

Правда, следует отметить, что ал-Куфи не пишет о гибели крепости Билистан, а наоборот, сообщает, что защитникам была предоставлена безопасность (араб. *аман*) с возложенной на них обязанностью ежегодной выплаты налога (*харадж*, *джизья*), и «их оставили в своем городе» (Абу Мухаммад Ахмад ибн А’сам ал-Куфи 1981: 57—59). Но археологические материалы городища Куйсун могут свидетельствовать об обратном — следы пожарища (обильная обожженная супесь в культурном слое), наличие немалого количества оставленных целых тарных и других керамических сосудов, в том числе побывавших в огне (что свойственно поселениям, покинутым в спешке и затем разрушенным, сожженным) могут указывать на гибель поселения. И в этом случае информация ал-Куфи может быть воспринята как неправдивая, подчеркивающая милосердие победителя над побежденными, взятыми под покровительство (араб. *зимма*), впрочем, как и приводимая им история убийства царя Арбиса пастухом, представляющая, скорее, вариацию фольклорного сюжета «Царь и пастух».

Обратим внимание на то, что ал-Куфи применяет к Билистану не только термин «город» (араб. *балад*), но также определения «крепость» (араб. *хисн*) и «селение» (араб. *карья*), что, очевидно, отразило трудность в обозначении статуса Билистана, как социального организма, источником, из которого арабский автор черпал свои данные о Билистане, несомненно

являвшимся значимым военно-стратегическим, административно-политическим и, вероятно, торгово-экономическим центром страны Лакз. Судя по малым размерам городища Куйсун, представляющего небольшое поселение с обособленной цитаделью, к нему не может быть применимо определение «город». И оно, очевидно, выступало одной из резиденций правителя Лакза, расположенной в стратегически важном месте, связывавшей равнину с горными областями и контролировавшей торговый путь по Самуру, который вел к перевалам Большого Кавказа и на Прикаспийскую низменность.

В завершении отметим, что, возможно, будущие археологические исследования неповрежденных участков этого, безусловно, важного объекта археологического наследия, подвергшегося в наше время варварскому разрушению в результате несанкционированных земляных работ и неконтролируемой раздачи земельных участков и последующей застройки, откроют новые страницы его истории, истории царства Лакз, несмотря на то, что значительная историко-археологическая информация оказалась уничтоженной ковшом экскаватора и ножом бульдозера. Пример с городищем Куйсун продемонстрировал грубейшее нарушение законодательства в области охраны памятников истории и культуры и безответственное отношение к прошлому своего народа. Но послужит ли этот случай еще одним назидательным уроком?

Литература

Абу Мухаммад Ахмад ибн А’сам ал-Куфи. 1981. *Книга завоеваний*. Баку: Элм.

Аликберов А.К. 2003. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» (XI—XII вв.)*. Москва: Восточная литература.

Гаджиев М.С. 1984. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени. В: Мамаев М.М. (отв. ред.). *Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 47—72.

Гаджиев М.С. 1986. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I—VII вв.). В: Агларов М.А. (отв. ред.). *Обряды и культы древнего и средневекового Дагестана*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 71—89.

Гаджиев М.С. 1998. О хронологии красноангобированной керамики Северо-Восточного Кавказа. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17—20 ноября 1997 г.* Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 267—276.

Гаджиев М.С. 2013. Градостроительная и фортификационная деятельность Сасанидов на Восточном Кавказе. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931—2000)* Москва: ГИМ, 58—64 (Труды Государственного исторического музея 184).

Гаджиев М.С., Абдулгамидов Н.А. 2019. К локализации крепости Билистан. *История, археология и этнография Кавказа* 15 (1), 8—16.

Гаджиев и др. 2018: Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М. 2018. Раскопки Дербентского поселения в 2016 г. *История, археология и этнография Кавказа* 14 (3), 128—149.

Гаджиев М.С. Кузеева З.З. 2007. Ранняя глазурованная керамика Дербента (по материалам раскопок форта 1). В: Гаджиев М.С. (ред.). *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе»*. Махачкала: Эпоха, 194—198.

Гаджиев М.С., Кузеева З.З. 2018. О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента. В: Кочкаров У.Ю. (отв. ред.). *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск, 22—29 апреля 2018 г.* Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 426—428.

Малашев В.Ю., Болелов С.Б. 2017. 1-е Паласа-сыртское городище в Южном Дагестане. *КСИА* 248, 91—110.

Нуриев А.Б. 2009. *Ремесло Кавказской Албании (III—VIII вв.)*. Баку: Институт Археологии и Этнографии НАНА.

Пикуль 1959: НА ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 100. Пикуль М.И. 1959. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г.

Шихсидов А.Р. 1980. Вопросы исторической географии Дагестана X—XIV вв. (Лакз, Гумик). В: Садыки М.Г., Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. (ред.). *Восточные источники по истории Дагестана*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 65—81.

References

Abu Muhammad Ahmad ibn A'sam al-Kufi. 1981. *Kniga zavoevaniy (Book of Conquests)*. Baku: Elm (in Russian).

Alikberov, A.K. 2003. *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufijskaya entsiklopediya "Rayhan al-haka'ik" (XI—XII vv.) (The Era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haka'ik" (the 11th — 12th centuries)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Gadjiev, M.S. 1984. In: Mammaev, M.M. (ed.). *Drevnie promysly, remeslo i torgovlya v Dagestane (Ancient industries, craft and trade in Dagestan)*. Mahachkala: Institute of History, Language and Literature, 47—72 (in Russian)

Gadjiev, M.S. 1986. In: Aglarov, M.M. (ed.). *Obryady i kulty drevnego i srednevekovogo Dagestana (Rites and cults of ancient and medieval Dagestan)*. Mahachkala: Institute of History, Language and Literature, 1986, 71—89 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kultury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii). Materialy II Mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii. 17—20 noyabrya 1997 g. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (issues of chronology). Materials of the II International Archaeological Conference November 17—20, 1997)*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzej im. P.V. Alabina, 267—276 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2013. In: Rudakov, V.G. (ed.). *Gorod i step v kontaktnoj evroaziatskoy zone. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii, posvyashennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931—2000) (City and steppe in the contact Euro-Asian zone. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of G.A. Fedorov-Davydov (1931—2000)*. Moscow: GIM, 58—64 (Proceedings of the State Historical Museum 184*)* (in Russian).

Gadjiev, M.S., Abdulgamidov, N.A. 2019. In *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus* 15 (1), 8—16 (in Russian).

Gadjiev et al. 1998: Gadjiev, M.S., Abiev, A.K., Budajchiev, A.L., Abdullaev, A.M. 2018. In *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus* 14 (3), 128—149 (in Russian).

Gadjiev, M.S. Kuzeeva, Z.Z. 2007. In: Gadjiev, M.S. et al. (eds.). *Arheologiya, etnologiya i folkloristika Kavkaza: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii "Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze" (Archaeology, Ethnology and Folkloristics of the Caucasus: Proceedings of the International Scientific Conference "The Latest Archaeological and Ethnographic Research in the Caucasus").* Mahachkala: Epoha, 194—198 (in Russian).

Gadjiev, M.S., Kuzeeva, Z.Z. 2018. In: Kochkarov, U.Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kulturnyh svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekove. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii XXX "Krupnovskie chteniya" po arheologii Severnogo Kavkaza. Karachaevsk, 22—29 aprelya 2018 g. (Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Materials of the 30th International Scientific Conference "Krupnov Readings" on archaeology of the North Caucasus. Karachaevsk, April 22—29, 2018)*. Karachaevsk: Aliev Karachay-Cherkess State University, 426—428 (in Russian).

Malashev, V.Yu., Bolelov, S.B. 2017. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 248, 91—110 (in Russian).

Nuriev, A.B. 2009. *Remeslo Kavkazskoj Albanii (III—VIII vv.) (Craft of Caucasian Albania (3rd — 8th centuries).)*. Baku: Institute of Archeology and Ethnography of ANAS (in Russian).

Pikul 1959: NA IIAE DFITS RAN. F. 3. Op. 3. D. 100. Pikul M.I. 1959. Itogi arkheologicheskikh razvedok v Yuzhnom Dagestane v 1959 g.

Shikhsaidov, A.R. 1980. In: Sadyki, M.G., Saidov, M.S., Shihsaidov, A.R. (eds.). *Vostochnye istochniki po istorii Dagestana (Eastern sources on the history of Dagestan)*. Mahachkala: Institute of History, Language and Literature, 65—81 (in Russian).

Рис. 1. Местоположение селения Куйсун (Куюстан). Красным кружком обозначено городище Куйсун. Космоснимок (по Yandex. Maps).

Fig. 1. The location of the village Kuysun (Kuyustan). The red circle indicates the Kuysun fortified settlement. Satellite image (after Yandex. Maps).

Рис. 2. Городище Куйсун. Космоснимок (по Google Earth Pro).

Fig. 2. Kuysun fortified settlement. Satellite image (after Google Earth Pro).

Рис. 3. Городище Куйсун: *1* — вид на разрушенную цитадель и русло р. Самур с СВ; *2* — вид с юга на примыкающее к цитадели поселение; *3* — вид на заплывший ров с ЮВВ.

Fig. 3. Kuysun fortified settlement: *1* — destroyed citadel and the channel of the Samur River, view from the NE; *2* — view from the south to the settlement adjacent to the citadel; *3* — the floating ditch view from the SEE.

Рис. 4. Городище Куйсун. Культурный слой и остатки стен цитадели.

Fig. 4. Kuysun fortified settlement. Cultural layer and remains of citadel walls.

Рис. 5. Городище Куйсун. Культурный слой и остатки стен цитадели.

Fig. 5. Kuysun fortified settlement. Cultural layer and remains of citadel walls.

Рис. 6. Городище Куйсун. Кувшины—ойнохои.

Fig. 6. Kuysun fortified settlement. Oinochoe-type jugs.

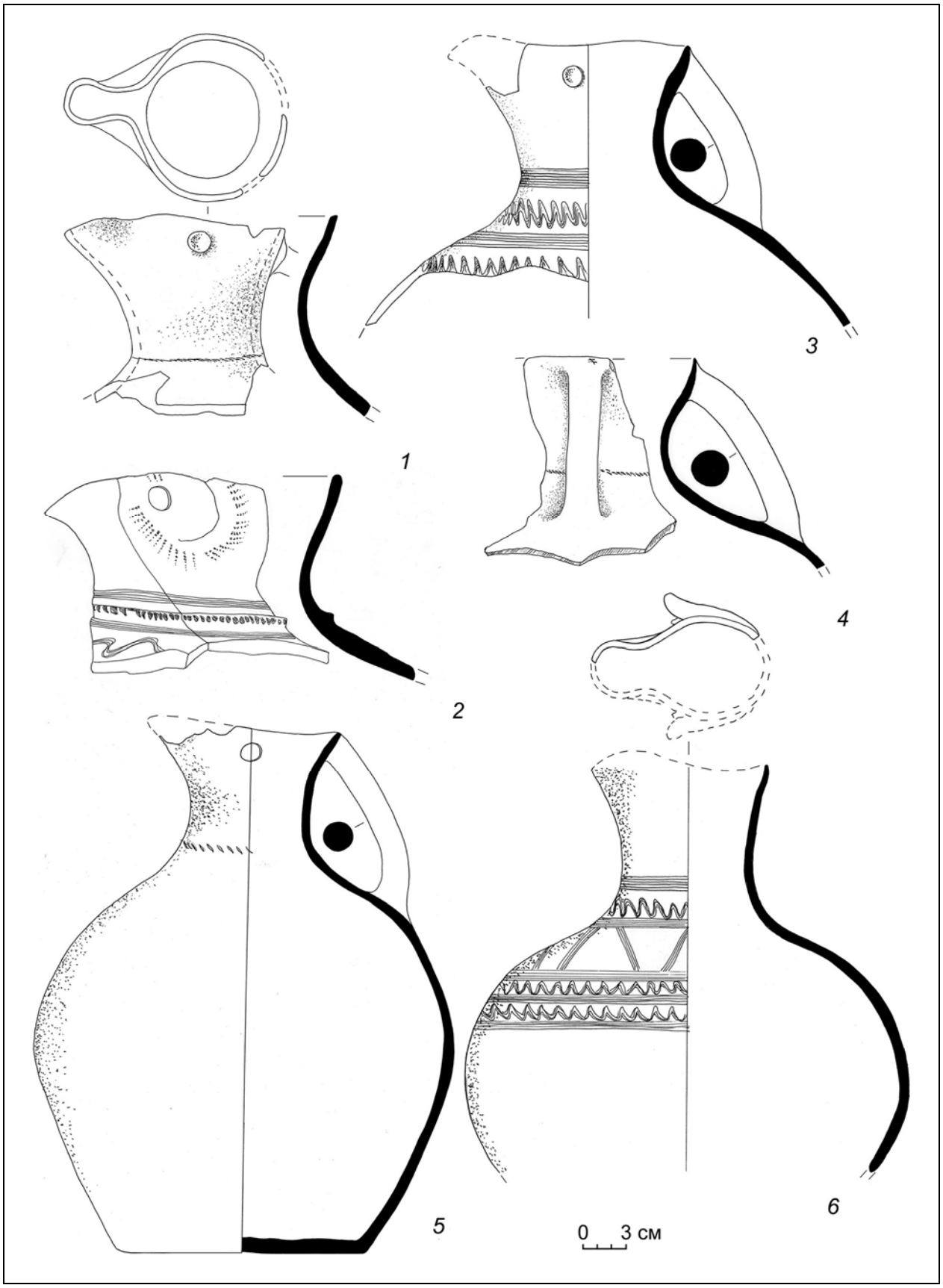


Рис. 7. Городище Куйсун. Кувшины—ойнохои.

Fig. 7. Kuysun fortified settlement. Oinochoe-type jugs.

Рис. 8. Городище Куйсун. Миски и тарные сосуды.

Fig. 8. Kuysun fortified settlement. Bowls and storage containers.

Рис. 9. Городище Куйсун. Керамические сосуды.

Fig. 9. Kuysun fortified settlement. Ceramic vessels.

Рис. 10. Городище Куйсун. Тарные сосуды.

Fig. 10. Kuysun fortified settlement. Storage containers.

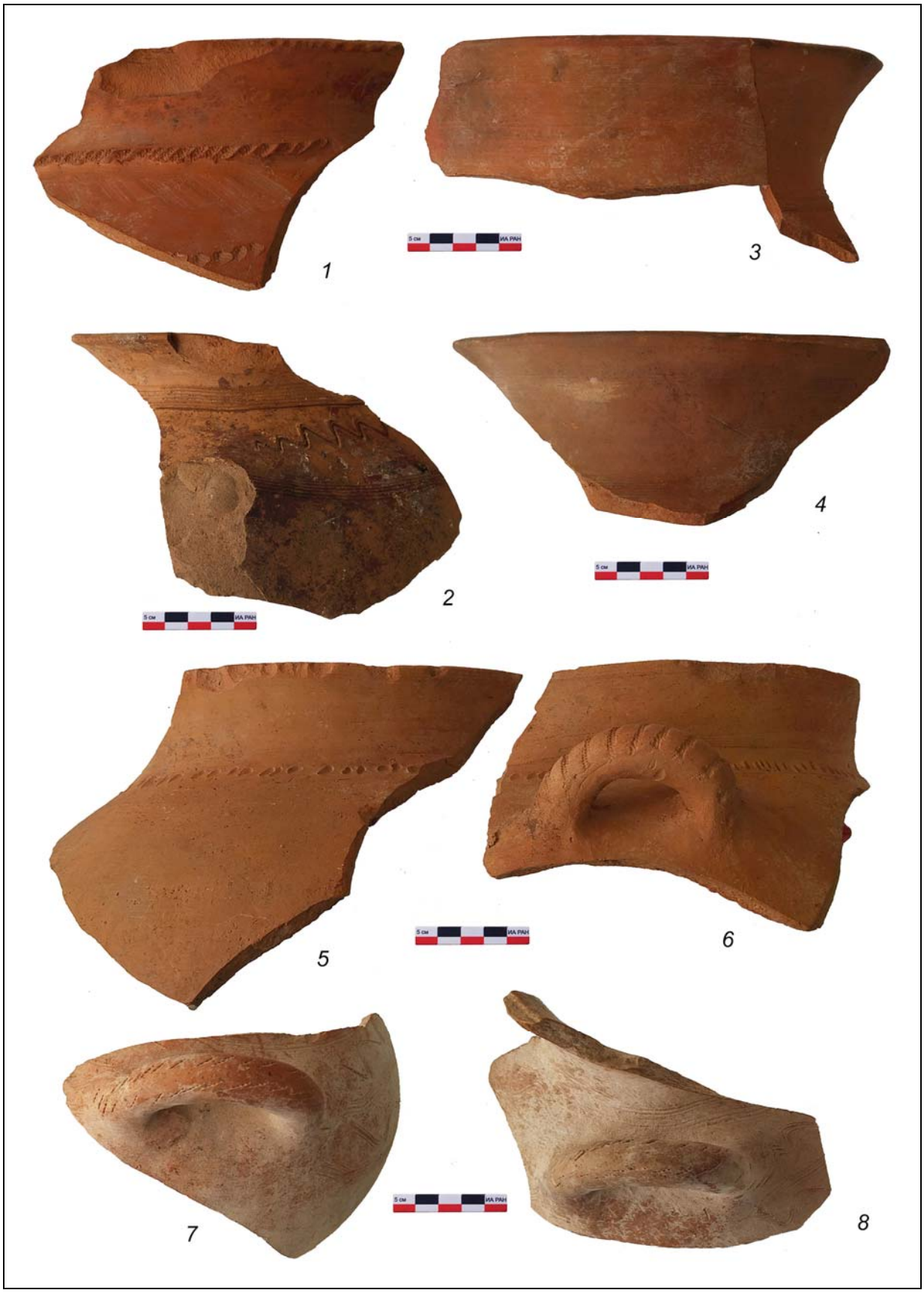


Рис. 11. Городище Куйсун. Широкогорлые тарные сосуды.

Fig. 11. Kuysun fortified settlement. Wide-neck storage vessels.

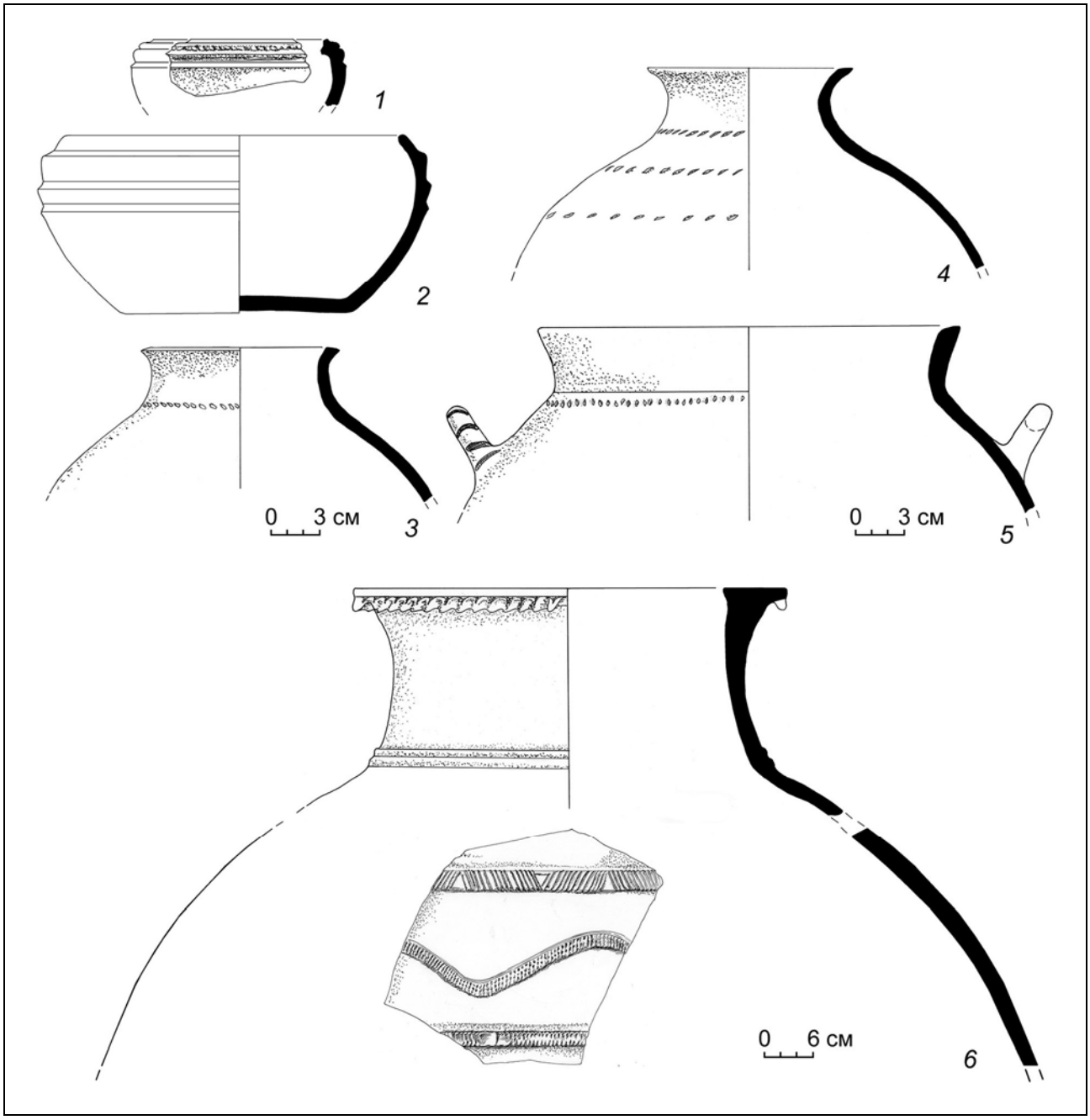


Рис. 12. Городище Куйсун. Миски и тарные сосуды.

Fig. 12. Kuysun fortified settlement. Bowls and storage containers.

DOI: 10.53737/1202.2023.66.21.016

Б.М. Хасенова, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

СЛЕД ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ: ИЗВАЯНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ПРИТОБОЛЬЯ (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)*

В статье впервые в научный оборот вводится изваяние VII—VIII вв. из Северного Казахстана. Выполнены описание и атрибуция находки. Изваяние представляет собой статную фигуру сидящего мужчины. Подобные объекты довольно редки для данного региона; вместе с тем, они выступают маркёрами ареала Западно-Тюркского каганата. Новая находка пополняет фонд этого вида археологических источников, позволяющих дополнить объективную картину культурно-исторических процессов в степном поясе Евразии в эпоху ранних тюркских государств. Учитывая малочисленность памятников древнетюркского периода в регионе, обусловленную, среди прочего, освоением земель под сельскохозяйственные нужды, каждая находка изваяния приобретает особое значение.

Ключевые слова: археология, Северный Казахстан, Притоболье, Жарык, эпоха древних тюрков, изваяние, высокий социальный статус.

Сведения об авторах: Хасенова Бахыт Мулдашевна[1], PhD (History), ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Джумабекова Гульнара Саиновна[2], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Базарбаева Галия Аппазовна[3], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Контактная информация: 050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; e-mail: [1]alicar@inbox.ru; [2]gdzhuma@mail.ru; [3]galiya2002@gmail.com.

Bakhyt Khasenova, Gulnara Jumabekova, Galiya Bazarbayeva

THE TRACE OF THE GREAT EMPIRE: A SCULPTURE OF THE ANCIENT TURKIC ERA FROM THE TOBOL RIVER REGION (NORTHERN KAZAKHSTAN)

A new find of stone sculpture of the ancient Turkic times (7th — 8th century) from Northern Kazakhstan is published, and the description and attribution of the find are given. The statue represents a stately figure of a sitting man. Such statues are quite rare in the Tobol River region; at the same time, they are markers of the area of the Western Turkic Khaganate. Hence, the sample of this kind of archaeological record is gradually replenished with finds, which enables reconstruction of a picture of cultural and historical processes in the steppe belt of Eurasia in the times of the early Turkic states. Taking into account the small number of findspots and sites of the ancient Turkic period in the region, which is due, among other things, to the agricultural development of land, each find of stone sculpture is of particular importance.

Key words: archaeology, Northern Kazakhstan, Tobol River region, Zharyk, ancient Turkic times, sculpture, high social status.

About the authors: Khassenova Bakhyt[1], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology; Jumabekova Gulnara[2], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology; Bazarbayeva Galiya[3], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology.

* Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан 2022—2024, ИРН проекта AP 14870373.

Статья поступила в номер 30 июня 2023 г.
Принята к печати 15 июля 2023 г.

© Б.М. Хасенова, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, 2023.

Contact information: 050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk Ave., Margulan Institute of Archeology; e-mail: [1]alicar@inbox.ru ; [2]gdzhuma@mail.ru ; [3]galiya2002@gmail.com.

Введение. Изваяния эпохи средневековья на территории Северного Казахстана в настоящее время относятся к числу редких находок. Ценным вкладом в изучение традиций монументальной скульптуры стала находка в 2018 г. нового изваяния, ранее не известного в науке. Эпоха средневековья рассматриваемого региона представлена немногочисленными погребальными и культово-поминальными памятниками. На основании их исследования были выделены два хронологических периода: VIII—XII вв., XIII—XIV вв. (Хасенова 2017: 58—86). К числу важных объектов рассматриваемого времени относятся каменные изваяния. На территории Северного Казахстана в настоящее время насчитывается 14 изваяний, хранящиеся в фондах нескольких музеев (Боталов 1996: 229—240). В 2018 г. их количество увеличилось на еще одно, когда в фонд Денисовского историко-краеведческого музея поступило изваяние (КП-2540), обнаруженное в местности Жарык (с. Покровка, Денисовский р-н, Костанайская обл., Республика Казахстан) (рис. 1: 2, 2—3).

Изваяние было обнаружено на пастбище фермером Сергеем Стяжкиным. Со слов находчика, в советское время местность активно использовалась под сельхозугодья. После сообщения, поступившего от журналистов областной газеты «Костанайские новости», авторами в полевом сезоне 2019—2020 г. в составе отряда Института археологии имени А.Х. Маргулана были проведены исследования (Базарбаева и др. 2023). Район обнаружения изваяния является господствующим по высоте на местности. Однако признаков каких-либо конструкций не зафиксировано.

Описание изваяния. Каменная скульптура представляет собой полнофигурное изображение человека с сосудом в правой руке и левой рукой, покоящейся на рукояти оружия. Выполнено из песчаника насыщенного тёмно-коричневого цвета. Голова отсутствует, отбита в области шеи, моделированной уступами спереди и с боков. Размеры: высота 95 см, ширина — 66 см. Шея шириной 32 см. Толщина шеи — 16 см, ширина основания — 50 см, ширина в поясе — 46 см. Выполнено в технике круглой скульптуры с барельефным изображением отдельных деталей.

Изваяние передаёт образ мужчины с несколько покатыми плечами, сильными руками и узкой талией. Руки до локтя толстые, переданы с выступающей мускулатурой, есть крупные сколы и каверны. Руки ниже локтя прямые, более тонкие. На руках каннелюрой передана линия рукава, кроме того, рельеф рукава на левой руке выше, чем ладонь.

На шее выступающей дугой шириной 1,5 см показано украшение, над ним фиксируется ромбовидный выступ 3 × 3 см, от которого отходят две выступающие дуги шириной до 1 см, вероятно, представляющие собой контур лица. Выступ ромбической формы, вероятно, передает изображение украшения.

Ворот одежды передан подтреугольными удлинёнными отворотами, переходящими далее вниз в широкую полосу — борта кафтана, разделённые канелюрой шириной 0,4 см, означающей стык одежды. Стык размещён по центру фигуры. Он продолжается продольной линией от правой руки вниз к левой.

В правой согнутой руке человека изображен сосуд типа небольшой чаши, который он держит в ладони. Диаметр чаши — 10,5 см. Детали не проработаны, показан только большой палец. Левая рука покоится на клинковом оружии (сабля?) в ножнах, укреплённом на поясе. Оружие находится в горизонтальном положении, с рукоятью, размещённой выше пояса. Окончание сабли (острие) не сохранилось, очевидно, сколото. Рукоять массивная, прямоугольная, расположена под небольшим наклоном по отношению к лезвию. В связи с тем, что участок, где были изображены ножны, сколот, сложно уверенно определить вид оружия. Судя по параметрам рукояти (массивности и длине), можно предположить в данном

случае, что воспроизводится сабля. Хорошо выделены все пальцы левой руки. Безымянный палец показан немного отведённым в сторону. Пояс узкий, без проработанных деталей, на левом боку он размещён немного выше, чем на правом. Ширина — 4 см. Справа к поясу на боку подвешен мешочек или кресало в виде полукруга. Слева к поясу также на боку показан подвешенным прямоугольный предмет, возможно, каптаргак размерами 3—3,5 × 8 см.

Спина сильно повреждена ввиду воздействия тяжёлых сельскохозяйственных агрегатов. Вероятно, на изваянии показаны косы, предположительно, в количестве шести, которые фиксируются по уцелевшим продольным выступам-валикам, разделенными узкими каннелюрами. В верхней части спины и внизу над поясом расположены два больших скола, не позволяющие рассмотреть детально причёску.

Основание изваяния скошено со стороны спины. Высота рельефа — от 5—6 мм до 1,5 см. Наиболее высокий передает руки и чашу, низкий — отвороты, пояс и саблю.

История изучения. Средневековые изваяния Северного Казахстана, который является частью историко-культурной области Сарыарки, представляя собой её северную и северо-западную части, попадают в поле зрения исследователей начиная со второй половины XIX в. (подробнее об истории изучения: Хасенова 2017: 52—53; Курманкулов, Касенова 2018; Касенова 2019а). Значительная роль в их научной апробации принадлежит основоположнику казахстанской археологии А.Х. Маргулану. На основании исследования особенностей облика более чем 30-ти изваяний Сарыарки, А.Х. Маргулан в 1970-е гг. выделил две группы, для которых определил варианты датировок: 1) изваяния мужчин-воинов с сосудом в одной руке и клинковым оружием в другой (как вариант — без оружия). Датируются VI—VIII вв.; 2) изваяния мужчин и женщин с сосудом в обеих руках. Данная группа, по мнению исследователя, бытовала в VII—XIII вв. (Маргулан 1966: 9).

На данный момент наиболее полно результаты изучения средневековых изваяний Сарыарки представлены в монографии Л.Н. Ермоленко (подробнее о современном состоянии изучения: Касенова 2019б). В настоящее время выявлением и документированием скульптур рассматриваемой эпохи занимается группа под руководством Ж. Курманкулова (Касенова 2019а: 20).

Интересная статистика была приведена известным японским тюркологом Т. Хаяши, свидетельствующая о неоднородном распространении изваяний в пространстве степной Евразии: на территории Казахстана их засвидетельствовано более 400, Монголии — более 350, Алтая — 256, Тувы — 100, Хакасии — 5, Восточного Туркестана — 182, Кыргызстана — 100, Узбекистана — 20, Туркменистана — 2, Таджикистана — 1 (по: Досымбаева 2006: 20). На данном уровне исследования эти данные обновляются. Так, к 2020-м гг. только в Сарыарке зафиксировано около 140 изваяний (Касенова 2019а: 20).

Отсутствие головы у изваяния из местности Жарык является определенным препятствием для установления гендерной принадлежности изображенного в камне человека. Тем не менее, по данным Л.Н. Ермоленко, оружие практически всегда встречается у мужских персонажей с усами, что позволяет предположить аналогичный пол в исследуемом изваянии (Ермоленко 2004: 22).

Что касается датировки изваяния, основанием для него могут быть, в первую очередь, изобразительные особенности в воплощении образа. Согласно древнетюркской изобразительной традиции монументальной скульптуры, в правой руке персонажа, поднятой на уровне живота или груди, находился какой-либо сосуд (чаша, кувшин, чарка), левая рука была опущена вниз и опиралась на холодное оружие, как вариант — оружие отсутствует (Ермоленко 2004: 16). Такие изваяния обычно датируются исследователями VI—VIII вв. (Маргулан 1966: 9; Шер 1966: 25; Чариков 1986: 88). По мнению Л.Н. Ермоленко, к ним могут быть применимы более широкие хронологические рамки: VI/VII—VIII/IX вв. (Ермоленко 2004: 29).

Изображенные на поверхности мужского изваяния предметы дают возможность определить немного более конкретные хронологические рамки. Чаши, в целом, относятся к широко

распространенным типам посуды (Ермоленко 2004: 24, табл. 6, 13—16). По данным известного исследователя каменной скульптуры А.А. Чарикова, невысокие пиалообразные чаши с округлым дном нередко встречаются на поверхности изваяний из Восточного Казахстана (Чариков 1980: рис. 2: 14, 15, 19). Он отмечает, что различные варианты данного типа посуды изображены на изваяниях из других регионов Казахстана, с территории Алтая, Тувы (Чариков 1980: 135—136). Такая форма ёмкости для питья характерна, по его мнению, для VII—VIII вв. (Чариков 1980: 136). Более позднюю датировку предлагает Л.А. Евтюхова: сосуды среди анализируемых исследовательницей атрибутов распределены на 10 групп, к 10-й из них относятся небольшие плоские чашечки, которые были изображены на трёх изваяниях. На основании хронологической атрибуции такой разновидности посуды, а также сопровождающих предметов, археолог определяет время их бытования до XIV в. (Евтюхова 1952: 108).

По данным Л.А. Евтюховой, сабли с прямой рукоятью изображаются на поверхности изваяний, датируемых VII—VIII вв. (Евтюхова 1952: 111). Оружиевед Ю.С. Худяков определяет время бытования этого вида оружия — VII—X вв. (Худяков 1986: 156). Существует также мнение Б.Б. Овчинниковой, которая считает, что в каменной скульптуре воспроизводились палаши, а не сабли (Овчинникова 1999: 81). Интересно отметить, что холодное оружие, будучи чрезвычайно часто изображаемым в древнетюркское время среди реалий на поверхности камня, относится к числу редких находок в погребениях, относящихся к этому периоду, на что обратили внимание многие исследователи (Худяков 1986: 154; Овчинникова 1990: 66; Кубарев 2005: 101).

Можно заключить, что, на основании проработки образа, изваяние относится к древнетюркской художественной традиции. Более определённо — VII—VIII вв. – позволяет датировать скульптуру форма изображенной чаши. Обращает внимание оригинальное расположение чаши в руке — она мастерски вписана в пространство между большим и указательным пальцами человека так, что верхний её край не выступает за пределы, заданные высотой пальцев. Этот интересный приём также зафиксирован на поверхности некоторых каменных изваяний Сарыарки (рис. 1: 5), Алтая (рис. 1: 9): изваяний № 6 и 7 из местности Мык в горах Арганаты, изваяния с северного склона Улытау, у р. Жангабыл (Маргулан 2003: рис. 19: 1—2, 20: 1—2, 25: 1—2), изваяния из Кош-Агачского района Республики Алтай (Кубарев, Кубарев 2013: 49). Следует обратить внимание на используемую формулировку А.Х. Маргулана, в одной из своих публикаций он называет посуду, которую держат в руках персонажи, запечатлённые в камне, чашами или сосудами изобилия (Маргулан 2003: 37).

Обращает внимание, что изваяние из Жарыка воспроизводит образ крепкого мужчины с развитой мускулатурой, мощными плечами, крупными ладонями. Интересное мнение было высказано А.А. Чариковым по поводу воплощения образа человека в камне: «Не вызывает сомнения, что признаки, связанные с физическими особенностями изображаемого человека или с позой, вполне вероятно учитывались уже на стадии подборки монолита в каменоломне, где определялось и внутреннее членение будущего произведения в зависимости от сидящего или стоящего положения фигуры. При этом, если возникала необходимость, естественным контурам каменной глыбы придавались нужные очертания дополнительными сколами или условными линиями, чтобы подчеркнуть эти особенности фигуры в материале» (Чариков 1989: 121).

Такое необычное телосложение, видимо, связано с тем, что мастер воспроизводил моделировку тела человека в сидячем положении. Стоящие изваяния, несмотря на то, что также изображали, по-видимому, крепких мужчин, демонстрируют другие художественные приёмы. На примере того же изваяния № 7 из местности Мык в горах Арганаты, о котором говорилось выше, можно увидеть, что мускулистые плечи всё равно вписываются в узкое пространство стелообразного камня (Маргулан 2003: рис. 20: 1—2). Ещё один вариант демонстрации атлетического телосложения представлен на поверхности изваяния из урочища Таарбол близ Арыг-Бажи в Республике Тыва (рис. 1: 10) — мощные руки целиком размещены на боковых гранях (Евтюхова 1952: рис. 18).

По наблюдению А.А. Чарикова, сидящие и стоящие фигуры различаются по пропорциям. У «сидящих фигур нижняя часть составляет лишь около ⅓ всего монолита, иногда и меньше. Кроме того, линия спины у стоящих скульптур, если смотреть сбоку, как правило, прямая или слегка вогнута, в то время как у сидящих часто наблюдается характерное утолщение в поясничной части или уступ у нижнего конца, недвусмысленно подчеркивающие сидящую позу изображенных» (Чариков 1989: 154).

Наиболее яркие образцы сидящих изваяний с аналогично, как в нашем случае, воплощённой в камне фигурой человека представлены на мемориалах тюркской знати в Монголии, Восточном Казахстане (Самашев и др. 2016: рис. 159—162; Анхбаяр, Баярсайхан, Анхсанаа 2022: 162—163; Самашев, Айткали, Толегенов 2022: 3). При значительном распространении сидящих изваяний в пространстве тюркской ойкумены именно такой вариант проработки образа относится к числу редких. Возможно, эту особенность в воспроизведении облика следует трактовать как показатель высокого социального статуса изображаемого персонажа.

Следует также обратить внимание на одно из немногочисленных изваяний с территории Актюбинской области (Республика Казахстан) с аналогично показанными пропорциями тела — также мощным торсом и узкой талией. Изваяние, обнаруженное на берегу р. Талдык (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл., Республика Казахстан) (рис. 1: 3), воспроизводит облик человека, изображённого с сосудом в обеих руках (Бисембаев 2010: рис. 29: 3). Интересно отметить, что ниже руки с левой стороны фиксируется расширение, что позволило А.А. Бисембаеву предположить сидячую позу (Бисембаев 2010: 141).

Значительный интерес представляет изображение украшения в виде выпуклой полоски, расположенной вплотную под подбородком с камнем ромбической формы по центру. Обычно такие украшения трактуются как гривны и встречаются, по данным исследователей, на поверхности как тюркских, так и кыпчакских и половецких изваяний. Как и в предыдущее время, в эпоху средневековья данный аксессуар продолжает маркировать высокий социальный статус своего владельца (напр., значению гривны у половцев посвящена развернутая статья Т.М. Потемкиной (2012)). Гривну со вставкой камня каплевидной формы мы видим на шее у нескольких знатных тюрков в «Зале послов», обнаруженном на городище Афрасиаб (Самарканд) в Узбекистане (historicaldis.ru: 1) (рис. 1: 6). В святилище Мерке (рис. 1: 7) гривны — одна или две - в ряде случаев украшали шею скульптур, изображающих женщин (Досымбаева 2002: 53, рис. 1—4).

Гривны встречаются на территории Волжской Булгарии, у населения именьковской культуры (Жилина 2019: 100, рис. 3; Вязов и др. 2017: 103). Значительное распространение они получили у половцев (Плетнева 1990: 45). Наиболее позднее бытование среди тюркоязычных народов этой категории украшений зафиксировано у якутов в костюме XVII в., как мужчин, так и женщин (Константинов 1971: 79).

У изваяния, найденного в ущелье Талды-Булак в Кочкорской долине (Кыргызстан) (рис. 1: 7), ниже подбородка нанесена узкая линия, в центре которой имеется ромбическая подвеска (Худяков, Табалдиев 2009: 74). Аналогичное украшение представлено на поверхности изваяния из Северного Казахстана (Ермоленко 2004: рис. 3, 9). По данным А.А. Чарикова, на ряде статуй Восточного Казахстана, Жетысу, а также на половецких каменных изваяниях на шее изображались ромбические бляхи (Чариков 1976: 157). Возможно, они также представляли собой какое-то украшение из камня. В целом, ромбические «амулеты», как их обозначила Л.Н. Ермоленко, были встречены на семи изваяниях из Тянь-Шаня, Восточного, Южного и Центрального Казахстана (Ермоленко 2004: 27, табл. 13, 20—23). На поверхности изваяния из местности Дуаналы в Казахском Алтае (рис. 1: 8) в области груди размещено украшение, показанное в виде дуговидной полоски с окружностью по центру. Авторы публикации интерпретируют его как нагрудный знак (Омаров, Толегенов 2014: 98). Видимо, следует согласиться с такой формулировкой некоторых шейных украшений у мужчин эпохи раннего средневековья восточной части

евразийских степей. Насколько нам известно, гривны в древнетюркских погребениях не были зафиксированы. В свою очередь, в погребениях Саяно-Алтая известны единичные находки бусин, используемых в составе ожерелья (Овчинникова 1990: 53; Кубарев 2005: 61). Возможно, на древнетюркских изваяниях изображаются не гривны, а какое-то другое шейное украшение, в оформлении которого использовались бусины, подвески из камня или бляхи, например, как в данном случае, ромбической формы. Некоторые из украшений на изваяниях и визуально не похожи по конфигурации на гривну, их Л.Н. Ермоленко называет ромбическими «амулетами» или кулонами (Ермоленко 2004: 27). Они висят, по-видимому, на шнурах (?), оттягивая их, что невозможно при использовании металлической гривны (Ермоленко 2004: табл. 13, 14—15, 20—21).

Вопрос о том, для чего возводились изваяния, в настоящее время относится к числу детально проработанных и если историю их изучения можно начать с утверждения знаменитого исследователя, чингизида Ч. Валиханова «не определено до сих пор, что означали эти бабы и кем поставлены» (Валиханов 1987: 40), то на данный момент им посвящено внушительное количество литературы. Наиболее аргументированная точка зрения высказана Л.Р. Кызласовым: по его мнению, изваяния предназначались для замены погребённого на его поминках (Кызласов 1966: 207). Возможно, изваяния символизировали посредников между миром людей и богов, «призванных, благодаря своим незаурядным земным заслугам доносить до богов просьбы сородичей» (Ажигали 2002: 444). Детально символика изваяний, изображаемых в «пиршественной позе», рассматривается в монографии Л.Н. Ермоленко (Ермоленко 2004: 61—66). По мнению исследовательницы, «умерший представлялся участником ритуала “круговой чаши”» (Ермоленко 2004: 62). По данным казахской топонимики также выясняется наличие целого пласта представлений, связанных с поминальной тризной, где большую роль играла личность умершего человека (Ошанов 2021: 110—112).

Заключение. Таким образом, изваяние из местности Жарык представляет собой фигуру сидящего мужчины, запечатлённого в тюркской художественной традиции монументальной скульптуры — с чашей в правой руке и левой, сжимающей рукоять сабли. Человек изображен в плотно прилегающем к телу кафтану с удлиненными треугольными отворотами. К узкому поясу крепились сумочка и каптаргак (?). Шея украшена подвеской из камня, бусиной или бляхой ромбической формы, размещенной на коротком шнуре (?). Облик воина дополняли длинные волосы, заплетённые в косы. В камне был воспроизведен мужчина с массивным телом, мускулистыми руками и узким торсом, такая проработка образа, возможно, связана с его высоким социальным статусом. На основании изображенных реалий, возможно определение датировки — VII—VIII вв. Этим же периодом датируются ещё два изваяния из Северо-Западной Сарыарки: изваяние, обнаруженное у пос. Чайковский (Житикаринский р-н, Костанайская обл., Республика Казахстан) (рис. 1: 1), и изваяние из жертвенно-поминального комплекса Ащитасты-19 (территория маслихата г. Аркалык, Костанайская обл., Республика Казахстан) (Хасенова 2017: 82—83) (рис. 1: 4). Отметим, что отсутствие данных о первоначальном расположении изваяния не позволяет дополнить наши представления о ритуальной деятельности древних тюрков в северных пределах своей империи.

Исследование каменных изваяний актуально в контексте анализа вопросов преемственности в культуре древнего и современного населения Казахстана и сопредельных регионов[1]. Традиция установки надмогильных стел, статуарных памятников сохраняется в Степи на протяжении тысячелетий, демонстрируя вариативность их типов и отражая генезис культовых комплексов. Несмотря на существующие сегодня различные версии назначения таких элементов погребально-поминальных сооружений, нельзя отрицать существование определенной традиции, сохранившейся до настоящего времени и проявляющейся в установке намогильных камней - кулпытасов у казахов. Она прослеживается от эпохи

[1] При взгляде на карту-схему расположения памятников (рис. 1) выявляются определённые векторы для дальнейшего изучения данной темы

бронзы, в культуре ранних кочевников, раннесредневековых и средневековых тюркоязычных народов и сохранилась с принятием ислама (Ажигали 2002: 373-447; Маммаев 2021; 2022; Бейсенов 2023). В процессе исследования обычая установки стел и изваяний устанавливается их культурно-генетическая связь на определенных этапах существования традиции. На территории Денисовского, Житикаринского и Камыстинского районов Костанайской области Республики Казахстан известны случаи, когда казахские некрополи с кулпытасами приурочены к крупным курганам раннего железного века (Базарбаева и др. 2023). Изучение вопросов сакрализации ландшафта в отмеченном регионе является перспективным направлением исследований Костанайской экспедиции Института археологии имени А.Х. Маргулана на ближайшие годы.

Благодарности. Пользуясь случаем выражаем слова искренней признательности жителям села Покровка фермеру Сергею Стяжкину и акиму Казипе Игламовой, директору Денисовского историко-краеведческого музея Наталье Таран, а также журналисту областной газеты «Костанайские новости» Мурату Тюлееву, фотокорреспонденту Сергею Миронову, за помощь в организации и проведении исследований.

Литература

Ажигали С. 2002. *Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии*. Алматы: Гылым.

Анхбаяр Б., Баярсайхан Ж., Анхсанаа Г. 2022. Хөвсгөл аймгийн нутгаас шинээр илрүүлсэн хүн чулууд. *Studia Archaeologica* XLI, 158—164.

Базарбаева и др. — Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К. 2023. К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI—IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара (Северный Казахстан). *Археология Казахстана* 2 (20), 103—116.

Бейсенов А.З. 2023. Поездка в Милыбулак, Центральный Казахстан: обследование курганов с «усами» и руин зимовок, чтение старинных кулпытасов. *Уфимский археологический вестник*. Т. 23. № 1, 109—127.

Бисембаев А.А. 2010. *Кочевники Средневековья Западного Казахстана.* Актобе: Актюбинский государственный педагогический институт.

Боталов С.Г. 1996. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья. В: Григорьев С.А. (отв. ред.). *Новое в археологии Южного Урала*. Челябинск: Рифей, 210—244.

Валиханов Ч. 1987. *Избранные произведения*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

Вязов и др. 2020: Вязов Л.А., Петрова Д.А., Кондрашин В.В., Салова Ю.А. 2020. Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именьковской культуры. *Археология евразийских степей* 6, 100—131.

Досымбаева А.М. 2002. *Мерке — сакральная земля тюрков Жетысу*. Тараз: Сенім.

Досымбаева А. 2006. *Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи*. Алматы: Тюркское наследие.

Жилина Н.В. 2019. Волжская Болгария / Восток / Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук. *Археология евразийских степей* 1, 99—117.

Евтюхова Л.А. 1952. *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.* В: Киселёв С.В. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Сибири*. Т. 1. Москва: АН СССР, 72—120 (МИА 24).

Ермоленко Л.Н. 2004. *Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения).* Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Касенова А.Д. 2019а. История изучения древних и средневековых изваяний Сарыарки. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Кемерово.

Касенова 2019б: Касенова А.Д. 2019. Изучение тюркских каменных изваяний Сарыарки на современном этапе. *ПА* 2 (28), 47—60.

Константинов И.В. 1971. *Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений).* Якутск: Якутское книжное издательство.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. 2013. *Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири. Каталог.* Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Кубарев Г.В. 2005. *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников).* Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Курманкулов Ж, Касенова А.Д. 2018. Орталык Казакстаннын тас мусиндери туралы деректер XIX г. — XX г. биринши жартысындагы саяхатшылар мен галымдардын енбектеринде. *Казакстан археологиясы* 1—2, 133—142.

Кызласов Л.Р. 1966. О значении термина балбал древнетюркских надписей. В: Кляшторный С.Г. (отв. ред.). *Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 206—208.

Маммаев М.М. 2021. Стела XVI в. из с. Кумух — высокохудожественное произведение исламского искусства. *МАИАСП* 13, 973—982. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.25.61.037.

Маммаев М.М. 2022. Надмогильная стела XV в. из селения Ашты — высокохудожественное произведение исламского искусства горного Дагестана. *МАИАСП* 14, 421—431. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.76.022.

Марғұлан Ә. 1966. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер. В: Марғұлан Ә. (ред.). *Ежелі мәдениет куәлары*. Алматы: Казахстан, 8—52.

Маргулан А.Х. 2003. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. В: Маргулан А.Х., Маргулан Д.А. (ред.). *Сочинения*. Т. 3—4. Алматы: Дайк-Пресс.

Омаров Г.К., Толегенов Е.Т. 2014. Средневековые изваяния Западного Алтая. В: Тишкин А.А. (отв. ред.). *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии*. Барнаул: АлтГУ, 97—100.

Ошанов О.Ж. 2021. Ас беру жане тас мусин (жик тускен дастурлер). *Казакстан археологиясы* 1 (11), 101—119.

Плетнева С.А. 1990. *Половцы.* Москва: Наука.

Потемкина Т.М. 2012. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами). В: Евглевский А.Н. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк: ДонНУ, 7—36.

Самашев и др. 2016: Самашев З., Дамдинсурэнгийн Ц., Онгарулы А., Чотбаев А. 2016. *Ежелгі түріктердің Шивээт улаан ғұрыптық кешені*. Астана: Полиграфкомбинат.

Самашев З.С, Айткали А.К, Толегенов Е. 2022. К вопросу о сакрализации образа кагана. *ПА* 2 (40), 21—34.

Хасенова Б.М. 2017. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир. В: Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. (отв. ред.). *Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха.* Алматы: ИА КН МОН РК, 51—97.

Худяков Ю.С. 1986. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. 2009. *Древние тюрки на Тянь-Шане*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Чариков А.А. 1976. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. *СА* 4, 153—165.

Чариков А.А. 1980. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 130—140.

Чариков А.А. 1986. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана. *СА* 1, 87—102.

Чариков А.А. 1989. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане. *СА* 3, 184—192.

historicaldis.ru: 1: Яценко С.А. Древние тюрки: костюм на разноцветных изображениях. URL: https://historicaldis.ru/blog/43618093433/Drevnie-tyurki-kostyum-na-raznotsvetnyih-izobrazheniyah (дата обращения 24.06.2023).

References

Azhigali, S. 2002. *Arhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kultury Evrazii (Architecture of nomads. The phenomenon of the history and culture of Eurasia).* Almaty: Gylym (in Russian).

Ankhbayar, B., Bayarsaikhan, J., Ankhsanaa, G. 2022. In *Studia Archaeologica* XLI, 158—164 (in Mongolian).

Bazarbayeva et al. 2023: Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, K. 2023. In *Kazakstan arheologiaysy (Kazakhstan Archeology)* 2 (20), 103—116 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2023. In *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)*. Vol. 23. No. 1, 109—127 (in Russian).

Bissembaev, A.A. 2010. *Kochevniki Srednevekoviya Zapadnogo Kazahstana (Nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan)*. Aktobe: Aktobe State Pedagogical Institute (in Russian).

Botalov, S.G. 1996. In: Grigoriev, S.A. (ed.). *Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala (New in the archaeology of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: Rifey, 210—244 (in Russian).

Valikhanov, Ch. 1987. *Izbrannye proizvedeniya (Selected Works)*. Moscow: *Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka"* (in Russian).

Vyazov et al. 2020: Vyazov, L.A., Petrova, D.A., Kondrashin, V.V., Salova, Yu.A. 2020. In *Arkheologiya evraziyskikh stepey* (*Archaeology of the Eurasian Steppes*) 6, 100—131 (in Russian).

Dosymbaeva, A.M. 2002. *Merke — sakralnaya zemlya tyurkov Zhetysu (Merke is the sacred land of the Zhetysu Turks)*. Taraz: Senim (in Russian).

Dosymbaeva, A. 2006. *Zapadnyi Tyurkskiy kaganat. Kulturnoe nasledie Kazahskoy stepi (The Western Turkic Khaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppe).* Almaty: Tyurkskoe nasledie (in Russian).

Zhilina, N.V. 2019. In *Arkheologiya evraziyskikh stepey* (*Archaeology of the Eurasian Steppes*) 1, 99—117 (in Russian).

Evtyukhova, L.A. 1952. In: Kiselyov, S.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po arheologii Sibiri (Materials and research on the archaeology of Siberia)*. Vol. 1. Moscow: AN SSSR, 72—120 (Materials and Researches in the Archaeology of USSR 24) (in Russian).

Ermolenko, L.N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazahstanskih stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Kasenova, A.D. 2019a. The history of the study of ancient and medieval statues of Saryarka. PhD thesis abstract. Kemerovo (in Russian).

Kasenova 2019b: Kasenova, A.D. 2019. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga river region Archaeology)* 2 (28), 47—60 (in Russian).

Konstantinov, I.V. 1971. *Materialnaya kultura yakutov XVIII v. (po materialam pogrebeniy) (Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on the materials of burials))*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House (in Russian).

Kubarev, V.D., Kubarev, G.V. 2013. *Kamennye izvayaniya drevnih tyurok Yuzhnoy Sibiri. Katalog (Stone sculptures of the ancient Turks of Southern Siberia. Catalogue).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Kubarev, G.V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnyh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Kurmankulov, Zh, Kasenova, A.D. 2018. In *Kazakstan arheologiaysy (Kazakhstan Archeology)* 1—2, 133—142 (in Kazakh).

Kyzlasov, L.R. 1966. In: Klyashtornyi, S.G. (ed.). *Tyurkologicheskiy sbornik. K shestidesyatiletiyu Andreya Nikolayevicha Kononova (Turkological collection. On the occasion of the sixtieth birthday of Andrei Nikolaevich Kononov)*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka", 206—208 (in Russian).

Mammaev, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 973—982. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.25.61.037 (in Russian).

Mammaev, M.M. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 421—431. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.76.022 (in Russian).

Margulan, A. 1966. In: Margulan, A. (ed.). *Ezhelgi madeniyet kualary (Remnants of ancient culture)*. Almaty: Kazakstan, 8—52 (in Kazakh).

Margulan, A.Kh. 2003. In: Margulan, A.Kh., Margulan, D.A. (eds.). *Sochineniya (Works)*. Vol. 3—4. Almaty: Daike-Press (in Russian).

Omarov, G.K., Tolegenov, E.T. 2014. In: Tishkin, A.A. (ed.). *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Tsentralnoy Azii (Ancient and medieval sculptures of Central Asia).* Barnaul: Altai State University, 97—100 (in Russian).

Oshanov, O.J. 2021. In *Kazakstan arheologiaysy (Kazakhstan Archeology)* 1 (11), 101—119 (in Kazakh).

Pletneva, S.A. 1990. *Polovtsy (Cumans)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Potemkina, T.M. 2012. In: Evglevskiy, A.N. (ed.). *Stepi Evropy v epohu srednevekoviya (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 7—36 (in Russian).

Samashev et al. 2016: Samashev, Z., Damdinsurengiin, Ts., Onggaruly, A., Chotbayev, A. 2016. *Ezhelgi turikterdin Shiveet Ulaan guryptyk kesheni (The ancient Turkic sacred complex Shiveet Ulaan).* Astana: Poligrafkombinat (in Kazakh).

Samashev, Z.S., Aitkali, A.K., Tolegenov, E. 2022. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga river region Archaeology)* 2 (40), 21—34 (in Russian).

Khasenova, B.M. 2017. In: Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 51—97 (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovyh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii (Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Khudyakov, Yu.S., Tabaldiev, K.Sh. 2009. *Drevnie tyurki na Tyan-Shane (Ancient Turks on the Tien Shan).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Charikov, A.A. 1976. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 4, 153—165 (in Russian).

Charikov, A.A. 1980. In: Akishev, K.A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazahstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 130—140 (in Russian).

Charikov, A.A. 1986. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 1, 87—102 (in Russian).

Charikov, A.A. 1989. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 3, 184—192 (in Russian).

historicaldis.ru: 1: Yatsenko S.A. Ancient Turks: costume on multi-colored images. Available at: https://historicaldis.ru/blog/43618093433/Drevnie-tyurki-kostyum-na-raznotsvetnyih-izobrazheniyah (accessed 24.06.2023).

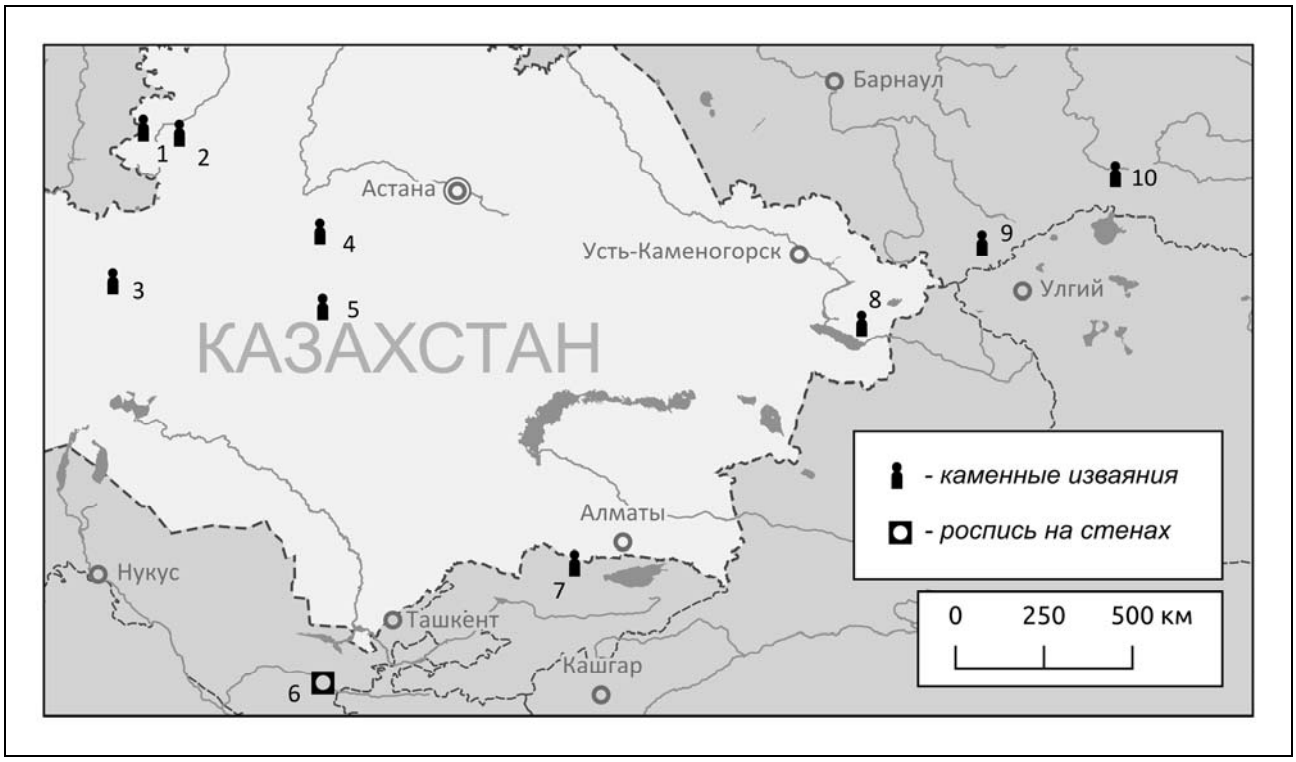


Рис. 1. Карта-схема памятников, упоминаемых в статье: *1* — пос. Чайковский; *2* — Жарык; *3* — р. Талдык; *4* — г. Аркалык; *5* — Улытау; *6* — Афрасиаб; *7* — Мерке, Талды-Булак; *8* — Дуаналы; *9* — Кош-Агач; *10* — Таарбол. Исполнитель: Михаил Антонов.

Fig. 1. Map-scheme of the monuments mentioned in the article: *1* — village Chaikovskiy; *2* — Zharyk; *3* — Taldyk river; *4* — Arkalyk; *5* — Ulytau; *6* — Afrasiab; *7* — Merke, Taldy-Bulak; *8* — Duanaly; *9* — Kosh-Agach; *10* — Taarbol. Performed by Mikhail Antonov

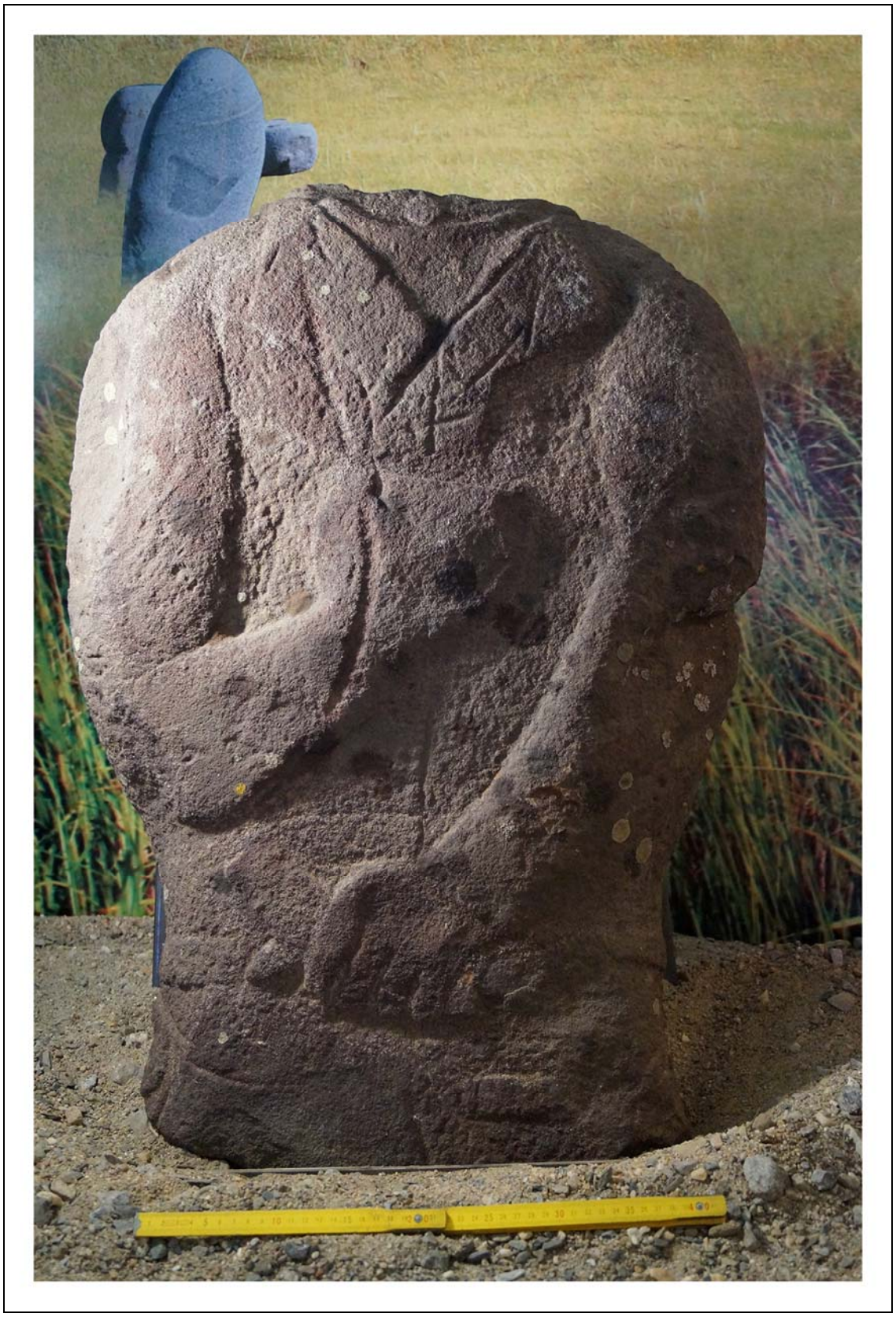


Рис. 2. Изваяние из местности Жарык в экспозиции Денисовского историко-краеведческого музея (КП-2540).

Fig. 2. A statue from the Zharyk in the exposition of the Denisovskiy Museum of Local history (КП-2540).

Рис. 3. Изваяние из местности Жарык. Деталь

Fig. 3. A statue from the Zharyk. Detail.

DOI: 10.53737/2198.2023.26.16.017

А.Н. Свиридов, Д.Т. Тлеугабулов

ГОРОДИЩЕ БОЗОК — УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК СТЕПНОЙ САРЫАРКИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ*

Статья излагает историю открытия и исследований уникального археологического памятника степного Казахстана. Городище Бозок расположено на западной окраине г. Астаны, в болотистой пойме левого берега р. Ишим, на высоком восточном берегу оз. Бузукты, и датируется VII (VIII) — XVI вв. Открытие и первые годы исследования памятника связаны с именем известного казахстанского археолога К.А. Акишева. Последующие работы велись под руководством М.К. Хабдулиной. В пространственной организации и составе объектов памятника выделяются четыре части. Древнейшая часть — три квадратные площадки, обнесённые валами и окопанные рвами. Севернее площадок находится комплекс жилищ-землянок, южнее — некрополь с развалинами мавзолея и мусульманскими погребениями XIII—XVI вв. С востока и севера к руинам городища примыкает агроирригационная система. На протяжении длительного периода функционирования городище использовалось не столько как жилое пространство, сколько как особый сакральный центр степной части Евразии.

Ключевые слова: археология, Казахстан, городище, Бозок, квартал, сакральный центр.

Сведения об авторах: Свиридов Алексей Николаевич[1], Институт археологии РАН; Тлеугабулов Данияр Толегенович[2], Научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева.

Контактная информация: [1]117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии РАН; e-mail: a_sviridov@mail.ru; [2]010008, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина, д. 11, Научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева; e-mail: danchitto@mail.ru.

A.N. Sviridov, D.T. Tleugabulov

THE UNIQUENESS THAT IS THE CITY SITE OF BOZOK IN THE STEPPES OF SARYARKA: A HISTORY OF ITS RESEARCH AND INTERPRETATION

The article provides an overview of research history of the unique archaeological site, which is the fortified settlement of Bozok in the steppe part of Kazakhstan. The city site is located at the western outskirts of Astana, in a swampy floodplain of the Ishim River's left bank, on the high eastern shore of the lake Buzukty. It dates back to the 7th (8th) — 16th century. Its discovery and the early years of research are associated with the name of the famous Kazakh archaeologist Kemal A. Akishev. Later, research works at the settlement were carried out by Maral K. Khabdulina as a supervisor. There are four parts in the spatial arrangement of objects of the site. The oldest part is three square-shaped platforms surrounded by ditches and ramparts. To the north of these, there is a complex of dugout dwellings. To the south of the central platforms, there is a necropolis consisting of the ruins of a mausoleum and a series of Muslim burials of the 13th — 16th century. An agro-irrigation system adjoins the ruins of the settlement from the east and north. For a long period of its functioning, the settlement was used not so much as a space for living, but as a special sacred center of the steppe part of Eurasia.

Key words: archaeology, Kazakhstan, city site, Bozok, urban quarters, sacred center.

* Работа выполнена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, проект AP09261134.

Статья поступила в номер 10 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© А.Н. Свиридов, Д.Т. Тлеугабулов, 2023.

About the authors: Sviridov Aleksey Nicolaevich[1], Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; Tleugabulov Daniyar Tolegenovich[2], K. Akishev Institute of Archaeology of L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Contact information: [1]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova St., Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; e-mail: a_sviridov@mail.ru; [2]010008, Kazakhstan, Astana, 11 Pushkin St., K. Akishev Institute of Archaeology of L.N. Gumilyov Eurasian National University; e-mail: danchitto@mail.ru.

Городище Бозок — один из масштабно исследованных средневековых памятников в степной полосе Казахстана, предоставляющий огромный материал для реконструкции культурной, духовной, хозяйственной, экологической и этнической истории населения степного средневековья. Памятник расположен на западной окраине г. Астаны, на высоком останце восточного берега оз. Бузукты, среди болотной низменности левой пойменной долины р. Ишим (рис. 1).

Открытие и исследование памятника неразрывно связанно с деятельностью Ишимской археологической экспедиции, которая была организованна в 1997 г. известнейшим казахстанским археологом Кималем Акишевичем Акишевым. Начало работы экспедиции совпало с историческим решением для современного Казахстана — переносом столицы в г. Акмолу. Следующий, 1998 г. был объявлен в стране годом Национальной истории, в связи с этим археологические исследования в окрестностях новой столицы стали не только научной, но и государственной задачей.

В 1997 г. К.А. Акишев начинает планомерное обследование окрестностей Акмолы. Сведения о древностей этой части Сарыарки были известны ему по путевым запискам русских офицеров и чиновников, посещавших казахские степи в XVIII—XIX вв., по единичным работам краеведов любителей, по обобщающим работам академика А.Х. Маргулана.

Главной задачей работы экспедиции в тот период было обнаружить известные по литературе поселенческие комплексы, определить их историческую значимость. При этом одним из основных объектов поиска было городище, которое должно было быть расположено в окрестностях брода Караоткель, на р. Ишим.

Памятник был обнаружен только осенью 1998 г., в совершенно неожиданном месте — среди болот в пойме левого берега р. Ишим. С этого периода началась история изучения и осмысления этого уникального археологического объекта, расположенного в самом центре степной Евразии.

Первоначально памятник был назван К.А. Акишевым городище Акжол. Позднее после изучения дополнительных материалов о происхождении гидронима «Бузук», сохранившегося в названии озера, в 2000 г. памятник был переименован в городище Бузок. Современное название городище получило в 2003 г., после встречи К.А. Акишева с президентом Н.А. Назарбаевым.

С самого момента открытия Бозока К.А. Акишев понимал научную, общественную и политическую значимость обнаруженного археологического комплекса. Поэтому 3 июля 1999 г. Ишимской стационарной археологической экспедицией были начаты раскопки, которые продолжались без перерыва 16 лет до 2014 г.

Археологическими раскопами в первые годы исследований руководили под началом К.А. Акишева его ученики и соратники: М.К. Хабдулина, В.В. Варфоломеев и Ю.А. Мотов. Позже, когда на Бозоке была создана своя археологическая школа, полевые работы стали возглавлять молодые исследователи под научным руководством М.К. Хабдудиной: Е.М. Касембеков, Д.В.Семенов, С.К. Сакенов, А.С. Ганиева, А.Н. Свиридов, Е.Ш. Амиров, Д.Т. Тлеугабулов и др.

Первоначально в раскопках участвовали студенты Степногорского филиала Акмолинской медакадемии. Позже основным составом экспедиции стали студенты исторических факультетов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и Карагандинского университета им. Е.А. Букетова. С 2005 г. к ним присоединились студенты

вузов г. Кокшетау, активно были задействованы отдельные школьные коллективы г. Петропавловска, а также сел Красный Яр и Запорожье.

На основании первых визуальных осмотров вновь выявленного памятника К.А. Акишевым в 1999 г. на страницах Известий МОН РК была предложена первая датировка X—XII вв. и высказаны некоторые предположения о структуре городища. «*Памятник состоит из трех разрозненных, но близко расположенных комплексов. Центральная градообразующая часть состоит из трех кварталов квадратного очертания, примыкающих друг к другу, но каждый из них автономно окружен рвом и валом. В юго-западном углу южного квартала возвышается караульная башня. В центральной части все три квартала примыкают к прямоугольной площади, где, вероятно, находилась резиденция (ордакент), возведенная из квадратного обожжённого кирпича. В 70 м на северо-запад находились колодец и водохранилище и помещение для обсуживающего персонала, а в 27 м на юг — мечеть и зират (некрополь)*» (Акишев 1999: 8). Это были первые выводы, полученные на основании визуального осмотра, на их основе была предложена первая реконструкция Бозока (рис. 2). В последствии часть выводов бала развита, часть уточнена.

Первые годы раскопок позволили осветить многие вопросы относительно структуры и планиграфии Бозока. Исследования показали, что центральная площадка являлась сакральным центром городища и предназначалась под строительства культовых сооружений. На ее поверхности были расчищены основания двух кирпичных мавзолеев, шести надмогильных оградок овальной и округлой формы, одной кирпичеобжигательной печи. Всего на центральной площадке исследовано было 13 погребений (Акишев, Хабдулина 2004: 13). В первые годы изучения не удалось обнаружить жилые конструкции, предположительно существовавшие на памятнике по результатам первого осмотра. С целью их поиска закладывались рекогносцировочные траншеи за пределами центральной части городища.

В итоге первые жилища-землянки были раскопаны в 2002 г. Они были обнаружены среди комплекса сооружений, расположенных к северу от центральной части. Раскопки показали, что это остатки многокамерных жилищ земляночного типа, которые датируются XII—XIII вв. Комплекс жилищ был перекрыт сырцововй оградкой, содержащей четыре погребения. По вещевому инвентарю погребальные сооружения датируется XIII—XIV вв. (Акишев, Варфоломеев 2008).

Южный комплекс сооружений оказался остатками мавзолея и кирпичеобжигательной печи, с юга к мавзолею примыкают мусульманские захоронения, верхняя дата которых оставалась открытой. В том же году были открыты первые грунтовые захоронения монгольского времени. Часть из них обнаружена сразу за валом южного квартала (Акишев, Хасенова, Мотов 2008).

Всего за пять первых полевых сезонов было исследовано более 5 тыс. кв. м., раскопы были заложены на всех структурных частях городища. Памятник оказался сложным и многослойным. Было исследовано 4 мавзолея, две погребальные конструкции из сырцрвого кирпича, 37 погребений (4 из них грунтовые), две кирпичеобжигательные печи, три землянки-жилища, и следы 6 наземных домов основания которых фиксируются в верхних слоях северного квартала. Вокруг руин городища обнаруженная система каналов и арыков, которую на тот момент трудно было однозначно связать с памятником (Акишев, Хабдулина 2008: 33).

В ходе работ были получены уточняющие материалы, позволяющие выделить на памятнике два культурных горизонта. Ранний — датирующийся X—XII вв., обозначенный как время появления и функционирования самого городища и поздний, золотоордынский период, датирующийся XIII—XV вв., связан с возведением погребальных сооружений (Акишев, Хабдулина 2004: 15).

После открытия в 2002 г. жилищ-землянок, исследования архитектуры вала и рва К.А. Акишевым была высказана гипотеза о том, что нижняя граница может быть опущена до VII—IX вв. (Акишев, Хабдулина 2004: 15).

Первый период существования городища X—XII вв. интерпретировался как сезонная ставка правителя, обозначение которой широко известно у средневековых племен Евразии под

термином «орду-орда». Планиграфическая ситуация городища сохраняет традиционную трехчастную структуру военных ставок и элитарных резиденций тюрско-могольских народов, существовавшую с эпохи пратюрков — хуннов и усуней (Акишев, Хабдулина 2004: 16).

Городище Бозок стало последней научной работой К.А. Акишева. Помимо открытия, введения в научный оборот и знакомства широкой общественности с этим уникальным объектом, под его руководством были произведены первые исследования и сделаны первые обобщения. Произведено теоретическое заключение этнокультурного и хронологического характера. Были высказаны идеи о музеефикации Бозока, которые были поддержанные президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым.

2003 г. стал переломным для Бозока и его исследователей. В августе ушел из жизни К.А. Акишев, существование созданной им лаборатории археологических реконструкций и продолжение исследований городища было под вопросом. В этот непростой период благодаря высоким организаторским способностям Марал Калымжановны Хабдулиной, ее безграничной преданности делу и начинаниям К.А. Акишева удалось не только продолжить исследование городища, но и получить в дальнейшем новые уникальные данные которые легли в основу современных представлений о роле и месте Бозока в истории средневекового Казахстана.

Первым шагом на этом сложном пути было проведение 28—29 июля 2004 г. международного полевого семинара «Бозок в панораме средневековых культур Евразии». Семинар был посвящен 80-летию со дня рождения К.А. Акишева (рис. 3). Перед участниками семинара стояла задача обозначить дату памятника, его функциональное значение, определить его место среди средневековых древностей Евразии.

Подготовка и проведение семинара требовала больших усилий. К семинару были расчищены раскопы центральной площадки: стратиграфические траншеи, разрезы оборонительных укреплений, конструкции проходов, сооружения землянок-жилищ. Помимо этого, требовалось организовать камфорные условия для проезда на памятник, а также создание удобной площадки для проведения семинара. В этом неоценимую помощь оказало руководство Евразийского университета и Акимат города Астаны. В работе семинара приняли участие ведущие ученные археологии-медиевисты из Казахстана и России, представляющие главные археологические центры двух стран. 30 июля было подписано экспертное заключение, которое включало в себя в том числе и следующие пункты (Экспертное заключение 2008: 198—199):

«Бозок – уникальный историко-культурный объект, поскольку представляет новый, до того неизвестный науке тип археологических объектов степной зоны Евразии домонгольского времени.

Памятник имеет не менее трех периодов обитания, зафиксированных частичным перекрыванием разновременных объектов и составляющих убедительную стратиграфическую картину.

Высокое научное значение городища Бозок несомненно. Продолжение исследований его и его округи способно не только уточнить время возникновения и характер поэтапного существования памятника, но и ответить на многие новые вопросы средневековой истории и культуры Казахстана и степной части Евразии.

Проведение полевого семинара, подтверждение уникальности памятника, а также полученная высокая оценка научной деятельности коллектива послужили основой новой активизации исследований Ишимской стационарной археологической экспедиции на Бозоке и других памятниках Северного Казахстана.

Весной 2005 г. лаборатория археологических реконструкций была реорганизована в Научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. И вот уже почти на протяжении 20 лет НИИ является признанным научным археологическим центром известным в Казахстане и за его пределами. Все эти годы его бессменным руководителем является М.К. Хабдулина.

В публикации 2008 г. М.К. Хабдулиной высказывается мысль, что отсутствие находок в культурных слоях раскопа северного квартала, параметры и структура вала позволяют предполагать, что вал и ров несли не только защитную функцию, но и ограничивали элитарную территорию, доступ на которую не был всеобщим. Расширяется высказанная ране идея, о ранней датировки памятника. Косвенными данными подтверждающими этот тезис является планиграфия центральной части и конструкция оборонительных сооружений. Исследователи памятника считают, что семантика трехчастного размещения кварталов и архитектура вала и рва уходят корнями в древнетюкскую эпоху, аналогии которым известны в культово-поминальных ансамблях Монголии VI—VIII вв., они так же ограничивались внутренним рвом и внешним валом и имели в плане форму прямоугольника (Акишев, Хабдулина 2008: 39—40). Таким образом впервые начинает формироваться мнение о культовом назначении памятника не только на позднем этапе его существования, но и на раннем, в период появления.

Одно из грунтовых погребений, обнаруженных в 2002—2004 гг., выделялось среди других. Это погребение женщины 40—50 лет в высоком головном уборе с украшениями и предметами вооружения датированное концом XIII — началом XV вв. В 2007 г. в Москве в Институте антропологии РАН Т.С. Балуевой была сделана графическая реконструкция по черепу знатной «Бозокчанки» (рис. 4).

С 2005—2006 гг. в изучении Бозока начинают активно применяться комплексные исследования в том числе с привлечением естественнонаучных методов. В частности, был проведен анализ серии из 22 черепов происходящих из погребений городища, серия являлось самой широкой из изученных антропологами и происходивших со средневековых памятников Казахстана (Колбина 2008).

В 2004, 2006, 2007 гг. была первоначально топографическими и археологическими методами изучена оросительная система, расположенная с северо-востока от городища. Было установлено, что площадь орошаемых земель составляет около 44,5 га, система состоит из магистрального канала, распределителей первого и второго порядка, густой сети оросителей (арыков), грядок и системы валиков (Гаврилов 2009: 31—32). Было предположено, что система была построена для орошения территории.

Всесторонний анализ позволил обозначить дату сооружения системы — XI—XII вв., при этом наблюдается общность строительных традиций жилой и ирригационной технологии, что сближает ее с комплексом жилищ-землянок (Хабдулина и др. 2014: 689).

В 2008 г. были проведены почвенные исследования которые не подтвердили ранее выдвинутую гипотезу об оросительном назначении Бозокской системы. Изучение почвенных данных методами макроморфологического и микробиоморфного анализов привел к мнению о дренажном назначении линейных сооружений (Хабдулина и др. 2014: 700).

Важным для понимания датировки и интерпретации памятника становиться полевой сезон 2009 г. При выполнении разреза рва восточного квартала на его дне, на глубине 1,8 м было расчищено ритуальное захоронение лошади. Над черепом обнаружены две пары железных удил и один роговой псалий. Комплекс интерпретировался как строительная жертва, специально закопанная у входа при строительстве рва и вала. Удила были продатированны по аналогии с алтайскими материалами VII—VIII вв. (Хабдулина 2011а: 150).

Исследование нижнего строительного горизонта северного квартала выявило округлую канавку диаметром 7 м, обведенную системой столбовых ямок, являющимися основанием легкой конструкции, возможно юрты, в центре которой найдено скорченное погребение человека с отрубленными кистями рук. В северо-восточной части канавки имелся разрыв, возможно вход. В 2 м напротив входа был вкопан столб, вероятно основание деревянной стелы (Хабдулина 2011а: 149—150). Полученные материалы позволили предположить каким был облик древнего святилища (рис. 5).

В 2009 г. было проведено радиоуглеродное датирование гуминовых кислот погребенной почвы из под вала, исследование проведенное в Институте геологии и минералогии Сибирского отделения РАН позволило получить дату между 503 и 644 гг. (Хабдулина и др. 2011: 443).

Высказанные ранее предположения о раннем горизонте существования Бозока теперь нашли обоснованное подтверждение. Полученные в 2009 г. факты уже уверенно позволяли отнести время появления городища Бозок к древнетюркской эпохе. На основании радиоуглеродной даты можно было утверждать, что строительство кварталов началось в VII—VIII вв., а обновление рва связанно с VIII—IX вв. Подтвердились предположения и о изначальном культовом назначении северного квартала. Ритуальное погребение человека внутри легкого сооружения вполне уверенно об этом свидетельствовало.

В этот период производиться сравнение структуры Бозока с рядом подобных раннесредневековых комплексов, расположенных как на востоке, так и на западе степного мира — поминальные княжеские храмы древних тюрков в Центральной Азии и погребально-поминальные комплексы «перещепенско-вознесенского» типа в Восточной Европе. М.К. Хабдулиной высказывается мысль, что Бозок своим местоположением может являться своеобразным связующим звеном в единый культурный феномен культово-мемориальных комплексов восточной и западной окраины великой степи (Хабдулина 2011a: 151—152).

Полученные в 2009 г. данные позволили расширить хронологические границы памятника от VII (VIII) по XVI—XVII вв. И выделить три этапа в развитии городища: 1) (VII) VIII—IX вв.; 2) X—XI вв.; 3) XIV—XVI (XVII) (Хабдулина 2011a: 149). Исследование памятника имело важное историко-культурное значение. Расположение городища на территории города Астаны, находки и анализы, определяющие дату его возникновения значительно удревняют возраст столицы Казахстана (Хабдулина и др. 2013: 66).

В 2012—2013 гг. городище активно исследовалось неразрушающими методами, в частности было произведено геосканировние южного квартала, продолжено изучение топографии.

Одним из печальных этапов в истории Бозока стал осенне-зимний период 2013 г. При строительстве объездной дороги строительной организацией была предпринята выемка грунта из вала восточного квартала и площадки к востоку от комплекса жилых сооружений, чем нанесен памятнику непоправимый ущерб.

В связи с этим в 2014 г. были осуществлены спасательные работы на памятнике. Были произведены подробные осмотры разрушенных территорий, зачищены отдельные участки. К востоку от раскопа 4, вдоль западной части грабительского котлована заложена рекогносцировочная траншея. Произведена зачистка разрушенной территории, фиксация стратиграфии и планиграфии.

Не смотря на то, что полевые работы после 2014 г. не проводились, изучение памятника продолжилось. Накопленный огромный фактологический материал необходимо было осмыслить и интерпретировать. Можно констатировать, что с этого времени начинается новый период в изучении памятника — теоретическое осмысление. Проводится огромная работа по популяризации городища Бозок, осуществляются мероприятия по его сохранению путем музеефикаии совместно с созданным в 2018 г. государственным историко-культурным музеем-заповедником «Бозок» (Хабдулина 2022a: 125).

Общая площадь за годы исследований составила 8 тыс. кв. м. Памятник состоит из четырех структурных частей, включая ирригационные сооружения (Хабдулина 2016: 233—234). Бозок определяется его исследователями как комплекс разновременных и разнородных по назначению древних объектов, сосредоточенных на небольшой площади территории восточного берега озера Бузукты. Ландшафтная и археологическая особенность позволяет отнести Бозок и его окрестности к категории археологического микрорайона (Хабдулина 2022b: 258).

Материалы городища Бозок отражают историю четырех государственных образований, существовавших в средние века на территории Казахстана: Тюркского каганата (VI—IX вв.), Кипчакского ханства (X—XII вв), Улус Жоши (Золотая орда) XIII—XIV вв., Казахского ханства (XV—XVI вв.) (Хабдулина 2018: 21).

На современном этапе сопоставление памятника с отрывистой информацией по другим средневековым комплексам, располагающимся в окрестности современной Астаны позволило

выдвинуть тезис о том, что Бозок являлся структурной частью более обширного урбанизированного пространства, включавшего поселения, караван-сараи, пастибща. (Хабдулина 2018: 21).

В последние десятилетие происходит более глубокое осмысление памятника именно как сакрального центра Сарыарки. Этот аспект прослеживается как в многочисленных докладах на Казахстанских и международных конференциях, так и в публикациях (Хабдулина 2018: 20—21; 2022b; Tleugabulov 2018; Сураганова 2021).

Полученные за последние годы раскопок материалы, свидетельствуют, что на протяжении длительного периода его функционирования главным являлось использование его не столько как жилого, сколько как особого сакрального пространства (Хабдулина и др. 2014: 687; Хабдулина 2022b: 263—265). Памятник возникает как ставка-резиденция и культовый центр древних тюрков Сарыарки (Хабдулина 2011b: 15).

В ряде работ определяются основные положения, обосновывающие статус городища как культового центра. К ним относится «болотная» топография памятника; необычная планировка оборонительных укреплений; относительная стратиграфия, фиксирующая неоднократное обновления рва и вала; планировка и содержание нижнего строительного горизонта северного квартала; открытие жертвенного захоронения лошади во рву и ритуального захоронения человека в центре северной площадки (Хабдулина 2011c: 266; Тлеугабулов 2017: 71).

Исследователи Бозока считают, что в архитектурно-планировочной композиции памятник имеет аналогии не только с культово-мемориальными комплексами древних тюрков VI—VIII вв. и группой памятников «перещепинско-вознесенского типа» (Хабдулина 2021a: 76), но и еще одной категорией объектов — булгарскими и славянскими святилищами конца первого и начала второго тысячелетия н.э. (Тлеугабулов 2017: 75). При этом наибольшее сходство в планировке памятника видят с поминальным храмом Сарыг-Булун (Республика Тыва). По их мнению Сарыг-Булун близок Бозоку не только по внешним архитектурным деталям, но и присутствием на его территории «храма-юрты», деревянного столба, возможно стелы (Bilyalova at al. 2018: 93—95; Хабдулина 2021a: 76—77).

При этом Бозок на ряду с другими комплексами степной Евразии (Тигашевское городище) воспринимается как свидетельство существования церемониальных городов у древних тюрко-язычных племен, а северный «квартал» городища воспринимается как храмовая площадка, вокруг которой в затекшем грунтом рву, специально выстланном кирпичами, размещались прибывшие для проведения обрядов (Хабдулина 2021b: 234).

История изучения и осмысления городища Бозок на протяжении уже четверти века показывает, что городище оказалось неординарным археологическим комплексом, требующим особого подхода при проведении полевых археологических изысканий и формировании теоритических выводов о его назначении и роли.

Можно надеяться, что сегодня, в период нового этапа связанного с созданием музея-заповедника, Бозок будет не только сохранен как уникальный археологический объект степной Евразии, но и в будущем откроет свои новые тайны.

Литература

Акишев К.А. 1999. Итоги работ Ишимской археологической экспедиции в 1998 г. *Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук* 1, 5—8.

Акишев К.А., Варфоломеев В.В. 2008. Жилища городища Бозок. В: Абдыманапов С.А. (гл. ред.). *Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 41—55.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. 2004. Средневековое городище Бозок: семантика планиграфии и функции. В: Таиров А.Д. (отв. ред.). *Этнические взаимодействия на южном Урале.* Челябинск: ООО «Рифей», 13—16.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. 2008. Результаты пятилетних раскопок городища Бозок. В: Абдыманапов С.А. (гл. ред.). *Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 25—40.

Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. 2008. К вопросу о монгольских погребениях XIII—XV вв. (по материалам некрополя городища Бозок). В: Абдыманапов С.А. (гл. ред.). *Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 56—65.

Экспертное заключение об историко-культурном значении городища Бозок. 2008. В: Абдыманапов С.А. (гл. ред.). *Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 198—199.

Гаврилов Д.А. 2009. Новые данные о развитии средневекового земледелия по материалам городища Бозок. В: Варфоломеев В.В. (отв. ред.). *Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения-2008».* Караганда: [б.и.], 31—34.

Колбина А.В. 2008. Кранилогическая характеристика погребений из некрополя городища Бозок. В: Абдыманапов С.А. (гл. ред.). *Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,66—77.

Сураганова З. 2021. Святилище средневекововго городища Бозок: характер ритуалов и объект поклонения. В: Бурабаева С. (гл. ред.). *Бозок в моем сердце: сборник статей, посвященный 70-летию известного казахстанского ученого-археолога Марал Хабдулиной*. Нур-Султан: ARD-Print, 276—305.

Тлеугабулов Д.Т. 2017. Городище Бозок — средневековое святилище в центральном Казахстане. В: Эбель А.В. (ред.). *История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Материалы международной научно-практической конференции.* Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 69—77.

Хабдулина М.К. 2010. Бозок – как древнетюркский культовый центр на реке Ишим. В: Кумеков Б.Е. (отв. ред.). *Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие.* Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 177—189.

Хабдулина М.К. 2011a. Новые материалы к функциональному назначению городища Бозок. В: Демин М.А., Щеглова Т.К., Телегина А.Н., Грибанова Н.С. (ред.). *Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история: Материалы VII региональнойнаучно-практической конференции, посвященной 20-летиюлаборатории исторического краеведения, 25—26 ноября 2010 г.* Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 147—152.

Хабдулина М.К. 2011b. От чинков Устюрта до берегов Иртыша (о деятельности НИИ археологии им. К.А. Акишева. В: Хабдулина М.К. (гл. ред.). *Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20—22 апреля 2011 г.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 11—20.

Хабдулина М.К. 2011c. Новые открытия в археологии Дашт-и кыпчака. В: Байтанаев Б.А. (отв. ред.). *Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991—2011): ғылыми мақалалар жинағы*. Алматы: Институт археологии, 261—283.

Хабдулина М.К. 2016. Формирование культурного ландшафта городища Бозок. В: Матвеева Н.П. (ред.). *Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7—11 ноября 2016 г.* Вып. 5. Ч. 1. Тюмень: Тюменский государственный университет, 232—235.

Хабдулина М.К. 2018. Городище Бозок в средневековой истории Астаны. В: Байтанаев Б.А. (ред.). *Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие. Сборник материалов Международной научно-практической конференции.* Алматы; Актобе: ЖК С. Т. Жанәділов, 18—24.

Хабдулина М. 2021a. Бозок — как древнетюркский культовый центр на реке Ишим. В: Бурабаева С. (гл. ред.). *Бозок в моем сердце: сборник статей, посвященный 70-летию известного казахстанского ученого-археолога Марал Хабдулиной.* Нур-Султан: ARD-Print, 65—86.

Хабдулина М.К. 2021б. Сакральный код древнетюркского городища Бозок (Центральный Казахстан). В: Поляков А.В., Кашуба М.Т., Цыбиктаров А.Д. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Материалы XI Международной научной конференции.* Абакан: ИИМК РАН, 230—236.

Хабдулина М.К. 2022a. История создания музея-заповедника «Бозок». *Turkic Studies Journal.* Т. 4. № 2, 116—129.

Хабдулина М.К. 2022b. Познавательные возможности археологии на примере исследования городища Бозок. В: Садыков Т.С. (гл. ред.). *Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной.* Нур-Султан: ИП ARD-Print, 258—278.

Хабдулина М.К., Гаврилов Д.А., Дергачева М.И. 2011. Природные условия функционирования средневекового городища Бозок (VIII—XIV вв.). В: Хабдулина М.К. (гл. ред.). *Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20—22 апреля 2011 г.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 443—447.

Хабдулина М.К., Гаврилов Д.А., Свиридов А.Н. 2013. *Археология Северного и Центрального Казахстана (1764—2012). Библиографический указатель.* Астана: Сарыарка.

Хабдулина М.К., Гольева А.А., Гаврилов Д.А. 2014. Загадки Бозокской мелиоративной системы. В: Садыков Т.С. (гл. ред.). *Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева.* Астана: Сарыарка, 686—703.

Bilyalova G.D., Tleugabulov D.T., Yumakayeva E.A. 2018. Rites and rituals of ancient turkic period by the written sources. *Journal of history Al-Farabi Kazakh National University* 4 (91), 89—95.

Tleugabulov D.T. 2018. The Bozok settlement in the system of cult objects of the steppe Eurasia. *Journal of history Al-Farabi Kazakh National University* 4 (91), 82—87.

References

Akishev, K.A. 1999. In *Izvestiya Monisterstva obrazovaniya i nauki, Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Ministry of Education and Science, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series)* 1, 5—8 (in Russian).

Akishev, K.A., Varfolomeev, V.V. 2008. In Abdymanapov, S.A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara (Bozok in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Proceedings of the International Field Seminar)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 41—55 (in Russian).

Akishev, K.A., Khabdulina, M.K. 2004. In: Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskiye vzaimodeystviya na yuzhnom Urale (Ethnic interactions in the Southern Urals)*. Chelyabinsk: OOO "Rifey", 13—16 (in Russian).

Akishev, K.A., Khabdulina, M.K. 2008. In: Abdymanapov, S.A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara (Bozok in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Proceedings of the International Field Workshop)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 25—40 (in Russian).

Akishev, K.A., Khasenova, B.M., Motov, Yu.A. 2008. In: Abdymanapov, S.A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara (Bozok in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Proceedings of the International Field Workshop)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 56—65 (in Russian).

Ekspertnoe zaklyuchenie ob istoriko-kul'turnom znachenii gorodishcha Bozok (Expert opinion on the historical and cultural significance of the Settlement Bozok). 2008. In: Abdymanapov, S.A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara (Bozok in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Proceedings of the International Field Workshop)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 198—199 (in Russian).

Gavrilov, D.A. 2009. In: Varfolomeev, V.V. (ed.). *Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Evrazii: "Margulanovskiye chteniya-2008" (The study of the historical and cultural heritage of Central Eurasia: "Margulan Readings-2008")*. Karaganda: [s.n.], 31—34 (in Russian).

Kolbina, A.V. 2008. In: Abdymanapov, S.A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara (Bozok in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Proceedings of the International Field Workshop)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva,66—77 (in Russian).

Suraganova, Z. 2021. In: Burabayeva, S. (ed.). *Bozok v moem serdtse: sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu izvestnogo kazakhstanskogo uchenogo-arkheologa Maral Khabdulinoy (Bozok in my heart: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the famous Kazakh archaeologist Maral Khabdulina)*. Nur-Sultan: ARD-Print, 276—305 (in Russian).

Tleugabulov, D.T. 2017. In: Ebel', A.V. (ed.). *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay). Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China). Materials of the international scientific-practical conference)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 69—77 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2010. In: Kumekov, B.E. (ed.). *Kazakhstan i Evraziya skvoz' veka: istoriya, arkheologiya, kul'turnoe nasledie (Kazakhstan and Eurasia through the centuries: history, archaeology, cultural heritage)*. Almaty: TOO "Arkheologicheskaya ekspertiza", 177—189 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2011a. In: Demin, M.A., Shcheglova, T.K., Telegina, A.N., Gribanova, N.S. (eds.). *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'ye i na Altaye. 2010 g. Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya: Materialy VII regional'noynauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyulaboratorii istoricheskogo krayevedeniya, 25—26 noyabrya 2010 g. (Field research in the Upper Ob and Altai. 2010. Archaeology, ethnography, oral history: Proceedings of the 7th regional scientific and*

practical conference dedicated to the 20th Anniversary of the laboratory of local history, November 25—26, 2010). Barnaul: Altayskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 147—152 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2011b. In: Khabdulina, M.K. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2011. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii. Astana, 20—22 aprelya 2011 g. (Margulan readings-2011. Proceedings of the international archaeological conference. Astana, April 20—22, 2011).* Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 11—20 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2011c. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Myñzhyldyk ̨tar kuəlary: K ̨azak ̨stan arkheologiya ġylymy 20 zhylda (1991—2011): ġylymi mak ̨alalar zhinaġy (Witnesses of the Millennium: Archaeological science of Kazakhstan in 20 years (1991—2011): a collection of scientific articles)*. Almaty: Institut arkheologii, 261—283 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2016. In: Matveeva, N.P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Tyumen', 7—11 noyabrya 2016 g. (Ecology of Ancient and Traditional Societies: Proceedings of the V International Scientific Conference, Tyumen, November 7—11, 2016).* Iss. 5. Pt. 1. Tyumen: Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, 232—235 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2018. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Margulan Readings-2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage. Collection of materials of the International scientific-practical conference)*. Almaty; Aktobe: ZHK S. T. Zhanədílov, 18—24 (in Russian).

Khabdulina, M. 2021a. In: Burabaeva, S. (ed.). *Bozok v moem serdtse: sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu izvestnogo kazakhstanskogo uchenogo-arkheologa Maral Khabdulinoy (Bozok in my heart: a collection of articles dedicated to the 70th Anniversary of the famous Kazakh archaeologist Maral Khabdulina)*. Nur-Sultan: ARD-Print, 65—86 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2021б. In: Polyakov, A.V., Kashuba, M.T., Tsybiktarov, A.D. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ancient cultures of Mongolia, South Siberia and North China. Proceedings of the 11th International Scientific Conference)*. Abakan: IIMK RAN, 230—236 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2022a. In *Turkic Studies Journal*. T. 4. № 2, 116—129 (in Russian).

Khabdulina, M.K. 2022b. In: Sadykov, T.S. (ed.). *Stepnye miry v zerkale arkheologii. Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu uchenogo-arkheologa M.K. Khabdulinoy (Steppe worlds in the mirror of archaeology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the archaeologist M.K. Khabdulina)*. Nur-Sultan: IP ARD-Print, 258—278 (in Russian).

Khabdulina, M.K., Gavrilov, D.A., Dergacheva, M.I. 2011. In: Khabdulina, M.K. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2011. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii. Astana, 20—22 aprelya 2011 g. (Margulan Readings-2011. Materials of the international archaeological conference. Astana, April 20—22, 2011).* Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 443—447 (in Russian).

Khabdulina, M.K., Gavrilov, D.A., Sviridov, A.N. 2013. *Arkheologiya Severnogo i Tsentral'nogo Kazakhstana (1764—2012). Bibliograficheskiy ukazatel' (Archaeology of Northern and Central Kazakhstan (1764-2012). Bibliographic index)*. Astana: Saryarka (in Russian).

Khabdulina, M.K., Gol'eva, A.A., Gavrilov, D.A. 2014. In: Sadykov, T.S. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa K.A. Akisheva (Dialogue of cultures of Eurasia in the archaeology of Kazakhstan. Collection of scientific articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist K.A. Akishev)*. Astana: Saryarka, 686—703 (in Russian).

Bilyalova, G.D., Tleugabulov, D.T., Yumakayeva, E.A. 2018. Rites and rituals of ancient turkic period by the written sources. *Journal of history Al-Farabi Kazakh National University* 4 (91), 89—95.

Tleugabulov, D.T. 2018. The Bozok settlement in the system of cult objects of the steppe Eurasia. *Journal of history Al-Farabi Kazakh National University* 4 (91), 82—87.

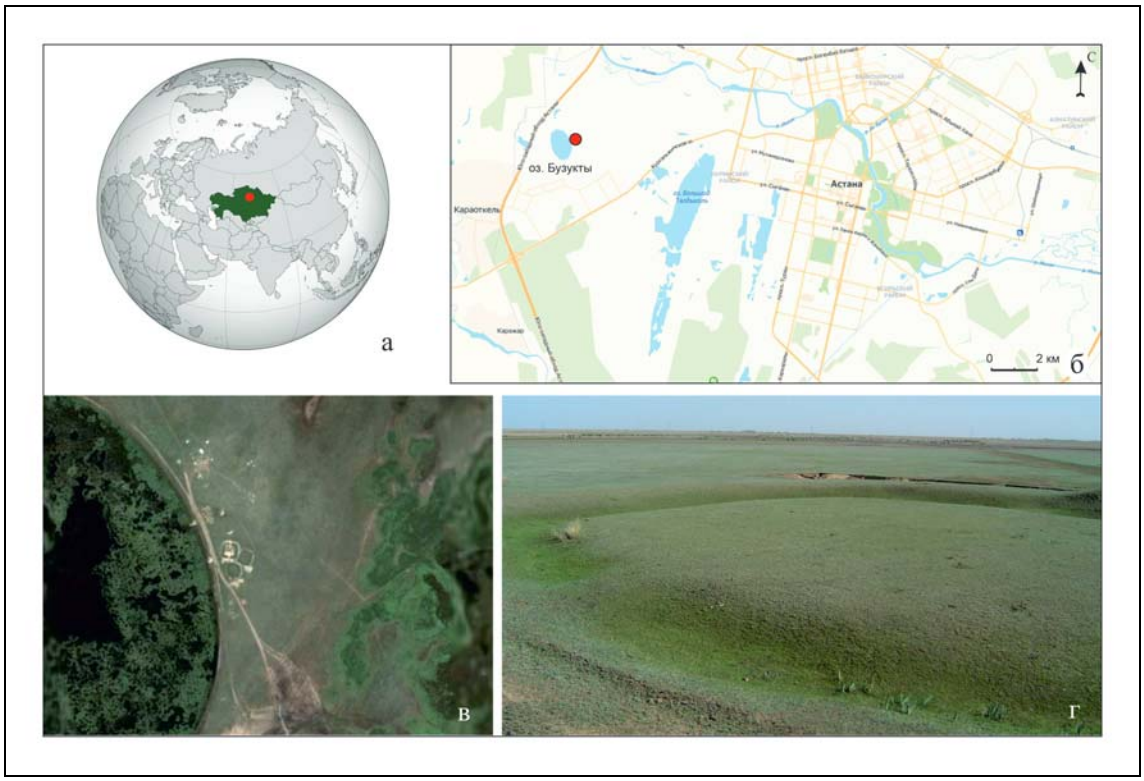


Рис. 1. Городище Бозок. *а* — расположение на карте Казахстана; *б* — расположение на карте Астаны; *в* — на снимке Googl Earth 2007 г.; *г* — южный квартал городища до начала раскопок.

Fig. 1. Settlement Bozok. *а* — location on the map of Kazakhstan; *б* — location on the map of Astana; *в* — in Google Earth image, 2007; *г* — Southern Quarter of the Settlement before the start of excavations.

Рис. 2. Реконструкция городища Бозок. Автор К.А. Акишев.

Fig. 2. Reconstruction of Settlement Bozok. Author K.A. Akishev.

Рис. 3. Участники полевого семинара, 2004 г.

Fig. 3. Participants of the Field Workshop, 2004.

Рис. 4. Реконструкция по черепу. Автор Т.С. Балуева.

Fig. 4. Reconstruction of the skull. Author T.S. Baluyeva.

Рис. 5. Реконструкция северного квартала. Автор М.К. Хабдулина.

Fig. 5. Reconstruction of the northern quarter. Author M.K. Khabdulina.

DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018

С.А. Яценко, А.А. Сланов, А.Х. Хутинаев

ОСЕТИНСКИЕ ГРАФФИТИ НА ПОСТРОЙКАХ ВЕРХОВЬЕВ БОЛЬШОЙ ЛИАХВЫ*

Экспедиция 2023 г. в один из районов Южной Осетии изучала граффити в 20 основных селениях 6 соседних ущелий. В основном они размещались на башнях фамилий или патронимий. Особенно интересны 3 башни двух соседних селений в Ермане, (на которых граффити, включая 4—5 тамг, были на каждом углу или стене). Они были фамильными башнями-святилищами. В этих селениях тамги были на всех сохранившихся башнях. Тамги продолжали активно использоваться и после падения монархии в России. Чаще всего граффити-тамги использовали мигранты из северного Куртатинского общества. Рассмотрены особенности размещения на зданиях основных образов местных граффити, которые заметно различаются. Существовала частичная преемственность мест нанесения и круга образов граффити от древних сарматов и средневековых аланов.

Ключевые слова: граффити, тамги, Южная Осетия, верховья Большой Лиахвы, XVII—XX вв., сюжеты и места изображения граффити на зданиях.

Сведения об авторах: Яценко Сергей Александрович[1], доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; Сланов Алан Акимович[2], доктор исторических наук, заведующий Отделом археологии, Институт археологии и истории Республики Северная Осетия — Алания; Хутинаев Алан Хазбиевич[3], чемпион России, тренер по айкидо, Федерация айкидо Северной Осетии.

Контактная информация: [1]125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; [2]362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Институт археологии истории Республики Северная Осетия — Алания; e-mail: iia555@yandex.ru; [3]362015, Россия, г. Владикавказ, ул. Коблова, д. 1, Федерация айкидо Северной Осетии; e-mail: yamagama.takumi@mail.ru.

S.A. Yatsenko, A.A. Slanov, A.Kh. Khutinaev

OSSETIAN GRAFFITI ON THE BUILDINGS IN UPPER BIG LIAKHVA BASIN

The expedition in 2023 studied graffiti in one of the regions of South Ossetia, in 20 main villages of 6 neighboring gorges. Usually, they were placed on the clan / linige towers. 3 towers of two neighboring villages in Erman (on which graffiti including 4—5 tamga-signs were on each corner or wall) were the particularly interesting. They were the family sanctuaries. In these villages the tamgas were on all the surviving towers. The tamgas continued to be actively used after the fall of the monarchy in Russia. Most often, graffiti-tamgas were used by migrants from the northern Kurtaty Community. The features of placement on buildings of the main images of local graffiti, which differ markedly, are considered. There was a partial continuity of the places of application and the range of graffiti images from the ancient Sarmatians and medieval Alans.

Key words: graffiti, tamgas, South Ossetia, Upper Big Liakhva Basin, 17th — 20th cc., plots and places of graffiti on buildings.

About the authors: Yatsenko Sergey Aleksandrovich[1], Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities; Slanov Alan Akimovich[2], Dr. habil. (History), Archaeology Department head, Institute of Archaeology and History of Northern Ossetia — Alania Republic; Khutinaev Alan Khazbievich[3], Champion of Russia, aikido coach, Aikido Federation of Northern Ossetia.

Contact information: [1]125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya Sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; [2]362025, Russia, Vladikavkaz, 46 Vatutin St., Institute of Archaeology and History of Northern Ossetia — Alania Republic; e-mail: iia555@yandex.ru; [3]362015, Russia, Vladikavkaz, 1 Koblova St., Aikido Federation of Northern Ossetia; e-mail: yamagama.takumi@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 30 июля 2023 г.
Принята к печати 11 августа 2023 г.

© С.А. Яценко, А.А. Сланов, А.Х. Хутинаев, 2023.

Предлагаемый читателю материал относится к одной из позднесредневековых горских общностей Закавказья. Речь пойдет о, пожалуй, наиболее консервативном до недавних пор в плане сохранения традиционного уклада сообществе Южной Осетии — об обитателях истоков реки Большая Лиахва, по данным К.К. Кочиева – более восточного Урстуалгом / *Урстуалтæ (или Куырттатæ*) и западнее – *Ægъуызатæ* (от с. Згубир и ущелья Сба) — группы из 45 маленьких селений (*хъæу*), населенных представителями 47 фамилий / кланов (*мыггаг*) и расположенных в нескольких смежных небольших ущельях (известных обычно по названию основного селения в каждом)[1], на востоке обширного нынешнего Дзауского (Джавского) района. Одно из поэтических названий этого края — «Страна башен», и дано оно не зря[2]. Действительно, этот район богат старыми постройками (обычно — каменными): боевыми башнями (*мæсыг*) отдельных патронимий или фамилий / кланов, укрепленными жилыми домами (*гæнах*); немало здесь фамильных склепов (*зæппазд*), обычно полуподземных, и святилищ разного облика и уровня почитания (*дзуар*).

Архитектурные памятники этого региона изучались неоднократно[3]. Основную работу в этом плане проделал с 1966 по 1989 гг. Р.Г. Дзаттиаты, издавший свод наиболее важных памятников Южной Осетии (Дзаттиаты 2002). Ее продолжением стали обследования двух соавторов (А.А. Сланова и А.Х. Хутинаева) в постсоветский период. На их основе была подготовлена еще одна обобщающая работа (Сланов 2017). Есть и другие полезные обзоры памятников региона, в частности самых верхних (восточных) селений (Маргиев 2018: 62—88). Наша небольшая этнографическая экспедиция в июле 2023 г.[4] преследовала, в основном,

[1] Во многих селениях проживали только представители одной фамилии, и иногда таких малых селений одной фамили было по ущелью несколько подряд (с. Нижний Рук — Плиевы; с. Верхний Сба — Абаевы; с. Галуата — Галуевы; с. Згубир (Саулохтыкау) — Шавлоховы; в ущелье Челиат — Макиевы в с. Даллагкау, Уаллагкау, Гассиатыкау, Цагатыкау и Ламардон; в ущелье Брытат — Слановы в с. Хеусурта и Саумасыг) (Сланов 2017: 21—23). В имперский период в этой части Горийского уезда Тифлисской губернии низшими административными центрами были Рук (Рокъа), Згубир (Згубири) и Едыс (Эдиси). Относительно места, где начинается Большая Лиахва, на картах есть разночтения. Чаще всего ее начинают от слияния речек Ерманидон и Рокдон южнее селения Нижний Рук / Дзуарыбын / Роки у нынешней Транскавказской магистрали.

[2] Только в этом небольшом регионе на сегодня выявлена 71 башня, 40 из которых достаточно неплохой сохранности, 3—5 баллов (Сланов 2017: 39—42). Ранее количество башен оценивалось *во всей* Южной Осетии не более 45 (Даттииаты 2002: 24). Больше всего башен было в группе селений в Рукском ущелье у р. Рукдон — 18. Собственная башня в осетинских обществах в старину была едва ли самым главным престижным элементом бытия, и любая «сильная» фамилия старались иметь хотя бы одну. Однако по прямому свидетельству хорошо информированного царевича Вахушти Багратиони в гл. 4 географического раздела его знаменитого «Жития Грузии», в первой половине XVIII в. «…если овс или двал *возвысится или разбогатеет*, то он…строит башню» (Цховребов 1962: 218). Иными словами, строили башни не только фамилии, считавшиеся знатными. Более того, в Урстуалгоме в каждом селении в идеале должна была иметься башня; не было ее лишь в самом бедном из 45 селений — Ханикатикау (Сланов 2017: 26, 31).

[3] Отметим, что в русскоязычной передаче осетинских топонимов и традиционных фамилий и сегодня имеется намало разночтений. Для изучаемого региона одна и та же фамилия пишется то Джелиевы, то Гельдиевы; селения могут именоваться то Брытат и Едыс, то Бритат и Едис (первыми даются те, что нам представляются более точными). Имеют место и недавние бюрократические переименования, когда для простоты написания все расположенные рядом мелкие селения вдоль ущелья называют по одному более крупному, условно выделяя Верхнее, Среднее и Нижнее. Так, в Рукском ущелье селение Рук реально было только одно (нынешний Верхний Рук); Средний на деле представлял собой 4 малых селения, Нижний — 3. В более восточном ущелье Сба такое же название селения было лишь у нынешнего Среднего Сба (Нижний называли Дзаттиатыкау, Верхний — Кугом). Небольшие речки (дон), из которых состоят истоки Большой Лиахвы, нередно назывались по основному селению на них (Рукдон, Сбадон, Челиатдон, Ермандон), а сами селения — по именам их основателей.

[4] Большую организационную и техническую помощь (прежде всего — транспортом) при работе в этом почти обезлюдевшем горном районе оказали нам директор Владикавказского научного центра РАН А.Л. Чибиров, его родственники и друзья. Немалую поддержку мы получили от Владимира Босикова — владельца известного пансионата «Аландон» с лечением минеральными водами у с. Згубир, на территории которого мы базировались. Полевой сезон 2023 г. являлся своеобразным «юбилейным» продолжением маршрутов А.А. Сланова и А.Х. Хутинаева ровно *за 20 лет* до этого, в 2003 г. Разделение труда между соавторами предлагаемой статьи было следующим. Основная часть текста написана С.А. Яценко; им сделаны также все публикуемые здесь фото сезона 2023 г. Два других соавтора оказали разнобразную помощь в

конкретную цель — *более полную, точную и системную фиксацию различных граффити на постройках,* сделанных в период сохранения традиционного быта (до коллективизации в регионе в 1930 г.)[5], уточнение сделанных прорисовок, выявление новых изображений, их системное описание и анализ. При этом строительство башен (которое активно велось в XVI—XVIII вв.) прекратилось уже к началу XIX в.; напротив, в 1804—1850 гг. они последовательно разрушались имперскими властями (в основном — подрывались зарядом пороха в одном из углов, изредка — приказом самим более влиятельным хозяевам разобрать их до определенной высоты) в связи с несколькими «волнениями» осетин. Основной способ воспроизведения граффити — серия качественных цветных фото (в советское время у Р.Г. Дзаттиаты явно преобладали прорисовки с натуры, выполненные в разных условиях).

Выбранный для обследования район на высоте от 1500 до 2300 м нельзя назвать сегодня простым для подобного рода работ. Прежде всего, многие селения полностью покинуты жителями; подчас в более доступные из них приезжают несколько пожилых людей на теплое время или городская семья имеет дачу на земле предков; бывшие дороги к ним и мосты через местные речки (иногда текущие с близких ледников) нередко уже нельзя использовать, или они исчезли. В ряде мест (например, выше по реке от с. Брытат и у с. Галуата) самым удобным маршрутом увляются тропы, проложенные многочисленными теперь медведями. Карта этого района (рис. 1) при оценке наших маршрутов мало что говорит: иногда в соседние брошенные селения, расположенные «по карте» всего в 2—3 км друг от друга, уже нельзя попасть даже на хорошем внедорожнике, и надо добираться пешком через горы (например — из с. Кабузта в с. Галуата). На территории самих брошенных селений руины бывших жилых и хозяйственных построек часто окружают плотные заросли крапивы и борщевика высотой в 1,5 человеческих роста, скрывающие внизу крупные камни или бывшие подвалы. Наш маршурт совпал с необычно длительными дождями в горах, и даже небольшие речки в основном стали непроходимы вброд без специального оборудования. В результате мы не смогли попасть в самые верховья двух малых ущелий правобережья Б. Лиахвы (принадлежавшее Абаевым с. Верхний Сба с двумя башнями неплохой сохранности — 3—5 баллов (Сланов 2017: 39—42); в малые селения выше Челиата и Бызырата, заселенные когда-то фамилией Макиевых, с одной такой башней); впрочем, это не меняет полноты нашего обследования, т.к. по более ранним данным, никаких граффити на этих постройках нет. К счастью, в недавшее время здесь не было сильных землетрясений, подобных произошедшему в соседнем г. Дзау (Джава) в апреле 1991 г.

Читателю стоит учесть и другие наши обычные технические проблемы в ходе ежедневных маршрутов. Каждые рабочие сутки были ограничены длиной светового дня (который в ущельях начинается позже и кончается раньше), и условия для фото не всегда были идеальными. Часть граффити оказывалась на довольно большой высоте башен. В условиях влажного климата высокогорных альпийских лугов и края лесной зоны поверхность построек на большой площади покрыта лишайниками оранжевого цвета, закрывающими часть изображений (иногда их, если они находились низко, удавалось частично снять). Многие сооружения, по сравнению с предыдущими годами (когда их первоначально описывали), продолжали разрушаться (это было

ознакомлении с памятниками, в нахождении ряда неизвестных изображений и в нескольких случаях — в их интерпретации. Кроме планомерного осмотра собственно ущелий верховьев Лиахвы, мы также смогли в этот сезон увидеть некоторые памятники части Чеселтского (Кешелтского) ущелья (с. Чеселт), Кударского (с. Кацмазта и Лет), а также часть Тлийского ущелья (у с. Стыр Тли) в том же Дзауском (Джавском) районе. Все изучаемые изображения иллюстрируются здесь не черно-белыми прорисовками, как до сих пор было принято (увы, любая такая прорисовка имеет налет авторской субъективности), а качественными цветными фото.

[5] Позднейшие граффити (обычно это краткие надписи кириллицей, сделанные узкими лезвиями стальных ножей) нас в целом специально не интересовали. Проводилась также дополнительная фотофиксация объектов и мониторинг их состояния, уточнялись их координаты и т.п. При этом на штукатурке зданий, как наружной (ее фрагменты сохраняются редко), так и внутренней, знаки и сюжетные граффити не выявлены (за исключением однокамерного святилища Уастырджи в северо-восточной части с. Ходз, где на внутренней стороне северо-восточной стены на штукатуре нанесен обычный «вертикальный» крест).

заметно, например, в селениях Ходз и Верхний Ерман). Как можно догадаться, в завалах камней от взорванных когда-то (чаще всего — в 1830 г.) имперскими войсками частей башен осмотр возможных граффити всегда был безрезультатным. Для всех изучаемых селений в принципе отсутствуют общие их планы за какой-либо период (их *отчасти* могут заменить панорамные фото; но на них видны только те постройки, которые выглядывают из-под высокой и густой растительности, выросшей в когда-то углубленных помещениях и на местах скопления навоза от скота). Обычно для башен и укрепленных домов известны их стабильные или поздние хозяева (фамилии / кланы и их патронимии), или же инициаторы строительства, но в нескольких случаях такой информации нет (к счастью, на таких постройках граффити не было).

Граффити местных жителей даже послевоенного времени (по 1960-е годы включительно) обычно гравированы по старинке — точечной выбивкой (иногда — в твердой породе). После Второй Мировой войны и здесь, разумеется, стали активно использовать стальные ножи с тонким лезвием. Делать большую серию микро-фото для более детального изучения следов инструментов у нас не было возможности.

Наиболее обычными объектами, на которых размещались граффити в верховьях Лиахвы, были *башни* (*мæсыг*). В связи с этим важна позиция основного их исследователя Р.Г. Дзаттиаты относительно условий строительства и использований башен (Дзаттиаты 2022: 17—38, 205—209). Эта позиция во многом выглядит противоречивой. С одной стороны, башни явно ставили на удобных и видных местах, с другой стороны — многие из них сегодня, наверное, не видны и потому не выявлены. С одной стороны, приводятся сведения о весьма жестких ограничениях на строительство башен «сильными» на тот момент (не обязательно знатными) фамилиями (*мыттаг*), с требованиями соседей урезать их высоту и т.п., с другой — этих «сильных» фамилий получается для ряда населенных осетинами регионов, вроде бы, неправдоподобно много. С одной стороны, признается, что датировка конкретной башни должна определяться археологическими раскопками, с другой — уверенно утверждается, вслед за И.П. Щеблыкиным (Щеблыкин 1928: 12), что почти все башни построены с момента распространения в регионе ружейного боя (в результате Л.А. Чибиров считает, что башни стали интенсивно строить с XIV в., Р.Г. Дзаттиаты — с XVI в., а И.Т. Маргиев — с начала XVII в.). С одной стороны, отмечается, что башни обычно называли по фамилии / клану, и когда она одна и когда их несколько (и это явно имело значение в тогдашнем обществе, например — отражало участие всей фамилии в строительстве), с другой — утверждается, что на деле они принадлежали, прежде всего, отдельной патронимии (группе малых семей) внутри фамилии или даже — активному главе малой (нуклеарной) семьи, бывшему заказчиком (эти имена иногда действительно в названии башен сохранились). В нашем маленьком микрорайоне на сегодня известна 71 башня (!). Трудно поверить, что все дело только в престижности их строительства (см. в прим. 2 устойчивое представление о необходимости башни в каждом малом селении). Для этого явно имелась и другая причина, более прозаическая, но Р.Г. Дзаттиаты не упомянутая — *наличие повышенной опасности от соседей* в те или иные моменты строительства башен. Иначе единственная проживающая фамилия не строила бы в маленьком и труднодоступном селении более одной башни (как это было, например, в с. Галуата).

Р.Г. Дзаттиаты также основательно изучал известные ему *граффити* на постройках Южной Осетии (он называет их по северокавазской археологической традиции более широко «петроглифами», хотя в действительности дипинти — рисунки краской — в регионе не выявлены). В их трактовке позиция исследователя тоже весьма противоречива. Он считает их, в первую очередь, «магическими символами» и «сакральными образами» (без уточнений), а обереговую и декоративную функции — менее значимыми. Однако, например, на башне в с. Лет Кевсельстского ущелья он видит пиктографический рассказ о реальном ее строительстве[6]. Под

[6] В этой сцене представлены в ряд над входным проемом 9 стоящих людей с расставленными руками и ногами и две вписанных в круг и в крест сложных композиции (в первом случае с солярными символами, во втором — с вертикальными кинжалами и парой существ в характерной «позе лягушки») (ср. Дзаттиаты 2002: 176—177; рис. 5: 4). Их отдельные детали имеют аналогии во многих местонахождениях петроглифов разных

магическими символами автор, вероятно, подразумевает солярные изображения (от вполне «реалистического» солнца с лучами в с. Ходз (рис. 11: 8) до более схематичных креста в круге, свастик или по-разному ориентированного простого креста), лук со стрелой (рис. 6: 3) и кисть руки (рис. 14: 4, 9), то есть обычные для многих районов мира сюжеты[7]. К сакральным образам он, похоже, относит фигуру всадника в том же Ходзе (в нем Р.Г. Дзаттиаты видит Уастырджи). На наш взгляд, гораздо большую роль имела *оберегова*я функция этих изображений (которую, конечно, трудно противопоставлять магии). В самом деле, мы видим граффити именно на таких объектах, как башни и укрепленные дома (где люди со своими близкими укрывались во время опасности), изредка — на фамильных склепах (считавшимися не всегда безопасным окном в Иной мир). Особой темой являются изображения фамильных и семейных *тамг*. Р.Г. Дзаттиаты теоретически признает их существование на петроглифах, но видит их только в единственном случае: два знака на нижней башне Джелиевых в Верхнем Ермане (Дзаттиаты 2002: 178). Это не удивительно: тамгами осетин и других народов Кавказа, а также сарматскими и аланскими, исследователь специально не занимался. Поэтому знаки, размещенные на разных объектах там, где у предков осетин и кавказских соседей помещали тамги, имеющие прямые аналогии по форме достоверным тамгам сарматов, средневековых аланов или кавказских народов и т.п., он тамгами не считает, а видит в них обычно стилизованные до предела фигурки разных животных (черепаху, но с 6 лапами, на склепе Фарниевых в Ходзе (рис. 9: 4—5; 10: 5); бегущую лошадь на крайне простом значке геометрической формы с башни Короевых в Верхнем Ермане (рис. 3: 6) (Дзаттиаты 2002: 178—179) или же кресты, у которых почему-то появились загадочные, «с неясной смысловой нагрузкой» дополнительные выступы, как на нижней башне Джелиевых в Верхнем Ермане (рис. 5: 4—5) или на нижней башне Фарниевых — в Среднем (рис. 8: 4—5) (Дзаттиаты 2002: 178—179)[8], и т.п. (см. подробнее о таком подходе: Яценко 2023: 439). Не интересовался осетинскими тамгами и другой известный исследователь осетинской традиционной архитектуры — В.Х. Тменов; соответственно, он был склонен толковать «непонятные знаки» в романтическом ключе. Реально широко бытовавшие у народов Кавказа одиночные тамги (знаки собственности и сопричастности) он на деле склонен был подчас рассматривать как элементы некой загадочной прото-письменности (Тменов 1995: 225). Однако во многих случаях ученый в большей степени давал волю фантазии: в одиночной тамге простой формы на зданиях он видел то обозначение дневного пути движения солнца, то фигуру богини, но почему-то — с фаллосом, и т.п. (Тменов 1988: 139—140, 143; ср. Яценко 2023: 438).

В целом граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы во многих случаях не заслужили даже прорисовки, и лишь кратко упоминаются в тексте. Это соответствует представлениям коллег об их значимости в контексте истории культуры и о возможностях их корректного изучения (неясность сюжетов и планиграфии их размещения на зданиях, фрагментарная сохранность части из них, некоторые сложности их обнаружения и др.).

Наше описание зафиксированных граффити (в том числе — тамг) на постройках региона мы начнем с наиболее богатых ими селений и будем их рассматривать «по убывающей» (с востока на запад). Наиболее интересные в этом плане селения расположены на самом востоке — у истоков Б. Лиахвы и границ Кельского вулканического плато (с. Верхний и

районов Евразии. Видеть в них конкретный и длинный рассказ Тесола Кайсинова о деталях убийства 5 бандитствующих братьев Малддзиговых Короевыми и присвоении ими башни мы пока не решаемся.

[7] Кисть руки Р.Г. Дзаттиаты считает наиболее распространенным петроглифом на Кавказе во все времена (Дзаттиаты 2002: 179). С этим мнением мы не согласны. В изучаемом регионе наиболее распространенный сюжет рисунков — кресты и, как выяснилось, тамги. Эти кресты явно не связаны напрямую с христианством, и являлись именно *оберегами*. Примерно такую же роль играла в культуре осетин традиция перед принесением в жертву барана метить его лоб горящей головней знаком в форме креста.

[8] К сожалению, в атрибуции обеих этих башен у Р.Г. Дзаттиаты возникла путаница. В Среднем Ермане он атрибутировал другой фамилии Хобозовых башню, которая на деле была второй (нижней или восточной) башней Фарниевых (№ 51 в Приложении) (рис. 8), тогда как настоящую башню Хобозовых, находящуюся неподалеку, к северо-западу, совсем не упоминает. В Верхнем Ермане нижняя башня Джелиевых (№ 52, где имеется много граффити) (рис. 5) спутана в тексте и названа вместо верхней — № 53 (рис. 4) (см. Дзатиатты 2002: 178, 193—194, 203—204).

Средний Ерман, Ходз). Они были заселены «первой волной» выходцев из ряда селений Куртатинского общества Северной Осетии. «Куртатинцы» гордились своим происхождением и считали себя более «благородными», чем более западные соседи Ægъуызатæ (и наоборот). Важно для нас и с. Едыс, которое, как и с. Челиат, было основано «второй волной» переселенцев — уже из Тагаурского ущелья (Дзаттиаты 2002: 209; Сланов 2017: 15). Интересно, что из небольшого списка фамилий — хозяев построек с граффити — происхождение некоторых, как Кубилаевы (с. Верхний Ерман), Фарниевы (с. Средний Ерман), Бегизовы и Кобеевы (с. Едыс), Галуевы (с. Галуата), не отражено даже в таком широко известном издании, как «Осетинские фамилии» В.Ф. Гутнова (Гутнов 2019); частично оно уточнено одним из соавторов — А.А. Слановым (Сланов 2017: 16).

Верхний Ерман

Это самое восточное и дальнее из селений Урстуалгома на правом берегу реки Ермандон, на высоте 2200 м. Оно связано с прилегающей к юго-востоку долиной р. Ксани / Чысандон (с Дзимырским обществом) Кельским перевалом (закрытым по природным условиям с ноября по май). Холодный климат здесь нередко приводил к гибели на полях местного урожая злаков под выпавшим снегом. Из-за мизерного количества лесов в ближней округе жители трех соседних селений Ермана испытывали дефицит дров и, соответственно, считались плохими кулинарами, неважными изготовителями традиционного домашнего пива и т.п. Для пополнения бюджета некоторые из них занимались, однако, изготовлением престижной деревянной мебели (резных кресел). Здесь также, наряду с Едысом, жили отдельные хорошие мастера, делавшие сабли. Ерманцы слыли людьми с неуживчивым характером, но одновременно имевшими боевые башни хорошего качества (Сланов 2017: 18—19). Из 13 достоверных святилищ Ермана 7 связаны с Нижним Ерманом (включая два столпообразных) и по три — со Средним и Верхним.

В Верхнем Ермане жили представители 6 фамилий (Джелиевы, Короевы, Кубилаевы, Козыровы, Гаховы и Габуаевы) (Сланов 2017: 23). Однако здесь были всего 4 документированные башни сравнительно хорошей сохранности (от пятой, между башнями Джелиевых и Кубилаевых, сохранились лишь нижние ряды кладки, ее принадлежность неизвестна). При этом, разумеется, все башни имеют следы взрыва одного из углов имперскими войсками (рис. 2). У башен были различные небольшие пристройки. Выявленные граффити сосредоточены именно на этих башнях, на зданиях других типов — склепах, святилищах (три последних находятся выше в горы, к востоку от селения) их нет. У некоторых пристроек к башням в Ермане на одном из углов был единичный крест-оберег (комплексы верхних башен Джелиевых в Верхнем Ермане и Фарниевых в Среднем). Все фамилии селения имели и свои фамильные склепы (все, кроме № 1 — полуподземные (Дзаттиаты 2002: 316) (последний — надземный, высотой более 5 м, возможно, принадлежал Джелиевым, имешим две башни, одну из их — недалеко от этого склепа); два из них находятся на холме за речкой, к юго-востоку от селения.

Наиболее интересной (и уникальной для осетин) особенностью селения является то, что на всех сносно сохранившихся башнях документируются граффити и, в том числе, тамги хозяев.

1. Башня Короевых. Короевы имели местное происхождение (Сланов 2017: 17). Башня сохранилась несколько менее остальных трех. Здесь взорван южный угол в верхней его части, повредив половину юго-восточной стены и верхний правый угол смежной юго-западной (рис. 3: 1). Описание башни дано с ошибками[9]. Еще в советское время был цел входной проем в центре юго-западной стены (рис. 3: 6), который затем обрушился. Вместе с тем, при его разрушении чудом почти целиком сохранилась одна из немногих во всех

[9] Утверждается, что башня располагалась не в восточной части селения, а в северной, что вход был не на юго-западной стене, а на юго-восточной (Дзаттиаты 2002: 294).

районах проживания осетин массивная двухстворчатая дверь башни (рис. 3: 2), которую А.А. Сланов после нашей экспедиции доставил в цхинвальский музей. По словам осмотревшего ее местного старожила, она сделана из древесины тисса. Граффити на этой башне сконцентрированы на двух участках в западной части: у западного угла, на смежных северо-западной и юго-западной стенах, а также на правой верхней угловой плите над дверным проемом. Все доступные сегодня знаки здесь выполнены в одной манере и, вероятно, однотипным инструментом — чем-то вроде узкого долота, причем иногда (рис. 3: 4) видна линия из следов ударом им под углом (в остальных случаях неровности линий заглаживали, чтобы граффити выглядели более аккуратно).

На северо-западной стене, ближе к ее правому (западному) углу, у основания кладки изображен «вертикальный» крест — наиболее обычный тип граффити в регионе (рис. 3: 3). Сюрпризом стало то, что остальные 4 знака по аналогиям их форме можно считать *тамгами* (все они ранее рассматривались невнимательно, считались простыми крестиками и свастикой и поэтому не иллюстрировались). Прежде всего, над несохранившимся дневным проемом (рис. 3: 6), вверху центральной его части, то есть над свастикой, «осеняемая» по сторонам двумя крестами, изображена тамга (очень схематичная «бегущая лошадь» по Р.Г. Дзаттиаты). Близкий знак использовался в поздний период как тамга кабардинцами Шовгеновыми (Лавров 1978: Приложение, № 409). Вероятно, именно эту тамгу, находящуюся прямо над входом в башню, можно здесь считать «главной» из четырех — принадлежащей инициаторам ее строительства и т.п. На западном углу со стороны юго-западной стены изображены рядом на одной плите два знака, которые когда-то приняли за два креста — «прямой» и «косой» (рис. 3: 5). Между тем, при хорошем освещении и серии качественных фото стало ясно, что речь идет о более сложных знаках (рис. 7: 3—4). Итак, здесь размещение пары тамг встречено в линию, на одном камне кладки. На большей высоте в северо-восточном углу, справа выбит одиночный знак, якобы «свастика» (рис. 3: 4; 7: 1). Он имеет точную аналогию по форме (хотя иначе ориентирован в пространстве) на двери кунацкой Айларовых в с. Нижний Кани Тагаурского общества, но пока не идентифиирован ни с тагаурцами, ни с их какими-либо гостями (Яценко 2023: 449—450, рис. 9: 21). Итак, 7 из 8 знаков здесь сконцентрированы на двух участках западной части башни; в обеих зонах при этом имеются кресты и тамги. Однако в целом они имеются на всех трех сохранившихся (полностью или отчасти) стенах (рис. 3: 7). *Не будет ошибкой предположить, что они имелись и на сильно пострадавшей юго-восточной стене, то есть граффити были на всех стенах* (близкую ситуацию мы встретим еще на двух башнях в урочище Ерман).

2. Башня Джелиевых верхняя. Фамилия Джелиевых (Гелдиевых) происходит из Куртатинского ущелья, из с. Дзаурикау (Сланов 2017: 17; Гутнов 2019: 262—263). Башня сохранилась немного лучше других (рис. 4: 1). К северо-западной ее стене примыкала постройка из нескольких прямоугольных секций (сохранились нижние части стен). На северо-западной стороне северной стены ее северо-восточной пристройки высечен крест (рис. 4: 2). Граффити этого комплекса гравированы инструментами как с узким, так и с широким лезвием (на башне они сочетались даже при нанесении одного знака), возможно — под разными углами.

Западный угол башни был взорван имерской армией. В результате вся северо-западная и почти вся юго-западная (кроме южного угла) стены оказались разрушены. На северо-восточной стене башни был вход. В нижней части юго-восточной стены на плите длиной около 1 м была выбита любопытная композиция, ранее не описанная (рис. 4: 3). Она представляет интерес, хотя относится уже к советскому времени (мы еще убедимся, что такие надписи, сопровождаемые тамгой, делались местными жителями по важным поводам). Вдоль плиты идет надпись «1923 годъ»; выше изображены инициалы «Д.К.» (Джелиев К.). Правее и ниже даты гравированы еще какие-то неясные инициалы меньшего размера. На правом краю композиции представлена уникальная тамга (рис. 7: 5). За несколько месяцев до этой даты (в апреле 1922 г.) была создана юго-осетинская автономия, и население, которое

летом 1920 г. было вынуждено уйти в Северную Осетию, спасаясь от карательных войск Грузинской Демократической Республики, стало массово возвращаться с Севера в родные места. Из-за больших разрушений стен этой башни можно предполагать, по аналогии с остальными в этом селении, что граффити на ней первоначально было больше.

3. Башня Джелиевых нижняя. Вход в нее на юго-восточной стене. Взорван был северо-западный участок, включая северный угол башни. К восточному углу с юго-восточной стороны примыкала небольшая прямоугольная однокамерная пристройка; ее стены сохранились на высоту до 1,5 м. Приводимые ниже граффити обычно выбиты инструментом с узким лезвием, линии имеют неровные края; лишь один из крестов (рис. 5: 4) выбит более широким лезвием. Крест и два знака у западного угла юго-западной стены, а также фигура лошади (рис. 5: 4—6, 8) изображены в публикации с ошибками (Дзаттиаты 2002: рис. 25: 3—6).

Здесь знаки в виде обычного креста встречены дважды: на юго-восточной стене, в левом верхем углу обрамления дверного проема (сегодня этот знак плохо виден) (рис. 5: 2), и с левой стороны (недалеко от западного угла) юго-западной стены (рис. 5: 3). На восточном углу северо-восточной стены гравирована неоконченная удлиненная фигура идущей влево лошади (изображена передняя половина и намечен хвост); судя по воплощенной части, всадник здесь не предполагался (рис. 5: 8). У лошади короткая толстая морда, очень длинная шея. Уши, в отличие от остальной фигуры, изображены в полразворота. У южного угла юго-восточной стены на соседних по горизонтали плитах гравированы два знака, правый из которых (наряду с представленным на рис. 5: 6) Р.Г. Дзаттиаты единственные на весь Урстуалгом (!) считает тамгами (рис. 5: 5; 7: 7—8). Левый знак (рис. 7: 7), но «вверх ногами», представлен среди тамг гостей на камне, вделанном в стену в квартале Мидгау (Мидъгæу) с. Галиат в Уаллагкоме; он также идентичен тамгам двух кабардинских фамилий — Балкаровых и Хаудовых (Яценко 2023: 441, рис. 2: 8). На другом, восточном углу той же юго-восточной стены довольно высоко представлена еще одна тамга (рис. 5: 6; 7: 9). Взаимное размещение пар тамг здесь такое: либо одна над другой (рис. 3: 7 — над рис. 3: 3), либо рядом в линию (рис. 3: 5), но при этом — не на одной плите.

На западной углу юго-западной стены т.н. «крест» с дополнительными деталями (рис. 5: 3; 7: 6) тоже имеет точную аналогию в кавказском тамговом фонде — у абазин Пшинатлевых (Лавров 1978: Приложение, № 523). Правее и выше этой тамги выбит один из крестов, а точно над первой тамгой — вторая (аналогичная по форме изображенной на рис. 5: 6, но «положенная на левый бок»). Вероятно, это варианты знаков разных патронимий одной фамилии. Помимо этих знаков, в центре юго-западной стены высечена в той же манере любопытная надпись «С.А.Д(желиев). Р(ождества Христова) 1920», не привлекавшая до сих пор внимания. Как мы уже говорили, надписи с датами (и тамгами при них) явно высекались только по поводу очень важных событий в жизни хозяев башни. В данном случае речь идет о подавлении грузинской армией в июне-июле 1920 г. массового восстания осетин. После этого ряд осетинских селений опустел навсегда, а население региона в основном бежало на Север.

Всего на башне представлены 5 тамг, две пары из которых (рис. 7: 6—7, 9—10) близки между собой по форме; две из них (рис. 7: 6, 10) ранее не были известны. Северный угол был в свое время взорван имперской армией, но на остальных сохранившихся углах мы видим по два разных изображения: на южном углу это две тамги (рис. 5: 5), на восточном — тамга (рис. 5: 6) и фигура лошади, на западном — две тамги (рис. 5: 3, 10) и крест. В этом случае *есть основания думать, что граффити были и на не сохранившемся северном углу, и на каждом из четырех углов были тамги* (размещение их фактически ориентировано по сторонам света) (рис. 5: 9); аналогичную картину мы видели на башне Короевых. На лицевой юго-восточной стене имеется на разных камнях кладки 4 изображения — больше, чем на остальных.

Итак, на обеих соседних башнях Джелиевых в самом удаленном селении Туалгома — Верхнем Ермане (в Ходзе на башне этой фамилии нет граффити) есть по одной надписи, касающихся событий времен Гражданской войны в бывшей Российской империи и их прямых последствий. Эти надписи сделаны разными членами семьи Джелиевых с разными

инициалами. Более ранняя надпись на верхней башне «С.А.Д(желиев). Р(Рождества Христова). 1920» демонстрирует местное преломление трагического для здешнего населения восстания в июне—июле против меньшевистского правительства Грузии. Речь идет о каком-то собрании или акции, в память о которой сделана каждая надпись. Более поздняя из них на нижней башне «1923 годъ. Д(желиев).К.» отражает, видимо, другие события — последствия недавнего возращения беженцев после прихода большевиков и создания юго-осетинской автономии.

4. Башня Кубилаевых. Это самая нижняя, западная башня, находящаяся в стороне от прочих (рис. 2: III; 6: 1). Кубилаевы — не патронимия (Дзаттиаты 2002: 294), а отдельная фамилия; однако ее происхождение неясно (Сланов 2017: 17, 21). Башня взорвана с западной стороны, повредив почти всю западную стену (кроме северо-западного угла) и юго-восточный угол восточной. Вход находился с восточной стороны. Плита в основании дверного проема на восточной стене сопровождается рядом знаков, которые опубликовались с существенными ошибками, поэтому дается новая их прорисовка (рис. 6: 2—3). Здесь представлены два варианта довольно небрежных «косых» крестов и горизонтальных линий, а справа, видимо, схематично показан обращенный вниз лук со вставленной стрелой. Последний вариант видим и среди росписей красной краской на склепе Цагараевых в с. Згид (Яценко 2023: 451, рис. 11: 2—3). На юго-восточном угловом камне лицевой восточной стены изображена тамга (не замечена ранее) (рис. 6: 4; 7: 11), близкая уже известной на башне Короевых (и тоже на угловом камне). По сравнениию с фигурами в основании дверного проема, она выполнена более широким лезвием и имеет неровные края.

Средний Ерман

В этом селении проживали представители 5 фамилий: Фарниевы, уже известные нам по Верхнему Ерману Короевы, а также Хамицаевы, Туаевы и Бугуловы. Все фамилии имели собственные полуподземные склепы. Башен, однако, здесь всего 4 (у Бугуловых ее не было), причем от одной из них (Туаевых) остался лишь фундамент, а башня Хамицаевых разрушена несколько сильнее, чем обе фарниевские. Из трех башен граффити, причем в большом числе, сохранились лишь на одной, к которой мы теперь обратимся.

1. Башня Фарниевых восточная (нижняя). Фамильное имя Фарниевых связано своим происхождением с важным общеиранским религиозным понятием «*farn*». Она происходит из с. Дзивгис в Куртатинском ущелье (Сланов 2017: 17; Гутнов 2019: 668). Похоже, что Фарниевы занимали в селении особое положение. Их владения находились компактно у главного, западного въезда в него, у них были две башни, а родовой полуподземный склеп находился у их домов и западной (верхней) башни (склепы остальных фамилий располагались компактно, выше башен, на северном краю селения, по линии запад — восток, вдоль склона). В ходе «волнений» 1850 г. именно этот статус (и хорошие отношения с имперскими властями) уберегли одну из их башен (западную, верхнюю) от разрушения, т.к. хозяин хотя и получил разрешение, но вернулся с ним поздно. Поэтому вторую башню постигла обычная судьба: она была взорвана в северо-западном углу. В описании башни есть путаница: помимо того, что она неверно отнесена к Хамицаевым, утверждается, что дверной проем не сохранился (на деле он прекрасной сохранности и находится с южной стороны), а граффити нанесены, помимо западной, на северной, а не на южной стене. С ошибками переданы знаки (рис. 8: 4, 8) (ср. Дзаттиаты 2002: 294, рис. 24: 3, 5). С юго-востока к башне очень близко к башне построено отдельное хозяйственное помещение (рис. 6: 1).

Главная тамга здесь, несомненно, нанесена на южной входной стене ниже и чуть правее входного проема, почти у уровня почвы (рис. 8: 4; 10: 1). Плита с нею многократно небрежно перечеркнута горизонтальными и отчасти вертикальными линиями, что для изображений тамг необычно, и у ряда народов Евразии выражало враждебное отношение к хозяевам эмблемы. Со стороны главной, западной фарниевской башни, на юго-западном углу на двух смежным камнях изображены три «креста». Один из них — обычный «вертикальный» крест, но два

других знака напоминают необычные свастики и заметно от него отличаются, при этом отчасти будучи похожи друг на друга (рис. 8: 8—9). Были ли они также оригинальными солярными символами или тамгами, сказать трудно. Второй имеет близкий аналог на башне у с. Меллер — в контактной ингушско-осетинской зоне Джейрахского ущелья (Дзаурова 2019: 318). На восточной стене внизу симметрично у обоих углов нанесены две тамги (у юго-восточного угла — рис. 8: 5; 10: 2; у северо-восточного угла — рис. 8: 7; 10: 3); специфический и очень редкий длинный волнообразный изгиб в нижнем правом углу последней известен и на тамге с башни в с. Бейни Джейрахского ущелья (Дзаурова 2019: 317). Выше и чуть правее первой тамги имеется плита с двумя крестами (рис. 8: 3). Наконец, на северо-восточном углу северной стены видим еще одну сложную тамгу (рис. 8: 6; 10: 4). Она близка по форме образцу на башне из того же с. Бейни в Джейрахском ущелье (Дзаурова 2019: 291). Размещение парных тамг (рис. 8: 6—7) здесь на одном камне, но с разных сторон угла здания.

Итак, на башне представлено не менее 4 тамг, 3 креста и 2 необычных свастики (?) *на всех трех сохранившихся углах (и, как на двух башнях в Верхнем Ермане, есть основания предполагать их и на четвертом, взорванном*) (рис. 8: 10). Кроме этого, на подходе к комплексу со стороны главной фарниевской башни, примерно в 2 м от ее юго-западного угла, лежит крупный и гладкий речной валун с уплощенной округлой поверхностью, длиной около 2 м. На его поверхности нанесено множество однотипных и близких по размерам инициалов мужчин из фамилии Фарниевых с характерным включением «Ф.»[10]. Эти инициалы, гравированные в позднеимперский и советский периоды еще в традиционной технике точечной выбивки, фикисируют присутствие членов фамилии на общих собраниях и молениях у башни.

2. Башня Фарниевых западная (верхняя). К счастью, она почти полностью сохранилась, и имперская армия в 1850 г. до получения охранного документа успела разрушить лишь ее малую часть сверху, но не восточную стену (Дзаттиаты 2002: 293—294), а северо-западный угол. Интерес представляют, помимо прочего, две полностью сохранившиеся небольшие хозяйственные пристройки с севера и с востока (откуда был вход в башню) в комплексе с самой башней (рис. 9: 1). На восточной пристройке, в ее юго-восточном углу, на восточной стене, гравирован крест (рис. 9: 2).

3. Склеп Фарниевых. Расположен рядом с западной башней фамилии, во дворе домовладения, и до сих пор находится в хорошем состоянии. Естественно, для нас имеет значение его лицевой, южный фасад шириной 3,2 м (рис. 9: 3). На нем представлена композиция из знаков на четырех разных участках (до сих пор был описан *только один* — находящийся слева у входного отверстия и прорисованный не совсем точно (Тменов 1995, рис. 54: 7; Дзаттиаты 2002: 179, 316, рис. 97: 2). Это наиболее крупный знак, который является не «черепахой с 6 лапами» и т.п. (см. выше), а тамгой, вероятно — всей фамилии, причем по форме не из самых сложных (крест, вписанный в прямоугольник с овальным верхом, с серией коротких выступов по краям) (рис. 9: 4—5; 10: 5). Понятно, что этот знак имеет аналогии, причем именно на погребальных и поминальных памятниках. Близкий образец изображен (и также — у левого края отверстия склепа) в с. Згид на одном из склепов Цагараевых (Миллер 1925: 36—37, рис. 15; Яценко 2023: рис. 11: 3), а также на стеле из с. Долаково у аэропорта Беслан (Дзаурова 2019: 291). Однако граффити склепа не ограничивались единственным экземпляром, а образовывали продуманную композицию. Над тамгой во втором слое кладки (выше тонкой сланцевой плиты верхнего перекрытия), также на блоке красного «туфа»[11], но малого размера, посередине гравировна вертикальная линия (рис. 9: 7). На том же уровне кладки на крайних камнях фасада вырезано строго симметрично по аккуратному кресту одного размера (для них выбраны малые

[10] Это Ф.Р. (Фарниев Р.) дважды, Ф.Г. и др., а также — с сокращениями отчеств (Ф.С.М., Ф.М.Н., Ф.Х.М. и др.).

[11] Геологическое определение горных пород для старых построек региона, увы, не поизводилось. Часто встречающаяся характеристика породы ряда плит как мягкого вулканического туфа неверна. Для перекрытий здесь часто использовали мягкие сланцы (в Брытатском и Рукском ущельях эти породы вообще господствуют в кладке); в других местах для важных сооружений нередко использовали более твердые породы.

прямоугольные блоки серого цвета) (рис. 9: 6, 8). В целом это отчасти напоминает уже отмеченный склеп в Згиде (где изображения выполнены красной краской): знак особой формы у левого края входного отверстия, наличие вертикальных линий, пары крестов по бокам (вписанных в круг или обычных).

Нижний Ерман

В его округе, как уже говорилось, размещались большинство святилищ этой группы из трех селений. Здесь жили четыре фамилии (не проживавшие выше: как местные — из соседнего Згубира, так и выходы из Тагаурского и Алагирского ущелий). Доминирующей тут была фамилия тагаурцев Тибиловых (только они имели башни, причем две) (Сланов 2017: 17, 23, 42). Однако ни на одном из разнотипных зданий здесь никаких граффити нет. То же можно сказать и о соседних ущельях западнее — Брытат и Челиат.

Ходз

Это селение в небольшой высокогорной котловине недалеко от р. Каласанидон было заселено потомками переселенцев из Куртатинского общества — Тотровыми (из с. Даллагкау) и уже известными нам по Верхнему Ерману Джелиевыми. Здесь было единственное небольшое каменное здание святилища Уастырджи; остальные ритуальные объекты были столпообразными или ими были деревья (Сланов 2017: 16, 49). Среди жителей были и мастера по изготовлению сабель. Каждая из двух фамилий имела здесь по две башни, но сохранилось в сравнительно сносном состоянии по одной. Интересующий нас объект с граффити — башенный комплекс фамилии Тотровых, патронимии Гогоевых (на остальных объектах, кроме упомянутого креста на штукатурке внутри святилища Уастырджи, граффити отсутствуют).

1. Башня Тотровых и прилегающее жилое помещение. Собственно замки (галуан) в этом районе отсутствовали (Сланов 2917: 34), хотя Р.Г. Дзаттиаты и называл условно этот комплекс на отдельном холме галуаном. Он уже публиковался (Дзаттиаты 2002: 177—178, 293, рис. 21: 1—4). Комплекс состоял в позднее время из башни (она разобрана лишь в небольшой степени вверху северо-западного угла) и малой жилой пристройки длиной 8 м (снабженной, однако, навесными бойницами — машикулями) у северо-западной стены. Другая, гораздо большая пристройка, сохранилась хуже, находилась к востоку и состояла из двух одинаковых по размеру секций длиной по 26 м (рис. 11: 1, 7). Интересующие нас граффити располагались на 6 разных участках как на башне, так и на внутренних и наружных стенах малой пристройки. Две из них, со сложными композициями на небольших подпрямоугольных плитах, вызывают повышенный интерес; их зарисовки нуждаются в уточнениях, которые даны ниже (рис. 11: 8, a, d). Две других плиты (одна из которых, с «Мировым древом» (?), находилась где-то внутри малой пристройки, а местонаждение другой не указано (рис. 11: 8, e—f)) не удалось разыскать, видимо — из-за постепенного разрушения кладки.

Прежде всего, при входе в башню (в которой есть единственная у осетин сохранившаяся на своем месте дверь, к тому же — в прекрасном состоянии (рис. 11: 2)), в правом нижнем углу гравирован крупный «крест»: на деле это свастика со слабо закругленными углами (рис. 11: 3). Православный крест небольшого размера со схематично намеченной внизу «Голгофой» аккуратно процарапан на красноватой корке сланцевого блока у южного угла башни (рис. 11: 4, 7b) и ранее не был известен. В юго-западную стену башни вделана небольшая плита, граффити на которой были переданы в публикации в целом неточно (см. новые фото и прорисовку: рис. 11: 5, 7a, 8a). Композиция эта явно весьма поздняя, т.к. на ней изображен вверху пистолет довольно поздней модели (в публикации этой плиты о нем ничего не говорится). Под ним представлен сложный солярный знак в виде креста в круге, с «ногами» по бокам. В центральной части и левее, ниже, видим 4 полуовала (от двух из них

вправо исходят по одному «лучу») и один ромбик с тремя лучами вправо. Наконец, слева под пистолетом гравирована небольшая простая тамга того типа, который был распространен в прошлом у многих народов Евразии. У внутреннего (юго-восточного) входа в малую жилую пристройку, справа у нижнего основания дверного проема, размещена вторая небольшая подпрямоугольная плита со сложной композицией (рис. 11: 6, 7d, 8d). На обеих плитах основные объекты (пистолет, всадник, «катящееся» солнце) обращены вправо, присутствует крупное солярное изображение. Обе они также сделаны из очень мягкого камня. Вторая плита тоже была опубликована с рядом неточностей. Всадник передан очень схематично; наиболее дализирована лошадь с ее хвостом, копытами и поводом. Мы пока не решаемся, вслед за Р.Г. Дзатиаты, видеть в нем самого Уастырджи, хотя его святилище и было главным культовым объектом селения. Показательно само обилие изображений: на двух стенах башни, при входе и внутри пристроенного к ней маленького жилого строения. Сам набор сюжетов на пристройке отчасти совпадает с тем, который был нанесен красной краской на одной внутренней, дворовой стене дома в с. Ахсау в Стур-Дигорском обществе (люди, схематичные Деревья, кисти рук, а также «змея»). Эту старую, истертую композицию хозяева берегли: вдоль нее был навес (Миллер 1925: 37). Основные названные граффити выбиты или вырезаны разными инструментами и в разной манере: свастика у входного проема — чем-то вроде долота, оставлявшего не очень ровную линию; крест с «Голгофой» — очень неглубоко, мелким пуансоном; на обеих плитах с многофигурными композициями последние не выбивались, как обычно, а вырезались ножом с довольно толстым лезвием. Кроме граффити, где-то в пристройке на глиняной обмазке стен был сделан отпечаток кисти руки (в отличие от выбитых в камне изображений)[12].

Едыс

Это селение также расположено на речке Кадласанидон, и оно считалось крупным; в советское время его тоже не зря сделали центром Урстуалгома. В нем жили 11 фамилий очень пестрого происхождения: из Тагаурского общества (Бегизовы, Дзесовы, Макиевы, Дзукаевы; две последних затем переселились в Челиат), из Цимитинского общества в Куртатинском ущелье (Хамицаевы, Басаевы), из Алагирского ущелья (Гугкаевы), из Нарской котловины (Мамиевы), из Дигории, затем соседнего Верхнего Сба (Абаевы); еще две фамилии (Кобеевы, Албеговы) вымерли, и их происхождение в Едысе неясно[13]. Здесь имеются три святилища, посвященные громовержцу Уацилле.

1. Башня Кобеевых. Несмотря на обилие проживавших фамилий, только у трех из них документированы башни: две из них (Бегизовых и Албеговы) здесь известны лишь по устной информации. Это, видимо, объясняется тем, что часть фамилий появилась здесь в довольно поздние времена. Третья башня (Кобеевых, перебитых кровниками Албеговыми, которые сами затем здесь вымерли) сохранилась, стоит на склоне горы над селением, в густом лесу (Сланов 2017: 16, 42), но нам в 2023 г. не удалось в последний день экспедиции быстро найти ее. Эта единственная уцелевшая башня, с полукруглой спинкой, имела пристроенные и

[12] *Отпечаток* ладони конкретного человека на стене построек имеет немало аналогий в иранском мире, и он всегда считался *значимым оберегом*. В Осетии отпечатки ладони (до 6 на фасадной стене, и правых и левых) известны на полуподземных склепах и в основном — именно в Куртатинском ущелье (из которого переселились Тотровы), особенно в с. Лац. Здесь их ставили мастера при окончании работы (Кокиев 1928: 9, 21—22). Позже В.Х. Тменов нашел несколько таких отпечатков и в начале своих исследований на склепах в с. Даргавс (Тагаурское общество) (Тменов 1969: 142). У памирцев женщины под Новый Год (Новруз) делали на стенах своих домов отпечатки ладоней (Бобринский 1908: 74). Памирцы также наносили их на опорные столбы дома (Мухиддинов 1989: 22—23). У соседних горных таджков строитель здания оставлял на стенной штукатурке отпечаток своей руки (Писарчик 1976: 192, прим. 165). По всему Ирану еще в XIX в. на разных зданиях можно было видеть отпечатки красным правой руки (Heindi 1927: 39). Благодарю за информацию К.Ю. Рахно.

[13] Фамилия Албеговых — крупная, и ее члены рано расселились в разных частях Осетии — ущельях Куртатинском, Тагаурском, Уаллагкоме. В с. Едыс ее представители вымерли от эпидемии.

плохо сохранившиеся жилые помещения (Дзаттиаты 2002: 292, рис. 20: 5—8). Она была взорвана в восточной части, где и была полукруглая спинка. На башне много граффити, весьма однообразных — не менее 15 вертикальных крестов и 3 вертикальных полосы. Они располагались, в основном, на западной, входной стене (вокруг дверного проема и у левого угла), отчасти — на северной стене (рис. 12: 6).

2. Ганах фамилии Бегизовых. Не описанный ранее объект с граффити выявлен нами в центральной части селения. Это остатки укрепленного дома (ганаха) фамилии Бегизовых, происходивших из Тагаурии. Сохранились от него по периметру нижние части стен (рис. 12: 1, 3). На северо-восточном углу его восточной стены высечен крест (рис. 12: 2). Интересна композиция, гравированная на юго-восточном углу южной стены (рис. 12: 4, 5). Здесь высечена аккуратная надпись: «1919 г.». Ниже изображена явно тамга хозяина, одного из Бегизовых (этот знак был поновлен краской). Правее представлены инициалы другого человека «Т.А.». Из всех живших на тот момент в селении людей для них подходит только кто-то из местных Абаевых (фамилии на «Т» здесь отсутствуют). Важна и сама дата: 1919 г. Это был сложный период: как раз между двумя восстаниями местных осетин против меньшевистского правительства Грузии в 1918 и 1920 гг. произошло еще одно такое восстание осенью 1919 г. В этой надписи, возможно, отражено какое-то местное событие, связанное с ним. Крест, тамга и надпись выбиты аккуратно долотом, оставлявшим глубокую, ровную линию.

Подводя один из итогов исследованию граффити восточной зоны (Урстуалгома), *остановимся на знаках типа тамг*. Не только там, но и во всей Южной Осетии, серия тамг в одном селении (и тем более — на одной постройке: это всегда башни) связана лишь с двумя соседними селениями восточной части Туалгома, в урочище Ерман — Верхним и Средним. Единичные тамги встречены, кроме обоих названных пунктов, в двух селениях, примыкающих к северу — Ходзе и Едысе (рис. 13). Поскольку фамильная (и часто — патронимная) принадлежность башен известна, фонд идентифицированных осетинских тамг пополнился 16 новыми типами. Эти, ранее не выявленные тамги связаны, прежде всего, с выходцами из Куртатинского общества (Джелиевы, Фарниевы, Тотровы), единичные — из Тагаурского (Бегизовы), одной из местных фамилий (Короевы), а также — Кубилаевых, чье происхождение неясно. В результате мы восстанавливаем их фамильную наследственную эмблематику. В тех случаях, когда на одном объекте их несколько (4 или 5), речь, видимо, идет о нескольких патронимиях одной фамилии (гораздо менее вероятны в единичных случаях также близкородственные фамилии — *æрвадæлтæ*), которые участвовали в строительстве, но особенно — в ритуалах, проводившихся затем у башни. Можно думать, что башни с 4—5 тамгами, помимо прочих граффити — это упоминавшиеся *башни-святилища*, о которых наша информация весьма скудна. Одиночные же тамги встречены не только на башнях (Кубилаевых и Джелиевых верхней в Верхнем Ермане, Тотровых в Ходзе), но и на укрепленных домах (Едыс) и полуподземных склепах (Средний Ерман).

Рассмотрим теперь *единичные граффити с одной небольшой фигурой*, документированные в разных частях изучаемого региона. Как правило, это уже неоднократно упоминавшийся «вертикальный» крест-оберег размером около 10 см.

Рук

Группа селений Рук (груз. Рокъа) включает, среди прочего, 18 башен (14 башен удовлетворительной сохранности, 3—5 баллов; в Среднем Руке башен таких башен 7, в Верхнем — 5, в Нижнем — 2) и является самым «башенным» в зоне проживания осетин (для сравнения: в наиболее выдающихся в этом плане селениях на Севере в Тибе — 15 башен, в Лисри, Даргавсе и Джимаре — по 13) (Сланов 2017: 21, 32). Башни здесь (как и во многих других пунктах) сделаны из плит довольно мягкого и хрупкого сланца.

Средний Рук (с. Есета). В 4 малых селениях Среднего Рука проживали в целом три фамилии местного происхождения (Плиевы — 5 башен, Дзерановы — 3 башни, Комаевы —

1 башня). Здесь находолись 10 святилищ — подавляющее большинство из имеющихся на р. Рукдон. В одной из двух лучших по сохранности башен Плиевых в нижнем с. Есета (она разрушена лишь в самом верху южной стены; имеет две хозяйственных пристройки к западу и к северу) (рис. 14: 1) на южной же стене низко нанесены на довольно большом расстоянии друг от друга два «вертикальных» креста (рис. 14: 2) (левый из них аккуратно выбит, правый — не менее акккуратно вырезан широким лезвием ножа). На соседней башне южнее ее (Дзерановых?), которая сохранилась гораздо хуже (взорвана вся южная стена, но сильно постарадали и смежные) внизу уцелевшей части западной стены выбита мелкими точечными ударами *кисть правой руки* (рис. 14: 1—2). Некоторые части изображения (основание кисти и мизинец) не окончены, а едва намечены. Перечисленные граффити ранее не регистрировались.

Верхний Сба

В этом селении проживали только Абаевы (выходцы из с. Кора в Дигории). В полуподземном фамильном склепе выше входного отверстия высечена *кисть правой руки*. Р.Г. Дзаттиаты полагает, что это мастер, строивший склеп, хотел изобразить именно собственную руку по аналогии с их *отпечатками* (см. прим. 12) (Дзаттиаты 2002: 179, рис. 97: 3) (рис. 14: 9). Однако широкая распространенность такого сюжета по всему миру (включая палеолитическую живопись пещер Франции, искусство аборигенов Австралии и т.п.), в том числе в мировых религиях (ладонь Будды, рука Фатимы, Али и др.) делает такой вывод сомнительным. Из-за паводка мы в 2023 г. попасть в данное селение не смогли, и уточнить, как было гравировано это изображение, не удалось.

Средний Сба

Здесь жили Приевы и Бакаевы (фамилии местного происхождения), имевшие по одной башне. В башне Приевых с округлой спинкой, стоявшей на небольшом холме (рис. 14: 5), в середине южной стены представлен небольшой крест, нанесенный лезвием ножа (рис. 14: 6). Ранее не известен.

Галуата

Здесь жили только Галуаевы — выходцы из Цимитинского общества в Куртатинском ущелье. Южная из двух их башен (с округлой спинкой, разрушена с юго-западного угла) использовалась, среди прочего, как *фамильное святилище* (рис. 14: 7). В ней высоко на краю разрушенного угла с южной стороны балансирует выступающая плита с «вертикальным» крестом (рис. 14: 8). Крест акууратно выбит пуансоном. Ранее не известен.

Интересен для нашей темы также материал, сообщенный Ю.М. Бетеевым и дополненный присланными им фото, из смежной части Южной Осетии — **селения Баджин в Дзимырском ущелье**, в самых верховьях притока Куры — р. Ксани / Чисандон, на ее правом берегу (Дзимырское общество, где преобладали однофамильные селения, а жители происходили, в основном, из северных Куртатинского и Тагаурского обществ). В нем достоверно проживали три фамилии: Битаровы, Дзебиевы и Бедоевы (Сланов 2017: 151). Сегодня в эти места можно с затруднениями добраться лишь пешком через горы.

Здесь у входного проема ***в башню Битаровых***, в его нижнем углу, высечены рядом (на одной плите) два изображения: правая кисть руки и (ближе к краю проема) — двулезвийная секира (labrys) (рис. 14: 10). Как известно, этот древний символ (священный атрибут еще в крито-микенской культуре бронзового века) у древних эллинов изображался как почти непременный атрибут мифических воинственных амазонок. Однако кочевникам

центральноазиатского происхождения (сарматам низовьев Дона рубежа II—III вв. н.э. — Высочино V, курган 16: юэчжам Бактрии середины I в. н.э. — Тилля-тепе, могила 2) эта греческая символика лабриса после походов Александра Великого была тоже неплохо известна. Поэтому в названных комплексах знатные женщины-воины с боевым топориком украшали края своих одежд золотыми бляшками в виде двойной секиры (Yatsenko 2019: fig. 9: 9, 16: 3—4). Для тамгового фонда народов Кавказа это редчайший сюжет, однако близкая форма лабриса была тамгой карачаевской фамилии Айсандыровых (Лавров 1978: Приложение, № 1058).

Итак, в ходе осмотров уже известных и неоднократно описанных построек в верховьях Большой Лиахвы наши ожидания в отношении обнаружения новых граффити и существенного уточнения опубликованных оправдались. Важной особенностью ситуации является то, что практически для каждого строения мы имеем информацию о его хозяевах и нередко кое-что об обстоятельствах их жизни. Ранее были опубликованы некоторые изображения на 8 разных постройках, часто — неточно и не в полном объеме (ср. Дзаттиаты 2002: рис. 20—25; 97: 2—3). Более пристальное внимание к выявлению граффити (которых в этой местности известно очень мало) привело к тому, что, во-первых, они выявлены нами теперь уже на 14 постройках; во-вторых, *обнаружены 32 новых изображения в 6 населенных пунктах*. Среди них солярных знаков (крестовы, свастик), кистей руки, линий найдено 19 в 5 селениях[14]. Круг *сюжетных* изображений на граффити в Южной Осетии (кроме солярной символики) явно связан *с мужской воинской субкультурой* (одиночные конь или всадник, лук со стрелой, кинжалы в с. Лет, на плите из Ходза — редкий тогда пистолет).

Больше всего в нашем регионе, как и в других районах, «*вертикальных» крестов*. Как они обычно размещались? В большинстве случаев их расположение вполне наглядно демонстрирует их функцию оберега. Так, на склепе Фарниевых они маркируют углы лицевой стороны. На углах по стронам входа они вырезаны и на нижней башне тех же Фарниевых. На башне Короевых они размещены по сторонам тамги хозяев над входом. (Над входом же гравирован и одиночный крест нижней башни Джелиевых в том же селении). Группа из 10 крестов окружала полукругом дверной проем башни Кобеевых (это, впрочем, не спасло их всех от гибели). В центре входного «порога» изображен такой крест в башне Кубилаевых. Характерно и «удовоение» эффекта: пара крестов рядом на южной стене башни в Среднем Руке, на одной плите на нижней башне Фарниевых. Иногда единичный крест как бы охраняет дальний угол пристройки к башне: ганаха Бегизовых, комплекса у верхней башни Фарниевых.

«Косые» кресты встречены очень редко, и размещались они иначе. В обоих известных случаях такой крест располагался *в нижнем основании дверного проема башни (Кубилаевых, Тотровых). Более сложные солярные знаки* («классическая» свастика и таковая без мелких деталей, солнце, окруженное лучами) размещены в Урстуалгоме у входного проема в башни (Верний Ерман, Ходз) или жилую пристройку к башне (Ходз). Первый вариант знака мы видим у Короевых (над входом справа), второй у Кубилаевых — внизу него слева, третий у Тотровых — над входом справа. Оба известных изображения *идущей лошади в профиль* (со всадником и без него) связаны с фамилиями куртатинского происхождения — Джелиевыми (нижняя башня) и Тотровыми. В обоих случаях они гравированы низко, при этом — на углах построек. *Вертикальные и горизотальные линии* встречены всегда не сами по себе, а в сочетании с другими изображениями, в единой горизонтальной композиции (чаще на одной плите): с «вертикальными» крестами (башня Кобеевых, склеп Фарниевых), с крестами же, свастикой и луком со стрелой (башня Кубилаевых). *Стилизованное изображение лука со стрелою* (у многих народов считавшееся надежным оберегом) представлено в ряду других фигур у дверного проема в упомянутую башню Кубилаевых (у входного отверстия оно нанесено краской и на склепе Цагараевых в Згиде). *Кисть правой руки* — также редкий сюжет в регионе. В одном случае она нанесена у входного отверстия склепа Абаевых (ср.

[14] В Верхнем Ермане, на башнях: Короевых — 1, Джелиевых верхней — 1, Джелиевых нижней — 3, Кубилаевых — 2. В Среднем Ермане: башня Фарниевых нижняя — 2, верхняя — 1, склеп Фарниевых — 3. Ходз, комплекс Тотровых — 1. Средний Рук — 3. Средний Сба — 1. Галуата — 1.

сходное размещение у входного проема башни Битаровых в Дзимарском ущелье); на башне в Среднем Руке она выбита низко в центре стены (возможно — также под не сохранившимся входом этого сильно разрушенного строения). В Северной Осетии известны примеры симметричного размещения двух рук (соответственно — левой и правой) в росписи красной краской на склепе (с. Галиат, где верх входного отверстия оформлен наподобие солнца с лучами, вероятно — т.н. Солнца мертвых, ниже его по сторонам представлены кисти рук, а далее к краям — по кресту) (Миллер 1925: 36, рис. 16).

Для понимания *локальной специфики* изображений верховьев Большой Лиахвы важно учесть, какие образы и композиции, известные в других осетинских землях, здесь *отсутствовали*. Здесь нет композиций с несколькими антропоморными персонажами, одиночных человеческих фигур (в том числе — с расставленными рукими и ногами), нет изображений диких и домашних животных (коз, собак и др.), кроме лошадей, лабиринтов, прямоугольных игральных досок со сложным изображением внутри (ср. Тменов 1995: рис. 75: 6, 76—77, 80: 5, 82; Дзаттиаты 2002: рис. 5: 4). Если не считать самых популярных *солярных* мотивов (крестов, свастик и т.п.), то образы в граффити Урстуалгома, разумееется, соответствуют реалиям *мужской воинской субкультуры* (всадник, конь, схематичный лук со стрелой, пистолет).

Наиболее интересным открытием 2023 г. можно считать серию из 13 неизвестных тамг в 4 селениях (вместо двух, отмеченных ранее на нижней башне Джелиевых в Верхнем Ермане)[15]; еще 3 знака интерпретированы как тамги при новом рассмотрении материала[16]. Тем самым, выявлен небольшой мирок патрионимических (linige) и фамильных (clan) эмблем, во многом относящихся к выходцам из Куратинского ущелья[17]. Значим, конечно, не только этот факт сам по себе, но и то, как эти identity marks размещены в пространстве и в каком социальном и вероятном культовом контексте. На трех башнях в Верхнем и Среднем Ермане скопления из 4—5 тамг, помимо других граффити, на всех уцелевших углах / стенах позволяют предполагать фенкционирование этих построек в качестве *башен-святилищ* фамилий Джелиевых, Короевых и Фарниевых (хотя этнографическая информация об этом неполна). Интересна упомянутая композиция над входом в башню Короевых, где тамгу окружают два креста, а под нею размещена свастика. Если тамга высекалась рядом с датой о важном событии и с инициалами, то все три элемента размещались на одной плите (верхняя башня Джелиевых, ганах Бегизовых). Выше назывались три варианта размещения парных соседних тамг на башнях: в ряд, одна над другом, на одном камне по обе стороны угла. Пары близких по форме знаков (рис. 7: 6 и 7, 4 и 11; 10: 1, 4) известны на изображениях либо на одной башне (нижние у Джелиевых и Фарниевых), либо в пределах одного небольшого селения (Верхний Ерман) и, похоже, представляют родственные патронимии. Немаловажно и документированное нами *активное употребление тамг в первые годы после падения российской монархии* (композиции с датой и тамгой в Верхнем Ермане на башне Джелиевых, в Едысе — на ганахе Бегизовых), причем явно в контексте групповых действий, связанных с военными столкновениями и миграциями населения.

Обилие граффити на постройках связано, как уже отмечалось, *с наличием переселенев из северного Куртатинского ущелья*[18], как в двух селениях Ермана, так и в с. Ходз и Едыс

[15] В Верхнем Ермане, на башнях: Короевых — 3, Джелиевых верхней — 1, Джелиевых нижней — 2, Кубилаевых — 1. В Среднем Ермане: башня Фарниевых нижняя — 3. Ходз, комплекс Тотровых — 1. Едыс, комплекс Бегизовых — 1. Здесь названы только тамги среди новых, впервые описанных изображений.

[16] На башне Короевых — 1, на башне Фарниевых нижней — 1, на склепе Фарниевых — 1.

[17] Один из соваторов в только что опубликованной статье писал: «… я хотел бы обратить на значение осетинских тамг как историко-культурного источника, который, увы, пока серьезно недооценивается современными учеными (их, можно сказать, во многих случаях просто не видят в упор на старых постройках)» (Яценко 2023: 456).

[18] *Куртатинское общество (Куыртаты æхсæнад*) в долине р. Фиагдон, как считается, основано Курта (потомком аланского царя Ос-Багатара); его могила находится в с. Даллагкау. Для этого общества характерно наличие к середине XIX в. 56 «благородных» по происхождению фамилий *куртатов* или таубиев, и в них было в среднем по три патронимии. Помимо происходения от Курта, регулярных «равных» браков со знатью

(Сланов 2017: 17). Однако парадокс в том, что даже у наиболее влиятельных фамилий в самом Куртатинском обществе на таких объектах, вроде бы, нет тамг (на сегодня идентифицированы, благодаря информации старых осетинских эмигрантов-мухаджиров в Турции, тамги лишь трех тамошних фамилий — Цаликовых, Созановых и Есиевых) (Марзоев 2021).

Наличие на двух башнях в Верхнем Ермане (Джелиевых нижней и Короевых) и одной в Среднем Ермане (Фарниевых нижней) разнотипных граффити, и среди них — по 4—5 весьма аккуратно гравированных тамг, демонстрирует особое их значение в сельском сообществе Ермана. Нанесение, помимо обычных крестов и / или свастик, фигуры лошади, также и серий тамг в этих селениях свидетельствует в пользу участия в ее строительстве и более вероятно — в культовом использовании представителями нескольких патронимий обеих этих фамилий. При этом могла высекаться и общефамильная тамга (Яценко 2023: 451, 453). В этом случае немалая разница в формах знаков не должна нас смущать: у одной и той же фамилии при разделении на патронимии знаки последних подчас сильно различались (как у Кусовых в Тагаурском ущелье или Тугановых — в Дигорском) (Марзоев 2021). В двух случаях из трех это явно башни самых влиятельных фамилий обоих селений, куртатинского происхождения, имевших по две башни и, видимо, склеп, отличавшийся от прочих по виду или его размещению. Ситуация эта для Южной Осетии уникальная. Возникает вопрос: с чем она связана? Как раз для Ермана мы имеем достоверную информацию о наличии здесь *башен-святилищ* (*дзуар мæсыг*). Правда, какие конкретно башни для этого использовались, неизвестно (Чибиров 2020: 103—104; Сланов 2017: 21, 35, 49—50, 92). В таких башнях, среди прочего, хранили культовые атрибуты, в стенах могли помещеть серебряные монеты. Как минимум, под Новый Год здесь проводили совместные *фамильные* празднования и моления; у них также молились «хозяевам» дальних дзуаров. У нас маловато сведений о функционировании таких святилищ. Однако, думается, материалы экспедиции 2023 г. их отчасти конкретизируют и дополняют. Судя по с. Галуата, *серии* граффити на таких башнях были особенностью именно урочища Ерман, и в других случаях дело могло ограничиваться единичной фигурой.

Возникает вопрос: *как вписываются полученные сведения по верховьям Лиахвы в ту специфику нанесения и круга образов граффити, которую мы можем наблюдать у предков осетин* (сарматов и средневековых аланов) и у народов «кавказского культурного мира» в XVII—XVIII — начале XX вв.? Кратко (насколько позволяет объем статьи) на него можно ответить просто: в этой традиции *есть преемственность от античности до начала XX в*. Ее не стоит ни преувеличивать, ни игнорировать. Если мы сравним материалы поздних граффити верховьев Лиахвы с теми, что известны в контактной греко-сарматской и скифо-сарматской зонах на Боспоре (в древних городах Пантикапей, Танаис, Илурат) и в Центральном Крыму (Неаполь Скифский, Заветное и др.), в Ольвии, а также со средневековыми аланскими, известными в ряде крепостей, склепов, пещер и др. в Предкавказье и в верховьях Дона, то близость традиции обнаружить нетрудно. Во-первых, это *совпадение части сюжетов* (лошади, всадник, некоторые типы солярных знаков, тамги; к ним позже добавились популярные в кавказских петроглифах кисть руки, изображние натянутого лука со стрелой). Вероятно, принятие христианства Аланией в начале X в. в качестве государственной религии и очень длительное соседство с христианской Грузией дополнительно и своеобразно повлияли на широту использования таких древних солярных символов-оберегов, как простые кресты. Во-вторых, это *частичное совпадение мест нанесения* (у входа в строения, как у южных ворот в Танаисе; вероятно, это относилось и к мраморным львам, найденным в XIX в. кургане под Ольвией, и к «писаной плите» 1871 г. из

Дигории, наличия зависимых крестьянских семей, фамилии таубиев аргументировали свое благородное происхождение перед российской администрацией и *наличием у всех них башен*. Однако имперская власть вплоть до своего падения не спешила приравнивать их ко дворянству (Марзоев 2022: 33, 39). Понятно, что у переселенцев в Южную Осетию влияние этих семейств в новых условиях и новом окружении не могло сохраниться в прежнем объеме тем более, что наиболее «именитые» семьи оставались на Севере.

Пантикапея; у входа в погребальные склепы, как на окраинах Пантикапея, в Илурате и ряде раннесредневековых аланских комплексов Карачаево-Черкесии; на башнях, как в хазаро-аланских крепостях верховьев Дона). Что касается башен, то античным и раннесредневековым их образцам, увы, не повезло: их кладки усиленно разбирали на камень в более поздние времена. Надо учесть также *разницу в материалах*, которые использовались для строительства в разных регионах: так, в античном Северном Причерноморье часто использовали неогеоновые известняки т.н. сарматского яруса, в верховьях Дона при хазарах — мягкий мергель и т.п. Эта разница определяла инструменты, удобные для нанесения граффити (на памятниках римского времени с сарматским присутствием и на стенах верхнедонских крепостей было достаточно ножей с довольно узким лезвием, и более трудоемкая выбивка не требовалась; к тому же в хороших ножах дефицита явно не было).

Наш заметки о бытовании граффити на традиционных поздних постройках одного из заселенных осетинами районов позволяют задуматься над некоторыми вопросами развития традиционных граффити, их преемственности от более ранних культур и их локальной специфике.

Приложение

Здесь мы кратко рассморим три не опубликованных комплекса с фамильными и патронимными тамгами *из Северной Осетии*, как небольшое дополнение к статье одного из соавторов (Яценко 2023: 454). Первый сюжет связан с замком (*галуан*) Дори Тедеева (рис. 15: 2) **в селении Уелта** Туальского общества (Мамисонское ущелье) (рис. 15: 1). У нас ранее не было возможности из-за объема статьи привести иллюстративный материал по нему, и пришлось ограничиться кратким текстом. В этом селении проживали Тедеевы и Кадзоевы. Можно думать, что основная тамга фамилии Тедеевых здесь повторена дважды (рис. 15: 3, вверху) (Яценко 2023: рис. 14: 6: 1) — у основания южной из башен и на втором этаже жилого дома. Другая тамга (рис. 15: 4) (рис. 14: 6, № 2) гравирована на противоположной стороне той же, неплохо сохранившейся башни, правее верхней части ее дверного проема. Это, видимо, знаки патронимий фамилии Тедевых. Кроме тамг, здесь представлены на отдельных плитах «вертикальные» кресты — одиночный, по два (рис. 15: 3, внизу) и по четыре экземпляра (рис. 15: 5) в ряд. Увы, их размещение в комплексе в основном не уточнено. Граффити сделаны весьма аккуратно инструментом, оставляющим серию маленьких, точечных следов. Основная информация и фото любезно предоставлены М.А. Цагараевым.

Еще один сюжет связан с башней **в селении Луар** на р. Архон (Алагирское общество). Это селение почти изначально было заселено практически одной фамилией Цогоевых. Однако в ранний период основания селения, по слегенде — до ссоры Цогоя с братьями Албором и Кадзом, основатели селения (предки Цогоевых, Алборовых и Кадзаевых) вместе построили замок-галуан на скальном гребне в т.н. Верхнем Луаре. Это случилось, вероятно, в XV в. Позже галуан разобрали, и от него осталась башня. На ее входном западном фасаде наверху (на уровне предпоследнего 4-го этажа) были размещены по обе стороны от окона (и это редчайший случай) две одинаковых крупных, высотой около 1,5 м высотой, тамги (рис. 15: 6). Они были запланированы изначально при строительстве башни, т.к. представляли собой углубленные линии в кладке; таким образом, здесь есть лишь одна тамга — одного из братьев. Увы, нет информации, был ли оставшийся в Луаре Цогой старшим или младшим (наследующим) из них. У входа в башню по краям были нарисованы красной краской на неплохо сохранившейся штукатурке еще два одинаковых знака из трех кружков (диаметром 8—10 см каждый), два из которых расположены внизу, а третий — посередине над ними, образуя треугольник (вдоль внешнего края арки между этими фигурами на штукатурке же располагалась «радуга» из трех параллельных дуг) (рис. 15: 7). По словам одного из стариков, эта фигура («три кружка, связанные вместе») была раньше и клеймом

для скота в селении, то есть была тамгой. Эта же фигура изображена в святилище Саниба в недалеком с. Архон, откуда происходили основатели Луара.

Возникшее вскоре ниже галуана селение Нижний Луар (покинутое, в основном, после сильного землетрясения 1922 г.) имело ранее планировку, близкую к неправильному овалу. Его единый контур образовывали ограды и здания отдельных домовладений, между которыми были, естественно, переулки. В центре селения, по словам стариков, была площадь, куда загоняли скот. В селении были 5 башен разных патронимий Цогоевых, вокруг которых группировались жилые комплексы. Основная информация и рисунки любезно предоставлены Б.Т. Цогоевым.

Третий сюжет — изображение **на ганахе Кануковых** (дом Османа Канукова) **в с. Верхний Кобан** (Тагаурское общество). Здесь при входе снаружи, справа на арке гравировано изображение уникальной 8-лучевой свастики. Именно уникальность ее формы делает маловероятной ее трактовку как чисто солярного знака; скоре это тамга одной из патронимий Кануковых (рис. 15: 8): известная ним базовая тамга фамилии — совсем иная (Марзоев 2021). Под знаком написано «тага» (в данном случае — потомок Тага; они образовывали местную элиту). Основная информация и рисунок также предоставлены Б.Т. Цогоевым.

Литература

Бобринский А.А. 1908. *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)*. Москва: Типография А.Л. Левинсона.

Гутнов Ф.Х. 2019. *Осетинские фамилии*. 3-е изд. Владикавказ: Респект.

Дзаттиаты Р.Г. 2002. *Культура позднесредневековой Осетии*. Владикавказ: Ир.

Дзаурова Т.А. 2019. *Ингушский национальный орнамент*. Москва: Де’ Либри.

Кисляков Н.А., Писарчик А.К. (ред.). 1976. *Таджики Каратегина и Дарваза*, 3. Душанбе: Дониш.

Кокиев Г.А., 1928. *Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнографический очерк*. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения.

Лавров Л.И. 1978. *Историко-этнографические очерки Кавказа*. Ленинград: Наука.

Маргиев И.Т. 2018. *Ирыстоны кæмтты ивгъуыдæй. 2-аг хай (Из истории ущелий Осетии. 2-е изд*.). Цхинвал: Глобус.

Марзоев И.-Б.Т. 2021. Дамгъæ. Канукова З.В. (ред.). *Алания от А до Я*. Владикавказ: Проект-Пресс, 118—122.

Марзоев И.-Б.Т., 2022. Привилегированные фамилии Куртатинского общества Северной Осетии в документах и материалах. *Известия СОИГСИ* 43 (82), 30—40.

Миллер А.А. 1925. Кратский отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. *Известия РАИМК* IV, 1—42.

Мухиддинов И.М. 1989. *Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX — начало XX вв.*), 1. Душанбе: Дониш.

Сланов А.А. 2017. *Исторические области Южной Осетии*. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева.

Тменов В.Х. 1969. Археологическое исследование «Города мертвых» у сел. Даргавс в 1967 году. *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии* II, 138—158.

Тменов В.Х. 1988. Памятники средневекового изобразительного искусства Трусовского ущелья. В: Кузнецов В.А. (ред.). *Методика и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа*. Орджоникидзе: СО НИИ, 137—149.

Тменов В.Х. 1995. *Зодчество средневековой Осетии*. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева.

Цховребов И.Н. (сост.). 1962. *История Осетии в документах и материалах*. Т. 1. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии.

Чибиров Л.А. 2020. *Поселения и жилища осетин.* Владикавказ: Ир.

Щеблыкин И.П. 1928. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. *Известия Ингушского НИИ краеведения* 1, 3—30.

Яценко С.А. 2023. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 16, 436—468.

Heindi R. 1927. *System und Praxis der Daktyloskopie und der sonstigen technischen Methoden der Kriminalpolizei*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.

Yatsenko S.A. 2019. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology* 8 (4), 555—742.

References

Bobrinsky, A.A. 1908. *Gortsy verkhoviev Pianja (vakhantsy i ishkashimtsy) (Mountainers of the Upper Pyanj River (Vakhan and Ishkashim Peoples*)). Moscow: A.L. Levinson Typography. (in Russian).

Gutnov, F.Kh. 2019. *Osetinskie familii (The Ossetian Clans)*. 3rd ed. Vladikavkaz: Respekt (in Russian).

Dzattiaty, R.G. 2002. *Kul'tura pozdnesrednevekovoi Osetii (The Culture of Late Medieval Ossetia).* Vladikavkaz: Ir (in Russian).

Dzaurova, T.A. 2019. *Ingushskii natsional'nyi ornament (Ingush National Ornamentic).* Moscow: De' Libri (in Russian).

Heindi, R. 1927. *System und Praxis der Daktyloskopie und der sonstigen technischen Methoden der Kriminalpolizei*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.

Kisliakov, N.A., Pisarchik, A.K. (eds.). 1976. *Tadzhiki Karategina i Darvaza (Tadjiks of Karatigin and Darvaz*). Dushanbe: Donish. (in Russian).

Kokiev, G.A. 1928. *Sklepovye sooruzheniia gornoi Osetii. Istoriki-kraevedcheskii ocherk (Crypts of Msuntain Ossetia. The Historical and Regional Essay*). Vladikavkaz: Osetinskii institut kraevedeniia. (in Russian).

Lavrov, L.I. 1978. *Istoriko-etnographicheskie ocherki Kavkaza (The Historical and Ethnological Essays on Caucasus)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Margiev, I.T. 2018. *Irysony kamtty ivguydai. 2-ag hai (On the History of the Gorges of Ossetia. The 2nd ed.).* Tskhinval: Globus (in Ossetian).

Marzoev, I.-B.T. 2021. In: Kanukova, Z.V. (ed.). *Alania ot A do Ya (Alania from A to Z*). Vladikavkaz: Proekt-Press, 118—122. (in Russian).

Marzoev, I.-B.T. 2022. *Izvestiia Severo-osetinskogo Instituta gumanitarnykh i social'nukh issledovanii (Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research)* 43 (82), 30—40 (in Russian).

Miller, A.A. 1925. In *Izvestiia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the Russian Academy of the History of Material Culture)* IV, 1—42 (in Russian).

Mukhiddinov, I.M. 1989. *Relikty doislamskikh obychaev i obriadov u zemledel'tsev Zapadnogo Pamira (XIX — nachalo XX vv.*) (*Relics of the Pre-Islamic Customs and Rituals among the Farmers of the Western Pamirs (the 19th — early 20th cc.*)), 1. Dushanbe: Donish. (in Russian).

Slanov, A.A. 2017. *Istoricheskie oblasti Iuzhnoi Osetii (The Historical Regions of South Ossetia)*. Vladikavkaz: IPP imeni V.A. Gassieva (in Russian).

Tmenov, V.Kh. 1969. In *Materialypo arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii (Materials on archeology and ancient history of North Ossetia)* II, 138—158 (in Russian).

Tmenov, V.Kh. 1988. In: Kuznetsov, V.A. (ed.). *Metodika i interpretatsiia arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza (The Methodics and Interpretation of the Archaeological Monuments in the Northern Caucasus*). Ordzhonikidze: Severo-osetinskii Institut gumanitarnykh issledovanii, 137—149 (in Russian).

Tmenov, V.Kh. 1995. *Zodchestvo srednevekovoi Osetii (Architecticture of the Medieval Ossetia)*. Vladikavkaz: IPP imeni V.A. Gassieva (in Russian).

Tskhovrebov, I.N. 1962 (ed.). *Istoriia Ossetii v dokumentakh i materialakh. (The History of Ossetia in the Documents and Materials).* Vol. 1. Tskhinvali: Gosizdat Iugo-Osetii (in Russian).

Chibirov, L.A. 2020. *Poseleniia i zhilishcha osetin (Villages and Houses of Osseitians).* Vladikavkaz: Ir (in Russian). Shcheblykin, I.P., 1928. *Izvestiia Ingushskogo Instituta kraevedeniia* (*Proceedings of the Ingush Institute of Local Lore*) 1, 3—30 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2023. In: *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* (*From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)* 16, 436—468 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2019. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology* 8 (4), 555—742.

Рис. 1. Карта основных селений (хъæу) верховьев Большой Лиахвы.

Fig. 1. Map of the main villages (khæu) of the Upper Big Liakhva Basin.

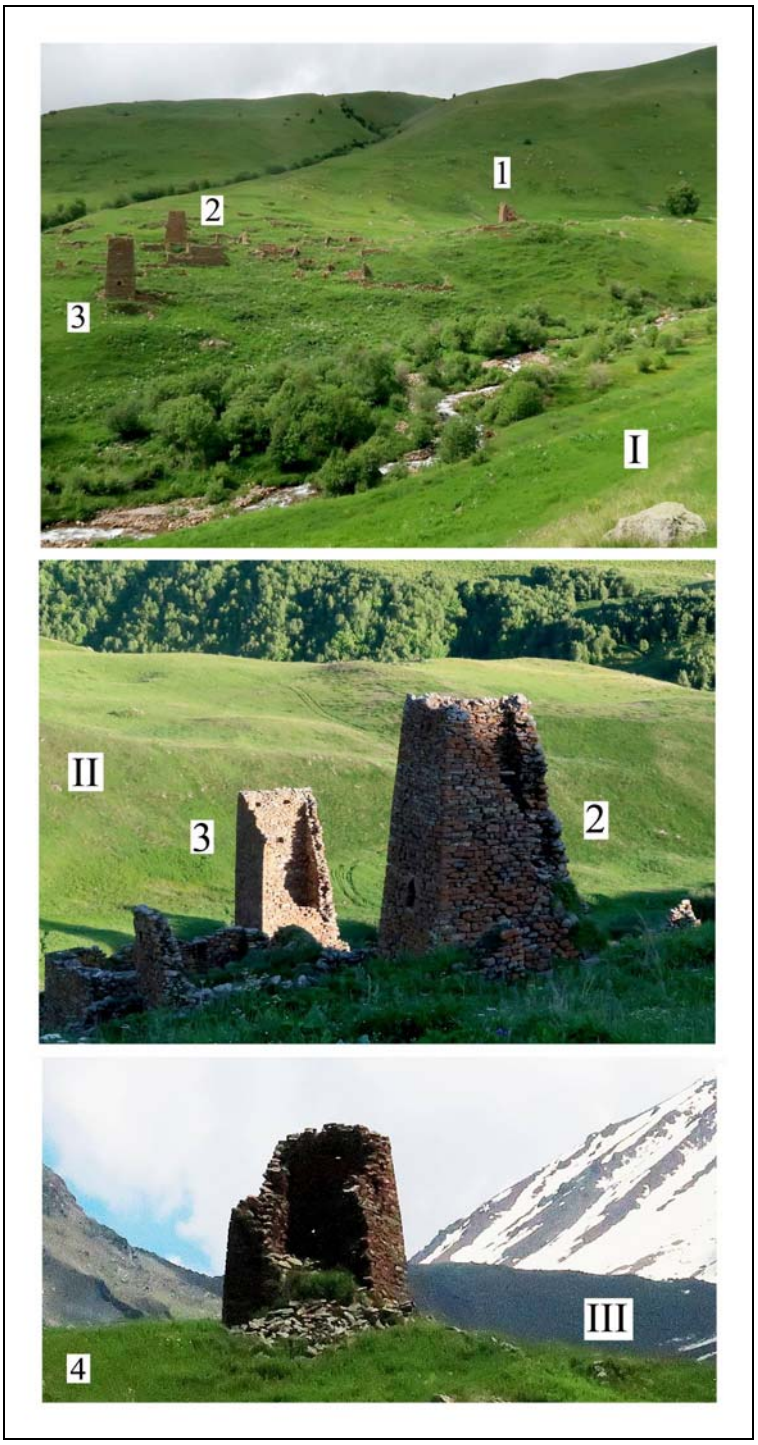


Рис. 2. Верхний Ерман. Общий вид башенных комплексов с граффити: *I* — вид с юга, из-за реки Ермандон, от склепового некрополя. С востока на запад: *1* — башня фамилии (мыггæгтæ) Короевых; *2* — башня Джелиевых (Гелдиевых) верхняя; *3* — башня Джелиевых (Гелдиевых) верхняя; *II* — вид с севера: башни Джелиевых (Гелдиевых); *2* — верхняя, *3* — нижняя; *III* — вид с запада: *4* — башня Кубилаевых.

Fig. 2. Upper Erman. General view of the tower complexes with graffiti: *I* — view from the south, across the Ermandon River, from the crypt necropolis. From east to west: *1* — tower of the Koroev clan (myggægtæ); *2* — the upper tower of the Jeliev (Geldiev) clan; *3* — the upper tower of the Jeliev (Geldiev) clan; *II* — view from the north: towers of the Jeeliev (Geldiev) clan; *2* — upper; *3* — lower; III — view from the west: *4* — tower of Kubilaev clan.

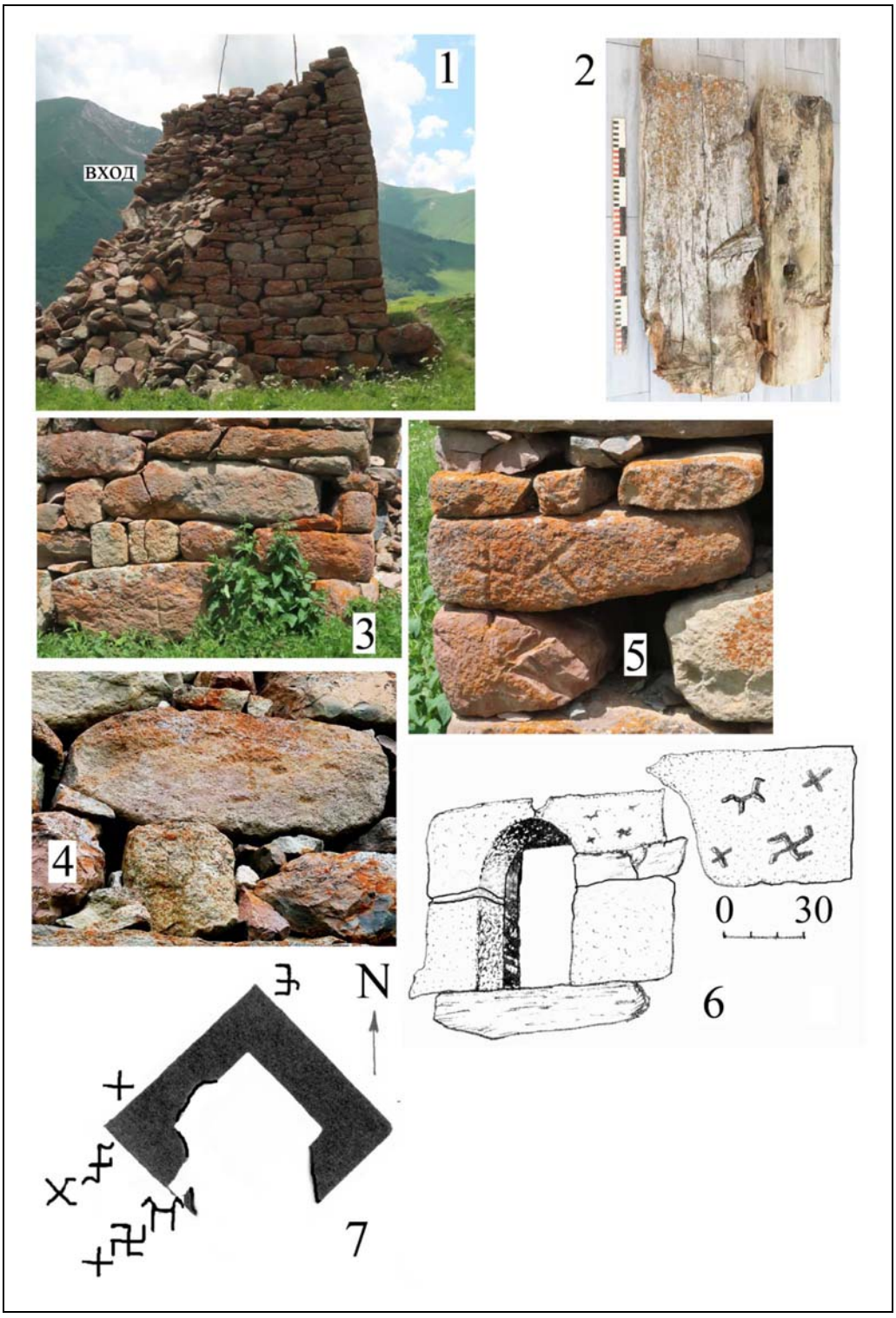


Рис. 3. Верхний Ерман. Башня Короевых: *1* — общий вид с юго-востока; *2* — дверь башни (юго-западная стена); *3—4* — западный (правый) угол северо-западной стены; *5* — западный (левый) угол юго-западной стены; *6* — входной проем юго-западной стены до разрушения (Дзаттиаты 2002: рис. 25); *7* — схема размещения основных граффити.

Fig. 3. Upper Erman. Koroev clan tower: *1* — general view from the southeast; *2* — tower door (south-western wall); *3—4* — western (right) corner of the northwestern wall; *5* — western (left) corner of the southwestern wall; *6* — entrance opening of the south-western wall before destruction (Dzattiaty 2002: fig. 25); *7* — planigraphy of the main graffiti.

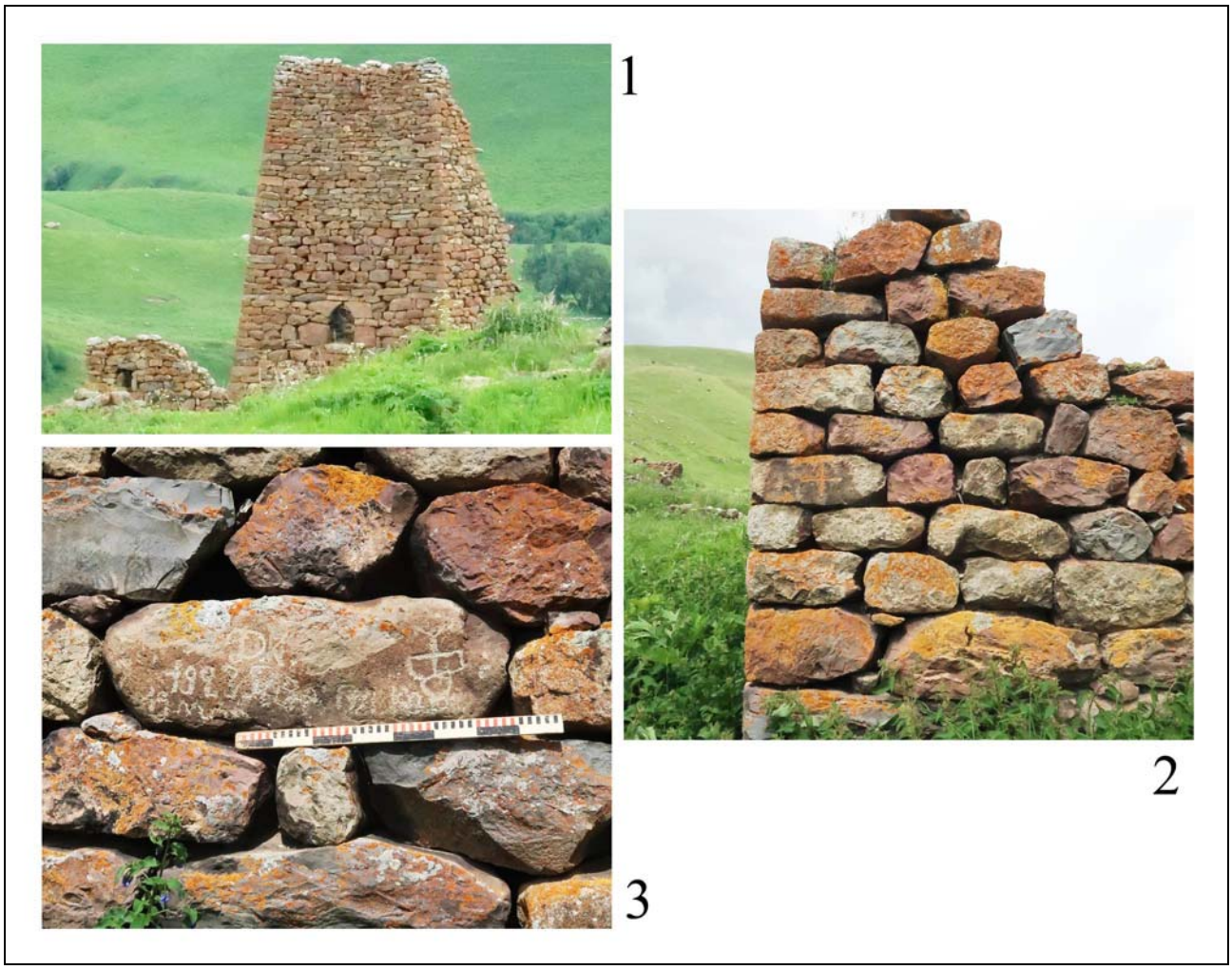


Рис. 4. Верхний Ерман. Башня Джелиевых (Гелдиевых) верхняя: *1* — общий вид с северо-востока; *2* — западный фас северной стены пристроенного северо-восточного помещения, вид с юго-запада; *3* — граффити К. Джелиева 6 мая 1923 г. на юго-восточной стене.

Fig. 4. Upper Erman. The upper tower of Dzheliev (Geldiev) clan: *1* — general view from the north-east; *2* — western face of the northern wall of the attached north-eastern section, view from the south-west; *3* — graffiti by K. Jeliev on May 6, 1923 on the south-eastern wall.

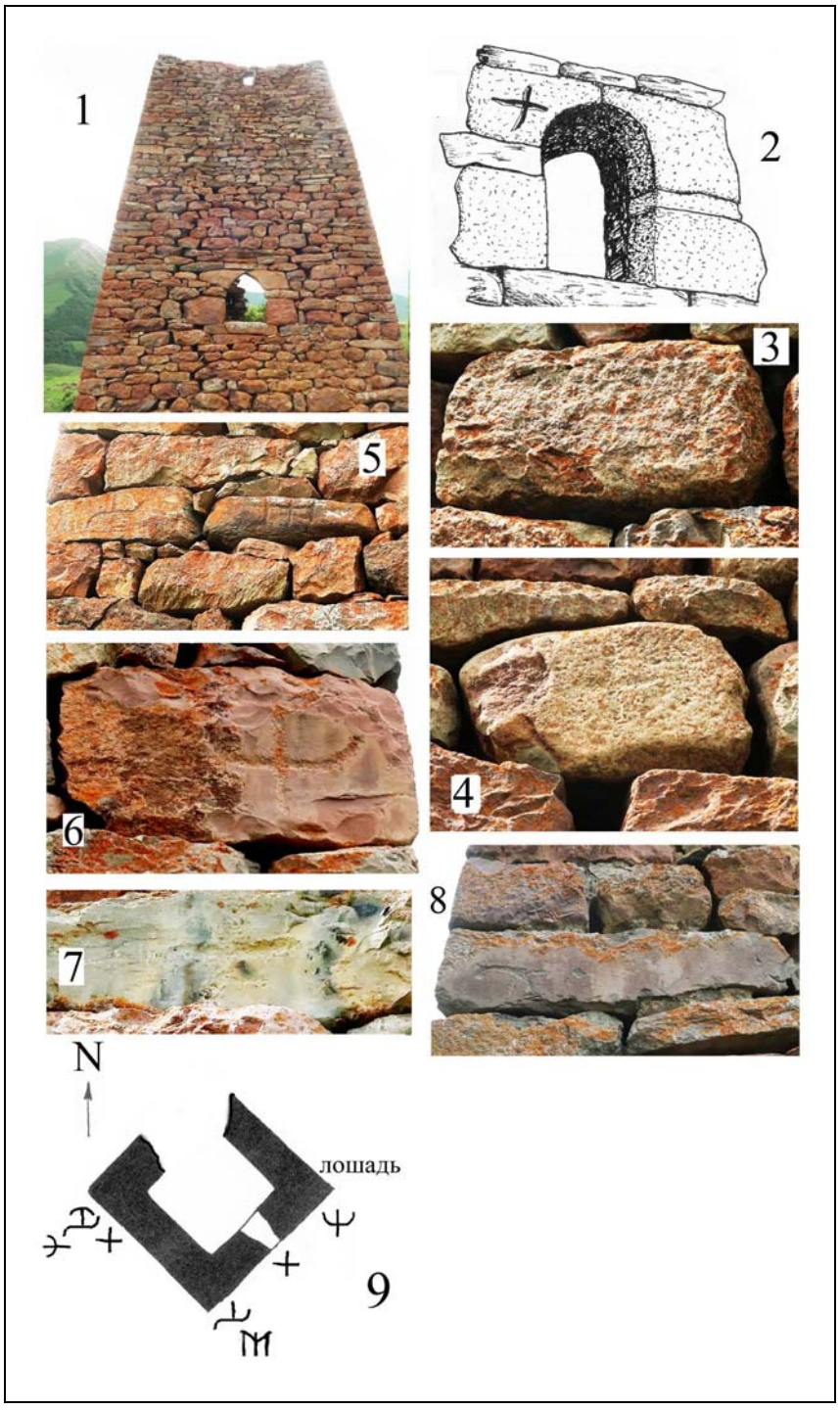


Рис. 5. Верхний Ерман. Башня Джелиевых (Гелдиевых) нижняя: *1* — юго-восточная стена; *2* — дверной проем (Дзаттиаты 2002: рис. 25); *3* — западный угол юго-западной стены; *4* — у западного угла юго-западной стены; *5* — южный угол юго-восточной стены; *6* — восточный угол юго-восточной стены; *7* — у западного угла юго-западной стены; *8* — восточный угол северо-восточной стены; *9* — схема размещения основных граффити.

Fig. 5. Upper Erman. The lower tower of the Dzheliev (Geldiev) clan: *1* — south-eastern wall; *2* — doorway (Dzattiaty 2002: fig. 25); *3* — western corner of the south-western wall; *4* — at the western corner of the south-western wall; *5* — southern corner of the south-eastern wall; *6* — eastern corner of the south-eastern wall; *7* — at the western corner of the south-western wall; *8* — eastern corner of the north-eastern wall; *9* — planigraphy of the main graffiti.

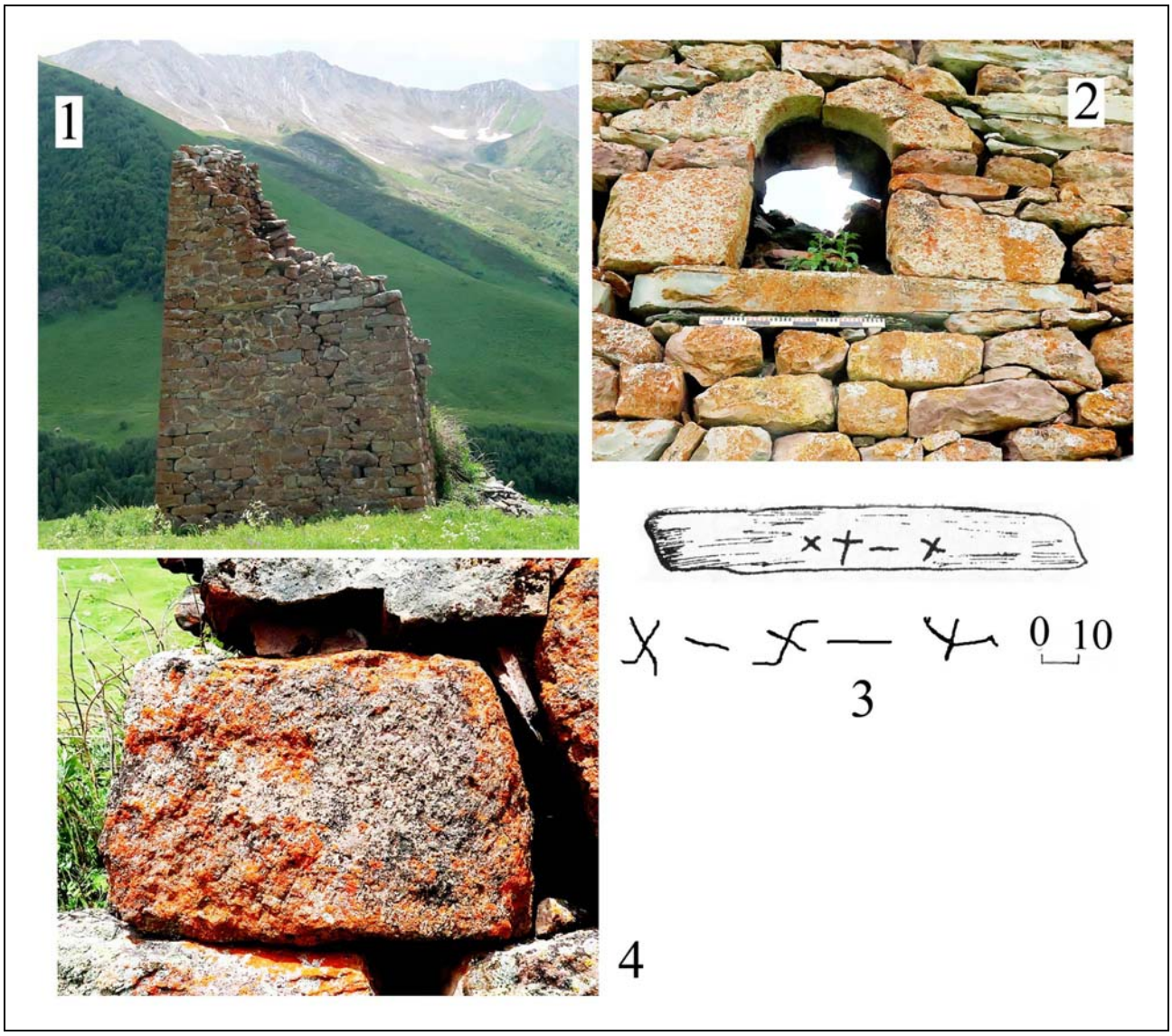


Рис. 6. Верхний Ерман. Башня Кубилаевых: *1* — общий вид с севера; *2* — дверной проем, западная стена; *3* — плита в основании дверного проема: рис. Р.Г. Дзаттиаты (Дзаттиаты 2002: рис. 21) и новая прорисовка; *4* — юго-западный угол, вид с юга.

Fig. 6. Upper Erman. Kubilaev clan tower: *1* — general view from the north; *2* — doorway, western wall; *3* — plate at the base of the doorway: drowing of R.G. Dzattiaty (Dzattiaty 2002: fig. 21) and a new drowing; *4* — south-western corner, view from the south.

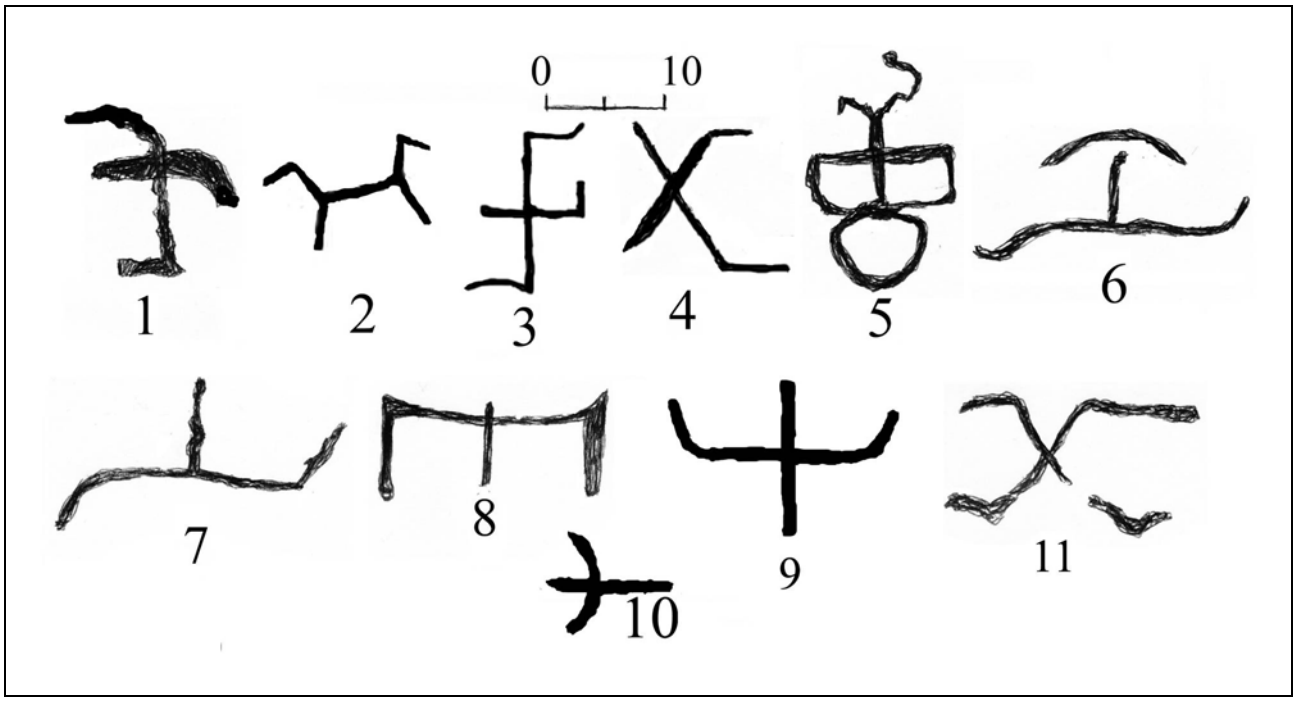


Рис. 7. Верхний Ерман. Знаки типа тамг на башнях: *1—4* — Короевы; *2* — Джелиевы (Гелдиевы): *5* — верхняя, *6—10* — нижняя; *11* — Кубилаевы.

Fig. 7. Upper Erman. The Signs of “tamga” type on the towers: *1—4* — Koroev clan; *2* — Jeliev (Geldiev) clan: *5* — upper, *6—10* — lower; *11* — Kubilaev clan.

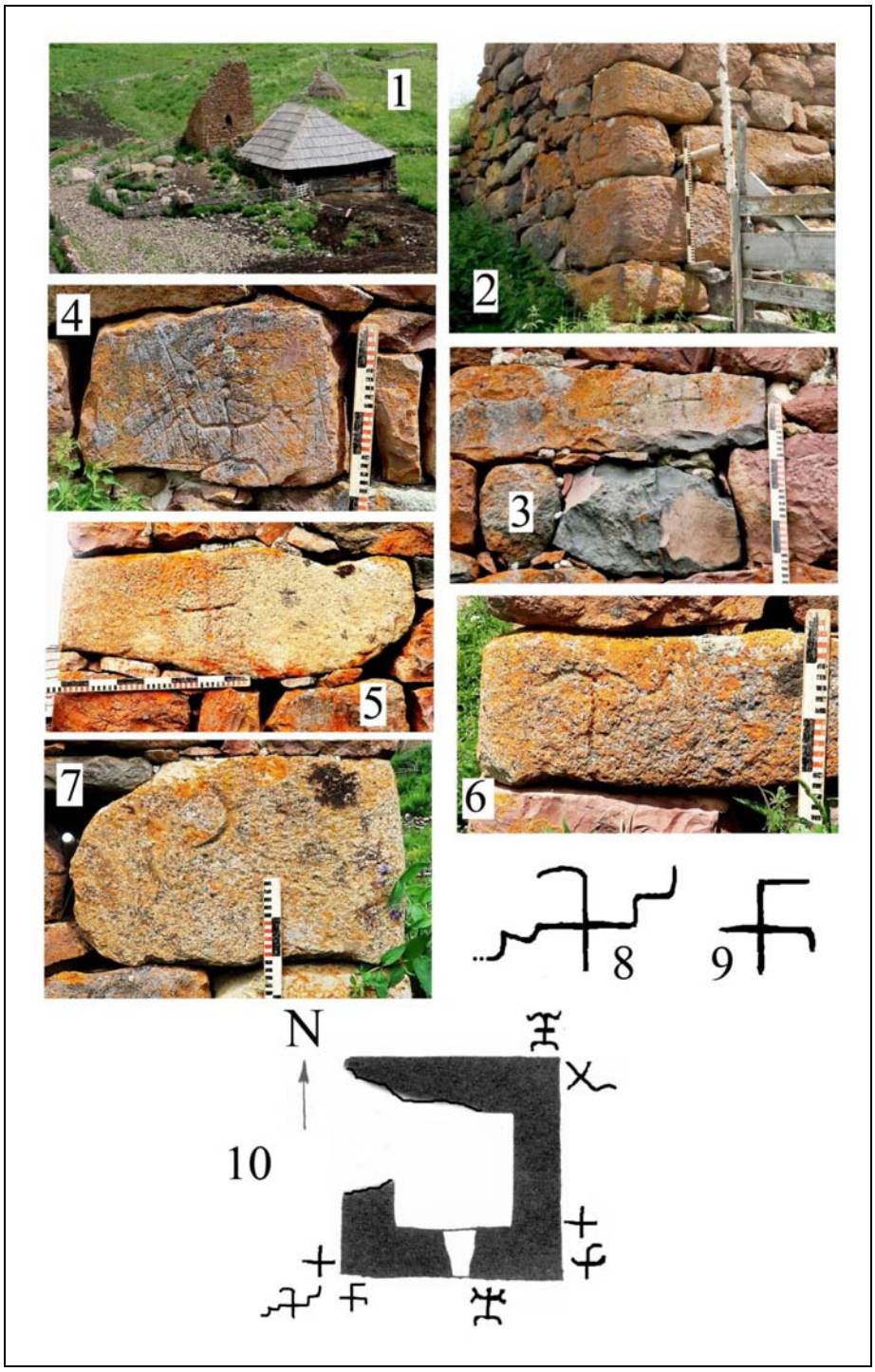


Рис. 8. Средний Ерман. Восточная (нижняя) башня Фарниевых: *1* — общий вид усадьбы с башней, вид с юго-запада; *2* — юго-западный угол; *3* — восточная стена у юго-восточного угла; *4* — южная стена, ниже и правее дверного проема; *5* — юго-восточный угол восточной стены; *6* — северная стена, северо-восточный угол; *7* — северо-восточный угол восточной стены; *8—9* — юго-восточный угол западной и восточной стен; *10* — схема размещения основных граффити.

Fig. 8. Middle Erman. The eastern (lower) tower of the Farniev clan: *1* — general view of the estate with the tower, view from the southwest; *2* — south-western corner; *3* — eastern wall near the south-eastern corner; *4* — southern wall, below and to the right of the doorway; *5* — south-east corner of the eastern wall; *6* — northern wall, north-east corner; *7* — north-east corner of the eastern wall; *8—9* — south-east corner of the western and eastern walls; *10* — planigraphy of the main graffiti.

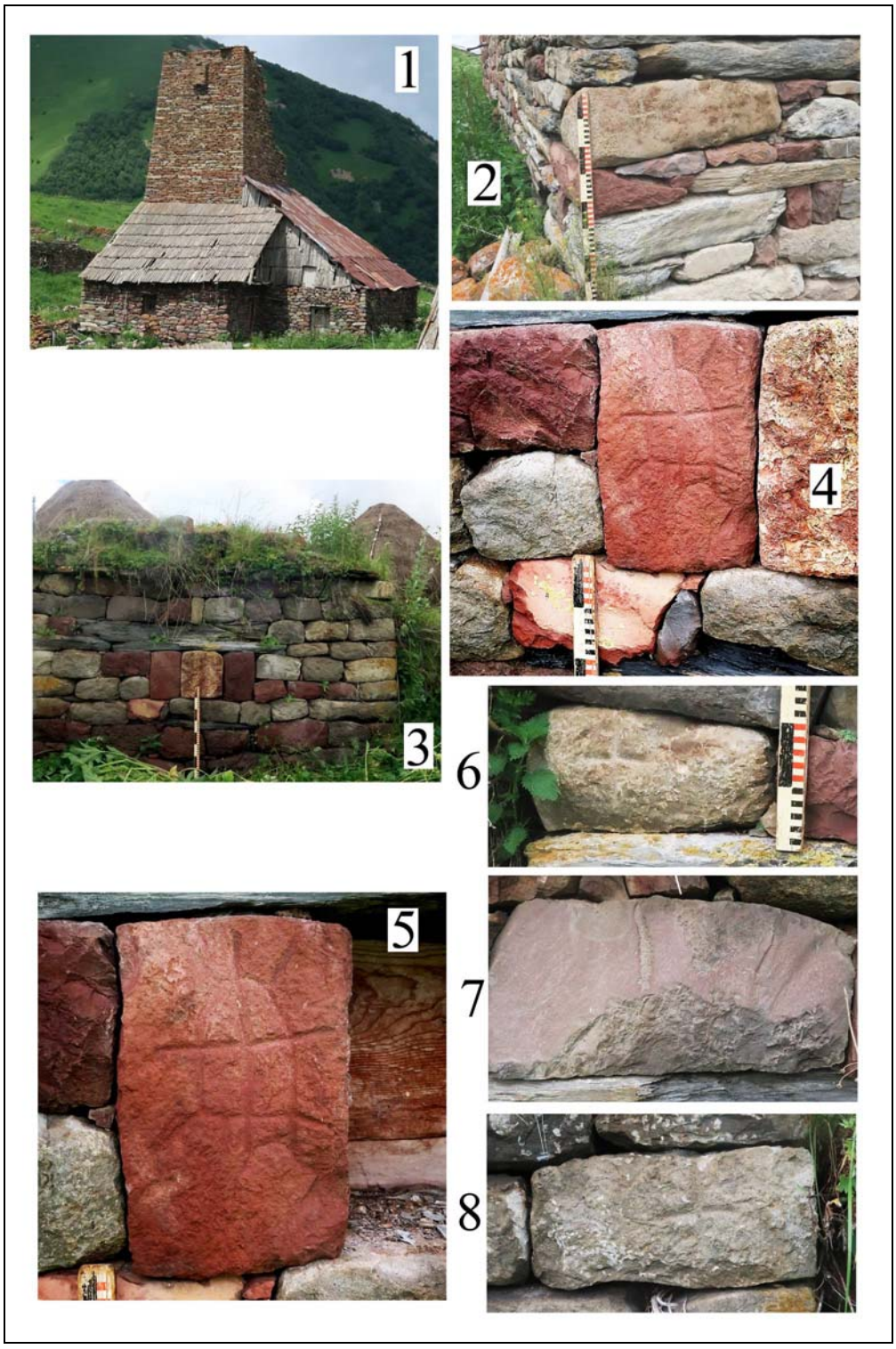


Рис. 9. Средний Ерман. Постройки Фарниевых: *1—2* — западная (верхняя) башня; *3—8* — фамильный полуподземный склеп (вид с юга). *1* — общий вид с северо-востока; юго-восточный угол восточной стены восточной пристройки; *3* — общий вид; *4—5* — плита с тамгой слева от входного отверстия; *6—8* — знаки на ряде плит выше входного отверстия (*6* — левый угол, *7* — в центре, *8* — правый угол).

Fig. 9. Middle Erman. Buildings of the Farniev clan: *1—2* — western (upper) tower; *3—8* — family semi-underground crypt (view from the south). *1* — general view from the north-east; south-east corner of the east wall of the east extension; *3* — general view; *4—5* — a slab with a tamga to the left of the inlet; *6—8* — signs on a number of plates above the inlet (*6* — left corner, *7* — in the center, *8* — right corner).

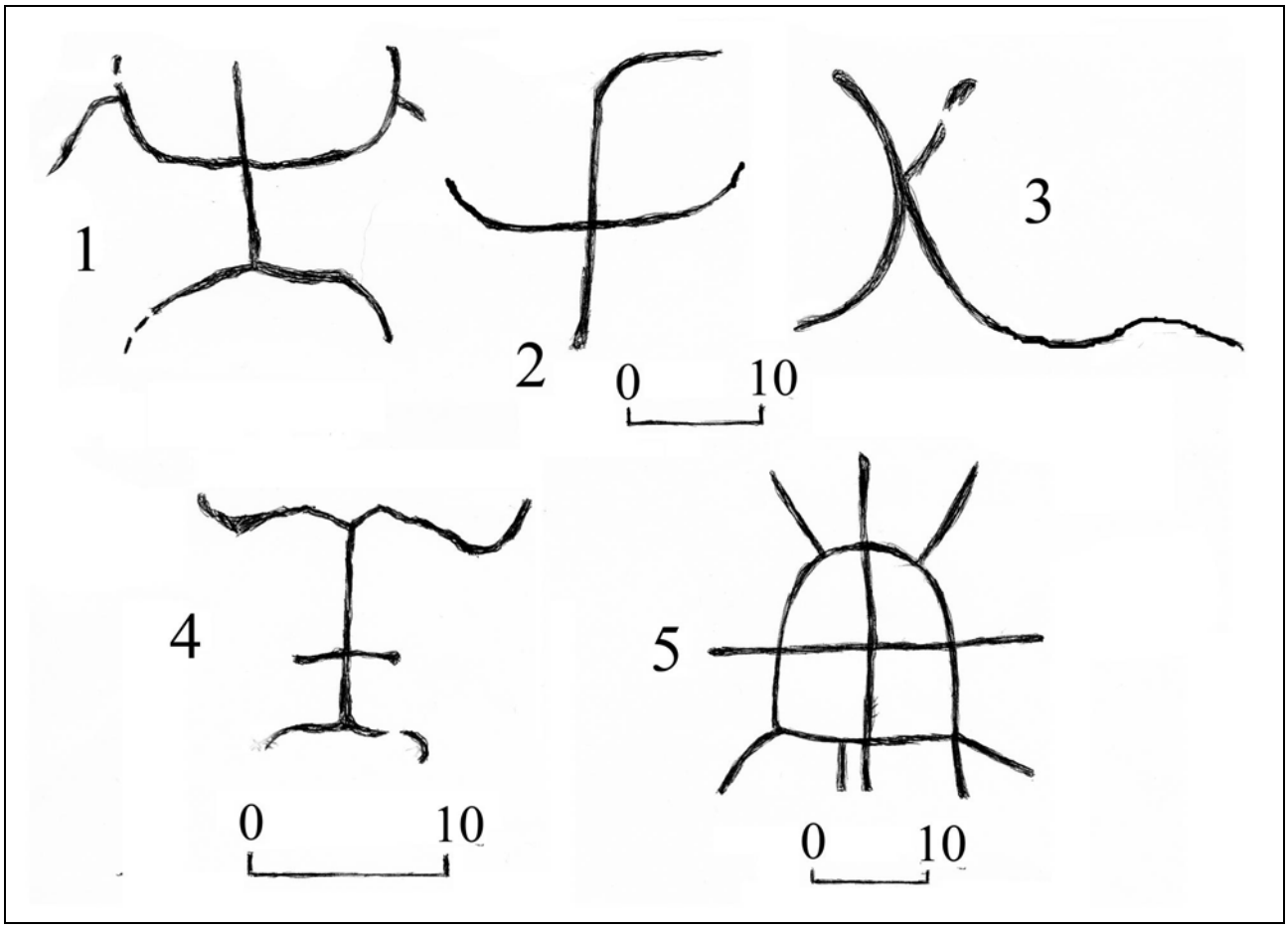


Рис. 10. Средний Ерман. Знаки типа тамг на постройках Фарниевых: *1—4* — восточная (нижняя) башня; *5* — полуподземный склеп.

Fig. 10. Middle Erman. Signs of the “tamga” type on the buildings of the Farniev clan: *1—4* — eastern (lower) tower; *5* — semi-underground crypt.

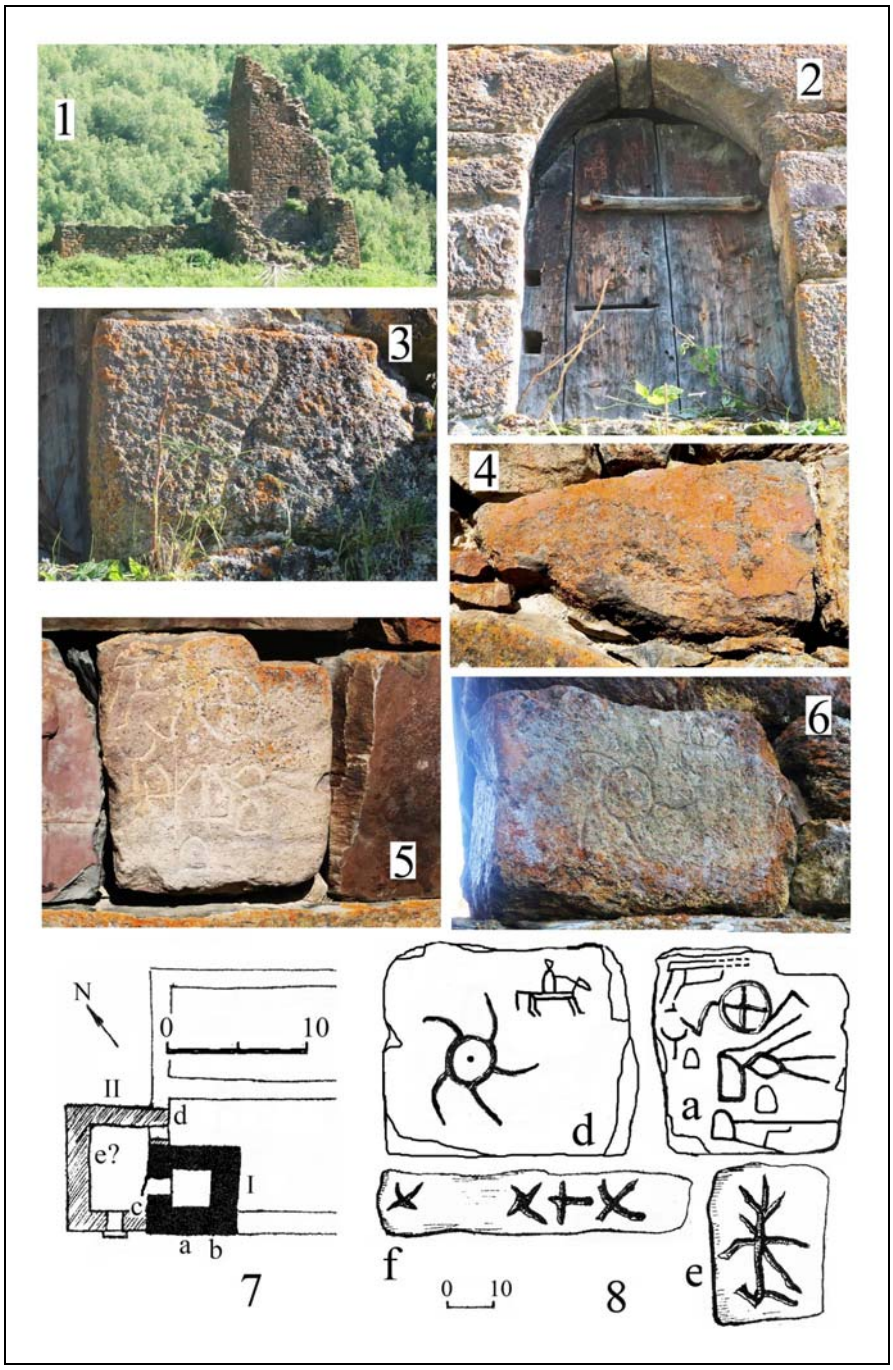


Рис. 11. Комплекс с башней Тотровых в с. Ходз: *1* — общий вид с севера; *2* — дверь башни, вид с севера; *3* — правый нижний угол дверного проема; *4—5* — плиты с граффити на западной стене малой пристройки галуана; *6* — граффити на плите у юго-восточного входа в малую пристройку; *7* — план комплекса: *I* — башня; *II* — малая прислойка; *a* — композиция с пистолетом; *b* — крест с «Голгофой»; *c* — свастика; *d* — композиция со всадником; *e* — «Мировое древо»; *f* — серия крестов; *8* — граффити на стенах комплекса (Дзаттиаты 2002: рис. 21) и новые прорисовки сохранившихся плит (*a, d*).

Fig. 11. The complex with the tower of the Totrov clan in Khodz Village: *1* — general view from the north; *2* — tower door, view from the north; *3* — the lower right corner of the doorway; *4—5* — slabs with graffiti on the western wall of the small section; *6* — graffiti on a slab at the southeast entrance to the small section; *7* — plan of the complex: *I* — tower; *II* — small section; *a* — composition with a pistol; *b* — cross with “Golgotha”; *c* — swastika; *d* — composition with a rider; *e* — “World Tree”; *f* — a series of crosses; *8* — graffiti on the walls of the complex (Dzattiaty 2002: fig. 21) and new drawings of the surviving slabs (*a, d*).

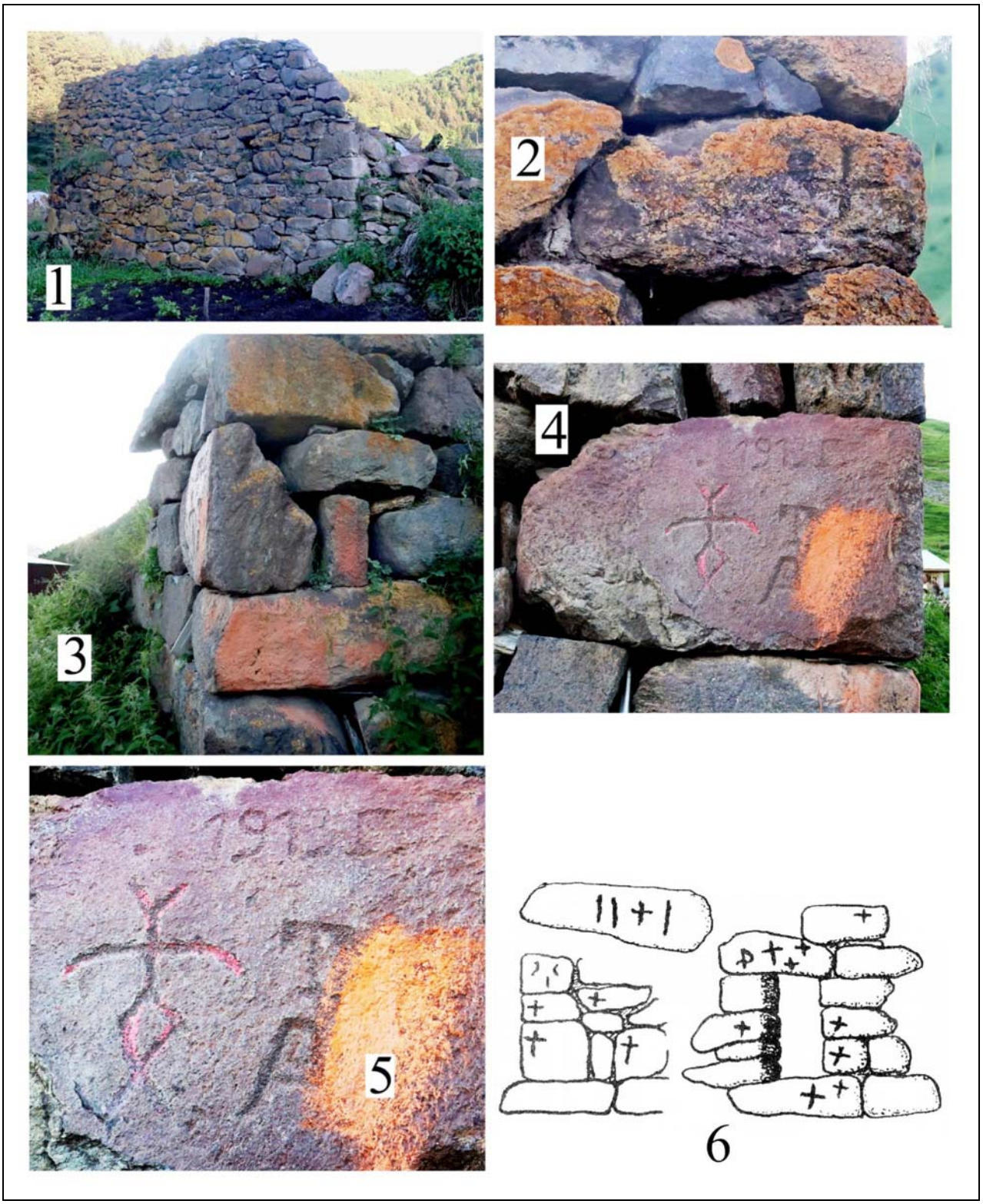


Рис. 12. Едыс. Ганах (укрепленный дом) Бегизовых и башня Кобеевых: *1* — стена ганаха, вид с севера; *2* — северо-восточный угол; *3* — юго-восточный угол; *4—5* — граффити 1919 г. на юго-восточном углу южной стены ганаха; *6* — башня Кобеевых (по Дзаттиаты 2002: рис. 20).

Fig. 12. Edys. Ganækh (the fortificated house) of the Begizov clan and the tower of the Kobeev clan: *1* — wall of the ganækh, view from the north; *2* — north-east corner; *3* — south-east corner; *4—5* — graffiti of 1919 on the south-east corner of the southern wall of the ganækh; *6* — tower of the Kobeev clan (after Dzattiaty 2002: fig. 20).

Рис. 13. Зона распространения и формы знаков типа тамг на постройках у истоков р. Большой Лиахвы (р. Ермандон и Кадласанидон).

Fig. 13. Distribution zone and forms of the signs of “tamga” type on buildings at the origin of Big Liakhva River (Ermandon and Kadlasanidon Rivers).

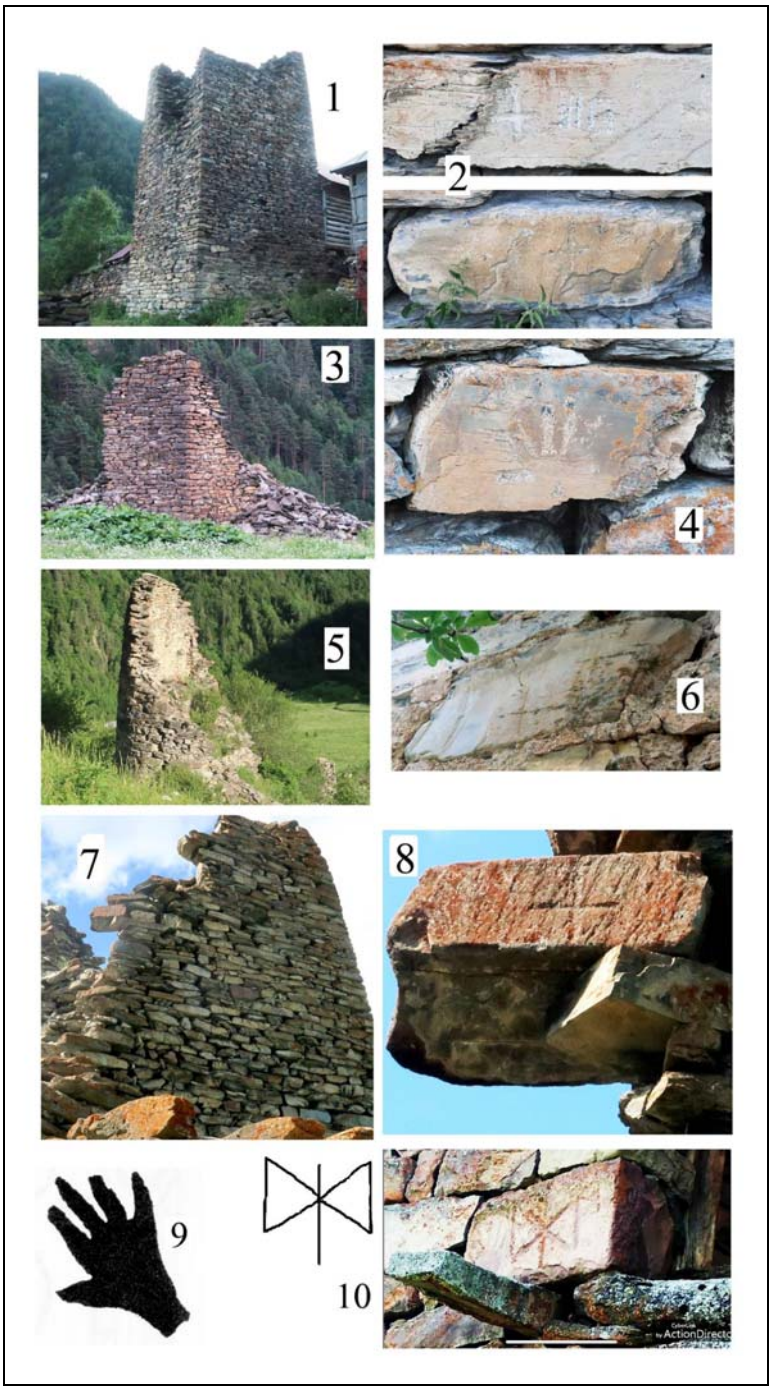


Рис. 14. Единичные граффити: башни Плиевых (*1—2*) и Дзерановых (?) (*3—4*) в с. Средний Рук, Приевых в с. Средний Сба (*5—6*), Галуевых нижняя в с. Галуата (*7—8*); склеп Абаевых в с. Верхний Сба (*9*) (по Дзаттиаты 2002: рис. 97); башня Битаровых в с. Баджин в Дзимарском ущелье (Ленингорский район, фото Ю.М. Бетеева) (10). *1* — общий вид с юго-востока; *2* — западная стена; *3* — общий вид с северо-запада; *4* — юго-западный угол южной стены; *5* — общий вид с северо-запада; *6* — южная стена; *8* — западный угол; *10* — граффити слева от входного проема.

Fig. 14. The single graffiti: towers of the Pliev (*1—2*) and Dzeranov (?) clans (*3—4*) in the Middle Rukh Village, Priev clan tower in the Middle Sba Village (*5—6*), Galuyev lower in Galuata Village (*7—8*); the crypt of the Abaev clan in the Upper Sba Village (*9*) (after Dzattiaty 2002: fig. 97); Bitarov clan tower in Bajin Village at the Dzimara Gorge (Leningor District, photo by Yu.M. Beteev) (*10*). *1* — general view from the south-east; *2* — western wall; *3* — general view from the north-west; *4* — south-western corner of the southern wall; *5* — general view from the north-west; *6* — south wall; *8* — western corner; *10* — graffiti to the left of the entrance.

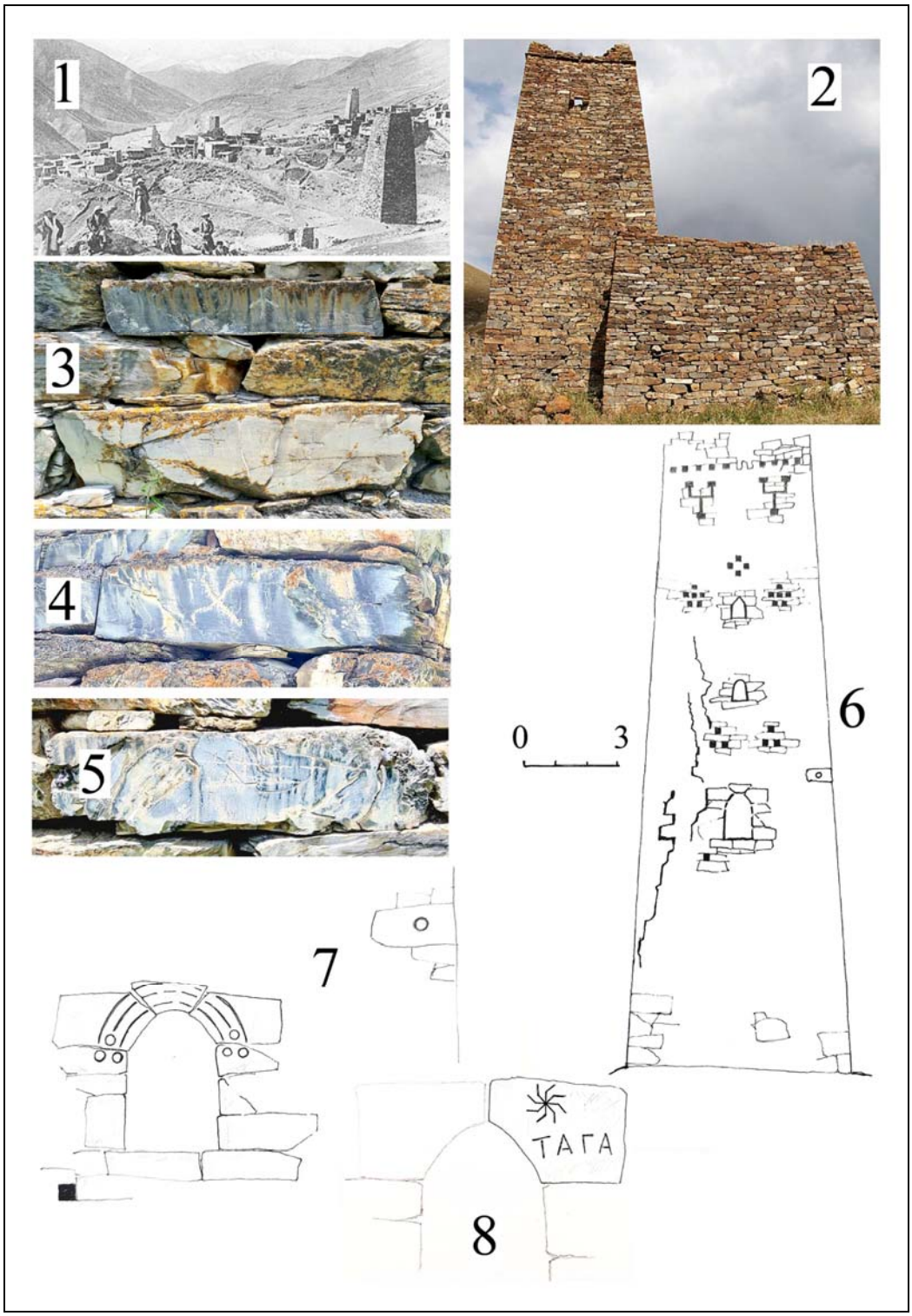


Рис. 15. Неопубликованные тамги башенных комплексов в Северной Осетии: *1—5* — Уелта (*1* — открытка начала XX в; *2—5* — Уелта, замок-галуан Тадеева, фото М.А. Цагараева); *6—7* — Верхний Луар, башня первоначального галуана: западный фасад и арка входа (рис. Б.Т. Цогоева); *8* — Верхний Кобан, входная арка ганаха Османа Канукова (рис. Б.Т. Цогоева).

Fig. 15. The unpublished tamgas of tower complexes in the Northern Ossetia: *1—5* — Uelta (*1* — postcard from the beginning of the 20th century; *2—5* — Uelta, Tadeev clan castle (galuan), photo by M.A. Tsagaraev; *6—7* — Upper Luar, tower of the original galuan: western facade and entrance arch (drawing by B.T. Tsogoev); *8* — Upper Koban, entrance arch of Osman Kanukov's ganakh (drawing by B.T. Tsogoev).

DOI: 10.53737/7274.2023.34.89.019

Ю.Г. Кокорина

«РАСКОПКА КУРГАНА ЕСТЬ АНАТОМИЧЕСКИЙ ПРЕПАРАТ» (НЕИЗВЕСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ И.Е. ЗАБЕЛИНА ПО РАСКОПКАМ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ КУРГАНОВ)*

Деятельность выдающегося российского историка И.Е. Забелина как археолога оценивается в истории науки неоднозначно. Неизвестный ранее источник — рукописная инструкция И.Е. Забелина по раскопкам курганов Северного Причерноморья — позволяет расставить новые акценты в трактовке его полевой методики. И.Е. Забелин рекомендовал раскапывать курганы полностью, и только недостаток средств и времени заставляли его копать траншеями. Обосновывая необходимость оставлять находки in situ и отмечать их расположение, он делал верные рекомендации по обнаружению и вскрытию основного погребения, требовал использовать компас, обязательно чертить план и разрезы кургана, вести полевой дневник, фиксируя все детали, положение скелетов человека, коня, инвентаря. Инструкция представляет собой обобщение собственного опыта И.Е. Забелина по раскопкам курганов Скифии и некрополей античных городов; он сам следовал предложенным правилам, на что указывают другие архивные и печатные материалы. В дальнейшем целесообразно привлекать архивные материалы для анализа вклада И.Е. Забелина — внимательного и ответственного полевого исследователя – в методику археологических исследований.

Ключевые слова: Россия, XIX в., история археологии, И.Е. Забелин, скифы, античность, бронзовый век, методика раскопок.

Сведения об авторе: Кокорина Юлия Георгиевна, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, Московский политехнический университет.

Контактная информация: 107023, Россия, г. Москва, ул. Большая Семёновская, д. 38, Московский политехнический университет; e-mail: kokorina@inbox.ru.

Yu.G. Kokorina

“THE DIGGING OF THE MOUND IS AN ANATOMICAL PREPARATION” (A NEWLY DISCOVERED MANUAL BY IVAN E. ZABELIN ON THE EXCAVATION OF THE NORTH PONTIC BARROWS)

The activity of the outstanding Russian historian I.E. Zabelin as an archaeologist is evaluated ambiguously in the history of the discipline. The previously unknown record, I.E. Zabelin’s handwritten manual on the excavation of the barrow mounds in the North Pontic Area, provides some new insights on his field research approaches. I.E. Zabelin recommended to take apart the mounds completely, from the top to the bottom, and it was only the modest funding and the lack of time which forced him to dig isolated trenches. I.E. Zabelin insisted that the finds were left in situ and gave some seminal advices on how the chief grave must be found and recovered. The archaeologist demanded to use a compass as well as to be sure to draw a plan and sections of the barrow and mark the location of the finds in the mound. The manual requested that the field journal was necessarily kept to make entries about all the details ever observed, with the descriptions of all the skeletons of humans and horses and the grave goods precisely registered. I.E. Zabelin drawn up his manual while generalizing his own experience of excavating mounds of Scythia and necropoleis of the ancient Greek cities, and he himself followed all the rules he had proposed, as it is evidenced by various archival and published materials. I.E. Zabelin was an attentive and responsible field researcher. Subsequently, it is advisable to use archival materials to analyze I.E. Zabelin’s contribution to archaeological theory and method.

* Статья поступила в номер 20 февраля 2023 г.
Принята к печати 15 марта 2023 г.

© Ю.Г. Кокорина, 2023.

Key words: Russia, 19th century, history of archaeology, Ivan Egorovich Zabelin, the Scythians, classical antiquity, the Bronze Age, archaeological field methods.

About the author: Kokorina Yulia Georgievna, PhD (History), Dr. habil. (Philology), Moscow Polytechnic University.

Contact information: 107023, Russia, Moscow, 38 Bolshaya Semyonovskaya St., Moscow Polytechnic University e-mail: kokorina@inbox.ru.

Введение

Масштаб личности выдающегося российского историка И.Е. Забелина (1820—1908), 155 лет со дня смерти которого исполняется в 2023 г., в полной мере еще предстоит оценить. Разные стороны его жизни и многогранной деятельности привлекали внимание современников (Анучин 1909; Ключевский 1983a; 1983b; Кузьминский 1912) и историков последующих поколений (Формозов 1984; Бойкова 1988; Сахаров 1990; 1996; Яновский 1992; Севостьянов, Мильская 2000; Формозов 2004). Прославившийся своими трудами по истории Москвы (Забелин 1852; 1865; 1873), истории быта русских царей (Забелин 1862) и цариц (Забелин 1869), он был оценен советской историографией как «буржуазный историк монархического толка», и обращение к наследию ученого началось с небольшой статьи А.В. Арциховского 1948 г. (Арциховский 1948). Действительно, в 1859 г. И.Е. Забелин принимает приглашение председателя созданной в Петербурге Императорской Археологической Комиссии графа С.Г. Строганова и переходит на работу в Комиссию. «Высоко оценив покойного [С.Г. Строганова. — Н.П.] как организатора, он [И.Е. Забелин. — Н.П.] сделал одно любопытное замечание: у него был «редкий талант <…> охранять людей науки от антинаучных напастей и невзгод. Это верно: боевой генерал, участник Бородинской битвы, далекий от науки, волею судеб оказался в роли «организатора науки». Он не был к ней подготовлен, но чутье подсказало ему наиболее правильный путь — не командовать учеными, <…> а дать им возможность спокойно работать, оберегая от нападок извне» (Платонова 2010: 55).

Л.С. Клейн, размышляя о причинах Выбора С.Г. Строганова и согласия И.Е. Забелина, приводит разные доводы. Граф С.Г. Строганов знал о тяжелом материальном положении И.Е. Забелина и ценил тщательность и внимательность историка. Иван Егорович, принимая предложение, не только повышал свой достаток, но и получал шанс реализовать себя на новом поприще. Его интересовали экспонаты Оружейной палаты, он проходил десятки километров по Подмосковью, где мог видеть славянские курганы и остатки поселений (Анучин 1909: 12). Он «надеялся раскопать что-либо близкое ему по сути — древнерусские памятники: городища и курганы Киевской Руси. Ответить на вопрос о корнях русского народа» (Клейн 2014: 438).

Однако перед Императорской Археологической комиссией стояли другие задачи, среди которых — пополнение коллекций Императорского Эрмитажа, что было обусловлено представлением о государственном престиже страны. В 1855 г. директор Керченского археологического музея А.Е. Люценко (1807—1884) раскопал Луговую Могилу (Александропольский курган) в Северном Причерноморье, что обеспечило богатые находки (Гуляев 2017: 127). По сообщениям античных авторов, прежде всего, Геродота, могилы скифских царей находились в местности Геррос в районе днепровских порогов (Her., IV, 71). Именно туда направила Ивана Егоровича Археологическая комиссия. С 1859 по 1876 г. И.Е. Забелин проводил раскопки в Северном Причерноморье. Ниже будут приведены основные раскопанные им памятники, многие из которых предоставили в распоряжение потомков выдающиеся произведения искусства. По достоинству оценило усилия И.Е. Забелина государство: ученый ушел в отставку в чине действительного статского советника (что соответствовало генерал-майору в «Табели о рангах») и с солидной пенсией (Клейн 2014: 443). Но оценка деятельности И.Е. Забелина как исследователя

причерноморских памятников в отечественной науке неоднозначна. Она колеблется от восторженного отношения до откровенного неприятия. Целью данной работы является анализ имеющихся в науке точек зрения на полевую деятельность И.Е. Забелина по исследованию скифских и античных памятников, а также захоронений бронзового века, с использованием архивных материалов, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) и введение в научный оборот не публиковавшегося раннее документа — рукописной инструкции, составленной И.Е. Забелиным для раскопок курганов (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227—228). Данный документ, как будет показано далее, не подвергался анализу в трудах, посвященных истории археологии в России, и в его рассмотрении видится новизна данной работы.

Уточнение и расширение представлений археологов XXI в. об истории раскопок в Северном Причерноморье связано с высоким гуманистическим посылом археологии как науки. На примерах деятельности ученых прошлого современные археологи формируют свою этику исследования, что особенно актуально в условиях засилья «черной археологии», откровенного грабежа скифских и античных памятников Юга Украины. Реально оценивая работу предшественников, наши современники учатся их тщательности и наблюдательности, умению формировать методику полевых исследований и использовать новейшие достижения других наук. Они учатся бережному и ответственному отношению к исследуемым памятникам и умению отдавать все силы исследованию погребений и поселений. Так, как это делал И.Е. Забелин на протяжении почти семнадцати лет своей службы в Археологической комиссии. Поэтому данная работа представляется актуальной.

Полевая деятельность И.Е. Забелина и ее оценка в историографии

И.Е. Забелин за свою семнадцатилетнюю деятельность в Археологической комиссии раскопал значительные памятники, которые впоследствии были доисследованы и опубликованы. Они стали классическими для российской археологии, к их публикациям мы отсылаем заинтересованного читателя. В приведенной ниже таблице даны только основные работы по археологии этих памятников, большинство из которых, как, например, курган Чертомлык или городище и некрополь Ольвии, неоднократно находились в центре внимания исследователей, другие, как курган Козел, единым комплексом не публиковались.

Таблица 1. Раскопки И.Е. Забелина в Северном Причерноморье

Год полевого сезона	Памятники	Основные позднейшие публикации
1859	Гермесов курган, курганы эпохи бронзы	Анучин 1909:14
1860	группа Толстых Могил, курган у с. Беленькое	Мелюкова 1981; Ильинская, Тереножкин 1985
1861	Острая Могила	Артамонов 1966; Гуляев 2005
1862	Томаковская Близница, Слоновская Близница, курганы эпохи бронзы, Чертомлык	Древности 1866—1872 Артамонов 1966 Алексеев, Мурзин, Ролле 1991 Гуляев 2005
1863	Чертомлык	Древности 1866—1872; Артамонов 1966; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991; Гуляев 2005

Таблица 1. Раскопки И.Е. Забелина в Северном Причерноморье (продолжение)

Год полевого сезона	Памятники	Основные позднейшие публикации
1864	Большая Близница на Таманском полуострове	Древности 1866—1872 Артамонов 1966
1865	Курган Козел	Переводчикова, Фирсов 2004
1866	На раскопки не ездил	Сведений о полевой работе нет
1867	Курган Великая Цимбалка	leksika.com.ua: 1
1868	Курган Великая Цимбалка, захоронения эпохи бронзы	Ильинская, Тереножкин 1983 leksika.com.ua: 1
1869	Некрополь и городище Фанагория	Кузнецов 2007; Фанагория 2013
1870	Некрополь и городище Фанагория	Кузнецов 2007; Фанагория 2013
1871	Некрополь и городище Фанагория	Кузнецов 2007; Фанагория 2013
1872	Зачистка фундамента постройки в Фанагории	Клейн 2014: 443
1873	Городище Ольвия	Жебелёв 1929; Ольвия 1956; Леви 1985; Виноградов 1989; Русяева 1992; Ольвия 1999; Соколов 1999; Русяева, Русяева 2004
1874—1875	Сведений о полевой работе нет	Сведений о полевой работе нет

Как курганы, так и городища И.Е. Забелин копал траншеями, Острую Могилу оставил не докопанной, а потом крестьяне обнаружили «схороненный там клад, заключавший в себе золотой шейный витой обруч (гривну), золотую серпообразную бляшку с мелкой зернью и голубою эмалью, золотые узорчатые ножны, тоже украшенные эмалью, с остатками железного кинжала и с частью золотой эмалированной рукоятью, две золотые узорчатые пластины <…> с изображением скорченных зверей, 1 золотую воронку и 200 бронзовых стрел» (Анучин 1909: 16). Современные археологи ставят это в упрек Ивану Егоровичу (Клейн 2014: 443). Действительно, сам И.Е. Забелин пишет, что «подробное рассмотрение раскопанной Близницы и сделанные опыты исследования ее середины показали, что первоначальное устройство кургана во всех его частях разрушено прежде бывшими поисками и что следовательно новые раскопки будут бесполезны в том именно отношении, что не приведут ни к каким ясным и последовательным результатам. Поэтому дальнейшее исследование кургана было прекращено» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 6). Исследование показывает, что, не смотря на то, что Археологическая комиссия отпускала на полевые работы значительные суммы, при тогдашней технике проведения раскопок они были явно недостаточны. Ограничен И.Е. Забелин был и временем: необходимо было как можно быстрее и с минимумом затраченных средств доставить максимальное количество эффектных находок. Как отмечал Д.Н. Анучин, «средства отпускались Комиссией не очень

щедро, и то для нее имели, главным образом, значение ценные вещи, способные обогатить Эрмитаж, а не доведение раскопок непременно до конца» (Анучин 1909: 32).

Именно Д.Н. Анучину принадлежит первый анализ деятельности И.Е. Забелина как полевого археолога (Анучин 1909). Исследователь анализирует процесс формирования Ивана Егоровича как ученого, приходя к выводу, что тот вступил в науку как «убежденный западник» (Анучин 1909: 9), проводит описание раскопанных И.Е. Забелиным курганов и найденных вещей. Деятельность археолога Д.Н. Анучин предлагает оценивать по четырем критериям: «1) по приемам или методу их ведения; 2) по количеству и качеству найденных вещей; 3) по описанию и истолкованию раскопок, по выяснению топографических и других условий отдельных находок и, наконец, 4) по анализу находок, выяснению их бытового, культурного и художественного значения» (Анучин 1909: 31).

Методика раскопок находилась тогда в стадии становления. Как отмечает автор «абсолютных правил для них установить трудно» (Анучин 1909: 31). Ученый осознает необходимость раскопок курганов «под снос», но тут же отмечает, что это потребует значительных средств и времени, «которые сомнительно чтобы могли окупиться» (Анучин 1909: 32). Поэтому, как отмечает ученый, курганы давно копаются траншеями. Д.Н. Анучин обосновывает необходимость раскопок курганов полностью, как и взятия на анализ найденных костей людей и животных, но тут же замечает: «в прежние времена вообще не обращали внимания на подобные остатки» (Анучин 1909: 33). Восхищаясь находками из Чертомлыка, Д.Н. Анучин указывает, что, не смотря на то, что был сделан план и разрез кургана, топография могильных ям не ясна (Анучин 1909: 34), и высказывает соображения по поводу разграбленности кургана. Д.Н. Анучин, ссылаясь на мнение Н.П. Кондакова, отмечает, что «для исследования Скифии необходимы такие знания, такое археологическое образование, какого <…> ни у кого теперь не имеется» (Анучин 1909: 42). В целом исследователь высоко оценивает деятельность И.Е. Забелина, избегая категорических суждений, которые появятся в более поздних работах.

Н.Н. Ардашев исследовал вклад И.Е. Забелина в археологическую теорию (Ардашев 1909). По разносторонности, подробности и охвату материала его труд может быть признан исчерпывающим. Ученый рассматривает отношение Ивана Егоровича к новым, в том числе и математическим, методам в археологии, участие в написании словарных статей в публиковавшихся Московским Археологическим Обществом «Материалах для словаря российских древностей» (Кокорина 2011: 262). Подробный разбор этой работы выходит за рамки нашего исследования.

В следующие 50 лет деятельность И.Е. Забелина как археолога находилась вне поля зрения советских ученых, пока к проблеме не обратился академик А.В. Арциховский (Арциховский 1948). Он называл ученого «русским богатырем» (Арциховский 1948: 5) и указывал, что «Иван Егорович не только умел передвигать в порядке огромные массы земли, что само по себе связано с серьезными чисто техническими трудностями, он помимо этого добился исключительного для той эпохи умения читать земные слои. Его чертежи курганных профилей поныне поражают точностью и выразительностью» (Арциховский 1948: 7—8). А.В. Арциховский подводит итог: «для того времени раскопочные приемы Забелина были более чем передовыми» (Арциховский 1948: 8).

«Археологические раскопки» — так назвал главу в своей единственной пока монографии об ученом А.А. Формозов (Формозов 1984). Многие цитаты из этой работы вошли в отечественную науку. Так, А.А. Формозов указывает: «И.Е. Забелин был наблюдательным человеком, что очень важно в условиях полевой работы. Он легко находил древние грабительские ходы в насыпи курганов, правильно намечал последовательность захоронений» (Формозов 1984: 112), но при этом отмечает, что «на раскопках И.Е. Забелин составлял очень мало чертежей, планов и разрезов, делал чересчур скупые записи об увиденном. Из-за этого наши сведения о том, что ему удалось наблюдать, отрывочны и неполны» (Формозов 1984: 113). Результатом рассмотрения археологической деятельности

И.Е. Забелина стали слова, неоднократно цитировавшиеся потом другими исследователями: «Означает ли все вышесказанное, что мы вправе зачислить Забелина в разряд плохих археологов? Нет, он был просто археологом своего времени, не ниже, но и не выше среднего уровня» (Формозов 1984: 114; Алексеев 2004: 41; Клейн 2014: 444).

И.В. Яценко провела изучение составленного И.Е. Забелиным плана строения насыпи кургана Чертомлык (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 256), что позволило исследовательнице дать высокую оценку полевой работе И.Е. Забелина (Яценко 2002: 131), При этом И.В. Яценко отмечает, что «исследователь показал расположение или нахождение основания каждого из этих слоев на плане кургана, что практически сделать было значительно труднее (чем начертить разрез — Ю.К.)» (Яценко 2002: 134). И.В. Яценко удалось установить, что чертеж явился результатом большой целенаправленной работы, в результате которой И.Е. Забелин создал концепцию неоднократных подсыпок кургана, в котором Иван Егорович насчитал не менее пяти слоев. Как отмечает И.В. Яценко, наблюдение И.Е. Забелина подтвердилось при раскопках им же кургана Козел и через сто лет — при раскопках Б.Н. Мозолевским кургана Желтокаменка. По мнению И.В. Яценко, чертеж «представляет новое явление для археологии России второй половины XIX в., потребовавшее поиска новых приемов в ведении раскопов и их фиксации. Вероятно, слишком большая новизна такого подхода не позволила современникам оценить сделанные исследователем наблюдения и чертеж, их фиксирующий» (Яценко 2002: 142).

В Рукописном Архиве ИИМК хранится неопубликованная статья М.И. Артамонова (РА ИИМК. Ф. 74. Д. 241. Л. 1—68), в которой исследователь анализирует не только археологические достижения, но и исторические, и философские взгляды И.Е. Забелина (Алексеев 2004). М.И. Артамонов отмечал, что «целый ряд замечаний показывает, что задачи, которые он ставил для исследования на этом материале, далеко выходили за рамки простого описания и гораздо ближе к современному пониманию, чем к значительно суженным интересам археологов недавнего, не совсем еще изжитого, прошлого» (Алексеев 2004: 40). М.И. Артамонов критикует методику раскопок И.Е. Забелина, но подчеркивает, что «как ни плохи раскопки Забелина, все же они во многих отношениях лучше произведенных в ту же эпоху другими археологами» (Алексеев 2004: 42). А.Ю. Алексеев отмечает, что «в некоторых случаях дальновидность и внимательность Забелина к деталям удивляет, оставляя лишь чувство сожаления, что его ближайшие наследники по исследованию скифских курганов так и не сумели или не смогли воспользоваться его наблюдениями» (Алексеев 2004: 43).

Л.С. Клейн посвятил главу И.Е. Забелину в своей монографии по истории российской археологии (Клейн 2014). Л.С. Клейн пытается обосновать объективность своего подхода: «В жизни Забелина и в его трудах есть основания как для неизмеримого восхищения, так и для серьезной критики и неприятия» (Клейн 2014: 432). Однако у самого Л.С. Клейна в подобранной им информации звучит больше неприятия, чем одобрения. Ученый заявляет прямо: «Но хотя мне Забелин более чужд как исследователь, чем Формозову, и я не столь высоко оцениваю его археологические дела, как человек мне Забелин, признаться, импонирует. Я люблю сильных и работящих людей» (Клейн 2014: 465).

Авторы истории Императорской Археологической комиссии считают, что «уход И.Е. Забелина из Комиссии в 1876 г. в значительной степени мотивировался драматической ситуацией, когда он был вынужден заниматься не тем, что его интересовало и чем он продолжал заниматься на самом деле, — русскими средневековыми древностями. Сам И.Е. Забелин записал в 1866 г. в своем дневнике: «Я сделался чиновником для раскопок, в то время, как ваше сиятельство, при определении меня назначали, словом, быть членом для “русских древностей”. Держите нас весьма умеренной степени вознаграждения за отличие» (ИАК 2009: 44).

Очерком о жизни и творчестве И.Е. Забелина, написанном А.А. Формозовым, открывается библиографический указатель к его юбилейной выставке. В очерке

А.А. Формозов придерживается позиций в оценке И.Е. Забелина-археолога, высказанных им ранее (Иван Егорович Забелин 1988).

Как показывает анализ историографии работ о И.Е. Забелине-археологе, в российской науке существует неоднозначная оценка его экспедиционной деятельности. В этой связи специального рассмотрения заслуживает публикуемый документ, рассмотрение которого целесообразно проводить в контексте других архивных и опубликованных материалов.

Проект инструкции о раскопках И.Е. Забелина

Документ написан на сложенном вдвое листе бумаги в 1/5 формата, чернилами, с небольшим количеством исправлений. Почерк читаем трудно: видно, что рука исследователя «летела», он писал быстро, стремясь зафиксировать с максимальной четкостью приходящие мысли. Текст разбит на шесть пунктов, далее идут сплошные записи, без разделения на пункты.

В первом пункте И.Е. Забелин отмечает, что «начинают раскопку с макушки» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227). Современным археологам это представляется не значимым и самим собой разумеющимся. Но для нас ценно это указание ученого на необходимость снимать курганы «под снос», что подтверждают слова из следующего пункта: «Должно, идя по горизонтали как бы (не ясное слово) снимать ровный пласт земли от 4 до 6 вершков (сколько возьмет лопатка или заступ) вообще так, как поднимают слой дерна. Когда будет поднят таким способом первый пласт, начинают снимать второй, третий и т.д. всегда ровно по всему пространству» (ОПИ ГИМ Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227). Здесь необходимо отметить слова «всегда ровно по всему пространству». Именно так начинал раскапывать И.Е. Забелин знаменитый Чертомлык, только сняв половину насыпи, перешел к раскопкам траншеей. Именно такой подход позволил ученому создать уникальный многоцветный план кургана на самодельной сетке, вычерченной карандашом с «шагом» в одну сажень, с отметкой реперных точек и планом погребения (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 256). Именно это позволило И.Е. Забелину предположить неоднократную подсыпку Чертомлыка, как и других скифских царских курганов. И далее — слова, которые, на наш взгляд, полностью снимают с И.Е. Забелина обвинения в незнании методики раскопок: «можно так копать весь курган, но для сокращения времени и издержек лучше вынимать только его середину на третью долю его подошвенного диаметра по линии точно восток-запад». (ОПИ ГИМ Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227). И.Е. Забелин производителю земляных работ на Чертомлыке М.М. Сухареву указывает: «насыпь необходимо срыть всю» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 258. Л. 5), и до половины кургана она была снята полностью (Алексеев 2004: 45).

«Для сокращения времени и издержек»... С проблемой недостатка средств на раскопки сталкивались и часто до сих пор сталкиваются исследователи скифских курганов.

На первый взгляд, государство щедро финансировало раскопки, поскольку пополнение Императорского Эрмитажа являлось актом национального престижа. Например, на раскопки Чертомлыка Министерством императорского двора была отпущена крупная по тому времени сумма — 1000 руб., к которой было добавлено еще 5000 руб. и обещано 2000 (itexts.net: 1). Почти половину своего годового бюджета, — 5850 руб. — было направлено на раскопки Семибратних курганов. Керченскому Музею была утверждена из Государственного Казначейства ежегодная прибавка в размере 1500 руб. серебром «собственно для археологических разысканий, производимых около Керчи, в добавок к 1 428 руб. 57 коп. серебром, ассигнованным <…> на тот же предмет и на содержание Керченского Музеума» (Лазенкова 2001). «Из средств Государственного казначейства Одесскому Обществу истории древностей ежегодно выделялась субсидия в размере 1428 руб. 57 коп. серебром (по разменному курсу 1839 г. — около 5 тыс. руб. ассигнациями)» (Шаманаев 2018: 65). Ф.А. Браун получил на раскопки у с. Нижние и Верхние Серогозы и с. Большая Белозерка от

Археологической комиссии 1800 руб. (открытаяархеология.рф: 1). Но, учитывая, что раскопки производились целиком вручную, а транспорт использовался гужевой, даже этих средств было не достаточно. Раскопки широкими площадями требовали больших средств и значительного числа рабочих, на нехватку которых указывает сам Иван Егорович (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 89).

Тонкая наблюдательность свойственна И.Е. Забелину при снятии насыпи кургана: «если на раскопанном ровном пространстве обнаружатся какие-либо вещи и чтобы такое было, в первое время очищать от грунта и не трогать, но осторожно освобождать их раскопкою пласта дальше» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227). Так Иван Егорович обосновывал, не используя этот термин, необходимость оставлять вещи in situ, что прочно вошло в практику современных археологов. Он фиксирует: «В 4 саженях от центра к северо-востоку найдено донце красноглиняной амфоры. В западном углу найдено несколько черепков от разбитой (вставлено — красноглиняной — Ю.К.) амфоры и от пустого горшка весьма плохого производства. В камнях фундамента на западной стороне найден разбитый небольшой (вставлено — чернолгиняный — Ю.К.) горшочек вроде кувшина (дно в диаметре 1 вершок, пузо 2 вершка)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л.19).

Иван Егорович указывает на необходимость «замечать и записывать в журнал, в каком положении они лежат, что, как и в каком виде и расстоянии друг от друга находится, считается от центра кургана на В.З.С.Ю., а также от костей остова, если таковые встретятся» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227). Ведение полевого дневника, изо- и фотофиксация находок представляются обыденностью археологам XXI в. Но во времена становления методики раскопок требование вести полевую документацию представляется исключительно важным. Иван Егорович повторяет это неоднократно: «И все записывать в журнал, каждую мелочь, каждое по-видимому пустое обстоятельство» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228). Рекомендация И.Е. Забелина «все подробно описывается в журнале и обозначаются вещи номерами для чего их можно завертывать в бумагу и на ней писать номера» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228) воплощалась им на деле. Ученый проводит опись находкам из Чертомлыка по номерам: «Убор первого коня золотой: № 66 — наносник (вычеркнуто — формы с изображением голов какого-то животного — Ю.К.): подобный описанным; №№ 67—68 — две золотые бляхи с серебряными ушками; №№69—70 — две медных пуговицы с серебряными ушками (у одной ушко отломлено); №№71—76 — шесть бронзовых пуговиц с серебряными ушками; №№77—80 — четыре пластины с седел (помяты); №№81—84 четыре плоских пуговиц с седла» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 62). Проводя раскопки античных поселений, И.Е. Забелин составляет тщательные описи найденных вещей, указывая число частей, материал, сохранность и размеры (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 261—272).

О том, что «Инструкция» представляет собой итог многолетних внимательных наблюдений, свидетельствует указание на то, что «найденное погребение человеческое или конское в насыпной земле, т.е. в самом объеме курганной насыпи, не суть главное первоначальное, которое надо искать на материке или в самом материке. Здесь тоже надо копать, снимая и ровный горизонтальный пласт, по среди которого сама собою откроется и могилка, т.е. место, где будет рушенная земля. От материка она отличается иногда и цветом, и вообще рыхлостью. Могилку вскрывать, копая землю также как бы по ватерпасу, снимая пласт за пластом, но уже с большею осторожностию, дабы не (не ясное слово) костей и вещей, с которыми вообще нужно поступать так, как производят анатомический препарат» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228). При этом ученый отмечает обязательность использования компаса (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228), и планы и разрезы раскопанных им курганов имеют точную географическую привязку. Так закладывалась традиция использовать геодезическое оборудование в ходе ведения раскопок, что указывает на внимательность и широкий кругозор И.Е. Забелина.

Тщательность в проведении работ является главным для исследователя. Так, И.Е. Забелин указывает, что «необходим также и план кургана с отметками всех находок.

Касательно остова примечать изначально как лежит: вытянуто или скорченно, на каком боку, как лежит голова, руки, ноги и пр. и пр., конь лежит как: на боку или на животе, куда мордою, и как положены ноги и т.д. Горшок стоит или лежит, куда отверстием, что в нем, и т.д.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228). Выше мы упоминали план кургана Чертомлык, выполненный ученым и тщательно проанализированный И.В. Яценко (Яценко 2002). Сама И.В. Яценко (Яценко 2002) и А.Ю. Алексеев (Алексеев 2004) сравнили чертеж с результатами доисследования Чертомлыка в 1980—1990-е годы и пришли к выводу о совпадении чертежа И.Е. Забелина с результатами современной фиксации (Алексеев 2004: рис. 1), отметив, что «сам чертеж И.Е. Забелина демонстрирует удивительную тщательность его работы» (Алексеев 2004: 45).

Выводы

Квинтэссенцией всего документа, да и всей полевой работы ученого, являются завершающие слова: «Вообще раскопка кургана есть анатомический препарат, который должен быть описан хронологически самым подробным образом» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228). Метафора из области естественных наук не случайна: именно в 1860 гг. происходит подъем естествознания в России, оно становится символом прогрессивных настроений в обществе. В 1862 г. свой роман «Отцы и дети» с главным героем — представителем естественных наук — публикует И.С. Тургенев. Писатель восторженно относился к трудам И.Е. Забелина, хотел издавать его «Домашний быт русских царей» (Клейн 2014: 453). Иван Егорович записывает: «Все науки распадаются на два отдела. Одни (естественные) изучают творчество природы, другие (исторические) изучают творчество человека» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 39). Видя свою ответственность перед наукой, ученый видел необходимость в создании инструкции по раскопкам курганов, основанной на его многолетнем археологическом опыте, приравняв изучение «творчества природы» и «творчества человека». Публикуемый документ, как и обращение к архиву ученого в целом, хочется надеяться, снимает ряд противоречий в оценке его деятельности как полевого археолога, прежде всего — обвинения в незнании методики раскопок курганов, в изучении их траншеями и оставлении не докопанными. Документы показывают, что И.Е. Забелин был внимательным и вдумчивым, добросовестным полевым исследователем. Не его виной, а бедой российских археологов того времени была необходимость экономить время и средства. Тщательная фиксация строения курганов, проведенная И.Е. Забелиным, стала источником для позднейших реконструкций и дискуссий (Анучин 1909; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991; Ольховский 1991; Болтрик 2000). Осмысление его теоретического наследия в археологии на современном уровне является задачей дальнейшего исследования.

Приложение

ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227—228

1) Начинают раскопку с макушки, но не так, как копают яму для посадки дерева.

2) Должно идя по горизонтали как бы (не ясное слово) снимать ровный пласт земли от 4 до 6 вершков (сколько возьмет лопатка или заступ) вообще так, как поднимают слой дерна. Когда будет поднят таким способом первый пласт, начинают снимать второй, третий и т.д. всегда ровно по всему пространству.

3) Можно так копать весь курган, но для сокращения времени и издержек лучше вынимать только его середину на третью долю его подошвенного диаметра по линии точно восток—запад.

4) Если на раскопанном ровном пространстве обнаружатся какие-либо вещи и чтобы такое было, в первое время очищать от грунта и не трогать, но осторожно освобождать их раскопкою пласта дальше. При поднятии следующего пласта вещи должны обозначиться (не ясное слово) причем необходимо с большой осторожностью окапывать их вокруг, отнимая только пустую землю.

5) Требуется разбирая со осторожностью вещи с места, замечать и записывать в журнал, в каком положении они лежат, что как и в каком виде и расстоянии друг от друга находится, считается от центра кургана на В.З.С.Ю. , а также от костей остова, если таковые встретятся. Надо знать, что смотреть и с какой стороны, в головах около ушей, под плечом, около бедра, у (не ясно) руке, у локтя, у ног и т.д. Все подробно описывается в журнале и обозначаются вещи номерами для чего их можно завертывать в бумагу и на ней писать номера

6) Найденное погребение человеческое или конское в насыпной земле, т.е. в самом объеме курганной насыпи, не суть главное первоначальное, которое надо искать на материке или в самом материке. Здесь тоже надо копать, снимая и ровный горизонтальный пласт, по среди которого сама собою откроется и могилка, т.е. место, где будет рушенная земля. От материка она отличается иногда и цветом, и вообще рыхлостью. Могилку вскрывать, копая землю также как бы по ватерпасу, снимая пласт за пластом, но уже с большею осторожностию, дабы не (не ясное слово) костей и вещей, с которыми вообще нужно поступать так, как производят анатомический препарат. И все записывать в журнал, каждую мелочь, каждое, по-видимому, пустое обстоятельство: найден на севере или на юге от середины кургана камень круглый, острый, и т.п. и его записать, что, мол, вот на этом месте найден камень такой-то величины на такой то высоте от вершины или от материка в расстоянии стольких саженей от вершины — вершина на С.Ю.В.З. от центра. Без компаса, конечно, копать нельзя, или сначала надо верно определить, где еще С.Ю.З.В. относительно вбитыми в землю палочками.

Необходим также и план кургана с отметками всех находок. Касательно остова примечать изначально как лежит: вытянуто или скорченно, на каком боку, как лежит голова, руки, ноги и пр. и пр., конь лежит как: на боку или на животе, куда мордою, и как положены ноги и т.д. Горшок стоит или лежит, куда отверстием, что в нем, и т.д.

Вообще раскопка кургана есть анатомический препарат, который должен быть описан хронологически самым подробным образом.

Литература

Алексеев А.Ю. 2004. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А. Формозова.* Санкт-Петербург: СПбГУ, 37—48.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.)*. Киев: Наукова думка.

Анучин Д.Н.1909. *И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842—1876). Речь, прочитанная на заседании Московского археологического общества 10 апреля 1909 года*. Москва: Типография Общества распространения полезных книг.

Ардашев Н.Н.1909. И.Е. Забелин как теоретик археологии. *Древности.* Труды Московского археологического общества. Т. 22. Вып. 2, 71—218.

Артамонов М.И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага; Ленинград: Артия; Советский художник.

Арциховский А.В. 1948. Забелин-археолог. В: Смирнов А.П. (ред.). *Историко-археологический сборник*. Москва: Красный печатник, 5—11.

Бойкова О.Ф. (сост.). 1988. *Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель*. Москва: Центральная городская публичная библиотека имени Н.А. Некрасова.

Болтрик Ю.В. 2000. Скифский курган как единый ансамбль. В: Гуляев В.И., Ольховский В.С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. Москва: ИА РАН, 129—138.

Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса в VII—I вв. до н.э*. Москва: Наука.

Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). 1956. *Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху*. Москва; Ленинград: АН СССР (МИА 50).

Гуляев В.И. 2005. *Скифы — расцвет и падение великого царства*. Москва: Алтейя.

Гуляев В.И. 2017. Александрополь — «царский» курган скифов: взгляд со Среднего Дона. *Вестник Московского университета.* Сер. 8. История 4, 123—144.

Древности 1866—1872: *Древности Геродотовой Скифии. 1866—1872: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Жебелёв С.А. 1929. Милет и Ольвия. *Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук* 6, 427—435.

Забелин И.Е. 1852. *Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия*. Санкт-Петербург: [б.и.].

Забелин И.Е. 1862. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии*. Т. 1. *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии*. Москва: Типография В. Грачева и Компании.

Забелин И.Е. 1865. *Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря*. Москва: Типография В. Грачева и Компании.

Забелин И.Е. 1869. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии*. Т. 2. *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии*. Москва: Типография В. Грачева и Компании.

Забелин И.Е. 1873. *Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания*. Москва: К.Т. Солдатенков.

Забелин И. 1891. *Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина*. Москва: Московская городская типография.

ИАК 2009: Мусин А.Е., Носов Е.Н. (ред.). 2009. *Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Клейн Л.С. 2014. *История Российской археологии: учения, школы и личности*. Т.1. *Общий обзор и дореволюционное время*. Санкт-Петербург: Евразия.

Ключевский В.О. 1983a. Рецензия на книгу И.Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен» (М., 1876, ч. 1). В: Ключевский В.О. *Неопубликованные произведения*. Москва: Наука.

Ключевский В.О. 1983b. Д.И. Иловайский и И.Е. Забелин. В: Ключевский В.О. *Неопубликованные произведения.* Москва: Наука.

Кокорина Ю.Г. 2011. *Терминосистема концептуальной области «Археология».* Москва: Либроком.

Кузнецов В.Д. 2007. Фанагория: история исследований и новые находки. *РА* 2, 5—15.

Кузьминский К.С. 1912. *И.Е. Забелин и его печатные труды*. Москва: Синодальная типография.

Лазенкова Л.М. 2001. Керченский Музей Древностей. Исследователи. «Почтенный» археолог А.Е. Люценко. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Т. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 287—292.

Леви Е.И. 1985. *Ольвия. Город эпохи эллинизма*. Ленинград: Наука.

Мелюкова А.И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Ольвия 1964: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). 1964. *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука.

Ольвия 1999: Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.

Ольховский В.С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н.э.)*. Москва: Наука.

ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 258.

ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260.

ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261.

ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262.

ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263.

открытаяархеология.рф: 1: Браун Федор Александрович — Открытая археология. URL: http://открытаяархеология.рф/individuals/браун-федор-александрович (дата обращения 25.01.2023).

Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. 2004. Орнаментированный предмет из кургана Козёл: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? *АВ* 11, 128—137.

Платонова Н.И. 2010. *История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Русяева А.С., Русяева М.В.2004. *Ольвия Понтийская. Город счастья и печали.* Киев: Стилос.

Русяева А.С. 1992. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Сахаров А.Н. 1990. И.Е. Забелин: новая оценка творчества. *ВИ* 7, 3—17.

Сахаров А.Н. 1996. Народ — разгадка всего: И.Е. Забелин. В: Сахаров А.Н. (отв. ред.). *Историки России. XVIII — начало XX века*. Москва: Наука, 315—333.

Севостьянов Г.Н., Мильская Л.Т. 2000. *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. 1. *Отечественная история*. Москва; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim.

Соколов Г. 1989. *Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство*. Москва: Греко-латинский кабинет.

Фанагория 2013: Кузнецов В.Д. (ред.). 2013. Фанагория. *Результаты археологических исследований*. Т. 1. *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. Москва: ИА РАН.

Формозов А. А.1984. *Историк Москвы И.Е. Забелин*. Москва: Московский рабочий.

Формозов А.А. 2004. *Историография русской археологии на рубеже XX—XXI веков*. Курск: Курский медицинский университет.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. 2018. *Охрана культурного наследия в Российской империи*. Екатеринбург: Уральский университет.

Яновский А.Д. (отв. ред.). 1992. *И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения*. *Труды ГИМ* 81.

Яценко И.В. 2002. Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык. *РА* 4, 131—142.

itexts.net: 1: Брашинский В.И. В поисках скифских сокровищ. URL: https://itexts.net/avtor-iosif-benyaminovich-brashinskiy/255072-v-poiskah-skifskih-sokrovisch-iosif-brashinskiy/read/ page-1.html (дата обращения 04.01.2021).

References

Alekseev, A.Yu. 2004. In: Stolyar, A.D. (ed.). *Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik. K 75-letiyu A.A. Formozova (Nevsky archaeological and historiographic collection. To the 75th Anniversary of A.A. Formozov)*. Saint Petersburg: SPbGU, 37—48 (in Russian).

Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e.) (Chertomlyk (Scythian Royal Burial Mound of the 4th Cntury BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anuchin, D.N. 1909. *I.E. Zabelin kak arkheolog v pervuyu polovinu yego nauchnoy deyatel'nosti (1842—1876). Rech', prochitannaya na zasedanii Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva 10 aprelya 1909 goda (I.E. Zabelin as an archaeologist in the first half of his scientific activity (1842—1876). Speech delivered at a meeting of the Moscow Archaeological Society on April 10, 1909)*. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig (in Russian).

Ardashev, N.N. 1909. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Moscow Archaeological Society).* Vol. 22. Iss. 2, 71—218 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures of the Scythian barrows in the State Hermitage collection)*. Prague; Leningrad: Artiya; Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Artsikhovskiy, A.V. 1948. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik (Historical and archaeological collection)*. Moscow: Krasnyy pechatnik, 5—11 (in Russian).

Boykova, O.F. (ed.). 1988. *Ivan Yegorovich Zabelin. Bibliograficheskiy ukazatel' (Ivan Egorovich Zabelin. Bibliographic index)*. Moscow: Tsentral'naya gorodskaya publichnaya biblioteka imeni N.A. Nekrasova (in Russian).

Boltrik, Yu.V. 2000. In: Gulyaev, V.I., Ol'khovskiy, V.S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n.e. Paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya (Scythians and Sarmatians in the 7th — 3rd Centuries BCE. Paleoecology, anthropology and archaeology)*. Moscow: IA RAN, 129—138 (in Russian).

Vinogradov, Yu.G. 1989. *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa v VII—I vv. do n.e. (Political history of the Olbian polis in the 7th — 1st Centuries BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Gaydukevich, V.F. (ed.). 1956. *Ol'viya i Nizhneye Pobuzh'ye v antichnuyu epokhu (Olbia and the Lower Bug region in antiquity)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (Materials and Research on the Archaeology of the USSR 50) (in Russian).

Gulyaev, V.I. 2005. *Skify — rastsvet i padeniye velikogo tsarstva (Scythians — the rise and fall of a great kingdom)*. Moscow: Alteyya (in Russian).

Gulyaev, V.I. 2017. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of Moscow University)*. Ser. 8. *Istoriya (History)* 4, 123—144 (in Russian).

Drevnosti 1866—1872: *Drevnosti Gerodotovoy Skifii. 1866—1872: sbornik opisaniy arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v chernomorskikh stepyakh s atlasom (Antiquities of Herodotus Scythia. 1866—1872: a collection of descriptions of archaeological excavations and finds in the Black Sea steppes with an atlas)*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk (in Russian).

Zhebelev, S.A. 1929. In *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of the Humanities)* 6, 427—435 (in Russian).

Zabelin, I.E. 1852. *Khronika obshchestvennoy zhizni v Moskve s poloviny XVIII stoletiya (Chronicle of social life in Moscow from the middle of the 18th Century)*. Saint Petersburg: [s.n.] (in Russian).

Zabelin, I.E. 1862. *Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii (Home life of the Russian people in the 16th and 17th Centuries)*. Vol. 1. *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletii (Home life of Russian tsars in the 16th and 17th Centuries)*. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii (in Russian).

Zabelin, I.E. 1865. *Istoricheskoye opisaniye moskovskogo stavropigial'nogo Donskogo monastyrya (Historical description of the Moscow stauropegial Donskoy Monastery)*. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii (in Russian).

Zabelin, I.E. 1869. *Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii (Home life of the Russian people in the 16th and 17th Centuries)*. Vol. 2. *Domashniy byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletii (Home life of Russian queens in the 16th and 17th Centuries)*. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii (in Russian).

Zabelin, I.E. 1873. *Kuntsevo i drevniy Setunskiy stan: istoricheskiye vospominaniya (Kuntsevo and the ancient Setun camp: historical memoirs)*. Moscow: K.T. Soldatenkov (in Russian).

Zabelin, I. 1891. *Materialy dlya istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvy, po opredeleniyu Moskovskoy gorodskoy Dumy sobrannyye i izdannyye rukovodstvom i trudami I. Zabelina (Materials for the history, archaeology and statistics of the city of Moscow, as determined by the Moscow City Duma, collected and published by the leadership and works of I. Zabelin)*. Moscow: Moskovskaya gorodskaya tipografiya (in Russian).

IAK 2009: Musin, A.E., Nosov, E.N. (eds.). 2009. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859—1917). K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya (Imperial Archaeological Commission (1859—1917). To the 150th Anniversary of its founding. At the origins of domestic archaeology and the protection of cultural heritage)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Il'inskaya, V.A., Terenozhkin, A.I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n.e. (Scythia 7th — 4th Centuries BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Klejn, L.S. 2014. *Istoriya Rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti (History of Russian archaeology: teachings, schools and personalities)*. Vol.1. *Obshchiy obzor i dorevolyutsionnoye vremya (General overview and pre-revolutionary times)*. Saint Petersburg: Evraziya (in Russian).

Klyuchevskiy, V.O. 1983a. In: Klyuchevskiy, V.O. *Neopublikovannye proizvedeniya (Unpublished works)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Klyuchevskiy, V.O. 1983b. In: Klyuchevskiy, V.O. *Neopublikovannye proizvedeniya (Unpublished works)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kokorina, Yu.G. 2011. *Terminosistema kontseptual'noy oblasti "Arkheologiya" (Terminology of the conceptual area "Archaeology")*. Moscow: Librokom (in Russian).

Kuznetsov, V.D. 2007. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 5—15 (in Russian).

Kuz'minskiy, K.S. 1912. *I.E. Zabelin i ego pechatnye trudy (I.E. Zabelin and his printed works)*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya (in Russian).

Lazenkova, L.M. 2001. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovaniye gosudarstva (Bosporan phenomenon: colonization of the region, the formation of policies, the formation of the state)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 287—292 (in Russian).

Levi, E.I. 1985. *Ol'viya. Gorod epokhi ellinizma (Olvia. Hellenistic city)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Melyukova, A.I. 1981. *Krasnokutskiy kurgan (Krasnokutsky mound)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ol'viya 1964: Gaydukevich, V.F. (ed.). 1964. *Ol'viya. Temenos i agora (Olvia. Temenos and Agora)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

Ol'viya 1999: Kryzhitskiy, S.D., Rusyaeva, A.S., Krapivina, V.V., Leypunskaya, N.A., Skrzhinskaya, M.V., Anokhin, V.A. *Ol'viya. Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'e (Olvia. An ancient state in the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Ol'khovskiy, V.S. 1991.. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n.e.) (Funeral and memorial rites of the population of the steppe Scythia (7th — 3rd Centuries BCE))*. Moscow: Nauka (in Russian).

OPI GIM. F. 440. Op. 1. D. 258.

OPI GIM. F. 440. Op. 1. D. 260.

OPI GIM. F. 440. Op. 1. D. 261.

OPI GIM. F. 440. Op. 1. D. 262.

OPI GIM. F. 440. Op. 1. D. 263.

otkrytayaarkheologiya.rf: 1: Braun Fedor Alexandrovich — Open archaeology. Available at: http://otkrytayaarkheologiya.rf/individuals/braun-fedor-aleksandrovich (accessed 25.01.2023).

Perevodchikova, E.V., Firsov, K.B. 2004. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11, 128—137 (in Russian).

Platonova, N.I. 2010. *Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX veka (History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th — first third of the 20th Century)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Rusyaeva, A.S., Rusyaeva, M.V.2004. *Ol'viya Pontiyskaya. Gorod schast'ya i pechali (Olbia of Pontius. City of happiness and sadness)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 1992. *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii (Religion and Cults of Ancient Olbia)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Sakharov, A.N. 1990. In *Voprosy istorii (Questions of history)* 7, 3—17 (in Russian).

Sakharov, A.N. 1996. In: Sakharov, A.N. (ed.). *Istoriki Rossii. XVIII — nachalo XX veka (Historians of Russia. 18th — beginning of the 20th Century)*. Moscow: Nauka, 315—333 (in Russian).

Sevost'yanov, G.N., Mil'skaya, L.T. 2000. *Portrety istorikov: Vremya i sud'by (Portraits of Historians: Time and Fates)*. Vol. 1. *Otechestvennaya istoriya (Domestic history)*. Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga; Gesharim (in Russian).

Sokolov, G. 1989. *Ol'viya i Khersones. Ionicheskoye i doricheskoye iskusstvo (Olbia and Chersonese. Ionic and Doric art)*. Moscow: Greko-latinskiy cabinet (in Russian).

Fanagoriya 2013: Kuznetsov, V.D. (ed.). 2013. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy (Phanagoria. Results of archaeological research)*. Vol. 1. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on archaeology and history of Phanagoria)*. Iss. 1. Moscow: IA RAN (in Russian).

Formozov, A. A.1984. *Istorik Moskvy I.E. Zabelin (Moscow historian I.E. Zabelin)*. Moscow: Moskovskiy rabochiy (in Russian).

Formozov, A.A. 2004. *Istoriografiya russkoy arkheologii na rubezhe XX—XXI vekov (Historiography of Russian archaeology at the turn of the 20th — 21th Centuries)*. Kursk: Kurskiy meditsinskiy universitet (in Russian).

Shamanaev, A.V., Zyryanova, S.Yu. 2018. *Okhrana kul'turnogo naslediya v Rossiyskoy imperii (Protection of cultural heritage in the Russian Empire)*. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet (in Russian).

Yanovskiy, A.D. (ed.). 1992. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 81 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 2002. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 131—142 (in Russian).

itexts.net: 1: Brashinsky V.I. In search of Scythian treasures. Available at: https://itexts.net/avtor-iosif-benyaminovich-brashinskiy/255072-v-poiskah-skifskih-sokrovisch-iosif-brashinskiy/read/page-1.html (accessed 04.01.2021).

История

History

DOI: 10.53737/4959.2023.89.28.020

А.А. Внуков, С.В. Ярцев, Т.В. Брынза

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ «ЦАРСКИХ» ГУННОВ И АКАЦИРОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ V В.*

Главной целью исследования было выяснение обстоятельств организации правящими кругами Константинополя покушения на гуннского вождя Харатона. Ввиду данных письменных и археологических источников, главной и, пожалуй, единственной причиной этого предприятия могли быть частые набеги на имперские территории со стороны «царских» гуннов, усилившихся в Барбарикуме. Однако, согласно греко-латинской традиции, в интервале 408—412 гг. существенных столкновений между гуннами и константинопольскими войсками не было. Следовательно, причина обострения взаимоотношений между «царскими» гуннами и Восточной Римской империей была в другом. Исходя из анализа археологических источников Восточного Крыма, яблоком раздора в указанное время могло стать Боспорское царство, которое с конца IV в. находилось под защитой гуннов-акациров, восточной ветви кочевников, усилившихся в Северном Причерноморье после падения королевства Германариха. Вероятнее всего именно в начале V в. под предводительством Дуптуна акациры смогли отстоять в союзе с Константинополем свою независимость и сдержать натиск «царских» гуннов в Северном Причерноморье, тем самым отсрочив разорение Боспора.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, Восточная Римская империя, «царские» гунны, акациры, варварский мир, военные конфликты.

Сведения об авторах: Внуков Артем Андреевич[1], ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Ярцев Сергей Владимирович[2], доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Брынза Татьяна Васильевна[3], старший преподаватель кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

Контактная информация: [1,2]300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: [1]vnukovartemy@yandex.ru; [2]s-yartsev@yandex.ru. [3]010008, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина, д. 11, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; e-mail: tanechka83-83@mail.ru.

A.A. Vnukov, S.V. Yartsev, T.V. Brynza

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE ‘ROYAL’ HUNS AND THE AKATZIRS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE EARLY 5th CENTURY

The main goal of the study was to clarify the circumstances of the organization by the Constantinople’s ruling elite of an assassination attempt against the Huns’ leader Charaton. Judging by both written sources and archaeological record, it is strengthening of the ‘royal’ Huns’ forces in Barbaricum and their frequent raids on imperial territories, which could only have been the main and only reason for such an enterprise. However, according to the Greco-Latin tradition, there were no significant military clashes between the Huns and the Constantinopolitan army between 408 and 412. Consequently, there must have been another reason why the situation became so strained. Based on the analysis of archaeological materials from Eastern Crimea, the

* Работа выполнена за счёт гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Статья поступила в номер 11 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© А.А. Внуков, С.В. Ярцев, Т.В. Брынза, 2023.

conclusion is that the Bosporan Kingdom could most likely have been the apple of discord at that time, which from the end of the 4th century was under the protection of the Huns—Akatzirs, the eastern branch of the nomads who strengthened in the Northern Black Sea area after the fall of the kingdom of Ermanaric. It seems likely that it was in the early 5th century that the Akatzirs were able to defend their independence in alliance with Constantinople under the leadership of Douptounos and hold back the onslaught of the 'royal' Huns in the Northern Black Sea region, thus delaying the devastation of the Bosporus.

Key words: Northern Black Sea region, Bosporan Kingdom, Eastern Roman Empire, 'royal' Huns, Akatzirs, barbarian world, military conflicts.

About the authors: Vnukov Artem Andreevich[1], Assistant of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Yartsev Sergey Vladimirovich[2], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Brynza Tatiana Vasilyevna[3]; Senior lecturer of the Department of archaeology and ethnology, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Contact information: [1,2]300026, Russia, Tula, 125 Lenin Ave., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: [1]vnukovartemy@yandex.ru; [2]s-yartsev@yandex.ru; 010008, [3]010008, Kazakhstan, Astana, 11 Pushkin St., L.N. Gumilyov Eurasian National University; e-mail: tanechka83-83@mail.ru.

В 412 г. в ходе дипломатической миссии, организованной Восточной Римской империей к гуннам, было совершено покушение на некого Доната (Olimp., 18). Предприятие увенчалось успехом, хотя для решения последствий правительству Константинополя пришлось выплатить гуннскому вождю Харатону некую существенную сумму денег. Наши попытки объяснить некоторые неоднозначные обстоятельства этого события позволили А.А. Внукову предположить, что Донат не был гуннским вождем (Внуков 2022: 21—33), как считалось ранее в историографии (Thompson 2004: 38—40; Засецкая 1994: 145). Однако, к сожалению даже при всех имеющихся допущениях, посольство Олимпиодора до сих пор остается оторванным от целостной исторической картины второго этапа Великого переселения народов в Восточной Европе.

Напомним, что согласно письменным источникам летом 376 г. гуннские отряды, перейдя естественные природные границы Северного Причерноморья, разбили в регионе потестарное королевство Эрманариха и подчинили себе его подданных (Amm. Marc., XXXI, 3, 1; Eunap., 43; P. Oros., VII, 9, Iord. Get., 129—130, 245—250). Затем до начала 400-х гг. эти кочевники пропадают из поля зрения греко-латинских авторов, современников этих событий, пока в 400 г. на Истре не произошло боевое столкновение всадников Ульдина и потрепанного отряда мятежника Гайны. В ходе сражения последние были ликвидированы номадами, в результате чего гунны Ульдина получили возможность заключить союз с императором Аркадием (Zos. Hist., V, 22, 3).

К сожалению, письменные источники, повествующие о гуннах этого времени не достаточно информативны. Мы почти ничего не знаем о деятельности Ульдина и упомянутого выше Харатона. Достоверно известно, что Ульдин, скорее всего, управлял неким родом гуннов в 400—408 гг. на западе и был подконтролен Стилихону, а Харатон в 412 г. оставался где-то на территории барбарикума. Однако географически место положения его центра власти сложно локализировать. В историографии по данному вопросу точки зрения весьма противоположные. Одни авторы полагают, что ставка Харатона находилась в Центральной Европе (Maenchen-Helfen 1973: 74; Heather 2005; Пилипчук 2019: 15—16), другие настаивают на ее локализации в Северном Причерноморье (Засецкая 1994: 145; Казанский, Мастыкова 2009: 114—125; Буданова, Горский, Ермолова 2017: 121—122). В свою очередь мы должны отметить, что, безусловно, лишь выявление достоверных причин появления римских послов в ставке гуннского вождя позволит не только найти место дислокации основных гуннских сил в Европе, но и определить особую роль гуннов в историческом развитии региона в начале — середине V в.

Перед тем как приступить к обзору основных источников, которые могли бы послужить существенным подспорьем в освещение поставленного вопроса, следует сказать, что аттентат являлся довольно распространенной политикой Рима в отношениях с варварскими вождями (Голдсуорти 2014: 356; Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 262), не желавших жить по навязанным Римом правилам. В контексте гуннских лидеров, мы имеем как минимум два примера — это соответственно покушение 412 г., описанное Олимпиодором (Olimp., 18), и попытка устранить Аттилу в ходе посольства в 449 году (Prisc., Frag. 8). К данному списку условно можно добавить и успешную кампанию восточно-римского правительства по устранению угрозы, возникшей в результате набега Ульдина на Фракию. Тем не менее, в данном событие ромеи лишь переманили на свою сторону воинский контингент гуннского вождя, который во время контратаки перешел на сторону римлян (Soz., IX, 5). Ульдину удалось покинуть поле битвы и скрыться за Истром. Больше об этом вожде ничего не известно. Возможно, он погиб осенью 408 г., не сумев нарастить былую военную мощь.

Каковы же причины такой политики римлян? В случае с Ульдином и Аттилой константинопольское правительство явно вынуждено было пойти на крайние меры из-за нарастающей угрозы вторжения гуннских вождей вглубь Балканского полуострова и скапливания их основных вооруженных сил на границах Восточной империи. В связи с этим можно предположить, что события 412 г. тоже могли быть связаны с какими-то боевыми действиями не меньшего масштаба. Однако ни один имеющийся в нашем распоряжении источник не повествует о каких-то грандиозных военных кампаниях гуннов против ромеев в период с 408 по 412 г.

Представляется, что прибывающие в шоковом состоянии римляне, из-за событий произошедших на рубеже IV—V вв., попросту не заметили колоссальных изменений в военно-политической обстановке в Скифии. Возможно, из-за движения Алариха на Рим, восстания Ульдина во Фракии, тексты греко-латинских авторов приобрели локальный, можно сказать «местечковый» характер. В результате такого положения дел почти на сто лет из исторических произведений IV и V вв. выпали сведения о Боспорском царстве, словно оно исчезло в результате гуннского нашествия, когда как археологический материал говорит об обратном варианте развития событий. Мало того, что многие города и поселения не пострадали в ходе гуннского нашествия, так еще на протяжении V в. в них заметно продолжалась жизнь (Зинько 2011: 250—254; Хршановский 2017: 114—129). Хотя стоит отметить, что некоторые исследователи до сих пор считают, что в конце IV — начале V в. гунны нанесли урон Боспорскому царству, в период вторжения кочевников на полуостров в 395 г.[1], которое состоялось в рамках Кавказкого похода этих номадов (Айбабин 2019: 47—61; 2023: 41—48).

Однако стоит признать (как факт!) не способность гуннами самостоятельно преодолеть Боспор Киммерийский. Во-первых, из-за того, что переход через пролив даже для небольшой группы номадов сулил слишком большие потери, как в воинском контингенте, так и в продовольственной базе. И, во-вторых, доверять однозначно письменным свидетельствам древних авторов, которые реконструировали маршрут проникновения гуннов в Европу через Боспор Киммерийский, точно не стоит. Еще Евнапий говорил, что современники тех событий мало осведомлены об этом народе, как, впрочем, и он (Eunap., 42). Именно поэтому он принялся заимствовать сведения о гуннах у древних писателей, которые показались ему правдоподобными, особо не задумываясь об исторических реалиях последней четверти IV в.

В 2003 г. А.А. Тортика, который основательно разобрал рассказ о переправе гуннов через Боспор Киммерийский, доказал легендарное происхождение этого сюжета. В действительности эта история, которую как истину восприняли многие позднеантичные писатели, была выдумкой самого Евнапия, основанной на мифе об Ио (Тортика 2003: 62—72). Со временем вывод Евнапия стал преобладать в среде ученых мужей, и многие позднеантичные и раннесредневековые авторы продолжали воспроизводить его рассказ в

[1] О походе гуннов в восточные провинции империи в 395 г. см. (Ярцев, Зубарев 2020).

своих последующих работах. Пожалуй, единственной правдоподобной реконструкцией современников тех событий реального маршрута кочевников в Причерноморье является известный текст римского военного деятеля середины IV в. Аммина Марцеллина. Согласно ему, путь кочевников к границам грейтунгов пролегал по северному берегу Меотиды (Amm. Marc., XXXI, 3, 1). Отметим и то, что даже единственная современная реконструкция перехода гуннов в 376 г. через Керченский пролив, основанная на критическом анализе письменных и материальных источников, исключает самостоятельное форсирование Боспора Киммерийского кочевниками. Скорее всего, через подобную водную преграду могла пройти только небольшая группа номадов, и то без вспомогательного флота (в данном случае римлян) ей было бы не обойтись. Безусловно, основная «орда» шла к границам грейтунгов по приазовским степям (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015: 257—263). Именно поэтому мы не склоны считать, что маршрут гуннов на Кавказ в 395 г. пролегал через Боспор Киммерийский, так как путь через пролив им был в то время неизвестен, а значит, не был безопасным.

Что касается археологического материала именно гуннов, то в Северном Причерноморье его для рассматриваемого времени немного. К примеру, к Крымским памятникам периода конца IV — начала V в. можно отнести известное захоронение у д. Марфовка (первая хронологическая группа по И.П. Засецкой, конец IV — первая половина V вв.) и находки из Керчи. Следует отметить, что классификация И.П. Засецкой (Засецкая 1994: 111—131) не бесспорна, к примеру, А.И. Айбабин относит марфовский комплекс к концу V в. (Айбабин 2019: 50), тогда как М.М. Казанский и А.В. Мастыкова считают, что данное захоронение относится к группе памятников периода D2 (380/400—440/450) и к начальной фазе периода D2/D3 (430/440—470/480) центрально европейской хронологии (Казанский, Мастыкова 2009: 114—129). Более узкую хронологию комплекса предложил А.В. Комар, по его мнению находки стоит датировать 430—440 гг. (Комар 2000: 19—53).

В свою очередь такой хронологический разброс в большей степени подразумевает, что найденный в 1925 г. клад следует связывать с акацирами (Казанский, Мастыкова 2009: 114—129; Застрожнова, Шаров 2017: 395—410), а не с «царскими» гуннами. Напомним, что эта группа кочевников, судя по источникам, находилась восточнее «царских» гуннов и долгое время вплоть до 447 г. являлась полноценным хозяином северопричерноморских степей, пока Аттила окончательно не подчинил их себе. Когда акациры появились в регионе точно сказать сложно, археологического материала недостаточно чтобы делать какие-нибудь поспешные выводы. Но видимо, эти гунны начали продвигаться на запад из Азии лишь в последнее десятилетие IV в.

Относительно находок из Керчи, авторы уже высказывали предположение, что они могут принадлежать другой группе гуннов, появившихся на полуострове до 370-х гг. По письменным и материальным источникам эту волну кочевников можно идентифицировать как алпидзуров (Внуков, Ярцев 2022: 95—104; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 448—460). Эти гунны во время прихода «царских» гуннов в Северное Приазовье были согнаны последними с занятой ранее ойкумены (Iord., 126). Вероятнее всего некоторые из них приняли участие в 378 г. в восстании Фритигерна, а другая их часть вполне могла откочевать в степные пространства Крыма.

В этой связи стоит дополнить к списку имеющихся в нашем распоряжении источников еще один, хотя и косвенный, но все же археологический материал, согласующийся с предлагаемым нами ходом событий — это неоднозначная, по своему характеру, надпись на плите из белого мрамора, которая была найдена в Керчи в октябре 1888 г. Текст надписи повествует о строительстве некой башни при боспорском царе, «друге цезаря и друге римлян» Тиберии Юлии Дуптуне (КБН 1965: № 67). Из-за многочисленных повреждений и мелких выбоин надпись читается с трудом. По этой же причине однозначная датировка надписи так же не возможна. К примеру, Н.Н. Болгов и И.В. Зайцева относят ее написание к началу VI в. (Болгов, Зайцева 2019: 517—526), Ю.Г. Виноградов и Н.И. Храпунов — к концу V в. (Виноградов 1998: 233—247; Храпунов 2002: 88—90.), В.П. Яйленко и С.В. Ярцев к концу

IV — началу V веков (Яйленко 2002: 303—331; Ярцев, Лебединец 2020: 774—783), т.е. к тому времени, когда и был устранен в ходе посольства нотарий гуннского вождя Донат. В свою очередь мы считаем, что В.П. Яйленко справедливо заметил, что надпись Дуптуна носит не византийский, а типичный позднеантичный характер, подобно надписям своих предшественников боспорских царей, правивших в IV в. н.э. Она открывается обычной, в таких случаях, формулой «В добрый час» и построена по позднеантичному формуляру (Яйленко 2002: 303—331). Очевидно, как предполагал еще Э. Миннз, она не может быть отделена большим периодом от надписей предшествующих царей (Minns 1913: 610).

Самое же интересное в этой надписи является то, что указанное в ней имя царя не вполне себе отвечают нашим представлениям в антропонимике боспорских династов. Возможно появление правителя из рода Аспурга с подобным именем, следует связать с этнической сменой правящей верхушки государства, так как имя Дуптун хорошо разъясняется именно на тюркском материале, и, следовательно, вполне может иметь гуннское происхождение. Такому выводу трудно возразить, учитывая, что двухчастная структура и вторая часть имени Дуптуна, полностью соответствует данным особенностям более поздних имен гунно-булгарских ханов и родов. Все это однозначно свидетельствует о материальном единстве, таких имен, как Дуптун, Гостунъ, Вихтунъ, Дукум. В этом случае, содержание имени Дуптуна будет означать «имеющий (дикую) лошадку» (Яйленко 2002: 303—331; Ярцев 2020: 61—67). Следовательно, Дуптун вполне мог являться одним из представителей аристократической верхушки акациров на заре своей военно-политической карьеры.

Судя же по оставленному сообщению Олимпиодора Фиванского, ставка Харатона находилась в области к западу от Днепра. На такое положение дел намекает сам характер путешествия римского посольства, в описании которого ничего не говориться об опасных скитаниях по морям. Также надо отметить, что при сопоставлении текста Олимпиодора с путевыми записками Приска Панийского в целом, некоторые высказанные ранее гипотезы, к примеру, об отбытие дипломатов из портов Апеннинского полуострова или Константинополя в Паннонию (Maenchen-Helfen 1973: 74; Heather 2005) представляются не состоятельными. Дело в том, что путь в среднедунайскую низменность из Рима/Равенны или Константинополя дипломаты могли совершить и гужевым транспортом, не используя для этого суда. Тем более, как можно увидеть из воспоминаний о посольстве к Аттиле Приска Панийского, подобные путешествия подданные Валентиниана III совершали неоднократно (Prisc., Frag. 8). Более того, сухопутным путем в Паннонию добиралась делегация Приска, а эти дипломаты, заметим, отправились к гуннскому вождю из столицы Восточной Римской империи (Prisc., Frag. 8). Примечательно, что Приск сохранил информацию о морском посольстве к гуннам из Константинополя. Согласно его записям Феодосий II отправил к Аттиле бывшего консула Синатора, который, несмотря на звание посланника, не осмелился ехать к гуннам сухим путем, но отправился Понтом к городу Одессу (Prisc., Frag. 4). Исходя из этого, можно сказать, что рассказ Приска лишний раз показывает возможность осуществления описываемой Олимпиодором миссии только лишь правительством Константинополя в северопричерноморских степях (Внуков 2020: 60—66). Надо согласиться с мнением И.П. Засецкой, которая ранее локализировала ставку Харатона в Северном Причерноморье, о том, что в Паннонии гунны утвердились лишь в 433 г., тогда же ставка единого гуннского правителя и была перенесена из Понтийских степей на территорию современной Венгрии (Засецкая 1994: 145).

Если сделанные выводы соответствуют исторической действительности, то мы вполне себе можем видеть свидетельства первого конфликта акациров с «царскими гуннами». Вероятнее всего Дуптун был одним из родовых предводителей акациров, которые смогли в начале V в. утвердиться в дельте Танаиса и восстановить самый северный форпост Боспорского царства (Обломский 2010: 174—202). Обеспечив себя хорошей материальной базой за счет вошедших в их конфедерацию племен народов, акациры стали почти на пятьдесят лет полноценными

хозяевами в степях, находящихся восточнее Днепра, тогда как «царские» гунны во главе с Харатоном входе завоевательной политике продвинулись ближе к Дунаю.

Не имея возможности дистанционно эксплуатировать оседло-земледельческие народы, гунны Харатона были вынуждены пойти на конфронтацию с акацирами, которые к тому времени заключили династический союз с Боспором и стали своего рода федератами Восточной Римской империи и защитниками Боспорского царства. Напомним, что война Аттилы и акациров, началась с жалобы Куридаха, на несправедливую политику правительства Феодосия II в отношении его. Возможно, именно с начала 400-х гг. до 447 г. константинопольцы охотно одаривали вождей акациров богатыми подарками, лишь бы те только не вступали в союз с «царскими» гуннами. Вероятно, что частые боевые действия в Скифии, и недавние сообщения о взятии Рима заставили правительство Антемия действовать на опережения и спасать обретенных на севере союзников в лице акациров. Правительство Восточной Римской империи, тщательно разработав план устранения Харатона, отправило к гуннскому риксу посольство, которое и должно было воплотить задуманное. Однако, изначально сложное в своем исполнение предприятие сорвалось из-за внезапной смерти нотария гуннского вождя Доната. В результате чего константинопольцам пришлось выплатить Харатону приличную сумму золотом, чтобы, как сказано в конспекте Фотия, «императорские дары умягчили и успокоили его» (Olimp., 18).

Литература

Айбабин А.И. 2019. Гунны в равнинном Крыму. *HAB* 18, 47—61.

Айбабин А.И. 2023. Иудейская община в рыбацком квартале Пантикапея-Боспора в I—VI вв. В: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. (ред.). *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского.* Симферополь: ООО «Антиква», 41—48.

Болгов Н.Н., Зайцева И.В. 2019. Тиберий Юлий Дуптун — последний царь Боспора и политика императора Анастасия. *МАИАСП* 11, 517—526. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00013.

Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2017. *Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Виноградов Ю.Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века). *ВДИ* 1, 233—247.

Внуков А.А. 2020. К вопросу о локализации ставки гуннских вождей Доната и Харатона в 412 г. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Эргастирий* IV. *Сборник материалов IV Всероссийской летней школы по византиноведению*. Белгород: ИД «Белгород», 60—66.

Внуков А.А. 2022. К вопросу о причинах смерти гуннского вождя Доната в 412 году. *Tractus Aevorum* 9 (1), 21—33.

Внуков А.А. Ярцев С.В. 2022. Гуннские вождества в Северном Причерноморье в середине IV — начале V вв. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Кондаковские чтения—VII. Античность—Византия—Древняя Русь: Материалы VII Международной научной конференции*. Белгород: Эпицентр, 95—104.

Голдсуорти А. 2014. *Падение Запада. Медленная смерть Римской империи.* Москва: АСТ.

Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.).* Санкт-Петербург: АО «Элипс Лтд».

Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. 2017. «Марфовский клад» 1925 г. (публикация архивных материалов). *Stratum plus* 4, 395—410.

Зинько А.В. 2011. Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритака в V—VI вв. В: Вахтина М.Ю., Грицик Е.В., Жижина Н.К., Иванов С.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 250—254.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009. «Царские» гунны и акациры. В: Фурасьева А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. *Сборник научных статей*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 114—129.

Комар А.В. 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. *Степи Европы в эпоху средневековья* 1, 19—53.

Обломский А.М. 2010. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов.* Ч. 1. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 174—202.

Пилипчук Я.В. 2019. Пересматривая гуннскую хронологи. *Научный Татарстан* 1, 5—33.

Тортика А.А. 2003. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский. *БИ* III, 62—72.

Храпунов Н.И. 2002. К дискуссии о «Надписи Дуптуна». В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Т. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 88—90.

Хршановский В.А. 2017. Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н.э. (по результатам раскопок некрополя Китея в 2009—2016). *БИ* XXXV, 208—228.

Яйленко В.П. 2002. Гунно-булгары II—V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики. *ДБ* 5, 303—333.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. *Греко-варварский Крым в период поздней античности (III—IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе).* Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Ярцев С.В. 2020. Военно-политическая стратегия императора Феодосия I в Северном Причерноморье. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки* 9, 61—67.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г. 2020. О причинах нападения гуннов Северного Причерноморья на Римскую империю в 395 г. *МАИАСП* 12, 553—567. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00015.

Ярцев С.В., Лебединец Н.В. 2020. Еще раз о датировке строительной надписи боспорского царя Дуптуна. *Власть истории — история власти* 6, 774—783.

Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. 2023. Сообщение Аммиана Марцеллина и современные археологические реалии в ходе реконструкции военно-политической ситуации в Северном Причерноморье во время правления императора Юлиана. В: Зинько В.Н., Зинько А.В. (ред.). *БЧ* XXIV. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях.* Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 448—460.

Heather P. 2005. *The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians*. Oxford: Oxford University Press.

Maenchen-Helfen J. Otto. 1973. *The wold of the Huns. Studies in Their History and Culture*. Los Angeles: University of California Press.

Minns E. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge: Biblo & Tannen Booksellers & Publishers, Incorporated.

Thompson E.A. 2004. *The Huns*. Maldem, MA: Blackwell Publishing Ltd.

References

Aybabin, A.I. 2019. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18, 47—61 (in Russian).

Aybabin, A.I. 2023. In: Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. (ed.). *Imperium et Barbaricum: vzaimodeystvie tsivilizatsiy: sbornik statey v chest' 70-letiya Mikhaila Kazanskogo (Imperium et Barbaricum: the interaction of civilizations: a collection of articles in honor of the 70th Anniversary of Mikhail Kazansky)*. Simferopol: OOO “Antikva”, 41—48 (in Russian).

Bolgov, N.N., Zaytseva, I.V. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 517—526. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00013 (in Russian).

Budanova, V.P., Gorskiy, A.A., Ermolova, I.E. 2017. *Velikoye pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty (Great Migration: Ethnopolitical and Social Aspects)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Vinogradov, Yu.G. 1998. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 233—247 (in Russian).

Vnukov, A.A. 2020. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Ergastiriy (Ergastirius)* IV. *Sbornik materialov IV Vserossiyskoy letney shkoly po vizantinovedeniyu (Collection of materials of the 4th All-Russian summer school on Byzantine studies)*. Belgorod: ID “Belgorod”, 60—66 (in Russian).

Vnukov, A.A. 2022. In *Tractus Aevorum* 9 (1), 21—33 (in Russian).

Vnukov, A.A. Yartsev, S.V. 2022. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Kondakovskiye chteniya—VII. Antichnost'—Vizantiya—Drevnyaya Rus': Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Kondakov's Readings—VII. Antiquity—Byzantium—Ancient Rus': Proceedings of the 7th International Scientific Conference)*. Belgorod: Epitsentr, 95—104 (in Russian).

Goldsuorti, A. 2014. *Padeniye Zapada. Medlennaya smert' Rimskoy imperii (The Fall of the West. The slow death of the Roman Empire)*. Moscow: AST (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 1994. *Kul'tura kochevnikov Yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV—V vv.) (Culture of the nomads of the South Russian steppes in the Hun era (late 4th — 5th centuries)).* Saint Petersburg: AO "Elips Ltd" (in Russian).

Zastrozhnova, E.G., Sharov, O.V. 2017. In *Stratum plus* 4, 395—410 (in Russian).

Zinko, A.V. 2011. In: Vakhtina, M.Yu., Gritsik, E.V., Zhizhina, N.K, Ivanov, S.V., Zuev, V.Yu., Kashaev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: naselenie, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Bosporan phenomenon: population, languages, contacts. Materials of the international conference)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 250—254 (in Russian).

Kazanski, M.M., Mastykova, A.V. 2009. In: Furasyeva, A.G. (ed.). *"Tsarskiye" gunny i akatsiry. Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem. Sbornik nauchnykh statey ("Royal" Huns and Akatsirs. Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube. Collection of scientific articles)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 114—129 (in Russian).

Komar, A.V. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1, 19—53 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2010. In: Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples)*. Pt. 1. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", 174—202 (in Russian).

Pilipchuk, Ya.V. 2019. In *Nauchnyy Tatarstan (Scientific Tatarstan)* 1, 5—33 (in Russian).

Tortika, A.A. 2003. In *Bosporskie issledovaniya* (*Bosporos Studies*) III, 62—72 (in Russian).

Khrapunov, N.I. 2002. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Kashaev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha (Bosporan phenomenon: funerary monuments and sanctuaries)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 88—90 (in Russian).

Khrshanovskiy, V.A. 2017. In *Bosporskie issledovaniya* (*Bosporos Studies*) XXXV, 208—228 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 2002. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 5, 303—333 (in Russian).

Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskiy, A.Yu. 2015. *Greko-varvarskiy Krym v period pozdney antichnosti (III—IV vv. n.e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole) (Greco-Barbarian Crimea in Late Antiquity (3rd — 4th cc. CE: from sea campaigns to the Battle of Adrianople))*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).

Yartsev, S.V. 2020. In *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki (Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities)* 9, 61—67 (in Russian).

Yartsev, S.V., Zubarev, V.G. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 553—567. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00015 (in Russian).

Yartsev, S.V., Lebedinets, N.V. 2020. In *Vlast' istorii — istoriya vlasti (The Power of History — the History of Power)* 6, 774—783 (in Russian).

Yartsev, S.V., Shushunova, E.V., Vnukov, A.A. 2023. In: Zinko, V.N., Zinko, A.V. (eds.). *Bosporskie chteniya* XXIV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskiye i pis'mennyye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiyakh (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Archaeological and written sources in historical reconstructions)*. Simferopol; Kerch: NITS IAK KFU im. V.I. Vernadskogo, 448—460 (in Russian).

Heather, P. 2005. *The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians*. Oxford: Oxford University Press.

Maenchen-Helfen, J. Otto. 1973. *The wold of the Huns. Studies in Their History and Culture*. Los Angeles: University of California Press.

Minns, E. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge: Biblo & Tannen Booksellers & Publishers, Incorporated.
Thompson E.A. 2004. *The Huns*. Maldem, MA: Blackwell Publishing Ltd.

DOI: 10.53737/8401.2023.37.22.021

Д.П. Шульга

ХАЗАРИЯ ПО КИТАЙСКИМ ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ*

Номады активно контактировали с такими важными субъектами мировой истории, как Китай и Восточная Римская империя. Интерес к ним был отнюдь не случайным: Хазарский каганат являлся перевалочным пунктом на северной ветви Великого Шёлкового пути. Восточная Римская империя и Арабский халифат поддерживали тесные политические и экономические связи с Хазарией. В результате о ней сохранились греко- и арабоязычные письменные свидетельства. Статья посвящена краткому анализу информации о хазарах, представленной в китайских нарративных источниках. Мы приводим не известные в русскоязычной науке сведения из китайских хроник, датируемых эпохой династии Тан. Есть все основания полагать, что Хазарский каганат находился в поле интересов Китая.

Ключевые слова: хазары, Китай, Восточная Римская империя, степной пояс Евразии, межрегиональные связи.

Сведения об авторе: Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

D.P. Shulga

KHAZARIA ACCORDING TO THE CHINESE WRITTEN SOURCES

It has long been known that nomads were in vivid interactions with such important actors of world history as China and the Eastern Roman Empire, since the Khazar Khaganate was a transit point on the northern branch of the Great Silk Road. The Eastern Roman Empire and the Arab Caliphate maintained close political and economic ties with Khazaria. As a result, the testimonies written down in Greek and Arabic have been preserved about it. In the paper, the data about the Khazars from Chinese chronicles dating back to the era of the Tang Dynasty are cited and analyzed, which have not yet been considered in the works of Russian scholars. There is every reason to believe that the Khazar Khaganate was in the area of Chinese interests.

Key words: Khazars, China, Eastern Roman Empire, Eurasian steppe belt, interregional communication.

About the author: Shulga Daniil Petrovich, PhD (History), Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: 630102, Russia, Novosibirsk, 6 Nizhegorodskaya St., Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

---

* Статья поступила в номер 10 июля 2023 г.
Принята к печати 21 июля 2023 г.

© Д.П. Шульга, 2023.

Раннее средневековье[1] стало периодом активного политогенеза у скотоводов Евразии. Некоторые государства номадов по письменным свидетельствам фиксировались и ранее (держава сюнну, скифские «царства» и т.п.), однако такая характерная форма организации как *каганат* возникает, по-видимому, впервые у жужан в начале V в. Примечательно, что, несмотря на удалённость от Восточной Римской империи, жужане, соседи китайских царств, имели о ней представление, о чем свидетельствуют находки солидов[2] (Линь Дань 2010). Есть также мнение, что авары, активно влиявшие на европейскую политику, являются остатками части племен Жужаньского каганата, потерпевших поражение от тюрок Ашина, соперников китайских династий Суй и Тан (Комиссаров, Шульга 2009).

В настоящей работе мы оставим за скобками этногенез хазар в контексте постепенного разделения тюркских народов (Ли Чжуюп 2016), в т.ч. и «уйгурскую теорию». Скажем лишь, что путь данного народа через степи Евразии тесно связан, например, с историей северного соседа Восточной Римской империи — болгар. При своем вожде Аспарухе протоболгарское племя оногуров мигрировало на запад от северного побережья Черного моря под давлением хазар и обосновалось к северу от нижнего Дуная около 670 г. Аспарух впервые пересек Дунай со своими войсками около 680 г. и разгромил византийскую армию, выступавшую против него. Эта победа позволила ему переправиться через реку на имперскую территорию и покорить некоторые местные славянские племена.

С самими хазарами Восточная Римская империя общих границ зачастую не имела (за исключением разделения сфер влияния в Таврике). Мирные контакты между Византией и хазарами существовали уже со времен Ираклия. Юстиниан II, свергнутый в Византии, женился на сестре кагана, также у иконоборца Константина V была хазарская супруга. До того, как Кирилл начал свою просветительскую деятельность в Моравии, он пытался обращать хазар на территории между Днепром и Доном. К тому времени в каганате элита уже придерживалась иудаизма, так что проповедь христианства существенных успехов не имела. В более поздние времена выходцы из хазар были хорошими конфедератами византийцев, пока в конце киевские князья Святослав и Владимир не положили конец политической истории каганата.

Хазары также появляются и в китайской исторической литературе. В династической истории Китая упоминаются кэса (可萨), аса (阿 萨), хэса (曷萨), хэцзе (曷截). Подчеркну, что в дальневосточной исторической литературе сообщений непосредственно об истории хазар крайне мало[3], большая часть упоминает лишь географическое расположение места их проживания[4] и «привязки» к историческим соседям Китая.

---

[1] Хронологически определение «средних веков» всегда была сложной задачей. Широко распространенное представление о 476 г. как отправной точке не кажется авторам слишком удачным. Ромул Августул не был формально последним императором на Западе (Юлий Непот прожил, контролируя Далмацию, до 480 г.). В 536 г. силы Восточной империи опять овладели Римом, т.е. готский контроль над «Вечным городом» был временным и длился всего несколько десятилетий. На наш взгляд, средневековье (или, по крайней мере, его истоки) следует искать в «кризисе III в.» на территории Средиземноморья и падении империи Хань в Китае в это же время. В непосредственной связи с кризисами великих держав поздней античности происходит их варваризация и «Великое переселение народов». Естественно, разные регионы попадают под влияние пришельцев в разной степени: бывшая Римская Галлия или Северный Китай оказываются в эпицентре войн, здесь образуются новые государства с элитой из завоевателей, в то время как Малая Азия или долина Янцзы куда больше сохраняют в IV—VII вв. свой «имперский» облик. Естественно, в приведённой выше периодизации учитываются военно-политические факторы, в то время как культурно-философское окончание античности можно усматривать, например, в закрытии Академии в Афинах Юстинианом (529 г.).

[2] О значимости нумизматических источников для освещения вопроса см. (Шульга 2020).

[3] В чём-то похожая ситуация была и «в обратную сторону»: сведения о Китае и окружающих его народах в Европе оказывались отрывочны и подчас противоречивы (Bi Wei 2020; Цю Цзяннин 2019).

[4] Похожая ситуация прослеживается и с отражением в китайских источниках исторического пути половцев, хотя с ними китайцы «технически» некоторое время жили в одном государстве — в Монгольской империи (Жэнь Иминь 2007), оттого акцент смещён именно на походы Чингизидов (Цю Ихао 2012). Согласно записям в «Неофициальной истории династии Юань», в 1205 г. Чингисхан разбил в бассейне реки Иртыш остатки сил

Заметки о границах Хазарии впервые появляются в описании тюрок в «Книге Суй» (одна из 24 династических историй (Линь Ин 2000: 19)): «Родичи тюрок-теле, потомки сюнну. Весьма многочисленные роды их, непрерывно живут от восточного берега западного моря до горных долин … К северу от царства Кан[5] (康国), у р. Адэшуй (阿得水, очевидно, Итиль), есть племена хэси (诃咥), *хэцзе* (曷截), боху (曷截), бигань (比干)…» «Хэцзе», вероятно, это и есть хэса (曷萨), а хэса это ещё одна передача этнонима хазар в китайском языке (Сян Лили 2006: 9).

Со второй половины VII в. хазары постепенно формируют могущественную державу. Сообщения о её границах присутствуют в китайских источниках, тем более что каганат играл важную роль на северной «ветке» Великого Шёлкового пути (Линь Ин 2000: 18). В «Старой истории Тан» (раздел о некитайских народностях к западу от Поднебесной, 旧唐书·西戎传, дословно «о западных жунах»[6]) говорится: «Персия… на востоке граничит с Тохаристаном и царством Кан, на севере соседствует с тюркским племенем кэса, на северо-западе противоборствует с Византийской империей (西北拒拂菻[7]), непосредственно запад и юг омываются морем. «Новая история Тан» содержит следующую информацию: «Хорезм (火寻)… находится в солнечном краю у реки Уху[8] (乌浒水), в шести сотнях ли к юго-востоку находится царство Удэ (戊地), на юго-западе граничит с Персией, на северо-востоке доходит до земель тюркского племени хазар (西北抵突厥曷萨)»; «Персия… На востоке граничит с Тохаристаном (吐火罗) и царством Кан, на севере — с тюркским племенем хазар (突厥之可萨部), на юго-западе же омывается западным морем, на северо-западе, более чем в четырёх тысячах ли, [находится] Византия (拂菻)… Византия, в древние времена называлась Римской империей[9] (Дацинь, 大秦). Находится у западного моря, называется царством Хайси[10], к западу от Шань[11] (苫), на севере встречается с тюркским [племенем] хазар

меркитского племени, а три сына погибшего вождя, в том числе Худу, бежали через земли Канлы (康里) к кыпчакам. В 1216 г. Чингисхан приказал Субэдэю отправиться в дальний поход в одиннадцать государств: в Канлинь (康邻), к кыпчакам (钦察), в Волосути (斡罗速惕, т.е. в Россию), в Мачжалати (马札剌惕, т.е. в Венгрию) и т.д. Война, которую в период правления Угэдэя вёл на Дунае возглавляемое Батыем войско, в «Неофициальной истории династии Юань» называется «Qibcaqcin ayan». Впоследствии Батый основал столичный г. Сарай, а территорию, изначально являвшуюся кыпчакскими степями, назвали Золотой Ордой. Кыпчаков во множестве брали в плен монголы, чтобы сделать рабами. И потому, что кыпчаки делали чёрный кумыс, их называли «халачи» (哈剌赤). Во время правления Хубилая вождь кыпчаков Тутуха (土土哈) имел боевые заслуги, так что правитель освободил их от рабства и сформировал из них войска, ввел чин дучжихуйши (都指挥使, начальник дворцовой стражи) для гвардейского отряда кыпчаков. После отряд был разделён на правое и левое крыло стражей, защищавших императора, и над всеми было учреждено гвардейское кыпчакское ведомство (钦察亲军大都督府) (И Линьчжэнь 2001: 693). Примечательно, что у шестого сына Угэдэя, Кадана (также известного как Вохулэ, умер ок. 1261 г.), был сын по имени Кыпчак (钦察).

[5] Очевидно, здесь и далее имеется в виду Кангюй.

[6] Более подробно о бытовании «этнонима» *жуны* автор писал в предыдущих работах (Шульга 2014; Шульга 2017; Шульга, Шульга 2017).

[7] Примечательно, что в данном памятнике используется название «Фулинь», которое обычно относят к Восточной Римской империи, хотя по этому поводу существует дискуссия (Шульга 2021; Livery 2019).

[8] Очевидно, имеется в виду р. Амударья.

[9] Данный отрывок нами переведён по смыслу таким образом, чтоб быть понятным русскоязычному читателю. Фактически, семантика наименований «Дацинь» и «Фулинь» весьма различна. Первое, если угодно, имеет смысл «Великое государство на западе, равновеликое Поднебесной», на что указывает иероглиф 大 со значением «большой, великий» и название империи Цинь, т.е. китайской династии, происходящей из западных регионов бассейна Хуанхэ. Второе наименование является, очевидно, транскрипцией самоназвания Roma через языки Передней Азии и столь глубоких отсылок к собственно китайской истории не имеет. В эпоху Тан, когда создавался исторический источник «топоним» Дацинь также использовался, но фигурировал чаще в качестве названия несторианства.

[10] Еще одно, сравнительно редкое название Восточной Римской империи.

[11] Очевидно, имеется ввиду Сирия.

(突厥可萨), на юго-западе граничит с Персией. Царство Шань на западе граничит с Арабским халифатом (大食) … на севере граничит с хазарскими тюрками[12] (可萨突厥), к северу от хазар также есть тюрки» (Сян Лили 2006: 10). Исходя из вышеописанного, очевидно, что Хазария по представлениям раннесредневековых китайских летописцев находилась к северу от Персии, Сирии и Восточной Римской империи, что в основном подтверждается данными археологии и западных нарративных источников.

Первым из европейских учёных, который уделил внимание слову «кэса» в китайских исторических источниках, был французский синолог Жозеф де Гинь. Во втором томе изданного им в 1756—1758 гг. труда «Histoire générale des Huns, Turcs, Mogols et autres Tartares occidentaux» он установил, что тюркское племя кэса (可萨), о котором говорилось в «Записках о хождении[13]» это и есть хазары. Эта точка зрения уже получила одобрение у большинства китайских историков (Линь Ин 2000: 15).

Учёные из Китая и других стран и в наши дни ещё не пришли к единодушному заключению по вопросу происхождения хазар. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что миграция на запад сыграла важную роль в процессе складывания хазарского этноса. Однако совершенно точно можно констатировать, что, во-первых, только расширение корпуса источников (в т.ч. их перевод) позволит заполнить пробелы, и, во-вторых, великие державы Евразии от Средиземноморья до Дальнего Востока не существовали отдельно, но находились в достаточно активном (хотя подчас и опосредованном) взаимодействии.

Литература

Комиссаров С.А., Шульга Д.П. 2009. Аварские древности как возможная основа для выделения археологических памятников жужаней. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 8. № 5. *Археология и этнография*, 186—188.

Шульга Д.П. 2014. Проблема определения этнической принадлежности ранних кочевников Северного Китая. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 13. № 7. *Археология и этнография*, 61—67.

Шульга Д.П., Шульга А.А. 2017. Северокитайские порубежные царства периода Восточного Чжоу как зона межкультурных контактов. *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья* 7, 34—37.

Шульга Д.П. 2017. Основные тенденции становления «кочевых» государств Северного Китая в V в. до н. э. — III в. н. э. *Stratum plus* 4, 81—88.

Шульга Д.П. Монеты Восточной Римской империи в Китае как отражение ситуации на Шёлковом пути. *МАИАСП* 12, 774—788. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00025.

Шульга Д.П. 2021. Китайская византинистика: особенности используемых наименований. *ВВ* 105, 127—140.

Bi Wei. 2020. The First Contacts between China and Poland in History. *Nowa Polityka Wschodnia* 4 (27), 15—33.

Liveri A. 2019. Fu-lin dances in medieval Chinese art — Byzantine or imaginary? *Zbornik radova Vizantološkog instituta* 56, 69—94.

Жэнь Иминь. 2007. 元代宗教政策略论 (Краткое обсуждение религиозной политики династии Юань). 文史哲 (Журнал литературы, истории и философии) 4, 96—102.

И Линьчжэнь. 2001. 亦邻真前揭文，《亦邻真蒙古学文集》，内蒙古人民出版社 (Собрание сочинений И Линьчжэня по монголоведению). Хух-хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ.

Линь Дань. 2010. 从东魏茹茹公主墓中之金币看北朝拜 占庭金币的流入 (От золотых монет в могиле жужаньской принцессы эпохи Восточная Вэй до анализа импорта византийских солидов в Китай). 魅力中国 (Charming China) 11, 58—61.

[12] В отличие от остальных фрагментов, здесь именно такой порядок слов: «хазары» выступают как определение к «тюркам», о чем говорит позиция в предложении.

[13] 经行记, «люйсинь цзи», написано в 760-х гг. Ду Хуанем вскоре после его возвращения из путешествия в Аббасидский халифат.

Линь Ин. 2000. 试论唐代西域的可萨汗国 (О хазарском каганате к западу от империи Тан). 中山大学学报 (Journal of Sun Yatsen University) 1, 14—21.

Ли Чжуюп. 2016. “突厥”一词在蒙古帝国解体后中亚地区黄金家族和帖木儿家族政权精英当中的使用 (Употребление слова «тюрк» среди правящих элит Чингизидов и Тимуридов в Средней Азии после распада Монгольской империи). Central Asiatic Journal 1, 20—37.

Сян Лили. 2006. 哈扎尔研究。桂林:广西师范大学 (Исследование хазар). Гуйлинь: Педагогический университет Гуанси.

Цю Ихао. 2012. 哈剌和林成立史考 (История создания Каракорума). 西域歷史語言研究集刊 (Исследования по истории и языку западных регионов) 5, 269—323.

Цю Цзяннин. 2019. 世纪“丝绸之路”的拓通与“中国形象”的世界认知 (Распространение «Шелкового пути» и восприятие «образа Китая» в мире XIII—XIV вв) 江苏社会科学 (Общественные науки в Цзянсу) 4, 200—212.

References

Komissarov, S.A., Shulga, D.P. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology).* Vol. 8. No. 5. *Arkheologiya i etnografiya (Archaeology and ethnography*, 186—188 (in Russian).

Shulga, D.P. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology).* Vol. 13. No. 7. *Arkheologiya i etnografiya (Archaeology and ethnography)*, 61—67 (in Russian).

Shulga, D.P., Shulga, A.A. 2017. In *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya (Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals)* 7, 34—37 (in Russian).

Shulga, D.P. 2017. In *Stratum plus* 4, 81—88 (in Russian).

Shulga, D.P. 2020. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 774—788. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00025 (in Russian).

Shulga, D.P. 2021. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 105, 127—140 (in Russian).

Bi Wei. 2020. The First Contacts between China and Poland in History. *Nowa Polityka Wschodnia* 4 (27), 15—33.

Liveri, A. 2019. Fu-lin dances in medieval Chinese art — Byzantine or imaginary? *Zbornik radova Vizantološkog instituta* 56, 69—94.

Ren Yimin. 2007. A Brief Discussion on Religious Policy in the Yuan Dynasty. *Literature, History and Philosophy* 4, 96—102 (in Chinese).

Yi Jinzhen. 2001. *Yijinzhen's First Three Essays, "Yijinzhen Mongolian Literature Collection".* Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House (in Chinese).

Lin Dan. 2010. From the Gold Coins in the Tomb of Princess Ruru of the Eastern Wei Dynasty, the Inflow of Gold coins in the Northern Dynasty's Byzantine Court. *Charming China* 11, 58—61 (in Chinese).

Lin Ying. 2000. Discussion on the Khanate of Khossa in the Western Regions of the Tang Dynasty. *Journal of Sun Yatsen University* 1, 14—21 (in Chinese).

Li Zhuyup. 2016. The Use of the Term “Turkic” among the Elites of the Golden Family and Timur Family Regimes in Central Asia after the Collapse of the Mongolian Empire. *Central Asiatic Journal* 1, 20—37 (in Chinese).

Xiang Lili. 2006. *Hazar Research*. Guilin: Guangxi Normal University (in Chinese).

Qiu Yihao. 2012. Harlan and Lin established the History Test. *Collection of Western History and Language Studies* 5, 269—323 (in Chinese).

Qiu Jiangning. 2019. The extension of the “Silk Road” in the 13th—14th centuries and the world perception of the ”Image of China". *Jiangsu Social Sciences* 4, 200—212 (in Chinese).

DOI: 10.53737/7473.2023.69.65.022

Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII—XIV ВВ.*

В статье анализируется деятельность правителей чингизидских государств XIII—XIV вв. по охране правопорядка в городах и прочих населённых пунктах. Прослеживается эволюция институтов, осуществлявших правоохранительные функции в Монгольской империи и её улусах. Основное внимание уделяется соотношению монгольских имперских и местных принципов и институтов в отдельных улусах с учётом их специфики и традиций в организации правоохранительных структур. Впервые в научный оборот вводится русский перевод ярлыка о назначении на должность исфахсалара — сановника, отвечающего за охрану правопорядка в монгольском Иране из трактата «Дастур ал-катиб», составленного персидским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в 1360-х гг. Авторы приходят к выводу, что в организации охраны правопорядка в улусах Чингизидов в рассматриваемый период проявлялись примерно одинаковые тенденции — усложнение системы правоохранительных органов, активное вовлечение в эту деятельность представителей местного населения, существенное влияние прежних традиций стран и регионов, находившихся под властью потомков Чингис-хана.

Ключевые слова: Монгольская империя, Улус Джучи, монгольский Иран, империя Юань, правоохранительные органы, ханские ярлыки, традиционные государства, власть, управление.

Сведения об авторах: Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

L.F. Abzalov, M.S. Gatin, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

ON THE HISTORY OF ORGANIZATION OF THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE GENGHISIDS STATES, THE 13th — 14th cc.

The paper analyses activity of the Genghisid rulers of the 13th—14th century related to protection of law and order in cities and rural settlements. The evolution of law enforcement institutions in the Mongol Empire and its uluses is observed. The special attention is paid to the combination of imperial and regional principles and institutions in the organization of law enforcement structures. The article provides the first Russian translation of a jarlig on the appointment of ispahsalar, the high official who was in charge of law and order protection in Mongol Iran; the account was extracted from 'Dastur al-katib', the treatise written in the 1360s by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani, an official of the Hulaguids and the Jalayirids. There have been similar trends in the Genghisid states of the 13th—14th century in the area of law enforcement such as sophistication of institutions,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, https://rscf.ru/project/23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Статья поступила в номер 24 июля 2023 г.
Принята к печати 5 августа 2023 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2023.

involving of local peoples in law enforcement activity, as well as substantial influence of earlier traditions of countries and regions which were under power of the Genghisids.

Key words: Mongol Empire, Golden Horde, Hulaguid state, Yuan Empire, law enforcement institutions, jarlig, traditional states, power, administration.

About the authors: Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University; Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University; Mustakimov Ilias Al'fredovich[3], PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: [1,2]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru, [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Продолжая исследование тематики, связанной с охраной законности и правопорядка в средневековых тюрко-монгольских государствах, начатую в статье о мерах по обеспечению безопасности торговых путей (Абзалов и др. 2022), авторы обращаются к другому аспекту правоохранительной деятельности Чингизидов в XIII—XIV вв. — организации правоохранительной деятельности и функционированию ее институтов.

Сразу стоит отметить, что потомки Чингис-хана и большинство их приближенных уделяли основное внимание охране правопорядка на обширных территориях в Степи и на путях между городами. За безопасность в этих местностях отвечали как начальники караванов (о которых шла речь в нашей вышеупомянутой статье), сопровождавшие торговцев по пути из одного населенного пункта в другой, так и туткаулы — командиры отрядов, в ведении которых находилась та или иная местность, в которой они должны были, наряду с прочими обязанностями, бороться с преступностью (см., напр.: Григорьев 2004: 97).

Однако после завоевания обширных оседлых территорий Средней Азии, Китая, Ирана под контролем монгольских правителей оказались многочисленные населенные пункты, в том числе — крупные города, являвшиеся центрами ремесла и торговли, транспортными узлами и т.д. Выстраивать в них систему охраны правопорядка по аналогии со степными или сельскими местностями было, во-первых, неэффективно, во-вторых, совершенно непривычно для кочевников. В результате Чингизиды были вынуждены создавать новые институты охраны правопорядка, в которых постарались соединить элементы монгольской имперской традиции управления и опыт организации такой деятельности на завоеванных территориях.

Первой правоохранительной структурой в Монгольской империи, несомненно, следует считать гвардию Чингис-хана — «кешик», которая осуществляла функцию обеспечения безопасности самого правителя и его ставки. Ее обязанности по охране правопорядка были сформулированы Чингис-ханом еще на начальном этапе формировании гвардии, около 1204 г., когда он назначил «80 человек кебтеулов, — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — дневной гвардейской стражи», четко определив порядок несения ими службы по охране своей ставки, а позднее предоставив кебтеулам также и судебные полномочия (Козин 1941: 144, 173). Гвардия в то же время представляла собой своеобразный «кадровый резерв»: именно из числа кешиктенов назначались высшие военачальники и сановники в активно расширяющейся державе Чингис-хана и его потомков. Причиной быстрого карьерного роста гвардейцев основателя Монгольской империи являлось отсутствие четкого разделения обязанностей ханских приближенных, которые одновременно и обеспечивали безопасность хана, и выполняли функции придворных чиновников, и в то же время привлекались к управлению государством (Кычанов 1993: 151—152).

Достаточно архаичная ханская гвардия[1] не могла не измениться по мере расширения империи и эволюции ее системы власти и управления. Любопытно, что сам институт

[1] Исследователи находят ее аналоги и в более ранних кочевых империях — от хунну до чжурчженей (Кычанов 1993: 148—149).

кешиктенов как личной императорской стражи сохранился только в империи Юань (в которой наиболее широко были задействованы китайские институты власти и управления) — в качестве символа имперской властной традиции (Melville 2006: 141). Однако при этом он подвергся весьма значительной трансформации.

Во-первых, в его состав стали включать не только представителей монгольской знати (как изначально задумывал Чингис-хан), но и покоренных народов — сэ-му (выходцев из Средней Азии), канглов и кипчаков, киданей, чжурчженей и даже корейцев и китайцев. Во-вторых, назначение в состав кешика осуществлялось по личному волеизъявлению хана-императора или рекомендации канцлера, поэтому неудивительно, что в состав гвардии попадали не только военные[2], но и служители почтовых станций, гражданских органов власти и управления и даже… деятели искусств. Понятно, что далеко не все новоназначенные кешиктены могли эффективно осуществлять охрану ханской резиденции и законности и правопорядка в столице империи Юань. Согласно китайской династийной истории «Юань ши», в составе кешика стали выделяться лица, ответственные за ханский гардероб, дворцовую кухню (баурчи), уход за дворцовыми лошадьми и верблюдами (моринчи и темечи), составители ханских указов, других документов и хроник (зарлигчи и бичечи/битикчи) и т.д. Единственным подразделением, сохранившим прежние обязанности по охране законности и правопорядка остались кулаганчи (hu-la-han-ch'ih, qulaγanči), ловившие воров (Farquhar 1990: 245—246; Hsiao 1978: 93—94). Поскольку в это же время Хубилай под влиянием своих китайских советников стал весьма активно внедрять в имперскую систему управления традиционные китайские административные институты, получилось, что некоторые управленческие функции в Юань дублировались кешиктенами и чиновниками из вновь созданных управлений и департаментов. В результате представители ханской гвардии превратились в своеобразных контролеров деятельности соответствующих административных учреждений (что также можно условно отнести к правоохранительной функции), а также выполняли другие ответственные поручения ханов-императоров (Hsiao 1978: 40; Melville 2006: 142). Статус кешиктенов был весьма высок: даже в «Чжи-чжэн тяо-гэ» — самом позднем юаньском своде законов, составленном в 1346 г., они упоминаются наряду с представителями ханского рода и высшими сановниками (Сидорович 2019: 287).

Как бы то ни было, в масштабах огромной и многолюдной империи Юань, особенно в ее китайской части с многочисленными городами и другими населенными пунктами осуществлять правоохранительную функцию кешик не мог в силу своего статуса личной гвардии императоров. Поэтому власти Монгольской империи, а затем и империи Юань возложили обязанности по охране законности и правопорядка на местные гарнизоны. Естественно, в полной мере они могли доверять только кочевникам — тюркам и монголам, однако они не были столь многочисленны, чтобы укомплектовать гарнизоны по всему Китаю[3], кроме того, местный климат и рельеф негативно влияли на их боевые качества (May 2012: 64). Поэтому уже при хане Угедэе, на рубеже 1220—1230-х гг. были предприняты первые попытки привлечения местного покоренного населения к службе в гарнизонах и, соответственно, охране правопорядка в завоеванных местностях (Hsiao 1978: 74; см. также: Храпачевский 2009: 212)[4]. В 1260-х гг. Хубилай официально закрепил серией своих указов порядок призыва китайцев в армию. А для гарантии их

[2] Еще в 1263 г . хан Хубилай издал указ о том, что каждый тумен и тысяча должны направлять в кешик по одному воину с полным обеспечением, включая оружие, провиант, лошадей и другой скот, а также слуг и других зависимых лиц (Кычанов 1993: 152—153; Hsiao 1978: 76—77; см. также: Храпачевский 2009: 213—214).

[3] К тому же Хубилаю и его преемникам постоянно приходилось держать многочисленные конные контингенты на севере своих владений, чтобы противостоять враждебному Чагатайскому улусу и оппозиции в Монголии.

[4] Эти городские гарнизоны следует отличать от подразделений «таммачи» или «тамма», которые включали как монголов, так и представителей других народов, располагались в специально отведенных им владениях вне городов и выполняли не правоохранительные функции, а общий контроль над покоренным населением, будучи готовыми в случае мятежа немедленно подавить его (Hsiao 1978: 54; см. также: Храпачевский 2009: 211—212; Hope 2016: 94).

лояльности во главе китайских соединений были поставлены монгольские и тюркские военачальники — темники[5] в каждой провинции (lu) и тысячники в каждом уезде (hsien) (Farquhar 1990: 248—255; Hsiao 1978: 18, 54). Поскольку управление в этих административно-территориальных единицах осуществляли гражданские наместники, то вполне логично предположить, что на темников и тысячников были возложены именно оборонительные и правоохранительные функции. Кроме того, согласно «Юань ши», монгольские власти старались как можно чаще проводить ротацию подразделений, переводя их из одной провинции в другую (Hsiao 1978: 92 и след.) — чтобы китайские солдаты не имели возможности укрепить связи с местным населением и, соответственно, вместе с ним выступить против власти Чингизидов.

В монгольском Иране ханская гвардия кешик, по-видимому, не обладала таким значением, как в империи Юань: исследователями обнаружили в персидских исторических источниках чингизидского периода всего несколько упоминаний этого термина. Поэтому ряд авторов, вероятно, на основе параллелей с монгольским Китаем, приходит к выводу, что гвардейцы Хулагуидов очень быстро, уже при первых ильханах, трансформировались в представителей системы власти и управления: секретарей и писцов (битикчи), судей (яргучи), доверенных посланцев (эльчи) и т.д. (Hope 2016: 118; Melville 2006: 146—150). Кроме того, Рашид ад-Дин упоминает, что из «четырех казиков» (кешиков — т.е., смен охраны ильханов) назначались четыре наиболее доверенных эмира, контролировавших процесс составления ханских ярлыков и заверения их тамгой (Thackston 1998—1999: 713; ср.: Рашид ад-Дин 1946: 275)[6]. Тем не менее, сам факт упоминания историком «казика» как ханской стражи, дает основание считать, что охрана законности и правопорядка в резиденции ильханов и в столице в целом была организована на основе системы, заложенной еще Чингис-ханом.

Однако, как и в Юань, представители личной гвардии ильханов не могли и не должны были обеспечивать законность и правопорядок на территории всего обширного государства Хулагуидов. Поэтому здесь — опять же, как в монгольском Китае, — было принято решение привлекать местное население к правоохранительной деятельности в городах (Hope 2016: 21—22; Morgan 1979: 95; ср.: Amitai 2017: 41, 48).

Надо сказать, что в Иране задолго до монголов существовала развитая система «полицейских» органов. Частично правоохранительную деятельность в столице осуществляла гвардия халифов «шурта» (в этом отношении мало отличавшаяся от кешика монгольских ханов), однако поскольку ее главной обязанностью было обеспечение безопасности правителя, то во время частых выездов халифов из столицы гвардия отправлялась вместе с ним. Поэтому и в Багдаде и, по всей видимости, других городах правоохранительная функция была возложена на городское население, формировавшее «ма'уну» — нечто вроде «добровольной народной дружины». Возглавлял эту структуру сахиб ал-ма'уна, считавшийся государственным чиновником и даже получавший жалование за счет отчислений в его пользу части таможенных сборов. В середине X в. власть в Багдадском халифате захватили Буиды, при которых впервые наряду с халифом появляется светский правитель султан, именно последнему стали подчиняться эти добровольные «полицейские» подразделения, он же назначал их начальника, нередко продавая эту должность за деньги. Сельджуки, сменившие Буидов в середине XI в., и, вероятно, не доверявшие вооруженным горожанам, упразднили как шурту, так и ма'уну, возложив правоохранительную функцию в городах на гарнизоны, подчинявшиеся наместникам — шихнэ. Однако после того, как в середине XII в. халифы вернули себе светскую власть, они возродили шурту, вернув ей и полицейские полномочия (Михайлова 1990: 24).

---

[5] Вероятно, в зависимости от значения провинций эти темники являлись «высшими», «средними» и «низшими» (Hsiao 1978: 115).

[6] По мнению некоторых исследователей, именно эти эмиры впоследствии стали четырьмя карачи-беками, т.е. наиболее влиятельными представителями кочевой знати при ханах в разных тюрко-монгольских государствах (см., напр.: Atwood 2006: 163; Hope 2017).

Не учитывать длительный и эффективный опыт организации правоохранительной деятельности в Иране монгольские правители не могли, поэтому, в свою очередь, предприняли попытку привлечения местного оседлого населения к охране законности и правопорядка в городах. Но чтобы не смешивать вновь создаваемые подразделения с тюрко-монгольскими войсками[7], также размещавшимися во многих регионах, в т.ч. и оседлых, они выделили эту «полицию» в самостоятельную структуру, во главе которой поставили собственного начальника с привычным для оседлого мусульманского населения Ирана названием — исфахсалара.

Термин «исфахсалар»[8] («сепахсалар») впервые встречается в источниках еще эпохи Сасанидов, обозначая военного предводителя. Широкое распространение этот термин получает, начиная с эпохи Буидов, в правление которых, однако он сильно девальвировался, присваиваясь командирам сотен и, по некоторым данным, даже десятков. Поэтому Великие Сельджуки, в свою очередь придя к власти, ввели дополнительные названия для обозначения предводителей войска — «исфахсалар-и бузург» и «амир-и исфахсалар» (Bosworth et al. 1997: 208—209). Да и оригинальный термин вновь стал обозначать военачальников более высокого уровня, причем преимущественно тюркского происхождения[9]: из документов сельджукидской эпохи (в частности, султанских указов) можно увидеть, что именно из исфахсаларов назначались правители крупных областей-вилайетов (правда, при этом в их подчинении также могли быть исфахсалары, но низшего уровня!), получая при этом обширные земельные пожалования — икта (Курпалидис 1992).

Из Ирана этот термин распространился на другие регионы. Например, в державе хорезмшахов исфахсаларами называли военных губернаторов пограничных областей (Bosworth et al. 1997: 209)[10]. Весьма интересным представляется использование термина «исфахсалар» у Газневидов: эту должность занимали предводители индийских войск и добровольцев, тогда как официально занимавший пост главнокомандующего назывался «хаджиб»[11].

В монгольский период термин «исфахсалар» в Иране поначалу практически не использовался, поскольку широкое распространение в военной сфере получили звания и должности тюрко-монгольского происхождения. В частности, применительно к начальному периоду истории Ильханата, Рашид ад-Дин упоминает лишь одного сипахсалара — Захир ад-Дина, который в 1256 г. вместе с двумя другими сановниками был отправлен на переговоры к лидеру исмаилитов Хуршаху (Рашид ад-Дин 1946: 28—29; Hammer-Purgstall 1842: 98). По всей видимости, это был персидский военачальник, поступивший на службу к Хулагу, который, впрочем, тут же включил его в монгольскую имперскую иерархию: в «Сборнике летописей» он фигурирует как «сипахсалар-битикчи».

Нет сомнения, что только задействование в правоохранительной деятельности большого числа оседлых подданных ильханов вернуло в административный оборот этот термин. Однако анализ ярлыка о назначении исфахсалара показывает, что Чингизиды придали ему совершенно иное значение. Как и в предыдущих своих работах мы приводим сравнительный перевод документа: с немецкого языка, который осуществил австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь в первой половине XIX в., и современный перевод с персидского оригинала.

---

[7] Мы не разделяем мнения ряда исследователей, что принятие ислама ильханом Газаном в конце XIII в. повлекло стирание различий между его тюрко-монгольскими и персидскими подданными (см., напр.: Morgan 1979: 93—95). Анализируемый нами комплекс ярлыков их «Дастур ал-катиб» позволяет утверждать обратное: должности и полномочия довольно четко делились между представителями обеих групп населения.

[8] Исфахсалар считается арабизированной формой оригинального персидского термина «сепахсалар» (Bosworth et al. 1997: 208).

[9] Достичь вершин карьерной лестницы могли и те исфахсалары, которые начинали свой путь в качестве «военных рабов» (мамлюков) (Курпалидис 1992: Гл. 4).

[10] Ата-Малик Джувейни упоминает сипахсалара Али Дуругини среди приверженцев самопровозглашенного хорезмшаха Хумар-тегина (Juvaini 1997: 124), а Шихаб ад-Дин ан-Насави сообщает, что около 1225 г. два сипахсалара провозгласили себя самостоятельными правителями ряда областей Хорезма (Ан-Насави 1996: 138).

[11] Впрочем, позднее в Индии эпохи Гуридов и Туглуков исфасаларами вновь стали называть командиров разного уровня (Ашрафян 1960: 13, 83; Bosworth et al. 1997: 210).

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя (Hammer-Purgstall 1840: 508—509)[12]	Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 155-157 араб. паг.)[13]
XXVIII. Грамота [ярлык] исфехсалару, т.е. военному управителю страны (только один [образец]) Эмиры улусов, везири, эмиры туменов, доверенные лица (инакан), эмиры тысяч, сотен, военачальники и владетели имений хорошо оберегаемых земель пусь знают, что поскольку Зейнеддин Али, один из старейших придворных, всегда использовался в больших делах, прославился храбростью и прилежанием, способностями и проницательностью, удостоился особых милостей, подтверждает [это] безупречной осмотрительностью, деятельностью, опытом и деловой хваткой: то посему ему передается военное управление хорошо оберегаемыми землями, чтобы он мог должным образом своими высокими мыслями и глубокой проницательностью постичь и познать состояние народов, дабы, когда он будет рассматривать судебные тяжбы, пусть руководствуется канонами справедливости и беспристрастности, не допуская влияния лести и подкупа. Наказывая виновных, он не должен карать сверх требований закона и во всем иметь богобоязненность, пусть будет он в этом мире из числа праведных и благочестивых, а в грядущем мире из числа помилованных и спасенных. По этим причинам этот указ вступает в силу, чтобы с этого дня и впредь он признавался военным управителем страны, и во всех случаях, которые входят в сферу этой должности, к нему обращались, и никто другой не мог вмешиваться и воспрепятствовать. Пусть назначенные им исфехсалары (военачальники земель) других земель и городов не вмешиваются в его исфехсаларские дела без его письменного указания и разрешения. Никто из военачальников и властителей не должен укрывать от него воров и разбойников, пусть они выдают их людям исфехсалара; он должен назначать стражей [городских] ворот, и ему должны быть переданы исфехсаларские пошлины, чтобы его расходы покрывались этим же, и он мог сосредоточиться исключительно на продвижении своего дела.	**Раздел шестнадцатый. О препоручении должности исфахсалара страны** Улусным эмирам, везирам, эмирам туменов, тысяч и сотен, хакимам, мутасаррифам вилайетов Богохранимых владений да будет ведомо. Поелику Зайн ад-Дин Хаджи Али относится к давним слугам и снискал себе славу, непрерывно занимаясь свершением великих дел, известен своей смелостью, доблестью, компетентностью и проницательностью, а его чуткость и сострадательность, совершенная твердость и трезвая решительность заслуживают полного и совершенного доверия, ему препоручается должность исфахсалара Богохранимых пределов с тем, чтобы он, руководствуясь своим зрелым мнением и глубоким рассмотрением осведомлялся и разузнавал о положении населения, дабы при рассмотрении дел в суде яргу, он решал дела по закону справедливости и правды, не допускал принуждения и давления (زور و زیادتی) в адрес ни одной из [тяжущихся] сторон, воздерживался и остерегался пристрастности, лицемерия, подыгрывания и мздоимства. Пусть назначает виновным наказание в соответствии с мерой их преступления, не усугубляя им возмездие. Пусть руководствуется страхом Божьим, чтобы в этой жизни быть в числе справедливых, а в грядущей — в числе спасенных. По этой причине настоящий указ издан с тем, чтобы с этой даты его признавали исфахсаларом Богохранимых владений, во всех делах, связанных с обязанностями исфахсалара, обращались к нему, и никто другой не мог вмешиваться и встревать [в его дела]. Пусть исфахсалары вилайетов и городов Богохранимых владений назначаются им и без его письменного распоряжения и разрешения не вмешиваются в исполнение обязанностей исфахсалара [страны]. Пусть никто из наместников (حکام) и влиятельных лиц (متغلبان) не покрывает воров, убийц, разбойников и всех их передают нукерам исфахсалара. Стражники городских ворот пусть назначаются ими (т.е. городскими исфахсаларами. — *И.М.*). Пусть [люди] платят им положенную исфахсаларам пошлину, чтобы они расходовали ее по согласованию с ним (т.е. исфахсаларом страны. — *И.М.*), дабы иметь возможность заниматься исполнением своих обязанностей.

[12] Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.
[13] Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

Дипломатический комментарий

В дипломатике условный формуляр документа разделяют на начальный протокол, основную часть и эсхатокол (Busse 1991: 309). В анализируемом образце ярлыка представлен один компонент начального протокола, а именно адресат, в котором указаны основные должностные лица, которые должны принять указ к исполнению. Переход от начального протокола к основной части осуществляется традиционной формулой обнародования «да будет ведомо» (“بدانند که”), за которой следует наррация, начинающаяся союзом چون («поскольку»). Наррация включает перечисление личных и профессиональных качеств Зайн ад-Дина Хаджи Али. В диспозитивной части документа представлена сущность содержания акта, выражающаяся в назначении на должность исфахсалара и его профессиональные обязанности.

Исходя из того, что канцелярия Джалаиров, в сущности, стала правопреемницей канцелярских традиций Ильханидов, можно реконструировать абстрактный формуляр анализируемого ярлыка, исходя из делопроизводственных традиций Чингизидов. Часть компонентов абстрактного формуляра, очевидно, в силу своей шаблонности не была представлена в образце ярлыка. В частности, в начальном протоколе отсутствуют инвокация, которая размещалась в самом начале документа и, как правило, отличалась каллиграфическим исполнением и размером шрифта (Herrmann 2004: 10), а также адресант, в котором указывалось имя и титулы монарха, султана Чингизида или Джалаира (Herrmann 2004: 11—13). В основной части также должна была быть представлена санкция и корроборация. Обязательным компонентом документа было указание времени и места выдачи документа, входившие в состав эсхатокола.

Формулярный анализ образца ярлыка на назначение исфахсалра страны позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной части ярлыка, и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику наррации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы основной части, а именно, промульгацию, аренгу, корроборацию и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов и хорошо известных каждому писцу, начального (за исключением адресата) и конечного протоколов.

Историко-правовой анализ документа

Ярлык о назначении исфахсалара адресован достаточно широкому кругу лиц, первыми среди которых фигурируют высшие сановники (улусные эмиры, везиры), военачальники разного уровня (эмиры туменов, тысяч и сотен), а также представители гражданской региональной и местной администрации (хакимы и мутасаррифы вилайетов). Это подчеркивает, что назначаемому сановнику предстояло взаимодействовать с властями самого разного уровня и компетенции, что в полной мере отражает специфику главы правоохранительной системы.

На должность назначается некий Зайн ад-Дин Хаджи Али, сопоставить которого с известными по источникам государственными деятелями монгольского Ирана авторам не удалось. Тем не менее, есть основания считать, что он принадлежал к военным кругам, поскольку среди его достоинств (ставших причиной назначения на должность именно его) фигурируют такие качества как «смелость, доблесть… и трезвая решимость», а также упоминается, что он уже успел совершить «великие дела». Вместе с тем, он, по-видимому, имел опыт осуществления правосудия, поскольку наряду с качествами, присущими воину, упоминаются также «чуткость и сострадательность», но при этом — «совершенная твердость», «зрелое мнение» и «глубокое рассмотрение».

В результате Зайн ад-Дин назначается на должность «исфахсалара Богохранимых пределов», т.е. обладателя этой должности высшего уровня — это позволяет провести параллели с вышеупомянутыми сельджукскими терминами «исфахсалар-и бузург» и «амир-и

исфахсалар». Это уточнение весьма оправданно, поскольку ниже в ярлыке упоминаются также и «исфахсалары вилайетов и городов», которые назначаются данным сановником и, соответственно, подчиняются ему.

Наиболее интересной частью документа, несомненно, является перечисление должностных обязанностей исфахсалара страны. Как можно увидеть из ярлыка, они включают весьма широкий круг правоохранительных функций. Прежде всего, Зайн ад-Дину хаджи Али следовало отслеживать информацию о положении населения — по всей видимости, речь идет не об общем состоянии его правомерного поведения, а о приеме заявлений от жителей о совершении преступлений (поскольку ниже речь идет уже о судебных разбирательствах) и, позволим себе предположить, создании сети осведомителей — коль скоро представители вновь создаваемого правоохранительного института принадлежали к той же группе подданных ильханов, что и городское население.

Судебная функция исфахсалара заслуживает отдельного внимания. Во-первых, он должен рассматривать дела в суде яргу, т.е. инстанции, действовавшей на основе монгольского имперского законодательства и предписаний ханских ярлыков[14]. С одной стороны, как мы отметили, Зайн ад-Дин Хаджи Али руководил правоохранительными структурами, сформированными из местного городского населения, и, соответственно, должен был бы руководствоваться нормами шариата. Однако его деятельность была связана с обеспечением правопорядка и безопасности государства и преследованием наиболее опасных преступников — «воров, убийц, разбойников». Подобные преступления, как известно, разбирались на основе Великой Ясы и иных ханских установлений — следовательно, отнесение их рассмотрения к ведению суда-яргу вполне оправданно. Исфахсалару предписывается решать дела справедливо, не допускать никакого воздействия на участников процесса, сохранять объективность и беспристрастность и не брать взяток, а назначаемые им наказания должны быть соразмерны совершенным преступлениям. Завершается перечень этих требований чисто мусульманским назиданием: «Пусть руководствуется страхом Божьим, чтобы в этой жизни быть в числе справедливых, а в грядущей — в числе спасенных», что позволяет увидеть отражение уже мусульманского представления о правосудии.

Исфахсалару страны даровались весьма широкие возможности вмешательства в административную деятельность областей и городов. Получив сведения о совершении преступлений, он имел право прибегнуть к содействию «наместников и влиятельных лиц», которые не смели отказывать ему и покрывать преступников, игнорируя вышеупомянутые заявления от представителей населения.

Правоохранительная деятельность под руководством исфахсалара, как видно из документа, осуществлялась, во-первых, подчиненными ему нижестоящими исфахсалами, в распоряжении которых были «нукеры» (любопытно, что по отношению к ним применяется монгольский термин) и «стражники городских ворот». Таким образом, речь идет, как и во времена халифата, о представителях городского населения, которые несли службу по охране правопорядка. (Михайлова 1990: 24).

По-видимому, из опыта эпохи Аббасидов была позаимствована и система финансирования этих «полицейских» подразделений — на это указывает упоминание «положенной исфахсаларам пошлины», которую должны платить «люди», т.е. финансирование их деятельности шло не из государственной казны, а именно от самих же жителей.

Анализ документа дает основание предположить, что он мог быть издан в конце 1290-х гг., в правление ильхана Газана, который не только сделал ислам официальной религией Ильханата, но и провел серию реформ, целью которых было усиление централизации государства и укрепление контроля высших органов власти над отдельными регионами.

[14] Нельзя не провести параллель с судебными полномочиями кешиктенов Чингис-хана, которым предписывалось «участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху» (Козин 1941: 173).

Однако есть также основания полагать, что Зайн ад-Дин Хаджи Али мог оказаться единственным «исфахсаларом страны». На это указывает, во-первых, тот факт, что в «Дастур ал-катиб» приведен единственный образец такого ярлыка, тогда как в большинстве случаев Мухаммед Нахчивани приводит по три примера ярлыков о назначении на ту или иную должность. Во-вторых, как уже упоминалось, в источниках ильханского времени должность исфахсалара — тем более, в качестве главы правоохранительной системы — не упоминается. По всей видимости, либо сам Газан, либо его ближайшие преемники могли счесть нецелесообразным сосредотачивать столь широкие полномочия в руках одного сановника, имеющего, к тому же, в своем распоряжении больше число вооруженных местных жителей и отказаться от практики назначения исфахсаларов.

Исследователи говорят, что этот термин в Иране, несмотря на малоупотребительность, все же не исчез из обращения. Во-первых, во времена Ильханата его продолжали использовать правители прикаспийских областей — Гиляна и Дейлема[15], которые и власть ильханов признали только в первом десятилетии XIV в.[16], и вообще в течение длительного времени противопоставляли себя населению других частей Ирана (Bosworth et al. 1997: 209). Во-вторых, после распада государства Хулагуидов в ряде областей должность была восстановлена в первоначальном варианте. Так, например, Абу Бакр Ахари сообщает: «В 758 году (1357 г.) Мухаммад Йазди овладел Фарсом. Случилось так, что Бекджуказ отвернулся от Малика Ашрафа, отправился в Шираз к Абу Исхаку, который назначил его командующим войсками (сепахсалар) и отправил на войну с Мухаммадом ибн Музаффаром Йазди» (ал-Ахари 1984: 126).

Впоследствии этот термин продолжал применяться в государстве Сефевидов, обозначая, как и в домонгольском Иране, верховного главнокомандующего, а также наместников крупных областей (Monshi 1930: 184, 1260; Minorsky 1980: 36, 75). В аналогичных значениях он использовался также в государстве Великих Моголов в Индии, где сипахсалары могли являться как амир ал-умара (или хан-ханан), т.е. верховными главнокомандующими, либо наместниками провинций (Allami 1978: 37—41; Monshi 1930: 1293).

Как бы то ни было, проанализированный ярлык, по нашему мнению, имеет важное значение для формирования представления о правоохранительной деятельности персидских ильханов. А очевидные параллели с империей Юань позволяют сделать вывод, что аналогичные тенденции могли иметь место и в других чингизидских государствах рассматриваемого периода. К сожалению, сведений о политике правителей Чагатайского улуса в области обеспечения законности и правопорядка в нашем распоряжении не имеется. Что же касается Золотой Орды, то о ней имеются только самые общие сведения как о привлечении местного оседлого населения к военной службе, так и о гарнизонах в крупных и стратегически важных населенных пунктах (Шпулер 2016: 378).

Есть основания полагать, что практика размещения таких гарнизонов, наделенных также и правоохранительными функциями могла использоваться не в последнюю очередь в торговых и портовых городах Причерноморья. Данных о подобной политике именно золотоордынских ханов не сохранилось, однако имеются достаточно ценные сведения о том, как правоохранительная деятельность была организована в одном из наследников Золотой Орды — Крымском ханстве.

Еще в первой половине XVII в. ханы-Гиреи стали формировать подразделения из представителей оседлого мусульманского населения Крыма, получившие название «секбаны» или «сеймены», которые сначала насчитывали несколько сот, но к концу века — уже около 1,5 тыс. чел. Согласно источникам, они, подобно кешиктенам монгольских ханов, являлись ханской гвардией телохранителей, но могли также нести гарнизонную службы и выполнять «полицейские» функции — в частности, быть приставами при высших сановниках ханства или иностранных дипломатах, вести розыск преступников, карать

[15] Представление о статусе и функциях сипахсалара в этом регионе, полагаем, было достаточно четко сформулировано еще в XI в. Кей-Кавусом, правителем Гиляна (Кабус-наме 1958: 229—231).

[16] Они были подчинены ильханом Олджайту — братом и преемником Газана около 1309 г.

мятежников и мародеров. Этот институт просуществовал до времен последнего хана Шахин-Гирея, при котором было 126 секбанов, а еще около 200 состояли при различных сановниках и администраторах (Шейхумеров 2019: 45—48, 51—55).

Подразделения секбанов, несомненно, были созданы под влиянием османской практики, в которой они существовали уже с конца XIV в. и позднее были включены к янычарский корпус (Ихсаноглу 2006: 275). Однако исследователи подчеркивают, что в Крымском ханстве эта структура была создана в противовес османским янычарам, подразделения которых появились при крымских ханах после признаниями ими зависимости от Османской империи. Кроме того, с их помощью ханы могли противостоять своим мятежным ханским родичам-Гиреям и беям: всецело обязанные своим положением ханской воле, секбаны являлись наиболее лояльными ему воинскими подразделениями и поэтому нередко выполняли даже «деликатные» карательные задачи (Шейхумеров 2019: 46, 50). Здесь мы, опять же, не можем не провести параллель с гвардией императоров Юань 1320—1330-х гг., в состав которой входили кипчаки, ясы и даже русские (Hsiao 1978: 100; см. также: Храпачевский 2009: 215—216): поскольку их положение зависело от благополучия хана, они являлись самыми доверенными его телохранителями, поскольку ни монголам, ни китайцам юаньские императоры доверять не могли…

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем сделать следующие выводы по поводу организации правоохранительной деятельности в государствах Чингизидов.

Во-первых, установление контроля над многочисленными оседлыми регионами с большим количеством крупных городов и населенных пунктов, заставило потомков Чингис-хана привлекать к гарнизонной службе и, соответственно, охране правопорядка большое количество представителей местного населения.

Во-вторых, при организации соответствующих подразделений Чингизиды старались совмещать элементы системы власти, управления и правового регулирования Монгольской империи с местными традициями, в эффективности которых имели возможность убедиться. Так, например, укомплектованные китайцами гарнизоны входили в систему туменов и тысяч, а персидские исфахсалары должны были руководствоваться принципами монгольского суда яргу. В других случаях имело место и прямое иностранное влияние, со стороны государства-сюзерена — как в случае с секбанами в Крымском ханстве.

В-третьих, выявленными нами тенденции, по всей видимости, в рассматриваемый период могли иметь распространение во всех государствах Чингизидов. Полагаем, что это позволяет осторожно экстраполировать имеющуюся информацию об организации правоохранительной деятельности в империи Юань и монгольском Иране на Улус Джучи.

Литература

Абзалов и др. 2022: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. 2022. К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII—XIV вв. *МАИАСП* 14, 297—313. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.86.014.

Ал-Ахари 1984: Кяимов М.Д., Пириев В.З. (пер.). Ал-Ахари, Абу Бакр ал-Кутби. 1984. *Тарих-и шейх Увейс (История шейха Увейса)*. Баку: Элм.

Ашрафян К.З. 1960. *Делийский султанат*. Москва: Восточная литература.

Григорьев А.П. 2004. *Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Ихсаноглу Э. (ред.). 2006. *История Османского государства, общества и цивилизации*. Т. 1. Москва: Восточная литература.

Кабус-намэ 1953: Бертельс Е.Э. (пер., ст., комм.). 1953. *Кабус-намэ*. Москва: АН СССР.

Козин С.А. 1941. *Сокровенное сказание. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Курпалидис Г.М. 1992. *Государство Великих Сельджукидов: официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях*. Москва: Наука.

Кычанов Е.И. 1993. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников). *Mongolica* 2. *К 750-летию «Сокровенного сказания»*, 148—156.

Михайлова И.Б. 1990. *Средневековый Багдад*. Москва: Наука.

Ан-Насави 1996: Буниятов З.М. (крит. текст, пер., пред., прим. и указ.). 1996. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Москва: Восточная литература.

Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.) 1976. Нахчивани, Мухаммад ибн Хиндушах. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Рашид ад-Дин 1946: Арендс А.К. (пер.), Струве В.В. (отв. ред.). 1946. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.

Сидорович С.В. 2019. Главы 29—32 кодекса «Чжи-чжэн тяо-гэ». *Общество и государство в Китае*, XLIX (1), 214—309.

Золотая Орда в источниках 2009: Храпачевский Р.П. (пер. с кит., сост., ввод. ст., коммент.). 2009. *Золотая Орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. Москва: Наука.

Шейхумеров А.А. 2019. *Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV—XVIII вв.).* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Шпулер Б. 2016. В: Гатин М.С. (перев., комм.). *Золотая Орда. Монголы в России. 1223—1502*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Allami 1978: Jarrett H.S. (transl.), Sarkar J. (ed.). 1978. Allami, Abul Fazl. *Ain-i Akbari.* Vol. II. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation.

Amitai R. 2017. Continuity and Change in the Mongol Army of the Ilkhanate. In: de Nicola B., Melville Ch. (eds.). *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden; Boston: Brill, 38—54.

Atwood C.P. 2006. Ulus emirs, Keshig elders, signatures and marriage partners: The evolution of a classic Mongol institution. In: Sneath D. (ed.). *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th—20th Centuries.* Washington: Western Washington University, 141—174.

Busse H. 1991: Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 301—313.

Bosworth et al. 1997: Bosworth E., van Donzel E., Lewis B., Pellat Ch. (eds.). 1997. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. IV. Leiden: Brill.

Herrmann G. 2004: *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Monshi 1930: Savory R.M. 1930. Monshi, Eskandar Beg. *History of Shah Abbas the Great (Tarik-e Alamaraye Abbasi)*. Vol. I—II. Boulder: Westview Press.

Farquhar D.M. 1990: *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

von Hammer-Purgstall J. 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag.

von Hammer-Purgstall J. 1842. *Geschihte der Ilchane. Das ist: der Mongolen in Persien.* Bd. 1. Darmstadt: Carl Wilhelm Leske Verlag.

Herrmann G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Hope M. 2016. *Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press.

Hope M. 2017. "The Pillars of State": Some Notes on the Qarachu Begs and the Keshikten in the Il-Khanate (1256—1335). *Journal of the Royal Asiatic Society* 27 (2), 181—199.

Hsiao Ch'i-ch'ing. 1978. *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*. Cambridge: Harvard University Press.

Juvaini 1997: Mirza M.Q., Boyle J.A. (transl.), Morgan D.O. (intr.). 1997. Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press.

May T. 2012. *The Mongol conquests in World History*. London: Reaktion Books.

Melville Ch. 2006. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household. In: Komaroff L. (ed.). *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill, 135—166.

Minorsky V. (transl.). 1980. *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725).* Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

Morgan D.O. 1979. The Mongol armies in Persia. *Der Islam* 56 (1), 81—96.

Thackston W.M. (transl.). 1998—1999. *Compendium of Chronicles. A History of Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

Abzalov et al. 2022: Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Mustakimov, I.A., Pochekaev, R.Yu. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 14, 297—313. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.86.014 (in Russian).

al-Akhari 1984: Kyazimov, M.D., Piriev, V.Z. (transls.). 1984. al-Akhari, Abu Bakr al-Kutbi 1984. *Tarikh-i sheykh Uveys (Istoriya sheykha Uveysa) (History of Sheikh Uways)*. Baku: Elm (in Russian).

Ashrafyan, K.Z. 1960. *Deliyskiy sultanat (The Sultanate of Delhi).* Moscow: Vostochnay literatura (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 2004. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov (Collection of khans' yarighs to Russian metropolitans: Source study analysis of the Golden Horde documents.* Sain Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet (in Russian).

Ihsanoglu, E. (ed.). 2006. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obschestva i tsivilizatsii (History of the Ottoman State, Society and Civilization)*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Kabus-name 1953: Bertels, E.E. (transl., article and comments). 1953. *Kabus-name (Qabus-nama)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Kozin, S.A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Yuan' chao bi shi. Mongol'skiy obydenniy sbornik (The Secret History of Mongols).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Kurpalidis, G.M. 1992. *Gosudarstvo Velikikh Sel'dzhukidov: ofitsial'nye dokumenty ob administrativnom upravlenii i sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniyakh (State of the Great Seljukids: official documents on administrative management and socio-economic relations)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kychanov, E.I. 1993. In *Mongolica* 2. *K 750-letiyu "Sokrovennogo skazaniya" (On the Occasion of the 750th Anniversary of the Secret History of Mongols)*, 148—156 (in Russian).

Mikhaylova, I.B. 1990. *Srednevekoviy Bagdad (Medieval Baghdad).* Moscow: Nauka (in Russian).

An-Nasavi 1996: Buniyatov, Z.M. (trabsl.). 1996. An-Nasavi, Shikhab ad-Din Mukhammad. *Sirat as-Sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny) (The Biography of Jalal al-Din Mankburni)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). 1976. Nakhchivani, Mukhammad ibn Khindushakh. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Rashid ad-Din 1946: Arends, A.K. (transl.), Struve, V.V. (ed.). Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Sidorovich, S.V. 2019. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and State in China)* 49 (1), 214—309 (in Russian).

Zolotaya Orda v istochnikah 2009: Khrapachevskiy, R.P. (comp., transl.). 2009. *Zolotaya Orda v istochnikah (The Golden Horde in Sources)*. Vol. III. *Kitayskie i mongol'skie istochniki (Chinese and Mongolian Sources).* Moscow: Nauka (in Russian).

Sheykhumerov, A.A. 2019. *Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV—XVIII vv.) (Army of the Crimean Khanate: Organiization and Tactics (15th—18th cc.))*. Kazan; Simferopol: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Spuler, B. 2016. In: Gatin, M.S. (transl.). *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223—1502 (The Golden Horde. The Mongols in Russia, 1223—1502)*. Kazan: Institutt istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Allami 1978: Jarrett, H.S. (transl.), Sarkar, J. (ed.). 1978. Allami, Abul Fazl. *Ain-i Akbari.* Vol. II. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation.

Amitai, R. 2017. Continuity and Change in the Mongol Army of the Ilkhanate. In: de Nicola, B., Melville, Ch. (eds.). *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden; Boston: Brill, 38—54.

Atwood, C.P. 2006. Ulus emirs, Keshig elders, signatures and marriage partners: The evolution of a classic Mongol institution. In: Sneath, D. (ed.). *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th—20th Centuries.* Washington: Western Washington University, 141—174.

Busse, H. 1991: Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 301—313.

Bosworth et al. 1997: Bosworth, E., van Donzel, E., Lewis, B., Pellat, Ch. (eds.). 1997. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. IV. Leiden: Brill.

Herrmann, G. 2004: *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Monshi 1930: Savory, R.M. 1930. Monshi, Eskandar Beg. *History of Shah Abbas the Great (Tarik-e Alamaraye Abbasi)*. Vol. I—II. Boulder: Westview Press.

Farquhar, D.M. 1990: *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

von Hammer-Purgstall, J. 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag.

von Hammer-Purgstall, J. 1842. *Geschihte der Ilchane. Das ist: der Mongolen in Persien.* Bd. 1. Darmstadt: Carl Wilhelm Leske Verlag.

Herrmann, G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Hope, M. 2016. *Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press.

Hope, M. 2017. "The Pillars of State": Some Notes on the Qarachu Begs and the Keshikten in the Il-Khanate (1256—1335). *Journal of the Royal Asiatic Society* 27 (2), 181—199.

Hsiao Ch'i-ch'ing. 1978. *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*. Cambridge: Harvard University Press.

Juvaini 1997: Mirza, M.Q., Boyle, J.A. (transl.), Morgan D.O. (intr.). 1997. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press.

May, T. 2012. *The Mongol conquests in World History*. London: Reaktion Books.

Melville, Ch. 2006. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household. In: Komaroff, L. (ed.). *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill, 135—166.

Minorsky, V. (transl.). 1980. *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725).* Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

Morgan, D.O. 1979. The Mongol armies in Persia. *Der Islam* 56 (1), 81—96.

Thackston, W.M. (transl.). 1998—1999. *Compendium of Chronicles. A History of Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press.

Военная история

Military History

DOI: 10.53737/1468.2023.57.53.023

П.И. Шульга

КОЛЕСНИЧЕСТВО И ВЕРХОВАЯ ЕЗДА У СКИФОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КИТАЯ (КУЛЬТУРА ЯНЛАН)*

В последнее десятилетие всё чаще поднимаются вопросы возникновения и развития колесничества и верховой езды в Евразии. Этому способствует активизация археозоологических исследований, позволяющих по следам на зубах, изменениям и деформации костей лошадей определить степень и формы их использования. В статье анализируются особенности захоронения лошадей в могильниках Вандаху (V—III вв. до н. э.) и Мацзяюань (III—II вв. до н. э.) скифоидной культуры янлан с привлечением результатов детального археозоологического изучения конских черепов из Вандаху. Все имеющиеся данные однозначно указывают, что некоторые умершие в Вандаху погребались как воины-колесничие с оружием и черепами четвёрок лошадей со следами воздействия удил на зубах, колесничными псалиями и деталями колесниц. Материалы элитных захоронений в Мацзяюань с реальными колесницами и костяками лошадей подтвердили заключение о принадлежности черепов из Вандаху колесничным лошадям и показали чрезвычайное конструктивное и функциональное разнообразие колесниц, представленных образцами от боевых и парадных квадриг до больших одноосных повозок, влекомых четвёркой быков. Полученные данные из оставленных западными жунами могильников Вандаху и Мацзяюань демонстрируют только использование колесниц. Свидетельств верховой езды нет. Однако, согласно имеющимся письменным древнекитайским источникам, *западные жуны* были хорошими всадниками, которых привлекали в кавалерию армии Цинь. Косвенным подтверждением тому является наличие в терракотовой армии Цинь того же времени (вторая половина III в. до н. э.) верховых лошадей с сёдлами степного типа.

Ключевые слова: Китай, ранний железный век, скотоводы, колесницы, конница.

Сведения об авторе: Шульга Петр Иванович, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Контактная информация: 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

P.I. Shulga

CHARIOTRY AND HORSE RIDING AMONG THE SCYTHIAN-LIKE POPULATION OF NOTHERN CHINA (THE YANGLANG CULTURE)

In the last decade, the issues of the emergence and further development of chariot racing have been increasingly raised. It is due to the activation of archeozoological research that the determining the degree and forms of horse exploitation by traces on teeth as well as by changes and deformations of horse bones became possible. The article analyzes the features of horse burials in Wangdahu (5th — 3rd century BCE) and Majiayuan (3rd — 2nd century BCE) burial grounds of the Yanglang Scythoid Culture with the involvment of the results of the detailed archeozoological study of horse skulls from Wangdahu. All available data clearly indicate that some of the deceased in Wangdahu were buried as warriors-charioteers with weapons and chariot horse cheek-pieces and parts of chariots; the skulls of four horses displayed traces of the bits on their teeth. Materials from elite burials in Majiayuan with real chariots and horse skeletons confirmed the

* Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX—III вв. до н.э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Статья поступила в номер 15 мая 2022 г.
Принята к печати 11 декабря 2022 г.

© П.И. Шульга, 2023.

conclusion that horse sculls in Wangdahu belong to chariot horses. These discoveries have demonstrated an extraordinary constructive and functional diversity of chariots, represented by various objects, from combat and parade quadrigas to large single-axle wagons drawn by four bulls. The data obtained from Wangdahu and Majiayuan burial grounds, left by the Western Rong, only demonstrate the use of chariots. Evidence of horse riding hasn't yet been found. However, in some ancient Chinese narratives, the Western Rong population is noted to be excellent horsemen who were engaged to serve in the cavalry corps of the Qin army. An indirect confirmation of this is the presence of riding horses with the steppe-type saddles in the Qin Terracotta Army of the same period (the 2nd half of 3rd century BCE).

Key words: China, the Early Iron Age, pastoralists, chariots, cavalry.

About the author: Shulga Petr Ivanovich, PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ac. Lavrentieva Ave., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Введение

Образ жизни скотоводов скифского времени в степях Евразии, обычно определяется как кочевой. Зачастую, подобным образом характеризуются и «варвары», окружавшие древнекитайские царства. Это мнение как будто подтверждает ставшее традиционным описание жизни сюнну и их предков, которые: «вместе с пасущимися стадами кочевали с места на место. В их стадах больше всего было лошадей, крупного рогатого скота и овец, …. Они передвигались в поисках воды и травы, у них не было обнесенных стенами городов и постоянного места для жилья, они не занимались обработкой полей, …» (Сыма Цянь 2002: 323). Ко времени написания этих строк, в конце III—II вв. до н.э. в связи с развернувшейся войной сюнну против соседей, юэчжей и имперского Китая подвижность скотоводов несомненно усилилась. Однако, до этого времени степень их осёдлости была довольно высокой, с чем в значительной степени связано широкое использование скотоводами Северного Китая двуколок и боевых колесниц по меньшей мере с IX по III—II вв. до н.э. Более того, первые колесницы с лошадьми и ранней сбруйной фурнитурой были привнесены в XIII—XII вв. до н.э. в царство Шан представителями неких групп населения, обитавшего от Шан к северу (во Внутренней Монголии?) (Linduff 2003; Shelach-Lavi 2014; Rawson et al. 2020) или к западу и северо-западу (Mair 2003). Что из себя представляла эта загадочная культура пока неясно. Учитывая многочисленные петроглифы с изображениями колесниц на Саяно-Алтае и в Монголии, следует полагать, что одноосные повозки использовали за пределами Шан и Западной Чжоу с эпохи поздней бронзы. Так, согласно надписи на треножнике из Чанани, в IX в. до н.э. колесницы в значительном количестве были на вооружении северных варваров *сяньюнь*. С последними связана военная экспедиция отряда Западной Чжоу, состоявшаяся около 816 г. до н.э. Только в одном эпизоде у *сяньюнь* было захвачено 117 колесниц. Наличие или участие конницы у *сяньюнь* там не упоминается (Mair 2003: 165). Показательным примером готовности «варваров» к оседлой жизни, созданию государства с колесничным войском является царство Чжуншань, созданное, осевшими в VII в. до н.э. северными *ди* у юго-западных границ Янь. Оно могло выставить тысячу колесниц, но имело и конницу. В VII в. до н.э. у северной границы царства Янь оседают и шаньжуны. Они также использовали колесницы, а у воинов шаньжунов из Юйхуанмяо даже зафиксирован уникальный костюм колесничего в виде передника и свисавших сзади от пояса до икр ремешков с бронзовыми подвесками. Такой костюм не пригоден для всадника, но был хорошо виден у колесничего (Шульга 2015: 60; Шульга, Шульга 2019а).

Как ни парадоксально, но достоверные сведения о широком распространении всадничества и кавалерии у скотоводов Северного Китая относятся только к IV в. до н.э. Судя по письменным источникам, конные лучники в одеждах хуннского типа появляются у

китайцев вынужденно для противодействия отрядам степняков, перешедших к этой тактике несколько раньше. Традиционно под этими «степняками» понимаются обитавшие к северу и к западу *ди*, *ху*, *жуны* и др. Однако, имеется мнение, что конными лучниками были пришлые племена, которых ранее сдерживали *жуны* и *ди*. В период Воюющих государств могущественные китайские царства поглотили эти буферные народы, и сами открылись для северных конных кочевников (Wan Xiang 2013: 102). Насколько эти предположения верны, покажет будущее, но очевидно, что в IV в. до н.э. происходили мощные движения кочевников, в частности достигавшие Алтая (Республика Алтай, Россия). Реформа Улин-Вана (правил 325—295 до н.э.) около 307 г. до н.э. в северном царстве Чжао, была ответом на столкновения с полуварварским царством Чжуншань, а также с другими северными кочевниками.

Единственное археологическое свидетельство реального существования кавалерии и верховых лошадей с детально проработанными сёдлами и седельными ремнями имеется в терракотовой армии Цинь Шихуанди, воспроизводящей реальную армию Цинь второй полов. III в. до н.э.[1] (рис. 2: 1). В других памятниках скотоводческих культур Северного Китая и в китайских захоронениях III в. до н.э. фурнитура сёдел и седельных ремней отсутствует. Очевидно, что полные сбруйные наборы верховой лошади с седлом в V—III вв. до н.э. на территории Северного Китая были. Однако в силу особенностей погребального обряда в захоронения там помещали только уздечки. Часть из них имеет специфические «колесничные» псалии с дополнительным третьим оверстием (рис. 1: 8, 18), а потому можно с большой долей уверенности соотносить их с упряжками. Вместе с тем, у скотоводов Китая широкое распространение получила узда с универсальными для степей Евразии псалиями и удилами, используемыми в верховой и упряжной сбруе (рис. 1: 9, 19, 4: 6). В этом случае определить по уздечке характер использования лошади затруднительно или невозможно. Решение проблемы видится в привлечении комплекса данных археологии и археозоологии, а также сведений из древнекитайских текстов.

В своём исследовании данного вопроса по китайским письменным и археологическим источникам В. Майр пришёл к следующим выводам: а) на начальном этапе (около 1200 г. до н.э.) лошади в Шан и у некоторых из их соседей использовались в колесничных упряжках; б) верховая езда практиковалась у северных и западных «варваров» уже в первой половине I тыс. до н.э., но в основном для охоты и транспортировки; в) северные и западные скотоводы начинают использовать конные отряды в войне только во втор. полов. I тыс. до н.э., а сами китайцы ещё позже — с конца IV в. до н.э. (Mair 2003: 163). Отдавая должное указанному автору, нужно отметить, что эти выводы относительно северных и западных скотоводов основаны на письменных источниках. Соответствующего археологического материала к тому времени было недостаточно, в том числе и по культуре янлан. Ситуация принципиально изменилась после раскопок элитных захоронений с колесницами на могильнике Мацзяюань (Институт археологии 2008; Чжоу Гуанцзи и др. 2009; Ван Хуэй и др. 2010; Се Янь, Лю Бинбин 2012; Лю Бинбин и др. 2018; Институт археологии 2014), а также сравнительно скромных, но очень показательных материалов могильника Вандаху, включающих большое количество остеологического материала (Институт археологии 2016; Шульга, Шульга 2019б). Комплексное изучение культуры янлан ещё на начальной стадии, но уже нет сомнений, что она займёт особое место в кругу культур скифского мира. Для этого имеются все данные: обилие артефактов в погребениях, включая черепа домашних животных; наличие богатых элитных захоронений и датируемых китайских изделий; длительное существование культуры (VI—II вв. до н.э.); близость культурам Ганьсу, Ордоса и Сибири; возможность идентификации её с известными группами западных жунов из исторических источников. В данной статье кратко остановимся на археологических материалах из могильников Вандаху и Мацзяюань, демонстрирующих наличие колесниц и колесничества в культуре янлан.

[1] По всей видимости, самое раннее седло из Северного Китая с лакированными упорами сохранилось на Алтае в Третьем Пазырыкском кургане (Степанова 2012: 449—451; 2014: 236), датируемом, на наш взгляд, второй половиной IV в. до н.э.

Культура янлан

Основная часть выявленных могильников культуры янлан находится в южной части Нинся-Хуэйского автономного района, а также в прилегающей восточной части Ганьсу. Носители культуры янлан согласно историческим источникам относятся к западным жунам, непосредственно граничивших с запада (в Ганьсу) и севера (в Ордосе) с царством Цинь. Не смотря на постепенную экспансию Цинь в западном и северном направлениях, сопровождавшуюся военными столкновениями с *жунами*, между ними зачастую поддерживались мирные отношения, велась торговля, заключались военные и брачные союзы. В отличие от вытесненных или ассимилированных скотоводов в Ордосе (внутри дуги р. Хуанхэ), *жуны* на востоке Ганьсу (район с центром в Мацзяюань) в V—IV вв. до н.э. сохраняли независимость. Для этого времени в культуре янлан фиксируются достаточно однородные захоронения, в том числе погребения колесничих на могильнике Вандаху с большим количеством жертвенных животных, оружием, конским снаряжением и деталями колесниц. После присоединения этой территории в начале III в. до н.э. к царству Цинь и строительства в 271 г. до н.э. оборонительной стены, обитавшие в этом районе жуны не ушли. По всей видимости, они органично встроилась в новые отношения, осуществляя посреднические поставки лошадей в Цинь от скотоводов с запада. Благодаря торговле, заинтересованности Цинь в лошадях и воинах, элита жунов сохранила относительную независимость, а в III—II вв. до н.э. вышла на уровень циньской аристократии. По мнению У Сяолун «В Мадзяюань размер гробниц, количество ступеней в их стенах, а также количество и типы погребённых в них колесниц, ранжированы и соотносится друг с другом. Местные правители, очевидно, были знакомы с системой рангов Чжоу и приняли ее, чтобы обозначить свое богатство и социальный статус.» (Wu Xiaolong 2013: 127). Явным влиянием китайской обрядности в Мацзяюань является пологий дромос и отсутствие катакомбы в центральной могиле «правителя» (Чжоу Гуанцзи и др. 2009: рис. 2). Вместе с тем, во всех остальных элитных погребениях Мацзяюань продолжали воспроизводить основные особенности погребального обряда культуры янлан. В некоторых публикациях, изданных по результатам первого этапа раскопок, на наш взгляд, слишком прямолинейно проводились аналогии Мацзяюань с курганом Иссык и культурой саков Казахстана (Yang Jianhua, Linduff 2013; Кан Ин Ук 2018). Указанные исследователи в той или иной мере связывают появление замечательных изделий из золота и серебра в Мацзяюань с проникновением носителей сакской культуры через Синьцзян. Это могло быть продвижение отдельных индивидуумов на восток Ганьсу (Yang Jianhua, Linduff 2013: 81—82), или же целых групп населения с мастерами, продвигавшихся ещё дальше на восток до царства Янь (Кан Ин Ук 2018: 395, 401, 410). Думается, для таких предположений нет веских оснований. Более взвешенной представляется позиция У Сяолун, хоть и допускающей сакское влияние через Синьцзян (Wu Xiaolong 2013: 127), но указывающей на самобытность звериного стиля в культуре янлан, и на производство изделий для колесниц в мастерских Цинь (Wu Xiaolong 2013: 129, 134). Прямая власть Китая над территорией у современных городов Гуюань и Чжунвэй, где располагаются могильники Вандаху и Мацзяюань, была установлена лишь в ходе усиления империи Хань после побед императора У-Ди над хунну в 114 г. до н.э. Соответственно, можно полагать, что культура янлан просуществовала на территории Нинся-Хуэйского АР и прилегающего района Ганьсу до середины II в. до н.э., сохраняя при этом скотоводческую направленность хозяйства. В этом отношении культура янлан единственное образование, просуществовавшее на границах Древнего Китая столь длительное время — с VI (VII ?) по II в. до н.э.

Характерными для культуры янлан являются погребения в катакомбах. Например, в Вандаху погребальная конструкция включала подпрямоугольную (подквадратную) входную яму глубиной около 1 м и узкую наклонную катакомбу длиной 2—3 м, устроенную в восточной стенке. В катакомбу помещали только одного человека на спине вытянуто,

головой в восточный сектор (рис. 1: 1). После погребения человека в заполнение входной ямы у восточной стенки укладывались головы лошадей мордами на восток (что совпадало с ориентацией покойного) (рис. 1: 2). Головы крупного рогатого скота, овец и коз, обычно, размещались к западу от них в центральной и западной частях входной ямы (рис. 1: 2). Керамику в погребения могли не ставить. Оружие, детали сбруи и колесниц, пояс с фурнитурой, украшения и прочие изделия, обычно помещали в катакомбе (рис. 1: 1), реже — во входной яме. Несмотря на удалённость от Монголии и Саяно-Алтая, в захоронениях культуры янлан VI—III вв. до н.э. «скифская триада» представлена даже более полно, чем в культурах маоцингоу и шацзин.

Конское снаряжение культуры янлан, включало многочисленные детали уздечек и упряжи, с удилами, псалиями, разнообразными распределителями и бляхами. Преимущественно это было снаряжение колесничных лошадей, на что указывают часто встречающиеся в погребениях детали колесниц и «колесничные» псалии с большим дополнительным центральным отверстием (рис. 1: 8, 18). Вероятно, колесницы применялись уже на начальном этапе культуры, как это зафиксировано у упомянутых северных варваров *сяньюнь,* лишившихся в одном столкновении 117 колесниц (Mair 2003: 165). Согласно археологическим материалам, конское снаряжение и детали колесниц достоверно фиксируются уже в наиболее ранних погребениях культуры янлан, предположительно датируемых с VII в. до н.э. Так, на могильнике Мачжуан в могиле IM11 бронзовый наосник колесницы найден в комплекте с бронзовыми «восточными» удилами, датируемыми VII — началом VI в. до н.э. (Сюй Чэн и др. 1993: рис. 20: 18, 21: 18). К сожалению, по имеющимся неполным публикациям сложно выделить ранние комплексы VII—VI вв. до н.э. Последующий период культуры янлан V—III вв. до н.э. хорошо прослеживается по полностью опубликованным материалам могильника Вандаху (Институт археологии 2016).

Могильник Вандаху

Погребальный обряд на могильнике соответствует основному типу погребений в катакомбах, отмеченному на других могильниках культуры янлан. Все семь погребений в Вандаху, не потревоженных грабителями, совершены в узких катакомбах (рис. 1: 1). В заполнении входных ям находились черепа жертвенных животных, в основном сконцентрированные у входа в катакомбу в восточной части ямы над ногами человека (рис. 1: 2). Катакомбы устраивались в широтном направлении (с запада на восток) и имели значительный наклон в восточном направлении, вследствие чего голова умершего находилась ниже ног. Умершие располагались на спине, вытянуто, головой на восток.

Благодаря проведённым и опубликованным определениям костей животных из Вандаху, нам впервые известно точное количество черепов погребённых лошадей, их возраст и пол. Особое значение имеет обнаружение среди них особей со следами износа на зубах от металлических удил (Институт археологии 2016). Количество черепов жертвенных животных (лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза) в наиболее представительных погребениях Вандаху было примерно одинаковым — от 25 до 31 особи. В отдельных случаях черепа заполняли почти всю площадь входной ямы и укладывались слоями. Всего в погребениях могильника Вандаху обнаружены черепа с нижними челюстями и немногочисленные позвонки 158 особей домашних животных: 38 лошадей, 21 крупного рогатого скота, 33 коз и около 66 овец. В расположении черепов животных прослеживается определённый порядок. Наиболее полно он соблюдался в захоронениях людей с более высоким статусом — взрослых воинов-колесничих в могилах M1 и M4. Подчеркнём, что в обеих могилах сохранились сбруйные наборы на четыре лошади. Общее описание этих семи погребений уже приводилось (Shulga, Shulga 2021). В соответствии с темой данной статьи в ней рассматриваются только погребения взрослых воинов-колесничих в могилах M1 и M4, и детей в могилах M2, M3. В качестве примера более подробно рассмотрим могилу M1.

Могила М1 содержала непотревоженное захоронение воина 40—45 лет. Сопроводительные предметы располагались в катакомбе по сторонам от умершего (рис. 1: 1). Слева от мужчины лежали характерный китайский клевец *гэ* (рис. 1: 5), а также бабочковидные бляхи наборного пояса и кинжал, имеющие многочисленные аналогии на Саяно-Алтае (рис. 1: 3, 7). Справа находился роговой наконечник стрелы (рис. 1: 6) и скопление деталей конского снаряжения. В изголовье симметрично лежало два бронзовых навершия в виде голов хищных птиц (рис. 1: 12). Конское снаряжение включало детали четырех уздечек, из которых две были с характерными роговыми «колесничными» псалиями, имеющими дополнительное большое центральное отверстие в иной плоскости (рис. 1: 8). Удила при них отсутствовали. Две другие уздечки были снабжены подобными роговыми двудырчатыми псалиями, но без дополнительного центрального отверстия (рис. 1: 9). В комплекте с ними были бронзовые удила с большими кольчатыми внешними окончаниями (рис. 1: 10). В наборы также входили: девять бронзовых блях; 20 костяных малых и четыре крупных распределителей ремней; восемь костяных двоителей на четыре уздечки; налобная костяная бляха и некоторые другие детали, также характерные для культуры янлан (Шульга, Шульга 2019б: рис. 3: 1—10). К деталям колесницы относится бронзовый наосник с остатками деревянной оси (рис. 1: 11) и, предположительно, два бронзовых навершия, возможно, украшавших ярмо-рогатку (рис. 1: 12). Во входной яме могилы М1 в двух слоях находилось 25 черепов животных (12 лошади, 2 крс, 4 козы, 7 овцы). Нижний слой состоял из пяти черепов взрослых лошадей (с нижними челюстями), уложенных на основание в ряд вдоль восточной стенки могилы резцами (мордами) в восточном направлении. На зубах одного из черепов (№6) отмечены следы сработанности от металлических удил (рис. 1: 2).

В могиле М4 также находилось захоронение воина 40—45 лет. В катакомбе рядом с умершим обнаружены: китайский биметаллический меч, бронзовый кельт (рис. 1: 14, 16) и другие изделия. Во входной яме среди костей животных найдены бронзовое долото (рис. 1: 15), звено железных удил и полноразмерный железный втульчатый наконечник копья длиной 23,4 см с ромбическим пером (рис. 1: 13). Там же обнаружено два скопления деталей конского снаряжения с неполным комплектом на четыре лошади. В одном скоплении находились «колесничные» псалии без удил (рис. 1: 18), в другом — двудырчатые псалии с железными удилами (рис. 1: 19). Судя по почти одинаковому с могилой 1 количеству распределителей (18 экз. малых и 4 экз. крупных), в могилу М4 также поместили сбрую на четырёх лошадей. На это же указывает расположение в первом ряду четырёх черепов лошадей со следами удил на зубах. Таким образом, в самом богатом погребении М4 с воином были помещены настоящая (рабочая) четвёрка колесничных лошадей и четыре комплекта сбруи. В комплект вооружения воина входили характерная для Северного Китая пара находимых при колесницах и воинах-колесничих изделий (кельт и долото), а также копьё с ромбическим пером типа найденных при колесницах в Мацзяюань. Это первый случай столь показательной демонстрации соответствия специализации воина и подхороненных к нему лошадей.

Расположенные рядом могилы детей М2 и М3 содержали практически одинаковые по форме и размерам наборы конского снаряжения и вотивного вооружения, а взрослые лошади там были заменены жеребятами. Ребёнка 2—3 лет в могиле М2 захоронили как воина-колесничего с поясной пряжкой (рис. 1: 22) и полноразмерными деталями сбруи (15 бронзовых блях и колокольчик) (рис. 1: 24, 25), но с вотивными бронзовыми кинжалом (длина 14,8 см) и втульчатым наконечником копья с ромбическим пером (длина 10 см) (рис. 1: 20, 21). Лошади представлены черепами четырёх уложенных попарно жеребят и отдельно лежавшим черепом старой особи. В находившейся рядом могиле М3 ребёнка 1,5 лет сопровождал такой же комплект из однотипных кинжала и наконечника копья (рис. 1: 26, 27). Там же найден миниатюрный кельт длиной 3,2 см (рис. 1: 28), поясные бляхи (рис. 1: 29), шило и другие мелкие изделия. Конское снаряжение представлено полноразмерными сбруйными бляхами и колокольчиком (рис. 1: 30, 31). Во входной яме могилы М3 лошади

представлены черепами трёх жеребят, уложенных у восточной стенки над входом в катакомбу, и черепом взрослой особи.

В целом в рассмотренных четырёх могилах М1—М4 можно выделить несколько явных и косвенных признаков реального или условного присутствия в погребальном обряде воинов-колесничих и колесниц с четвёрками лошадей: 1) наличие в могилах М1 и М4 сбруйных наборов на четыре лошади, в каждом из которых было две уздечки с «колесничными» псалиями; 2) наличие намеренно уложенных у восточных стенок входных ям (М1, М3, М4) или по центру входной ямы (М2) 4—5 черепов лошадей в могилах воинов (М1, М4) и жеребят в захоронениях детей (М2, М3); 3) следы сработанности от удил на зубах лошадей в могилах воинов (М1, М4); наличие наосника и наверший от колесницы в М1, колокольчиков от упряжной сбруи (М2, М3), пары из кельта и долота в М4 и наконечников копий с ромбическим пером в могилах М2, М3, М4. В комплект вооружения всех четырёх реальных или условных воинов входило древковое оружие (копья в М2–М4 и чекан *гэ* в М1), а также кинжал (М1, М2, М3) или меч (М2). В двух могилах присутствовали традиционные для колесничих кельты, в том числе в паре с долотом (М2). Лук и стрелы представлены только в М1 одним роговым наконечником. Следует отметить, что в могиле М5 с взрослым мужчиной находился подобный набор вооружения, поясной и сбруйной фурнитуры: вотивные бронзовые кинжал, чекан и кельт, а также полноразмерные бронзовые поясные и сбруйные бляшки. Однако, в М5 не было черепов лошади, а вооружение было дополнено луком (костяные накладки) (Институт археологии 2016: рис. 2-91 — 2-93). Имеется ли взаимосвязь между этими особенностями и статусом умершего в М5 не ясно. Если датировка погребений верна, то в Вандаху колесницы с четвёркой лошадей использовались на протяжении всего времени его функционирования с V — по начало III в. до н.э.

Могильник Мацзяюань

Могильник Мацзяюань интересен не только богатством инвентаря и органичным сочетанием разнородных влияний степного мира и китайской цивилизации. Этот памятник позволяет более обоснованно идентифицировать археологическую культуру янлан с конкретными группами скотоводов, известных в исторических источниках как *западные жуны*.[2]

По состоянию на 2016 г. на могильнике обнаружен в общей сложности 71 погребальный (поминальный) объект, раскопано 58 объектов (в том числе две жертвенные ямы с черепами домашних животных). В погребениях обнаружено более 40 одноосных повозок (колесниц) (Чжао Учэн 2018). Судя по погребальному обряду, могильник относится к культуре янлан, но с некоторыми особенностями, обусловленными элитным характером захоронений и местной спецификой, что уже отмечалось (Wu Xiaolong 2013). Захоронения в Мацзяюань отличаются от исследованных ранее наличием обширных и глубоких входных ям (глубина 2,5—5 м) даже в могилах средних и малых размеров (рис. 3: 3), символических ступеней в западной стенке ямы (рис. 2: 2, 3, 3: 2), расположением катакомбы с погребальной камерой не в восточной, а в северной стенке, а также необычной для культуры янлан северной ориентацией умерших (рис. 2: 2, 3, 3: 1, 2). Своя специфика по составу и количеству наблюдается по жертвенным животным. Во многих, даже наиболее крупных, могилах у восточных стенок находились только черепа лошадей (иногда быков), относящихся к упряжке. Дополнительных черепов крс и мелкого рогатого скота сравнительно немного

[2] Китайские исследователи уделяют этой теме значительное внимание. В частности, рассматриваются вопросы происхождения западных жунов и их отношений с Цинь. Отмечается близость погребального обряда и инвентаря Мацзяюань ицюйским жунам (Чжао Учэн 2010а: 82). В русскоязычной литературе группа погребальных памятников, содержавших копья с ромбическим пером, и включавших захоронения типа янлан, в тезисной форме также связывалась с «ицюйскими жунами» (Ковалёв 1992: 98, 100; 2002: 120—121). При этом понятие «культура янлан» указанный автор не использовал.

(рис. 2: 3, 3: 1—3). В Мацзяюань колесницы как бы заполняли место во входной яме, отводимое в Вандаху под черепа жертвенных животных. Вероятно, роль крупных жертвенников выполняли отдельные ямы М17 и М27 без захоронений людей, но с большим количеством черепов домашнего скота. Помимо этого, во входных ямах могил (иногда у колесницы) встречался один полный скелет собаки.

В отличие от сравнительно однородных захоронений из Вандаху и других однокультурных могильников, погребения в Мацзяюань существенно различались между собой по размерам и сложности конструкции, погребальному обряду, количеству и богатству инвентаря. Основная причина тому в наличии большого количества захоронений высокого социального статуса, с самым богатым центральным погребением в могиле М6 «правителя» одной из групп *западных жунов*. Также сказалось влияние царства Цинь, и соседней культуры шацзин. Местная элита ещё не перешла по китайскому образцу к строгому ранжированию в обществе и погребальном обряде. Однако, социальные различия хорошо видны в размерах погребальных сооружений, в определённом количестве ступеней в западной стенке входной ямы (преимущественно 9, 7, 5, 3 и 1 ступеней, но имеются могилы с восемью ступенями), в количестве и ранге колесниц и в богатстве инвентаря[3]. Этим, в частности, обусловлен не известный в рядовых погребениях культуры янлан обряд помещения в могилы целых колесниц, и даже полных туш лошадей в могилах М6 и М18 (рис. 2: 3). Действительно, в рядовых малых погребениях Мацзяюань (в том числе с широтной катакомбой и восточной ориентацией умерших) нет колесниц. Или там присутствуют только их части, инвентарь скромный, черепов жертвенных животных немного (рис. 3: 1). Можно полагать, что наличие колесниц в погребениях Мацзяюань в большей степени связано не с китайским влиянием, а с высоким статусом погребённых. Показательно наличие колесницы в сравнительно крупной могиле М62 (размеры входной ямы 3 × 2 м, глубина 2 м), хотя погребальный обряд там характерен для культуры янлан — восточная ориентация умершего и наклонная катакомба в восточной стенке входной ямы (рис. 3: 3). В рядовые погребения колесницы могли не помещать (рис. 3: 1), а среди черепов животных, выложенных у восточной стены, отсутствовала отмеченная выше упорядоченность и однозначность.

В соответствии с тематикой данной статьи, остановимся на материалах Мацзяюань, демонстрирующих назначение, а также особенности размещения колесниц и лошадей (полных туш или их голов) в захоронениях. Функциональная сбруйная фурнитура лошадей в Мацзяюань представлена сравнительно небольшим количеством железных удил с S-видными псалиями (рис. 4: 6) и бронзовых бляшек с распределителями от уздечек. Детали сёдел и седельных ремней отсутствуют. Почти все расположенные у восточной стенки входных ям лошади (полные костяки и черепа) и черепа быков (крс) относятся к колесничным упряжкам. Некоторые находившиеся рядом дополнительные черепа лошадей могли принадлежать и верховым лошадям, но подтверждений тому нет. Сбруйная фурнитура и украшения фиксировались только при черепах лошадей в упряжках и при костяках людей.

В отличие от обрядности культуры янлан, центральное положение во входных ямах Мацзяюань занимали не черепа домашних животных, а колесницы в количестве от одной до пяти. В большинстве захоронений они находились во входной яме (рис. 3: 2, 3), и лишь в самых крупных и богатых захоронениях М3, М16, М18 по одной колеснице дополнительно ставилось в расширенной части катакомбы (рис. 2: 2, 3). Дышло одиночной или первой с востока наиболее украшенной колесницы во входной яме упиралось в восточную стенку (рис. 2: 2, 3, 3: 2). Судя по наиболее представительным комплексам, в колесницы Мацзяюань, как и в Вандаху, запрягалась четвёрка лошадей. Так, в самой крупной могиле «правителя» М6 и в элитной могиле М18 к востоку от первой колесницы под ярмом лежали полные

[3] Необходимо отметить, что привлёкшие внимание ступеньки в западных стенках входных ям (Wu Xiaolong 2013: 123), по-видимому, имеют местные корни. Вариантом этих ступенек можно считать не столь явно выраженные уступы в более ранних могилах воинов из могильника Вандаху (рис. 1: 1).

костяки четырёх лошадей — две коренные по центру и две пристяжные по бокам (рис. 2: 3). В хорошо сохранившемся комплексе могилы М15 под ярмом с двумя рогатками также находились черепа четырёх лошадей. В стороне к югу там лежало ещё два черепа лошадей. Не меньший интерес представляют могилы М29 и М19, где у ярма одноосной повозки лежали соответственно черепа двух и четырёх быков (рис. 3: 2). Как видим, во всех документированных случаях в Мацзяюань и Вандаху в погребения помещали колесницы только с четвёрками лошадей. Быков могли запрягать по четыре (М19) и по два (М29).

Объём данных по колесницам из Мацзяюань сопоставим лишь с находками у гробницы Цинь Шихуанди. Благодаря обилию различных украшений и деталей, почти полностью покрывавших деревянные конструкции колесниц (рис. 4: 1, 3—5), удалось детально установить их конструктивные особенности (рис. 2: 4, 4: 2). В ходе исследования остатков примерно 40 одноосных повозок выделено пять видов конных колесниц (Чжао Учэн 2010а; 2010б; 2018). В первоначальной работе указанный автор предполагал, что замечательно украшенные колесницы типа 1 могли быть церемониальными, а простые не украшенные колесницы типа 5 могли выполнять различные функции на войне и охоте. Отмечалось, что их форма и размеры в основном соответствовали реальным повозкам. Вместе с тем, зафиксированы и некоторые отклонения, указывающие на упрощённый подход к изготовлению колесниц, предназначенных для погребения. Особо были выделены колесницы типа 2, рядом с которыми находили полноразмерные железные наконечники копий с ромбическим пером, в том числе с остатками древка длиной более 3,5 м. Предполагалось, что в такой колеснице могли находиться возница и два воина, один из которых вооружался копьём (Чжао Учэн 2010а: 81). Такие же втульчатые копья с ромбическим пером (железные боевые и бронзовые вотивные) обнаружены в погребениях реальных и символических колесничих из Вандаху (рис. 1: 13, 21, 27).[4]

Необходимо отметить, что Чжао Учэн, прежде всего, систематизировал колесницы по богатству их оформления и месту расположения в захоронениях (рис. 2: 2), где первыми располагались наиболее нарядные повозки. Если учесть, что все колесницы даже одного типа имели индивидуальные особенности, различались диаметром колёс, длиной оси, размерами и формой кузова, то не исключено, что в дальнейшем типология этих колесниц будет изменена. К тому же, важнейшие конструктивные особенности сочленения оси, дышла и пола кузова не всегда удавалось проследить. Показательно, что в одной из последних работ Чжао Учэн (Чжао Учэн 2018) обратил внимание на несколько повозок вдвое большей длины (2,5 м), чем все другие в Мацзяюань (0,92—1,42 м), с более мощным основанием и упрощённым ярмом. Одна из таких больших повозок происходит из могилы М19. В районе дышла и ярма там находились черепа четырёх быков (крс) (рис. 3: 2). Оказалось, что большие усиленные одноосные повозки в Мацзяюань предназначались для запряжки быков. Предполагается, что указанный тип повозок для запряжки волов был сконструирован *западными жунами* на основе конных колесниц в период Чжаньго (Чжао Учэн 2018: 52—54). Судя по описанию, повозка из могилы М19 была снабжена зонтом, и украшена изделиями из бронзы, олова, серебра и лаковыми покрытиями (Чжао Учэн 2018: 12). Достаточно широкое использование быков подтверждает и наличие следов сработанности от металлических удил на зубах быков из могильников Сяохэцунь и Чжунчжуан (Институт археологии 2016: 616—617).

[4] Бронзовые «ромбовидные» («ромбические») копья этого типа рассматривались А.А. Ковалёвым как наиболее характерная черта ицюйских жунов (Ковалёв 1992: 98, 100; 2002: 120—121), территория расселения которых примерно совпадает с ареалом культуры янлан.

Заключение

Материалы могильников Вандаху и Мацзяюань существенно дополняют друг друга и позволяют сделать несколько важных заключений. В погребальном обряде культуры янлан особое место занимали захоронения воинов-колесничих с черепами лошадей и определённым набором вооружения, как правило, включавшим копья с ромбическим пером. При этом данный обряд захоронения мог распространяться и на детей в возрасте 1,5—3 лет. Все зафиксированные конные колесницы были квадригами. Вместе с тем, судя по могильнику Мацзяюань, помещаемые в могилы колесницы, как и погребённые с ними люди, могли не относиться к воинскому делу. Так или иначе, но материалы Вандаху указывают, что в культуре янлан имелся полный колесничный комплекс, включавший не только колесницу с четвёркой лошадей, но и соответствующий набор вооружения, воспроизводимого даже в детских погребениях.

Явных свидетельств верховой езды и наличия верховых воинов в рассмотренных захоронениях нет. Фурнитура сёдел и седельных ремней там отсутствует. Однако, дополнительные источники позволяют уверенно говорить о существовании кавалерии у населения культуры янлан. Так, верховые лошади с сёдлами (рис. 2: 1) и конные воины присутствуют в терракотовой армии Цинь Шихуанди, демонстрирующей состав армии Цинь второй половины III в. до н.э., в которую набирались и всадники из *западных жунов*. Письменные источники однозначно указывают, что конница и конные лучники в царствах Северного Китая использовались ещё до реформ Улин-вана 307 г. до н.э. в царстве Чжао. Так, в специальном исследовании Ань Чжунъи по данной теме приводятся следующие сведения. В «Шицзи» в разделе «Чжан И чжуань (Жизнеописание Чжан И)» говорится: «У Цинь лошади прекрасные, армия воинов, коней быстроногих, в одном прыжке преодолевающих 3 цуня, бесчисленное множество». Упомянутые здесь воины — это в основном ицюй. В «Шицзи» в разделе «Цинь бэньцзи (Записи о Цинь)» говорится: «В царстве Цинь на одиннадцатом году правления Хуэйвэнь-ван (около 314 г. до н.э. — прим. автора) в Ицюй… сделал правителя Ицюй своим вассалом», а воины жунского государства Ицюй как раз в основном были конниками, прекрасно владевшими конно-лучной стрельбой. Вплоть до династии Хань основными воинами-конниками в китайских армиях по-прежнему являлись этнические меньшинства (Ань Чжунъи 2002: 35). Очевидно, что в реальной жизни среди скотоводов культуры янлан имелось значительное количество всадников. Однако, согласно сложившемуся в VII—VI вв. до н.э. погребальному обряду в захоронения предполагалось помещать реальные или условные колесницы и колесничные упряжки. В элитные погребения ставили колесницы, иногда с полными тушами лошадей, а в рядовые — части колесниц, отдельные их детали, а также конское снаряжение и черепа лошадей. Формирование данного погребального обряда могло происходить как на основе местных традиций, так и под влиянием китайской культуры, всё более усиливающемся в V—III вв. до н.э.

Литература

Кан Ин Ук. 2018. Распространение золотой культуры саков и формирование великого шёлкового пути. В: *Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан*. Тэджон: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея, 376—417.

Ковалёв А.А. 1992. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации). В: *Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова*. Санкт-Петербург: [б.и.], 97—100.

Ковалёв А.А. 2002. О происхождении хунну. В: Константинов М.В., Цыбиктаров А.Д (ред.). *Центральная Азия и Прибайкалье в древности.* Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 103—131.

Степанова Е.В. 2012. Сёдла из Третьего Пазырыкского кургана. В: *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы конференции к 110-летию М.П. Грязнова*. Т. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия, 446—454.

Степанова Е.В. 2014. Китайские сёдла III в. до н.э. — III в. н.э. В: *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани.* Т. 2. Казань: Отечество, 235—240.

Сыма Цянь. 2002. *Исторические записки: Ши цзи.* Т. 8. Москва: Восточная литература.

Шульга Д.П., Шульга П.И. 2019а. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* 25, 649—656.

Шульга П.И. 2015. *Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI века до нашей эры).* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Шульга П.И., Шульга Д.П. 2019б. Снаряжение лошади и всадника (колесничего) в восточной части скифского мира. *Stratum plus* 3, 17—35.

An Zhongyi. 2002. The Beginning and the Development of Cavarly in Pre-Qin Period. *Kaogu yu wenwu* 4, 34—39.

Linduff K. 2003. A walk on the wild side: Late Shang appropriation of horses in China. In: Levine M, Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse.* Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, 139—162.

Mair V. 2003. The Horse in Late Prehistoric China: Wresting Culture and Control from the “Barbarians.” In: Levine M, Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse.* Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 163—187.

Rawson et al. 2020: Rawson J., Chugunov K., Grebnev Ye., Limin Huan. 2020. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China’s Relationship with Its Northern Neighbours. *Journal of World Prehistory* 33, 135—168.

Shelach-Lavi G. 2014. *Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE. Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors.* Honolulu: University of Hawaii Press, 10—31.

Shulga P.I., Shulga D.P. 2021. New Materials on Sacrificial Animals in Yanglang Culture Burials of the 5th — 3rd cc. BCE (China). *МАИАСП* 13, 111—125. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.93.37.011.

Wan Xiang. 2013. The Horse in Pre-Imperial China. *Publicly Accessible Penn Dissertations.* Philadelphia: University of Pennsylvania.

Wu Xiaolong. 2013. Cultural Hybridity and Social Status: Elite Tombs on China’s Northern Frontier during the Third Century BC. *Antiquity* 87:335, 121—136.

Yang Jianhua, Linduff K. 2013. A Contextual Explanation for «Foreign» or «Steppic» Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. In: Zhu Hong (ed.) *Asian Archaeology.* Vol. 1. *Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University.* Beijing: Science Press, 73—84.

Ань Чжунъи. 2002. 先秦骑兵的诞生及演变 Начало и развитие кавалерии в период до Цинь. 考古与文物 Каогу юй вэньу 4, 34—39.

Ван Хуэй и др. 2010: Ван Хуэй, Чжао Учэн, Чжао Чжо, Лу Минь, Чжан Вэй, Чжао Сичэнь, Го Сяося, Мэн Юнци, Хуа Пиннин. 2010. 张家川马家塬战国墓地 2008—2009 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2008 по 2009 год. 文物 *Вэньу* 10, 4—26.

Институт археологии 2008: Институт археологии и культурного наследия провинции Ганьсу, Музей Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда. 2008. 年度甘肃张家川 回族 自治县马家塬战国墓发掘简报 Годовой отчет о раскопках кладбища Мацзяюань периода Чжаньго в Чжанцзячуань-Хуэйском автономном уезда провинции Ганьсу. 文物 *Вэньу* 9, 4—28.

Институт археологии 2014: Институт археологии и материальной культуры провинции Ганьсу. 2014. 西戎遗珍马家塬战国墓地出土文物 Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань. Пекин: Вэньу чубаньшэ.

Институт археологии 2016: Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управление по делам культурного наследия уезда Пэнъян. 2016. 王大户与九龙山—北方青铜文化墓地 Вандаху и Цзюлуншань — могильники культуры северных бронз. Пекин: Вэньу чубаньшэ.

Лю Бинбин и др. 2018: Лю Бинбин, Се Янь, Ван Хуэй. 2018. 张家川马家塬战国墓地 2012—2014 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2012 по 2014 год. 文物 *Вэньу* 3, 4—25.

Се Янь, Лю Бинбин. 2012. 张家川马家塬战国墓地 2010—2011 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2010 по 2011 год. 文物 *Вэньу* 8, 4—26.

Сюй Чэн и др. 1993: Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. 1993. 宁夏固原杨郎青铜文化墓地 Могильник бронзовой культуры Янлан в у. Гуюань, Нинся. 考古学报 *Каогу сюэбао* 3, 13—56.

Чжао Учэн. 2010а. 甘肃马家塬战国墓马车的复原 Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу. 文物 *Вэньу* 6, 75—83.

Чжао Учэн. 2010б. 甘肃马家塬战国墓马车的复原（续一) Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу (продолжение один). 文物 *Вэньу* 11, 84—96.

Чжао Учэн. 2018. 甘肃马家塬战国墓马车的复原（续二) Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу (продолжение два). 文物 *Вэньу* 6, 44—57.

Чжоу Гуанцзи и др. 2009: Чжоу Гуанцзи, Чжао Учэн, Чжао Чжо, Хуа Пиннин, Ван Хуэй. 2009. 张家川马家塬战国墓地 2007—2008 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2007 по 2008 год. 文物 *Вэньу* 10, 25—51.

References

Kan In Uk. 2018. In: *Zoloto vlastelinov kazahskih stepei. Sovmestnyi katalog Respubliki Koreya i Respubliki Kazahstan (Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalogue of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan).* Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea, 376—417 (in Russian).

Kovalev, A.A. 1992. In: *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya. Tezisy konferencii k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Petrovicha Gryaznova (Northern Eurasia from Antiquity to the Middle Ages. Abstracts of the conference dedicated to the 90th Anniversary of the birth of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Saint Petersburg: [s.n.], 97—100 (in Russian).

Kovalev, A.A. 2002. In: Konstantinov, M.V., Cybiktarov, A.D (eds.). *Central'naya Aziya i Pribajkal'e v drevnosti (Central Asia and the Baikal region in ancient times).* Ulan-Ude: Buryat State University, 103—131 (in Russian).

Stepanova, E.V. 2012. In: *Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi civilizaciyami. Materialy konferencii k 110-letiyu M.P. Gryaznova (Cultures of Steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Materials of the conference dedicated to the 110th Anniversary of M.P. Gryaznov)*. Vol. 2. Saint Petersburg: IIMK RAS; Periphery, 446—454 (in Russian).

Stepanova, E.V. 2014. In: *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan).* Vol. 2. Kazan: Fatherland, 235—240 (in Russian).

Sima Qian. 2002. *Istoricheskie zapiski: Shi czi (Historical notes: Shi ji).* Vol. 8. Moscow: Oriental Literature (in Russian).

Shulga, D.P., Shulga, P.I. 2019a. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* 25, 649—656 (in Russian).

Shulga, P.I. 2015. *Mogil'nik Yujhuanmyao v Severnom Kitae (VII—VI veka do nashey ery) (Yuhuangmiao burial ground in Northern China (7th – 6th centuries BCE)).* Novosibirsk: IAET SB RAS (in Russian).

Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2019b. In *Stratum plus* 3, 17—35 (in Russian).

An Zhongyi. 2002. The Beginning and the Development of Cavarly in Pre-Qin Period. *Kaogu yu wenwu* 4, 34—39 (in Chinese).

Linduff, K. 2003. A walk on the wild side: Late Shang appropriation of horses in China. In: Levine, M, Renfrew, C., Boyle, K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse.* Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 139—162.

Mair, V. 2003. The Horse in Late Prehistoric China: Wresting Culture and Control from the "Barbarians." In: Levine, M, Renfrew, C., Boyle, K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse.* Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 163—187.

Rawson et al. 2020: Rawson, J., Chugunov, K., Grebnev, E., Limin Huan. 2020. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China's Relationship with Its Northern Neighbours. *Journal of World Prehistory* 33, 135—168.

Shelach-Lavi, G. 2014. Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE. *Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors.* Honolulu: University of Hawaii Press, 10—31.

Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 111—125. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.93.37.011.

Wan Xiang. 2013. The Horse in Pre-Imperial China. Publicly Accessible Penn Dissertations. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Wu Xiaolong. 2013. Cultural Hybridity and Social Status: Elite Tombs on China's Northern Frontier during the Third Century BC. *Antiquity* 87:335, 121—136.

Yang Jianhua, Linduff, K. 2013. A Contextual Explanation for "Foreign" or "Steppic" Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. In: Zhu Hong (ed.). *Asian Archaeology.* Vol. 1. *Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University.* Beijing: Science Press, 73—84.

Wang Hui et al. 2010: Wang Hui, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, Lu Min, Zhang Wei, Zhao Xichen, Guo Xiaoxia, Meng Yongqi, Hua Pingning. 2010. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2008—2009 Excavation Briefing. *Cultural relics* 10, 4—26 (in Chinese).

Institute of Archeology 2008: Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, Zhangjiachuan Hui Autonomous County Museum. 2008. Annual briefing on the Excavation of the Warring States Cemetery in Majiayuan, Zhangjiachuan Hui Autonomous County, Gansu Province. *Cultural relics* 9, 4—28 (in Chinese).

Institute of Archeology 2014: Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology. 2014. *Cultural relics unearthed in the Warring States Cemetery of Majiayuan, a Relic of Xijong.* Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Institute of Archeology 2016: Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology, Pengyang County Cultural Relics Management Institute. 2016. *Wang Datu and Jiulongshan-Northern Bronze Cultural Cemetery.* Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Liu Bingbing et al. 2018: Liu Bingbing, Xie Yan, Wang Hui. 2018. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2012—2014 Excavation Briefing. *Cultural relics* 3, 4—25 (in Chinese).

Xie Yan, Liu Bingbing. 2012. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2010—2011 Excavation Briefing. *Cultural relics* 8, 4—26 (in Chinese).

Xu Cheng et al. 1993: Xu Cheng, Li Jinzeng, Wei Zhong, Han Xiaojin, Yoon Se-jung. 1993. Yanglang Bronze Culture Cemetery in Guyuan, Ningxia. *Journal of Archaeology* 3, 13—56 (in Chinese).

Zhao Wucheng. 2010a. Restoration of the carriage from the Warring States Tomb in Majiayuan, Gansu. *Cultural relics* 6, 75—83 (in Chinese).

Zhao Wucheng. 2010b. Restoration of the carriage from the Warring States Tomb in Majiayuan, Gansu (cont. one). *Cultural relics* 11, 84—96 (in Chinese).

Zhao Wucheng. 2018. Restoration of the carriage from the Warring States Tomb in Majiayuan, Gansu (cont. two). *Cultural relics* 6, 44—57 (in Chinese).

Zhou Guangji et al. 2009: Zhou Guangji, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, Hua Pingning, Wang Hui. 2009. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2007—2008 Excavation Briefing. *Cultural relics* 10, 25—51 (in Chinese).

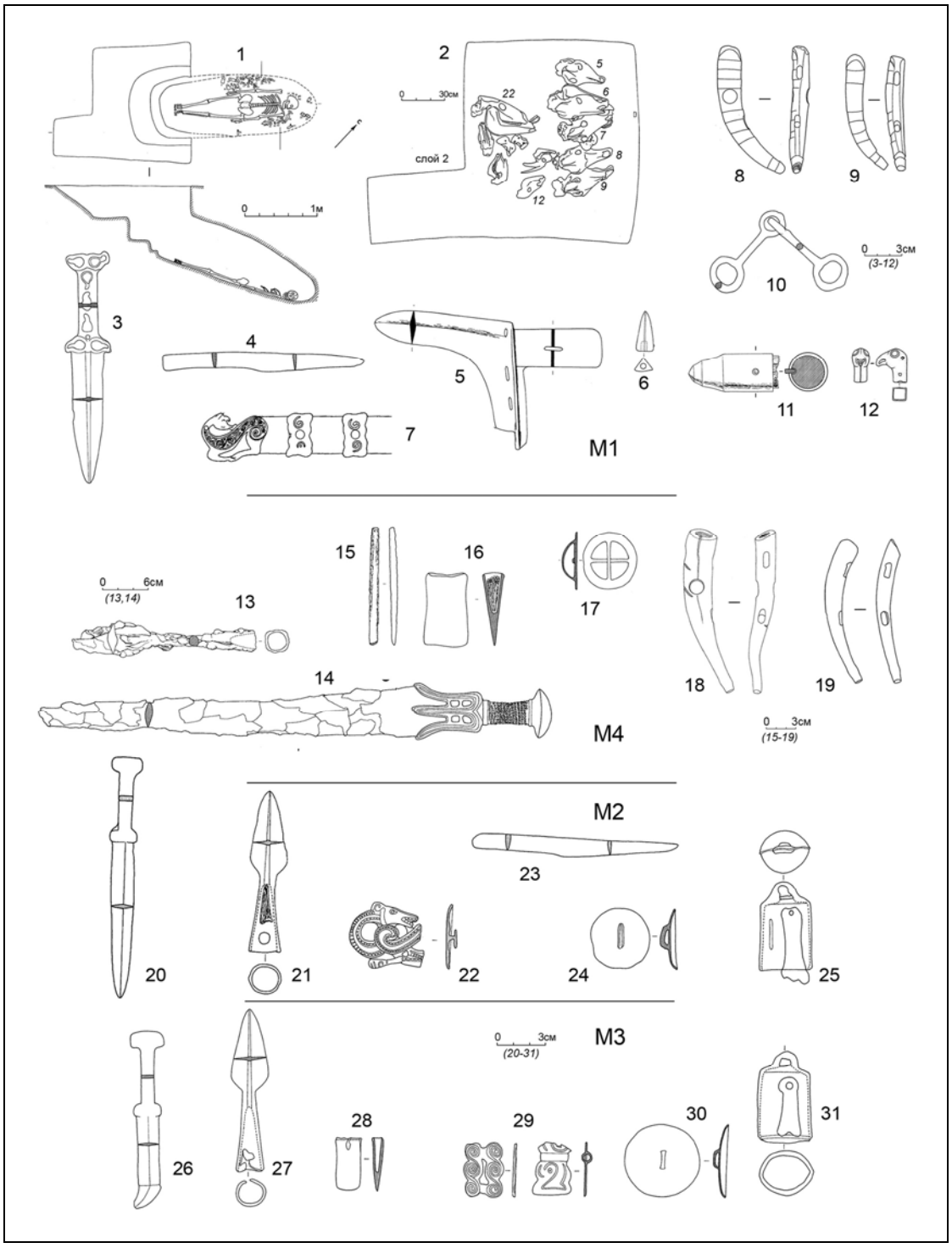


Рис. 1. Могильник Вандаху. *1* — план и разрез могилы М1; *2* — план расположения черепов животных в слое 2; *3—6, 13, 14, 16, 20, 21, 26—28* — вооружение; *7, 22, 29* — поясные бляшки; *8—10, 17—19, 24, 25, 30, 31* — детали конского снаряжения; *11, 12* — детали колесницы. Бронза — 3—5, 7, 11, 12, 15—17, 20—31, бронза, железо — 14; железо — 13; рог — 8, 9, 18, 19. (по Институт археологии 2016).

Fig. 1. Vandahu burial ground. *1* — plan and section of grave M1; *2* — plan of location of animal skulls in layer 2; *3—6, 13, 14, 16, 20, 21, 26—28* — weapons; *7, 22, 29* — belt plaques; *8—10, 17—19, 24, 25, 30, 31* — details of horse equipment; *11, 12* — details of the chariot. Bronze — 3—5, 7, 11, 12, 15—17, 20—31, bronze, iron — 14; iron — 13; horn — 8, 9, 18, 19. (after Institute of Archeology 2016).

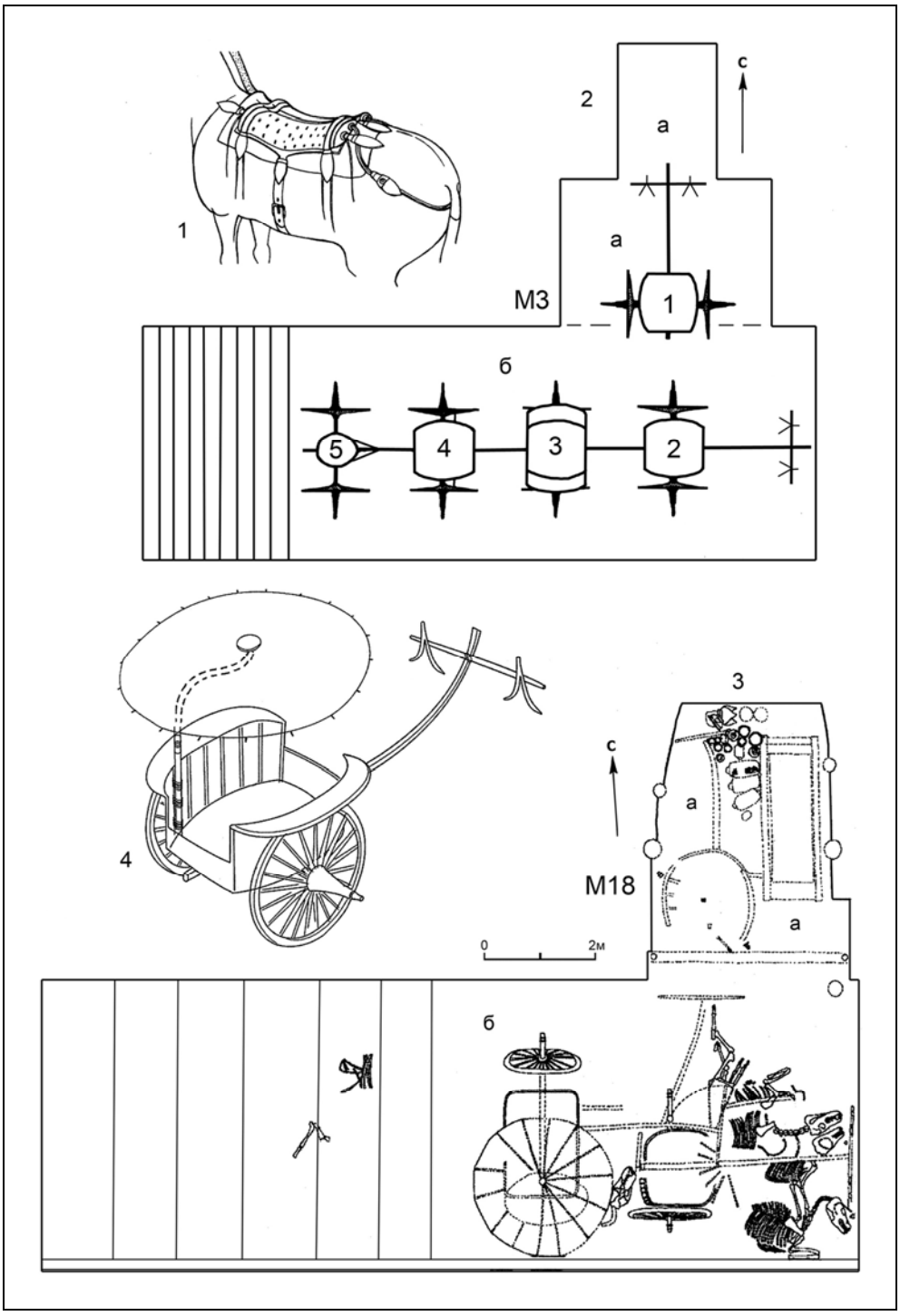


Рис. 2. Могильник Мацзяюань. *1* — верховая лошадь из терракотовой армии Цинь Шихуанди; *2* — схема могилы М3 и расположения колесниц; *3* — план могилы М18 и схема расположения колесниц: *а* — катакомба с погребением человека и колесницей, *б* — ступенчатая входная яма с колесницами; *4* — схема колесницы типа № 3 (по 1 — Степанова 2012: рис. 2; 2 — Чжао Учэн 2010а: рис. 1; 3 — Се Янь, Лю Бинбин 2012: рис. 3; 4 — Чжао Учэн 2018: рис. 1).

Fig. 2. Majiayuan burial ground. *1* — riding horse from the terracotta army of Qin Shi Huang; *2* — diagram of the grave M3 and the location of the chariots; *3* — plan of the grave M18 and the layout of the chariots: *a* — a catacomb with a human burial and a chariot, *b* — a stepped entrance pit with chariots; *4* — diagram of a type 3 chariot (after 1 — Stepanova 2012: fig. 2; 2 — Zhao Wucheng 2010a: fig. 1; 3 — Xie Yan, Liu Bingbing 2012: fig. 3; 4 — Zhao Wucheng 2018: fig. 1).

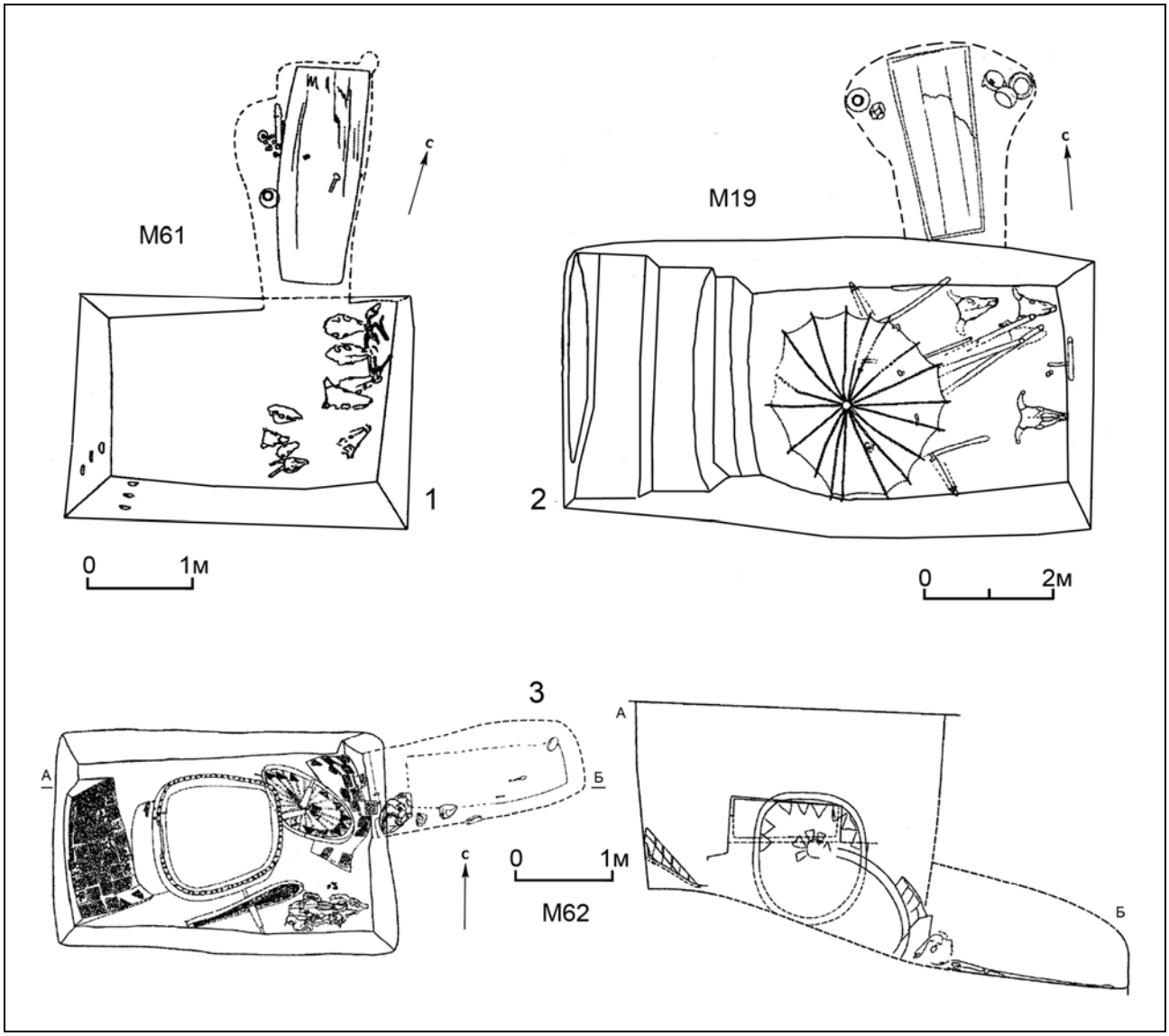


Рис. 3. Могильник Мацзяюань. *1, 2* — планы могил М61 и М19 с входными ямами и катакомбами; *3* — план и разрез могилы М62 с входной ямой и катакомбой (по 1, 3 — Лю Бинбин и др. 2018: рис. 9, 10; 2 — Се Янь, Лю Бинбин 2012: рис. 18).

Fig. 3. Majiayuan burial ground. *1, 2* — plans of graves M61 and M19 with entrance pits and catacombs; *3* — plan and section of the grave M62 with an entrance pit and a catacomb (affter 1, 3 — Liu Bingbing et al. 2018: fig. 9, 10; 2 — Xie Yan, Liu Bingbing 2012: fig. 18).

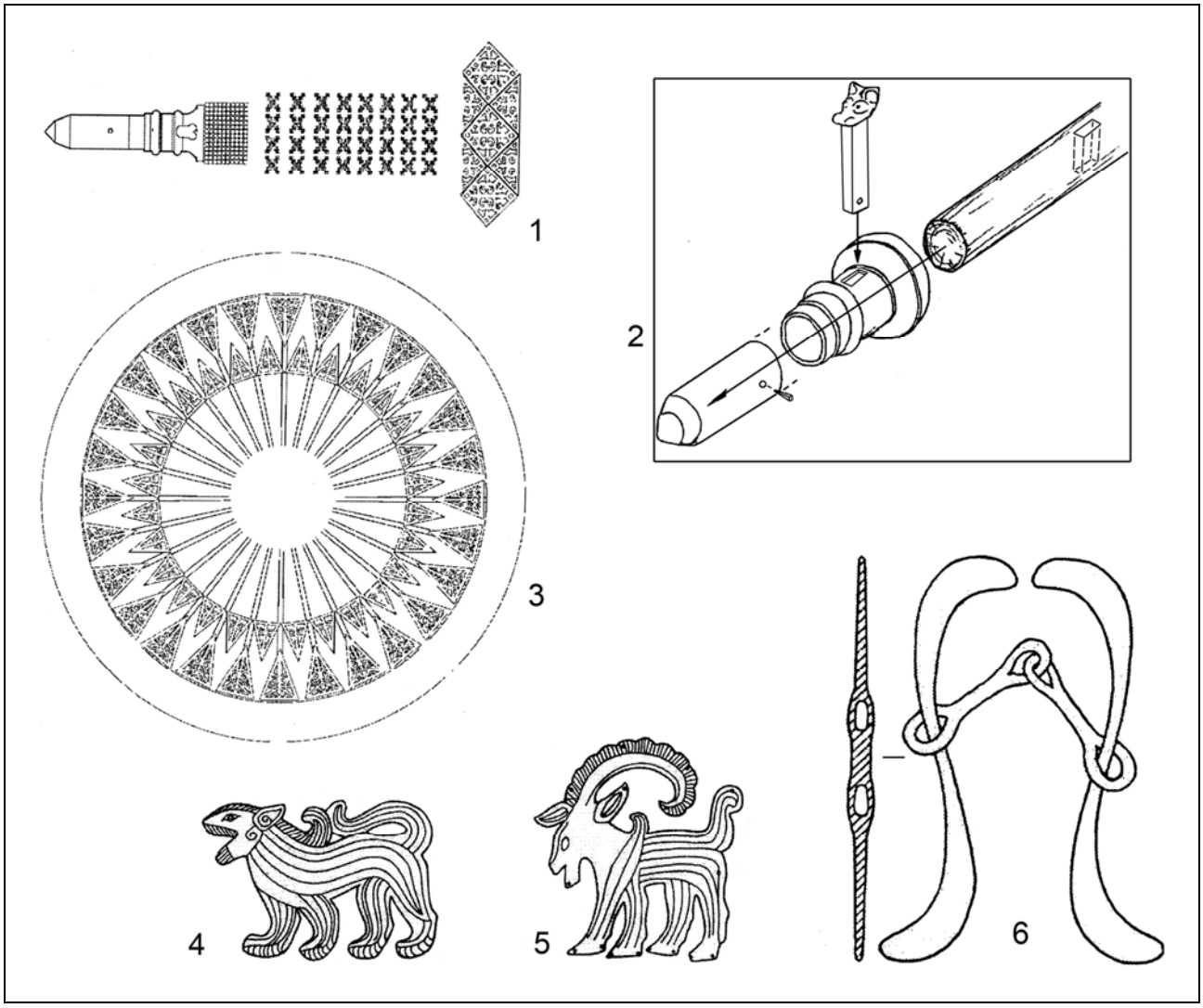


Рис. 4. Могильник Мацзяюань. *1, 3* — схема орнамента оси и колеса колесниц из могил M14 (1) и M15 (3); схема расположения и крепления бронзовых наосников на внешней части оси (M14); *4, 5* — аппликации колесниц из золотой (4) и серебряной (5) фольги; *6* — железные удила и псалии (по 1, 3 — Чжоу Гуанцзи и др. 2009: рис. 29; 2 — Чжао Учэн 2018: рис. 26: 4—6 — Институт археологии 2008: рис. 62, 67).

Fig. 4. Majiayuan burial ground. *1, 3* — diagram of the ornament of the axle and wheel of chariots from graves M14 (1) and M15 (3); layout and fastening of bronze pins on the outer part of the axle (M14); *4, 5* — applications of chariots from gold (4) and silver (5) foil; 6 — iron bits and cheek-pieces (after 1, 3 — Zhou Guangji et al. 2009: fig. 29; 2 — Zhao Wucheng 2018: fig. 26: 4—6 — Institute of Archeology 2008: fig. 62, 67).

DOI: 10.53737/1707.2023.52.90.024

А.Е. Негин

О ПЕРЕДЕЛАННЫХ РИМСКИХ ШЛЕМАХ*

В статье обсуждаются нетипичные шлемы римского времени. Им свойственно смешение признаков разных типов. Выборка включает три группы шлемов: 1) устаревшие и переделанные в римских арсеналах в связи с появлением новых типов, 2) модифицированные по желанию неримских вспомогательных солдат и 3) «варварский» образец, созданный в подражание римским шлемам и с использованием аутентичных деталей. Изучение данного материала способствует получению новых знаний о взаимных влияниях в технологии защитного вооружения как в Барбарикуме, так и за его пределами, позволяя вырабатывать новые суждения о миграциях, пространственном распределении импорта и т.п.

Ключевые слова: Римская империя, Барбарикум, шлем, типология.

Сведения об авторе: Негин Андрей Евгеньевич, доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: aenegin@mail.ru.

A.E. Negin

ABOUT REDESIGNED ROMAN HELMETS

The paper discusses a series of atypical helmets of the Roman period. All specimens display a mixture of elements borrowed from various helmet types. The sample consists of three groups of helmets: (1) the outmoded ones that have been reworked in Roman armories after the emergence of newer helmet types, (2) those which were modified according to the wishes of non-Roman auxiliary soldiers, and (3) a ‘barbaric’ specimen, which imitates Roman helmets, with elements of Roman manufacture incorporated into it. Going far beyond all well-known typologies, the sample under study provides better understanding of reciprocal contacts in armament technologies both in Barbaricum and elsewhere and enables newer insights on migrations, spatial distribution of imports, etc.

Key words: Roman Empire, Barbaricum, helmet, typology.

About the author: Negin Andrey Evgenevich, Doctor of Historical Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; e-mail: aenegin@mail.ru.

Летом 2023 г. СМИ сообщили об обнаружении бронзового римского шлема при раскопках могильника у поселка Заря под Анапой (Плешаков 2023). В данный момент шлем отправлен на реставрацию, а его публикация пока ещё не появилась. Однако уже исходя из анализа тех фотографий, которые были распространены в СМИ, можно предполагать, что шлем является самым ранним из найденных на сегодняшний день экземпляров шлема типа Вайзенау, либо это местное подражание или переделка римского образца. Совершенно очевидно, что изучение различных переделок римских боевых наголовий становится актуальной задачей исследователей, и поможет более детально разобраться в их эволюции и конструктивных изменениях, которые могли происходить на региональном уровне в разных частях Римской империи и на её границах,

* Статья поступила в номер 25 июля 2023 г.
Принята к печати 10 августа 2023 г.

© А.Е. Негин, 2023.

проанализировать особенности процесса заимствования элементов иноземных оружейных традиций, а также, возможно, восполнить лакуны в наших знаниях о переиспользовании устаревшего вооружения как в самой римской армии, так и у других народов, к которым римские образцы могли попадать в качестве трофея или в результате товарообмена, и модифицировались под вкусы местных заказчиков.

Археологическая типология предусматривает выделение различных групп материала и описание этих групп таким образом, чтобы были ясны общность внутри каждой группы и различия между ними. Таким образом, типология заключается в упорядочении артефактов в последовательные ряды, показывающие морфологическое развитие. Однако в ряде случаев имеются комбинации признаков сразу нескольких типов, свидетельствующие о взаимовлиянии различных традиций, или же моды, согласно которым происходила переделка ряда предметов. В данной статье речь пойдет о нескольких нетипичных римских шлемах, которые встречены среди археологического материала, обнаруженного в ходе археологических исследований на большой территории — от Франции до Кавказа, то есть, как с территории бывшей Римской империи, так и Восточной Римской империи и зон ее влияния. Эти экземпляры сочетают в себе перемешанные элементы различных типов, либо они были переделаны впоследствии, согласно моде, либо элементы римских шлемов вообще были инкорпорированы в изделия, произведенные не в римских оружейных мастерских. В последнем случае мы имеем дело с условно «римскими шлемами».

Находки можно разделить на три группы:

1. Устаревшие шлемы, подвергшиеся переделке в римских оружейных мастерских в связи с появлением новых типов боевых наголовий;
2. Римские шлемы, видоизмененные с учетом пожеланий неримских воинов из состава вспомогательных войск;
3. «Варварские» шлемы, созданные под влиянием римских боевых наголовий.

Относительно первой группы шлемов можно предположить, что они были в употреблении долгое время, не утилизировались по каким-то причинам, и модифицировались в соответствии с изменившейся модой. Ярким образцом здесь служит шлем из коллекции археологического музея во Флоренции (рис. 1).

Этот шлем был изготовлен на основе образца типа Нидербибер (Robinson 1975: 84, fig. 104—106). У него были демонтированы нащёчники и назатыльник, а по нижней кромке шлема были пробиты отверстия для крепления подкладки. В этом виде он мог напоминать так называемые гребневые шлемы, появившиеся в римской армии в самом начале IV века. Даже если переход к новому виду боевых наголовий был обусловлен новым армейским регламентом, то, скорее всего, ещё какое-то время старые и новые образцы сосуществовали вместе. При этом старые образцы могли подвергаться переделке в соответствие с новыми веяниями моды. Подтверждением этому как раз и служит хранящийся во Флоренции шлем, переделанный под новый стандарт.

Особняком стоят сильно фрагментированные шлемы, найденные в Пуатье (рис. 2). Мелкие фрагменты от шлемов и практически целиком сохранившийся высокий гребень датированы 270 г. Первоначально К. Микс идентифицировал их как остатки позднеримского шлема (Miks 2008: 6, Abb. 10), однако после реставрации найденных наголовий присоединился к мнению, что эти образцы представляют собой гладиаторские шлемы. На самом деле, среди фрагментов присутствовала только одна нетипичная для позднеримских шлемов деталь — втулка, которую реставраторы разместили на лобной части, дабы придать сходство со шлемами мирмиллонов, провокаторов и секуторов из Помпей (Помпеи (Национальный археологический музей), Неаполь. Inv. 5636, 5638, 5642, 5643, 5657, 5658) (Junkelmann 2000: 233, Abb. 373—377; 244—248, Abb. 406—413, 416—422; Негин 2006: 28—29, 31, 34—36, табл. VII, VIII: 3, X—XI). Вместе с тем, у шлемов отсутствует глухое забрало из двух половин (нащёчников) прикреплённых к тулье на боковых шарнирах и скреплявшихся между собой после надевания шлема при помощи центрально расположенной вертикальной пластины-штифта.

Эта особенность вынудила выделить найденные шлемы в особую группу «тип Пуатье» (Jouquand-Thomas, Larcelet, Miks 2011: 645). При этом отмечается своеобразие шлемов из Пуатье, которые испытали на себе определенное влияние со стороны шлемов типа Нидербибер, бытовавших в первой половине III в.[1] Вместе с тем, авторы публикации затруднились дать окончательную интерпретацию находки, остановившись на том, что фрагменты шлемов могли находиться в ломе, предназначенном для утилизации (Jouquand-Thomas, Larcelet, Miks 2011: 645). Действительно, гребень, нетипичный для известных по материалам из Помпей гладиаторских шлемов, аналогичен тем, что мы можем видеть на экземплярах из коллекций Акселя Гуттмана, Центрального римско-германского музея в Майнце и Национального музея древностей в Лейдене (Miks 2008: 54, Abb. 115—119). Это позволяет предполагать, что среди лома могли находиться фрагменты переходной формы от типа Нидербибер к позднеримским гребенчатым шлемам, так как здесь имеется основной признак этого типа шлемов — вертикальная, широкая и глубокая затылочная стенка тульи, переходящая в круто спадающий назатыльник, что отличает их от известных находок гладиаторских шлемов. Хоть шлемы из Пуатье далеки по своей конструкции от позднеримских двухчастных шлемов с продольным рантом-гребнем, они достаточно наглядно демонстрируют те изменения, которые происходили с традиционными для первой половины III в. шлемами типа Нидербибер, и показывают движение в сторону создания новых форм боевых наголовий.

Вторая группа шлемов появилась в среде ауксилиариев, переделывавших боевые наголовья, и украшавших их сообразно своим традициям, представлениям и вкусам. Отсутствие нащёчников и назатыльников на некоторых из этих экземпляров можно объяснить ещё и тем, что воинам вспомогательных частей часто давалось старое, возможно, даже поврежденное вооружение, которое в этом случае подвергалось переделки путем удаления повреждённых деталей.

Говоря о шлемах вспомогательной пехоты, необходимо упомянуть и другие шлемы, подвергшиеся переделке.

Такой шлем был обнаружен в области расселения батавов в Кесселе/Лите (Roymans 2005: 112—113, pl. VII.) (рис. 3: 1). К этому можно добавить необычный шлем из Крефельда (рис. 3: 2), где батавы также принимали участие в боевых действиях. Эти образцы имеют специфические черты. На шлеме из Кессела/Лита имеются изображения не только «бровей», но и «глаз», а нащёчники и назатыльник были и вовсе удалены. Однако, реконструировать этот экземпляр можно как переходный экземпляр от шлемов кельтского типа Порт к раннему образцу типа Вайзенау. Шлем из Крефельда (Fahr 2005: 109—136) имел покрытие очень похожее на мех куницы. По нижнему краю тульи была пришита полоска кожи шириной около 30 мм. На лобной части видны следы фрагментов четырёх перьев. Сохранились остатки заклепок для крепления либо нащёчников, либо, что более вероятно, подбородочного ремня. Назатыльник этого шлема также был удален. Подобное украшение из перьев на лобной части шлемов можно видеть на арке Константина, где изображены два солдата, идентифицированные как корнуты (Cornuti), подразделения, также первоначально завербованного на рейнской границе. Вследствие этого несколько вышеописанных экземпляров можно идентифицировать как шлемы батавских ауксилиариев, переделывавших боевые наголовья, и украшавших их сообразно своим традициям, представлениям и вкусам. Отсутствие нащёчников и назатыльников на некоторых из этих шлемов можно объяснить ещё и тем, что воинам вспомогательных частей часто давалось старое, возможно, даже поврежденное вооружение, которое в этом случае модифицировали путем удаления поврежденных деталей. Об этом косвенным образом свидетельствуют рельефы времени правления Веспасиана из претория в Майнце, показывающие ауксилиариев в тех же самых шлемах, которые носили легионеры в первой половине I в. н.э. (Robinson 1975: 82).

[1] В Дура-Эвропос среди римского вооружения имеются фрагменты шлемов типа Нидербибер с усилением тульи в виде перекрещивающихся вертикальных железных ребер (James 2004: 104—109). На месте предполагаемой битвы при Абритте в окрестностях современного города Разграда (Болгария), где нашел свою смерть в 251 г. н.э. император Траян Деций, также собраны только нащёчники и фрагменты шлемов типа Нидербибер. См. Radoslavova, Dzanev, Nikolov 2011: 38—42.

Среди находок римского «парадного» доспеха также необычен шлем из коллекции Национального музея Сербии в Белграде (NMB, Reg. No. 2874/III) (Benndorf 1878: 17—18, Taf. 1: 1—2; Robinson 1975: 112, pl. 309; Junkelmann 1996: 23, Abb. 33; Негин 2010б: 138, рис. 186; Narloch 2012: 61, tabl. 8; Negin 2015: 535—547) (рис. 4), выделяемый исследователями в отдельный тип римских шлемов с масками, представленный единственным экземпляром.

Шлем состоит из двух частей — маски и шлема, которые прочно соединены между собой посредством крюка. На макушке шлема имеются следы некогда размещавшегося там крепления для продольного гребня. Над ушами на тулье также помещены петли для крепления султана в виде перьев. На нижних краях тульи и маски сохранился ряд отверстий, предназначенных для пришивания кожаной подкладки. Срез по горизонтали скул и за ушами создает широкое отверстие на месте шеи, позволяющее свободно надевать изделие на голову. Сама бородатая маска, крепящаяся к шлему, не является уникальной. Другое дело купол шлема, пока что не имеющий близких аналогов среди других находок. Его уникальная особенность — отсутствие какой-либо сохранившейся до наших дней защиты для затылка и шеи. Вместо этого, по нижней кромке маски и купола шлема имеется ряд круглых отверстий, которые предназначались для крепления кожаной или матерчатой подкладки, размещавшейся внутри тульи шлема и приклеенной к внутренней поверхности маски. Однако, сзади шлем заканчивался на линии верхнего края уха и не обеспечивал защиты затылка и шеи. Это позволяет предполагать наличие на шлеме ещё и такого защитного элемента как чешуйчатая бармица[2]. Этот защитный элемент мы находим на целой серии шлемов из римского Подунавья (на территории нынешней Болгарии и Румынии) и на территории Хорватии. Совершенно аналогичный ряд отверстий на нижней кромке шлема имеется на экземпляре из погребения у села Кара-Агач (совр. Брестовец) в Болгарии (Velkov 1928: 15—26, Taf. III—V). В этом случае вместе со шлемом были обнаружены остатки чешуйчатой бармицы. На других экземплярах серии сфероконических шлемов (Негин 2012, 2017), обнаруженных на римских памятниках или же на близлежащей территории (Джаково в Хорватии (Hoffiller 1910/1911: 191—192, fig. 27; Robinson 1975: 85, pl. 237), Бумбешти в Румынии (Petculescu, Gheorghe 1979: 603—606), Интерциза в Венгрии (Szabo 1986: 421—425)), имеются точно такие же отверстия на нижней кромке тульи. Эти шлемы в археологической литературе принято ассоциировать или с сарматскими воинами вспомогательных подразделений (Негин 2012: 55) или с левантийскими лучниками (Robinson 1975: 85) (в подобном шлеме на надгробии изображен сириец из состава Cohors I Hamiorum Sagittaria (Coulston 1985: 341, fig. 26), похожие же шлемы можно видеть на лучниках с рельефов колонны Траяна[3]). В данном случае можно предполагать сложение определённой модификации шлемов на определённой территории, под влиянием каких-то сугубо местных традиций, хотя не исключено влияние со стороны пока неизвестных нам синхронных восточных образцов, привнесённых сирийскими лучниками.

Можно предположить, что по желанию заказчика на шлеме из коллекции Национального музея Сербии в Белграде был удален назатыльник шлема, а нижний край был выгнут наружу, снабжен отверстиями и к нему была подвешена чешуйчатая бармица. Вместе с тем, его бородатая маска уникальна, и сложно однозначно ответить на вопрос была ли она задумана как портрет хозяина шлема.

[2] Совершенно очевидно, что данный шлем уникален явным свидетельством его боевой службы в виде дополнительного защитного элемента — чешуйчатой бармицы. Вследствие этого излишне говорить о его турнирном или же парадно–церемониальном назначении. Я не буду поднимать здесь давнюю дискуссию по поводу возможности применения шлемов с масками в боевых условиях, излагая аргументы «pro et contra». Отсылаю заинтересованных читателей к следующим публикациям: Benndorf 1878; Lindenschmit 1881; Junkelmann 1996: 51–53; Bartman 2005; Narloch 2012: 35—44; Негин, Кириченко 2013; Vannesse, Clerbois 2013: 391—393; Негин 2014.

[3] Рельефы колонны Траяна (сцены LXX и CXV). См.: Vulpe 2002: 160, 187.

«Варварские» шлемы с элементами, присущими римской оружейной традиции, создавались под впечатлением от высокохудожественных образцов римских боевых наголовий, но с учетом местных оружейных традиций и пожеланий заказчиков. Шлем из Калкни (Салихов 1985: 168, fig. V; Лурье 2012; Negin 2019: 44, fig. 21: 9) обнаружен в могильнике начала Vв. н.э. В том же самом погребении находился второй бронзовый шлем, который не поддается реконструкции. Железный шлем также сохранился фрагментарно, однако его вид и конструкцию реконструировать проще (рис. 5). Корпус шлема состоит из 15 железных пластин, суживающихся к верху, которые накладывались друг на друга, и были соединены бронзовыми заклёпками с полусферическими головками. У шлема есть венец, с внутренней стороны. Его лицевая сторона имеет небольшой наносник и надбровные закругления со следами остатков бронзы, вероятно, от каймы. Также были найдены интересные фрагменты с рельефным изображением ушей. Такие декоративные детали нехарактерны для варварских шлемов, и напоминают изделия римских оружейников. Во всех имеющихся реконструкциях шлема изображения ушей трактуются как часть нижнего венца шлема. Однако, при этом, у шлема отсутствуют нащёчники, и даже подбородочный ремень, что является странным. На мой взгляд, более логична реконструкция, при которой изображения ушей являются элементами нащёчников, как это было на римских кавалерийских шлемах. В этом случае, можно говорить, что данный шлем является своего рода пастиччо, собранным из двух разных шлемов, один из которых был римским.

Еще один интересный шлем является смесью позднеримского гребневого шлема с элементами, присутствовавшими на шпангенхельмах — например, такими как кольчужная бармица или совершенно необычные нащёчники, которые нехарактерны для римских шлемов. Данный шлем был обнаружен близ Бибервира на перевале Фернпасс (Miks 2008: 12, Abb. 20; Негин 2010а: 349, рис. 6) (рис. 6). Этот экземпляр был снабжён кольчужной бармицей и необычными сегментными нащёчниками, склёпанными из горизонтальных железных полос, что роднит этот экземпляр с находками с территории Восточной Европы (Зубов, Радюш 2014: 95, рис. 1: 2—3; Negin 2019: 38, fig. 21: 1—2, 4; Негин 2023: 10, 12—13, рис. 4).

Следует заключить, что рассмотренные выше шлемы выходят за рамки известных типологий римских шлемов, но их изучение, несомненно, приближает нас к пониманию механизма взаимовлияний в оружейной сфере не только на территории Барбарикума, но и за его пределами на отдалённых от римских границ варварских территориях, позволяет делать выводы по целому ряду вопросов, таких как миграционные процессы, территориальное распространение импортов и т.д.

Литература

Зубов С.Э., Радюш О.А. 2014. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время. *Уфимский археологический вестник 14. Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, 12—15 мая 2014 г.*, 94—104.

Лурье Е.В. 2012. Шлем из могильника Калкни и генезис ламинарных шлемов. В: Гаджиев М.С. (отв. ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Махачкала, 23—28 апреля 2012 г.)*. Махачкала: Мавраевъ, 349—351.

Негин А.Е, Кириченко А.А. 2013. К вопросу о боевом применении шлемов с масками в римской армии. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 5 (1), 245—253.

Негин А.Е. 2006. Гладиаторские шлемы. *Para bellum* 26, 21—40.

Негин А.Е. 2010а. Позднеримские шлемы с продольным гребнем. В: Радюш О.А., Блюэнэ А., Любичев М.В. (ред.). *Германия—Сарматия*. Вып. II. Курск: Курский государственный областной музей археологии; Калининград: Калининградский областной историко-художественный музей, 343—357.

Негин А.Е. 2010б. *Римское церемониальное и турнирное вооружение*. Санкт-Петербург: Издательство филологического факультета СПбГУ.

Негин А.Е. 2012. Сфероконические шлемы в римской армии эпохи Антонинов: взаимовлияния оружейных традиций Средиземноморья. В: Махлаюк А.В. (ред.). *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова: Материалы Международной научной конференции (Нижний Новгород, 25—27 сентября 2012 г.)*. Нижний Новгород: ННГУ, 53—55.

Негин А.Е. 2014. К дискуссии о существовании в римской армии парадного оружия и доспехов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 5, 45—51.

Негин А.Е. 2017. Сфероконические шлемы в Римской армии II—III веков н.э. В: Нарожный Е.И., Чхаидзе В.Н. (ред.). *Вооружение и военное дело населения Евразии: Древность. Средние века. Новое время. Международный сборник научных трудов, посвященный памяти М.В. Горелика*. Казань: Древности Евразии, 57—73.

Негин А.Е. 2023. *Доспехи Нижегородского Поволжья: находки, музейные и частные коллекции*. Нижний Новгород: Литера.

Плешаков В. 2023. Подражание Риму: посмотрите на шлем легионера, который нашли недалеко от Анапы. URL: https://www.vokrugsveta.ru/articles/podrazhanie-rimu-posmotrite-na-shlem-legionera-kotoryi-nashli-nedaleko-ot-anapy-id890640/ (дата обращения 19.07.2023).

Салихов Б. М. 1985. Калкнийский могильник. В: Маммаев М.М. (ред.). *Древние культуры Северо-Восточного Кавказа*. Махачкала: ИИЯЛ, 167—187.

Bartman E. 2005. The mock face of battle. *Journal of Roman Archaeology* 18, 99—119.

Benndorf O. 1878. *Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken*. Wien: Gerold.

Coulston J.C. 1985. Roman Archery Equipment. In: Bishop M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment, Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar.* Oxford: British Archaeological Reports Oxford Ltd, 220—236 (BAR S275).

Fahr R. 2005. Frühkaiserzeitliche Militärausrüstung vom Gelände eines Feldlagers aus dem Bataveraufstand - Hinterlassenschaft eines Gefechtes? In: Jobst W. (Hrsg.). *Archäologie der Schlachfelder. Militaria aus Zerstörungshorizonten. Proceedings of the Fourteenth Roman Military Equipment Conference (ROMEC XIV). Carnuntum Jahrbuch 2003*. Wien: Selbstverlag Österreichische Akademie der Wissenschaften, 109—136.

Hoffiller V. 1910/1911. Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva. *Vjestnik Hrvatskoga Arheoloskoga Drustva (Zagreb)* 11, 145—240.

James S. 2004. *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: The British Museum Press.

Jouquand-Thomas A-M., Larcelet A., Miks Ch. 2011. Römische Helme aus einem mittelkaiserzeitlichen Siedlungskontext in Poitiers / Lemonum (dép. Vienne / F). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 58, 591—660.

Junkelmann M. 2000. *Das Spiel mit dem Tod*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.

Junkelmann M. 1996. *Reiter wie Statuen aus Erz*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.

Lindenschmit L. 1881. Masken und Visirhelme aus Erz und Eisen. *Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit* III (11), 1—10.

Miks Ch. 2008. *Vom Prunkstück zum Altmetall-Ein Depot spätrömischer Helme aus Koblenz*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Narloch K. 2012. *Rzymskie hełmy z zasłonami*. Oświęcim: Napoleon V.

Negin A.E. 2019. Barbarian helmets on the Trajan's Column reliefs. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 20, 25—53.

Negin A.E. 2015. Bearded face-mask helmet from the collection of the National museum in Belgrade as an example of mutual influences of armament traditions on the Roman frontier. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45 (4), 535—547.

Petculescu L., Gherghe P. 1979. Coiful roman de la Bumbeşti. *Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie* 30. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 603—606.

Radoslavova G., Dzanev G., Nikolov N. 2011. The Battle at Abritus in AD 251: Written Sources, Archaeological and Numismatic Data. *Archaeologia Bulgarica* XV (3), 23—49.

Robinson H.R. 1975. *The Armour of Imperial Rome*. London: Arms and Armour Press.

Roymans N. 2005. *Ethnic identity and imperial power — Batavians in the early Roman Empire*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Szabó K. 1986. Le casque romain d'Intercisa — récente trouvaille du Danube. *Studien zu den Militärgrenzen Roms III. — 13. Internationaler Limeskongress*. Stuttgart: K. Theiss, 421—425.

Vannesse M., Clerbois S. 2013. Les casques à visage (“Gesichtshelme”) romains. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 43 (3), 377—396.
Velkov I. 1929. Neue Grabhügel aus Bulgarien. *Bulletin de l’Institut d’Archéologie Bulgare* 5, 13—55.
Vulpe R. 2002. *Columna lui Traian = Trajan’s Column*. Bucureşti: CIMEC.

References

Zubov, S.E., Radyush, O.A. 2014. *Uimskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Ufa Archaeological Bulletin*) 14. *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», Ufa, 12—15 maya 2014 g. 14 (Sarmatians and the outside world: Proceedings of the 8th Conference “Problems of Sarmatian archaeology and history”, Ufa, 12—15 May 2014*), 94—104 (in Russian).
Lurye, E.V. 2012. In: Gadzhiev, M.S. (ed.). *Novejshie otkrytiya v arheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretacii. XXVII Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Mahachkala, 23—28 aprelya 2012 g.) (The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: research and interpretation. XXVII Krupnov Readings: Proceedings of the Internftional scientific conference (Makhachkala, April 23—28, 2012))*. Mahachkala: Mavraev, 349—351 (in Russian).
Negin, A.E, Kirichenko, A.A. 2013. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky)* 5 (1), 245—253 (in Russian).
Negin, A.E. 2006. In *Para bellum* 26, 21—40 (in Russian).
Negin, A.E. 2010a. In: Radyush, O.A., Blyuene, A., Lyubichev, M.V. (eds.). *Germania — Sarmatia*. Iss. II. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arkheologii; Kaliningrad: Kalinigradskiy oblastnoy istoriko-khudozhestvennyy muzey, 343—357 (in Russian).
Negin, A.E. 2010b. *Rimskoe ceremonial’noe i turnirnoe vooruzhenie (Roman ceremonial and tournament armament)*. Saint Petersburg: Publishing House of the Faculty of Philology of St. Petersburg State University (in Russian).
Negin, A.E. 2012. In: Mahlayuk, A.V. (ed.). *Sredizemnomorskij mir v antichnuyu i srednevekovuyu epohi: kross—kul’turnye kommunikacii v istoricheskom prostranstve i vremeni. XIII chteniya pamyati professora Nikolaya Petrovicha Sokolova: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Nizhnij Novgorod, 25—27 sentyabrya 2012 g.) (The Mediterranean world in ancient and medieval times: cross-cultural communications in historical space and time. 13th readings in memory of Professor Nikolai Petrovich Sokolov: Proceedings of the International Scientific Conference (Nizhny Novgorod, September 25—27, 2012))*. Nizhny Novgorod: NNGU, 53—55 (in Russian).
Negin, A.E. 2014. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky)* 5, 45—51(in Russian).
Negin, A.E. 2017. In: Narozhnyi, E.I., Chkhaidze, V.N. (eds.). *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Evrazii: Drevnost’. Srednie veka. Novoe vremya. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj pamyati M.V. Gorelika (Armament and military affairs of the population of Eurasia: Antiquity. Middle Ages. New time. International collection of scientific papers dedicated to the memory of M.V. Gorelik)*. Kazan: Drevnosti Evrazii, 57—73 (in Russian).
Negin, A.E. 2023. *Dospekhi Nizhegorodskogo Povolzh’ya: nahodki, muzejnye i chastnye kollekcii (Armour of the Nizhny Novgorod Volga region: finds, museum and private collections)*. Nizhny Novgorod: Litera (in Russian).
Pleshakov, V. 2023. Imitation of Rome: look at the legionnaire’s helmet, which was found near Anapa. Available at: https://www.vokrugsveta.ru/articles/podrazhanie-rimu-posmotrite-na-shlem-legionera-kotoryi-nashli-nedaleko-ot-anapy-id890640/ (accessed 19.07.2023).
Salikhov, B.M. 1985. In: Mammaev M.M. (ed.). *Drevnie kul’tury Severo-Vostochnogo Kavkaza (Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus)*. Mahachkala: IIYaL, 167—187 (in Russian).
Bartman, E. 2005. The mock face of battle. *Journal of Roman Archaeology* 18, 99—119.
Benndorf, O. 1878. *Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken*. Wien: Gerold.
Coulston, J.C. 1985. Roman Archery Equipment. In: Bishop, M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment, Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar.* Oxford: British Archaeological Reports Oxford Ltd, 220—236 (BAR S275).
Fahr, R. 2005. Frühkaiserzeitliche Militärausrüstung vom Gelände eines Feldlagers aus dem Bataveraufstand - Hinterlassenschaft eines Gefechtes? In: Jobst, W. (Hrsg.). *Archäologie der Schlachfelder. Militaria aus*

Zerstörungshorizonten. Proceedings of the Fourteenth Roman Military Equipment Conference (ROMEC XIV). Carnuntum Jahrbuch 2003. Wien: Selbstverlag Österreichische Akademie der Wissenschaften, 109—136.

Hoffiller, V. 1910/1911. Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva. *Vjestnik Hrvatskoga Arheoloskoga Drustva (Zagreb)* 11, 145—240.

James, S. 2004. *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: The British Museum Press.

Jouquand-Thomas, A-M., Larcelet, A., Miks, Ch. 2011. Römische Helme aus einem mittelkaiserzeitlichen Siedlungskontext in Poitiers / Lemonum (dép. Vienne / F). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 58, 591—660.

Junkelmann, M. 2000. *Das Spiel mit dem Tod*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.

Junkelmann, M. 1996. *Reiter wie Statuen aus Erz*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.

Lindenschmit, L. 1881. Masken und Visirhelme aus Erz und Eisen. *Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit* III (11), 1—10.

Miks, Ch. 2008. *Vom Prunkstück zum Altmetall-Ein Depot spätrömischer Helme aus Koblenz*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Narloch, K. 2012. *Rzymskie hełmy z zasłonami*. Oświęcim: Napoleon V.

Negin, A.E. 2019. Barbarian helmets on the Trajan's Column reliefs. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 20, 25—53.

Negin, A.E. 2015. Bearded face-mask helmet from the collection of the National museum in Belgrade as an example of mutual influences of armament traditions on the Roman frontier. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45 (4), 535—547.

Petculescu, L., Gherghe, P. 1979. Coiful roman de la Bumbeşti. *Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie* 30. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 603—606.

Radoslavova, G., Dzanev, G., Nikolov, N. 2011. The Battle at Abritus in AD 251: Written Sources, Archaeological and Numismatic Data. *Archaeologia Bulgarica* XV (3), 23—49.

Robinson, H.R. 1975. *The Armour of Imperial Rome*. London: Arms and Armour Press.

Roymans, N. 2005. *Ethnic identity and imperial power — Batavians in the early Roman Empire*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Szabó, K. 1986. Le casque romain d'Intercisa — récente trouvaille du Danube. *Studien zu den Militärgrenzen Roms III. — 13. Internationaler Limeskongress*. Stuttgart: K. Theiss, 421—425.

Vannesse, M., Clerbois S. 2013. Les casques à visage ("Gesichtshelme") romains. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 43 (3), 377—396.

Velkov, I. 1929. Neue Grabhügel aus Bulgarien. *Bulletin de l'Institut d'Archéologie Bulgare* 5, 13—55.

Vulpe, R. 2002. *Columna lui Traian = Trajan's Column*. Bucureşti: CIMEC.

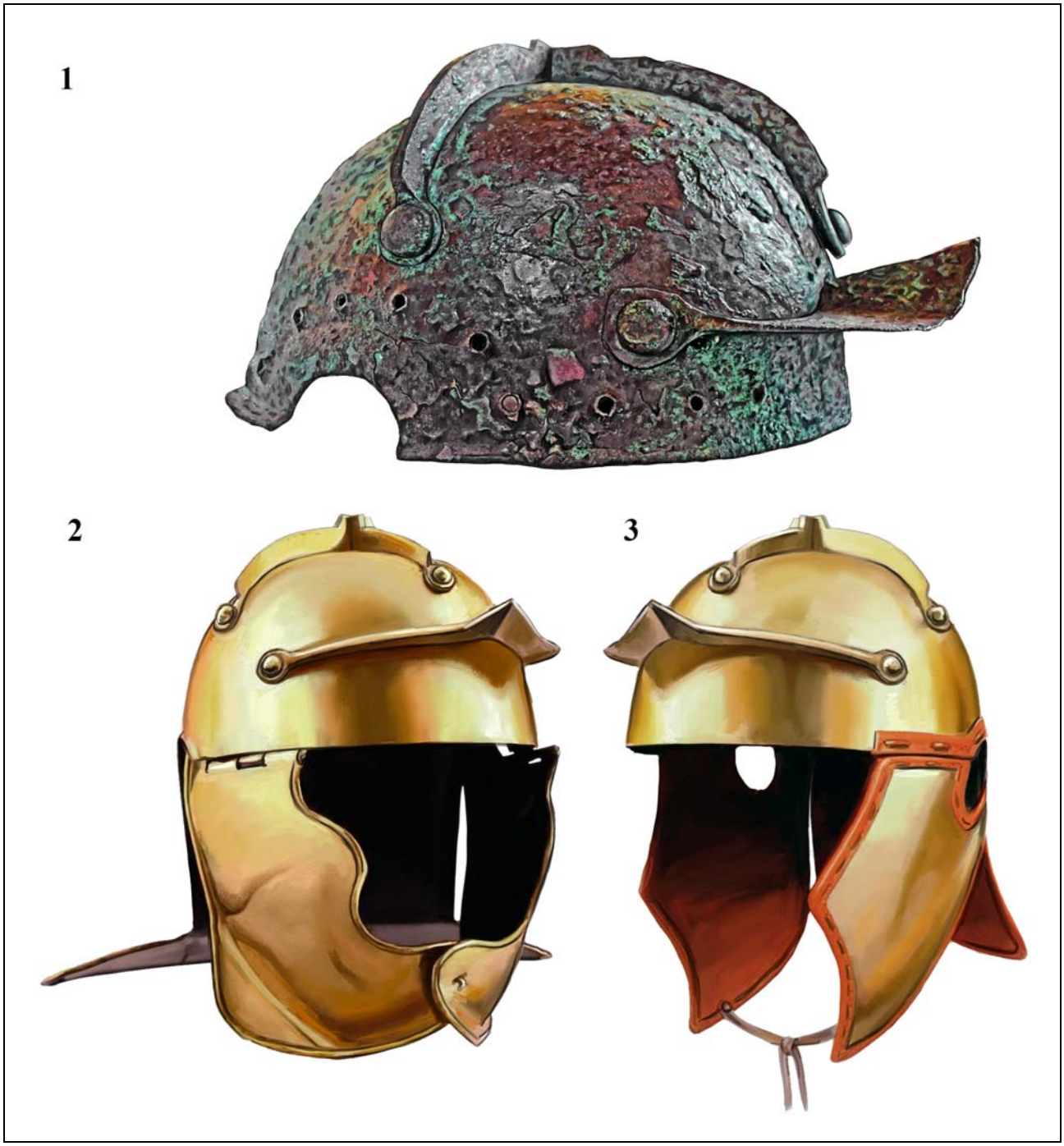


Рис. 1. ***1*** **— шлем из коллекции Археологического музея во Флоренции;** ***2—3*** **— шлем типа «Нидербибер» и гипотетическая реконструкция шлема из Флоренции** (рисунки автора).

Fig. 1. ***1*** **— helmet from the collection of the Archaeological Museum in Florence;** ***2—3*** **— Niederbieber-type helmet and a hypothetical reconstruction of the helmet from Florence** (drawings by the author).

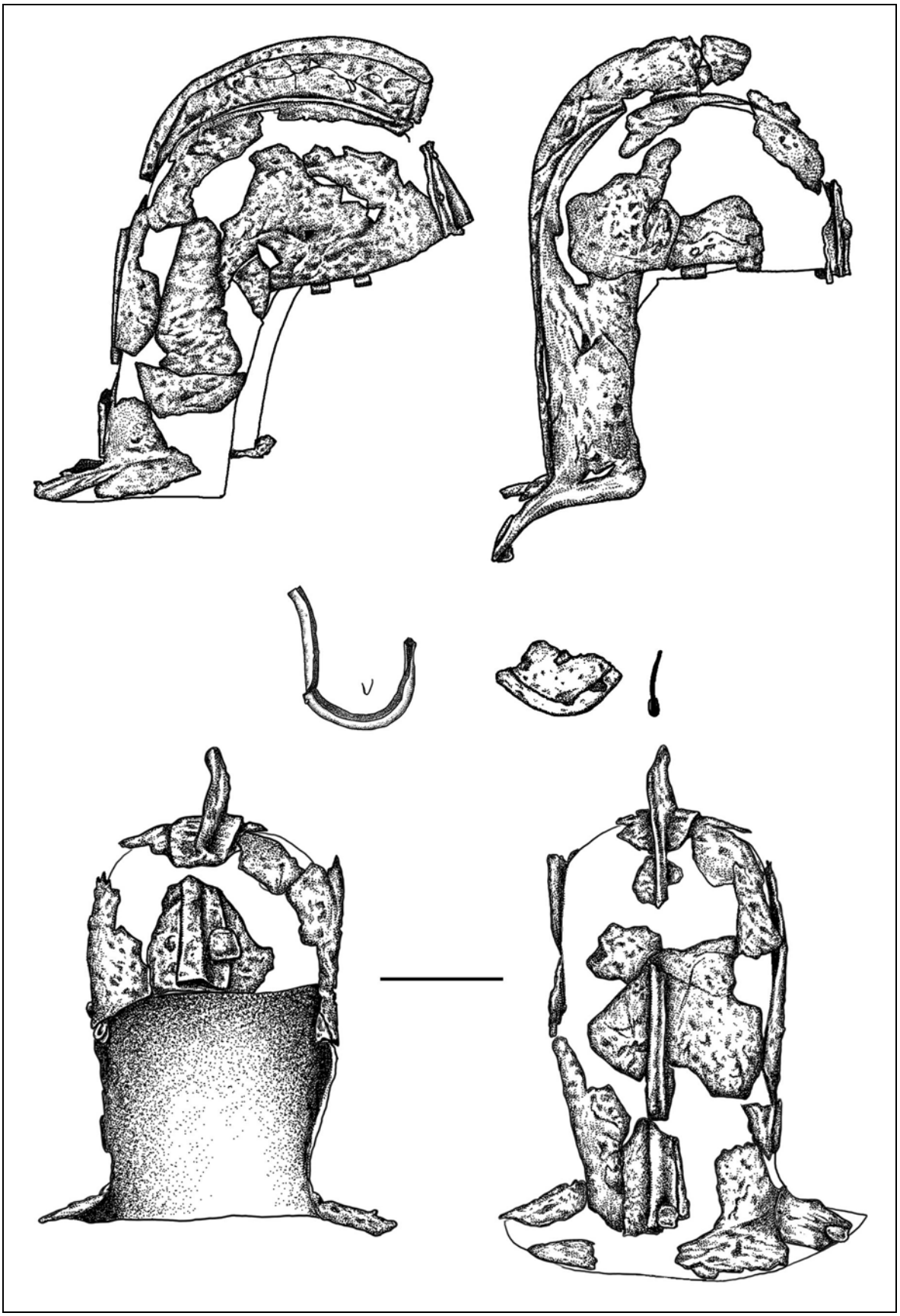


Рис. 2. Шлемы из Пуатье (рисунки автора по Jouquand-Thomas, Larcelet, Miks 2011).

Fig. 2. Helmets from Poitiers (author's drawing after Jouquand-Thomas, Larcelet, Miks 2011).

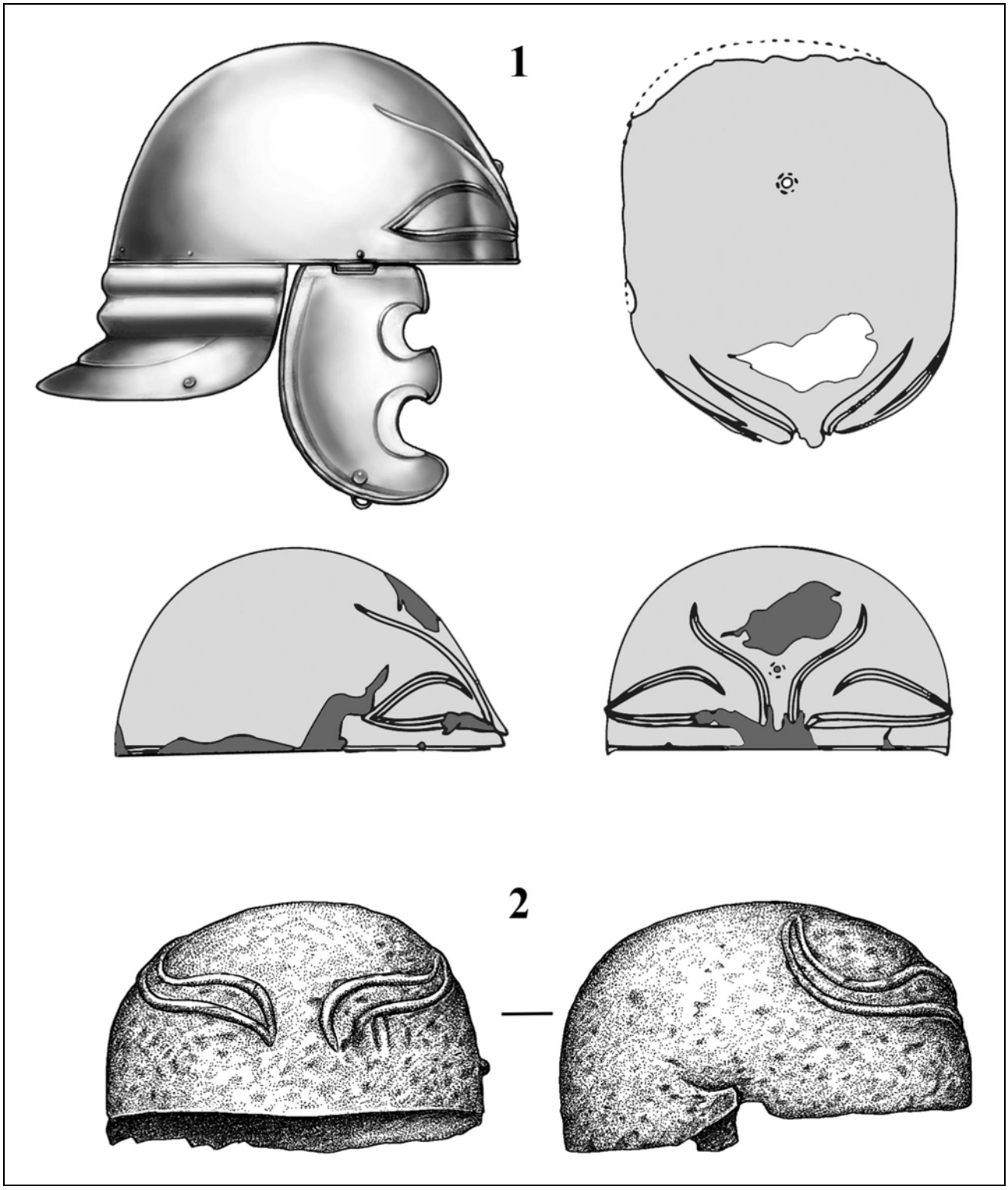


Рис. 3. ***1*** **— шлем из Кесселя/Лита и его реконструкция** (рисунок автора по Roymans 2005); ***2*** **— шлем из Крефельда** (рисунок автора по Fahr 2005).

Fig. 3. ***1*** **— helmet from Kessel/Lith and its reconstruction** (author's drawing after Roymans 2005); ***2*** **— helmet from Krefeld** (author's drawing after Fahr 2005).

Рис. 4. Шлем из коллекции Национального музея Сербии в Белграде (реконструкция автора).

Fig. 4. Helmet from the collection of the National Museum of Serbia in Belgrade (author's reconstruction).

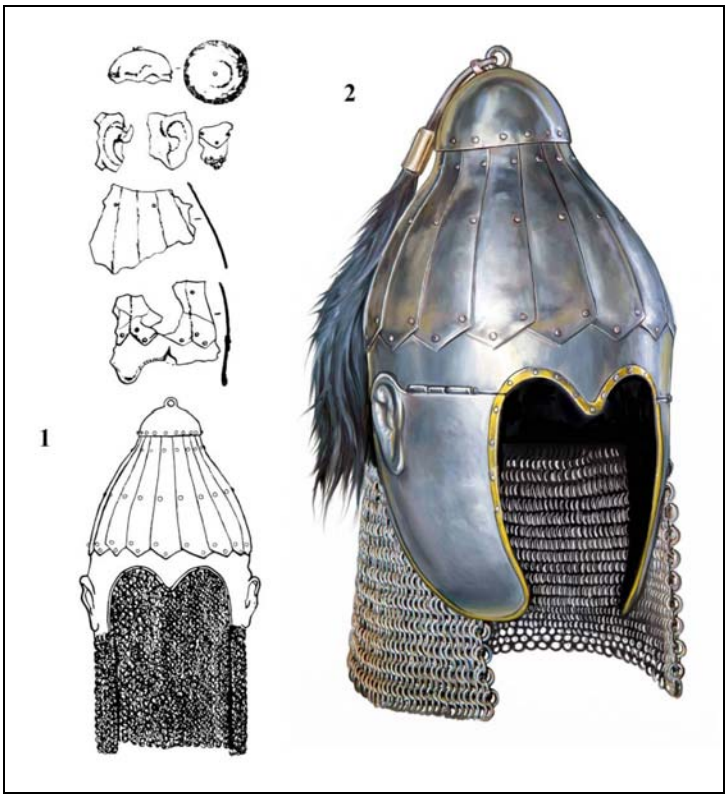


Рис. 5. Шлем из Калкни (1 — по Салихов 1985: fig. V; 2 — реконструкция автора).

Fig. 5. Helmet from Kalkni (1 — after Salikhov 1985: fig. V; 2 — author's reconstruction).

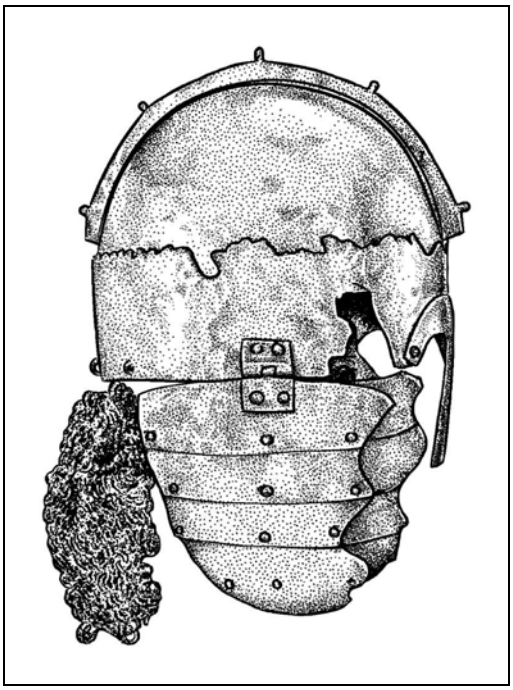


Рис. 6. Шлем из Бибервира на перевале Фернпасс (рисунок автора по Miks 2008: Abb. 20).

Fig. 6. Helmet from Biberwier at Fernpass (author's drawing after Miks 2008: Abb. 20).

DOI: 10.53737/8916.2023.97.73.025

У.М. Агатай, Ж.М. Сабитов, Н.А. Досымбетов

СТРЕЛЫ-*ДЖЕБЕ* В НОГАЙЛИНСКО-КАЗАХСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ*

Рассматриваются термины и словосочетания ногайлинско-казахского героического эпоса, обозначающие различные виды, типы и элементы стрел. Данная тема ещё не была объектом специального исследования, а соответствующая терминология не переводилась на другие языки, в том числе на русский. На основе сбора, систематизации и комплексного анализа фольклорных, вещественных и письменных источников сделана попытка выявления и атрибуции оригинальных названий, а также особенностей конструкции и системы оформления стрел-джебе тюркских воинов Великой степи эпохи Средневековья и Нового времени. Установлено, в частности, что в указанные периоды воины-кочевники Дешт-и-Кипчака (Крымской степи, Нижнего Поволжья, Западного Казахстана, Западной Сибири), а также Арало-Сырдарьинского района, Семиречья, Алтая и др. регионов использовали разнообразное метательное оружие дистанционного боя, обозначавшееся терминами *оқ* (стрела), *жебе* (*джебе*-наконечник), *қасалақ* (стрела-*касалак*). Также использовались словосочетания *сауыт бұзар оқ* (бронебойная стрела), *ажал оқ* («стрела смерти»), *қозы жауырын оқ* (стрела в виде лопатки ягнёнка), *салалы саусақ жебе* (стрела в виде раздвоенных пальцев), *ай оқ* («месяцевидная» стрела), *масақ оқ* (наконечник-стрела), *сайкез оқ* (стрела-*сайкез*), *улы оқ* (ядовитая стрела), *берен оқ* (стрела-*берен*), *сұр жебе* (серое *джебе*), *көк жебе* (синее *джебе*), *ақ жебе* (белое *джебе*), *алты қырлы жебе* (шестигранное *джебе*), *сегіз қырлы жебе* (восьмигранное *джебе*), *қырық кез оқ* (стрела в сорок аршин), *он екі тұтам оқ* (стрела в двенадцать кулаков), *күшіген жүнді оқ* (стрела с перьями грифа), *қанатты оқ* (крылатая стрела) и др. Сопоставление терминологии стрел в эпосе с образцами из археологических памятников и их описаниями показало высокий уровень корреляции фольклорных, письменных и вещественных источников. Их комплексный анализ вновь показал, что ногайлинско-казахский героический эпос может и должен привлекаться для изучения военно-культурного наследия тюркских и монгольских народов Евразии позднего Средневековья и Нового времени.

Ключевые слова: стрелы-джебе, тюркский героический эпос, Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, воины-кочевники, Великая степь.

Сведения об авторах: Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы[1], докторант (археология и этнология), Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки МНВО РК; Сабитов Жаксылык Муратович[2], PhD (Political Science), Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки МНВО РК; Досымбетов Нурлыбек Айдарбекович[3], докторант (археология и этнология), Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки МНВО РК.

Контактная информация: [1,2]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки МНВО РК; e-mail: [1]agatayotkirbay@gmail.com; [2]babasan@yandex.kz; [3]050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко 28, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки МНВО РК; e-mail: nur_dos88@mail.ru.

O.M. Agatay, Zh.M. Sabitov, N.A. Dossymbetov

ARROWS-*JEBE* AND THE NOGHAIC-KAZAKH HEROIC EPOS

The article amasses accounts from the Noghaic-Kazakh heroic epos which enable new insights in the variability of names and phrases describing ranged weapons (arrows-*jebe*). Formerly, these accounts have not yet been the scope of a focused scholarly study and were not even translated into foreign languages, including

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19574484).

Статья поступила в номер 21 июня 2023 г.
Принята к печати 11 июля 2023 г.

© У.М. Агатай, Ж.М. Сабитов, Н.А. Досымбетов, 2023.

Russian. Now, when analyzing folklore, artifacts and written sources in detail, an attempt is made to identify the original names and constructive merits and decorative systems in *jebe* arrows of the Turkic warriors of the Great Steppe in the Middle Ages and the Modern Era. Using the research database from accumulated, systemized and analyzed records, basic terms and phrases were found and attributed in the Noghaic-Kazakh heroic epos denoting parts of ranged weapons, the arrows-*jebe*. It has been established that during the Middle Ages and the Modern Era, in Dast-i Qipčaq — the Crimean steppe, Lower Volga Region, West Kazakhstan, and Western Siberia — as well as in Aral—Syr Darya Region, Zhetysu, Altai, and elsewhere, the ranged weapons were used by the nomadic warriors, including *oq* (an arrow), *jebe* (a *jebe*- arrowhead), *qasalaq* (a *qasalaq*-arrow). A variety of the arrow-related terms and phrases includes *sauīt būzar oq* (an armor-piercing arrow), *ajal oq* (‘an arrow of death’), *qozī jauīrīn oq* (an arrow in the shape of a lamb’s scapula), *salalī sausaq jebe* (an arrow in the shape of two-forked fingers), *aj oq* (‘a moon-shaped’ arrow), *masaq oq* (a arrowhead), *sajkez oq* (a *sajkez*-arrow), *ulī oq* (a poisoned arrow), *beren oq* (a *beren*-arrow), *sūr jebe* (a grey *jebe*), *kök jebe* (a blue *jebe*), *aq jebe* (a white *jebe*), *altī qīrlī jebe* (a hexagonal *jebe*), *segïz qīrlī jebe* (an octagonal *jebe*), *qīrīq kez oq* (an arrow of forty yards), *on ekï tūtam oq* (an arrow of twelve fists), *küşïgen jündï oq* (an arrow with vulture’s feathers), *qanattī oq* (a winged arrow), etc. The matching of the epic descriptions of the arrows-*jebe* with various written records and genuine samples from archeological sites reveals a high level of correlation between folklore and narratives and artifacts. The focus on a comprehensive analysis of the accounts under study testifies that the Noghaic-Kazakh heroic epos is highly applicable to studying military-cultural heritage of the Turk and Mongol peoples of Eurasia during the Late Middle Ages and the Modern Era.

Key words: arrows-*jebe*, the Turkic heroic epos, Tavarikh-i Guzida-i Nusrat-nama, nomadic warriors, the Great Steppe.

About the authors: Agatay Otkirbay Mıltıqbayulı[1], PhD Candidate (Archaeology and Ethnology), Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan; Sabitov Zhaxylyk Muratovich[2], PhD (Political Science), Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan; Dossymbetov Nurlybek Aidarbekovich[3], PhD Candidate (Archaeology and Ethnology), Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Contact information: [1,2]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan; e-mail: [1]agatayotkirbay@gmail.com; [2]babasan@yandex.kz; [3]050010, Kazakhstan, Almaty, 28 Shevchenko St., Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan; e-mail: nur_dos88@mail.ru.

Введение. Важным направлением современных археологических, исторических, оружиеведческих и этнографических исследований является изучение вооружения кочевников Казахстана и сопредельных территорий эпохи Средневековья и Нового времени. В основе подобных исследованиях, как правило, лежит комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников. В то же время указанные источники не всегда позволяют уточнить вопросы, связанные с оригинальными названиями различных видов наступательного и защитного вооружения, особенностями их применения в бою, транспортировки и др. Ответы на некоторые из этих вопросов содержатся в материалах ногайлинско-казахского героического эпоса.

Ногайлинско-казахский героический эпос относится к числу важных источников по изучению истории и культуры крымско-татарского, ногайского, казахского, татарского народов. Неудивительно в данной связи, что советские, российские и казахстанские исследователи традиционно уделяли его изучению значительное внимание. В данных эпосах в поэтической форме описываются исторические события: начало распада Золотой Орды; появление на военно-политической арене Улуса Джучи *эмира* Едиге и его драматическая, политическая борьба с золотоордынским ханом Тохтамышем; события, происходившие в Крымском ханстве и в Ногайской орде в XV—XVI вв.; внутридинастийные усобицы между

потомками Едиге (мангытскими *мурзами*); поход Кази *бия* — основателя Малой Ногайской орды — *Казыев юрта*, существовавшего в Приазовье во второй половине XVI в. на северный Кавказ; а также военная кампания объединённой османо-крымско-ногайской армии против сефевидов Персии в 70-е гг. XVI в.; пленение сефевидами Адиль-Гирея — принца-*калги* и младшего брата крымского хана Мухаммед-Гирея II; месть ногаев и его «эпическое спасение» из плена и др. (Абткаримов 2019: 36).

Возникает вопрос, как эти события попали в произведения казахских сказителей XVIII—XIX вв.? Как подчеркивает А.И. Исин: «Этническая близость, общность форм хозяйственной жизни и наличие экономических связей между казахами и ногайцами в эпоху дальнейшего формирования этих этносов путем включения в состав друг друга (и, как мы увидели, в основном переходов из ногайских улусов в казахские) отколовшихся родовых коллективов дополнялись тесными культурными связями и таким феноменом их культурного единства, как казахско-ногайский героический эпос» (Исин 2002: 38). Кроме того, в казахской фольклористике существуют мнения, что героические эпосы казахов *ногайлинского* цикла, вероятно, исполнялись с несколько изменёнными сюжетами и эпизодами в XVIII в., во времена казахо-джунгарских войн (Қоңыратбаев 1991: 127). Это предположение, в частности, основано на том, что одним из главных противников ногайских богатырей в эпосе, наряду с сефевидами-*кызылбашами*, выступают ойраты-*калмыки*.

Материалы и методы. Исследование основано на комплексном анализе фольклорных, письменных и археологических источников. Основным **фольклорным источником** являются казахские героические эпосы *ногайлинского* цикла *Қырымның қырық батыры* (*Сорок батыров Крыма*. Далее: *Сорок батыров Крыма*), *Едіге, Қисса Нәрікбай-Шора, Төрехан-батыр, Ер Шора, Мәулімнияз-Едіге, Қарасай, Қази* (варианты Кудайберген Шокаева, Нурпеис Байганина и Мурат Монкеулы), *Қобыланды-батыр* (варианты Садуакас Дильмана, Кулзак Амангелдиулы), *Ер Қосай*, *Қамбар-бахадүр* и *казахского* цикла *Орақты-батыр, Мырқы-батыр, Жантай-батыр.* **Письменные источники** представлены материалами *Диуани Лугат ат-Тюрк, Известиями древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, Продолжении Софийской Первой летописи,* летописями и записями Киракоса Гандзакеци*,* Плано Карпини*,* Марко Поло*, Таварих-и гузида-йи нусрат-наме,* также *Кара Таварих* Утемиш-хаджи*, Джами ат-таварих* Кадыр Али-бека*, Записками* Мартина Броневского*, Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи,* Словарями В.В. Радлова и др. Использованы **археологические материалы** из памятников погребения воина XIV в. в долине реки Нура (РК), Булан-Коба, Кармацкая (РФ), типологические номенклатуры Г.А. Фёдорова-Давыдова, Ю.С. Худякова, А.Ф. Медведева, В.Ф. Немерова, А.А. Бисембаева и др.

Главным **методологическим** основанием работы является системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выявляется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. Практическое применение идей системного подхода в сфере исследования вооружения нашло отражение в работах Ю.С. Худякова, М.В. Горелика, В.В. Горбунова, Л.А. Боброва и др. В статье использованы рациональные положения транскультурного диффузионизма, где изменения культуры и ее единичных элементов сопряжены с такими явлениями, как заимствование, перенос и смешение. **Методика** обработки источников обусловливалась задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов использовались типологический, сравнительно-описательный методы, методы датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов, перевода и анализа фольклорных источников (Бобров, Ожередов 2021: 12; Агатай, Сабитов 2022: 1501).

Целью настоящего исследования является уточнение роли ногайлинско-казахского героического эпоса в изучении стрел воинов-кочевников Евразии позднего Средневековья и Нового времени. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

а) выявить и атрибутировать основные термины и словосочетания, применяемые в ногайлинско-казахском героическом эпосе, для обозначения стрел;

б) сопоставить описания стрел-*джебе* в ногайлинско-казахском героическом эпосе с подлинными образцами из археологических памятников и данными письменных источников с целью установления уровня корреляции;

в) выделить особенности стрел кочевников региона на основе анализа материалов ногайлинско-казахского героического эпоса.

Результаты исследования. В ногайлинско-казахском героическом эпосе известно множество различных наименований стрел-*джебе* для стрельбы из лука — *оқ*, *жебе* и очень редко *қасалақ*, различающихся по назначению, цвету, сечению, размерам, оформлению и др. характеристикам. Кроме этого, в эпосах встречаются устойчивые словосочетания, связанные со стрелами: по типу — *сауыт бұзар оқ*, *ажал оқ*, *қозы жауырын оқ*, *салалы саусақ жебе*, *айыр оқ*, *ай оқ*, *масақ оқ*, *сайкез оқ*, *қасалақ оқ*, по специальному предназначению — *доғал оқ*, *улы оқ*, уникальные по прочности — *берен оқ,* по цвету — *сұр жебе, сары жебе, көк жебе, ақ жебе*, по количеству граней — *алты қырлы жебе*, *сегіз қырлы жебе*, по длине древка — *алпыс кез жебе*, *он екі тұтам оқ*, по виду оперения — *күшіген жүнді оқ*, *қанатты оқ*. Рассмотрим их более подробно.

Все перечисленные термины связаны с древнетюркским термином *oq,* обозначающим вид метательного оружия дистанционного боя (Räsänen 1969: 359; Clauson 1972: 76), а древнетюркский термин *jäbä* обозначает только металлический (или костяной) наконечник стрелы, непосредственно выполняющий поражающую функцию (Räsänen 1969: 124). Позднее второй термин стал общим для тюркских и монгольских народов и стал обозначать снаряд вообще, выпускаемый из лука. Термин *оқ* стал применяться и к снарядам, выпущенным из появившихся позднее огнестрельного оружия. В данном исследовании мы будем рассматривать проблемы, связанные с оружием дистанционного боя (стрел-*джебе*) воинов-кочевников Евразии позднего Средневековья и Нового времени.

Одновременно с появлением у древних жителей Евразии оружия дистанционного боя — лука, появилась и его неотъемлемая часть — стрелы-*джебе*. Ещё в эпоху древности форма и тип стрел начали разнообразно видоизменяться. Отметим, что уже начиная с сакской эпохи они делятся на два отдела по насаду наконечника к древку стрелы: втульчатые и черешковые, что говорит о развитии в эту эпоху военных традиций (Чотбаев 2013: 70). Подобный способ изготовления наконечников сохранился и в последующие эпохи. В гуннскую эпоху кочевые воины евразийских степей использовали железные, бронзовые и костяные наконечники стрел. Возможно, именно в гуннское время началось использование ставших в последующие века легендарными «свистящих» стрел (Никоноров, Худяков 2004: 54). В результате многочисленных археологических исследований было найдено огромное количество наконечников стрел разных видов в древнетюркских (Худяков 1986: 144—150), монгольских (Худяков 1991: 104—125), кыпчакских (Худяков 1997: 108—112) и др. погребальных памятниках.

Археолог В.А. Иванов на основе анализа археологических памятников эпохи Улуса Джучи, изучив около 1179 золотоордынских могильников, подсчитал, что массовая доля наконечников стрел по сравнению с другими видами вооружения, найденных в них, составляет 84,5%. Учёный пришёл к выводу, что класть в могилу рядом с похороненным этот вид вооружения было обязательным элементом погребального обряда средневековых кочевников Великой степи (Иванов 2015: 79, 82—83, 88). На это у него были веские основания. Войско в Золотой Орде, в отличие от других осёдло-земледельческих армии, в основном состояло из лёгкой конницы, вооруженной луком и стрелами. Поскольку у лёгкой конницы основным видом вооружения были лук и стрелы, то кочевые воины в сражениях обычно сначала применяли тактику изматывания противника, осыпая градом стрел, и только потом вступали в ближний бой.

Такие сведения встречаются в материалах ногайлинско-казахского эпоса. К примеру, в эпосе *Сорок батыров Крыма*[1], противник эпического Суюнуш-батыра обращается ему с такими словами:

Видели мы, как стрелы были пущены,
Словно град они хлестали[2]
(Здесь и далее в сносках дается оригинальный вариант текста и ссылка на литературу. Также перевод на русский язык выполнен У.М. Агатаем).

В свою очередь, это подтверждается и письменными сведениями. Именно эта тактика ведения войны описана в древнерусском источнике — *Продолжении Софийской Первой летописи* о событиях нашествия хана Золотой Орды Тохтамыша на Москву: «Татарове же паки поидоша къ городу, гражане же пустиша на нихъ по стрѣлѣ, они же паче своими стрѣлами стрѣляху на градъ, акы дождь умноженъ» (ПСРЛ VI: 100). Армянский летописец Киракос Гандзакеци, живший в начальные годы существования Золотой Орды, также отмечал свойственность такой тактики для тюрко-монгольских войск и называл их «народом стрелков» (Киракос Гандзакеци 1976: 152).

В структуре армии государств восточного Дешт-и-Кыпчака XV в. существовал отдельный, специализированный стрелковый род войск, известный как *атгучи* (пер. «стрелки»). Например, в персидском письменном источнике *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме* (нач. XVI в.) говорится об *атгучи* и др. военных групп армии Мухаммеда Шайбани: «Когда из атгучи, колуков, ички-байри пришли [люди], возглавлявшиеся Айукач-бахадуром, [Мухаммад Шайбани-хан] забрал их и зазимовал на Мангышлаке» (МИКХ 1969: 26).

В тактическом искусстве крымских татар конный лучной бой продолжал оставаться основной формой ведения кавалерийского сражения вплоть до XVIII в. (Бобров 2016: 221—281, 346—358; Бобров, Шейхумеров, Сальников 2018: 889—891, 904, 905).

Очевидно, что для такого рода войск, воины—кочевники должны были обеспечить необходимый запас стрел в своих колчанах. Упоминания об этом часто встречаются в рассматриваемых нами героических эпосах. К примеру, в эпосе *Едіге*[3], главный герой Едиге передал свои слова недовольства золотоордынскому хану Тохтамышу через Кен Жанбая, упомянув о девяноста стрелах в своем колчане:

Меньше девяносто стрел [в колчан] не укомплектую,
Не спросив о роде-племени, едой не угощаю,
Не спросив о предках, нукера с собой не возьму[4].

Число девяносто у тюркских народов обозначало «большое количество» чего-либо. Однако, в этом эпосе словосочетание «девяносто стрел» могло иметь и прямое значение. Так,

[1] Самый объёмный казахский героический эпос *ногайлинского* цикла, состоящий из более 28 400 куплетов стихотворной формы, является одним из жемчужин мировой устной литературы. Эпос *Сорок батыров Крыма*, впервые было записано из уст казахского сказителя из Мангышлака — Мурын-*жырау* (Мурын Сенгирбаев) учёными Института литературы и искусства АН Казахской ССР в 1942 г. В некоторых научных трудах предполагается, что авторство данного эпоса принадлежит Сыпыра-*жырау*, приближённому сказителю золотоордынского хана Тохтамыша (Ағатай 2021: 31).

[2] *Атқан оқты біз көрдік,*
Жаңбырдай тасқан сабалап (Бабалар сөзі 50: 330).

[3] Указанный эпос был записан Ч.Ч. Валихановым из уст степных *акынов* Жумагула из рода курлеут, племени кыпчак и Арсланбая из рода атыгай-бабасан, племени аргын в 1841 г. По мнению акад. А.Х. Маргулана, эпос появился в XV в., и считается самым древним, реалистичным среди вариантов эпических сказаний о золотоордынском беклярибеке, темнике Едиге конца XIV — начале XV вв. (Марғұлан 1985: 320, 321).

[4] *Тоқсансыз жебе салдырман*
Асылын сұрамай, ас бермен
Атасын сұрамай, әсте, нөкер ертпен (Бабалар сөзі 39: 25).

Плано Карпини, совершивший путешествие вглубь евразийских степей в первой половине XIII в., во времена становления Монгольской империи, писал, что у каждого монгольского воина было «как минимум два—три лука, либо один очень хороший лук, а также три больших колчана, полных стрел» (Dawson 1955: 33). А в латинских и персидских источниках упоминается, что в колчанах средневековых тюрко-монгольских воинов было по 30 стрел (Книга Марко Поло 1955: 212; Кушкумбаев 2011: 71). Учитывая вышесказанное, общее количество стрел в трёх колчанах одного воина будет равно 90.

В ногайлинско-казахском героическом эпосе встречается такой вид стрел как *сауыт бұзар оқ*, что в переводе на русский язык означает «бронебойная стрела». Судя по названию, такая стрела предназначалась для пробивания кольчуги и доспехов (Кушкумбаев 2001: 51). Воины—кочевники Великой степи стали использовать трёх—четырёхгранные бронебойные наконечники стрел, начиная с гуннской эпохи (Ахметжан 2007: 33).

Несколько описаний таких видов стрел мы встречаем в ногайлинско-казахских героических эпосах. К примеру, в эпосе *Сорок батыров Крыма* эпический Карадон-батыр советует своему сыну Жубанышу использовать бронебойную стрелу в поединке со своим соперником:

Среди синих стрел,
Есть одна бронебойная стрела —
Не пробивать броню не может она[5]

Археологическими данными также подтверждается широкое использование бронебойных наконечников воинами Золотой Орды. Так, в археологических памятниках Западного Казахстана времен Средневековья и раннего Нового времени найдены железные, черешковые, трёхгранные и круглые в сечении бронебойные стрелы тюрко-монголов (Бисембаев 2003: 132; рис. 28: 2), а также в приграничных степях Восточной Европы найдены черешковые, линзовидные и плоские по сечению, по форме напоминающие кинжальчики бронебойные железные наконечники стрел (Медведев 1966: 59; рис. 1: 15—17, рис. 2: 23—25). Таким образом, можно утверждать, что во времена Золотой Орды предки крымских татар, ногайцев, казахов действительно применяли в бою железные, бронебойные стрелы.

По всей видимости, сказители-жырау в соответствии с народными поверьями и понятиями прозвали бронебойные стрелы еще с эпитетом *ажал оқ* — «стрела смерти». Дело в том, что существовало табу называть оружие именем, связанным с настоящей целью его изготовления, т.к. по поверьям древних насельников Евразии эта вещь могла совершать неконтролируемые физические действия, и по неосторожности принести вред своему хозяину (Ахметжан 2007: 77). К примеру, в эпосе *Қисса Нәрікбай-Шора*[6] эпический Карахан говорит отцу Шоры Нарыкбаю[7]:

Когда прилетит стрела смерти,
Не защитит доспех-кобе[8]

[5] *Көк жебенің ішінде*
Сауыт бұзар бір оқ бар —
Ол сауытты бұзбай қоймайды (Бабалар сөзі 50: 268).

[6] По мнению фольклористов, вариант эпоса исполнял *акын* Майкот Сандыбайулы из Аулиеата (ныне г. Тараз, Джамбульская область, РК) во второй половине XIX в. Изначально эпос был перевёден на русский язык с арабской графики, а позднее привёзен М. Гумаровой из Москвы в фонды Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова в 1960 г. (Бабалар сөзі 45: 436—438).

[7] Эпический *Нарыкбай* является отцом Чуры, реальным историческим лицом, который идентифицируется с Чуры Нарыковым — крупным военно-политическим деятелем (*карачи-бек*) Казанского ханства первой половины XVI в. (Жирмунский 1974: 515).

[8] *Ажалдың оғы жеткенде,*
Қорғаны болма[с] көбенің (Бабалар сөзі 45: 87).

Если рассмотреть семантическое значение, то становится понятно, что это со специальной целью изготовленная бронебойная стрела. Как бы то ни было, певцы и сказители придавали особое значение этому виду стрел, считали его одним из грозных видов оружия дистанционного боя воинов.

Один из самых распространенных названий стрел, упоминаемый в ногайлинско-казахском эпосе — это *қозы жауырын оқ,* что в переводе означает «стрела, в виде лопатки ягненка». Такие стрелы в оружиеведческих трудах известны как «срезни в виде расширяющейся лопатки». Кочевые воины евразийских степей начали использовать этот тип наконечников приблизительно со II в. до н.э. — I в. н.э. По форме они широкие с тупоугольным острием, по способу крепления к древку — черешковые, по сечению пера плоские. Из-за своей схожести по форме с лопаткой барана, среди тюркских воинов степи они получили название «стрела в виде лопатки ягненка» (Ахметжан 2007: 95). Боевое предназначение такого типа стрел заключалось в причинении максимального урона и уничтожении противника путём повреждения внутренних органов и сосудов. В то же время, судя по всему, самой основной, первоначальной целью таких стрел было ранение бездоспешного воина и его боевого коня, не прикрытого броней (Немеров 1987: 217). Воин-кочевник перед там как вступить в рукопашную схватку сначала старался вывести из строя коня своего противника. Это косвенно отражено в летописи *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме,* где один из шибанидских военачальников Шам'ун-Сеид, лишившись своего коня в бою, обращается Мухаммеду Шайбани: «В мою лошадь угодила стрела. Что мне делать?» — а у хана был поразительно резвый конь, то он отдал его Шам'ун-Сеиду» (МИКХ 1969: 22).

Так, именно такая стрела упоминается в ногайлинско-казахском эпосе *Төрехан-батыр*[9]:

На луке-сарыжа натянул стрелу,
Синеватую стрелу — козы джаурын[10]

По археологическим данным, в эпоху Золотой Орды лопатковидные наконечники широко использовались воинами-кочевниками в степях Восточной Европы. Например, в типологической номенклатуре Г.А. Фёдорова-Давыдова встречаются железные, черешковые, плоские в сечении, лопатковидные наконечники стрел (Фёдоров-Давыдов 1966: 26—27; рис. 3: В VII, В VIII). А по А.Ф. Медведеву этот тип наконечников стрел указан как «секторовидные крупные срезни», с общей «длиной 70—110, длина пера — 45—65, ширина пера — 20—35 мм», которые занесены на западные евразийские степи тюрко-монголами в начале XIII в. (Медведев 1966: 58; рис. 1: 9, рис. 2: 12, 16). Наряду с этим, точно такие же наконечники встречались и в археологических памятниках Западного Казахстана и восточной части Улуса Джучи. Это подтверждается результатами археологических исследований погребения воина XIV в., обнаруженного на берегу р. Нура (РК), в погребальном инвентаре которого присутствовали наконечники стрел лопатковидного типа (Маргулан 1959: 251; рис. 5: 2).

В своих трудах Ч.Ч. Валиханов уделяет особое внимание такому типу наконечников, отмечая, что они берут свое начало в гуннскую эпоху, и казахские воины использовали их вплоть до середины XIX в. (Валиханов 1985: 37).

Еще один вид наконечников, встречающийся в героических эпосах — это *салалы саусақ жебе*, что переводится как «стрела, в виде раздвоенных пальцев». Так, в эпосе *Орақты-*

[9] Есть несколько вариантов эпоса про ногайлинского богатыря *Төрехан*. Данный вариант, на который мы ссылаемся, является вариантом, исполняемым актюбинским поэтом Нурпеисом Байганиным, который был записан в 1941 г. Бисеном Шаримановым (Қазақ қолжазбаларының 1975: 301, 302).

[10] *Сарыжаға оғын кереді,*
Қозы жауырын көктеме оқ (Бабалар сөзі 46: 396).

батыр[11], вероятно, говорится именно об этом виде стрел, в контексте характеристики главного героя:

Телом как лев,
Хваткий как сокол,
С джебе, в виде раздвоенных пальцев[12]

По нашему мнению, во фрагменте эпоса говорится об известном в оружиеведении типе наконечников как вильчатые срезни, т.е. железные, черешковые, плоские в сечении, раздвоенные наконечники стрел. Ещё один пример возможного использования вильчатых наконечников средневековыми воинами-кочевниками Евразии встречается в эпосе *Ер Шора*[13], когда главный герой Шора-батыр убивает эпического калмыкского богатыря Козбембета именно такой стрелой:

Сухое джебе, кованой четырьмя гранями,
В виде драконьего языка[14]

Очевидно, что в сказании наконечник стрелы сравнивается с раздвоенным языком мифического существа — дракона. Термин «айдаһар» (пер. «дракон») в мифологии народов Восточной Азии обозначает гигантскую змею. Как известно, язык у змей раздвоенный, в форме вилки. Таким образом, мы можем обоснованно заключать, что наконечник стрелы, представленной в данном эпосе — вильчатые срезни. Несомненно, следует помнить и об особых традициях подачи информации у сказителей, которые должны увлекать и изумлять своего слушателя. Поэтому допустимо, что в эпосе стрела названа четырёхгранной, хотя вильчатые срезни найденные из археологических исследований, в основном, плоские, с одной гранью. Однако, судя по артефактам, найденным в степях Восточной Европы, воины-кочевники Золотой Орды использовали очень похожую на вильчатые срезни треугольные в сечении жаловидные стрелы (Фёдоров-Давыдов 1966: 27; рис. 3: В VI).

В целом, такие наконечники известны, начиная с первых образцов I—III вв. н.э. из сяньбийских памятников, затем под влиянием гуннов распространяются в Булан-Кобинских памятниках Алтая второй половины IV в. — первой половины V в., в кыргызских памятниках второй половины IX в. — первой половины X в. и в памятниках кармацкой (монгольской) культуры XIII—XIV вв. (Горбунов 2006: 42, 161; рис. 23: 32, 173, 35: 26), а также в памятниках восточных кыпчаков домонгольского периода (Худяков 1997: 109; рис. 72: 3).

По-видимому, первоначальной основной целью таких наконечников было нанесение ран и повреждение частей туловища диких животных. Но позднее, наряду с этим они начали применяться и в военном деле (Ахметжан 2007: 95; Кушкумбаев 2011: 62—63). Учитывая, что казахские *акыны*-сказители пели об этих стрелах в XIX—XX вв., а традиции они переняли от своих наставников, живших в начале XIX в., мы можем предполагать, что воины-лучники евразийских степей использовали вилообразные наконечники и в Новое время.

---

[11] Эпос *Орақты-батыр* был записан Капазом Еликбаевым у поэта Калка Жапсарбайулы в колхозе «Калининский» Кировского района Талдыкурганской области, Казахской ССР (ныне Жетысуская область, РК) в 1940 г. По словам поэта, события эпоса об Оракты-батыре из племени джалаир происходили XV—XVI вв. на побережье Сырдарьи, горах Каратау, Чу (Қазақ қолжазбаларының 1975: 309—311).

[12] *Арыстандай денелі,*
Алғыр қыран сұңқардай,
Салалы саусақ жебелі (Бабалар сөзі 56: 329).

[13] Этот вариант эпоса впервые был записан в 1917 г. у казахского сказителя из Туркестана Молда Мусы его учеником и братом Мусой Токкожаулы на арабице (Бабалар 45: 438—440).

[14] *Төрт қырлап соққан қу жебе,*
Айдаһардың тіліндей (Бабалар сөзі 45: 343).

Кроме того, в ногайлинско-казахском героическом эпосе описывается еще один вид стрелы, близкий к вильчатому-жаловидному, способный отсекать части тела человека или животного. В типологической номенклатуре Ю.С. Худякова такая стрела фиксирована как «полулунное» по форме, железные, черешковые, плоские в сечении, «с вогнутым острием, с округлыми плечиками», которые применяли воины-кочевники восточного Дешт-и-Кипчака домонгольского периода (Худяков 1997: 108—109; рис. 71: 4).

Например, в эпосе *Сорок батыров Крыма,* Шора-батыр вероятно с такой стрелой отсёк голову своему противнику на войне, хотя попадает она в грудь:

Выпустил он стрелу,
Достигнув стрела цели,
Пробьёт она через грудь(?)
Отсечённая голова калмыка,
На земле [уже] лежала[15]

По нашему предположению, здесь вместо «өңмен» («грудь») сказитель пел «өңеш» («шея»), или это была гиперболизация в эпосе, так как какая бы стрела не стреляла, она не сможет отсечь человеческое тело от груди, но голову от шеи вполне возможно. В строках этого эпоса мы можем заметить, что стрела вообще обладала не только колющее, но также имела и режущее действие. В результате археологических исследований выяснилось, что и монгольские и бурятские воины в позднем Средневековье использовали «месяцевидные» наконечники стрел. Такие наконечники в монгольском языке назывались «саран зэбе» (в переводе на русский язык — «лунная стрела»). Они изготавливались с целью рассечения шеи противника (Бобров, Худяков 2008: 101; рис. 18: 22). Учитывая, что тюркские и монгольские кочевники Евразии с эпохи Древности существовали в одном хозяйственно-культурном укладе жизни, а также имели схожие традиции военного дела и вооружения, мы можем с определённой долей вероятности утверждать, что подобные стрелы использовали и тюркские воины евразийских степей позднего Средневековья и Нового времени.

Ещё один термин в героических эпосах, связанный со стрелами — это *масақ оқ,* который можно перевести дословно как «наконечник-стрела». К примеру, стрела с таким наименованием встречается в эпосе *Мәулімнияз-Едіге*[16], где Едиге говорит своему сыну:

Достань мне дорогой, скорей,
Калмыцкое оружие[17]*,*
[Стрелу] со вставленным наконечником,
И садак-лук, который висит[18]

---

[15] *Тартып қалды ол оқты,*
Атқан оғы жетеді,
Өңменінен ол өтеді.
Басы үзіліп қалмақтың,
Жерге түсіп жатады (Бабалар сөзі 51: 88—89).

[16] Этот эпос в конце XIX — начале XX вв. исполнял известный в Арало-Сырдарьинском регионе сказитель Нуртуган Кенжегулулы (Бабалар сөзі 39: 405, 406).

[17] Упоминание «калмаков» рядом с золотоордынским беклярибеком Едиге конечно является анахронизмом. Но ногайлинские-казахские эпосы пелись в основном XVIII—XIX вв., когда тюркские кочевники Евразии вели войны с ойратами. В годы казахско-джунгарских войн XVII—XVIII вв. среди казахских воинов большим спросом пользовались «высококачественные калмыцкие стрелы» (Кушкумбаев 2001: 54). Мы считаем, что этот «спрос» оставил след и в произведениях казахских сказителей указанного периода.

[18] *Алып бер жылдам, шырағым,*
Қалмақтың қару-жарағын.
Салулы тұрған масақпен,
Ілулі тұрған садағын (Бабалар сөзі 39: 249).

Встречаемый в этом эпосе термин «масақ» в традиционной военной лексике казахского языка В.В. Радлов трактует как «масак — [Kir. — казахский — *А.У.*] желѣзный наконечникъ стрѣлы» (Радлов 1911b: 2052, 2058). Однако, в казахстанских оружиеведческих трудах существует мнение, что *масақ* — это «оперение стрелы», который напоминает «колос». Причина, по которой эта стрела называется *масақ* заключается в том, что, когда стрела втыкается в землю, её оперение похож на колос пшеницы (Ахметжанов 1996: 54). При более глубоком изучении мы обнаружили, что этот термин происходит от древнетюркского «башақ» («головка»). По лингвистическим закономерностям взаимозамены звуков *б*/*м* в тюркских языках, слово *башақ,* произошедшее от древнетюркского корневого «баш» («голова»), в кыпчакских диалектах эволюционировало в «машақ» ~ «масақ» (Қазақ тілінің қысқаша... 1966: 143).

Действительно, это раскрывается в следующих словосочетаниях, встречающихся в словаре *Диуани Лугат ат-Тюрк* Махмуда Кашгари, жившего в XI в. в эпоху Караханидов: «башақ بشق наконечник стрелы, острие копья», далее «башақлан بشقلن снабжаться острием, наконечником», «башақлā بشقل снабжать острием» (Махмуд ал-Кашгари 2005: 358, 662, 992). В более поздних тюркских письменных источниках также фиксируется термин «башақ» в качестве синонима наконечника стрелы. Так, например, в *Кара таварих* Утемиш-хаджи (XVI в.) есть фрагмент, где правитель Мавреннахра Тимур поручает своим лекарям вынимать наконечник стрелы из раненных ног золотоордынского хана Тохтамыша: «удалили у него из ноги наконечник стрелы»[19] (Утемиш-хаджи 2017: 55). Также в этом источнике отмечается, что в одном из битв золотоордынскому хану Кебеку «... между ребрами попала стрела. Наконечник стрелы остался в лёгких, и хан некоторое время не мог ходить. Как только он начал ходить, это пошло ему во вред. Его лёгкие начали гнить. Через три месяца он скончался»[20] (Утемиш-хаджи 2017: 67—68). Подводя итог, по нашему мнению, слово *масақ* в ногайлинско-казахском эпосе означает насаживаемая на стрелу или на древко копья или пики «головка», т.е. «наконечник».

Следующее наименование стрел, встречающийся в ногайлинско-казахском героическом эпосе — *сайкез оқ,* что в переводе на русский язык означает «*сайкез*-стрела». К примеру, в эпосе *Жантай-батыр*[21] упоминается *сайкез оқ* в составе комплекса вооружения торгоутов (калмыков), живших по соседству с казахами в XVIII в.:

Стрелы — сайкез, бронебойная, козы джаурын,
Размахивая булавой, вынимает селебе-тесак[22]

В словаре В.В. Радлова термин *сайкез* объясняется как «эпитетъ стрѣлы длиною въ аршинъ (кез)» (Радлов 1911a: 219). Здесь этот термин состоит из двух корневых слов: *сай* — это одно из альтернативных наименований стрелы, а *кез* — единица измерения, т.е. обозначает «стрелу длиной в один аршин». Однако в древнетюркских письменных памятниках глагол *saj* встречается в значении «прокалывать», «пронзать» (Древнетюркский словарь 1969: 481). Также в словаре Махмуда Қашгари *Диуани Лугат ат-Тюрк* термины *сай* и *кез* встречаются как отдельные слова. В этом словаре термин *сай* упоминается вместе со

[19] «... жерраһлар келтүрүб айагыдагы башагын алдурды ...» (Утемиш-хаджи 2017: 128).

[20] «... ұара ұабургасы түбидин ук кериб үбкәсикә җәрәхәт кылуб ирди, укның башакы анда калыб ирди, бер нечә вакыт бервай кылмады, йүриди, суң за- рар күлүб үбкәси жүрүб, үч айдин суң вафат булды» (Утемиш-хаджи 2017: 142).

[21] Эпос впервые исполнен в XVIII в. казахским сказителем Умбетей из рода канжыгалы, племени аргын. Эпос про казахского богатыря Жантая времен казахско-джунгарских войн в XVII—XVIII вв. после Умбетея непрерывно исполнялся сначала *бием* Бапаном, затем *абызом* Байсерке, от него исполнял Аткыбай *акын* (правнук Умбетея), от него — *акыны* Толеш и Жумагул. В 1953 г. Галымжан Мукатов впервые записал эпос из уст самого *акына* Жумагула (Бабалар сөзі 60: 412—414).

[22] *Сайкез оқ, сауытбұзар, қозы жаурын,*
Гүрзі сілтеп, селебе суырады (Бабалар сөзі 60: 338).

словом «панцирь», например, *saj jarïq* (пер. «панцирь»), а слово *kez* означает не единицу измерения, а «хвостовую часть стрелы», т.е. оперение (Древнетюркский словарь 1969: 305, 481). В целом можно отметить, что слово *сай* у древних тюрков использовалось в значении «вооружения, пригодные к войне». На основе приведенных данных мы можем заключить, что термин *сайкез,* встречающийся в ногайлинско-казахском героическом эпосе, берёт своё начало с эпохи Тюркских каганатов и обозначает один из видов боевых стрел.

Один из редко встречаемых наименований стрел в тюркском героическом эпосе — это *қасалақ оқ*. Данный термин не имеет аналогов в русском языке (как и *сайкез*), поэтому в виду его специфичности перевод не представляется возможным. К примеру, в эпосе *Мырқы-батыр*[23] упоминается стрела с таким названием:

Утопив садачную стрелу-касалак в крови,
Для того, чтобы воодушевить мусульман[24]

В этом отрывке следует обратить внимание, что термин *садақ* используется в значении «лук». Касательно термина *қасалақ*, то в *Толковом словаре казахского языка* дается такая справка: «ҚАСАЛЫ — «один из видов стрел лука» (Қалиев 2014: 345), а в *Региональном словаре казахского языка* этот термин в лексике казахов Семиречья и Чу показывается как «стрела лука» (Қазақ тілінің 2005: 398). По нашему мнению, это одно из обозначений бронебойных стрел.

В ногайлинско-казахском героическом эпосе представлены не только физико-динамические характеристики (в основном, методом гиперболизации) стрел для уничтожения противника, а также биологическо-химические оформления стрел — *улы оқ,* что на русский язык переводится как «ядовитая стрела». В рассматриваемом нами эпосах герои-батыры используют ядовитые или отравленные стрелы. Например, в вышеприведённом варианте эпоса *Төрехан-батыр*, главный герой утверждает, что его противники заслуживают ядовитые стрелы:

Оба они заслуживают,
Ядовитые стрелы из садака-саржа[25]

В качестве еще одного примера можно привести эпизод из так называемого «Пыльного похода» времен казахско-ойратских войн в эпосе *Жантай-батыр,* когда ойраты атаковали казахского богатыря Сары отравленными наконечниками стрел:

На войне козы джаурын — бронебойная,
Спасет ли джебе — отравленная[26]

Судя по письменным источникам, воины-кочевники Великой степи начали использовать ядовитые наконечники стрел со скифо-сакских времен. По сведениям древнегреческого философа Аристотеля (384—322 гг. до н.э.) крымские скифы изготавливали яд из смеси трупов молодняка гадюкообразных змей (Viperinae) и крови человека, закапывая ее в навозе

[23] Данный эпос был записан арабицей в начале XX в. со слов Ашим *акына*, жившего на территории современного Каскеленского района Алматинской области, РК (Қазақ қолжазбаларының 1975: 303, 304). Мыркы-батыр является народным героем казахских племен Семиречья (уйсун, найман, джалаир), который воевал вместе с соседними кыргызскими племенами против джунгарских захватчиков в XVIII в.

[24] *Садақтың қасалағын қанға көміп,*
Көңілін мұсылманның өсіретін (Бабалар сөзі 59: 285).

[25] *Екеуіне керегі,*
Сарыжаның улы оғы еді (Бабалар сөзі 46: 404).

[26] *Соғыста қозыжаурын, — сауытбұзар,*
Сұр жебе құтқара ма — уыты бар (Бабалар сөзі 60: 353).

и ожидая полного разложения трупов змеи, а затем обмазывали получившимся составом наконечники стрел (Латышев 1890: 381).

Наличие словосочетаний и терминов, связанных ядовитыми стрелами в военном лексиконе древних тюрков указывает на то, что воины Тюркского, Уйгурского каганатов также использовали отравленные стрелы в боевых действиях. Так, в словаре Махмуда Кашгари *Диуани Лугат ат-Тюрк* есть словосочетание «қатут луғ уқ», что в переводе «наконечник, который смазан ядом» (Махмуд ал-Кашгари 2005: 679). Письменными источниками подтверждается, что и у тюрко-монгольских воинов Золотой Орды XIII в. в колчанном наборе имелись стрелы, наконечники которых были смазаны растительным или животным ядом (Матузова 1979: 152; Немеров 1987: 219). Судя по произведениям казахских *акынов*-сказителей XIX в., воины-кочевники восточного Дешт-и-Кипчака использовали такие специально обработанные ядом стрелы вплоть до позднего Нового времени.

Следующее наименование стрел в ногайлинско-казахском героическом эпосе — это *берен оқ,* который можно перевести как «стрела-*берен*». Так, в эпосе *Сорок батыров Крыма* эпический хан калмыков Асан в одном из сражений пытался поразить ногайского богатыря Мусу[27] разными видами стрел, среди названий которых была и стрела-*берен*:

И взял он стрелу, называемый берен,
И пустил ее тоже [в него],
Опять не смогла [его] стрела,
Поразить и пробить [тело Мусы][28]

В ногайлинско-казахских героических эпосах, один и тот же термин, как отдельно, так и в сочетании, передаёт несколько похожих или совсем разных видов оружия. Так, например в словаре В.В. Радлова термин *берӓн* переведён как: 1. (на чагатайском языке) «лучший бархат»; 2. (на кыргызском языке) «лучшая сталь» (Радлов 1911b: 1596). По мнению тюрколога и филолога А.Т. Кайдарова, слово *берен* произошло из персидского языка и изначально означало «лучший вид беркута», однако в казахском фольклоре функциональная семантика этого термина стала использоваться применительно к живым и неодушевленным предметам, конкретно к воинскому вооружению в обозначении его «превосходства», «прочности», «мощи» (Кайдаров 1973: 30). Следовательно, в этом эпосе стрела *берен,* которой эпический хан калмыков Асан хотел поразить Мусу, представлена как особая, мощная стрела из высококачественной стали.

Вооружению мусульманских народов, живших в составе Джунгарского государства в период XVII—XVIII вв., посвящен цинский письменный источник XVIII в. *Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи.* В нём есть отдельные тексты о стрелах воинов-мусульман Центральной Азии. Например, слово *оқ* обозначается как «*Окэ* / *аокэ* / *экэ* (鄂克). *Стрелы* (*кит. цзянь* 箭). *Из лучшей стали* (*кит. «биньте* 鑌鐵) *делают наконечники*» (Бобров, Пастухов 2021: 207, 208). Учитывая вышеприведённый вариант перевода термина «берен» в словаре В.В. Радлова как «лучшая сталь», а также описание этого вида стрел в китайском письменном источнике, мы можем предположить, что рассматриваемый нами наименование стрел *берен оқ* — «стрела-*берен*» в китайских источниках представлен как «*биньте* 鑌鐵».

Если мы обратим внимание на один малопримечательный момент в вышеприведённых фрагментах эпоса, то можем заметить, что воины—батыры в целях поражения врага зачастую вынимают различные виды стрел из своих колчанов. Например, в эпосах воины в

[27] Эпический *Муса* является реальным историческим лицом, потомком Едиге, который зафиксирован в русских письменных источниках как правитель Ногайской орды конца XV—XVI вв. (Жирмунский 1974: 415).

[28] *Және тұрып, берен деген оқ алды,*
Оны тартып тағы алды,
Тартып қалса, ол оғы,
Онысы да өтпеді (Бабалар сөзі 50: 153).

течение одного поединка, обычно сперва применяют *қозы жауырын оқ* (*лопатковидную* стрелу), после нее в случае неудачи — *сауыт бұзар оқ* (*бронебойную* стрелу), а если и тогда не поражают цель, то стреляют *берен оқ* (стрелу из *лучшей стали*) и т.д. Так, в *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме* описывается эпизод одного из сражений между шибанидом Мухаммедом Шайбани и казахским Бурундук-ханом, где шибанидский военачальник Шайх Мазид-бахадур, вероятно с двумя разными видами стрел остановит атаку Бурундук-хана: «Когда все подоспели и отбивали [нападение врага], Шайх Мазид-бахадур из омака маджар поразил двумя стрелами Бурундук-хана» (МИКХ 1969: 22).

Косвенное подтверждение этим действиям воинов-кочевников мы находим и в археологических источниках. Так, в археологических памятниках, относящихся к периоду Тюркского каганата, Золотой Орды в одном колчане были найдены разные виды наконечников стрел (Di Cosmo 2002: 149; Ахмедов 2009: 163, 164; Худяков 2009: 175), а также стрелы с оперением, окрашенные в желтые, синие и др. цвета (Медведев 1966: 55). Очевидно, что на поле боя все эти стрелы использовались для поражения разных целей.

Эти археологические данные коррелируют с рассматриваемыми нами фольклорными источниками. Так, в ногайлинско-казахских героических эпосах встречаются такие наименования стрел, как *сұр жебе* (*серое джебе*), *сары жебе* (*желтое джебе*), *көк жебе* (*синее джебе*), *ақ жебе* (*белое джебе*). В эпосе *Төрехан-батыр*[29] главный герой во время поединка в определённый момент среди множества стрел выбирает *серое джебе*:

Сунул руку в колчан-корамсак,
Ощутив полных стрел.
Среди множества стрел,
Взял стрелу, называемое серое джебе[30]

Кроме этого, в эпосе *Қарасай*, *Қази*[31] упоминается *желтое джебе* хана Адиля[32] во время его битвы с сефевидами:

В [момент], когда сражался один,
Захрустив [вдруг] от середины,
Сломалось [надвое] желтое джебе[33]

В эпосе *Қобыланды-батыр*[34] во время поединка между калмыкским богатырем Шойынкота с Кобыланды говорится о *синем джебе*:

[29] Данный вариант эпоса впервые записан Бисеном Саримановым в 1941 г. в Гурьевской области, Казахской ССР (ныне Атырауская область, РК), однако имя сказителя неизвестно (Қазақ қолжазбаларының 1975: 300, 301).

[30] *Қорамсаққа қол салды,*
Қол салғанда мол салды.
Көп оғының ішінен,
Сұр жебе деген оқ алды (Бабалар сөзі 46: 423—424).

[31] Данный вариант эпоса *Қарасай, Қази* исполнял известный в Актюбинском регионе казахский поэт-сказитель Кудайберген Шокаев в первой половине XX в. Эпос впервые был записан Иманбаем Уйыкбаевым в 1947 г. (Бабалар сөзі 41: 416, 417). Эпический *Кази-батыр* идентифицируется с реальным историческим персонажем — Гази-*бием* (ум. в 1576 г.), основателем *Казыев юрта* — Малой Ногайской орды в Приазовье, во второй половине XVI в. Кроме того, эпический *Карасай-батыр* тоже является историческим лицом — родным братом Гази-*бия*, который в русских письменных источниках зафиксирован как *Карашай-мурза* (Трепавлов 2016: 400, 633). Оба являются потомками золотоордынского беклярибека и темника Едиге.

[32] Эпический *Адиль хан* — это чингизид Адиль-Гирей (казн. в 1579 г.), реальное историческое лицо, брат и наследный принц (*калга*) крымского хана Мухаммед-Гирея II (время правл. 1577—1584 гг.) (Жирмунский 1974: 499).

[33] *Бір өзі ұрысып тұрғанда,*
Ортасынан шарт етіп,
Сары жебесі сынады (Бабалар сөзі 41: 195).

Сунув руку в колчан-корамсак,
Вынимая синее джебе[35]

Окрашивание древок стрел воинами было связано с необходимостью быстрого извлечения из колчана в момент боя стрелы, необходимой для поражения определённой цели. Также, это можно рассматривать как личный знак хозяина стрелы (Кушкумбаев 2001: 52, 53). Но в то же время, в разные цвета (синий, желтый, красный и др.) окрашивали и оперение стрел (Кушкумбаев 2011: 68). Таким образом, мы можем утверждать, что тюрко-монгольские воины в эпоху Средневековья и в Новое время имели в колчанах не один вид стрел, а применяли различные их виды и наименования для уничтожения соперника одновременно в конкретном сражении.

Следующая проблема, которую мы хотим рассмотреть, это количество граней у наконечников стрел. Сказители ногайлинско-казахских героических эпосов иногда рассказывают о гранях наконечников. К примеру, в эпосе *Ер Қосай*[36] упоминается *алты қырлы ақ жебе* (*шестигранное белое джебе*) (Бабалар сөзі 44: 112), а вышеприведённом эпосе *Қисса Нәрікбай-Шора*, Нарык коротко характеризует четырёхгранную стрелу:

Сурово оно по виду,
С четырьмя гранями джебе[37]

По археологическим данным известно, что кочевые племена, населявших территорию Казахстана и сопредельных территорий в позднем Средневековье и Новое время использовали трёхгранные, четырёхгранные, и др. наконечники стрел (Худяков 2009: 174; рис. 1: 10, 11; Бобров, Худяков 2008: 98; рис. 16: 6).

Однако, в героических эпосах встречаются и *шестигранные, восьмигранные* наконечники. Так, в эпосе *Қарасай, Қази*[38] ногайский богатырь Карасай воспевает:

Обмакнем в крови насад,
Восьмигранного джебе[39]

Здесь не стоит забывать, что под термином *джебе* в эпосе могли описываться не только наконечники стрел, но также и наконечники копий. Как бы то ни было, мы считаем, что согласно простой эпической традиции, сказители возможно немного преувеличивали свойства и значение описываемых предметов, хищных животных и других вещей, что соответствует применению метода гиперболизации в эпических сказаниях. Хотя шестиугольные по форме, черешковые, с плоским сечением пера железные стрелы-срезни принадлежащие к тюрко-монгольским воинам Золотой Орды были найдены в Прикубанье (Медведев 1966: 59; рис. 5: 1).

---

[34] Этот вариант эпоса про *Кобыланды-батыр* исполнял поэт-сказитель из Актюбинского региона Садуакас Дильман в начале XX в. Впервые был записан в 1969 г. Галымом Ахмедовым (Қазақ қолжазбаларының 1975: 226, 227). Қобыланды-батыр является реальным историческим лицом, общим героем ногаев, казахов, который происходил из племени кыпчак (Жирмунский 1974: 498, 515). Согласно устной традиции казахов, был приближенным военачальником хана *кочевых узбеков* — Абулхаира (время правл. 1430—1468).

[35] *Қорамсаққа қол салды,*
Суырып алып көк жебе (Бабалар сөзі 37: 417).

[36] Эпос про *Ер Косай* был записан фольклористом Асаином Хангельдином в 1941 г. из народных уст Западного Казахстана и Приаралья. Данный вариант эпоса возможно исполнялся сказителями указанного региона примерно в конце XIX — первой половине XX в. (Қазақ қолжазбаларының 1975: 288—290).

[37] *Түсі суық келеді,*
Төрт қырлап соққан жебенің (Бабалар сөзі 45: 118).

[38] Указанный вариант эпоса *Қарасай, Қази* исполнял известный актюбинский поэт-сказитель Нурпейис Байганин на рубеже XIX—XX вв. Впервые записан примерно в 1940-х гг. (Бабалар сөзі 41: 412—416).

[39] *Сағасын қанға малармыз*
Сегіз қырлы жебенің (Бабалар сөзі 41: 108).

В рассматриваемых нами эпосах также можно найти информацию о сечении? и материале древки стрелы. Например, в эпосе *Қобыланды-батыр*[40], главный герой воспевает перед своей невестой Куртка:

На мое кубическое? джебе,
Найдется ли древко из сосны?[41]

Если обратим внимание на первую строку фрагмента эпоса, то обнаружим, что речь идёт о каком-то *текшедейін оқ*, что возможно дословно переводится как «кубическое джебе-стрела». А во второй строке говорится о сосновом древке. В казахском языке слово *текше* означает «куб», который применяется к геометрическим формам, сделанной ровными гранями со всех сторон, где каждая сторона представляет квадрат. Кроме того, в словаре В.В. Радлова термин *текше* переводится: «текшä [Kir. — казахский — *А.У.*] — ящикъ» (Радлов 1905: 1025), которое применялось в быту в отношении сундука и др. тарам, имеющим квадратно-кубическую форму. Здесь можно допустить, что под *текшедейін оқ* говорилось о стреле-*джебе* хранящейся в сундуке. Но на наш взгляд, в данном фрагменте вероятно имелось в виду о квадратном в сечении наконечнике стрел. Археологические материалы подтверждают, что золотоордынские воины-кочевники времён позднего Средневековья действительно использовали железные, черешковые, пирамидальные и бипирамидальные с квадратно-ромбовидным сечением бронебойные наконечники стрел (Фёдоров-Давыдов 1966: 27; рис. 3: Б I, Б II, Б III, Б IV, Б V), которые по всей видимости предназначались для пробивания кольчатых доспехов.

В репертуаре степных сказителей встречаются сведения об одном из важных элементов стрелы — длине древка. Однако они по большей части гиперболизированы. К примеру, в эпосе *Қамбар-бахадүр*[42] эпический Азимбай-хан встречает прибывшего в ханскую ставку Келменбета следующими словами:

Пусть твои сорокааршинные стрелы на садаке,
Для неверных будут в достатке[43]

Из этого отрывка мы можем заметить, что автор под термином *садак* подразумевает «лук», а под числительным *сорок,* которое в тюркских языках имеет значение «много» (Гордлевский 1945: 144), обозначено относительная длина стрел. Таким образом, сказитель хотел показать слушателям длину стрел.

Тем не менее, в ногайлинско-казахских героических эпосах встречаются описания длины стрел, совпадающие с их реальной величины. К примеру, в эпосе *Сорок батыров Крыма* есть такое описание стрелы ногайлинского богатыря Каргабойлы:

Для этой стрелы [длиною] в двенадцать тутам,
Не было никаких преград[44]

---

[40] Вариант эпоса исполнялся сказителем Кулзаком Амангелдиулы, родившийся в 1886 г. нынешнем Нуринском районе, Карагандинской области, РК. Впервые был записан из его уст собирателем фольклора Дакеном Шалабековым в 1954 г. (Қазақ қолжазбаларының 1975: 207—208).

[41] *Текшедейін жебеме*
Қарағай сап болар ма? (Бабалар сөзі 35: 167).

[42] Данный эпос об эпическом *Камбар-батыре* записан примерно во второй половине XIX в. из народных уст у представителей казахских родов (уак?) степного края русскими исследователями. Впервые был представлен читателям в 1890 г. в Санкт-Петербурге (Қазақ қолжазбаларының1975: 135, 133).

[43] *Садағыңа салған қырық кез оқ,*
Кәпірге атсаң мол болсын (Бабалар сөзі 43: 26).

[44] *Он екі тұтам бұл оқтың,*
Өтпейтін жері жоқ еді (Бабалар сөзі 51: 215).

Традиционная казахская единица измерения *тұтам* — равна ширине сжатого кулака взрослого человека. Один аршин примерно равняется двенадцати *тұтам* («кулак») (Ахметжан 2007: 168—170). Таким образом, длина стрелы из данного отрывка равна двенадцати кулакам, т.е. одному аршину, что приблизительно составляет 60—80 см.

Существуют письменные сведения, указывающие, что стрелы воинов Великой степи эпохи позднего Средневековья и Нового времени, «длиннее» обычного (от 70 см до 100 см). В летописи Кадыр Али-бека *Джами ат-таварих* (начало XVII в.) «длинная стрела» упоминается в контексте характеристики будущего золотоордынского хана Хаджи Мухаммеда (ум. 1427 г): «В то время Хаджи Мухаммед был уланом. Он проезжал мимо в другую область. Сам он был ужасным храбрецом, рослым и статным. Его стрелы были длинными»[45] (Кадыр Али-бек 2022: 168). Позднее, посол короля Польши Стефана Батория польский дворянин Мартин Броневский, отправленный ко двору крымского хана Мухаммед-Гирея II в 1578 г., в своих записках о путешествии по степям Крыма писал, что воины-кочевники в бою используют «длинные и быстрые стрелы» (Броневский 1867: 365). Учитывая эти письменные данные, полагаем, что воины-кочевники Дешт-и-Кипчака в позднем Средневековье и в Новое время использовали «длинные стрелы», что коррелируется с фольклорными материалами тюркских народов указанного периода.

Следующий важный конструктивный элемент стрел — оперение, крепящееся к хвосту древка стрелы. От оперения зависит меткость стрельбы, и траектория полета стрелы. Воины-кочевники цепляли к хвосту стрелы перья орла, грифа, стервятника и других хищных птиц (Курылев 1978: 16; рис. 8; Ахметжан 2007: 60; рис. 64). В ногайлинско-казахских героических эпосах встречаются стрелы с перьями грифа, крылатые стрелы и др. К примеру, в эпосе *Қарасай, Қази*[46], ногайский *мурза* Исмаил[47], оплакивая своего родственника Орака[48], перечисляет его достоинства и оружие:

С перьями грифа полных стрел,
С несгибаемым золотым садаком[-луком][49]

Еще в качестве примера, в эпосе *Сорок батыров Крыма*, сын Едиге Нурадин[50] стреляет в сефевидов *крылатыми* стрелами:

Были крылья у его стрелы,
Не только [с крыльями], но также
Полно было булатных [джебе][51]

В период от раннего Нового времени до этнографического периода казахские воины на стрелы приклеивали в основном перья грифа. Оперение крепилось в нижней части древка,

[45] «Ol vaqtda Ḥācī Muḥammad ulan ėrdi. Bir vilāyatqa (öt) ötüp barur ėrdi. Özi yavlaq bahādur, boyluq sïnlïġ ėrdi. Oqlarï uzun ėrdi» (Кадыр Али-бек 2022: 109).

[46] Данный вариант эпоса впервые был записан в 1924 г. крупным казахским политическим, государственным деятелем Халелем Досмухамедовым из уст казахского сказителя Ыгылмана Шорекулы, жившего в низовьях реки Яик (Урал) (Бабалар сөзі 41: 403).

[47] Реальное историческое лицо, который очень много зафиксирован в русских источниках в качестве правителя Ногайской орды (ум. 1563 г.), сын Мусы, потомок Едиге (Жирмунский 1974: 415).

[48] Эпический *Орак* идентифицируется с ногайским *мурзой* Ураком (ум. ок. 1549 г.), сыном Алчагира, сына Мусы, потомков Едиге (Жирмунский 1974: 424, 491).

[49] *Күшіген жүнді көп оқты,*
Қайрылмас алтын садақты (Бабалар сөзі 41: 16).

[50] Эпический герой *Нурадин* является реальным историческим лицом — Нуриддином, сыном Едиге (Жирмунский 1974: 433, 490).

[51] *Оғының бар-ды қанаты,*
Жалғыз емес ол оғы,
Толып жатыр болаты (Бабалар сөзі 50: 130).

иногда с четырёх сторон (Курылев 1978: 19). Как мы уже отмечали выше, это делалось для правильной траектории полёта стрелы. В вышеуказанном цинском источнике *Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи* есть сведения об оперении стрел мусульманских воинов XVIII в. Так, стрелы с оперением «(*кит. гань ю юй чжэ* 桿有羽者) предназначены для дальнего полета, а стрелы, которые имеют ворс «(*кит. мао* 毛)», использовались для стрельбы на ближней дистанции (Бобров, Пастухов 2021: 207). Обращает на себя внимание то, что древко с перьями, «взятыми из передних перьев правого крыла птицы, вертелась на лету направо и причиняла рану соответственно своему полету, а с левого крыла — в обратную» (Немеров 1987: 219).

Выводы. Частое упоминание стрел в ногайлинско-казахском героическом эпосе свидетельствует о том, что они занимали значительное место в комплексе вооружения тюрко-монгольских кочевников Евразии позднего Средневековья и Нового времени, что подтверждается археологическими и письменными источниками. Данное оружие не только обеспечивало высокую мобильность тюрко-монгольских воинов-кочевников, составлявших во многом лёгкую конницу, но и способствовало их превосходству в бою над противником. Если другое оружие можно было использовать только в определённых местах и только в условиях рукопашного боя с противником, то оружия дистанционного боя — луки и стрелы-*джебе* были востребованы, как в ходе наступательного, так и оборонительного боя и даже в момент отхода и бегства (стрельба с коня назад). Такой тактике и меткости стрельбы кочевники практиковались с раннего возраста.

Конечно, мы хорошо понимаем, что произведения фольклора не лишены характерной для него гиперболизации и анахронизмов, преувеличения событий и сюжетов в пафосном контексте. Однако, в ходе исследований мы обнаружили, что фиксированные названия материальных предметов (в нашем примере традиционное вооружение тюрко-монгольских кочевников) в эпосе, являются реальной, неотъемлемой частью этнокультурной жизни народов, породивших эти героические эпосы.

В целом, сопоставление описаний метательного оружия дистанционного боя (стрел-*джебе*) в ногайлинско-казахском эпосе с подлинными образцами из археологических памятников и письменных источников, показало высокий уровень корреляции фольклорных и вещественных источников. Подводя итог, необходимо отметить, что многие названия и виды стрел воинов-кочевников, упомянутые в ногайлинско-казахском героическом эпосе, соответствуют их подлинным образцам, которые применяли воины-номады Великой степи в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Поэтому введение в научный оборот и дальнейший анализ фольклорных произведений, и ногайлинско-казахский героический эпос в частности, представляется актуальной научной задачей. Материалы тюркского эпоса могут полноправно привлекаться в рамках комплексного анализа источников по изучению военно-культурного наследия крымских татар, ногаев, казахов, татар, ойратов указанного исторического периода.

Литература

Абткаримов У.М. 2019. Ногайлинский героический эпос «Қарасай-Қази» и лиро-эпос «Әділ-сұлтан»: историческая парралель на основе письменных источников. *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева* 2 (127), 34—46.

Агатай У.М., Сабитов Ж.М. 2022. Корпусное защитное вооружение кочевников в ногайлинско-казахских героических эпосах. *Былые годы* 17 (4), 1500—1512.

Ағатай Ө.М. 2021. Қазақ ақын-жыраулары жырлаған ноғайлы батырлық дастандарының қысқаша тарихнамасы. Жылқыбай Г.Қ. (ред.). *«XXI ғасырдағы түркі әлемінің интеграциясы және қыпшақтық фактор» халықаралық конференциясының материалдары*. Шымкент: Әлем, 29—36.

Ахмедов С.А. 2009. Погребения монгольских воинов из Мингечаура и защитный вал Абага-хана как неизученный аспект истории войн Золотой Орды и государства Ильханов. *Золотоордынская цивилизация* 2, 162—169.

Ахметжан К.С. 2007. *Этнография традиционного вооружения казахов*. Алматы: Алматыкітап.

Ахметжанов Қ.С. 1996. *Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері)*. Алматы: РГЖИ «Дәуір» АО «Томол».
Бабалар сөзі 35: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2006. Т. 35. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 37: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2006. Т. 37. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 39: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2006. Т. 39. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 41: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2007. Т. 41. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 43: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2007. Т. 43. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 44: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2007. Т. 44. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 45: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2007. Т. 45. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 46: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2008. Т. 46. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 50: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2008. Т. 50. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 51: Қосан С. (ред.). *Батырлар жыры*. 2008. Т. 51. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 56: Қорабай С. (ред.). *Тарихи жырлар*. 2009. Т. 56. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 59: Қосан С. (ред.). *Тарихи жырлар*. 2010. Т. 59. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 60: Қосан С. (ред.). *Тарихи жырлар*. 2010. Т. 60. Астана: Фолиант.
Бисембаев А.А. 2003. *Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII—XVIII вв.)*. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии.
Бобров Л.А. 2016. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV — середины XVII вв. *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск V. *Стояние на реке Угре 1480—2015*. Ч. II, 210—388. URL: http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov/ (дата обращения 20.06.2023).
Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. 2021. *Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ*. Новосибирск: ИПЦ НГУ.
Бобров Л.А., Пастухов А.М. 2021. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи». *Монголоведение*. Т. 13. № 2, 186—221.
Бобров Л.А, Худяков Ю.С. 2008. *Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
Бобров Л.А., Шейхумеров А.А., Сальников А.В. 2018. Колющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440—1650-х гг. (по материалам письменных источников). *Былые годы* 49 (3), 884—914.
Броневский М. 1867. Описание Крыма. *ЗООИД*. Т. VI. Отд. 2. *Сборник материалов*. Одесса: Городская типография, 333—367.
Валиханов Ч.Ч. 1985. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. В: Маргулан А.Х. (отв. ред.). *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии.
Горбунов В.В. 2006. *Военное дело населения Алтая в III—XIV вв*. Ч. II. *Наступательное вооружение (оружие)*. Барнаул: Алтайский университет.
Гордлевский В.А. 1945. Числительное 50 в турецком языке (К вопросу о счёте в тюркских языках). *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. Т. IV. Вып. 3—4, 135—147.
Древнетюркский словарь 1969: Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. (ред.). *Древнетюркский словарь*. 1969. Ленинград: Наука.
Жирмунский В.М. 1974. *Тюркский героический эпос*. Ленинград: Наука.
Иванов В.А. 2015. *Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия*. Уфа: БГПУ.
Исин А.А. 2002. *Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV—XVI вв*. Семипалатинск: Тенгри.
Кадыр Али-бек. 2022. В: Алимов Р. (перев., комм.), Миргалеев И.М. (ред.). *Джами ат-таварих*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
Кайдаров А.Т. 1973. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этно-лингвистическое объяснение. *Известия АН КазССР* 6, 25—34.
Киракос Гандзакеци. 1976. В: Ханлярян Л.А. (пред., перев., комм.). *История Армении*. Москва: Наука.
Книга Марко Поло 1955: Минаев И.П. (пер.), Магидович И.П. (ред.). 1955. *Книга Марко Поло*. Москва: Государственное издательство географической литературы.
Курылев В.П. 1978. Оружие казахов. В: Абрамзон С.М., Лавров Л.И. (отв. ред.). *Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана*. Ленинград: Наука, 4—22 (Сборник музея археологии и этнографии. Т. 34).
Кушкумбаев А.К. 2001. *Военное дело казахов в XVII—XVIII веках*. Алматы: Дайк-Пресс.

Кушкумбаев А.К. 2011. Лук и стрелы в составе золотоордынского вооружения: вопросы изучения и способы применения боевых средств. В: Васильев Д.В., Марыксин Д.В. (ред.). *Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей памяти В.П. Костюкова*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 45—83.

Қазақ қолжазбаларының 1975: Ысқақов Б. (ред.). *Қазақ қолжазбаларының ғылыми сипаттамасы*. Т. I. Кт. 1. Батырлар жыры. Алматы: Ғылым.

Қазақ тілінің 1966: Ысқақов А., Сыздықова Р., Сарыбаев Ш. (ред.). *Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі*. Алматы: Ғылым.

Қазақ тілінің 2005: Сарыбаев Ш.Ш. (ред.). *Қазақ тілінің аймақтың сөздігі*. Алматы: Арыс.

Қалиев Б. 2014. *Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі*. 2014. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты.

Қоңыратбаев Ә. 1991. *Қазақ фольклорының тарихы*. Алматы: Ана тілі.

Латышев В.В. 1890. *Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. Т. 1. *Греческие писатели*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Маргулан А.Х. 1959. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры. *ТИИАЭ АН КазССР* 7, 248—261.

Марғұлан Ә.Х. 1985. *Ежелгі жыр, аңыздар: Ғылыми-зерттеу мақалалар*. Алматы: Жазушы.

МИКХ 1969: Сулейменов Б. (отв. ред.). 1969. *Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Ч. 1. Алма-Ата: Наука.

Матузова В.И. 1979. *Английские средневековые источники IX—XIII вв*. Москва: Наука.

Махмуд ал-Кашгари. 2005. В: Ауэзова З.-А.М. (пред., перев., комм.). *Диван Лугат ат-Турк*. Алматы: Дайк-Пресс.

Медведев А.Ф. 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. *СА* 2, 50—60.

Немеров В.Ф. 1987. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. *СА* 2, 212—227.

Никоноров В.П., Худяков Ю.С. 2004. «*Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; Москва: Филомэтис.

ПСРЛ VI: *Полное собрание русских летописей*. 1853. Т. VI. *Софийская летопись*. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.

Радлов В.В. 1905. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. III. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Радлов В.В. 1911a. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. IV. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Радлов В.В. 1911b. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. IV. Ч. 2. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Трепавлов В.В. 2016. *История Ногайской Орды*. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость.

Утемиш-хаджи. 2017. В: Миргалеев И.М. (транскр., ред.), Сайфетдинова Э.Г. (транскр., перев.), Хафизов З.Т. (транскр.). *Кара таварих*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Фёдоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (археологические памятники)*. Москва: Московский университет.

Худяков Ю.С. 1986. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука.

Худяков Ю.С. 1991. *Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья*. Новосибирск: Наука.

Худяков Ю.С. 1997. *Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья*. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН.

Худяков Ю.С. 2009. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды. *Золотоордынская цивилизация* 2, 169—180.

Чотбаев А. 2013. *Қазақ даласының ежелгі кешпелілерінің кару-жарақтары*. Астана: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы.

Clauson G. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford: Oxford University Press.

Dawson C. 1955. *The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. New York: Sheed and Ward.

Di Cosmo N. 2002. *Warfare in Inner Asian History: 500—1800*. Leiden; Boston: Brill.

Räsänen M. 1969. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

References

Abtkarimov, U.M. 2019. In *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva (Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University)* 2 (127), 34—46 (in Russian).

Agatay, O.M., Sabitov, Zh.M. 2022. In *Bylye Gody (Bylye Gody)* 17 (4), 1500—1512 (in Russian).

Agatay, O.M. 2021. In: Jılqıbay, G.Q. (ed.). *"XXI gasyrdagy turki aleminin integratsyasy zhane kypshaktyk faktor" khalyqaralykh konferentsiasynyn materialdar*y (*Materials from International Conference "Integration of the Turkic World in the 21st century and the Kipchak Factor"*). Shymkent: Alem, 29—36 (in Kazakh).

Ahmedov, S.A. 2009. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsya (Golden Horde Civilization)* 2, 162—169 (in Russian).

Akhmetzhan, K.S. 2007. *Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov (Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry)*. Almaty: Almatykitap (in Russian).

Akhmetzhanov, K.S. 1996. *Zharagan temir kigender (batyrlardyn qaru-zharagy, a'skeri o'neri, salt-da'sturleri) (Those Who Wear Iron (Weapons of Heroes, Military Art, Traditions)*. Almaty: RGZhI "Dauir" AO "Tomol" (in Kazakh).

Babalar sozy 35: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2006. Vol. 35. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 37: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2006. Vol. 37. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 39: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2006. Vol. 39. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 41: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2007. Vol. 41. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 43: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2007. Vol. 43. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 44: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2007. Vol. 44. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 45: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2007. Vol. 45. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 46: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2008. Vol. 46. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 50: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2008. Vol. 50. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 51: Kosan, S. (ed.). *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. 2008. Vol. 51. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 56: Korabay, S. (ed.). *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. 2009. Vol. 56. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 59: Kosan, S. (ed.). *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. 2010. Vol. 59. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 60: Kosan, S. (ed.). *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. 2010. Vol. 60. Astana: Foliant (in Kazakh).

Bisembaev, A.A. 2003. *Arheologocheskie pamyatniki kochevnikov srednevekovya Zapadnogo Kazakhstana (VIII—XVIII vv.) Archaeological Monuments of the Medieval Nomads of West Kazakhstan 8th — 18th centuries)*. Uralsk: Zapadno-Kazakhstanskii oblastnoi tsentr istorii i arkheologii (in Russian).

Bobrov, L. 2016. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki (History of Military Affairs: Studies and Sources)*. Special Issue V. *Stoyanie na reke Ugre (Standing on the Ugra River) 1480—2015*. Pt. 2. Available at: http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov (accessed 28.03.2016) (in Russian).

Bobrov, L.A., Ozheredov, Yu.I. 2021. *Dospekh voina Dzhamsarana. Tsentral'noaziatskii pantsir'-"kuyak" iz sobraniya MAES TGU (Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian "Kuyak" Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University)*. Novosibirsk: IPTs NGU (in Russian).

Bobrov, L.A., Pastukhov, A.M. 2021. In *Mongolovedenie (Mongolian Studies)*. Vol. 13. Pt. 2, 186—221 (in Russian).

Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.) (The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th — the first half of the 18th century)*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).

Bobrov, L.A., Sheikhumerov, A.A., Sal'nikov, A.V. 2018. In *Bylye Gody (Bylye Gody)* 49 (3), 884—914 (in Russian).

Broniowskii, M. 1867. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of history and antiquities)*. Vol. VI. Pr. 2. Sbornik materyalov (Collection of materials), 333—368 (in Russian).

Valikhanov, Ch.Ch. 1985. In: Margulan, A.Kh. (ed.). *Sobranie cochinenii v pyati tomakh (Collected Works in Five Volumes)*. Vol. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsya Kazakhskoi sovetskoi ensiklopedii (in Russian).

Gorbunov, V.V. 2006. *Voennoe delo naselenia Altaia v III—XIV vv. (Altai Population's Military Science in 3rd — 14th CE).* Pt. II. *(Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (Offensive Weaponry (Arms))*. Barnaul: Altaiskii universitet (in Russian).

Gordlevskii, V.A. 1945. In *Izvestia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka (Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language)*. Vol. IV. Iss. 3—4, 135—147 (in Russian).

Drevnetyurkskii slovar' 1969: Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Sherbak, A.M. (ed.). *Drevnetyurkskii slovar' (Old Turkic Vocabulary)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Zhirmunskiy, V.M. 1974. *Tyurkskiy geroicheskiy epos (Turkic Heroic Epos)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Ivanov, V.A. 2015. *Kochevniki Zolotoi Ordy: istorya, kul'tura, religya (Nomads of the Golden Horde: History, Culture, Religion)*. Ufa: BGPU (in Russian).

Isin, A.A. 2002. *Kazakhskoe khanstvo i Nogayskaya Orda vo vtoroy polovine XV—XVI v. (Kazakh Khanate and Noghai Horde in the second half of the 15th—16th c.)*. Semipalatinsk: Tengri (in Russian).

Kadyr Ali-bek 2022. In: Alimov, R. (transl., comm.), Mirgaleev, I.M. (ed.). *Dzhami at-tavarix (Jami at-tavarih)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Kaydarov, A.T. 1973. In *Izvestia Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki (Bulleten of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic)* 6, 25—34 (in Russian).

Kirakos Gandzaketsi. 1976. In: Khanlyaryan, L.A. (intr., trans., comm.). *Istoria Armenii (History of Armenia)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kniga Marko Polo 1955: Minaev, I.P. (trans.), Magidovich, I.P. (ed.). 1955. *Kniga Marko Polo (Marco Polo book)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury (in Russian).

Kurylev, V.P. 1978. In Abramzon, S.M., Lavrov, L.I. (eds.). *Material'naya kul'tura I khozyaystvo narodov Kavkaza, Sredney Azii I Kazakhstana (The Material Culture and Lifestyle of the Peoples of Caucasus, Central Asia and Kazakhstan)*. Leningrad: Science, 4—22 (Collection of Museum of Archaeology and Ethnography. Vol. 34) (in Russian).

Kushkumbayev, A.K. 2001. *Voennoe delo kazakhov v XVII—XVIII vekakh (Military Affair of the Kazakhs in the 17th — 18th Centuries)*. Almaty: Dayk-Press (in Russian).

Kushkumbayev, A.K. 2011. In Vasil'yev, D.V., Maryksin, D.V. (eds.). *Vopsory istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy: sbornik nauchnykh statei pamyati V.P. Kostyukova (Questions of History and Archaeology of Medieval Nomades and Golden Horde (ad memoriam of V.P. Kostjukov)*. Astrakhan: Izdatel'skii dom "Astrakhanskii universitet", 45—83 (in Russian).

Qazaq qolzhazbalarynyn 1975: Ysqaqov, B. (ed.). *Qazaq qolzhazbalarynyn gylymi sipattamasy (Scientific Description of Kazakh Manuscripts)*. Vol. I. Bk. 1. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Almaty: Gylym (in Kazakh).

Qazaq tilinin 1966: Ysqaqov, A., Syzdyqova, R., Sarybaev, Sh. (eds.). *Qazaq tilinin qysqasha etimologyalyq sozdigi (Brief Etymological Dictionary of the Kazakh Language)*. Almaty: Gylym (in Kazakh).

Qazaq tilinin 2005: Sarybaev, Sh.Sh. (ed.). *Qazaq tilinin aimaqtyq sozdigi (Regional Dictionary of the Kazakh Language)*. Almaty: Arys (in Kazakh).

Kaliev, B. 2014. *Qazaq tilinin tusindirme sozdigi (Explanatory Dictionary of the Kazakh Language)*. Almaty: Memlekettik tilde damytu instituty (in Kazakh).

Konyratbaev, A. 1991. *Qazaq fol'klorynyn tarihy (History of Kazakh Folklore)*. Almaty: Ana tili (in Kazakh).

Latyshev, V.V. 1890. *Izvestya drevnikh pisatelei, grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze (News of Ancient Writers, Greek and Latin About Scythia and the Caucasus)*. Vol. 1. *Grecheskie pisateli (Greek Writers)*. Sankt-Peterburg: Tipografya Imperatorskoi Akademii Nauk (in Russian).

Margulan, A.Kh. 1959. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki)* 7, 248—261 (in Russian).

Margulan, A.H. 1985. *Ezhelgi zhyr, anyzdar: Gylymi-zertteu maqalalar (Ancient Epos, Legends: Research Articles)*. Almaty: Zhazushy (in Russian).

MIKKh. 1969: Suleimenov, B. (ed.). *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV—XVIII vekov (izvlechenya iz persidckikh i tyurkskikh sochinenii) (Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th — 18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic Writings)*. Pt. 1. Alma-Ata: Nauka (in Russian).

Matuzova, V.I. 1979. *Angliislie srednevekovie istochniki IX—XIII vv. (English Medieval Sources of the 9th — 13th Centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mahmud al-Kashgari. 2005. In: Auezova, Z.-A.M. (intr., transl., comm.). *Divan Lugat at-Turk (Divan Lugat at-Turk)*. Almaty: Daik-Press (in Russian).

Medvedev, A.F. 1966. In *Sovetskaya Arkheologya (Soviet Archaeology)* 2, 50—60 (in Russian).

Nemerov, V.F. 1987. In *Sovetskaya Arkheologya (Soviet Archaeology)* 2, 212—227 (in Russian).

Nikonorov, V.P., Khudyakov, Yu.S. 2004. *"Svistyachie strely" Maodunya i "Marsov mech" Attily: Voennoe delo aziatckikh khunnu i evropeiskikh gunnov (The "Whistling Arrows" of Mo-tun and the "Mars Sword" of Attila: Art of Warfare of the Asiatic Hsiung-nu and the European Huns)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; Moscow: Filometis (in Russian).

PSRL VI: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)*. 1853. Vol. VI. *Sofiiskaya letopis' (Sofia Chronicle)*. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa (in Russian).

Radlov, V.V. 1905. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. III. Pt. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Radlov, V.V. 1911a. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Pt. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Radlov, V.V. 1911b. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Pt. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Trepavlov, V.V. 2016. *Istoria Nogaiskoi Ordy (History of the Noghai Horde)*. Kazan: Izdatel'skii dom "Kazanskaya nedvizhimost'" (in Russian).

Utemish-khadzhi. 2017. In: Mirgaleev, I.M. (transcr., ed.), Saifetdinova, E.G. (transcr., transl.), Khafizov, Z.T. (transcr.). *Kara tavarikh (The Black History).* Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov (arkheologicheskie pamyatniki) (Nomads of the East Europe Under the Rule of the Golden Horde khans: Archaeological Monuments).* Moscow: Moskovskii universitet (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia)*. Novosivirsk: Nauka (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatckikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of the Central Asian Nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages)*. Novosivirsk: Nauka (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya (Arms of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages)*. Novosivirsk: IAiE SO RAN (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 2009. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsia (The Golden Horde Civilization)* 2, 169—180 (in Russian).

Chotbaev, A. 2013. *Qazaq dalasynyn ezhelgi koshpelilerinin qaru-zharaqtary (The Armament of the Ancient Nomads of the Kazakh Steppes)*. Astana: A.H. Margulan atyndagy Arheologia institutynyn Astana qalasyndagy filialynyn baspa toby (in Kazakh).

Clauson, G. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford: Oxford University Press.

Dawson, C. 1955. *The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. New York: Sheed and Ward.

Di Cosmo, N. 2002. *Warfare in Inner Asian History: 500—1800*. Leiden; Boston: Brill.

Räsänen, M. 1969. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

DOI: 10.53737/4288.2023.68.82.026

Л.А. Бобров, У.М. Агатай

МОГУЛЬСКИЙ ИЛИ РАННИЙ КАЗАХСКИЙ ШЛЕМ XV — НАЧАЛА XVII ВВ. ИЗ СОБРАНИЯ ЗАЙСАНСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

С некоторых пор известный науке железный шлем из Зайсанского историко-краеведческого музея (ЗИКМ, инв. № 2669) стал объектом специального исследования, комплексной *целью* которого было получение детального представления о месте и обстоятельствах обнаружения, устройстве, размерах, датировке и культурной принадлежности наголовья. *Результаты.* Шлем найден в 1989 г. в местности «Буркут уя» к юго-востоку от г. Зайсан (Восточный Казахстан). Купол шлема состоит из тульи и широкого обруча, придающих наголовью цилиндроконическую форму. Тулья склёпана из девяти пластин, соединённых бронзовыми и железными накладками, и увенчана составным навершием, состоящим из подвершия с фестончатым краем, «яблока» и ступенчатого шпиля. Наголовье датировано XV — началом XVII вв. и отнесено к комплексу вооружения могульских, казахских или, менее вероятно, ойратских воинов. Шлем мог быть выкован как степными оружейниками, так и мастерами одного из городов Средней Азии. Судя по особенностям оформления, ремесленник вдохновлялся образом высоких цилиндроконических шлемов переднеазиатского образца. Высокая научная ценность наголовья из ЗИКМ обусловлена тем, что оно относится к числу самых ранних позднесредневековых шлемов Казахстана.

Ключевые слова: Могулистан, могульский доспех, могульский шлем, казахский шлем, ойратский шлем.

Сведения об авторах: Бобров Леонид Александрович[1], доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет; Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы[2], докторант (археология и этнология), младший научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки МНВО РК.

Контактная информация: [1]630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова 1, Новосибирский государственный университет, e-mail: spsml@mail.ru; [2]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки МНВО РК; e-mail: agatayotkirbay@gmail.com.

L.A. Bobrov, O.M. Agatay

A MOGHUL OR EARLY KAZAKH HELMET OF THE 15th — EARLY 17th CENTURY FROM THE COLLECTION OF ZAISAN REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY

An iron helmet from Zaisan Regional Museum of Local History (ZRMLH; inv. No. 2669) has been studied. In spite of the fact that the headpiece has already drawn scholarly attention, it has never been subject to a targeted research. The *aim* of the study was to elaborate a detailed concept of the place and conditions of its discovery, as well as of the helmet's size and construction, with an eye to specifying its date and cultural attribution. *Results*. It was 1989 when the helmet was found in 'Burkit Uya' ('Eagle's nest') location south-east from Zaisan city (East

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Авторы выражают благодарность и глубокую признательность коллективу Зайсанского историко-краеведческого музея и лично младшему научному сотруднику-экскурсоводу Калибаеву Нурлыбеку Айтмукашулы за всестороннюю помощь в исследовании данного шлема, а также жителю Зайсанского района (ВКО РК) Сасбаеву Аскару Булатбековичу, который обнаружил рассматриваемый шлем и подготовил видеоматериал об обстоятельствах находки.

Статья поступила в номер 14 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© Л.А. Бобров, У.М. Агатай, 2023.

Kazakhstan). The upper part of the helmet is conical, and its lower part is cylindrical. The dome is riveted of nine iron sheets which are joined together with bronze and iron overlays and crowned with a combined top consisting of an ‘apple’ and a ladder-like spire. Latest additions are nasal and ornamented bronze hoop. The typological analysis suggests that the headpiece was made in the 15th — early 17th century and may be ascribed to a set of armament of the Moghuls, the Kazakh or, less possible, the Oirat warriors of that time. The helmet might have been forged either by steppe armorers or craftsmen from a Central Asian city. The design of the helmet indicates that the artisan was inspired by the images of high cylindrical and conical helmets of Western Asia, especially those of Iran, but used local technology. The high scholarly importance of the headpiece from ZRMLH is that it is considered to be one of the earliest late medieval helmets ever found in Kazakhstan.

Key words: Moghulistan, body armour, helmet, the Moghuls, the Kazakhs, the Oirats.

About the authors: Bobrov Leonid Alexandrovich[1], Dr. habil. (History), Professor of Archeology and Ethnography Department, Novosibirsk State University; Agatay Otkirbay Mıltıqbayulı[2], PhD Candidate (Archaeology and Ethnology), junior researcher, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Contact information: [1]630090, Russia, Novosibirsk, 1Pirogov St., Novosibirsk State University, e-mail: spsml@mail.ru; [2]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com.

Защитное вооружение средневековых кочевников Центральной Азии изучается давно и плодотворно. Однако указанная проблематика исследована весьма неравномерно. Наибольший интерес исследователей традиционно привлекают исторические периоды, охватывающие VI—XIV вв. и XVII—XVIII вв., в то время, как доспехи кочевников XV—XVI вв. изучены в значительно меньшей степени. Данный историографический феномен в значительной степени обусловлен спецификой источниковой базы и малочисленностью материалов датированных указанным периодом. Отсутствие эталонных образцов затрудняет всестороннее изучение военно-культурного наследия номадов и не позволяет выявить особенности эволюции защитного вооружения центральноазиатских кочевников на границе позднего Средневековья и Нового времени. В подобных условиях, введение в научный оборот предметов защитного вооружения датированных XV—XVI вв. представляет собой актуальную и весьма важную научную задачу.

В Зайсанском историко-краеведческом музее (ЗИКМ, г. Зайсан, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан) хранится оригинально оформленный клёпаный железный шлем (Инв. № 2669[1]), представляющий значительный научный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружиеведов и этнографов (рис. 1, 2, 3: 1, 2). Несмотря на то, что данный шлем уже привлекал внимание российских и казахстанских учёных (Бобров, Худяков 2002: 129; рис. 12: 3; Ахметжан 2007: 153, рис. 131: 9, 154; 132: 2в, 155; Дашковский, Самашев, Тишкин 2007: 43, 48; фото 11, 91, рис. 39: 1; Ахметжан 2015: 54, 55; рис. 20: 2) он ещё не становился объектом отдельного научного исследования.

Цель данной статьи — представить подробное описание конструкции наголовья, указать его основные размеры, уточнить место и обстоятельства обнаружения, а также датировку и атрибуцию шлема № 2669 из собрания ЗИКМ.

История изучения шлема

Сведения об интересующем нас шлеме были впервые введены в научный оборот казахстанским исследователем К.С. Ахметжаном. Он атрибутировал его, как казахский шлем XV—XVIII вв. и привёл его прорисовку в одной проекции (Ахметжанов 1996: 127; рис. 61: 1).

В 2002 г. наголовье из собрания ЗИКМ привлекло внимание российских исследователей Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова. В их статье, посвящённой защитному вооружению населения Средней

[1] Главная инвентарная книга. Книга V. (2051—3432): 153—154.

Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени, он рассматривался наряду с другими шлемами изучаемого региона. Описание наголовья было проиллюстрировано его графическим изображением (Бобров, Худяков 2002: 129, рис. 12: 3). На основании типологического анализа шлем был датирован концом XV—XVII вв. и отнесён к комплексу вооружения казахских или ойратских воинов данного периода. По мнению исследователей, шлем мог быть изготовлен «оружейниками-*джабатабами* одного из государств Средней Азии» (Бобров, Худяков 2002: 129).

В 2007 г. графическая прорисовка шлема и его небольшая цветная фотография были опубликованы П.К. Дашковским, З.С. Самашевым и А.А. Тишкиным, которые датировали наголовье «монгольским временем» (Дашковский, Самашев, Тишкин 2007: 48, фото 11, 91, рис. 39: 1).

В том же 2007 г. к изучению шлема вернулся К.С. Ахметжан. Он отнёс его к «…составным шлемам второй группы, тулья [которых] состоит из четырех сегментов, соединенных заклёпками… Некоторые типы шлемов этой группы также имеют венец, изготовленный отдельно и соединённый с тульей. Один экземпляр такого типа шлемов, надевавшихся казахскими воинами, имеется в коллекции Жамбылского областного историко-краеведческого музея (ЖОИКМ). Подобные шлемы изображаются и на надмогильных памятниках XVIII—XIX вв. казахов Устюрта и Мангышлака…» (Ахметжан 2007: 155). Данное описание было проиллюстрировано рисунком интересующего нас образца защитного вооружения (Ахметжан 2007: 153, рис. 131: 9; 154; 132: 2в).

Несколько позднее, К.С. Ахметжан уточнил датировку и атрибуцию шлема. Он определил его, как «…четвёртый тип составного шлема, тулья которого набиралась из шести и более сегментов. На шлеме этого типа из Зайсанского музея цилиндрический венец приклёпан к конусовидной тулье, склёпанной из шести сегментов...» (Ахметжан 2015: 54). По мнению исследователя, шлем может быть датирован XVII в. (Ахметжан 2015: 55, рис. 20: 2).

Таким образом, шлем № 2669 из собрания ЗИКМ неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако его детализированные фотографии и размеры ранее не публиковались. Также необходимо отметить, что шлем рассматривался в общем ряду боевых наголовий номадов Центральной Азии и ни разу не становился объектом отдельного (специального) научного исследования. Кроме того, не было достоверно установлено место обнаружения данного предмета защитного вооружения.

Обстоятельства обнаружения шлема

По данным Акта приёма-передачи, шлем был найден учеником 6Б класса школы им. М.В. Ломоносова (г. Зайсан) Аскаром Сасбаевым и его отцом — Булатом Сасбаевым в 1989 г. в местности «Буркут уя» расположенной к югу-востоку от г. Зайсан. Согласно музейной документации, это произошло во время поездки «...на джайляу к родственникам», при этом, «... шлем был одет на верхушку сосны» (Акты приёма-передачи экспонатов основного фонда №№ 900—914: 11).

Эти сведения были существенно уточнены и дополнены самим Аскаром Сасбаевым, который записал видеоинтервью специально для настоящей работы[2]. Согласно его показаниям, летом 1989 г. они с отцом совершали рабочую поездку в «Зайсанские горы» к пастухам. Они остановились в горах в урочище «Буркут уя». Во время прогулки А. Сасбаев присел отдохнуть на камень и неожиданно нащупал справа от него железный шлем.

В том же 1989 г. наголовье было передано Булатом Сасбаевым в музей г. Зайсана. В Акте приёмки-сдачи № 908 от 04.08.1989 г. отмечалось, что его «железные части коррозированные, бронзовые — окислены» (Акты приёма-передач экспонатов основного фонда №№ 900—914: 10).

[2] Имеется в распоряжении авторов публикации.

Описание шлема

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клёпанных, по форме купола — к типу цилиндроконических (рис. 1, 2). Общая высота наголовья — 31,7 см. Лобно-затылочный диаметр — 22,9 см, височный — 23 см. Вес наголовья (без учета отсутствующей бармицы) — 1,135 кг.[3]

Тулья шлема склёпана из девяти пластин-секторов, которые соединяются между собой с помощью заклёпок и накладок. С внешней стороны тульи накладки изготовлены в виде узких бронзовых полос с ярко выраженным продольным ребром жёсткости (средняя длина накладок — ок. 13,7—14,0 см, ширина — 0,4 см). Бронзовые заклёпки имеют полусферическую форму и заметно выступают над поверхностью шлема (рис. 3: 1). Диаметр головок заклёпок: ок. 6—6,5 мм. С внутренней стороны тульи железные накладки выполнены в виде широких пластинок удлинённо-трапециевидной формы (длина — ок. 13 см, ширина — ок. 2 см), а заклёпки снабжены небольшими уплощёнными шляпками (рис. 3: 2).

К тулье шлема приклёпан железный обруч (ширина: 6,7—7,0 см). По его верхнему и нижнему краю прибиты узкие бронзовые ободки с продольным ребром жёсткости. В настоящее время часть ободков утрачено, однако первоначально они проходили по всему периметру обруча (рис. 1, 2). При этом, вертикальные бронзовые накладки и верхний ободок формировали своеобразный «псевдокаркас» шлема.

Поверх железного обруча наклёпан его декоративный бронзовый аналог (ширина — 3,6 см) украшенный выпуклыми умбончиками и рельефными наклонными полосками, выполненными в технике чеканки. По длинным краям бронзового обруча пропущены выпуклые бортики. На затылочной части шлема бронзовый обруч разомкнут (рис. 2: 4), благодаря чему видно, что наголовье было снабжено редкими сквозными отверстиями, предназначенными для крепления бармицы или наушей с назатыльником[4].

Сочетание широкого обруча с конической тульей придаёт шлему характерную цилиндроконическую форму напоминающую силуэт центральноазиатской юрты.

К налобной части шлема прибит наносник с отогнутым бортиком и стреловидными «финалями». Длина наносника — 16 см, ширина — 1,5 см (рис. 1, 2: 1—3).

Согласно рисунку и записям в Акте приёма-передачи ЗИКМ, на лицевой стороне железного обруча располагались многочисленные отверстия и «следы от налобника» (Акты приёма-передачи экспонатов основного фонда №№ 900—914: 11) в настоящее время скрытые декоративным бронзовым обручем.

Венчает наголовье железное навершие (рис. 2: 5) состоящее из подвершия украшенного остроугольными фестонами-«лепестками», гранёного сферического «яблока» (диаметр — 0,8 см) и ярусного шпиля с тремя выпуклыми поясками (длина — 12,4 см).

На поверхности тульи имеются царапины и потёртости. Утрачены отдельные заклёпки и фрагменты бронзовых ободков. Судя по фотографиям 2000-х гг., шлем в тот период был очищен от ржавчины и имел блестящую поверхность (Дашковский, Самашев, Тишкин 2007: 48, фото 11). В настоящее время тулья и железный обруч сильно коррозированы.

Значительный интерес представляет тот факт, что на ранних фотографиях и прорисовках шлема (рис. 3: 3) отсутствует накладной бронзовый обруч и наносник (Дашковский, Самашев, Тишкин 2007: 48; фото 11, 91, рис. 39: 1). Не упомянуты они и в первых публикациях наголовья (там же), а также в Акте приёмки-сдачи № 908 от 04.08.1989 г. (Акты приёма-передачи экспонатов основного фонда №№ 900—914: 10, 11). Весьма вероятно, что данные элементы были добавлены к шлему уже в период его нахождения в музейном

[3] Все замеры шлема в настоящей статье выполнены младшим научным сотрудником-экскурсоводом ЗИКМ Калибаевым Нурлыбеком Айтмукашулы или взяты из Акта приёма-передачи экспонатов основного фонда № 900—914 ЗИКМ: 10, 11.

[4] Судя по записям в Акте приёма-передачи, всего на обруче располагались девять сквозных отверстий (Акты приёма-передачи экспонатов основного фонда №№ 900—914: 11).

собрании. Косвенно это подтверждают размеры бронзового обруча, который заметно короче окружности наголовья (рис. 2: 4). Кроме того, наносник-стрелка подобной конструкции не крепился к шлему неподвижно, а помещался в специальную обоймицу с фиксатором (винтом или петлёй) позволявшим закрепить наносник в нужном положении. Наконец, как обруч, так и наносник прибиты к наголовью новыми заклёпками с блестящими шляпками (рис. 1, 2: 1, 4). Это подтверждает версию о том, что наносник и бронзовый декоративный обруч, являются позднейшими добавлениями.

Датировка и атрибуция

Шлем из ЗИКМ может быть датирован на основе типологического анализа.

В первую очередь необходимо отметить, что рассматриваемое наголовье имеет целый ряд оригинальных деталей, которые отличают его от большинства центральноазиатских шлемов эпохи Средневековья. К подобным деталям относятся длинный ярусный шпиль, а также узкие бронзовые накладки и ободки с выпуклыми головками заклёпок. Редким элементом конструкции также является коническая тулья, склёпанная из девяти железных пластин[5].

Шлемы подобной конструкции и системы оформления не характерны для центральноазиатских воинов раннего и развитого Средневековья. На иранских миниатюрах XIV в. встречаются изображения шлемов снабжённых многочисленными узкими накладками комбинированными с узким же ободом (Горелик 2002: 76, рис. 3, 7, 8, 13, 16—20). Однако все они лишены длинного шпиля, а их геометрия и оформление существенно отличаются от рассматриваемого наголовья из ЗИКМ.

Шаровидные «яблоки» расположенные на шейке навершия, а также подвершия с фестончатым краем становятся характерными элементами оформления шлемов Мусульманского Востока и сопредельных территорий в XV в. (Бобров, Худяков 2002: 130, 150, рис. 11).

Узкие накладки и парные ободки с продольными рёбрами жёсткости в совокупности формирующие «псевдокаркас» типичны для ойратских шлемов XVII—XVIII вв. (Бобров, Алексеев 2022: 254, 255). Однако ойратские накладки и ободки, как правило, выполнены из железа, а головки заклёпок полностью зашлифованы. Кроме того, конструкция и оформление джунгарских, «чакарских» и калмыцких *дуулга* заметно отличаются от «зайсанского» шлема.

Цилиндроконическая тулья в сочетании с высоким шпилем позволяет предположить, что изготовивший их мастер вдохновлялся переднеазиатскими наголовьями XV—XVI вв. На протяжении рассматриваемого периода они применялись воинами Ирана, Средней Азии, Российского государства и др. (рис. 4). Именно среди этой серии шлемов встречаются образцы, увенчанные длинным ярусным шпилем. Подобное наголовье хранится, например, в собрании Музея исламского искусства в г. Доха (Катар) (рис. 3: 4)[6].

Главное отличие классических переднеазиатских шлемов от наголовья из ЗИКМ заключается в конструкции тульи. У первых она, как правило, цельнокованая, а у «зайсанского» шлема — клёпанная (рис. 3: 3, 4). Последний факт, вероятно, был обусловлен технологическими возможностями и особенностями местной производственной традиции. Интересно, что мастер не только не стал скрывать данный факт, но и, напротив, почеркнул его, снабдив бронзовые накладки заклёпками с массивными полусферическими шляпками. Возможно, что тулья с блестящими выпуклыми бронзовыми накладками издалека визуально напоминала тульи все тех же передне- и среднеазиатских цельнокованых шлемов украшенных рёбрами и желобками (рис. 4: 1—5, 7).

Верхней границей изготовления наголовья из ЗИКМ, вероятно, следует считать начало XVII в., когда шлемы подобного типа вышли из широкого военного обихода народов

[5] Среди клепаных центральноазиатских наголовий эпохи Средневековья преобладают шлемы, составленные из 4—8 пластин.

[6] На данный шлем обратил внимание одного из авторов настоящей работы выдающийся советский и российский оружиевед М.В. Горелик.

региона. Тем не менее, нарядно оформленный шлем мог передаваться из поколения в поколение и использоваться на протяжении длительного исторического периода.

На протяжении XV — начала XVII вв. территория современной Восточно-Казахстанской области являлась местом интенсивных контактов тюрко- и монголоязычных народов. Учитывая место находки, наиболее вероятно, что шлем принадлежал состоятельному могульскому или казахскому воину. В летописи *Тарих-и Кашгар*, посвященной истории Моголистана и Кашгара отмечается, что эти земли нередко становились полем битвы между могулами и казахами: «Старший сын хана Абд ал-Латиф-султан[7] был ханом Аксу. Казахи и киргизы ни мгновения не имели покоя от страха перед султаном. В то время у казахов было два хана: Хакк-Назар-хан и Науруз-Ахмад-хан. Султан совершил набег на Хакк-Назар-хана на Эмеле[8] [и] сильно погромил [его][9]. Хакк-Назар-хан объединился с киргизами, пришел следом за султаном [и] ночью убил султана» (МИКХ 1969: 412).

Несколько менее вероятно, что шлем мог принадлежать одному из ойратских воинов, которые в XV—XVII вв. неоднократно совершали нападения на могулов и казахов.

В настоящее время затруднительно достоверно определить место изготовления наголовья из ЗИКМ. Оно могло быть выковано, как степными оружейниками, так и мастерами-*джабатабами* одного из ремесленных центров Средней Азии или Восточного Туркестана.

Выводы

На основании изучения музейной документации установлено, что шлем был обнаружен в 1989 г. в местности «Буркут уя» находящейся к юго-востоку от г. Зайсан, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан.

Особенности конструкции и оформления шлема выделяют его среди типичных боевых наголовий центральноазиатского региона эпохи Средневековья и Нового времени. К числу оригинальных элементов можно отнести высокий ярусный шпиль, а также узкие бронзовые накладки и ободки снабженные массивными полусферическими заклёпками.

Проведённый анализ показал, что приклёпанные к шлему наносник и декоративный орнаментированный бронзовый обруч, вероятно, являются позднейшими добавлениями. В своей первоначальной комплектации шлем был снабжен налобником (возможно с козырьком) и бармицей и (или) пластинчатыми наушами и назатыльником, которые подвешивались к шлему через отверстия на обруче. Декоративный эффект достигался за счет сочетания начищенной железной тульи с блестящими бронзовыми накладками и парой узких ободков. К высокому шпилю мог крепиться флажок-*яловец* (рис. 4).

По результатам типологического анализа наголовье датировано XV — началом XVII вв. и соотнесено с комплексом вооружения могульских, казахских или, менее вероятно, ойратских воинов данного периода. Шлем мог быть выкован, как степными оружейниками, так и мастерами одного из городов Средней Азии или Восточного Туркестана. Судя по особенностям оформления тульи и навершия, образцом для ремесленника, изготовившего шлем, являлись высокие цилиндроконические наголовья переднеазиатского типа, получившие значительное распространение на территории Ирана, Средней Азии и Российского государства в XV—XVI вв. (рис. 3: 4; 4).

[7] Абд ал-Латиф-султан — чингизид-чагатаид, сын и наследник хана Могулистана Абд ар-Рашид-хана I (1533—1559).

[8] По утверждению историка, специалиста по топонимике Нурлана Кенжеахмета, Эмел — название города и реки. Истоки р. Эмел представляют собой два ручья, Сары-Эмел («Желтый Эмел») и Қара-Эмел («Черный Эмел»), протекающие у современной китайско-казахстанской границы в Тарбагатайских горах, т.е. недалеко от тех мест, где был найден интересующий нас шлем. Специалист также подтверждает, что ставка казахского Хакназар-хана (время правл. 1538—1580) некоторое время находилась в данной местности (Kenzheakhmet 2019: 60).

[9] Согласно данным *Тарих-и Кашгар,* казахско-могульское сражение произошло в 1537 г. (МИКХ 1969: 405).

Высокая научная ценность шлема из ЗИКМ обусловлена тем, что он относится к числу самых ранних известных позднесредневековых боевых наголовий происходящих с территории Казахстана.

Литература

Акты приёма-передачи экспонатов основного фонда №№ 900—914, Зайсанского историко-краеведческого музея.

Ахметжанов Қ.С. 1996. *Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері)*. Алматы: РГЖИ «Дәуір»; АО «Томол».

Бобров Л.А., Алексеев Д.П. 2022. Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника. *Монголоведение*. Т. 14. № 2, 247—263.

Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К., Сальников А.В. 2018. Ойратский шлем XVII — середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея. *Былые годы*. Т. 48. Вып. 2, 443—455.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. 2002. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья. В: Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. (ред.). *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: НГУ, 106—168.

Главная инвентарная книга. Книга V. (2051—3432), Зайсанского историко-краеведческого музея.

Горелик М.В. 2002. *Армии монголо-татар X—XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие*. Москва: ООО «Восточный Горизонт».

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. 2007. *Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан)*. Барнаул: Азбука.

МИКХ 1969: Сулейменов Б. (отв. ред.). *Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Ч. 1. Алма-Ата: Наука.

Bashir M. (ed.). 2008. *The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection*. Milan: Skira.

Kenzheakhmet N. 2019. *The Tūqmāq (Golden Horde), the Qazaq Khanate, the Shībānid Dynasty, Rūm (Ottoman Empire), and Moghūlistan in the XIV—XVI Centuries: from Original Sources.* Almaty: Khoca Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University; Eurasian Research Institute (ERI).

References

Akty priyoma-peredachi eksponatov osnovnogo fonda No. 900—914, Zaysanskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya.

Akhmetzhanov, K.S. 1996. Zharagan temir kigender (batyrlardyn qaru-zharagy, a′skeri o′neri, salt-da′sturleri) *(Those Who Wear Iron (Weapons of Heroes, Military Art, Traditions)*. Almaty: RGZhI “Dauir”; AO “Tomol” (in Kazakh).

Bobrov, L.A., Alekseev, D.P. 2022. In *Mongolian Studies*. Vol. 14. No. 2, 247—263. (in Russian).

Bobrov, L.A., Kushkumbaev, A.K., Salnikov, A.V. 2018. In *Bylye Gody*. Vol. 48. Iss. 2, 443—455 (in Russian).

Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S. 2002. In: Khudyakov, Yu.S., Skobelev, S.G. (eds.). *Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentralnoy Azii (Warfare of the nomads in North and Central Asia)*. Novosibirsk: NSU, 106—168 (in Russian).

Glavnaya inventarnaya kniga. Kniga V. (2051—3432), Zaysanskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya.

Gorelik, M.V. 2002. *Armii mongolo-tatar X—XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (The army of the Mongol-Tatars of the 10th — 14th Centuries. Martial art, equipment, weapons)*. Moscow: OOO “Eastern horizon” (in Russian).

Dashkovskiy, P.K., Samashev, Z.S., Tishkin, A.A. 2007. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov Ayna-Bulak v Verkhnem Priirtysh’e (Vostochnyy Kazakhstan) (Complex of Ayana-Bulak archaeological sites in Upper Priirtyshye. (East Kazakhstan))*. Barnaul: Azbuka (in Russian).

MIKKh 1969: Suleimenov, B. (ed.). *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV—XVIII vekov (izvlechenya iz persidckikh i tyurkskikh sochinenii) (Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th — 18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic Writings)*. Pt. 1. Alma-Ata: Nauka (in Russian).

Bashir, M. (ed.). 2008. *The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection*. Milan: Skira.

Kenzheakhmet, N. 2019. *The Tūqmāq (Golden Horde), the Qazaq Khanate, the Shībānid Dynasty, Rūm (Ottoman Empire), and Moghūlistan in the XIV—XVI Centuries: from Original Sources.* Almaty: Khoca Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University; Eurasian Research Institute (ERI).

Рис. 1. Шлем № 2669, ЗИКМ. Общий вид вполоборота (фото А.А. Сагымжанова).

Fig. 1. Helmet No. 2669, ZRMLH. General view in half a turn (photo by A.A. Sagymzhanov).

Рис. 2. Шлем № 2669, ЗИКМ: *1* — вид спереди; *2* — вид слева; *3* — вид справа; *4* — вид сзади; *5* — навершие шлема (фото А.А. Сагымжанова).

Fig. 2. Helmet No. 2669, ZRMLH: *1* — front view; *2* — left side view; *3* — right side view; *4* — rear view; *5* — pommel of the helmet (photo by A.A. Sagymzhanov).

Рис. 3. Шлем из ЗИКМ № 2669 (*1—3*) **и иранский шлем из Музея исламского искусства** (*4*)**:** *1* — вид сверху; *2* — вид снизу (фото А.А. Сагымжанова); *3* — общий вид (по Дашковский, Самашев, Тишкин 2007); *4* — иранский шлем из Музея исламского искусства, г. Доха (по Bashir 2008).

Fig. 3. Helmet No. 2669, ZRMLH (*1—3*) **and an Iranian helmet from the Museum of Islamic Art** (*4*)**:** *1* — top view; *2* — bottom view (photo by A.A. Sagymzhanov); *3* — general view (after Dashkovsky, Samashev, Tishkin 2007); *4* — an Iranian helmet from the Museum of Islamic Art, Doha (after Bashir 2008).

Рис. 4. Изображения иранских, тюркских (*1—4*) **и монгольских** (*5—7*) **воинов в цилиндроконических шлемах с высоким шпилем:** *1* — «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Герат, 1485—1486 гг., Музей искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк; *2—4* — «Шах-намэ» Фирдоуси, Шираз, ок. 1560 г., Музей искусств округа Лос-Анджелес, г. Лос-Анджелес; *4—7* — «Тарих-и Абулхайр-хани» Масуда ибн Усмана Кухистани, Самарканд (?), 1540 г. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУ, г. Ташкент.

Fig. 4. Images of Iranian, Turkic (*1—4*) **and Mongolian** (*5—7*) **warriors in cylindrical-conical helmets with a high spire:** *1* — “Zafar-nameh” Sharaf al-Din Ali Yazdi, Herat, 1485—1486, Metropolitan Museum of Art, New York; *2—4* — “Shah-nameh” Firdousi, Shiraz, circa 1560, Los Angeles County Museum of Art, Los Angeles; *4—7* — “Tarikh-i Abulkhair-hani” by Masud ibn Usman Kuhistani, Samarkand (?), 1540 Abu Rayhan Beruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent.

Религиоведение

Religious studies

DOI: 10.53737/9236.2023.89.62.027

И.Ю. Шауб

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА ДИОНИСА У ЭЛЛИНОВ И ВАРВАРОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ*

Специфика северопонтийского дионисийства рассматривается как обусловленная фракийскими влияниями: в Ольвии о них прежде всего свидетельствуют орфические таблички, на Боспоре — исключительная популярность в местной нумизматике заимствованных из Фракии изображений сатиров, культ Диониса Арея, а также необычный образ хтонического Диониса на погребальных пеликах. На Боспоре и в Херсонесе к кругу этого бога относился родственный ему фрако-фригийский бог Сабазий. Сочетание на монетах Пантикапея образов сатиров на аверсе с аполлиническим грифоном на реверсе позволяет предполагать синкретизм Диониса и Аполлона в религии боспорян, причём в контексте орфических верований. На Боспоре с дионисийским кругом ассоциируется не только целый ряд богов, культово близких Дионису и в других областях греческого мира (Деметра, Кора, Геракл, Афродита, Эрот), но и далёких от него мифологических персонажей (Парис, Европа и др.). Находки в курганах скифской и синдской знати разнообразных вещей, часто культового назначения, с изображениями персонажей дионисийского круга свидетельствуют о близости последних религиозно-мифологическим представлениям варваров. К этому кругу относится и фигурирующий на ряде памятников мужской двойник змеиногой ипостаси Великой богини («Владыка зверей»), который, как и другие дионисийские персонажи, мыслился как подчиненное ей божество.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, эллины, варвары, религия, культ, Дионис, Сабазий, сатиры, менады, «Владыка зверей», Великая богиня, орфизм, Фракия, Ольвия, Боспор, Херсонес.

Сведения об авторе: Шауб Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: schaubigor@mail.ru.

I.Yu. Schaub

SOME FEATURES OF THE CULT OF DIONYSUS AMONG THE HELLENES AND BARBARIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

The article is devoted to the peculiarities of the cult of Dionysus in the Greek colonies of the Northern Black Sea region, as well as the specificities of Dionysianism among local barbarians. These features were largely due to Thracian influences: in Olbia, they are primarily evidenced by Orphic tablets, in the Bosporus — the exceptional popularity in local numismatics of images of satyrs borrowed from Thrace, the cult of Dionysus Ares, as well as the unusual image of the chthonic Dionysus on funeral pelices. Both in the Bosporus and in Chersonesus, the Thraco-Phrygian god Sabazios, who was close to Dionysus in function, belonged to the circle of this god. On the coins of Panticapaeum, the combination of images of satyrs on the obverse with an Apollinian griffin on the reverse enables suggestion of the fusion of Dionysus and Apollo in the context of Orphic beliefs as well as in the religion of the Bosporans. In the Bosporus, the Dionysian circle is associated not only with a number of gods close to the cult of Dionysus in other areas of the Greek world (Demeter, Kore, Heracles, Aphrodite, and Eros), but also mythological characters not associated with him (Paris, Europa, etc.). Finds in the burial mounds of the Scythian and Sindian

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Статья поступила в номер 18 июня 2023 г.
Принята к печати 27 июня 2023 г.

© И.Ю. Шауб, 2023.

nobility of various cult-related artifacts, often with images of characters of the Dionysian circle, indicate the closeness of the latter to the religious and mythological ideas of the barbarians. This circle also includes the male counterpart of the snake-footed hypostasis of the Great Goddess (‘Master of Beasts’), which appears on several monuments and which, like other Dionysian characters, was thought of as a subordinate deity to her.

Key words: North Pontic area, Greeks, barbarians, religion, cult, Dionysus, Sabazios, satyrs, maenads, ‘Master of Beasts’, Great Goddess, Orphism, Thrace, Olbia, Bosporus, Chersonesus.

About the author: Schaub Igor Yurievich, Dr. habil. (History), Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Embankment, 18A, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Дионис, без сомнения, был самым популярным богом греческого мира. Поэтому неудивительно, что и ему, и его фиасу[1] посвящена не просто огромная, а практически необозримая литература. Однако, несмотря на такое изобилие работ, глубоко иррациональная природа этого бога такова, что не только постигнуть её, но даже охватить внутренним взором все нюансы его образа и культа не представляется возможным[2].

Могучий импульс к изучению дионисийства дал трактат «Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» («Происхождение трагедии из духа музыки») Ф. Ницше — кумира интеллектуальной элиты европейского модерна. Для отечественной культуры изучение Диониса представляет особый интерес, учитывая два фактора: исключительное внимание, которое уделял этому богу пленённый дионисийскими идеями Ницше В.И. Иванов — ключевая фигура интеллектуальной жизни Серебряного века, перу которого принадлежат наиболее масштабные и глубокие на русском языке исследования дионисизма (Иванов 1994 (1923); 2014 (1917))[3], а главное, — мощный «дионисийский» пласт в психологии русского этноса, нашедший яркое воплощение в религиозном сектантстве (хлыстовстве и т.п.) (Эткинд 1998).

Вполне естественно, что многие памятники культа Диониса в Северном Причерноморье (которых, кстати, несравненно меньше, чем в Греции или Италии), более или менее подробно анализировались с самых разных сторон (Русяева 1978; 1979; 1992; 2005а; 2005б; Шауб 1987а; 1989; 1999б; 2007а; 2008б; 2011; 2014; 2019а; Русяєва 1995; Винокуров 2002; Молева 2003; Кузина 2005; 2007а; 2007б; 2008; 2011, 2013; Скржинская 2009; Хамула 2009; 2013 и др.). Однако, несмотря на это, целый ряд вопросов, относящихся к дионисийству в Северном Причерноморье, остаётся дискуссионным, не говоря уже о разногласиях по поводу интерпретации многих культовых памятников. Главными из этих вопросов являются особенности культа Диониса в греческих колониях Северного Причерноморья, а также специфика дионисийства у причерноморских варваров. Именно эти спорные вопросы и рассматриваются в настоящей статье.

Самые ранние и наиболее оригинальные памятники культа Диониса в греческих государствах Северного Причерноморья происходят из Ольвии.

Это посвящения Дионису общиной орфиков, вырезанные в V в. до н.э. на костяных пластинках (см.: Русяева 1978). На одной из них в верхней части вырезаны слова: «βίος θάνατος βίος», чуть ниже: «ἀλῆθεια», а в нижней части: «Διο ορφικοι» (т.е. Διό[νυσος] ὀρφικοί или Διο[νύσωι] ὀρφικοί). М. Уэст обоснованно считает, что эти слова подразумевают веру в жизнь после смерти (West 1982: 18).

На оборотной стороне третьей пластинки перед словом «ψυχή» читается слово «σῶμα» — и, таким образом, мы имеем здесь оппозицию тела и души, о которой говорит Платон (Crat., 400c) в том же самом месте «Кратила», где речь идет об орфическом

[1] Преимущественно сатирам — образам, самым распространённым в аттической вазописи.

[2] Об универсализме дионисийства, см., например: (Кереньи 2007).

[3] Остаётся только пожалеть, что сюжет дионисийства в Причерноморье оказался вне поля зрения В.И. Иванова.

метемпсихозе. Данные граффити «серьезно укрепляют позицию исследователей, продолжавших, несмотря на возражения, среди которых были и весьма серьезные, отстаивать историческую реальность орфизма как религиозного движения, а не как конгломерата не связанных между собою явлений» (Жмудь 1992: 110)

По словам Л. Я. Жмудя, «эти граффити подтвердили то, что можно было предполагать и раньше: фигура мифического царя Орфея действительно связана с Аполлоном, но важнейшим культовым божеством орфизма был тем не менее Дионис» (Жмудь 1992: 100). Дополнительные данные о характере орфического Диониса в Ольвии дают рисунки, сопровождающие посвящения Дионису. Корабль фиксирует связь этого бога с морем, а лошадь — либо (впрочем, как и корабль) с загробным миром, либо с Дионисом Загреем (поскольку конь был одним из его превращений) (Русяева 1979: 79). Свидетельства о связи Диониса с загробным миром есть на протяжении всего существования этого культа в Ольвии; в поздний период — это терракотовые фигурные сосуды, предназначенные для погребальных целей (Русяева 1992: 98—99).

Скорее всего, орфизм проникает в Ольвию не в V в. до н.э. из Афин (Русяева 1992: 97), а еще в VI в. до н.э. из Милета (Penkova 2003: 606 sq.), причём явно на хорошо подготовленную почву. Об этом наглядно свидетельствует существование уже в первой половине V в. до н.э. официального культа Вакха, адептом которого стал скифский царь Скил (Hdt., IV, 79).

Косвенным свидетельством существования орфизма в северопонтийском регионе ещё ранее является бронзовое зеркало, найденное в позднеархаическом погребении Ольвии (Розанова 1968). Следует особо отметить, что это зеркало, на котором зафиксировано древнейшее из известных вакхическое восклицание (Burkert 2004: 84), является изделием местного производства, причём украшено оно в зверином стиле, характерном для варваров (Скржинская 1984: 117, № 37).

В связи с культом Диониса в Ольвии стоит вспомнить сообщение Геродота (IV, 108) о том, что гелоны (жители города Гелона в земле будинов, по происхождению эллины, некогда выселившиеся из эмпориев) в честь этого бога «каждые 2 года устраивают празднества с оргиями». Что же касается происхождения этого ольвийского культа, то вполне вероятно, что почитание Вакха могло быть принесено сюда первыми колонистами из Милета (Ehrhardt 1983: 169), который, как известно, был основан минойцами. Но в то же время можно предполагать, что расцвет этого культа как в Нижнем Побужье, так и во всём Северном Причерноморье, был обусловлен существованием у местных племен схожих экстатических культов шаманистического толка[4].

Возвращаясь к ольвийским орфикам, можно предположить, что их община существовала именно здесь отнюдь не случайно, ведь совсем неподалеку обитали геты, которые, по словам Геродота (Hdt., V, 4) и Арриана (Arr. Anab., I, 3, 2), «верили в бессмертие» (ἀπαθανατίζοντες, буквально «бессмертствующие») (Hdt., IV, 97). Судя по находкам лепной керамики, геты жили и в архаической Ольвии (Марченко 1988). В этой связи приходит на память свидетельство Вергилия (Bucol., IV, 517—520) о том, что сам Орфей (alter ego Диониса Загрея: Wright 2003: 179), «посещал гиперборейские льды, и спешный Танаис, и поля, никогда не освобождающиеся от Рифейских инеев, жалуясь на похищение Эвридики и тщетные дары Дита (Плутона)».

Кроме уже упомянутого сообщения Геродота о вакхических празднествах в Ольвии, о существовании здесь официального культа Диониса свидетельствуют монеты конца V — начала IV в. до н.э., на аверсе которых представлен букраний, на реверсе — тирс в окружении букв ΟΛΒΙ (или ΟΛ), что говорит о государственном характере чеканки этих монет (Карышковский 1988: 53; Анохин 1989: 22), а также упоминание жреца Диониса в надписи первой половины IV в. до н.э. (IOSPE I^2: №166). О государственном характере культа Диониса в Ольвии свидетельствует и фиксируемая надписями IV—III вв. до н.э. связь этого бога с театром (Русяева 1979: 82).

[4] О скифском шаманизме см.: (Шауб 2007а: 146—153; 2011: 123—132).

Кроме вышеперечисленных, существует еще целый ряд данных о популярности Диониса в Ольвии (Русяева 1979: 83 след.; 1992: 87—99). Это и граффити с именем этого бога на обломках киликов и канфаров, и изображения бога и его спутников как в терракоте, так и в мраморной пластике, и многочисленные теофорные имена (свыше 45), образованные от имени этого бога или от названий его праздников (Русяева 1992: 99).

В связи с дионисийской символикой особое внимание привлекают к себе ольвийские свинцовые букрании. Сочетание изображений букрания и тирса на упомянутых выше ольвийских монетах с уверенностью позволяет предполагать связь букрания с Дионисом. Считается, что изготавливавшиеся в IV в. до н.э. в Ольвии терракотовые статуэтки бычков (Леви 1964: 170, рис. 41: 1), найденные в основном при исследовании теменоса[5], служили вотивами этому же богу (Русяева 1979: 89). При этом культовый комплекс (яма), где обломок торса женской статуэтки V в. до н.э. был перекрыт десятью бычьими рогами, «уложенными наподобие венца» (Леви 1956: 66, рис. 25), наглядно демонстрирует тот факт, что в религиозных представлениях ольвиополитов бык мог сочетаться и с женским началом. О том, что подобная ассоциация женского божества с быком была характерна для верований не только ольвиополитов, но и боспорян, свидетельствуют изображения Европы на быке (Шауб 2000), а также золотые серьги в виде головы богини (в роскошной диадеме), шею которой украшает подвеска в виде бычьей головы (см.: АВС: 48, табл. VII: 11; Калашник 2014: 94—95) (рис. 12)[6]. Кроме этих серёг в одном из боспорских курганов была найдена золотая коробочка в виде головы быка с дионисийской символикой — плющевой повязкой (Калашник 2014: 92—93) О прочих изображениях быков на Боспоре и их связях с Дионисом см. ниже.

С IV в. до н.э. в Ольвии начинается производство свинцовых букраниев и двулезвийных секир (лабрисов), которые также связаны с хтоническим культом Диониса (рис. 1). Наличие среди этих культовых предметов лабрисов, которые отливали и вместе с букраниями, и отдельно, свидетельствует о более сложном комплексе связанных с ними религиозных идей. Вероятно, здесь мы имеем дело с воскрешением древних представлений, характерных для религии минойского Крита, где лабрис был не только одним из главных символов могущества Великой богини, но и одним из ее воплощений, а букраний (или бычьи рога) — символом ее умирающего и воскресающего спутника, почитавшегося в виде быка; таким образом, лабрис над букранием символизировал власть Великой богини над богом-быком (рис. 2, 3). В подобных изображениях «ясно просматривается одна из исходных мифологем древнейших религий Европы, Средиземноморья и Передней Азии, соединившая в нерасторжимом, хотя и внутренне противоречивом единстве женское и мужское начало, воплощенные в образах Великой богини земного плодородия и божественного быка, считавшегося ее сыном и в то же время возлюбленным и супругом» (Андреев 2002: 394—395). Столь характерная для минойской культуры теснейшая связь верховного женского божества с быком как воплощением оплодотворяющего мужского начала восходит еще к неолитическому Чатал-Хююку. Тот факт, что на трипольском костяном культовом предмете в виде головы быка изображена сама богиня, свидетельствует о продолжении или воскрешении в ольвийских культовых предметах древней северопричерноморской традиции (рис. 4). Все упомянутые выше изображения являются еще одним наглядным свидетельством того, что в Северном Причерноморье (причем не только в греческой, но и в варварской среде) была хорошо известна тесная связь между Дионисом и Великой богиней (Шауб 2008в)[7].

[5] Кроме того, при раскопках теменоса было найдено большое количество бычьих черепов, срезанных сзади, благодаря чему их можно было подвешивать. Некоторые из этих черепов имеют специальные просверленные круглые отверстия, служившие для крепления в них украшений (розеток, лент и т.п.). Е.И. Леви считает, что это черепа жертвенных быков, висевшие на стенах храмов (Леви 1964: 140).

[6] Вероятно, не случайно аналогичная серьга присутствовала среди находок в кургане Гайманова Могила (Ганіна 1974: рис. 57).

[7] На Боспоре об этой связи свидетельствует целый ряд разнообразных сюжетов керченских ваз; см., например: Шталь 1996: 37.

Очень показательным представляется тот факт, что промежуточным звеном между культовыми памятниками минойского Крита и ольвийскими свинцовыми предметами являются схожие свинцовые вотивы из архаических святилищ Артемиды Ортии в Спарте (Wace 1929). Как известно, до конца античного периода эта богиня сохраняла характернейшие черты своего минойского прототипа.

Возможно, на примере ольвийских букраниев и лабрисов мы имеем подтверждение глубокомысленной идеи В.И. Иванова о том, что «прадионисийские культы искали синкретической формы, объединяющей обе религии — олимпийскую и хтоническую» (Иванов 1994: 71).

В связи с культом Диониса в Ольвии чрезвычайный интерес представляет уже упомянутое сообщение Геродота о Скиле (Hdt., IV, 78—80).

Геродот приводит этот рассказ, равно как и сообщение о скифском мудреце Анахарсисе, в качестве наглядной иллюстрации к своему утверждению, что скифы «старательно избегают пользоваться обычаями чужих народов и более всего эллинскими» (Hdt., IV, 76), еще раз повторяя (Hdt., IV, 77—78), что и Анахарсис, и Скил были убиты за пристрастие к чужеземным обычаям и за общение с греками.

Однако, утверждение Геродота о подозрительном отношении скифов к божеству, заставляющему людей безумствовать, странным образом расходится с тем, что он сам рассказывает о культе Диониса у родственных скифам гелонов, а также о скифской бане (Hdt., IV, 108)[8], не говоря уже о вошедшей в поговорку склонности скифов к злоупотреблению дарами этого бога и разнообразных археологических свидетельствах распространения его культа в Скифии.

Т.М. Кузнецова не без основания предположила, что мать брата Скила Октамасада, фракиянка, могла воспитать своего сына во фракийско-дионисийском духе, подобно истриянке, матери Скила, и, таким образом, братоубийца мог быть если не адептом, то весьма терпимым к экстатическим обрядам Дионисова культа (Кузнецова 1984: 14).

О существовании в Ольвии значительной организации почитателей Диониса свидетельствуют не только эпиграфические документы, но и Геродот (Hdt., IV, 79), рассказавший о посвящении скифского царя Скила в вакхические таинства. А.С. Русяева полагает, что «именно в данном фиасе появились орфические учения, известные по граффити на костяных пластинках (Русяева 1978; 1979). Исходя из того, что на них прочерчено и имя Диониса, орфики входили в вакхический союз или же были тесно связаны с ним» (Русяева 1992: 198).

К вышеупомянутому нужно добавить, что к дионисийскому кругу относится подавляющее большинство сюжетов росписи ваз и представленных на них символов (плющевого орнамента и т.п.) из ольвийского позднеархаического некрополя. В погребальном контексте они явно ассоциировались с дионисийскими представлениями о смерти (прежде всего, как о пребывании в дионисийском парадизе). На целом ряде этих ваз наряду с прочими дионисийскими мотивами присутствуют изображения дельфинов[9]. Можно предполагать, что эти животные, так же как представленные на вазах пальметки, плющ, и лотос, воспринимались ольвиополитами не только в качестве символов умирающего и воскресающего Диониса, но и ощущались живыми знаками Великой богини, владычицы всего сущего (Шауб 2011: 203—204).

Что касается Диониса на Боспоре, то свидетельства его культа здесь до эпохи Спартокидов немногочисленны[10]. Данные, относящиеся к IV в. до н.э. позволяют утверждать, что в это время Дионис стал здесь одним из самых популярных богов. Об этом говорят и монеты, и надписи, и граффити, и остатки его храма в Пантикапее (Ильина, Муратова 2002) и свидетельство Полиэна (Polyaen., V, 44) о существовании не только в столице, но и в других крупнейших городах Боспора

[8] То есть об экстатическом шаманском ритуале (Meuli 1935: 122 ff.).

[9] Вероятно, с Дионисом, а не с Аполлоном Дельфинием были связаны самые распространённые в V—IV вв. до н.э. ольвийские денежные знаки в виде дельфинов.

[10] Значение недавно опубликованного пантикапейского граффито начала V в. до н.э. в качестве памятника культа Диониса его издатель, Ф.В. Шелов-Коведяев, на наш взгляд, преувеличивает (Шелов-Коведяев 2018).

театров, которые в весьма архаичных народных верованиях боспорян IV в. до н.э. не утеряли своей исконной тесной связи с культом Диониса и почитанием умерших. Именно хтонизм — чрезвычайно тесная связь с погребальным культом и загробными верованиями боспорян[11], является отличительной особенностью почитания Диониса на Боспоре. Об этом наглядно свидетельствуют сюжеты росписи погребальных «боспорских пелик» и других ваз «керченского стиля»[12].

По наблюдению К. Шефольда, пелики с изображением Диониса на грифоне, преследующего девушку, происходят только из женских могил); в мужских погребениях встречаются пелики, на которых представлена борьба грифонов с аримаспами, которых этот швейцарский искусствовед считает служителями Диониса, а их поражение в борьбе с грифонами — символом пути через смерть к бессмертию (Schefold 1960: 94). Если Шефольд прав, то символика этого сюжета оказывается близка к значению столь популярных в греко-скифском искусстве сцен терзания грифонами животных.

На одной пелике хтонический Дионис представлен в виде бородатой головы во фригийском колпаке между протомами грифона и лошади (Schefold 1934: Abb. 60), таким образом выступая в качестве дублета Великой богини в ее загробном аспекте.

Не менее наглядно связь дионисийства с «загробьем» боспорян выражается в том, что самым частым мифологическим сюжетом росписи специально помещавшихся в могилы «керченских ваз» является изображение Диониса и его фиаса. Так, Дионис в окружении сатиров и менад представлен на многочисленных пеликах и колоколовидных кратерах. Наряду с сатирами вместе с Дионисом фигурирует и его супруга Ариадна[13] (которая нередко имеет черты менады) (Schefold 1934: № 84, 366, 414)[14].

На вазах керченского стиля вместе с хтоническим Дионисом часто представлена родственная ему хтоническая Афродита: их фиасы соседствуют на одних и тех же изображениях, причём в дионисийских сценах почти постоянно присутствует Эрот (Шталь 1989: 113).

Только по изображениям на керченских вазах известен сюжет преследования женщин Дионисом на пантере или грифоне, а также сюжеты, где в роли преследователей женщин выступает Эрот или персонажи в восточных костюмах. Эти сюжеты возникли в результате соединения народных верований с «отзвуками» сюжетов, «сравнительно поздно освоенных античной мифологией и еще новых для античного древнегреческого эпоса, созданного по мотивам «варварского»» (Шталь 1989: 131). И.В. Шталь отмечает, что подобные «мифоэпические предания, прежде чем выйти на плоскость живописного изображения, прошли сравнительное осмысление в пределах дионисийско-орфического круга верований» (Шталь 1989: 131). (Так в дионисийско-орфическом кругу оказался «средством передвижения» Диониса грифон, который, как и Дионис, был в Греции «пришельцем».

Рассмотрев сюжетную роль Эрота в росписи керченских ваз, та же исследовательница пришла к выводу, что в своем значении «он вышел за пределы как афродионисийского, так и дионисийского фиасов; в какой-то момент Дионис и Эрот, восседающий на пантере, оказались внутренне сближенными, едва ли не идентичными по своей семантике <…>» (Шталь 1989: 133—134).

Как уже упоминалось выше, в росписи керченских ваз женщин преследуют также люди (пешком или верхом) в восточных костюмах. Этих персонажей К. Шефольд считает слугами Господина подземного мира, выполняющими его волю (Schefold 1934: 149). Соглашаясь с мнением Шефольда, Шталь задаётся вопросом: «Кем был изначально восточный человек, занявший место Диониса на грифоне и тем сравнившийся с божеством, представший как бы

[11] Об этих верованиях см.: (Шауб 2014; 2020).

[12] Дионисийский характер этих сюжетов вынуждены признать даже те искусствоведы, которые не склонны видеть в них глубокой семантики; см., например: (Ягги, Лазенкова 2012: 36).

[13] Аналогичный сюжет представлен также и на полихромной ойнохое из Пантикапея (ABC: Tabl. 60).

[14] Если на Боспоре Дионис и Ариадна изображались на погребальных пеликах, что говорит о загробных коннотациях сюжета, то в Ольвии эта пара фигурирует на терракотах, происходящих из раскопок городища (Леви 1959: 16; Русяева 1976: 36—42).

его ипостасью?» Сам ли это Дионис в необычной иконографии, «быть может, испытавшей на себе традиции Фракии и Боспора? Но если это и не Дионис, то восточный всадник близок к Дионису. Из всего этого явствует пока только одно: некогда человек в восточном костюме, преследующий женщин в подземном мире, был Хозяином подземного мира и потому сохранил в нем определенное независимое положение, выше положения сатиров и менад и в отстранении от них» (Шталь 1989: 136). Очень вероятно, что не только на погребальных вазах IV в. до н.э., но в популярных в первые века н.э. в росписи боспорских гробниц сценах похищения Коры (Зинько 2007) в роли Плутона выступал Дионис[15].

На основе анализа 11 пелик керченского стиля, фрагмента аттического фигурного сосуда работы мастера Сотада (вторая четверть V в. до н.э.) из Пантикапея, а также росписи пантикапейского склепа Пигмеев (II—I вв. до н.э.) И.В. Шталь доказала связь с дионисийством сакральной семантики ещё одного сюжета — борьбы пигмеев с журавлями (Шталь 1989: 83—84).

На оборотной стороне почти всех боспорских пелик помещались обращенные лицом к друг другу фигуры в гиматиях (обычно 2, реже 3), которые часто держат тимпан — знак дионисийства (Шталь 1989: 158). Поскольку речь идет о важных предметах погребального инвентаря, то «явление можно понять, если представить, что сюжет вбирал в себя и концентрировал в себе квинтэссенцию, суть сакральной погребальнсой символики дионисийско-орфического круга верований, был его знаком в донельзя обощенном, абстрагированном варианте. Ни с каким другим отдельно взятым сюжетом этот сюжет, действительно, не был связан, но только потому, что был разом связан со всеми сюжетами росписи керченских ваз» (Шталь 1989: 157).

Таким образом, можно констатировать ассоциацию пелик с дионисийством, поскольку даже в тех случаях, когда сюжет росписи лицевой стороны этих погребальных сосудов непосредственно не связан с культом Диониса, она просматривается на изображениях, представленных на их оборотной стороне[16].

Кроме пелик и других ваз керченского стиля о важной роли, которую играли дионисийские сюжеты в заупокойном культе обитателей Боспора, наглядно свидетельствуют гипсовые аппликации деревянных саркофагов первых веков н.э. в виде театральных масок, менад, Силена, Пана, играющего на сиринге; см.: (Жижина 2007: 15, 25).

Характерной особенностью культа Диониса на Боспоре является ассоциация с дионисийским кругом целого ряда персонажей, причём не только обычно близких Дионису богов (Деметра, Кора, Геракл, Афродита, Эрот), но и, казалось бы, весьма далёких от него мифологических персонажей (Парис, Европа) (Шауб 1993; 2000), а также сюжетов (борьба пигмеев и журавлей) (Шталь 1989) .

На связь сюжета Европы с дионисийской сферой может служить намеком присутствие на всех многочисленных рыбных блюдах, которые были использованы в тризнах, обнаруженных в кургане Большая Близница, наряду с Европой изображений Эротов с тимпанами. Культ хтонического Диониса нашел яркое отражение и в других изображениях на предметах, найденных в том же кургане (Alexandrescu 1966: 81; Шауб 1987б: 30, 31).

Важнейшим свидетельством распространения дионисийского культа на Боспоре является тот факт, что с начала IV и вплоть до середины III в. до н.э. на аверсе пантикапейских монет неизменно фигурировали головы бородатых силенов и безбородых сатиров. Аналогичные изображения бытовали также и в боспорской нумизматике более позднего времени — это пантикапейские и фанагорийские монеты конца II в. до н.э. (Терещенко 2012; Шауб, Терещенко 2021: 71 след., рис. 1: 1—37).

---

[15] О синкретизме Диониса и Плутона см.: в Греции (Schauenburg 1953; в Южной Италии (Burkert 2004: 84), у фракийцев (Маразов 1992: 225).

[16] Например, дионисийская сцена изображена на оборотной стороне пелики из склепа I кургана Большая Близница (где была погребена жрица Великого местного женского божества), на которой представлена битва Геракла с кентавром (так же как и на обороте пелики с аналогичным сюжетом, найденной в кургане в городском саду Керчи).

Сочетание образов сатиров на аверсе с аполлиническим грифоном на реверсе монет Пантикапея позволяет предполагать синкретизм Диониса и Аполлона в религии боспорян (Шауб 1989), причём, возможно, в контексте орфизма, поскольку звеном для связи этих богов выступал Орфей (Лебедев 1986). Это тем более вероятно, учитывая то, что фракийский Дионис — Орфей имел «огненно-солярную природу» (Маразов 1992: 186 след.)

По мнению М.И. Ростовцева, сатироподобные персонажи боспорских монет являются изображениями «местного, возможно фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силена на монетах греко-фракийских городов» (Rostovtzeff 1922: 80)[17].

Что касается типов голов сатиров и силенов, представленных на пантикапейских монетах, то их иконография, несомненно, пришла из Фракии, причем явно вместе с дионисийской семантикой. Об этом свидетельствуют найденные во фракийских курганах драгоценные предметы дионисийского культа (серебряные канфары), украшенные с внутренней стороны позолоченными атташами в виде совершенно аналогичных голов (Фракийское золото 2013: 224, 236, 298) (рис. 5: 1—3). Нет сомнений в том, что золочение этих изображений подчеркивает и даже повышает их семантическую значимость. Хронологически эти культовые артефакты предшествуют пантикапейским монетам с изображениями спутников Диониса (Фракийское золото 2013: 224, 236, 298). Кроме того, параллелизм двух аспектов божества, представленного на монетах Пантикапея: бородатого пожилого и юного безбородого, — черта, свойственная культу диморфного бога Диониса — является, на наш взгляд, ещё одним аргументом в пользу предположения М.И. Ростовцева (Шауб 2019а; Шауб, Терещенко 2021)[18].

О хтоническом характере этого сатироподобного божества свидетельствуют два факта. Во-первых, популярность его изображений на золотых бляшках от погребальных одежд жителей как Боспора, так и скифов, погребенных в приднепровских курганах. Во-вторых, связь этого божества со змееногой богиней — местным Великим женским божеством в его хтоническом аспекте (Шауб 1999; 2007а; 2011). Эта ассоциация фиксируется не только изображениями на бляшках, где змееногая крылатая богиня держит в руках голову сатира (курганы Куль-Оба и ст. Ивановской на Таманском полуострове) (рис. 6: а, 7)[19], но и сочетанием образов Горгоны Медузы (змееволосой ипостаси Великой богини; см.: Шауб 2021а) и сатироподобного божества на золотой фиале из Куль-Обы (рис. 8)[20]. Совместные находки бляшек с изображением обоих этих персонажей зафиксированы также в погребениях № 3 и № 4 кургана Большая Близница, причём у нас нет сомнений в том, что в последнем из них, равно как и в гробнице № 1, упокоились местные эллинизированные жрицы Великой богини (Шауб 2017). В погребении № 4 голова, совершенно аналогичная изображению на бляшках, представлена и на ожерелье, причём она является здесь частью некоей «космограммы» (Шауб 2015).

О том, что наряду со служением Великой богине жрица, похороненная в гробнице № 4, была привержена также культу Диониса, свидетельствует тот факт, что к её калафу,

[17] Эта гипотеза М.И. Ростовцева вызвала возражение Д.Б. Шелова, который утверждал, что головы пантикапейских монет связаны «с другими местными культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснены» (Шелов 1950: 64). С.С. Бессонова полагает, что сатиры и силены могли ассоциироваться со второстепенными персонажами скифской мифологии — демонами природы (Бессонова 1983: 95). Однако мнения обоих этих археологов по сути являются лишь модификацией ещё одного предположения М.И. Ростовцева, согласно которому «силены и сатиры на монетах Пантикапея представляют тех же самых местных божеств растительности и плодородия, которые ассоциируются с Великой богиней» на изделиях торевтики из причерноморских курганов (Rostovtzeff 1922: 73).

[18] Популярное в XIX в. и все еще бытующее в работах западных антиковедов мнение, согласно которому на этих монетах Пантикапея представлен бог Пан, не выдерживает критики (Шауб 2019б: 249). Этот бог имел свою иконографию и был известен на Боспоре; см., например: (Ростовцев 1914: табл. XCVI: 1).

[19] Представленные на бляшках изображения той же змееногой богини в сопровождении аналогичных боспорским голов сатиров (рис. 6: д) украшали и калафы двух жриц, погребённых в херсонесском склепе № 1012 (Шауб 2023).

[20] Глубокий анализ семантики изображений на этом уникальном ритуальном предмете см.: (Маразов 2001).

центральным образом которого являлась сама Богиня[21], были прикреплены золотые рельефные фигурки танцующих сатиров и менад в исступленном танце с тирсом или ножом и частью растерзанного животного в руках, а также менад (одна с канфаром в руке), едущих на грифоне и барсе (рис. 13). Однако, этот Дионис был отнюдь не «классическим», как считал румынский ученый П. Александреску (Alexandrescu 1966: 81 sv.), а местным, на чьё присутствие намекали изображения его спутников и который мог являться в обличии греческого сатира. Это предположение в значительной мере опирается на то, что подобные же менады, но в более варваризованном виде, служили главным украшением калафообразных головных уборов скифских жриц, погребенных в курганах Приднепровья, а именно — в Деевом и Рыжановском (Ростовцев, Степанов 1917: табл. VI, IX). Судя по тому, что менады на скифских калафах неоднократно представлены в экстатической пляске с ножом в одной руке и частью жертвенного животного в другой (рис. 14), их ритуал носил дионисийски-оргиастический характер. Отличительной чертой дионисийских культов, как известно, был экстаз — выход из себя и слияние с божеством, а также интуиция единства бога и жертвы (Иванов 1994: 26)[22]. О том же могут свидетельствовать и находки в курганах Приднепровья изображений бородатых сатиров (Ростовцев 1925: 443, 444). Вероятно, с этими персонажами как-то связано глухое сообщение Геродота об обитавших в Скифии козлоногих существах (Hdt., IV, 25).

Как уже отмечалось, Дионис на Боспоре часто изображался в виде быка. Здесь нередко встречаются терракотовые фигурки этих животных. Важно отметить, что одна из них была обнаружена в пифосе винохранилища, входящего в винодельческий комплекс городища Артезиан первой половины III в. н.э. (Винокуров 2002: 34). Н.И. Винокуров справедливо констатирует, что связь этого «изображения быка и хозяйственного профиля комплекса очевидна». По данным того же археолога, другая статуэтка быка была обнаружена в составе позднеантичного ритуального комплекса городища Белинское, куда кроме того входили несколько десятков моделей миниатюрных давилен из известняка, большое количество других вотивных предметов, в том числе статуэтка козла или оленя. Рядом с этим комплексом найдено посвящение Дионису, написанное краской на горле амфоры (Винокуров 2002: 34).

Особо следует отметить, что в IV в. до н.э. выпускались пантикапейские монеты с головой быка на реверсе и головой сатира на аверсе, а также золотые ювелирные изделия с символикой Диониса-быка, происходящие из боспорских курганов. Это уже упоминавшиеся выше ювелирные изделия в виде головок богинь, шею которых украшали бычьи головки, и золотая коробочка в виде головы быка с дионисиской символикой, а также пластина от головного убора жрицы, погребённой в кургане Карагодеуашх (Артамонов 1966: рис. 320). На этой пластине под изображением ритуальной сцены, центральной фигурой которой является Великая богиня, представлен фриз из чередующихся букраниев и горгонеев — символов Богини и её паредра[23] (рис. 9). Как и в Греции, в причерноморских городах букрании вырезались на фризах алтарей, постаментах и другой храмовой утвари, выступая в качестве дионисийских символов.

Уже неоднократно упомянутое в разных контекстах сообщение Геродота о посвящении скифского царя Скила в таинства Диониса-Вакха в Ольвии (Hdt., IV, 76—78) является уникальным, но красноречивым свидетельством приобщения варварской элиты к культу этого бога. Однако в этой новелле, кстати, построенной по модели дионисийского мифа (Шауб 2006), делается упор на противодействие скифов чужеземным обычаям. Рассказ Геродота явно расходится с реальностью, которая демонстрирует пристрастие варваров к вину, а, следовательно, и как минимум толерантному отношению к богу, чьим даром мыслился этот чудодейственный напиток.

[21] Реконструкция этой композиции, принадлежит Ю.П. Калашнику, который, однако, по тради ции видит в крылатой женской фигуре Нику (Калашник 2014: 178); в то время как мы считаем эту «Нику» одним из хтонических воплощений Великой богини.

[22] В этом заключался, по характеристике В.Иванова, «страстной характер» Диониса.

[23] О букраниях и бычьих черепах в Ольвии см. выше.

«Безудержные попойки во время дионисийских праздников следует считать неотъемлемой стороной культа бога вина. Напиваясь, верующие полностью отдавали себя, свою волю, да и саму жизнь во власть божественных сил, дабы абсолютно уподобиться богу в веселье, буйстве, плотских утехах, безумству и неистовству. Чем больше человек освобождался от самого себя, от привычных норм и правил поведения, тем больше он переходил под божественное покровительство. Освобождаясь под влиянием дионисовой влаги от пут повседневности, человек «умирал» для жизни земной и приобщался к жизни «вечной», а вино при этом выступало как средство передвижения из мира реального в ирреальное пространство, ближе к божественному центру вселенной, — пишет Н.И. Винокуров, ведущий отечественный специалист по культу вина в Северном Причерноморье античной эпохи. В тоже время вино могло транспортировать умерших в мир теней и духов, служа залогом новой жизни. Поэтому греки и многие другие народы с высокой культурой виноделия рассматривали употребление вина как особое ритуальное действо с глубокой мистической подоплекой» (Винокуров 2002: 38—39).

В связи с проблемой отношения варваров к культу Диониса тот же исследователь задаётся закономерным вопросом: считали ли они заимствованные у греков в почти неизменном виде образцы столовой и парадной посуды для питья вина всего лишь удобными сосудами для этой цели «или же признавали их также неотъемлемой частью божественного естества бога вина»? И полагает, что «какой-то сакральный подтекст в их использовании все же был» (Винокуров 2002: 38). В пользу этого предположения кроме аргументов, приведённых Н.И. Винокуровым, вероятно, говорит и тот факт, что консервативные меоты из всего репертуара греческой посуды выбрали объектом для подражания только канфар (Лимберис, Марченко 1999) — главный рукотворный атрибут Диониса.

Мы не сомневаемся в том, что, активно приобщаясь к греческой традиции винопития, скифы восприняли и некоторые стороны почитания бога вина. Поэтому отсутствие у скифов божества, аналогичного по своим функциям Дионису, едва ли серьёзно препятствовало проникновению в их среду дионисийского культа[24]. Фактором, способствовавшим этому проникновению, безусловно, было соседство и тесные контакты с фракийцами, одним из главных божеств которых был Дионис (Hdt., V, 7).

Вероятно, отнюдь не случайно, что, как и во Фракии, в Скифии изображения самого бога Диониса (вернее, его головы) весьма редки. Они встречаются лишь на бляшках, которые в изобилии обнаружены в курганах Куль-Оба (57 экземпляров трёх типов: Копейкина 1986: № 9 — 11; Уильямс, Огден 1995: № 92)[25] и Чертомлык (69 штук: Алексеев 1986: № 21), а также в меньших количествах найдены в курганах Огуз, Александропольский и, вероятно, Мелитопольский (Алексеев 1986: 67). Здесь он изображён юным, с правильными чертами лица, с пышной прической, увенчанный венком из плюща, который был его постоянным атрибутом. Скорее всего, присутствие этих изображений самого бога Диониса свидетельствует о большем приобщении их хозяев к его культу (рис. 11).

Образы спутников Диониса — сатиров и менад (рис. 6: б—д, 13, 14) широко представлены на золотых нашивных бляшках и пластинах, служивших украшениями головных уборов, парадных и погребальных одежд представителей варварской знати, на золотой и серебряной чеканной посуде, а также встречаются в декоре оружия и конской сбруи (Онайко 1970: 116, № 787 в, табл. XLI: 493; и; 494: ж, е; 500: г, е; 501: в, г; табл. XXXIV: 447, в; Русяєва 1995: 23—25; Фиалко 2003: Кат. № 14: а—в). Обращает на себя внимание сочетание изображений бородатого и безбородого сатиров на уздечных бляхах из кургана Бабина Могила (Мозолевский, Полин, 2005, табл. 7: 1—4) (рис. 10), которое находит полное соответствие в сосуществовании

[24] Ряд исследователей придерживается противоположного мнения, полагая, что, поскольку скифы не культивировали виноград и не занимались виноделием, в связи с чем в их пантеоне отсутствовало божество, близкое по функциям Дионису, постольку они сопротивлялись приобщению к его культу; см., например: (Кузина 2011: 650).

[25] Если первая склонна видеть в изображении на этих бляшках Диониса, хотя и со знаком вопроса, вторые считают, что на них скорее представлена менада.

аналогичных изображений на монетах Пантикапея. При отсутствии антропоморфных дионисийских персонажей на чашах для питья вина их могут заменять фитоморфные символы Диониса: к примеру, на двух найденных в кургане Солоха серебряных сосудах изобразительные сюжеты обрамлены плющевым орнаментом; см.: (Манцевич 1987: № 60 и 61).

Венок из плюща нередко украшает и головы бородатых сатиров (которые в ряде случаев имеют ярко выраженные звериные черты) на бляшках. Тирс, растерзанное жертвенное животное — характерные атрибуты экстатических спутниц Диониса — присутствуют в иконографии менад на памятниках торевтики; на пяти золотых квадратных бляшках танцующие обращённые друг к другу менады представлены закутанными в плащ с головой, причём одна из них держит в руках кроталы (Копейкина 1986: № 5; Уильямс, Огден 1995: № 90) — прототип позднейших кастаньет. Бляшки с идентичным изображением нигде более не встречаются, однако с конца V и особенно в IV в. до н.э. эта тема приобретает в Северном Причерноморье довольно большую популярность. В греческих захоронениях этого времени встречаются терракоты и фигурные сосуды с изображением танцующих менад и Диониса (Силантьева 1974: табл. 8: 1 и 13: 4, 5).

Трудно сомневаться в том, что идеи и эмоции культа хтонического Диониса оказались близки варварам. В конце VI—V в. до н.э. получает распространение орфический культ Диониса[26], где бог выступал в архаической ипостаси Загрея — умирающего (растерзанного) и воскресающего божества, судьба которого вселяла в его адептов надежду на возрождение. Косвенным свидетельством существования орфизма в северопонтийском регионе является бронзовое зеркало, найденное в позднеархаической могиле ольвийского некрополя. Оно уже упоминалось, так же как и костяные пластинки, в которых имя бога упоминается в сочетании с названием его почитателей — орфиков. Судя по всему, орфические и вакхические таинства имели много общего и, вероятно, в V в. до н.э. фиас, объединявший посвящённых, среди которых был царь Скил, находился под каким-то влиянием орфических учений[27]. Участие в фиасе скифского царя позволяет предполагать, что варварам, у которых существовала вера в бессмертие души[28], были близки представления орфиков о загробном блаженстве.

С хтоническими представлениями, близкими дионисийскому культу, могут ассоциироваться, кроме перечисленных выше, уже самые ранние изображения сатиров и силенов, найденные в погребениях эллинизированных скифов и синдов: золотые бляшки в одном из нимфейских курганов (Силантьева 1959: 55) и втором Семибратнем кургане (Piotrovsky et al. 1986: pl. 79). Как и во Фракии, у скифов появление этих дионисийских персонажей на изобразительных памятниках предшествует появлению образа самого Диониса (Шауб 2019а). Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что сатиры воспринимались варварами как часть сущности этого бога (или его воплощение).

Следует особо отметить, что имеются данные о повышенном интересе к персонажам дионисийского круга у сарматов (Яценко 2022)[29]. В связи с этим особенно показателен сарматский золотой фалар II в. до н.э. (Северский курган, Кубань), на котором в варваризованной манере изображена «гигантомахия» с участием Диониса на пантере и

[26] Каково бы ни было происхождение культа Диониса (о его фракийских корнях см., например: Цымбурский 2002; Шепард 2010), возникший на его почве орфизм, несомненно, имел фракийскую основу (из многочисленных работ на эту тему, написанных преимущественно болгарскими учеными, упомянем лишь: (Фол 1991; 1994).

[27] Предположение М.В. Скржинской, что мистерии орфиков кроме Ольвии справлялись также в Пантикапее, теоретически вполне допустимо, однако оно основывается лишь на том обстоятельстве, что аналогия эпиклезе Арей в посвятительной надписи Дионису (КБН 1965: № 15) встречается только в орфических гимнах (Скржинская 2009: 131).

[28] Об этой вере фракийского племени гетов, обитавших по соседству с Ольвией, сообщает Геродот (Hdt., IV, 93).

[29] В этой добротной работе, к сожалению, допущена неточность: автор пишет, что «древнейшее собственно кавказское изображение Хозяина животных обнаружено в 2007 г. на меотском псалии с Тамани» (Яценко 2022: 161). Однако в указанном году этот предмет только поступил в Объединённые музеи Св.-Алексиевской пустыни, а интерпретация изображения на нём была осуществлена лишь в публикации: (Шауб, Яценко 2022).

Афины, рядом с которой лежит отсеченная голова одного «гиганта», а другого она держит за волосы (Анфимов 1987: 188). Таким образом, налицо связь сарматского Диониса с культом отсечённой мужской головы, который практиковали причерноморские варвары (Шауб 1987в; 2011: 120). В пантикапейской посвятительной надписи Дионису (КБН 1965: № 15) этот бог имеет эпиклезу Арей, которая встречается только в орфических гимнах. По мнению Л.А. Ельницкого, употребление эпитета Арейос орфиками говорит в пользу связи Диониса этой надписи с фракийским культом Диониса-Сабазия (Ельницкий 1946: 107). Это посвящение может служить ещё одним подтверждением фракийского влияния на духовную жизнь боспорян.

Сабазий, родственный Дионису фрако-фригийский бог растительного плодородия (Picard 1961)[30], в V в. до н.э. появился в Афинах. Культ Сабазия, который, что важно отметить, принадлежал кругу малоазийской Великой богини-матери (Буркерт 2004: 311), засвидетельствован граффито-посвящением из домашнего святилища усадьбы № 6 поселения Панское 1 на хоре Херсонеса. Здесь вместе с несколькими терракотовыми статуэтками женского божества был найден чернолаковый сосуд конца IV в. до н.э. с надписью ἱερὰ Σαβάζιου (Гилевич 1989; Щеглов 2000; 2001). Надпись можно понять и как «(килик), посвященный Сабазию», и как «священный (килик) Сабазия» (Скржинская 2009).

Культ этого божества в Херсонесе пока надёжно не засвидетельствован (граффити ΣΑ — не в счёт). Как и откуда культ Сабазия попал на хору Херсонеса, неясно; А.М. Гилевич считает, что из Малой Азии (Гилевич 1989: 76). Эта же исследовательница отнесла к культу Сабазия две подвески в виде многоликой бородатой головы, найденные в том же комплексе, а также обнаруженное рядом с ним миниатюрное серебряное изображение свернувшейся змеи (Гилевич 1989: 72 след.). Допуская большую вероятность данного предположения, А.Н. Щеглов справедливо оговаривается, что все эти предметы могли быть связаны и с другими хтоническими культами. (Ščeglov 2002: 216—217, 220).

Вдохновлённая находкой на поселении Панское 1 граффито с упоминанием Сабазия, М.В. Скржинская считает изображением этого бога целый ряд мраморных скульптур и терракот, ссылаясь на которые она делает вывод о том, что в эллинистический период праздники в честь этого бога справляли как на других сельских поселениях херсонесской хоры, так и в самом городе. Однако специалисты-искусствоведы видят во всех этих памятниках не Сабазия, а Диониса (Иванова 1964; Античная скульптура Херсонеса 1976: passim; Шевченко 2016: 13—14). Та же киевская исследовательница утверждает, что подобные праздники в честь Сабазия проходили также на Боспоре. На это, по её мнению, указывает находка в Фанагории терракотовой статуэтки III—II вв. до н.э., изображающей Диониса — Сабазия (Ельницкий 1946: 97). Несмотря на то, что эта терракота сделана из местной глины, что говорит о спросе боспорян на подобные изделия (Скржинская 2009), для доказательства существования праздников в честь Сабазия этого слишком мало. В то же время и кроме этой терракоты о существовании на Боспоре культа этого бога могут говорить и другие факты.

Так, значительную роль в культе как Диониса, так и Сабазия имел танец. В связи с этим стоит вспомнить любопытное сообщение, которое оставил Лукиан в своем трактате «О танце»: «Вакхический танец, который особенно распространён в Ионии и в Понте, хотя и

[30] Некоторые античные источники прямо указывают, что Сабазий — это фракийский Дионис (Schol., Aristoph., Vesp., 9; Orph., h. 48). Как Дионис, так и Сабазий были тесно связаны со змеями. Змея считалась воплощением Сабазия, потому её не только изображали на памятниках его культа, но и носили во время соответствующих ритуалов. Что касается Диониса, то, по одной из версий, Дионис Загрей был сыном Зевса-змея и сам мог превращаться в эту рептилию (Gicheva 1997: 1069; Popova 2009: 167); поэтому неудивительно, что менады на аттических вазах нередко изображались со змеями в руках. Кроме того, отличительной особенностью образа как Сабазия, так и Диониса, является диморфность, а культа обоих этих богов — ритуальная травестия. Диониса и Сабазия роднило и то обстоятельство, что их культ отличался не только экстатическим, но и мистериальным характером. Черты обоих этих божеств также присутствуют в образе «Владыки зверей», о чём см. ниже.

похабный (σατυρικὴ), настолько увлек тамошних людей, что все они в назначенное время забывают все остальное и сидят, наблюдая за титанами, корибантами, сатирами и буколами (βουκόλους)[31] — весь день напролет. И те, кто исполняют эти танцы, являются лучшими по рождению и первыми людьми в каждом из городов. Они не только не испытывают смущения, но и гордятся этим фактом, даже больше, чем своим знатным происхождением, литургиями и репутацией своих предков» (Lucian., De saltat., 79 Macleod)[32]. Прочие особенности этих дионисийских танцев нам неизвестны; кроме того их отличал импровизационный характер (Delavaud-Roux 1995: 45). Более регламентирован был дионисийский танец окласма, запечатленный на серьгах (Калашник 2014: 148—149); на золотых бляшках, перстнях и в терракотах (рис. 15, 16, 17), происходящих из боспорских гробниц. На упомянутых памятниках представлены исполнители этого восточного (персидского) танца, который отличался такими элементами, как хлопки в ладоши (или сцепленные руки) над головой (реже перед собой), а также «присядка». Опираясь на остроумную гипотезу Л. Курциуса, предположившего, что главным персонажем ряда аттических вазовых рисунков конца V в. до. н.э., среди которых выделяются танцоры окласмы (рис. 18), является Сабазий (Curtius 1928: 281 ff.), мы связали изображения танцоров на сакральных предметах, найденных в гробницах Боспора, с культом Сабазия или фракийского Диониса (Шауб 2007а: 341 след.)[33]. Поскольку этот бог в верованиях его почитателей давал надежду на вечную загробную жизнь (Picard 1961)[34], неудивительно, что изображения танцоров его культа помещались в могилы.

Вероятно, тот же бог изображён на акротерии III в. до н.э., происходящем, скорее всего, с территории Боспора. На этом памятнике он представлен крылатым и с растительными побегами вместо ног (что, на наш взгляд, является аналогом змееногости), в варварском одеянии и с фригийским колпаком на голове; в обеих руках он держит львиноголовых грифонов (рис. 19). Этот и подобные ему персонажи Э. Ланглотц считает изображениями Диониса (Langlotz 1932: 181 ff.). П. Кноблаух, возражая Ланглотцу, обратил внимание на тот факт, что Дионис не изображался в варварской одежде (Knoblauch 1938: 356). Однако этот автор не учёл процесс ориентализации, который происходил в культе Диониса с конца V в. до н.э.; см.: (Schefold 1959: 22 ff.) Т. Краус (Kraus 1954: 43) отметил, что, несмотря на определенную разницу в деталях изображений подобных восточных персонажей, речь может идти только об одном и том же божестве, которое он называет Дионисом-Сабазием.

Несомненно, черты как Диониса, так и Сабазия присутствуют и в образе «Владыки зверей», изображения которого представлены на золотой диадеме из Куль-Обы (рис. 20) и ряде других сакральных украшений из курганов Скифии и Боспора (Шауб 2007в; 2021б: 102 след.) (рис. 21)[35].

Считается, что самое раннее изображение такого рода представлено на бронзовой пластине начала IV в. до н.э. из Олинфа (Robinson 1941: 30 sq., fig. 6; Valeva 1995: 340, fig. 4). Однако, ещё к VI в. до н.э. относится бронзовый канделябр, происходящий из

[31] Буквально «волопасами», но речь идёт не о пастухах, а о почитателях Диониса в бычьих масках; см.: LSJ, v. Βουκόλος.

[32] ἡ μέν γε Βακχικὴ ὄρχησις ἐν Ἰωνίᾳ μάλιστα καὶ ἐν Πόντῳ σπουδαζομένη, καίτοι σατυρικὴ οὖσα, οὕτω κεχείρωται τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐκεῖ ὥστε κατὰ τὸν τεταγμένον ἕκαστοι καιρόν, ἁπάντων ἐπιλαθόμενοι τῶν ἄλλων, κάθηνται δι΄ ἡμέρας τιτᾶνας καὶ κορύβαντας καὶ σατύρους καὶ βουκόλους ὁρῶντες. καὶ ὀρχοῦνταί γε ταῦτα οἱ εὐγενέστατοι καὶ πρωτεύοντες ἐν ἑκάστῃ τῶν πόλεων, οὐχ ὅπως αἰδούμενοι ἀλλὰ καὶ μέγα φρονοῦντες ἐπὶ τῷ πράγματι μᾶλλον ἢπερ ἐπ΄ εὐγενείας καὶ λειτουργίας καὶ ἀξιώμασι προγονικοῖς.

[33] Л. Стефани, который первым идентифицировал танец, запечатленный на ряде боспорских памятников, с окласмой, необоснованно считал его присущим культу элевсинской Деметры.

[34] Одна из расписных боспорских гробниц, главным элементом декора которой являются изображения виноградной лозы и кистей винограда, небезосновательно получил название склепа «сабазиастов», поскольку весьма вероятна связь этих символов с культом Диониса-Сабазия (Ростовцев 1914: 429—430). Как бы то ни было, символика винограда, широко представленная на надгробных стелах, рельефах саркофагов, росписи позднеантичных склепов, несомненно, имела сакральное значение.

[35] Хотя, пожалуй, вернее было бы в данном случае говорить о дионисийской (или прадионисийской, в духе В.И. Иванова) сущности этого образа.

«ориентализированного пограничья Восточной Ионии» (Hornbostel 1980: 23, Abb. 17). У основания стержня этого канделябра, который служит постаментом для фигуры крылатой богини, в перекрестье подставки из львиных лап в высоком рельефе представлена фигура бородатого божества с крыльями, выходящего из пышной пальметты. Эта композиция наглядно свидетельствует о том, что подобные бородатые персонажи ещё с архаической эпохи мыслились как божества, подчиненные малоазийской Великой богине (Шауб 2008а: 55).

Поклонение Дионису, безусловно, составляло часть культурного наследия как Милета (Ehrhardt 1983: 169), так и других метрополий греческих причерноморских полисов. Однако столь же несомненно, что распространению в его западнопонтийских колониях вакхического культа особенно благоприятствовали религиозные традиции тесно связанного с ними местного фракийского населения (Chiekova 2007: 24).

По мнению Д. Чековой, греческие жители городов Западного Причерноморья, оставаясь верными культурному наследию метрополии, «в то же время были способны воспринять религиозные ценности своих «варварских» соседей» (Chiekova 2007: 30). В свете всего вышеизложенного, выводы, сделанные болгарской исследовательницей о сохранении культурных традиций метрополии при существенном влиянии фракийского окружения на религиозную жизнь колоний Западного Понта, можно с полным правом отнести и к Боспору с его греко-варварским населением и элитой.

Итак, анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников позволяет уверенно предполагать, что особенности культа Диониса в греческих колониях Северного Причерноморья в значительной степени были обусловлены не только консервацией здесь архаических черт в этом культе, но и мощными фракийскими влияниями. Судя по находкам лепной керамики, фракийцы (геты) жили и в архаической Ольвии (Марченко 1988), а на Боспоре с 438 г. до н.э. правила фракийская по своему происхождению династия Спартокидов[36]. Не следует забывать и тот факт, что фракийские и скифские племена веками находились не только в близком соседстве, но и в тесном этнокультурном взаимодействии[37]. Находки в курганах скифской и синдской знати разнообразных вещей, чаще всего культового назначения, с изображениями персонажей дионисийского круга неоспоримо свидетельствуют не только о том, что эллинский культ Диониса был хорошо известен причерноморским варварам[38], но и о близости этих персонажей местным религиозно-мифологическим представлениям[39].

[36] Недавно у этой гипотезы появилось новое обоснование. В своей статье, посвященной погребению в кургане у села Баксы, которое, возможно, принадлежит боспорскому царю Сатиру I, Ю.А. Виноградов обращает внимание на то, что останки усопшего царя были специально вынесены из склепа в рамках некоего религиозного обряда. Очень схожие явления наблюдаются в элитных курганах на территории Фракии. В них при наличии некоторых предметов погребального инвентаря костные останки тоже отсутствуют. Суть обряда извлечения костей из склепов Д. Гергова определила как проявление «обряда обессмерчивания» (Гергова 1996: 132, 136—139). Этот обряд являлся органичным следствием распространившихся во фракийском мире орфических верований, связанных с обретением бессмертия (Виноградов 2014: 531).

[37] Поэтому «изучение истории и культуры фракийцев, несомненно, способствует более глубокому пониманию многих аспектов культуры скифских племён, с именем которых связана древняя история всего Евразийского региона. В частности, сведения о религиозных верованиях фракийцев позволяют реконструировать некоторые малоизученные аспекты скифских религиозных представлений», - справедливо напоминает осетинский исследователь А.В. Дарчиев (Дарчиев 2014а). См. также: (Дарчиев 2014б).

[38] О проблеме знакомства варваров с божествами эллинского пантеона см.: (Раевский 1980).

[39] Популярности различных аспектов дионисийства у представителей варварской элиты, несомненно, способствовало заключение смешанных браков с гречанками и фракиянками (Масленников 1981: 92—93).

Литература

Алексеев А.Ю. 1986. Нашивные бляшки Чертомлыкского кургана. В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 64—74.

Андреев Ю.В. 2002. *От Евразии к Европе*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Анохин В.А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Античная скульптура Херсонеса 1976: Иванова А.П., Чубурова А.П. (сост.). 1976. *Античная скульптура Херсонеса*. Киев: Мистецтво.

Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Артамонов М.И. 1966. *Сокровища скифских курганов*. Ленинград: Советский художник; Прага: Артия.

Бессонова С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Буркерт В. 2004. *Греческая религия. Архаика и классика*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Виноградов Ю.А. 2014. Ещё раз о кургане у села Баксы в восточном Крыму. *БИ* XXXIV, 529—534.

Винокуров Н.И. 2002. Античный социум: культ вина и винограда. *БИ* II, 27—88.

Ганіна О.Д. 1974. *Київский музей історичних коштовностей*. Київ: Мистецтво.

Гергова Д. 1996. *Обредът на обезсмъртяването в древна Тракия*. София: Агато.

Гилевич А.М. 1983. О культе Сабазия в Херсонесе. В: *Краткие тезисы докладов научной конференции «Древние культуры Евразии и античная цивилизация», 10—13 мая 1983*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 35—36.

Дарчиев А.В. 2014а. Фракийские элементы в религии скифов и Нартовский эпос осетин (Цикл сказаний о Бартазе). *Современные проблемы науки и образования* 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=16945 (дата обращения 31.05.2023).

Дарчиев А.В. Черты военного божества в образе фракийского Диониса. *Современные проблемы науки и образования* 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17033 (дата обращения 31.05.2023).

Жижина Н.К. 2007. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках Европейского Боспора первых веков н.э. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петерсбург.

Зайцева К.И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия. В: Горбунова К.С. (отв. ред.). *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Аврора, 4—106.

Зинько Е.А. 2007. Миф о Коре-Персефоне в боспорской монументальной живописи. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 115—117.

Жмудь Л.Я. 1992. Орфические граффити из Ольвии. В: Гаврилов А.К. (отв. ред.). *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Глаголъ, 94—110.

Иванов В.И. 1994. *Дионис и прадионисийство*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Иванов В.И. 2014. Эллинская религия страдающего Бога. *Символ* 64.

Иванова А.П. 1964. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса. *СА* 2, 134—139.

Ильина Т.А., Муратова М.Б. 2002. Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея. *БЧ* 3. *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь: Центр археологических исследований, 115—121.

Карышковский П.О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.

КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

Кереньи К. 2007. *Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни*. Москва: Ладомир.

Копейкина Л.В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 28—63.

Кузина Н.В. 2005. Праздники в честь Диониса в античных государствах в Северном Причерноморье. *БЧ* V. *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь: Центр археологических исследований, 212—219.

Кузина Н.В. 2007а. Дионисийская символика в погребальной обрядности населения античных центров Северного Причерноморья. *БИ* XVI, 112—129.

Кузина Н.В. 2007б. Особенности отправления культа Диониса в сакральных комплексах Северного Причерноморья. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 36—47.

Кузина Н.В. 2008. Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Иваново.

Кузина Н.В. 2011. К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского

населения Северного Причерноморья. В: Вахтина М.Ю., Грицик Е.В., Жижина Н.К., Иванов С.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 649—654.

Кузина Н.В. 2013. К вопросу о происхождении культа Диониса. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 4 (1), 252—259.

Кузнецова Т.М. 1984. Анахарсис и Скил. *КСИА* 178, 11—17.

Лебедев А.В. 1986. Происхождение имени Орфей. В: Иванов В.И., Нерозняк В.П., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. (ред.). *Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму*. Москва: Наука, 37—40.

Леви Е.И. 1956. Ольвийская агора. *МИА* 50, 35—118.

Леви Е.И. 1959.Терракоты из цистерны ольвийской агоры. *КСИИМК* 74, 9—19.

Леви Е.И. 1964. Материалы ольвийского теменоса. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука, 131—174.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 1999. Меотские реплики древнегреческих канфаров. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 262—270.

Лосева Н.М. 1974. Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи. *Сообщения ГМИИ* 7, 125—132.

Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха*. Ленинград: Искусство.

Маразов И. 1992. *Мит, ритуал и изкуство у траките*. София: Св. Климент Охридски.

Маразов И. 2001. Фиалата от Кул Оба — образът на «другия» в изкуството на скитите. *МИФ* 7, 360—424.

Марти А.Ю. 1940. Детское погребение IV в. до н.э. из кургана близ Тиритаки. *СА* 6, 120—129.

Марченко К.К. 1988. *Варвары в составе населения Березани и Ольвии*. Ленинград: Наука.

Масленников А.А. 1981. *Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э*. Москва: Наука.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы*. Киев: Стилос.

Молева Н.В. 2003. Культ Диониса в боспорском городе Китее. *Из истории античного общества* 8, 74—81.

ОАК 1859: *ОАК за 1859 г*. 1862. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК 1864: *ОАК за 1864 г*. 1865. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК 1868: *ОАК за 1868 г*. 1870. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье*. Москва: Наука (САИ Д1-27).

Раевский Д.С. 1980. Эллинские боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства). *ВДИ* 1, 49—71.

Розанова Н.П. 1968. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелёва. 1867—1967*. Ленинград: Наука, 248—251.

Ростовцев М.И. 1914. *Античная декоративная живопись на Юге России*. Санкт-Петербург: Императорская Археологическая комиссия.

Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград: РАИМК.

Ростовцев М.И., Степанов П.К. 1917. Эллино-скифский головной убор. *ИАК* 63, 69—101.

Русяева А.С. 1976. Рельєфні зображення Діоніса та Аріадни на посуді з Ольвії. *Археологія* 20, 36—42.

Русяева А.С. 1978. Орфизм и культ Диониса в Ольвии. *ВДИ* 1, 87—104.

Русяева А.С. 1979. *Земледельческие культы в Ольвии догетского времени*. Киев: Наукова думка.

Русяева А.С. 1992. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Русяева А.С. 2005а. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев: Стилос.

Русяева А.С. 2005б. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье. *БИ* IX, 65—83.

Русяєва М.В. 1995. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів. *Археологія* 1, 22—34.

Силантьева Л.Ф. 1959. *Некрополь Нимфея*. *МИА* 69, 5—107.

Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея. *Терракотовые статуэтки*. Ч. III. *Пантикапей*. Москва: Наука (САИ Г1-11), 5—37.

Скржинская М.В. 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани. В: Анохин В.А. (ред.). *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 105—129.

Скржинская М.В. 2009. *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. Киев: Институт всеобщей истории НАНУ.

Терещенко А.Е. 2012. Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи. *Stratum plus* 6, 1—50.

Уильямс Д., Огден Д. 1995. *Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи V—IV века до н.э*. Санкт-Петербург: Славия.

Фиалко Е.Е. 2003. Золотые бляшки из кургана Огуз. *РА* 1, 124—133.

Фол А. 1991. *Тракийският Дионис. Книга първа: Загрей*. София: Св. Климент Охридски.

Фол А. 1994. *Тракийският Дионис. Книга втора: Сабазий*. София: Св. Климент Охридски.

Фракийское золото 2013: Журавлев Д., Фирсов К. (ред.). 2013. *Фракийское золото. Ожившие легенды*. Москва: Кучково Поле.

Хамула Д.В. 2009. *Дионис в античной коропластике и вазописи Северного Причерноморья: семантика в контексте культа*. Одесса: Удача.

Хамула Д.В. 2013. *Дионис в Северном Причерноморье: искусство и культ*. Одесса: Печатный Дом.

Цымбурский В.Л. 2002. Имя Диониса. В: Казанского Н.Н. (ред.). *Классическая филология и индоевропейское языкознание*. Санкт-Петербург: Наука, 141—166.

Шауб И.Ю. 1987а. Культы и религиозные представления населения Боспора VI—IV веков до н.э. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ленинград.

Шауб И.Ю. 1987б. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства. *КСИА* 191, 27—33.

Шауб И.Ю. 1987в. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: тезисы докладов к семинару*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 16.

Шауб И.Ю. 1988. Культовые танцы на Боспоре. В: Павленко Л.В. (ред.). *Проблемы античной культуры: тезисы докладов к конференции*. Ч. 3. Симферополь: СГУ им. М.В. Фрунзе, 225—226.

Шауб И.Ю. 1989. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. В: Кошеленко Г.А. (ред.). Проблемы исследования античных городов: Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти В.Д. Блаватского. Москва: ИА АН СССР, 128—129.

Шауб И.Ю. 1993б. Парис на Боспоре. *КСИА* 207, 67—69.

Шауб И.Ю. 1999а. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 207—224.

Шауб И.Ю. 1999б. Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 133—136.

Шауб И.Ю. 2000. О семантике образа Европы. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева*. Санкт-Петербург: Алетейя, 122—125.

Шауб И.Ю. 2006. Черты дионисийского мифа в легенде о скифском царе Скиле. *АМА* 12, 345—350.

Шауб И.Ю. 2007а. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н.э. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Шауб И.Ю. 2007б. Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Ч. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 27—30.

Шауб И. Ю. 2008а. Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. Москва; Санкт-Петербург: Свято-Алексеевская пустынь.

Шауб И.Ю. 2008б. Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии. *АВ* 15, 112—117.

Шауб И.Ю. 2011. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н.э.)*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

Шауб И.Ю. 2014. Боспорские курганы и загробные представления боспорян. *БИ* XXX, 639—694.

Шауб И.Ю. 2015. Ожерелье с амулетами из кургана Большая Близница. *Новый Гермес* 6, 22—29.

Шауб И. Ю. 2017. Боспорское жречество. *БИ* XXXIV. *Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*, 288—324.

Шауб И.Ю. 2019а. К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея. *ЗИИМК РАН* 21, 73—81.

Шауб И.Ю. 2019б. Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства. Рец. на кн. : Braund David. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge University Press, 2018. — xvi + 314 p. *AB* 25, 245—261.

Шауб И.Ю. 2020. *Смерть и возрождение: загробный мир боспорян*. Санкт-Петербург: Евразия.

Шауб И.Ю. 2021а. Горгона в религии меотов. *МАИАСП* 13, 701—714. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.40.021.

Шауб И.Ю. 2021б. Золотое ожерелье. В: Виноградов Ю.А., Медведева М.В. (ред.). *Первый Мордвиновский курган*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 102—110.

Шауб И.Ю. 2023. О погребениях в херсонесском подстенном склепе № 1012 и их интерпретации. *ЗИИМК РАН* 28, 23—35.

Шауб И.Ю., Терещенко А.Е. 2021. Подтверждается ли гипотеза М.И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея? *AB* 33, 71—77.

Шауб И.Ю., Яценко С.А. 2022. Меотский псалий с уникальным изображением. *Новый Гермес* 14.1, 4—19.

Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий.

Шелов Д.Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. *КСИИМК* 34, 62—69.

Шелов-Коведяев Ф.В. 2018. Древнегреческая поэзия на Боспоре. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6, 71—80.

Шепард Г. 2010. К вопросу об истоках культа Диониса. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова)*. Москва: МГОУ, 295—308.

Шталь И.В. 1989. *Эпические предания Древней Греции*. Москва: Наука.

Шталь И.В. 1996. Аримаспы и грифы: миф, культ, эпос. Приложение: указатель мифоэпических сюжетов вазовой росписи керченского стиля из собрания музеев Российской Федерации. В: Шталь И.В. (ред.). *Классическая филология на современном этапе*. Москва: Наследие, 29—45.

Щеглов А. Н. 2000. О времени появления культа Сабазия на северных берегах Понта: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция. В: Савинов Д.Г. (отв. ред.). *Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции,* Санкт-Петербург, *14—17 ноября 2000 г*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 67—73.

Щеглов А.Н. 2001. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция. В: Марченко Л.В. (ред.-сост.). *Херсонес Таврический: у истоков мировых религий*. Севастополь: НЗХТ, 52—61.

Эткинд А. 1998. *Хлыст (Секты, литература и революция)*. Москва: НЛО.

Ягги О., Лазенкова Л. 2012. *Аттические краснофигурные вазы IV в. до н.э. из собрания Керченского историко-культурного заповедника*. Киев: Мистецтво.

Яценко С.А. 2022. Боги сарматов. *МАИАСП* S1, 143—186. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.30.006.

ABC: Reinach S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris: Didot.

Alexandrescu P. 1966. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman. *StCI* 8, 75—86.

Burkert W. 2004. *Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture*. Cambridge: Harvard University Press.

Chiekova D. 2007. Cults of the Greek cities en aristera tou Pontou: Interaction of Greek and Thracian traditions. *Electronic Antiquity*. Iss. 11.1 . November.

Curtius L. 1928. Sardanapal. *JdI* 43, 179—202.

Delavaud-Roux M.-H. 1995. *Les dances dionysaques en Grèce antique.* Aix en Provence: l'Université de Provence.

Ehrhardt N. 1983. *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main; Bern; New-York: P. Lang.

Gicheva R. 1997. *Sabazios*. LIMC 8, 1068—1071.

Gimbutas M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.

Hornbostel W.1980. *Aus Gräbern und Heiligtümern: die Antikensammlung Walter Kropatscheck*. Mainz: von Zabern.

IOSPE I^2: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Императорская академия наук.

Knoblauch P. 1938. Attische Figurenvasen des 4. Jahrh. v. Chr. *AA* 20, 336—357.

Kraus Th. 1954. Bemerkungen zum Sessel des Dionysospriesters im Athener Dionysostheater. *JdI* 69, 32—48.

Langlotz E. 1932. Dionysos. *Die Antike* 8, 172—183.

LSJ: Liddell H.G., Scott R. (comp). 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: University Press.

Manzewitsch A. 1932. *Ein Grabfund aus Chersonnes*. Leningrad: Akademie für Geschichte der materiellen Kultur.
Meuli, K. 1935. Scythica. *Hermes* 70, 121—176.
Nilsson M.P. 1967. *Geschichte der griechischen Religion*. 3 Aufl. Bd. I. München: Beck.
Penkova E. 2003. Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia. *Thracia* 15, 605—619.
Picard Ch. 1961. Sabazios, dieu thraco-phrygien, expansion et aspects nouveaux de son culte. *RA* 11, 129—176.
Popova R. 2009. The road of Sabazios to the northern coasts of the Black Sea: The Bosporan Kingdom. *Thracia* 18, 165—184.
Piotrovsky et al. 1986: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid — 7th to 3rd century B.C*. Leningrad: Aurora Art Publishers.
Robinson D.M. 1941. *Excavations at Olynthos*. Vol. X. Baltimore: The Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press.
Rostovtzeff M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
Schauenburg K. 1953. Pluton und Dionysos. *JdI* 68, 38—72.
Schefold K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
Schefold K. 1959. *Griechische Kunst als religiöses Phänomen*. Hamburg: Rowohlt.
Schefold K. 1960. *Meisterwerke griechischer Kunst*. Basel-Stuttgart: B. Schwabe.
Valeva Ju. 1995. The Sveshari Figurines (an Attempt to Specify Several Hypotheses). *Thracia* 11, 337—352.
Wace A.J.B. 1929. The Lead Figurines. In: Dawkins R.M. (ed.). *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. London: Macmillan and Co., 249—284.
West M.L. 1982. The Orphics in Olbia. *ZPE* 45, 17—29.
Wright G.R.H., 2003. Orpheus with his Head. *Thracia* 15, 179—189.

References

Alekseev, A.Yu. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika (Ancient toreutics)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 64—74 (in Russian).
Andreev, Yu.V. 2002. *Ot Evrazii k Evrope (From Eurasia to Europe)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
Anokhin, V.A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
Antichnaya skul'ptura Khersonesa 1976: Ivanova, A.P., Chuburova, A.P. (ed.). 1976. *Antichnaya skul'ptura Khersonesa (Antique sculpture of Chersonesus)*. Kyiv: Mistetstvo (in Russian).
Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (Ancient gold of Kuban)*. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
Artamonov, M.I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov (Treasures of Scythian burial mounds)*. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik; Praga: Artiya (in Russian).
Bessonova, S.S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov (Religious ideas of the Scythians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
Burkert, V. 2004. *Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika (Greek religion. Archaic and classic)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
Vinogradov, Yu.A. 2014. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXIV, 529—534 (in Russian).
Vinokurov, N.I. 2002. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* II, 27—88 (in Russian).
Ganina, O.D. 1974. *Kiivskiy muzey istorichnikh koshtovnostey (Kiev Museum of Historical Cost)*. Kyiv: Mistetstvo (in Russian).
Gergova, D. 1996. *Obred't na obezsm'rtyavaneto v drevna Trakiya (The rite of immortality in ancient Thrace)*. Sofiya: Agato (in Bulgarian).
Gilevich, A.M. 1983. In: *Kratkiye tezisy dokladov nauchnoy konferentsii "Drevniye kul'tury Evrazii i antichnaya tsivilizatsiya", 10—13 maya 1983 (Brief abstracts of reports of the scientific conference "Ancient cultures of Eurasia and ancient civilization," May 10—13, 1983)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 35—36 (in Russian).
Darchiev, A.V. 2014a. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education)* 6. Available at: https://science-education.ru/ru/article/ view?id=16945 (accessed 31.05.2023) (in Russian).
Darchiyev, A.V. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education)* 6. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17033 (accessed 31.05.2023) (in Russian).

Zaytseva, K.I. 1971. In: Gorbunova, K.S. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira (Culture and art of the ancient world)*. Leningrad: Avrora, 4—106 (in Russian).

Zhizhina, N.K. 2007. *Gypsum relief in funerary monuments of the European Bosporus of the first centuries CE (based on materials from the State Hermitage collection).* PhD Thesis Abstract. Saint Petersburg.

Zin'ko, E.A. 2007. In: Zuev, V.Yu. (eds.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosporan phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, find)*. Pt. I. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 115—117 (in Russian).

Zhmud', L.Ya. 1992. In: Gavrilov, A.K. (ed.). *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya (Sketches on ancient history and culture of the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Glagol, 94—110 (in Russian).

Ivanov, V.I. 1994. *Dionis i pradionisiystvo (Dionysus and pre-Dyonysianism)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Ivanov, V.I. 2014. In *Simvol (Symbol)* 64 (in Russian).

Ivanova, A.P. 1964. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 134—139 (in Russian).

Il'ina, T.A., Muratova, M.B. 2002. In *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)* 3. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya (Cimmerian Bosporus, Pontus and the barbarian world during the period of antiquity and the Middle Ages)*. Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy, 115—121 (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 1988. *Monety Ol'vii (Coins of Olbia)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow;. Leningrad: Nauka (in Russian).

Keren'i, K. 2007. *Dionis: Proobraz neissyakayemoy zhizni (Dionysus: The prototype of inexhaustible life)*. Moscow: Ladomir (in Russian).

Kopeykina, L.V. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika (Ancient toreutics)*. Lenigrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 28—63 (in Russian).

Kuzina, N.V. 2005. In *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)* V. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy (Cimmerian Bosporus, Pontus and the barbarian world during antiquity and the Middle Ages. Ethnic processes)*. Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy, 212—219 (in Russian).

Kuzina, N.V. 2007a. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XVI, 112—129 (in Russian).

Kuzina, N.V. 2007b. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosporan phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Pt. I. Saint Petersburg: Gosudastvennyy Ermitazh, 36—47 (in Russian).

Kuzina, N.V. 2008. The cult of Dionysus in the ancient states of the Northern Black Sea region: content, socio-political aspect, local specifics. PhD Thesis Abstract. Ivanovo.

Kuzina, N.V. 2011. In: Vakhtina, M.Yu., Gritsik, E.V., Zhizhina, N.K., Ivanov, S.V., Zuev, V.Yu., Kashaev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Naseleniye, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. Population, languages, contacts. Proceedings of the international scientific conference)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 649—654 (in Russian).

Kuzina, N.V. 2013. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 4 (1), 252—259 (in Russian).

Kuznetsova, T.M. 1984. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 178, 11—17 (in Russian).

Lebedev, A.V. 1986. In: Ivanov, V.I., Neroznyak, V.P., Toporov, V.N., Tsiv'yan, T.V. (eds.). *Balkany v kontekste Sredizemnomor'ya. Problemy rekonstruktsii yazyka i kul'tury. Tezisy i predvaritel'nyye materialy k simpoziumu (The Balkans in the context of the Mediterranean. Problems of reconstruction of language and culture. Abstracts and preliminary materials for the symposium)*. Moscow: Nauka, 37—40 (in Russian).

Levi, E.I. 1956. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 50, 35—118 (in Russian).

Levi, E.I. 1959. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)* 74, 9—19 (in Russian).

Levi, E.I. 1964. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Ol'viya. Temenos i agora (Olvia. Temenos and agora)*. Moscow; Leningrad: Nauka, 131—174 (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 1999. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Rogov, E.Ya., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan phenomenon: Greek culture on the periphery of*

the ancient world: materials of an international scientific conference). Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 262—270 (in Russian).

Loseva, N.M. 1974. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv (Communications of the State Museum of Fine Arts) 7*, 125—132 (in Russian).

Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha (Solokha Mound)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Marazov, I. 1992. *Mit, ritual i izkustvo u trakite (Myth, ritual and art among the Thracians)*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski (in Bulgarian).

Marazov, I. 2001. In *MIF* 7, 360—424 (in Bulgarian).

Marti, A.Yu. 1940. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 6, 120—129 (in Russian).

Marchenko, K.K. 1988. *Varvary v sostave naseleniya Berezani i Ol'vii (Barbarians in the population of Berezan and Olbia)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Maslennikov, A.A. 1981. *Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v VI—II vv. do n.e. (Population of the Bosporan state in the 6th — 2nd centuries BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mozolevskiy, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. Babina, Vodyana i Soboleva Mogily (Mounds of the Scythian Gerros of the 4th century BCE. Babina, Vodian and Sobolev Graves)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Moleva, N.V. 2003. In *Iz istorii antichnogo obshchestva (From the history of ancient society)* 8, 74—81 (in Russian).

OAK 1859: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1859 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1864)*. 1862. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravlenija udelov (in Russian).

OAK 1864: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1864 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1864)*. 1865. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravlenija udelov (in Russian).

OAK 1868: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1868 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1868)*. 1870. Saint Petersburg: Tipografija Glavnogo upravlenija udelov (in Russian).

Onayko, N.A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprov'ye i Pobuzh'e (Antique imports to the Dnieper and Bug region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses D1-27) (in Russian).

Rayevskiy, D.S. 1980. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 49—71 (in Russian).

Rozanova, N.P. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). A*ntichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. S.A. Zhebelova. 1867—1967 (Ancient history and culture of the Mediterranean and Black Sea region. To the 100th anniversary of the birth of academician. S.A. Zhebeleva. 1867—1967)*. Leningrad: Nauka, 248—251 (in Russian).

Rostovtzeff, M.I. 1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii (Antique decorative painting in the South of Russia)*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (in Russian).

Rostovtzeff, M.I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and Bosporus. Critical review of literary and archaeological monuments)*. Leningrad: RAIMK (in Russian).

Rostovtzeff, M.I., Stepanov, P.K. 1917. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 63, 69—101 (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 1976. In *Arkheologiya (Archaeology)* 20, 36—42 (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 1978. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 87—104 (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 1979. *Zemledel'cheskie kul'ty v Ol'vii dogetskogo vremeni (Agricultural cults in Olbia in pre-Getan time)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 1992. *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii (Religion and cults of ancient Olbia)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 2005a. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev (Religion of the Pontic Hellenes in ancient times: Myths. Sanctuaries. Cults of Olympic gods and heroes)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Rusyaeva, A.S. 2005b. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* IX, 65—83 (in Russian).

Rusyaeva, M.V. 1995. In *Arkheologiya (Archeology)* 1, 22—34 (in Russian).

Silant'yeva, L.F. 1959. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 69, 5—107 (in Russian).

Silant'yeva, P.F. 1974. In *Terrakotovye statuetki (Terracotta figurines)*. Pt. III. *Pantikapey (Panticapaeum)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses G1-11), 5—37 (in Russain).

Skrzhinskaya, M.V. 1984. In: Anokhin, V.A. (ed.). *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya (Ancient culture of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 105—129 (in Russian).

Skrzhinskaya, M.V. 2009. *Drevnegrecheskiye prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e (Ancient Greek holidays in Hellas and the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Institut vseobshchey istorii NANU (in Russian).

Tereshchenko, A.E. 2012. In *Stratum plus* 6, 1—50 (in Russian).
Williams, D., Ogden, D. 1995. *Grecheskoye zoloto: yuvelirnoye iskusstvo klassicheskoy epokhi V—IV veka do n.e. (Greek gold: the art of classical jewelry from the 5th to 4th centuries BCE)*. Saint Petersburg: Slaviya (in Russian).
Fialko, E.E. 2003. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 1, 124—133 (in Russian).
Fol, A. 1991. *Trakiyskiyat Dionis. Kniga p'rva: Zagrey (The Thracian Dionysus. Book One: Zagreus)*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski (in Bulgarian).
Fol, A. 1994. *Trakiyskiyat Dionis. Kniga vtora: Sabaziy (The Thracian Dionysus. Book One: Sabazios)*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski (in Bulgarian).
Frakiyskoe zoloto 2013: Zhuravlev, D., Firsov, K. (eds.). 2013. *Frakiyskoye zoloto. Ozhivshiye legendy (Thracian gold. Living legends)*. Moscow: Kuchkovo Pole, 284—285 (in Russian).
Khamula, D.V. 2009. *Dionis v antichnoy koroplastike i vazopisi Severnogo Prichernomor'ya: semantika v kontekste kul'ta (Dionysus in ancient coroplastic and vase painting of the Northern Black Sea region: semantics in the context of cult)*. Odessa: Udacha (in Russian).
Khamula, D.V. 2013. *Dionis v Severnom Prichernomor'ye: iskusstvo i kul't (Dionysus in the Northern Black Sea region: art and cult)*. Odessa: Pechatnyy Dom (in Russian).
Tsymburskiy, V.L. 2002. In: Kazanskiy, N.N. (ed.). *Klassicheskaya filologiya i indoyevropeyskoe yazykoznanie (Classical philology and Indo-European linguistics)*. Saint Petersburg: Nauka, 141—166 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1987a. Cults and religious ideas of the population of the Bosporus of the 6th — 4th centuries BCE. PhD Thesis Abstract. Leningrad.
Schaub, I.Yu. 1987b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 191, 27—33 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1987c. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir v Podon'e-Priazov'e: tezisy dokladov k seminaru (Ancient civilization and the barbarian world in the Don-Azov region: abstracts of reports for the seminar)*. Novocherkassk: Muzey istorii donskogo kazachestva, 16 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1988. In: Pavlenko, L.V. (ed.). *Problemy antichnoy kul'tury: tezisy dokladov k konferentsii (Problems of ancient culture: abstracts of reports for the conference)*. Pt. 3. Simferopol: SGU im. M.V. Frunze, 225—226 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1989. In: Koshelenko, G.A. (ed.). *Problemy issledovaniya antichnykh gorodov: Tezisy dokladov III nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati V.D. Blavatskogo (Problems of research of ancient cities: Abstracts of reports of the 3rd scientific readings dedicated to the memory of V.D. Blavatsky)*. Moscow: IA AN SSSR, 128—129 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1993b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 207, 67—69 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1999a. In *Stratum plus* 3, 207—224 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 1999b. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Rogov, E.Ya., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan phenomenon: Greek culture on the periphery of the ancient world: materials of an international scientific conference)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 133—136 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2000. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Pamyati Yu.V. Andreeva (ΣΥΣΣΙΤΙΑ. In memory of Yu.V. Andreev)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 122—125 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2006. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archeology)* 12, 345—350 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2007a. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th centurie. BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2007b. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok (Bosporan phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Pt. I. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 27—30 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2008a. *Italiya-Skifiya: kul'turno-istoricheskiye paralleli (Italy-Scythia: cultural and historical parallels)*. Moscow; Saint Petersburg: Svyato-Alekseyevskaya pustyn' (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2008b. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 15, 112—117 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2011. *Ellinskiye traditsii i varvarskiye vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI—IV vv. do n.e.) (Hellenic traditions and barbarian influences in the religious life of the Greek colonies of the Northern Black Sea region (6th — 4th centuries BCE))*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2014. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 639—694 (in Russian).
Schaub, I.Yu. 2015. In *Novyy Germes (New Hermes)* 6, 22—29 (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2017. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXIV. *Elita Bospora Kimmeriyskogo: Traditsii i innovatsii v aristokraticheskoy kul'ture dorimskogo vremeni (The Elite of the Cimmerian Bosporus: Tradition and Innovation in the Aristocratic Culture of Pre-Roman Times)*, 288—324 (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2019a. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)* 21, 73—81 (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2019b. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 25, 245—261 (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2020. *Smert' i vozrozhdeniye: zagrobnyy mir bosporyan (Death and rebirth: the afterlife of the Bosporans)*. Saint Petersburg: Evraziya (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 701—714. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.40.021 (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2021b. In: Vinogradov, Yu.A., Medvedeva, M.V. (eds.). *Pervyy Mordvinovskiy kurgan (The first Mordvinovsky mound)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 102—110 (in Russian).

Schaub, I.Yu. 2023. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)* 28, 23—35 (in Russian).

Schaub, I.Yu., Tereshchenko, A.E 2021. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 33, 71—77 (in Russian).

Schaub, I.Yu., Yatsenko, S.A. 2022. In *Novyy Germes (New Hermes)* 14.1, 4—19 (in Russian).

Shevchenko, A.V. 2016. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i yego blizhney sel'skoy okrugi (Terracottas of ancient Chersonesos and its surrounding rural areas)*. Simferopol: Naslediye tysyacheletiy (in Russian).

Shelov, D.B. 1950. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)* 34, 62—69 (in Russian).

Shelov-Kovedyayev, F.V. 2018. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 6, 71—80 (in Russian).

Shepard, G. 2010. In: Yarovoy, E.V. (ed.). *Indoyevropeyskaya istoriya v svete novykh issledovaniy (Sbornik trudov konferentsii pamyati professora V.A. Safronova) (Indo-European history in the light of new research (Collected proceedings of the conference in memory of Professor V.A. Safronov))*. Moscow: MGOU, 295—308 (in Russian).

Shtal, I.V. 1989. *Epicheskiye predaniya Drevney Gretsii (Epic legends of Ancient Greece)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shtal, I.V. 1996. In: Shtal, I.V. (ed.). *Klassicheskaya filologiya na sovremennom etape (Classical philology at the present stage)*. Moscow: Nasledie, 29—45 (in Russian).

Shcheglov, A. N. 2000. In: Savinov, D.G. (ed.). *Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 14—17 noyabrya 2000 g. (Sanctuaries: archeology of ritual and issues of semantics. Proceedings of the thematic scientific conference, Saint Petersburg, November 14—17, 2000)*. Saint Petersburg: SPbGU, 67—73 (in Russian).

Shcheglov, A.N. 2001. In: Marchenko, L.V. (ed.). *Khersones Tavricheskiy: u istokov mirovykh religiy (Chersonese Tauride: at the origins of world religions)*. Sevastopol: NZKHT, 52—61 (in Russian).

Etkind, A. 1998. *Khlyst (Sekty, literatura i revolyutsiya) (Khlyst (Sects, Literature and Revolution))*. Moscow: NLO (in Russian).

Yaggi, O., Lazenkova, L. 2012. *Atticheskiye krasnofigurnyye vazy IV v. do n.e. iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika (Attic red-figure vases of the 4th century BCE from the collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve)*. Kyiv: Mistetstvo (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 143—186. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.30.006 (in Russian).

ABC: Reinach, S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris: Didot.

Alexandrescu, P. 1966. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman. *StCI* 8, 75—86.

Burkert, W. 2004. *Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture*. Cambridge: Harvard University Press.

Chiekova, D. 2007. Cults of the Greek cities en aristera tou Pontou: Interaction of Greek and Thracian traditions. *Electronic Antiquity*. Iss. 11.1 . November.

Curtius, L. 1928. Sardanapal. *JdI* 43, 179—202.

Delavaud-Roux, M.-H. 1995. *Les dances dionysaques en Grèce antique*. Aix en Provence: l'Université de Provence.

Ehrhardt, N. 1983. *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main; Bern; New-York: P. Lang.

Gicheva, R. 1997. Sabazios. *LIMC* 8, 1068—1071.

Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.

Hornbostel, W.1980. *Aus Gräbern und Heiligtümern: die Antikensammlung Walter Kropatscheck*. Mainz: von Zabern.

IOSPE I^2: Latyschev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Imperatoeskaya akademiya nauk.
Knoblauch, P. 1938. Attische Figurenvasen des 4. Jahrh. v. Chr. *AA* 20, 336—357.
Kraus, Th. 1954. Bemerkungen zum Sessel des Dionysospriesters im Athener Dionysostheater. *JdI* 69, 32—48.
Langlotz, E. 1932. Dionysos. *Die Antike* 8, 172—183.
LSJ: Liddell, H.G., Scott, R. (comp). 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: University Press.
Manzewitsch A. 1932. *Ein Grabfund aus Chersonnes*. Leningrad: Akademie für Geschichte der materiellen Kultur.
Meuli, K. 1935. Scythica. *Hermes* 70, 121—176.
Nilsson, M.P. 1967. *Geschichte der griechischen Religion*. 3 Aufl. Bd. I. München: Beck.
Penkova, E. 2003. Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia. *Thracia* 15, 605—619.
Picard, Ch. 1961. Sabazios, dieu thraco-phrygien, expansion et aspects nouveaux de son culte. *RA* 11, 129—176.
Popova, R. 2009. The road of Sabazios to the northern coasts of the Black Sea: The Bosporan Kingdom. *Thracia* 18, 165—184.
Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid — 7th to 3rd century B.C*. Leningrad: Aurora Art Publishers.
Robinson, D.M. 1941. *Excavations at Olynthos*. Vol. X. Baltimore: The Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press.
Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
Schauenburg, K. 1953. Pluton und Dionysos. *JdI* 68, 38—72.
Schefold, K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
Schefold, K. 1959. *Griechische Kunst als religiöses Phänomen*. Hamburg: Rowohlt.
Schefold, K. 1960. *Meisterwerke griechischer Kunst*. Basel-Stuttgart: B. Schwabe.
Valeva, Ju. 1995. The Sveshari Figurines (an Attempt to Specify Several Hypotheses). *Thracia* 11, 337—352.
Wace, A.J.B. 1929. The Lead Figurines. In: Dawkins, R.M. (ed.). *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. London: Macmillan and Co., 249—284.
West, M.L. 1982. The Orphics in Olbia. *ZPE* 45, 17—29.
Wright, G.R.H., 2003. Orpheus with his Head. *Thracia* 15, 179—189.

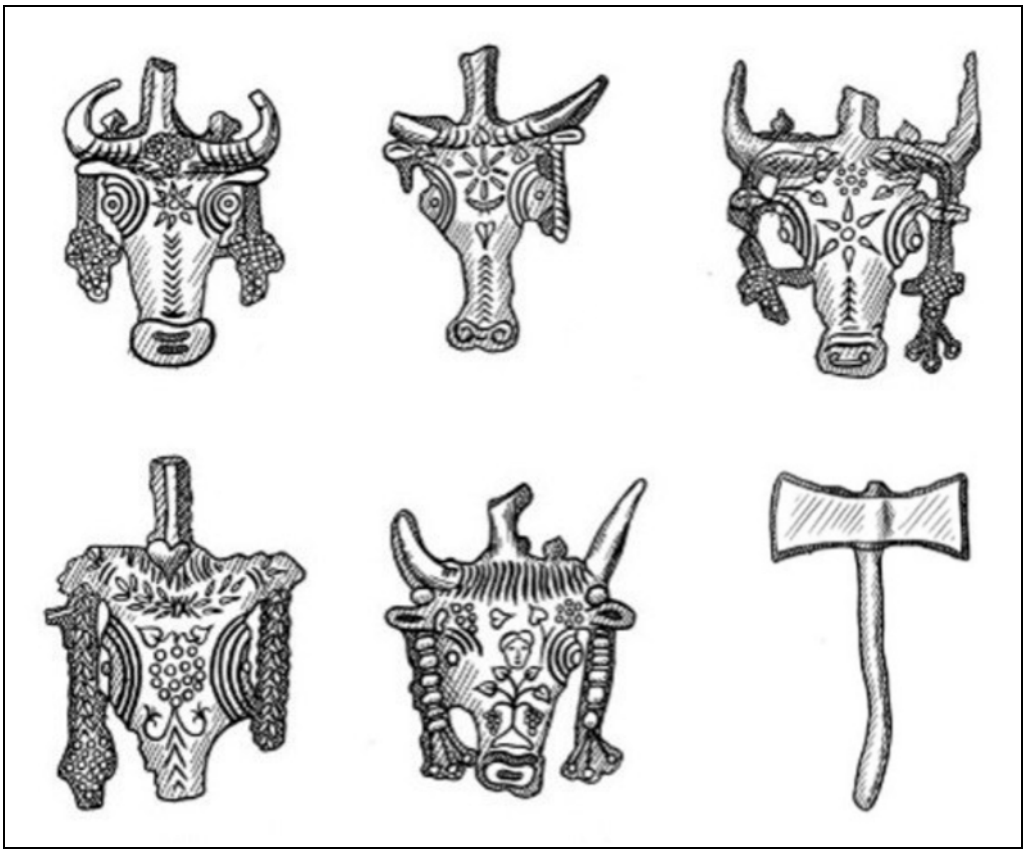


Рис. 1. Свинцовые вотивы. Ольвия, IV—III вв. до н.э. (по Зайцева 1971: рис. 2: 4—6, 15—16; 6: 1).

Fig. 1. Lead votives. Olbia, 4th — 3rd centuries BCE (after Zaitseva 1971: Fig. 2: 4—6, 15—16, 6: 1).

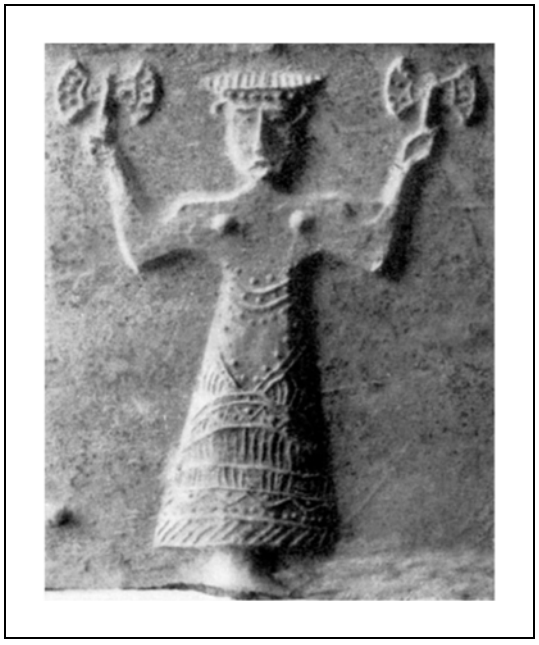


Рис. 2. Литейная форма. Палекастро (Крит), XVI в. до н.э. (по Nilsson 1967: Taf. 9: 2).

Fig. 2. Casting mold. Palekastro (Crete), 16th century BCE (after Nilsson 1967: Taf. 9: 2).

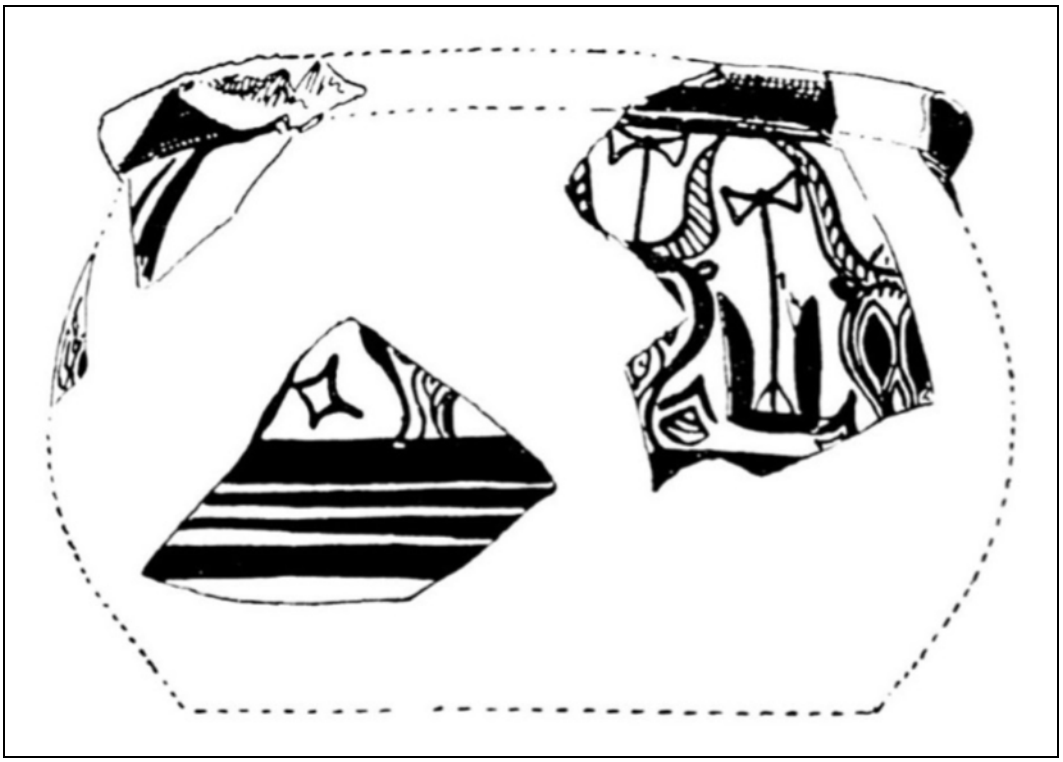


Рис. 3. Фрагмент росписи сосуда (прорисовка). Кипр, XIV в. до н.э. (по Nilsson 1967: Taf. 8,2).

Fig. 3. Fragment of a vase painting (drawing). Cyprus, 14th century BCE (after Nilsson 1967: Taf. 8.2).

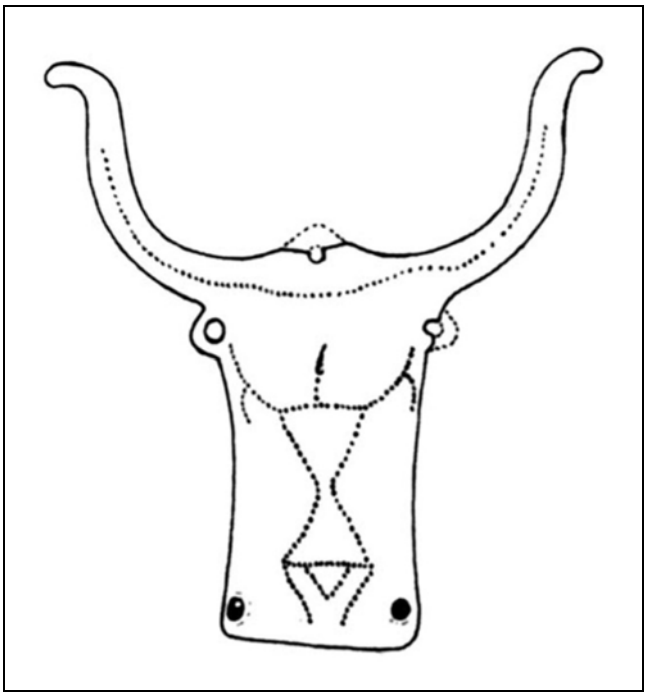


Рис. 4. Костяная пластина (прорисовка). Западная Украина, середина IV тыс. до н.э. (по Gimbutas 1989: Fig. 420).

Fig. 4. Bone plate (drawing). West Ukraine, Middle of 4th Millennium BCE (after Gimbutas 1989: Fig. 420).

Рис. 5. Предметы из коллекции В. Божкова: *1* — серебряный канфар с позолоченными атташами. Фракия, последняя четверть V в. до н.э.; *2* — серебряный позолоченный атташ; *3* — серебряный канфар с позолоченными атташами. Фракия, конец V в. до н.э. (по Фракийское золото 2013: 224, 236, 298).

Fig. 5. Items from the collection of V. Bozhkov: *1* — silver cantharos with gilded attaches. Thrace, last quarter of the 5th century BCE; *2* — silver gilded attache; *3* — silver cantharos with gilded attaches. Thrace, end of the 5th century BCE (after Frakiyskoye zoloto 2013: 224, 236, 298).

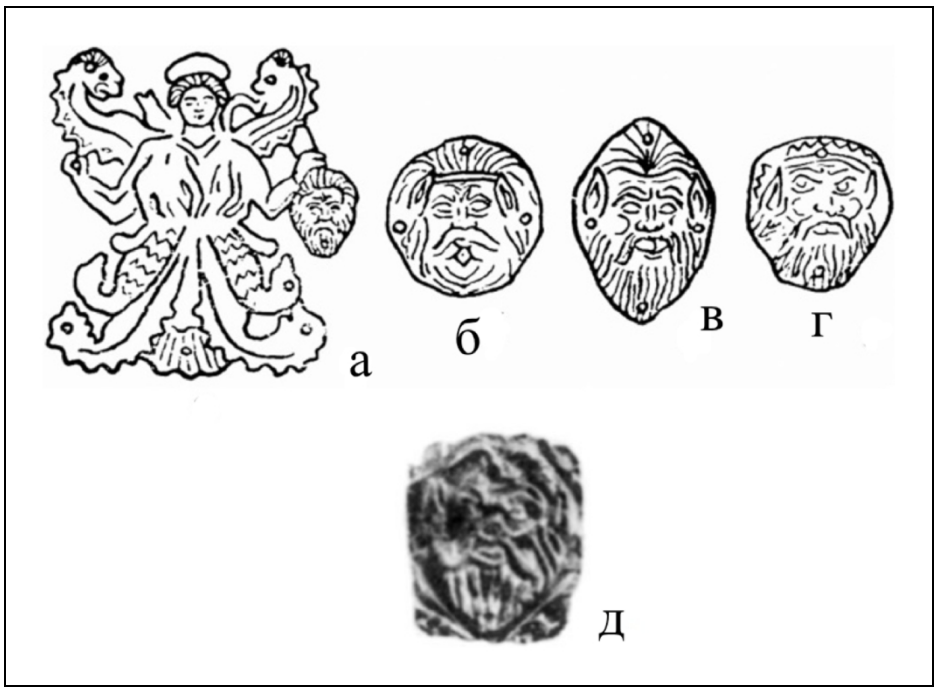


Рис. 6. Золотые бляшки. IV в. до н.э.: *а* — Куль-Оба; *б* — Таманский полуостров; *в* — Большая Близница; *г* — Феодосия (по Шелов 1950: рис. 18: 1—4); *д* — Херсонес (по Manzewitsch 1932: Taf. 1: 5).

Fig. 6. Gold plaques. 4th century BCE: *а* — burial mound Kul-Oba; *б* — Taman Peninsula; *в* — burial mound Bolshaya Bliznitsa; *г* — Theodosia (after Shelov 1950: Fig. 18: 1—4); *д* — Chersonesos (after Manzewitsch 1932: Taf. 1: 5).

Рис. 7. Золотая пластина. Курган у станицы Ивановской, IV в. до н.э. (по Анфимов 1987: 127).

Fig. 7. Gold plate. Burial mound near the Ivanovskaya village, 4th century BCE (after Anfimov 1987: 127).

Рис. 8. Золотая фиала. Куль-Оба, IV в. до н.э. (по Piotrovsky et al. 1986: Fig. 99).

Fig. 8. Gold phiale. Burial mound Kul-Oba, 4th century BCE (after Piotrovsky et al. 1986: Fig. 99).

Рис. 9. Золотая пластина. Карагодеуашх, IV в. до н.э. (по Piotrovsky et al. 1986: Fig. 232).

Fig. 9. Gold plate. Burial mound Karagodeuashkh, 4th century BCE (after Piotrovsky et al. 1986: Fig. 232).

Рис. 10.Серебряные позолоченные уздечные бляхи. Бабина могила, IV в. до н.э. (по Мозолевский, Полин 2005: табл. VII: 1, 3).

Fig. 10. Silver gilded bridle plates. Burial mound Babina mogila, 4th century BCE (after Mozolevsky, Polin 2005: Tab. VII: 1, 3).

Рис. 11. Золотая бляшка. Куль-Оба, IV в. до н.э. (по Уильямс, Огден 1995: № 92).

Fig. 11. Gold plaque. Burial mound Kul-Oba, 4th century BCE (after Williams, Ogden 1995: no. 92).

Рис. 12. Золотая серьга (прорисовка) (по ABC: pl. VII: 11).

Fig. 12. Gold earring (drawing) (after ABC: pl. VII: 11).

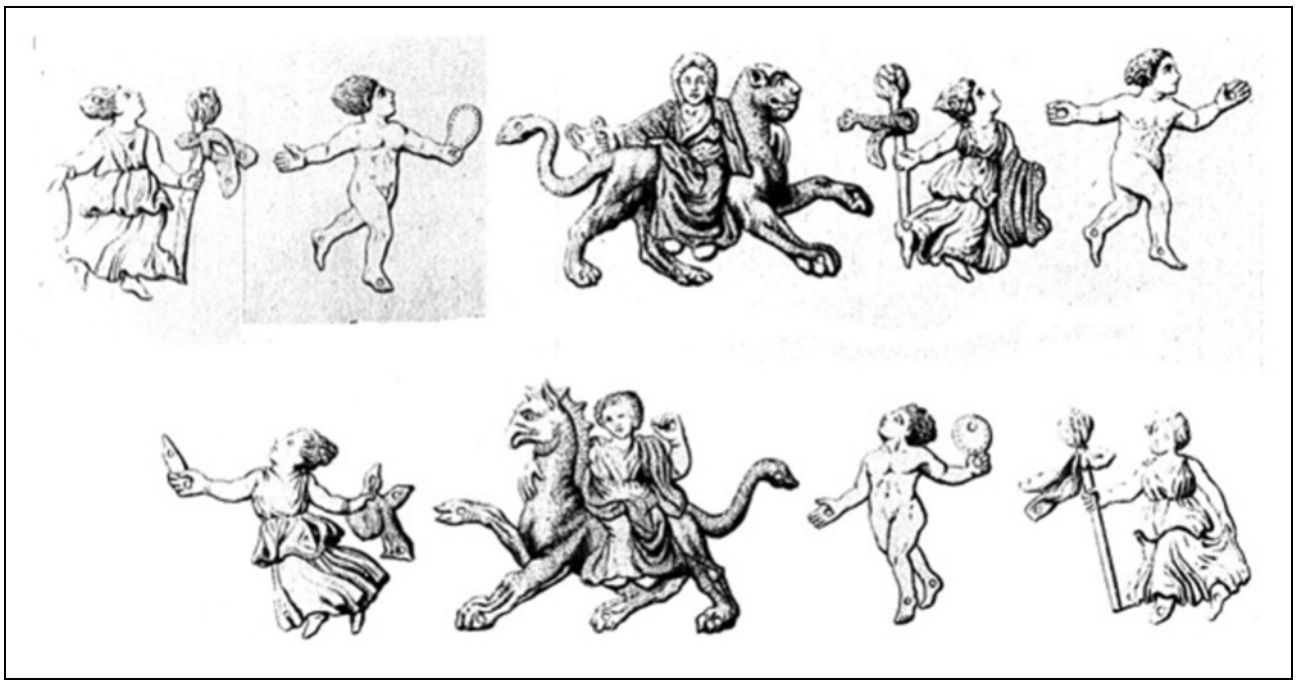


Рис. 13. Золотые украшения калафа (прорисовка). Большая Близница, погребение 4, IV в. до н.э. (по ОАК 1868: табл. I: 1—9).

Fig. 13. Gold ornaments of the kalathos (drawing). Burial mound Bolshaya Bliznitsa, Tomb 4, 4th century BCE (after OAK 1868: Tab. I: 1—9).

Рис. 14. Золотые украшения калафа. Деев курган, IV в. до н.э. (по Ростовцев, Степанов 1917: табл. VII).

Fig. 14. Gold ornaments of the kalathos. Deev burial mound, 4th century BCE (after Rostovtsev, Stepanov 1917: Tab. VII).

Рис. 15. Золотая бляшка (прорисовка). Большая Близница, Погребение 1, IV в. до н.э. (по ОАК 1864: табл. III: 1).

Fig. 15. Gold plaque (drawing). Burial mound Bolshaya Bliznitsa, Tomb 1, 4th century BCE (after OAK 1864: Tab. III: 1).

Рис. 16. Терракота. Детское погребение. Пантикапей, IV в. до н.э. (по Марти 1940: рис. 5: I).

Fig. 16. Terracotta. Burial of a child. Panticapaeum, 4th century BCE (after Marty 1940: fig. 5: I).

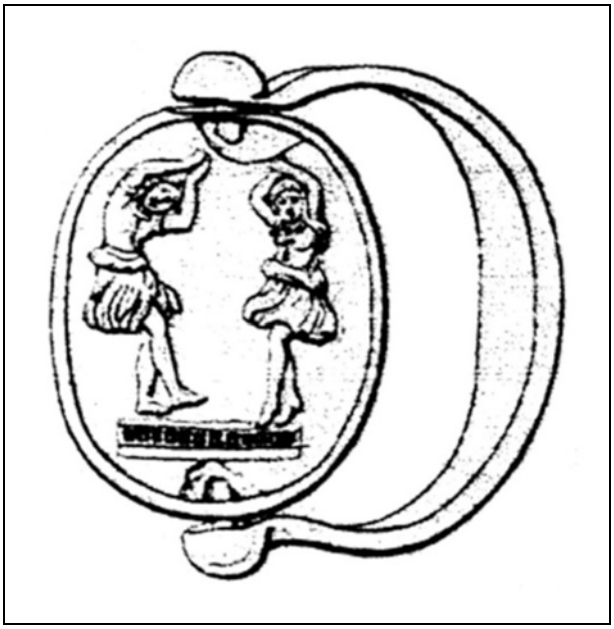


Рис. 17. Золотой перстень (прорисовка). Павловский курган, IV в. до н.э. (по ОАК 1859: табл. III: 4).

Fig. 17. Gold ring (drawing). Pavlovsky burial mound, 4th century BCE (after OAK 1859: Tab. III: 4).

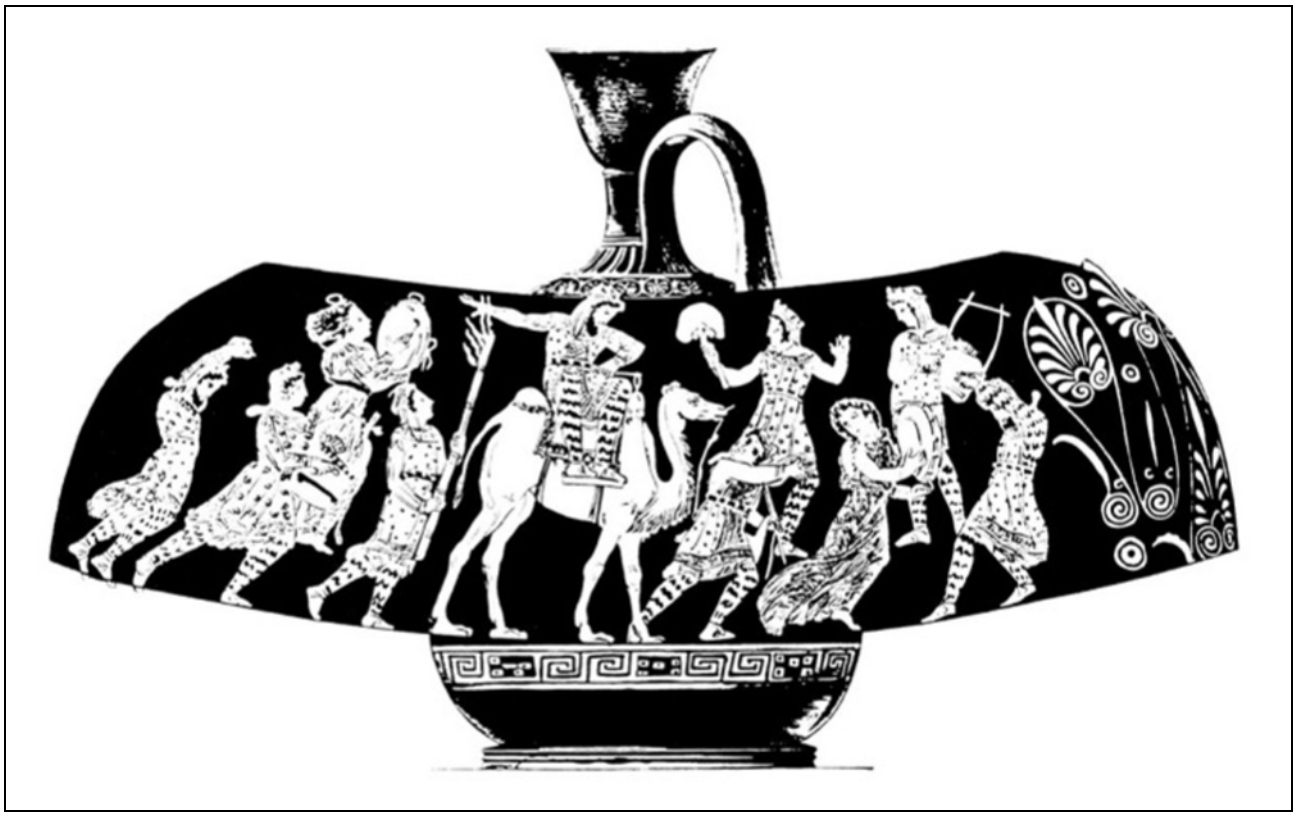


Рис. 18. Краснофигурный арибалл (прорисовка), конец V в. до н.э. (по Curtius 1928: Abb. 1).

Fig. 18. Red-figure aryball (drawing), end of the 5th century BCE (after Curtius 1928: Abb. 1).

Рис. 19. Акротерий (прорисовка). Эрмитаж, III в. до н.э. (по Бессонова 1983: рис. 10, 3).

Fig. 19. Acroterium (drawing). State Hermitage Museum, 3rd century BCE (after Bessonova 1983: Fig. 10, 3).

Рис. 20. Золотая диадема. Куль-Оба, IV в. до н.э. (по Уильямс, Огден 1995: № 85).

Fig. 20. Gold diadem. Burial mound Kul-Oba, 4th century BCE (after Williams, Ogden 1995: no. 85).

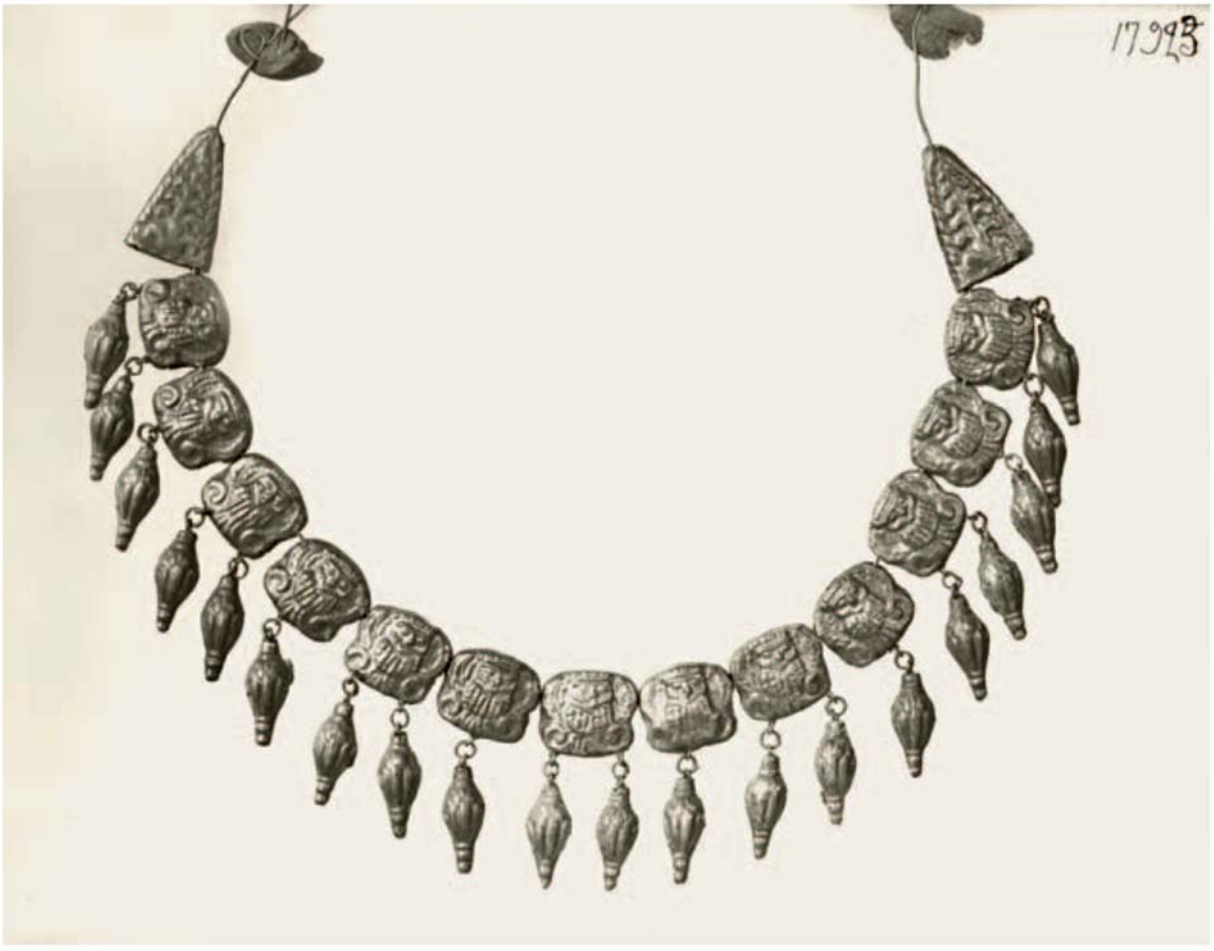


Рис. 21. Золотое ожерелье. 1 Мордвиновский курган, IV в. до н.э. (по Шауб 2021б: табл. 105).

Fig. 21. Gold necklace. 1 Mordvinovsky burial mound, 4th century BCE (after Schaub 2021b: Tab. 105).

DOI: 10.53737/2284.2023.77.54.028

Liana Nazaryan, Davit Nahatakyan, Armen Hayrapetyan, Hakob Muradyan, Hasmik Matikyan, Arkadi Akopov

THE SPREAD OF CHALCEDONISM IN TAYK AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL ENVIRONMENT*

In 451, after the Ecumenical Council of Chalcedon, Chalcedonism spread in Armenia, especially in Tayk. With its spread, Georgian penetrated there having an impact on the historic and cultural life and the ethnic image of the region. A part of the Armenians, breaking away from the Armenian Church, became Georgian-speaking. The study aims to analyze the process and the ethno-religious environment resulted from the impact of the new confession. In Tayk, a bishop's seat was founded as early as the 4th century by Gregory the Illuminator, and it continued to be a diocese of the Armenian Apostolic Church, which is testified by the fact that the names of the bishops of Tayk have been remembered at church meetings etc. until the 9th — 10th centuries. Chalcedonism and Georgian writing and literature rooted in the region as late as the 9th — 10th centuries, when the Bagratunis, the local ruling elite, accepted the Chalcedonian confession. As a result, the population of Tayk and their rulers were called 'Georgians' or 'Iberians' in both Armenian and foreign records. In Tayk, even church ceremonies were performed in Georgian, though Armenian was also used.

Key words: Armenian Apostolic Church, confession, Chalcedonism, church assembly, Byzantine Empire, Kgharjk, Kurapalat, Armenians, Georgians, Iberians.

About the authors: Nazaryan Liana[1], Candidate of Sciences (History), Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Nahatakyan Davit[2], Candidate of Sciences (Architecture), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy o Sciences of the Republic of Armenia; Hayrapetyan Armen[3], Candidate of Sciences (History), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy o Sciences of the Republic of Armenia; Muradyan Hakob[4], Candidate of Sciences (History), Institute of History of the National Academy o Sciences of the Republic of Armenia; Matikyan Hasmik[5], Candidate of Sciences (Philology), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy o Sciences of the Republic of Armenia; Akopov Arkadi[6], Candidate of Sciences (History), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy o Sciences of the Republic of Armenia.

Contact information: [1,4]0019, Armenia, Yerevan, 24/4 Marshal Baghramyan Ave., Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; e-mail: [1]lian_nazaryan@mail.ru; [4]muradyanhakob@yahoo.com; [2,3,5,6]3115, Armenia, Gyumri, 5a Vazgen Sargsyan St., Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy o Sciences of the Republic of Armenia; e-mail: [2]davit.nahatakyan@gmail.com, [3]armenani@mail.ru, [5]hasvrej@mail.ru, [6]arkadone1@gmail.com.

Л.С. Назарян, Д.С. Наатакян, А.С. Айрапетян, А.Г. Мурадян, А.Г. Матикян, А.А. Акопов

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХАЛКИДОНИЗМА В ТАЙКЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

После Четвёртого Вселенского Халкидонского собора в 451 г. халкидонизм стал распространяться в Армении, особенно в её провинции Тайк. С распространением халкидонизма туда внедрился грузинский язык, что оказало значительное влияние на историко-культурную жизнь и этнический облик региона.

* The work was supported by the Science Committee of Republic of Armenia, in the frames of the research project № 21T-2A292.

Статья поступила в номер 8 апреля 2023 г.
Принята к печати 25 апреля 2023 г.

© Liana Nazaryan, Davit Nahatakyan, Armen Hayrapetyan, Hakob Muradyan, Hasmik Matikyan, Arkadi Akopov, 2023.

Часть армянского населения, постепенно отдаляясь от Армянской церкви, стала грузиноязычной. Цель статьи — изучить процесс распространения халкидонизма в Тайке и образовавшуюся в результате этого новую этнорелигиозную среду, проанализировать влияние нового вероисповедания на историко-культурную среду. В Тайке, где епископский престол еще в IV в. был основан Григорием Просветителем, до IX—X вв. продолжала оставаться епархия Армянской Апостольской церкви, свидетельством чего являются имена епископов Тайка, упоминаемых на церковных собраниях и в других случаях. Только в IX—X вв., когда местная правящая элита — Багратуни — приняла халкидонскую религию, в регионе укоренились халкидонизм, грузинская письменность и литература. В результате смены вероисповедания в армянских и зарубежных источниках население и правители Тайка стали также именоваться «грузинами» или «иберами». В Тайке и соседнем Кхарджке даже церковные обряды проводились на грузинском языке, хотя использовался и армянский.

Ключевые слова: Армянская Апостольская церковь, конфессия, халкидонизм, церковное собрание, Византийская империя, Тайк, Кхарджк, Курапалат, армяне, грузины, иверийцы.

Сведения об авторах: Назарян Лиана Сашаевна[1], кандидат исторических наук, Институт Истории Национальной Академии Наук Республики Армения; Наатакян Давит Самвелович[2], кандидат архитектуры, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Айрапетян Армен Сергоевич[3], кандидат исторических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Мурадян Акоп Гарибович[4], кандидат исторических наук, Институт Истории Национальной Академии Наук Республики Армения; Матикян Асмик Гамлетовна[5], кандидат филологических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Акопов Аркадий Артемович[6], кандидат исторических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения.

Контактная информация: [1,4]0019, Армения, г. Ереван, пр-т Маршала Баграмяна, д. 24/4, Институт Истории Национальной Академии Наук Республики Армения; e-mail: [1]lian_nazaryan@mail.ru; [4]muradyanhakob@yahoo.com; [2,3,5,6]3115, Армения, г. Гюмри, ул. Вазгена Саргсяна, д. 5а, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; e-mail: [2]davit.nahatakyan@gmail.com, [3]armenani@mail.ru, [5]hasvrej@mail.ru, [6]arkadone1@gmail.com.

Introduction

In the middle of the 5th century, extremely important events took place in the life of the Armenian Church. The most important of them was the IV Ecumenical Council of Chalcedon in 451, whose decisions led to the separation of the Armenian Church from the Universal Christian Church. This did not stop the spread of Chalcedonism in Armenia. A new spiritual-cultural, ethno-religious, as well as historical-cultural environment was formed. These processes were especially evident in the territories adjacent to the Byzantine Empire: in the province of Tayk of Greater Armenia and in the western provinces of Gugark (Kgharjk, Artahan, etc.). The separation of the Georgian Church from the Armenian Church and joining the Byzantine Church in the 7th century greatly contributed to the spread of Chalcedonism in these regions.

In fact, the spread of Chalcedonism in those provinces of Greater Armenia created favorable conditions for changing the religious, linguistic, and cultural environment. The Georgian language that penetrated Tayk, Kgharjk and the surrounding areas had a significant impact on the historical and cultural life and ethnic image of the region. Part of the population, separated from the Armenian Church, gradually became Georgian-speaking. The new language greatly influenced other areas of culture as well. And yet, Tayk, with its rich historical-cultural heritage, preserved its Armenian identity, and the Armenian language and writing were preserved here until the first decades of the 20th century. Therefore, it is necessary to study the causes and process of ethno-religious, linguistic, historical-cultural changes in the Armenian territories.

Diocese of Tayk of the Armenian Apostolic Church (4th — 9th centuries)

After the declaration of Christianity as the state religion in Armenia, Gregory the Illuminator established episcopal dioceses (Ukhtanes 2011: 243) in various provinces of the country, including Tayk. According to Agathangelos, the first bishop of Tayk was Aghbios, who, due to the fact that he was the spiritual leader of Tayk and Taron, received the name of the bishop of the sparapet house or Mamikonians (Agathangelos 1983: 178). The issue of diocesan division of the Armenian Church during the pontificate of Gregory the Illuminator was addressed by B. Harutyunyan. According to him, after the declaration of Christianity as the state religion, 36 dioceses were established in Greater Armenia "which was based on a twofold principle: the administrative division of the kingdom according to the provinces (called "ashkharh", which means "province") and giving the right to episcopal dioceses to the most prominent ruling families of Armenia who embarked on the path of feudalism" (Harutyunyan 2000: 126).

The examination of the boundaries of his preaching supports the fact that Gregory the Illuminator ordained a bishop in Tayk. Thus, according to the Armenian edition of the history of Agathangelos, the first pastor of the Armenian Church preached as far as Khaghtik and Kgharjk (Agathangelos 1983: 468), i.e. the western and northern border of Tayk. Therefore, it can be assumed that Tayk was among the areas of Gregory's preaching. According to Movses Khorenatsi, the spread of Christianity from Kgharjk to the Caspian Sea was carried out by saint Nune (Khorenatsi 1991: 232, 234). The Georgian Church calls the latter Nino (Takayshvili 1900: 1—116). This information is important because if the borders of Gregory the Illuminator's preaching reached Kgharjk and Khaghtik; Nino's started from Kgharjk and reached the Alanats Doors and the Caspian Sea. Therefore, it can be clearly stated that Tayk remained in the "section" of Gregory's preaching.

The sources mention the Tayk bishops on various occasions both before and after the convening of the IV Ecumenical Council of Chalcedon. For instance, Pavstos Buzand, referring to the spiritual leaders of the Persian section after the first division of Armenia between Rome and Persia (387), remembers the bishop of Tayk Kirakos and calls him Shahap, ranking him among the most influential (Buzand 1987: 400, 410).

The next bishop of Tayk was Tachat, a participant of the Artashat assembly (450) (Parpetsi 1982: 28). In the middle of the 5th century, the priest Abraham from "Zenaks village of Tayk province" was also known, as evidenced by Ghazar Parpetsi (Parpetsi 1982: 224). He is best known as the chronicler Abraham Khostovanogh, and in 463 he was ordained a bishop of Bznunik province. The Catholicos Gyut A Arahezatsi (461—478) (Parpetsi 1982: 264) was also born in Tayk. It is likely that both of them started their spiritual activities in Tayk.

The name of the bishop Atatea of Tayk is found in the list of participants (Girq Tghtoc 1901: 41) of the first church assembly of Dvin in 506. If we take into account the fact that the council was directed against Nestorianism and Chalcedonism, then the participation of the bishop of Tayk proves that at the beginning of the 6th century Chalcedonism was not rooted here and the diocese was part of the Armenian Apostolic Church. Movses Kaghankatvatsi remembers Bishop Stepanos of Tayk, who participated in the drafting of the letter written by Armenian Catholicos Hovhannes II Gabeghenatsi (557—574) to Catholicos Ter Abbas of Aghvan (551—595) regarding "preserving the Armenian faith steadfast" (Kaghankatvatsi 2011: 168). Stepanos is also mentioned in "Girq Tghtots" (Girq Tghtoc 1901: 81).

Catholicos Nerses III (641—661) was one of the representatives of the Tayk spiritual class, who, according to Sebeos, was from the village of Ishkhan (Sebeos 1979: 166). Before being elected Catholicos, Hovhannes Draskhanakertsi (Draskhanakertsi 1912: 83) and Asoghik (Asoghik 1885: 88) remember Nerses as the bishop of Tayk. The church council of Dvin, convened by Nerses III in 645 (or 648), was attended by the Bishop Israel of Tayk, who is also mentioned in Kanonagirk (Hakobyan 1971: 214). It is assumed that the latter became the bishop of Tayk after Nerses was elected as the Catholicos.

Another bishop of Tayk, Sargis, participated in the Seventh Church Assembly of Manazkert (Girq Tghtoc 1901: 223) convened by Catholicos Hovhannes III Odznetsi (717—728) in 726.

The vardapet (archimandrite) Sahak Mrut, who wrote a reply letter to the patriarch Pot, was born in Tayk, who, being persecuted by the Chalcedonians of Tayk, found refuge with the Armenian prince, then king Ashot I (885—890). Vardan the historian writes about it: "The one named Sahak Mrut, who was the bishop of Tayots in Ashunk (from Oshk), and who was persecuted for his faith, came to Ashot" (Vardan 1862: 85).

The participation of these bishops in the church assemblies is enough to prove that the episcopal diocese of Tayk continued to be part of the Armenian Church even after the Council of Chalcedon, and its spiritual pastors always occupied an influential position among the representatives of the church class.

Nevertheless, Tayk is one of the provinces of Greater Armenia, where the Chalcedonian confession spread widely and deeply rooted. And it had a political connotation. Until the middle of the 7th century, a part of the Armenians of Tayk saw in Chalcedonism a way to oppose Persia, from the middle of the 7th century, an opportunity to get the support of Byzantium in the fight against the Arabs (Akopov 2013: 29). The inaccessible location of the territory also contributed to the spread of the new confession. Persecuted Chalcedonians from other regions of Armenia took refuge in Tayk, as a result of which over time they formed a large number there.

The Spread of Chalcedonism in Tayk

The first evidences in sources about the Chalcedonian communities in Tayk are preserved in the Armenian-Chalcedonian "Narratio de rebus Armeniae" (Akinean 1968: 439—450; Bartikyan 2002a: 97—110) ("Narrative about the Armenian Question"), according to which "a war took place..." In the E (5) year of emperor Phocas (602—610) and the T (20) year of Khosrov (Khosrov II, 590—628). It was at that time that the heretic Catholicos Abraham forced the bishops of the section of Hovhannes (Kaghankatvatsi 2011: 336) to denounce the council of Chalcedon, otherwise, to leave the regions of Armenia. The latter did not agree and some of them moved to Tayk, some went to Byzantines and died in a foreign land (Bartikyan 2002a: 107). Based on the above, it can be concluded that the first Chalcedonians appeared among the general population of Tayk in the beginning of the 7th century, and in the ruling elite — only in the 9th century, when the Bagratuni dynasty received titles from the Byzantine emperors, marking the beginning of the hereditary rule of Kurapalats.

However, Chalcedonism was not widespread in the region even in the 9th — 11th centuries, and even among the clergy, the memories of the saints of the Armenian Church continued to be preserved. This is evidenced by a Georgian hagiographic-testimonial collection (Muradyan 2008: 1) of the first half of the 11th century of the Monastery of Iviron in Athos. According to N. Marr it is "intended for Armenians associated with the Georgian Orthodox Church" (Marr 1899: 68). This remarkable statement of the scientist is based on a sentence on page $349r_2$ of the manuscript: "ესე (წამებ)ანი სომხურითგან თარგმნილ არიან" (These testimonies are translated from Armenian) (Marr 1900: 68). I. Abuladze interprets it differently: "ესე (საკითხა)ვნი სომხთაგან თარგმნილ არიან" (These readings are translated by Armenians) (Abuladze 1944: 061—062). N. Marr and I. Abuladze do not deny that the collection was created in the Armenian Chalcedonian environment. Moreover, according to them, it was translated in the Armenian-Chalcedonian and Georgian-speaking environment of Tayk-Kgharjk. In other words, although the Armenian clergy of Tayk and Kgharjk appropriated Georgian writing and literature, they continued to keep in their memory the hagiography and testimonies taken from the Armenian "Vark Srbots".

Two testimonies from "Vark Srbots" refer to the lives of children who were martyred for their faith. In one of them, the young brothers are killed by their uncle Tevdas, because "they had a true and upright faith in the Holy Trinity" (Muradyan 2008: 107). The second testimony refers to the

nine children who are also martyred for the faith by their parents. As mentioned in the testimony: “Near the source of the big river called Kur, in the province called Kogha, there was a big village (we are talking about the village of Kriakunk). The majority of the population of that village were worshipers of pagan idols, a small part of the people were Christians, worshipers of God” (Muradyan 2008: 115). The author of the testimony notes that the priest baptizes children in the Kur River at night, because of which they are killed by their parents. In other words, the majority of the population of the village of Kriakunk mentioned in the second testimony were worshipers of pagan idols, a small part of the people were Christians, God-worshippers (Muradyan 2008: 115). Both of these testimonies were written no earlier than the 8th century and no later than the 9th century, the period when Chalcedonism was spreading in Tayk, so it is surprising that the testimonies refer to the struggle between Christianity and paganism.

The existence of two testimonies proves that they were created by the Armenian-Chalcedonians of Tayk and, being significantly alienated from the Armenian reality, were not included in the Armenian bibliography. The second explanation can be the following: they were written by the followers of the Armenian Apostolic Church of Tayk, and then translated into Georgian, again without leaving the Chalcedonian environment. However, we think there is also a third option. It is not excluded that instead of the struggle between Christianity and paganism described in the testimony, the struggle between Chalcedonism and monophysitism was originally described, the former being presented as Christianity, and the latter as paganism. Since in this case the facts of the forced spread of Chalcedonism among the common people would have been obvious, subsequent imitations or translations, which are scarce, have transformed it into a struggle between Christianity and paganism. That is why they were not spread among the Armenian Church, and they are relatively few in the framework of Georgian bibliography.

In other words, these testimonies show that in the 8th — 9th centuries, communities following the religion of the Armenian Church were preserved in Tayk, and Chalcedonism was accepted with hostility among the common people, unlike the ruling classes.

Indirect evidence of the existence of followers of the Armenian Apostolic Church in Tayk and neighboring Kgharjk (9th — 10th centuries) can also be found in the pages of the hagiography of Grigor Khandztetsi. Although it does not directly mention the believers of the Armenian Church, it mentions some “evil spirits” and “enemies”. They are constantly persecuting one of Grigor Khandztetsi’s students and want to expel him from his monastery (Merchule 1911: 113—114). The latter turns to Khandztetsi for help, who goes and puts the "evil spirits" to flight (Merchule 1911: 114). This information mixed with myths has no value outwardly, but become remarkable when we consider the period. Grigor Khandztetsi lived and developed his spiritual activities in the 9th — 10th centuries. It was a period when the spread of Chalcedonism was increasing in Tayk and Kgharjk, which was definitely not accepted by the local Armenians, as evidenced by the two above-mentioned testimonies. The student of Grigor of Khandzta, according to the biographer, came from Mijnadzor and settled in "Berdi" (in the Georgian original: ბერთისა (Bertisa) (Merchule 1911: 113). And in Tayk until the second half of the 9th century, bishop Sahak Mrut was known, who, as we have already mentioned, “was persecuted for his faith, and came to Ashot” (Vardan 1862: 85). From the combination of the above two testimonies, it follows that when the Chalcedonian spiritual figure came to Tayk, he was persecuted by the local clergy. However, soon the Chalcedonians won and persecuted and put to flight those who believed in monophysitism, whose leader Sahak Mrut, according to Vardan’s testimony, took refuge with Ashot.

It is necessary to mention one more fact. The Georgian inscriptions of some of the churches in Tayk have serious spelling errors. Thus, E. Takayshvili describes the Georgian and Greek inscriptions of the church of Ekek village as illiterate and adds that the author of these inscriptions was not good at the Greek and Georgian languages (Takayshvili 1952: 76). The Georgian scholar believes that the inscription was written around 1006—1007, that is, when the “Tao-Klarjetian Kartvelian Kingdom” was in its cultural heyday. Naturally, it is difficult to believe that such mistakes were made on the walls of the temple “by Georgian clergy in Tao, which has a Georgian

national majority". Supposedly they will oppose our statement, claiming that the person who made these inscriptions was not Georgian, and this explains the many spelling mistakes that are present in the inscription. However, let's not forget that according to the dominant point of view in Georgian studies, both the population and the clergy of Tayk were Georgians, so it is difficult to imagine how a foreigner could make a inscription with typographical errors, and the Georgian clergy and population tolerated it. All of this has only one explanation: neither the clergy of Ekek, nor the population were familiar with the Georgian language, that is, they were not Georgians, but Chalcedonian Armenians.

Thus, by examining the information of the sources, it is possible to state the forced spread of Chalcedonism in Tayk, especially among the common population. It rooted and spread widely with the adoption of Chalcedonism by the local ruling elite led by the Georgian branch of the Bagratuni dynasty. And the Georgian Church, separated from the Armenian Church, began to make attempts to spread its own influence there. Nevertheless, even in the 11th century, monophysist communities continued to exist in Tayk.

Ethno-Religious and Linguistic Changes

In the 8th — 9th centuries, with the establishment of the Bagratuni dynasty in Tayk and Kgharjk, the intervention of the Byzantine Empire became active in political life. Byzantine policy was aimed at creating a religious base in the frontier regions of the empire, first of all for the local population. Therefore, at the beginning of the 9th century, Ashot, the Bagratuni prince, was granted the title of Kurapalat in exchange for apostasy. In the 9th — 10th centuries, Chalcedonism began to spread more rapidly throughout the territory, as a result of which local residents, accepting the same confession as Georgians, began to be called Georgians in Armenian sources, although they were Armenians by nationality and origin. The best interpretation of it was given by the 17th century author Yakovb Karnetsi: "And the inhabitants of the country (Tayk) were half Armenians and half Georgians, but they spoke the Armenian language" (Karneci 1903: 17—18). And some of the latter, while being assimilated into the Georgian population, have passed on their Armenian names to the generations. Mkhitar Gosh gives another important testimony regarding the religious issue, according to which "whether a Georgian should baptize an Armenian or an Armenian should baptize a Georgian" (Gosh 2014: 458). In other words, just as Armenians accepted dyophisitism, Georgians accepted the confession of the Armenian Church. Over time, during church ceremonies, the Georgian language began to be used and spread. It was not possible to completely eradicate Armenian among the population in a short period of time. Moreover, the Georgian language was mainly used during church ceremonies. The proof of this was the "Conversations" (Akinean 1958: 30—48) translated from Arabic to Armenian by the order of Davit Kurapalates, which were narrated in the royal palaces. In fact, not only Davit Kurapalates spoke Armenian, but also those around him.

In Armenian sources, defining the authorities and leaders of Tayk with the term "Georgian" was definitely due to the religious factor, while the authority was considered purely Armenian. This is evidenced by the information of the 11th century historian Aristakes Lastivertsi, that among the Armenian authorities and kingdoms, the authority of Davit Kurapalates from Tayk is also remembered (Lastivertsi 1963: 98). Although the latter was a Chalcedonian.

Initially, Byzantine sources called Tayk either in the Armenian form "Tayk" or simply referred to it as an Armenian territory with an Armenian population (Nazaryan 2019: 128—129). However, in the 9th — 11th centuries, the situation changed and the rulers and the population of Tayk started to be called Iberians (i.e. Georgians) (Nazaryan 2019: 120—131). In Arabic sources, the region is mostly found in the form of Siraj-Tair (Shirak-Tayk) (Nazaryan 2014: 36—42). Arabic sources, unlike Byzantine, did not take into account religious affiliation. For them, both Armenians and Georgians were equally Christians and did not differ from each other from a religious point of view. Therefore, the political side was more important and Tayk was mentioned in the Armenian way. In

Arabic sources, the region is remembered together with Shirak in the form of Siraj-Tair, based on the fact that their rulers were Bagratunis.

Starting from the 11th century, the Byzantine Empire began appointing rulers of Byzantine nationality in the Armenian territories it received, with the aim of strengthening its position in those territories and accelerating the assimilation of the local Armenian population (Lastivertsi 1963: 6). One of them was Eustathios Boilas, who settled with his family in the domains of David Kurapalates, which passed to Byzantium, in Tayk and some part of Kgharjk. In his testament, Boylas states that in the middle of the 11th century, the Armenian population of Tayk and Kgharjk was not yet completely Chalcedonian, otherwise he would not have written that he had lived among peoples who worshiped other faiths (Bartikyan 2002b: 65). The Georgians were not of a different confession to the Byzantines, nor could the Chalcedonian Armenians be. Therefore, in this case, Boylas was referring to the Armenians who profess monophysitism (Bartikyan 2002b: 65). And the Chalcedonians and the followers of the Armenian Apostolic Church considered each other as heretics.

In the middle of the 11th century, the political and military leadership of Tayk-Kgharjk was in the hands of Armenians (perhaps of Chalcedonism confession) (Bartikyan 2002b: 66). Grigor Bakurian, a prominent military and statesman of the Byzantine Armenian nation of that period, was one of them (Bartikyan 2002c: 409). Although the latter considered himself a Georgian, he was originally from the Armenian Chalcedonians of Tayk, and wrote in Armenian (Marr 1905: 20—21). He built the Monastery of Patricios in Bulgaria, and he himself wrote the "Constitution" (Typicon) for its congregation. It is written in Greek, but Grigor Bakurian signed it in Armenian, although the monastery is called "Georgian" (Arutyunova-Fidanyan 1978). Most of the congregants were probably Armenians who, like Grigor Bakurian, used Armenian, but considered themselves Georgians. This circumstance is natural, because in the given period, the criterion of nationality was also confession.

Cases of apostasy of the Armenian population of Tayk can also be found during the following centuries, which was mainly due to the provision of security. For example, the Christian population of the territories that came under the control of the Ottoman Empire, who had previously accepted Chalcedonism, converted to Islam in order to avoid massacres. In other words, their confession has changed, not their nationality. Therefore, in the 9th — 11th centuries, the population of Tayk was mostly Chalcedonian, but the latter were Armenians by nationality and origin, who are called Georgians in Armenian sources, and Iberians in Byzantine sources.

Results

Thus, judging from the information of the sources, it can be stated that Tayk, Kgharjk and other surrounding settlements, being territories bordering the Byzantine Empire and Georgia, were affected by the latter's political, religious, cultural and linguistic influences. As a result of all that, Chalcedonism spread and deeply rooted, which was also the basis for the penetration of the Georgian language and the Georgian ethnic group.

However, before the IV Ecumenical Council of Chalcedon and after that, Tayk was and remained a diocese of the Armenian Apostolic Church, having its own bishop. Sources up to the 9th — 10th centuries mention the Tayk spiritual leaders on various occasions. This proves that although Chalcedonism was spreading in the region, Tayk remained an inseparable part of the Armenian Church.

However, Tayk was one of the Armenian regions where the Byzantine Church's confession became predominant. The first evidence of the spread of Chalcedonism there dates back to the beginning of the 7th century. Due to its geographical location, the region was a reliable refuge for the Chalcedonians, who, escaping persecution, settled there. However, the new confession was forcibly spread among the common population. Only in the 9th — 10th centuries, when the Bagratunis, who ruled Tayk accepted Chalcedonism, it was strengthened in the region.

Along with the spread of Chalcedonism, Georgian writing and literature also penetrated Tayk and the surrounding provinces. With the spread of the Georgian language, the Georgian population gradually formed in the state. However, no matter how much the latter penetrated and strengthened in the territory, the Armenian population continued to survive in Tayk. As a result of ethno-religious changes, the local Armenian population began to be called "Georgian" and "Iberian" in the sources, which characterized their confessional affiliation. In the following centuries, the Christian population of Tayk also converted to Islam to avoid the massacres.

Therefore, over time, ethno-religious, linguistic and cultural changes left their mark on the formation of a new historical and cultural environment of the region.

References

Abuladze, I. 1944. *Kartuli da somkhuri lit'erat'uruli urtiertoba IX—X ss-shi. gamok'vleva da t'ekst'i* (*Georgian and Armenian Literary Relations in the 9th — 10th centuries. Research and text*). Tbilisi: Academy of Science of Georgian SSR (in Georgian).

Agathangelos. 1983. *Patmut'yun Hayots', k'nnakan bnagiry G. Ter-Mkrtch'yani yev S. Kanayants'i* (*History of Armenia, examination original by G. Ter-Mkrtchyan and S. Kanayants).* Yerevan: Yerevan University (in Armenian).

Agathangelos. 2002. Agat'angeghosi Patmut'yan hunakan norahayt khmbagrut'yuny (Vark'), t'argmanut'yun bnagrits' H. Bart'ikyani, arajaban yev tsanot'agrut'yunner A. Ter-Ghevondyani (The newly discovered Greek edition of the History of Agathangelos (Vark), translation from the original by H. Bartikyan, foreword and notes: A. Ter-Ghevondyan*). Armenian-Byzantine researches* 1, 159—180 (in Armenian).

Akinean, N. 1958. Zroyc Pghndze' Qaghaqi (Conversations of the Copper City). *Handes amsorea* 1—4, 21—48 (in Armenian).

Akinean, N. 1968. Patche'n t'ght'oyn mec'i hayrapetin Kostandinupolsi P'otay ar' Ashot ishxanac ishxan (A copy of the letter was sent by the Patriarch of Poti to prince of princes Ashot). *Handes amsorea* 10—12, 439—450 (in Armenian).

Akopov, A. 2013. *Tayq. varchajhoghovrdagrakan patkery' XVI daric XIX dari I eresnamyaky' (Tayk: Administrative and Demographic Picture from the XVI Century till the First Third of the XIX Century)*. Yerevan: Institute of History NAS RA (in Armenian).

Arutyunova-Fidanyan, V. 1978. *Tipik Grigorija Pakuriana (Typicon of Gregory Pakurian)* Yerevan: Academy of Science of Armenian SSR (in Russian)

Asoghik, S.T. 1885. *Patmut'yun tiezerakan (Universal History).* Saint Petersburg: Typography of I. Skorokhodov (in Armenian).

Bartikyan, H. 2002a. "Narratio de rebus Armeniae", hunaren t'argmanut'yamb mez hasac' mi hay-qaghkedonakan skzbnaghbyur ("Narratio de rebus Armeniae", an Armenian-Chalcedonian source that has come down to us with a Greek translation). *Armenian-Byzantine researches* 1, 97—110 (in Armenian).

Bartikyan, H. 2002b. Evstat'ios Boyilasi ktaky' (1059 t'.) vorpes Hayastani & Vrastani patmut'yan karevor skzbnaghbyur (The Will of Eustathius Boilas (1059) as an Important Source of History of Armenia and Georgia). *Armenian-Byzantine researches* 1, 57—94 (in Armenian).

Bartikyan, H. 2002c. Grigor Bakuryani «Kanonadrut'yan» mej hishatakvogh "ΑΝΙΔΡΥΤΟΝ ΕΘΝΟΣ"-i ("Ankayun jhoghovrdi") masin (About "ΑΝΙΔΡΥΤΟΝ ΕΘΝΟΣ" ("Unstable People") mentioned in Grigor Bakurian's "Regulation"). *Armenian-Byzantine researches* 1, 409—416 (in Armenian).

Buzand, P. 1987. *Patmut'yun Hayoc* (*History of Armenia*). Yerevan University (in Armenian).

Draskhanakertsi, Y. 1912. *Patmut'yun Hayoc (History of Armenia).* Tiflis: Typography of N. Aghaneants (in Armenian).

Girq Tghtoc. 1901. *Matenagrut'yun naxneac* (*Book of papers. Bibliography of ancestors*). Tiflis: Typography of T. Rotineants and M. Sharadze (in Armenian).

Gosh, M. 2014. *T'ught' ar' vracisn` yaghags ughghap'ar'ut'ean havato* (*A letter to the Georgians, about the Orthodox faith).* Yerevan: Nairi publication (Matenagirq Hayoc. Vol. 20. Bk. 2) (in Armenian).

Hakobyan, V. 1971. *Kanonagirq Hayoc* (*Rulebook of Armenians*). Vol. 2. Yerevan: Academy of Science of Armenian SSR (in Armenian).

Harutyunyan, B. 2000. Hayoc ekeghecu t'emakan bajhanumy' Grigor Lowsavorchi hovvapetut'yan shrjanum (Diocesan Division of the Armenian Church during the Pontificate of Gregory the Illuminator). *Historical-Philological Journal* 2, 108—127 (in Armenian).

Kaghankatvatsi, M. 2011. *Aghuanic ashxarhi patmut'yun (History of the Aghvank)*. Yerevan: Nairi publication (Matenagirq Hayoc. Vol. 15) (in Armenian).

Karneci, Y. 1903. *Teghagir Verin Hayoc (Topography of Upper Armenia).* Vagharshapat: Mother See of Holy Etchmiadzin (in Armenian).

Khorenatsi, M. 1991. *Patmut'yun Hayoc* (*History of Armenia*). Yerevan: Academy of Science of the Armenian SSR (in Armenian).

Lastivertsi, A. 1963. *Patmut'yun*, *ashxatasirut'yamb ' K. Yuzbashyani* (*History, with diligence of K.Yuzbashyan*). Yerevan: Academy of Science of Armenian SSR (in Armenian).

Marr, N.Y. 1899. Iz poezdki na Afon (From a Trip to Athos). *Journal of the Ministry of Public Education* 3, 1—24 (in Russian).

Marr, N.Y. 1900. *Agiograficheskie materialy po gruzinskim rukopisjam Ivera* (*Hagiographic materials on the Georgian manuscripts of Iver*). Pt. I. Saint Petersburg: Typography of Imperator Academy of sciences (in Russian).

Marr, N.Y. 1905. Arkaun, mongol'skoe nazvanie hristian. V svjazi s voprosom ob armjanah-halkedonitah (Arkaun, Mongolian name for Christians. With Reference to the question of the Chalcedonian Armenians). *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantina Xronika)* XII, 1—68 (in Russian).

Merchule Georgi. 1911. *Zhitie Grigorija Handztijskogo, perevod N. Marra (Teksty i razyskanija po armjano-gruzinskoj filologii, kn. VII), "Dnevnik poezdki v Shavshetiju i Klardzhetiju"* (George Merchul. The Life of Gregory of Khandzta, translated by N. Marr (Texts and researches on Armenian-Georgian philology, book VII), "Diary of a Trip to Shavsheti and Klarjeti"). Saint Petersburg: Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University (in Russian).

Muradyan, P. 2008. *Hayoc "Varq srboc"-i vracakan xmbagrut'yuny'* (*The Georgian edition of the Armenian "Vark Srbots"*). Saint Etchmiadzin: Mother See of Holy Etchmiadzin (in Armenian).

Nazaryan, L. 2014. "Tayq" erkranunn y'st arabakan aghbyurneri ("Tayk" country name according to Arabic sources). *Armenia and the Arab world. History and contemporary issues*: Yerevan: Institute of History NAS RA, 36—42 (in Armenian).

Nazaryan, L. 2019. "Tayq" anvanumn y'st byuzandakan aghbyurneri (The name "Tayk" according to Byzantine sources). In: Hakobyan Z., Garibian N., Asryan A. (eds.). *Historical Tayk: History, Culture, Confession (collected papers)*. Saint Etchmiadzin: Mother See of Holy Etchmiadzin, 120—131 (in Armenian).

Parpetsi, G. 1982. *Hayoc patmut'yun, t'ught' Vahan Mamikonyanin (Armenian history, Letter to Vahan Mamikonyan)*. Yerevan: Yerevan University (in Armenian).

Sebeos. 1979. *Patmut'yun* (*History*). Yerevan: Academy of Science of Armenian SSR (in Armenian).

Takayshvili, E. 1900. *Istochniki Gruzinskih letopisej, tri hroniki (Sources of the Georgian chronicles, three chronicles).* Tiflis: Typography of K.P. Kozlovsky (in Russian).

Takayshvili, E. 1952. *Arheologicheskaja ekspedicija v juzhnye provincii Gruzii 1917 goda (Archaeological expedition to the southern provinces of Georgia in 1917).* Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Ukhtanes. 2011. *Patmutyun Hayoc (History of Armenians)*. Yerevan: Nairi publication (Matenagirq Hayoc 15) (in Armenian).

Vardan Vardapet. 1862. *Havaqumn patmutyan (Collection of history).* Venice: Saint Lazarus (in Armenian).

Нумизматика

Numismatics

DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029

Д.В. Андриевский

БРОНЗОВАЯ ДРАХМА ПТОЛЕМЕЯ IV ФИЛОПАТОРА, ОБНАРУЖЕННАЯ НА ХОЛМЕ ТАВЕЛЬ*

Статья продолжает ввод в научный оборот памятников античной нумизматики, обнаруженных в последние годы в Юго-Западной Таврике, близ скифских поселений долины р. Альма. Сравнительно недавно в поле зрения оказалась весьма редкая для этого региона находка — бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора. Она обнаружена на современной поверхности холма Тавель. Монета привлекает внимание не только своей редкостью: она пополняет выборку монет Птолемеев с холма Тавель, подтверждая тем самым ранее представленный вывод о местном скифском святилище и о том, что монеты, почитавшиеся за обереги, приносились святилищу древними обитателями данной местности.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, скифы, привозная монета.

Сведения об авторе: Андриевский Денис Вадимович, Русское географическое общество.

Контактная информация: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru.

D.V. Andriyevskiy

A BRONZE DRACHMA OF PTOLEMY IV PHILOPATOR DISCOVERED ON TAVEL HILL

The paper seeks again to update the numismatic record of classical antiquity times by publishing new coin finds obtained from surface surveys in the Alma River valley, the southwest of Taurica, where a number of Scythian settlements are situated. A relatively recent discovery which is the bronze drachma of Ptolemy IV Philopator, a rare specimen in the region, is the focus of the study. Tavel Hill has been already mentioned as the site providing a good sample of Ptolemaic coins associated with the local Scythian sanctuary. Most likely, it was ancient inhabitants of the area who valued the coins as amulets and brought them to this place. The very fact of the latest discoveries testifies in favour of the assumptions that have been put forward elsewhere.

Key words: archaeology, history, numismatics, Scythians, imported coin.

About the author: Andriyevskiy Denis Vadimovich, Russian Geographical Society.

Contact information: 190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru.

Продолжаю работу над топографией находок памятников античной нумизматики из Юго-Западной Таврики. При этом уделяю особое внимание монетам, найденным в зоне расселения поздних скифов, а, точнее, в Альминской (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 35—73) и Курцево-Сабловской (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 74—101) долинах. Мой интерес к этим регионам Крыма отнюдь не случаен. Как верно заметили Т.Н. Смекалова, С.Г. Колтухов и Ю.П. Зайцев, «в долине Альмы и ее притоков находится наибольшее, по сравнению с другими реками Юго-Западного Крыма, количество позднескифских городищ»

* Статья поступила в номер 12 апреля 2023 г.
Принята к печати 25 апреля 2023 г.

© Д.В. Андриевский, 2023.

(Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 35). Учитываю и тот факт, что в первое десятилетие XXI в. на холме Тавель было обнаружено пять античных монет. Речь идет о двух сиракузских (рис. 2: 1—2) и трех птолемеевских (рис. 2: 4, 5) бронзах, выпущенных в III—I вв. до н.э. (Андриевский, Чореф 2021). В 2022 г. мне поступило сообщение об обнаружении на холме Тавель (рис. 1) на уровне земной поверхности еще одной античной бронзовой монеты. Я без промедления прибыл на место, осмотрел и описал ее.

Государство Птолемеев. Птолемей IV Филопатор (221—204 гг. до н.э.). Драхма. Чекан Александрии.

Л.с.: Голова Зевса-Амона в лавровом венке вправо.

О.с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ. Орел с опущенными крыльями, стоящий на молнии, развернутый влево. Левее фигуры — рог изобилия. Под ногами орла — аббревиатура «ΛΙ».

На аверсе и на реверсе монеты хорошо видны вмятины от креплений, с помощью которых литая заготовка была зафиксирована на станке для обточки гурта[1]. Просматриваются также следы позднейших механических повреждений — многочисленные царапины и сколы. Так, от рога изобилия сохранилась только верхняя часть.

Драхма, чекан Александрии. Выпуск 221—204 гг. до н.э. (Σβορώνος 1904: No. 1126).

Диаметр — 3,7 × 3,6 см. Вес — 64,22 г.

Монета потерта, заметны многочисленные царапины и сколы (рис. 2: 6).

Начну с того, что монеты Птолемеев в полисах Таврики крайне редки. Их находки зафиксированы только в Херсонесе. По данным А.М. Гилевич, в северной части городища были найдены две монеты этих династов. Исследователь датировала их III—II вв. до н.э.[2] Она заключила, что монеты Птолемеев могли поступить в Херсонес в результате торговых контактов, которые были наиболее активными в III в. до н.э.[3] (Гилевич 1968: 30).

В прочих регионах Таврики, населенных эллинами, монеты Птолемеев не выявлены (Кропоткин 1961; Абрамзон 2010; Труфанов 2010). Собственно, единственным местом массового обнаружения бронз этих династов в юго-западной части полуострова, правда, меньших номиналов, чем драхма (Андриевский, Чореф 2021: рис. 2: 3—5), является упомянутый выше холм Тавель (рис. 1). Где, напомню, и был найден изучаемый мною в настоящее время артефакт.

Сразу же замечу, что в Херсонесе и в Юго-Западной Таврике в период античности обращались отнюдь не только монеты чекана местных государств. Хотя, судя по материалам

[1] Подчеркну, что технология производства заготовок для бронзовых монет Птолемеев александрийской чеканки для античного мира была весьма неординарной. Обращаю внимание на наличие вмятин в центральной части монетного поля. Они вновь появятся только на римских провинциальных монетах и на бронзах Тиберием—Юлиев. Замечу, что ни на одной иной серии денег Птолемеев из золота и серебра, а также из недрагоценных металлов подобные вмятины не выявлены. Но у этих монет, в свою очередь, не обточен гурт. Определенно, мы наблюдаем отличительный признак технологии денежного производства, принятой в IV—I вв. до н.э. исключительно на монетном дворе Александрии Египетской. Есть все основания полагать, что по тому же пути шли китайские литейщики, разрабатывающие технологию обточки гурта литых бронзовых денег (Чореф 2016). Но они поспешили наладить производство монет с отверстием в центре, предназначавшемся для крепления заготовок на станке. Что позволило значительно облегчить и ускорить их обработку. При Птолемеях на такое радикальное изменение дизайна пойти не могли. Аверс и реверс монеты оформляли в соответствии с принятой в Средиземноморье традицией. Сквозное отверстие в центре платежного средства было неуместно. Однако отказаться от столь эффективной технологии механической доработки заготовок мастера Александрийского монетного двора не смогли. Похоже, что заготовки жестко фиксировали на токарном станке, в результате чего на них появлялись хорошо заметные вмятины.

[2] А.М. Гилевич не установила их номиналы. Она датировала только первую из этих монет. Исследователь заключила, что ее выпустили при Птолемее II Филадельфе (284—246 гг. до н.э.). Вторая монета, по мнению А.М. Гилевич, «по типу (Зевс — Аммон — орел) может быть отнесена к III—II вв. до н.э.». Исследователь писала, что эти монеты «очень плохой сохранности» (Гилевич 1968: 30)

[3] Нахожу этот тезис очень важным и выскажу соображения по его поводу несколько ниже.

варварских поселений и могильников, привозные деньги в регионе крайне редки[4] (Кропоткин 1961: 63—66, № 571—573, 579—586, 609—611, 615—616, 618—625, 627, 635, 636—638; Дашевская 1991: 21, табл. 1; Тункина 2002: 543—544; Зайцев 2003: 15, 19, 33, рис. 16: 68, 17: 21; Сапрыкин 2005; Пуздровский 2007: 23).

Считаю также важным обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Изучив привозной античный нумизматический материал из Херсонеса и из Юго-Западной Таврики, а, точнее, обнаруженные на полуострове монеты Ольвии (Сапрыкин 2005: 99), С.Ю. Сапрыкин пришел к весьма важному и, безусловно, перспективному выводу. Ученый заключил, что эти артефакты были привезены купцами, проживавшими в этом полисе, посещавшими регион с целью приобретения у скифов дешевого зерна (Сапрыкин 2005: 99—100). Т.е. они могли контактировать с варварским населением региона, минуя полисы. Но, как помним, Клятва граждан Херсонеса содержит следующий пункт: «οὐδὲ σῖτον ἀπὸ τοῦ πεδίου ἀπαώγιμον ἀποδωσοῦμαι οὐδὲ ἐξαξῶ ἄλλαι ἀπὸ τοῦ πεδίου, ἀλλ᾽ ἢ εἰς Χερσόνασον» — «Хлеб, вывозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в другое место, но только в Херсонес» (IOSPE III: № 100).

Действительно, есть все основания полагать, что подданные Позднескифского царства знали и ценили ольвийские монеты[5] (Андриевский, Чореф 2021: 878). Причем следует отметить и тот факт, что состав денежного обращения на территории этого государства был весьма пестрым. Судим по тому, что близ Неаполя Скифского нашли сикли Ахеменидов (Чореф 2017). Было установлено, что поздние скифы знали и ценили римские провинциальные монеты (Андриевский 2022b; Андриевский, Чореф 2022a). Вполне возможно, что они поступали к таврическим варварам от заезжих купцов или воинов из размещенных на полуострове гарнизонов[6] (Андриевский, Чореф 2022a; 2022b; 2023).

Подчеркну, что на северопричерноморской периферии античного мира не было устойчивого спроса на монеты как на средства обращения. Этот тезис как нельзя лучше иллюстрируется на нумизматическом материале. Так, о периодически[7] возникавшем высоком спросе на денежные знаки у скифов свидетельствуют немногочисленные эмиссий их правителей: Скила (470—460 гг. до н.э.) (Анохин 2011: № 568—571), Патия, как полагаю, кочевавшего в Восточной Таврике в V в. до н.э. (Андриевский 2022a), Атея (ок. 429—339 гг. до н.э.) (Анохин 1965; 2011: № 572—576; Рогальский 1974), Скилура (ок. 130—114/113 гг. до н.э.) (Анохин 1989: 52—53, 111, № 324—327, табл. XX: 324—326; 2011: № 577—584; Фролова, Абрамзон 2005: 164—165, № 2028—2044, табл. 91: 12—14), Савмака (108—107 гг. до н.э.) (Чореф 2022), а также династов Малой Скифии (Тарасюк 1956). Стоит упомянуть также подражания тетрадрахмам Филиппа II из Приднестровья (Синика, Чореф 2018) и реплики боспорских тетрахалков III в. до н.э. серии «безбородый сатир — голова льва» (Чореф 2018b: 395—396, рис. 3). Немногочисленны и эмиссии сарматских государей: «царя Фарзоя» (Латышев 1887: 115—118; Зограф 1951: 138, 242; Рузанова 1956: 197—202, табл. I, II; Карышковский 1982: 66—82; 1988: 108—112; Анохин 1989: 63—70; 2011: № 585—594; Алексеев 2000: 174—177; Фролова, Абрамзон 2005: 182—183, 2298, табл. 98: 12), вернее всего, Фарзоев Старшего и

[4] Они хорошо известны только в Херсонесе и в его ближайшей округе (Гилевич 1968).

[5] Весьма примечателен и факт перечеканки на Боспоре ольвийского борисфена (Чореф 2018: рис. 4: 12). Так что бронзы этого типа знали и ценили в Северо-Восточном Причерноморье.

[6] В этом аспекте крайне примечательны находки римских денариев и подражания им в Байдарской долине. Есть все основания полагать, что эти артефакты, изначально использовавшиеся как вотивы (Андриевский, Чореф 2022b), со временем, во второй половине II в., стали общепризнанными средствами обмена (Андриевский, Чореф 2023). Так что не случайно в этой долине был найден клад, составленный из ходячей серебряной монеты (Андриевский, Чореф 2023: рис. 2). О значительной эволюции денежного обращения региона в I—III вв. н.э. говорит и факт обнаружения обломка лимесного денария Коммода (Андриевский, Чореф 2023: рис. 3). Полагаю, что он также служил ходячей монетой.

[7] О том, что он был спорадическим, убедительно свидетельствует тот факт, что, к примеру, монета Патия известна в единственном экземпляре (Андриевский 2022a).

Младшего[8] (Чореф 2018а; Ярцев 2022) и Инисмея (третья четверть I в. н.э.) (Анохин 1989: 70, 113, № 368, 369; 2011: 595, 596). Нельзя обойти вниманием и т.н. сармато-римские денарии[9] (Клещинов 2016), которые могли чеканить и германцы (Чореф 2020: 265). Столь же примечательны и факты размещения символов варваров на боспорских статерах: сарматской тамги[10] ♁ на золоте Митридата III (39—46/47 гг. н.э.) (Яценко, Чореф 2022), а также германских знаков ┼ и ᚷ на бронзах Фофорса (285/286—309/310 гг. н.э.) (Чореф 2020: 265). Определенно, речь должна идти о совместных эмиссиях.

В любом случае, вряд ли есть основания полагать, что у поздних скифов было развитое денежное обращение. Ведь использовавшиеся в их среде монеты были крайне разношерстными. Есть все основания полагать, что они ценили их как изделия и слитки из дорогого и востребованного металла (Ахмедов, Гаврилов, Чореф 2018; Скворцов, Чореф 2020).

Однако этот вполне очевидный вывод не позволяет объяснить факт высокой концентрации монет правителей Сиракуз[11] и Птолемеев на холме Тавель. Причем, судя по потертости (рис. 2), они обращались довольно долго. Не позволяет это допущение объяснить столь очевидно прослеживаемый высокий спрос на привозные бронзовые монеты, кредитные по своей сути (Зограф 1951: 49). Причем их курс устанавливался и регулировался государством. Но ни тираны Сиракуз, ни цари Египта не могли повлиять на стоимость и спрос на их бронзы на рынках у поздних скифов. Учтем и отмеченное выше обстоятельство, что монеты Птолемеев до сих пор в сколь-нибудь значимом количестве не обнаружены ни в Херсонесе (Гилевич 1968: 30), ни на Боспоре.

Объяснение этому факту было предложено в 2021 г. Было высказано соображение, что привозные бронзы для поздних скифов являлись своего рода талисманами (Андриевский, Чореф 2021: 878—879). Причем ценили их не столь высоко, как бронзовые и костяные персти с портретами Птолемеев[12] (Неверов 1974; 1976; Трейстер 1985; 2022; Краснодубец 2018; Антипенко, Краснодубец 2020). Вполне возможно, что привозные бронзовые монеты в регионе могли служить жертвами для приношения богам.

Замечу, что скопления такого рода подношений характерны для античной Таврики. Вспомним о скоплении римских, в т.ч. и провинциальных, а также боспорских и херсонесских монет конца I — второй четверти IV вв. н.э., найденном близ Ялты у д. Верхняя Аутка в 1905 г. Оно было обнаружено при плантаже участка под сад. А.Л. Бертье-Делагард исследовал этот район и пришел к выводу, что речь должна идти не о кладе, а о подношениях местного населения (Бертье-Делагард 1907: 19—27). Примечательно то, что исследователь не выявил в процессе исследования местности каких-либо «следов или остатков древностей» (Бертье-Делагард 1907: 19). Он имел ввиду развалины зданий. Зато А.Л. Бертье-Делагард обнаружил многочисленные браслеты, кольца, осколки стеклянной посуды и керамики, целые и фрагментированные статуэтки, причем как привозные, греческие, так и местной работы (Бертье-Делагард 1907: 20—21). Так же был выявлен значительный по площади и по

[8] Принимаю точку зрения М.М. Чорефа — на монетах царя Фарзоя оттиснуты бюсты престарелого и молодого мужчин. Есть все основания полагать, что статеры старшего из них, по мнению М.М. Чорефа — Фарзоя Старшего прекратили чеканить при Нероне (54—68 гг. н.э.). Не случайно на них присутствуют монограммы ⋿, ⩛ и 𐆑. В первых двух следует видеть первые буквы имен Νέρον и Γάλβας. В тоже время статеры с бюстом молодого мужчины на аверсе не были контрамаркированы. Следовательно, их выпустили позже, по логике М.М. Чорефа, при Фарзое Младшем (Чореф 2018а: 325).

[9] Поддерживаю точку зрения, что их могли чеканить и германцы (Чореф 2020: 265).

[10] О методике атрибуции такого рода обозначений см.: (Яценко 2001; Чореф 2019; Винокуров, Чореф 2021; 2022; Яценко, Рогожинский 2021; Яценко, Чореф 2022).

[11] Единственное сообщение об обнаружении античной монеты Сиракуз в Северном Причерноморье, а, точнее, в Кубанской области, приведено в ОАК за 1897 г. (ОАК 1897: 65, 175).

[12] Разделяю точку зрения М.Ю. Трейстера (Трейстер 2022). Атрибуция этих артефактов, предложенная О.Я. Неверовым (Неверов 1974; 1976), разработанная с упором на результаты изучения скульптурных портретов, выглядит недостаточно убедительной. Действительно, куда более перспективными источниками иконографической информации являются подписанные изображения этих династов на т.н. птолемеевских ойнохоях (Thompson 1973: 19—20; Waraksa 2018: 17—19) и на монетах (Трейстер 2022: рис. 1, 2).

мощности слоя зольник, в котором было найдено скопление челюстей овец, свиней и собак. Причем прочие части скелетов отсутствовали (Бертье-Делагард 1907: 21). Что же касается нумизматического комплекса, то в нем преобладало серебро[13] Септимия Севера (193—211 гг. н.э.), Каракаллы (211—217 гг. н.э.), Геты (211—217 гг. н.э.), Элагабала (218—222 гг. н.э.), Севера Александра (222—235 гг. н.э.), Гордиана III (238—244 гг. н.э.), Филиппа I Араба (244—249 гг. н.э.) и Филиппа II Младшего (247—249 гг. н.э.), Траяна Деция (249—251 гг. н.э.), Требониана Галла (251—253 гг. н.э.) и Валериана (253—260 гг. н.э.) (Бертье-Делагард 1907: 21). Т.е. тех правителей, которые активно воевали на Востоке с парфянами и персами или же защищали владения империи от «скифов». А.Л. Бертье-Делагард пришел к выводу, что объект его изучения — «остатки святилища, принадлежавшего какому-либо варварскому народу, находившемуся в торговых сношениях и с Боспором, и с Херсонесом, но, вероятно, от них обоих независимого»[14] (Бертье-Делагард 1907: 23). В свою очередь замечу, что монеты императоров второй — третьей четвертей III в. н.э. могли поступить на полуостров не в ходе торговых контактов, а в результате набегов северопричерноморских варваров, столь регулярных и разрушительных в эпоху «скифских войн».

Добавлю также, что следы аналогичных жертвоприношений прослеживаются в Гурзуфском Седле (Новиченкова, Новиченкова 2017) и в Байдарской долине (Андриевский, Чореф 2022b; 2023). Причем вряд ли есть основания полагать, что монеты поступали в эти скопления исключительно в результате проведения торговых операций. Они могли служить добычей или же талисманами. Как и многочисленные предметы искусства, найденные А.Л. Бертье-Делагардом в ходе раскопок. Напомню, что эллинистические монеты, найденные на холме Тавель, также могли служить талисманами.

Полагаю, что бронзы Сиракуз и Государства Птолемеев вряд ли могли быть завезены купцами. Ведь находки этих артефактов, как уже было сказано выше, на полуострове крайне редки, можно даже сказать — единичны. Так что не могу принять тезис А.М. Гилевич, заключившей, что две бронзовые монеты Птолемеев из Херсонеса являются очевидными свидетельствами активных торговых контактов (Гилевич 1968: 30). В тоже время, как видим, варварское население долины р. Альмы ценили монеты Сиракуз и Государства Птолемеев. Вполне возможно, что сами варвары привезли эти артефакты их в Таврику. Причем бронзовые монеты, кредитные по своей сути, выпущенные в удаленных от нашего региона странах, пусть даже и тяжеловесные, как драхма Птолемея IV Филопатора, не представляли собой в нашем регионе реальную ценность. Так что интерес к такого рода монетам не мог быть исключительно материальным. И, как уже было установлено, их принесли в жертву. Следовательно, изучаемые бронзы были желанными вотивами, вполне возможно, что объектами культа. Настаиваю на том, что их чтили в Таврике как талисманы. Этим обстоятельством объясняю исключительную редкость бронз Сиракуз и Государства Птолемеев в нашем регионе, так и фиксируемые факты их обнаружения на периферии эллинистических центров.

Литература

Абрамзон М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1 (27), 477—521.

Алексеев В.П. 2000. Монеты царя Фарзоя из Тиры. *Stratum plus* 6, 174—177.

Андриевский Д.В. 2022a. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Андриевский Д.В. 2022b. Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма. *МАИАСП* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010.

[13] В т.ч. и субэраты.

[14] В.В. Кропоткин принял эту точку зрения (Кропоткин 1961: 66, № 639).

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022a. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022b. Римские денарии из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2023. Новые находки римских денариев в Байдарской долине (Крым). *МАИАСП* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030.

Анохин В.А. 1965. Монеты скифского царя Атея. *НиС* 2, 3—15.

Анохин В.А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев: Стилос.

Антипенко А.В., Краснодубец Е.М. 2020. Исследование элементного состава перстней «птолемеевского» типа из Херсонеса Таврического. В: Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленных технологий и дизайна, 310—315.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., Чореф М.М. 2018. Клад римских монет I—II вв. из Среднего Поочья. *МАИАСП* 10, 436—457.

Бертье-Делагард А.Л. 1907. Случайные находки древностей близ Ялты (366 засед.). *ЗООИД* XXVII. Ч. V. *Протоколы заседаний Общества за 1905 год*, 19—27.

Винокуров Н.И, Чореф М.М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207—217. DOI: https://doi.org/10.55086/sp216207217.

Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2022. Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования. *Русин* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2.

Гилевич А.М. 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. *НиС* III, 3—61.

Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука (САИ Д1-7).

Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.

Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. Москва; Ленинград: Академия наук СССР (МИА 16).

Карышковский П.О. 1982. О монетах царя Фарзоя. *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 66—82.

Карышковский П.О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Клещинов В.Н. 2016. *Римско-сарматские денарии конца II — середины IV веков н.э*. Москва: [б.и.].

Краснодубец Е.М. 2018. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы 15-й международной научной конференции*. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 105—112.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Латышев В.В. 1887. Исследование об истории и государственном устройстве города Ольвии. *ЖМНП*. Ч. CCXLIX. Январь. Отд. классической филологии. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1—306.

Неверов О.Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье). *ВДИ* 1, 106—115.

Неверов О.Я. 1976. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья. *ТГЭ* 17, 166—183.

Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В. 2017. Римские республиканские монеты из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму. *АМА* 18, 252—274.

ОАК 1897: *Отчет археологической комиссии за 1897 г.* 1900. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Рогальский А. 1974. К вопросу о монетах скифского царя Атея. *НиС* 5, 3—13.

Рузанова Н.П. 1956. Монеты царя Фардзоя. *МИА* 50, 197—208.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. 2015. *Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма*. Санкт-Петербург: Алетейя (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XV. Археологические атласы Северного Причерноморья).

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001.

Тарасюк Л.И. 1956. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. *КСИИМК* 63, 22—30.

ТК 1988: Генеральный штаб. Симферополь. L-36-117. 1: 100 000. URL: http://ru-krym-otdyh.ru/karty/g1000/L-36-117.html (дата обращения 25.08.2021).

Трейстер М.Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н.э. *ВДИ* 1, 126—129.

Трейстер М.Ю. 2022. Проблемы атрибуции изображений на перстнях «птолемеевского типа». В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в периоды античности и средневековья. Сакральное и материальное*. Симферополь; Керчь: ООО «Соло-Рич», 322—335.

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.)*. Санкт-Петербург: Наука.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. 2005. *Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог*. Москва: РОССПЭН.

Чореф М.М. 2016. Следы Великого Шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне. *Stratum plus* 6, 319—327.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2018a. Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus.

Чореф М.М. 2018b. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.

Чореф М.М. 2019. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2021. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2022. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Ярцев С.В. 2022. К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии. *МАИАСП* S1, 187—198. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.36.69.007.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147.

IOSPE[3] III: Макаров И. 2017. *Древние Надписи Северного Причерноморья*. Т. 3. *Надписи Херсонеса и его окрестностей*. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index-ru.html (дата обращения 11.04.2023).

Thompson D.B. 1973. *Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler-Cult*. Oxford: Clarendon Press.

Waraksa E.A. 2018. The Ptolemaic Oinochoai: A Reassessment. *OSF Preprints*. August 5. DOI: 10.31219/osf.io/4txkj.

Σβορώνος I.N. 1904. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Α΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.

References

Abramzon, M.G. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1 (27), 477—521 (in Russian).

Alekseev, V.P. In *Stratum plus* 6, 174—177 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1965. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 2, 3—15 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region: Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Antipenko, A.V., Krasnodubets, E.M. 2020. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Bosporskoye tsarstvo M.I. Rostovtseva. Vzglyad iz XXI veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. Bosporan kingdom M.I. Rostovtzeff. View from the 21th century. Materials of the international scientific conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, 310—315 (in Russian).

Bertier de la Garde, A.L. 1907. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XXVII. Pt. V. *Protokoly zasedaniy Obshchestva za 1905 god (Minutes of the meetings of the Society for 1905)*, 19—27 (in Russian).

Ahmedov, I.R., Gavrilov, A.P., Choref, M.M. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 436—457 (in Russian).

Vinokurov, N.I, Choref, M.M. 2021. In *Stratum plus* 6, 207—217. DOI: https://doi.org/10.55086/sp216207217 (in Russian).

Vinokurov, N.I, Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2 (in Russian).

Gilevich, A.M. 1968. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* III, 3—61 (in Russian).

Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdniye skify v Krymu (Late Scythians in the Crimea)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-7) (in Russian).

Zaitsev, Yu.P. 2003. *Neapol' skifskiy (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Scythian Naples (2nd c. BCE — 3rd c. CE))*. Simferopol: Universum (in Russian).

Zograf, A.N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Moscow; Leningrad: "Akademiya nauk SSSR" (Materials and Researches in the Archaeology of USSR 16) (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 1982. In *Arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Archaeological monuments of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 66—82 (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 1988. *Monety Ol'vii (Coins of Olbia)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Kleshchinov, V.N. 2016. *Rimsko-sarmatskiye denarii kontsa II — serediny IV vekov n.e. (Roman-Sarmatian denarii of the late 2nd — mid-4th centuries CE)*. Moscow: [s.n.] (in Russian).

Krasnodubets, E.M. 2018. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy 15-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Materials of the 15th International scientific conference)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, 105—112 (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).

Latyshev, V.V. 1887. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*. Pt. CCXLIX. *Yanvar'. Otdelenie klassicheskoy filologii (January. Department of Classical Philology)*. Saint Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1—306 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1974. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (127), 106—115 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1976. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* 17, 166—183 (in Russian).

Novichenkova, N.G., Novichenkova, M.V. 2017. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 18, 252—274 (in Russian).

OAK 1897: *Otchet arkheologicheskoy komissii za 1897 g. (Report of the Archaeological commission for 1897)*. 1900. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia in 2nd c. BCE — 3rd c. CE. Funeral monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Rogalskiy, A.1974. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 5, 3—13 (in Russian).

Ruzanova, N.P. 1956. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 50, 197—208 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348 (in Russian).

Smekalova, T.N., Koltukhov, S.G., Zaytsev, Yu.P. 2015. *Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma (Atlas of late Scythian settlements in the foothills of Crimea)*. Saint Petersburg: Aleteyya (Materials for the archaeological map of the Crimea. Iss. XV. Archaeological atlases of the Northern Black Sea region).

Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001 (in Russian).

Tarasyuk, L.I. 1956. In *Kratkiye soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)* 63, 22—30 (in Russian).

TK 1988: General Staff. Simferopol. L-36-117. 1: 100 000. Available at http://ru-krym-otdyh.ru/karty/g1000/L-36-117.html (accessed 25.08.2021).

Treister, M.Yu. 1985. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 126—129 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2022. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *XXIII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v periody antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noe i material'noe (XXIII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the periods of antiquity and the Middle Ages. Sacred and material)*. Simferopol; Kerch: OOO "Solo-Rich", 322—335 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).

Tunkina, I.V. 2002. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian science about classical antiquities of the South of Russia (18th — mid 19th c.))*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2005. *Monety Ol'vii v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Katalog (Coins of Olbia in the collection of the State Historical Museum. Catalogue)*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 6, 319—327 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).

Choref, M.M. 2018a. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova (Antiquities. Research. Problems. Collection of articles in honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Choref, M.M. 2018b. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).

Choref, M.M. 2019. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).

Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).

Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).

Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).

Yartsev, S.V. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 187—198.

Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147.

IOSPE[3] III: Makarov, I. 2017. *Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea Coast)*. Vol. 3. *Nadpisi Chersonesa i okrestnostey (Inscriptions of Chersonesos and Vicinity)*. Available at: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/Chersonesus/index-ru.html (accessed 11.04.2023).

Thompson, D.B. 1973. *Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler-Cult*. Oxford: Clarendon Press.

Waraksa, E.A. 2018. The Ptolemaic Oinochoai: A Reassessment. *OSF Preprints*. August 5. DOI: 10.31219/osf.io/4txkj.

Σβορώνος, I.N. 1904. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Α΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.

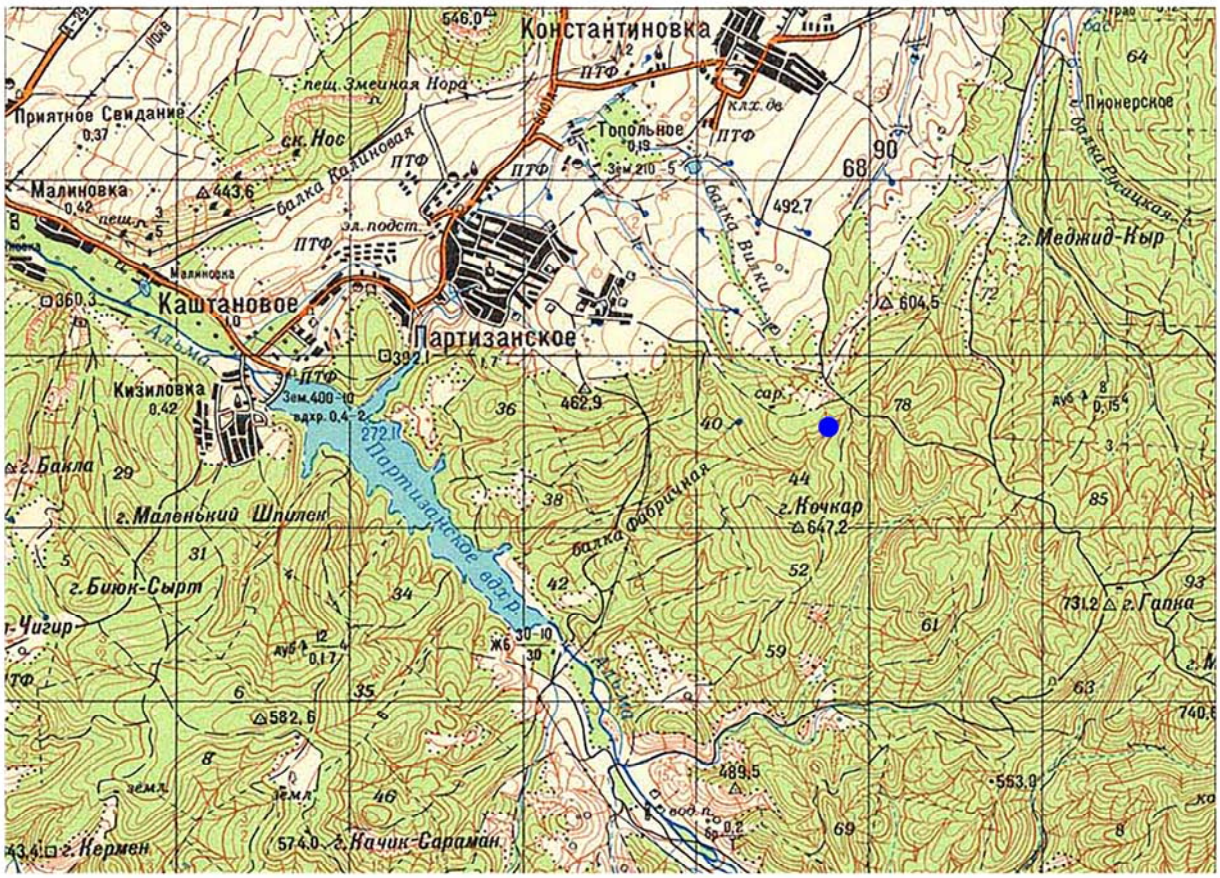


Рис. 1. Карта местности (по ТК 1988)**. Значком ● обозначен холм Тавель.**

Fig. 1. Map of the area (after TK 1988)**. The icon ● indicates Tavel hill.**

Рис. 2. Привозные античные монеты, найденные на холме Тавель: *1—5* — обнаруженные в начале 2000-х гг. (*1* — AE 28 Гикета II; *2* — AE 20 Гиерона II; *3* — обол Птолемея II Филадельфа; *4* — гемиобол Птолемея VI Филометора и Птолемея VIII Эвергета II; *5* — халк Птолемея VIII Эвергета II, Птолемея IX Сотера II Лафура или Птолемея X Александра I); *6* — драхма Птолемея IV Филопатора, найденная в 2022 г. (фото автора).

Fig. 2. Imported ancient coins found on Tavel hill: *1—5* — discovered in the early 2000s. (*1* — AE 28 of Hicetas II; *2* — AE 20 of Hiero II; *3* — obol of Ptolemy II Philadelphus; *4* — hemiobol of Ptolemy VI Philometor and Ptolemy VIII Euergetes II; *5* — chalkos of Ptolemy VIII Euergetes II, Ptolemy IX Soter II Lafour or Ptolemy X Alexander I); *6* — drachma of Ptolemy IV Philopator, found in 2022 (photo by the author).

DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030

Д.В. Андриевский, М.М. Чореф

НОВЫЕ НАХОДКИ РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ В БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЕ (КРЫМ)*

Изучение памятников античной нумизматики из Южного Крыма продолжается вводом в научный оборот сведений об очередной группе римских денариев из Байдарской долины. Речь пойдёт о подъёмном материале (7 экз.) и о небольшом кладе (обнаружено 22 экз., изучено 10 экз.). Так, на уровне современной поверхности найдены монеты I — начала III вв.: Гальбы (1 экз.) и Веспасиана (1 экз.), а также Адриана (1 экз.), Антонина Пия (1 экз.), Септимия Севера (2 экз.) и Каракаллы (1 экз.). Клад состоял из денариев, выпущенных при императорах из династии Антонинов. Он включал монеты, датируемые правлениями Траяна (1 экз.), Адриана (2 экз.), Антонина Пия (2 экз.), Марка Аврелия (4 экз.) и Коммода (1 экз.). Если изученная выборка верно отражает содержание клада, то он сформировался при последнем из вышеперечисленных императоров или же при его ближайших приемниках. Все эти монеты могли обращаться в среде легионеров, служивших в гарнизоне Харакса. Также был найден обломок литого лимесного денария Коммода, изготовленный из высокооловянистой бронзы. Этот артефакт был изготовлен, по-видимому, в эпоху денария—статера.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Байдарская долина, Крым, римские денарии.

Сведения об авторах: Андриевский Денис Вадимович[1], Русское географическое общество; Чореф Михаил Михайлович[2], кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: [1]190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru; [2]1752607, Израиль, г. Ноф-ха-Галиль; e-mail: choref@yandex.ru.

D.V. Andriyevskiy, M.M. Choref

NEW FINDS OF ROMAN DENARII FROM THE BAYDAR VALLEY (CRIMEA)

The study of the classical antiquity numismatic record from Southern Crimea is under way. It is another group of Roman denarii from the Baydar Valley which is introduced here into scholarly usage. There are 7 coins recovered during surface investigations in the valley as well as a small hoard of 22 coins, ten of which were studied de visu. Thus, on the present-day surface, a sample of coins of the 1st — early 3rd century was found: one each of Galba, Vespasian, Hadrian, Antoninus Pius, and Caracalla, while Septimius Severus was represented with a pair of coins. The hoard consisted of denarii issued under the emperors of the Antonine dynasty. It contained coins dating back to the reigns of Trajan (1 item), Hadrian (2 items), Antoninus Pius (2 items), Marcus Aurelius (4 items), and Commodus (1 item). If the selected sample correctly reflects the hoard's content, then it was formed under the latest of the above mentioned emperors or under his closest successors. All these coins could circulate among the legionnaires who served in the garrison of Charax. A fragment of a cast limes denarius of Commodus was found as well, made of high-tin bronze; it is supposed to be made within the same time range as the denarius—stater.

Key words: archaeology, history, numismatics, the Baydar Valley, Crimea, Roman denarii.

About the authors: Andriyevskiy Denis Vadimovich[1], Russian Geographical Society; Choref Mikhail Mikhailovich[2], PhD (History), Independent Researcher.

Contact information: [1]190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru; [2]1752607, Israel, Nof HaGalil; e-mail: choref@yandex.ru.

---

* Статья поступила в номер 12 марта 2023 г.
Принята к печати 28 марта 2023 г.

© Д.В. Андриевский, М.М. Чореф, 2023.

В 2022 г. нам представилась возможность уточнить представления о составе денежного обращения в Байдарской долине в эпоху античности[1]. Мы ввели в научный оборот сведения об обнаружении в этом районе Таврики пяти римских денариев II в. до н.э. — I в. н.э. Был сделан вывод, что эти монеты обращались в варварской среде. Местные жители ценили их за содержащийся в них драгоценный металл и, в конце концов, использовали в качестве вотивов. Лишь позднейшая монета в подборке, отчеканенная от имени Веспасиана (69—79), могла быть привезена на полуостров римскими легионерами и служила платежным средством (Андриевский, Чореф 2022b).

Сравнительно недавно в поле нашего зрения оказалось еще семнадцать денариев из этого региона Крыма. Семь из них (рис. 1) были найдены на дневной поверхности в начале XXI в. и хранятся в частном собрании. В 2016 г. местными жителями был найден небольшой клад денариев (рис. 2). Сведения о нем приведены в брошюре О.В. Исаенко и С.К. Сухорученко «Три новых клада римских монет из Крыма. К вопросу об обращении римской монеты в Таврике в I—II вв. н.э.» (Исаенко, Сухорученко 2017: 7). Судя по публикации, комплекс состоял из 22 монет. Их них 10 были изучены. К сожалению, О.В. Исаенко и С.К. Сухорученко ограничились лишь предварительным определением монет. Так, они установили, при каких императорах отчеканили эти денарии. При этом исследователи допустили ошибку — одну из монет (рис. 2: 10) датировали правлением Марка Аврелия (161—180), а не Коммода (180—192). Также О.В. Исаенко и С.К. Сухорученко опубликовали их фотографии, однако разместили их не по хронологическому принципу. Однако исследователи не сочли необходимым зафиксировать физические параметры этих артефактов. И, что самое важное, О.В. Исаенко и С.К. Сухорученко не заинтересовало выяснение причин и возможных обстоятельств поступления денариев в Байдарскую долину (Исаенко, Сухорученко 2017: 7, табл. IX—XII). Они лишь процитировали тезис А.М. Гилевич, заключившей, что римские деньги «обращались в Херсонесе наряду с местной монетой, тем более что и система номиналов херсонесской чеканки первых веков нашей эры соответствует римской» (Гилевич 1968: 32; Исаенко, Сухорученко 2017: 11). Однако далее исследователь справедливо заметила, что «потребность в разменной монете покрывалась собственным чеканом» (Гилевич 1968: 32). Подчеркнем, что в Херсонесе в римский период его истории чеканили не только бронзы, но и серебряные драхмы и золотые статеры[2] (Чореф 2010: 88—92, рис. 2: 2, 6; 2013: 194—202, рис. 1: 3—6).

Учитывая эти обстоятельства, ставим перед собой задачи выявить пути поступления и определить характер использования римских денариев в среде варваров, населявших сопредельные Херсонесу земли, в т.ч. и Байдарскую долину.

Приступим к описанию привлекших наше внимание монет. Начнем с подъемного материала.

---

[1] Находим проблему становления денежного обращения в варварской среде крайне интересной, и, несмотря на длительный период изучения, все еще не исследованной в полной мере. Так, В.А. Анохин пришел к выводу, что у племен Восточной Европы, не контактировавших напрямую с античными государствами, денежного обращения не было (Анохин 2010: 153—154). Его тезис развил А. Бурше. Ученый заключил, что в удаленных от римских пределов странах Barbaricum'а монеты служили знаками высокого общественного положения, а также могли быть сакральными подношениями (Bursche 2008: 395—415). Также исследователь пришел к выводу, что медальоны могли цениться в качестве символов власти (Bursche 2000: 758—771; 2002: 121—141). Заметим, что это явление прослеживается на таврическом нумизматическом материале, а, точнее на монетах из регионов, население которых активно контактировало с античным миром (Храпунов 2019; Андриевский, Чореф 2021; 2022b). Речь идет, по-видимому, о начальном этапе изучаемого процесса (Ахмедов, Гаврилов, Чореф 2018). На втором этапе монеты, причем отчеканенные как из драгоценных металлов, так и их малоценных сплавов, получили у варваров статус платежных средств (Чореф 2019a; 2022). А в наиболее развитых в экономическом смысле регионах могли наладить выпуск подражаний (Slavova, Prokopov 2020; Андриевский 2022; Чореф 2018: 395, рис. 3) и оригинально оформленных денежных знаков, причем со специальными обозначениями (Синика, Чореф 2018; Яценко, Чореф 2022).

[2] Полагаем, что херсонесские статеры были своего рода кредитными деньгами. Длительность их эмиссии свидетельствует не только о востребованности в обращении в качестве крупных средств обращения, но и о высокой степени развития региональной торговли, а также об экономическом влиянии Херсонеса на таврических варваров (Чореф 2013: 197).

1. Гальба (68—69). Чекан Рима, выпуск 68—69 г.
Л.с.: IMP SER GALBA AVG. Бюст Гальбы вправо.
О.с.: SPQR OB C S. Надпись в три строки, обрамлена дубовым венком.
Денарий, чекан Рима, выпуск 68—69 гг. (RIC I: No. 167; RSC II: No. 287).
Серебро. Вес — 3,50 г.
Монета потерта, на аверсе следы механических повреждений[3] (рис. 1: 1).

2. Веспасиан. Чекан Рима, выпуск 78—79 г.
Л.с.: CAESAR VESPASIANVS AVG. Бюст Веспасиана в лавровом венке вправо.
О.с.: ANNONA AVG. Аннона в платье, восседает, развернувшись влево, на украшенном резьбой и драпированном троне анфас. Ее левая рука покоится на подлокотнике. В правой руке Анноны — венок. На ее коленях — пучок колосьев. Ноги Анноны покоятся на невысокой скамейке.
Денарий, чекан Рима, выпуск 78—79 гг. (RIC II: No. 131a; RSC II: No. 28).
Серебро. Вес — 3,42 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 1: 2).

3. Адриан (117—138). Чекан Рима, выпуск 118 г.
Л.с.: IMP CAESAR TRAIAN HADRIANVS AVG. Бюст Адриана в лавровом венке вправо.
О.с.: P M TR P COS II. Пакс в рост, ее голова развернута влево. В ее правой руке — пучок колосьев, а в левой — рог изобилия. Под изображением — «PAX».
Денарий, чекан Рима, выпуск 118 г. (RIC II: No. 44; RSC II: No. 1115).
Серебро. Вес — 3,42 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 1: 3).

4. Антонин Пий (138—161). Чекан Рима, выпуск 143—144 гг. (?)
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P COS III. Бюст Антонина Пия в лавровом венке вправо.
О.с.: IMPERATOR II. Виктория в рост. Ее голова развернута влево. В ее правой руке — венок, а в левой — пальмовая ветвь.
Денарий, чекан Рима, выпуск 143—144 гг. (?) (RIC III: No. 111b; RSC II: No. 437).
Серебро. Вес — 2,90 г.
Монета хорошей сохранности[4] (рис. 1: 4).

5. Септимий Север (193—211). Чекан Рима, выпуск 194—195 гг.
Л.с.: IMP CAE L SEP SEV PERT AVG COS II. Бюст Септимия Севера в лавровом венке вправо.
О.с.: FELIT TEMPOR. Колос между двумя скрещенными рогами изобилия.
Денарий, чекан Эмессы, выпуск 194—195 гг. (RIC IV-1: No. 373; RSC III: No. 142b).
Серебро. Вес — 2,06 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 1: 5).

[3] На лицевой стороне этого денария, правее бюста, видны царапины, на первый взгляд, схожие на контрамарку или на развернутый на 90º против часовой стрелки знак «V». Действительно, появление такого рода обозначений на монетах, ходивших в Таврике, вполне ожидаемо (Яценко, Чореф 2022). Тем более что схожие знаки хорошо известны на писаницах, оставленных ираноязычными кочевниками (Яценко 2001; Яценко, Рогожинский 2021). Однако мы полагаем, что имеем дело со случайным повреждением поверхности монеты. Учитываем тот факт, что многочисленные вмятины, из которых не составить какие бы то ни было обозначения, различимы также на бюсте императора. В любом случае, знак «V» не могли нанести на монету в период ее обращения. Дело в том, что не только в Байдарской долине, но и в Херсонесе и в Хараксе не известны знаки сарматских кланов, столь популярные на Боспоре (Винокуров, Чореф 2021; 2022).

[4] К сожалению, фотография не в полной мере передает состояние монеты. Может даже сложиться впечатление, что она основательно потерта. Однако это не так. Ведь даже пряди волос на голове императора, переданные тонкими линиями, сохранились в полной мере.

6. Септимий Север (193—211). Чекан Рима, выпуск 204 г.
Л.с.: SEVERVS PIVS AVG. Бюст Септимия Севера в лавровом венке вправо.
О.с.: VICTORIA PARTH MAX. Виктория, шагающая влево. В ее правой руке — венок, а в левой — пальмовая ветвь.
Денарий, чекан Рима, выпуск 204 г. (RIC IV-1: No. 296; RSC III: No. 746).
Серебро. Вес — 3,20 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 1: 6).

7. Каракалла (193—211). Чекан Рима, выпуск 209 г.
Л.с.: ANTONINVS PIVS AVG. Бюст Каракаллы в лавровом венке вправо.
О.с.: PONTIF TR P XII COS III. Конкордия, сидящая в курульном кресле, влево. В ее правой руке — патера, а в левой — двойной рог изобилия.
Денарий, чекан Рима, выпуск 209 г. (RIC IV-1: No. 111; RSC III: No. 465).
Серебро. Вес — 3,4 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 1: 7).

Как видим, сильно потерты только самые ранние из монет этой подгруппы, отчеканенные при Гальбе (рис. 1: 1) и Веспасиане (рис. 1: 2). В то же время денарии Адриана (рис. 1: 3), Антонина Пия (рис. 1: 4), Септимия Севера (рис. 1: 5, 6) и Каракаллы (рис. 1: 7) практически не изношены. Полагаем, что последние монеты недолго находились в обращении. Что вряд ли было характерно для развитого в экономическом смысле общества.

Допускаем, что монеты этой подгруппы уже вскоре после поступления в Таврику оказались в собственности местных варваров, которые ценили их за драгоценный металл. И, соответственно, берегли и не использовали в качестве ходячей монеты.

К сожалению, нам ничего не известно об обстоятельствах обнаружения этих артефактов. Однако допускаем, что они, как и опубликованные нами денарии из Байдарской долины (Андриевский, Чореф 2022b), в свое время послужили вотивами. Ведь денарии Адриана (рис. 1: 3), Антонина Пия (рис. 1: 4), Септимия Севера (рис. 1: 5, 6) и Каракаллы (рис. 1: 7), как уже было сказано выше, сравнительно слабо изношены.

Завезти в Таврику денарии[5] Гальбы (рис. 1: 1) и Веспасиана (рис. 1: 2) могли снабженцы и купцы, обслуживавшие римские войска, солдаты вексилляции XI Клавдиева легиона, составлявшей первый гарнизон Харакса или моряки Равеннской эскадры. Денарий Адриана (рис. 1: 3) мог поступить к жителям Байдарской долины как от солдат вексилляции I Италийского легиона, возродивших укрепления Харакса в 120-х гг., так и от снабженцев или купцов. В любом случае, эта монета слабо изношена, следовательно, недолго участвовала в денежном обращении. Что же касается денариев Антонина Пия (рис. 1: 4), Септимия Севера (рис. 1: 5, 6) и Каракаллы (рис. 1: 7), то они могли поступить в регион в конце II — в начале III в. Полагаем, что они непродолжительное[6] время использоваться солдатами вексилляций XI Клавдиева и I Италийского легионов, а также I Фракийской когорты, служивших в гарнизоне Харакса[7] в конце II — в первой половине III в. (Зубарь 2001—2002: 117—120; Костромичев 2011: 115; Иванчик 2013: 72—73, прим. 44).

Перейдем к монетам из клада, опубликованным О.В. Исаенко и С.К. Сухорученко.

[5] Мы не можем обойти вниманием следующий факт. Дело в том, что на территории Харакса были обнаружены бронзовые и медные монеты римского, херсонесского и боспорского чекана (Кропоткин 1961: 66, № 633, 634; Сапрыкин 2005: 155). Но в Байдарской долине их не находили. Так что есть все основания полагать, что ее население в эпоху античности отдавало предпочтение серебру, т.к. ценило монеты за металл, а не в качестве платежных средств.

[6] Судим по уже отмеченному факту их слабой потертости.

[7] Вполне возможно, что гарнизон Харакса взаимодействовал с римскими войсками, отправленными на Боспор для участия во Второй Боспорской войне (Иванчик 2013: 75; Чореф 2019b). О нумизматическом аспекте этого конфликта см. (Чореф 2021).

8. Траян (98—117). Чекан Рима, выпуск 103—111 гг.
Л.с.: IMP TRAIANO AVG GER DAC PM TRP. Бюст Траяна в лавровом венке вправо.
О.с.: COS V PP SPQR OPTIMO PRINC. Фелицитас в рост, ее голова развернута влево. В правой руке она держит кадуцей, а левой опирается на колонну.
Денарий, чекан Рима, выпуск 103—111 гг. (RIC II: No. 120; RSC II: No. 81b).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 1).

9. Адриан (117—138). Чекан Рима, выпуск 119—122 гг.
Л.с.: IMP CAESAR TRAIAN HADRIANVS AVG. Бюст Адриана в лавровом венке вправо.
О.с.: P M TR P COS III. Эквитас в рост, в ее правой руке — весы, а в левой — рог изобилия.
Денарий, чекан Рима, выпуск 119—122 гг. (RIC II: No. 80; RSC II: No. 1019).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 2).

10. Адриан (117—138). Чекан Рима, выпуск 134—138 гг.
Л.с.: HADRIANVS AVG COS III PP. Бюст Адриана в лавровом венке вправо.
О.с.: SALVS AVG. Салус сидит на троне, развернутом влево. У ее ног — алтарь. В правой руке она держит патеру, а левой опирается на спинку трона.
Денарий, чекан Рима, выпуск 134—138 гг. (RIC II: No. 270; RSC II: No. 1342b).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 3).

11. Антонин Пий (138—161). Чекан Рима, выпуск 139 г.
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS PP. Бюст Антонина Пия в лавровом венке вправо.
О.с.: TRP COS II. Две руки сжимают кадуцей и два колоса.
Денарий, чекан Рима, выпуск 139 г. (RIC III: No. 43; RSC II: No. 833).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 4).

12. Антонин Пий (138—161). Чекан Рима, выпуск 141—161 гг.
Л.с.: DIVA FAVSTINA. Бюст Антонина Пия в лавровом венке вправо.
О.с.: AVGVSTA. Церес в рост, ее голова развернута влево. В правой руке — пучок колосьев, а в левой — длинный скипетр.
Денарий, чекан Рима, выпуск 141—161 гг. (RIC III: No. 360; RSC II: No. 78).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 5).

13. Марк Аврелий (161—180). Чекан Рима, выпуск 164—165 гг.
Л.с.: ANTONINVS AVG ARMENIACVS. Бюст Марка Аврелия в лавровом венке вправо.
О.с.: TR P XIX IMP II COS III. Анонна в рост, высыпает содержимое рога изобилия в модий.
Денарий, чекан Рима, выпуск 164—165 гг. (RIC III: No. 125; RSC II: No. 484).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 6).

14. Марк Аврелий (161—180). Чекан Рима, выпуск 165 г.
Л.с.: M ANTONINVS AVG ARMENIACVS. Бюст Марка Аврелия в лавровом венке вправо.
О.с.: P M TR P XIX IMP III COS III. Аннона в рост, ее голова развернута влево. В правой руке пучок колосьев, который она держит над модием, а в левой — рог изобилия.
Денарий, чекан Рима, выпуск 165 г. (RIC III: No. 142; RSC II: No. 484).
Серебро.

Монета сильно потерта (рис. 2: 7).

15. Марк Аврелий (161—180). Чекан Рима, выпуск 166—167 гг.
Л.с.: M ANTONINVS AVG ARM PARTH MAX. Бюст Марка Аврелия в лавровом венке вправо.
О.с.: TR P XXI IMP IIII COS III. Эквитас в рост, ее голова развернута влево. В правой руке она держит весы, а в левой — рог изобилия.
Денарий, чекан Рима, выпуск 166—167 гг. (RIC III: No. 171; RSC II: No. 882).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 8).

16. Марк Аврелий (161—180). Чекан Рима, выпуск 173—174 гг.
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXVIII. Бюст Марка Аврелия в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS III. Трофей, под ним сидит пленник, развернувшись вправо.
Денарий, чекан Рима, выпуск 173—174 гг. (RIC III: No. 289; RSC II: No. 298).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 9).

17. Коммод (180—192). Чекан Рима, выпуск 192 г.
Л.с.: [L AEL A]VREL CO[MM AVG P]FEL. Бюст Коммода в лавровом венке вправо.
О.с.: [P]M TR P XVII IMP VIII COS VII P P. Пиетас в платье, восседает, развернувшись влево на украшенном резьбой и драпированном троне анфас. Она протягивает руку к ребенку, фигурка которого просматривается у ее ног. В левой руке Пиетас — скипетр. Правее — звезда с семью лучами.
Денарий, чекан Рима, выпуск 192 г. (RIC III: No. 236; RSC II: No. 574a).
Серебро.
Монета сильно потерта (рис. 2: 10).

Чем же интересен этот клад? Во-первых, сильной изношенностью выпавших в него монет. Есть все основания полагать, что они активно участвовали в денежном обращении. Причем их ценили не за содержащийся в них металл. Ведь абразия монет, как уже было сказано выше, весьма значительна. Следовательно, они обращались среди людей, которые ценили их исключительно как платежные средства[8]. Полагаем, что речь должна идти о жителях Херсонеса и близлежащих поселений или о солдатах римских гарнизонов. Вполне возможно, что монеты поступили в Байдарскую долину из Харакса. Ведь его гарнизон, как заметил В.М. Зубарь, контролировавших ближайшие окрестности[9] (Зубарь 2001—2002: 119). В результате торговых сделок у жителей Байдарской долины оказались привлекшие наше внимание монеты, которые, со временем, выпали в клад.

Во-вторых, сокровище могло образоваться в тот период времени, когда денарии являлись основным платежным средством. Полагаем, что клад мог выпасть из обращения при приемниках Коммода, вернее всего, в начале правления Каракаллы. Так что не случайно в него не выпали антонинианы этого императора (Чореф 2013: 194—202).

Подчеркнем, состав клада из Байдарской долины вполне типовой. Дело в том, что основная масса римских денариев, поступивших в Северное Причерноморье и в близлежащие регионы, была отчеканена от имени императоров второй половины II — начала III в., до Септимия Севера

[8] Мы находим этот вывод крайне важным и перспективным. Постараемся осветить его на нумизматическом материале в обозримом будущем.

[9] О значительной роли представителей военного командования в управлении регионом свидетельствуют их моливдовулы, найденные в Херсонесе (Сапрыкин, Дорошко 2015; Чореф 2017a). Подчеркнем, что считаем римские императорские вислые печати ценнейшими источниками исторической информации (Чореф 2023).

включительно[10] (Брайчевський 1959; Кропоткин 1961: 40, 42—46, 48, 50—52, 54—56, 58—65, 67, 70—74, 76, 78—83, 85—89, 91, 92, 94, 96—99, 102, № 37, 38, 84, 87, 105, 106, 110, 153, 160, 163, 167, 169, 171, 175, 195, 249, 262, 271, 273, 276, 295, 299, 317, 329, 345, 347, 381, 382, 384, 393, 398, 442, 446, 467, 496, 511, 512, 527, 537, 555, 609, 622, 676, 757, 770, 796, 839, 852, 853, 860, 863, 864, 914, 915, 952, 955, 970, 1014, 1017, 1022, 1024, 1055, 1090, 1139, 1169, 1177, 1188, 1202, 1223, 1270, 1271, 1291, 1298, 1313, 1343, 1376, 1382, 1384, 1390, 1402, 1475; Анохин 2010: 161—166, 171—172; Труфанов 2010; Degler, Myzgin 2017: 143—166; Myzgin, Radjush 2016: 167—198; Dymowski et al. 2020; Myzgin, Dymowski, Chemuranov 2020). Заметим, что на тот же период приходится пик поступления[11] в регион и монет римских провинций (Абрамзон 2010: 478, 495—496; Андриевский, Чореф 2022a). Это же явление прослеживается и на удаленной периферии античного мира (Кропоткин 1961; 1967; Bursche 2000; 2002; 2008; Маярчак 2016; Myzgin, Radjush 2016; Degler, Myzgin 2017; Ахмедов, Гаврилов, Чореф 2018; Скворцов, Чореф 2020; Dymowski et al. 2020; Myzgin, Dymowski, Chemuranov 2020). Так что не случайно римские монеты стали образцами для множества серий подражаний[12] (Сергеев 2012: 89—98, № 280—326; Анохин 2015; Клещинов 2016; Синика, Чореф 2018; Чореф 2018: 395, рис. 3; 2020; Slavova, Prokopov 2020). В любом случае, у нас есть все основания полагать, что монеты из клада обращались в Байдарской долине в качестве платежных средств. Поступить же в регион они могли в начале III в. Судим по тому, что в подборке нет антонинианов.

Также в Байдарской долине была найдена весьма интересный артефакт — лимесный денарий (рис. 3). Он изготовлен из высокооловянистой бронзы методом литья. К сожалению, от него уцелел лишь фрагмент. Но атрибуция этого артефакта вполне возможна. Ведь читаются остатки надписи и различимы изображения.

18. Лимесный денарий. Коммод (180—192)

Л.с.: [M COMMODVS AN]TON A[VG PIVS]. Бюст Коммода в лавровом венке, развернутый вправо.

О.с. [P M TR]P VIIII IMP V[I COS IIII P P]. Фелицитас в рост. В ее левой руке кадуцей, а в правой — рог изобилия. У ее левой ноги — модий.

Лимесный денарий. Образцом послужил денарий чекана Рима, выпущенный в 183—184 гг. (RIC III: No. 74; RSC II: No. 445).

Бронза. Вес 0,89 г.

Монета потерта, обломана (рис. 3).

О месте изготовления и путях поступления в этой реплики в регион можно лишь догадываться. Ясно лишь то, что купцы, или, что вероятнее, солдаты гарнизона Харакса использовали ее в расчетах с жителями Байдарской долины. Изготовить это подражание могли в эпоху денария—статера, когда римское серебро было привычным для жителей Таврики платежным средством (Чореф 2013: 194—202). Заметим, что на территории полуострова зафиксированы находки лимесных денариев (Чореф 2013: рис. 1: 15, 17—20).

Итак, в ходе исследования были изучены две подборки римских денариев из Байдарской долины, а также одно подражание этим монетам. В первую включаем подъемный материал, а во вторую — небольшой клад. Что же касается реплики, то она представляет собой литую

[10] По данным, собранным В.В. Кропоткиным, активное проникновение денария на рынки Восточной Европы началось при Нероне (54—68 гг. н. э.), достигло пика при Антонинах и фактически завершилось при Северах (Кропоткин 1967: 27).

[11] Он сопоставим только с потоком привозных монет, поступивших в Северное Причерноморье в эпоху «скифских войн» (Андриевский 2022b). Заметим также, что большая часть денежной массы, обращавшейся в Таврике в эпоху античности, была местного чекана (Сапрыкин 2005; Труфанов 2010; Чореф 2013). Привозные монеты, поступившие в регион в доримский период, крайне редки (Сапрыкин 2005; Труфанов 2010; Чореф 2017b; Андриевский, Чореф 2021)

[12] Заметим, что раннее в регионе подражали широко распространенным монетам местного чекана (Андриевский 2022a).

копию денария Коммода. Есть все основания полагать, что монеты поступили к местным жителям в те периоды времени, когда в Хараксе находились римские гарнизоны. Причем разновременные, но слабо изношенные денарии второй половины I — начала III вв. из первой подборки ценились за содержащийся в них металл. По-видимому, средствами обмена они не являлись. В тоже время потертые денарии второй половины II — начала III в. из клада следует считать в полном смысле ходячими монетами. Ту же функцию исполнял и лимесный денарий. Изучение этих артефактов позволило проследить процесс становления денежного обращения в Байдарской долине в эпоху античности.

Есть все основания полагать, что в начале III в. население Байдарской долины установило устойчивые торговые контакты с гарнизоном Харакса, в результате чего восприняло римскую серебряную монету второй половины II — начала III в. в качестве универсального товара и общепризнанного средства обмена. Однако эти процессы лишь набирали оборот. Так что бронзовую монету жители Байдарской долины не использовали.

Процесс становления денежного хозяйства в регионе был прерван в начале III в. О причинах этого явления можно лишь догадываться. Известно лишь то, что гарнизон из Харакса был выведен в середине этого столетия. Полагаем, что дальнейшее изучение нумизматического материала позволит дать ответ на этот вопрос.

Литература

Абрамзон М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1 (27), 477—521.

Андриевский Д.В. 2022a. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Андриевский Д.В. 2022b. Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма. *МАИАСП* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022a. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022b. Римские денарии из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009.

Анохин В.А. 2010. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос.

Анохин О.В. 2015. *Фальшивомонетничество у варварских племен на территории современной Украины и Молдовы. Каталог варварских подражаний*. Днепропетровск: Т.К. Середняк.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., Чореф М.М. 2018. Клад римских монет I—II вв. из Среднего Поочья. *МАИАСП* 10, 436—457.

Брайчевський М.Ю. 1959. *Римська монета на території України*. Київ: АН УССР.

Винокуров Н.И, Чореф М.М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207—217. DOI: https://doi.org/10.55086/sp216207217.

Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2022. Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования. *Русин* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2.

Гилевич А.М. 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. *НиС* III, 3—61.

Зубарь В.М. 2001—2002. Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus* 4, 8—179.

Иванчик А.И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1 (284), 59—77.

Исаенко О.В., Сухорученко С.К. 2017. *Три новых клада римских монет из Крыма. К вопросу об обращении римской монеты в Таврике в I—II вв. н.э.* Симферополь: Типография «Форма».

Клещинов В.Н. 2016. *Римско-сарматские денарии конца II — середины IV веков н.э*. Москва: [б.и.].

Костромичёв Д.А. 2011. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15—164.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Кропоткин В.В. 1967. *Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры*. Москва: Наука.

Маярчак С.П. 2016. Клад римских денариев из Новой Ушицы на Подолии (Украина, Среднее Поднестровье). *МАИАСП* 8, 563—578.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического*. *Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Сапрыкин С.Ю., Дорошко В.В. 2015. Печать римского бенефециария из окрестностей Херсонеса Таврического. В: Журавлев Д.В. (отв. ред.). *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 239—246.

Сергеев А.Я. 2012. *Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии*. Москва: ГИМ.

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348.

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001.

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Храпунов Н.И. 2019. Некоторые наблюдения над монетными находками в крымских могильниках позднеримского времени. *История*. Т. 10. Вып. 9 (83). URL: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840007209-8-1 (дата обращения 25.07.22). DOI: 10.18254/S207987840007209-8.

Чореф М.М. 2010. Изображения императоров династии Юлиев-Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. *МАИАСП* 2, 76—120.

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—216.

Чореф М.М. 2016. Следы Великого шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне. *Stratum plus* 6, 319—327.

Чореф М.М. 2017a. Новая античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* 4, 99—114.

Чореф М.М. 2017b. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.

Чореф М.М. 2019a. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2019b. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.

Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2021. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2022. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Чореф М.М. 2023. Римские и ранневизантийские моливдовулы с бюстами правителей на обеих сторонах как источники исторической информации. *МАИАСП* 15, 997—1008. DOI: 10.53737/8377.2023.96.41.041.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147.

Bursche A. 2000. Roman Gold Medallions in Barbaricum. Symbols of power and prestige of Germanic elite in Late Antiquity. In: Kluge B., Teisser B. (Her). *XII. Internationaler Numismatischer Kongress. Berlin 1997. Akten — Proceedings — Actes*. Berlin: Gesamtherstellung UNZE, 758—771.

Bursche A. 2002. Circulation of Roman Coinage in Northern Europe in Late Antiquity. *Histoire & Mesure* XVII. *Monnaie et espace*, 121—141.

Bursche A. 2008. Functions of Roman coins in Barbaricum of Later Antiquity. An antropological essay. In: Bursche A. Ciołek R., Wolters R. *Roman coins outside the Empire: ways and phases, contexts and functions: proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop, Radziwill Palace, Nieborow (Poland), 3—6 September 2005*. Wetteren: Moneta, 395—416 (Collection Moneta 82).

Degler A., Myzgin K. 2017. New information on finds of Roman coins from Western Ukraine: L'vivska oblast'. *Notae Numismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XI, 143—166.

Dymowski et al. 2020: Dymowski A., Bliujienė A., Horsnæs H., Holst Nielsen R., Hunter F., Lind L., Militký J., Munteanu L., Myzgin K., Pelsdonk J., ' Sidarovich V., Stoklas B., Vida I., Vojvoda M., Wigg-Wolf D., Woytek B. 2020. Roman Imperial Hoards of Denarii from the European Barbaricum. *Journal of Ancient History and Archeology* 7(1_SI), 193—243. DOI: 10.14795/j.v7i1_SI.482.

Myzgin K., Radjush O. 2016. A Hoard of Roman Denarii and a Silver Belt Set from Pimenovo (Kursk Oblast', Russian Federation). *Notae Numismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XI, 167—198.

Myzgin K., Dymowski A., Chemuranov O. 2020. Typical features of a Roman imperial denarius hoard from the Chernyakhiv culture territory — the case of the Skipche hoard from Ukraine. *Journal of Ancient History and Archeology* 7(1_SI), 359—383. DOI: 10.14795/j.v7i1_SI.491.

RIC I: Sutherland C.H.V. 1984. *Roman Imperial Coinage*. Vol. I. *From 31 BC to AD 69*. London: Spink and Son Ltd.

RIC II: Mattingly H., Sydenham E.A. 1962. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian*. London: Spink & Son Ltd.

RIC III: Mattingly H., Sydenham E.A. 1930. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink & Son Ltd.

RIC IV-1: Mattingly H., Sydenham E.A. 1936. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. 1. *Pertinax to Geta*. London: Spink and Son Ltd.

RSC II: Seaby H.A. 1979. *Roman Silver Coins*. Vol. II. *Tiberius to Commodus*. London: Seaby.

RSC III: Seaby H.A. 1982. *Roman Silver Coins*. Vol. III. *Pertinax to Balbinus and Pupienus*. *A.D. 193—238*. London: Seaby.

Slavova M., Prokopov I. 2020. Coin hoard with imitations of Philip II from Bulgaria. *МАИАСП* 12, 685—709. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00022.

References

Abramzon, M.G. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1 (27), 477—521 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010. *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials, studies and notes on archaeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Anokhin, O.V. 2015. *Fal'shivomonetnichestvo u varvarskikh plemen na territorii sovremennoy Ukrainy i Moldovy. Katalog varvarskikh podrazhaniy (Counterfeiting among the barbarian tribes on the territory of modern Ukraine and Moldova. Catalog of barbaric imitations)*. Dnepropetrovsk: T.K. Serednyak (in Russian).

Ahmedov, I.R., Gavrilov, A.P., Choref, M.M. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 436—457 (in Russian).

Braychevs'kyi, M.Yu. 1959. *Ryms'ka moneta na terytoriyi Ukrayiny (Roman coin on the territory of Ukraine)*. Kyiv: AN USSR (in Ukrainian).

Vinokurov, N.I, Choref, M.M. 2021. In *Stratum plus* 6, 207—217. DOI: https://doi.org/10.55086/sp216207217 (in Russian).

Vinokurov, N.I, Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2 (in Russian).

Gilevich, A.M. 1968. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* III, 3—61 (in Russian).

Zubar, V.M. 2001—2002. In *Stratum plus* 4, 8—179 (in Russian).
Ivantchik, A.I. 2013. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (284), 59—77 (in Russian).
Isayenko, O.V., Sukhoruchenko, S.K. 2017. *Tri novykh klada rimskikh monet iz Kryma. K voprosu ob obrashchenii rimskoy monety v Tavrike v I—II vv. n.e. (Three new hoards of Roman coins from the Crimea. On the Question of the Circulation of Roman Coins in Taurica in the 1st — 2nd centuries)*. Simferopol: Tipografiya "Forma" (in Russian).
Kleshchinov, V.N. 2016. *Rimsko-sarmatskiye denarii kontsa II — serediny IV vekov n.e. (Roman-Sarmatian denarii of the late 2nd — mid-4th centuries CE)*. Moscow: [s.n.].
Kostromichev, D.A. 2011. In *Stratum plus* 4, 15—164 (in Russian).
Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).
Kropotkin, V.V. 1967. *Ekonomicheskie svyazi Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii nashey ery (The Economic Relations of Eastern Europe in the I Millennium CE)*. Moscow: Nauka (in Russuan).
Maiarchak, S.P. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 563—578 (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).
Saprykin, S.Yu., Doroshko, V.V. 2015. In: Zhuravlev, D.V. (ed.). *S Mitridata duyet veter. Bospor i Prichernomor'ye v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova*. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 239—246 (in Russian).
Sergeyev, A.Ya. 2012. *Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Sredney Azii (Coins of the barbarian coinage in the territory from the Balkans to Central Asia)*. Moscow: GIM (in Russian).
Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348 (in Russian).
Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001 (in Russian).
Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).
Khrapunov, N.I. 2019. In *Istoriya (History)*. Vol. 10. Iss. 9 (83). Available at: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840007209-8-1 (accessed 25.07.2022). DOI: 10.18254/S207987840007209-8 (in Russian).
Choref, M.M. 2010. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 2, 76—120 (in Russian).
Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—216 (in Russian).
Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 6, 319—327 (in Russian).
Choref, M.M. 2017a. In *Stratum plus* 4, 99—114 (in Russian).
Choref, M.M. 2017b. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).
Choref, M.M. 2019a. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
Choref, M.M. 2019b. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).
Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).
Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).
Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).
Choref, M.M. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 997—1008. DOI: 10.53737/8377.2023.96.41.041 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).
Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147.

Bursche, A. 2000. Roman Gold Medallions in Barbaricum. Symbols of power and prestige of Germanic elite in Late Antiquity. In: Kluge, B., Teisser, B. (Her). *XII. Internationaler Numismatischer Kongress. Berlin 1997. Akten — Proceedings — Actes*. Berlin: Gesamtherstellung UNZE, 758—771.

Bursche, A. 2002. Circulation of Roman Coinage in Northern Europe in Late Antiquity. *Histoire & Mesure* XVII. *Monnaie et espace*, 121—141.

Bursche, A. 2008. Functions of Roman coins in Barbaricum of Later Antiquity. An antropological essay. In: Bursche, A. Ciołek, R., Wolters, R. *Roman coins outside the Empire: ways and phases, contexts and functions: proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop, Radziwill Palace, Nieborow (Poland), 3—6 September 2005*. Wetteren: Moneta, 395—416 (Collection Moneta 82).

Degler, A., Myzgin, K. 2017. New information on finds of Roman coins from Western Ukraine: L'vivska oblast'. *Notae Numismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XI, 143—166.

Dymowski et al. 2020: Dymowski, A., Bliujienė, A., Horsnæs, H., Holst Nielsen, R., Hunter, F., Lind, L., Militký, J., Munteanu, L., Myzgin, K., Pelsdonk, J., ' Sidarovich, V., Stoklas, B., Vida, I., Vojvoda, M., Wigg-Wolf, D., Woytek, B. 2020. Roman Imperial Hoards of Denarii from the European Barbaricum. *Journal of Ancient History and Archeology* 7(1_SI), 193—243. DOI: 10.14795/j.v7i1_SI.482.

Myzgin, K., Radjush, O. 2016. A Hoard of Roman Denarii and a Silver Belt Set from Pimenovo (Kursk Oblast', Russian Federation). *Notae Numismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XI, 167—198.

Myzgin, K., Dymowski, A., Chemuranov, O. 2020. Typical features of a Roman imperial denarius hoard from the Chernyakhiv culture territory — the case of the Skipche hoard from Ukraine. *Journal of Ancient History and Archeology* 7(1_SI), 359—383. DOI: 10.14795/j.v7i1_SI.491.

RIC I: Sutherland, C.H.V. 1984. *Roman Imperial Coinage*. Vol. I. *From 31 BC to AD 69*. London: Spink and Son Ltd.

RIC II: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1962. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian*. London: Spink & Son Ltd.

RIC III: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1930. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink & Son Ltd.

RIC IV-1: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1936. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. 1. *Pertinax to Geta*. London: Spink and Son Ltd.

RSC II: Seaby, H.A. 1979. *Roman Silver Coins*. Vol. II. *Tiberius to Commodus*. London: Seaby.

RSC III: Seaby, H.A. 1982. *Roman Silver Coins*. Vol. III. *Pertinax to Balbinus and Pupienus*. *A.D. 193—238*. London: Seaby.

Slavova, M., Prokopov, I. 2020. Coin hoard with imitations of Philip II from Bulgaria. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 685—709. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00022.

Рис. 1. Римские денарии, найденные в Байдарской долине (подъемный материал) (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 1. Roman denarii found in the Baidar Valley (survey material) (photo by D.V. Andriyevskiy).

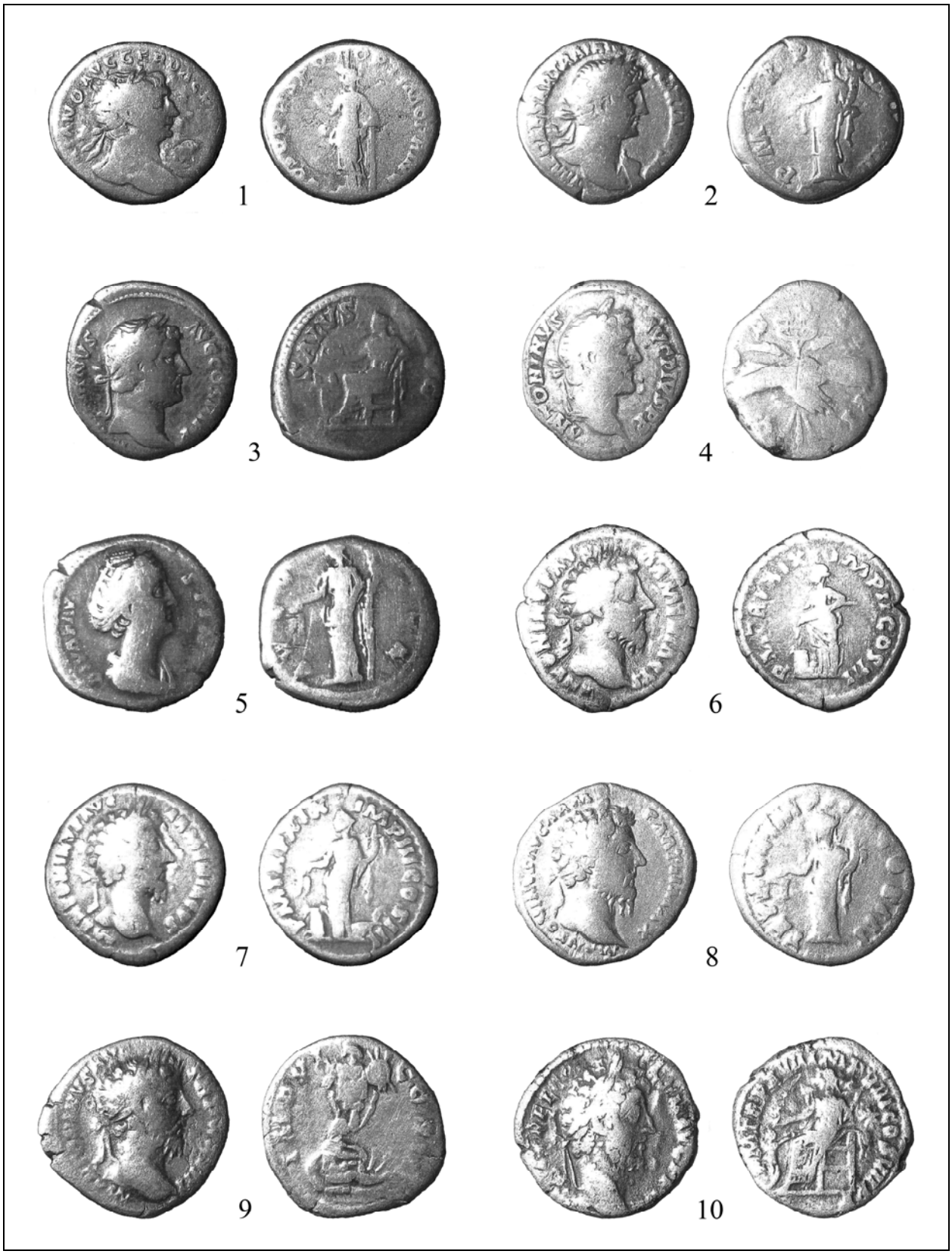


Рис. 2. Клад денариев 2016 г. из Байдарской долины (по Исаенко, Сухорученко 2017: рис. IX—XII).

Fig. 2. Hoard of denarii 2016 from the Baidar Valley (after Isaenko, Sukhoruchenko 2017: fig. IX—XII).

Рис. 3. Обломок лимесного денария (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 3. Fragment of limes denarius (photo by D.V. Andriyevskiy).

DOI: 10.53737/4328.2023.94.57.031

Fatma Kızılyalçın Oyarçin, Korkmaz Meral

CHARON COINS FOUND IN PARION CHAMBER TOMB 5*

The object of the study was a small complex of 14 coins of Charon found in tomb 5 of the Eastern necropolis of Parion. Coins that attracted our attention were released in Coela (2), Perinthos (1), and Parion (11). Consequently, the Parionites preferred to leave the coins of their own polis in the tomb. It is noteworthy that the earliest artifacts are about three centuries older than the latest ones. Moreover, the earliest of them, issued under Julius Caesar and Claudius I, are worn out much more than the others. There is every reason to believe that they have been in circulation for a long time. The rest of the coins date back to the period from Antoninus Pius to Gallienus. The conclusion is that the burials in the tomb took place over a period of about a century, or rather, from 130 until 260 CE.

Key words: Parion, chamber tomb, coin, province of Rome, Charon.

About the authors: Kızılyalçın Oyarçin Fatma[1], Doctor of Archeology, Atatürk University, Graduate School of Social Sciences, Department of Classical Archaeology; Meral Korkmaz[2], Doctor of Archaeology, Professor, Atatürk University, Faculty of Letters, Department of Classical Archaeology.

Contact information: [1,2]25240, Turkey, Erzurum, Atatürk University, Atatürk Üniversitesi Rektörlüğü Yakutiye, e-mail: [1]fatmakizilyalcin@gmail.com; [2]kmeral@atauni.edu.tr.

Фатьма Кизильялчин Оярчин, Коркмаз Мерал

МОНЕТЫ ХАРОНА, НАЙДЕННЫЕ В ГРОБНИЦЕ 5 ПАРИОНА

Объектом исследования стал небольшой комплекс из 14 монет Харона, найденных в гробнице 5 Восточного некрополя Париона. Привлекшие наше внимание артефакты были выпущены в Коэле (2), Перинфе (1) и в Парионе (11). Следовательно, парионитыпредпочитали оставлять в гробнице монеты своего полиса. Примечательно, что самые ранние артефакты примерно на 3 века старше позднейших. Причём самые ранние из них, выпущенные при Юлии Цезаре и Клавдии I, изношены куда сильнее прочих. Есть все основания полагать, что они долгое время находились в обращении. Остальные монеты датируются периодом от Антонина Пия до Галлиена. Приходим к выводу, что захоронения в гробнице 5 происходили на протяжении примерно столетия, а, точнее, в 130—260 гг. н. э.

Ключевые слова: Парион, камерная гробница, монета, римская провинция, Харон.

Сведения об авторах: Кизильялчин Оярчин Фатьма[1], доктор археологии, Университет Ататюрка, Высшая школа социальных наук, кафедра классической археологии; Мерал Коркмаз[2], доктор археологии, профессор, Университет Ататюрка, факультет литературы, кафедра классической археологии.

Контактная информация: [1,2]25240, Турция, г. Эрзерум, Atatürk University, Atatürk Üniversitesi Rektörlüğü Yakutiye, e-mail: [1]fatmakizilyalcin@gmail.com; [2]kmeral@atauni.edu.tr.

Introduction

The ruins of the city of Parion, located in the village of Kemer within the borders of the Biga district of Çanakkale province in the north of the Troad Region, are concentrated on the Bodrum Cape, which extends like a tongue towards the sea to the northeast of the village, and on the coasts

* Статья поступила в номер 26 июля 2023 г.
Принята к печати 5 августа 2023 г.

© Fatma Kızılyalçın Oyarçin, Korkmaz Meral, 2023.

(Fig. 1; Başaran 1999: 349; 2001: 19; 2006: 185; 2008: 133; 2012: 297; Keleş, Oyarçin 2019a: 337; 2019b: 191; 2021: 392; 2022: 1). As a result of the excavations carried out in the city of Parion to date, a total of 9 chamber tombs have been unearthed (Çırak et al. 2019: 127—142). Among these nine chamber tombs, Chamber Tombs 1—5 are located in the Toprak Kuleler Area; Chamber Tomb 6 is located on the western slope of the hill where the aqueduct of the city is located; Chamber Tomb 7 is located on the northern slope of the hill overlooking the Marmara Sea in the area known as Taşkule; and Chamber Tomb 8 and Chamber Tomb 9 are located in the South (Tavşandere) Necropolis (Sulan 2018: 19).

Fig. 1. Parion City Aerial Photograph (Parion Excavation Archive).

Chamber Tomb 5, where the Charon coins are found, is located in the southeast of Parion, at the location called Toprak Kuleler, within the Eastern Necropolis of the city. The Eastern Necropolis of Parion is situated in a valley that provides access to the city over a small stream bed running along the outside of the city wall. This area houses four other chamber tombs that are architecturally similar and located in the north-south direction (Fig. 2).

Chamber Tomb 5, one of the five tombs built in the north-south direction in the Eastern Necropolis of Parion, was unearthed for the first time during the excavations in 2017. It measures 3.06 × 3.00 m and has a height of 2.65 m the tomb's interior is organized as a single space measuring 1.86 × 1.80 m and divided into sections (Keleş 2020: 523—534). The floor of the chamber tomb was formed after the bedrock was shaved and levelled. In Chamber Tomb 5, the tomb interior contexts have been disturbed from 0.90 m above the floor and severely damaged architecturally (Sulan 2018: 44). In Chamber Tomb 5, which probably belonged to a family from Parion, the skeletons of many individuals buried at certain time intervals were recovered (Çırak et al. 2019: 127—142; Kaba et al. 2019: 487—506; Şarbak et al. 2021: 1467—1472).

Fig. 2. Parion East Necropolis Chamber Tombs General View (Parion Excavation Archive).

In the northeast corner of the tomb, where 33 individuals were buried at different times, bone fragments belonging to previous burials were found piled at the bottom of the wall to make room for new individuals for multiple burials (Fig. 3). There is no unity of direction in the skeletons inside the tomb; some of them are oriented in the south-north direction while others are oriented in the north-south direction. Grave gifts were also found next to some skeletons (Çırak et al. 2019: 127—142).

Paleodemographic analyses of the skeletons from Parion Chamber Tomb 5 revealed the exact ages of many individuals, while the exact age ranges of others could not be determined due to extreme damage. In Parion Chamber Tomb 5, the youngest individual was nine months old, while the oldest female was 57. The oldest male individual in the tomb was 56 years old. The results of the gender analysis on the skeletons from Chamber Tomb 5 revealed that; 13 of the 33 individuals were female, 13 were male, 5 were children, and 2 were infants (Fig. 4). This equality between male and female sexes suggests that the individuals in this tomb may have been spouses. The spouses were likely buried in the same grave (Çırak et al. 2019: 127—142).

Fig. 3. Parion East Necropolis Chamber Tomb 5 (Parion Excavation Archive).

Depending on the morphological structure and usage of the individuals in Room Tomb 5, it was also determined that some diseases occurred in their teeth. Depending on the tooth morphology, some pathologies differ in both male and female individuals. The dental pathology examinations of individuals evinced the following pathologies; 3.6% had dental caries, 17.95% had tartar, 6.4% had antemortem tooth loss, 21.17% had hypoplasia, and 59.72% had alveolar bone loss rate. Antemortem tooth loss rates were 6.45% in males and 5.12% in females (Şarbak et al. 2021: 1467—1472).

In addition to the 33 individuals found in Parion Chamber Tomb 5, many grave gifts and a total of 14 coins belonging to Coela (2), Perinthos (1), and Parion (11) were found in the tomb (Cat. No. 1—14; Pl. 1). These 14 Charon coins belong to a wide date range of about three centuries from Iulius Caesar to Gallienus. The fact that some of the skeletons in Chamber Tomb 5 were collected and moved to the corner for new burials indicates that the tomb was used for many years (Çırak et al. 2019: 127—142; Kaba et al. 2019: 487—506; Şarbak et al. 2021: 1467—1472). The contextual finds found together with the coins are further data supporting this result (Keleş 2020: 523—534).

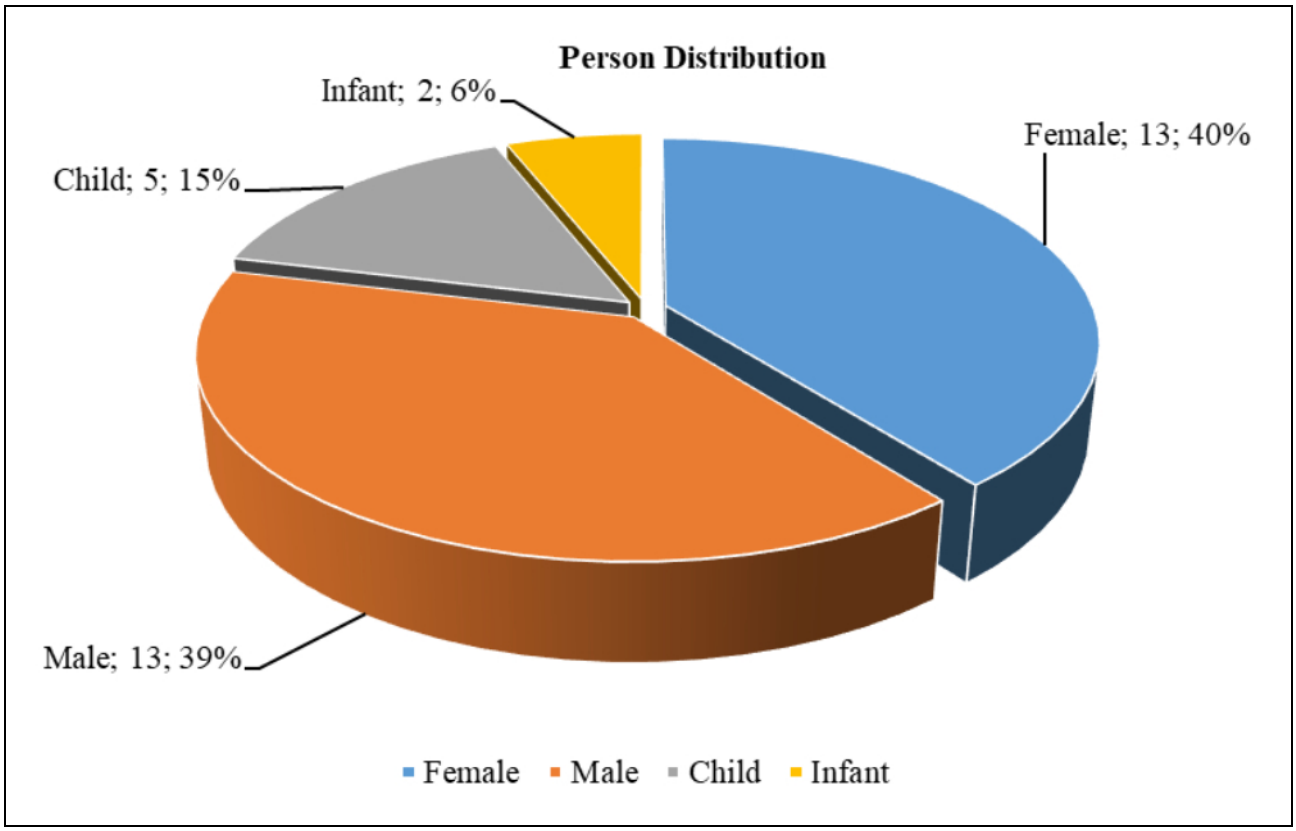


Fig. 4. Percentage Distribution of the Number of Individuals in Chamber Tomb 5 Community.

All 14 Charon coins recovered from Parion Chamber Tomb 5 are Roman provincial coins. The coins date between 45 BCE and 253—268 CE and include examples belonging to 11 different emperors/emperor queens. The distribution of the Parion coins found in Chamber Tomb 5 per the emperors showed that Iulius Caesar was represented by (1) coin, Claudius I by (1), Antoninus Pius by (2), Commodus by (1), Geta by (2), Elagabalus by (1), Gordian III by (1), Philip I by (1) and Gallienus by (1). The obverse of the Iulius Caesar coin shows a woman's head wearing Stephane and the ethnicon [C G I P], while the reverse shows Praefericulum and D on both sides. While seven of the remaining ten coins depict the Priest-Shepherd, two depict Artemis Phosphoros, and one shows she-wolf Lupa standing, r., looking back and feeding twins (Remus and Romulus).

On the reverse of the Perinthian coin of the Tranquillina Period, represented by a single example in Room Tomb 5, Homonoia is standing, holding a patera and cornucopia. Of the two Coela coins recovered from the tomb, one dates to the reign of Severus Alexander and the other to that of Gordian III. A ship's prow and cornucopia on it constitute the reverse side of both coins.

The excavations to uncover the other 4 Chamber Tombs located just east of Parion Chamber Tomb 5 yielded 13 coins (Fig. 5).

Only 8 of the 13 coins in Chamber Tombs 1—4, which had fewer burials compared to Chamber Tomb 5, are Charon coins. The earliest Charon coin in Chamber Tomb 4 belongs to the reign of Iulius Caesar (45 BCE), while the latest to that of Gordian III (238—244 CE). There is only one coin in Chamber Tomb 3, dated to the reign of Antoninus Pius (138—161 CE). The earliest coins in Chamber Tomb 2 belong to the reign of Claudius I (41—54 CE), while the latest belong to that of Caracalla (198—217 CE). A comparison of the coins in Chamber Tomb 5 and Chamber Tombs 1—4 periodically shows that the earliest dated coins belong to 45 BCE during the reign of Iulius Caesar. When we take into account the coins discovered in the four additional Chamber Tombs, the most recently dated coin is the one from the Gallienus Period found in Chamber Tomb 5. This finding aligns with the observation that this particular coin was in circulation for a longer time.

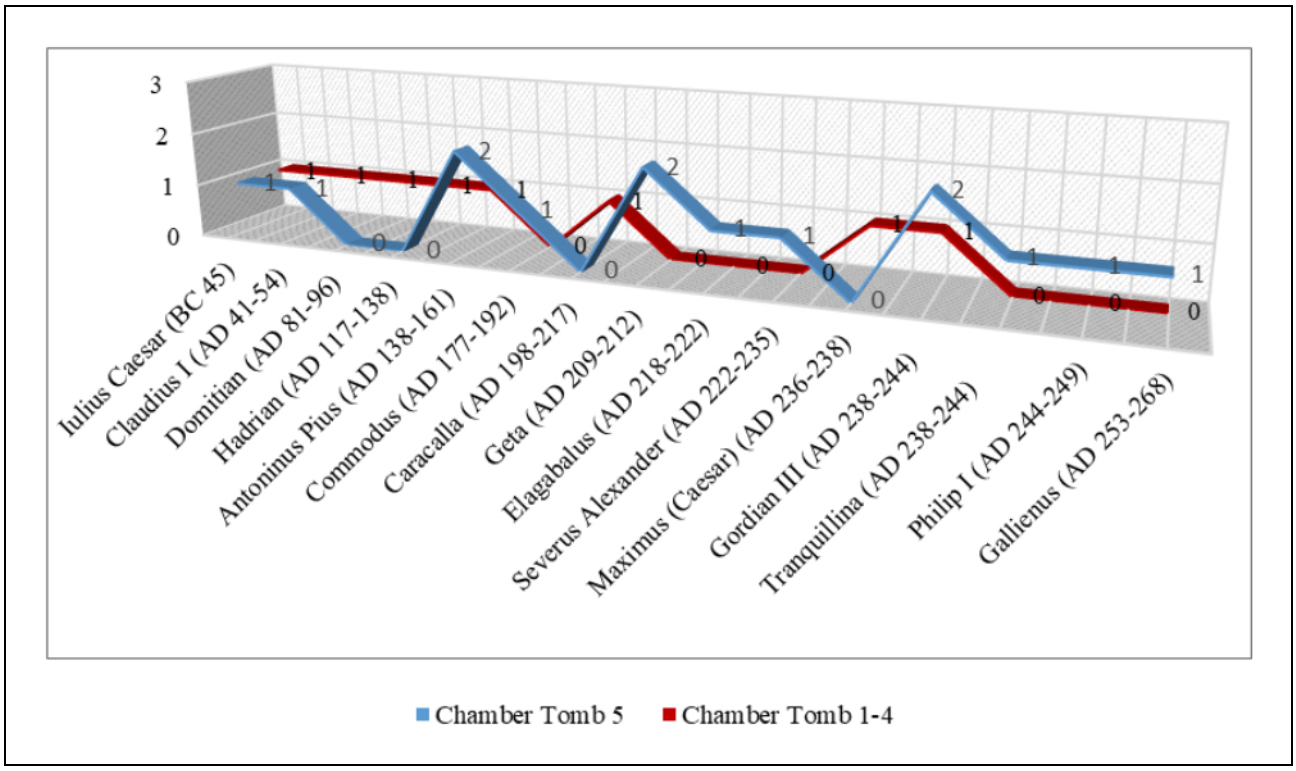


Fig. 5. Distribution of Roman state coins found in Chamber Tombs 1—5 according to their minting years.

It is observed that all of the Charon coins recovered from the Chamber Tombs are Roman provincial coins. The primary reason for this is that during the Early Roman Period (1st — 2nd century CE) in Parion, the bronze coins circulated were mostly city mints instead of imperial ones (Kızılyalçın Oyarçin 2023: 76). Furthermore, the fact that 11 of the 14 coins recovered from Room Tomb 5 were minted in Parion indicates that Parionites preferred to use their own coins as Charon coins. Regarding the characteristics of the Charon coin tradition, the coins left in the mouths of individuals in tombs were generally of low value, placed at the time of death, and left to be given to Charon (Stewens 1991: 216; Keleş 2014: 121). An important finding from the bronze Parion Roman provincial coins recovered from the chamber tombs of the Eastern Necropolis is that some of them were covered with a very thin gold leaf (Fig. 6). The same practice was observed on the coin recovered from the mouth of an adult female skeleton in the TSM 1 grave in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion (Kasapoğlu 2013: 120), which indicates that this tradition, uncommon in Anatolia, was practised as a burial custom in Parion (Kızılyalçın Oyarçin 2023: 79).

Fig. 6. Gold leaf coin recovered from Parion East Necropolis Chamber Tomb (Parion Excavation Archive).

Conclusion

A general examination of the Parion Charon coin tradition evinced that the coins placed in the tombs were bronze coins belonging to the city of Parion or neighbouring cities with low purchasing power. Although coins belonging to different cities have been found in the tombs of Parion as Charon coins, nearly 90% of the coins consist of Parion's own mints. This indicates that Parionites mostly preferred to leave their own coins as Charon coins.

It is also remarkable regarding the Charon coins recovered from the Chamber Tombs and the South (Tavşandere) Necropolis that some bronze coins were covered with a very thin gold leaf. These Roman provincial coins were probably covered with a thin gold leaf before being left in the tomb as part of a burial tradition by the Parionites, who were financially middle class and above. Besides this custom, low-weight imitation/fake gold coins obtained from coins minted from precious metal by imprinting their image on gold leaf were also used as Charon coins. These were found in some tombs considered to belong to the nobility of Parion due to the large number of finds inside. The two traditions of plating a bronze city coin with a thin gold leaf and placing it in the tomb as a Charon coin and using imitation fake gold coins minted with gold leaf as Charon coins are mostly encountered in the tombs of Thracia and Macedonia. These two Charon coin traditions constitute important archaeological data showing Parion's strong ties with Thracia and Macedonia Regions.

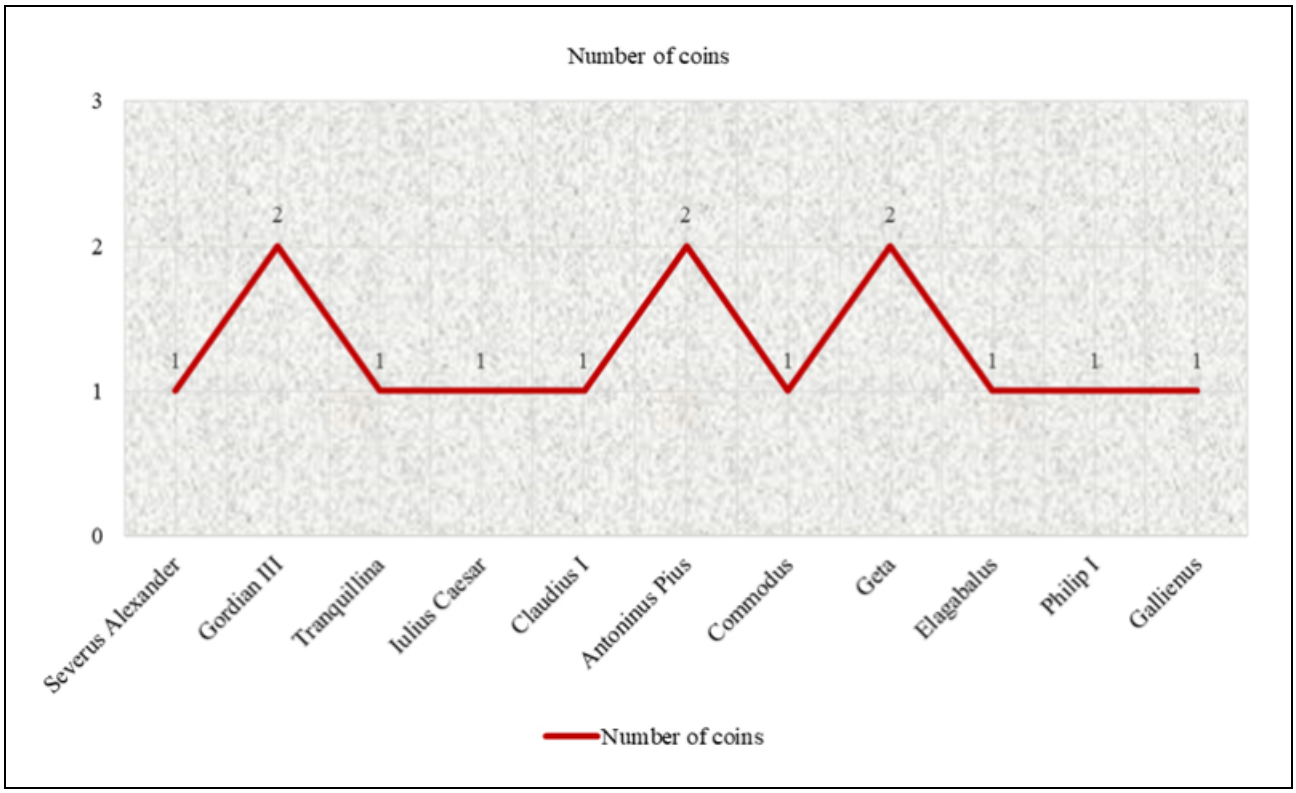


Fig. 7. Distribution of Charon coins found in Parion Chamber Tomb 5 according to Emperors/Empresses.

Among the 14 Charon coins found in Parion Chamber Tomb 5, the coins of Iulius Caesar and Claudius I are quite worn compared to others, suggesting that these coins were the first coins placed in the tomb in the early 2nd century CE after a long period of circulation. The other coins found in Chamber Tomb 5, dated between the reigns of Antoninus Pius and Gallienus, represent the tomb's periods of use (Fig. 7). Apart from the coins, an oil lamp found on the hip of the individual lying dorsally on the floor in the east-west direction dated to the first half of the 2nd century CE, a lagynos found on the chest of the same individual dated to the 2nd century CE, two glass unguentarium

found on different individuals dated to the 2nd — 3rd century CE, a gold earring dated to the 2nd century CE, beads dated to the 2nd — 3rd century CE and many terracotta artefacts dated to the 2nd century CE (Sulan 2018: 44—55) were unearthed from the tomb. Therefore, finds other than the coins recovered from Chamber Tomb 5 support our idea that the tomb was used between the reigns of Antoninus Pius and Gallienus (2nd century CE and the first half of the 3rd century CE). In conclusion, the Charon coins found in Chamber Tomb 5 of the Parion East Necropolis, which is probably a Parionite family tomb, when evaluated together with the anthropological and archaeological data from the tomb, indicate that 33 individuals were buried in the tomb at certain time intervals over a period of about a century.

CATALOGUE

Province of Thrace

Coela

Severus Alexander, 222—235

Obv. [ ] [ALEXANDER]
Laureate, draped and cuirassed bust of Severus Alexander, r.
Rev. AEL MVNICIP COELA
Prow of galley, r., above Cornucopiae.
Ref. Moushmov 5579.

1. AE, 18mm, 3.12g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 035.

Gordian III, 238—244

Obv. IMP C[A] [M AN] GORDIANVS
Laureate, draped and cuirassed bust of Gordian III, r.
Rev. AEL MVNI CVIL
Prow of galley, r., above Cornucopiae.
Ref. RPC VII.2: no. 558; SNG Turkey: pl. 2: 18.

2. AE, 18mm, 3.12g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 039.

Perinthos

Tranquillina, 238—244

Obv. CABEINIA TPAN[KYΛΛEINA]
Diademed and draped bust of Tranquillina, r.
Rev. [ΠEPINΘI]ΩN – ΔIC NEΩKO[PΩ]
Homonoia standing l., holding patera and Cornucopiae.
Ref. RPC VII.2: no. 624; Schönert 1965: no. 870.

3. AE, 24mm, 5.79g, 2h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 028.

Province of Asia

Troas Region

Parion

Pseudo-Autonomous, Iulius Caesar, BCE 45
Obv. [C G I P]
Female head wearing Stephane, r.
Rev. Praefericulum, D D
Ref. SNG France: no. 1415—1418; RPC I: no. 2259; SNG Turkey: pl. 7: 89—95.

4. AE, 15mm, 3.20g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 045.

Claudius I, 41—54

Obv. [TI CLAV AVG]
Head bare of I. Claudius, l., Countermark: Capricorn.
Rev. No legend. Two priests ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG Cop.: pl. 7: 285; SNG France: no. 1458.

5. AE, 17mm, 3.51g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 054.

Antoninus Pius, 138—161

Obv. [ANTONINVS] AVG
Laureate, draped and cuirassed bust of Antoninus Pius, l.
Rev. [C] G I [H P]
Founder as priest ploughing with two oxen, r.
Ref. RPC IV.1: no 6143.

6. AE, 16mm, 3.09g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 053.

Obv. [ ]
Bare-headed bust of Antoninus Pius wearing cuirass and paludamentum, l.
Rev. [C G I H P]
Founder as priest ploughing with two oxen, r.
Ref. RPC IV.2: no. 7326.

7. AE, 17mm, 2.39g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 052.

Commodus, 177—192

Obv. [COMODV]S
Bare-headed bust of Commodus wearing cuirass and paludamentum, r.
Rev. [C G I H P]
Founder as priest ploughing with two oxen, r.
Ref. RPC IV.2: no. 9181.

8. AE, 16.5mm, 2.61g, 12h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 049.

Geta, 209—212 (198—209 as Caesar)

Obv. SEP GETAS CAI
Bare-headed bust of Geta wearing cuirass and paludamentum, r.
Rev. C G I H / PA
Founder as priest ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG Deutschland: pl. 41: 1341.

9. AE, 15mm, 1.86g, 6h, 2016/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CFM 007.

Obv. SEP GE — TAS CAE
Bare-headed bust of Geta wearing cuirass and paludamentum, r.
Rev. C G I H / PA
Founder as priest ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG Cop. Mysia: pl. 7: 298.

10. AE, 15mm, 1.50g, 12h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 055.

Elagabalus, 218—222

Obv. ANTONINVS PIVS FEL A
Laureate, draped and cuirassed bust of Elagabalus, r.
Rev. [C G I] H PA
Artemis Phosphoros advancing, r., holding torch in each hand.
Ref. RPC VI: no. 3866.

11. AE, 19mm, 3.62g, 3h, 2017/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 008.

Gordian III, 238—244

Obv. IM GOR — DIANV
Laureate, draped and cuirassed bust of III. Gordianus, r.
Rev. C G I H — PAR
Artemis Phosphoros advancing, r., holding torch in each hand.
Ref. RPC VII.1: no. 52; BMC Mysia: no. 113.

12. AE, 17mm, 3.44g, 7h, 2019/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 056.

Philip I, 244—249

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of I. Philippus, r.
Rev. C G I H PA
Founder as priest ploughing with two oxen, r.
Ref. RPC VIII: no. 42651.

13. AE, 17mm, 2.33g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 051.

Gallienus, 253—268

Obv. IMP P LIC GALLIENVS AVG
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, r.
Rev. C G I H P
Wolf, r., suckling Twins.
Ref. BMC Mysia: no. 118, (Variation).

14. AE, 21mm, 3.59g, 6h, 2018/Chamber Tomb 5, Excavation Code Number: CJL 017.

References

Başaran, C. 1999. Parion 1997 Araştırmaları. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* I, 349—364.

Başaran, C. 2001. Parion'dan İki Gladyatör Steli. In: Özgünel, C. Bingöl, O. İdil, V. Görkay, K. Kadıoğlu, M. (ed.). *Günışığında Anadolu: Cevdet Bayburtluoğlu İçin Yazılar*. Ankara: Homer Publication, 19—24.

Başaran, C. 2006. Parion: Karanlıktan Gün Işığına. In: Takaoğlu, T. (ed.). *Anadolu Arkeolojisine Katkılar 65. Yaşında Abdullah Yaylalı'ya Sunulan Yazılar*. İstanbul: Hitit Color, 185—200.

Başaran, C. 2008. Parion'dan Persia'ya Yol Gider. In: Delemen, İ., Çokay-Kepçe, S, Özdizbay, A., Turak, Ö. (eds.). *Prof. Dr. Haluk Abbasoğlu'na 65. Yaş Armağanı/Euergetes*. Antalya: Suna-İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, 33—137.

Başaran, C. 2012. Parion Antik Kenti. In: Özdem, F. (ed.). *Aşklar, Savaşlar, Kahramanlar ve Çanakkale,* İstanbul: Yapı Kredi Publication, 297—314.

BMC Mysia: Wroth, W. 1892. *A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, Catalogue of the Greek Coins of Mysia.* London: British Museum.

Çırak et al. 2019: Çırak, M.T., Keleş, V., Şarbak, A., Acar, E. 2019. The Paleodemographic Structure of the OM 5 Chamber Tomb Population of Parion. In: Ataman, B.C., Taskıran, G. (ed.). *Recent Evaluations on Humanities & Social Sciences*. London: IJOPEC Publication Limited, 127—142.

Kaba, H., Yılmaz, A., Sulan, S. 2019. Parion, Toprak Kuleler Mevkindeki Roma Dönemi Oda Mezarlar. In: Özer, E. (ed.). *Anadolu'da Hellenistik ve Roma Dönemleri'nde Ölü Gömme Adetleri Uluslararası Sempozyumu Bildiri Kitabı*., Ankara: Bilgin Kültür Sanat Publication, 487—506.

Kasapoğlu, H. 2013. Nekropol. In: Başaran, C. (ed.). *Antik Troas'ın Parlayan Kenti Parion, 1997—2009 Yılları Yüzey Araştırmaları, Kazı ve Restorasyon Çalışmaları*. İstanbul: Ege Publication, 107—136.

Keleş, V. 2014. Parion Nekropolü'nde Ele Geçen Dört Altın Obje Üzerine Yeni bir Değerlendirme. *OLBA* XXII, 117—128.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2019a. Anonymous Folles Found in Parion Excavations. *Seleucia* 1 (9), 335—358.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2019b. Parion Odeion'undan Bir Geç Roma Definesi. *TÜBA-AR* 1 (24), 189—208.

Keleş, V. 2020. Toprak Kuleler Mevkii Oda Mezarlarından Ele Geçen Sikkeler. In: Keleş, V. (ed.). *Propontis and Surrounding Cultures*. İstanbul: Ege Publication, 523—534.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2021. Parion Tiyatrosu Hyposcaenium Bölümü'nden Ele Geçen Geç Roma Dönemi Sikkeleri Üzerine Değerlendirmeler. *OLBA* XXIX, 391—422.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2022. *Parion Akropolü Doğu (İç) Suru Geç Roma Definesi.* İstanbul: Ege Publication.

Kızılyalçın Oyarçin, F. 2023. Parion Kazılarında Bulunan Roma Eyalet Sikkeleri. PhD Thesis. Erzurum: Atatürk University.

RPC I: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. 1992. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69).* Pt. I. *Introduction and Catalogue*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

RPC VII.1: Butcher, M.S. 2006. *Roman Provincial Coinage*. Vol. VII. *De Gordien Ier à Gordien III (238—244 Après J.-C.)*. Pt. I. *Province d'Asie, (Direction Scientifique: Amandry M, Burnett A)*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

Schönert, E. 1965. *Griechisches Münzwerk. Die Münzprägung von Perinthos*. Berlin: Akademie-Verlag.

SNG Deutschland: Kraft, K., Emin Bosch, C., von Aulock, H. 1959. *Sylloge Nummorum Graecorum: Deutschland.* Sammlung v. Aulock. *Troas-Aeolis—Lesbos.* 5. Heft-Nr. 1439—1767. Berlin: Verlag Gebr. Mann.

SNG Cop. Mysia: Breitenstein, N. 1945. *Sylloge Nummorum Graecorum: The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum*. Vol. 19. *Mysia.* Copenhagen: Einar Munksgaard.

SNG France: Amandry, M., Levante, E. 2001. *Sylloge Nummorum Graecorum. France 5. Dèpartement Des Monnaies, Mèdailles Et Antiques, Mysie.* Paris: Bibliothèque Nationale De France; Numismatica Ars Classica.

SNG Turkey: Tekin, O., Altınoluk, S., Körpe, F. 2009. *Sylloge Nummorum Graecorum. Turkey 3. Çanakkale Museum*. Vol. 1. *Roman Provincial Coins of Mysia, Troas etc.* İstanbul: Turkish Institute of Archaeology.

Stewens, T. 1991. Charon's Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice. *Phoenix* 45 (3), 215—229.

Sulan, S.T. 2018. *Parion Oda Mezarı*. Master's Thesis. Samsun: Ondokuz Mayıs University.

Şarbak et al. 2021: Şarbak, A., Çırak, M.T., Acar, E., Keleş, V. 2021. Morphological Evaluation of Dental Diseases in Parion Chamber Tomb (OM 5) Roman People. *International Journal of Morphology* 39 (5), 1467—1472.

Moushmov N.A. 1912. *Antichnite moneti na Balkanskiya poluostrov i monetite na balgarskite tsare (The ancient coins of the Balkan Peninsula and the coins of the Bulgarian kings)*. Sofia: Pechatnitsa na Grigor Iv. Gavazov.

RPC IV.1: RPC IV.1. From Antoninus Pius to Commodus (AD 138–192): Cyrenaica to Bithynia-Pontus. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4.1 (accessed 23.06.2023).

RPC IV.2: RPC IV.2. From Antoninus Pius to Commodus (AD 138–192): Asia. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4.2 (accessed 23.06.2023).

RPC VI: Calomino, D. Roman Provincial Coinage. Vol. VI. Elagabalus to Maximinus (AD 218—238). Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/6 (accessed 23.06.2023).

RPC VII.2: Mairat J., Spoerri Butcher M. 2022. *Roman Provincial Coinage*. Vol. VII.2. *From Gordian I to Gordian III (AD 238—244)*. London: British Museum.

RPC VIII: Butcher, K., Spoerri, M. Roman Provincial Coinage. Vol. VIII. Philip (AD 244—9). Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/search/browse?volume_id=15 (accessed 23.06.2023).

Plate 1. Coela (*1, 2*)**, Perinthos** (*3*) **and Parion** (*4—14*) **coins.**

DOI: 10.53737/8461.2023.58.17.032

S.S. Filipova

LOST HOARD OF ROMAN COINS PRESUMABLY FOUND IN NORTHERN BULGARIA*

The object of the study is a coin hoard that probably belonged to a Bulgarian collector. The hoard was identified before the Law on Cultural Heritage came into force and there is no exact information about both its whereabouts and discovery. There are some reasons to believe that the hoard was found in Northern Bulgaria. The idea of its composition is only based on photos; the measurements and weights of the coins are not available. One hundred and twelve silver coins of the period 175—243 CE were deposited, specifically 111 denarii and one antoninian. One cannot be sure of the accuracy of the available information about the actual amount of the hoard. However, the coin complex deserves publication, since it enables the clarification of our understanding of the composition of monetary circulation in Northern Bulgaria in the 3rd quarter of the 2nd — in the 1st half of the 3rd century.

Key words: Bulgaria, Roman Empire, numismatics, coin hoard.

About the author: Filipova Svetoslava Svetoslavova, Doctor of Archaeology, Academician Yordan Ivanov Regional Historical Museum.

Contact information: 2500, Bulgaria, Kyustendil, 55 Bulgaria St., Regional Historical Museum, e-mail: filipovas@gmail.com.

С.С. Филипова

УТЕРЯННЫЙ КЛАД РИМСКИХ МОНЕТ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НАЙДЕННЫЙ В СЕВЕРНОЙ БОЛГАРИИ

Объектом исследования является клад монет, принадлежавший, вероятно, болгарскому коллекционеру. Точные данные о месте его обнаружения отсутствуют; есть основания полагать, что он найден в Северной Болгарии. Клад был идентифицирован до вступления в силу Закона о культурном наследии, и в настоящее время его судьба неизвестна. Сведения о составе клада основаны только на фотоматериалах, метрические и весовые данные монет отсутствуют. В него попало 112 серебряных монет периода 175—243 гг., а точнее — 111 денариев и 1 антониниан. Мы не можем быть уверены в точности имеющейся информации о первоначальном составе и количестве монет клада. В любом случае, этот монетный комплекс заслуживает публикации, т. к. сведения об отложившихся в нём монетах позволяют уточнить наши представления о составе денежного обращения в Северной Болгарии в третьей четверти II — первой половине III в.

Ключевые слова: Болгария, Римская империя, нумизматика, монетный клад.

Сведения об авторе: Филипова Светослава Светославова, доктор археологии, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов».

Контактная информация: 2500, Болгария, г. Кюстендил, бул. България, д. 55, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов», e-mail: filipovas@gmail.com.

A matter of the study is a coin hoard, probably owned by a collector from Bulgaria. The information about it is based just on photo materials and there are no metrical data. It had been identified before the Act on Cultural Heritage entered into force, after which its destiny has been

* Статья поступила в номер 1 июля 2023 г.
Принята к печати 15 июля 2023 г.

© С.С. Филипова, 2023.

unknown. According to the information, it originates from Northern Bulgaria — the territory of the Roman Province Lower Moesia. The hoard consists of 112 silver coins from the period of 175—243 CE, as 111 are denarii and one antoninian. Of course, we can't be certain about the preciseness and correctness of the available information regarding the real amount of the hoard. There are no concrete data about its place of finding. That's why it can't be used as 100 percentage recourse of information.

According to the names of the emperors the coins were struck in, they are distributed as follows:

- Marcus Aurelius (161—180) — 1 piece (Fig. 1: 1);
- Faustina Junior — 1 piece (Fig. 1: 2);
- Lucilla — 1 piece (Fig. 1: 3);
- Commodus (177 —192) — piece (Fig. 1: 4);
- Clodius Albinus (195—197) — piece (Fig. 1: 5);
- Septimius Severus (193—211) — 21 pieces (Fig. 1: 6—26);
- Julia Domna — 10 pieces (Fig. 1: 27—36);
- Caracalla (198—217) — 10 pieces (Fig. 1: 37—46) ;
- Plautilla — 3 pieces (Fig. 1: 47—49);
- Geta (198—212) — 6 pieces (Fig. 1: 50—55);
- Macrinus (217—218) — 1 piece (Fig. 1: 56);
- Elagabalus (218—222) — 6 pieces (Fig. 1: 57—62);
- Julia Paula — 2 pieces (Fig. 1: 63—64);
- Julia Aquilia Severa — 1 piece (Fig. 1: 65);
- Julia Soemias — 1 piece (Fig. 1: 66);
- Julia Messa — 2 pieces (Fig. 1: 67—68);
- Severus Alexander (222—235) — 21 pieces (Fig. 1: 69—89);
- Julia Mamaea (235†) — 7 pieces (Fig. 1: 90—96);
- Maximinus I (235—238) — 7 pieces (Fig. 1: 97—103);
- Gordianus III (238—244) — 9 pieces (Fig. 1: 104—112).

It's quite possible the coins from the hoard to have been collected as family savings. The range between the earliest and the latest coin is 68 years and there are no chronological breaks. All of the coins were in circulation. The collecting began during the reign of Septimius Severus and in percentage the best presented are his coins namely (19%) and the coins of Severus Alexander (19%).

The presented types on the coins are known in the science (look at the catalogue attached). An exception are three coins — two of Septimus Severus and one of Gordian III. In the first coin of Septimus Severus (Fig. 1: 9) the type ADVENTVI AVG / FELICISSIMO (Severus riding r., r. hand raised) struck in the Roman mint in 196—197 CE is known but has been used in *aurei* (RIC IV-I: 100, No. 74). His second coin was struck in the Emesa mint in 194—195 (Fig. 1: 8). The image of Minerva is on the coin's reverse, standing up and facing left, holding a spear. In the coins described in RIC IV-I (RIC IV-I: 146, No. 409), the goddess is also holding a shield, which is missing here. A similar coin but also having an inscription MINER VICT is published on (forumancientcoins.com: 1). The inscription on our coin MIATER VICT also doesn't correspond to the presented in catalogues coins. In this matter, the coins' authenticity is unquestionable, which speaks about a probable mistake made in Antiquity. A coin with the same inscription on the reverse was presented in Tauler & Fau Subastas (numisbids.com: 1).

On the reverse of the Gordian III's coin with the inscription PIETA/S AVG is imaged Pietas standing on the left, raising both hands over an altar (Fig. 112). A coin with such an image of the goddess hasn't been recorded among Gordian III's coins. The obverse inscription of the coin marks the years of its mintage — 241—243.

The denarii to antoniniani proportion is 111 towards 1, as the only antoninianus is of Elagabalus. Categorically, coins struck in the Roman mint predominate. They number 102. The rest

10 are struck in the Empire Eastern mints: Emesa — 2 pieces, Laodicea ad Mare — 4 pieces, Antioch — 4 pieces. The Emesa and Laodicea ad Mare coins were struck in the name of Septimius Severus and the Antioch ones — of Elagabalus (2 pieces) and Severus Alexander (2 pieces).

If we assume the information regarding the chronological frames of the hoard as correct, probable reason for its treasuring and staying under the ground should be sought in the events happened after 243, when the last struck coins are dated in. It means that the invasions during the time of Gordian III in 238 and 242 should not be taken as a reason for the hoard treasuring[1]. The next events were in 245 during the reign of Philip I Arab (244—249). There are no preserved historical records, contemporaries of the event. An evidence is the brief data of Zosimus (that the Carpathians invaded the lands by the Danube), Zonara (that wars are made with the Scythians) and John of Alexandria (that Philip I defeated the Scythians) (Varbanov 2017b: 32). The seriousness of this event is indicated by the fact that after driving back the invaders in 247 Philip I received the title of Carpicus Maximus. Boris Gerov assumes that the areas close to the Danube were devastated during this invasion (Gerov 1977: 129—130), and according to him the findings ending with the coins of Gordian III struck in the period 241—244 cannot be attributed to him. However, several published findings of silver coins[2] with clear archeological context confirm the assumption that the coins were treasured because of these events namely:

- Two collective coins from the forum in Ulpia Ouescus with *terminus post quem* 241—243 and 242—243 (Ivanov, Kovacheva 2002: 45);
- Nove, Mithraem — 108 denarii and antoniniani with *terminus post quem* 242 (Dimitrov 2005: 79—98);
- The village of Mineralni Bani, Holly Spirit fortress — 53 silver coins with *terminus post quem* 243—244 (Slavova 2003: 69—81);
- The village of Koprivets, Rousse district — 42 coins with *terminus post quem* 241—243 (Varbanov 2012: 333—349);
- The village of Yudelnik, Rousse district with *terminus post quem* 241—243 (Varbanov 2017a: 213).

Among the known 30 hoards of silver coins ending with emissions of Gordian III, only the hoard from Veselinovo village, Shumen district is with *terminus post quem* 240 and can be connected with the invasion from 242 (Varbanov 2021: 65). The rest are with *terminus post quemm* 241—243. With the same invasion are also connected the findings ending with coins of Gordian III found in the territory of Dacia Province (Suciu 2000: 137; Găzdac 2012: 175; Varbanov 2017a: 266).

Having the full awareness of the questions that may arise in relation with the conclusions made and their uncertainty, the publishing of this scattered coin hoard provides certain information.

[1] About the invasions in 238 and 242 and the treasured findings of coins see in more details: Gerov 1977: 126—130; Touratsoglou 2006: 138—139, 176—181; Varbanov 2017a: 208—229.

[2] I only focus on coin hoards containing silver coins because their dating is not a subject of dispute.

CATALOGUE

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
1	MARCUS AURELIUS, 161—180	Rome, 175—176	M ANTONINVS AVG / GERM SARM Laur. hd. r.	TR P XXX / IMP VIII COS III Genius, nude, stg. l., holding patera and corn-ears.	AR Denarius	RIC III: 353
2	FAUSTINA JUNIOR	Rome, 161—176	FAVSTINA AVGVSTA Bust, diademed, draped.	IVNONA / REGINAE Juno veiled, stg. l., holding patera and sceptre; at her feet, a peacock.	AR Denarius	RIC III: 696
3	LUCILLA	Rome, 164—169	LVCILLAE AVG / ANTONINI AVG F Bust r., draped.	PIETAS Pietas, veiled, stg. l., raising her hand over lighter altar and holding a perfume box.	AR Denarius	RIC III: 775
4	COMMODUS, 177—192	Rome, 191—192	L AEL AVREL COMM AVG P FEL Hd. in lion's skin r.	HERCVLI ROMANO AVG Bow, club and quiver with arrows.	AR Denarius	RIC III: 253
5	CLODIUS ALBINUS, 195—197	Rome, 194—195	D CLOD SEPT / ALBIN CAES Hd. bare r.	COS / II Aesculapius stg. l., holding serpent-wreathed rod.	AR Denarius	RIC IV-I: 2
6	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 193—195	… SEV PE/RT AVG … Laur. hd. r.	LIBERO / PATRI Bacchus stg. l., holding oenochoe over panther and thyrsus.	AR Denarius	
7	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Emesa, 194—195	IMP CAE L SEP SE•V PERT AVG … Similar.	VICTOR SEVER AVG Victory advancing l., holding wreath and palm.	AR Denarius	RIC IV-I: 428
8	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Emesa, 194—195	IMP CAE L SEP SE/V PERT AVG COS II Similar.	MIATER VICT Minerva stg. l., holding spear.	AR Denarius	RIC IV-I: —
9	SEPTIMIUS SEVERUS, 193 — 211	Rome, 196—197	L SEPT SEV PERT / AVG … Similar.	ADVENTVI AVG / FELICISSIMO Severus riding r., r. hand raised.	AR Denarius	RIC IV-I: 74
10	SEPTIMIUS SEVERUS, 193 — 211	Rome, 196—197	L SEPT SEV PERT / AVG IMP VIII Similar.	MVNIFICENTIA AVG Elephant r.	AR Denarius	RIC IV-I: 82
11	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 196—197	L SEPT SEV PERT / AVG IMP VIII Similar.	PROVIDEN/TIA AVG Providentia stg. l., holding wand over globe and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-I: 92a
12	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Laodicea, 196—197	L SEPT SEV PE/RT AVG IMP VIII Similar.	C/ERER / FRVGIF Ceres stg. l., holding corn-ears and torch.	AR Denarius	RIC IV-I: 475
13	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 197—198	L SEPT SEV PE/RT AVG IMP X Similar.	…NONA/E AVGG Annona stg. l., foot on prow, holding corn-ears and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-I: 107

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
14	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Laodicea, 198	L SEP SEVERVS PER / AVG P M IMP XI Similar.	VIC AVG/G C/OS II PP Victory advancing l., holding wreath and palm.	AR Denarius	RIC IV-I: 498
15	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 198—200	L SEPT SEV AVG IMP XI PART MAX Similar.	MONETA / AVGG Moneta seated l., holding scales and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-I: 135a
16	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Laodicea, 198—202	L SEPT SEV AVG IMP XI PART MAX Similar.	CONCOR/DIA / M/ILITVM Concordia stg. front, hd. l., holding standard in each hand.	AR Denarius	RIC IV-I: 502b
17	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Laodicea, 198—202	L SEPT SEV AVG IMP XI PART MAX Similar.	IVST/ITIA Justitia seated l., holding patera and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-I: 505
18	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 200—201	SEVERVS AVG / PART MAX Similar.	RESTITVTOR / VRBIS Severus stg. l., sacrificing with patera over tripod and holding spear.	AR Denarius	RIC IV-I: 167a
19	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 202	SEVERVS / PIVS AVG Similar.	PART MAX P M TR P X COS III PP Trophy and two captives.	AR Denarius	RIC IV-I: 185
20	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 207	SEVERVS / PIVS AVG Similar.	P M TR P XV / COS III PP Africa, wearing elephant-skin head-dress, stg. r.; at feet r. lion.	AR Denarius	RIC IV-I: 207
21	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 209	SEVERVS / PIVS AVG Similar.	P M TR P XVII / COS III PP Jupiter stg. l., holding thunderbolt and sceptre: by him, two children stg., one r., one l.	AR Denarius	RIC IV-I: 226
22	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 209	SEVERVS / PIVS AVG Similar.	P M TR P XVII / COS III PP Neptune stg. l., r. foot on globe, holding trident in l. hand.	AR Denarius	RIC IV-I: 228
23	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 210	SEVERVS PIVS / AVG BRIT Similar.	P M TR P XVIII / COS III PP Similar.	AR Denarius	RIC IV-I: 241
24	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 202—210	SEVERVS / PIVS AVG Similar.	RESTITVTOR / VRBIS Roma seated l. on shield, holding palladium and spear.	AR Denarius	RIC IV-I: 288
25	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome, 202—210	SEVERVS / PIVS AVG Similar.	VICTORIAE / AVGG Victory in biga galloping r.	AR Denarius	RIC IV-I: 299
26	SEPTIMIUS SEVERUS, 193—211	Rome	SEVERVS / AVG … Similar.	PROF… Severus on horseback galloping r., holding spear.	AR Denarius	

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
27	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Bust r., draped.	FORTVNAE / FELICI Fortuna stg. l., holding caduceus in r. hand and resting l. arm on rudder.	AR Denarius	RIC IV-I: 552
28	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Similar.	IV/NO Juno, veiled, stg. l., holding patera and sceptre; at feet l., peacock.	AR Denarius	RIC IV-I: 559
29	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Similar.	HILA/RITAS Hilaritas stg. l., holding long palm and cornucopiae; two small figures at sides of Hilaritas.	AR Denarius	RIC IV-I: 557
30	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Similar.	MARTI / CASTRO/RVM Julia seated l., holding phoenix on globe and sceptre, to l., two standards.	AR Denarius	RIC IV-I: 568
31	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Similar.	PIETAS / PVBLICA Pietas veiled, stg. front, hd. l. by altar, raising both hands.	AR Denarius	RIC IV-I: 574
32	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Similar.	VENVS VICTRIX Venus stg. l., holding helmet and palm, resting l. elbow on column; at feet l., shield.	AR Denarius	RIC IV-I: 581
33	JULIA DOMNA	Rome, 196—211	IVLIA / AVGVSTA Similar.	VESTA / MATER Vesta seated l., holding palladium and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-I: 583
34	JULIA DOMNA	Rome, 211—217	IVLIA PIA FELIX AVG Bust r., draped.	DIANA / LVCIFERA Diana stg. l., holding torch in both hands.	AR Denarius	RIC IV-I: 373a
35	JULIA DOMNA	Rome, 211—217	IVLIA PIA / FELIX AVG Similar.	MAT AVGG MAT SEN M PATR Julis seated l., holding branch and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-I: 381
36	JULIA DOMNA	Rome, 211—217	IVLIA PIA / FELIX AVG Similar.	MATRI / DEVM Cybele, towered, stg. front, hd. l., holding drum and sceptre, resting l. arm on column; at feet l. lion.	AR Denarius	RIC IV-I: 382
37	CARACALLA, 198—217	Rome, undated (196?)	M AVR ANTO/NINVS CAES Bust, draped, cuirassed, hd. bare r.	SEVERI AVG PII FIL Lituus, axe, jug, simpulum, sprinkler.	AR Denarius	RIC IV-I: 4
38	CARACALLA, 198—217	Rome, 196—198	M AVR ANTON / CAES PONTIF Bust, draped, hd. bare r.	FIDES P/V/BLICA Fides stg. r., holding corn-ears and basket of fruit.	AR Denarius	RIC IV-I: 8

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
39	CARACALLA, 198—217	Rome, 199—200	ANTONINVS / AVGVSTVS Laur. bust r., draped, cuirassed.	PONTIF / TR P III Sol stg. front, hd. l., holding globe and spear.	AR Denarius	RIC IV-I: 30a
40	CARACALLA, 198—217	Rome, 201—206	ANTONINVS / PIVS AVG Laur. bust r., draped.	RECTOR / ORBIS Similar.	AR Denarius	RIC IV-I: 141
41	CARACALLA, 198—217	Rome, 201—206	ANTONINVS / PIVS AVG Similar.	RECTOR / ORBIS Similar.	AR Denarius	RIC IV-I: 141
42	CARACALLA, 198—217	Rome, 212	ANTONINVS PIVS AVG BRIT Laur. hd. r.	PM TR P XV COS III PP Salus seated l., feeding out of patera snake coiled round altar and holding cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-I: 196
43	CARACALLA, 198—217	Rome, 210—213	ANTONINVS PIVS/ AVG BRIT Similar.	MARTI PROPVGNATORI Mars hurrying l., holding spear and trophy.	AR Denarius	RIC IV-I: 223
44	CARACALLA, 198—217	Rome, 215	ANTONINVS PIVS AVG GERM Similar.	PM TR P XVIII COS IIII PP Apollo, naked, with cloak flying, stg. l., holding branch and lyre on altar.	AR Denarius	RIC IV-I: 254
45	CARACALLA, 198—217	Rome, 215	ANTONINVS PIVS AVG GERM Similar.	PM TR P XVIII COS IIII PP Fides Militum stg. between two standarts.	AR Denarius	RIC IV-I: 267
46	CARACALLA, 198—217	Rome, 213—217	ANTONINVS PIVS AVG GERM Similar.	VENVS VIC/TRIX Venus stg. l., holding Victory and spear and leaning on shield, set on helmet.	AR Denarius	RIC IV-I: 311b
47	PLAUTILLA	Rome, 202—205	PLAVTILLAE AVGVSTAE Bust, draped r.	CONCORDIAE AETERNAE Caracalla stg. l., clasping r. hands with Plautilla, stg. r.	AR Denarius	RIC IV-I: 361
48	PLAUTILLA	Rome, 202—205	PLAVTILLA / AVGVSTA Similar.	CONCORDIA / AVGG Concordia stg. l., holding patera and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-I: 363a
49	PLAUTILLA	Rome, 202—205	PLAVTILLA AVGVSTA Similar.	PIETAS / AVGG Pietas stg. r., holding sceptre and child.	AR Denarius	RIC IV-I: 367
50	GETA, 198—212	Rome, 198—200	L SEPTIMIVS / GETA CAES Bust, draped, cuirassed, hd. bare r.	SPES / PVBLICA Spes advancing l., holding flower and raising skirt.	AR Denarius	RIC IV-I: 4
51	GETA, 198—212	Rome, 200—202	P SEPT GETA / CAES PONT Bust, draped, hd. bare r.	FELICIT/AS AVGG Felicitas stg. l., holding caduceus and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-I: 8
52	GETA, 198—212	Rome, 200—202	P SEPT GETA / CAES PONT Bust, draped, cuirassed, hd. bare r.	FELICITAS / PVBLICA Similar.	AR Denarius	RIC IV-I: 9b

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
53	GETA, 198—212	Rome, 200—202	P SEPT GETA / CAES PONT Similar.	PRIN/C IVV/ENTVT/IS Geta stg. l., holding branch and spear; behind trophy.	AR Denarius	RIC IV-I: 18
54	GETA, 198—212	Rome, 209	P SEPTIMIVS / GETA CAES Similar.	PONTIF COS II Geta stg. l., holding globe and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-I: 61b
55	GETA, 198—212	Rome, 210	IMP CAES P SEPT / GETA PIVS AVG Laur. hd. r.	PONTIF TR P / II COS II Felicitas stg. l., holding cornucopiae and long caduceus.	AR Denarius	RIC IV-I: 69b
56	MACRINUS, 217—218	Rome, 217	IMP C M OPEL SEV MACRINVS AVG Laur. bust r., cuirassed.	PONTIF MAX TR P COS PP Securitas stg. l., legs crossed, holding sceptre and leaning on column.	AR Denarius	RIC IV-II: 24b
57	ELAGABALUS, 218—222	Rome, 218	IMP CAES M AVR ANTONINVS AVG Radiate bust r., draped, cuirassed.	PM TR P COS P P Roma seated l., holding Victory and sceptre; by her side, shield.	AR Antoninianus	RIC IV-II: 1
58	ELAGABALUS, 218—222	Rome, 218—222	IMP ANTONINVS PIVS AVG Laur. bust r., draped.	LIBERALITAS AVG II Liberalitas stg. l., holding abacus and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-II: 100
59	ELAGABALUS, 218—222	Rome, 218—222	IMP ANTONINVS AVG Laur. bust r., draped, cuirassed.	PROVID / DEORVM Providentia stg. l., legs crossed, holding rod and cornucopiae and leaning on a column; at her feet, globe.	AR Denarius	RIC IV-II: 130
60	ELAGABALUS, 218—222	Rome, 218—222	IMP CAES M AVR ANTONINVS AVG Similar.	SALVS ANTONINI AVG Salus stg. r., feeding a snake which she holds in her arms.	AR Denarius	RIC IV-II: 140
61	ELAGABALUS, 218—222	Antioch, 218—222	ANTONINVS PIVS FEL AVG Similar.	CON/COR/DIA / MILIT Two standards between two vexilla.	AR Denarius	RIC IV-II: 187
62	ELAGABALUS, 218—222	Antioch, 218—222	ANTONINVS PIVS FEL AVG Laur. hd. r.	HILARI/TAS AVG Hilaritas stg. l., holding wreath and long palm; a child stg. on either side.	AR Denarius	RIC IV-II: 190
63	JULIA PAULA	Rome, 219	IVLIA PAVLA AVG Bust r., draped.	CONCO/RDIA Concordia seated l., holding patera, in field star.	AR Denarius	RIC IV-II: 211
64	JULIA PAULA	Rome, 219	IVLIA PAVLA AVG Similar.	VENVS GE/NETRIX Venus seated l., holding globe and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-II: 222

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
65	JULIA AQUILIA SEVERA	Rome, 220	IVLIA AQVILIA SEVERA AVG Busr r., draped.	CONCORDIA Concordia stg. l., holding patera and double cornucopiae; on l. lighted altar; in field r. star.	AR Denarius	RIC IV-II: 226
66	JULIA SOAEMIAS	Rome, 219—222	IVLIA SOAEMIAS AVG Bust r., draped.	VENVS CAELESTIS Venus, diad., stg. l., holding apple and sceptre; in field a star.	AR Denarius	RIC IV-II: 241
67	JULIA MAESA	Rome, 218—222	IVLIA MAESA AVG Bust r., draped.	SAECVLI FE/LICITAS Felicity stg. l., holding caduceus and patera over altar, in field r. star.	AR Denarius	RIC IV-II: 271
68	JULIA MAESA	Rome, 218—222	IVLIA MAESA AVG Similar.	VENVS VICTRIX Venus stg. l., holding helmet, transverse spear and shield.	AR Denarius	RIC IV-II: 275
69	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 222	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Laur. bust r., draped.	PM TR P / C/OS PP Jupiter stg. l., holding sceptre and thunderbolt.	AR Denarius	RIC IV-II: 4
70	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Antioch, 222	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Similar.	PM TR P / COS PP Fortuna stg. l., holding rudder and cornucopiae, star in l.	AR Denarius	RIC IV-II: 246
71	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 223	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Similar.	PM TR P / II COS PP Jupiter stg. l., holding sceptre and thunderbolt.	AR Denarius	RIC IV-II: 19
72	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 225	IMP C M AVR SEV/ ALEXAND AVG Similar.	PM TR P / IIII COS PP Emperor stg. l., sacrificing over a tripod and holding a scroll.	AR Denarius	RIC IV-II: 50
73	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 226	IMP C M AVR SEV/ ALEXAND AVG Similar.	PM TR P V / COS II PP Similar.	AR Denarius	RIC IV-II: 55
74	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 227	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Similar.	PM TR P VI / COS II PP Aequitas stg. l., holding scales and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-II: 64
75	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 227	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Similar.	PM TR P VI / COS II PP Pax running l., holding olive-branch and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-II: 67
76	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 228	IMP C M AVR SEV/ ALEXAND AVG Similar.	PM TR P VII / COS II PP Emperor stg. l., sacrificing over a tripod and holding a scroll.	AR Denarius	RIC IV-II: 81
77	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 231	IMP ALEXAN/DER PIVS AVG Laur. hd. r.	PM TR P X / COS III PP Mars stg. l., holding spear and resting r. hand on shield.	AR Denarius	RIC IV-II: 108

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
78	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 234	IMP ALEXANDER PIVS AVG Laur. bust r., draped.	PM TR P / XIII COS III PP Sol rad., walking l., and holding whip.	AR Denarius	RIC IV-II: 123
79	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 222—228	IMP C M AVR SEV/ ALEXAND AVG Similar.	AEQVI/TAS AVG Aequitas stg. l., holding scales and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-II: 126
80	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 222—228	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Similar.	FIDES / MI/LITVM Fides stg. r., holding two standarts.	AR Denarius	RIC IV-II: 139
81	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 222—228	IMP C M AVR SEV ALEXAND AVG Similar.	IOVI CONSER/VATORI Jupiter stg. l., holding sceptre and thunderbolt.	AR Denarius	RIC IV-II: 141
82	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 228—231	IMP SEV ALE/XAND AVG Laur. hd. r.	ANNO/NA AVG Annona stg l., holding anchor and corn-ears, at her feet l., modius.	AR Denarius	RIC IV-II: 188
83	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 228—231	IMP SEV ALE/XAND AVG Similar.	VICTORIA AVGVSTI Victory stg. r., foot on helmet; writing VOT X on a shield.	AR Denarius	RIC IV-II: 219
84	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 228—231	IMP SEV ALE/XAND AVG Similar.	VIRTVS / AVG Virtvs seated l. on cuirass, holding branch and sceptre; behind shield.	AR Denarius	RIC IV-II: 221
85	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 231—235	IMP ALEXANDER PIVS AVG Laur. bust r., draped.	MARS V/LTOR Mars walking r., holding spear and shield.	AR Denarius	RIC IV-II: 246
86	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 231—235	IMP ALEXAN/DER PIVS AVG Similar.	MARS / VLTOR Mars stg. l., leaning on shield and holding spear, standart resting on his r. arm.	AR Denarius	RIC IV-II: 248
87	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 231—235	IMP ALEXANDER PIVS AVG Laur. hd. r.	PROVIDENTIA AVG Providentia stg. l., holding corn-ears and cornucopiae, on ground, a modius.	AR Denarius	RIC IV-II: 250
88	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Rome, 231—235	IMP ALEXANDER PIVS AVG Similar.	PROVIDE/NTIA AVG Similar.	AR Denarius	RIC IV-II: 250
89	SEVERUS ALEXANDER, 222—235	Antioch, undated issues	IMP C M AVR … AVG Laur. bust r., draped, cuirassed.	VICTO/R/I/A AVG Victory running r., holding wreath and palm; in field star.	AR Denarius	RIC IV-II: 300
90	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MA/MAEA AVG Bust, diademed, draped, r.	FECVND / AVGVSTAE Fecunditas seated l., holding hand of a child and resting her l. arm on seat.	AR Denarius	RIC IV-II: 332

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
91	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MAMAEA AVG Bust, draped, r.	IONO CONS/E/RVATRIX Juno, diad. and veiled stg. l., holding patera and sceptre; at her feet peacock.	AR Denarius	RIC IV-II: 343
92	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MAMAEA AVG Similar.	IONO CONS/E/RVATRIX Similar.	AR Denarius	RIC IV-II: 343
93	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MA/MAEA AVG Bust, diademed, draped, r.	VENER/I FELICI Venus stg. r., holding sceptre and Cupid.	AR Denarius	RIC IV-II: 351
94	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MA/MAEA AVG Similar.	VENVS V/ICTRIX Venus stg. l., holding helmet and sceptre; at her feet, l., shield.	AR Denarius	RIC IV-II: 358
95	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MA/MAEA AVG Similar.	VES/TA Vesta stg. l., holding patera and transverse sceptre.	AR Denarius	RIC IV-II: 362
96	JULIA MAMAEA, 235†	Rome, 222—235	IVLIA MA/MAEA AVG Similar.	VES/TA Vesta stg. l., holding palladium and sceptre.	AR Denarius	RIC IV-II: 364
97	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 236	IMP MAXIMINVS PIVS AVG Laur. bust r., draped, cuirassed.	PM TR P II COS PP Emp. in military dress, stg. between two standards.	AR Denarius	RIC IV-II: 3
98	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 237	MAXIMINVS PIVS AVG GERM Similar.	PM TR P III / COS PP Similar.	AR Denarius	RIC IV-II: 5
99	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 238	MAXIMINVS PIVS AVG GERM Similar.	PM TR P IIII / COS PP Similar.	AR Denarius	RIC IV-II: 6
100	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 235—236	IMP MAXIMINVS PIVS AVG Similar.	VICTO/RI/A AVG Victory advancing r, holding wreath and palm.	AR Denarius	RIC IV-II: 16
101	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 236—238	MAXIMINVS PIVS AVG GERM Laur. bust r., draped, cuirassed.	PROVIDENTIA AVG Providentia stg. l., holding wand over globe and cornucopiae.	AR Denarius	RIC IV-II: 20
102	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 236—238	MAXIMINVS PIVS AVG GERM Similar.	VICT/ORIA GERM Victory stg. l., holding wreath and palm, seated captive at her feet.	AR Denarius	RIC IV-II: 23
103	MAXIMINUS I, 235—238	Rome, 236—238	MAXIMINVS PIVS AVG GERM Similar.	VICT/ORIA GERM Similar.	AR Denarius	RIC IV-II: 23
104	GORDIAN III, 238—244	Rome, 240	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Laur. bust r., draped.	PM TR P III COS PP Gordian on horse pacing l., raising r. hand and holding spear.	AR Denarius	RIC IV-III: 81

No	Ruler	Mint / Dates	Obverse	Reverse	Denomination	References
105	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241—243	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	VIRTVTI AVGVSTI Hercules stg. r., resting r. hand on hip and resting l. on club set on rock: lion-skin beside club.	AR Denarius	RIC IV-III: 95
106	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241—243	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	PM TR P III COS II PP Apollo, bare to waist, seated l., holding branch and resting l. elbow on lyre.	AR Denarius	RIC IV-III: 114
107	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241—243	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	PM TR P III COS II PP Emp. in military dress stg. l., holding spear and globe.	AR Denarius	RIC IV-III: 115
108	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	DIANA LV/CIFERA Diana stg. r., holding lighted torch.	AR Denarius	RIC IV-III: 127
109	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	PIETAS AVGVSTI Pietas, veiled, stg. front, hd. l., raising both hands.	AR Denarius	RIC IV-III: 129
110	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	SALVS AVGVSTI Salus stg. r., feeding snake heid in arms.	AR Denarius	RIC IV-III: 129a
111	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	SECVRITAS PVBLICA Securitas seated l., holding sceptre and propping head an l. hand.	AR Denarius	RIC IV-III: 130
112	GORDIAN III, 238—244	Rome, 241—243	IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG Similar.	PIETA/S AVG Pietas stg. l., raising both hands over altar.	AR Denarius	RIC IV-III: —

References

forumancientcoins.com: 1: Septimius Severus. “Emesa” Mint. Available at: https://www.forumancientcoins.com /dougsmith/mintsyr4.html (accessed 09.02.2023).

Gerov, B.V. 1977. Die Einfälle der Nordvölker in den Ostbalkanraum in Lichte der Münzschatzfunde I. Das II. Und III. Jahrhundert (101—284). *Aufstieg und Niedrgang der Römischen Welt* 6, 110—181.

Ivanov, R.T., Kovacheva, T. 2002. Ulpiya Eskus. In: Ivanov, R.T. (ed.). *Rimski i rannovizantiyski gradove v Balgariya (Roman and Early Byzantine cities in Bulgaria).* Vol. 1. Sofia: Balgarska academiya na naukite, 31—58 (in Bulgarian).

numisbids.com: 1: Tauler & Fau Subastas Auction 117. 2 Nov 2022. Lot 4502. Available at: https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=6189&lot=4502 (accessed 09.02.2023).

RIC III: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1930. *The Roman Imperial Coinage.* Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink and Son.

RIC IV-1: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1936. *The Roman Imperial Coinage.* Vol. IV. Pt. 1. *Pertinax to Geta.* London: Spink and Son.

RIC IV-2: Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. 1938. *The Roman Imperial Coinage.* Vol. IV. Pt. 2. *Macrinus to Pupienus.* London: Spink and Son.

RIC IV-3: Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage.* Vol. IV. Pt. 3. *Gordian III to Uranius Antoninus.* London: Spink and Son.

Slavova, M. 2003. Sakrovishte ot rimski imperatorski moneti ot s. Mineralni bani, Haskovska oblast (A treasure trove of Roman imperial coins from the village of Mineralni Bani, Haskovo region). *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 1, 69—81 (in Bulgarian).

Slavova, M. 2012. “War and Peace”! Patterns of violence through coin hoards distribution — The Middle and Lower Danube from Ttajan to Aurelianus. *Istros* XVIII, 165—198.

Suciu, V. 2000. *Tezaure monetare din Dacia Romana si postromana.* Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană.

Touratsoglou, I.P. 2006. *Greece and the Balkans before the end of Antiquity*. Athens: Hellenic Numismatic Society.

Varbanov, V.D. 2012. Nahodka ot denari i antoniniani ot s. Koprivets, Rusensko (Find of Denarii and Antoninian from the Koprivets village, Rusensko). In: Manov, M. (ed.). *Vasilka Gerasimova-Tomova. In Memoriam.* Sofia: Balgarska academiya na naukite, 335—351 (in Bulgarian).

Varbanov, V.D. 2017a. Barbarian invasions in Lower Mysia and Thrace in the 1st — 3rd centuries (according to numismatic and archaeological data). PhD thesis. Veliko Tarnovo.

Varbanov, V.D. 2017b. Barbarian invasions in Lower Mysia and Thrace in the 1st — 3rd centuries (according to numismatic and archaeological data). PhD thesis abstract. Veliko Tarnovo.

Varbanov, V.D. 2021. Roman coin hoards from Moesia Inferior and Thrace (from Hadrian to Diocletian). Current stage of research. In: Varbanov, V., Rusev, N.D. (eds.). *Coin hoards in Southeastern Europe (1st — 6th century AD). Materials from the International Numismatic Symposium “Coin hoards in Southeastern Europe (1st — 6th century AD), held in Rousse, Bulgaria, June 20-23, 2019. Organizers — Rousse Regional Museum of History and Numismatic Museum — Ruse*. Ruse: TS Group Ltd., 59—94.

Fig. 1. Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria.

Fig. 1. Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria (continued).

Fig. 1. Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria (continued).

Fig. 1. Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria (continued).

Fig. 1. Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria (continued).

Fig. 1. Lost hoard of Roman coins presumably found in Northern Bulgaria (continued).

DOI: 10.53737/2809.2023.32.33.033

М.С. Гаджиев, Г.В. Злобин

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА В ДЕРБЕНТЕ*

В ходе спасательных раскопок 2014 года в Дербенте выявлен мусульманский ритуально-культовый комплекс, располагавшийся вне средневекового шахристана, рядом с северной городской оборонительной стеной. Связанный с системой водоснабжения, этот комплекс служил, очевидно, для ритуальных омовений и очищений. Помимо многочисленных и разнообразных находок, найдено 57 монет, что, очевидно, обусловлено характером места, где монеты оставляли в качестве приношений во исполнение обетов. Абсолютное большинство определенных монет (48 экз.) делится на две хронологические группы.

Ранняя хронологическая группа (12 экз.) включает омейядские и аббасидские фельсы VIII в., в т.ч. чекана Баб ал-абваба (Дербента) и фельсы типа выпусков наместника Аррана Хасана б. Кахтабы (770—775). Большинство монет (10 экз.) группы обнаружено на небольшом участке (ок. 2 кв. м) в одной стратиграфической позиции, фиксируя уровень древней дневной поверхности.

Поздняя хронологическая группа (36 экз.) включает медные дирхамы маликов Суламидов Баб ал-абваба в основном середины — конца XII в. (13 экз.), малика Ахара Махмуда б. Пишкина (1211—1226) (7 экз.), Ильдегизидов времени правления халифа ан-Насира (1180—1225) (8 экз.) и Аксункуридов (1189—1207) (8 экз.), в т.ч. монета с именем Ильдегизида атабека Кызыл Арслана (1186—1191). 18 монет поздней группы также обнаружены на небольшом участке (ок. 4 кв. м) в той же стратиграфической позиции, что упомянутые 10 монет ранней группы.

Комплекс археологических находок, включая монеты, позволяет поставить прекращение функционирования данного культово-ритуального объекта в прямую связь с вторжением монголов под предводительством Джебэ и Субэдэя, последующим вторжением хорезмшаха Джалал ад-Дина на Кавказ и завоеванием Дербента полководцем Менгу-хана Букдаем в 1239 г.

Ключевые слова: Кавказ, Дербент, культовый комплекс, исламская нумизматика, фельсы, дирхамы, Омейяды, Аббасиды, Суламиды, Ильдегизиды, Пишкиниды, Аксункуриды.

Сведения об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович[1], доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Злобин Геннадий Вячеславович[2], независимый исследователь.

Контактная информация: [1]367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, e-mail: murgadj@rambler.ru; [2]140128, Россия, Московская область, Раменский городской округ, дер. Клишева, Центральная улица, д. 135, кв. 1, e-mail: dr-zlobin@rambler.ru.

M.S. Gadjiev, G.V. Zlobin

NUMISMATIC FINDS FROM THE MEDIEVAL RELIGIOUS AND RITUAL COMPLEX IN DERBENT

During rescue excavations in Derbent in 2014, a Muslim ritual complex connected with a water supply system and apparently serving for ritual washing and cleansing was revealed outside the medieval shahristan and near the north defensive wall of the city. In addition to numerous and diverse finds, 57 coins were found,

* Статья поступила в номер 9 октября 2022 г.
Принята к печати 15 января 2023 г.

© М.С. Гаджиев, Г.В. Злобин, 2023.

which is obviously due to the nature of the place where coins were left as ‘offerings’ in fulfillment of the vow. The absolute majority of identified coins (48 items) represent two chronological groups.

The early chronological group (12 items) consists of Umayyad and Abbasid fulus of the 8th century, including the mint of Bab al-abwab (Derbent) and the fulus of the type of the Arran governor Hassan b. Kakhtaba (770—775). Most coins of this group (10 items) were found in a small area (ca. 2 sq. m) in the same stratigraphic position fixing the level of the ancient day surface.

The late chronological group (36 items) includes copper dirhams of Bab al-abwab Sulamids mainly of the mid-12th c. — late 12th c. (13 items), Akhar malik Mahmud b. Pishkin (1211—1226) (7 items), Ildegizids during the reign of Caliph al-Nasir (1180—1225) (8 coins), and Aq Sunqurids (1189—1207) (8 items), including a coin with the name of Ildegizid atabek Kizil Arslan (1186—1191). Eighteen coins of this group were also found in a small area (ca. 4 sq. m) in the same stratigraphic position as those 10 coins of the early group mentioned above.

The whole archaeological assemblage, including coins, indicate that the religious object ceased its functioning in direct association with the invasion of the Mongols led by Jebe and Subutai, the subsequent invasion of Khwarazmshah Jalal ad-Din in the Caucasus, and the conquest of Derbent by Bukdai, a commander of Möngke Khan, in 1239.

Key words: Caucasus, Derbent, religious site, Islamic numismatics, fals, dirham, Umayyads, Abbassids, Sulamids, Ildegizids, Pishkinids, Aq Sunqurids.

About the authors: Gadjiev Murtazali Serazhutdinovich[1], Dr. habil. (History), Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Zlobin Gennadiy Vyacheslavovich[2], Independent Researcher.

Contact Information: [1]367030, Russia, Makhachkala, 75 M. Yaragsky St., Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: murgadj@rambler.ru; [2]140128, Russia, Moscow region, Ramensky urban district, Klisheva village, 135 Central St., apt. 1, e-mail: dr-zlobin@rambler.ru.

Обстоятельства обнаружения монет

В 2014 г. Дербентской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН были проведены охранно-спасательные раскопки объекта археологического наследия, выявленного в 2013 г. в ходе земельно-строительных работ. В результате проведенных археологических работ на раскопе XXIX был открыт и исследован монументальный средневековый мусульманский ритуально-культовый комплекс. Он располагался за пределами средневекового шахристана, т.е. обживаемой части города, с внешней стороны северной городской стены, у стыка оборонительной башни № 19 (по нумерации Е.А. Пахомова, № 43 по нумерации М.С. Гаджиева) с прилегающей куртиной, на расстоянии около 590 м к СВВ от центральных ворот северной городской стены *Кырхляр-капы* (в пер. с тюрк. — «Ворота сорока [шахидов]»; араб. *Баб ал-джихад* — «Ворота джихада (священной войны)»).

Как было установлено раскопками, данный ритуальный комплекс (рис. 1) был связан с системой водоснабжения и включал стелы XI—XII вв. с религиозными текстами на арабском языке, выполненные почерком *куфи* (Гаджиев и др. 2016: 796—818), связанные между собой водоводы из керамических труб и каменных лотков, каменные водовод-коллектор, корыта-водоотстойники, ванну, три крупных бассейна—резервуара, а также квадратную в плане платформу с некогда возвышавшимся на ней небольшим культовым помещением, сложенным из крупных отесанных каменных блоков (Гаджиев и др. 2015: 183—195). Полученные материалы позволили сделать предположение, что выявленный комплекс, связанный с системой водоснабжения, служил для совершения ритуально-обрядовых омовений (араб. *вуду*, *гусль*) и очищений (араб. *тахарат*) (Гаджиев и др. 2015: 187).

В результате проведенных работ была получена богатая коллекция археологических находок, представленная неполивной кухонной, столовой, тарной керамикой, глазурованной

посудой, керамикой специального назначения (сфероконусы, светильники—*чираги* и др.) и строительной, немалочисленными индивидуальными находками. Отметим хронологически показательные находки фрагментов монохромной и полихромной, с подглазурной гравировкой по ангобу местной поливной керамики, иранской поливной типов Сари, Нишапур, кашинной, фаянсовой керамики, в том числе декорированной люстром, обломки стеклянных браслетов, стеклянный флакон для благовоний, бронзовое перекрестие кинжала и др. (Гаджиев и др. 2015: 195, рис. 10). Эти материалы позволили датировать открытый комплекс X— началом XIII в.

Кроме названных находок при раскопках этого ритуально-культового места был получен представительный нумизматический материал, насчитывающий 57 монет, которые приводятся ниже в хронологическом порядке (рис. 2—6).

Описание и атрибуция монет

1. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-31. Фельс, ал-Баб, тип 114 г.х. / 732 г. Омейяды, без указания имени наместника (рис. 2: 1). Форма монеты — скруглённый многоугольник. Точное определение в доступной нумизматической литературе не найдено.

Л.с.: в центре поля дана легенда в две строки:

لا اله الا / الله — Нет бога, кроме / Аллаха.

Под словами легенды расположена лавровая ветвь вправо**.** Центральную легенду охватывает точечно-линейный ободок в форме округлого щита. Верхние углы щита делят поле на две неравномерные части:

[سنة اربع و عشر و مية] [باب]بالب الفلس [هذ ا] / [بسم الله ضرب] — [Во имя Аллаха чеканен] / [этот] фельс в ал-Ба[бе в году четыре и десять и сто].

Всё поле монеты охвачено точечно-линейным ободком.

О.с.: в центре поля дана легенда в две строки:

الله احد الله / الصمد — Аллах един, Аллах / вечен.

Под словами легенды расположена лавровая ветвь вправо**.** Центральную легенду охватывает точечно-линейный ободок в форме округлого щита. Верхние углы щита делят поле на две неравномерные части, в них дана внешняя круговая легенда: Коран IX, 33 (LXI, 9) фрагмент:

حق]ارسله بالهدى وا دين ال[رسول الله] / [محمد] — Мухаммад / пророк Аллаха, отправившего своего Посланника с верным руководством и истиной верой.

Всё поле монеты охвачено точечно-линейным ободком.

Как штемпели, так и сами монеты выполнены небрежно и грубо. Оформление монетного поля содержит элементы стилистики продукции омейядских монетных дворов Сирии и Палестины, в частности Дамаска.

Вес: 1,8 г; размер — 21 × 22 мм.

(Гончаров, Селезнёв 2016: 206—207).

2. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-30. Фельс, ал-Баб, тип 114 г.х. / 732 г. Омейяды, без указания имени наместника (рис. 2: 2). Форма монеты — округлая. Точное определение в доступной нумизматической литературе не найдено.

Л.с.: в центре поля дана легенда в две строки:

لا اله الا / الله — Нет бога, кроме / Аллаха.

Под словами легенды расположена лавровая ветвь вправо**.** Центральную легенду охватывает точечно-линейный ободок в форме округлого щита. Верхние углы щита делят поле на две неравномерные части:

[سنة اربع و عشر و مية] س بالباب[هذ ا الفل] / [بسم الله ضرب] — [Во имя Аллаха чеканен] / [этот фель]с в ал-Бабе [в году четыре и десять и сто].

Всё поле монеты охвачено точечно-линейным ободком.

О.с.: в центре поля дана легенда в две строки:

الله احد الله / الصمد — Аллах един, Аллах / вечен.

Под словами легенды расположена лавровая ветвь вправо**.** Центральную легенду охватывает точечно-линейный ободок в форме округлого щита. Верхние углы щита делят поле на две неравномерные части, в них дана внешняя круговая легенда: Коран IX, 33 (LXI, 9) фрагмент:

[محمد / رسول الله ارسله بالهدى وا دين الحق] — Мухаммад / пророк Аллаха, отправившего своего Посланника с верным руководством и истиной верой.

Всё поле монеты охвачено точечно-линейным ободком.

Того же типа, что и № 31-2014.

Вес: 1,5 г; размер — 22 мм.

(Гончаров, Селезнёв 2016: 206—207).

3. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-29. Фельс, ал-Баб, 153 г.х. / 770 г. Аббасиды, с именем Махди (рис. 2: 3).

Л.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

لا اله الا / الله وحده / لا شر يك له — Нет бога, кроме / Аллаха единого, / нет сотоварища ему!

Вокруг центральной легенды идёт круговая легенда:

[بسم الله] ضرب / هذ ا الفلس بالباب سنة ثلث و خمسين [و مية] — [Во имя Аллаха] чеканен / этот фельс в ал-Бабе в году три и пятьдесят [и сто].

Всё поле монеты охвачено линейным ободком.

О.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

ممار امربه / المهدى محمد / بن امير المومنين — Из того, что приказал / ал-Махди Мухаммад / сын повелителя правоверных.

Над словами легенды расположено слово بكار — Баккар. Круговая легенда: Коран IX, 33 (LXI, 9). Всё поле монеты охвачено слитно-точечным ободком.

Вес: 1,8 г; размер — 21 × 22 мм.

(Пахомов 1959: 70).

4. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-54. Фельс, ал-Баб, [15х] г.х. / 770-е гг., Аббасиды, с именем Махди (рис. 2: 4).

Л.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

لا اله الا / الله وحده / لا شر يك له — Нет бога, кроме / Аллаха единого, / нет сотоварища ему!

Легенда помещена в квадрат, образованный слитно-точечными линиями.

Вокруг этого квадрата дана круговая легенда:

… / … / ضرب / هذ ا الفلس [بسم الله] — [Во имя Аллаха] чеканен / этот фельс / … / …

Всё поле монеты охвачено слитно-точечным ободком.

О.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

ممار امربه / المهدى محمد / [بن امير المومنين] — Из того, что приказал / ал-Махди Мухаммад / [сын повелителя правоверных].

Над словами легенды расположено слово بكار — Баккар**.** Круговая легенда: остатки слов — Коран IX, 33 (LXI, 9). Наличие внешних ободков не отмечено.

Вес: 0,4 г; размер — 18 × 16 мм.

(Пахомов 1959: 70).

5. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-42. Фельс, место чекана сбито, 153 г.х. / 770 г. Аббасиды, по типу выпусков наместника Аррана Хасана б. Кахтабы (153/4—158 гг. х. / 770—775 гг.), с именем Махди (рис. 2: 5).

Л.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

لا اله الا / الله وحده / لا شر يك له — Нет бога, кроме / Аллаха единого, / нет сотоварища ему!

Вокруг центральной легенды идёт круговая легенда:

[بسم الله] ضرب / هذ ا الفلس بالباب سنة ثلث و خمسين [و مية] — [Во имя Аллаха] чеканен / этот фельс в ал-Бабе в году три и пятьдесят [и сто].

Всё поле монеты охвачено линейным ободком.

О.с.: большая часть надписей поля сбита.

Круговая легенда: остатки слов — Коран IX, 33 (LXI, 9). Всё поле монеты охвачено слитно-точечным ободком.

Вес: 1,4 г; размер — 23 мм.

(Пахомов 1959: 70).

6. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-49. Фельс, место чекана и дата сбиты. Аббасиды, по типу выпусков наместника Аррана Хасана б. Кахтабы (153/4-158 гг.х. / 770-775 гг.), с именем Махди (рис. 2: 6).

Л.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

لا اله الا / الله وحده / لا شر يك له — Нет бога, кроме / Аллаха единого, / нет сотоварища ему!

Круговая легенда не сохранилась. Внешние ободки также не сохранились.

О.с.: надписи не сохранились.

Вес: 1,1 г; размер — 18 × 19 мм.

(Пахомов 1959: 69; Vardanyan 2011: 105).

7. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-41. Фельс, место чекана и дата сбиты. Аббасиды, II в.х. (180-е гг.х. / рубеж VIII—IX вв.) (рис. 2: 7).

Л.с.: в центре поля дана легенда в три строки:

لا اله الا / الله وحده / لا شر يك له — Нет бога, кроме / Аллаха единого, / нет сотоварища ему!

Круговая легенда не сохранилась. Внешние ободки также не сохранились.

О.с.: в центре поля дана легенда в пять строк:

[؟…] / محمد / رسول / الله / [؟…] — [имя наместника] / Мухаммад / посланник / Аллаха / [отчество наместника].

Круговая легенда не сохранилась. Внешние ободки также не сохранились.

Вес: 2,4 г; размер — 19 мм.

8. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-39. Фельс, место чекана и дата сбиты. Аббасиды, II в.х. / VIII в. (рис. 2: 8).

Л.с.: надписи не сохранились.

О.с.: в центре поля дана легенда:

[مح]مد / [رس]ول / [ال]له — [Муха]ммад / [рас]ул / [Ал]лах.

Круговая легенда не сохранилась. Внешние ободки не сохранилась.

Вес: 0,3 г; размер — 15 × 12 мм.

9. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-33. Фельс, место чекана и дата сбиты (рис. 2: 9).

Вес: 0,4 г; размер — 16 × 15 мм.

10. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-34. Фельс, место чекана и дата сбиты (рис. 2: 10).

Вес: 0,3 г; размер — 16 × 15 мм.

11. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-35. Фельс, место чекана и дата сбиты (рис. 2: 11).

Вес: 0,3 г; размер — 16 × 15 мм.

12. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-36**.** Фельс, место чекана и дата сбиты (рис. 2: 12).
Вес: 0,3 г; размер — 12 × 11 мм.

13. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-38. AR-BI дирхам, место чекана и дата сбиты (рис. 2: 13). По типу монет ширваншаха Йазида ибн Ахмада (382—418 гг.х. / 992—1027 гг.), с именем халифа ал-Кадыра (381—422 гг.х. / 991—1031 гг.).

Л.с.: в поле дана легенда:
لا اله الا الله / وحد[ه] لا شر يك له / [القا]در باالله — Нет бога, кроме единого Аллаха / нет Ему сотоварища / [ал-Ка]дир би-ллах**.**
Следы кругового ободка и круговой легенды отсутствуют.
О.с.: совершенно стерта.
Вес: 3,5 г; размер — 20 × 21 мм.
(Злобин 2020: 608-615).

14. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-47. Медный посеребрённый дирхам. Без указания места и даты чеканки (рис. 3: 14). Суламиды, малик Мухаммад ибн Халифа, с именем багдадского халифа Мустазхира (487—512 гг.х. / 1094—1118 гг.). Описываемый экземпляр открывает новое имя в нумизматике Суламидов и является первой задокументированной находкой этого типа монет в самом Дербенте.

Л.с.: в центре поля, помещена куфическая надпись, в четыре строки:
[لا ا]له الا ا[لله] / [وح]ده لا شر [يك له] / [ال]مستظ[هر بالله] / …؟ — Нет бога, кроме единого Аллаха / нет Ему сотоварища / ал-Мустазхир би-ллах / … ?
Внешние ободки не сохранились.
О.с.: в центре поля, помещена куфическая надпись, в пять строк:
[محمد رسول الله**]** / **…** — … / Мухаммад посланник Аллаха / ал-амир ал-аджжал абу - ? / ƨƨƨƨƨ / [Дж]афар? Мухаммад иб[н]? / Халифа.
Между второй и третьей строками проходит декоративный витой кант. Внешний картуш не сохранился.
Вес: 5,3 г; размер — 20 × 17 мм.
(Злобин 2021а).

15. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-22. Медный мультидирхам (рис. 3: 15). Без указания места чеканки, тип 555 г.х. / 1160 г. Суламиды, малик Музаффар ибн Мухаммад (1160-е гг.), с именем халифа ал-Мустанджида (555—566 гг.х. / 1160—1171 гг.).

Л.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный пересечением трех кругов. В правом нижнем круге надпись в две строки:
باالله / [المستنجد] — [ал—Мустанджид] / биллах.
Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный соединением шести трехлопастных фигур. Внутри картуша дана трёхстрочная надпись:
الملك — малик / مظفر / بن مح[مد] / Музаффар / ибн Муха[ммад].
Надписи внешней круговой легенды на поле монеты не попали.
Вес — 16 г; размер — 13 × 14 мм.
(Пахомов 1930: 3, тип IV; Kouymjan 1969: 261, тип 4D; Hennequin 1985, тип 8; Злобин 2021б: 77, тип 4).

16. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-48. Медный мультидирхам (рис. 3: 16). Без указания места чеканки, тип 555 г.х. / 1160 г. Суламиды, малик Музаффар ибн Мухаммад (1160-е гг.), с именем халифа ал-Мустанджида (555—566 гг.х. / 1160—1171 гг.).

Л.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный пересечением трех кругов. В верхнем круге надпись в две строки:

الله / [لا اله الا] — [Нет бога, кроме единого] / Аллаха.

В левом нижнем круге надпись в две строки:

ل الله / [محمد رسو] — [Мухаммад расу] / л Аллах.

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный соединением шести трехлопастных фигур. Внутри картуша дана трёхстрочная надпись:

د[بن محم] / مظفر / الملك — малик / Музаффар / [ибн Мухамма]д**.**

Надписи внешней круговой легенды на поле монеты не попали.

Вес — 1,5 г; размер — 16 × 18 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип IV; Kouymjan 1969: 261, тип 4D; Hennequin 1985, тип 8; Злобин 2021б: 77, тип 4).

17. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-50. Медный мультидирхам (рис. 3: 17). Без указания места чеканки, тип 555 г.х. / 1160 г. Суламиды, малик Музаффар ибн Мухаммад (1160-е гг.), с именем халифа ал-Мустанджида (555—566 гг.х. / 1160—1171 гг.).

Л.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный пересечением трех кругов. В левом нижнем круге надпись в две строки:

ل الله / [محمد رسو] — [Мухаммад расу] / л Аллах.

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный соединением шести трехлопастных фигур. Внутри картуша дана трёхстрочная надпись:

[د]بن محم / [مظ]فر / [الملك] — [малик] / Муза[ффар] / ибн Мухамма[д].

Надписи внешней круговой легенды на поле монеты не попали.

Вес — 1,0 г; размер — 17 × 12 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип IV; Kouymjan 1969: 261, тип 4D; Hennequin 1985, тип 8; Злобин 2021б: 77, тип 4).

18. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-53. Медный мультидирхам (рис. 3: 18). Без указания места чеканки, тип 555 г.х. / 1160 г. Суламиды, малик Музаффар ибн Мухаммад (1160-е гг.), с именем халифа ал-Мустанджида (555—566 гг.х. / 1160—1171 гг.).

Л.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный пересечением трех кругов. В верхнем круге надпись в две строки:

الله / [لا اله الا] — [Нет бога, кроме единого] / Аллаха.

В левом нижнем круге надпись в две строки:

ل الله / [محمد رسو] — [Мухаммад расу] / л Аллах.

В правом нижнем круге надпись в две строки:

بالله / المستنجد — ал—Мустанджид / биллах.

В сегментах, образованных внешним линейным ободком и картушем, образованным тремя кругами дана надпись, начиная с правого нижнего против часовой стрелки:

[منين] / [المؤ] / امير — амир / [ал-му] / [минин] (повелитель правоверных)**.**

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный соединением шести трехлопастных фигур. Внутри картуша дана трёхстрочная надпись:

[بن محمد] / [مظ]فر / الملك — малик / Муза[ффар] / [ибн Мухаммад]**.**

Надписи внешней круговой легенды на поле монеты не попали.

Вес — 4,3 г; размер — 18 × 19 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип IV; Kouymjan 1969: 261, тип 4D; Hennequin 1985, тип 8; Злобин 2021б: 77, тип 4).

19. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-14. Медный мультидирхам (рис. 3: 19). Без указания места чеканки, тип 555 г.х. / 1160 г. Суламиды, малик Музаффар ибн Мухаммад (1160-е гг.), с именем халифа ал-Мустанджида (555—566 гг.х. / 1160—1171 гг.).

Л.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный пересечением трех кругов. В левом нижнем круге надпись в две строки:

ل الله / [محمد رسو] — [Мухаммад расу] / л Аллах.

В правом нижнем круге надпись в две строки:

بالله / [المستنجد] — [ал—Мустанджид] / биллах.

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещен фигурный картуш, образованный соединением шести трехлопастных фигур. Внутри картуша дана трёхстрочная надпись:

[د]محم [بن] / [فر]مظ / [ك]الملـ — мали[к] / Муза[ффар] / [ибн] Мухамма[д]**.**

Надписи внешней круговой легенды на поле монеты не попали.

Вес — 2,0 г; размер — 14 × 15 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип IV; Kouymjan 1969: 261, тип 4D; Hennequin 1985, тип 8; Злобин 2021б: 77, тип 4).

20. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-7. Медный дирхам (рис. 3: 20). Без указания места и даты чеканки. Суламиды, малик Бекбарс б. Музаффар (566—585 гг.х. / 1170—1189 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), тип II (575—585 гг.х. / 1179—1189 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[ه]لدين اللـ/ ناصر لـ / يك له / [وحده لا شر] / [لا اله الا الله] — [Нет бога, кроме единого Аллаха] / [нет сото]- / варища Ему, ан-Насир / лид-дин-илла[х].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[مظفر] / [بن]بارس[بك] / العادل[الملـ]ك / [له]الـ رسول / [محمد] / [الله]الا / [لا اله] — [Нет бога] кроме [единого Аллаха] / [Мухаммад] посланник Ал[лаха] / [мали]к законный / [Бек]барс [ибн] / [Музаффар].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

Вес — 4,1 г; размер — 14 × 16 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип VI; Kouymjan 1969: 273, тип 17A; Злобин 2021б: 107, тип 2).

21. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-10. Медный дирхам (рис. 3: 21). Без указания места и даты чеканки. Суламиды, малик Бекбарс б. Музаффар (566—585 гг.х. / 1170—1189 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), тип II (575—585 гг. х. / 1179—1189 гг.).

Л.с.: в центре поя помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[لدين الله] / [صر]لنا / يك له / [شر]حده لا [و] / [لا اله الا الله] — [Нет бога кроме единого Аллаха] / нет сото- / варища Ему, ан-На[сир] / [лид-дин-иллах].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[مظفر] / [بن] [س]بكبار / [العادل]لك[الم] / [محمد رسول الله] / [لا اله الا الله] — [Нет бога, кроме единого Аллаха] / [Мухаммад посланник Аллаха] / [ма]лик [законный] / Бекбар[с] [ибн] / [Музаффар].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

Вес — 1,2 г; размер — 8 × 16 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип VI; Kouymjan 1969: 273, тип 17A; Злобин 2021б: 107, тип 2).

22. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-13. Медный дирхам (рис. 3: 22). Без указания места и даты чеканки. Суламиды, малик Бекбарс б. Музаффар (566—585 гг.х. / 1170—1189 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), тип II (575—585 гг.х. / 1179—1189 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[لا اله الا الله] / وحده لا شر[ر] / يك له لنا[صر] / لدين[الله] — [Нет бога, кроме единого Аллаха] / нет сото- / варища Ему, ан-На[сир] / лид-дин-[иллах].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[لا اله الا]الله] / محمد رسول الله] / [الملك العادل] / [بكبارس بن] / [مظفر] — [Нет] бога, кроме [единого Аллаха] / Мух[аммад посланник Аллаха] / [малик законный] / [Бекбарс ибн] / [Музаффар].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

Вес — 6,3 г; размер —18 × 19 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип VI; Kouymjan 1969: 273, тип 17A; Злобин 2021б: 107, тип 2).

23. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-26. Медный дирхам (рис. 3: 23). Без указания места и даты чеканки. Суламиды, малик Бекбарс б. Музаффар (566—585 гг.х. / 1170—1189 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), тип II (575—585 гг.х. / 1179—1189 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[لا اله الا الله] / وحد[ه لا شر] / يك ل[ه لناصر] / [لدين الله] — Нет [бога, кроме единого Аллаха] / нет [сото] / варища Ему, [ан-Насир] / [лид-дин-иллах].

Всё поле монеты охвачено линейным ободком.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[لا اله الا الله] / [محمد رسول الله] / [الملك لعاد[ل] / [ب]كبارس [بن] / [مظفر] — **[**Нет бога, кроме единого Аллаха] / [Мухаммад посланник Аллаха] / [мали]к законный / [Б]екбарс [ибн] / [Музаффар].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

Вес — 4,0 г; размер — 18 × 15 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип VI; Kouymjan 1969: 273, тип 17A; Злобин 2021б: 107, тип 2).

24. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-32. Медный дирхам (рис. 4: 24). Без указания места и даты чеканки. Суламиды, вероятно, малик Бекбарс б. Музаффар (566—585 гг.х. / 1170—1189 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), тип II (575—585 гг.х. / 1179—1189 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[لا اله الا الله] / [وحده لا شر] / [ي]ك له لناصر/ [لدي]ن الله — [Нет бога, кроме единого Аллаха] / [нет сото] / [варища] Ему, ан-Насир / [лид-ди]н-иллах.

Всё поле монеты охвачено линейным ободком.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[لا اله]الا الله] / [محمد رسول الله] / [العادل الملك] / [بكبارس بن] / [مظفر] — Нет бога кроме единого Аллаха / Мухаммад посланник Аллаха / малик законный / Бекбарс ибн / Музаффар**.**

Всё поле монеты охвачено линейным ободком.

Вес — 4,3 г; размер — 20 × 13 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип VI; Kouymjan 1969: 273, тип 17A; Злобин 2021б: 107, тип 2).

25. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-5. Медный дирхам (рис. 4: 25). Без указания места и даты чеканки. Суламиды, малик Бекбарс б. Музаффар (566—585 гг.х. / 1170—1189 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), тип II (575—585 гг.х. / 1179—1189 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[لا] اله الا[الله] / وحده لا [شر] /[ي]ك له لنا[صر] / [لدين الله] — [Нет] бога, кроме [единого Аллаха] / нет сото / варища Ему, ан-На[сир] / [лид-дин-иллах].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[مظفر] / [بكبارس بن] / [العادل الملك] / [الله] محمد رس[ول] / [لا اله[الا الله] — Нет бога, [кроме единого Аллаха] / Мухаммад посланник [Аллаха] / [малик законный] / [Бекбарс ибн] / [Музаффар].

Внешние линейные ободки на поле монеты не попали.

Вес — 3,4 г; размер — 15 × 16 мм.

(Пахомов 1930: 3, тип VI; Kouymjan 1969: 273, тип 17A; Злобин 2021б: 107, тип 2).

26. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-46. Медный дирхам, Суламиды (рис. 4: 26). Сохранились неразборчивые остатки надписей.

Вес — 2,1 г; размер: 14 × 12 мм.

27. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-56. Медный дирхам, Ахар, дата сбита (рис. 4: 27). Пишкиниды, малик Пишкин б. Мухаммад (591—608 гг.х. / 1195—1211 гг.), с именами ильдегизида Абу Бекра (587—608 гг.х. / 1191—1211 гг.) и халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[ا]ميرالمومنين / [الـ]ناصر لدين [الله] / [يه]صلى الله عل / محمد رسول الله / لا اله الا الله — Нет бога, кроме единого Аллаха / Мухаммад посланник Аллаха / да благословит его Аллах / [ан]-Насир лид-дин-[иллах] / повелитель верующих.

Внешний ободок не просматривается.

О.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

… / بيشكين بن محمد / ملك الامراه / ابوبكر بن محمد / اتابك الاعظم — Атабек возвеличенный / Абу Бекр ибн Мухаммад / малик ал-умара / Бишкин ибн Мухаммад / …

Всё поле монеты охвачено широким линейным ободком. В сегментах между куфической надписью и линейным ободком остатки легенды, сверху:

… باهر [ضرب] — [чекан] Ахара ...

Вес — 15,7 г., размер — 27 × 31 мм.

(Kouymjan 1969: 378, тип 1).

28. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-2. Медный дирхам, [Ахар], 6[09] г.х. / 12[12/13] г. (рис. 4: 28). Пишкиниды, малик Махмуд б. Пишкин (608—623 гг.х. / 1211—1226 гг.), с именами ильдегизида Узбека ибн Мухаммада (607—622 гг.х. / 1210—1225 гг.) и халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля расположены остатки куфической надписи:

امير المومنين / [النا]صر لدين الله / [صلى] الله عليه / [محمد رسول] الله / [لا اله الا] الله — [Нет бога, кроме единого] Аллаха / [Мухаммад посланник] Аллаха / [да благословит] его Аллах / [ан-На]сир лид-дин-иллах / повелитель верующих.

Всё поле монеты охвачено толстым линейным ободком. В левом сегменте между куфической надписью и линейным ободком, дано влево часть даты чеканки:

و ستمائة — и шестьсот.

О.с.: в центре поля расположены остатки куфической надписи:

نصراة الدين محمود / بن بيشكين بن محمد / ازبك بن … / … / … — … / … / Узбек сын … / ال[اه]ملك الامر / ал-малик ал амир / Нусрат ал-дин Махмуд / ибн Бишкин ибн / Мухаммад.

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый. В правом сегменте между куфической надписью и линейными ободками, расположена тамга.

Вес — 14,8 г; размер — 29 мм.

(Kouymjan 1969: 389, тип 13).

29. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-40. Медный дирхам, [Ахар], 6[09] г.х. / 12[12/13] г. (рис. 4: 29). Пишкиниды, малик Махмуд б. Пишкин (608—623 гг.х. / 1211—1226 гг.), с именами ильдегизида Узбека ибн Мухаммада (607—622 гг.х. / 1210—1225 гг.) и халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля расположены остатки куфической надписи:

[امير‌المو[منين] / الناصر الد[ين الله] / صلى الله ع[ليه] / محمد رسو[ل الله] / [لا اله الا الله] — [Нет бога, кроме единого] Аллаха / Мухаммад расу[л Аллах] / да благословит его Аллах / ан-Насир лид-[дин-иллах] / повелитель верующих.

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый.

О.с.: в центре поля расположены остатки куфической надписи:

… [بن بيش[كين بن] / نصراة الدين محمود / ازبك بن محمد / الملك الام[راه] / اتابك الاع[ظم] — Атабек ал-а[зам] / Узбек ибн Мухаммад / ал-малик ал ами[р] / Нусрат ал-дин Махмуд / ибн Биш[кин ибн] …

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый. В правом сегменте между куфической надписью и линейными ободками, расположена тамга.

Вес — 16,6 г; размер — 26 × 30 мм.

(Kouymjan 1969: 389, тип 13).

30. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-1. Медный дирхам, [Ахар], 61* г.х. / 1213—1222 г. (рис. 4: 30). Пишкиниды, малик Махмуд б. Пишкин (608—623 гг.х. / 1211—1226 гг.), с именами хорезмшаха Джалал ад-Дина (617—628 гг.х. / 1199—1231 гг.), халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

امير‌المومنين / الناصر لدين الله / صلى الله عليه / محمد رسول الله / لا اله الا الله — Нет бога, кроме единого Аллаха / Мухаммад посланник Аллаха / да благословит его Аллах / ан-Насир лид-дин-иллах / повелитель верующих.

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый. В сегментах между куфической надписью и линейным ободком, начиная с правого, влево дано место и дата чеканки:

… / десять / … — … / عسر / و ستمائة**.**

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

محمد / بن بيشكين بن / محمد الملك / العادل محمود / مئكبرنى / السلطان الاعظم — Султан возвеличенный / Манкуберны / Мухаммад ал-малик / ал-адил Махмуд / ибн Бишкин ибн / Мухаммад.

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый. В сегментах между куфической надписью и линейным ободком дано, сверху: نصير امير — помощник эмира**.**

Вес — 16,7 г; размер — 31 × 29 мм.

(Kouymjan 1969: 402, тип 22).

31. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-37. Медный дирхам, дата и место чекана сбиты (рис. 4: 31), по типу Ахар, 623 г.х. / 1226 г. Пишкиниды, малик Махмуд б. Пишкин (608—623 гг.х. / 1211—1226 гг.), с именами хорезмшаха Джалал ад-Дина (617—628 гг.х. / 1199—1231 гг.), халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[ام]ير‌المومنين / [الن]اصر لدين الله / صلى الله عليه / [م]حمد رسول الله / [لا اله] الا ا[لله] — [Нет бога,] кроме единого Ал[лаха] / [М]ухаммад посланник Аллаха / да благословит его Аллах / [ан]-Насир лид-дин-иллах / повелитель верующих.

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый. Влево от центральной надписи дана дата чеканки:

و ستمائة — и шестьсот.

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

… [بن بيشكين [بن] / [العاد]ل محمود / [محمد] الملك / مئكبرنى / الاعظم [السلطان] — [Султан] возвеличенный / Манкуберны / [Мухамма]д ал-малик / [ал-ади]л Махмуд / [ибн Биш]кин [ибн] …

Всё поле монеты охвачено двойным линейным ободком, внутренний — тонкий, наружный толстый. В сегментах между куфической надписью и линейным ободком дано, сверху: نصير امير — помощник эмира.

Вес— 14,1 г; размер — 28 × 31 мм.

(Kouymjan 1969: 402, тип 22).

32. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-19. Медный дирхам. Дата и место чекана сбиты (рис. 4: 32), по типу Ахар, 623 г.х. / 1226 г. Пишкиниды, малик Махмуд б. Пишкин (608—623 гг.х. / 1211—1226 гг.), с именами хорезмшаха Джалал ад-Дина (617—628 гг.х. / 1199—1231 гг.), халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

[لا]اله الا [الله] / محمد رسول الل[ه] / صلى الله عليه[ا] / [ا]لناصر لدين[الله] / [امير] ال[مومنين] — [Нет] бога, кроме единого [Аллаха] / Мухаммад посланник Аллах[а] / да благословит его Аллах / [а]н-Насир лид-дин-[иллах] / повелитель верующих.

Наружные ободки не сохранились.

О с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

… [بن بي]شكين [بن] / [العا]دل محمو[د] / مئكبرنى / محمد الملك / … — … / Манкуберны / Мухаммад ал-малик / [ал-а]дил Махму[д] / [ибн Би]шкин [ибн] …

Наружные ободки не сохранились.

Вес — 14,2 г; размер — 28 × 29 мм.

(Kouymjan 1969: 402, тип 22).

33. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-57. Медный дирхам. Дата и место чекана сбиты (рис. 4: 33), по типу Ахар, 623 г.х. / 1226 г. Пишкиниды, малик Махмуд б. Пишкин (608—623 гг.х. / 1211—1226 гг.), с именами хорезмшаха Джалал ад-Дина (617—628 гг.х. / 1199—1231 гг.), халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена четырехстрочная куфическая надпись:

[لا اله الا الله] / محمد رسول [الله] / صلى الله عل[يه] / [الناصر] لدين [الله] / [اميرالمومنين] — [Нет бога, кроме единого Аллаха] / Мухаммад посланник [Аллаха] / да благословит его Аллах / [ан-Насир] лид-дин-[иллах] / [повелитель верующих].

Внешний ободок не просматривается**.**

О.с.: в центре поля помещена пятистрочная куфическая надпись:

[بن محمد] / محمود بن بيشكين / [الملـ]ك العادل / السلطان محمد بن / مئكبرنى / الاعظم [السلطان] — [Султан] возвеличенный / Манкуберны ибн султан Мухаммад / ал-малик ал-адил / Махмуд ибн Бишкин / [ибн Мухаммад].

Внешний ободок не просматривается**.**

Вес — 13,9 г, размер — 26,5 × 26 мм.

(Kouymjan 1969: 404, тип 23).

34. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-23. Медный дирхам (рис. 5: 34), Аксункуриды, Корпе Арслан ибн Арслан Аба (584—604 гг.х. / 1189—1208 гг.) с именем ильдегизида Кызыл Арслана (582—587 гг.х. / 1186—1191 гг.).

Л.с.: в центре поля дана куфическая надпись, из которой разбираются три строки:

… [؟] اتابك عبـ / ؟ [بن] [ارسلان] / … — … [Ар]сла[н]? / Арс[лан] ? / Атабек аб[?] …?

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

?… [ن]رسلا[ا] … / ?… [ن]رسلا[ا] … / ?… [ل]قيز — … Киз[ил] …? / … [А]рсла[н] …? / … [А]рсла[н] …?

Наружные ободки не сохранились.

Вес — 10,0 г; размер — 24 × 19 мм.

(Сейфеддини 1972: 37—39; Раджабли 1985: 55—60; 1997: 84, № 79).

35. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-28. Медный дирхам (рис. 5: 35), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Остатки надписей неразборчивы.

Вес — 10,3 г; размер — 22 × 18 мм.

36. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-44. Медный дирхам (рис. 5: 36), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Остатки надписей неразборчивы.

Вес — 5,8 г; размер —19 × 14 мм.

37. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-11. Медный дирхам (рис. 5: 37), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Остатки надписей неразборчивы.

Вес — 6,1 г; размер — 15 × 18 мм.

38. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-45. Медный дирхам (рис. 5: 38), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Остатки надписей неразборчивы.

Вес — 5,1 г; размер — 19 × 11 мм.

39. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-17. Медный дирхам (рис. 5: 39), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Надписи не сохранились.

Вес — 7,1 г; размер — 15 × 18 мм.

40. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-18. Медный дирхам (рис. 5: 40), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Надписи не сохранились.

Вес — 7,0 г; размер — 15 × 19 мм.

41. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-52. Медный дирхам (рис. 5: 41), Аксункуриды (584—604 гг.х./ 1189—1207 гг.). Надписи не сохранились.

Вес — 10,1 г.; размер — 22 × 20 мм.

42. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-3. Медный дирхам (рис. 5: 42). Ильдегизиды, Узбек ибн Мухаммад (607—622 гг.х. / 1210—1225 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

[المومنين] امير [ا] / [الله] لناصر لد[ين الله] [ا] / трёхногая тамга влево / [Аллаху] — [а]н-Насир лид-[дин-иллах] / повелитель [верующих].

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

الاعظم / اتابك / ازبك بن محمد / двуногая тамга влево — […] / двуногая тамга влево / возвеличенный / атабек / Узбек ибн Мухаммад.

Наружные ободки не сохранились.

Вес — 8,9 г; размер — 20 × 25 мм.

(Kouymjan 1969: 358, тип 48).

43. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-55. Медный дирхам (рис. 5: 43), дата и место чекана сбиты. Ильдегизиды, Узбек ибн Мухаммад (607—622 гг.х. / 1210—1225 гг.) с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.).

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

[منين]المو [امير] / الناصر[لدين الله] / … — … / ан-Насир [лид-дин-иллах] / [амир] ал-му[минин].

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

[بن محمد] بك [از] / عظم [الا] / […]— […] / [воз]величенный / [Уз]бек [ибн Мухаммад].

Наружные ободки не сохранились.

Вес — 8,2 г; размер — 26 × 22 мм.

(Kouymjan 1969: 358, тип 48).

44. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-51. Медный дирхам (рис. 5: 44). Ильдегизиды, с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), имя правителя (атабека) сбито.

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

منين[المو]мير [ا] / [الن]اصر[لدين الله] / [الله] — [Аллаху] / [ан-Н]асир [лид-дин-иллах] / [а]мир [ал-му]минин.

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

… [بك]اتا عظم [الا] / [السلطا]ن — [Султа]н / возвеличенный атабек / …

Наружные ободки не сохранились.

Вес — 3,0 г; размер — 16 × 23 мм.

45. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-8. Медный дирхам (рис. 6: 45), дата и место чекана сбиты. Ильдегизиды, с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158-1225 гг.), имя правителя (атабека) сбито.

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

… / [النا]صر[لدين الله] — [ан-На]сир лид-[дин-иллах].

Ниже — трехногая тамга вправо.

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: контуры трёхногой тамги, надписи не сохранились.

Вес — 2,5 г; размер — 23 мм.

46. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-12. Медный дирхам (рис. 6: 46), дата и место чекана сбиты. Ильдегизиды, с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), имя правителя (атабека) сбито.

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

… / [النا]صر[لدين الله] / … — … / [ан-На]сир лид-[дин-иллах] / …

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: надписи не сохранились.

Вес — 3,1 г; размер — 19 × 22 мм.

47. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-16. Медный дирхам (рис. 6: 47), дата и место чекана сбиты. Ильдегизиды, с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), имя правителя (атабека) сбито.

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

[منين]المو [امير] / [النا]صر[لدين الله] / … — … / [ан-На]сир лид-[дин-иллах] / [амир] ал-му[минин].

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: изображение тамги, надписи не сохранились.

Вес — 4,4 г; размер — 23 × 24 мм.

48. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-20. Медный дирхам (рис. 6: 48), дата и место чекана сбиты. Ильдегизиды, с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), имя правителя (атабека) сбито.

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

[منين]المو[امير] / [الد]ناصر[لدين الله] — [ан-]Насир лид-[дин-иллах] / [амир] ал-му[минин.

Ниже — трехногая тамга влево.

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: надписи не сохранились.

Вес — 3,6 г; размер — 21 мм.

49. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-15. Медный дирхам (рис. 6: 49), дата и место чекана сбиты. Ильдегизиды, с именем халифа ан-Насира (575—622 гг.х. / 1158—1225 гг.), имя правителя (атабека) сбито.

Л.с.: в центре поля помещена куфическая надпись:

… / [النا]صر[لدين الله] / … — **…** / [ан-]Насир лид-[дин-иллах] / …

Наружные ободки не сохранились.

О.с.: надписи не сохранились.

Вес — 4,9 г; размер — 20 × 15 мм.

50. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-21. Медный дирхам (рис. 6: 50), дата и место чекана сбиты. Имя правителя сбито, имя халифа сбито.

Л.с.: остатки надписей.

О.с.: надписи не сохранились.

Вес — 1,1 г; размер — 17 × 18 мм.

51. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-27. Медный дирхам (рис. 6: 51), дата и место чекана сбиты. Имена правителя и халифа сбиты.

Л.с.: надписи не сохранились.

О.с.: надписи не сохранились.

Вес — 2,1 г; размер — 17 × 18 мм.

52. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-4. Фельс (пул) (рис. 6: 52), Шемаха, анонимный тип, XIV в.

Л.с.: в центре поля расположен фигурный треугольный картуш, содержащий декоративный элемент. Раздвоенные линии, выходящие из концов треугольника, образуют три сегмента, где дана легенда:

левый сегмент: السلطان — султан;

правый сегмент: عدل — законный;

нижний сегмент: العادل — правосудный(?).

Всё поле монеты охвачено линейным ободком.

О.с.: в центре поля расположен прямоугольный картуш. Внутренний ободок линейный, внешний ободок точечный. В центре картуша помещена надпись:

ضرب / شماخی — чекан / Шемахи.

Всё поле монеты охвачено внешним точечным и внутренним.

Вес — 1,6 г; размер — 19 × 18 мм.

Злобин 2010: 362, тип 117.2.

53. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-43. Литая медная монета (рис. 6: 53). Хорошо заметны остатки литника и рельефного ободка. Фактура напоминает среднеазиатские монеты ряда серий производства Отрара, доисламского периода (первая пол. VIII в.)

Вес — 1,3 г; размер — 13 × 14 мм.

(Смирнова 1981: №№ 1581—1584).

54. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-24. Литая медная заготовка (?) монеты (рис. 6: 54). Хорошо заметны остатки рельефного ободка. Фактура напоминает среднеазиатские монеты ряда серий доисламского периода (первая половина VIII в.)

Вес: 1,5 г; размер — 14 мм.

(Смирнова 1981: №№ 1581—1584).

55. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-6. Медная пластина (рис. 6: 55) в две трети обрубка монетного кружка, не содержащего надписей.

Вес — 2,0 г; размер — 11 × 18 мм.

56. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-9. Медная пластина (рис. 6: 56), ромбовидной формы, не содержащая надписей.

Вес — 3,1 г; размер — 14 × 19 мм.

57. Шифр: ДНАЭ-14/XXIX-25. Пять копеек СССР, образца 1932—1957 гг. (рис. 6: 57).

Вес — 4,0 г; размер — 2,5 мм.

Наблюдения и выводы

Находка столь большого количества монет на ограниченной территории, очевидно, обусловлена ритуально-обрядовой практикой на открытом памятнике, на котором, возможно, оставляли монеты в качестве «приношений» и во исполнение сокровенных желаний и обета (араб. *назр*) (Гаджиев и др. 2016: 814—815) (рис. 7).

Абсолютное большинство монет (50 экз. из 57 экз. — №№ 1—13, 15, 16, 19—40, 42, 43, 45—56) происходят с уровня основания слоя 5, который по своему керамическому комплексу и индивидуальным находкам датируется в диапазоне X — первой трети XIII вв. Возможно, некоторые образцы импортной глазурованной керамики типа Сари датируются в рамках IX—X вв. Керамика и индивидуальные находки более раннего времени (позднесасанидского и арабского периодов, VI—VIII вв.) в слое отсутствуют.

Находки четырех монет одной (поздней) хронологической группы связаны с функционированием водопроводной системы, проходящей через данный культовый объект. Они были обнаружены внутри водовода-коллектора, причем относительно близко — на расстоянии 40—50 см друг от друга (рис. 7) — это монеты соответственно малика ал-Баба Музаффара ибн Мухаммада (1160-е гг.) (2 экз.; рис. 3: 17, 18), атабека—Ильдегизида с именем халифа ан-Насира (1180—1225 гг.) (рис. 5: 44) и эмира-Аксункурида (1189—1207 гг.) (рис. 5: 41). Со слоем 5 были стратиграфически связаны еще две монеты: одна из них — медный дирхам малика ал-Баба Мухаммада ибн Халифа, с именем багдадского халифа Мустазхира (1094—1118 гг.) (рис. 3: 14) — была обнаружена в заполнении полуразрушенного бассейна № 3, вторая — медный дирхам второй половины XII — начала XIII в. (рис. 6: 51) — в заполнении бассейна № 2 (рис. 7).

Самая поздняя монета — № 57, пять копеек СССР образца 1932—1957 гг. (рис. 6: 57) — была найдена в верхнем балластном слое середины — второй половины XX в. на известковой площадке рядом с проломом в оборонительной стене.

Монеты, собственно связанные с открытым ритуально-культовым комплексом, включают пять династийно-хронологических групп, составляющих абсолютное большинство

находок. Это омейядско-аббасидская группа, суламидская группа, ахарская группа, ильдегизидская группа и аксункуридская группа, представляющие две основные хронологические группы (рис. 1, 7), которые представляют в целом единые комплексы и отражают в определенной степени характер денежного обращения времени функционирования данного культового объекта с момента его возникновения и до момента прекращения его функционирования.

Первая (ранняя) хронологическая группа (12 экз.) включает 2 омейядских фельса типа чекана ал-Баба (Дербента) 114 г. х. / 732 г. (рис. 2: 1, 2) и 6 аббасидских фельсов конца VIII в. (рис. 2: 3—8), в т.ч. чекана ал-Баба 153 г. х. / 770 г. и типа выпусков наместника Аррана Хасана б. Кахтабы (153/4—158 гг. х. / 770—775 гг.), а также 4 стертых аббасидских фельса (рис. 2: 9—13).

Возможно, к этой хронологической группе относятся еще две монеты (рис. 6: 53, 54) — это литые медные монеты, напоминающие среднеазиатские монеты ряда серий производства Отрара доисламского времени (первой половины VIII в.) (Смирнова 1981: №№ 1581—1584), которые были обнаружены в одном квадрате (рис. 7) вблизи друг от друга.

Обращает внимание, что большинство монет (10 экз. — по описи №№ 29—31, 33—36, 39, 41, 42— рис. 2: 1—3, 5, 7—12) этой группы было обнаружено на одном участке (рис. 1, 7) на площади около 2 кв. м (кв. А-3, А-4, А-5, Б-5) в одной стратиграфической позиции на глубине -1,7 — -1,8 м от репера, в основании слоя 5, отмечая уровень древней дневной поверхности.

Вторая хронологическая группа включает монеты середины XII — начала XIII в. (36 экз.) и представляет медные дирхамы четырёх основных династийных подгрупп:

а) малики (амиры) Суламиды ал-Баба (Дербента) — 13 экз. (рис. 3: 14—23, 4: 24—26), в т.ч. Мухаммада б. Халифы 487—512 гг. х. / 1094—1118 гг. (1 экз.), Музаффара б. Мухаммада (530—566 гг. х./1135—1171 гг.) (5 экз.) и Бекбарса б. Музаффара (566—585 гг. х./1171—1190 гг.) (6 экз.) и одна монета Суламидов неопределенная;

б) малик Ахара Махмуд б. Пишкин (608—623 гг. х. / 1211—1226 гг.) — 7 экз. (рис. 4: 27—33);

в) Ильдегизиды времени правления халифа ан-Насира (575—622 гг. х. / 1180—1225 гг.) — 8 экз. (рис. 5: 42—44, 6: 45—49), в т.ч. 1 экз. с именем атабека Узбека ибн Мухаммада (607—622 гг. х. / 1210—1225 гг.);

г) Аксункуриды (584—604 гг. х./ 1189—1207) — 8 экз. (рис. 5: 34—41), в т.ч. 1 экз. с именем ильдегизида Кызыл Арслана (582—587 гг. х. / 1186—1191 гг.). Данная серия монет предварительно отнесена к чекану Аксункуридов на основе их близости к упомянутой установленной монете (рис. 5: 34).

Из 36 монет второй хронологической группы 18 экз. было обнаружено на небольшом участке (рис. 1, 7) площадью около 4 кв. м (кв. В-6, В-7, В-8, Б-8) на одном стратиграфическом уровне на глубине -1,6 — -1,8 м от репера, также в основании слоя 5. Обращает внимание, что эти монеты и вышеназванные монеты, также найденные на ограниченном участке, имеют одну и ту же стратиграфическую позицию и глубинные отметки. Точного объяснения этому пока мы не находим, т.к., как указывалось выше, керамический комплекс и индивидуальные находки из слоя 5, в основании которого были найдены монеты данных двух серий, датируются в диапазоне X — первой трети XIII в. Возможно, это как-то связано со спецификой функционирования данного культового объекта, если только монеты первой хронологической группы фиксируют начальный этап функционирования этого комплекса в VIII веке. Следует подчеркнуть, что количественное представительство монет ранней хронологической группе, составляющих св. 20% от общего количества найденных монет, концентрированное в целом их местонахождение, исключает их случайное попадание слой и на данный объект. Одно из вероятных объяснений — соблюдение санитарно-ритуальной чистоты на территории культового места в арабский период и основное накопление слоя 5, содержащего большое количество керамического

материала и индивидуальных находок, на заключительном этапе существования данного объекта в XI — начале XIII в.

Возможно, этим, а также вероятным изменением во времени ритуально-культовых действий (например, в плане соблюдения чистоты на данном объекте) объясняется и значительный временной разрыв между двумя хронологическими группами монет примерно в 350 лет. Промежуточное время представляет только одна монета — медный дирхам малика ал-Баба (Дербента) Мухаммада ибн Халифа, с именем багдадского халифа Мустазхира (487—512 гг. х. / 1094—1118 гг.) (рис. 3: 14). Отметим, вообще чрезвычайную редкость находок монет этого промежуточного периода в Дербенте, что, не исключено, отражает какую-то особенность денежного обращения[1]. Также одной монетой представлен период после прекращения функционирования данного комплекса в конце первой четверти /первой трети XIII в. — это фельс (пул) чекана Шемахи XIV в. (рис. 6: 52). Отметим также тот факт, что в нумизматическом комплексе присутствуют фактически только медные монеты, высокопробных серебряных монет на памятнике не обнаружено, что, видимо, обусловлено, прежде всего, размером приношений, а также, возможно, особенностью функционирования данного культового объекта.

Во второй хронологической группе кроме местных монет маликов ал-Баба, составляющих 13 экз. (≈36% монет этой группы), представлена значительная часть (23 экз. или ≈64%) иноземных монет, представленных в равной пропорции дирхамами атабеков Азербайджана и Аррана (Ильдегизидов) (8 экз.), малика Ахара Махмуда б. Пишкина (7 экз.) и атабеков Мараги (Аксункуридов) (8 экз.). Очевидно, что такой состав нумизматического материала отражает основные направления активных политико-экономических связей Дербентского эмирата кануна монгольского нашествия, в особенности с Ильдегизидами, факт находок монет которых не является чем-то новым или странным для Дербента — эта династия длительное время доминировала политически и экономически в регионе Южного Кавказа.

В то же время полное отсутствие монет своих соседей — ширваншахов Кесранидов, как представляется, подтверждает существовавшие недобрососедские политико-экономические отношения Дербентского эмирата и государства Ширваншахов в конце XII — начале XIII в. (Злобин 2021: 34), что было характерно и для предшествующего периода, судя по информации дербентской хроники «Тарих ал-Баб» (Минорский 1963).

Выявленные два периода наибольшего попадания монет на данный объект, возможно, указывают на два периода его наибольшей функциональной активности — в конце VII—VIII вв. и в середине XII — начале XIII в. Хотя вновь отметим, что монеты обеих — ранней и поздней — хронологических групп происходят из одного стратиграфического уровня культурного слоя, в котором, однако, не представлены иные показательные находки, которые могут быть датированы временем нумизматической хронологической группы 1, и наоборот, широко представлены материалы предмонгольского периода (X— начало XIII в.).

Верхняя дата слоя, связанного с бытованием данного объекта, отмечающая завершение его отложения и прекращение функционирования культового памятника, судя по всему комплексу археологических находок, включая нумизматические, приходится на конец первой четверти / первой трети XIII в. Обращает внимание и полное отсутствие в коллекции монет, чеканенных монголами или их вассалами. Эта дата может быть поставлена в прямую связь с вторжением монгол под предводительством Джебэ и Субэдэя, последующим вторжением хорезмшаха Джалал ад-Дина на Кавказ и завоеванием Дербента полководцем Менгу-хана Букдаем в 1239 г. (Рашид-ад-дин 1960: 39; История Дагестана 2004: 225). Верхняя дата поздних монет — 1225—1226 гг.

[1] По устному сообщению (июнь 2016 г.) д-ра Пола Вордсворта (Dr. Paul Wordsworth, University of Oxford, Faculty of Oriental Studies), подобное явление отсутствия монет IX—XI вв. наблюдалось и при археологических исследованиях в Барде (араб. Barda'a).

Заключение

Монгольское завоевание привело к разрыву существовавших торгово-экономических связей Дербента, к значительному сокращению территории обживания и численности населения города (Гамзатов 1982: 72—73), упадку ремесленного производства, прекращению функционирования многих объектов Дербента — от городских свалок до общественно значимых мест — мечетей, почитаемых культовых объектов, некрополей (Гаджиев 2010: 20—37; Гаджиев и др. 2015: 183—195; 2017: 177—201; 2019: 10—19; 2021: 1022—1083). В 1220-х гг. прекращается и чеканка собственной монеты в Дербентском эмирате (Пахомов 1930: 9; Гусев 1995: 53—54). Представленный в статье нумизматический материал подтверждает этот вывод.

Как показали археологические исследования в различных частях города, после событий 1220-х — 1230-х гг. Дербент так и не смог оправиться, и средняя и нижняя его части межстенной территории не обживались вплоть до XVIII в., т.е. на протяжении почти 600 лет. Пагубные последствия монгольского завоевания нашли отражение в сведениях письменных источников. Как сообщает Гильом де Рубрук (ок.1220 — ок.1293) — посол французского короля Людовика IX Святого (1226—1270) к монгольскому хану Менгу/Мунке (1251—1259), посетивший город в 1253 г. и записавший в своем дневнике: «…внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной». Позже Абу-л-Фида (1273—1331) в своем «Перечне стран» (*Таквим ал-булдан*) писал, что «со слов некоторых путешественников, Баб ал-хадид (т.е. Дербент — авт.) это городок, подобный деревням на Хазарском море… Баб ал-хадид незначительный, малонаселенный, маленький городок» (цит. по: Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: 296; см.: Geografie d'Aboullfeda 1840: 450). Много позже венецианский посол Амброджо Контарини, побывавший в Дербент в 1475 г., писал: «В Дербенте великолепные каменные стены, очень толстые и хорошо сложенные, но под горой, по направлению к замку, город заселен едва на одну шестую часть (своей площади), а в сторону моря он весь разрушен» (Контарини 1971: 217).

Представленная, количественно значительная, коллекция монет, происходящая из документированного археологического комплекса, в высокой степени отражает характер денежного обращения Дербента, выступавшего одним из крупнейших городов Кавказа, важным административно-политическим, военно-стратегическим, торгово-экономическим центром, в арабский и предмонгольский периоды.

Литература

Гаджиев М.С. 2010. Баб ал-кийама — средневековое мусульманское культовое место в Дербенте. В: Аликберов А.К., Бобровников В.О. (ред.). *Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова*. Москва: Марджани, 20—37.

Гаджиев и др. 1996: Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. *История Дагестана с древнейших времён до XV в*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.

Гаджиев и др. 2015: Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. 2015. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X — нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение). *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 3, 183—195.

Гаджиев и др. 2016: Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р., Аликберов А.К. 2016. Арабские эпиграфические памятники XI—XII вв. новооткрытого мусульманского ритуально-обрядового комплекса в Дербенте. В: Пиотровский М.Б., Аликберов А.К. (ред.). *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. Москва: Наука; Восточная литература, 796—818.

Гаджиев и др. 2017: Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К. 2017. Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 1, 177—201.

Гаджиев и др. 2019: Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Абдуллаев А.М., Магомедов Ю.А. 2019. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента. *Вестник Кемеровского государственного университета* 1, 10—19.

Гаджиев и др. 2021: Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. 2021. Новооткрытый участок мусульманского некрополя Дербента XI—XII вв. *История, археология и этнография Кавказа* 17.4, 1022—1083.

Гамзатов Г.Г. 1982. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII—XVII вв.). *СА* 1, 71—79.

Гончаров Е.Ю., Селезнёв А.Б. 2016. Материалы по нумизматике Дербента: монетные находки в средневековом шахристане в 2014 г. В: Гаджиев М.С. (ред.). *Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции*. Грозный, 18-21 апреля 2016 г. Грозный: ЧГУ, 206—207.

Гусев С.В. 1995. *Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН; Российский НИИ культурного и природного наследия.

Злобин Г.В. 2010. Монеты Ширваншахов династии Дербенди (третья династия). 784—956 г.х. / 1382—1548 гг. Москва: Маска.

Злобин Г.В. 2020. *Монеты Ширвана и Ширваншахов династии Кесранидов (вторая династия). 330—784 г.х. / 941—1382 гг*. Москва: Маска.

Злобин Г.В. 2021а. Новый тип монет маликов Дербента. URL: https://www.academia.edu /45025340/Новый_тип_монет_маликов_Дербента (дата обращения 12.09.2022).

Злобин Г.В. 2021б. *Дербентский эмират Суламидов и его монеты. 530—600 гг.х. / 1135—1203 гг*. Москва: Маска.

История Дагестана 2004: Османов А.И. (ред.). 2004. *История Дагестана с древнейших времен до наших дней*. Т. 1. *История Дагестана с древнейших времен до XX века*. Москва: Наука.

Контарини А. 1971. Путешествие в Персию. В: Скржинская Е.Ч. (пер.). *Барбаро и Контарини о России*. Ленинград: Наука.

Минорский В.Ф. 1963. *История Ширвана и Дербента X—XI веков*. Москва: Восточная литература.

Пахомов Е.А. 1930. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. *Известия АзГНИИ. Историко-этнографическое и археологическое отделение*. Т. I. Вып. 2, 1—15.

Раджабли А. 1997. *Нумизматика Азербайджана: очерки монетного дела и денежного обращения Азербайджана*. Баку: Элм ве Хаят.

Раджабли А. 1985. Талышинский клад и неизданные монеты Ак-Сункуридов. В: Азизбекова П.А. (отв. ред.). *Музей истории Азербайджана. Материалы научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ музея за 1983 г*. Баку: Элм, 55—60.

Рашид-ад-дин 1960: Смирнова О.И. (пер.). 1960. *Рашид-ад-дин. Сборник летописей*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Сейфеддини М.А. 1972. Некоторые сведения об азербайджанском государстве Аксункуридов. *Эпиграфика Востока* XXI, 35—39.

Смирнова О.И. 1981. *Сводный каталог согдийских монет. Бронза*. Москва: Наука.

Géografie d'Aboullféda 1840: Reinaud J.T., MacGuckin de Slane W. (eds.). 1840. *Géografie d'Aboullféda; texte arabe publié après les manuscripts de Paris et de Leyde*. Paris: Imprimerie Royale.

Hennequin G. 1985. *Catalogue des Monnaies Musulmanes, Asie pré-Mongole, Les Salğūqs et leurs successeurs*. Paris: Bibliothèque nationale de France.

Kouymjan D.K. 1969. A Numismatic History of Southeastern Caucasia and Adharbayjān Based on the Islamic Coinage of the $5^{th}/11^{th}$ to the $7^{th}/13^{th}$ Centuries, doctoral thesis, Near & Middle Eastern Languages & Civilization. New York.

Vardanyan A.R. 2011. *Islamic Coins Struck in Historic Armenia. Early 'Abbasid period (142—277 AH / 759—891 AD)*. Vol. I. Yerevan: Tigran Mets Publishing House.

References

Gadjiev, M.S. 2010. In: Alikberov, A.K., Bobrovnikov, V.O. (eds.). *Dagestan i musul'manskiy Vostok. Sbornik statey v chest' professora A.R. Shikhsaidova (Dagestan and the Muslim East. Collection of articles in honor of Professor A.R. Shikhsaidov)*. Moscow: Mardzhani, 20—37 (in Russian).

Gadjiev i dr. 1996: Gadjiev, M.G., Davudov, O.M., Shikhsaidov, A.R. 1996. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremon do XV v. (History of Dagestan from ancient times to the 15th century)*. Makhachkala: IIAE DNTS RAN (in Russian).

Gadjiev i dr. 2015: Gadjiev, M.S., Abiev, A.K., Budaychiev, A.L., Abdulaev, A.M., Shaushev, K.B. 2015. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 3, 183—195 (in Russian).

Gadjiev i dr. 2016: Gadjiev, M.S., Shikhsaidov, A.R., Alikberov, A.K. 2016. In: Piotrovskiy, M.B., Alikberov, A.K. (eds.). *Ars Islamica: v chest' Stanislava Mikhaylovicha Prozorova (Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov)*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 796—818 (in Russian).

Gadjiev i dr. 2017: Gadjiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abdullaev, A.M., Abiev, A.K. 2017. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 1, 177—201 (in Russian).

Gadjiev i dr. 2019: Gadjiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abiev, A.K., Abdullaev, A.M., Magomedov, Yu.A. 2019. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)* 1, 10—19 (in Russian).

Gadjiev i dr. 2021: Gadjiev, M.S., Budaychiev, A.L., Abdullaev, A.M., Shaushev, K.B. 2021. *In Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza (History, archeology and ethnography of the Caucasus)* 17.4, 1022—1083 (in Russian).

Gamzatov, G.G. 1982. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 71—79 (in Russian).

Goncharov, E.Yu., Seleznev, A.B. 2016. In: Gadjiev, M.S. (ed.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Groznyy, 18-21 aprelya 2016 g. (Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov Readings. Materials of the International scientific conference. Grozny, April 18-21, 2016)*. Grozny: CHGU, 206—207 (in Russian).

Gusev, S.V. 1995. *Severo-Vostochnyy Kavkaz v epokhu srednevekov'ya: monety rasskazyvayut (Northeast Caucasus in the Middle Ages: Coins Tell)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN; Rossiyskiy NII kul'turnogo i prirodnogo naslediya (in Russian).

Zlobin, G.V. 2010. *Monety Shirvanshakhov dinastii Derbendi (tret'ya dinastiya). 784—956 g.kh. / 1382—1548 gg. (Coins of the Shirvanshahs of the Derbendi dynasty (third dynasty). 784—956 AH / 1382—1548)*. Moscow: Maska (in Russian).

Zlobin, G.V. 2020. *Monety Shirvana i Shirvanshakhov dinastii Kesranidov (vtoraya dinastiya). 330—784 g.kh. / 941—1382 gg. (Coins of Shirvan and Shirvanshahs of the Kesranid dynasty (second dynasty). 330—784 AH / 941—1382)*. Moscow: Maska (in Russian).

Zlobin, G.V. 2021a. A new type of Derbent malik coins. Available at: https://www.academia.edu /45025340/Novyy_tip_monet_malikov_Derbenta (accessed 12.09.2022).

Zlobin, G.V. 2021b. *Derbentskiy emirat Sulamidov i ego monety. 530—600 gg.kh. / 1135—1203 gg. (Derbent Sulamid emirate and its coins)*. Moscow: Maska (in Russian).

Istoriya Dagestana 2004: Osmanov, A.I. (ed.). 2004. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of Dagestan from ancient times to the present day)*. Vol. 1. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do XX veka (History of Dagestan from ancient times to the 20th century)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kontarini, A. 1971. In: Skrzhinskaya, E.Ch. (transl.). *Barbaro i Kontarini o Rossii (Barbaro and Contarini about Russia)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Minorskiy, V.F. 1963. *Istoriya Shirvana i Derbenta X—XI vekov (History of Shirvan and Derbent in the 10th — 11th centuries)*. Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Pakhomov, E.A. 1930. In *Izvestiya Azerbaydzhanskogo gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Istoriko-etnograficheskoe i arkheologicheskoe otdelenie (Proceedings of the Azerbaijan State Research Institute. Historical-ethnographic and archaeological department)*. Vol. I. Iss. 2, 1—15 (in Russian).

Radzhabli, A. 1997. *Numizmatika Azerbaydzhana: ocherki monetnogo dela i denezhnogo obrashcheniya Azerbaydzhana (Numismatics of Azerbaijan: essays on the coinage and monetary circulation of Azerbaijan)*. Baku: Elm ve Khayat (in Russian).

Radzhabli, A. 1985. In: Azizbekova P.A. (ed.). *Muzey istorii Azerbaydzhana. Materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam nauchno-issledovatel'skikh rabot muzeya za 1983 g. (Museum of the History of Azerbaijan. Materials of the scientific session dedicated to the results of the research works of the museum in 1983)*. Baku: Elm, 55—60 (in Russian).

Rashid-ad-din 1960: Smirnova, O.I. (transl.). 1960. *Rashid-ad-din. Sbornik letopisey (Rashid ad-din. Collection of annals)*. Vol. II. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Seyfeddini, M.A. 1972. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* XXI, 35—39 (in Russian).

Smirnova, O.I. 1981. *Svodnyy katalog sogdiyskikh monet. Bronza (Consolidated catalog of Sogdian coins. Bronze)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Géografie d'Aboullféda 1840: Reinaud, J.T., MacGuckin, de Slane W. (eds.). 1840. *Géografie d'Aboullféda; texte arabe publié après les manuscripts de Paris et de Leyde*. Paris: Imprimerie Royale.

Hennequin, G. 1985. *Catalogue des Monnaies Musulmanes, Asie pré-Mongole, Les Salğūqs et leurs successeurs*. Paris: Bibliothèque nationale de France.

Kouymjan, D.K. 1969. A Numismatic History of Southeastern Caucasia and Adharbayjān Based on the Islamic Coinage of the 5th/11th to the 7th/13th Centuries, doctoral thesis, Near & Middle Eastern Languages & Civilization. New York.

Vardanyan, A.R. 2011. *Islamic Coins Struck in Historic Armenia. Early 'Abbasid period (142—277 AH / 759—891 AD)*. Vol. I. Yerevan: Tigran Mets Publishing House.

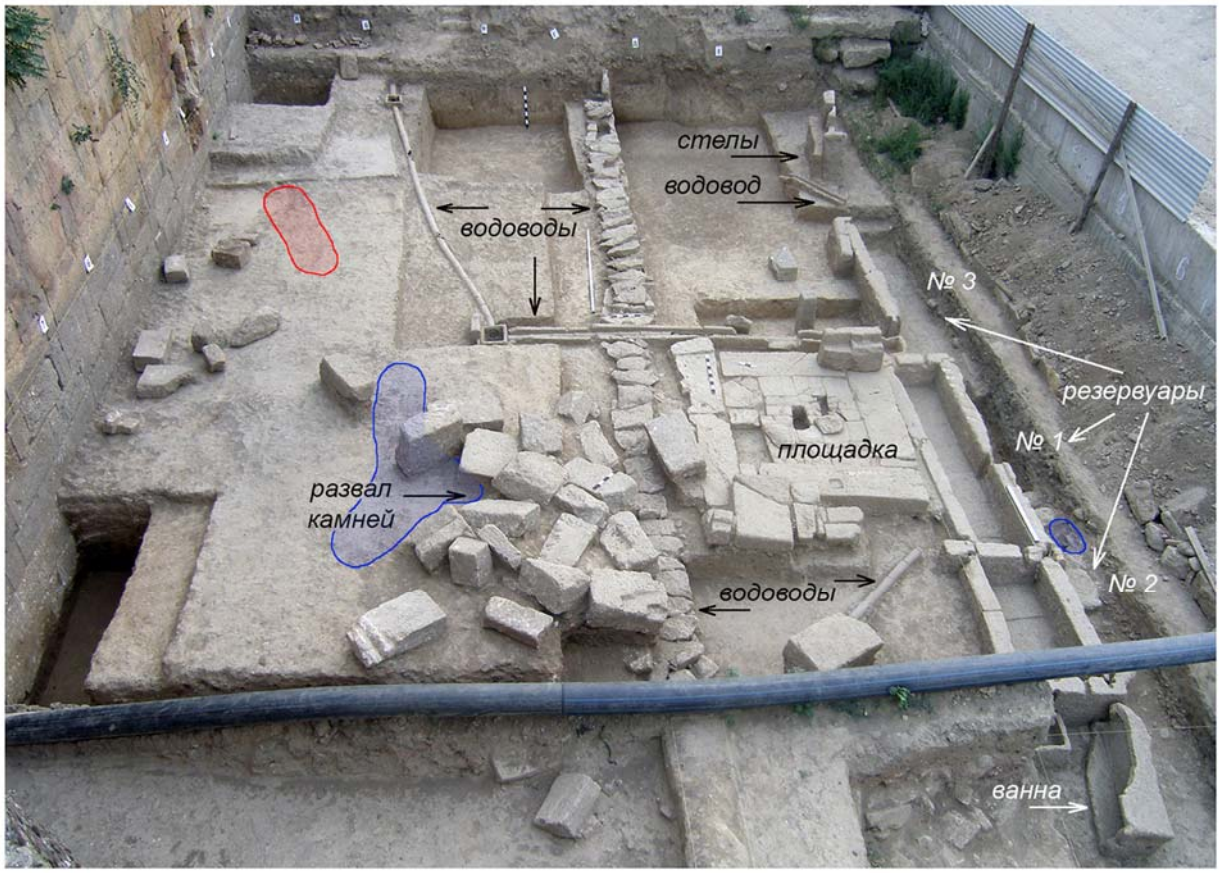


Рис. 1. Дербент. Раскоп XXIX. Вид на расчищенный ритуально-культовый комплекс с СВ с оборонительной башни № 19. Красным выделено место скопления монет ранней хронологической группы, синим — поздней хронологической группы.

Fig. 1. Derbent. Excavation XXIX. View of the cleared ritual and cult complex from the northeast from defensive tower No. 19. The place of accumulation of coins of the early chronological group is marked in red, and the late chronological group is marked in blue.

Рис. 2. Дербент. Раскоп XXIX. Монеты 1—13 (без масштаба).

Fig. 2. Derbent. Excavation XXIX. Coins 1—13 (not to scale).

Рис. 3. Дербент. Раскоп XXIX. Монеты 14—23 (без масштаба).

Fig. 3. Derbent. Excavation XXIX. Coins 14—23 (not to scale).

Рис. 4. Дербент. Раскоп XXIX. Монеты 24—33 (без масштаба).

Fig. 4. Derbent. Excavation XXIX. Coins 24—33 (not to scale).

Рис. 5. Дербент. Раскоп XXIX. Монеты 34—44 (без масштаба).

Fig. 5. Derbent. Excavation XXIX. Coins 34—44 (not to scale).

Рис. 6. Дербент. Раскоп XXIX. Монеты 45—57 (без масштаба).

Fig. 6. Derbent. Excavation XXIX. Coins 45—57 (not to scale).

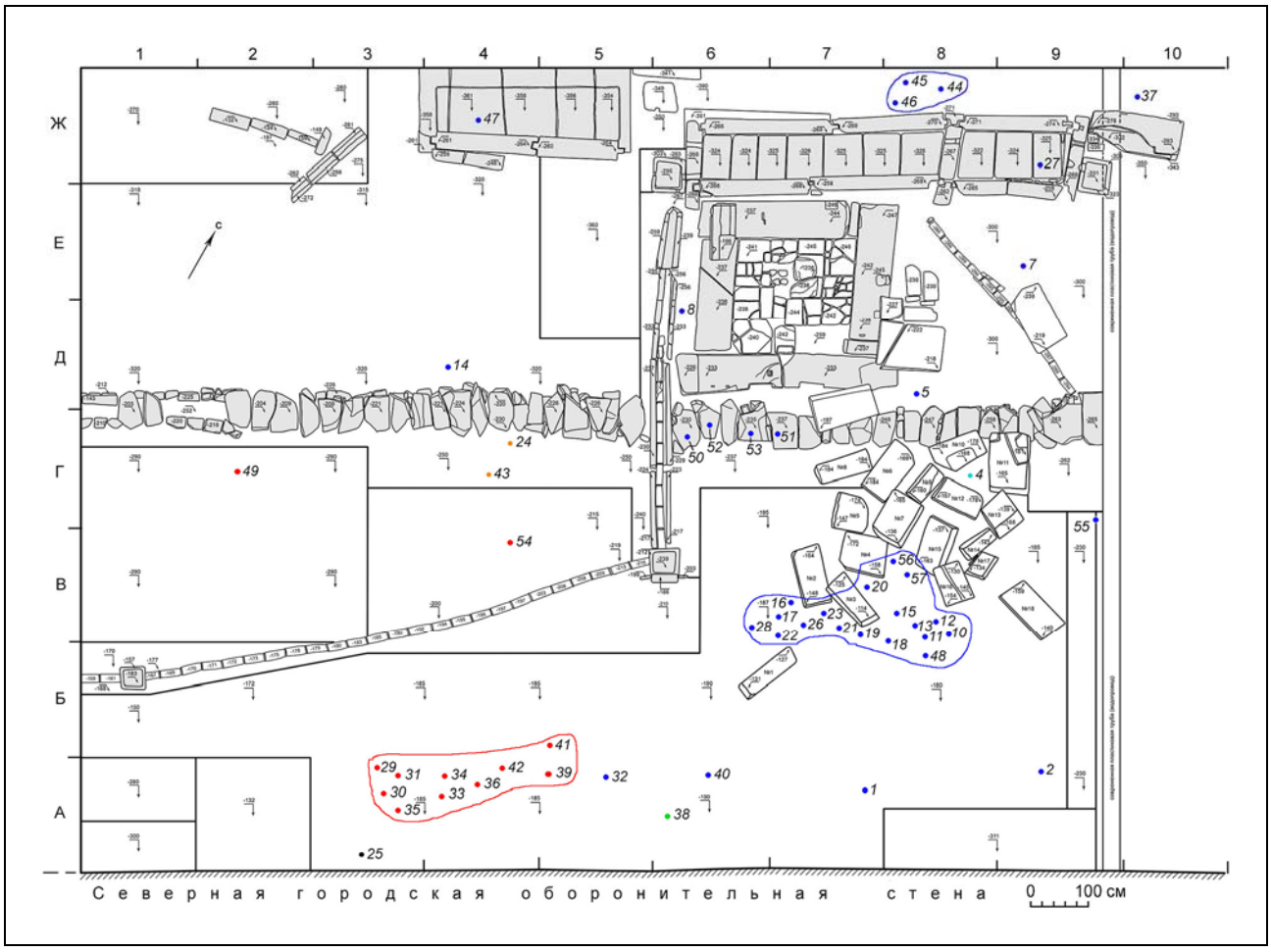


Рис. 7. Дербент. Раскоп XXIX. План с указанием мест обнаружения всех монет. Красными точками обозначены монеты ранней хронологической группы, синими — поздней хронологической группы. Красным выделено место скопления монет ранней хронологической группы, синим — поздней хронологической группы. Нумерация монет на плане соответствует их нумерации по шифрам описи индивидуальных находок.

Fig. 7. Derbent. Excavation XXIX. Plan indicating the places where all coins were found. The red dots indicate the coins of the early chronological group, the blue dots indicate the coins of the late chronological group. The place of accumulation of coins of the early chronological group is marked in red, and the place of the late chronological group is marked in blue. The numbering of the coins on the plan corresponds to their numbering according to the ciphers of the inventory of individual finds.

DOI: 10.53737/8354.2023.44.78.034

И.В. Волков, Ю.А. Прокопенко

КЛАД ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ ИЗ КУРГАНА НА ГОРЕ СВИСТУН (СЕВЕРНЫЕ ОКРЕСТНОСТИ с. АЛЕКСАНДРОВСКОГО СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)*

Представлен клад из 37-ми дирхемов Золотой Орды, найденный в начале 2000-х гг. в грабительских отвалах кургана на горе Свистун (северные окрестности с. Александровского Ставропольского края). Скорее всего, он представляет собой часть комплекса, найденного на горе Свистун в 1895 г. В него входят монеты Узбека, Джанибека, Хызра, Бирдибека, Наврузбека и Мюрида. По младшей монете клад датируется 763 г.х. (31.10.1361 — 20.10.1362). Позднейший эмитент — Мюрид (Амурат русских летописей) — упоминается в письменных источниках как правитель Сарая, но монеты он чеканил только в Гюлистане. Сокрытие клада относится к заключительному этапу острой фазы гражданской войны, к которому можно относить определение «Великая замятня». Публикуемый клад — очередная иллюстрация этого явления.

Ключевые слова: джучидские монеты, дирхемы, центр монетного производства, клад, гора Свистун, легенда, младшая монета клада, «Великая замятня».

Сведения об авторах: Волков Игорь Викторович[1], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; Прокопенко Юрий Анатольевич[2], доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет.

Контактная информация: [1]420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; e-mail: plany_2010@mail.ru; [2]355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: z_proko_15@mail.ru.

I.V. Volkov, Yu.A. Prokopenko

GOLDEN HORDE COIN HOARD FROM THE BARROW ON SVISTUN MOUNTAIN (NORTHERN VICINITY OF THE VILLAGE OF ALEKSANDROVSKOE, STAVROPOL REGION)

A hoard of 37 dirhams of the Golden Horde is presented. In the early 2000s, it was found in a loose soil left after barrow robbery on Svistun Mountain (northern environs of the village of Alexandrovskoe, Stavropol Region). Most likely, the hoard was part of the deposit that was found on Svistun Mountain in 1895. It includes coins of Öz Beg, Jani Beg, Khiḍr, Berdi Beg, Nowruz Beg, and Murād. According to the younger coin, the treasure dates back to the 763 AH (31 October 1361 — 20 October 1362). The later issuer, Murād (Amurat of the Russian Chronicles), is mentioned in written sources as the ruler of Sarai, but he minted coins only in Guliston. Thus, the hoarding may refer to the final stage of the hot phase of the civil war, to which the definition of ‘Velikaia Zamiatnia’ (‘The Great Turmoil’) can be applied, and the hoard is another illustration of this phenomenon.

Key words: Jochid coins, dirhams, coin production centre, hoard, Svistun Mountain, legend, younger coin, ‘Velikaia Zamiatnia’.

About the authors: Volkov Igor Viktorovich, PhD (History), Institute of Archaeology named after A.Kh. KhalikovTatarstan Academy of Sciences; Prokopenko Yuriy Anatol’yevich, Dr. habil. (History), North-Caucasus Federal University.

Contact information: [1]420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 30 Butlerova St., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; e-mail: plany_2010@mail.ru; [2]355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North-Caucasus Federal University; email: z_proko_15@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 29 мая 2023 г.
Принята к печати 11 июня 2023 г.

© И.В. Волков, Ю.А. Прокопенко, 2023.

Введение. В начале 2000-х гг. в грабительских отвалах кургана на горе Свистун (северные окрестности с. Александровска Ставропольского края) местными жителями было случайно найдено 37 серебряных монет чекана Золотой Орды (рис. 1). По местной легенде, в этом кургане в XIX в. уже были найдены подобные монеты[1]. Действительно, в 1895 г. здесь же — на горе Свистун (несохранившееся с. Северное) был обнаружен клад джучидских серебряных монет в составе 72 дирхемов. Согласно архивным материалам, сокровище было доставлено ставропольскому губернатору, а затем передано в Тифлисский музей (НА ИИМК РАН. А. 1. Оп. 1. Д. 159/1895. Л. 20). Впервые его упомянула П.С. Уварова. По ее словам, монеты из золотордынские монеты из Тифлиса были направлены в Москву для определения и там потеряны (Уварова 1902: 214; Прокопенко 1996: 29). Но в дальнейшем их отыскали в музейных фондах, предположительно, в Тбилиси. Е.А. Пахомов включил их в общую сводку монет. В данном случае есть определения дирхемов, но без их изображений: Узбек — Сарай без дат (6 экз.); Джанибек — Сарай Новый 753 г.х. (2 экз.), 756 г.х. (1 экз.), года сбиты (4 экз.); Бирдибек — Сарай Новый 759 г.х. (3 экз.), 761 г.х. (2 экз.); Гюлистан 759 г.х. (7 экз.), 760 г.х. (1 экз.), 761 г.х. (2 экз.); Хызр — Сарай Новый 762 г.х. (3 экз.); Гюлистан 761 г.х. (1 экз.), 762 г.х. (1 экз.); Кульна — Сарай Новый — год не виден (3 экз.); Кильдибек — Азак 763 г.х. (1 экз.), Сарай Новый 762 г.х. (2 экз.); третья четверть XIV в. (1 экз.) (Пахомов 1957: № 1816). Таким образом, по младшей определенной монете клад 1895 г. датируется 762 г.х. (1360—1361). В дальнейшем данный комплекс отметил Г.А. Федоров-Давыдов, но, видимо, сам его не видел, поскольку в его списке кладов отсутствует определение и описание монет (Федоров-Давыдов 1960: 150; 2003: 145).

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, характеру легенды, орнаменту и др. Сравнительный анализ особенностей легенды и декора на монетах, найденных в Центральном Предкавказье и подобных, обнаруженных на территории Поволжья, Низовьев Дона, Крыма и Средней полосы России позволяет локализовать их ареал и центры производства в XIII—XV вв. н.э.

Анализ. Как уже было отмечено, в начале 2000-х гг. на горе Свистун было обнаружено 37 экз. серебряных монет, которые нами вводятся в научный оборот.

При передаче арабоязычной и уйгурской частей легенды подчеркнуты те буквы, которые видны (попали на монетное поле и не были стерты со временем), а сама легенда приводится полностью. Даже если видна часть буквы, она подчёркивается как видимая. Даты переводятся на Юлианский календарь, исходя из начала хиджры 15, а не 16 июля 622 г., хотя мусульманские сутки начинаются с предвечерней молитвы.

№ 1. Дирхем Узбека чекана Сарая 739 г.х. (19.07.1338 — 07.07.1339) (рис. 1: 1).

Л.с.: Сохранилась часть фестончатого ободка. От внешнего круглого точечного ободка не сохранилось ничего. Внутри — фестончатая рамка из шести двойных дуг (внешняя толстая, внутренняя — тонкая). В рамке надпись в пять строк, в средней на краях — виньетки — «узел счастья»:

ضرب	—	Чекан
السلطان الاعظم		султан верховный
سراى		Сарай
اوزبك خان		Узбек хан
٧٣٩		739.

[1] О находке узнал археолог Р.Р. Рудницкий, который выяснил обстоятельства обнаружения клада и сфотографировал монеты. Приносим свою искреннюю признательность Р.Р. Рудницкому за предоставленные материалы о кладе и возможность их публикации.

В публикациях слово Сарай чаще приводится с артиклем — السراي, но здесь, как и на остальных монетах этого типа, артикля ال или не видно, или гарантированно нет. Цифра первого порядка не видна, однако ٣ — «3» просматривается достаточно чётко, поэтому по аналогии, это чекан Сарая 739 г.х. Обычно ٩ — «9» на монетах этого типа изображена очень похожей на ١ — «1», или вообще как единица, но в пользу предлагаемого определения свидетельствует то, что другие даты, сопровождающие этот тип — соседние 740 и 741 г.х. Всё же остается небольшая вероятность того, что были выпуски 731 г.х. (14.10.1330 — 02.10.1332).

О.с.: Ободок круглый точечный, от него сохранились невыразительные следы в левой части. Поле занимает символ веры в три строки с пятью виньетками между ними (частично видны четыре):

لا اله الا	—	Нет Бога кроме
محمد		Мухаммад
رسول الله		посланник Аллаха.

В сегментах — круговая надпись صلى | الله | عليه | و سلم — «Да благословит его Аллах и приветствует», от которой на поле попал только левый сегмент. Примечательно, что слово الله — «Аллах» пропущено в основной части фразы, но оно есть в круговой дополнительной, и может читаться дважды, причём оба раза без начального ا.

Публикации: Френ 1832: № 63; Янина 1962: 156, испр. 4; Федоров-Давыдов 1978: № 22; 1987а: № 7; 2003: № 10; Пырсов 2002: № 91; Сагдеева 2005: № 204.

№ 2. Дирхем Узбека чекана Сарая 739 г.х. (19.07.1338 — 07.07.1339). Тот же тип (рис. 1: 2).

Л.с.: Сохранилась часть точечного ободка и фестончатой рамки слева; от легенды — нижняя левая часть с одной виньеткой:

ضرب	—	Чекан
السلطان الاعظم		султан верховный
سراي		Сарай
اوزبك خان		Узбек хан
٧٣٩		739.

Слово سراي — «Сарай» просматривается плохо, возможно его ненормативное написание. Последняя цифра даты не видна. Поскольку от второй цифры даты виден только небольшой фрагмент, остается вероятность выпуска монеты вплоть до 741 г.х. (26.06.1340 — 15.06.1341).

О.с.: От ободков не сохранилось ничего, три виньетки. Видимая легенда:

لا اله الا	—	Нет Бога кроме
محمد		Мухаммад
رسول الله		посланник Аллаха.

В левом сегменте — часть круговой надписи صلى | الله | عليه | و سلم.

№ 3. Дирхем Узбека чекана Сарая 739 (?) г.х. (19.07.1338 — 07.07.1339). Тот же тип (рис. 1: 3).

Л.с.: Сохранилась часть фестончатой рамки из шести двойных дуг слева, с одной левой виньеткой. Видимая часть надписи:

ضرب	—	Чекан
السلطان الاعظم		султан верховный
سراي		Сарай
اوزبك خان		Узбек хан
٧٣٩		739.

Дата не видна, но по форме края монеты можно предполагать, что цифра второго порядка ٣ — «3», и тогда датой может быть только 739 г.х. Возможная широкая дата — 20.07.1338 — 16.06.1341.

О.с.: Ободка и круговой надписи не сохранилось, виньеток четыре. Видимая легенда:

لا اله الا	—	Нет Бога кроме
محمد		Мухаммад
رسول الله		посланник Аллаха.

№ 4. Дирхем Узбека чекана Сарая 739—741 г.х. (19.07.1338 — 15.06.1341). Тот же тип (рис. 1: 4).

Л.с.: От ободка не сохранилось ничего, от фестончатой рамки — немного слева и сверху, две виньетки. Видимая часть легенды:

ضرب	—	Чекан
السلطان الاعظم		султан верховный
سراي		Сарай
اوزبك خان		Узбек хан.

Строка с датой не попала на монетное поле совершенно, этот тип бывает 739, 740 и 741 г.х.

О.с.: От ободка сохранились невыразительные следы в левой части, виньеток пять. Видимая часть легенды:

لا اله الا	—	Нет Бога кроме
محمد		Мухаммад
رسول الله		посланник Аллаха.

От круговой надписи — только левый сегмент: صلى | الله | عليه | و سلم.

№ 5. Дирхем Узбека чекана Сарая 741 г.х. (26.06.1340 — 15.06.1341). Тот же тип (рис. 1: 5).

Л.с.: От ободка не сохранилось ничего, от фестончатой рамки — уголки слева, обе виньетки. Видимая часть легенды:

ضرب	—	Чекан
السلطان الاعظم		султан верховный
سراي		Сарай
اوزبك خان		Узбек хан
٧٤١		741.

Последняя цифра даты видна плохо, но скорее всего, это единица. В любом случае, к этому типу могут быть отнесены выпуски 740 и 741 гг.х.

О.с.: От ободка не сохранилось ничего, виньеток пять. Видимая часть легенды:

لا اله الا	—	Нет Бога кроме
محمد		Мухаммад
رسول الله		посланник Аллаха.

От круговой надписи на поле не попало ни одно слово.

№ 6. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 743 г.х. (05.06.1342 — 24.05.1343) (рис. 1: 6).

Л.с.: Круглый точечный ободок (виден в левой нижней половине), внутри рамка из восьми сплошных дуг (видны четыре). В поле надпись в четыре строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
جانبك		Джанибек
جلال الدين محمود		Джелал ад-Дин Махмуд
سلطان		султан.

О.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний сплошной (видны слева внизу). В последний вписана квадратная рамка с выпуклыми дугами по середине сторон длиной в треть стороны. Дуги соединены с внутренним ободком маленькими кружками. Рамку заполняет легенда в три строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد في		ал-Джедид в
سنة ٧٤٣		год 743.

В слове سنة — «год» над средней буквой — «птичка—раздвоение».

Публикации: Френ 1832: № 73; Янина 1954: № 47; Фёдоров-Давыдов 1978: № 49; 1987а: № 14; 1987б: № 8; 2003: № 40; Пырсов 2002: № 114; Сагдеева 2005: № 217.

№ 7. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 743 г.х. (06.06.1342 — 25.05.1343). Тот же тип (рис. 1: 7).

Монета с отверстием, помимо того на обеих сторонах видны следы второго удара штемпелей, видимо, тех же самых, с переворотом монетного кружка. При второй попытке штемпеля относительно хорошо сцентрованы.

Л.с.: Круглый точечный ободок, внутри картуш из восьми сплошных дуг (полная). В поле надпись в четыре строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
جانبك		Джанибек
جلال الدين محمود		Джелал ад-Дин Махмуд
سلطان		султан.

В верхней части — следы рамки обороной стороны от первого удара штемпелей.

О.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний сплошной, больше половины в верхней и левой части. Рамка и легенда видны полностью:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد في		ал-Джедид в
سنة ٧٤٣		год 743.

Сверху за пределами ободков — остатки первой и третьей строк лицевой стороны от первого удара штемпеля.

№ 8. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 746 г.х. (03.05.1345 — 22.04.1346) (рис. 1: 8).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в верхней части поля. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки:

السلطان العادل — Султан справедливый
خاني بك خان Джанибек хан.

О.с.: В левой верхней части сохранились слабые остатки круглых ободков: внешний точечный, внутренний сплошной. Внутри фестончатая рамка из семи двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Точки во входящих углах не видны (штемпельная особенность). Поле занимает легенда в две строки:

ضرب سراي — Чекан Сарая
الجديد ал-Джедид.

Между строками три виньетки.Дата дана вразбивку по одной цифре внутри рамки по краям нижний — левый — верхний: ٧٤٦ — «746».

Публикации: Френ 1832: № 78; Фёдоров-Давыдов 1978: № 194; 2003: № 46; Пырсов 2002: №131; Сагдеева 2005: № 226.

№ 9. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 746 г.х. (03.05.1345 — 22.04.1346). Тот же тип (рис. 1: 9).

Л.с.: От ободков сохранился участок в верхней части поля. Видимая часть легенды (с тремя виньетками) полная:

السلطان العادل — Султан справедливый
خاني بك خان Джанибек хан.

О.с.: В левой верхней части сохранились слабые остатки внутреннего ободка. Фестончатая рамка из семи двойных скобок видна почти полностью. Легенда видна полностью:

ضرب سراي — Чекан Сарая
الجديد ал-Джедид.

Дата дана вразбивку по одной цифре внутри картуша по краям нижний — левый — верхний — ٧٤٦.

№ 10. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 746 г.х. (03.05.1345 — 23.04.1346). Тот же тип (рис. 1: 10).

Л.с.: Ободки видны справа и верху, возможно, был ещё один сплошной внешний ободок. Легенда видна практически полностью (три виньетки):

السلطان العادل — Султан справедливый
خاني بك خان Джанибек хан.

О.с.: Ободки и рамка видны в верхней и правой части. Точки во входящих углах не видны (штемпельная особенность). Легенда видна почти полностью:

ضرب سراي — Чекан Сарая
الجديد ал-Джедид.

Дата дана вразбивку по одной цифре внутри картуша по краям нижний — левый — верхний — ٧٤٦.

№ 11. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 746 г.х. (03.05.1345 — 22.04.1346). Тот же тип (рис. 1: 11).

Л.с.: Ободки видны внизу справа, возможно, был ещё один сплошной внешний ободок. Видимая часть легенды (с двумя виньетками):

السلطان العادل — Султан справедливый
خاني بك خان Джанибек хан.

О.с.: В верхней части сохранились слабые остатки круглых ободков и фестончатой рамки из семи двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Точки во входящих углах не видны. Видимая часть легенды:

ضرب سراي — Чекан Сарая
الجديد ал-Джедид.

Дата дана вразбивку по одной цифре внутри картуша по краям нижний — левый — верхний — ٧٤٦.

№ 12. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 746 г.х. (03.05.1345 — 23.04.1346) (рис. 1: 12).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в верхней части поля. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки («узел счастья»):

السلطان العادل — Султан справедливый
خاني بك خان Джанибек хан.

О.с.: В левой верхней части сохранились слабые остатки круглых ободков: внешний точечный, внутренний сплошной. Возможен еще внешний сплошной ободок. Внутри фестончатый картуш из шести двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Поле занимает легенда в две строки, сверху и снизу от которых в «лепестках» помещено по шестиконечной звёздочке:

ضرب سراي — Чекан Сарая
الجديد ал-Джедид.

Между ободками и скобчатой рамкой расположены небрежные знаки, которые Х.М. Френ рассматривал как дату словами: سنة ست اربعوت و سبعماية — «год шесть, сорок и семьсот». Основания для этого есть, поскольку аналогичное оформление имеют монеты именно 746 г.х., но начертание настолько небрежное, что можно говорить только об испорченном тексте. В слове سراي пропущена буква ا — «а».

Публикации: Френ 1832: № 88 (только оборотная); Пырсов 2002: № 136; Сагдеева 2005: № 223.

№ 13. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 746 г.х. (03.05.1345 — 23.04.1346) (рис. 1: 13).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в нижней и правой части поля. Судя по аналогиям, был ещё внешний сплошной круглый ободок. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки («узел счастья»):

السلطان العادل	—	Султан справедливый
جلال الدين محمود		Джелал ад-Дин Махмуд
خاني بيك خان		Джанибек хан.

О.с.: В левой в левой и нижней части сохранились остатки круглых ободков: внешний точечный, внутренний сплошной. Судя по аналогиям, был ещё внешний сплошной круглый ободок, но он не виден, хотя места достаточно. Внутри фестончатый картуш из шести двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Внутри верхнего и нижнего лепестков — шестиконечные звёздочки. Поле занимает легенда в две строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид.

В сегментах помещена дата словами, реконструированная ещё Х.М.Френом, видимая здесь не полностью и с существенными конъектурами: سبعماية | ار|بعين | ست | سنة | في — «в год шесть сорок семьсот».

Публикации: Френ 1832: № 88; Янина 1954: № 55; Фёдоров-Давыдов 1978: № 194; 2003: № 46; Пырсов 2002: № 135; Сагдеева 2005: № 222.

№ 14. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 747 г.х. (23.04.1346 — 11.04.1347) (рис. 1: 14).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в нижней левой части поля, четко виден только внутренний. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки («узел счастья»):

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خاني بك خان		Джанибек хан.

О.с.: От круглых ободков (внешний точечный, внутренний сплошной) на поле попал невыразительный участок в верхней части. Внутри фестончатый картуш из семи двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Линии картуша выполнены очень грубо, они почти прямые, не смыкающиеся в исходящих углах. Точки во входящих углах не видны. Поле занимает легенда в две строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид.

Дата дана вразбивку по одной цифре внутри картуша по краям нижний — левый — верхний: ٧٤٧ — «747»

Публикации: Френ 1832: № 79; Янина 1954: № 57; Фёдоров-Давыдов 1978: № 84; 1987а: № 33; 2003: № 50; Пырсов 2002: № 141; Сагдеева 2005: № 231.

№ 15. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 747 г.х. (23.04.1346 — 11.04.1347) (рис. 1: 15).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в нижней левой части поля, четко виден только внутренний. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки («узел счастья»):

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خاني بك خان		Джанибек хан.

О.с.: От круглых ободков (внешний точечный, внутренний сплошной) на поле попал невыразительный участок в верхней части. Внутри фестончатая рамка из семи двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Точки во входящих углах просматриваются плохо. Поле занимает легенда в две строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид.

Дата дана вразбивку по одной цифре внутри рамки по краям нижний — левый — верхний: ٧٤٧.

Публикации: Френ 1832: № 79; Янина 1954: № 57; Фёдоров-Давыдов 1978: № 84; 1987а: № 33; 2003: № 50; Пырсов 2002: № 141; Сагдеева 2005: № 231.

№ 16. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 748 г.х. (12.04.1347 — 30.03.1348). Тот же тип, что и №8—11, но с другим годом (рис. 1: 16).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в верхней левой части поля. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки («узел счастья»):

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خاني بك خان		Джанибек хан.

О.с.: От круглых ободков (внешний точечный, внутренний сплошной) на поле не попало ничего. От рамки виден участок в верхней и левой части (в верхней части она переходит в просто волнистую линию). Точки во входящих углах не видны. Видимая часть легенды:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид.

Дата дана вразбивку по одной цифре внутри картуша по краям нижний — левый — верхний: ٧٤٨.

№ 17. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 749 г.х. (31.03.1348 — 20.03.1349). Тот же тип, но с другим годом (рис. 1: 17).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного сохранился участок в верхней части поля. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки:

السلطان العادل خاني بك خان	—	Султан справедливый Джанибек хан.

О.с.: В нижней части сохранились слабые остатки круглого сплошного ободка, внешний точечный не попал. Внутри фестончатый картуш из семи двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Точки во входящих углах не видны. Видимая часть легенды:

ضرب سراي الجديد	—	Чекан Сарая ал-Джедид.

Над второй строкой в средней части — виньетка. Дата дана вразбивку по одной цифре внутри картуша по краям верхний — левый — нижний: ٧٤٩, девятка — зеркально. Цифра второго порядка просматривается неполно, внизу перед девяткой — точка.

Публикации с именно таким годом не найдены. Близкие типы 746—748 гг.х.: Френ 1832: № 78; Янина 1958: № 58а; Фёдоров-Давыдов 1978: № 101, 194; 1987а: № 46; 2003: № 46, 57; Пырсов 2002: № 131 — 134; Сагдеева 2005: № 226.

№ 18. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Махруса 749 г.х. (01.04.1348 — 21.03.1349) (рис. 1: 18).

Л.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний — сплошной. Внутри рамка из шести двойных скобок (внешняя — толстая, внутренняя — тонкая). В рамке надпись в три строки:

السلطان محمود خاني بك خان	—	ас-Султан Махмуд Джани бек хан.

О.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний сплошной. Внутри рамка из шести двойных дуг (внешняя — толстая, внутренняя — тонкая). В рамке надпись в три строки:

ضرب سراي المحروسه ٧٤٩	—	Чекан Сарая ал-Махруса 749.

Между первой и второй строками — виньетка. Последняя буква слова المحروسه — «ал-Махруса» также изображена в виде виньетки. Цифра ٩ — «9» дана зеркально.

Публикации: Пырсов 2002: № 151; Сагдеева 2005: № 240. Тот же тип, но с нормативным написанием слова المحروسه: Френ 1832: № 85; Янина 1954: № 59; Фёдоров-Давыдов 1978: № 39; 1987а: № 10; 2003: № 31; Пырсов 2002: № 150, 152.

№ 19. Дирхем Джанибека чекана Сарая ал-Джедид 751 г.х. (10.03.1350 — 26.02.1351) (рис. 1: 19).

Л.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний — сплошной (видны в левой нижней части поля. В поле надпись в четыре строки (условно):

ضرب	—	Чекан
السلطان العال د		Султан справедливый
خاني بك خان		Джанибек хан
١٥٧		157.

Ещё одно слово سنة на однотипных монетах помещено вертикально в правом сегменте, сверху вниз (здесь оно не попало на поле). Тогда получается, что верхний, правый и нижний сегменты дают фразу ضرب سنة ٧٥١ — «чекан года 751». Дата цифрами дана зеркально, хотя широко представлены аналогичные монеты с правильным изображением. На последних буква د — «д» в слове العادل — «справедливый» заменена виньеткой над буквой ع — «’». На совершенно аналогичных монетах эта буква ошибочно перемещена на последнее место в слове.

О.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний сплошной (виден небольшой участок в правой верхней части поля). Внутри — фестончатая рамка из шести двойных дуг, внешняя — широкая, внутренняя — тонкая, с точками во входящих углах. Дуги соединены с внутренним ободком маленькими кружками. Внутри рамки легенда в три строки (условно, поскольку второе слово вынесено в фестон над первой строкой):

ضرب في السراي	—	Чеканено в ас-Сарае
الجد يد سنة		ал-Джедид год
٧		7.

Смысловая нагрузка даты не вполне понятна. Ю.Е. Пырсов предполагал, что здесь имеется в виду седьмой месяц (реджеб), и тогда дата чеканки ограничивается 04.09. — 03.10 1350 г. Однако это сомнительная версия, поскольку увидеть здесь слово شهر — «месяц» не представляется возможным. Скорее, это обычная для золотоордынского денежного дела небрежность.

Публикации: Пырсов 2002: № 164; Сагдеева 2005: № 247. Аналогичные, с правильно переданными цифрами года: Френ 1832: № 91; Янина 1970: № 24; Фёдоров-Давыдов 2003: № 61; Пырсов 2002: № 163.

№ 20. Дирхем Джанибека чекана Гюлистана 753 г.х. (17.02.1352 — 04.02.1353) (рис. 1: 20).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного не сохранилось ничего. В поле надпись в две строки, между которыми расположены три виньетки («узел счастья»):

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خاني بك خان		Джанибек хан.

Над началом слова خان — «хан» видна небрежная шестиконечная звёздочка. Над первой буквой имени хана знак, который также является попыткой изобразить звёздочку.

О.с.: От круглых ободков (внешний точечный, внутренний сплошной) на поле попал невыразительный участок внутреннего в нижней части справа. Внутри фестончатый картуш из шести дуг с точками во входящих углах. Поле занимает легенда куфическим шрифтом в четыре строки:

ضرب	—	Чекан
كلستان		Гюлистана
سنة		года
٧٥٣		753.

Над словом سنة видна виньетка («узел счастья»). Более распространены монеты этого типа с датой 752 г.х., на которые и даётся ссылка.

Публикации: Френ 1832: № 95; Янина 1954: № 65; Янина 1970: № 26; Фёдоров-Давыдов 1978: № 186; 1987а: № 70; 2003: № 153—155; Пырсов 2002: № 183; Сагдеева 2005: № 207.

№ 21. Дирхем Джанибека чекана Гюлистана 754 г.х. (05.06.1353 — 25.01.1354) (рис. 1: 21).

Л.с.: От круглого сплошного ободка сохранился участок по верхнему краю. Судя по аналогиям, возможен внешний круглый точечный ободок. В поле надпись в две строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خاني بك خان		Джанибек хан.

Над началом второй строки — виньетка — «узел счастья».

О.с.: В левой нижней части сохранились остатки круглых внешнего точечного и внутреннего сплошного ободков. Внутри — рамка из шести двойных скобок, внешняя — толстая, внутренняя — тонкая. Поле занимает легенда в три строки:

ضرب	—	Чекан
كلستان		Гюлистана
٤٥٧		457[2].

Дата изображена зеркально, при этом также многочисленны и правильные экземпляры.

Публикации: Янина 1970: № 32; Фёдоров-Давыдов 1978: № 201; 1980: № 160; 1987а: № 81; 2003: № 160; Сагдеева 2005: № 211; Пырсов 2002: № 198.

№ 22. Дирхем Бирдибека чекана Азака 759 г.х. (13.12.1357 — 01.12.1358) (рис. 1: 22).

Л.с.: Внешний ободок — круглый точечный, внутренний — сплошной шестилепестковый из заостренных скобок, во входящих углах лепестков — точки. В поле надпись в три коротких строки:

بر	—	Бир
دي		Ди
بك خان		бек хан.

О.с.: Ободок круглый сплошной внутренний и точечный внешний Поле разделено двумя горизонтальными точечными линиями. В верхнем сегменте — волнообразная виньетка с точкой над ней в верхней части, нижние занимает легенда в две строки:

ضرب ازاق	—	Чекан Азака
٧٥٩		759.

К сожалению, последняя цифра даты (числительное первого порядка) видна не очень четко. Возможны также 758 и 760 гг. х.

[2] Т.е. 754 г.х.

Публикации: Френ 1832: № 112; Фёдоров-Давыдов 1987а: № 100; 2003: № 184; Пырсов 2002: № 221; Сагдеева 2005: № 271.

№ 23. Дирхем Бирдибека чекана Гюлистана 759 г.х. (11.12.1357 — 01.12.1358) (рис. 1: 23).

Л.с.: От круглого сплошного ободка сохранился участок по верхнему краю. Судя по аналогиям, возможен внешний круглый точечный ободок. В поле надпись в три строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
بردي بك خان		Бирдибек хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

О.с.: В левой нижней части сохранились остатки круглых внешнего сплошного и внутреннего точечного ободков (по нормативу должно быть наоборот. Внутри — сплошная рамка из шести дуг с точками во входящих углах. В нижнем лепестке — виньетка (узел счастья). Поле занимает легенда в четыре строки:

ضرب	—	Чекан
بلد كلستان		города[3] Гюлистана
٧٥٩		759
في سنة		в год.

Публикации: Френ 1832: № 111; Янина 1954: № 75; 1960: № 75; 1970: № 34; Фёдоров-Давыдов 1978: № 242; 1987а: № 34; 2003: № 180—182; Пырсов 2002: № 217; Сагдеева 2005: № 273, 281.

№ 24. Дирхем Бирдибека чекана Гюлистана 75? г.х. (24.12.1356 — 26.22) (рис. 1: 24).

Л.с.: От круглого сплошного ободка сохранился участок по верхнему краю. Судя по аналогиям, возможен внешний круглый точечный ободок. В поле надпись в две строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
بردي بك خان		Бирдибек хан.

Над буквой خ — «х» в слове خان — «хан» видна неаккуратная шестиконечная звёздочка.

О.с.: В верхней левой части сохранились остатки круглых внешнего точечного и внутреннего сплошного ободков. Внутри — сплошная рамка из семи дуг с точками во входящих углах. Поле занимает легенда в четыре строки:

ضرب	—	Чеканено в
كلستان		городе Гюлистан
سنة		год
٧٥		75.

Возможные разные варианты даты, из которых самой реальной является 758 г.х. (25.12.1356 — 13.12.1357). Встречаются экземпляры с нереальной датой 753 г.х.

Редкий вариант оформления, определяющей является оборотная сторона куфическим шрифтом со словом سنة, над которым помещена виньетка. По совокупности признаков с

[3] Появившаяся попытка переводить это слово как «область» — результат недоразумения. Действительно в арабских словарях значение слова «страна, область» будет стоять прежде значения «город», но в персидских (а это был основной иностранный в улусе Джучи) — наоборот. В обоих языках обитатель того, что называется этим словом — горожанин.

аналогичной оборотной стороной наиболее близки: Пырсов 2002: № 211; Сагдеева 2005: № 272. Сходны: Френ 1832: № 114; Янина 1954: № 77; Фёдоров-Давыдов 1965: № 240; 2003: № 181—183.

№ 25. Дирхем Бирдибека чекана Гюлистана 758—760 г.х. (рис. 1: 25).

Л.с.: От круглого сплошного ободка сохранился участок по верхнему краю. Судя по аналогиям, возможен внешний круглый точечный ободок. В поле надпись в две строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
بردي بك خان		Бирдибек хан.

О.с.: В верхней части сохранились остатки круглых внешнего точечного и внутреннего сплошного ободков. Внутри — сплошная рамка из семи дуг с точками во входящих углах. Поле занимает легенда в четыре строки:

ضرب	—	Чеканено в
كلستان		городе Гюлистан
سنة		год.

Четвертая строка с датой не попала на монетное поле полностью. Возможные разные варианты даты, из которых самой реальной является 758 г.х. (25.12.1356 — 13.12.1357). Встречаются экземпляры с нереальной датой 753 г.х.

Редкий вариант оформления, определяющей является оборотная сторона куфическим шрифтом со словом سنة, над которым помещена виньетка. По совокупности признаков с аналогичной оборотной стороной наиболее близки: Пырсов 2002: № 211; Сагдеева 2005: № 272. Сходны: Френ 1832: № 114; Янина 1954: № 77; Фёдоров-Давыдов 1965: № 240; 2003: № 181—183.

№ 26. Дирхем Бирдибека чекана Гюлистана 760 г.х. (03.12.1358 — 22.11.1359) (рис. 1: 26).

Л.с.: От круглого точечного ободка сохранился участок справа. Внутри квадратный картуш с выпуклыми дугами в средней части сторон, с точками во входящих углах. В поле надпись в три строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
بردي بك خان		Бирдибек хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

В слове السلطان пропущены начальный ا и س , от конечной ن , видимо, осталась небольшая черта внутри дуги.

О.с.: В верхней левой части сохранились остатки круглого точечного ободка. Внутри — сплошная рамка из шести дуг. Поле занимает легенда в три строки:

ضرب في	—	Чеканено в
بلد كلستان		городе Гюлистан
٧٦٠		760.

Видимо, ниже даты — упрощённое начертание слова سنة (год).

Точные аналогии по ободку и рамке лицевой стороны в публикациях не встречены, по совокупности с аналогичной оборотной стороной наиболее близки: Френ 1832: № 114; Янина 1954: № 77; Фёдоров-Давыдов 2003: № 183; Сагдеева 2005: № 276; Пырсов 2002: № 225.

№ 27. Дирхем Бирдибека чекана Сарая ал-Джедид 760 г.х. (03.12.1358 — 22.11.1359) (рис. 1: 27).

Л.с.: От круглого сплошного ободка сохранился участок по верхнему краю. Судя по аналогиям, возможен внешний круглый точечный ободок. В поле надпись в три строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
بردي		Мухаммед Бирди
بك خان		бек хан.

Над буквой خ в слове خان — неаккуратная шестиконечная звёздочка.

О.с.: В верхней левой части сохранились остатки круглых внешнего точечного и внутреннего сплошного ободков. Внутри — сплошная рамка из семи дуг с точками во входящих углах. Поле занимает легенда в четыре строки:

ضرب سراي	—	Чеканен Сарая
الجد يد		Ал-Джедид
٧٦٥		760
سنة		год.

Последняя цифра даты изображена как ٥ — «5», а не как ٠ — «0», но для этого времени это явление нормальное. Все опубликованные изображения аналогий имеют существенные типовые или штемпельные отличия.

Наиболее близки: Френ 1832: № 115; Янина 1954: № 76 (759 г.); № 240; Фёдоров-Давыдов 2003: № 177—179; Пырсов 2002: № 216; Сагдеева 2005: № 277, 281. Самые близкие штемпели с датой 759 г.х.

№ 28. Дирхем Наврузбека чекана Азака 760 или 761 г.х. (03.12.1358 — 10.11. 1360) (рис. 1: 28).

Л.с.: Внешний ободок — круглый сплошной, внутренний — шестилепестковый из скобок. В поле надпись в две строки:

نوروز	—	Навруз
بك خان		бек хан.

О.с.: Ободок круглый сплошной Поле разделено двумя горизонтальными точечными линиями. В верхнем сегменте — волнообразная виньетка с точкой над ней в верхней части, нижние занимает легенда в две строки:

ضرب ازاق	—	Чекан Азака
٧٦٠		760.

К сожалению, последняя цифра даты (числительное первого порядка) не видна совершенно. Возможен также 761 г.х.

Публикации: Френ 1832: № 121; Сагдеева 2005: № 289.

№ 29. Дирхем Хызра чекана Азака 760 г.х. (03.12.1358 — 22.11.1359) (рис. 1: 29).

Л.с.: Ободок круглый точечный, внутри картуш из шести скобок. В поле надпись в три строки, в начале нижней — «галочка»:

خضر	—	Хызр
السلطاب		султан
خان		хан.

О.с.: Внешний ободок круглый точечный, внутренний — сплошной. Поле разделено горизонтальными точечными линиями на три строки, в верхней — только виньетка с точкой, две остальные — с выпускными данными:

ضرب ازاق	—	Чекан Азака
٧٦٠		760.

В дате между ٧ и ٦ – точка, не несущая смысловой нагрузки.

Публикации: Френ 1832: № 125; Фёдоров-Давыдов 1078: № 194; Янина 1958: № 83б; Пырсов 2002: № 237; Сагдеева 2005: № 299.

№ 30. Дирхем Хызра чекана Азака 762 г.х. (11.11.1360 — 30.10.1361) (рис. 1: 30).

Л.с.: От внешнего круглого сплошного ободка не сохранилось ничего, внутренний — шестилепестковый из скобок. В поле надпись в две строки:

خضر	—	Хызр
السّلطان		ас-султан
٧خان		хан.

О.с.: Ободок круглый сплошной Поле разделено двумя горизонтальными точечными линиями. В верхнем сегменте — волнообразная виньетка с точкой над ней в верхней части, нижние занимает легенда в две строки:

ضرب ازاق	—	Чекан Азака
٧٦٢		762.

В дате между ٧ и ٦ – точка, не несущая смысловой нагрузки.

Между первой и второй цифрами даты — лишняя точка.

Публикации: Френ 1832: № 125 (но 760 г.х.); Пырсов 2002: № 248; Сагдеева 2005: № 299.

№ 31. Дирхем Хызра чекана Гюлистана 761 г.х. (23.11.1359 — 10.11.1360) (рис. 1: 31).

Л.с.: От круглого сплошного внутреннего ободка сохранился участок справа, от точечного внешнего на поле не попало ничего. В поле надпись в три строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خضر خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

О.с.: В нижней части сохранились остатки картуша из шести дуг с точками во входящих углах лепестков, от внешнего точечного ободка ничего не попало на поле. Поле занимает легенда в четыре строки:

ضرب في	—	Чеканено в
بلد كلستان		городе Гюлистан
سنة ٧٦١		год 761.

Публикации: Френ 1832: № 126; Янина 1954: № 47; Фёдоров-Давыдов 1978: № 273; Фёдоров-Давыдов 1987а: № 122; Фёдоров-Давыдов 2003: № 198; Пырсов 2002: № 240; Сагдеева 2005: № 300.

№ 32. Дирхем Хызра чекана Гюлистана 762 г.х. (11.11.1360 — 30.10.1361) (рис. 1: 32).

Л.с.: От круглых ободков точечного внешнего и сплошного внутреннего не сохранилось ничего. В поле надпись в три строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خضر خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

О.с.: В левой нижней части сохранились остатки сплошной рамки из шести дуг с точками во входящих углах. Поле занимает легенда в четыре строки:

ضرب في	—	Чеканено в
بلد كلستان		городе Гюлистан
سنة ٧٦٢		год 762.

Публикации: Пырсов 2002: № 247; Сагдеева 2005: № 300. Аналогичные, но с датой 761 г.х.: Френ 1832: № 126; Янина 1954: № 84; Фёдоров-Давыдов 1978: № 273; 1987а: № 122; 2003: № 198.

№ 33. Дирхем Хызра чекана Сарая ал-Джедид 762 г.х. (11.11.1360 — 30.10.1361) (рис. 1: 33).

Л.с.: От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного не сохранилось ничего В поле надпись в три строки, в средней на краях — виньетки — «узлы счастья»:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خضر خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

В первой строке буква د, обычно располагающаяся над ع, не просматривается. Во второй строке буква ر с побегом вправо.

О.с.: В правой нижней части сохранились остатки круглых ободков: внешний точечный, внутренний сплошной. Внутри фестончатый картуш из шести дуг с точками во входящих углах. Поле занимает легенда в три строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид
٧٠٦٢٠		762.

В обозначении даты выпуска две лишних точки.

Публикации: Френ 1832: № 128; Янина 1954: № 89; Янина 1970: № 37; Фёдоров-Давыдов 1978: № 270; 1987а: № 120; 2003: № 195; Пырсов 2002: № 243; Сагдеева 2005: № 303.

№ 34. Дирхем Хызра чекана Сарая ал-Джедид 762 г.х. (11.11.1360 — 30.10.1361). Тот же тип (рис. 1: 34).

Л.с.: Сохранилась только часть внутреннего сплошного ободка слева вверху. Видимая часть надписи:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
حضر خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

В первой строке буква د, обычно располагающаяся над ع, не просматривается. В третьей второй строке буква ر с побегом вправо.

О.с.: По периферии поля сохранились остатки внутреннего сплошного фестончатого картуша из шести дуг, точки во входящих углах остались за пределами монеты. Поле занимает легенда в три строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид
٧٦٢		762.

№ 35. Дирхем Хызра чекана Сарая ал-Джедид 762 г.х. (11.11.1360 — 30.10.1361). Тот же тип (рис. 1: 35).

Л.с.: Ободок не сохранился. Видимая часть легенды:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
حضر خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

В первой строке буква د, обычно располагающаяся над ع, не просматривается. В третьей второй строке буква ر с побегом вправо.

О.с.: По периферии поля сохранились остатки внутреннего сплошного фестончатого картуша из шести дуг. Поле занимает легенда в три строки:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид
٧٦٢		762.

Дата видна очень плохо, только краешек верха, всё же более вероятно, что последняя цифра это ٢, а не ١.

Публикации: Френ 1832: № 128; Фёдоров-Давыдов 1978: № 170; 1987а: № 120; 2003: № 195; Пырсов 2002: № 243; Сагдеева 2005: № 303.

№ 36. Дирхем Хызра чекана Сарая ал-Джедид 761 (или 762) г.х. (23.11.1359 — 10.11.1360). Тот же тип (рис. 1: 36).

Л.с.: Ободки не сохранились. Видимая часть надписи:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
خضر خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

О.с.: В левой верхней части сохранились остатки круглых ободков: внешний точечный, внутренний сплошной. Внутри фестончатая рамка из шести дуг с точками во входящих углах. Видимая часть легенды:

ضرب سراي	—	Чекан Сарая
الجديد		ал-Джедид
٧٦١		761.

В обозначении даты числительное первого порядка не попало на поле, но по аналогии, это 761 г.х.

№ 37. Дирхем Мюрида чекана Гюлистана 763 г.х. (31.10.1361 — 20.10.1361) (рис. 1: 37).

Л.с. От круглых ободков, внешнего точечного и внутреннего сплошного не сохранилось ничего В поле надпись в три строки:

السلطان العادل	—	Султан справедливый
مريد خان		Хызр хан,
خلد ملكه		да продлится царствие его.

Выразительные штемпельные особенности: в имени хана над буквой يـ три точки вместо двух снизу; над первой буквой в слове خان — две точки вместо одной; в слове ملكه — «царствие его» видна дополнительная горизонтальная черта между столбцами.

О.с.: В верхней части сохранились остатки круглых ободков: внешний точечный, внутренний сплошной. Внутри квадратный картуш с выпуклыми дугами в средней части сторон, с точками во входящих углах. Поле занимает легенда в три строки:

ضرب في	—	Чеканено в
بلد كلستان		городе Гюлистан
٧٦٣		763.

Слово بلد написано очень небрежно, маловероятно, но допустимо, что это упрощённое начертание слова سنة.

Публикации: Френ 1832: № 149; Янина 1954: № 95; 1958: № 95; Фёдоров-Давыдов 1978: № 248; 1987а: № 36; 2003: № 206, 207; Пырсов 2002: № 268; Сагдеева 2005: № 314.

Результаты. По младшей монете клад датируется 763 г.х. (31.10.1361 — 20.10.1362), а последний эмитент — это Мюрид (Амурат русских летописей), по свидетельствам письменных источников правивший в Сарае, но чеканивший монеты в Гюлистае. По составу и хронологии чекана клад, выявленный в начале 2000-х гг., сходен с кладом 1895 г. Скорее всего, обе находки являются частями одного комплекса.

Можно сказать, что клад был сокрыт на заключительном этапе острой фазы гражданской войны, к которому и можно относить определение «Великая замятня». Обычно это летописное словосочетание относят ко всему периоду от смерти Бердибека до прихода к власти Токтамыша, преувеличивая при этом число сменившихся ханов, что стало уже бездумным штампом[4]. В действительности летопись относит эти слова только к событиям одного 1361 г. (перечисляются события, незначительно выходящие за его пределы), а расширить дату самого явления можно только на те правления, которые в связи с ними упоминаются. По крайней мере, с 764 г.х. обстановка стабилизируется, и к западу от Волги

[4] Замятней просто также названы события 1357 г., когда к власти пришел Бердибек, событие конечно кровавое, но и два предшествующих могущественных хана занимали престол не вполне бархатно, тем не менее за этим не наступали катастрофические последствия.

ситуацию устойчиво контролирует Мамай, а восточнее — некоторая «чехарда» сохраняется, но она совсем не так трагична, как в интервале 760—763 г.х.

На Северном Кавказе события 763 г.х. были явно очень значительными и кровавыми, настолько, что, например, городище Ангелинский Ерик (г. Шакрак) не пережило этого года. Заключаем, что публикумый клад, а, точнее, фрагмент клада, часть монет которого была найдена в 1895 г. — очередная иллюстрация этого явления.

Литература

НА ИИМК РАН. А. 1. Оп. 1. Д. 159/1895.

Пахомов Е.А. 1957. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа.* Вып. VII. Баку: АН АзССР.

Прокопенко Ю.А., 1996. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье. *Из истории земли Ставропольской* 2, 20—32.

Пырсов Ю.Е. 2002. *Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения*. Казань: Казанский университет.

Сагдеева Р.З. 2005. *Серебряные монеты ханов Золотой Орды.* Москва: Горячая линия — Телеком.

Уварова П.С. 1902. *Коллекции Кавказского музея*. Т. V. *Археология.* Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет. *НиЭ* I, 94—192.

Федоров-Давыдов Г.А. 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. *НиЭ* V, 179—224.

Федоров-Давыдов Г.А. 1978. Досаевский клад золотоордынских монет. *Исследования по археологии Чувашии. Труды Чувашского ИЯЛИЭ* 80, 30—56.

Федоров-Давыдов Г.А. 1980. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища. *НиЭ* XIII, 58—76.

Федоров-Давыдов Г.А. 1987а. Денежное дело и денежное обращение Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Т. 1. Москва: Наука, 158—204.

Федоров-Давыдов Г.А. 1987б. Царевский клады серебряных монет XIV в. *Краеведческие записки* 1, 107—157.

Федоров-Давыдов Г.А. 2003. *Денежное дело Золотой Орды*. Москва: Палеограф.

Френ Х.М. 1832. *Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении.* Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Янина С.А. 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции*. Т. 1. Москва: АН СССР, 424—484 (МИА 42).

Янина С.А. 1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции.* Т. 2. Москва: АН СССР, 392—423 (МИА 61).

Янина С.А. 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции.* Т. 3. Москва: АН СССР, 210—223 (МИА 80).

Янина С.А. 1962. Общий обзор джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.). В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции.* Т. 4. Москва: АН СССР, 424—484 (МИА 111).

Янина С.А. 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Поволжье в средние века.* Москва: Наука, 194—223 (МИА 164).

References

NA IIMK RAN. A. 1. Op. 1. D. 159/1895.

Pakhomov, E.A. 1957. *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza (Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus)*. Iss. VII. Baku: AN AzSSR (in Russian).

Prokopenko, Yu.A., 1996. In *Iz istorii zemli Stavropol'skoy (From the history of the land of Stavropol)* 2, 20—32 (in Russian).

Pyrsov, Yu.E. 2002. *Katalog dzhuchidskikh monet Saratovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya (Catalogue of Juchid coins of the Saratov Regional Museum of Local Lore)*. Kazan: Kazanskiy universitet (in Russian).

Sagdeeva, R.Z. 2005. *Serebryanye monety khanov Zolotoy Ordy (Silver coins of the Khans of the Golden Horde)*. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom (in Russian).

Uvarova, P.S. 1902. *Kollektsii Kavkazskogo muzeya (Collections of the Caucasian Museum)*. Vol. V. *Arkheologiya (Archaeology)*. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoy chast'yu na Kavkaze (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I, 94—192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1965. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V, 179—224 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1978. In *Issledovaniya po arkheologii Chuvashii. Trudy Chuvashskogo Instituta yazyka, literatury, istorii i etnografii (Studies in the archaeology of Chuvashia. Proceedings of the Chuvash Institute of Language, Literature, History and Ethnography)* 80, 30—56 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1980. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XIII, 58—76 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1987a. In: Fedorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on history and culture)*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 158—204 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1987b. In *Krayevedcheskie zapiski (Local history notes)* 1, 107—157 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoy Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: Paleograf (in Russian).

Fraehn, Ch.M. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoy Ordy s monetami raznykh inykh mukhammedanskikh dinastiy v pribavlenii (Coins of the khans of Ulus of Jochi or the Golden Horde with coins of various other Muhammadan dynasties in addition)*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk (in Russian).

Yanina, S.A. 1954. In: Smirnov A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition)*. Vol. 1. Moscow: AN SSSR, 424—484 (Materials and research on the archaeology of the USSR 42) (in Russian).

Yanina, S.A. 1958. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition)*. Vol. 2. Moscow: AN SSSR, 392—423 (Materials and research on the archaeology of the USSR 61) (in Russian).

Yanina, S.A. 1960. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition)*. Vol. 3. Moscow: AN SSSR, 210—223 (Materials and research on the archaeology of the USSR 80) (in Russian).

Yanina, S.A. 1962. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition)*. Vol. 4. Moscow: AN SSSR, 424—484 (Materials and research on the archaeology of the USSR 111) (in Russian).

Yanina, S.A. 1970. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Povolzh'e v sredniye veka (Volga region in the Middle Ages)*. Moscow: Nauka, 194—223 (Materials and research on the archaeology of the USSR 164) (in Russian).

Рис. 1. Клад золотоордынских монет, найденных в начале 2000-х гг. в кургане на горе Свистун.

Fig. 1. Hoard of Golden Horde coins found in the early 2000s in a mound on Svistun Mountain.

Рис. 1. Клад золотоордынских монет, найденных в начале 2000-х гг. в кургане на горе Свистун (продолжение).

Fig. 1. Hoard of Golden Horde coins found in the early 2000s in a mound on Svistun Mountain (continued).

DOI: 10.53737/1968.2023.68.57.035

П.Н. Петров, У.Т. Ахметова, А.Ж. Жумабаев

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ САРАЙЧУК ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. КЛАДЫ. Ч. II*

За время раскопок городища Сарайчик обнаружено и с разной степенью подробности зафиксировано 8 кладов серебряных джучидских монет. Накопившееся количество находок сокрытых сокровищ требует и позволяет провести их анализ. Целью исследования является выявление особенностей состава серебряных монетных кладов Сарайчика, обнаруженных в ходе археологических раскопок, а также установление источников поступления серебряной чеканной продукции для обеспечения потребностей местного монетного обращения в динамике. Изучены условия обнаружения кладов, их хронологический и эмитентный состав, оценена частота встречаемости продукции тех или иных монетных дворов, указанных на монетах. Сокрытие кладов укладывается в период с 753 г. х. / 1353 г. по начало 770-х гг. х. / ~ 1368—1373 гг. Большинство же кладов имеют период тезаврации в течение 750-х — 760-х гг. х. / 1350-х — 1360-х гг. В составе кладов преобладает чеканная продукция монетных производств области Сарай и Гулистана, присутствуют единичные монеты Сыгнака, Крыма и Азака. Процент хорезмийской серебряной монеты — менее 5%. Товарно-денежные отношения начали развиваться на изучаемой территории средневекового Сарайчука только в XIV в., в правление Узбек-хана. Данги поступали в Сарайчук из области Сарай, а затем и Гулистана. Можно полагать, что средневековый Сарайчук в этот период непосредственно входил в состав области Сарай.

Ключевые слова: Золотая Орда, Джучиды, XIV в., городище Сарайчик, раскопки, нумизматика, клады, монеты, дирхам.

Сведения об авторах: Петров Павел Николаевич[1], кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; Ахметова Улжан Толегенкызы[2], доктор исторических наук, ассоциированный профессор кафедры, Атырауский университет им. Х. Досмухамедова; Жумабаев Амангелди Женисулы[3], Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык».

Контактная информация: [1]050059, Республика Казахстан, г. Алматы, микрорайон «Самал-1», д. 44, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; e-mail: ppnsainkhan@rambler.ru; [2]060011, Республика Казахстан, г. Атырау, пр. Студенческий, д. 1, Атырауский университет им. Х. Досмухамедова, e-mail: ulzhan.a67@mail.ru; [3]060707, Республика Казахстан, пос. Сарайшык, ул. К. Мырзагали; д. 11, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», e-mail: tarix212@mail.ru.

P.N. Petrov, U.T. Akhmetova, A.Zh. Zhumabayev

NUMISMATIC FINDS IN THE MEDIEVAL TOWN OF SARAYCHUQ ACCORDING TO THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH. HOARDS. Pt. II

During the scholarly excavations at the Sarayshyq city site, a total of eight hoards of silver Jochid coins were discovered and recorded with varying degrees of detail. The accumulated number of hidden treasures requires and allows for their analysis. The aim of the study was to identify peculiarities of silver coin compositions in Sarayshyq hoards discovered during archaeological excavations, as well as to establish the

* Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, проект № BR10164208 «Золотоордынские города, караванные пути и караван-сараи в Западном Казахстане: междисциплинарные исследования (XIII—XV вв.)».

Статья поступила в номер 16 июля 2023 г.
Принята к печати 30 июля 2023 г.

© П.Н. Петров, У.Т. Ахметова, А.Ж. Жумабаев, 2023.

sources of receipt of silver minted products to meet the needs of local coin circulation in dynamics. Eight hoards of dirhams were examined. The numismatic record under study was criticized, and as a result of this 4 hoards were only selected for analysis, the date of deposition for which can be established with a terminus post quem restriction. The concealment of the hoards fits into the period from 753 AH / 1353 CE until the beginning of the 770 AH / ~1368—1373 CE. The composition of the hoards is dominated by the minted products of coin manufacture of the Saray and Gulistan regions. Rare coins of Sighnaq, Crimea and Azak do not play any significant role in ensuring coin circulation in medieval Saraychuq. The percentage of the Khorezm silver coin in the money supply is also low (less than 5%). Commodity-money relations only began to develop in the studied territory since the 14th century and, most likely, during the reign of Uzbek Khan, the fact which is now confirmed by hoard studies. In the 14th century (until the second half of the 770 AH / 1368—1373 CE), silver coins came to Saraychuq from the Saray region, and then from Gulistan. It can be assumed that the medieval Saraychuq was part of the Saray region during this period.

Key words: Golden Horde, Jochids, 14th century, Sarayshyq, excavations, numismatics, hoards, coins, dirhams.

About the authors: Petrov Pavel Nikolaevich[1], PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; [2]Ahmetova Uljan Tolegenkızı, Dr. habil. (History), Associate Professor of the department, Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University; Zhumabayev Amangeldy Zhenisuly, The State Historical and Cultural Museum-reserve Saraishyq.

Contact informations: [1]050059, Republic of Kazakhstan, Almaty, Samal-1, 44, The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; e-mail: ppnsainkhan@rambler.ru; [2]060011, Republic of Kazakhstan, Atyrau, 1 Student Ave., Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University; e-mail: ulzhan.a67@mail.ru; [3]060707, Republic of Kazakhstan, Saraishyk, 11 K. Myrzagali Str., The State Historical and Cultural Museum-reserve Saraishyq; e-mail: tarix212@mail.ru.

Одними из частых и массовых артефактов в ходе археологических раскопок средневековых крупных населенных пунктов являются нумизматические объекты. Эти, обнаруживаемые при изучении археологических памятников случайные утраты и сокрытые сокровища тесно связаны с судьбами изучаемых городов и помогают реконструировать некоторые исторические события и процессы, в том числе и те, о которых нет никаких сведений в письменных источниках. Значимую роль для реконструкции событий прошлого играют клады, которые были найдены и в ходе раскопок на городище Сарайчик. Особо важным становится этот аспект, если принять во внимание расположение средневекового Сарайчука на трассе «Шелкового пути» с юга и запада на восток и обратно.

Целью настоящей публикации является выявление особенностей состава серебряных монетных кладов Сарайчика, обнаруженных в ходе археологических раскопок, а также установление источников поступления серебряной чеканной продукции для обеспечения потребностей местного монетного обращения в динамике. Для этого изучим условия находки сокрытий, их хронологический, эмитентный состав, а также оценим частоту встречаемости тех или иных монетных дворов, указанных на монетах.

Предметом исследования являются монетные клады, находимые археологами на территории городища Сарайчик и изучаемые с использованием метода сравнения составов с учетом хронологии тезаврации.

Все изучаемые монеты — серебряные джучидские данги; практически всегда это монеты, слипшиеся столбиком по несколько штук, причем, субстанция, цементирующая их в единый комок, плавится при нагревании (состав субстанции не анализировался), что позволяет их разъединять; монетный металл очень хрупкий, в результате чего крайне сложно их реставрировать, работать с ними и хранить. При длительном хранении монеты могут самопроизвольно ломаться и даже рассыпаться в порошок.

Нулевой Сарайчикский клад 2005 г.

Об этом кладе подробные сведения приведены З.С. Самашевым с соавторами в книге 2006 г. (Самашев и др. 2006: 129—133). Отмечены следы ткани на монетах. В археологическом отчете указаны имена ханов, чьи монеты присутствовали в кладе: Токта, Узбек, Джанибек, Бирдибек, Кулпа, Навруз, Хизр, Кильдибек, Хайр-Пулад, Абдаллах (Самашев 2005). В книге: данги Токтогу, Узбек, Джанибек, Бирдибек, Кулпа, Хизр; пулы Килдибека и Абдаллаха. То есть, клад имел смешанный эмитентный состав. Старшая монета была помечена именем хана Токты и бита в Сарае ал-Махруса в 710 г.х., а младшая монета клада принадлежала хану Абдаллаху 764 г.х./1364 г. То есть, время тезаврации клада не ранее (terminus post quem — далее tpq) середины 760-х/1360-х гг. Приведем кратко состав клада по публикации (Самашев и др. 2006: 129—133). Всего описан 81 данг клада. Описания имеют неточности, в том числе они иногда не соответствуют ссылкам на изображения монет в приведенном авторами каталоге рисунков. Однако эта публикация позволяет представить состав клада. Некоторые атрибуции удалось поправить:

Серебро, данги. *Токта хан*: Сарай ал-Махруса, 710 — 3 экз.

Узбек хан: Сарай, 714 — 3 экз.; [717—718] — 1 экз.; 71х — 2 экз.; [714—718] — 1 экз.

Сарай ал-Махруса, [722] — 1 экз. (указан как 723 г.х.); Сарай, [737—739] — 2 экз. (указан как 731 г.х.); Сарай, [734] — 2 экз.; Сарай, 741 — 1 экз.

Джанибек хан: Сарай ал-Джадида, 743 — 2 экз.; 746 — 9 экз.; 747 — 6 экз.; 748 — 5 экз.; [746—748] — 2 экз.; 749 — 2 экз. (указан как 741 г.х.); Гулистан, 752 — 16 экз.; 753 — 2 экз.

Бирдибек хан: Сарай ал-Джадида, 759 — 1 экз.; 762 — 1 экз. (проверить невозможно); белед Гулистан, 759 — 6 экз.; Азак, утрачен — 1 экз. (ссылка на рис. данга Азака, а описание — Гулистан 760 г.х.).

Кулпа хан: белед Гулистан, 760 — 1 экз.; 761 — 1 экз. *Навруз*: Сарай ал-Джадида, 761 — 2 экз.; Гулистан, 761 — 2 экз. *Хизр*: Сарай ал-Джадида, 761 или 762 — 1 экз.; 762 — 1 экз.; белед Гулистан, 761 — 1 экз.; 762 — 1 экз.

Медь, пулы. *Килдибек хан*, Сарай ал-Джадида, 762 — 1 экз. *Абдаллах*, Сарай ал-Джадида, 764 г.х.

В составе клада из 81 монеты — 2 пула и 79 дангов. Состав по эмитентам:

Токта хан — 3 экз.; Узбек хан— 13 экз.; Джанибек хан — 44 экз.; Бирдибек хан — 9 экз.; Кулпа хан — 2 экз.; Навруз хан — 4 экз.; Хизр хан — 4 экз. Пулы: Килдибек хан — 1 экз.; Абдаллах хан— 1 экз.

Состав по монетным дворам: Сарай ал-Махруса — 4 экз.; Сарай — 12 экз.; Сарай ал-Джадида — 32 экз.; Гулистан — 30 экз.; Азак — 1 экз. Пулы: сарай ал-Джадида — 2 экз.

Первый Сарайчикский клад 2001 г.

Об этом кладе имеется только сообщение Е.Ю. Гончарова: « ... (найден весной 2001 года), вероятно, с датой тезаврации, соответствующей первой половине 760-х гг.х., еще находится в стадии разъединения дирхемов. ... Не исключено, что разъединить их так и не удастся» (Гончаров 2005: 12, прим. 8). Какие-либо новые сведения о составе клада в настоящее время нам не известны, как неизвестно и его местонахождение.

Второй Сарайчикский клад (год находки неизвестен: с 1996 по 1999 гг.)

Клад подобран на территории городища Сарайчик в виде стопки слипшихся дангов. Всего в нем было 8 монет: Узбек хан, Сарай, 740 г.х. — 1 экз.; Джанибек хан (уйгур.), Сарай ал-Джадида, [742—745 гг.х.] — 1 экз.; Джанибек хан, Сарай ал-Джадида, год утрачен — 1 экз.; Кулпа хан, Хваризм, 761 г.х. — 1 экз.; Наврузбек хан, белед Гулистан, 761 г.х. — 1 экз.; Хызр хан, белед Гулистан — 1 экз.; Азиз-Шейх хан, белед Гулистан, 766 г.х. — 1 экз.; Урус хан, Сыгнак, [770—778 гг.х.] — 1 экз. Публикуется по данным Е.Ю. Гончарова (Гончаров 2005: 11).

Третий Сарайчикский клад (год находки неизвестен: с 1996 по 1999 гг.)

Клад найден в раскопе, однако, не известно в каком. Содержал в себе 5 дангов: Джанибек хан (уйгур.), Сарай ал-Джадида, 743 г.х. — 1 экз.; Джанибек хан, Сарай ал-Джадида, 741[1] (=749 г.х.) — 1 экз.; Хызр хан, Гулистан, 761 г.х. — 1 экз.; Азиз-Шейх хан, Гулистан ал-Махруса, 766 г.х. — 1 экз.; Азиз-Шейх хан, Сарай ал-Джадида, 767 г.х. — 1 экз. Публикуется по данным Е.Ю. Гончарова (Гончаров 2005: 11).

Четвертый Сарайчикский клад (год находки точно неизвестен, возможно, 2005 г.)

Обстоятельства находки неизвестны. Состоит из 5 дангов, поступил в фонды ЦГМ РК (г. Алматы): КП № 26967/1 — Токтубек, Сарай ал-Махруса, 710 г.х. (в = 1,48; д = 15—16 мм) — 1 экз.; КП № 26967/2 — Токтубек, Сарай ал-Махруса, 710 г.х. (в = 1,09; д = 15—17 мм) — 1 экз.; КП № 26967/3 — Узбек хан, Сарай, [714—721] гг.х. (в = 0,98; д = 14—16 мм), обломан, состоит из 2 фрагментов — 1 экз.; КП № 26967/4 — Узбек хан, Сарай, [714—721] гг.х. (в = 1,40; д = 15—16 мм) — 1 экз.; КП № 26967/5 — Узбек хан, Сарай, [714—721] гг.х. (в = 1,22; д = 16—17 мм) — 1 экз. Публикуется по данным (Восточные монеты 2020: 184—185).

Пятый Сарайчикский клад 2021 г.

Клад найден в раскопе № 3 в комнате № 5 (руководитель раскопок Улжан Толегенкызы Ахметова) (Фото 1, Figure 1). Следует уточнить, что над этой комнатой, засыпанной грунтом в конце XIV в., позднее размещалась курхана.

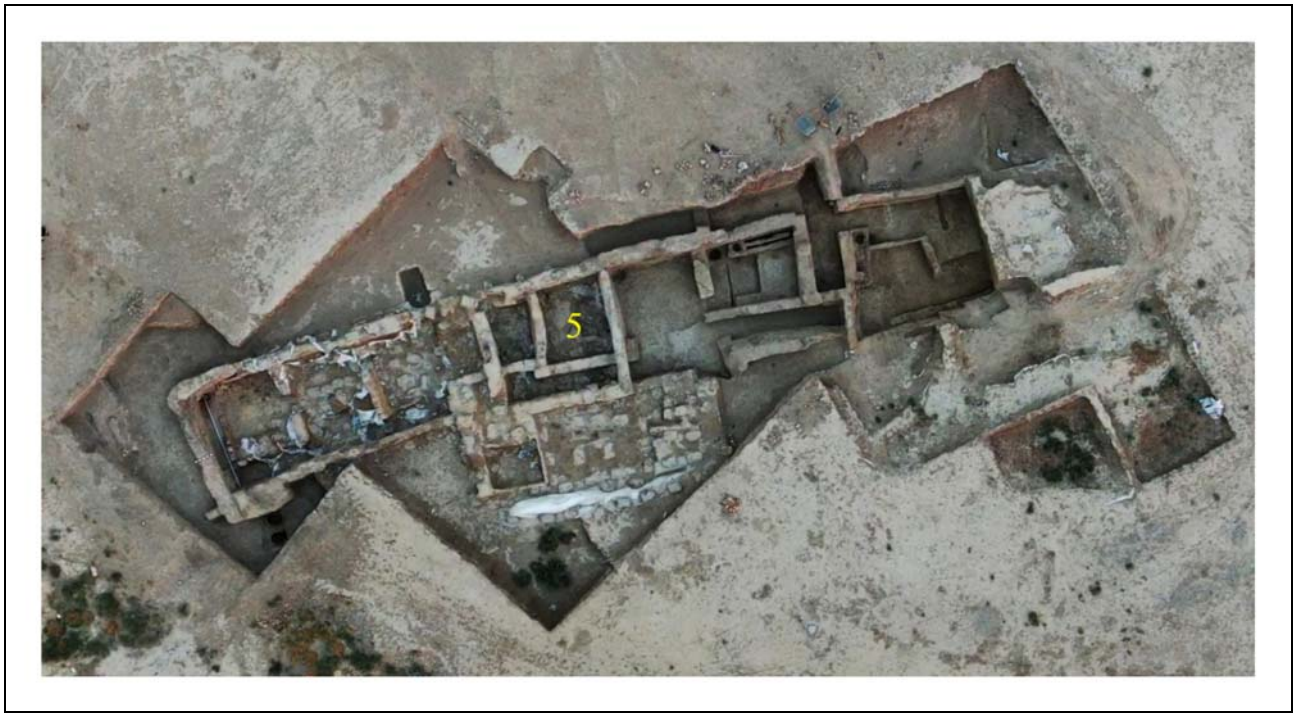


Фото 1. Вид сверху на раскоп № 3 в 2022 г. на городище Сарайчик. Отмечено помещение № 5, где был найден Пятый клад.

Photo 1. Top view of the excavation site No. 3 in 2022 at the Sarayshyk settlement. Marked room No. 5, where Fifth Treasure was found.

[1] Е.Ю. Гончаров отметил, что, по его данным, эти монеты биты в 751 г.х. (Гончаров 2005: 12, прим. 9).

Клад был обнаружен в приповерхностном слое земли (на глубине 10 см) после того, как курхана была убрана. Монеты клада представляли собой несколько слипшихся комочков и несколько отдельных экземпляров, всего — 42 данга (Фото 2).

Фото 2. Слипшиеся монеты Пятого клада, найденные в раскопе № 3 в помещении № 5.

Photo 2. The stuck coins of Fifth Treasure found in excavation No. 3 in room No. 5.

Любое механическое усилие приводило к поломке и раскрашиванию металла дангов. У одного экземпляра был отломан краешек. Повышенная хрупкость монет несколько усложнила технологию их реставрации, однако, удалось сохранить почти все экземпляры для изучения, хотя 3 монеты раскрошились с краю в ходе химической обработки, а одна рассыпалась в порошок. Данги атрибутированы П.Н. Петровым.

Таблица 1. **Состав пятого Сарайчикского 2021 г. клада джучидских дангов из раскопа 3 городища Сарайчик**

№ п/п	Вес, г	Д, мм	Монетный двор	Год, г.х.	Эмитент	Примечание
1	1,30	17	Сарай ал-Махруса	710	Токта (уйгур.)	
2	0,86	15,5	Сарай ал-Махруса	710	Токта	Обломана.
3	1,15	16—15,9	Сарай	715?	Узбек	Цифра единиц видна частично
4	1,17	16,8—16,1	Сарай	7[14—21]	Узбек	
5	1,30	17,5—15,5	Сарай ал-Махруса	722	Узбек	
6	1,36	17	Сарай	[727—728]	Узбек	
7	1,39	15,3—14,2	Сарай	734	Узбек	
8	1,35	14,2—14,9	Сарай	[734—737]	Узбек	
9	1,08	13,4—14,4	Сарай	73[4—7]	Узбек	
10	1,46	15,3—14,5	Сарай	740	Узбек	
11	1,34	15,9—13,2	Сарай	[739—740]	Узбек	
12	1,37	15,3—15,1	Сарай	[739—740]	Узбек	Двойной удар
19	1,35	14,3—15,5	Сарай ал-Джадида	747	Джанибек	
20	1,42	13,9—16,1	Сарай ал-Джадида	7[4]7	Джанибек	
21	1,48	15,4—13,6	Сарай ал-Джадида	74[7—8]	Махмуд Джанибек	
22	1,40	14,8	ас-Сарай ал-Джадида	[747—748]	Джанибек	
23	1,54	17,1—15,2	Сарай ал-Джадида	748	Джанибек	
24	1,34	16,3—15,2	Сарай ал-Махруса	[7]49	Джанибек	
25	1,48	15,9	Сарай ал-Джадида	[7]4[9?]	Джанибек	
26	1,22	16,5—15,6	Гулистан	752	Махмуд Джанибек	
27	1,39	16,6—15,3	Сарай ал-Джадида	752	Махмуд Джанибек	
28	1,39	16,7—15,6	Сарай ал-Джадида	752	Джанибек	
29	1,28	16,6—15	Сарай ал-Джадида	[75]2	Махмуд Джанибек	
30	1,27	16—14,5	Сарай ал-Джадида	75(2/3)	Джанибек	
31	1,26	17,2-х	Сарай ал-Джадида	753	Джанибек	Обломана.
32	1,45	16,2	Сарай ал-Джадида	753	Джанибек	
33	1,34	16,1	Сарай ал-Джадида	753	Джанибек	Обломана.
34	1,39	15,2	Гулистан	753	Джанибек	
35	1,40	17,5—16,5	Сарай ал-Джадида	753	Джанибек	
36	1,32	15	Сарай ал-Джадида	753	Джанибек	
37	1,27	15,5—14,8	Сарай ал-Джадида	7хх	Джанибек	
38	1,13	15	Гулистан	утрачен	[Джани]бек	
39	1,45	15,4	ас-Сарай ал-Джадида	утрачен	Джанибек	
40	1,19	17—14,7	Сарай ал-Джадида	утрачен	Джанибек	Обломана. Двойной удар с поворотом штемпеля.
41	1,39	17—15,3	Сарай ал-Джадида	утрачен	Джанибек	
42	Монета рассыпалась перед реставрацией на части. Атрибуции не поддается					

Состав клада по эмитентам следующий: Токта хан — 2 экз. (4,9%); Узбек хан — 10 экз. (24,4%); Джанибек хан — 29 экз. (70,7%). Время тезаврации монет tpq 753 г.х./ 1353 г.

Клад публикуется впервые.

Шестой Сарайчикский клад 2021 г.

Клад представлял собой комок слипшихся монет, обнаруженный в отвале раскопа № 3. По этой причине установить с какой комнаты он происходит невозможно. Все монеты коррозированы с краев, изначально представляли собой стопку слипшихся монет. После их очистки и реставрационных работ они были атрибутированы П.Н. Петровым.

Таблица 2. Состав шестого Сарайчикского клада 2021 г. джучидских дангов в отвале из раскопа 3 городища Сарайчик

№ п/п	Вес, г	Д, мм	Монетный двор	Год, г.х.	Эмитент	Примечание
1а	1,16	16,7—16,1	Сарай ал-Махруса	710	Токта (уйгур.)	
2а	0,89	16—14,7	Сарай ал-Махруса	710	Токта (уйгур.)	Обломана с краю.
3а	1,24	16—15,7	Сарай ал-Махруса	710	Токта (уйгур.)	
4а	1,24	16,6—15,9	Сарай ал-Махруса	710	Токта (уйгур.)	
5а	1,51	16,5	Сарай ал-Махруса	710	Токта (уйгур.)	
6а	1,26	16—15,5	Сарай ал-Махруса	722	Узбек	
7а	1,23	15,2—13,8	Ас-Сарай	[737—740]	Узбек	
8а	1,43	15,5—14	Сарай	Тип [734]	Узбек	
9а	1,40	15,8—14,8	Ас-Сарай ал-Джадида	743	Джанибек (уйгур.)	

Клад публикуется впервые.

Седьмой Сарайчикский клад 2022 г.

Клад был найден 7 июля 2022 г. в ходе археологических работ под руководством Г. Кайыргалиевой (Атырауский университет им. Х. Досмухамедова) в раскопе 1 городища Сарайчик. Раскоп расположен на берегу реки Урал в 30 м к северо-западу от Сарайчикского некрополя. Общая площадь составляет 40 × 15 м или 600 кв. м. Раскоп был разбит на сектора и клад обнаружился в секторе L размером 4,5 × 4,5 м (Фото 3).

Фото 3. Вид сверху на раскоп 1 в 2022 г. на городище Сарайчик. Отмечен сектор L, где был найден Седьмой клад.

Photo 3. **The view is shown from above on the excavation site 1 in 2022 at the Sarayshyk settlement. Seventh Treasure was found in sector L.**

Монеты были завернуты в истлевшую ткань, напоминавшую мешковину. На глубине в 1 м было зафиксировано 10 монет, а на глубине почти в 2 м на полу лежал комок слипшихся монет с остатками грубой ткани, приставшей к некоторым монетам (Қайрғалиева 2022: 45). Это указывает на то, что клад попал в помещение вместе с привозимым для засыпки грунтом. То есть, по мере заполнения помещения землей в «тачку» попал клад. Когда пол помещения не был еще засыпан, то при выгрузке «тачки» часть экземпляров высыпалась на насыпь из завернутого в тряпку комка с монетами, а самый большой, видимо, слипшийся к тому времени комок докатился до пола помещения. В отвалах из этого сектора было собрано еще 62 экз. одиночных монет. Часть попавших в отвалы дангов находили уже местные жители (нам удалось зафиксировать 42 экз. таких находок). Одиночные серебряные монеты в раскопах встречаются крайне редко, а в основном таковыми являются медные пулы. В нашем случае состав монетных находок однороден, а «единичные» находки дангов многочисленны (114 экз.). То есть, мы без сомнения имеем дело с единым комплексом — кладом.

Комок с монетами позднее был разломан неизвестно кем и для очистки и атрибуции нам предоставили несколько кусков с торчащими местами обломками монет, а также 72 отдельных экземпляра. Таким образом точный количественный состав Сарайчикского-7 клада остается нам неизвестным. Всего же учтено и атрибутировано П.Н. Петровым (72 экз. + 42 экз. + 282 экз.) = 396 серебряных дангов XIV в.

Агрессивная среда (сильно засоленная почва), в которой находились данги многие века, сыграла свою роль — данги имеют не редко повреждение торцов монет и поверхности, а также наблюдается отсутствие пластичности (повышенная хрупкость) монетного металла.

Изученных монет клада достаточно много, что не позволяет привести все данные в привычном табличном виде. По этой причине сведения, необходимые для анализа состава клада, представлены в виде обработанных статистических данных.

Краткий перечень монет клада (в его составе присутствует значительное количество дангов, утративших цифру единиц в обозначенном годе, из-за чего данные о дате чеканки указаны в интервале и заключены в квадратные скобки):

Токта хан: Сарай ал-Махруса, 710 — 1 экз.; Хваризм, утрачен — 1 экз.

Узбек хан: Сарай, 717 — 1 экз.; [717—718] — 4 экз.; Крым ал-Махруса, [720] — 1экз; Сарай ал-Махруса, 722 — 8 экз.; Хваризм, 730 — 1 экз.; Сарай, 734 — 1 экз.; [734] — 18 экз.; 739 — 2 экз.; 740 — 4 экз.; [739—740] — 10 экз.

Джанибек хан: Сарай ал-Джадида, 742 — 6 экз.; 743 — 16 экз.; [742—743] — 5 экз.; 744 — 1 экз.; Хваризм, 744 — 3 экз.; Сарай ал-Джадида, 745 — 16 экз.; год? — 2 экз.; 74х — 1 экз.; [743—745] — 7 экз.; 746 — 26 экз.; [746?] — 2 экз.; 842 (=746) — 2 экз.; 742 (=746) — 1 экз.; 824(=746) — 1 экз.; 428 (=746) — 1 экз.; 747 — 51 экз.; 74[7—8] — 6 экз.; Хваризм, [746—747] — 1 экз.; Сарай ал-Джадида, 748 — 25 экз.; 864 (=748) — 1 экз.; [747—748] — 3 экз.; 74[6—8] — 6 экз.; 749 — 13 экз.; 74х — 1 экз.; 750 — 10 экз.; 751 — 16 экз.; 715 (=751) — 1 экз.; Гулистан, 257 (=752) — 1 экз.; 25[7] (=752) — 1 экз.; 752 — 12 экз.; Сарай ал-Джадида, 752 — 20 экз.; 753 — 1 экз.; Гулистан, 753 — 9 экз.; [752—753] — 1 экз.; Сарай ал-Джадида, [751—753] — 3 экз.; Гулистан, 457 (=754) — 4 экз.; 754 — 7 экз.; [752—754] — 2 экз.; 756 — 5 экз.; [752 или 756] — 2 экз.; [75х] — 1 экз; Сарай ал-Джадида, 457 (=754) — 1 экз.; [757] — 1 экз.; 75х — 1 экз.; год не указан — 1 экз.; год утрачен — 9 экз.; МД утрачен, год утрачен — 2 экз.; Хваризм, год утрачен — 2 экз.; Гулистан, год утрачен — 2 экз.

Бирдибек хан: Сарай ал-Джадида, 758 — 1 экз.; 759 — 1 экз.; [759] — 1 экз.; Гулистан, 759 — 3 экз.

Эмитент утрачен: Сарай ал-Джадида, год утрачен — 1 экз.; МД утрачен, год утрачен — 9 экз. Перечеканка: утрачены все выпускные данные — 1 экз. Монета рассыпалась в порошок — 1 экз.

Состав клада по эмитентам (за 100% принято 396 монет): Токта хан — 2 экз. — 0,5%; Узбек хан — 50 экз. — 12,6%; Джанибек хан — 325 экз. — 89%; Бирдибек хан— 6 экз. — 1,5%; Неатрибутируемых по эмитенту монет — 12 экз. — 3%.

Состав клада по названиям монетных дворов: Крым ал-Махруса — 1 экз. — 0,3%; Хваризм — 8 экз. — 2%; Сарай — 40 экз. — 10,1%; Сарай ал-Махруса — 11экз. — 2,3%; Сарай ал-Джадида — 274 экз. — 69,2%; Гулистан — 46 экз. — 11,6%; Утрачен — 13 экз. — 3,3%.

Хронологический состав клада по десятилетиям: 700-е гг.х. — 1 экз. —0,3%; 710-е гг.х. — 6 экз. —1,6%; 720-е гг.х. — 9 экз. —2,5%; 730-е гг.х. — 22 экз. —6%; 740-е гг.х. — 214 экз. —58,8%; 750-е гг.х. — 112 экз. —30,8%. Не учтены нами: 1 экз. с неуказанным годом выпуска и утраченными годами выпуска — 31 экз. В данном расчете за 100% принято (396 экз. — 32 экз. =) 364 экз.

Сведения о кладе публикуются впервые.

Кроме перечисленных 8 кладов известно еще о находке одного комплекса в 156 дангов примерно в 280 м на восток от раскопа 4 в качестве подъемного материала на городище, а также четырех небольших кладов (их называют кладами-кошельками из-за малого количества монет, в данном случае менее 10 монет в находке) дангов на глубине до 18 см (Самашев 2006: 91—92). Мы не рассматриваем эту информацию в настоящей статье по нескольким причинам: неясно кто атрибутировал монеты кладов, не перепутаны ли они, а как проверить эту информацию и неясно как ее соотнести с данными, приведенными Е.Ю. Гончаровым. Тем более, что описание клада в 156 монет невероятно похоже в своих частях на описание Нулевого клада, но там приведено только описание 81 данга и время тезаврации обоих кладов не совпадает.

Результаты

Системное изучение золотоордынского Сарайчука в низовьях р. Урал началось с 1996 г. Западно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством Зайнуллы Самашева (Гончаров 2001: 179) и с перерывами продолжалось до 2022 г. включительно (Самашев 1996; 1998; 2005; Тасмагамбетов, Самашев 2001; Самашев, Плахов 2017; Плахов и др. 2021; Ахметова и др. 2022; Мұқтар 2022). В ходе работ в начале 2000-х гг. нумизматические находки в количестве около 1000 экз. были изучены и результаты анализа опубликованы Е.Ю. Гончаровым (Гончаров 2005: 9—12). По окончании своих археологических изысканий З. Самашев с привлечением соавторов выпустил книгу о монетных находках на городище, где была предпринята попытка не только составить каталог монет, но и провести анализ монетного обращения (Самашев и др. 2006). К сожалению, к этой работе небыли привлечены компетентные нумизматы в области джучидской нумизматики. Массив в 500 монет был передан в фонды Центрального государственного музея РК в г. Алматы, где они были переатрибутированы П.Н. Петровым и изданы музеем с фотографиями и описанием каждого экземпляра. В составе переданного в ЦГМ РК массива нумизматических артефактов было отмечено присутствие одного небольшого кладика серебряных дангов XIV в. (в этой статье — Четвертый Сарайчикский клад), который также был издан (Восточные монеты 2020: 184—185). Ранее Е.Ю. Гончаров сообщил о находке трех небольших кладиков дангов: первый был найден в 2001 г. (монеты были сильно спекшиеся и удалось ли их разъединить неизвестно) (Гончаров 2005: 12, прим. 8); второй представлял из себя стопку из 8 монет; третий — стопку из 5 монет (Гончаров 2005: 11). Кроме того, в археологическом отчете за 2005 г. З. Самашев упоминает о кладе серебряных дангов в 84 экз., найденном у стены городской бани. В отчете не указано кто проводил атрибуцию монет и само описание клада лишено конкретики (Самашев 2005: 12). Отсутствие пояснений в тексте книги не позволяют понять, является ли этот клад в 84 монеты нашим Нулевым кладом с 81 монетой или нет. Поэтому данный клад не может быть полноценно учтен в настоящей работе, несмотря на то, что имеет важное значение.

Активное продолжение археологических раскопок на памятнике относится к 2019—2022 гг. За этот период было найдено еще три клада серебряных дирхамов XIV в. Таким образом, всего зафиксировано 8 кладов серебряных дангов, 6 из которых можно условно отнести по количеству монет к «кладам-кошелькам». Изучению единичных археологических находок 2019 г. на городище уже была посвящена одна работа, где рассматривались нумизматические находки с разных раскопов (Петров и др. 2022: 382—404). В 2022 г. была завершена работа на раскопе № 3. В результате оказалось вскрыто многокомнатное здание (Фото 1). В XIV в. здание было засыпано грунтом, который брали с территории города Сарайчука. Проводились работы и на раскопе № 1. Площадь раскопа была разбита на сектора. Вскрытые помещения также были засыпаны грунтом еще в средние века. В настоящее время раскоп 1 оказался самым продуктивным в плане нумизматических находок благодаря обнаружению Седьмого клада.

Критика нумизматического источника. Начнем с количественного состава находок. Для анализа мы имеем сведения о находке 8 кладов серебряных джучидских дангов, найденных на городище Сарайчик. Расположим их в порядке возможной хронологии тезаврации: Четвертый — 5 экз. tpq [714—721] гг.х./ [1314—1321] гг.; Шестой — 9 экз. tpq 743 г.х./ 1342—1343 гг.; Пятый — 42 экз. tpq 753 г.х./ 1352—1353 гг.; Седьмой — 396 экз. tpq 759 г.х./ 1358 г.; Нулевой — 84 экз. tpq вторая половина 760-х гг.х./ 1364—1368 гг.; Третий — 5 экз. tpq 767 г.х./ 1366 г.; Второй — 8 экз. tpq 770-е/ 1368—1377 гг. Основная масса кладов представляет собой маленькие клады (даже менее 10 монет). Совершенно очевидно, что это сокровища, а не случайные утраты, поскольку монеты как правило находили именно склеившимися в столбик, что исключает их свободное взаимное расположение в кошельке. На место наших раскопов они попали в свое время вместе с грунтом, которым засыпали остатки зданий в конце XIV в. Не известна и та часть средневековой городской территории, с которой брали грунт для засыпки. Следовательно, необходимо допустить, что в засыпку какого-то помещения могла попасть небольшая часть

кладика с места изъятия грунта, которая и была обнаружена в ходе раскопок. То есть, количественный состав изучаемых нами кладов в полной мере не является количественной характеристикой их изначального размера. Следовательно, учитывая критику источника, нельзя делать вывод о размерах кладов, сокрытых изначально, а, следовательно, и оценивать относительное благосостояние местного населения по имеющимся данным. Вероятнее всего, единственным целым из всех кладов, сохранившимся нетронутым до момента находки археологами может являться Нулевой клад в размере 81 данга.

Время тезаврации. Обычно время сокрытия клада оценивается по году на младшей монете. В общем случае это не всегда верно, поскольку не редко встречаются выпуски дирхамов, когда в течение нескольких лет в выпускной легенде указывался один и тот же год, т.е. указывался не год чеканки монеты, а год начала эмиссии. Таким годом, например, скорее всего был 782 г.х./1380—1381 г.н.э. в правление Токтамыша. Но нам не встретилось ни одного клада серебряных дангов времен Токтамыша на территории Сарайчика при том, что единичные находки пулов и кладика-кошелька пулов известны, причем, в культурных слоях, располагающихся ближе к современной дневной поверхности археологического памятника (Петров и др. 2022: 388—389). Это может однозначно свидетельствовать о том, что все обнаруживаемые клады дангов действительно были сокрыты до или в самом начале 770-х гг.х./ ~1368 — 1373 гг. (как Второй клад), а засыпка остатков зданий грунтом в XIV в. осуществлялась если не во второй половине 770-х гг.х. / 1373—1378 гг., то в начале 780-х гг.х. (~1378—1383 гг.).

На точность датировки клада по граничному условию tpq влияет еще один очень важный фактор — количество учтенных монет клада. Все изученные сокровища, содержащие менее 10 дангов (клады Второй, Третий, Четвертый и Шестой), могут быть датированы по младшей монете лишь относительно, и установленное таким образом время тезаврации нельзя рассматривать при изучении вопроса об интенсивности выпадения серебра из денежного обращения в динамике на территории средневекового Сарайчука. Однако особо обратим внимание на Шестой клад, в составе которого из 9 дангов 5 были биты ханом Токтой в 710 г.х./1310—1311 г.н.э. Во всех остальных кладах количество монет этого эмитента либо минимальное, либо полностью отсутствует. Столь значительное количество дирхамов Токты в Шестом кладе может объясняться двумя способами. Либо клад действительно был сокрыт в самом начале правления Джанибека, когда масса дангов Токты еще составляла значительную долю в обращении, либо хозяин сокровища умышленно сформировал стопку дангов преимущественно из уменьшившихся в весе монет, а какие еще были стопки сформированы и спрятаны вместе с изучаемой — мы не знаем, поскольку только эта стопка оказалась в засыпном грунте в данном раскопе (т.е. мы не знаем полного состава клада).

Необычным по составу является Второй клад благодаря присутствию в нем данга Сыгнака с именем Урус хана. Правление Уруса началось в 770 г.х. / 1368—1369 г.н.э. В принципе это по времени не очень далеко отстоит от 766 г.х. / 1364—1365 г.н.э., которым помечен данг с именем Азиз-Шейха из этого же сокровища. То есть, это не большой разрыв во времени и вполне допустимый для состава клада дангов. Во-первых, сам факт находки Присырдарьинской монеты указывает на контакты Сыгнака и Сарайчука по крайней мере в начале 770-х гг.х. А во-вторых, позволяет однозначно датировать клад 770-ми гг.х. даже не учитывая тот факт, что изученная стопка монет может быть лишь частью более крупного изначально сокрытого клада.

Обсуждение. Итак, относительно корректно время сокрытия может быть определено для Нулевого, Второго и Пятого кладов, и однозначно ввиду большого количества монет в кладе — для Седьмого. Таким образом, мы имеем клады дангов с tpq Пятого — 753 г.х.; Седьмого — 759 г.х.; Нулевого — 764 г.х. и Второго — 770-е гг.х.

Важно, что все остальные клады не содержат в своем составе монет, битых ранее 710 г.х./1310—1311 г.н.э., да и дангов 710 г.х. очень мало (кроме Шестого клада). При этом присутствует значительное количество дирхамов Узбек хана (tpq: 721 г.х. — ~60% монет Узбек хана; 753 г.х. — 24,4%; 759 г.х. — 12,6%; 764 г.х. — 3,7%; 767 г.х. — 0%; 770 г.х. — 1 монета из 8 экз.). Формально прослеживается убывание количества дангов Узбек хана в составе сокрытия в

зависимости от времени тезаврации клада, что косвенно свидетельствует о достоверности состава кладов и, возможно, об их полном составе или их репрезентативной части, оказавшейся в нашем распоряжении. Судя по составу серебряных монетных кладов товарно-денежные отношения активизировались в Сарайчуке только в XIV в. и, скорее всего, именно в правление Узбек хана. Е.Ю. Гончаров отмечает: «При хане Узбеке Сарайчук становится одним из экономически развитых городов Улуса Джучи. Городской рынок активен и пополняется медной монетой. Денежный поток направлен с запада на восток навстречу потоку товаров» (Гончаров 2005: 10). Результат нашего исследования кладов дангов из Сарайчика не противоречит этому заключению г-на Гончарова.

По количеству монет в Седьмом кладе нельзя сказать, что он принадлежал богатому владельцу. В Сарайчике наблюдается значительное количество мелких кладиков-кошельков и четыре клада несколько более крупного размера: 42 экз.; 81 экз.; 156 экз. и 396 экз. В среднем размер клада около 170 дангов. Но для окончательных заключений статистика находок кладов явно недостаточна.

Состав всех рассматриваемых здесь комплексных находок (Нулевой — Седьмой) однороден в отношении указанных на дангах монетных дворов — преимущественно это выпуски области Сарай и области Гулистан. Крайне редкие единичные вкрапления дирхамов Крыма и Азака в состав комплексов лишь подчеркивают существование контактов с этими регионами Золотой орды, однако, в тоже время свидетельствуют об отсутствии перемещения серебряной монетной массы из этих исторических областей в Сарайчук. Также мало фиксируется и дангов Хорезма — в Седьмом кладе лишь 2%. Монетная масса хорезмийской эмиссии не играла существенной роли в серебряном денежном обращении Сарайчука по крайней мере до начала 760 г.х. / 1359 г.н.э. В какой степени увеличилось в денежном обращении количество хорезмийских дангов в 760-е — 770-е гг.х. изучаемые клады ответить не позволяют. Фактически нет поступления дирхамов на местные рынки со Средневолжских регионов — с вилайатов Булгар, Мохши, а также с районов Северного Кавказа (с Маджара, например) и других регионов Улуса Джучи. Таким образом, нами фиксируется стабильность состава названий эмиссионных центров на кладовых дангах Сарайчука в XIV в. в период до второй половины 770-х гг.х. / 1373—1378 гг. Судя по составу изученных кладов можно утверждать, что средневековый Сарайчук входил (видимо административно) в состав области Сарай, а не просто находился в сфере экономических интересов ханского домена (*улуг кул*). Это позволяет предположить, что в Сарайчуке вполне мог находиться и функционировать монетный двор с названием, содержащим слово Сарай. Но это предположение можно подтвердить или опровергнуть только в ходе дальнейших системных исследований как состава находимых в Сарайчуке кладов, так и штемпельного изучения серебряной продукции монетных дворов XIV в. с названием Сарай (Сарай, ас-Сарай ал-Джадида, Сарай ал-Джадида, Сарай ал-Махруса) разных типов. В этом смысле найденные клады монет являются бесценными для будущего скрупулезного изучения и требуют в дальнейшем подробной и полной публикации.

Представляет интерес сравнить состав монетных кладов, находимых на территории Западного Казахстана с составами изучаемых сарайчикских комплексов. Надо сказать, что сведения о таковых в научной литературе крайне скудны. Нам известно всего два таких клада.

1. Монетно-вещевого клад был найден между Уральском и Атырау в поселке Новая Казанка, на р. Малый Узень в Жангалинском районе Западно-Казахстанской области. В.Н. Настичем была изучена лишь часть комплекса в 80 экз. Время тезаврации по младшей монете — tpq 769 г.х./ 1367—1368 г.н.э. Изначальное количество монет в комплексе неизвестно. Из 80 изученных экземпляров на монетных дворах: *Хваризм* бито лишь 9 экз. (11%), *Мохши* — 1 экз. (1,25%); *Азак* — 1 экз. (1,25%) (Настич 2004: 84—85).

2. Второй известный нам комплекс был обнаружен также в Жангалинском районе в бассейне р. Большой Узень у Камыш-Самарских озер. Монетный комплекс был собран в результате многолетнего археологического изучения могильника Мокринский I. В некоторых погребениях были найдены монеты. Они хранятся в фондах Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея города Уральска. Кроме монет областей Сарай и Гулистан в находках отметился только еще один эмиссионный центр — *Хваризм*, причем, из общего количества находок в 71 данг хорезмийских выпусков

зафиксировано только 6 экземпляров (~8,5%). Датировка памятника, предложенная нами — первая половина 750-х гг.х. / 1350-х гг. (Петров, Смагулов 2018: 177).

Состав этих двух комплексов вполне согласуется с составами сарайчикских кладов. То есть, регион к северу от средневекового Сарайчука также связан с доминированием на местных рынках серебряной чеканной продукции центральных монетных дворов области Сарай.

Монетное обращение в Золотой Орде, обеспечивавшееся собственной чеканной продукцией, характеризуется наличием двух сфер — медной и серебряной (здесь не берем в расчет чеканку золота в Хорезме в 760-х — 770-х гг.х./ 1360-х — 1370-х гг.). Поэтому, обсуждая характер серебряного обращения в Сарайчуке, нельзя обойти вниманием изучение динамики обращения пулов. Теоретически можно полагать, что источники поступления на местные рынки меди и серебра в монете должны быть общими и для пулов и дирхамов должен синхронно меняться со временем. Е.Ю. Гончаровым было обнаружено изменение направления поступления пулов на рынки Сарайчука. В медном монетном обращении ослабление позиции притока сарайских и гулистанских пулов на местном рынке началось с 763 г.х./ 1361—1362 г. Недостаток меди в обращении однозначно обнаруживается благодаря началу чеканки местных сарайчукских пулов с именем Мурид-хана в 763 г.х. с целью обеспечения спроса. Изучаемые клады дангов с tpq 760-х гг.х. также не поражают количеством монет этих годов в своем составе — можно было бы ожидать существенно большего количества дангов Бирдибека, Кулпы, Навруза, Хизра, Азиз-Шейха. То есть, приток серебряных дирхамов 760-х гг.х. на рынки существенно уменьшился. В 770-х гг.х. поступление хорезмийских пулов на местный рынок резко возрастает и превосходит приток пулов сарайской чеканки (Гончаров 2005: 11). «Во время смуты денежное обращение дополнительно насыщалось монетами хорезмийской чеканки и монетами Сарайджука» — так сформулировали свое видение воспроса И. Тасмагамбетов и З. Самашев (Тасмагамбетов, Самашев 2001: 69). Клады же серебряных дангов свидетельствуют о пусть ослабевшем, но продолжении поступления сарайской монеты в обращение Сарайчука. Из-за пока малой статистики кладовых находок мы не можем оценить относительный количественный уровень этих поступлений. Насколько корректен вывод Е.Ю. Гончарова об активном пополнении медного монетного обращения Сарайчука хорезмийской продукцией в 770-е гг.х., сделанный с применением метода хронологической дифференциации на основе анализа единичных находок пулов с городища Сарайчик? Ответ заключается в граничных условиях применимости метода хронологической дифференциации, которые не были сформулированы автором. Если ранняя хронологическая граница находится на уровне года выпуска самой монеты (tpq), то поздняя связана с длительностью обращения этой монеты и вероятностью выпадения из обращения в течение всего периода обслуживания потребностей рынка. Хождение же пулов с надписью *Хваризм* разных годов чеканки было длительным, а главное, эти монеты получили широчайшее распространение за пределами самой исторической области Хорезм (в том числе на территории современного Южного Казахстана), в том числе с приходом к власти Токтамыша т.е. в 780-е гг.х. / 1378—1387 гг. Поэтому мы не можем утверждать, что все хорезмийские пулы 770-х гг.х., найденные в ходе археологических работ на городище Сарайчик поступили на местный рынок именно в это десятилетие, а не в начале следующего. Мы даже не можем предположить какова могла быть доля хорезмийских пулов, пополнивших денежное обращение средневекового Сарайчука в 770-е гг.х. К сожалению, и серебряных кладов 770-х гг.х. пока нам известно крайне мало для сопоставления с данными, полученными при изучении пулов с городища Сарайчик. В тоже время зафиксирована активизация монетного двора Сарайчук, который начал чеканку именных серебряных именных дангов Улджай-Тимур хана в 770 г.х./1368 г.н.э., ханов Пулад-Ходжи и Ильбака с годом 775 г.х./1373—1374 г.н.э. В настоящее время не совсем понятно, были ли эти выпуски обусловлены экономическими причинами (нехваткой серебряной монеты в обращении) или политическими-прокламативными. Малые объемы чеканки не редко обусловлены не экономическими, а политическими причинами, а по статистике находок — редкостью таких монет. В Сарайчике не найдено пока ни одного экземпляра дангов выпусков собственного монетного двора. Пока невозможно фиксировать различия в источниках поступления в Сарайчук монетной продукции для двух разных сфер

денежного обращения — медной и серебряной. Поэтому и говорить о смене экономического влияния с сарайского на хорезмийский в 770-х гг.х. представляется преждевременным. Возможно этот вопрос мог бы быть прояснен благодаря массе единичных находок дирхамов XIV в., но такой информации авторы не имеют.

Еще одним не простым историческим вопросом в связи с проведенным нами изучением кладов чеканного денежного серебра является установление причины практического отсутствия находок в Сарайчике разнообразной иностранной монеты. По логике иноземная монета должна сопутствовать археологическим исследованиям в крупных урбанистических центрах, расположенных на торговых путях (Муктар и др. 2020: 7, 9—10). Е.Ю. Гончаров сообщает о находке в Сарайчике всего одного пула Хорезма и трех ильханских монет, т.е. 2,8% от 142 медяков 730-х гг.х. / 1330-х гг. В монографии по Сарайчику и книге по нумизматике Сарайчика приводится изображение мелкой золотой монеты Ильханов с именем Газан-хана (Тасмагамбетов, Самашев 2001: 98; Самашев и др. 2006: 145, № 4). Этот мелкий динар хранится в «Атырауском областном историко-краеведческом музее», Инв. № НЦ 15866. Конечно, активность торговли запад-восток с середины XIV в. и позднее существенно уменьшилась по ряду причин. Среди них и эпидемия чумы, и неурожаи в Поволжье и Крыму, войны в средиземноморье между Генуей и Венецией, мешавшие торговле по Черному морю.

О функционировании трассы через Сарайчук сообщал Ибн-Батута, проезжавший его в 1333—1334 гг., причем, в этот город он прибыл из Сарая (Ибрагимов 1988: 72). Не исключено, что проходящие торговые караваны целенаправленно запасались звонкой монетой в Сарае и по этой причине не наблюдается утрат иноземных серебряных монет в Сарайчуке. Также, караваны в XIV в. могли перемещаться на короткие дистанции (от пункта до пункта и обратно) — в этом случае иноземные караваны могли практически не проходить через Сарайчук, ограничившись оптовой торговлей в Крыму, Азаке, Маджаре, Хорезме и т.д. Кроме того, современным археологическим исследованиям подвергается вовсе не центральная часть средневекового города. Большая часть городища оказалась уничтожена водами р. Урал. Да и изучать приходится не находки сокрытых кладов, а переотложенные клады и их части, перемещенные с грунтом с неизвестной нам территории города. Все эти обстоятельства пока не позволяют нам делать однозначные выводы по поводу отсутствия утрат иноземной монеты на городище.

Стоит вопрос о местонахождении Сарайчука в XIII в. Пока его следов на изучаемой части памятника археологически не зафиксировано. Причины могут быть разными, от разрушения ранней части города разливами р. Урал и перемещением ее русла, до перемещения древнего города на новое место в связи с трансгрессий Каспийского моря в начале XIV в. Представляется, что это предмет отдельного многолетнего исследования.

К сожалению, реализовать полноценные метрологические исследования по кладовым монетам с раскопов археологического памятника Сарайчик крайне затруднительно из-за состояния монетного металла.

Выводы

Во-первых, совершенно очевидно, что товарно-денежные отношения начали развиваться на изучаемой территории только в XIV в. и, скорее всего, именно в правление Узбек-хана, что подтверждает изучение кладов дангов.

Во-вторых, наибольшее количество зафиксированных кладов указывает на период тезаврации в течение 750-х — 760-х гг.х. / 1350-х — 1360-х гг. [5 (~63%) из 8 кладов].

В-третьих, в XIV в. (до второй половины 770-х гг.х. / 1373—1378 гг.) вся масса серебряных монет, обслуживающая местные рынки, поступала сначала из области Сарай, а затем подключилось и монетное производство области Гулистан. То есть, можно полагать, что средневековый Сарайчук в указанный отрезок времени не просто находился в сфере экономического влияния Сарая, а непосредственно входил в состав области Сарай, поэтому мы и наблюдаем столь завидное постоянство состава названий эмиссионных центров на дангах из разновременных кладов.

В-четвертых, возникают сомнения в том, что в 770-х гг.х./1368—1378 гг. приток хорезмийской медной монеты превысил поступление сарайских пулов на рынки Сарайчука. Этот процесс был бы не объясним на фоне регулярного поступления сарайской серебряной монеты. Необходимо ожидать находки кладов дангов 770-х гг.х./ 1368—1378 гг., чтобы оценить наличие и степень деградации сарайского экономического влияния на монетное обращение Сарайчука.

В-пятых, пока остается открытым вопрос о причинах отсутствия иноземной серебряной монеты в Сарайчуке несмотря на то, что город располагался на трассе «Шелкового пути» и такие утраты должны были бы присутствовать.

Литература

Ахметова У., Турарулы А., Жумабаев А. 2022. Археологические раскопки средневекового городища Сарайшык в 2021 г. *Археология Казахстана* 2, 112—120.

Восточные монеты 2020: Петров П.Н., Белтенов Ж., Алимбай Н. (сост.). 2020. *Восточные монеты из фондов Центрального государственного музея республики Казахстан.* Научный каталог. Т. 2. Алматы: Интеллсервис.

Гончаров Е.Ю. 2001. О городище Сарайчук. *Диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии* 2, 179.

Гончаров Е.Ю. 2005. Монетное обращение города Сарайчук в средние века. *Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков. I МНК — Саратов 2001 и II МНК — Муром 2003.* Москва: Нумизматическая литература, 9—12.

Ибрагимов Н. 1988. *Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии.* Москва: Наука.

Қайрғалиева 2022: Архив Сарайчикского музея. Қайрғалиева Г. 2022. Отчет научный «Сарайшық қалашығына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының». Тапсырыс беруші: «Атырау облысы Мәдениет, тілдерді дамыту және архив ісі басқармасының Атырау облысы Тарихи-мәдени мұраны зерттеу орталығы» КММ-сі. Атырау.

Мұқтар Ә. 2022. Археолог З. Самашевтың ортағасырлық Сарайшықты зерттеуге қосқан үлесі. *Мәдени мұра* 4 (99), 32—41.

Муктар А., Ахметова У., Жумабаев А. 2020. Средневековый Сарайшык в истории Золотой Орды и Казахского ханства (XIII—XVI вв.). *Вестник Прикаспия: Археология, история, этнология 7*, 22—28.

Настич В.Н. 2004. Джучидский клад из пос. Новая Казанка. В: Мельникова А.С. (отв. ред.). *Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция*. Тезисы докладов. Москва 19—24 апреля 2004. Москва: ГЭ, 84—85.

Петров П.Н., Смагулов Т.Н. 2018. Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Аулиеколь. *Stratum plus* 6, 167—184.

Петров и др. 2022: Петров П.Н., Муктар А.К., Биккиняев Н.Х., Жумабаев А.Ж. 2022. Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Ч. I. *МАИАСП* 14, 382—404. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.93.020.

Плахов В.В., Калменов М.Д., Абдигалиев М.К. 2021. Некоторые результаты археологического исследования на городище Сарайшык в 2019 году. *Маргулановские чтения. 26—27 октября 2021 г.* Т. 2. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 108.

Самашев 1996: Архив ИА КН МОН РК. Д. 2463. Самашев З. 1996. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции в Атырауской и Мангыстауской областях 1996 году.

Самашев 1998: Архив ИА КН МОН РК. Д. 2500. Самашев З. 1998. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции на городище Сарайчик в 1998 г.

Самашев 2005: Архив Института археологии КН МОН РК. Д. 2748. Самашев З. 2005. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии МОН РК по программе «Научно-прикладные исследования в области археологии — Культурное наследие». Раздел «Городище Сарайчик» в 2005 году.

Самашев и др. 2006: Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В. 2006. *Монеты Сарайчика*. Алматы: Grapho-art.

Самашев и др. 2017: Самашев З., Плахов В., Касенов М., Харипова Р., Турарулы А., Киасбек Г., Чотбаев А., Рахманкулов Е., Бирюков П. 2017. Полевые исследования на городище Сарайчик. В: Кайыргалиева Г.К. (гл. ред.). *Сборник материалов международной научно-практической конференции (Путешествие Ибн*

Батутты по Шелковому пути. Продвигая диалог между культурами). 8 ноября 2017 г. Атырау: Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінін бвспасы, 8—13.
Тасмагамбетов И., Самашев З. 2001. *Сарайчик.* Алматы: ОФ «Берел».

References

Akhmetova, U., Turaruly, A., Zhumabaev, A. 2022. In *Arkheologiya Kazakhstana (Archaeology of Kazakhstan)* 2, 112—120 (in Russian).
Vostochnyye monety 2020: Petrov, P.N., Beltenov, Zh., Alimbay, N. (comp.). 2020. *Vostochnye monety iz fondov Tsentral'nogo gosudarstvennogo muzeya respubliki Kazakhstan. Nauchnyy katalog (Oriental coins from the funds of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Scientific catalogue)*. Vol. 2. Almaty: Intellservis (in Russian).
Goncharov, E.Yu. 2001. In *Problemy istorii i arkheologii (Problems of history and archaeology)* 2, 179 (in Russian).
Goncharov, E.Yu. 2005. In *Trudy mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsiy. Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov. I MNK — Saratov 2001 i II MNK — Murom 2003 (Proceedings of international numismatic conferences. Coins and monetary circulation in the Mongolian states of the 13th — 15th centuries. I MNK — Saratov 2001 and II MNK — Murom 2003)*. Moscow: Numizmaticheskaya Literatura, 9—12 (in Russian).
Ibragimov, N. 1988. *Ibn Batuta i ego puteshestviya po Sredney Azii (Ibn Batuta and his travels in Central Asia)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Qayrğalïeva 2022: Arhiv *Saraychikskogo* muzeya. Qayrğalïeva G. 2022. Otchet nauchniy “Sarayşıq qalaşığına jürgizilgen arxeologïyalıq qazba jumıstarınıñ”. Tapsırıs berwşi: “Atıraw oblısı Mädenïet, tilderdi damıtw jäne arxïv isi basqarmasınıñ Atıraw oblısı Tarïxï-mädenï muranı zerttew ortalığı” KMM-si. Atıraw.
Muktar, A. 2022. In *Mädenï mura (Cultural heritage)* 4 (99), 32—41 (in Kazakh).
Muktar, A., Akhmetova, U., Zhumabayev, A. 2020. In *Vestnik Prikaspiya: Arkheologiya, istoriya, etnologiya (Bulletin of the Caspian Sea: Archeology, History, Ethnology)* 7, 22—28 (in Russian).
Nastich, V.N. 2004. In: Mel’nikova, A.S. (ed.). *Dvenadtsataya vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov. Moskva 19—24 aprelya 2004 (Twelfth All-Russian Numismatic Conference. The thesis of the reports. Moscow, April 19-24, 2004)*. Moscow: GE, 84—85 (in Russian).
Petrov, P.N., Smagulov, T.N. 2018. In Stratum plus 6, 167—184 (in Russian).
Petrov et al. 2022: Petrov, P.N., Muktar, A.K., Bikkinyev, N.H., Zhumabayev, A.Zh. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor’ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 14, 382—404. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.93.020 (in Russian).
Plakhov, V.V., Kalmenov, M.D., Abdigaliev, M.K. 2021. In *Margulanovskie chteniya. 26—27 oktyabrya 2021 g. (Margulan readings. October 26—27, 2021)*. Vol. 2. Almaty: A.Kh. Margulan at. Arkheologiya instituty, 108 (in Russian).
Samashev 1996: Arkhiv IA KN MON RK. D. 2463. Samashev Z. 1996. Otchet o rabotakh Zapadno-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Atyrauskoy i Mangystauskoy oblastyakh 1996 godu.
Samashev 1998: Arkhiv IA KN MON RK. D. 2500. Samashev Z. 1998. Otchet o rabotakh Zapadno-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na gorodishche Saraychik v 1998 g.
Samashev 2005: Arkhiv Instituta arkheologii KN MON RK. D. 2748. Samashev Z. 2005. Otchet o rabotakh Zapadno-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii MON RK po programme “Nauchno-prikladnyye issledovaniya v oblasti arkheologii — Kul'turnoye naslediye”. Razdel “Gorodishche Saraychik” v 2005 godu.
Samashev et al. 2006: Samashev, Z., Burnasheva, R., Bazylkhan, N., Plakhov, V. 2006. *Monety Saraychika (Coins of Saraichik)*. Almaty: Grapho-art (in Russian).
Samashev et al. 2017: Samashev, Z., Plakhov, V., Kasenov, M., Kharipova, R., Turaruly, A., Kiasbek, G., Chotbaev, A., Rakhmankulov, E., Biryukov, P. 2017. In: Kayyrgaliyeva, G.K. (ed.). *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Puteshestviye Ibn Batutty po Shelkovomu puti. Prodvigaya dialog mezhdu kul'turami). 8 noyabrya 2017 g. (Collection of materials of the international scientific-practical conference (Ibn Batutta's Journey along the Silk Road. Promoting the dialogue between cultures). November 8, 2017)*. Atyrau: Kh. Dosmūkhamedov atyndağy Atyrau memlekettik universitetinin bvspasy, 8—13 (in Russian).
Tasmagambetov, I., Samashev, Z. 2001. *Saraychik (Saraichik)*. Almaty: OF “Berel” (in Russian).

DOI: 10.53737/2055.2023.36.37.036

N.O. Mitev

JAGIELLONIAN COINS FROM THE BULGARIAN LANDS*

At the end of the 14th century, a new actor appeared on the European scene, the Jagiellonian dynasty, which for two centuries played an important role in the political life of Central and Eastern Europe. The Jagiellons also was connected with the Balkans. Here, the coins of the Jagiellonian rulers, from the progenitor Władysław Jagiełło to the last representative Zygmunt II (including those who were on the Hungarian throne), which were found in present-day Bulgaria, are examined. Both individual finds and those found in the hoards have been analyzed. Compared to the issues of Władysław Warneńczyk, the coins of the other rulers are less common, which seems logical, given the specificity and the difficulty of the period; but in the 16th century, and more specifically around the middle of the century, the number of specimens began to increase. The cultural record like this is a good proof of the contacts between the Bulgarian lands and the nations of Central Europe during this period. The article provides a basis we can stand upon in future research on the matter, since the sample of Jagiellonian coin finds in this geographical area is expected to increase.

Key words: Bulgarian lands, coins, Jagiellonian dynasty, Ottoman state.

About the author: Mitev Nevyan Ognyanov, PhD (History), National Museum of Military History — Bulgaria, branch Park-Museum of Military Friendship — 1444.

Contact information: 9027, Bulgaria, Varna, 55 Yanosh Hunyadi blvd., National Museum of Military History — Bulgaria, branch Park-Museum of Military Friendship — 1444; e-mail: nevyan_1986@abv.bg.

Н.О. Митев

МОНЕТЫ ЯГЕЛЛОНОВ ИЗ БОЛГАРСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В конце XIV в. на европейской сцене появилось новое действующее лицо — династия Ягеллонов, игравшая на протяжении двух столетий важную роль в политической жизни Центральной и Восточной Европы. Ягеллоны были связаны и с Балканами. В статье рассматриваются монеты правителей Ягеллонов, от прародителя Владислава Ягайло до последнего представителя Сигизмунда II (включая королей, бывших на венгерском престоле), которые встречаются на современных болгарских землях. Проанализированы как единичные находки, так и клады. По сравнению с выпусками Владислава Варненчика, монеты других правителей встречаются реже. Это логично, учитывая специфику и сложность периода, но в XVI в., а особенно в его середине, выборка нарастает. Нумизматические памятники служат верным доказательством контактов болгарских земель со странами Центральной Европы в XIV—XVI вв. Статья является основой для будущих исследований по этому вопросу, поскольку в этом географическом районе можно ожидать новых находок монет Ягеллонов.

Ключевые слова: болгарские земли, монеты, династия Ягеллонов, Османское государство.

Сведения об авторе: Митев Невьян Огнянов, PhD (History), Национальный военно-исторический музей — Болгария, филиал «Парк-музей воинской дружбы — 1444».

Контактная информация: 9027, Болгария, г. Варна, бул. Яноша Хуньяди, 55, Национальный военно-исторический музей — Болгария, филиал «Парк-музей воинской дружбы — 1444»; e-mail: nevyan_1986@abv.bg.

---

* Статья поступила в номер 24 декабря 2022 г.
Принята к печати 11 января 2023 г.

© N.O. Mitev, 2023.

The Jagiellonian dynasty is one of the most powerful dynasties in Central Europe which for almost two centuries (second half of the 14th century — second half of the 16th century) took a leading role in governing a number of countries in this region and determined their development. It was the Jagiellonians — in the person of Vladislav Jagiello's eldest son Vladislav III Jagiellonian (Varnenchik) who put up the last resistance against the Ottoman invaders, which ended with the ill-fated battle of Varna on 10th November 1444, where the young Polish and Hungarian king died. The coins of Vladislav Varnenchik, discovered in the Bulgarian lands, are associated with his Crusades of 1443—1444. However, this is not the case with the coin emissions of other representatives of the Jagiellonian dynasty — Vladislav Jagiello, Casimir IV, John Albert, etc. To this day, no extensive research has been carried out on the coins of the Jagiellonians found on the territory of present-day Bulgaria. Although not numerous, they provide reliable data on the presence of Jagiellonian coins among circulating coins in this geographical area at the time, respectively in trade. The aim of the article is to collect, document and analyze the emissions of the Jagiellonian rulers from the Bulgarian lands as a proof of the economic prosperity of Central Jagiellonian Europe during this period and material evidence for trade relations of the region with the Bulgarian part of the Ottoman state.

Vladislav Jagiello (Jogaila) was Grand Duke of Lithuania from 1377 to 1401 and by virtue of the Union of Krewo between Lithuania and Poland in 1385 he ascended the Polish throne in 1386 and ruled the country for a long time, until 1434. During his reign, Poland achieved economic and cultural prosperity and due to the restoration of the University of Krakow (Queen Jadwiga also took an active role in that), it was named "Jagiellonian". At the beginning of the 15th century the so-called "Great War" with the Teutonic Order started and in the momentous battle of Grunwald on 10th July 1410, the combined Polish-Lithuanian soldiers managed to defeat the Teutonic armies[1]. In this way, the Polish-Lithuanian state became one of the hegemons of Europe[2].

Vladislav Jagiello minted a large number of coins of various denominations. The Lithuanian coins, bearing his name, are groschens and half groshens, minted in the period from 1377 to 1392 (Ivanauskas, Douchis 1999: 15—16), and his coinage as a Polish ruler is divided into: half groschens, ternars and denarii (Frynas 2015: 253—256). His coins are distributed in Central and Eastern Europe, and a total number of 3 of his Polish specimens were found in the Bulgarian lands. These are: one half groschen, found in the region of Dobrich (Parushev 2015: 144), one coin of the ruler was discovered during archaeological work, conducted at the monastery "Great Lavra" in the old Bulgarian capital Veliko Tarnovo and was registered under inv. № 2954 in the collection of the Regional Museum of History in VelikoTarnovo (Petrakiev 2021: 349)[3]. Another coin of Vladislav was found during excavation work at the monastery complex "St. Demetrius". The researcher dated the specimen as one struck by Vladislav Varnenchik (Dochev 2005: 196, 204, № 3) but a detailed analysis of the published photo shows that it is more likely the coin to have been minted by his father. On both sides of the coin there are a crown and an eagle and inscriptions around them. It is Polish for sure and all coins of Varnenchik of this type are without any inscriptions. His coins, struck in Hungary, as far as I know, do not bear a crown and an eagle on them. That is why, in my humble opinion, it should be assumed that the specimen in question was minted during the reign of Vladislav Jagiello. Two of the coins of the ruler known so far, found in the Bulgarian lands, are half-groschens, and the type of the third specimen was not specified by the person who published it. During the reign of this ruler the Polish-Lithuanian state occupied large areas of Central and Eastern Europe, and even had an outlet on the Black Sea. The entry of the ruler's coin emissions into the Ottoman state is something normal as it is logical trading relationship to have existed between the two countries during this period. It is noteworthy that the coins of this ruler were found in Northern Bulgaria. One reasonable explanation

[1] Much has been written about the reign of this ruler, here I just mention some studies: Gąsiorowski: 2015; Krzyżaniakowa, Ochmański 1990 and others.

[2] I use the term Polish-Lithuanian state but the official unification of the two states took place only in 1569. During the period under consideration, Polish kings were not always great Lithuanian princes.

[3] The primary publication of Konstantin Dochev does not indicate the existence of such a specimen found during excavation work at the monastery "Great Lavra", see: Dochev 2004: 144—198.

for that is international trade by land and/or sea. As for the coin from the Museum of Tarnovo which is of unknown type, if it is proved that it is of the type minted before 1393 (an earlier coin emission of the ruler), it can be assumed that Vladislav's coins had entered the Bulgarian lands before the collapse of the Tarnovo tsardom under Ottoman rule in 1393, in view of the fact that the capital of the country certainly had some kind of trade relations with European countries[4].

Vladislav Jagiełło's eldest son, Vladislav III, was king of Poland from 1434. In 1440 he was elected king of Hungary but part of the ruling elite did not approve his election and therefore a civil war broke out, which lasted until the end of 1442. Eventually, the coalition that supported the ruler — led by Janos Hunyadi, emerged as a winner. He was the leader of the two crusades against the Turks in 1443—1444 and on 10th November 1444 he found his death in the battle of Varna and was posthumously named "Varnenchik".

During the period from 1434 to 1440, in which he was the ruler of the Polish kingdom only, he minted just one type of silver coins (denarii), which I have already mentioned. His coin emissions as a Hungarian king are significantly more numerous and diverse — gold guilders (florins), silver denarii, which can be divided into 5 groups. There were also some struck in the name of Janos Hunyadi. The coin emissions of the ruler are supplemented by silver obols. His specimens, found in the Bulgarian lands, have been the topic of several of my studies. Therefore, now I will only mention the main conclusions I have reached so far. At present, the generally known specimens of the Polish and Hungarian ruler from Northeastern Bulgaria are 21. There are reports that in the area of Belovo — an area traditionally associated with the end of the "long campaign", specimens of the ruler (Hrischev 1998: 21—31) were also found. Unfortunately, we do not know neither their number nor their exact description. Coin emissions of Vladislav Varnenchik were found only in these two regions of Bulgaria. However, their presence should not be considered part of the monetary circulation, it is a consequence of the ruler's crusades against the Turks. What are the arguments? First of all — their find-place. As I have already mentioned, these are two areas where battles were fought between the Crusaders and the Ottomans. It seems extremely illogical for the ruler's emissions to be present in Northeastern Bulgaria and to be absent in Northwestern — the border region between the Ottoman state and the Kingdom of Hungary at that time. Another confirmation of the above-mentioned assertion is that the specimens of Varnenchik were found only in places where the crusader army had passed, both on its way to Varna and later following the retreat route. In most cases, at the same places, other archeological materials were also found — weapons and equipment, also associated with the Crusaders[5].

After the battle of Varna on 10th November 1444 and the absence of Vladislav's dead body, rumors began to spread in Europe that the king had survived. An interregnum period followed in the Kingdom of Poland and his brother Casimir ascended the Polish throne only three years later. In 1447 he was crowned Polish king and remained in history as Casimir IV Jagiełłon (1447—1492). He managed to solve the problems of the country and perhaps one of his greatest successes was the joint victory together with the Prussian Confederation over the Teutonic Order in the 13-year war (1454—1466), thanks to which the Polish-Lithuanian state significantly expanded its territory and gained control over some important cities such as Gdansk, Torun and Elbląg[6]. The coin emissions which Casimir minted as Grand Duke of Lithuania are of only one type — penny (Ivanauskas, Douchis 1999: 33), while the coins, product of the Kingdom of Poland, are divided into: half groschens, denarii, shillings and bracteate-denarii (Frynas 2015: 257—259). One half groschen of the ruler, minted in Poland, was found in the region nearby the city of Burgas, and another one originated from the region of Dobrich.

[4] The connection between King Vladislav II Jagiełło and the Bulgarians can be sought in another aspect as well. At Easter in May 1418 the Bulgarian Gregory Tsamblak, as Metropolitan of Kiev, on his return from the Council of Constance visited the Polish court and received a warm welcome in Wawel Royal castle and in the evening of 18th May he headed for Miechów to meet the king who was there at the time. See: Gyuzelev 2014: 29.

[5] For detailed information about the coin emissions of Vladislav Varnenchik from the Bulgarian lands see: Mitev 2014: 201—208; 2019: 101—113; 2020: 165—171.

[6] For detailed information about the reign of Casimir Jagiellon see: Biskup, Górski 1987.

After Casimir's death, the Polish throne was ascended by his son John I Albert (1492—1501). In the course of the organized anti-Turkish campaign, the ruler invaded Moldova but was defeated in the battle of the Cosmin Forest, an event which gave birth to the expression: "Za króla Olbrachta wyginęła szlachta". During his reign, the Polish parliamentary monarchy began. He minted half groschens (Frynas 2015: 260). A coin of this ruler was donated to the Park Museum of Military Friendship. According to the donor it was found in the region of Varna[7].

Alexander Jagiellon (1501—1506) was the brother of John I Albert and took the throne after his death. He launched a military campaign against Muscovite Russia which ended with the occupation of part of Lithuania by the Muscovites. During his short reign, in 1505, the act "nihil novi" was adopted, which gave great rights to the Polish nobles and actually turned them into a control body of royal decisions[8]. As king of Poland he minted florins, half groschens and denarii (Frynas 2015: 260), and as a Lithuanian prince — pennies, groschens and half groschens (Ivanauskas, Douchis 1999: 37—42). It has to be said that despite the shorter reign compared to the one of his predecessor, Alexander carried out a more complex process of coinage. One half groschen of the ruler, minted in the Grand Duchy of Lithuania, was found in the region nearby the city of Burgas. This coin and a previous one of Casimir Jagiellon found in the same region which I already mentioned were published together and according to the first publisher, "There is a possibility these coins to be the earliest ones of these two countries discovered so far on the territory of modern Bulgaria" (Vasilev 2018: 94—96). I have already commented on earlier coin emissions of Poland, found in Bulgaria, and I cannot agree with the author's opinion.

In 1506 Sigismund I the Old became Grand Duke of Lithuania and was officially crowned king of Poland in January 1507. He managed to organize the so-called general defense — small, voluntary detachments of the army, protecting Poland from Tatar invasions. Among the greatest achievements of Sigismund I can be mentioned the annexation of the rest of Mazovia by the Crown in 1526 and the reconstruction of the Wawel Castle according to the canons of the Renaissance style (Rutkowski 1978). Under the reign of this ruler a considerable variety of denominations were minted — denarii, groschens and their subdivisions, troikas, shostaks, thalers, ducats (Kopicki 1995: 42—44), as well as Lithuanian ones — pennies, groschens and half groschens (Ivanauskas, Douchis 1999: 47—84). Coin emissions of Sigismund the Old are present in the Bulgarian lands (Haritonov 2004: 171—180; Penchev 2014: 109—150) as well. However, they are not among the relatively common foreign coin emissions among the single finds from the 16th century (fig. 1).

Sigismund II Augustus was the last representative of the Jagiellonian dynasty who reigned in the period 1548—1572. He is remembered in Polish-Lithuanian history for signing the Union of Lublin in 1569, an act which created a single state, the Polish—Lithuanian Commonwealth, named Rzeczpospolita, which lasted until 1795[9]. Sigismund II minted Polish coin emissions — denarii, groschens, szelags, troikas, ducats, półtalars, talars, etc. (Kopicki 1995: 318, 327—330), as well as Lithuanian ones — pennies and their subdivisions (Ivanauskas, Douchis 1999: 85—145), groshens and their variations, thalers and ducats with their subdivisions. Coin emissions of this ruler are also present in Bulgaria (Penchev 2014: 109—150) and despite the slight increase in their number they are not common as single finds.

The tradition of the Hungarian throne to be ascended by a representative of the Jagiellonian dynasty, established by Vladislav Varnenchik, was continued by his nephew Vladislav — son of Casimir Jagiełłon, who in 1471 became king of Bohemia, and from 1490 to 1516 was king of Hungary and Croatia under the name Ulaslo II. Thus, at the end of the 15th century and the beginning of the 16th century, the sons of Casimir Jagiełłon ruled a large part of Central Europe and that's why this period of time can rightly be considered "Jagiellonian Europe". Under the reign of this ruler the real power laid with the royal council, his foreign policy was marked mainly by the wars with Turkey, with the result that the Ottomans managed to take control over some of the border areas between the two countries

[7] Unpublished specimen. The coin is registered under inv. № 38 in Collection 3.
[8] For detailed information about the reign of John I Albert and Alexander Jagiellon see: Czerny 1871.
[9] About the reign of Sigismund II Augustus see: Cynarski 1988.

(Kontler 2009: 141). During his reign Ulaslo II minted a large number of coins of different denominations — gold guilders in their different variations, silver denarii, groschens and obols and their subdivisions, guilders, as well as gold and silver test coin emissions (Huszar 1979: 115—127). A silver coin of this ruler was discovered during archaeological excavations at the Nikopol Fortress in 1977, headed by Ekaterina Manova, and is currently kept in the collection of the Regional Museum of History — Pleven under inv. № 1664[10].

Louis II (1516—1526) was the last representative of the Jagiellonian dynasty on the Hungarian throne. He ascended the throne when he was only 10 years old after the death of his father and the real power was practically in the hands of the magnates, who were at war with each other at the time. He died in the battle of Mohács on 29th August 1526, fighting against the army of Suleiman the Magnificent, and from that date onwards a part of Hungary fell under Ottoman rule for a long time (Kontler 2009: 146). Louis II minted various coin emissions — gold guilders, denarii, obols, groschens, gold and silver test coins. Two specimens, struck by Louis II, are kept in the collection of the Museum of History "Iskra" — Kazanlak. The first one is a gold guilder of the ruler, struck in Kremnica mint in 1517 (Krastev 2015a: 130—134) and the other one is a silver denarius, also struck in Kremnica mint in 1526[11].

Based on the review of the single coin finds discovered in Bulgaria so far, the following conclusion can be made. The coins of the rulers of the Jagiellonian dynasty are single specimens, sporadically found in the Bulgarian lands. The coins of Vladislav Varnenchik are the exception to this rule but there is a logical explanation for their greater number, which I already commented on — namely the crusades against the Turks in 1443 and 1444. The small number of specimens from that time in the Ottoman state is quite normal. 15th century was a time of political strife and numerous wars between the Turks and the Balkan and European armies (mostly Hungarian-Wallachian). The Bulgarian lands were precisely in the center of these events. Trade with European countries was reduced to a minimum so the most common foreign coins of this period were the ones of the nearby countries of Byzantium, Wallachia and Moldova[12]. Almost the same trend continued in the first half of the 16th century but gradually the turbulent times subsided and trade began to develop rapidly as evidenced by the mass discovery of coin emissions of Polish-Lithuanian rulers from the second half of the 16th century — Stephen Báthory (1576—1586) and Sigismund III Vasa (1587—1632)[13]. The Dubrovnik colonies established in the country at the end of the 15th century, as well as the activities of the Jewish population, played a significant role in achieving economic growth. It is these two communities that are the basis for the revival of trade and crafts in the following centuries.

What is the situation with the Jagiellonian coins found in hoards in Bulgaria? Silver European coins were found as part of a coin hoard in the region of Vidin. The find was purchased by Dr. Panayotov in 1948 and later 38 specimens were donated by him to the Archaeological Museum in Sofia. The coins were hidden in the early 18th century and among them there were Hungarian specimens of Vladislav II — 25 pieces, of which 9 were minted in 1508, 7 in 1511—1512 and 9 were undated, and 4 pieces of Louis II, one minted in 1516, another — in 1520, and two of the coins had holes (Gerasimov 1950: 323; Haritonov 1998: 259; Teodosiev 2017: 166). There are several ambiguities about this find and its researchers provided different information on the total number of coins in it. N. Teodosiev first mentioned that 262 coins were bought by Dr. Panayotov and later wrote that 274 coins were described, while Haritonov

[10] I'd like to express my gratitude to Venko Ivanov — an archaeologist at the Regional Museum of History — Pleven for providing me with the necessary information.

[11] Unpublished specimen. The coin was registered in Inv. book 1 for coins on 16th February 1960. I express my gratitude to Assoc. Prof. Krasimir Krastev at the University of Shumen for providing me with the necessary information.

[12] Of course, other coin emissions circulated in the Bulgarian lands at that time as well, such as the Serbian, the ones issued and used in the Republic of Ragusa (Dubrovnik), Venetian, etc., but they are all single specimens. Hungarian coin emissions have risen in number since the reign of Habsburg ruler Ferdinand I.

[13] For information about the distribution of the coin emissions of the two rulers in the Bulgarian lands, see the extensive research Krastev 2015b: 161—169 and the bibliography cited there in.

mentioned 277[14]. It is no big deal for us, what really matters in this case is that Jagiellonian coins were registered as part of that coin hoard. In 1933, 91 coins were found in the area of the town of Samokov. All of them were from the 16th and 17th centuries. Among them there were one coin of Louis II and 8 of Sigismund I (1506—1548) (Gerasimov 1934: 467—468; Haritonov 1998: 302; Teodosiev 2017: 493) In 2015 at an excavation site in Independence Square in Sofia, under the brick floor of one of the discovered late medieval chambers, archeologists discovered a ceramic jar containing 9 silver coins, one of which was a denarius of King Louis II (Teodosiev 2017: 500). In March 1925 near the brick factory of Iskrenov and Co and the road from Vidin to Kapitanovtsi workers from the factory found 248 groschens of the Bulgarian Tsar Ivan Sratsimir and several groschens of the Polish King Sigismund. In Nikola Mushmov's primary publication there was no information on who exactly this ruler was? (Mushmov 1926—1927: 322). Diverse opinions were shared in the later studies. According to Haritonov, this was Sigismund III Vase (Haritonov 1998: 258) and according to Lazarov and Teodosiev — Sigismund I (Lazarov 1992: 47; Teodosiev 2017: 157) In April 1909 during the construction of a road near the village of Vrabnitsa (Sofia region), 65 silver coins were discovered — 24 coins of the Polish kings Sigismund II and Sigismund III were among them (Teodosiev 2017: 481) In 1961 while playing in a yard in Gabrovo several children found a metal box with small silver coins from the 16th — 17th centuries. One of them belonged to Sigismund II Augustus (Gerasimov 1963: 262; Haritonov 1998: 262—263; Teodosiev 2017: 202) In the early 80s of the 20th century in the area "Timin dol", near the village of Dragovishtitsa, region of Kyustendil, a mixed collective find was discovered. Initially, the Museum of History in Kyustendil received 16 coins and later 35 more. One specimen was minted by Sigismund I (Teodosiev 2017: 242). A large treasure was found on the land of the village of Dabravino, Varna region. It contained a total of 1451 coins, of which 571 were European coin emissions and 880 were Turkish. Among the European specimens a coin of 6 groschen of Sigismund II was registered, minted in 1567 for Lithuania (Mirchev 1970: 203—217; Haritonov 1998: 269; Teodosiev 2017: 78—79). On 11th September 1927 while digging ground for the foundations of his house in Lom, Stefan Marinov found a pot of silver coins, a pair of silver earrings, a whole and a broken silver bracelet. The coins numbered 299—288 European and 11 Turkish. Groshens of Sigismund I, minted in 1526 for Poland and groschens of Sigismund II (Mushmov 1928—1929: 383; Haritonov 1998: 281; Teodosiev 2017: 283), minted in 1569 for Lithuania were among the European coins. In 1963 near the village of Peshakovo, Vidin region, 328 silver Turkish and European coins were discovered, along with fragments of silver jewelry. There were two cpecimens of Sigismund I (Gerasimov 1964: 243; Filipova, Shiderov 1990: 28—40; Haritonov 1998: 293—294; Teodosiev 2017: 173—174) among the coins. In 1921 the National Archaeological Museum in Sofia received a donation, which was discovered near the village of Kopilovtsi, Montana region. The find contained silver jewelry and silver European and Turkish coins from the 16th — 17th centuries. Among them there was one groschen, minted by Sigismund I for Lithuania, and two more 4 groschen coins, minted by Sigismund II in 1566—1568 (Tomova 2017: 287—292)

The analysis of the coin hoards found in the Bulgarian lands (fig. 2) shows a slightly different tendency compared to single finds, namely the following. There are no Polish and Lithuanian coins of the Jagiellonian rulers from the period — end of the 14th — the beginning of the 16th century. The specimens of Sigismund I and Sigismund II can be found in coin hoards. In his extensive research on the coins found in the Bulgarian lands in the 16th century, Nikola Robev concluded that the development of trade contacts with Poland during this period was evident from only one find (Robev 1996: 143) At the same time, the author had previously commented that there were two finds which indicated these trade relations (Robev 1996: 137) The presented review shows that there is more than one find in which coin emissions of the rulers are present. The Hungarian

[14] In addition, it is strange that both authors mention one specimen of Vladislav Varnenchik. In the primary publication of Todor Gerasimov, as well as in the first mention of Haritonov about the find (see Haritonov 1992: 174) such a coin was not mentioned. As this issue is debatable and it is not clear whether either of the two researchers have identified the coin and I have not had the opportunity to work personally with the find and use only the various publications, I question the existence of such a specimen and therefore do not mention it in this research.

specimens of Vladislav II and Louis II are also well represented among the other treasures of the Bulgarians during the centuries of Ottoman rule.

Jagiellonian coins are part of the variety of European coins which together with the Ottoman ones circulated freely on the markets in the Bulgarian lands in the 16th century. An interesting piece of information about the good reception of European thalers in the Ottoman state was left to us in 1574 by the Frenchman Pierre Lescolapier: “These thalers are usually distributed throughout Turkey, where there are fewer difficulties to show and more profit” (Tsvetkova 1975: 158) The value of European silver coins changed compared to the local Ottoman akçe (aspron). Various sources of information give us data that in the first half of the century the average European silver coin was between 35 and 37 akçes, while in the second half the value rose to about 100 pieces. Vladimir Penchev makes an interesting assumption about the value of the billon groschens of Sigismund I and Sigismund II in circulation in the Balkan regions of the Ottoman Empire during this period. According to him, forty such billon coins were equal to one silver thaler. Considering the fact that around the middle of the 16th century a thaler was approximately equal to 40 asprons within the Ottoman Empire, the author believes that one such billon groschen should have had the value of an aspron. During this period European silver coins in general had a relatively high purchase value and were valued by the population of the Ottoman state, as evidenced by the coin treasures of that time (Penchev 2014: 133, 137)

Specifically, for trade contacts with Poland, there are reports that in the second half of the 15th century, Armenian trading companies, which had imported Polish handicrafts for a long time, were replaced by Turkish ones. And the laws on port duties in the Danube cities mention that the people who traded with the countries of Central and Eastern Europe were Christians and Muslims. In the 15th — 16th century, information was found about the participation of Bulgarians as caravan carters transporting goods to Poland and Russia or as intermediaries of the people of Dubrovnik in the local markets (Georgieva, Genchev 1999: 152—153)

There is no doubt that the Jagiellonian coins from the end of the 14th — 16th centuries have entered the Bulgarian lands. Initially, they were less common, but in the following decades their number increased. Their entry may have taken place in different ways: the route of trade by land and sea, as booty, as a result of military campaigns between Europeans and Ottomans, etc. In any case, the above-mentioned coin emissions have their place in the circulation of foreign coins in the Ottoman state. Certainly in the future the coins of the Jagiellonian rulers will increase in number and will enrich the variety of coins related to the Ottoman period of the Bulgarian lands.

Catalogue of single coin finds found in the Bulgarian lands

Władysław II Jagiełło (1386—1434)

Half groschens

Obv. + MONE WLADISLAI
Crown.
Rev. + REGIS POLONIE
Eagle.

1. AR; Found in the region of Dobrich. Dimensions: Diameter 20—20.5 mm, Weights 1.50 g.
2. AR; Found during excavation work at the monastery complex “St. Demetrius”. Dimensions: Diameter 18 mm, Weight 0.50 g.

Unknown type

3. Discovered during archaeological work, conducted at the monastery “Great Lavra” in the old Bulgarian capital Veliko Tarnovo and was registered under inv. № 2954 in the collection of the Regional Museum of History in VelikoTarnovo.

Władysław III (1434—1444)

Gold guilder (florin)

Obv. Circular inscription: +WLADISLAVS D G R VnGARIE
In the middle there is a shield divided into four equal fields. The Hungarian coat of arms (horizontal lines) is presented in the upper left field, the Polish coat of arms — an eagle with outstretched wings and a head turned to the right is presented in the right upper field. A patriarchal cross and Vytis are presented in the lower right and left fields respectively.
Rev. Circular inscription: S LADISL AVS REX

St. Ladislav is erect, crowned and has a beard. There is a grainy circle around his head. He has a mantle on, holds a halberd in his right hand and the globus cruciger in his left.

4. AV; It was found by the Shkorpil brothers.

5. AV; The coin is kept in a private collection. According to the owner it was found in the region of Dobrich. The specimen is well-preserved. The coin is slightly chipped and has a hole in it which testifies to its use as jewelry in later times. Dimensions: Diameter 20—21 mm; Weight 3.5 g, Sibiu Mint. Mint Master — Jacob of Florence.

6. AV; Varna Regional Museum of History, inv. № V 69. Perfectly preserved specimen. It was found in Troshevska mahala (today's Troshevo neighbourhood). Dimensions: Diameter 18 mm; Weight 3.58 g, Sibiu Mint. Mint Master — Jacob of Florence (fig. 3: 1).

Denarius

Obv. A crown is presented in the center.
Rev. An eagle with outstretched wings.

7. AR; Park-Museum of Military Friendship — 1444, inv. № 4. The coin is a donation to the museum by Dr. Vladimir Ovcharov who bought it from a treasurer. According to him the specimen was found in Varna. Dimensions: Diameter 9—10 mm; Weight 0.33 g.

8. AR; Private collection. The coin is in relatively good condition. It was found in the region of the village of Padina, Municipality of Devnya. Dimensions: Diameter11—12 mm; Weight 0.3 g (fig. 3: 2).

Obv. M. WLADISLAI REGIS
Patriarchal cross with forked ends, letters between the arms.
Rev. The royal coats of arms of Hungary and Poland, symbolically connected in a crown.

9. AR; Vasil Haralanov Collection. The coin was found on the northern slope of Hisarlaka, on the road from the shack to the chalet, just before the first turn from top to bottom, to the right, 1964. Dimensions: Diameter 14—14 mm.

Obv. MONETA. WLADISLAI. DEI. GRA
An eagle with outstretched wings in full face, its head in profile, turned to the right.
Rev. REGIS. VNGARIE ETA ETERENA
Heraldic shield, divided into two parts, a cross in one of them. On top of the shield — a royal crown.

10. AR; Private collection. It was found in Fisek — 2001. Dimensions: Diameter 17—18 mm; Weight 1 g.

Obv. MONETA WLADISLAI DEIGR
An eagle with outstretched wings in full face, its head in profile, turned to the right.
Rev. + REGIS VNGARIE ET CETER
Heraldic shield, divided into two parts, a cross in one of them.

11. AR; Park-Museum of Military Friendship — 1444, inv. № 8. It was found in the vineyards above the town of Aksakovo. A well-preserved specimen. The images and inscriptions on both sides are visible. Dimensions: Diameter 17—18 mm; Weight 0.96 g.

12. AR; Park-Museum of Military Friendship — 1444, inv. № 9. It was found in the vineyards above the town of Aksakovo. The specimen is not well-preserved, parts of the inscriptions have been deleted. A blow has left visible traces on the obverse which was most likely struck by the pickaxe of the finder. Dimensions: Diameter 18—19 mm; Weight 0.91 g.

13. AR; Private collection. It was found in the vineyards above the town of Aksakovo. The specimen is poorly-preserved. Slightly cracked. Dimensions: Diameter 18—19 mm; Weight 0.8 g.

14. AR; Dimensions: Diameter 17—19 mm; Weight 0.94 g. The coin is not well-preserved and that‘s why some of the inscriptions on the obverse and the reverse are not visible. Traces of another inscription can be seen on the periphery of the core which most likely indicates that the specimen was reprinted. According to the information available, the coin was found near the fortress of Mihalich, 400 m below Aksakovska panorama.

Obv. + MONETA. WLADISLAI. DEI. GRA
An eagle with outstretched wings in full face, its head in profile, turned to the right.
Rev. REGIS. VNGARIE ETAETERENA
Heraldic shield, divided into two parts, a cross in one of them.

15. AR; Varna Regional Museum of History, inv. № V 326. It was found in the region of Kavarna Dimensions: Diameter 14—15 mm; Weight 0.78 g.

16. AR; Varna Regional Museum of History, inv. № V 2048. Unknown location, most likely it was found in the battle of Varna area. Dimensions: Diameter 14—15 mm; Weight 1.3 g.

Obv. + MONETA. WLADISLAI. DEI. GRA
An eagle with outstretched wings in full face, its head in profile, turned to the right.
Rev. SLADISLAV REX
The ruler is erect, has a beard, a crown and a mantle on. He holds a halberd in his right hand and the globus cruciger in his left.

17. AR; Shumen Regional Museum of History, inv. № 13181. It was found during archeological excavations at the Shumen fortress in 1970, in a residential complex in sector South. Dimensions: Diameter 13—14 mm; Weight 0.7 g.

18. AR; Shumen Regional Museum of History, inv. № 13164. The coin originates from the Shumen fortress, it was found in the Eastern wall of Hisarlaka in 1925. Dimensions: Diameter 14—15 mm; Weight 0.5 g.

Obv. M. WLADIS-LAI. REGIS
Two-barred cross with two illegible letters between its arms.
Coats of arms of Poland, Hungary and Lithuania. In the middle “M”.

19. AR; The specimen is kept in a private collection. The coin originates from the region of Varna. The specimen is not in good condition, most of the inscription on the obverse has been deleted.

Obv. M. WLADISLAI REGIS
Rev. The coats of arms of Poland, Lithuania and Hungary are presented in a field alternating with arcs and sharp peaks. There is a cross in the middle.

20. Bill.; Museum of history- Silistra, inv. № 7974. It was found during archeological excavations in Silistra in 1993 on the border of quadrant D10 — D11, 0.5 m south of the south wall of a dwelling. Dimensions: Diameter 10—11 mm; Weight 0.7 g. The coin is slightly corroded.

Coins of unknown type

21. It was found during excavations at Dzhenni Bair, Balchik. The type of the denarius is not specified.

22. It was discovered during archeological excavations at the Petrich fortress in the southeastern part of the plateau.

23. The coin was seen by Ivan Yordanov.

24. It was found during archeological excavations in church № 2 in Kaliakra in 2010—2011. Dimensions: Diameter 12 mm; Weight 0.53 g.

Casimir IV Jagiellon (1447—1492)

Half groschens

Obv. + MONETA KAZIMIRI
Crowned eagle.
Rev. +REGIS POLONIE
Crown.

25. AR; Found in the region nearby the city of Burgas. Dimensions: Diameter 18 mm; Weight 1.13 g. The specimen is poorly-preserved.

26. AR; Found in the region of Dobrich. Dimensions: Diameter 19—20 mm; Weight 0.60 g. The coin is chipped.

John I Albert (1492—1501)

Half Groschen

Obv. Circular inscription: +REGIS PIOLONIE. A crown in the center.
Rev. Circular inscription: MONETA I ALBERTI. An eagle in the center.

27. AR; Park-Museum of Military Friendship — 1444, inv. № 38. Dimensions: Diameter 16, 5—17.5 mm; Weight 1.00 g. Found in the region of Varna (fig. 3: 3).

Alexander Jagiellon (1501—1506)

Half Groschens

Obv. MON ALEXANDRI
Vytis.
Rev. MAGNI DVC LITVANIE
Crowned eagle.

28. AR; Found in the region nearby the city of Burgas. Dimensions: Diameter 17—18 mm; Weight 1.15 g. The specimen is poorly-preserved.

Sigismund I (1506—1548)

Groschens

1510

Obv. + MONETA SIGISMVNDI 1510
Vytis.
Rev. + MAGNI DVCIS LITVANIE
Crowned eagle.

29. Bill.; National Museum of History, inv. № 6611. Dimensions: Diameter 20 mm; Weight 1.22 g.

30. AR; the coin was found during archaeological excavations in 1993—1995 at the necropolis of "Holy Archangels Michael and Gabriel" church in Arbanasi, in grave No. 13. Unfortunately, there is no photo of the coin, and the type of groschen is not described. The only thing that is mentioned is the Polish origin of the specimen. The coin is perforated and was used as Charon's obol.

3 Groschen

1538

Obv. SIGIS I REX POLO DO TO PRVS
Crowned bust of the king, to the right.
Rev. A fiveline inscription: III/GROS AR/TRIP CIVI/GEDANEN/15/38.
At the bottom a small shield with a coat of arms.

31. AR; National Museum of History, inv. № 3116. Dimensions: Diameter 20 mm; Weight 2.34 g.

Sigismund II Augustus (1544—1572)

Groschens

1556

Obv. SIGIS AVG REX PO MAG DVX LI
An eagle with outstretched wings.
Rev. MONETA MAGNI DVCAT LITVA/1556
Vytis.

32. Bill.; National Museum of History, inv. № 8294. Dimensions: Diameter 20 mm; Weight 1.24 g.

1562

Obv. Same as above.
Rev. Same as above, but with the year 1562.

33. Bill.; National Museum of History, inv. № 6613. Dimensions: Diameter 20 mm; Weight 1.13 g.

1565

Obv. Same as above.
Rev. Same as above, but with the year 1565.

34. Bill.; National Museum of History, inv. № 8295. Dimensions: Diameter 20 mm; Weight 0.96 g.

3 Groschen

1547

Obv. SIGIS AVG REX PO M D LI
Crowned bust of the king, to the right.
Rev. A fiveline inscription: III/GROSS AR/TRIPL MAG/DVCA LITVA/15/47.
Below the inscription — Vytis.

35. AR; National Museum of History, inv. № 6612. Dimensions: Diameter 21 mm; Weight 2.55 g.

Ulaslo II (1490—1516)

Denarius

Obv. M WLADIS…VNGARIE
Fourfold coat of arms: Hungarian Árpád stripes, Hungarian double cross, Dalmatian leopard heads, Bohemian lion; in center (but, no shield) Polish Jagellon eagle; in inner circle.
Rev. PA…VNGARI
The Madonna on a throne holding the Child.

36. AR; Regional Museum of History — Pleven, inv. № 1664. Discovered during archaeological excavations at the Nikopol Fortress in 1977. The specimen is chipped and not well- preserved.

Louis II (1516—1526)

Gold guilders

1517

Obv. LVDOVICVS D-G R VNGARIE
The Madonna, long haired, a crown and a veil on her head, sitting on a throne, holding the Child in her right hand, who is sitting on her right knee. Below the image — an eagle.

Rev. S LADISLAVS REX 1517
Saint Laszlo, long haired, standing erect, has a beard and mustaches, wearing a suit of armour and a crown on his head. He holds a halberd in his right hand and the globus cruciger in his left. K and G on either side.

37. AV; Museum of History “Iskra” — Kazanlak, inv. № 3966. Dimensions: Diameter 21.6—21.9 mm; Weight 3.55 g. The coin was minted in Kormochbanya (Kremnitz) (fig. 3: 4).

Denarius

1526

Obv. LVDO…VNGAR 1526
Fourfold coat of arms: Hungarian Árpád stripes, Hungarian double cross, Dalmatian leopard heads, Bohemian lion; in center chest shield Polish Jagellon eagle, in inner pearl circle.
Rev. …ONA VNGA…
The Madonna on a throne holding the child.

38. AR; Museum of History “Iskra” — Kazanlak, inv. № 57. Dimensions: Diameter 15.1—15,3 mm; Weight 0.41 g. The coin was minted in Kormochbanya (Kremnitz). The specimen is chipped (fig. 3: 5).

References

Biskup, M., Górski, K. 1987. *Kazimierz Jagiellończyk. Zbiór studiów o Polsce drugiej połowy XV wieku*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Cynarski, S. 1988. *Zygmunt August (Sigismund Augustus)*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Czerny, F. 1871. *Panowanie Jana Olbrachta i Aleksandra Jagiellończyków (1492—1506)*. Kraków: "Czasu" W. Kirchmayer.

Frynas, J. G. 2015. *Medieval Coins of Bohemia, Hungary and Poland*. London: Spink.

Gąsiorowski, A. 2015. *Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386—1434*. Warszawa: Instytut Historii PAN.

Huszar, L. 1979. *Münzkatalog Ungarn: von 1000 bis heute*. München: Battenberg Verlag.

Ivanauskas, E., Douchis, R. J. 1999. *Coins of Lithuania 1386—1707*. Vilnius; Columbia: Savastis.

Kopicki, E. 1995. *Ilustrowany Skorowidz Pieniędzy Polskich i z Polską Związanych*. Warszawa: Polskie Towarzystwo Numizmatyczne.

Krzyżaniakowa, J., Ochmański, J. 1990. *Władysław II Jagiełło*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Mitev, N. 2019. The coins of Sigismund of Luxemburg (1387—1437) and Vladislav Varnenchik (1434—1444) from Northeastern Bulgaria. In: Zając, B., Koczwara, P., Jellonek, S. (eds.). *Conference Proceedings of the 4th International Numismatic and Economic Conference "Pecunia Omnes Vincit", Krakow 12-13 may 2017*, Krakow: Jagiellonian University, 101—113.

Rutkowski, H. 1978. *Poczet królów i książąt polskich: Zygmunt I Stary*. Warszawa: Czytelnik.

Vasilev, L. 2018. Dva srebarni polugrosha na Polsha i Velikoto Litovsko knyazhestvo ot XV — nach. na XVI v. ot rayona na grad Burgas. *Pametnitsi, restavratsia, muzei (Monuments, restoration, museum)* 1—2, 94—96 (in Bulgarian).

Georgieva, Ts., Genchev, N. 1999. *Istoria na Bulgaria XV—XIX vek (History of Bulgaria XV—XIX century)*. Sofia: Anubis (in Bulgarian).

Gerasimov, T. 1934. Kolektivni nahodki na moneti prez 1933 i 1934 g. (Collective finds of coins in 1933 and 1934). *Izvestia na Balgarskia arheologicheski institut (Notices of the Bulgarian Archaeological Institute)* VIII, 467—473 (in Bulgarian).

Gerasimov, T. 1950. Kolektivni nahodki na moneti (Collective finds of coins). *Izvestia na arheologicheskia institut (Notices of the Bulgarian Archaeological Institute)* XVII, 316—326 (in Bulgarian).

Gerasimov, T. 1963. Sakrovishta ot moneti, namereni prez 1960 i 1961 g. (Hoards of coins found in 1960 and 1961). *Izvestia na Arheologicheskia institut (Notices of the Bulgarian Archaeological Institute)* XXVI, 257—270 (in Bulgarian).

Gerasimov, T. 1964. Monetni sakrovishta, namereni v Bulgaria prez 1962 i 1963 g. (Coin treasures found in Bulgaria in 1962 and 1963). *Izvestia na Arheologicheskia institut (Notices of the Bulgarian Archaeological Institute)* XXVII, 237—24 (in Bulgarian).

Gyuzelev, V. 2014. *"Byah v tri strani, koito i trite se kazvat Bulgaria". Geografsko-patepisni sachinenia za Bulgaria i balgarite ot XV vek ("I have been to three countries, all three of which are called Bulgaria". Geographical and travel writings about Bulgaria and the Bulgarians from the 15th century)*. Plovdiv: Balgarsko istorichesko nasledstvo (in Bulgarian).

Dochev, K. 2004 Monetite ot manastira "Velikata lavra", "Sv. 40 machenitsi" vav Veliko Tarnovo (The coins from the "Great Lavra" monastery, "St. 40 martyrs" in Veliko Tarnovo). In: Totev, K., Robov, M., Aleksandrov, I. (eds.). *Srednovekovno Tarnovo. Arheologicheski prouchvania. Yubileen sbornik (Medieval Tarnovo. Archaeological research. Jubilee collection)*. Veliko Tarnovo: Abagar, 144—198 (in Bulgarian).

Dochev, K. 2005. Monetite ot tsarkvata i manastira "Sv. Dimitar" vav Veliko Tarnovo. In: Nikolova, Ya., Robov, M. (eds.). *Hramat na parvite Asenevtsi (The temple of the first Asene people).* Veliko Tarnovo: Abagar, 184—207 (in Bulgarian).

Kontler, L. 2009. *Istoria na Ungaria. Hilyada godini v Tsentralna Evropa (History of Hungary. A thousand years in Central Europe)*. Sofia: Riva (in Bulgarian).

Krastev, K. 2015a. Zlaten gulden na poslednia ungarski kral Layosh II, otsechen prez 1517 g. ot fonda na IM "Iskra" Kazanlak. *Zhurnal za istoricheski i arkheologicheski izsledvaniya (Journal of Historical and Archaeological Research)* 1—2, 130—134 (in Bulgarian).

Krastev, K. 2015b. *Politicheski i ikonomicheski aspekti na krizata v Osmanskata imperia v perioda 1585—1648 g. (po numizmatichni danni) (Political and Economic Aspects of the Crisis in the Ottoman Empire, 1585–1648 (Based on Numismatic Data)*. Shumen: Universitetsko izdatelstvo "Episkop Konstantin Preslavski" (in Bulgarian).

Lazarov, L. 1992. Pogled varhu monetnata tsirkulatsia v dneshnite balgarski zemi prez XV vek (spored dannite na kolektivnite nahodki) (A look at the coin circulation in today's Bulgarian lands in the 15th century (according to the data of collective finds)). *Numizmatika i sfragistika (Numismatics and sphragistics)* 1—2, 33—52 (in Bulgarian).

Mirchev, M. 1970. Edno sakrovishte ot srednovekovni moneti (A treasure trove of medieval coins). *Izvestiya na Narodniya muzei — Varna (News of the National Museum — Varna)* 6, 203—217 (in Bulgarian).

Mitev, N. 2014. Monetite na Vladislav Varnenchik (1434—1444) ot Severoiztochna Bulgaria (Coins of Vladislav Varnenchik (1434—1444) from North-Eastern Bulgaria). *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, sphragistics and epigraphy)* 10, 201—208 (in Bulgarian).

Mitev, N. 2020. *Krastonosnite pohodi na Vladislav Varnenchik ot 1443—1444 godina (po pismeni i arheologicheski danni) (The Crusades of Vladislav Varnenchik from 1443—1444 (according to written and archaeological data))*. Shumen: Universitetsko izdatelstvo "Episkop Konstantin Preslavski" (in Bulgarian).

Mushmov, N. 1926—1927. Kolektivni nahodki na moneti prez 1925—1926 g. (Collective finds of coins in 1925-1926.). *Izvestia na Balgarskia arheologicheski institut (Notices of the Bulgarian Archaeological Institute)* IV, 321—326 (in Bulgarian).

Mushmov, N. 1928—1929. Kolektivni nahodki na moneti prez 1927—28 g. (Collective finds of coins in 1927-28.). *Izvestia na Balgarskia arheologicheski institut (Notices of the Bulgarian Archaeological Institute)* 5, 382—385 (in Bulgarian).

Parushev, V. 2015. Novonamereni srednovekovni moneti ot Yuzhna Dobrudzha (VII—XV v.) (Newly found medieval coins from Southern Dobrudja (7th — 15th centuries)). *Dobrudzha (Dobruja)* 30, 107—148 (in Bulgarian).

Penchev, V. 2014. Srebarni evropeyski moneti ot XVI, XVII i nachaloto na XVIII v., ot fonda na NIM — Sofia (Silver European coins from the 16th, 17th and the beginning of the 18th century, from the collection of the NIM — Sofia). *Izvestia na Natsionalnia istoricheski muzey — Sofia (News of the National History Museum — Sofia)* XXVI, 109—150 (in Bulgarian).

Petrakiev, I. 2021. Targovski vrazki na Tarnovskata kaza s evropeyskite strani prez HV — HVIII v. (po numizmatichni danni) (Trade relations of the Tarnovska Kaza with European countries in the 15th — 18th centuries (according to numismatic data)). *Izvestia na Natsionalnia istoricheski muzey (News of the National History Museum)* XXIII, 340—370 (in Bulgarian).

Robev, N. 1996. Monetite v balgarskite zemi prez XVI vek (The coins in the Bulgarian lands in the 16th century). In: Hristova, B. (ed.). *Balgarskiyat shestnadeseti vek (The Bulgarian sixteenth century)*. Sofia: Narodna biblioteka "Kiril i Metodii", 127—148 (in Bulgarian).

Teodosiev, N. 2017. *Opis na kolektivnite monetni nahodki ot Bulgaria (Inventory of collective coin finds from Bulgaria)*. Vol. II. Sofia: Nikolai Teodosiev (in Bulgarian).

Filipova, F., Shiderov, P. 1990. Sakrovishte ot zapadnoevropeyski i turski srebarni moneti ot s. Peshakovo, Vidinsko, ot XV — XIX vek (A treasure trove of Western European and Turkish silver coins from the village of Peshakovo, Vidin, from the 15th — 19th centuries). *Numizmatika (Numismatics)* 4, 28—40 (in Bulgarian).

Tomova, B. 2017. Zapadnoevropeyski moneti ot sakrovishteto s. Kopilovtsi, Montansko (Western European coins from the treasure of the village of Kopilovtsi, Montansko). *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, sphragistics and epigraphy)* 13, 287—292 (in Bulgarian).

Haritonov, H. 1992. Klasifikatsia na nahodkite ot moneti, izpolzuvani s vtorichna funktsia prez XV — XVIII vek na teritoriyata na dneshna Severna Bulgaria (Classification of finds of coins used with a secondary function in the 15th — 18th centuries on the territory of today's Northern Bulgaria). *Izvestia na Istoricheskia muzey Veliko Tarnovo (News of the Veliko Tarnovo Historical Museum)* VII, 171—192 (in Bulgarian).

Haritonov, H. 1998. *Monetite na Evropa v Bulgaria XV—XVIII vek (Coins of Europe in Bulgaria 15th — 18th century)*. Veliko Tarnovo: Abagar (in Bulgarian).

Haritonov, H. 2004. Monetite i zhetonite ot nekropola na tsarkvata "Sv. Arh. Mihail i Gavrail" v Arbanasi (The coins and tokens from the necropolis of the church "St. Arch. Michael and Gabriel" in Arbanasi). *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, sphragistics and epigraphy)* 1, 171—180 (in Bulgarian).

Hrischev, A. 1998. Posleden etap ot Dalgia pohod sreshtu turtsite — 1443 g. (Last stage of the Long Campaign against the Turks — 1443.). In: Hrischev, A. (ed.). *555 godini ot Dalgia pohod (1443—1444 g.). Materiali ot chestvaneto, Belovo (555 years since the Long March (1443—1444). Materials from the celebration, Belovo)*. Pazardzhik: Belloprint, 21—31 (in Bulgarian).

Tsvetkova, B. 1975. *Frenski patepisi za Balkanite (XV—XVIII v.) (French travelogues for the Balkans (15th — 18th centuries))*. Sofia: Nauka i izkustvo (in Bulgarian).

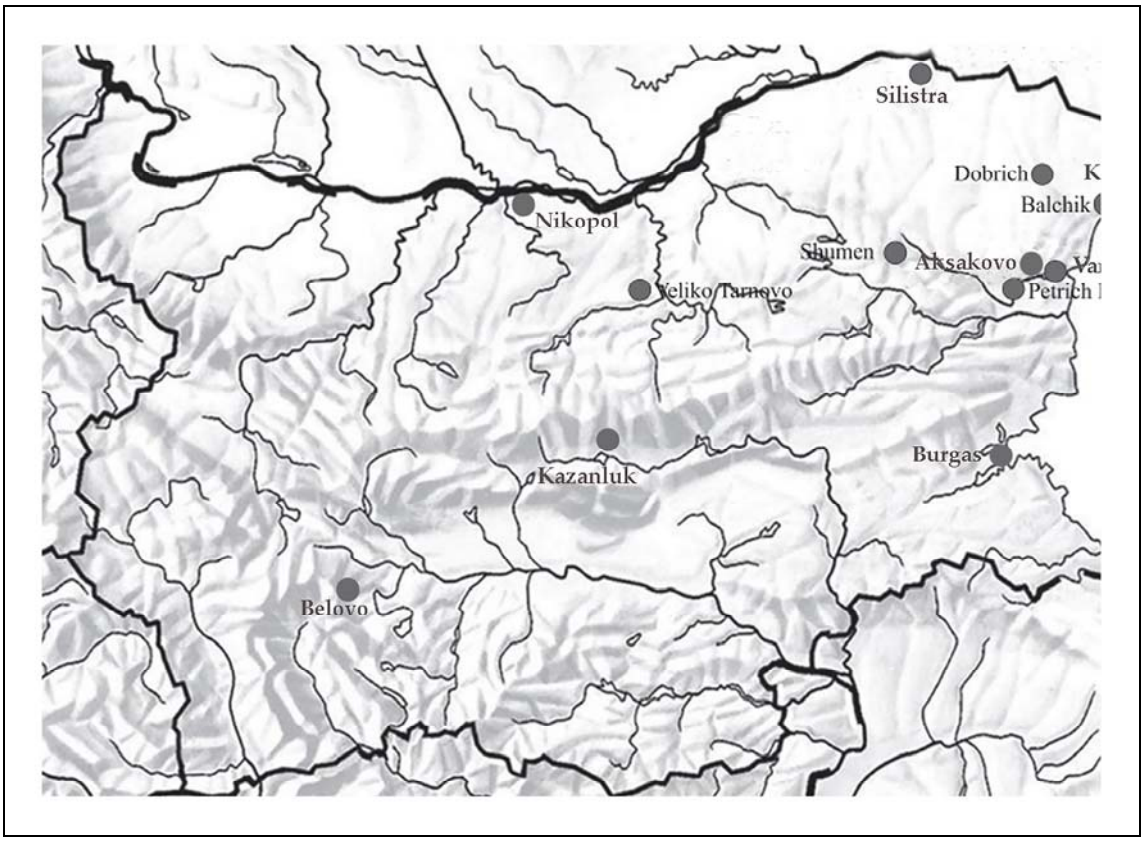


Fig. 1. Single finds of Jagiellonian coins from the Bulgarian lands.

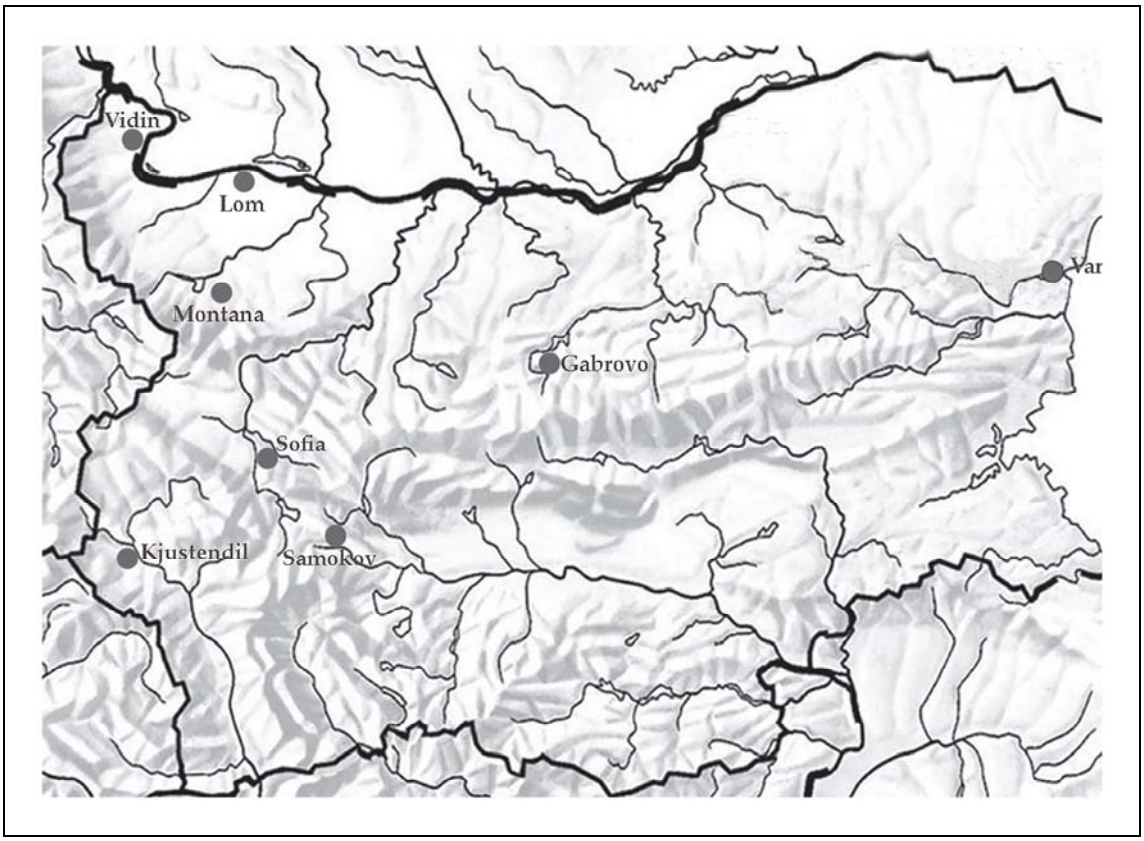


Fig. 2. Jagiellonian coins, part of coin hoards found in the Bulgarian lands.

Fig. 3. Jagiellonian coins from the Bulgarian lands: *1* — gold guilder (florin) of Władysław III (1434—1444). Cat. № 6; *2* — Polish denarius of Władysław III (1434—1444). Cat. № 8; *3* — half groschen of John I Albert (1492—1501). Cat. № 27; *4* — gold guilder of Louis II (1516—1526). Cat. № 37; *5* — denarius of Louis II (1516—1526). Cat. № 38.

Искусствоведение

Art history

DOI: 10.53737/3051.2023.74.84.037

Galiya Bazarbayeva, Gulnara Jumabekova

THE IMAGE OF ANTELOPE (SAIGA) IN THE EARLY IRON AGE ART OF KAZAKHSTAN*

Dedicated to the memory of Mir Kadyrbayev (1932—1982)

The aim of the study was to analyze images of antelope, specifically *Saiga tatarica*, among Early Iron Age artworks in Kazakhstan. The research is based on archaeological record from the so-called 'Zhalauly hoard', as well as from Taldy-2, Tasmola-5, Baike-2, Tagisken, and Issyk barrows to mention but a few. Antelope-shaped motifs appear on artifacts such as headdress, belt, bone case, weapons, and horse harness. It is Saryarka, the most spacious region of Kazakhstan, which provides the biggest sample of antelope representations. The widespread occurrence of saiga images lasted from the 8th to 5th century BCE, with some cases, like Issyk and Tasaryk, dating back to the 4th century BCE.

Key words: archaeology, Kazakhstan, Early Iron Age, art, antelope, saiga.

About the authors: Bazarbayeva Galiya[1], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology; Jumabekova Gulnara[2], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: [1,2]050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyq Av., Margulan Institute of Archaeology; e-mail: [1]galiya2002@gmail.com; [2]gdzhuma@mail.ru.

Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова

ОБРАЗ АНТИЛОПЫ (САЙГАКА) В ИСКУССТВЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА

Целью исследования явился анализ образа антилопы (в частности, сайгака) в искусстве РЖВ Казахстана. Привлечены данные из т.н. «Жалаулинского клада», курганных могильников Талды-2, Тасмола-5, Байке-2, Тагискен, кургана Иссык и др. Образ антилопы использовался в декоре костюма (головного убора, пояса), оружия, ёмкостей, конского снаряжения. Большинство анализируемых изображений происходит из Сарыарки — самого обширного региона Казахстана. Хронологические рамки распространения образа сайгака охватывают VIII—V вв. до н.э., однако отдельные памятники (Иссык, Тасарык) относятся к IV в. до н.э.

Ключевые слова: археология, Казахстан, ранний железный век, искусство, антилопа, сайгак.

Сведения об авторах: Базарбаева Галия Аппазовна[1], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Джумабекова Гульнара Саиновна[2], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Контактная информация: 050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; e-mail: [1]galiya2002@gmail.com; [2]gdzhuma@mail.ru.

---

* Publication of this paper is supported by the financing program of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, IRN AP 14870513.

Статья поступила в номер 12 августа 2023 г.
Принята к печати 31 августа 2023 г.

© Galiya Bazarbayeva, Gulnara Jumabekova, 2023.

Introduction

Due to the implementation of various state strategic projects, there is a positive trend in the study of new sites, the systematic introduction of materials into academic sphere, and the analysis of the data obtained in the archaeology of the Early Iron Age of Kazakhstan (Bazarbayeva, Jumabekova 2017; 2021a: 19—20).

The image of the steppe antelope, one of the most common images of ancient nomadic art, is depicted in small statuary of the Saka era. The purpose of this study was to analyze the available data on antelope (saiga) images in the materials of the Saka time sites located in Kazakhstan.

The sites discussed in this article are located in Zhetysu/Semirechye (the Issyk Barrow, Zhalauly 'hoard') (Akishev 1978: 105; Samashev et al. 1997), Eastern Aral sea region (Tagisken) (Itina, Yablonskiy 1997: 161), Saryarka (Tasmola-5, Baike-2, Kaindy, Kyzylshilik, and Taldy-2) (Kadyrbayev 1966: 397; Beisenov et al. 2017: 136; Seitov 2015: 267; Beisenov, Kasenalin 2013: 397; 2018: 96), Tarbagatay (Tasaryk, Eleke sazy, Ushbiik) (Baitanayev 2019: 14—15; Akhmetov et al. 2019: 2019: fig. 10), and Altai (Berel) (Samashev 2011: fig. 23) (fig. 1). They were studied by expeditions of the Ch. Valikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography (headed by K. Akishev, M. Kadyrbayev), Ust-Kamenogorsk Pedagogical Institute (headed by F. Arslanova), Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (headed by Z. Samashev, A. Beisenov, T. Smagulov), N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (Khorezm archaeological and ethnographic expedition headed by S. Tolstov).

Also, there are several stray finds from various parts of Saryarka representing saiga images in their décor: a pierced bead from Turgay (Artamonov 1973: 32), a dagger from Temirshi in Central Kazakhstan (Beisenov 2014), and a badge from the Irtysh River region around Pavlodar in Northeast Saryarka (Arslanova 1963).

It is by no means possible to skip the finds of the steppe antelope images obtained in Western Kazakhstan during excavations by M. Kadyrbayev of the burial ground of Syntas-1 situated on the Ilek River in Aktobe region (Kadyrbayev 1981). The *Urysay-2* complex, the same region, has recently yielded a decorated object shaped like a triple saiga image (Lukpanova 2022: fig. 9). The results of M. Kadyrbayev's excavations are especially relevant and in demand of modern researchers as they analyze the latest finds from the Sarmatian sites in the Zhaiyk River region (Lukpanova 2021; 2022).

While analyzing materials from Besoba and Syntas, M. Kadyrbayev has indicated parallels among the Saka-Sarmatian sites of other regions, which he traced in the features of burial structures as well as in individual items of the accompanying complex of grave goods. In particular, he assumed the existence of a genetic connection between the tombs of the Sarmatians and the Saka of Zhetysu and Saryarka, arguing about the dromoi of the Sarmatian burials in Western Kazakhstan and comparing such sites as Syntas, Besoba, Begazy, Besshatyr, Uygarak, Tagisken, and Shilikty.

K. Akishev (1998: 6), in his memoirs, briefly and succinctly describes the milestones of M. Kadyrbayev's work and identifies three facets in the archaeologist's scholarly biography, which are the following:

(1) the Tasmola site, which enabled identification of a new Early Iron Age archaeological culture,

(2) the Late Bronze Age Atasu settlement of metallurgists, with the most remarkable copper-smelting furnaces thereof, and

(3) a collection of statuary bronze items.

An overview of the archaeological evidence

Here, a brief description of the complexes is given, in which the analyzed objects were found.

The barrow No. 1 of the *Syntas-1* burial ground (late 6th — 5th century BCE) had 26 m in diameter and 1.4 m of height. There were four burials in the barrow: a chief one, designated by archaeologists as a 'military commander's grave', and three more graves dug in the buried ground, east, west, and north of the central grave (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 140—141). The fact that 22 saiga talus bones were found in the grave of a 'commander' is, of course, of particular interest.

The burial of a 'military commander' was accompanied by a variety of items, such as horse harness bronze buckles, an iron knife and acinaces, iron bits and cheek-pieces, 14 bronze pieces from a bridle set, a quiverful of 49 bronze three-pronged arrowheads with wooden shafts, next to which was a miniature bone spoon with a handle decorated with an image of a wolf's head, his jaws bared (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 142).

The skeletons of the western and eastern warriors seemed to frame the central grave. An iron quiver hook, corsac bones and a horse's rib, two clay vessels, a grindstone, one iron acinaces and a knife, 89 bronze arrowheads, a glass paste bead, iron bits and cheek-pieces, as well as four bronze pierced beads and three buckle badges were among the elements of the accompanying complex of the western grave (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 143).

The warrior buried east of his chief was accompanied by 76 bronze arrowheads, a grindstone, an iron quiver hook, and three iron plates, which functions are still unclear. Next to the arrowheads, was a bone spoon with carvings depicting a wolf, an eagle, and a saiga head. The following items were also found: two figured buckles, a grindstone with a hole for hanging, two conical strap finials made of bone, a pair of cylindrical iron clips for cross straps, iron bits with two-hole S-shaped cheek-pieces, another pair of bits with two-hole in one case and two-loop, in another, cheek-pieces. A triple buckle and six pierced beads were also found there, including a massive pierced bead decorated with images of the wolf and jeyran (goitered gazelle) heads (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 144—147) (fig. 2: 7).

The northern burial preserved partially. There were many things among the preserved elements of the accompanying complex of grave goods, such as a vessel and a round stone, a bone spoon depicting a wolf, an eagle, and a saiga head (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 147, 144, fig. 12: 1), a massive pierced bead decorated with bas-relief images of the heads of a wolf and a jeyran (fig. 2: 8) (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 146—147, 154, fig. 6: 4).

Barrow 2 (late 6th—5th century BCE) of the *Syntas-1* burial ground had a diameter of 21 × 16 m, and its height was 1.6 m. The central burial appeared to be plundered. Two pairs of iron bits with S-shaped two-hole cheek-pieces and three massive buckles, 48 bronze arrowheads, two quiver hooks, a bone spoon, of which a handle decorated with a bas-relief saiga image has only survived (fig. 2: 4) were found. Horse and ram bones, as well as a fragment of an iron knife were also found there (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 147—149, 154, fig. 15).

The second burial contained an iron knife, a grindstone, a lower part of a ceramic vessel, and a series of white paste beads (Kadyrbayev, Kurmankulov 1976: 149).

There is also a pierced bead from the *Besoba* burial ground, barrow 5, in Western Kazakhstan (5th century BCE) (Korolkova 2006: tabl. 13: 12, 14: 6). The bead is shaped like a pair of saiga heads, with their horns directed towards each other.

Barrow 13 (late 6th — early 5th century BCE) of the *Urysay-2* burial ground had 26 m in diameter and 1 m of height. Five graves were studied there. Burial 2 was a collective grave for a male and a female. It contained a stone altar decorated with three saiga images, which was placed close to the female's head (Lukpanova 2022: 81—83; Lukpanova et al. 2023: fig. 2, 3) (fig. 3: 12).

Among the stray finds from *Turgay* of the period before 1917, there is a pierced bead shaped like saiga head. Obviously, the find was from predatory excavations (Gryaznov 1956) (fig. 3: 1, 2). Currently, it reposes in the State Hermitage. The image is known from a number of publications dating back to the Soviet era. Specifically, the pierced bead from Turgay is captured on the pages of

M. Artamonov's 'Hoards of the Saka' (Artamonov 1973: 32). It is noteworthy that the 'Hoards' indicate that the find comes from the Turgay area (Artamonov 1973: 28). M. Artamonov referred to a similar object in N. Witzen's collection compiled in the early 18th century. It is suggested that the items of the so-called 'Siberian Collection of Golden Items of Peter I' could come from the Tobol River basin and not from Siberia as such (Artamonov 1973: 28).

The *Kaindy* hoard (8th — 7th century BCE) was found in the 1970s by Kaindy villagers while digging the foundation for their workshops and transferred to the Arkalyk Museum (currently the Regional Museum of the History of the Steppe in Arkalyk). The hoard is full of items of horse equipment, including bits, cheek-pieces, pierced beads, a pommel, belt distributors, clasps, a fragment of a chin clasp, as well as two items resembling the butts of weapon heads (Seitov 2015: 264). The hoard contained a pair of pierced beads made in the form of a stylized image of the head or, rather, horns of a saiga (fig. 2: 2).

From the early Saka period, a bronze badge from *Northeastern Saryarka* should be mentioned (8th —6th century BCE; the Irtysh River region around Pavlodar, found by F. Arslanova). Here, three 'panthers' surround a saiga: they are shown in the pose of a 'scraping' predator, while the antelope is in agony. The saiga lies on its back, its hind legs drawn up to its head (Akishev 1976: 183—184, fig. 1, tabl. I: 4) (fig. 2: 3, 3a).

Barrow 66 (7th — 6th century BCE) of the *Tagisken* burial ground was a collapsed mound about 40 cm high. The grave was robbed in antiquity. A beak-shaped stone altar, six saiga figures with bent legs (fig. 3: 4), a bronze mirror with a central loop and a border, as well as small turquoise beads were found there (Itina, Yablonskiy 1997: 27, fig. 65: 3—5).

Barrow 7 (7th century BCE) of the *Baike-2* burial ground was the main burial structure of the complex with stone ridges. It had a diameter of 12.5 m and a preserved height of 0.35 m. A case with a zoomorphic decoration made of cattle bone was found there (identified by P. Kosintsev and D. Gimranov). There were an altar, a mirror, and two paste strap finials among the finds that accompanied the buried person (Beisenov et al. 2017: 135). The bone case is decorated with a multi-figure composition consisting of 16 animal images. They are made in the technique of artistic bone carving. The central element of the plot is the scene of saiga being torn by three predators (fig. 2: 9, 9a).

Barrow 8 (8th — 6th century BCE) of the *Kyzylshilik* burial ground had a diameter of 17 m. The burial of an 18—25-year-old female was robbed in antiquity. In the refill of the grave, nine stone beads, gold details of a pommel, an overlay in the form of a saiga, and two small badges with loops were found (Beisenov, Kasenalin 2018: 95—96). The animal is depicted in the so-called sacrificial pose, highlighting its most characteristic features such as hook-nosed neb, horns, etc. (fig. 3: 5).

Barrow 3 (8th — 6th century BCE) of the *Tasmola-5* burial ground, where a zoomorphic deer antler belt buckle was found, was 20 m in diameter and 1.5 m high. Two skulls and two shoulder blades of horses and five skulls and five shoulder blades of rams, on top of which rested a skeleton of a ram, were recovered together with the buried (Kadyrbayev 1966: 324—325, fig. 62). More than 30 finds have been there, on the surface of some of which a spiral-vortex ornament was applied, which has already become the subject of a special study (Jumabekova, Bazarbayeva 2018; Fedorov 2020). The multi-figure composition decorating the clasp includes a collective animalistic image in the center, with a wild boar surrounded by five herbivore heads in profile, including the one of an antelope. In fact, it is a 'mysterious picture' (fig. 2: 1, 1a).

In the barrow No. 5 (8th — 6th century BCE) of the *Taldy-2* burial ground, the grave was dug in the buried ground and framed by six pits, which, according to A. Beisenov, may be left after the wooden posts that stood there (Beisenov 2010: 77). Finials, the surfaces of which were decorated with images of the heads of eight saigas, were found among the materials of the barrow (Beisenov, Bazarbayeva 2013: fig. 1: 7) (fig. 3: 9).

Barrow 10 (4th —2nd century BCE) of the *Berel* burial ground was 32 × 25 m in diameter and 2 m high (Samashev 2011: 60). A wooden artifact with a three-dimensional composition (possibly an element of a headdress), made in the technique of highly artistic carving, is among the finds

(fig. 3: 10). The wooden object is in the form of a herbivore, the shoulder blade and rump of which are filled with the images of two more ungulates representing the heads of an antelope and an argali.

Barrow 4 (6th —5th century BCE) of the *Eleke sazy* burial ground had a diameter of 77.25 m and a height of up to 2.5 m (Akhmetov et al. 2019: 16). The hoard, which contained images in the form of an antelope's head carved of sheet gold (fig. 2: 6), was discovered in a small niche while studying the structure of the tomb (Akhmetov et al. 2019: 18, fig. 10). It is assumed that there was a felt bag there containing jewelry for men's and women's clothing, such as badges, a pendant in the form of a deer figurine on a chain, a bracelet, images of feline predators, beads, etc. All these are supposed to be rehidden at one time by the robbers (Samashev 2021: 39—40, fig. 2: 49—56). It is noteworthy that this site is multi-temporal and also includes a unique Kagan complex (Samashev et al. 2022).

The *Tasaryk (Urjar) Barrow* (5th — 4th century BCE) had 7 m of diameter and the preserved height up to 0.6 m (Baitanayev 2019: 9). The headdress of a woman buried there was decorated with a composition of a central element in the form of a phoenix image and two saiga figurines, located symmetrically on both sides of it (fig. 3: 3).

In the *Zhalauly Hoard*, there were badges depicting a scene of an antelope being torn by a feline predator, lying in a calm position, its legs bent and its head turned back (fig. 2: 5) (Tasmagambetov 2003: 186; Samashev et al. 2007). It is assumed that the complex also represents barrow items reconcealed by robbers.

The *Issyk Barrow* (5th — 3rd century BCE) had 60 m in diameter and was 6-meter high. In the side burial, various implements were found together with a young man buried there, including decorations of his clothes, headwear, shoes, weapons, toiletware, and other utensils (Akishev 1978: 10, 17). Narrow plaques of gold with miniature images of animals were located on both sides along the blade of an iron dagger. The antelope (gazelle? saiga?) image (fig. 3: 7) is located in a line of animals in the following sequence: a snake, a fox, a hare, a leopard, a goat, a wild boar, a wolf, an argali, and a tiger on one side, and a snake, a fox, a hare, an argali, a gazelle (roe deer), a wild boar, a wolf, an argali, a hare, a wolf, a wild boar, and a half-body of some animal on the other (Akishev 1978: fig. 40). Animals are shown in ‘scraping’ poses, with the exception of images of argali and mountain goats.

Another example of the use of the saiga image are metal artifacts from Eastern Kazakhstan, from the area of *Ushbiik* station (fig. 3: 6). They are in the form of a profile head of a wolf in a grin and four paired antelope heads turned in opposite directions (Arslanova 1981; Samashev et al. 2007: 75).

The direct saiga’s presence in the funeral rite is indicated by talus bones in the barrow no. 1 of the Syntas-I burial ground. Another example comes from the *Karabie* burial ground in Central Kazakhstan, consisting of 16 barrows, two of which have had ‘moustaches’. Here, the object No. 15 consisted of a central and eastern burial mounds and two ridges, with a robbed burial in the central one and horse teeth and limb bones and a clay vessel under the small one. There were no finds under the end facing. The southwestern barrow contained a burial pit with a child buried on the right side, head to the north; northwestern barrow had a burial pit with a saiga skeleton on the left side, head to the northwest, forelegs half-bent, and hind leg bones absent. Possibly, there was a leather collar there decorated with bronze plaques (Kadyrbayev 1959: 169 — 170, 174—176) (5th — 3rd century BCE according to Kadyrbayev 1959: 192).

Results and discussion

In a generalized form, the results of studying saiga images can be presented as follows (Table 1).

Table 1. **Antelope images in the antiquities of the Early Iron Age of Kazakhstan**

Contexts	image	element	character	References
Urysay-2, barrow no. 13	whole	+		Lukpanova 2022
Syntas I, barrow 1, burial 3	head		+	Kadyrbayev, Kurmankulov 1976
Syntas I, barrow 1, burial 3	head	+		
Syntas I, barrow 2	head	+		
Besoba, barrow 5	head		+	Korolkova 2006
Tagisken, barrow 66	whole		+	Itina, Yablonskiy 1997
Kaindy, stray find (hoard)	stylized		+	Seitov 2015
Tasmola-5, barrow 3	head	+		Kadyrbayev 1966
Kyzylshilik, barrow 8	whole		+	Beisenov, Kasenalin 2018
Taldy-2, barrow 5	head	+		Beisenov, Bazarbayeva 2013
Baike-2, barrow 7	whole	+		Beisenov et al. 2017
Ushbiik, stray find	head	+		Arslanova 1981
Tasaryk (Urjar)	whole		+	Baitanayev 2019
Eleke sazy, barrow 4, hoard	head		+	Akhmetov et al. 2019; Samashev 2021
Berel, barrow 10	head	+		Samashev 2011
The Issyk Barrow	whole	+		Akishev 1978
Zhalauly, stray find	whole	+		Samashev et al. 2007
Almaty, stray find	whole	+		Bazarbayeva, Jumabekova, 2021b
Temirshi, stray find	stylized		+	Beisenov 2014
NE Saryarka, stray find	whole	+		Arslanova 1963
Turgay, stray find	head		+	Gryaznov 1956; Artamonov 1973
Total:	**21**	**12**	**9**	

The sequence of sites in the table coincides with the numbering of objects on the map (fig. 1). Turgay region stands out among the others presented in this study, since both finds from there are stray ones. To find objects with antelope images in closed complexes in this area is a matter of the future research, since the systematic study of the Early Iron Age sites in Turgay is still at an early stage (Onggaruly et al. 2020; Seitov et al. 2021; Evdokimov, Seitov 2021; Sasaki et al. 2022).

The research sample consists of 21 cases of finding the saiga (antelope) images depicted in small statuary items and found in the Early Iron Age sites of Kazakhstan. A total of 9 cases depicts them as whole figures, another 9 cases represent heads, and stylized images are reported twice.

In terms of compositions, there are three cases of saigas shown as victims being torn by predators, a plot based on finds from Baike-2, Zhalauly, and North-Eastern Saryarka. Saiga images were represented twice within the lines of animals. In the decoration of the sword from Issyk, there are various animal species, while in Taldy-2, the line is formed by the heads of eight saigas. It is curious that on items from Tasmola-5 and Syntas-I, when creating multi-figured compositions, the entire surfaces of the items were carefully used.

We should pay more attention to the saiga image on a dagger from Temirshi (6th — first half of the 5th century BCE). The Table 1 indicates that the animal represents a separate character. However, if we disassemble the décor of the object, then the saiga (in fact, highly stylized head and horns) on the crosshair of the acinaces can be considered as part of the composition incorporated into the design of the entire weapon, including its pommel in the form of two heads of eagle griffins.

Saiga images have been rendered in various raw materials such as metals and alloys (gold, bronze, iron), bone, antler, wood, and stone. In functional terms, the analyzed objects refer to

weapons, elements of horse equipment, costume, and utensils, including ritual ones (an altar and a cauldron).

The presence of antelope images on the dishes is curious. A special study is devoted to the analysis of the ritual character of bone spoons (Fedorov 2002). On the fragment, which is the sidewall of a metal cauldron, there is a figure of a predator on the rim and profile antelope images on the wall of the vessel. We probably deal with a variety of zoomorphic décor containing the key idea of the early nomadic art, namely the one of confrontation between ungulates and predators, the idea of a sacrifice to the gods and the spirits of ancestors.

Apparently, the fact that the plot with a predator and herbivores decorates a metal cauldron suggests the sacral nature of the object. The figure of an animal on the rim of the cauldron conveys a generalized image of a predator, which has deep roots in the nomadic culture of the early Scythian period. The antelope conveys an image of a sacrificial animal. In contrast to the classical sacrificial pose of the antelope image, or the 'reduced' one, a solid image of an ungulate on straightened (!) legs is placed on the side of the cauldron.

In this respect, saiga is, of course, a sacrificial species, like other herbivores. It is an object of tearing and hunting. For example, a vessel binding with a scene of a rider hunting for saigas is known outside of Kazakhstan (Pshenichnyuk 2012: fig. 160) (barrow 1, the Filippovka burial ground). There are five saiga images there, three of which are at the top of the plate and other two are standing below in calm poses (4th century BCE) (Zolotye oleni Evrazii 2001: fig. 30а, 30б). In general, there are at least three times that the saigas were noted as sacrifices. The predator is usually feline.

The binding of the rims of a wooden vessel is known as well. It is made in the form of two saiga figures, their legs bent and heads turned back, and at the head of the left figure is the head of another saiga (Zolotye oleni Evrazii 2001: fig. 84).

The décor of the Filippovka vessels also contains gold binding and handles with scenes of deer being torn by a feline predator or a wolf (Zolotye oleni Evrazii 2001: 31—33, 70, 79, 83, 84, 85 et al.). The Filippovka vessels, the bronze cauldron from Zhetysu, and a stone altar from the barrow no. 13 in Urysay-2 seem to express the same idea with the depiction of saiga hunting. The décor of the vessels obviously displays their ritual character.

In addition to the Tasaryk Barrow, with saiga images incorporated into a headdress system (Jumabekova et al. 2022), the image of this animal is recorded in the decoration of wooden headdresses from the Ak-Alakha 3 burial ground, barrow 1. Saigas are located along the edges of the composition, which contains an image of the head of a fantastic creature with a curved beak of a griffin and a saiga horn, made in the technique of artistic carving (Polosmak 2001: 153, fig. 101; Polosmak, Barkova 2005: 72, fig. 2.44.1). The design of the woman's headdress from Ak-Alakha 3 also contains a fantastic deer with ibex horns, a hairpin with a deer figure on a ball, and sculptural images of birds (Polosmak, Barkova 2005: 72, fig. 2.43—2.46).

Despite the curious posture of saigas, reminiscent of newborns, it is possibly young animals who were depicted at the badges of Tasaryk: the horns of small saigas grow from birth to a year and a half. This looks symbolic for the decoration of the headdress of a young woman, a priestess. The *pars pro toto* principle is most clearly manifested in the use of the antelope image; horns, a symbol of the animal as a whole, were only practiced on objects.

A pair of saiga or multiple saiga pairs appear more often on one and the same object. This is logical for the décor of daggers, but it is also evidenced on other items such as finials from the barrow no. 5 in Taldy-2 and the barrow no. 5 in Besoba. A cone-shaped gold belt finial from Arzhan-2 (mid-second half of the 7th century BCE) is decorated with a relief of eight highly stylized animal heads (Chugunov et al. 2017: tabl. 14: 9, 42: 3).

Saiga (antelope) takes its place among sacrificial herbivores in the system of the world picture of nomads for centuries. This is evidenced by the décor of daggers from Arzhan-2 and Issyk. Iron daggers decorated with gold onlays from the barrow of Arzhan-2 contain images of beasts of prey,

including tigers, and herbivores, including antelopes, rather saigas (Chugunov et al. 2017: 45, tabl. 8, 9: 1: a, 40: 1, 2, 4, 5; 61).

Antelope images are quite numerous in the object complex Arzhan-2. A torc, ornaments of gorytos belt finials, hairpins, and figured plaques from a belt and scabbard of a dagger should be mentioned (Chugunov et al. 2017: tabl. 3, 32: 1—12, 55: 1, 56: 1, 62: 8, 9). Particularly expressive is the iron arrowhead with gold overlays depicting a scene of tearing made in negative (Chugunov et al. 2017: tabl. 24: 3).

Also, there are items decorated in the artistic style of a 'mysterious picture' in Arzhan-2. These are a decorative plaque with a flat loop of a dagger's belt and another decorative plaque at the end of the dagger's scabbard, which display antelopes among the images of various animals (Chugunov et al. 2017: tabl. 14: 1, 13: 8). The same is evidenced in Tasmola.

There are antelope images on some objects of a later date (6th — 3rd century BCE) in Tuva, including a 'mysterious picture' as an element of the composition. These are the antler plaque from the barrow no. 3 of the Dagan-Teli I burial ground (Grach 1980: 79, fig. 62: 1), an overlay made of antler from the barrow no. 8 of the Sagly-Bazhy II burial ground (Grach 1980: 79, fig. 40), and a comb from the burial no. 9 of barrow no.1-2 of the Khemchik-Bom III burial ground (Grach 1980: 78, fig. 110: 1).

The linear composition in the decoration of artifacts was preserved in the art of the early nomads of the late Saka time, while what we call a 'mysterious picture' is typical of the early Saka Culture.

Artistically decorated items with the antelope images are known in the Minusinsk steppe and Ordos, northern China (Artamonov 1973: fig. 125, 162; Bogdanov 2006: 60—61, tabl. XLVI: 1, 4, 5, 7; XLVII: 1) (the late 6th—5th century BCE), as well as in the sites of the Pazyryk Culture in Altay (Bogdanov 2006, табл. LVIII и др.) (6th — 3rd century BCE).

Of interest is the iron dagger from the village of Rogozikha, Altay (the second half of the 6th — the first half of the 5th century BCE). It displays the usual pattern of weapon décor, with animal images inscribed into the shapes of the elements of the dagger: its pommel is shaped like the heads of two mythical eagles, and its hilt is decorated on both sides with two saiga images; the find is similar to the Temirshi dagger. The decorations of daggers, including those from Arzhan-2, Temirshi, Issyk, Rogozikha, and elsewhere, seem to highlight the purposes of the weapons, especially their ritual (?) use, and emphasize the status of the users. An important role was also played by antelope/saiga in the sign system, reflecting the ideology and worldview of the population of the steppe and mountain-valley stripes of Eurasia in the 1st millennium BCE.

In this respect, the assumption of H.-P. Francfort (2020) seems seminal, who, based on the Nisa rhyton, suggests that the frieze depicts the saiga hunting scene with the help of a net that has a long tradition in Central Asia. The frieze depicts the three-level world of the Steppe nomads, where hunting symbolizes the lower level, an underworld, and death.

Saiga (antelope) images are characteristic of the animal style art and are found throughout the steppe. Tuva and Central Kazakhstan are probably those regions of the eastern steppes, where a significant number of images of this animal of the early Saka period were found.

In terms of plot, there are obvious parallels in the system of organization of the composition, in particular, in the art of Tuva, Saryarka, and Zhetysu. Significant is the fact that the décor of products from the complex II ('exquisite' animal style) and complex III ('imitative' animal style) of the Arzhan-2 barrow testifies the adherence of the craftsmen both to the norms of the animal style and the mastery of artistic achievements by the nomads of other cultures. Some images have been elaborated by those who were not nomads at all. Specifically, the king's dagger was "decorated by a smith brought up in Chinese artistic traditions" (Kisel 2019: 96—99).

There were representatives of the nomads and Xinjiang and other regions of northern China who worked together in a workshop, which provided products for the highest nomadic nobility (Kisel 2019: 112). Thus, the craftsmen who made decorated items for those buried in the Arzhan-2 barrow took into account all the requirements of the nomads, including compliance with their

worldview, which led to close cultural ties between the population of Kazakhstan, Mongolia, Tuva, Northern China, and Xinjiang (Kisel 2019: 93).

Conclusions

In general, the antelope/saiga image complements the similarity of the cultures throughout the vast territory of Zhetysu — Saryarka — Tuva, as well as the Southern Urals, as it is revealed by the Early Iron Age artworks. Even dynastic marriages are supposed to take place among the tribal elite of Tuva and Saryarka in the 8th — mid-6th century BCE (Chugunov 2017: 495).

Both the saiga burial in the small barrow of the 'moustached' object no. 15 in Karabie and saiga talus bones in the barrow 1 in Syntas-I deserve special attention. There are, however, some doubts that the small barrows of Karabie were the ones of the Tasmola Culture. The idea of a special role of antelope in nomadic culture looks nonetheless too attractive, as one considers the above assumption according to which the barrow complex with stone ridges was built in several stages in time and that it has repeatedly been used in rituals. Here, the long chronology of construction and veneration is evident, with the dominant mound of the Tasmola times and a series of adjacent mounds and ridges dating back to the Huns period and even the Kazakh modernity.

M. Kadyrbaev noted that: "<…> the closest ties can be traced between the mountain-steppe tribes that left the Uygarak-Tagisken, Tasmola, Mayemir-Pazyryk, Tagar, Uyuk and other complexes of sites on the territory of Kazakhstan and South Siberia. These sites characterize cultures of the second order or local varieties of the Saka cultural community" (Kadyrbayev 1968: 36).

References

Akhmetov et al. 2019: Akhmetov, D., Samashev, Z., Kariev, E., Chotbaev, A., Onggar, A. 2019. Kul'turnoye naslediye sakov i velikikh tyurkov v Vostochnom Kazakhstane: voprosy kompleksnogo izucheniya, sokhraneniya i muzeyefikatsii (The cultural heritage of the Saks and the great Turks in East Kazakhstan: issues of comprehensive study, conservation and museumification). In: Akhmetov, D. (ed.). *Altay — zolotaya kolybel tyurkskogo mira (Altai — the Golden cradle of the Turkic world).* Ust-Kamenogorsk: akimat Vostochno-Kazahstanskoy oblasti, 8—33 (in Russian).

Akishev, A.K. 1976. Novye khudozhestvennye bronzovye izdeliya sakskogo vremeni (New Artistic Bronze Products of the Saka Time). In: Akishev, K.A. (ed.). *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam (The past of Kazakhstan according to archaeological sources).* Alma-Ata: Nauka, 183—195 (in Russian).

Akishev, K.A. 1978. *Kurgan Issyk (Issyk mound).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Akishev, K.A. 1998. Vospominaniye o Mire Kasymoviche Kadyrbayeve (Remembrance of Mir Kasymovich Kadyrbayev). In: Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazahstana (Issues of Kazakhstan archaeology)* 2, 6—7 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1963. Interesnaya nakhodka iz Priirtysh'ya (An interesting find from the Irtysh region). *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 10, 100—101 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1981. Sluchaynaya nakhodka bronzovykh veshchey v Semipalatinskom Priirtysh'e (Accidental discovery of bronze items in the Semipalatinsk Irtysh region). *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)* 167, 54—58 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1973. *Sokrovishcha sakov (Hoards of the Saks).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Baitanayev, B.A. 2019. Kurgan Urdzhar: istoriya otkrytiya i nekotoryye itogi issledovaniya (Kurgan Urdzhar: the history of the discovery and some results of the study). *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archaeology)* 2 (4), 9—22 (in Russian).

Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. 2017. K atributsii zoomorfno dekorativnogo predmeta v iskusstve drevnego naseleniya Saryarki (On the attribution of a zoomorphically decorative object in the art of the ancient population of Saryarka). *Edu.e-history.kz* 3 (11), 101—106 (in Russian).

Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. 2021a. K izucheniyu applikatsiy v iskusstve rannikh kochevnikov kazakhskikh stepey (To the study of applications in the art of the early nomads of the Kazakh steppes). *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin).* Vol. 21. No. 1, 18—32 (in Russian).

Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. 2021b. On the study of the scenes of torment in the art of people of Pazyryk culture based on materials from kurgan 11 of the Berel graveyard in the Kazakh Altay. *Archaeology and Early History of Ukraine* 4 (41), 107—120.

Beisenov et al. 2017: Beisenov, A.Z., Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A., Duisenbay, D.B. 2017. Zoomorfnyy dekor futlyara iz kurgana rannesakskogo vremeni (Tsentral'nyy Kazakhstan) (Zoomorphic decoration of a case from a kurgan of the early Saka time (Central Kazakhstan)). *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)* 248, 134—148 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2010. K izucheniyu osobennostey krupnykh kurganov rannego zheleznogo veka Tsentral'nogo Kazakhstana (To the study of the features of large burial mounds of the early Iron Age of Central Kazakhstan). In: Bissembaev, A.A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya—2010 (Kadyrbayev readings—2010).* Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arheologii, 77—79 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2014. Kinzhal s zoomorfnym dekorom sakskogo vremeni iz Tsentral'nogo Kazakhstana (Dagger with zoomorphic decor of the Saka period from Central Kazakhstan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tomsk State University)* 5 (31), 103—107 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Bazarbayeva, G.A. 2013. Iskusstvo drevnikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana: obrazy, syuzhety, kompozitsii (The Art of the Ancient Nomads of Central Kazakhstan: Images, Plots, Compositions.). *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki (Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)* 13. No. 2, 12—17 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Kasenalin, A.E. 2018. Tasmolinskiy mogilnik Kızılşilik (Tasmolinsky cemetery Kyzylshilik). *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* 4 (24), 85—100 (in Russian).

Bejsenov, A. 2013. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakishen zeit osteurasiens. In: Samashev, Z., Stoellner, T. (eds.). *Unbekanntes Kasachstan. Archaolgie im Herzen Asiens* II [Catalogue of the exhibition]. Bochum: DBM, 595—608.

Bogdanov, E.S. 2006. *Obraz hishchnika v plasticheskom iskusstve kochevyh narodov Tsentralnoy Azii (skifo-sibirskaya hudozhestvennaya traditsiya) (The image of a predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB of the RAS (in Russian).

Chugunov, K.V. 2017. Problemy datirovaniya aziatskikh materialov epokhi rannikh kochevnikov i voprosy ikh sinkhronizatsii s drevnostyami Vostochnoy Evropy (Problems of dating Asian materials from the era of early nomads and questions of their synchronization with the antiquities of Eastern Europe). *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early history of Ukraine)* 2 (23), 484—499 (in Russian).

Chugunov et al. 2017: Chugunov, K.V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The Royal burial mound of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB of the RAS (in Russian).

Evdokimov, V.V., Seitov, A.M. 2021. Savromatskiye pogrebeniya mogil'nika Pereleski II v Verkhnem Pritobol'e (Savromatian burials at the Pereleski II burial ground in the Upper Tobol region). *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan archaeology)* 3 (13), 49—65 (in Russian)

Fedorov, V.K. 2002. The cult of Soma/Haoma among the early nomads of the steppes of Eurasia: on the materials of bone spoons from the South Ural burials of the 6th century BCE — 4th century CE). PhD Thesis. Izhevsk.

Fedorov, V.K. 2020. Migratsii simvola: trikvetry v kul'turakh epokhi rannego zheleza stepnoy polosy Evrazii (Migrations of the Symbol: Triquetras in the Early Iron Age Cultures of the Eurasian Steppe Belt). *Stratum plus* 3, 191—210 (in Russian).

Francfort, H.-P. 2020. Nisa Parthica Rhyton Nr 76. A note on images of hunt and deities in Central Asia: Saiga tatarica and steppe connection. *Parthica* 22, 9-34.

Grach, A.D. 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii (Ancient nomads in the center of Asia)*. Moscow: GRVL (in Russian).

Gryaznov, M.P. 1956. Severnyy Kazakhstan v epokhu rannikh kochevnikov (Northern Kazakhstan in the era of early nomads). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)* 61, 8—16 (in Russian).

Itina, M.A., Yablonskiy, L.T. 1997. *Saki Nizhney Syrdarii (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken) (Saki of the Lower Syr Darya (based on the materials of the Southern Tagisken burial ground))*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (in Russian).

Jumabekova et al. 2022: Jumabekova, G.S., Nigmatova, S.A., Altynbekova, E.K., Altynbekov, K., Bazarbayeva, G.A. 2022. Zhenshchina i ritual v kul'ture rannikh kochevnikov: po materialam kurgana Tasaryk v Kazakhstane (Woman and Ritual in the Culture of the Early Nomads: Based on the Materials of the Tasaryk Mound in Kazakhstan). *Stratum plus* 3, 359—380 (in Russian).

Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2018. Illyustratsiya k eposu ob Alpamyse i nekotoryye paralleli syuzhetu v iskusstve drevnikh kochevnikov: k izucheniyu semantiki vikhrevykh kompozitsiy (Illustration to the epic about Alpamys and some parallels to the plot in the art of ancient nomads: to the study of the semantics of vortex compositions). *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan archaeology)* 1—2, 106—117 (in Russian).

Kadyrbaev, M.K. 1981. Denkmäler des Sautomatenadels in Westkasachstan. *Das Altertum Heft* 1. Bd. 27, 29—37.

Kadyrbayev, M.K. 1959. Pamyatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana (Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan). *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7, 162—203 (in Russian).

Kadyrbayev, M.K. 1966. Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury (Monuments of Tasmolin culture). In: Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbayev, M.K., Orazbayev, A.M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 303—433 (in Russian).

Kadyrbayev, M.K. 1968. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannezheleznogo veka Kazakhstana (Some results and prospects of studying the archaeology of the Early Iron Age of Kazakhstan). In: Kadyrbayev, M.K. (ed.). *Novoe v arheologii Kazahstana (New in the archaeology of Kazakhstan).* Alma-Ata: Nauka, 21—36 (in Russian).

Kadyrbayev, M.K., Kurmankulov, Zh.K. 1976. Zakhoroneniya voinov savromatskogo vremeni na levoberezh'ye r. Ilek. (Burials of warriors of the Sauromatian time on the left bank of the Ilek river). In: Akishev, K.A. (ed.). *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam (The past of Kazakhstan according to archaeological sources)*. Alma-Ata: Nauka, 137—156 (in Russian).

Kisel, V.A. 2019. Pogrebal'noye ubranstvo iz kurgana Arzhan-2: dekor, tekhnologii, avtorstvo (Funerary decoration from the Arzhan-2 mound: decoration, technology, authorship). *Camera praehistorica* 2 (3), 94—122 (in Russian).

Korolkova, E.F. 2001. Ritual'naya posuda kochevnikov (Ritual utensils of nomads). *Zolotye oleni Evrazii. Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (Golden deer of Eurasia. Exhibition catalog in the State Hermitage Museum)* (Saint Petersburg, 18.10.2001 — 20.01.2002). Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 48—51 (in Russian).

Korolkova, E.F. 2006. *Zverinyi stil Evrazii (Animal style of Eurasia)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Lukpanova, Ya.A. 2021. Kul't volka v kul'ture naseleniya kazakhstanskogo Priural'ya VI—IV vv. do n.e. (The cult of the wolf in the culture of the population of the Kazakh Urals 6th — 4th centuries BCE). *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 132—147 (in Russian).

Lukpanova, Ya.A. 2022. Issledovaniya kurgannogo kompleksa Urysay-2 (Research of the burial mound Urysai-2). *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan archaeology)* 2 (16), 74—93 (in Russian).

Lukpanova et al. 2023: Lukpanova, Ya., Antonov, M., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G. 2023. «Mgnovenno ubivayushchiy vepr'»: po materialam kompleksa sarmatskogo vremeni Urysay-2 (Zapadnyy Kazakhstan) ("Instantly killing boar": based on the materials of the Sarmatian time complex Urysai-2 (Western Kazakhstan)). *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan archaeology)* 1 (19), 177—197 (in Russian).

Onggaruly et al. 2020: Onggaruly, A., Kairmagambetov, A., Nuskabay, A., Rakhimzhanova, S. 2020. Kurgan voyennoy elity sakov (Mound of the military elite of the Saks). *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)* 3 (33), 233—247 (in Russian).

Polosmak, N.V. 2001. *Vsadniki Ukoka (Cavaliers of Ukok).* Novosibirsk: Infolio-press (in Russian).

Polosmak, N.V., Barkova, L.L. 2005. *Kostyum i tekstil "pazyryktsev" Altaya (IV—III vv. do n.e.) (Costume and textiles of the "Pazyryk people" of Altay (4th—3rd centuries BCE)).* Novosibirsk: INFOLIO (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. *Filippovka. Nekropol kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka. The necropolis of nomadic nobility from the 4th century BCE in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (in Russian).

Samashev, Z. 2011. *Berel.* Almaty: Taymas (in Kazakh, Russian, English).

Samashev, Z., Ermolaeva, A., Kushch, G. 2007. *Drevnie sokrovishcha Kazahskogo Altaya (Ancient treasures of the Kazakh Altai).* Almaty: Oner (in Russian).

Samashev, Z. 2021. The illustrious culture of the early nomads in the Kazakh Altai. In: *Gold of the Great Steppe. People, Power and Production. First published to accompany the exhibition at the Fitzwilliam Museum*. Cambridge: Paul Holberton Publishing, 11—65.

Samashev et al. 1997: Samashev, Z., Olkhovskiy, V., Omarov, G. 1997. K izucheniyu torevtiki kochevnikov Evrazii 1 tys. do n.e. (Olen'ya blyashka iz Semirech'ya) (To the study of toreutics of the Eurasian nomads of the 1st millennium BCE (Deer plaque from Semirechye)). *Evraziyskoe soobshchestvo (Eurasian Community)* 3 (19), 98—107 (in Russian).

Samashev et al. 2007: Samashev, Z., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G., Onggar, A. 2007. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient gold of Kazakhstan).* Almaty: Oner (in Russian).

Samashev et al. 2022: Samashev, Z., Aitkali, A.K., Tolegenov, E. 2022. K voprosu o sakralizatsii obraza kagana (To the question of the sacralization of the image of the kagan). *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)* 2 (40), 21—34 (in Russian).

Sasaki et al. 2022: Sasaki, Yu., Rakhimzhanova, S. Zh., Onggar, A., Kairmagambetov, A. M., Endo, E., Doumani Dupuy, P., Makulbekova, M., Shpengler, R., Shoda, Sh. 2022. Otpechatki prosa na keramike rannego zheleznogo veka iz kurgana Tortoba v Zapadnom Kazakhstane (Millet imprints on Early Iron Age pottery from the Tortoba burial mound in Western Kazakhstan). *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan archaeology)* 4 (18), 116—132 (in Russian).

Seitov, A.M. 2015. Stepi Torgaya v rannesakskoye vremya: k postanovke problemy (Steppes of Torgai in the early Saka time: to the formulation of the problem). In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnyh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of steppe Eurasia).* Almaty: Begazy-Tasmola, 264—270 (in Russian).

Seitov et al. 2021: Seitov, A.M., Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. 2021. Rannesarmatskoye pogrebeniye kurgannoy gruppy Kenysh 3 v Kazakhstanskom Pritobol'ye (Early Sarmatian burial of the kurgan group Kenysh 3 in the Kazakh Tobol region). *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)* 1 (35), 37—48 (in Russian).

Tasmagambetov, I. 2003. *Kentavry Velikoy stepi. Hudozhestvennaya kultura drevnih kochevnikov (Centaurs of the Great Steppe. The artistic culture of the ancient nomads).* Almaty: Berel (in Russian).

Umanskiy, A.P., Shamshin, A.B., Shulga, P.I. 2005. *Mogilnik skifskogo vremeni Rogoziha-1 na levoberezhie Obi (The burial ground of the Scythian time Rogoziha-1 on the left bank of the Ob river)*. Barnaul: Altay State University (in Russian).

Zolotye oleni Evrazii. Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (Golden deer of Eurasia. Exhibition catalog in the State Hermitage Museum) (Saint Petersburg, 18.10.2001 — 20.01.2002). 2001. Saint Petersburg: Slaviya (in Russian).

Fig. 1. Localization of sites on the map of Kazakhstan: *1* — Urysay-2; *2* — Syntas I, Besoba; *3* — Tagisken; *4* — Kaindy; *5* — Tasmola-5; *6* — Kyzylshilik; *7* — Taldy-2; *8* — Baike-2; *9* — Ushbiik; *10* — Tasaryk; *11* — Eleke sazy; *12* — Berel; *13* — Issyk; 14 — Zhalauly. The map was prepared by M. Antonov.

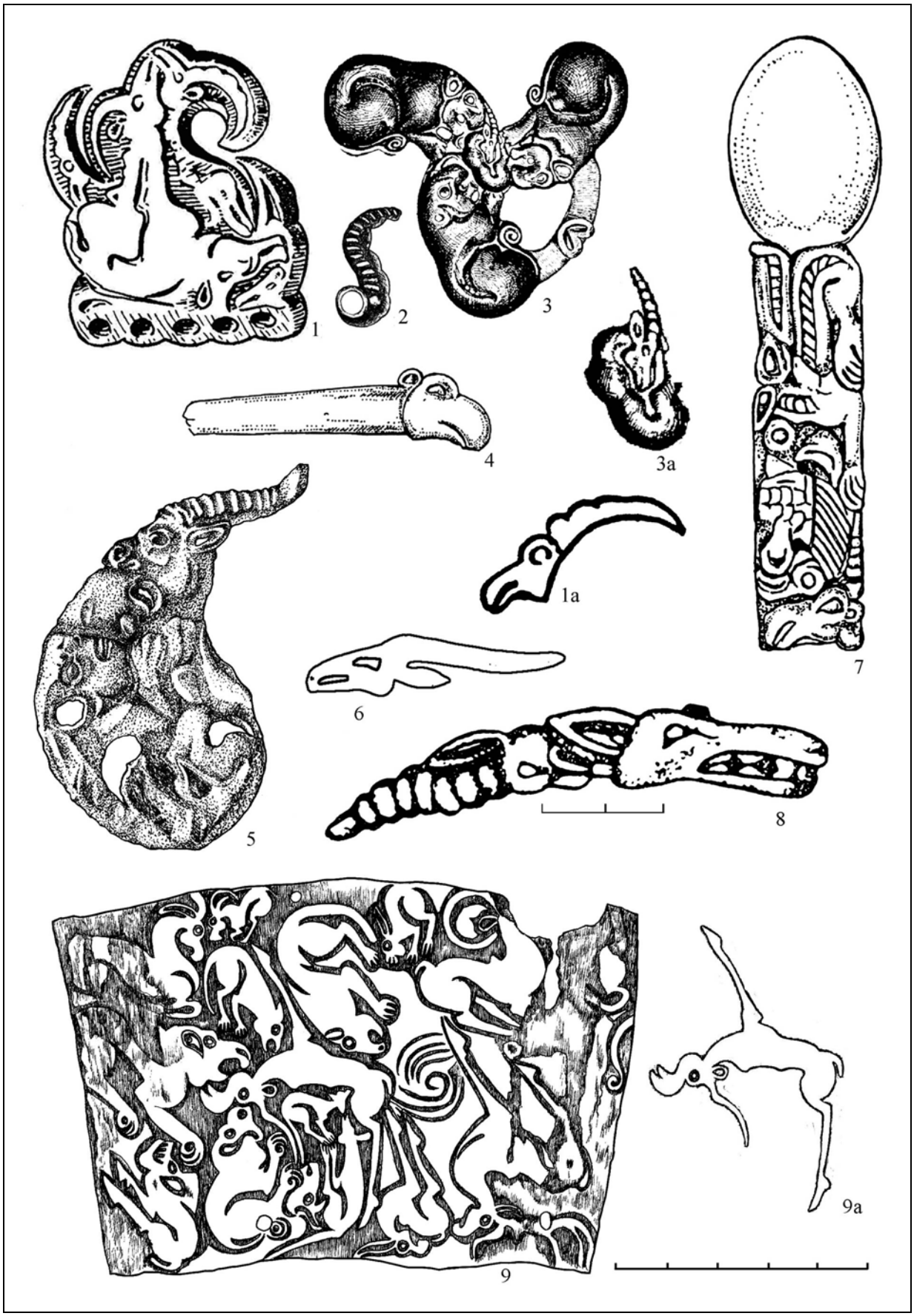


Fig. 2. Antelope images:: *1, 1a* — Tasmola-5; *2* — Kaindy, hoard; *3, 3a* — Northeastern Saryarka, a stray find; *4, 7, 8* — Syntas I; *5* — Zhalauly, hoard; *6* — Eleke sazy, hoard; *9, 9a* — Baike-2.

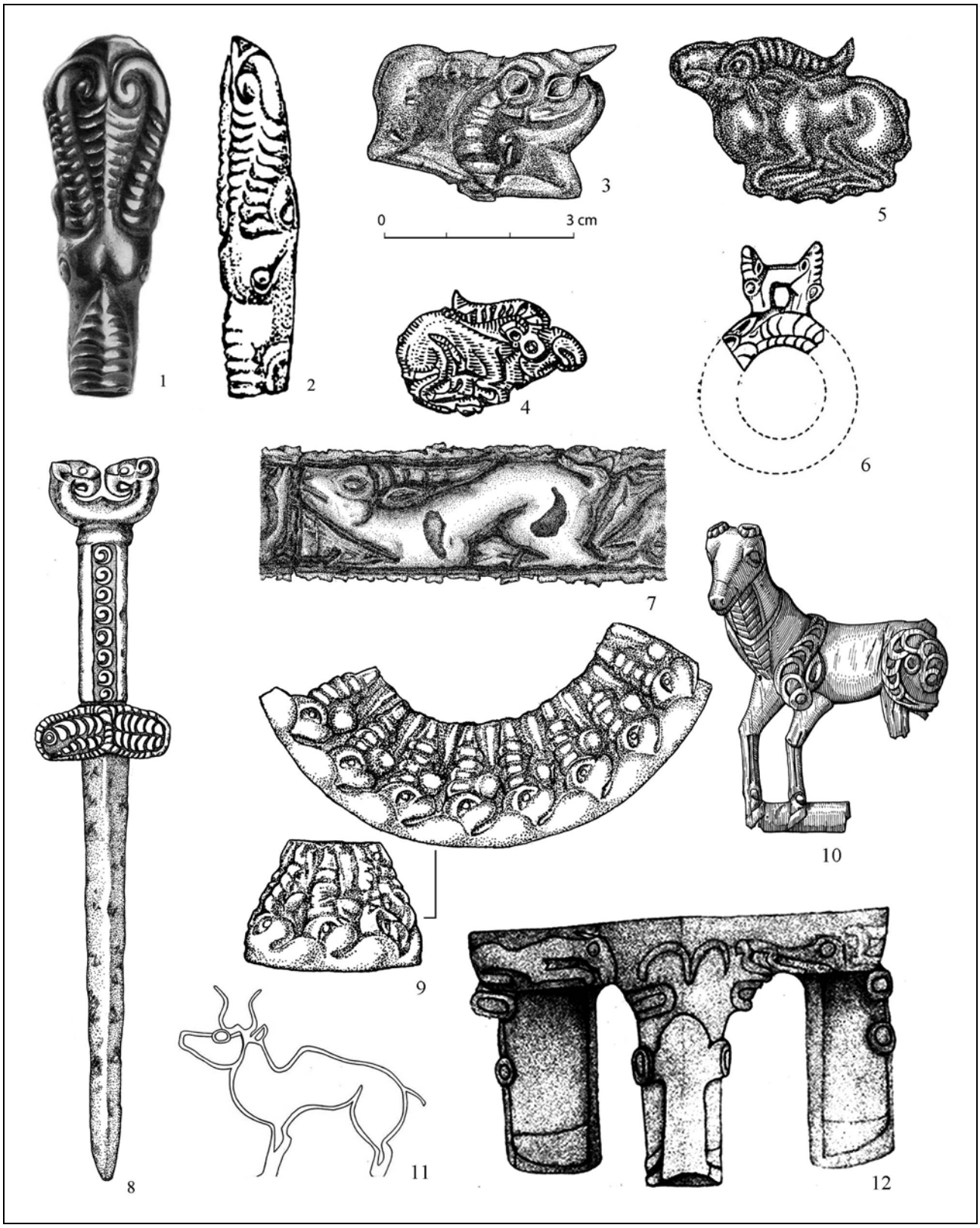


Fig. 3. Antelope images: *1, 2* — Turgay, a stray find; *3* — Tasaryk; *4* — Tagisken; *5* — Kyzylshilik; *6* — Ushbiik; *7* — Issyk; *8* — Temirshi; *9* — Taldy-2; *10* — Berel; *11* — Almaty, a stray find; *12* — Urysay-2.

DOI: 10.53737/6877.2023.77.55.038

O.V. Silina

ORNAMENTAL CIRCLES ON THE SHROUDS OF THE FRESCOES IN THE CATHEDRAL OF THE NATIVITY OF THE VIRGIN, THE ST. FERAPONT MONASTERY: SACRAL SYMBOLS AND LITURGICAL PRACTICES VISUALIZED*

This article describes the wall-painting cycle of ornamental circles on the hanging shrouds which decorate the Cathedral of the Nativity of the Virgin in the St. Ferapont Monastery. Painted in 1502 by the artel of Dionysius, the frescoes represent the earliest extant tier of shrouds among the works of Old Russian monumental art. The iconography and symbolism of hanging shrouds in the church space are well-known, but the reasons why the ornamental circles appeared on the shrouds as well as their semantics and the idea of a special solution Dionysius had made for the tier are among insufficiently studied issues. The background tonality behind the shrouds, the compositional and rhythmic arrangement and the number of circles are analyzed. By referring to iconographic parallels in Judaic ossuaries and Old Russian sarcophagi and church decorations, the conclusion is made that the ornamental circles had the most ancient origin and the peculiar sacral significance; the unique is the conceptual solution proposed by Dionysius: the symbolism of the Byzantine liturgical hours could be reflected in his interpretation of the shrouds.

Key words: the Cathedral of the Nativity of the Virgin, frescoes, Dionysius, hanging shrouds, circle with ornament, daily cycle of services, Byzantine hours.

About the author: Silina Ol'ga Vladimirovna, Museum of Dionisy's Frescoes, the Branch of Kirillo-Belozerski State Historical Architectural Art Museum-Reserve.

Contact information: 161120, Russia, Vologda Region, Kirillovsky District, Ferapontovo Vllage, Museum of Dionisy's Frescoes, the Branch of Kirillo-Belozerski State Historical Architectural Art Museum-Reserve, 8 Kargopolskaya St.; e-mail: silina.mfd@gmail.com.

О.В. Силина

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КРУГИ НА ПОДВЕСНЫХ ПЕЛЕНАХ В СТЕНОПИСИ СОБОРА ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ: ВОЗМОЖНЫЙ ПРИМЕР ВИЗУАЛИЗАЦИИ САКРАЛЬНОГО СИМВОЛА И БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Рассмотрен цикл декоративных кругов, украшающих подвесные пелены на фресках в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Стенопись выполнена артелью Дионисия в 1502 г., и пояс пелён является самым ранним полностью сохранившимся среди памятников древнерусского монументального искусства. Если иконография и символика изображения подвесных пелён в храмовом пространстве хорошо известны, то причины появления орнаментальных кругов на полотнищах, семантика и особое решение их яруса Дионисием изучены недостаточно. Анализируются тональность фона за пеленами, композиционно-ритмическое построение и количество декоративных кругов, проводятся иконографические параллели с декором иудейских оссуариев и древнерусских саркофагов, храмовым убранством. Сделан вывод о древнейшем происхождении орнаментальных кругов, имеющих сакральное значение, и об уникальном концептуальном решении Дионисия: в трактовке пелён могла найти отражение символика византийских богослужебных часов.

* Статья поступила в номер 4 марта 2023 г.
Принята к печати 19 марта 2023 г.

© O.V. Silina, 2023.

Ключевые слова: собор Рождества Богородицы, фрески, Дионисий, подвесные пелены, круг с орнаментом, круг суточных богослужений, византийские часы.

Сведения об авторе: Силина Ольга Владимировна, Музей фресок Дионисия, филиал Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Контактная информация: 161120, Россия, Вологодская обл., Кирилловский р-он, с. Ферапонтово, ул. Каргопольская д. 8, Музей фресок Дионисия, филиал Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; e-mail: silina.mfd@gmail.com.

The Cathedral of the Nativity of the Virgin in the Ferapontov Monastery was painted by the artel of the Moscow artist Dionysius in 1502. The hanging shrouds located at the lower space level and decorated with ornamental circles are an important element of its frescoes. The shrouds with ornaments begin on the outer western wall, go round the foundations of the portal and continue in the interior along the perimeter of the cathedral framing the wall painting that expands from the dome space. In fact, the three-dimensional icon of the painting seems to rest on the shrouds, like a real icon on a covered lectern (Fig. 1). The tier is a horizontal white panel “suspended” on hinges and placed on black and grey backgrounds. The fabric is decorated with red and brown stripes above and below and ornamental circles are placed between them (their size is from 60 cm in the sanctuary — up to 75 cm in the naos; there were 52 circles, but one has been lost). Their patterns don’t repeat. The range of colours of the ornaments in the circles is simpler than in the rest of the painting. It consists of various combinations of black and grey (reft) with blue (azurite), yellow (ochre), pink (ochre), brown (iron-containing pigment), red (cinnabar) and green (glauconite) pigments taken in pure form or with addition of white. The circles were painted in two stages: a lining layer was applied first and then modelling of shapes and detailing were made. The folds on the shrouds were painted from top to bottom, over the ornaments. In the scientific literature devoted to the frescoes in the Cathedral of the Nativity of the Virgin, the circles of the veils were considered as purely decorative elements of the painting of Dionysius. The more complete research was presented in the work of M.A. Orlova “Ornament in Monumental Painting of Ancient Russia” (Orlova 2004: 315—346). Technological features of the execution of the veils were described in the article written by E.N. Shelkova (Shelkova 2001: 182—196). However, the issues of semantics and arrangement of the circles need further study.

The appearance of images of hanging veils in the lower registers of wall painting has an ancient tradition and originates in the early Byzantine art (the churches of the Monasteries of Bawit in Egypt, the Church of Santa Maria Antiqua in Rome of the 6th century, and other monuments). It becomes generally accepted in the Middle Byzantine period (Lidov 2009: 301). In the Russian tradition, the technique of decorating veils with ornamented medallions was developed at the turn of the 14th — 15th centuries in the painting of monuments of the Novgorod and Moscow areas. The earliest example is the frescoes of Theophanes the Greek in the Church of the Transfiguration of the Saviour on Ilyina Street in Novgorod (1378). The next monument was the Assumption Cathedral on the Gorodok in Zvenigorod with the painting of about 1400 attributed to Andrei Rublev. It is known that the frieze of shrouds decorated with circles was also made in the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin (the now lost painting of 1405 created by Theophanes the Greek and A. Rublev). The Assumption Cathedral of Vladimir also had a similar design of the lower tier of the painting (1408, Andrei Rublev and Daniil). The Cathedral of the Nativity of the Virgin of the Savvino-Storozhevsky Monastery (the beginning of the 15th century), the Cathedral of the Saviour of the Andronikov Monastery (painted by Andrei Rublev, the first third of the 15th century), the painting of the Church of the Nativity of the Virgin in Gorodnya in the first quarter of the 15th century — all of them had decorative friezes with circles running along the perimeter of all church compartments. Medallions in the Church of St. Sergius of Radonezh in the Novgorod Kremlin (painted in 1463) had a special decorative composition. The next (according to the time of its creation) monument in this group is the Cathedral of the Nativity of the Virgin in the Pafnutievo-Borovsky Monastery with

the earliest known painting of Dionysius dating back to the late 1460s — mid-1470s (Orlova 2004: 71—346). The frescoes of the above-mentioned churches have been partially preserved and today the tier of shrouds in the Cathedral of the Nativity of the Virgin in the Ferapontov Monastery is the only completely and authentically preserved one among the monuments of this period.

Symbolically, hanging fabrics depicted in the interior of Christian churches reminded of the Tabernacle and its outer curtain-fence. The fabrics were used in the decoration of the Tabernacle itself; their ornament probably consisted of flower rosettes which were later used in the carved decoration of the Temple of Solomon, as indicated in the Bible (1 Kings 6:18). Flower rosettes and dynamic, rotating circles are found on the ossuaries of the 1st — 2nd centuries, similar to the ossuary of Caiaphas (Fig. 2). Like ossuaries, ancient Russian sarcophagi were decorated with decorative circles: a slate one of the 11th — 12th centuries from the Church of the Tithes in Kiev, previously regarded as the so-called sarcophagus of St. Princess Olga (the National Reserve "Sofia of Kiev") (Fig. 3) and a wooden one discovered by M.A. Sagaydak on Podol (Sagajdak 1991: 99, Fig. 55). In the early Byzantine period, the image of the Tabernacle tent was reflected in the mosaic decoration of the cross vaults of the narthex of Hagia Sofia in Constantinople (Lidov 2009: 302—303). Marble altar barriers of Byzantine churches were decorated with carving consisting of static and dynamic circles. A similar decor was on the slate slabs-fences of the choir in the first churches of Kievan Rus. For example, the relief plates of the choir of the Transfiguration Cathedral in Chernigov (the 1030s) and the Cathedral of St. Sophia in Kiev (the 11th century) have been preserved (Arhipova 2007: 591—596) (Figs. 4—5). Both the plates of the fences and the shrouds were placed near the floor and their decor included a variety of ornamental circles-rosettes, sometimes interwoven with ribbon ornaments. It follows therefrom that dynamic and static ornaments in the circles indicate the sacred symbolism of objects (things, spaces) and as such, they are their oldest markers. They can be apparently called signs denoting the presence of God and his energies.

Researcher of the frescoes in Ferapontovo M.A. Orlova made two interesting observations, the first of which concerned the leveling by Dionysius, using the "folds" of the shrouds, the southwest and northwest corners of the cathedral (the author did not give an explanation for this). In the second case, inside the tier, the researcher identified three different groups of the shrouds, which was explained by the work of different artists (Orlova 2004: 324). The reasons for similarity and the sequence of arrangement of the circles were not revealed. Indeed, the hanging panels in the corners of the church seem to overlap each other, rounding with folds and breaking the decor. The same thing happens on the protruding corners of the door slopes (Figs. 6—7). "Draping" the corners and slopes with folds, the artist seemed to try to hide them, making the lower tier of the painting (the space where the worshippers stay) without clear boundaries, or more exactly - boundless. It is the peculiarity of only spherical space, the illusion of which can be created besides the dome structure with a circular plan similar to the Roman Pantheon (the 2nd century), the Rotunda of St. George in Thessaloniki (306) or the Church of the Holy Sepulchre (326). St. Basil the Great testifies in Homilies of the Hexameron: "In the circle, our feeling, at first glance, cannot notice the beginning... the circle runs away from our sense, and we cannot find where it began and where it ended..." (Vasilij Velikij). Thus, the circular plan is a kind of projection of the dome hemisphere onto the plane or, in the symbolic sense, "heaven" onto "earth", which corresponds to the concept of the Christian church as "Heaven on Earth" (Fig. 8).

The assumption of M.A. Orlova that the tier was painted by different people is quite acceptable, but if it was done, it was clearly not to make the groups of shrouds different. It would not be difficult to make the circles similar because the frescoes of the cathedral (a much more difficult task) were painted stylistically smoothly, to say nothing of the colour[1]. Accordingly, the difference in the shroud circles is a conscious decision of Dionysius. Now it is difficult to judge the

[1] Beside Dionysius, his sons Feodosy and Vladimir and masters of his artel participated in the decoration of the cathedral with frescoes.

thoroughness of execution and the colour intensity of the sanctuary and credence circles, since their state of preservation is much worse than in the naos.

If you focus on the tone of the background behind the white panels, then the shrouds of the cathedral should be divided not into three groups, but into two: grey blue backgrounds and circles — the southern half of the church and black backgrounds and circles — the northern one (Fig. 9). It should be noted that according to the monastic Inventories, the southern and northern cathedral doors were called "noon" and "midnight": "В тое ж соборную церковь и с паперти ж *от полуденные стороны вход* <…> Подле тех *дверей полуденных* образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия" (GAVO. F. 496. Op. 1. D. 1663. L. 59) (my italics — O.S.). Similarly, the interior of the church was also divided into the noon (light, southern) and midnight (dark, northern) halves. This division was continued in the sanctuary of the cathedral that proves the difference in the background behind the shrouds: it was black on the left and grey — on the right (Figs. 10—11). It is noteworthy that this division was emphasized by the throne and the footstool of the Virgin, made on the contrast of light and shadow (Fig. 12). The side north apse referred to the midnight (Prothesis) half and the south apse — to the noon (the Side-Chapel of St. Nicholas) half (Figs. 13—14).

It is known that the liturgical hours in medieval Russia, in accordance with the Byzantine ones, were divided into day and night (Simonov 2004: 320—325) (Fig. 15). Astrological texts, considering the influence of planets on the hours and days of the week, were also popular. For example, one of such texts was the treatise "According to this, the hours are implied as day and night", which was a part of the handwritten "The Book of Psalms" of the turn of the 15th — 16th centuries (RSL. F. 354. No. 14. P. 663) (Simonov 2015: 93). When the cathedral space is perceived along the east-west axis from the sanctuary (the sanctuary is the main sacred center of the church space), the cycle of daily services according to the Byzantine clock will coincide with the first and second groups of the shrouds, with noon (12.00) falling on the southern doors (noon), and midnight (00.00) on the northern (midnight). Each individual ornamental circle, in our opinion, could symbolize a week, whereas 52 circles-weeks taken together formed a full liturgical year. The number of circles was not chosen by chance: a larger or smaller radius directly affected their total number. Furthermore, the distances between the circles varied and it indicates the conscious decision of the masters to fit the necessary number of ornaments into the tier of shrouds. Thus the daily, weekly and annual liturgical cycles were probably conveyed through the symbolism of ornamental veils in the cathedral.

The relevance of the issue of liturgical time is evidenced by a number of details in the interior of the cathedral: there are numerous graffiti of the 16th — 19th centuries in the upper part of the veil on the northern side of the north-eastern pillar, located behind the iconostasis. Among them there are drawings, calendar dates and names of sacristans (Fig. 16). Sacristans occupied the place behind the northern pillar during the services, when they did not perform liturgical duties[2]. A group of signs placed among the inscriptions is of interest within the framework of this research. Basically, these are images of the circles divided into segments with lines drawn through the center (Fig. 17). In the first drawing, evenly drawn lines divide the circle into 24 parts. Next to it there is its less successful counterpart, in which the same 12 lines of different length tend to intersect, but do not intersect at one point. The number of segments formed from the intersection suggests a parallel with the hour daily circle, or rather with the scheme of the Byzantine liturgical hours, which the sacristan could use during services. It is curious that the image of a similar, but divided into 12 segments (2 hours each) circle in a similar place — on the shroud of the northern side of the northeastern pillar — is on the frescoes of 1564 in the Transfiguration Cathedral in Yaroslavl (Figs. 18—19). The presence of a scheme resembling the liturgical hours in the same places of both churches may indicate the existence of a peculiar tradition. If this is the case, then this observation has a connection with the hanging shrouds in Ferapontovo and also shows the direct image of this particular scheme in the

[2] Graffiti reveal the following: on the opposite side of the credence there is one more graffiti specifying that it was a "понома(р)ское мѣсто". Now compartments located near the sacristan's doors in the church credence are the places where sacristans usually stand during the service.

church space both in the Transfiguration Cathedral and in the graffiti version of the Nativity of the Virgin Cathedral. The very fact of visualization of the Byzantine liturgical hours already admits the possibility of existence of both earlier images of them and other conceptual solutions, similar to the shrouds of Dionysius in the Cathedral of the Nativity of the Virgin.

Let's take a closer look at the ornamental circles. If this cycle really symbolizes the liturgical hours, then the ornaments should also move like a clock that is going. All the circles of the cathedral can be divided into static (Fig. 20), called due to the compositional solution, but not tonal and colouristic, often creating the effect of "vibration" and "radiance" (they are beyond the scope of our study); dynamic or rotating ones (Fig. 21); and circles resembling funnels: only their periphery "moves" and the stationary center seems to draw it into itself (Fig. 22). In this sense, the latter resemble whirlpools or galaxies.

Let's consider the circles starting the movement from the first group of the veils to the second: from the Side-chapel of St. Nicholas to the southern and then the western doors. The first circle of the chapel (the beginning of the first group) rotates counterclockwise (Fig. 23), the next one after it rotates clockwise. This movement is picked up by another rotating circle located to the right of the south door (Fig. 24) and a disk partially "hidden" by drapery in the southwest corner of the cathedral. Further, two circles are placed on the western wall, the movement in which continues clockwise (Fig. 25). Moving along the western wall, we turn to the second group. In the north-western corner of the cathedral, there are two circles spinning clockwise, the left one is partially hidden behind the "folds" (Fig. 26). They are echoed by the sign on the north wall (Fig. 27), where, due to the complexity of the drawing, the ornament failed. In the credence to the left of the window, there is a disk rotating clockwise (Fig. 28), and there is a circle "funnel" at the passage from the credence to the sanctuary.

The circles in the sanctuary differ from the others; they are of different size because the synthronon was located in the apse. On the north side there are two disks rotating clockwise (Fig. 29). The disk located to the right of the window picks up the movement (Fig. 30). It is noteworthy that under the window, above the synthronon, there is a static circle, the basis of its ornament is a cross (Fig. 31). In front of the passage from the sanctuary to the sacristy (the Side-chapel of St. Nicholas), there is a circle "funnel", and under the figure of Metropolitan Peter there is a circle with the clockwise rotation of elements. On the plan of the cathedral, where the layout of static and dynamic circles is presented, we can see that rotating disks are arranged evenly in the church and they set out the direction of clockwise movement of the entire cycle in circle (Fig. 32), which corresponds to the movement of time according to the Byzantine liturgical hours.

We can see in the plan-scheme discussed above that the Side-chapel of St. Nicholas remains uncovered with the general movement; it lacks any decoration of the shrouds in the sanctuary area. There could be several reasons for this. Exceedance of the number of circles would violate the symbolism of the annual circle of services consisting of 52 weeks. However, if the artists had a task to introduce ornaments into the southern apse (the Side-chapel of St. Nicholas) preserving their total number, they could increase the distances between the disks, but as we see, there was not such a task. In terms of technology, the shrouds of the side-chapel were painted quickly, the masters did not have time to smooth out and compact the priming (levkas) laid on the wall: the painter who created the folds of the shrouds followed them and sometimes was ahead of them. In some areas of the chalk ground, you can see some traces of his brush with long hairs that more than once stuck in the loose prime coat (Fig. 33). During Dionysius' work, the second, inner iconostasis (partially blocked by the main iconostasis) was located in the depths of the Side-chapel of St. Nicholas, dividing the cramped space of the chapel into two parts. Behind the iconostasis there was an altar covering a significant part of the shrouds. If we take into account that the services in the cathedral were held only in the warm season and the Side-chapel of St. Nicholas was used rarely, then the moment of inexpediency of the decoration of the lower level of the painting probably played a decisive role in this case.

It is noteworthy that the rotating ornaments of the Side-chapel of St. Nicholas located next to the entrance move in opposite directions from each other: the first circle towards the side chapel, the second to the naos. A similar and seemingly counter movement of the circles (united with a common clockwise direction) can be seen in the altar apse on the sides of the altar pillars: the southern side of the north-eastern pillar — the movement of the disk goes to the sanctuary, the northern side of the south-eastern pillar — the movement goes to the naos (Figs. 34—35) It is most likely the way how the ornaments "responded" to the liturgical actions of the priest and his walking from the Royal Doors into the church space and back, small and great Entrances, the carrying-out of the Gospel, and so on. An indirect proof of such a hypothesis is the following visual example: in the exterior fresco of the western portal created simultaneously with the painting of the cathedral, the Archangel Gabriel is depicted to the right of the main doors. He is marching with a scroll towards the entrance, as if leading everyone who approaches the church (Fig. 36). The circle on the shroud located under him rotates in a similar direction, and under the image of the Archangel Michael presented frontally (to the left of the doors), the ornamental circle is static (Fig. 37). It is noteworthy that the original colour of the circles and backgrounds behind the veils of the archangels was also different: black on the left and grey on the right. Accordingly, the symbolism of the daily circle of divine services with its division into night and day services was already reflected in the portal shrouds. It indicates the single conceptual solution of the lower tier of the painting in the Nativity of the Virgin Cathedral.

The circles of the "funnel" are of particular interest in the cycle (Fig. 38). The first is located on the western side of the north-western pillar (to the left of the main entrance), the second in the passage from the sanctuary to the credence, the third in front of the passage from the sanctuary to the Side-chapel of St. Nicholas, which was later blocked with a thin wooden wall. The regularity of the arrangement of such disks is that they are placed on the borders of church spaces: from the western compartment to the naos, from the sanctuary to the credence and the Side-chapel of St. Nicholas.

Now it is difficult to say whether there was a similar to the Nativity of the Virgin Cathedral concept of the arrangement of circles on the shrouds in other monuments or whether they performed a purely decorative function. It can be assumed that, in the previous, earlier projects of Dionysius, that included not only the above-mentioned murals of the Pafnutievo-Borovsky Monastery, but also the frescoes of the Iosifo-Volokolamsk (1485) and the Chigasov (the 1490s) Monasteries, this idea was either already used or was just being formed. In the preserved monuments of monumental painting of the 16th and 17th centuries, the ornaments of the veils have a purely decorative function (cathedrals of the Moscow Kremlin, Rostov and Yaroslavl lands and others).

Thus, the uniqueness of the tier of shrouds of the Cathedral of the Nativity of the Virgin in the Ferapontov Monastery consists not only in its originality, but also in the fact that Dionysius depicting simple iconic forms stepped beyond the bounds of ornamentation and used a circle as the basis of spatial composition (bringing to a circular plan, the closed cycle). Tonally and rhythmically (directing the movement of the circles clockwise), the artist interpreted the ornamental circles on the shrouds as a symbol of the Byzantine clock, thereby combining the space of the cathedral with the services of the daily circle.

The considered example of the tier ornament gives a completely new picture of the perception of the church space: not monumental and static, but as if rotating clockwise. This movement is echoed by the cycles of painting placed above: "Ecumenical Councils", "The Great Akathist of the Mother of God", the frescoes of the lunettes, the arches and the drum with semi-figures of saints in the coloured circles of glory. Such perception corresponded to the Byzantine concept (Lidov 2011: 35), where space was perceived as mobile environment in circular motion, and the Epiphany was presented as an everlasting process that has neither beginning nor end.

References

Arhipova, E.I. 2007. Arhitekturnyy dekor i monumentalnaya plastika Kievskoy Rusi. Konec X — nachalo XII veka (Architectural Decor and Monumental Plastic Arts of Kievan Rus. Late 10th — early 12th centuries). In: Komech, A.I. (ed). *Istoriya russkogo iskusstva. Iskusstvo Kiyevskoy Rusi. IX – pervaya chetvert' XII veka (History of Russian Art. Art of Kievan Rus. 9th — first quarter of the 12th centuries)*. Vol. 1. Moscow: Severnyi palomnik, 570—617 (in Russian).

Vasiliy Velikiy. Besedy na Shestodnev. Beseda 1 (Homilies of the Hexameron. Homily 1). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/ (accessed 03.02.2023).

GAVO. F. 496. Op. 1. D. 1663. L. 59. Knigi opisnye Ferapontova monastyrya belozerskogo igumena Feofana z bratieyu noyabrya dnya 1747 goda.

Orlova, M.A. 2004. *Ornament v monumental'noy zhivopisi Drevney Rusi. Konec XIII — nachalo XVI v. (Ornament in Monumental Painting of Ancient Russia. Late 13th — early 16th centuries)*. Moscow: Severnyi palomnik (in Russian).

ramiyudovin.com: 1: Ossuary of Caiaphas. Available at: https://ramiyudovin.com/kaifa/ (accessed 03.02.2023).

Lidov, A.M. 2009. *Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiyskoy kul'ture (Hierotopy. Three-Dimensional Icons and Images-Paradigms in the Byzantine Culture)*. Moscow: Feoriya (in Russian).

Lidov, A.M. 2011. Vrashhayushhiysya hram. Ikonicheskoe kak performativnoe (Rotating Church. Iconic as Performative). In: Lidov, A.M. (ed). *Prostranstvennyye ikony. Preformativnoye v Vizantii i Drevney Rusi (Three-Dimensional Icons. Performative Byzantium and Ancient Rus)*. Moscow: Indrik, 27—51 (in Russian).

Sagaydak, M.A. 1991. *Davn'okyyivs'kyy Podi: Problemy topohrafiyi, stratyhrafiyi, khronolohiyi (Ancient Kyiv Podi: Problems of topography, stratigraphy, chronology)*. Kyiv: Naukova dumka.

Simonov, R.A. 2004. Kalendarnoe vremya v drevnerusskoy kosmologii (Calendar Time in Old Russian Cosmology). In: Barankova, G.S. (ed). *Drevnerusskaya kosmologiya (Old Russian Cosmology)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 320—325 (in Russian).

Simonov, R.A. 2015. Kak mogla vozniknut' neptolemeevskaya traktovka “upravleniya” vremenem, predstavlennaya v slavyano-russkih tekstah (How Non-Ptolemaic Interpretation of Time “Management” presented in the Slavonic and Russian Texts Could Emerge). In: Konyavskaya, E.L. (ed). *Pravoslavnaya Rus'. Voprosy mediyevistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*. No. 4 (62). Moscow: Indrik, 93—96 (in Russian).

Shelkova, E.N. 2001. Tehnologiya stenopisi Dionisiya (poyas polotenec) (Technology of Dionysius' Wall painting (the Tier of Shrouds)). In: Konovalov, F.Ya. (ed). *Kirillov. Istoriko-krayevedcheskiy al'manakh (Kirillov. Historical and local history almanac)*. IV. Vologda: Rus, 182—196 (in Russian).

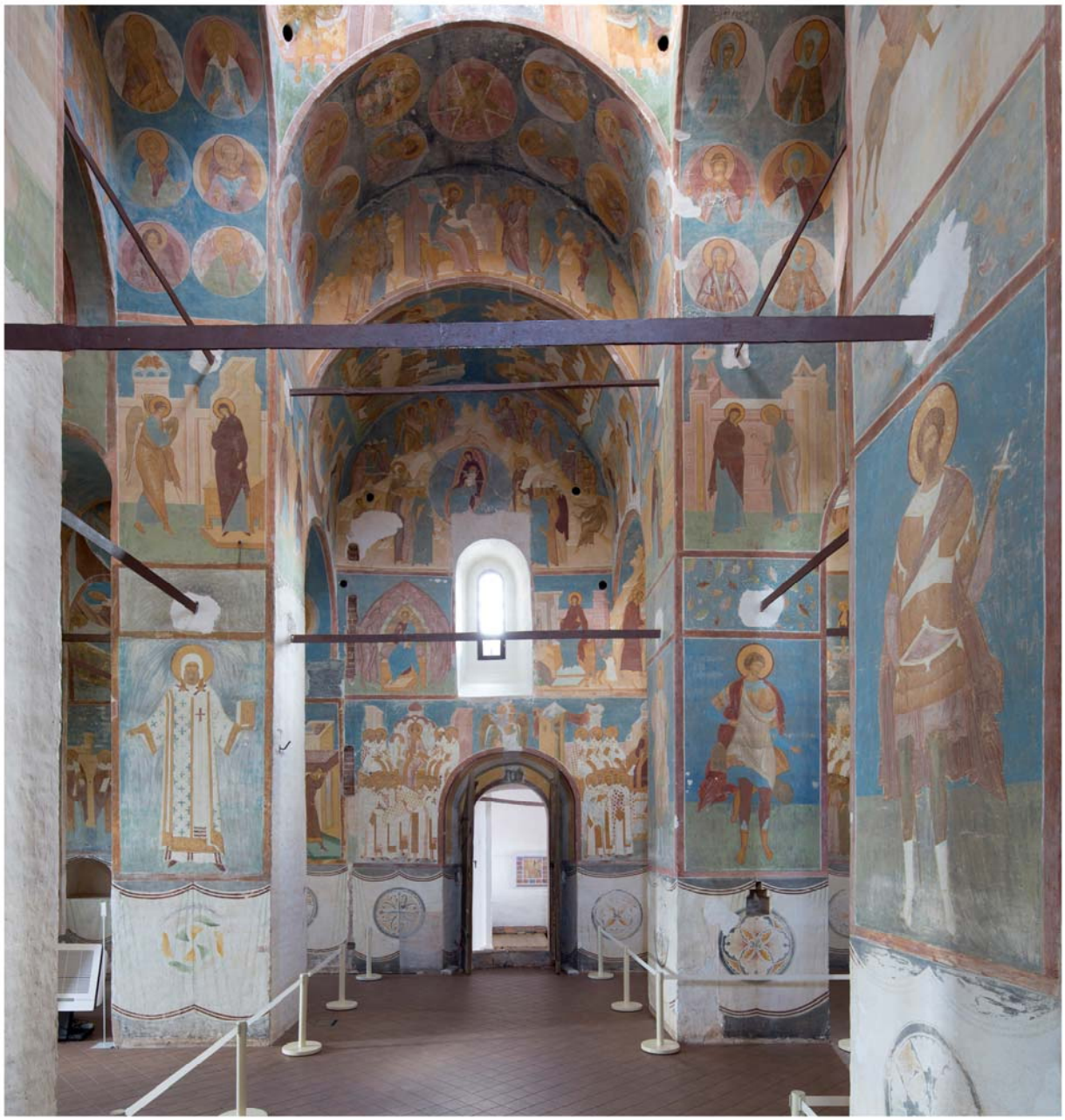


Fig. 1. Interior of the Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Frescoes of 1502, Dionysius and his workshop. Photo by I. Khobotov.

Fig. 2. Ossuary of Caiaphas. 1st century. Judaea (after ramiyudovin.com: 1).

Fig. 3. Sarcophagus. 11th — 12th century. Tithe Church in Kiev. (the National Reserve "Sofia of Kiev") (after Arhipova 2007: 616, Fig. 653).

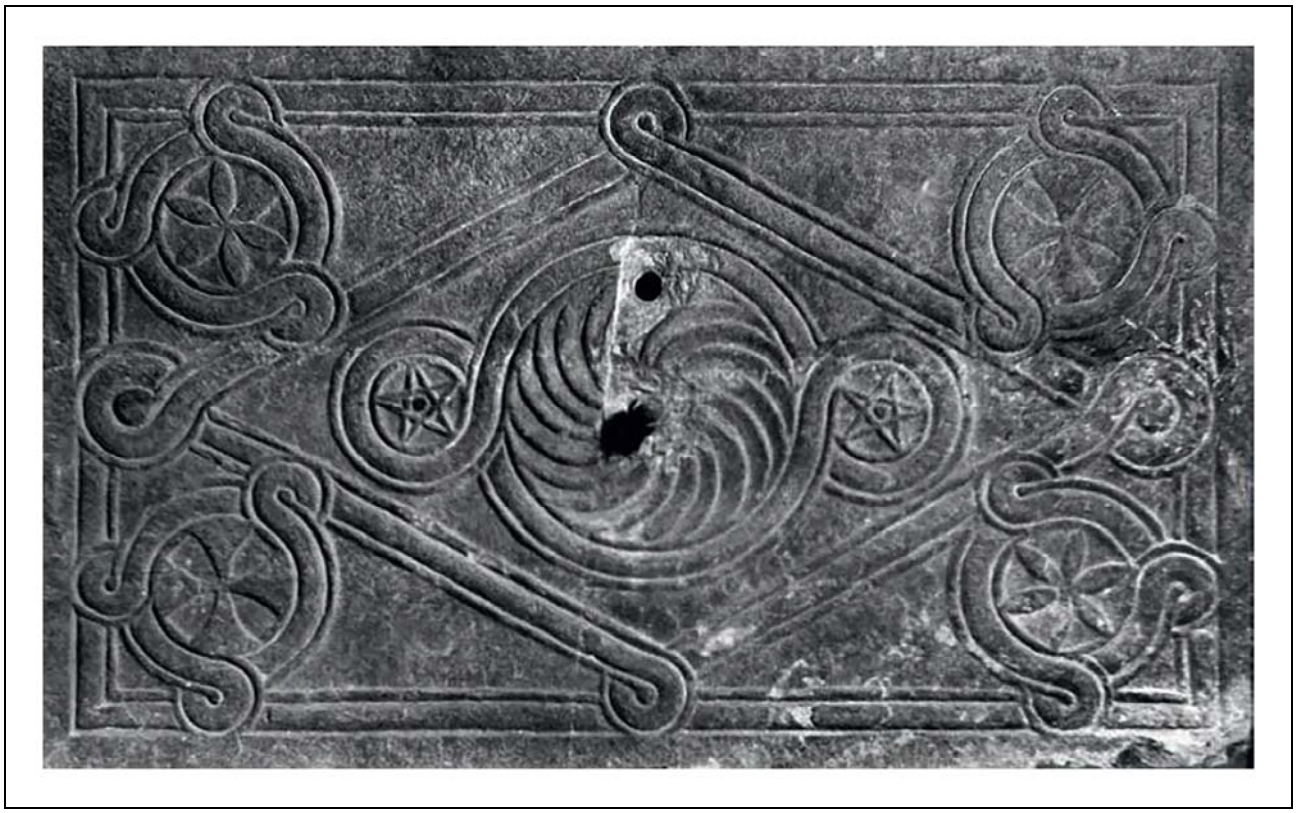


Fig. 4. Parapets of the choir balconies from the Cathedral in Chernigov. 11th century (after Arhipova 2007: 591, Fig. 619).

Fig. 5. Parapets of the choir balconies from the Saint Sophia Cathedral in Kiev. 11th century (after Arhipova 2007: 596, Fig. 628).

Fig. 6. Leveling the corners with “folds” in the Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 7. Leveling with "folds" of the door slopes in the Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

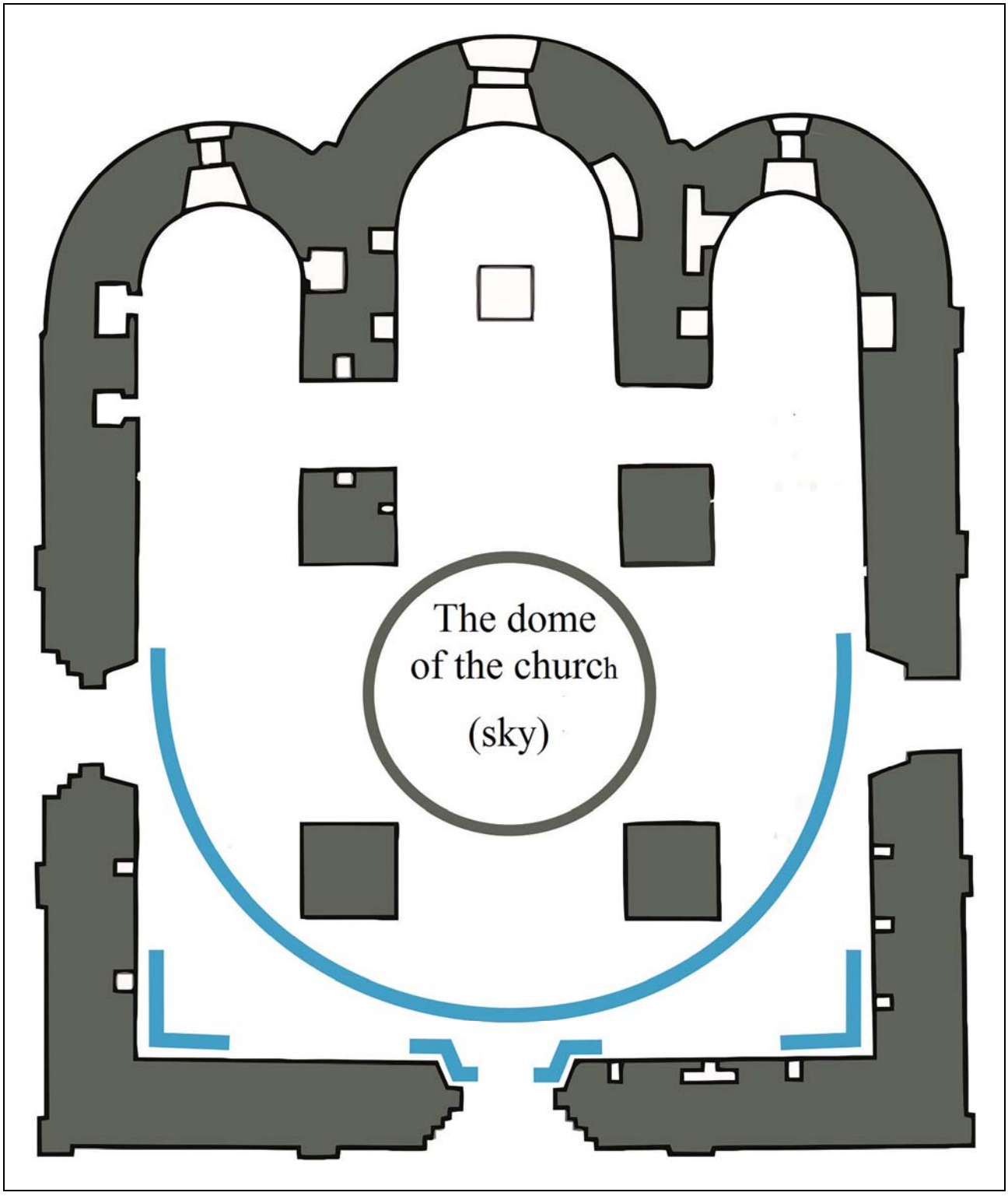


Fig. 8. Scheme: round plan — "Heaven on Earth". Drawing by the author.

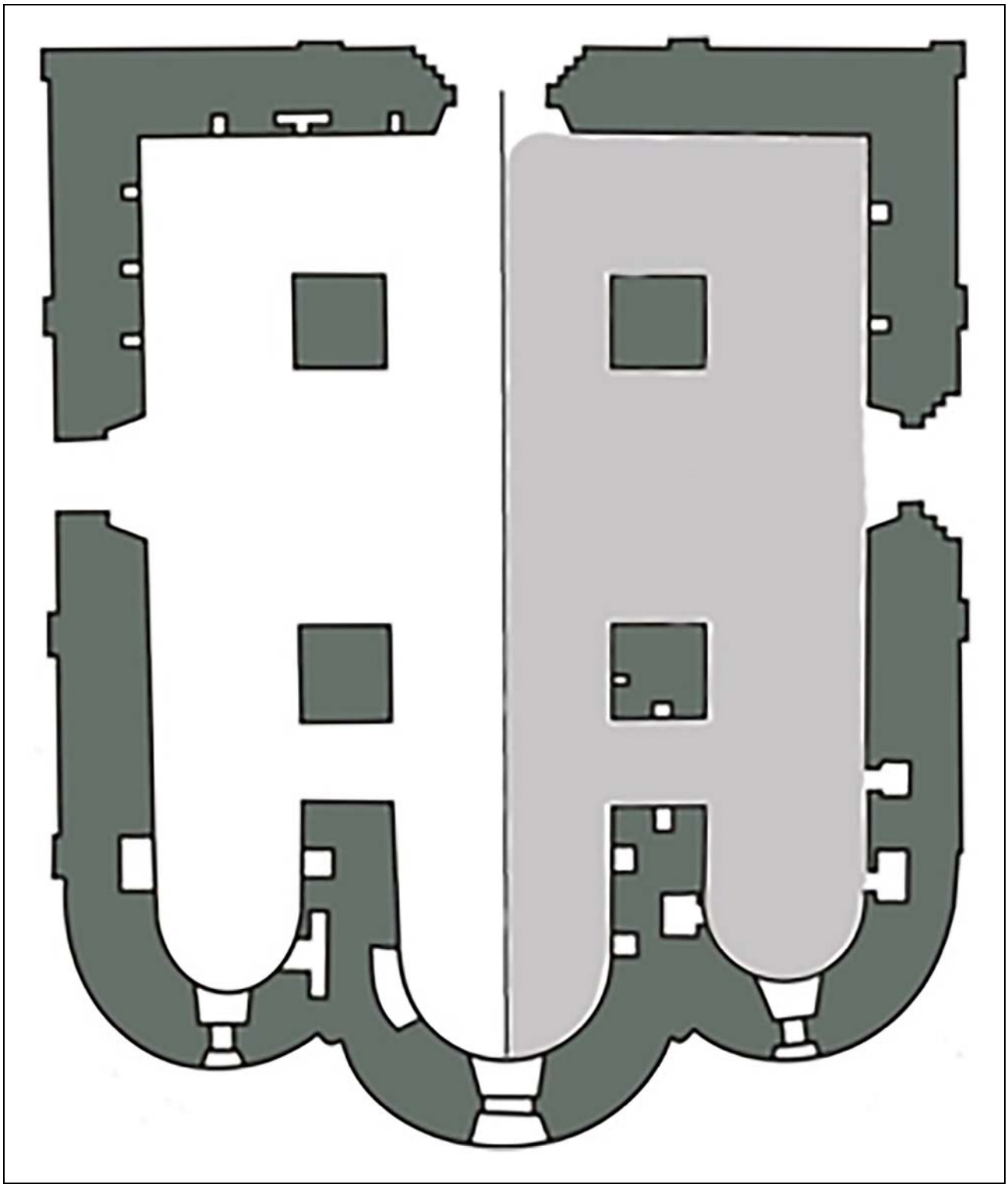


Fig. 9. Scheme of the space division of the Nativity of the Virgin Cathedral into “night” and “day” zones. Drawing by the author.

Fig. 10. Grey background colour behind the shrouds on the south wall of the altar apse. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 11. Black background colour behind the shrouds on the north wall of the altar apse. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

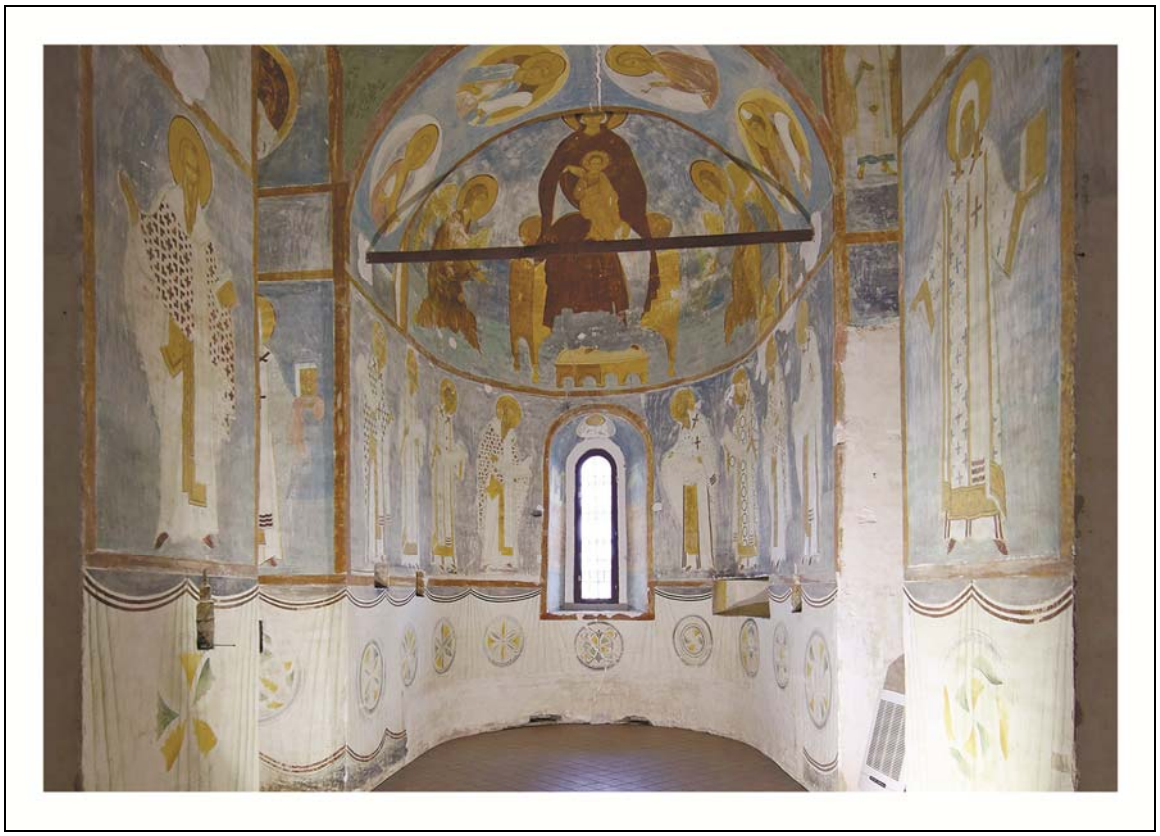


Fig. 12. Frescoes of the altar apse. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 13. Black background colour behind the shrouds in the north apse. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 14. Gray background color behind the shrouds in the south apse. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

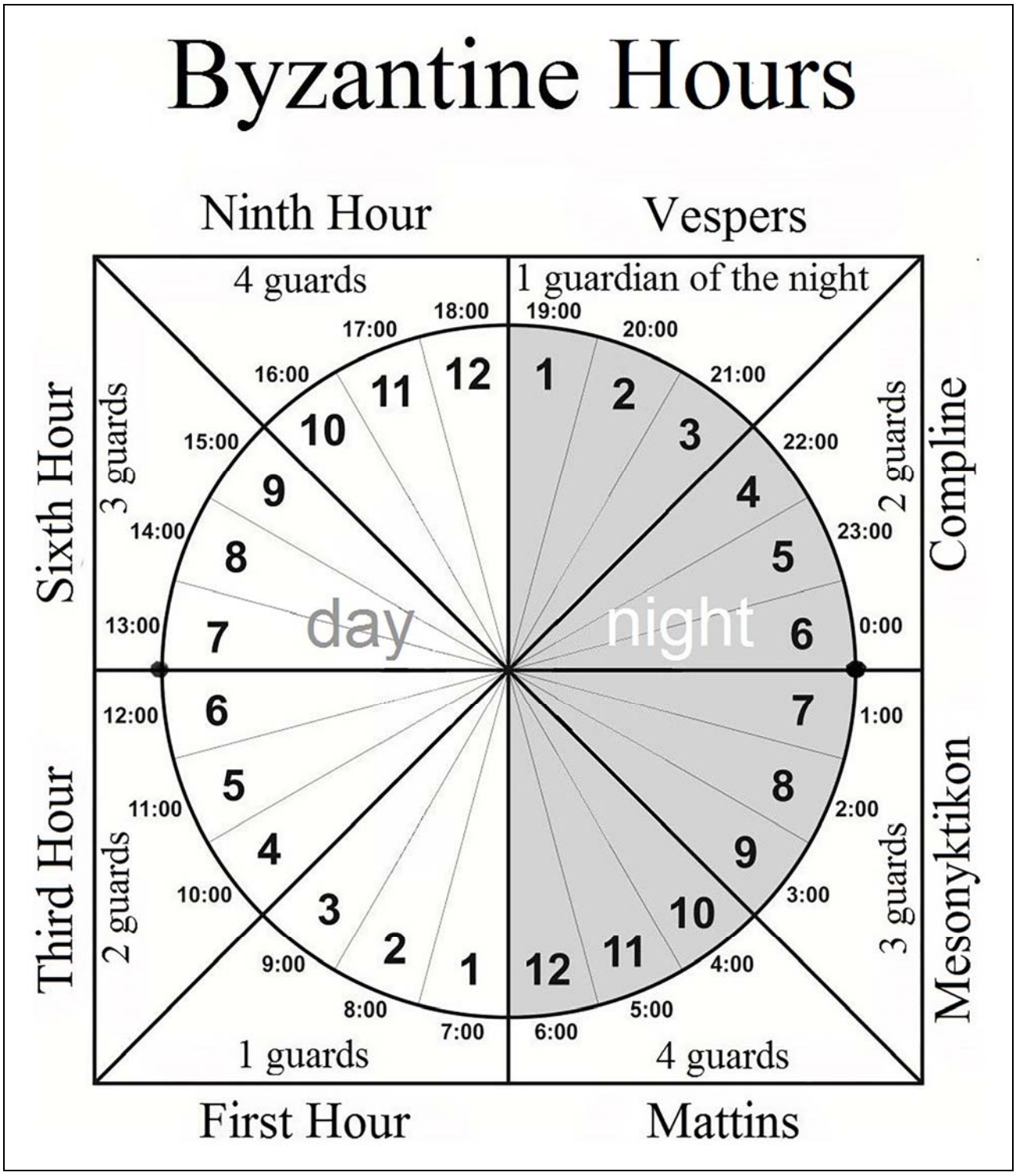


Fig. 15. Scheme of the circle of daily services (Byzantine hours). Drawing by the author.

Fig. 16. Graffiti in the upper part of the tier of shrouds of the north-eastern pillar. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by the author.

Fig. 17. Graffiti circles divided into 24 segments. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 18. The image of a circle divided into segments in the upper part of the tier of shrouds of the north-eastern pillar. Fresco of 1564. Transfiguration Cathedral, Yaroslavl. Photo by the author.

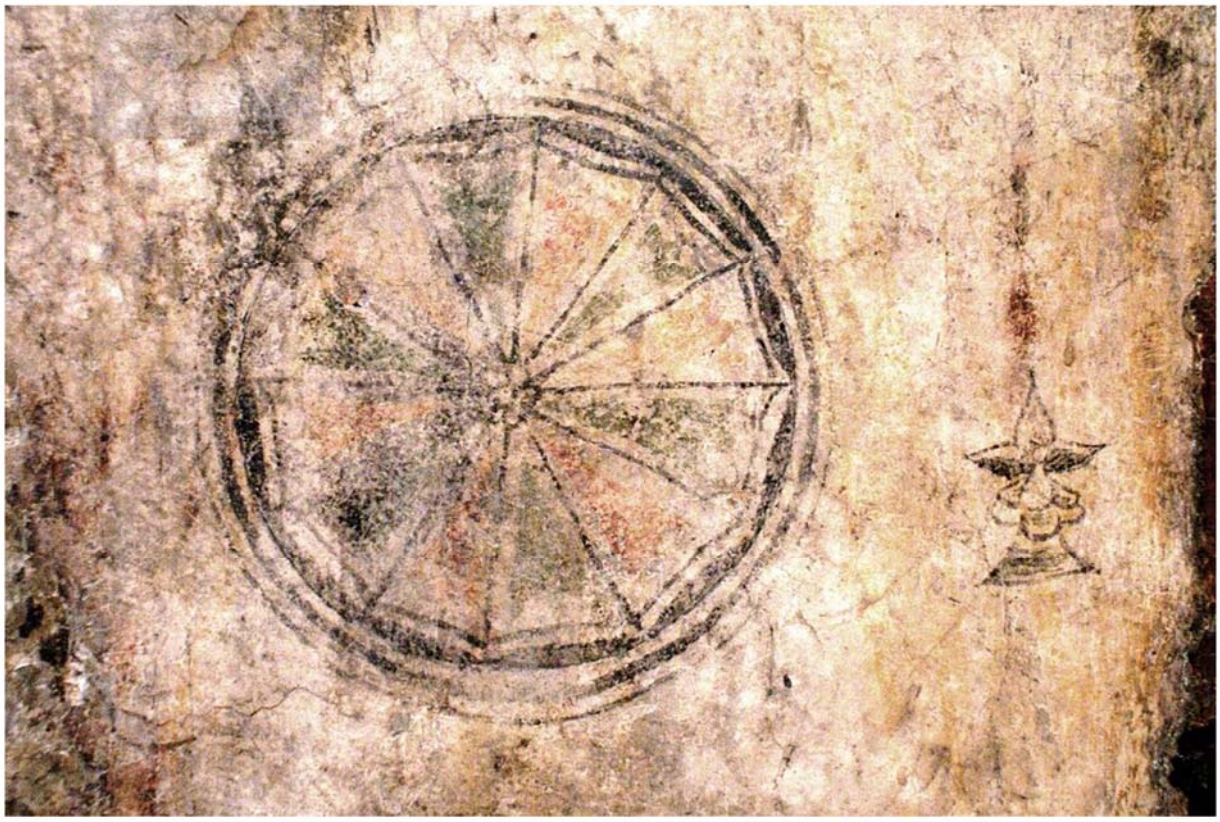


Fig. 19. The image of a circle divided into segments in the upper part of the tier of shrouds of the north-eastern pillar. Fresco of 1564. Transfiguration Cathedral, Yaroslavl. Detail. Photo by the author.

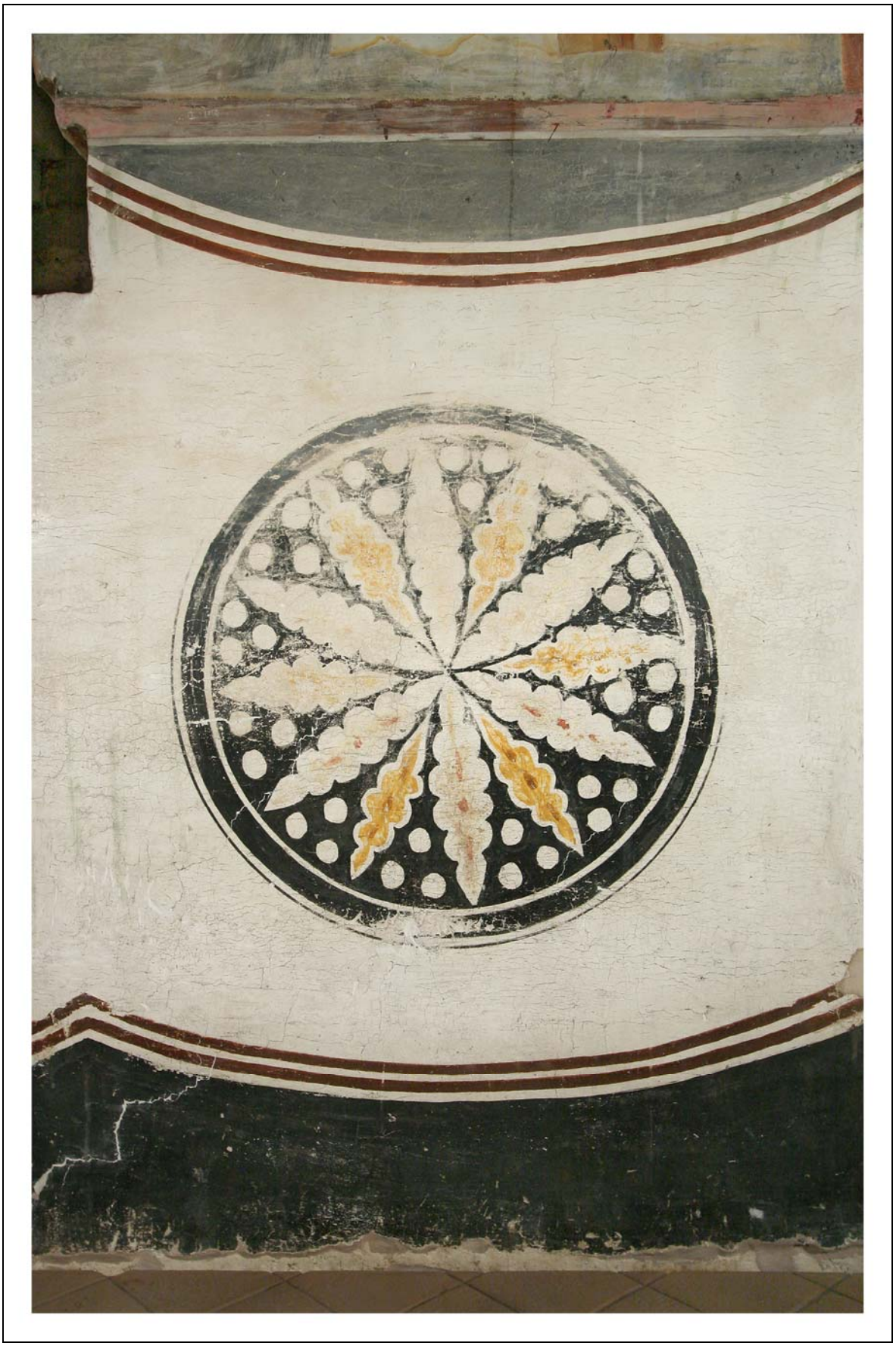


Fig. 20. Static circle. Fresco of 1502. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 21. Dynamic circle. Fresco of 1502. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 22. Circle “Funnel”. Fresco of 1502. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 23. Side-chapel of St. Nicholas, south wall. Multidirectional movement of dynamic circles. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 24. South wall, dynamic circles, clockwise movement. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 25. Western wall, dynamic circles, clockwise movement. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 26. Circles in the northwest corner. Clockwise movement. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 27. Northern wall. View from the Credence of the Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

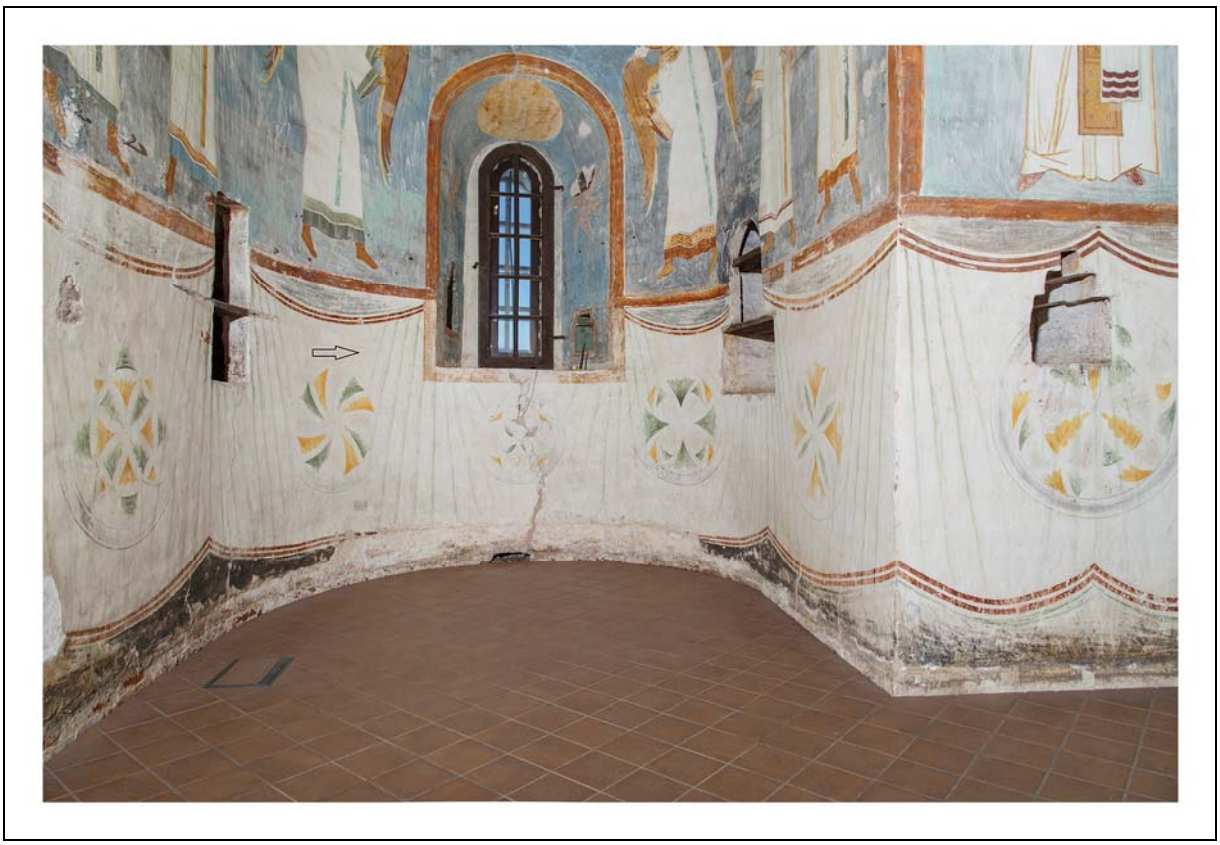


Fig. 28. Credence. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 29. Altar apse. Northern wall. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 30. Altar apse. Southern wall. The Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

Fig. 31. Circle above the synthronos. Photo by I. Khobotov.

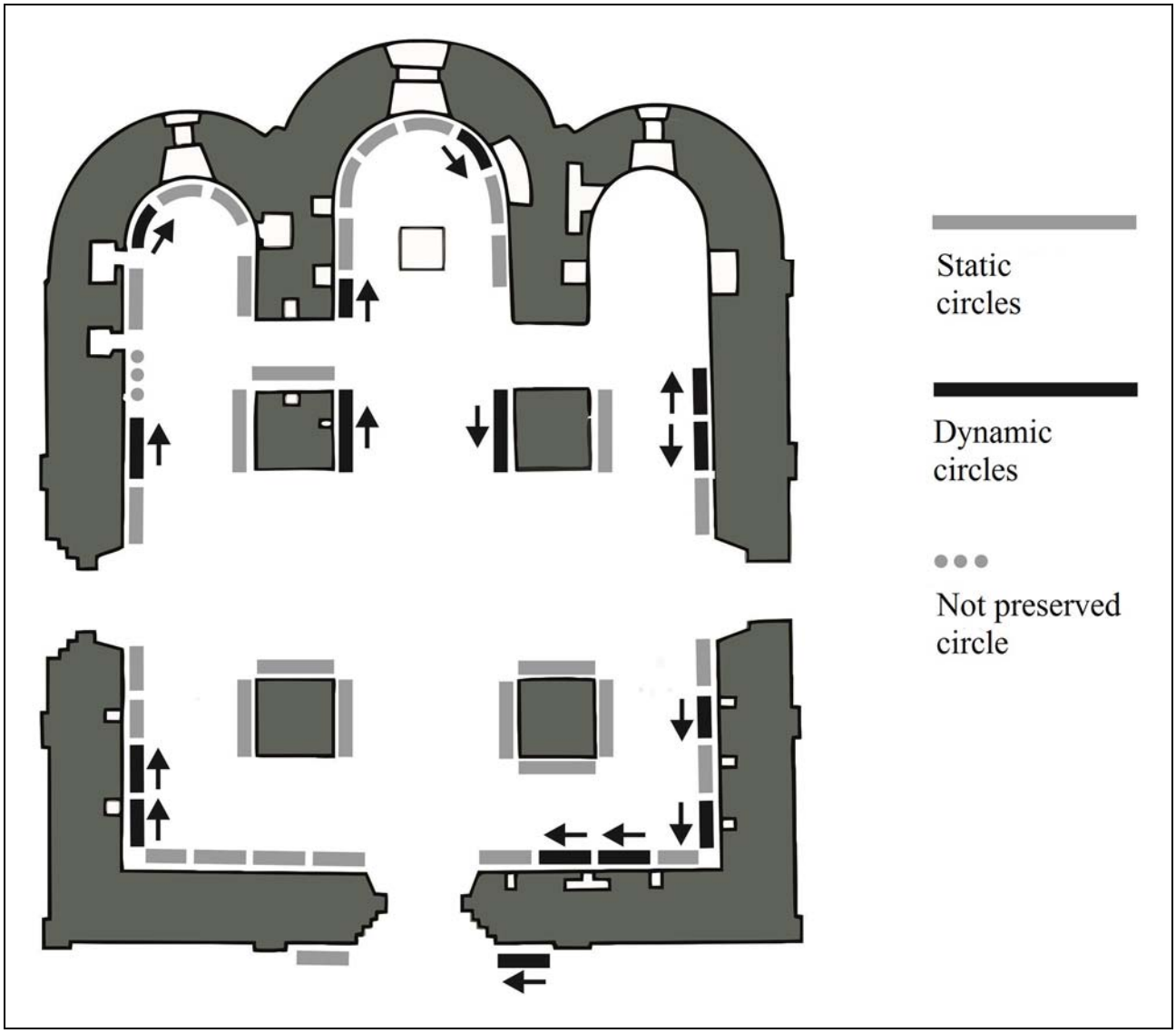


Fig. 32. Scheme of dynamic circles defining clockwise movement in the space of the cathedral. Drawing by the author.

Fig. 33. Dynamic circle on the north altar pillar. Photo by I. Khobotov.

Fig. 34. Dynamic circle on the southern altar pillar. Photo by I. Khobotov.

Fig. 35. Brush marks of the artist who painted folds of veils. Photo by I. Khobotov.

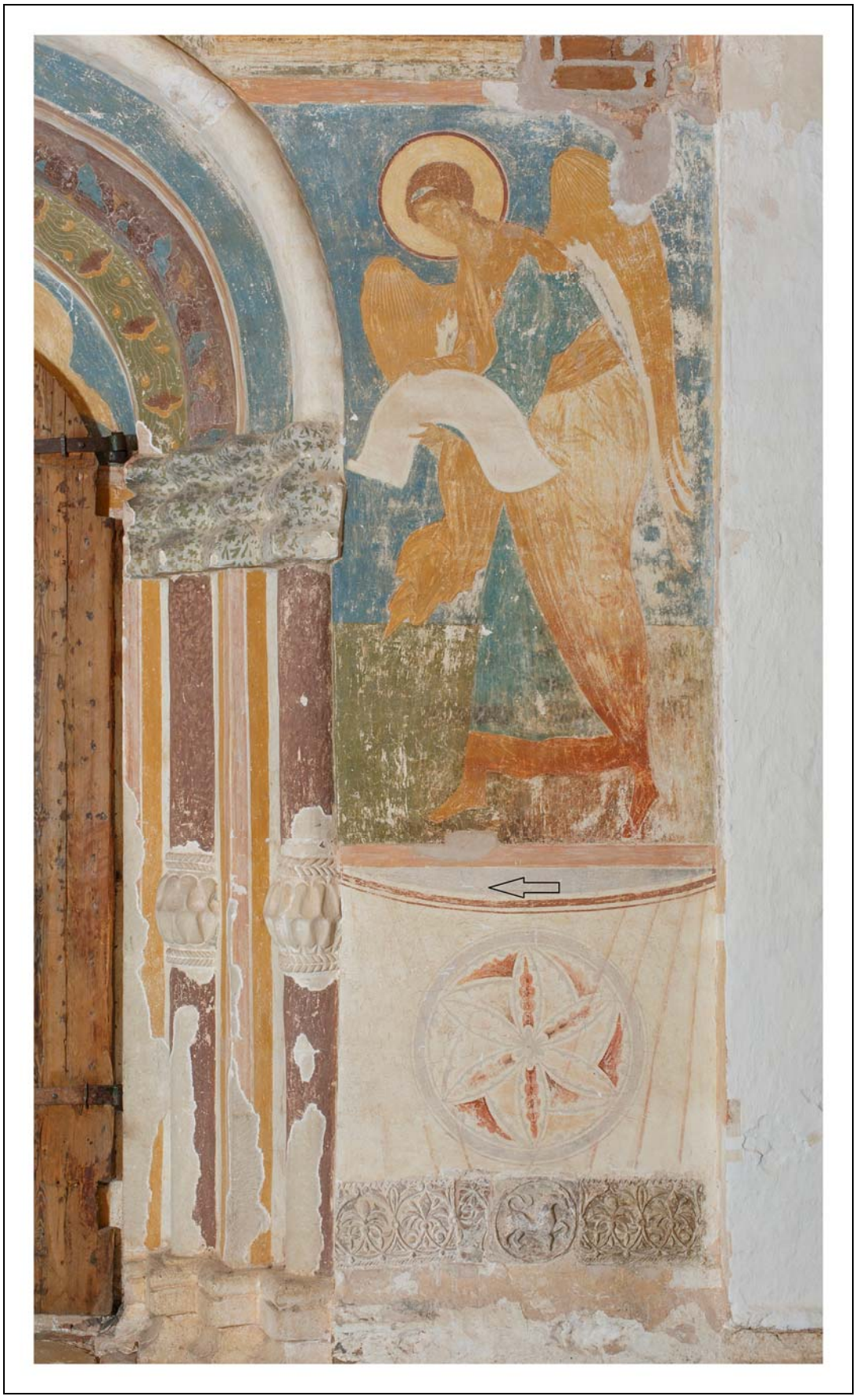


Fig. 36. Archangel Gabriel and the circle of veils under him. Fresco of the western facade of the Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

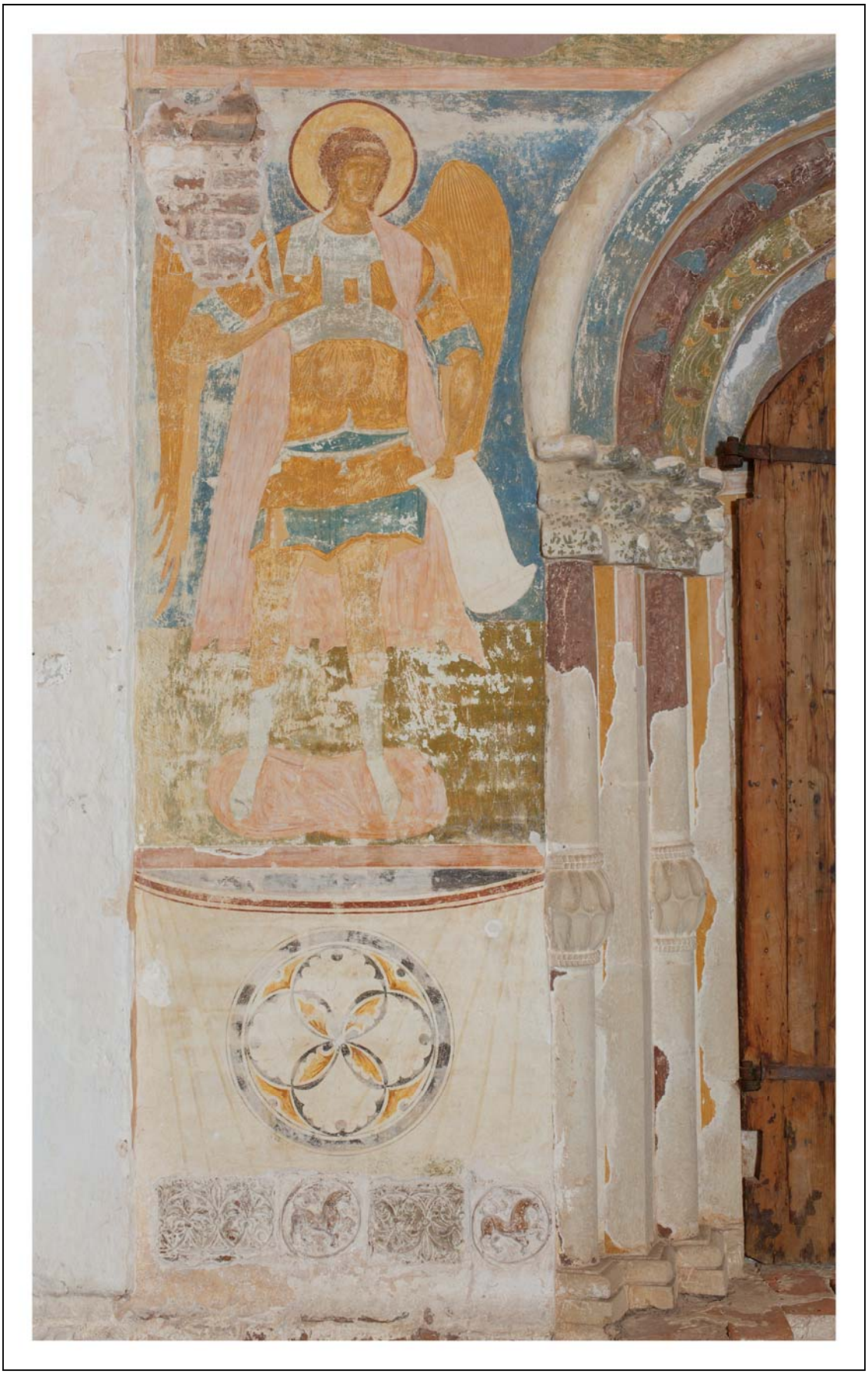


Fig. 37. Archangel Michael and the circle of veils under him. Fresco of the western facade of the Nativity of the Virgin Cathedral in the Ferapontov Monastery. Photo by I. Khobotov.

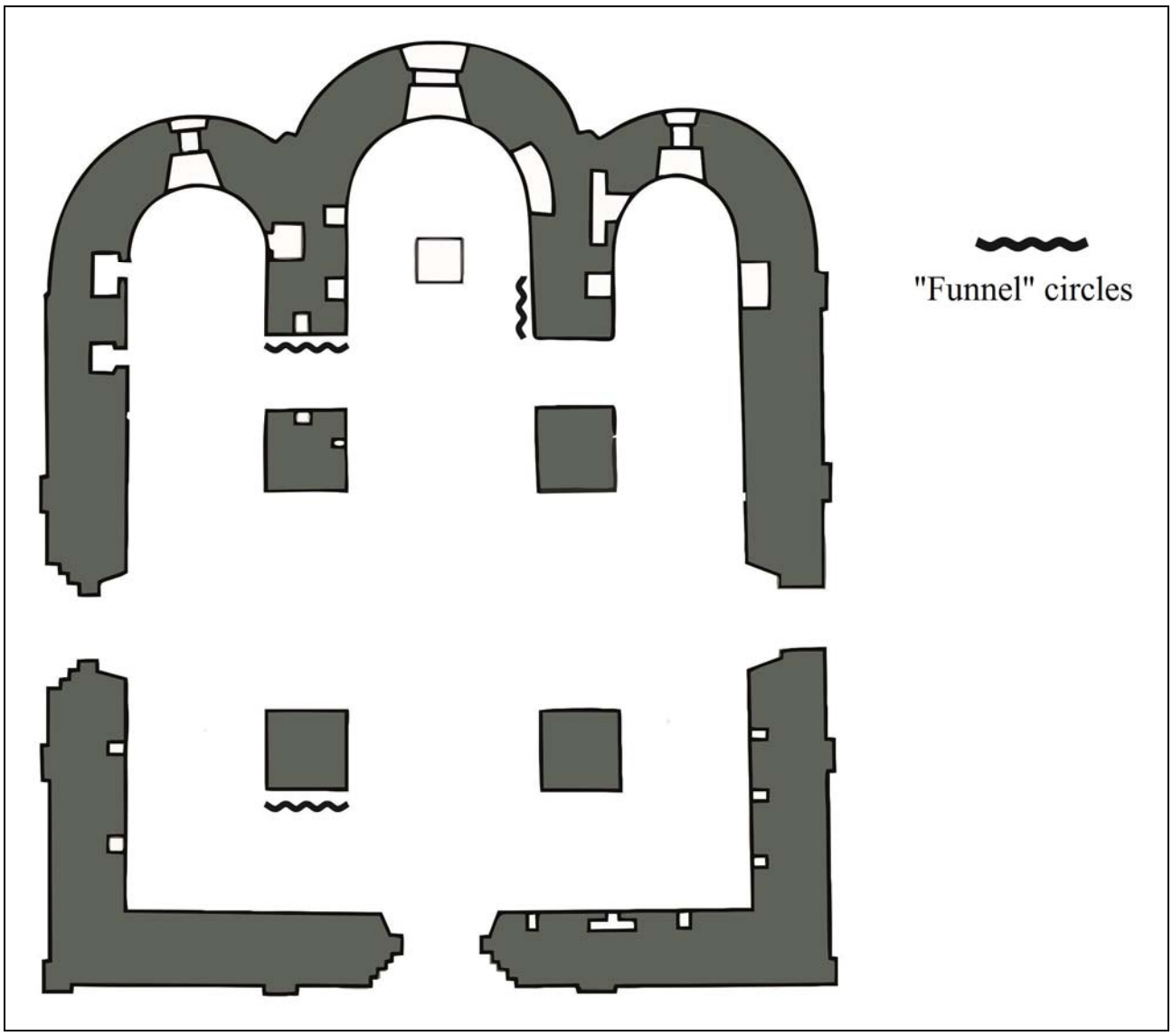


Fig. 38. Circles of the "funnel" on the borders of new spaces. Drawing by the author.

DOI: 10.53737/3288.2023.36.45.039

М.М. Маммаев

ДЕКОРАТИВНО ОТДЕЛАННЫЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ СТЕЛЫ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ XIV—XVI ВВ. ИЗ КУБАЧИ*

Статья вводит в научный оборот новые образцы камнерезного искусства, арабской эпиграфики и каллиграфии — 10 надмогильных стел женских погребений XIV—XVI вв., выявленных автором в конце XX — начале XXI в. на средневековых мусульманских кладбищах «Бидахъ хуппе» (кубач. «Могилы на той стороне»), «Цицила 2» и «Цицила 3». Кладбища находятся в 1,5—2 км к югу от старой части Кубачи, в нижней половине горного склона Цицила. Некоторые резные надгробия XIV—XVI вв. изучены автором и другими исследователями. Другие художественно отделанные образцы, в т. ч. стелы на женских могилах, пока остаются неизученными. Стелы представляют собой вертикально установленные у изголовий погребённых каменные плиты вытянуто-четырёхугольной или трапециевидной формы; отдельные из них, относящиеся к XVI в. и последующим столетиям, имеют стрельчатый верх с фигурными краями. Средневековые надмогильные памятники женских погребений сопоставляются с опубликованными автором декорированными памятниками мужских и детских погребений. Точно датированные стелы женских погребений отсутствуют. Хронология их устанавливается с учётом палеографических особенностей арабских надписей и стиля растительного орнамента. Мусульманские декоративные стелы весьма значимы для выяснения некоторых вопросов, касающихся места и роли женщины в общественной жизни средневекового Зирихгерана-Кубачи.

Ключевые слова: Дагестан, Кубачи, позднее средневековье, ислам, погребальный обряд, женские погребения, надмогильные стелы, камнерезное искусство, эпиграфика.

Сведения об авторе: Маммаев Мисрихан Маммаевич, доктор искусствоведения, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Контактная информация: 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: misrixan37@mail.ru.

M.M. Mammaev

DECORATIVELY FINISHED GRAVE STELAE OF FEMALE BURIALS OF THE 14th — 16th CENTURY FROM KUBACHI

Ten decorated female grave stelae of the 14th — 16th century from Kubachi are published and discussed here as a newly recovered sample of stone carving, Arabic epigraphy and calligraphy. Stelae were identified by the author in the end of 1990s and the beginning of 2000s at the medieval Muslim cemeteries “Bidah khuppe” (which means “Graves on the Other Side” in Kubachi language), “Tsitsila 2” and “Tsitsila 3”. These cemeteries are located 1.5—2 km south of the old part of Kubachi, in the lower half of the mountain slope of Tsitsila. Some carved gravestones of the 14th — 16th centuries have already been studied by the author and other researchers, while many artistically decorated monuments, including stelae placed on the female burials, still remain unexplored. Stelae are vertically mounted stone slabs of elongated quadrangular or trapezoid shape; some stelae, which date back to the 16th century and later on, have had lancet-like tops with figured edges. Medieval female tombstones are considered in comparative terms along with decorated stelae of male and children's graves published elsewhere by the author. Their chronology is based on the paleographic features of Arabic inscriptions and the style of floral decoration images. Decorated female grave stelae may shed a new light on some issues of the place and role of a woman in medieval Muslim society of Zirikhgeran-Kubachi.

* Статья поступила в номер 23 февраля 2023 г.
Принята к печати 15 марта 2023 г.

© М.М. Маммаев, 2023.

Key words: Dagestan, Kubachi, Late Mediaeval period, Islam, burial rite, female graves, burial stelae, stone carving, epigraphy.

About the author: Mammaev Misrikhan Mammaevich, Dr. habil. (Cultural Studies), Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 367030, Russia, Makhachkala, 75 M. Yaragsky St., Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: misrixan37@mail.ru.

Описываемые ниже надмогильные стелы женских погребений XIV—XVI вв. из с. Кубачи относятся к числу неизученных мусульманских памятников камнерезного искусства, арабской эпиграфики и каллиграфии. Они находятся на средневековых мусульманских кладбищах «Бидахъ хуппе», «Цицила 2» и «Цицила 3». Эти кладбища распложены в 1,5—2 км к югу от старой части Кубачи, в нижней половине горного склона Цицила (обращенного северной стороной к селению) и по левую сторону пешеходной дороги из нижнего квартала Кубачи в соседнее, ныне необитаемое с. Амузги.

Изучением средневековых мусульманских надмогильных памятников из селений Кубачи, Калакорейш, Дацамаже, Аштынаправились искусствоведы Э.В. Кильчевская (Кильчевская 1962: 37, табл. VII, рис. 1—8; 1968: 145—153, рис. 91—96) и П.М. Дебиров (Дебиров 1966: 25—30, 47—49, рис. 71, 134), историки-востоковеды Л.И. Лавров (Лавров 1966: 111—112, 144, 153, 179, рис. 218, 365; 1980: 27—28, 32—33, 35—36, 46, рис. 691, 821), А.А. Иванов (Иванов 1976: 163—193; 1981: 22—23; 1987: 220—222, рис. 5), А.Р. Шихсаидов (Шихсаидов 1984: 77—80, 90—95, 132—135), историк искусства М.М. Маммаев (Маммаев 2014: 184—197; 2019: 704—722). Но в их трудах надмогильные памятники женских погребений специально не рассматривались.

Близкие по форме, технике резьбы и декоративной отделке к кубачинским памятникам надмогильные стелы XVI—XIX вв. из с. Калакорейш недавно исследованы М.А. Мусаевым, Ш.Ш. Шихалиевым, М.Г. Шехмагомедовым. В опубликованной ими в 2019 г. монографии «Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше» описано большое количество средневековых надмогильных памятников родового кладбища правителей-уцмиев средневекового княжества Кайтаг (Хайдак) (Мусаев, Шихалиев, Шехмагомедов 2019: 21—178). В этой весьма ценной в научном плане работе авторы подробно описывают стелы, относящиеся к XVI—XIX вв., определяют их датировку, приводят переводы арабских надписей и эпитафий. Интересно то, что, как отмечают авторы, на кладбище уцмиев Калакорейша «не выявлены женские могилы, соответственно остается неизвестным, осуществляли ли их погребение в некрополе уцмиев. Возможно, они хоронились, но стелы не устанавливались, или же некоторая часть стел установлена у изголовья захороненных женщин, но они внешне не отличаются от мужских, и, соответственно, не могут быть идентифицированы как принадлежащие женщинам» (Мусаев, Шихалиев, Шехмагомедов 2019: 71).

Специальное изучение надмогильных памятников женских погребений из Кубачи представляет интерес в том аспекте, что оно позволит выяснить особенности их декоративной отделки, сопоставить их художественную резьбу с резьбой синхронных стел мужских погребений, а также осветить в некоторой степени положение женщины в мусульманизированной зирихгерано-кубачинской сельской общине, т.е. прояснить отдельные гендерные вопросы. Размеры и качество художественной отделки надмогильных стел служит определенным показателем роли и места женщины (как и мужчины) в обществе, маркером ее прижизненного социального статуса.

Хотя среди выявленных нами на кладбищах «Цицила» и «Бидахъ хуппе» более 100 памятников XIV—XVI вв., стелы, на которых имеются женские имена, представлены небольшим количеством ввиду того, что не на все стелы наносили имена погребенных (также, как и на стелы мужских погребений), тем не менее, можно утверждать, что

художественная отделка их не уступает по отделке памятникам мужских погребений. Но то обстоятельство, что надмогильные памятники женских погребений, на которые нанесены имена, в количественном отношении уступают таковым мужских погребений, свидетельствует о том, что полного равноправия мужчин и женщин при их жизни, вероятно, не было. Да и социальное положение всех членов средневековой кубачинской сельской общины было неодинаково. Соответственно и памятники на могилы погребенных ставились неравноценной художественной отделки.

Перейдем к описанию памятников. Они имеют различные размеры, разный уровень художественной отделки. Изготовлены стелы разными мастерами-камнерезами из местного камня — одного из твердых пород глинистого сланца. Ниже описываемые стелы по своим формам, особенностям композиционного решения декоративных арабских надписей и орнамента, их художественно-стилистическим чертам имеют близкие аналоги в декоре кубачинских стел, имеющих точные даты изготовления (Маммаев, 2014: 499—500, рис. 149, 151, 153). Это обстоятельство позволяет синхронизировать данные стелы и относительно точно датировать рассматриваемые в статье стелы, не имеющие даты изготовления.

Памятник № 1 стоит у ограды верхнего (по склону горы «Цицила») конца кладбища «Бидахъ хуппе». Это трапециевидной формы и небольшого размера каменная плита (рис. 1). Она смещена со своего первоначального места. Высота ее 63 см, ширина вверху 53 см, внизу 38 см, толщина 6 см. Очертание ее (общий контур) ассиметричное: правая сторона имеет бóльший срез, чем левая. Сохранность в целом удовлетворительная. В левом верхнем углу плиты имеются небольшие сколы. Правый верхний угол отслоился.

Стела с лицевой, хорошо сглаженной и выровненной, стороны оформлена декоративной рельефной арабской надписью в позднем куфическом стиле. Верхний и боковые края стелы огибает П-образная эпиграфическая полоса, шириной 12,5 см, с арабской надписью, которая не поддается удовлетворительному переводу из-за стилизации букв и отсутствия диакритических знаков. В надпись включены отдельные элементы растительного орнамента — листочки изогнутых форм, полутрилистники, небольшие орнаментальные «веточки». Сами буквы надписи отделаны декоративно — верхние плавно расширяющиеся концы их оформлены завитками. На верхние концы отдельных букв нанесены мелкие врезные дужки.

Контуры центрального поля памятника параллельны абрису плиты. В верхней части поля изображен круглый рельефный медальон, в который помещена рельефная, художественно выполненная арабская надпись «Аллах». Верхние концы букв надписи оформлены в виде полутрилистников.

Верхний конец медальона пересекает центральное поле и завершается в середине арабской надписи бордюра рельефным фигурным полумедальоном, заполненным внутри плетенкой растительного орнамента. Полумедальон делит декоративную арабскую надпись бордюра на две части — правую и левую. Нижний конец круглого медальона с надписью «Аллах» имеет вытянутый выступ, который заканчивается внизу крупным рельефным трилистником. Концы его лепестков заострены. Центральный лепесток имеет в середине миндалевидную выемку. Боковые лепестки трилистника оформлены в виде крупных полутрилистников.

Фон центрального поля обработан точечной фактурой, придающей орнаментальному оформлению стелы более изысканный вид.

По самому верхнему краю памятника, на обрамляющей рельефной полосе, свободной от декора, мелкими буквами нанесена врезная арабская надпись с домусульманским (?) именем погребенной женщины: «Хозяин (?) этой могилы Д.м.р. (?), дочь Ч.р. Милость Аллаха над ними»[1].

В художественном отношении рассматриваемый памятник изготовлен на хорошем уровне, по всей вероятности, опытным резчиком по камню. Декоративная выразительность

[1] Переводы этой и других арабских надписей на русский язык памятников, рассматриваемых в данной статье, за исключением надписи памятника № 10, были выполнены гл. науч. сотр. ИИАЭ ДФИЦ РАН, проф. А.Р. Шихсаидовым (1928—2019 гг.).

резьбы памятника усилена включением в рельефную арабскую надпись узорных элементов, а также орнаментальной отделкой самих букв надписи.

Датируется памятник исходя из палеографических особенностей арабской бордюрной надписи с отдельными элементами растительного орнамента серединой — второй половиной XIV в.

Памятник № 2 находится правее памятника № 1 и лежал на боку. Это одна из выразительно, художественно отделанных стел женских погребений, изготовленная на высоком профессиональном уровне. Форма трапециевидная. Высота стелы 94,5 см, ширина по верху 63,5 см, ширина внизу 52 см, толщина 7 см. Ее лицевая, хорошо выровненная и тщательно сглаженная сторона украшена декоративной арабской надписью и растительным орнаментом (рис. 2, 2а). Верх и боковые края лицевой стороны стелы окаймляет широкая (11,5 см) орнаментально-эпиграфическая полоса с полукруглым верхом, образующая своеобразную, богато отделанную полуциркульную арку. В неё помещена рельефная декоративная арабская надпись, вырезанная на фоне рельефного растительного орнамента: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха…». Буквы надписи, их вершины и основания оформлены орнаментальными элементами — полутрилистниками и трилистниками.

Надпись сделана на фоне рельефного растительного орнамента — волнистого стебля, стелющегося справа налево, с листочками разных форм. От стебля отходят в обе стороны спирально скрученные отростки, завершающиеся трилистниками. Нижние концы бордюрной орнаментально-эпиграфической полосы завершаются острыми выступами.

Верхние боковые углы стелы украшены крупными двойными рельефными полутрилистниками.

В верхней части центрального поля расположен рельефный круглый медальон с заостренным верхом, обрамленный такой же круглой рельефной рамкой. В медальоне помещена рельефная арабская надпись «Аллах», выполненная декоративно трактованными буквами с верхними концами в виде полутрилистников. Ниже медальона находятся два раздваивающихся полумедальона, которые сходятся в верхней части. На их поверхности нанесена врезная арабская надпись: «Владелица этой могилы Бамиззу (?), дочь Йикиз. Да смилостивится над ней Аллах». Полумедальоны заключены в фигурную рамку. От ее нижнего конца отходит вниз крупный рельефный трилистник, упирающийся острым концом верхнего лепестка в середину нижнего конца центрального поля. Фон центрального поля, как и на памятнике № 1, обработан фактурно точками (бучардовая фактура), придающими стеле и ее орнаментальному оформлению более выразительный вид.

Совмещение мелких и крупных орнаментальных элементов, плотно заполненной художественной надписью и растительным орнаментом окаймляющей полосы с относительно свободным от декора центральным полем с точечной отделкой фона придают стеле необычно яркий художественный облик, демонстрирующий высокое мастерство камнереза.

Палеографический и орнаментальный стиль, особенности декоративной отделки надписи и форма памятника позволяют датировать его серединой XV в.

Памятник № 3 находится в 3 м левее памятника № 2. Это небольшого размера стела вытянуто-четырехугольной формы сравнительно хорошей сохранности, но заросшая лишайником. Этот памятник ранее издавался нами (Маммаев 2019: 720, рис. 2), но позволим его вновь опубликовать, чтобы читатель имел возможность сопоставить его форму и декор с таковыми других публикуемых стел женских погребений, а также для возможно полного описания стел, на которых высечены имена похороненных женщин.

Размеры стелы: высота max. 64 см, ширина по верху 51 см, ширина по основанию 48 см, толщина 6 см. Лицевая, хорошо сглаженная сторона, украшена крупным рельефным растительным орнаментом (рис. 3). Верх и боковые края ее занимает широкая декоративная полоса с заключенным в ней орнаментом в виде вьюнка: сверху вниз вьется волнистый стебель с отходящими от них в обратную сторону вправо и влево крупными побегами — трилистниками и дважды (симметрично расположенными по обеим сторонам в

расширяющихся участках орнаментальной полосы) четырехлистниками, на лепестках которых сделаны мелкие врезные двойные или тройные дужки.

Нижняя половина этой орнаментальной полосы имеет по бокам стелы форму обращенных вниз крупных полутрилистников, заполненных растительным декором.

На узкую гладкую ленточную полоску, обрамляющую орнаментальную полоску и примыкающую к верхней части центрального поля, нанесена врезная арабская надпись: «Владелица этой могилы Хади, дочь Э. д. ш. о (?)».

В верхних боковых углах орнамент отсутствует. Они и весь фон центрального поля фактурно обработаны точками.

В верхней части центрального поля изображен трилистник с заостренными на концах лепестками, которые дополнительно проработаны узорной резьбой. Трилистник венчает неширокую вертикальную ленточную полоску-ствол с полукруглыми расширениями в двух местах. Своим основанием этот ствол опирается на фигурную стрельчатую арочку, образованную соединяющимися рельефными каймами описанной орнаментальной полосы.

Памятник, сочетающий в себе богато декорированную полосу, заполненную выразительным растительным орнаментом, и свободное от орнамента, фактурно отделанное пространство, изготовлен на высоком профессиональном уровне с большим художественным вкусом. Форма памятника, орнаментальный стиль и композиционные особенности декора позволяют датировать памятник концом XIV в. или самым началом XV в.

Памятник № 4 находится в кладке юго-западной части каменного забора, отделяющего кладбище «Бидахъ хуппе» от заброшенного огорода жителя нижнего квартала с. Кубачи. Нижняя часть стелы, в том числе декорированная, отломалась. Найти ее фрагменты не удалось. Форма стелы трапециевидная. Высота сохранившейся верхней части 74 см, ширина по верху около 70 см, ширина внизу 64,5 см, толщина 6 см. Лицевая, хорошо выровненная и сглаженная сторона памятника украшена рельефными арабской надписью и растительным орнаментом (рис. 4).

Верхний и боковые края памятник огибает широкая (16 см), с полукруглым верхом, эпиграфическая полоса с рельефной арабской надписью, исполненной в стиле позднего *куфи*. В надпись включены отдельные элементы растительного орнамента. Буквы надписи выполнены декоративно: концы отдельных литер оформлены в виде листочков и полутрилистников, в том числе с мелкой узорной резьбой внутри них, другие буквы имеют верхние, чуть расширяющиеся концы с узорными завитками.

Текст надписи эпиграфической полосы представляет собой популярный начальный фрагмент суры 2 Корана — «аль-Бакара» (аят 255): «Аллах. Нет божества, кроме Него живого, сущего. Не овладевает Им ни дремота, ни сон. Ему принадлежит то, что в небесах и на земле». Верхние боковые углы и фон центрального поля памятника украшены точечной фактурой.

В верхней части центрального поля, по сторонам эпиграфической полосы расположены два крупных полутрилистника, обращенных верхними концами вниз. Они выразительно отделаны внутри растительным орнаментом-вьюнком, выполненным в низком рельефе. От трилистников отходят вверх ленточные полоски-стебли, сливающиеся в верхней части центрального поля и образующие стрельчатую арку с заостренным килевидным верхом. В пространство этих полосок, свободное от орнамента, нанесена мелкая рельефная арабская надпись с именем погребенной: «Владелица этой могилы Шахим, дочь Ш.б.на».

В центре стрельчатой арки находится небольшой, круглый медальон с заостренным верхом. В него заключена мелкая рельефная арабская надпись из одного слова «Царство», которая, очевидно, представляет сокращение известной мусульманской фразы «Царство принадлежит Аллаху» (ср.: Коран, сура 40 «Гафяр», аят 16; хадис: «О Аллах, Тебе принадлежит вся хвала, Тебе принадлежит все царство, в Твоих руках все блага, и к Тебе возвращаются все дела!»). Надпись декоративно проработана — верхние концы букв оформлены в виде полутрилистников.

От основания описанного круглого медальона отходит прямой вертикальный ствол, опирающийся на заостренную вершину стрельчатой арки с фестончатыми краями (основание

арки не сохранилось), расположенной в нижней части центрального поля. Пространство арки внутри покрыто низким рельефным растительным орнаментом в виде вьющихся от ее вершины и по бокам стеблей с отходящими от них в разные стороны ответвлениями, завершающимися полупальметтами и полутрилистниками.

Памятник украшен достаточно выразительно. Исходя из палеографиии арабских надписей и особенностей стиля растительного орнамента стела датируется концом XIV или началом XV в.

Памятник № 5 распложен на северо-восточном участке кладбища, на пологом склоне. Он находился в земле, повернутый лицевой стороной вниз. Выступал лишь правый верхний угол. После расчистки памятник был сфотографирован, а его лицевая сторона эстампирована.

Плита имеет трапециевидную форму и сравнительно небольшой размер (рис. 5). Высота ее 70 см, ширина вверху 60 см, ширина внизу 54 см, толщина 6 см.

Лицевая сторона стелы хорошо выровнена и сглажена, украшена художественно выполненной арабской надписью и растительным орнаментом. По верхнему и боковым краям располагается широкая эпиграфическая полоса в виде полуциркульной арки с помещенной в нее декоративной арабской позднекуфической надписью (не переведена). Буквы надписи отделаны завитками. В надпись включены отдельные элементы растительного орнамента (полутрилистники). С правой стороны памятника буквы эпиграфической полосы частично отслоились, что, тем не менее, позволило ее графически восстановить. Верхние боковые углы стелы занимают помещенные в подтреугольное пространство парные полутрилистники, заполненные растительным орнаментом-вьюнком (трилистники, полутрилистники, завитки), выполненным в низком рельефе.

К верхней части эпиграфической бордюрной полосы примыкает полуциркульная ленточная полоска, концы которой обращены вниз и завершаются парой полутрилистников, вытянутые оконечности которых оформлены полутрилистниками меньшего размера. Внутреннее пространство больших и малых полутрилистниов заполнено растительным орнаментом-вьюнком, выполненным в низком рельефе. Верхнее полукружие этой полоски занимает мелкая арабская надпись с трудным для чтения домусульманским именем погребенной: «С.д.у.(?) дочь У.с.т.д., да помилует их Аллах». Фон вокруг надписи не выбран, а буквы образованы врезными линиями по их контуру.

Под аркой, в центральном поле стелы, фон которого обработан фактурными точками, изображен небольшой круглый рельефный медальон с заостренным верхом. Внутри его помещена рельефная арабская надпись «Аллах», занимающая почти все пространство и выполненная декоративно трактованными буквами. Описанный медальон опирается на узкую вертикальную полоску—ствол с расположенной в ее центре обвязкой в виде лунницы с «рогами», обращенными вниз. Полоска опирается на вершину купола — полуциркульной арки, выполненной в низком рельефе и расположенной в центральном поле немного выше основания стелы.

Уровень художественной отделки стелы не очень высокий, резьба выполнена в низком рельефе, но, тем не менее, памятник отделан довольно выразительно. Здесь мы также наблюдаем сочетание заполненного резьбой пространства и свободный от декора фон центрального поля, занимающий достаточно большую площадь.

По палеографическим особенностям и декоративному оформлению арабских надписей, отсутствию на их фоне растительного орнамента кроме его отдельных элементов, стилистическим чертам орнамента памятник датируется первой половиной — серединой XIV в.

Памятник № 6 находится на юго-восточном участке кладбища «Бидахъ хуппе». Он стоял почти вертикально, слегка покосившись влево и с небольшим уклоном лицевой стороной к земле. Верхняя часть его, как и других стел, заросла лишайником. Памятник относительно крупный, имеет трапециевидную форму (рис. 6). Высота его декорированной части 118 см, ширина вверху 76 см, ширина внизу 60 см, толщина 7 см.

Лицевая сторона стелы хорошо выровнена и заглажена, украшена арабскими надписями и растительным орнаментом. По верхнему и боковым краям памятника располагается широкая (16 см) окаймляющая узорно-эпиграфическая полоса в виде арки с полукруглым

верхом и с рельефной декоративной арабской позднекуфической надписью внутри ее: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха…». Буквы надписи подвергнуты декоративной проработке — верхние концы их отделаны завитками, а нижние концы отдельных букв — полупальметтами.

Буквы и лигатуры надписи нанесены мастером на сравнительно большом расстоянии друг от друга, что создало широкий фон, пространство которого заполнено относительно крупным растительным орнаментом-вьюнком. Волнистый стебель вьется снизу вверх и справа налево. От стебля отходят скрученные в один оборот побеги, завершающиеся трилистниками, четырехлистниками или пальметтами, дополнительно проработанными мелкой узорной резьбой, придающей орнаменту ажурный вид. Волнистый стебель и его ответвления, проработанные продольными желобками, несут завитки, трилистники, полутрилистники, листочки.

В верхних углах стелы в подтреугольных рамках помещены две симметричные парные полупальметты, на которые нанесена врезная арабская надпись с плохо читаемым именем погребенной: «Хозяин (?) этой могилы Къ.л.кI.нзи, дочь Ам.н. Да осветит Аллах её могилу до Дня воскресения».

Верхнюю часть центрального поля стелы, проработанного точечной фактурой, непосредственно под верхом эпиграфичной полосы занимает крупный рельефный круглый (диаметром около 24 см) медальон, в который заключена рельефная арабская надпись «Аллах». Плавно расширяющиеся верхние концы буквы имеют декоративные завитки, а буква *ха* оригинально трактована в виде трилистника или бутона с каплевидным углублением внутри и с двумя боковыми листиками-завитками у основания; стволы букв, изгибаясь и переплетаясь между собой в центре медальона образуют т.н. «узел благоденствия» или «узел счастья» — распространенный орнаментальный мотив в декоративно прикладном искусстве и архитектуре исламского (и не только) мира. В свободное от надписи пространство медальона включены узорные побеги с трилистниками и завитками. Внешние края медальона украшены по бокам растительным орнаментом типа вьюнка, проработанным дополнительной мелкой узорной резьбой. В верхней части стебли вьюнка соединяются, образуя венчающий медальон двойной трилистник с горизонтально распростертыми в обе стороны листьями.

Описанный медальон покоится на высоком узком рельефном стволе, перехваченный обвязками в центральной части и у основания. Между ними на стволе расположен фигурный полумедальон, отделанный растительным орнаментом (трилистники и полупальметты). Ствол медальона опирается на крупный и гладкий рельефный полумедальон, расположенный в нижней части центрального поля стелы.

Богатая орнаментика, совокупность насыщенного изящного растительного орнамента окаймляющей стелу эпиграфичной полосы—арки, крупный, богато украшенный медальон на свободном от орнамента фоне, гладкий рельефный полумедальон, занимающий все пространство нижней части центрального поля придают памятнику изысканный вид, эстетическую ценность и демонстрируют высокий профессиональный уровень мастера-камнереза. С учетом особенностей палеографии арабских надписей и орнаментики памятник датируется XV в.

Памятник № 7 представляет крупный обломок верхней части большого надмогильного памятника, изготовленного из камня сланцевой породы (рис.7). Он был обнаружен в кладке южного участка каменной ограды кладбища «Бидахъ хуппе», к которой непосредственно примыкает сенокосный участок жителя нижнего квартала с. Кубачи. Сохранившийся обломок имеет повреждения, особенно его правая сторона, от которой обломалась значительная часть. Повреждения имеет также расположенная в верхней части центрального поля арочная полоска с рельефной арабской позднекуфической надписью. Участок закругленной окаймляюшей полоски орнаментально-эпиграфической полосы, в верхней части центрального поля, на которую была нанесена врезная арабская надпись-эпитафия, отслоилась. Сохранились лишь отдельные буквы и часть текста с именем погребенной: «Б.г1.р., дочь … (?)».

Высота обломка max. 64 см, ширина max. 70 см, толщина 6 см. Судя по сохранившейся части стелы, у ее верхнего и боковых краев располагалась широкая (20 см) орнаментально-эпиграфическая полоса в форме полуциркульной арки с рельефной арабской надписью, выполненной в стиле позднего цветущего *куфи* на фоне растительного орнамента.

Буквы надписи отделаны декоративно: плавно расширяющиеся к верху концы букв *алеф*, *лам* и др. отделаны завитками или полутрилистниками.

Орнамент, на фоне которого выполнена арабская надпись, представляет собой волнистый стебель со спирально скрученными отростками, которые завершаются крупными трилистниками с нанесенными на их лепестки полупальметтами, полутрилистниками, завитками. Стебель и отростки дополнительно украшены полутрилистниками, разных форм листочками, завитками. Орнамент сравнительно крупный, он равномерно заполняет пространство между буквами.

В верхних боковых углах стелы располагались парные полутрилистники (сохранился один угол стелы), отделанные мелким рельефным растительным орнаментом.

В верхней части центрального поля, обработанного точечной фактурой, помещена частично сохранившаяся аркообразная фигура с отходящими от нее вниз полосками, оканчивающимися повернутыми внутрь арки полутрилистниками. На верхнее полукружие и опускающиеся полоски арочной фигуры была нанесена частично сохранившаяся тонкая рельефная арабская надпись (не переведена). Нижние концы трилистников внутри декорированы тонким рельефным растительным орнаментом-вьюнком (с правой стороны он не сохранился). Фон аркообразной фигуры и полутрилистников имеет очертания крупного трилистника.

Памятник был отделан с большим художественным мастерством. Резьба надписи и орнамента выполнена аккуратно. Хорошо сгармонированные между собой рельефные арабские надписи и растительный орнамент придают памятнику яркую декоративность. Датируется стела на основе палеографии и композиционно-художественного стиля и орнаментального оформления серединой XV в.

Памятник № 8 находился на северном участке тухумного (родового) кладбища «Цицила 2». Он лежал на земле, лицевой стороной вверх. Бóльшая часть его была покрыта тонким слоем дерна. Памятник имеет трапециевидную форму (рис. 8) и сравнительно небольшой размер. Высота его декорированной части 70 см, ширина вверху 65 см, ширина внизу 51 см, толщина 7 см.

Лицевая сторона стелы тщательно выровнена и сглажена, декорирована арабскими надписями и растительным орнаментом. По верху и бокам ее располагается широкая (14 см) оконтуривающая орнаментально-эпиграфическая полоса в форме полукруглой арки, в которую заключена трудная для чтения декоративная арабская надпись, выполненная в стиле позднего *куфи* с элементами *насх*а. В середине верха орнаментально-эпиграфической полосы изображен фигурный медальон с несомкнутыми верхним и нижним концами. В его центре расположен небольшой рельефный медальон в виде плетенки растительного орнамента. Медальоны симметрично делят орнаментально-эпиграфическую полосу на две части — правую и левую.

Буквы надписи проработаны декоративно. Верхние, плавно расширяющиеся концы их отделаны завитками. Сама надпись сделана на фоне растительного орнаментального вьюнка. От его вьющегося снизу вверх стебля отходят равномерно расположенные спирально скрученные отростки, завершающиеся трилистниками. Волнистый стебель и его ответвления несут декоративные листочки, полутрилистники, завитки, заполняющие свободное пространство.

Верхние боковые углы памятника декорированы расположенными в подтреугольной формы рамках небольшими рельефными полутрилистниками и полупальметтами, попарно соединенными между собой нижними концами под прямым углом.

Нижнюю часть центрального поля занимают два полутрилистника. Их спирально закрученные концы верхних удлиненных лепестков упираются в боковые углы поля. Вверху оба полутрилистника сливаются, образуя простую плетенку—узел, два конца которой расходятся в стороны и завершаются подобными полутрилистниками со спиральными

закруглениями на концах верхних удлиненных лепестков. От плетенки поднимается вверх узкая вертикальная полоска с обвязкой. Она завершается наверху небольшим трилистником с миндалевидной ямкой в середине верхнего лепестка. Вершину трилистника венчает крупный круглый (диаметром 15,5 см) рельефный медальон с заостренным верхом, занимающий середину верхней части центрального поля. В медальон заключена рельефная арабская надпись «Аллах», расширяющиеся верхние концы букв которой отделаны декоративными завитками. Нижние концы и боковые ответвления букв дополнительно декорированы трилистниками и полутрилистниками. Стволы букв *алиф* и *лям*, изгибаясь и переплетаясь между собой, образуют сложную, в то же время очень выразительную, плотно заполняющую медальон, плетенку, представляющую вариацию «узла счастья» и украшенную трилистниками и венчающим пятилистником.

От нижнего конца небольшого рельефного медальона-плетенки в центре верхней части орнаментально-эпиграфической полосы отходят в стороны и вниз, параллельно контуру рельефного круглого медальона с арабской надписью внутри, неширокие полоски, которые сверху и по бокам огибают центральный медальон и завершаются внизу полупальметтами, вершины которых обращены вниз.

На ленточную полоску орнаментально-эпиграфической полосы, примыкающую к правой стороне верхней части центрального поля, нанесена тонкая врезная арабская надпись почерком *насх*: «Хозяин (?) этой могилы За. ни. з (?), дочь В. р. д. (?). Милость Аллаха над ними».

Фон центрального поля стелы обработан фактурно точками, придающими орнаментальному оформлению поля с широкими гладкими поверхностями декора более подчеркнутый, рельефный вид. Палеографические особенности арабских надписей, характер орнаментальной композиции и стиль растительного декора позволяют датировать памятник XV в.

Памятник № 9 расположен в средней части небольшого тухумного (родового) кладбища «Цицила 3», ниже дороги из верхнего квартала старой части с. Кубачи в с. Амузги. Большинство сравнительно небольших надмогильных камней здесь ушло в землю, у отдельных из них видны лишь их самые верхние концы. Описываемая стела — одна из выразительно отделанных растительным орнаментом надмогильных плит (рис. 9). Стела — небольшого размера, чуть трапециевидной формы, верх ее — стрельчатый, с фигурным оформлением боков. Высота ее декорированной части 71 см, ширина по верху 52 см, ширина внизу 46 см, толщина 5,5 см. Лицевая сторона стелы тщательно выровнена и сглажена.

Фигурный верх памятника украшен густым растительным орнаментом (центральная плетенка с венчающим трилистником, вьющиеся стебли с трилистниками, полутрилистниками, лепестками) двусторонней (левой и правой) осевой симметрии. Рельефный орнамент проработан мелкой узорной резьбой, придающей узору бóльшую выразительность.

Ниже стрельчатого верха проходит узкая горизонтальная полоска, которая отделяет фигурный верх от основного трапециевидного поля стелы и на которую нанесена мелкая врезная арабская надпись почерком *насх*: «Хозяин (?) этой могилы Асийа, дочь Шалнаба (вариант — Шалназа)…».

По верху и бокам ее располагается широкая (14 см) орнаментальная полоса в форме полукруглой арки, разрывающейся в центре верха. Внутреннее пространство этой полосы на правой и левой ее половинах заполнено почти зеркально-симметричным рельефным растительным орнаментом в виде двух вьюнков — волнистых стеблей, плавно вьющихся (с левой и правой сторон) снизу вверх. От стеблей отходят S-образно скрученные ответвления, повернутые в сторону, противоположную направлению движения волнистого стебля; они пересекают его и стебель предыдущего ответвления, образуя петли, и оканчиваются своеобразной формы полутрилистниками. В местах, где от волнистого стебля отходят ответвления, помещены отростки с каплевидными ямками в середине. Верхние концы отростков заостренно-изогнутые. Волнистые стебли и ответвления вьюнка несут разных форм листочки, полутрилистники и полупальметты, которые проработаны резьбой в виде врезных двойных дужек, завитков, полутрилистников и штрихов, которые усиливают орнаментальную насыщенность памятника.

В верхней части узорной полосы находится незамкнутый рельефный фигурный медальон с узелком-плетенкой в центре и полумесяцем в основании, разделяющий узорную полосу на две части — правую и левую. Верхний конец узелка соединяется с растительным орнаментом фигурного верха стелы.

В верхних боковых углах памятника в подтреугольных рамках помещены парные полутрилистники, украшенные узорной резьбой.

Декор нижней части стелы имеет гладкую поверхность и фигурный верх. От центральной вершины отходит крупный трилистник, заполняющий середину нижней части центрального поля. Боковые лепестки трилистника внутри отделаны узорной резьбой в виде полупальметт, а в центральном вертикальном лепестке вырезан трилистник. Венчающий лепесток трилистника плавно переходит в петлю, которая соединяется с фигурным основанием расположенного выше круглого рельефного медальона с заостренным верхом. В медальон заключена плетенка растительного орнамента с двусторонней симметрией, лепестки которой отделаны мелкой узорной резьбой. Плетенка эта по композиционному решению почти идентична плетенке, расположенной в центре стрельчатого фигурного верха стелы.

Между описанным рельефным медальоном и трилистником у основания центрального поля, по бокам расположены крупные полупальметты, отделанные мелкой резьбой — штрихами и завитками. От полупальметт отходят вверх фигурные ленточные полоски, которые сливаются между собой в верхней части центрального поля, образуя фигурную, с фоном в виде пятичастной пальметты, арку, килевидная вершина которой соединяется с орнаментальной плетенкой в центре стрельчатого верха стелы. Фон центрального поля обработан точками, подчеркивающими его декор.

Памятник в целом декорирован довольно выразительно и на высоком художественном уровне, выделяется насыщенностью, сочетанием богатой тонкой резьбы и широких орнаментальных полей. В композиционном решении он близок памятнику № 8. Я склонен датировать памятник началом XVI в. с учетом его формы (фигурный верх), характера декоративной отделки и стиля орнаментальных композиций.

Памятник № 10 расположен рядом с памятником № 9, слева от него. Он сильно наклонился к земле. По форме и композиционно-декоративной отделке этот памятник несколько отличается от вышеописанных.

Стела имеет ровную, хорошо заглаженную поверхность, стрельчатый фигурный верх (рис. 10). Размеры памятника: высота по центру (декорированной части) 66 см, ширина вверху 54,5 см, внизу 45,5 см, толщина 9 см.

Стела декорирована рельефным растительным орнаментом. По верхнему и боковым краям лицевой стороны памятника проходит широкая (11,5 см) узорная полоса с орнаментом в виде усложнённого вьюнка. От волнистого стебля отходят спирально скрученные S-образные отростки с листьями и трилистниками различных форм, несущими листочки и трилистники разных форм. Эти отростки, скрученные в направлении, обратном движению стебля, пересекают предыдущие ответвления и завершаются трилистниками. Отдельные трилистники стебля и отростков имеют внутри дополнительный врезной декор.

В центре этой орнаментальной, окаймляющей стелу, полосы под стрельчатым верхом стелы помещен крупный трилистник с плетенкой растительного орнамента внутри. Боковые его лепестки с закругленными концами сильно опущены вниз, а верхний заостренный лепесток с помещенным внутри его пятилистником вытянут кверху.

Центральное поле стелы оконтуривает рельефная рамка с фигурным стрельчатым верхом. В верхней части этой рамки вырезана арабская надпись с именем погребенной С.а.т.м.а.р., дочь (?) Д.ф.к1.киз[2].

[2] Перевод надписи на русский язык выполнен науч. сотр. отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН М.Г. Шехмагомедовым, которому выражаю свою благодарность.

В верхней части центрального поля, обработанного точечной техникой, изображен круглый рельефный медальон с фигурным внешним оформлением (чередующиеся завитки меандрового типа) и заостренным верхом. В медальон заключена рельефная арабская надпись «Аллах». Медальон опирается на тонкий рельефный ствол с обвязкой и переплетением в форме «узора счастья», который покоится на вершине крупного, своеобразной формы, гладкого трилистника.

Особенностью декора данной стелы является то, что орнаментальные элементы имеют своеобразные, проработанные узорной резьбой формы, которые отличают ее от других памятников, выполненных в такой композиционной и художественной манере. Форма и особенности декоративной отделки памятника, его орнаментальный стиль дают основание отнести описанную стелу к первой половине XVI в.

Рассмотренные выше надмогильные стелы женских погребений в целом объединены общим композиционным построением (осевая симметрия, окаймляющая орнаментально-эпиграфичная или орнаментальная полоса, центральное поле с декоративным оформлением на широком свободном фоне), орнаментальным декором, его элементами. Но вместе с тем, каждая стела обладает своим специфическим решением в рамках единого композиционного и художественного стиля.

По своим формам и характеру декоративной отделки эти памятники в целом существенно не отличаются от надмогильных стел мужских погребений. Отдельные памятники женских погребений по размерам несколько меньше стел мужских погребений, как это имело место и значительно позднее, вплоть до современности.

Академик В.В. Бартольд и проф. А.Р. Шихсаидов обратили внимание на роль и место женщины в исламизированном обществе. В.В. Бартольд писал, что «женщина при исламе с самого начала оказалась в более приниженном положении по отношению к мужчине, чем была раньше, и в дальнейшем закон и обычай все более ограничивали ее права» (Бартольд 1966: 648). А.Р. Шихсаидов на основе изучения памятников эпиграфики, приводя слова В.В, Бартольда, писал, что «эволюция ислама как религии также шла в направлении постепенного ограничения прав женщины» (Шихсаидов 1984: 329). Вместе с тем оба исследователя приводят много примеров участия женщин в общественных и государственных делах (Шихсаидов 1984: 424). А.Р. Шихсаидов обращал внимание и на участие (финансовое) женщин в средневековом Дагестане в строительстве мечетей, минаретов или их реставрации в дагестанских селениях Рича, Цахур, Хнов и др. (Шихсаидов 1984: 424).

Р.У. Ходжаева в статье «Женщины-правительницы в истории исламской цивилизации» упоминает имя известного турецкого просветителя начала XX в. Ризоуддина Фахрудин оглы, насчитавшего в своей книге «Знаменитые женщины» более 500 имен известных женщин-мусульманок и охарактеризовавшего их деятельность. «На самом деле знаменитых женщин гораздо больше, — пишет Р. Ходжаева, — и они играли ту или иную роль в социально-политической и культурной жизни своих стран» (Ходжаева 2021: 40—41). Исследовательница характеризует деятельность женщин-правительниц в мусульманском мире, оказавших свое влияние на ход исторических событий. Мусульманские правительницы «… действительно восседали на троне, издавали указы, чеканили монеты со своим именем…». В статье отмечена, в частности, уникальная личность египетской правительницы Шаджарат ад-Дурр, которая в 1250 г. всенародно и официально была провозглашена султаншей на троне Египта и возглавила борьбу египетского народа против крестоносцев, которым «был нанесен сокрушительный удар, после которого они уже не оправились и крестовые походы сошли на нет» (Ходжаева 2021: 41, 43).

В некоторых сферах жизнедеятельности права женщин в средневековом исламизированном Зирихгеране-Кубачи, возможно, были ограничены. Об этом свидетельствует то, что на надмогильных памятниках женские имена встречаются, как уже отмечалось, реже, чем мужские имена. Однако, как показывают исторические и этнографические данные, женщины в средневековом Кубачи пользовались определенными

правами и свободой. Об этом писал известный этнограф-кавказовед Е.М. Шиллинг (Шиллинг 1949: 186—190). Вместе с тем он отмечал, что «замкнутость семейной жизни, главенство мужа, бытовые ограничения общественной активности женщин и другие аналогичные признаки, конечно, существовали до недавнего времени у кубачинцев. Тем не менее, даже их нельзя без разбора сводить лишь к нормам ислама. В том-то и суть, что рядом с ними, одновременно с одним пучком явлений, существуют и действуют другие, исходящие из других источников и отражающие другие исторически сложившиеся слои» (Шиллинг 1949: 187). Далее он приводит интересные факты, свидетельствующие о том, что «женщины и девушки с. Кубачи деятельны и вовсе не бессловесные члены семейной жизни». Со ссылкой на акад. Х.Д. Френа он отмечал, что в Кубачи «женщины участвуют в увеселениях мужчин». «Когда-то кубачинки, — продолжает он, — принимали участие в златокузнечной и оружейной работе своих отцов, мужей и братьев (о чем имеется упоминание у Абу Хамида Андалузи). На групповых гуляниях на старых урочищах, относящихся к обычаям, восходящим к каким-то обрядам доисламской поры, женская половина с. Кубачи веселится совместно с мужской» (Шиллинг 1949: 187).

Е.М. Шиллинг обращал внимание и на «часто встречающееся (у кубачинцев — М.М.) обыкновение образовывать фамилию не по имени отца, а по имени матери» и приводит примеры таких фамилий — Нина Абдулах и Нина Хаджи Мухаммед (Шиллинг 1949: 188).

Мужские и родовые (тухумные) фамилии, образованные по имени матери, бытуют и в настоящее время в кубачинской среде: Загьра Шябан, Загьра Ах1мад (Загьра — женское имя), Залмула Х1яже (Залму — женское имя, Х1яже — Гаджи (Хаджи) — мужское имя). Изабакархъал (Изабакаровы) — родовая фамилия, образованная от женского имени Иза (усеченное от Издаг) и мужского имени Абакар.

Е.М. Шиллинг приводит еще один, весьма примечательный пример: в песне кубачинки Айши, опубликованной в 1924 г. Л.И. Жирковым на кубачинском языке с переводом на русский язык, героиня говорит: «Я Айша — дочь Хаджи Кыз» (Шиллинг 1949: 207). Хаджикиз — распространённое у кубачинцев женское имя, образованное из мужского имени Хаджи (имя отца?) и общетюркского обозначения дочери *киз* (*qïz*). И представляет интерес то, что в арабской надписи на описанном надмогильном памятнике № 2, датируемом XV в., представлено женское имя, образованное от имени матери — Бамиззу, дочь (араб. *бинт*) Йикиз, в котором имя *Йикиз*, вероятно, женское, в котором окончание *-киз*, по-видимому, представляет тюркское обозначение дочери. Также и в эпитафии на памятнике № 10 в имени *Д.ф.к1.киз* (*Дуфак1киз*?) очевидно, представлен тот же компонент *-киз* в сочетании с мужским именем *Д.ф.к1* (*Дуфак*[3]). Это предположение выглядит достаточно обоснованным с учетом вышеприведенного кубачинского женского имени Хаджикиз, образованном по тому же принципу, и может свидетельствовать о существовавшей у кубачинцев на протяжении веков традиции наречения девочки по имени отца с добавлением суффикса *-киз* (Хаджикиз, Йикиз, *Дуфаккиз) и традиции матронимии (матчества).

О видной роли женщин в общественной жизни средневекового Кубачи свидетельствует воспроизведение женских изображений в камнерезном искусстве. Рельефные женские фигуры высечены на каменных тимпанах дверей XIII—XIV вв. (Башкиров 1931: табл. 18—19, 26; Маммаев 2014: 538—539, 544, рис. 245, 250, 262).

Еще одно обстоятельство, демонстрирующее видное положение женщины в мусульманском обществе — это наличие в с. Кубачи женской мечети и женской духовной школы с преподавательницами. Мечеть находилась в нижнем квартале Кубачи и называлась «Хьунналла мишит» — «Женская мечеть». Она неоднократно ремонтировалась и перестраивалась. В 1930-е гг. ее обследовал архитектор Н.Б. Бакланов (Бакланов 1935: 27—34). Здание мечети сохранялось до недавнего времени, но без присмотра в советское время пришло в аварийное состояние. В кладке ее стен в прошлом находилось значительное

[3] Мужское имя Дуфак нередко встречается у татар.

количество разновременных, в основном средневековых каменных рельефов, вставленных в декоративных целях при ее реставрации (Маммаев 2014: 109—112).

В духовной школе подросткового возраста девочек и девушек обучали арабскому письму, основам вероучения ислама и чтению Корана. Позднее основы вероучения ислама были переведены на кубачинский язык.

Е.М. Шиллинг пишет еще об особых женских сообществах с возрастным делением их членов (Шиллинг, 1949: 188), именовавшихся «юсбалла-юсбе». «Каждая групп (по 10—20 чел. и больше), — отмечал Е. М. Шиллинг, — сходится в каком-нибудь определённом доме… «юсбалла хъал», т.е. девушек дом… В «юсбалла хъал» девушки проводят время в развлечениях (угощаются, поют, танцуют под пение, ударяя в ладоши) и в работе (вышивают, вяжут, шьют и т.п.)… Подобными группами собираются также замужние женщины. Их дом носит название «Хьунналла хъал», т.е. «Дом женщин» (Шиллинг 1949: 188—189).

В приведенных выше материалах, касающихся Кубачи, Е.М. Шиллинг усматривал «довольно заметные пережитки матриархата» (Шиллинг 1949: 190). Конечно, говорить о матриархальном обществе у кубачинцев не приходится, но признаки матрицентрического порядка четко проявляются, отражая высокую роль женщины в общественной жизни. Как видится, это подчеркивал и Абу Хамид ал-Гарнати (1080—1170), сообщая о зирихгеранах-кубачинцах, что у них не только мужчины, но и «все их жены и сыновья, и дочери» специализированно занимаются металлообработкой (изготовление оружия, воинского снаряжения и «всевозможных изделий из меди»), «и хотя нет у них пашен и садов, добра и денег у них, больше, чем у других» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971: 50). И как представляется, рассмотренные в статье художественно отделанные стелы, установленные над женскими погребениями и представляющие собой яркие образцы декоративно-прикладного искусства, также подчеркивают эту роль женщин в средневековом кубачинском обществе.

Литература

Бакланов Н.Б. 1935. *Архитектурные памятники Дагестана*. Вып. 1. Ленинград: Всероссийская академия художеств.

Бартольд В.В. 1966. Первоначальный ислам и женщина. В: Бартольд В.В. *Сочинения.* Т. VI. *Работы по истории ислама и Арабского халифата*. Москва: Наука, 148—149.

Башкиров А.С. 1931. *Искусство Дагестана*. Резные камни. Москва: РАНИОН.

Дебиров П.М. 1966. *Резьба по камню в Дагестане*. Москва: Наука.

Иванов А.А. 1981. Могильные камни из Кубачи как историко-культурный памятник. Лавров Л.И. (ред.). *Краткое содержание среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г*. Ленинград: Наука, 22—23.

Иванов А.А. 1976. О датировке кубачинских памятников. В: Иванов А.А. (сост.). *Искусство Кубачи. Альбом*. Ленинград: Художник РСФСР, 164—193.

Иванов А.А. 1987. Персидские надписи из Кубачи. *Rivista studi orientali*. Vol. LIX. Fasc. I—IV, 213—224.

Кильчевская Э.В. 1962. *Декоративное искусство аула Кубачи*. Москва: Государственное издательство местной промышленности и художественных промыслов РСФСР.

Кильчевская Э.В. 1968. *От изобразительности к орнаменту*. Москва: Наука.

Лавров Л.И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. 1. *Надписи X—XVII вв*. Москва: Наука.

Лавров Л.И. 1980. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. 3. *Новые находки*. Москва: Наука.

Маммаев М.М. 2014. *Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII—XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада*. Махачкала: Эпоха.

Маммаев М.М. 2019. Надмогильные памятники детских погребений XIV—XV вв. из с. Кубачи: Особенности декоративной отделки. *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 15. № 4, 704—722.

Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. 2019. *Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше*. Махачкала: Издательский дом «Мавраевъ».

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971: Большаков О.Г. (пер., вст. ст., прим.), Монгайт А.Л. (ист. ком.). 1971. *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)*. Москва: Наука.

Ходжаева Р.У. 2021. Женщины — правительницы в истории исламской цивилизации. В: Магомедов А.Р. (отв. ред.). *Сборник статей IV Международной научной конференции «Османовские чтения». Махачкала, 28-29 октября 2021 г*. Махачкала: ДГУ, 40—46.

Шиллинг Е.М. 1949. *Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.

References

Baklanov, N.B. 1935. *Arkhitekturnye pamyatniki Dagestana (Architectural monuments of Dagestan)*. Iss. 1. Leningrad: Vserossiiskaya akademiya khudozhestv (in Russian).

Bartold, V.V. 1966. In: Bartold, V.V. *Sochineniya (Works)*. Vol. VI. *Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata (Works on the history of Islam and the Arab Caliphate)*. Moscow: Nauka, 148—149 (in Russian).

Bashkirov, A.S. 1931. *Iskusstvo Dagestana. Reznye kamni (Art of Dagestan. Carved stones)*. Moscow: RANION (in Russian).

Debirov, P.M. 1966. *Rez'ba po kamnyu v Dagestane (Stone carving in Dagestan)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ivanov, A.A. 1981. In: Lavrov, L.I. (ed.). *Kratkoye soderzhaniye sredneaziatsko-kavkazskikh chteniy. Noyabr' 1981 g. (Brief summary of the Central Asian-Caucasian readings. November 1981)*. Leningrad: Nauka, 22—23 (in Russian).

Ivanov, A.A. 1976. In: Ivanov, A.A. (ed.) *Iskusstvo Kubachi. Al'bom (Art of Kubachi. Album)*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 164—193 (in Russian).

Ivanov, A.A. 1987. In *Rivista studi orientali*. Vol. LIX. Fasc. I—IV, 213—224 (in Russian).

Kil'chevskaya, E.V. 1962. *Dekorativnoe iskusstvo aula Kubachi (Decorative art of the aul Kubachi)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo mestnoi promyshlennosti i khudozhestvennykh promyslov RSFSR (in Russian).

Kil'chevskaya, E.V. 1968. *Ot izobrazitel'nosti k ornamentu (From pictorial to ornamental)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Lavrov, L.I. 1966. *Ehpigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh (Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish)*. Pt. 1. *Nadpisi X—XVII vv. (Inscriptions of the X—XVII centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Lavrov, L.I. 1980. *Ehpigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh (Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish*). Pt. 3. *Novye nakhodki (New finds)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mammaev, M.M. 2014. *Iskusstvo Zirikhgerana-Kubachi XIII—XV vv. i ego mesto v sisteme khudozhestvennykh kul'tur Vostoka i Zapada (Art of Zirikhgeran-Kubachi of the 13th — 15th centuries and its place in the system of artistic cultures of East and West)*. Makhachkala: Ehpokha (in Russian).

Mammaev, M.M. 2019. In *Istoriya, arkheologiya i ehtnografiya Kavkaza (History, archaeology and ethnography of the Caucasus)*. Vol. 15/4, 704—722 (in Russian).

Musaev, M.A., Shikhaliev, Sh.Sh., Shekhmagomedov, M.G. 2019. *Ehpigrafika nekropolya utsmiev v Kala-Koreishe (Epigraphy of the utsmis necropolis in Kala Koreysh)*. Makhachkala: Mavraev (in Russian).

Puteshestviye Abu Khamida al-Garnati 1971: Bolshakov, O.G. (transl., comm.), Mongayt, A.L. (comm.). 1971. *Puteshestviye Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131—1153 gg.) (Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131—1153))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Khodzhaeva, R.U. 2021. In: Magomedov, A.R. (ed.). *Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Osmanovskie chteniya" (Collection of articles of the IVep International Scientific Conference "Osmanov Readings")*. Makhachkala, October 28-29, 2021. Makhachkala: DGU, 40—46 (in Russian).

Shilling, E.M. 1949. *Kubachintsy i ikh kul'tura. Istoriko-ehtnograficheskie ehtyudy (Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Shikhsaidov, A.R. 1984. *Ehpigraficheskie pamyatniki Dagestana X-XVII vv. kak istoricheskii istochnik (Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th — 17th centuries. as a historical source)*. Moscow: Nauka (in Russian).

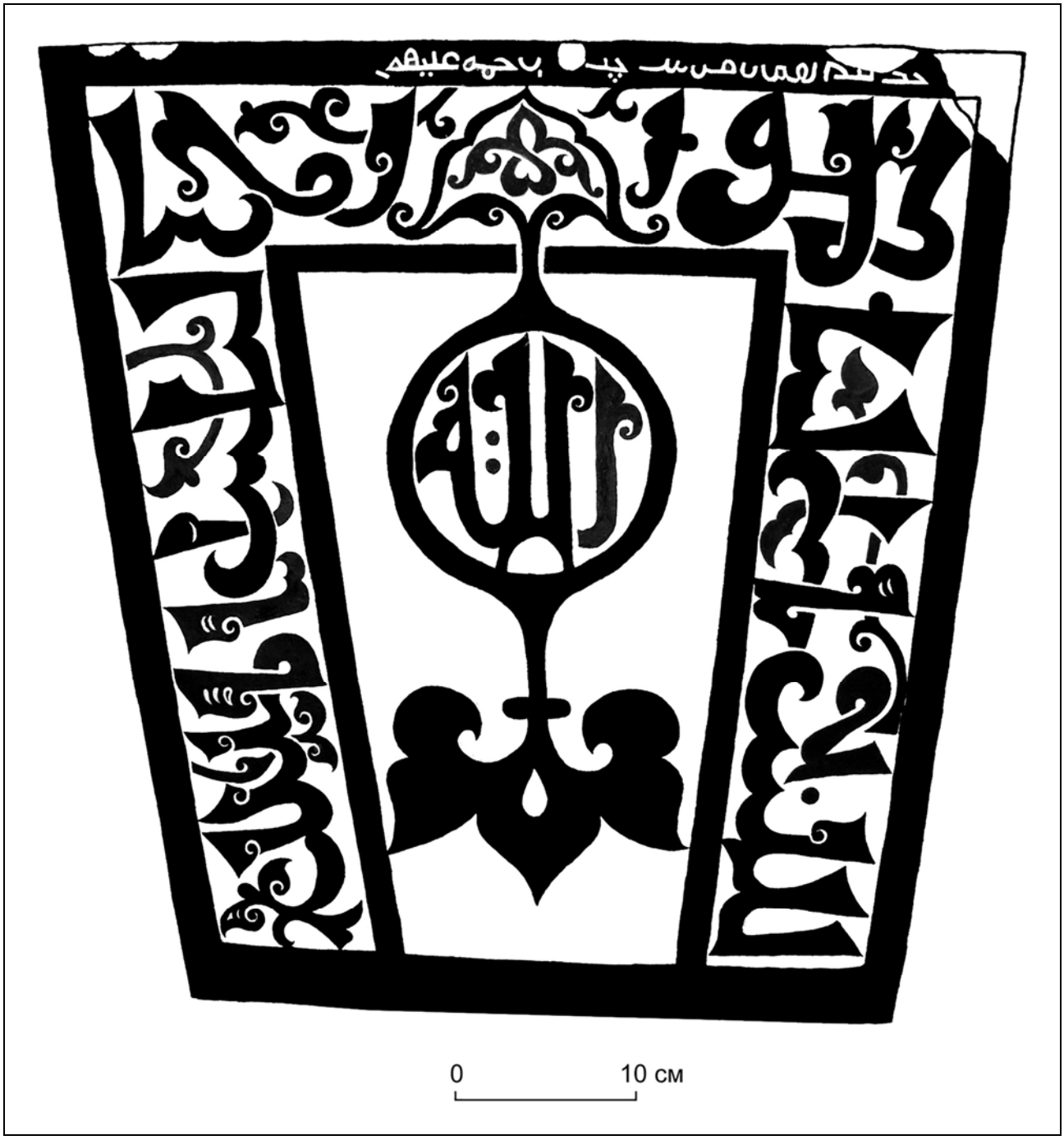


Рис. 1. Надмогильный памятник № 1 с арабскими надписями. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Вторая половина XIV в.

Fig. 1. Grave stele No. 1 with Arabic inscriptions. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. The second half of the 14th century.

Рис. 2. Надмогильный памятник № 2 с арабской надписью на фоне растительного орнамента. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Середина XV в. Фотография автора.

Fig. 2. Grave stele No. 2 with Arabic inscriptions and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. Middle of the 15th century. Photo by the author.

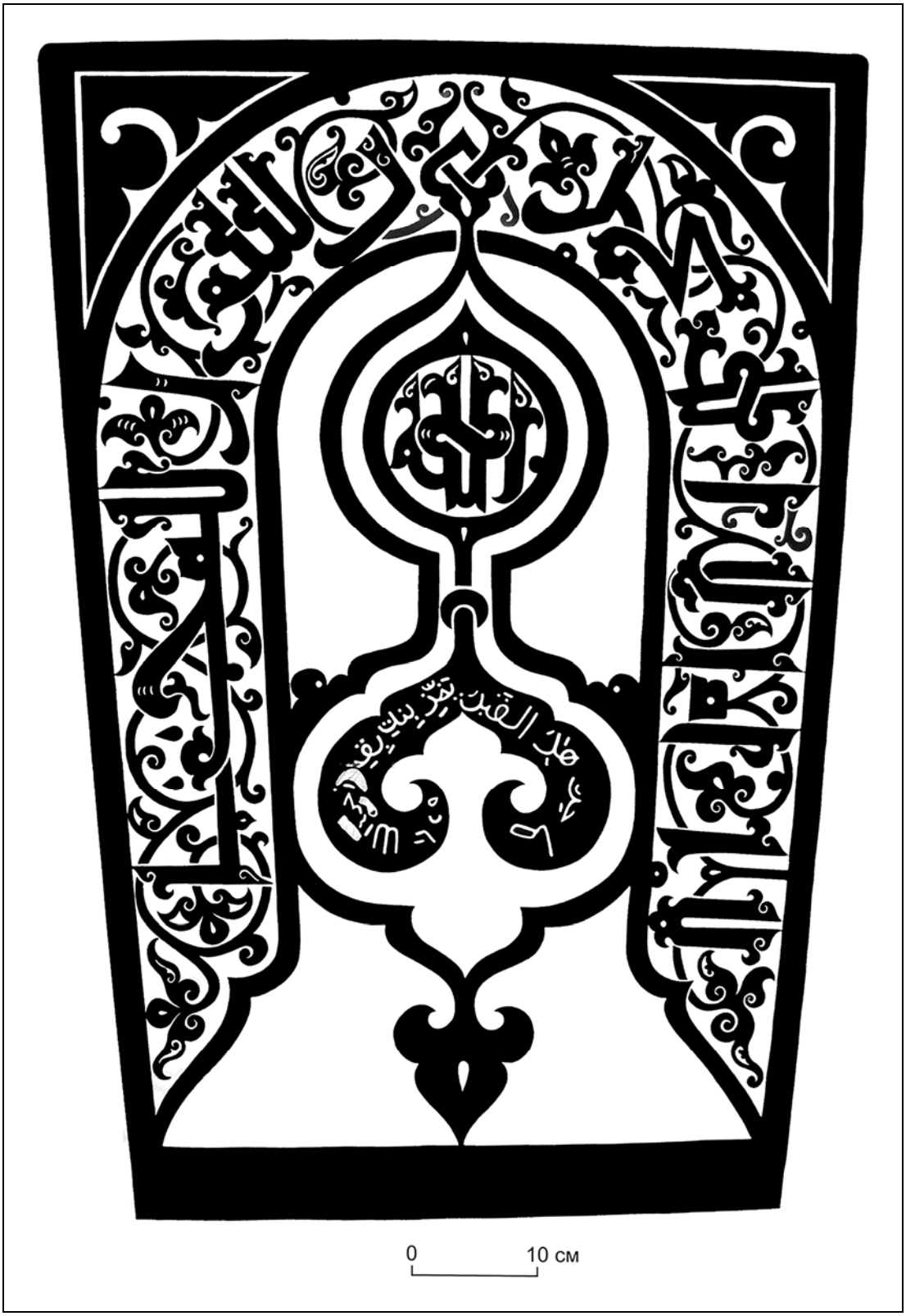


Рис. 2а. Надмогильный памятник № 2 с арабской надписью на фоне растительного орнамента. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Середина XV в. Прорисовка.

Fig. 2a. Grave stele No. 2 with Arabic inscriptions and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. Middle of the 15th century. Drawing.

Рис. 3. Надмогильный памятник № 3 с растительным орнаментом и графической арабской надписью. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Начало XV в.

Fig. 3. Grave stele No. 2 with Arabic inscriptions and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. The beginning of the 15th century.

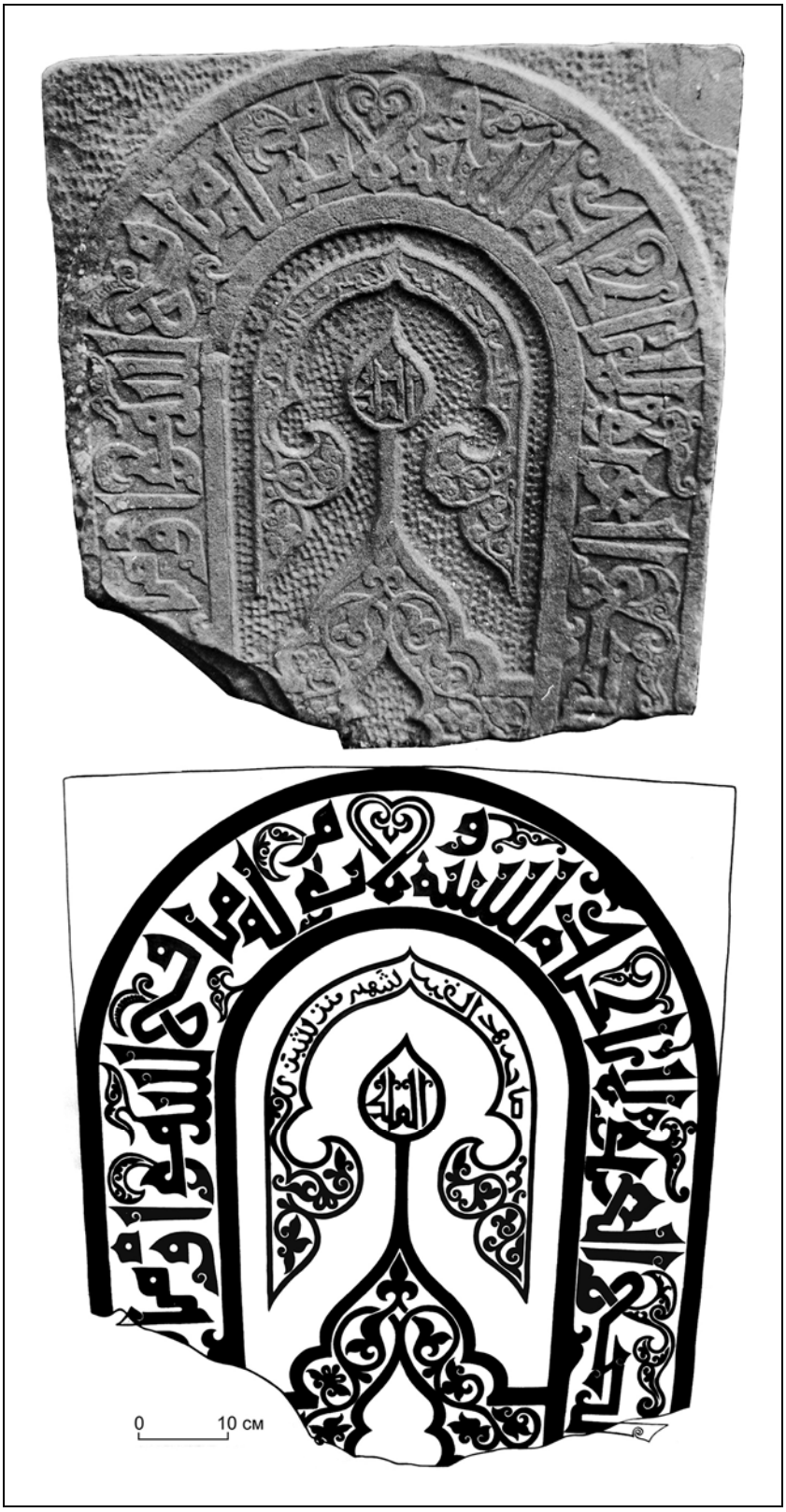


Рис. 4. Часть надмогильного памятника № 4 с арабской надписью и растительным орнаментом. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Конец XIV — начало XV в.

Fig. 4. Part of the grave stele No. 4 with an Arabic inscription and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. The end of the 14th — the beginning of the 15th century.

Рис. 5. Надмогильный памятник № 5 с рельефной арабской надписью и растительным орнаментом. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Первая половина — середина XIV в.

Fig. 5. Grave stele No. 5 with Arabic inscriptions and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. The first half — the middle of the 14th century.

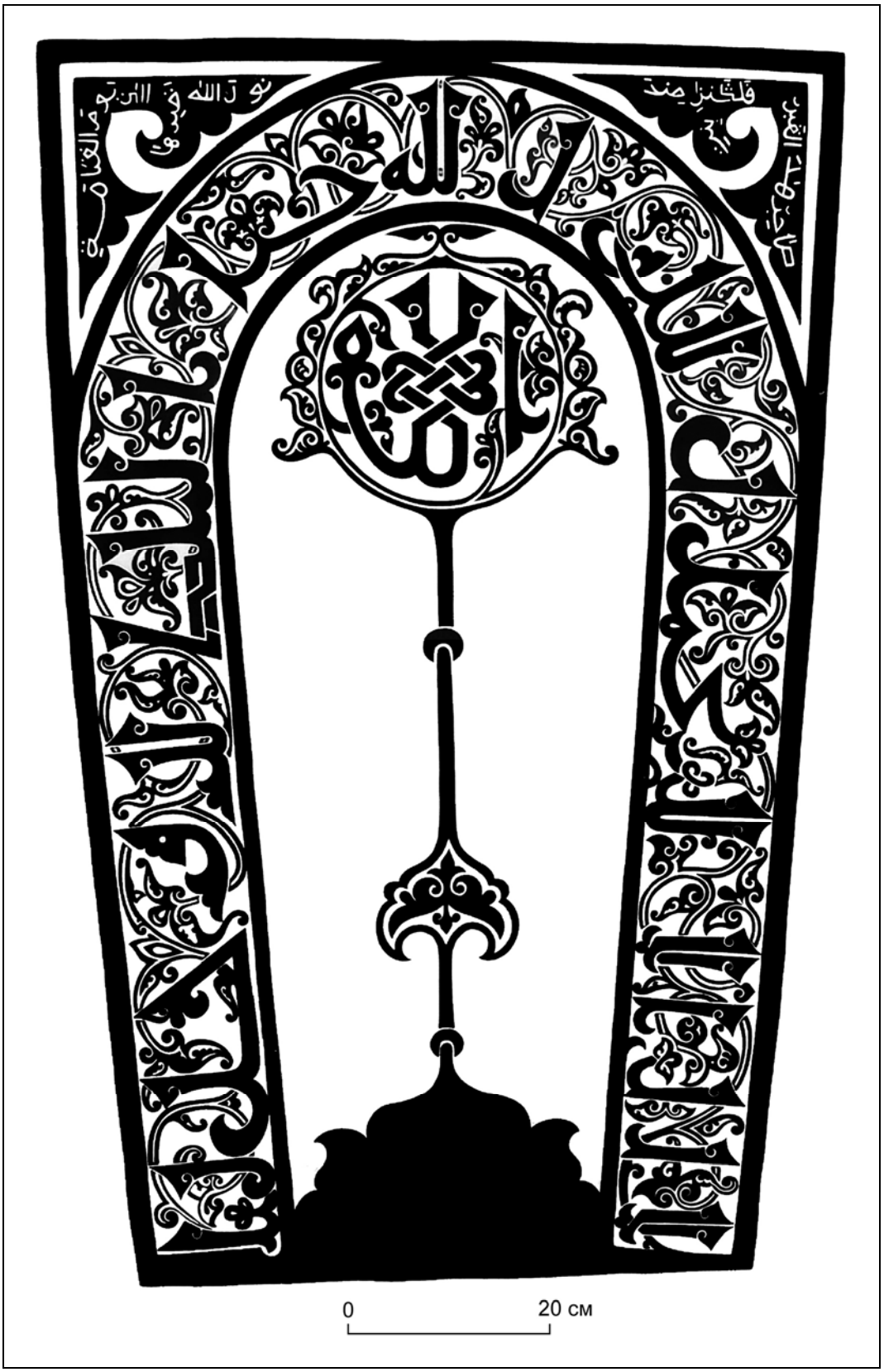


Рис. 6. Надмогильный памятник № 6 с арабской надписью на фоне растительного орнамента. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». XV в.

Fig. 6. Grave stele No. 6 with Arabic inscriptions and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. The 15th century.

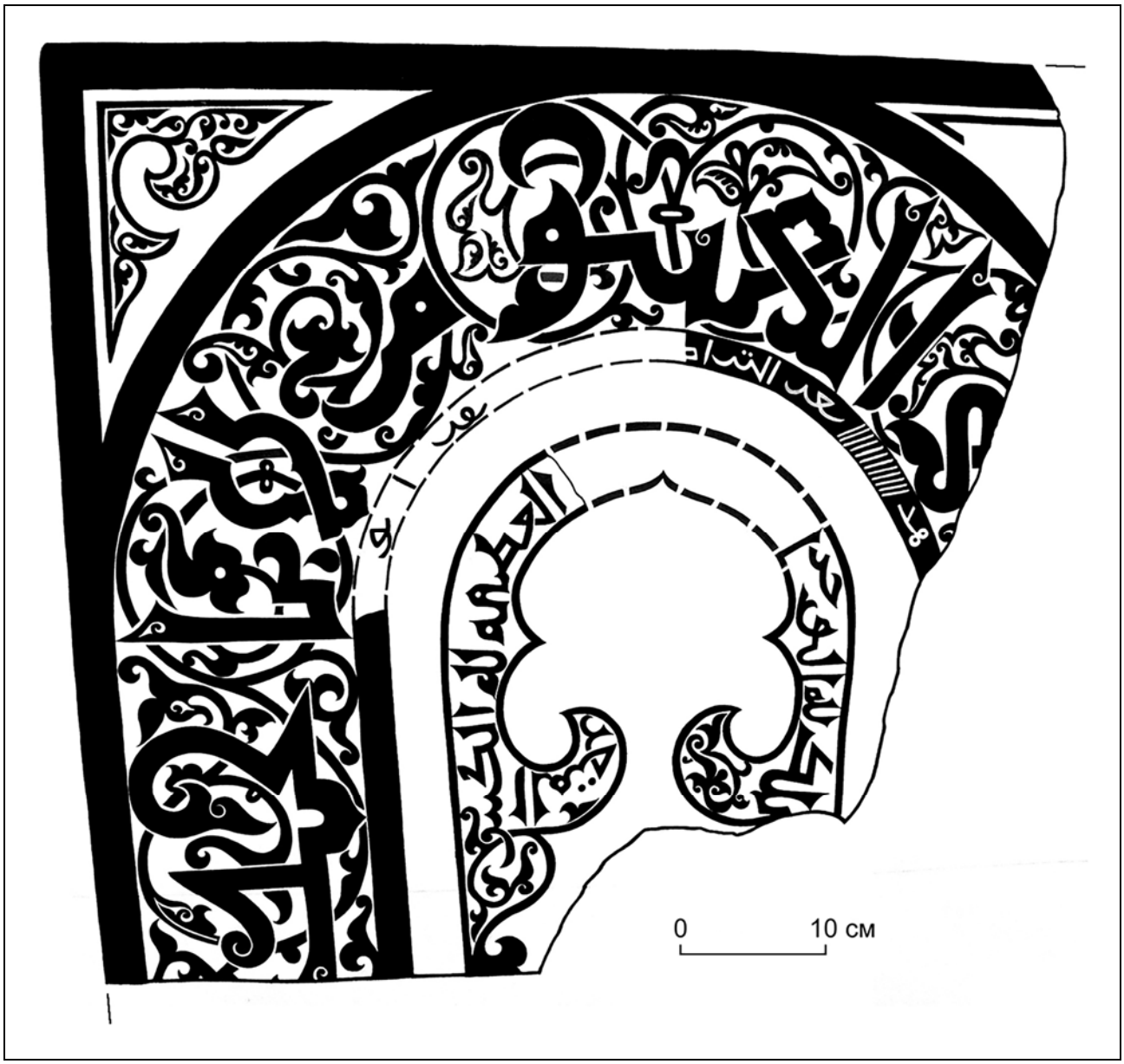


Рис. 7. Часть надмогильного памятника № 6 с рельефной арабской надписью и растительным орнаментом. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Середина XV в.

Fig. 7. Part of the grave stele No. 7 with an Arabic inscription and floral ornament. Kubachi. “Bidah Huppe” Cemetery. Middle of the 15th century.

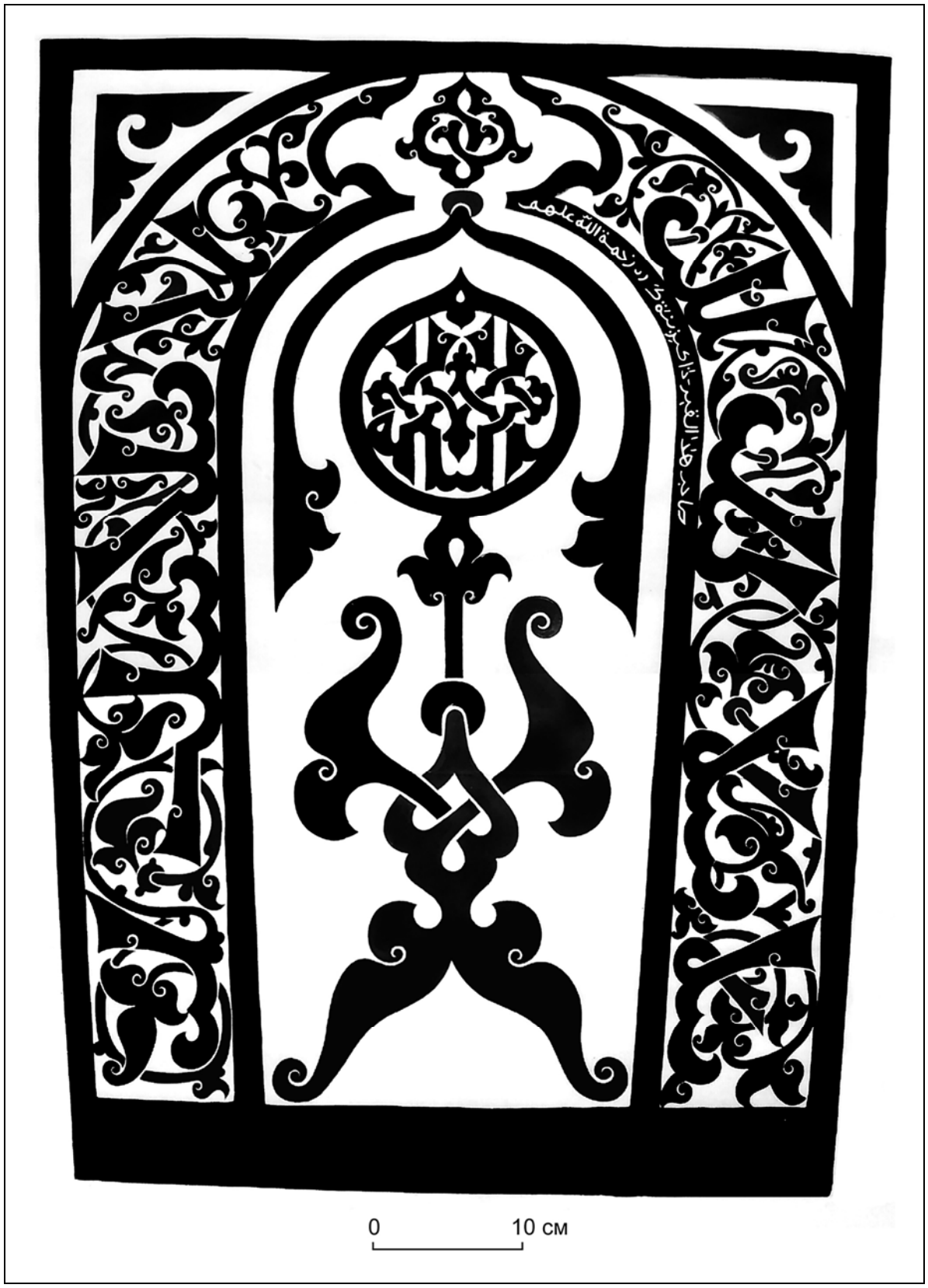


Рис. 8. Надмогильный памятник № 8 с арабской надписью и растительным орнаментом. Кубачи. Кладбище «Цицила 2». XV в.

Fig. 8. Grave stele No. 8 with an Arabic inscription and floral ornament. Kubachi. “Tsitsila 2” Cemetery. The 15th century.

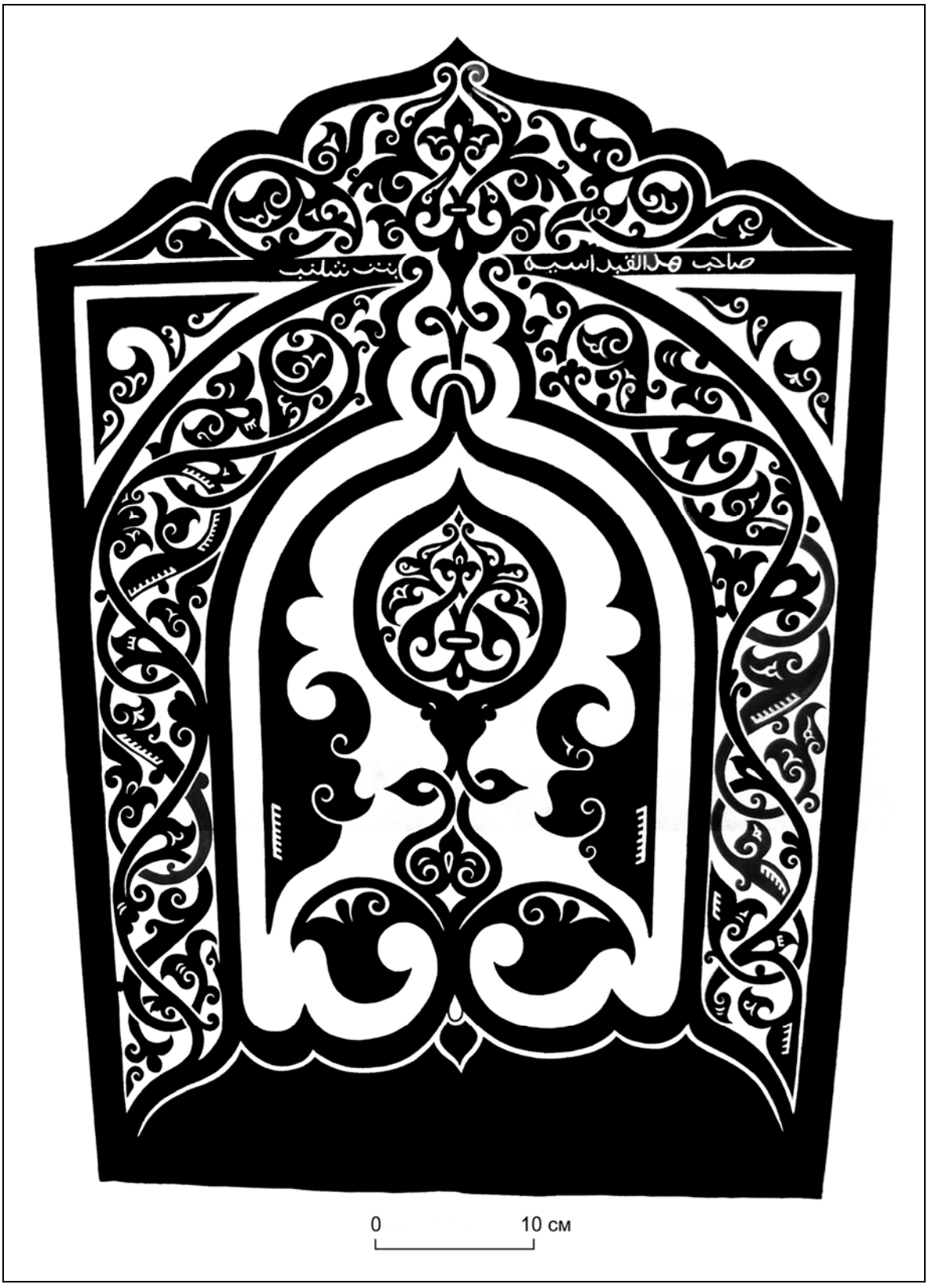


Рис. 9. Надмогильный памятник № 9 со стрельчатым верхом, растительным орнаментом и врезной арабской надписью. Кубачи. Кладбище «Цицила 3». Начало XVI в.

Fig. 9. Grave stele No. 9 with a lancet top, floral ornament and an incised Arabic inscription. Kubachi. "Tsitsila 3" Cemetery. The beginning of the 16th century.

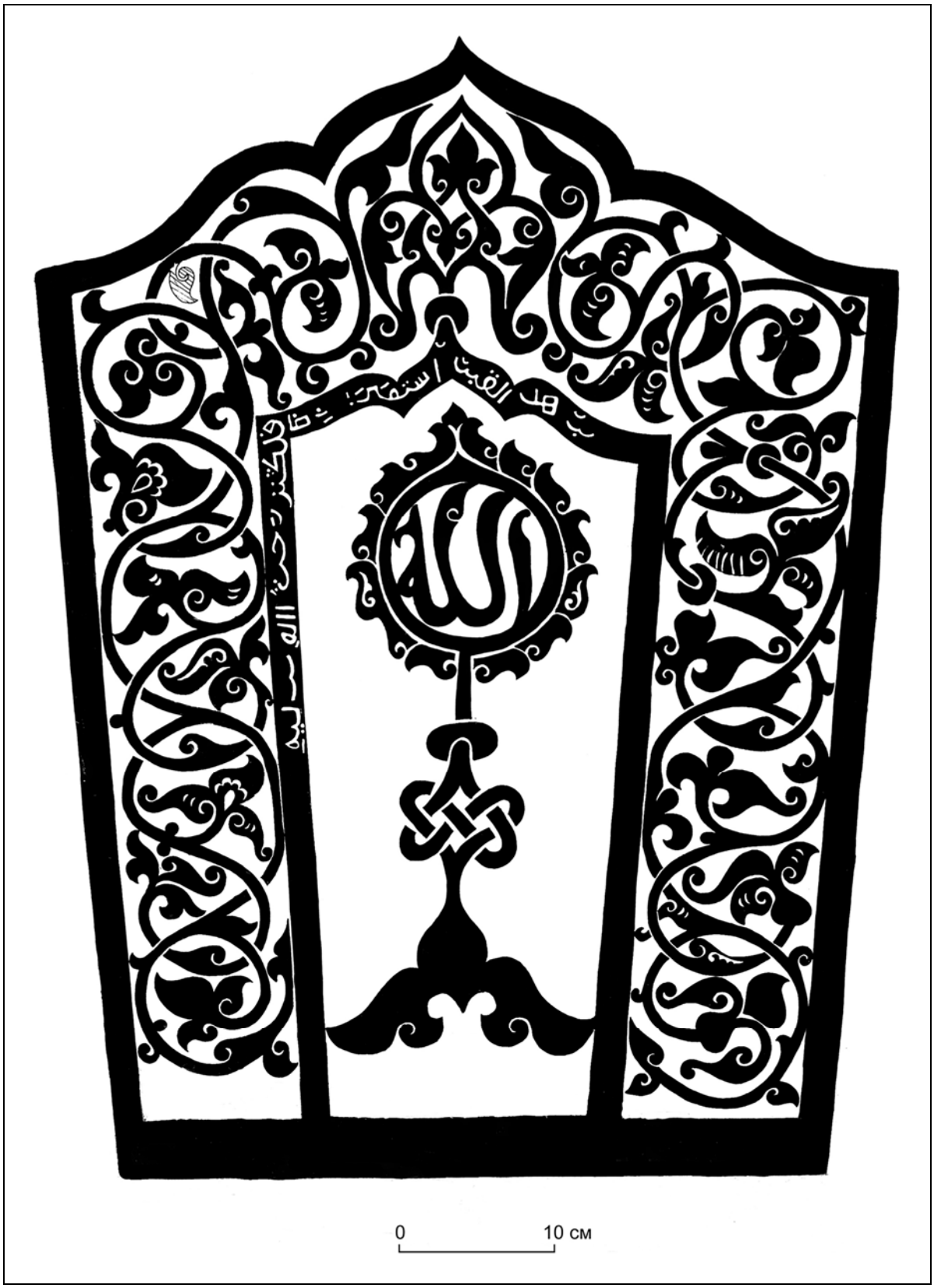


Рис. 10. Надмогильный памятник № 10 со стрельчатым верхом, растительным верхом и арабскими надписями. Кубачи. Кладбище «Бидахъ хуппе». Первая половина XVI в.

Fig. 10. Grave stele No. 10 with a lancet top, floral ornament and Arabic inscriptions. Kubachi. "Tsitsila 3" Cemetery. The first half of the 16th century.

Историческая филология

Historical Philology

DOI: 10.53737/6428.2023.50.76.040

Ю.К. Гугуев

ТАНАИССКИЕ СЮЖЕТЫ СЕРГЕЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА КУЛЛАНДЫ (ПАМЯТИ ДРУГА)*

Публикуются письма и заметки покойного московского историка, специалиста по сравнительно-историческому языкознанию С.В. Кулланды, относящиеся к 2002—2003 гг. Тексты содержат предварительные результаты изучения им иранской ономастики Танаиса римского времени, преимущественно II в. н. э. Основные наблюдения и предположения С.В. Кулланды сводятся к следующему: 1) подсчёты процентных соотношений греческих и иранских, а среди последних сарматских и несарматских имён, сделанные некоторыми исследователями—антиковедами, не вполне достоверны, ибо основаны на ошибочных критериях, тогда как имеются фонетические критерии отделения скифских имен от сарматских, а также «ранних» сарматских от «поздних»; 2) большое количество сарматских имён действительно появляется в эпиграфике Танаиса только с середины II в. н. э., а в известной надписи 155 г. н. э. их доля несколько выше, чем считалось ранее; 3) сарматские имена есть в надписях первой половины II в. н. э., поэтому ономастика не позволяет утверждать, что выявленный археологами позднесарматский разгром города произошёл до 155 г. н. э.; 4) в Танаисе прослеживаются следы двух диалектов сарматского языка, один из которых — тот, на котором, вероятно, говорили носители среднесарматской культуры — фонетически близок позднейшему осетинскому языку. Комментируя лингвистические наблюдения С.В. Кулланды, автор публикации приходит к выводу, что они подтверждаются данными археологии (Танаис, степные сарматские культуры, аланская культура Кавказа) или, во всяком случае, не противоречат им. Можно надеяться, что историки и языковеды—иранисты заинтересуются проблемами, поставленными С.В. Кулландой на материале иранской ономастики Танаиса, и в перспективе предложат способы и варианты их решения.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, Кавказ, Танаис, римское время, лапидарные надписи, иранская ономастика, сарматский язык, фонетика, диалекты, среднесарматская культура, позднесарматская культура, аланская культура, меотская культура, сарматизация.

Сведения об авторе: Гугуев Юрий Константинович, независимый исследователь.

Контактная информация: 344058, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Коммунистический, д. 2; e-mail: guguev2009@rambler.ru.

Yu.K. Guguev

TANAIS STORIES BY SERGEY VSEVOLODOVICH KULLANDA (IN MEMORY OF A FRIEND)

Letters and notes, dating back to 2002—2003, of the late Moscow historian, a specialist in comparative historical linguistics S.V. Kullanda are published. They contain preliminary results of his study on the Roman period Iranian onomastics in Tanais, mainly of the 2nd century CE. S.V. Kullanda's main assumptions can be summarized as follows: (1) calculations of the percentages of Greek and Iranian names, with Sarmatian and non-Sarmatian ones among the latter, made by some scholars, are not entirely reliable because they are based on erroneous criteria, while there are phonetic criteria for separating Scythian names from Sarmatian ones, or "early" Sarmatian names from much "later" ones; (2) a large number of Sarmatian names only appears in the epigraphy of Tanais from the middle of the 2nd century CE, while the famous inscription of 155 CE provides us with a slightly higher share of Sarmatian names than it was previously

* Статья поступила в номер 9 февраля 2023 г.
Принята к печати 21 февраля 2023 г.

© Ю.К. Гугуев, 2023.

thought; (3) Sarmatian names are found in the inscriptions of the first half of the 2nd century CE, and, therefore, onomastic data do not allow us to assert that the late Sarmatian destruction of the city, revealed by archaeologists, occurred before 155 CE; (4) at Tanais, traces of two dialects of the Sarmatian language are registered, one of which, the one spoken probably by the representatives of the Middle Sarmatian Culture, is phonetically close to the later Ossetian language. Commenting on the linguistic observations by S.V. Kullanda, the author of this paper concludes that they confirmed or, in any case, do not contradict the archaeological data (Tanais, the Sarmatian Cultures of the steppe, the Alan Culture of the Caucasus). It is hoped that both historians and specialists in Iranian linguistics will become interested in the problems posed by S.V. Kullanda on the material of the Iranian onomastics of Tanais, and will offer ways and options for their solution.

Key words: the Lower Don area, the Caucasus, Tanais, Roman Period, lapidary inscriptions, Iranian onomastics, phonetics, dialects, the Sarmatian language, the Middle Sarmatian Culture, the Late Sarmatian Culture, the Alan Culture, the Maeotian Culture, sarmatization.

About the author: Guguyev Yuriy Konstantinovich, Independent Researcher.

Contact information: 344058, Russian Federation, Rostov-on-Don, 2 Kommunistichesky Ave.; e-mail: guguev2009@rambler.ru.

---

30 ноября 2020 г. умер московский историк, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, филолог, знаток языков, переводчик и мастер междисциплинарных исследований Сергей Всеволодович Кулланда. Последние два десятилетия своей научной деятельности он был продуктивно занят иранистикой, в частности, проблемами скифского языка и этногенеза скифов, и вслед за польским лингвистом К.Т. Витчаком изучал фонетические критерии разделения скифского и сарматского (Башарин, Захаров 2021: 269—271). Надо сказать, что прежде в отечественной науке в русле представлений В.И. Абаева эти самостоятельные языки рассматривались недифференцированно — в качестве «скифо-сарматских наречий», т.е. совокупности всех иранских диалектов и говоров, существовавших на территории Причерноморья между VIII—VII вв. до н.э. и IV—V вв. н.э. (Абаев 1979: 272—274). Данное направление лингвистических изысканий Сергея Всеволодовича нашло отражение в ряде его статей (Кулланда 2005; 2006; 2011а; 2011б; Kullanda 2006; Кулланда, Раевский 2004) и в книге об этногенезе скифов (Кулланда 2016).

Сергей Всеволодович Кулланда. Москва. 2011 г. Фото автора.

Sergey Vsevolodovich Kullanda. Moscow. 2011. Photo by the author.

Наверное, не всем известно, что в своих скифо-сарматских штудиях С.В. Кулланда эпизодически обращался к иранской ономастике античного Танаиса[1] римского времени. Непосредственные упоминания данной темы довольно редки в

[1] Для Сергея Всеволодовича Танаис не был просто точкой на карте. В конце 70-х — начале 80-х гг. он приезжал сюда в период летних раскопок городища вместе с одним из своих учителей, исследователем Танаиса Д.В. Деопиком, который руководил археологической практикой студентов Института Стран Азии и Африки при МГУ, проводившейся тогда на базе музея-заповедника. Старшее поколение бывших сотрудников АМЗ «Танаис» и Нижне-Донской экспедиции ИА РАН хорошо помнит Сергея.

работах исследователя (Кулланда 2006: 195—196, сноска 1), т.к. в её изучении Сергею Всеволодовичу не удалось далеко продвинуться по независящим от него обстоятельствам[2]. Однако в личной переписке с автором этих строк (2002—2003 гг., электронная почта)[3] он изложил интересные мысли относительно фонетики и этимологии ряда иранских имён из Танаиса, а также затронул проблемы исторической трактовки количественного распределения данных имён в датированных надписях II в. н.э.

Мне кажется, соображения, высказанные тогда С.В. Кулландой, несмотря на их сугубо предварительный характер, достойны введения в научный оборот. Полагаю, Сергей Всеволодович вряд ли был бы против публикации своих личных писем и заметок: и не только потому, что предоставил мне право распоряжаться ими по собственному усмотрению (Приложение I.1). Наверное, он не увидел бы в этом существенного нарушения методологического принципа, которого придерживался в научном исследовании. Данный принцип ясно сформулирован им в книге о скифах: «… при обращении к бесписьменному языку, от которого до нас дошли лишь отрывочные сведения, поневоле приходится прибегать к догадкам, умозрительным рассуждениям и слабо подкреплённым материалом гипотезам, от чего в значительной мере (хотя и не полностью) избавлены специалисты по лучше документированным древним языкам. Мне думается, однако, что лучше высказать не вполне обоснованное суждение (стараясь, конечно, чтобы аргументы в его поддержку не противоречили твёрдо установленным фактам), которое, даже если оно окажется неверным, может подтолкнуть коллег к поиску иного решения, чем обойти проблему молчанием из боязни совершить ошибку» (Кулланда 2016: 14).

Публикуемые тексты принадлежат высококвалифицированному учёному. Содержащиеся в них догадки и предположения обладают, по меньшей мере, эвристической ценностью, которую я постараюсь раскрыть (вероятно, лишь начну раскрывать), комментируя их под углом зрения археологии Танаиса, сарматов и аланов Кавказа. Кстати, такого рода комментарий (хотя, разумеется, не только он) позволяет издать профессиональную аналитику языковых материалов в историко-археологическом журнале; тем более что, отвечая на мои вопросы, касающиеся иранского ономастикона Танаиса, Сергей Всеволодович в ряде случаев прибег к довольно подробным разъяснениям, которые не понадобились бы ему при общении с языковедами, но, несомненно, делают его ответы более понятными читателю без профильного (лингвистического) образования.

Несколько слов об обстоятельствах обращения к С.В. Кулланде. Ещё в 1997 г. он вместе с В.И. Абаевым консультировал меня и моих соавторов, археологов АМЗ «Танаис», относительно дипинти Οσι Μαρδ, Οσια Μαρδ, Οσιαδ (или Οσιαα) Μαρδα из танаисской усадьбы 2 (раскоп IV), погибшей в середине III в. н.э. Скорее всего, эти пометки на многочисленных разнотипных амфорах являлись аббревиатурой личного имени и патронимика её владельца (Гугуев, Ильяшенко и др. 2007: 441—442). По мнению наших консультантов, первое, ввиду возможного варианта Οσιαδ, могло представлять собой часть иранского имени, восходящего к

[2] В начале 2000-х годов я планировал издать третий выпуск «Материалов и исследований по археологии Дона», полностью посвящённый Танаису. Предполагалось, что в сборнике будет статья С.В. Кулланды на указанную тему. Этот издательский проект остался нереализованным.

[3] Два письма (Приложение I.1 и I.5) С.В. Кулланды и две заметки, которые он поместил в отдельные файлы (Приложение I.2 и I.3), приведены в порядке отправки адресату. Письма публикуются с купюрами, обозначенными многоточием в угловых скобках. Опущена информация личного характера, не относящаяся к обсуждаемой научной проблеме. В заметках С.В. Кулланды сноски (23—27 по общей нумерации) принадлежат ему, а работы, на которые он сослался, внесены в список литературы к данной статье. В публикацию включён также фрагмент письма автора этих строк (Приложение I.4); иначе был бы не вполне понятен ответ Сергея Всеволодовича (Приложение I.5). Публикуемые документы не имеют дат. В конце своих заметок С.В. Кулланда их не ставил. Из его и своих писем я тогда скопировал только тексты без содержащей дату «шапки», которую автоматически создаёт почтовая программа. Наша переписка на указанную тему продолжалась с конца октября 2002 г. по конец февраля 2003 г.

was-i-ad («поедающий телят»)[4], во втором с довольно большой долей уверенности следовало видеть Μάρδαυος (Мардав), т.к. в фиасной надписи 228 г. н.э. упомянут человек по имени Μάρδαυος Ζαράνδου (Мардав сын Заранда), а другие имена с основой Μαρδ- в Танаисе отсутствуют[5]. Имя Заранд иранского происхождения, древнеосетинское (аланское) и означает «старый». Этимология имени Мардав менее ясна, но поскольку носивший его — сын явного иранца Заранда, можно, по-видимому, производить данное имя от иранского корня mār — (убивать): ср. осетинское mard (убитый, мертвец, труп) (Гугуев, Ильяшенко и др. 2007: 443). Информация двух ведущих специалистов по иранским языкам не расходилась с нашим предположением о принадлежности состоятельного владельца усадьбы к городской варварской общине танаитов (ταναεῖται). Выдвигая свою версию, мы также имели в виду наличие в хозяйстве этого человека вещей, ассоциирующихся с кавказскими аланами и степными сарматами: многочисленной аланской гончарной сероглиняной керамики и лепной позднесарматской курильницы с прочерченными на боковых гранях косыми крестами (Гугуев, Ильяшенко и др. 2007: 443—444).

В 2002 г. консультация Сергея Всеволодовича понадобилась мне и В.П. Глебову при подготовке рецензии на книгу И.В. Сергакова «Сарматские курганы на Иловле» (Гугуев, Глебов 2002; Сергацков 2000). В монографии волгоградского археолога формирование позднесарматской культуры в бассейне р. Иловли (левый приток Дона в Саратовской и Волгоградской областях) было отнесено ко времени «около середины II в. н.э.», а открытые здесь позднесарматские памятники датированы в пределах второй половины II — первой половины III в. н.э. (Сергацков 2000: 169, 239). На момент написания книги её автор, по-видимому, ещё не знал о разгроме Танаиса II в. н.э., выявленном раскопками 90-х гг., и о значении данного факта для исследования миграции поздних сарматов на территории к западу от Волги в аспекте хронологии (Bezuglov 1999; Безуглов 2001: 108—119; 2010: 59—60, 107—111; Арсеньева, Науменко 2004; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 114—115). Таким образом, у нас возникал повод затронуть танаисские события II в. в рецензии.

Археолог и нумизмат С.И. Безуглов, тщательно изучивший монетные находки из нескольких погибших жилых комплексов и мусорных слоёв, образовавшихся в результате чистки города после разгрома[6], датировал этот драматический эпизод танаисской истории концом 30-х — началом 70-х гг. II в. н.э.[7] и дал ему правдоподобное объяснение. По мнению С.И. Безуглова, город подвергся нападению позднесарматских военных (всаднических) формирований, был взят штурмом, частично сожжён и разрушен. Впрочем, кризис II в. н.э. не имел столь тотальных и долгосрочных последствий, как катастрофа начала 50-х гг.

[4] Впрочем, как было отмечено в нашей статье, вполне вероятно, что Οσι (Οσια) — сокращение известного на Боспоре греческого имени Ὅσιος (Госий) (Гугуев и др. 2007: 443).

[5] Это заметил С.М. Ильяшенко ещё до нашего обращения к С.В. Кулланде и В.И. Абаеву.

[6] Монеты, происходившие из нижнего горизонта подвала МБ и закрытых комплексов — помещения 1 в постройке 3 на раскопе XIX, постройки 4 при помещении 3 (Восточный подвал), подвала ГЖ, а также из мусорного холма к югу от городища, принадлежали чеканам боспорских царей от Аспурга (ок. 15 до н.э. — 37 г. н.э.) до Реметалка (131—153 гг. н.э.). Кроме того, здесь были найдены дупондий Нерона (54—68 гг. н.э.), медный денарий Антонина Пия (138—161 гг. н.э.), плохо сохранившийся сестерций первой половины — середины II в. н.э. Монет Евпатора (154—170 гг. н.э.) в названных комплексах и слоях не оказалось. Поскольку они достаточно редки и практически не встречаются в Танаисе, их отсутствие могло быть случайным. Поэтому С.И. Безуглов формально включил правление Евпатора во временной промежуток, при котором произошёл разгром. Однако отсутствие в данных комплексах и слоях монет Савромата II (174—210 гг.), которых в Танаисе много, уже не случайность, а свидетельство того, что события имели место до начала правления этого царя (Безуглов 2001: 109—111, 113—114; 2010: 107—108).

[7] В своей диссертации исследователь определяет время разгрома Танаиса также как «период, приуроченный ко второй половине правления Реметалка или несколько позднее» (Безуглов 2001: 111), либо «около середины II в. или несколько раньше» (Безуглов 2001: 112), в обобщающей статье о позднесарматской культуре на Нижнем Дону — «интервал от 40-х до 70-х гг. II столетия», «временную точку, находящуюся где-то в пределах второй трети II в.» (Безуглов 2010: 108, 111), в книге о позднесарматских комплексах могильника Валовый I — «середину или начало второй половины II в. н.э.» (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 114—115).

следующего столетия. Скоро Танаис очистили от завалов и мусора, поврежденные постройки были восстановлены, либо перестали использоваться. И только с третьей четверти II в. н.э. здесь ощущается реальное присутствие сарматов, на что ранее указывал Д.Б. Шелов в работах, посвящённых составу танаисских имён и динамике его изменения на протяжении II — первой половины III в. н.э. (Bezuglov 1999: 427; Безуглов 2001: 110, 114—119; 2010: 110; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 114—115)[8].

В свою очередь у нас с В.П. Глебовым возникла мысль сузить обозначенный С.И. Безугловым промежуток времени, в течение которого мог произойти разгром, на основании некоторых данных танаисской эпиграфики. Мы исходили, прежде всего, из наблюдений Д.И. Даньшина, развившего идеи Д.Б Шелова. Д.И. Даньшин заметил, что рост числа сарматских имён впервые фиксируется в фиасной надписи 155 г. н.э. Он также высказал предположение, что община сарматов—танаитов, архонт которой впервые упомянут в строительной надписи 188 г. н.э. наряду с эллинархом, возникла только в середине II в. н.э., а не существовала с момента основания эмпория на Танаисе, как считалось ранее (Даньшин 1990: 52—53)[9]. Принимая во внимание выводы Д.И. Даньшина, мы допускали, что разгром и появление в надписи 155 г. н.э. большого количества имён сарматов могут быть взаимосвязаны: а именно, после завоевания города номады получили здесь права гражданства и образовали самоуправляемую общину танаитов. Значит, год создания надписи, вероятно, можно считать terminus ante quem по отношению к военно-политическому кризису середины II в. н.э.

Однако нас несколько настораживало, что и Д.И. Даньшин, и даже такой крупный учёный, как Д.Б. Шелов, были антиковедами, а не специалистами в области иранского языкознания. Поэтому мы попросили С.В. Кулланду проверить, насколько справедливы определения обоими авторами того или иного имени в качестве сарматского и,

[8] Согласно гипотезе Д.Б. Шелова, резкий рост числа новых иранских имён, не имеющих соответствий в прежнем иранском ономастиконе других северопонтийских античных центров и этимологизирующихся на основе дигорского диалекта современного осетинского языка, свидетельствует о притоке в город степного сарматского населения — «сравнительно небольшой и замкнутой, скорее всего, аланской этнической группы из Нижнего Поволжья или Прикаспия» — который произошёл между 50-ми и 80-ми гг. II в. н.э. (Шелов 1972: 249; 1974: 89—93). Как верно отметил С.И. Безуглов, Д.Б. Шелов оказался прав во всём, кроме масштабов явления, анализируемого им на материалах Танаиса. В действительности оно представляло собой «громадный историко-культурный процесс, на непродолжительный срок охвативший степные народы и их ближайших оседлых соседей на пространствах от Средней Азии до Средней Европы» (Безуглов 2001: 119).

[9] А.И. Иванчик, основываясь на своей интерпретации фрагмента фиасной надписи, обнаруженного в 90-е гг., вернулся к старому тезису о том, что разделение горожан на эллинов и танаитов восходит к эллинистическому времени. По мнению А.И. Иванчика, в надписи II — первой половины I в. до н.э. упомянута должность эллинарха (Иванчик 2008: 57, 61—63, 66—67, 71). Однако у других эпиграфистов вызвали возражения реконструкция сильно повреждённого слова во второй строке как ἑλληνάρχης и датировка документа, который, судя по графическим особенностям и формуляру, следует относить не ранее чем ко II в. н.э. (Яйленко 2010: 597—600; Завойкина 2013: 98—101; Ильяшенко 2013: 171—172). Первое достоверное упоминание об эллинархе содержится в строительной надписи 108 г. н.э., найденной в районе южных ворот города в 2009 г. (Ильяшенко 2013: 169—171; Иванчик, Ильяшенко 2018: 695—699). А.И. Иванчик полагает, что данная должность, известная на Боспоре только в Танаисе, немыслима вне системы из двух общин — эллинов и танаитов, а отсутствие в документе упоминания об архонте (архонтах) танаитов не говорит о том, что его (их) в действительности не было, поскольку в некоторых надписях, созданных после 188 г. н.э., когда обе магистратуры уже несомненно существовали, фигурирует только одна из них (Иванчик 2008: 62—63; Иванчик, Ильяшенко 2018: 696—697). Таким образом, можно представить наличие дуализма в социально-политическом устройстве Танаиса и до позднесарматского разгрома, в конце I — начале II в. н.э., чему в принципе не противоречат ономастика и данные археологии, свидетельствующие о проживании здесь в этот период ираноязычных варваров (см. ниже). Впрочем, и такая более правдоподобная версия требует дальнейшего подтверждения новыми эпиграфическими памятниками. Однако у нас пока нет оснований проецировать социально-политические реалии римской эпохи на эллинистический Танаис. И, кстати, даже если в последнем существовала варварская община, в её состав, вопреки мнению Д.Б. Шелова (Шелов 1970: 207—212), вряд ли входили ранние сарматы, т.к. очевидных археологических следов их присутствия в городе не выявлено (Глебов, Толочко 2016: 49—50).

следовательно, какова степень достоверности произведённых подсчётов разных групп имён в танаисских надписях II в. н.э.[10]. Основные итоги предварительного анализа ономастического материала, выполненного Сергеем Всеволодовичем по нашей просьбе (Приложение I.2, I.3 и I.5), можно резюмировать следующим образом:

1. Подсчеты процентных соотношений греческих и иранских (а среди последних сарматских и несарматских) имён в эпиграфике Танаиса, сделанные Д.Б. Шеловым и Д.И. Даньшиным, не вполне достоверны, т.к. основаны на ошибочно выбранных критериях. Однако существуют достаточно надёжные фонетические критерии отделения скифских имен (слов) от сарматских или «ранних» сарматских от более «поздних» — отпадение тематических гласных, переходы *p>f*, *t>d*, *k>g*, метатезы согласных *θr>rθ*, *sp>ps>fs* и некоторые др.

2. В надписи 155 г. н.э. доля сарматских имён несколько выше, чем утверждал Д.И. Даньшин, а большое их количество действительно появляется в эпиграфике Танаиса только с середины II в. н.э.

3. Иранские, в том числе явно сарматские, имена есть в надписях первой половины II в. н.э., поэтому ономастика не позволяет утверждать, что разгром города произошел до 155 г. н.э.

4. Не ясно, как соотносятся в реальном историческом времени «ранний» и «поздний» диалекты сарматского языка, следы которых, по-видимому, прослеживаются в иранском ономастиконе Танаиса. Не исключено, что диалект пришедших в Европу в середине II в. н.э. носителей позднесарматской культуры был архаичнее диалекта (диалектов? — Ю.Г.) ранних (III—I вв. до н.э.) и средних (I — первая половина II в. н.э.) сарматов, который фонетически стоит ближе к позднейшему осетинскому языку.

Учитывая одно из заключений С.В. Кулланды (3), мы с В.П. Глебовым в рецензии на упомянутую книгу воздержались от сужения даты разгрома Танаиса и ограничились довольно широкой, но не вызывающей сомнения датировкой С.И. Безуглова (см. выше). Мы также привели свидетельства источников о предполагаемой позднесарматской военной экспансии середины II в. н.э. в соседних с Боспором северопонтийских городах и областях (Неаполь Скифский, Херсонес, Ольвия с поселениями её хоры) (Гугуев, Глебов 2002: 101, 102).

В середине 2000-х годов цель уточнить время появления поздних сарматов в северопонтийской зоне ставил перед собой С.Ю. Внуков. Его внимание также привлекла танаисская надпись 155 г. н.э. Рост в ней числа сарматских имён[11] исследователь интерпретировал в качестве доказательства существования в городе варварской общины, наличие которой означало, что к моменту создания надписи разгром, возможно, уже состоялся (Внуков 2007: 167—168). Преобладание в надписи «старых», т.е. давно известных в Северном Причерноморье иранских имён, С.Ю. Внуков объяснил тем, что первыми в общину танаитов влились сарматы, которые и ранее в течение многих десятков лет жили в городе, не обладая гражданскими правами, из-за чего их имена редко попадали в надписи. Одновременно к общине присоединились потерпевшие поражение и лишившиеся своих кочевий номады из округи эмпория на Танаисе — носители среднесарматской культуры. И только к концу столетия по мере постепенной эллинизации позднесарматских кочевников, завоевавших Танаис и на первых порах только формально вошедших в состав его граждан, их имена («новые») появляются в городской эпиграфике (надпись 188 г. н.э. и более поздние) (Внуков 2007: 168—170).

Свои выводы, касающиеся танаисского ономастикона II в. н.э., исследователь подкрепил наблюдениями за хронологией самих лапидарных памятников. По его мнению, редкость в

[10] Чтобы облегчить Сергею Всеволодовичу работу, я указал ему на статьи Д.Б. Шелова и Д.И. Даньшина по эпиграфике Танаиса, а также предоставил свой экземпляр «Корпуса боспорских надписей».

[11] По-видимому, при подсчёте С.Ю. Внуков использовал публикуемые здесь письма и заметки, копии которых я, будучи в курсе его интересов и исследований, тогда же передал ему с разрешения С.В. Кулланды. Этим объясняется различие доли сарматских имён в надписи 155 г. н.э. у Д.И. Даньшина (15,6%) и у С.Ю. Внукова (25—28%) (Даньшин 1990: 53; Внуков 2007: 167).

Танаисе надписей, созданных в правление Реметалка, косвенно свидетельствует о том, что нападение сарматов тогда и произошло. При преемнике Реметалка Евпаторе городская жизнь успела нормализоваться, что выразилось в бóльшем количестве как фиасных, так и строительных надписей (Внуков 2007: 165—166). С.Ю. Внуков рассмотрел кризис в Танаисе в контексте известных по письменным и археологическим источникам событий в северопонтийском регионе, предположительно вызванных приходом сюда во II в. н.э. новой волны кочевников из Азии (Внуков 2007: 170—177). Интересно, что некоторые из этих событий случились, по-видимому, ранее маркируемого танаисской надписью 155 г. н.э.: например, размещение в правление Антонина Пия в Ольвии римских войск, призванных защитить город от вторжения «тавро-скифов» (Юлий Капитолин) — в действительности сарматов. Из текста военного диплома осевшего в Ольвии ветерана явствует, что императорский указ о его демобилизации был подписан и опубликован в 155—157 гг. н.э., т.е. к тому моменту римский гарнизон уже достаточно долго находился в городе (Внуков 2007: 171—173). В середине — второй половине 40-х гг. II в. н.э. имперские подразделения вводятся в Херсонес, а не позднее 50-х гг. Рим создаёт военный опорный пункт под Балаклавой (Внуков 2007: 175).

Подводя итоги своего исследования, С.Ю. Внуков пишет: «… анализ разнообразных данных позволяет более точно определить время разрушения Танаиса носителями позднесарматской культуры во II в. С наибольшей вероятностью это событие могло произойти между 140 и 153 гг. Видимо, этот период можно даже ограничить первой половиной 140-х гг. (ок. 140—145 гг.), т.к. для восстановления Танаиса, реорганизации гражданской общины и эллинизации варваров, вошедших в число граждан (что фиксируется надписью 155 г.), требовалось определенное время» (Внуков 2007: 171—173)[12].

Наиболее весомый из аргументов С.Ю. Внукова — рост числа сарматских имён в надписи 155 г. н.э., что подтверждено их квалифицированной атрибуцией, выполненной иранистом С.В. Кулландой. Остальные аргументы и соображения, по сути, не столько доказывают основной тезис исследователя, сколько не противоречат ему и «срабатывают» все вместе, но не по отдельности. По-видимому, вопрос об уточнении даты разгрома Танаиса в пределах временного интервала, достоверно определённого С.И. Безугловым на основании монетных находок, остаётся открытым. Впрочем, судя по косвенным данным, проанализированным С.Ю. Внуковым, несколько более вероятно, что город подвергся нападению между концом 30-х гг. и началом 50-х гг. II в. н.э., а не позднее.

Принципиален вывод С.В. Кулланды о наличии в танаисских надписях первой половины II в. н.э. имён, которые вполне могли быть сарматскими: Маст, Ардар, Дад, Фадинам, Хофарн, Азий и некоторых других. Напомню, что Д.Б. Шелов, а вслед за ним Д.И. Даньшин причисляли эти имена к северопонтийскому или восточносредиземноморскому иранскому ономастикону, т.е. в точном смысле считали их западноиранскими, не имеющими отношения к восточноиранскому сармато-аланскому языку (Приложение I.2), что и теперь принято некоторыми авторами (Завойкина 2004: 165—166; 2013: 186—187).

Тем не менее Д.Б. Шелов со свойственной ему научной интуицией, основанной на глубоком знании древностей античного Танаиса и Северного Причерноморья и вполне адекватных представлениях об известных на тот момент памятниках степных культур, допускал проникновение сарматов в город с I в. н.э. (Шелов 1974: 238). Он выделял «два этапа усиления сарматского элемента», обусловленные «двухкратным приливом» в Танаис — в I и во II вв. н.э. — носителей соответствующих (средне- и позднесарматских) культовых норм, и констатировал, что особенно чётко прослеживается «вторая волна». По мнению Д.Б. Шелова, её отразили: в эпиграфике — многочисленные «новые» иранские имена (см. выше); в некрополе — погребения, в частности, подбои, с северной ориентировкой умершего,

[12] Ранее подобную догадку высказал украинский сарматолог А.В. Симоненко: «… начало позднесарматского периода приходится на время правления Антонина Пия, а точнее — на 150-е гг. н.э.» (Симоненко 2001: 78). Точка зрения С.Ю. Внукова принята также В.Ю. Малашевым и М.Г. Мошковой (Малашев, Мошкова 2010: 38).

положением кистей рук на таз и перекрещиванием ног в голенях[13], распространение европеоидного брахицефального типа с широким, высоким и уплощённым лицом и обычая прижизненной кольцевой искусственной деформации черепа; в материальной культуре города — лощёная керамика «сарматских форм», сосуды с зооморфными ручками, курильницы с боковыми отверстиями, некоторые типы зеркал, тамгообразные знаки и т.п. (Шелов 1972: 238, 239; 1974: 90—91)

Начиная с 80-90-х гг. внимание археологов было сосредоточено, главным образом, на этой поздней «волне» благодаря дальнейшему накоплению информации о ней в ходе раскопок[14]. В 1979—1980 гг. на восточном участке городского некрополя были открыты более двух десятков погребальных комплексов, в которых коррелировали выразительные позднесарматские обрядовые и этнографические признаки: курганы с ровиками, имеющими перемычку в южной части, подбойные могилы с камерой, выведенной под западную стенку, северная ориентировка умерших, обычай деформации черепа (Гугуев 1983; 2019: 92—94, 105—107). Постепенно собирались данные ещё об одной группе курганных и грунтовых захоронений второй половины II — первой половины III в. н.э., оставленной элитой Танаиса, вероятно, по преимуществу позднесарматской. В инвентаре и обряде таких могил черты боспорской и провинциально-римской культуры (грунтовый или курганный склеп, погребальные венки и изделия из золотой фольги, имитирующие металлические украшения, в том числе монетные индикации) органично сочетаются со степными (длинные и короткие мечи с портупеей, плети, луки «гуннского» типа со стрелами, сбруйные наборы сарматского облика[15]) (Безуглов, Ильяшенко 2016; Безуглов 2019). Параллельно изучались сарматские и аланские (центральнокавказские) элементы бытовой культуры горожан второй половины II — первой половины III в. н.э.: тамги на плитах и разнообразных бытовых предметах — керамике, бронзовых обкладках деревянных сосудов, зеркалах, костяных изделиях (Яценко 2001: 73—74; Гугуев 2017: 136; Kozlovskaya, Ilyashenko 2018: 173—183)[16]; лепные курильницы средне- и позднесарматского облика (Базилевич, Гугуев 2012: 159—160); аланская гончарная сероглиняная посуда (Гугуев 1997: 117—122, рис. 5: 3, 4, 6—12; Гугуев и др. 2007: 436—440, рис. 2—9). Исследователи выдвигали версии, касающиеся некоторых частных аспектов взаимоотношений Танаиса со степью во II — первой половине III в. н.э.: например, о возможном обслуживании номадами сухопутного торгового пути, ведущего из эмпория в устье Дона к аланским «протогородам» Центрального Предкавказья (Гугуев 1993: 123—124); о том, что похороненные в могильниках правобережья Нижнего Дона и Доно-Кагальницкого водораздела поздние сарматы, «могли иметь свободный доступ в город и даже входить в состав его социальной элиты, сохраняя при этом черты собственного кочевого жизненного уклада и чередуя своё пребывание в городе и в степи» (Безуглов и др. 2009: 114—115; Безуглов 2019: 50) и др.

Изучение некрополей меотских поселений показало, что во второй половине II — первой половине III в. н.э. в них распространяется тот же, что и в некрополе Танаиса, набор взаимосвязанных позднесарматских обрядовых, этнографических и антропологических

[13] Вообще, положение кистей рук на таз и перекрещивание ног в голенях не являются специфически сарматскими обрядовыми признаками (Безуглов, Гугуев 1988: 22—23).

[14] О том, как был установлен факт позднесарматского разгрома Танаиса, сказано выше.

[15] Иногда такая сбруйная гарнитура оформлена тамгами и тамгообразным декором (Kozlovskaya, Ilyashenko 2018: 175, Fig 4: *1—3*). Интересно, что в некоторых склепах обнаружены также иные вещи, имеющие отношение к поздним сарматам и аланам Кавказа: деревянная посуда с зооморфными фигурками, лепные параллелепипедные курильницы, гончарная сероглиняная керамика центральнокавказских типов, которая пользовалась особым спросом, по-видимому, именно у ираноязычных варваров-танаитов (Гугуев 1993: 123—124; Гугуев и др. 2007; Гугуев, Науменко 2021: 543, 550).

[16] Кстати, так называемые царские знаки на плитах с надписями из Танаиса едва ли принадлежали боспорским правителям II—III вв. н.э., а скорее, говорят о присутствии здесь сарматов из двух знатных родов, принимавших активное участие в городской общественной жизни и входивших в состав общины танаитов (Завойкина 2004: 172—175; 2013: 191—208).

признаков, аланская сероглиняная керамика, другие степные особенности. Иными словами, стало очевидно, что в указанный период внутри всего нижнедонского ареала оседлости шли единые процессы межэтнического взаимодействия и седентаризации ираноязычных номадов (Безуглов, Гугуев 1988: 24—26; Гугуев 2017: 131—133).

В последние годы некоторые специалисты развивают идею Д.Б. Шелова о двух волнах сарматизации[17]. На мысль о ранней волне наводит уже сама география памятников I — первой половины II в. н.э., в том числе погребальных и поминальных комплексов среднесарматской знати, изобилующих античными вещами из Танаиса. Многие такие памятники сосредоточены на правом берегу Нижнего Дона и Доно-Кагальницком водоразделе в непосредственной близости (нескольких километрах) к Танаисскому некрополю и некрополям меотских городищ (Беспалый, Беспалая, Раев 2007; Беспалый, Лукьяшко 2008; 2018). Более того, иногда крупные степные курганные кладбища со среднесарматскими погребальными и поминальными сооружениями (могильники Царский и Кобяковский) практически сливаются с упомянутыми некрополями (Ильюков 1993: 199—206, рис. 1: 9—30, 2, 3; Прохорова, Гугуев: 1992). С другой стороны, некоторые из названных выше свидетельств присутствия иранцев зафиксированы в Танаисе с начала раннеримского периода. Из жилых/хозяйственных построек и захоронений I — первой половины II вв. н.э. происходят отдельные предметы с сарматскими тамгами (Книпович 1949: 55, рис. 13; Bottger 2003: 251—252, Abb. 12: 7—10; Гугуев, Науменко 2021: 541—542, 551, рис. 12: 2, 16: 1). В середине I в. в некрополе появляются погребения с наборами среднесарматских лепных курильниц, состоящими из крупного сосуда в форме соленоида и цилиндрической «стопки» меньшего размера (Гугуев 2017: 136). В мусорных слоях, образовавшихся в результате чистки города после событий середины II в. н.э., очень мало аланской сероглиняной керамики. Однако она сконцентрирована — пусть и не в таком значительном количестве, как в комплексах, погибших в середине III в. н.э. — в отдельных подвалах и помещениях, разрушенных при позднесарматском разгроме: к примеру, в Восточном подвале (Гугуев, Науменко 2021: 544—546, 548, 550, 552—553, рис. 14, 15, 16: 3, 4). Следовательно, в первой половине II в. н.э. аланская керамика уже использовалась в быту кем-то из горожан. До недавнего времени автор этих строк считал её импортом из Центрального Предкавказья (Гугуев и др. 2007: 434, 436—440, 442). Теперь есть основания полагать, что частично она могла изготавливаться в самом Танаисе, где в мусорных напластованиях римского времени были обнаружены (правда, в единичных экземплярах) полые керамические «подставки» — надёжные маркеры аланского гончарства (Гугуев и др. 2017: 53; Гугуев, Науменко 2021: 547—548). Судя по наличию аланской посуды в постройках, погибших при позднесарматском разгроме, её производство могло быть налажено в Танаисе несколько раньше этих событий, в пределах конца I — первой половины II в. н.э., поскольку так датируется формирование в Центральном Предкавказье аланской археологической культуры с её специфическим керамическим комплексом (Габуев, Малашев 2009: 148—153).

В I — первой половине II в. н.э. какое-то количество номадов, вероятно, проникало и на меотские поселения округи Танаиса, в грунтовых могильниках которых обнаружены вышеупомянутые среднесарматские лепные курильницы, аланская гончарная посуда, предметы с тамгообразными знаками (Гугуев 2017: 135—137, рис. 8, 9). На возможность пребывания сарматов в I — первой половине II в. н.э. на Кобяковском городище указывает также сходство черепов погребённых его некрополя со нижнедонскими ранне- и среднесарматскими (степными) краниологическими сериями (Батиева 2011: 81—82, 93). Кроме того, в последние два десятилетия на Подазовском и Крепостном городищах открыты датирующиеся на основании сопутствующего амфорного материала II в. н.э. следы аланского керамического производства, т.е. здесь обосновались гончары-аланы из Центрального Предкавказья (Гугуев и др. 2017: 52—53; Гугуев, Науменко 2021: 546—548).

[17] Кажется, Д.Б Шелов применительно к Танаису не употреблял термин «сарматизация». Однако, по сути, в его работах речь идёт о ряде взаимосвязанных явлений, которые правильнее всего называть именно так (Безуглов 2001: 118).

Всё это позволяет допустить, что процесс сарматизации эмпория на Танаисе и окрестных меотских поселений, пик которого пришёлся на период от середины II в. н.э. до катастрофы 251 г. н.э., начался в I в. н.э. (Внуков 2007: 168—169; Гугуев 2017: 135—137; Гугуев 2019: 106; Гугуев, Науменко 2021: 548—551). И, таким образом, результаты выполненного С.В. Кулландой предварительного исследования одного из сегментов иранского ономастикона Танаиса в общих чертах согласуются с имеющимися в нашем распоряжении данными археологических источников.

Есть, впрочем, и определённые «нестыковки» в этой более-менее целостной картине. Так, загадку представляет собой полное отсутствие в курганных некрополях Танаиса и меотских поселений его округи квадратных ям I — первой половины II в. н.э. под индивидуальной насыпью, в которых костяк располагается по диагонали и ориентирован черепом в южный сектор[18]. Нет и обширных квадратных ям высшей среднесарматской знати, где аналогично ориентированный погребённый укладывался вдоль стенок в деревянном ящике (гробу). Для курганов с погребальными конструкциями второго типа характерен особым образом оформленный материковый выкид из могилы, а также «дары» на древнем горизонте или в специальных тайниках под выкидом: бронзовые котлы, импортная металлическая посуда, амфоры и сероглиняная керамика, предметы культа, вооружения, сбруя из драгоценных металлов (Безуглов, Гугуев 1988: 22—24). Выходит, что в I — первой половине II в. н.э. немногих(?) номадов, селившихся в Танаисе и на близлежащих меотских городищах, хоронили в грунтовых и курганных некрополях в соответствии с обрядовыми нормами, которые практиковались здесь коренным (несарматским) населением. В таких случаях на возможную сарматскую принадлежность погребённых указывают только сопровождающие их традиционные культовые и бытовые атрибуты: лепные курильницы степных типов, вещи с тамгами и т.п.

Ситуация кардинально изменилась после событий середины II в. н.э., когда поздние сарматы на целое столетие утвердили своё военно-политическое доминирование в нижнедонском очаге оседлости и боспорской культуры с центром в Танаисе[19]. По-видимому, именно возникновение многочисленной ираноязычной общины, представители которой заняли ключевые позиции в городской администрации, одновременно сосредоточив в своих руках значительные финансовые ресурсы, привело к отводу обширного участка на восточной периферии курганного

[18] Д.Б. Шелов счёл диагональным одно из погребений грунтового некрополя (погребение 82, раскопки 1955—1956 гг.) и датировал его II—III вв. н.э. (Шелов 1961: 32, табл. VIII: *4*; Шелов 1972: 237), что явное недоразумение. Погребение, по-видимому, не курганное. Его стенки прослеживались плохо, поэтому форма могильной ямы установлена не была. Судя по небольшому позднебоспорскому лепному лощёному кувшину (Шелов 1961: 32, табл. XXII: *3*) у черепа покойного, оно может быть датировано концом IV — первой половиной V в. н.э. К настоящему времени в грунтовом могильнике Танаиса открыто множество подобных захоронений преимущественно в подбоях или Т(Г)-образных катакомбах (Арсеньева и др. 2001: 178—179)

[19] Оно не выражалось в абсолютном господстве кочевников над Танаисом и его округой, создании ими здесь с середины II по середину III в. н.э. какой-то новой формы политического устройства. В этот период город с прилегающими к нему территориями был «наместничеством» Боспорского государства. Он управлялся пресбевтом — царским послом-легатом, впервые упомянутым в надписи 163 г. н.э., а внутри, подобно другим крупным боспорским городам, сохранял некоторые элементы автономной (полисной) административной структуры (Яйленко 2010: 601—602; Завойкина 2013: 135—137, 163—179, 210—215). Благодаря эпиграфике, нам известно, что сарматы были инкорпорированы в эту систему власти, т.к. лица с иранскими (сарматскими) именами занимали должности вплоть до самых высоких: пресбевта, архонтов, эллинарха (Шелов 1972: 260—268; Завойкина 2013: 138—143, 158, 162, 16—177, 203—209). Исследователи считают, что после разгрома середины II в. н.э. инициатива поселить номадов в Танаисе с дарованием им гражданских прав и некоторых привилегий, привлечь сарматскую знать к управлению городом исходила от царей Боспора, которые были заинтересованы, чтобы варвары участвовали в восстановлении Танаиса, влились в состав гарнизона крепости и в качестве наёмников несли военную службу на далёкой, нестабильной северо-восточной окраине государства (Внуков 2007: 168; Завойкина 2013: 204—209, 213—214). Я бы добавил, что, действуя подобным образом, боспорские правители не только контролировали и использовали в своих целях селившихся непосредственно в городе и его округе номадов, но, вероятно, имели возможность влиять на всю мощную кочевую позднесарматскую группировку в Подонье.

некрополя под погребально-поминальные комплексы сарматского населения эмпория. Однако самых знатных и состоятельных танаитов хоронили в земляных склепах «боспорского типа» в других местах — как правило, ближе к городским стенам (см. выше).

Очень интересна идея С.В. Кулланды о наличии в иранском ономастиконе Танаиса следов нескольких диалектов сарматского языка и возможной архаичности диалекта поздних (позднее пришедших в Европу) сарматов по сравнению с диалектом (диалектами?) ранних и средних. Будучи вскользь высказана серьёзным лингвистом и историком, она, разумеется, требует дальнейшей проверки на материалах Танаиса и тех северопонтийских античных городов, где в надписях первых вв. н.э. есть иранские имена. Если её удастся аргументировать, то, как мне представляется, возможная близость именно ранне- и среднесарматского (но не позднесарматского) диалекта (диалектов?) к осетинскому языку не противоречила бы археологическому материалу. В.Ю. Малашев убедительно доказал, что аланская археологическая культура Центрального Предкавказья складывалась на базе двух основных компонентов: а) культуры местного оседлого и кочевого населения II в. до н.э. — I в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент), б) культуры среднесарматских кочевников-мигрантов. О возможном участии средних сарматов в сложении аланской культуры косвенно свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, во второй половине II в. н.э. она выглядит уже полностью оформленной (земляные городища, своеобразный керамический гончарный комплекс, обряд погребения в курганных катакомбах), а значит, её формирование происходило несколько раньше — в среднесарматский период, по всей вероятности, в конце I — первой половине II в. н.э. Во-вторых, отдельные среднесарматские памятники, например, курганный могильник Кобийский в Шелковском районе Чеченской Республики, Бударка 3 и Айгурский 2 на Ставрополье, заходят далеко на юг и расположены довольно близко к предгорьям, которые вскоре заселили аланы. Кроме того, аланская культура наследует некоторые существенные черты среднесарматской — обряд захоронения под индивидуальной насыпью, обведённой ровиком, небольшие ямки-тайники для оружия и конской упряжи внутри могилы или рядом с ней (на погребённой почве под выкидом)[20], звериный стиль сбруйной гарнитуры (Малашев 2007: 494; 2010: 122—124; 2016: 10—12, 61, рис. 1—5; Габуев, Малашев 2009: 148—153; Габуев 2014: 9—16, 22—28, рис. 2—14, 24—32).

Аланский звериный стиль III—IV вв. н.э. (очень вероятно, что такие вещи со временем будут обнаружены и в комплексах II в.) отличается от среднесарматского схематичностью (сильной степенью упрощения) и «угловатостью» изображений, чем, на мой взгляд, напоминает стилистику кобанского прикладного искусства (Техов 1980: рис. 22; Доманский 1984: рис. 1, 3—5, 11—16, VI—VIII, илл. 2, 11—23, 51—54, 59, 60, 161—163; Мошинский 2010: 67—69, 71—79, 90—95, 108—110, 190—191, 209, 238, 239, 240—242, 244—250). Однако его образы (волк, ёж, хищная птица, фантастические крылатый волк, орлиноголовый грифон и дракон) и мотивы (свернувшийся в кольцо зверь, свернувшийся хищник, кусающий свою заднюю лапу, шествие зверей) соответствуют среднесарматским[21]. Реплики оригинальных «степных» произведений звериного стиля I — первой половины II в. н.э., изготавливаемые кавказскими мастерами, были востребованы местным населением. Всё это также может говорить об этническом родстве средних сарматов и аланов центральных областей Северного Кавказа (Малашев 2016: 61; Малашев, Дзуцев 2016: 172—177, рис. 3, 7: 1—4, 11: 1, 12: 1, 2, 14—22).

А вот влияние на кавказских аланов носителей классической позднесарматской культуры второй половины II — первой половины III в. н.э., по данным, которыми мы располагаем

[20] Возможно, в качестве единичной, но показательной деривации среднесарматского погребального обряда в аланской культуре следует трактовать диагональное(?) положение костяка в камере катакомбы кургана 878 Бесланского могильника, датирующейся второй половиной II — первой половиной III в. н.э. (Коробов, Малашев, в печати).

[21] Авторами верно подмечено, что мотив «шествие зверей» реализуется на крупных круглых фаларах, похожих на ранне- и среднесарматские (Малашев, Дзуцев 2016: 122, рис. 14).

сегодня, выглядит гораздо скромнее. В аланской культуре Центрального Предкавказья прослеживаются отдельные (без корреляции в одном погребальном комплексе) позднесарматские черты, но не специфические, а скорее, «эпохальные», присущие в указанный период многим культурам и культурным группам: обычай деформации черепа, уздечные наборы особой конструкции, некоторые типы украшений и бытовых предметов (Габуев, Малашев 2009: 149—150; Малашев, Дзуцев 2016: 171—172)[22]. По-видимому, взаимодействие поздних сарматов Подонья с аланами сводилось к прямым и опосредованным торговым контактам, а также к обслуживанию торгового пути, соединявшего эмпорий в устье Дона и городища Центрального Предкавказья, о чём свидетельствуют многочисленные находки импортной гончарной посуды кавказского производства в Танаисе и нижнедонских степных погребениях второй половины II — первой половины III в. н.э. (Гугуев, Глебов 2002: 92—93; Гугуев 1993; Гугуев и др. 2007; Гугуев и др. 2017). Такие контакты не привели к расселению сарматов поблизости аланских «протогородов», тогда как, к примеру, на Нижнем Дону в первые века н.э. кочевники занимали степи возле экономически значимых для них центров оседлости и торговли (см. выше). Более того, типичных позднесарматских памятников второй половины II — первой половины III в. н.э. (погребений воинов-всадников с характерным инвентарём и соответствующих женских могил) пока не выявлено на Ставропольской возвышенности и в равнинной зоне Центрального Предкавказья. Не исключено, что эта обширная территория играла роль «буфера» между нижнедонскими поздними сарматами и центральнокавказскими аланами, что, вероятно, указывает на не вполне мирные отношения. В середине III в. н.э. произошла масштабная аланская экспансия в Подонье и Волго-Донское междуречье (а потом и далее на запад), в результате которой оставшиеся там носители позднесарматской культуры были постепенно ассимилированы (Безуглов 2008: 285—292).

Публикуя письма и заметки Сергея Всеволодовича Кулланды, на редкость эрудированного, глубокого и проницательного исследователя, с которым мне посчастливилось дружить и плодотворно общаться долгие годы, выражаю надежду, что его безвременный уход из науки не означает забвения сложных, но весьма актуальных проблем, поставленных им на материале иранской ономастики Танаиса. Может быть, кто-то из историков и языковедов-иранистов заинтересуется этими проблемами и в перспективе предложит способы и варианты их решения.

[22] В аланских катакомбах второй половины II—III в. н.э. известна и единичная находка лепной параллелепипедной курильницы позднесарматского типа (курган 68 могильника «Братские 1-е курганы» в Надтеречном районе Чеченской Республики) (Малашев 2018: 8, рис. 912: 4).

Приложение I.1

Из письма С.В. Кулланды

Дорогой Юра!

Посылаю тебе довольно отрывочные заметки относительно иранской ономастики Танаиса. Можешь их использовать по своему усмотрению. Может быть, тебе будет приятно знать, что ты оказал мне большую услугу, подвигнув заняться этим предметом, поскольку я выяснил для себя (и, смею надеяться, для науки) много нового и интересного насчёт скифского языка, до чего у меня без твоей просьбы и присланной тобой литературы просто руки не дошли бы. Одним словом, надеюсь, что польза будет обоюдной и мои заметки тебе сгодятся. Если тебе покажется, что там чего-то не хватает, напиши мне по той же электронной почте, и я допишу, что смогу. <…>

Серёжа

Приложение I.2

Заметка С.В. Кулланды (файл «sarm 1»)

Вывод о появлении в надписях Танаиса большого количества иранских имен только с середины II в. н.э., безусловно, справедлив. Вместе с тем, методика использования автором ономастических данных вызывает серьезные замечания. Так, он, вслед за Д.Б. Шеловым, пытается отделить собственно сарматские имена от иных иранских, но при этом допускает терминологическую подмену, делающее все рассуждение бессмысленным. Если у Шелова речь идет о разграничении внутри иранского ономастикона «сарматских» и «персидских» имен (см., напр., «Некоторые вопросы…», стр. 89), то Даньшин, видимо, под влиянием современных политических реалий, заменяет слово «персидские» на «иранские» (см. стр. 55, где отдельно высчитывается доля «сарматских» и «иранских» имен). Но понятия «иранский» и «персидский» в лингвистическом смысле не тождественны. Смысл идеи Шелова (к сожалению, в явном виде им не сформулированной) в том, что следует разграничивать западноиранские языки, к которым относится (древне)персидский, и восточноиранские, к которым относятся, в частности, скифский, сарматский, аланский и осетинский. Такое различие проводить можно и нужно. Проводить же различие между иранским и сарматским, как это делает Даньшин — то же, что проводить различие между славянским и русским или же, если использовать археологическую метафору, между сосудами и амфорами: это понятия разного таксономического уровня. Но основная проблема — не в терминологической путанице, хотя ее, разумеется, лучше было бы не допускать, а в том, что критерии, по которым Д.Б. Шелов (выдающийся исследователь истории и археологии Северного Причерноморья, но не иранист и не специалист по сравнительно-историческому языкознанию) пытался разграничить восточноиранские (в его терминологии «сарматские») и западноиранские (в его терминологии «персидские») элементы в ономастике Танаиса, изначально порочны. Скажем, он полагал, что если некое иранское слово зафиксировано в авестийском, но не представлено в современном осетинском, то оно не может быть сарматским. Суждение это с лингвистической точки зрения абсурдно. Если, скажем, в русском языке не сохранилось слово *корок («нога»), и для того, чтобы понять, что слово «каракатица» (возникшее под влиянием аканья из «корокатица») означает «многоножка», нужно привлечь болгарское крак («нога»), то из этого никоим образом не следует, что каракатица — слово не русское, а болгарское (напротив, соответствие болгарского неполногласия русскому полногласию исключает такую возможность). То же рассуждение

справедливо и для реконструкции значений сарматских слов при помощи авестийских (или любых других иранских) параллелей[23]. Единственным аргументом в подобных случаях может служить не наличие или отсутствие той или иной лексемы в том или ином иранском языке, а специфический фонетический облик соответствующего слова (ср. ниже об имени Ксартан [Ξάρθανος]). Поэтому утверждение, что «имя Φόδακος, не очень убедительно выводимое В.Ф. Миллером и В.И. Абаевым из осетинских корней…, находит себе точное соответствие в корнях авестийских…» (цит. соч., стр. 89), даже если оно справедливо, вовсе не исключает того, что имя это сарматское. Что же касается иных приводимых Д.Б. Шеловым примеров якобы персидских имен, то они либо не показательны, либо прямо противоречат его собственным выводам. Скажем, имена Арат, Фарнак, Питофарнак могут быть как западно-, так и восточноиранскими, так что нет никаких оснований считать их именно персидскими, а имя Ксартан, также объявленное «несомненно» персидским, быть таковым никак не может. а может быть только сармато-аланским, поскольку в нем имеется сугубо сармато-аланский переход θr>rθ, не встречающийся ни в древне-, ни в средне-, ни в новоперсидском, ни в так называемом «мидийском». Имя Ахемен (Ἀχαιμένης) в данном контексте вообще трудно считать иранским. Его иранская форма — Haxamani-, а Ахемен — традиционная греческая передача, так что мы, скорее всего, имеем дело с греческим именем, заимствованным из персидского (в среде малоазийских греков?) и ассимилированным. Наконец, даже если некое имя из Танаиса и демонстрирует фонетические черты, свойственные юго-западным иранским языкам, т.е. древне-, средне- и новоперсидскому, это само по себе ничего не доказывает, поскольку ряд слов с «юго-западной» фонетикой (в том числе и не зафиксированных в собственно персидском на территории Ирана) попал и в восточноиранский осетинский (то ли в результате древних междиалектных заимствований, то ли в результате заимствований из языка западноиранского населения Северного Причерноморья, ассимилированного скифами и/или сарматами). Как указывал Э.А. Грантовский, «на древнее и независимое от персидско-ахеменидского влияния бытование «юго-западных» форм в Юго-Восточной Европе указывают имена скифских царей в Северном Причерноморье VII — первой половины V вв. до н.э.: Σπαργαπείθης и Ἀριαπείθης (Геродот, IV, 76, 78; первый из них был прапрадедом современника Дария I и жил, следовательно, в первой половине или середине VII в. до н.э.)» (Ранняя история иранских племен Передней Азии, стр. 162) (в обоих случаях мы имеем во второй части имени рефлекс *paiśa- «вид», «обличье» с θ вместо s). «То же имя *Spargapaisa, уже в общеиранской форме, носил массагет Σπαργαπίσης (Геродот, I, 211, 213)» (Там же). К числу «юго-западных», resp. персидских (хотя в данном случае такое словоупотребление не вполне удачно, поскольку, как отмечалось выше, речь не идет о заимствовании непосредственно из древнеперсидского), возможно, относится и упоминаемое как Шеловым, так и Даньшиным имя Ардар (Ἄρδαρος), которое, тем не менее, прочно вошло в аланский и осетинский языки — ср. заимствования из аланского в венгерский и монгольский: зафиксированное с XII в. н.э. венгерское aladár «centurio cohortis praetoriae», употребительное и в качестве личного имени, и монгольское aldar «слава», зафиксированное в XIII в. как личное имя, а также современное осетинское ældar «господин», «князь» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, стр. 126—128). Согласно Э.А. Грантовскому, «первоначальным значением этого слова, игравшего важную роль уже в скифо-сарматский период, должно быть «известный воин», «военный предводитель», откуда, как обычно, «знатный», «старшина», «вождь», «князь»»[24]. Предлагавшиеся объяснения (В.И.

[23] Не говоря уже о том, что авестийский демонстрирует в основном (хотя и не исключительно) восточноиранские особенности и в этом отношении стоит ближе к скифскому и сарматскому, чем к древнеперсидскому.

[24] Как отметил Э.А. Грантовский, «значение «начальник охраны» (в средние века в венгерском), принимаемое как основное М.Н. Боголюбовым и О.И. Смирновой (1963, 110), должно быть вторичным (вероятно, от «начальник отдельного отряда»). Оно не находит отражения в осетинском и монгольских, а в венгерском слово означает также «военный», «знатный»» (Грантовский, цит. соч., стр. 215, примеч. 34).

Абаев: от armadāra «рукодержец»; М.Н. Боголюбов и О.И. Смирнова: к авестийскому harqtar — «надзиратель», «страж») не представляются убедительными как по значению, так и по форме[25]. Термин в соответствии со своим значением мог бы быть разъяснен, если допустить, что он восходит к «юго-западной» форме» (Грантовский, цит. соч., стр. 215). Как уже отмечалось, для Северного Причерноморья наличие «юго-западных» форм вопреки обычной языковой норме зафиксировано уже для VII—V вв. до н.э, поэтому указанное имя — вероятно, из *ardāra, восходящего, в свою очередь, к общеиранскому *arźāra — можно связать с авестийским arqzah «бой», «сражение», «боевой строй», ср. arqzayant — «сражающийся». «В этом случае *ardāra либо имеет суффикс -ra/āra (…ср. авестийское имя Vanāra, очевидно, от van(a) — «побеждать»…), либо образовано с глаголом ar- в одном из его значений, наиболее вероятно «двигать(ся)», т.е. «двигающийся в сражении» или «двигающий бой»», ср. образованное от той же основы при помощи сходного по значению глагольного корня šyāv- авестийское arqzō.šūta «выводимый на бой», «ведомый в бой» (Там же). Так или иначе, учитывая глубокую укорененность соответствующего слова (как в качестве имени нарицательного, так и в качестве имени собственного) в сармато-алано-осетинской среде, имя Ардар тоже трудно считать «несарматским».

Из всего сказанного ясно, что подсчеты процентного соотношения «сарматских» и «несарматских» имен, основанные на описанных выше критериях, мягко говоря, не вполне достоверны.

Тем не менее, при всей скудости скифского и сарматского языкового материала, в ряде случаев мы в состоянии отделить, скажем, скифские имена от сарматских или раннесарматские — от позднесарматских. Так, например, уже отмечалось, что греческое окончание –ης передает иранское тематическое окончание на a-, а греческое окончание -ος — более позднее иранское окончание на согласный, после отпадения конечного гласного. Как писал В.И. Абаев, «при всех возможных ошибках этот критерий пригоден для общей ориентировки в материале… Подавляющее большинство имен имеет окончание –ος, в особенности имена, относящиеся к I—III вв. Это значит, что к этому времени тематические гласные в скифском [В.И. Абаев употреблял термин «скифский» недифференцированно по отношению к скифскому и сарматскому — С.К.] отпали… Напротив, имена, сохраненные в самых ранних источниках (Геродот, древнейшие надписи и др.), носят признаки наличия тематических гласных. Если мы сравним Σαιταφάρνης и, скажем, Χόφαρνος, то первая форма… представляется более архаичной. Так оно в действительности и оказывается. Σαιταφάρνης встречается в надписи из Ольвии III в. до н.э., Χόφαρνος — в надписи из Танаиды III в. н.э.» (Абаев 1979 (1949), стр. 337—338).

Показателями более поздней стадии развития языка являются и переходы p>f (там же, стр. 332—333), t>d, k>g (там же, стр. 330—331). Поэтому имя Питофарнак (Πιτοφαρνάκης) древнее, чем Пид (Πίδος), а Пид — чем Фид (Φίδας) (все они восходят к *pitā «отец»); Пуртай (Πουρθάος) или Пуртак (Πουρθάκης) древнее, чем Фурт (Φούρτας) (все образованы от puθra «сын»).

Кроме того, в более поздних (сарматских?) надписях (именах?) имели место метатезы согласных, характерные и для современного осетинского. Это прежде всего метатезы с участием r, который в группе из двух согласных переходит со второго места на первое: θr>rθ и т.п. (например, если брать имена с элементом xšaθra — «власть» или производными от него, то более древними [или представляющими иной диалект, скажем, скифский] формами будут Сатрак (Σατράκης, у Арриана) и Сатробат (Σατροβάτης, Фанагория), а более поздней [или именно сарматской, в отличие от скифской] — Ксартан [Ξαρθάνος]) (В.И. Абаев, стр. 333), а также переход sp>ps>fs: так, из имен Аспак (Ἀσπακος) и Апсах (Ἀψαχος) (от aspa —

[25] Об этимологии Боголюбова и Смирновой см. выше, примечание 2. Что же касается этимологии В.И. Абаева, то ни в одном языке, будь то древнем или современном, не зафиксирована форма с –m-. Даже в ассирийских источниках встречается только форма Ardara (ša IAr-da-ra-a) (Грантовский, цит. соч., стр. 214).

«конь»; встречаются только в Танаисе, притом даже в составе одной надписи, КБН 1278, 220 г.н.э.) более древним по происхождению является первое[26].

Из встречающихся в Танаисе сарматских имен особый интерес представляет имя Омпсалак (Ὀμψάλακος), неоднократно встречающееся в различных надписях, в том числе в более правильной форме Ампсалак на серебряном сосуде из Косики (см. Ю.Г. Виноградов, Очерки военно-политической истории сарматов в I в. н.э.), никакой иранской этимологии которого до сих пор предложено не было. В нем представлен, с одной стороны, поздний (хотя и не являющийся последней из зафиксированных к настоящему времени стадий фонетического развития этой консонантной группы) переход sp>ps, а с другой стороны — интервокальный -l-, не встречающийся в большинстве древнеиранских языков; в сармато-аланском l возник из более раннего r перед i или y: Φλίανος из Fryāna, Ἀλανοί из aryana и т.п. Таким образом, это имя вполне регулярно восходит к более раннему *Ham-sparyaka «совместно топчущий, попирающий ногой (врагов)» (ср. осетинское æfsæryn «id.»)[27].

Приложение I.3

Заметка С.В. Кулланды (файл «sarm 2»)

Итак, об именах из надписи 155 года. Еще раз об имени Фид. Оно явно позднее, поскольку, как видно из предыдущих заметок, в нем отражены переходы p>f и t>d, а также отпадение конечного гласного, о чем свидетельствует окончание -ος. Имя Амарфаст (Ἀμαρθάστος) В.И. Абаев объяснял (с вопросительным знаком) как «Избранный», связывая с осетинским глаголом ærtasun «отбирать» с приставкой ham-, обозначающей совместность. Имя Атарб (Ἀτάρβας), которое Абаев не объясняет, я бы предложил трактовать как производное от иранского глагола *tarp- (осетинское tælfun) — «шевелиться, трепетать» с а-приативным, т.е «недрожащий, не трепещущий». Оно по форме не слишком раннее, но и не слишком позднее. Имя Ζάβαργος, которое у Абаева тоже не объяснено, можно, на мой взгляд, трактовать (с вопросительным знаком) при помощи осетинского caw «происшествие, случай» и *ārgā (осетинское arǧaun) «благословлять» — «Счастливый, благословенный случай» (?). Выглядит оно тоже достаточно поздним.

Еще несколько замечаний к тексту Даньшина. Неверно его утверждение, что в надписи 104 г. (КБН 1259) нет ни одного сарматского имени. Там есть имя Маст (Μαστοὰς), которое хорошо объясняется из иранского (в т.ч. из осетинского) как причастие прошедшего времени от глагола mad — «опьяняться, возбуждаться, распаляться» — «Ярый, Распаленный» (Абаев, 1979, стр. 295). Кроме того, там имеется имя Дад (Δάδος), которое вполне может быть сарматским (из dāta — «Данный», причастие прошедшего времени от dā-). Может, конечно, и не быть — с короткими именами всегда труднее разобраться, но, по крайней мере, утверждать безоговорочно, что имя это не сарматское, я бы не стал. Об имени Ардар из надписи 123 года я уже писал, но повторюсь: хотя оно, возможно, заимствовано из западноиранских диалектов досарматского (и доскифского) населения Северного Причерноморья (хотя это и не обязательно — возможно диалектное смешение на праязыковом уровне), оно прочно укоренилось в сармато-алано-скифском (см. предыдущие заметки с этимологией Грантовского), так что его следует считать сарматским.

[26] Правда, трудно сказать, имеет ли этот факт значение для исторических выводов, поскольку в личных именах могут иногда сохраняться фонетические черты, утраченные в именах нарицательных: ср., например, современную русскую фамилию БерЕзин, с ударным Е, тогда как в слове «береза» и прочих производных от него Е под ударением давно перешел в Ё.

[27] Фонетически и семантически допустима и альтернативная этимология — из *ham-spādaka «соратник», от spāda — «войско», со скифским переходом d>l, если считать, что имя Ампсалак было заимствовано из скифского после появления фонемы l в сарматском, но она по разным причинам представляется менее вероятной.

Кроме того, следующие сарматские (или, во всяком случае, иранские) имена есть в танаисских надписях, палеографически датируемых первой половиной II в. н.э.: КБН 1263 — Ардар, Дад, Иодас (Ἰοδασας) (объясняется из осетинского od «душа» + определенный артикль i — Абаев, 1979, стр. 297), Фади[нам] (Φαδί[ναμος] — из иранского pati-nāma; это форма не очень поздняя, позже было бы Фазίναμος); КБН 1264 — ᾽Οαροζβάλακος «Любящий дружину» или «Любимый дружиной» (ср. осет. warzun «любить» и bal «дружина»; так уже у Миллера — это имя, похоже, позднее), [А]рдариск (см. выше об Ардаре) и Фарнак (Φαρνάκης) — это имя раннее, судя по окончанию; КБН 1266 — Маст, Ардар, Хофарн (это имя довольно позднее, см. в предыдущих заметках в цитатах из Абаева); КБН 1295 — Фарнак (раннее, с ранним окончанием, от которого сохранилась «эта» — η), Азий (Ἀζίας — «Истинный», ср. осетинское æcæg — Абаев, 1979, стр. 291); КБН 1298 — Арья… (далее повреждено, но этого достаточно, хотя буквы повреждены, но читаются). Я не касаюсь имен из надписей, палеографически относимых широко ко II в. н.э., беру только первую половину.

Приложение I.4

Из письма Ю.К. Гугуева

Здравствуй, Сергей!

Я в который раз перечитываю Твои заметки, статьи Д.Б. Шелова и Д.И. Даньшина и пока не смог свести концы с концами, т.е. археологию и танаисскую ономастику.

В середине II в. н.э. Танаис был разгромлен, о чём свидетельствует ряд городских построек, погибших от пожара, и некоторые другие факты. В этих постройках найдены боспорские монеты, датирующие пожар временем между 136 и 170 гг. н.э. Разгромили Танаис продвинувшиеся из Средней Азии на правобережье Волги позднесарматские племена. Позднесарматская археологическая культура отлична от предшествующих, и, не исключено, что её носители как-то отличались от ранних и средних сарматов также по языку.

Сразу после разгрома город был восстановлен, и совершенно очевидно, что часть мигрантов и подчинённых ими средних сарматов влилась в состав его населения. Даже если отвлечься от надписей, на это указывает буквально всё — и погребальный обряд, и материальная культура.

Принципиален вопрос, могут ли танаисские надписи, год изготовления которых нередко известен, как-то сузить определяемый нумизматикой 35-летний интервал, в течение которого город был разгромлен. Его решение позволило бы прояснить нижнюю хронологическую границу позднесарматских памятников западнее Волги. Кто пишет о середине, кто о второй половине II в. н.э. К сожалению, из вещей, обнаруживаемых в могилах, нельзя извлечь более узких дат.

Если я Тебя верно понял, надпись 155 г. (КБН 1260) содержит имена, которые в принципе могли быть сарматскими. Однако в надписях 104 г. (КБН 1259) и 123 г. (КБН 1265) есть сходные имена. Кроме того, они присутствуют в надписях, палеографически относимых к первой половине II в. н.э. (КБН 1263, 1264, 1266, 1295, 1298) часть которых могла быть высечена и до 136 г. Таким образом, на протяжении всей первой половины II в. н.э., вопреки мнению Д.И. Даньшина («Танаиты…», с. 63), в ономастике Танаиса, кажется, не происходило никаких изменений, кроме плавного роста числа иранских имён.

Так думал и Д.Б. Шелов, при этом полагая, что практически все танаисские иранские имена из надписей, высеченных до конца правления Евпатора (170 г. н.э.), являются «персидскими» и только в надписи 188 г. н.э. (КБН 1242) впервые появляются сарматские («Некоторые вопросы…», с. 84—85). В своих заметках Ты убедительно доказываешь ложность критериев, избранных Д.Б. Шеловым для разграничения «персидских» (надо говорить – западноиранских) и сарматских (восточноиранских) имён. Тем не менее между именами из надписей до 188 г. и после этой даты всё же есть определённая разница. Заключается она в том, что вторые — почти все специфически танаисские, во всяком случае, для промежутка от 188 г. до середины III в. н.э., а первые (кроме Амарфаст из надписи 155 г.) встречаются и в других городах Боспора (Шелов Д.Б. «Некоторые вопросы…», с. 85—90). Может быть, всё-таки эти две группы иранских имён Танаиса как-то различимы и фонетически?

Другими словами, я пытаюсь разобраться, как датируется разгром: в интервале 136—155 гг. или, скорее, в интервале 155—170 гг.? <…>

Или же нам остаётся признать, что на нынешнем этапе исследования ономастика никак не проясняет данный вопрос, и поэтому надо остановиться на той дате, которая вырисовывается из анализа нумизматического материала? <…>

Юра

Приложение I.5

Из письма С.В. Кулланды

Дорогой Юра!

Скорее всего, ты прав: ономастика не позволяет утверждать, что разгром Танаиса произошел до 155 года. К сожалению, у меня не получается выделить специфические фонетические особенности имен, появляющихся после 188 года и встречающихся только в Танаисе. Более того, в поздних надписях нередко соседствуют ранняя и поздняя форма одного и того же имени: Фадинам и Фадзинам, Аспак и Апсах (объяснить-то это легко: как ты сам пишешь, среди горожан после восстановления Танаиса могли быть и поздние, и средние сарматы, но вот чей диалект был фонетически более поздним — поди разберись). В надписи 155 года (КБН 1260) упоминается имя Омпсалак, которое неоднократно встречается и в надписях, палеографически датируемых 1-й половиной II в. н.э. Судя по выкладкам Виноградова, то же имя в форме Ампсалак было распространено в сарматской среде в первой половине I в. н.э. (сосуд из Косики) — а в нем наблюдается поздний переход sp>ps. Теоретически вполне возможно, что диалект поздних сарматов был фонетически более архаичным, чем ранних и средних (поскольку поздние-то они, как я понимаю, только по времени появления в Европе) — тогда было бы понятно, почему среди поздних имен такие архаичные, как Байорасп и пр., а среди средних — такие более близкие к позднейшему осетинскому, как Омпсалак, но утверждать что-то категорично невозможно, поскольку в ранних танаисссских надписях иранских имен немного и среди них практически нет таких, которые бы фонетически хорошо датировались.

Извини, что не могу сказать ничего более определенного — материал не позволяет. <…>

Сережа

Литература

Абаев В.И. 1958. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1. А—К. Москва; Ленинград: АН СССР.

Абаев В.И. 1979. Скифо-сарматские наречия. В: Расторгуева В.С. (отв. ред.). *Основы иранского языкознания.* Т. 1. *Древнеиранские языки.* Москва: Наука, 272—364.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг.* Москва: Палеограф.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2004. Новые данные о фортификации Танаиса. *ДБ* 7, 29—73.

Базилевич Л.О., Гугуев Ю.К. 2012. О средне- и позднесарматском компонентах в составе населения Танаиса в середине II — первой половине III в. н.э. (по материалам лепных курильниц сарматских типов). В: Гаджиев М.С. (ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной конференции 23—28 апреля 2012 г.* Махачкала: Мавраев, 159—161.

Батиева Е.Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование).* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Башарин П.В., Захаров А.О. 2021. Сергей Всеволодович Кулланда (23.08.1954 — 30.11.2020). *Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология* 2.2, 264—273.

Безуглов С.И. 2001. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. — V в. н.э.). Дисс. … канд. ист. наук. Москва: ИА РАН.

Безуглов С.И. 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Проблемы современной археологии: сборник памяти Владимира Александровича Башилова*. Москва: Таус, 284—301 (МИАР 10).

Безуглов С.И. 2010. Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы). В: Скрипкин А.С. (отв. ред.). *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов.* Вып. III. Волгоград: ВолГУ, 93—116.

Безуглов С.И. 2019. Степь и Танаис во II—III вв. н.э. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* V. *Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*, 47—52.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I).* Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфическая фирма «Медиа-Полис».

Безуглов С.И., Гугуев В.К. 1988. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I—III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда). В: Максименко В.Е. (отв. ред.). *Проблемы сарматской археологии и истории (Тезисы докладов конференции)*. Азов: ИА АН СССР, 19—27.

Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2016. Социальная элита Танаиса во II—III вв. н.э. (культурноисторический облик). В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.-сост.). *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола (Санкт-Петербург, 22—25 ноября 2016 г.).* Санкт-Петербург: ПАЛЛАЦО, 181—186.

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. 2007. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1».* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России 2).

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника.* Т. 1. *Курганный могильник у с. Высочино.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России 1).

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника*. Т. 2. *Курганный могильник у с. Новоалександровка*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России 1).

Боголюбов М.А., Смирнова О.И. 1963. *Согдийские документы с горы Муг. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии.* Вып. III. Москва: Наука.

Внуков С.Ю. 2007. Время и политические последствия появления племён позднесарматской культуры в Причерноморье. *ВДИ* 4 (263), 163—177.

Габуев Т.А. 2014. *Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии.* Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* Москва: Таус.

Глебов В.П., Толочко И.В. 2016. Женские погребения с оружием на нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма: Танаис и сарматы. В: Лукьяшко С.И. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научн. конф. с международным участием, посвящённой 70-летнему юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20-21 октября 2016 г.).* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 44—84.

Грантовский Э.А. 1970. *Ранняя история иранских племен Передней Азии.* Москва: Наука.

Гугуев В.К. 1983. Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность. В: Шелов Д.Б., Казакова Л.М. (ред.). *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа.* Ростов-на-Дону: РГУ, 77—79.

Гугуев В.К. 2017. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ). *Вестник Танаиса* 4, 128—148.

Гугуев В.К. 2019. Курганы на восточном участке некрополя Танаиса. *Вестник Танаиса* 5 (1), 92—123.

Гугуев Ю.К. 1993. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н.э. (к постановке проблемы). *Вестник Танаиса* 1, 114—139.

Гугуев Ю.К., Глебов В.П. 2002. Рецензия. И.В. Сергацков. Сарматские курганы на Иловле. *Донская археология* 1—2, 91—107.

Гугуев и др. 2007: Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. 2007. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе. В: Козенкова В.И., Малашев В.Ю. (ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой.* Москва: Таус, 432—457 (МИАР 8).

Гугуев и др. 2017: Гугуев Ю.К., Малашев В.Ю., Рылов В.Г. 2017. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н. э. (по результатам минералого-петрографических исследований). *НАВ* 16 (1), 45—61.

Гугуев Ю.К., Науменко С.А. 2021. Подвал II в. н.э. в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX). *МИАСП* 13, 535—577.

Даньшин Д.И. 1990. Танаис и танаисцы II—III вв. н.э. *КСИА* 197, 51—56.

Доманский Я.В. 1984. *Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа.* Москва: Искусство.

Завойкина Н.В. 2004. Ταναεῖται в истории Боспорского царства. *ДБ* 7, 163—198.

Завойкина Н.В. 2013. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией.* Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.

Иванчик А.И. 2008. Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса (Новые данные о греко-иранском взаимодействии в Танаисе дополемоновской эпохи). *ВДИ* 2 (265), 57—72.

Иванчик А.И., Ильяшенко С.М. 2018. Новые надписи из Танаиса. *ВДИ* 3 (78), 693—710.

Ильюков Л.С. 1993. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский»). *Вестник Танаиса* 1, 198—214.

Ильяшенко С.М. 2013: Южные ворота Танаиса. *Археологические записки* 8. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 159—177.

КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). *Корпус боспорских надписей.* Москва; Ленинград: Наука.

Книпович Т.Н. 1949. *Танаис: Историко-археологическое исследование.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Коробов Д.С., Малашев В.Ю. 2023. Новые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника. *НАВ* 23 (1) (в печати).

Кулланда С.В. 2005. Еще раз о скифском языке. *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности РГГУ.* Вып. VI. *Аспекты компаративистики*. № 1, 215—225.

Кулланда С.В. 2006. Lingua Scythica ad usum historici. В: Петренко В.Г., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи.* Москва: ИА РАН, 194—209 (МИАР 7).

Кулланда С.В. 2011а. Скифы: язык и этнос. *Вестник РГГУ: Востоковедение. Африканистика* 2 (64), 9—46.

Кулланда С.В. 2011б. Уроки скифского. *Вестник РГГУ: Филологические науки. Языкознание. Вопросы языкового родства* 5 (67), 48—68.

Кулланда С.В. 2016. *Скифы: язык и этногенез.* Москва: Университет Дмитрия Пожарского.

Кулланда С.В., Раевский Д.С. 2004. Эминак в ряду владык Скифии. *ВДИ* 1 (248), 79—95.

Малашев В.Ю. 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II—IV вв. н.э. В: Бектимирова Н.Н. (отв. ред.). *Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики.* Москва: Памятники исторической мысли, 487—501.

Малашев В.Ю. 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время. В: Скрипкин А.С. (отв. ред.). *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов.* Вып. III. Волгоград: ВолГУ, 117—142.

Малашев В.Ю. 2016. *Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Западного Кавказа второй половины II — середины V в. н.э.* Москва: ИА РАН.

Малашев 2020: Архив ИА РАН. R—1. № 64940—64949. Малашев В.Ю. 2020. Отчёт об охранно-спасательных раскопках могильника «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок—Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. Т. 2.7.

Малашев В.Ю., Дзуцев Ф.С. 2016. Парадные сбруйные наборы III в. н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа. В: Малашев В.Ю. *Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Западного Кавказа второй половины II — середины V в. н.э.* Москва: ИА РАН, 160—202.

Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. 2010. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы). *Материалы семинара центра изучения истории и культуры сарматов.* Вып. III. *Становление и развитие позднесарматской культуры*, 37—56.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К. 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* 1, 142—161.

Сергацков И.В. 2000. *Сарматские курганы на Иловле.* Волгоград: ВолГУ.

Симоненко А.В. 2001. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье. *РА* 4, 77—91.

Техов Б.В. 1980. *Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника).* Москва: Наука.

Шелов Д.Б. 1961. *Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.)*. Москва: Наука (МИА 98).

Шелов Д.Б. 1970. *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.* Москва: Наука.

Шелов Д.Б. 1972. *Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э.* Москва: Наука.

Шелов Д.Б. 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н.э. по данным танаисской ономастики. *ВДИ* 1 (127), 80—93.

Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* Москва: Гриф и К.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья.* Москва: Восточная литература.

Bezuglov S.I. 1999. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993—1996. *Eurasia Antiqua* 4, 425—450.

Böttger B. 2003. Bericht uber die gemeinsamen russisch-deutschen Archaologingruppe in Tanais im Abschnitt XIX durchgefurte 8. Grabungskampagne im Jahr 2000. *Eurasia Antiqua* 9, 237—279.

Kullanda S.V. 2006. The Scythian language revisited. *Eurasia Scythica. History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia* 1 (1), 74—81.

Kozlovskaya V., Ilyashenko S.M. 2018. Tamgas and tamga-like signs from Tanais. In: Keil W.E., Kiyanrad S., Theis Ch., Willer L. (eds.). *Zeichentragende Artefakte Im Sakralen Raum: Zwischen Präsenz Und UnSichtbarkeit*. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 167—197 (Materiale Textkulturen 20).

References

Abaev, V.I. 1958. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka (Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language)*. Vol. I. *A—K*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Abaev, V.I., 1979. In: Rastorgueva, V.S., (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya (Foundations of Iranian linguistics)* 1. *Drevneiranskie yazyki (Ancient Iranian languages)*. Moscow: Nauka, 272—364 (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. Excavations of 1981—1995)*. Moscow: Paleograf (in Russian).

Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 7, 29—73 (in Russian).

Bazilevich, L.O., Guguyev, Yu.K. 2012. In: Gadjiev, M.S. (ed.). *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii 23—28 aprelya 2012 g. (The latest discoveries in the archaeology of the North Caucasus:*

Research and interpretation. XXVII Krupnov Readings. Proceedings of the International Conference April 23—28, 2012). Makhachkala: Mavrayev, 159—161 (in Russian).

Batiyeva, E.F. 2011. *Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — IV v. n.e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye) (The population of the Lower Don in the 9th c. BCE — 4th c. CE (paleoanthropological study))*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (in Russian).

Basharin, P.V., Zakharov, A.O. 2021. In *Vestnik RGGU: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya (RGGU Bulletin: Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies)* 2, 2, 264—273 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2001. Monetary circulation of Tanais (3rd c. BCE — 5th . CE). PhD Thesis. Moscow: IA RAN.

Bezuglov, S.I. 2008. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Problemy sovremennoy arkheologii: sbornik pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova (Problems of modern archeology: a collection in memory of Vladimir Aleksandrovich Bashilov)*. Moscow: Taus, 284—301 (Materials and research on the archaeology of Russia 10) (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2010. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov (The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data): Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians)*. Iss. III. Volgograd: VolSU, 93—116 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2019. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 4th century CE))* V. *Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (Materials of the 10th International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History")*, 47—52 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyy mogil'nik Valovyy I) (Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (Kurgan Necropolis Valovyi I))*. Rostov-on-Don: Media-Polis (in Russian).

Bezuglov, S.I., Guguev, V.K. 1988. In: Maksimenko, V.E. (ed.). *Problemy sarmatskoy arheologii i istorii (tezisy dokladov konferencii) (Problems of Sarmatian Archaeology and History (thesis of conference reports))*. Azov: IA RAN, 19—27 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Il'yashenko, S.M. 2016. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22—25 noyabrya 2016 g.) (Elite of the Bosporus and the Bosporan elite culture. Proceedings of the international round table (Saint Petersburg, November 22—25, 2016))*. Saint Petersburg: PALLATSO, 181—186 (in Russian).

Bespalyi, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007. *Drevneye naseleniye mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik "Valovyi 1" (Ancient population of the interfluve of the Don and Kagalnik. Burial mound "Valovyy 1")*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (Materials and research on the archaeology of the South of Russia 2) (in Russian).

Bespalyi, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008. *Drevneye naseleniye mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino (Ancient population of the interfluve of the Don and Kagalnik. Burial mound near the village Vysochino)*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (Materials and research on the archaeology of the South of Russia 1) (in Russian).

Bespalyi, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevneye naseleniye mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino (Ancient population of the interfluve of the Don and Kagalnik. Burial mound near the village Novoaleksandrovka)*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (Materials and research on the archaeology of the South of Russia 1) (in Russian).

Bogolubov, M.A., Smirnova, O.I. 1963. *Sogdiiskie dokumenty s gory Mug (Sogdian Documents from Mount Mug)*. Iss. 3. *Khozyaistvennye dokumenty (Household papers)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2007. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4 (263), 163—177 (in Russian).

Gabuev, T.A. 2014. *Alanskie knyazheskie kurgany V v. n.e. u s. Brut v Severnoy Osetii (Alan princely barrowss of the 5th c. CE at the village Brutus in North Ossetia)*. Vladikavkaz: Izdatel'skopoligraficheskoye predpriyatiye im. V.A. Gasiyeva (in Russian).

Glebov, V.P., Tolochko, I.V. 2016. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona (Ancient Civilization and the Barbarian World of the Pontic-Caspian Region)*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 44—84 (in Russian).

Gabuyev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza (Monuments of the early Alans in the central regions of the North Caucasus)*. Moscow: Taus (in Russian).

Grantovskiy, E.A. 1970. *Rannyaya istoriya iranskih plemen Peredney Azii (The early history of the Iranian tribes of Western Asia)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Guguev, V.K. 1983. In: Shelov, D.B., Kazakova, L.M. (eds.). *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov stepnoy zony Severnogo Kavkaza (Problems of history of archaeological sites steppe zone of the North Caucasus)*. Rostov-on-Don: RGU, 77—79 (in Russian).

Guguev, V.K. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 4, 128—148 (in Russian).

Guguev, V.K. 2019. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 5 (1), 92—123 (in Russian).

Guguev, Yu.K. 1993. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 1, 114—139 (in Russian).

Guguev, Yu.K., Glebov, V.P. 2002. In *Donskaya arkheologiya (Don Archaeology)* 1—2, 91—107.

Guguev i dr. 2007: Guguev, Yu.K., Il'yashenko, S.M., Kazakova, L.M. 2007. In: Kozenkova, V.I., Malashev, V.Yu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy (The North Caucasus and the world of nomads in the early Iron Age: a collection in memory of M.P. Abramova)*. Moscow: Taus, 432—457 (Materials and research on the archaeology of Russia 8) (in Russian).

Guguev i dr. 2017: Guguev, Yu.K., Malashev, V.Yu., Rylov, V.G. 2017. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (1), 45—61 (in Russian).

Guguev, Yu.K., Naumenko, S.A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 535—577 (in Russian).

Danshin, D.I. 1990. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 197, 51—56 (in Russian).

Domanskiy, Ia.V. 1984. *Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Ancient Bronzes of the Caucasus In the collection of the State Hermitage)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian)

Zavoykina, N.V. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 7, 163—198 (in Russian).

Zavoykina, N.V. 2013. *Bosporskiye fiasy: mezhdu polisom i monarkhiyey (Bosporan Fias: Between Polis and Monarchy)*. Moscow: Russkiy fond sodeistviya obrazovniyu i nauke (in Russian).

Ivantchik, A.I. 2008. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2 (265), 57—72 (in Russian).

Ivantchik, A.I., Il'yashenko, S.M. 2018. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3 (78), 693—710 (in Russian).

Il'yukov, L.S. 1993. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 1, 198—214 (in Russian).

Ilyashenko, S.M. 2013. In *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Proceedings)*. Rostov-on-Don: Donskoe arkheologicheskoe obschestvo 8, 159—177 (in Russian).

KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

Knipovich, T.N. 1949. *Tanais: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Tanais: Historical and Archaeological Study)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Korobov, D.S., Malashev, V.Yu. 2023: In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 23 (1) (in print) (in Russian).

Kullanda, S.V. 2005. In *Orientalia et Classica. Trudy Instituna vostochnykh kul'tur i antichnosti RGGU (Papers of the Institute of Oriental ahd Classical Studies of RSUH)*. Iss. VI. *Aspekty komparativistiki (Aspects of comparative studies)*. No. 1, 215—225 (in Russian).

Kullanda, S.V. 2006. In: Petrenko, V.G., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnosti skifskoy epokhi (Antiquities of the Scythian Period)*. Moscow: Taus, 194—209 (Materials and research on the archaeology of Russia 7) (in Russian).

Kullanda, S.V. 2011a. In *Vestnik RGGU: Vostokovedenije. Afrikanistika (RGGU Bulletin: Oriental Studies. African Studies)* 2 (64), 11, 9—46 (in Russian).

Kullanda, S.V. 2011b. In *Voprosy jazykovogo rodstva (Questions of linguistic affinity)* 5, 48—68 (in Russian).

Kullanda, S.V. 2016. *Skify: yazyk i etnogenez (The Scyths: Language and Ethnogenesis)*. Moscow: Russkiy fond sodeistviya obrazovniyu i nauke (in Russian).

Kullanda, S.V., Raevskiy, D.S. 2004. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (248), 79—95.

Malashev, V.Yu. 2007. In: Bektimirova, N.N. (ed.) *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku — druzya i ucheniki (Three Quarters of a Century. To D.V. Deopik — Friends and Students)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 487—-501.

Malashev, V.Yu. 2010. Tsentral'nye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya. (Central regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Period). In: *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminara Tsentra izucheniya*

istorii i kultury sarmatov. Vyp. III (The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data): Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians. Iss. 3). Volgograd: VolSU, 117—142 (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II — serediny V v. n.e. (Sites of the Mid Sarmatian Culture in North Caucasus Steppe and its Traditions in Kurgan Cemeteries in North-Eastern Caucasus During Second Half of the 2nd — Mid 5th c. CE)*. Moscow: Institute of Archaeology Publ. (in Russian).

Malashev 2020: Arhiv Instituta arheologii RAN. R—1. No. 64940—64949. Malashev V.Yu. 2020. Otchet ob okhranno-spasatel'knykh raskopkakh mogil'nika "Bratskie 1-e kurgany" v zone stroitel'stva magistrl'nogo gazoprovoda "Mozdok-Groznyi" v Nadterechnom rayione Chechenskoy Respubliki v 2018 g. T. 2.7.

Malashev, V.Yu., Dtsuev, F.S. 2016. In: Malashev, V.Yu. *Pamyatniki srednesarmatskoj kul'tury severokavkazskikh stepej i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroj poloviny II — serediny V v. n.e. (Sites of the Mid Sarmatian Culture in North Caucasus Steppe and its Traditions in Kurgan Cemeteries in North-Eastern Caucasus During Second Half of the 2nd — Mid 5th c. CE)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 160—202 (in Russian).

Malashev, V.Yu., Moshkova, M.G. 2010. In *Proiskhozhdeniye pozdnesarmatskoy kul'tury (k postanovke problemy). Materialy seminara tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov (The origin of the late Sarmatian culture (to the formulation of the problem). Materials of the seminar of the center for the study of the history and culture of the Sarmatians)*. Iss. III. *Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kul'tury (Formation and development of late Sarmatian culture)*, 37—56 (in Russian).

Prokhorova, T.A., Guguev, V.K. 1992. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 142—161 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle (Sarmatian Barrows on the Ilovlya River)*. Volgograd: VolGU (in Russian).

Simonenko, A.V. 2001. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 77—91 (in Russian).

Tekhov, B.V. 1980. *Skify i Tsentral'nyi Kavkaz v VII—VI vv. do n.e.: Po materialam Tliyskogo mogil'nika (Scythians and the Central Caucasus in the 7th — 6th c. BCE (Based on Material from the Tli Cemetery))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shelov, D.B. 1961. *Nekropol' Tanaisa (raskopki 1955—1958 gg.). Necropolis of Tanais. (Excavations of 1955—1958)*. Moscow: Nauka (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 98) (in Russian).

Shelov, D.B. 1970. *Tanais i Nizhniy Don v III — I vv. do n.e. (Tanais and the Lower Don in the first centuries of our era)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shelov, D.B. 1972. *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery (Tanais and the Lower Don in 3rd — 1st centuries BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shelov, D.B. 1974. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (127), 80—93 (in Russian).

Yailenko, V.P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i Epigrafika Bospora VI v. do n.je. — V v. n.e. (Millenar Bosporan State. History and Epigraphycs of Bosporus in 6th Century BCE — 5th Century CE)*. Moscow: Grif i K (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1999. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993—1996. *Eurasia Antiqua* 4, 425—450.

Böttger, B. 2003. Bericht uber die gemeinsamen russisch-deutschen Archaologingruppe in Tanais im Abschnitt XIX durchgefurte 8. Grabungskampagne im Jahr 2000. *Eurasia Antiqua* 9, 237—279.

Kullanda, S.V. 2006. The Scythian language revisited. *Eurasia Scythica. History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia* 1 (1), 74—81.

Kozlovskaya, V., Ilyashenko, S.M. 2018. Tamgas and tamga-like signs from Tanais. In: Keil, W.E., Kiyanrad, S., Theis, Ch., Willer, L. (eds.). *Zeichentragende Artefakte Im Sakralen Raum: Zwischen Präsenz Und UnSichtbarkeit*. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 167—197 (Materiale Textkulturen 20).

Сфрагистика

Sigillography

DOI: 10.53737/8377.2023.96.41.041

М.М. Чореф

РИМСКИЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ МОЛИВДОВУЛЫ С БЮСТАМИ ПРАВИТЕЛЕЙ НА ОБЕИХ СТОРОНАХ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ*

В поле нашего зрения оказались две вислые печати, общепринятая атрибуция которых до настоящего времени не выработана. На аверсе и реверсе первой из них, явно античной, римской, причём анэпиграфной, оттиснуты высокохудожественные, рельефные и реалистично исполненные бюсты императоров с короткой и с длинной бородами, увенчанных лавровыми венками. Полагаем, что речь должна идти о Каракалле и о Септимии Севере. На обеих сторонах второй печати также размещены портреты римских государей (судим по тому, что они облачены в кирасы и в военные плащи, а их головы увенчаны диадемами). Изображения исполнены в стиле иконообразно-репрезентативного официального портрета, популярного в Римской империи со времён Константина I. Атрибуцию второго артефакта облегчает то обстоятельство, что на его аверсе и реверсе сохранились остатки легенд, в которых можно восстановить имена «Юлиан» и «Прокопий». Полагаем, что первая печать была оттиснута при Каракалле, а вторая — при Прокопии. Мы наблюдаем явные свидетельства апеллирования правящих императоров к авторитету предков.

Ключевые слова: история, археология, сфрагистика, Рим, Византия, Каракалла, Прокопий.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: 1752607, Израиль, г. Ноф-ха-Галиль; e-mail: choref@yandex.ru.

M.M. Choref

ROMAN AND EARLY BYZANTINE BULLAE WITH BUSTS OF RULERS ON BOTH SIDES AS SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION

There are two hanging seals in our field of vision, the generally accepted attribution of which has not yet been developed. Both on the obverse and the reverse of the unepigraphic seal of Roman origin, highly artistic, embossed and realistically executed busts are imprinted depicting bearded emperors crowned with laurel wreaths; the short-bearded one is most likely Caracalla, while the long-bearded one is presumably Septimius Severus. The portraits on both sides of the second seal seem to depict another pair of Roman sovereigns, since they are represented wearing cuirasses and military cloaks and diadems. To render the images, the official style of iconic representation was used, which was popular in the Roman Empire since the time of Constantine I. The attribution of the second seal is also facilitated by the fact that on its obverse and reverse, remains of the legends have been observed, wherein it is possible to restore the names “Julian” and “Procopius”. The conclusion is that the first seal was stamped under Caracalla and the second one under Procopius; here is the clear evidence of reigning emperors appealing to the authority of their ancestors.

Key words: history, archaeology, sphragistics, Rome, Byzantium, Caracalla, Procopius.

About the author: Choref Mikhail Mikhailovich, PhD (History), Independent Researcher.

Contact information: 1752607, Israel, Nof HaGalil; e-mail: choref@yandex.ru.

---

* Статья поступила в номер 10 мая 2023 г.
Принята к печати 30 мая 2023 г.

© М.М. Чореф, 2023.

Продолжаем изучение античной и византийской сфрагистики (Чореф 2011; 2014; 2015; 2017). Сравнительно недавно в поле нашего зрения оказалось два весьма интересных артефакта — римская[1] (рис. 1: 1) и ранневизантийская (рис. 1: 2) вислые свинцовые печати. Их изображения и описания приведены в каталогах аукционов фирмы «Leu Numismatik», состоявшихся 12.12.2020 г. (acsearch.info: 1) и 16.07.2022 г. (acsearch.info: 2).

Наш интерес к этим моливдовулам отнюдь не случаен. Ведь на них оттиснуты бюсты императоров. Судим по тому, что их головы увенчаны лавровыми венками[2] (рис. 1: 1) и жемчужными диадемами (рис. 1: 2). Так что историческая ценность этих артефактов весьма существенна. Причем, что крайне важно, изображения на них выполнены на высоком художественном уровне. Допускаем, что они портретные. Кроме того, на обеих сторонах второго моливдовула сохранились значительные фрагменты надписей (рис. 1: 2). Что, в свою очередь, должно облегчить задачу его атрибуции. Однако обе печати до сих пор не определены и, следовательно, не введены в научный оборот. Мы же, учитывая вышеперечисленные обстоятельства, полагаем, что эта задача вполне разрешима.

Но самое, на наш взгляд, интересное заключается в том, изображения правителей размещены на обеих сторонах изучаемых печатей. Что, подчеркнем, необычно для того времени. Как правило, фигуры правителей на римских моливдовулах оттискивали только на аверсе, а реверс оставляли без изображений или размещали на нем вспомогательные элементы оформления: небольшие по занимаемой площади фигуры божеств или надписи. Впрочем, тексты могли разместить и на обеих сторонах (Ficoroni 1740; Garrucci 1847; Rostovtsew, Prou 1900; Dissard 1905; Still 1995a; 1995b; Чореф 2011; 2014; 2015; 2017). Та же тенденция наблюдалась и в Византии. Это имело смысл, т.к. обеспечивало качественное оттискивание изображения на лицевой стороне, не создавая при этом значительного нажима на буллотирии, и, следовательно, на свинцовую заготовку (Seibt 1978; Oikonomidès 1985; DOSeals 1; DOSeals 2; DOSeals 3; DOSeals 4; Wassiliou, Seibt 2004; DOSeals 5; Степанова 2006; DOSeals 6). Особый случай — византийские печати с изображениями императоров и святых на обеих сторонах (Seibt 1978; Соколова 2007; DOSeals 6). Тут, полагаем, учитывалась идеологическая и политическая составляющие[3].

Попытаемся атрибутировать заинтересовавшие нас печати, Также попробуем истолковать причины, побудившие заказчиков заказать столь неординарно оформленные для того времени буллотирии. Начнем с описания изучаемых артефактов:

1. **Л.с.:** Бюст кудрявого мужчины с короткой бородкой в лавровом венке вправо. У него крупная, круглая голова, большие, глубоко посаженные глаза, короткий и вздернутый нос, а также пухлые губы. Облачение не просматривается. В верхнем сегменте поля сохранились следы точечного обрамления. В нижней части поля — две вмятины. Похоже, что это следы от щипцов или плоскогубцев[4].

   О.с.: Бюст бородатого, кудрявого мужчины в лавровом венке вправо. У него большие глаза, крупный, слегка вздернутый нос и пухлые губы. Облачение не просматривается. В верхнем сегменте поля видны следы точечного обрамления. В нижней части поля — глубокая и широкая вмятина, похоже, что след от щипцов или плоскогубцев.

   Моливдовул сильно потерт. Причем реверс изношен сильнее.

   Печать оттиснута на заготовке неправильной четырехугольной формы. Полагаем, что она изготовлена из фрагмента свинцового прута.

   Вес — 4,29 г, диаметр — 1,6 см.

[1] Печать из коллекции Питера Вайса.

[2] Издатели не заметили лавровый венок на голове мужчины на оборотной стороне первой из них. Мы их точку зрения принять не можем. Венок хорошо виден (рис. 1: 1). Истолкуем это обстоятельство несколько ниже.

[3] Мы находим это обстоятельство крайне важным и вернемся к нему в свое время.

[4] Наблюдаем следы процесса изготовления печати. Очевидно, что ее оттиснули не на стандартной литой круглой заготовке, предназначенной для изготовления моливдовулов.

2. **Л.с.:** FL CL IVLIA-N[VS PF AVG]. Бюст бородатого мужчины с прямыми, тщательно уложенными волосами в жемчужной диадеме, в кирасе и в военном плаще вправо. В левом сегменте поля просматриваются следы точечного обрамления.
О.с.: D … IVS[5] PF AVG. Бюст худощавого мужчины вправо с прямыми, тщательно уложенными волосами. У него большие глаза, крупный прямой нос, а также короткая бородка. На его голове жемчужная диадема. Мужчина облачен в кирасу и в военный плащ. В правом сегменте поля просматриваются следы точечного обрамления.
Моливдовул потерт, причем аверс изношен сильнее. На обеих сторонах печати — вмятины. Надписи на обеих сторонах полностью не прочеканились.
Печать также была оттиснута на заготовке неправильной четырехугольной формы, на фрагменте свинцового прута.
Вес — 5,8 г, диаметр — 1,9 см.

Составители каталога аукциона Web Auction 20 высказали соображения по вопросу атрибуции первого из артефактов (acsearch.info: 2). Точнее, они вынесли на научное обсуждение две гипотезы по вопросу его датировки. Согласно первой из них, на печати были оттиснуты изображения Каракаллы (211—217) и Септимия Севера (193—211). Действительно, мужчины на печати схожи как близкие родственники. Только первый — с короткой, а второй — с длинной бородой. Причем Септимий Север, по мнению составителей каталога, мог быть изображен в качестве почитаемого обожествленного императора[6]. Так что, по их логике, изучаемая печать могла принадлежать Каракалле. Однако лавровый венок на голове Септимия Севера ими замечен не был. Также исследователи отметили, что булла слишком мала по модулю и оттиснута свободно наносимыми штампами. Что характерно для позднейших памятников. Следовательно, по логике составителей каталога, эта печать не могла быть оттиснута в конце II — в начале III в.

Вторая гипотеза являлась логичным развитием выводов, к которым пришли исследователи в процессе проверки первого предположения. Они допустили, что на аверсе печати оттиснуто изображение императора в лавровом венке, а на реверсе — портрет бородатого римского чиновника, возможно, префект претория.

Авторы каталога заключили, что эта точка зрения — самая логичная и перспективная. Развивая свое допущение, они пришли к выводу, что печать — анонимная, т.к. опознать императора с короткой бородой в лавровом венке они не смогли. По их мнению, этот артефакт следует датировать IV в. (acsearch.info: 2).

Мы этот вывод принять не можем. Начнем с констатации вполне очевидного факта — изображения на печати выполнены на высоком художественном уровне, причем в высоком рельефе. Что не характерно для позднеримских памятников. И, как уже было сказано выше, голова императора на аверсе увенчана лавровым венком, а не диадемой, ставшим ключевым атрибутом власти при приемниках Константина I (306—337). К слову, как уже было отмечено выше, эта же корона венчает и голову бородатого мужчины. Причем хорошо виден не только венок, но и узел у затылка и ниспадающие ленты (рис. 1: 1). Так, одна из них просматривается левее затылка, а вторая легла на шею.

Находим последнее обстоятельство крайне важными. Ведь позднеримских императоров, как правило, изображали бритыми или с короткими бородами (Британова, Лосева, Сидорова 1975: илл. 139, 143, 144, 146—148, 150—152, 154). В любом случае, ни один из них не был кудрявым. Так что изучаемую печать не могли изготовить в IV в. Допускаем, что ее оттиснули значительно раньше.

Итак, печать сохранила на себе изображения двух кудрявых императоров, судя по очевидному сходству — родственников. Вполне возможно, что бородатый государь был

[5] Составители каталога аукциона Web Auction 14 прочитали «NVS» (acsearch.info: 1), что не верно. Выше и правее головы изображенного различимо «IVS» (рис. 1: 2).

[6] Мы находим этот тезис крайне важным и вернемся к нему несколько ниже.

отцом, а с короткой бородой — его сыном или иным младшим родичем, в любом случае, соправителем и наследником.

Сразу же заметим, что римских императоров, схожих на государя, портрет которого размещен на реверсе печати, известно немного. Так, кудрявыми и длиннобородыми были Элий (136—138), Марк Аврелий (161—180), Луций Вер (161—169), Коммод (177—192), Пертинакс (193), Дидий Юлиан (193), Клодий Альбин (193—197), Септимий Север (193—211), Постум (260—269), Лелиан (269) и, возможно, Домициан II (третья четверть III в.). Но большинство этих императоров были эфемерными. Лишь немногим из них удалось передать власть по наследству или хотя бы приобщить к ней кого-либо из родственников. Речь идет о Марке Аврелии и Септимии Севере.

Для уточнения датировки артефакта обратимся к методике иконографического анализа. Сравним изображение мужчины с короткой бородой на печати со скульптурными бюстами Коммода и Каракаллы — сыновей Марка Аврелия и Септимия Севера (рис. 2). Как видим, на аверсе моливдовула не поместили портрет первого из них. У Коммода был долихократный череп, выпуклые из-за базедовой болезни глаза и длинный с высокой переносицей нос (рис. 2: 1). Зато, как верно заметили составители каталога, мужчина похож на известные портреты Каракаллы. Этот император был кудряв, носил короткую броду, у него была крупная округлая голова, большие, глубоко посаженные глаза, короткий и слегка вздернутый нос (рис. 2: 2). Принимаем и поддерживаем этот вывод составителей каталога аукциона Web Auction 20 — на аверсе печати оттиснут портрет этого императора.

В таком случае, на оборотной стороне печати мог быть размещен бюст Септимия Севера. Заметим, что это допустили и составители каталога аукциона (acsearch.info: 2). Правда, их смутило то обстоятельство, что им не удалось выявить лавровый венок. Но, как уже было сказано выше, он вполне различим (рис. 1: 1). Учитывая все эти обстоятельства, приходим к выводу, что эта печать была оттиснута при Каракалле.

Что же касается мнения авторов каталога Web Auction 20, что маломодульность изучаемого артефакта свидетельствует о его позднем происхождении, то считаем необходимым привести три цитаты из фундаментального труда «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики» Н.П. Лихачева: «Византийская сфрагистика оказалась стесненной и техникой изготовления булл, и весом свинца» (Лихачев 1928: 5), «Единственное исключение из более или менее обычного размера моливдовулов являются печати св. Софии и исключение это, как кажется, может быть отнесено на счет знакомства с большими печатями крестоносцев» (Лихачев 1928: 5) и «По восстановлении иконопочитания, начиная со второй половины IX века (в X и XI вв.) мы замечаем в новых типах, с изображениями святых и особенно в типе с процветшим крестом, пластинки, уменьшенные и в размере, и в толщине. Это мода, которую не надо связывать с дороговизной металла» (Лихачев 1928: 6). Развивая выводы исследователя, заметим, что размеры византийских печатей определялись размещенными на них изображениями[7]. Если требовалось оттиснуть на них сложные, высокорельефные фигуры, то заготовки делали толстыми. А чтобы они не весили слишком много — по мере возможности уменьшали диаметр и упрощали изображения.

Те же тенденции были характерны и для античной, в т.ч. и римской сфрагистики (Ficoroni 1740; Garrucci 1847; Rostovtsew, Prou 1900; Dissard 1905; Still 1995a; 1995b). Заметим, что изученные нами древние печати их Крыма (рис. 3) также невелики. Так, размеры моливдовула царя Асандра и властей Пантикапея из Херсонеса — 12 × 10 мм, его канал — 4,4 × 2,1 мм, толщина — 3,4 мм, а вес — 3 г (Чореф 2015: 271, рис. 1). С.Ю. Сапрыкин и В.В. Дорошко издали вислую печать бенефициария неизвестного консула из Херсонеса. Ее размеры 11 × 11 мм, а толщина — 4 мм (Сапрыкин, Дорошко 2015: 240, рис. 1—3). Нам также представилась возможность ввести в научный оборот сведения об обнаружении на территории этого же полиса

[7] А они, как верно заметил Н.П. Лихачев, соответствовали «моде» (Лихачев 1928: 6), т.е. идеологическим и политическим установкам.

моливдовула бенефициария Нерона и первого архонта Херсонеса. Его размеры — 12 × 8 мм, толщина — 2,9 мм, а вес — 2,7 г (Чореф 2017: 100, рис. 1: 1).

Считаем важным обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Печати бенефициариев (рис. 3: 2, 3) были оттиснуты на четырехугольных заготовках неправильной формы. Их изготовили по стандартной для того времени технологии. Основываемся на том, что аналогичные по конфигурации моливдовулы часто находят в Средиземноморье (Dissard 1905: 12, 57—75, № 55, 309—451, pl. I: 55, — IV: 319—394, V: 412, 434; Ficoroni 1740: 61, 63, 91, № III—V, X, XVIII; Garrucci 1847: 52—53, № 14—17, 19—21, tav. III: 14—17, 19—21; Still 1995a; 1995b). Полагаем, что древние отливали из свинца длинные тонкие параллелепипеды с продольным сквозным отверстием, которые разделяли на заготовки для печатей. Для этого могли использовать обычный нож. Причем эту операцию не всегда проделывали аккуратно. Так, судя по потертым, но, в тоже время достаточно рельефным зазубринам, заготовки для моливдовулов бенефициариев отломали от слитка с помощью щипцов или плоскогубцев. Полагаем, что по той же технологии изготовили и изучаемые нами печати[8] (рис. 1: 1, 3: 2, 3).

Учтем и то обстоятельство, что легенды с именами и титулами правителей Рима отнюдь не всегда обрамляли их изображения на печатях (Dissard 1905: 1—8, № 1—11, 14—34, pl. I: 1—11, 17—33; Still 1995a; 1995b). Этот обычай сохранился и в Византии. Судя по анэпиграфным моливдовулам Ираклия I (610—641), Константа II (641—668), Константина IV Погоната (668—685) и Юстиниана II (685—695, 705—711) из собрания Государственного Эрмитажа (Соколова 2007: 37—38, 39—44, № 44, 47—60), мы имеем дело с устойчивой традицией. Как видим, при наличии на печатях узнаваемых изображений правителей какие бы то ни было текстовые упоминания о них уже не требовались.

Перейдем ко второй печати (рис. 1: 2). Составители каталога аукциона Web Auction 14 пришли к выводу, что она принадлежала Юлиану II (361—363) (acsearch.info: 1). Действительно, его имя читается на лицевой стороне. Причем этого императора изображали бородатым. А бюсты на обеих сторонах печати выполнены в стиле иконообразно-репрезентативного официального портрета, ставшего популярным в Римской империи со времен Константина I (Британова, Лосева, Сидорова 1975: 93).

Однако куда сложнее атрибутировать фигуру на реверсе изучаемой печати. Обрамляющая ее легенда сохранилась плохо. Ясно лишь то, что речь также должна также идти об императоре. Учтем и то обстоятельство, что его голову также венчает жемчужная диадема (рис. 1: 2).

Составители каталога аукциона обратили внимание на эти факты. Они пришли к выводу, что на обеих сторонах печати оттиснули изображения Юлиана II (acsearch.info: 1). Действительно, его на ранних монетах изображали безбородым, а на поздних — бородатым. Но могли ли совместить разновременные портреты правящего государя на его печати? Мы полагаем, что это вряд ли было возможно.

Дело в том, что в позднем Риме было принято рассылать по всей империи канонические изображения правителей (Грегоровиус 2008: 202—203). Собственно, эта практика наблюдалась и раньше. Что, в свою очередь, стало причиной массового возведение статуй императоров и римских магистратов, членов их семей и ближайших сподвижников (Британова, Лосева, Сидорова 1975; Kleiner 1992; Kleiner 2010; Fejfer 2008; Holliday 2015; Tuck 2015; Негин 2021; Bugaj 2021; Яценко, Чореф 2018; 2022). Аналогичным образом

[8] Что, в свою очередь, не должно свидетельствовать об их низком статусе. Да, печать Асандра и властей Пантикапея оттиснута на округлой заготовке (рис. 3: 1). Но ее, судя по обозначению «ΠΑΝ» на реверсе, изготовили в резиденции правителя, рассоложенной в столице государства. А печати бенефициариев и Каракаллы могли быть оттиснуты в походных условиях. Полагаем, что в такой ситуации использовалась упрощенная, описанная нами выше технология. О высоком статусе печати Каракаллы убедительно свидетельствуют размещенные на ней портреты императоров.

популяризировали[9] свои режимы и зависимые от Рима монархи (Чореф 2019; 2021a; 2021b). Есть основания полагать, что эту идею разделяли и варварские династы (Андриевский 2022). В любом случае, в период популяризации портрета бородатого государя вряд ли тиражировали его ранний бюст, без бороды. Да и не было смысла размещать разновременные изображения императора на обеих сторонах его печати. В пользу этого допущения свидетельствует и очевидное прочтение надписи реверса: «D … IVS PF AVG». Определенно, на оборотной стороне печати изобразили не Юлиана II.

Развивая этот тезис, попытаемся атрибутировать изображение правителя на реверсе изучаемой печати. Определенно, это не Иовиан (363—364) — приемник Юлиана II. Ведь его изображали полным и безбородым. Да и не было у него оснований апеллировать к своему предшественнику — язычнику. Не могли по той же причине размещать изображение Юлиана II на своих печатях и последующие императоры Валентиниан I (364—375) и Валент II (364—378), а также их приемники. Известен только один римский государь, который апеллировал к авторитету Юлиана II. Речь идет о Прокопии (365—366). Примечательно, что он был худощав, и у него была бородка. Так что есть все основания полагать, что на оборотной стороне изучаемой печати оттиснули его портрет.

Заметим, что у него было больше прав на престол, чем у Валентиниана I и Валента II, сменивших Иовиана. Немаловажно и то, что Прокопия поддержали жители Константинополя, воинские части, переведенные Юлианом II в восточные провинции империи, а также языческие лидеры.

Однако его база все же была узка — почти весь Восток остался под контролем Валента II. В результате Прокопий был вынужден набирать отряды из рабов, что, в свою очередь, вызвало брожение в среде сенаторов, а также столичной и провинциальной элиты. А дефицит средств, неизбежный в период гражданских войн, побудил Прокопия перейти к конфискации собственности у нелояльных римских богачей. Что, в свою очередь, привело к гибели претендента на престол.

Полагаем, что объектом нашего исследования является печать Прокопия. Не случайно на ней размещен портрет Юлиана II. Претендент явно апеллировал к его авторитету. Что явно имело смысл. Ведь этот император был почитаем в армии за смелость (Вус 2019: 271—299). Заботился Юлиан II и о безопасности провинциалов (Филипова 2018: 417). Чтили его и эрудиты—язычники (Денисова 2020: 569; Синица, Бузанаков 2020: 590). Судя по оформлению печати, Прокопий позиционировал себя как продолжателя политической линии своего родственника и предшественника.

Обратим внимание и на следующее обстоятельство. Изучаемый моливдовул также представляет собой небольшой неправильной формы четырехугольник с зазубренным краем. Так что у нас есть все основания полагать, что скрепленное им письмо Прокопия было написано во временной резиденции или в походе, но, определенно, не в столице. Что свидетельствует о сложной, динамично меняющейся ситуации в тот период.

Итак, у нас есть все основания датировать первый моливдовул правлением Каракаллы. Причем он мог быть оттиснут в походных условиях, на одной из заготовок, использовавшихся в войсках (Чореф 2017), и подвешен к письму, адресованному римскому полководцу. Так что не случайно на аверсе печати оттиснут бюст почитаемого в армии Септимия Севера. Второй моливдовул сохранил изображения Юлиана II и его племянника Прокопия. Изображение первого из них появилось по той же причине, побудившей в свое время Каракаллу украсить свою печать портретом Септимия Севера. Прокопий также стремился популяризировать и упрочить свой режим. Он счел возможным апеллировать к памяти почитаемого в армии Юлиана II.

[9] Подчеркнем, что предметы малой пластики как нельзя лучше подходили для этой роли. Не случайно клады римских монет встречаются далеко за пределами империи (Скворцов, Чореф 2020).

Приходим к выводу, что моливдовулы с портретами правителей на обеих сторонах должны были информировать современников о политических предпочтениях правящих императоров. Есть все основания полагать, что римские печати этой группы являлись мощным, и, судя по продолжительности их изготовления, эффективным инструментом государственной пропаганды.

Подчеркнем, что портреты на них должны были быть хорошо известны адресатам. Так что в надписях на императорских моливдовулах не было особой нужды. Что должно убедить нас в возможности и в необходимости их атрибуции.

Полагаем, что результаты нашего исследования позволят по-новому взглянуть на проблему атрибуции римских императорских печатей, особенно тех из них, на обеих сторонах которых оттиснуты изображения правителей.

Литература

Андриевский Д.В. 2022. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. 1975. *Римский скульптурный портрет*. Москва: Искусство.

Вус О.В. 2019. Юлиан Апостат. Персидский поход и загадка битвы у Туммара 26 июня 363 г. *МАИАСП* 11, 271—299. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00006.

Грегоровиус Ф. 2008. *История города Рима в средние века (от V до XVI столетия)*. Т. 2. Москва: Альфа-книга (Полное издание в одном томе).

Денисова И.В. 2020. Книжная культура и образованность в Ранней Византии IV—VII вв.: Малая Азия. *МАИАСП* 12, 568—576. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00016.

Лихачев Н.П. 1928. *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*. Вып. 1. Ленинград: АН СССР (Труды Музея палеографии I).

Негин А.Е. 2021. Императорский оруженосец: к интерпретации фигуры с рельефа «Большого Траяновского фриза». *МАИАСП* 13, 689—697. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.73.99.020.

Сапрыкин С.Ю., Дорошко В.В. Печать римского бенефециария из окрестностей Херсонеса Таврического. В: Журавлев Д.В. (ред.). *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 239—246.

Синица М.М., Бузанаков Ю.В. 2020. Иоанн Лид и библиотеки в Константинополе VI в. *МАИАСП* 12, 588—601. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00018.

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001.

Соколова И.В. 2007. *Печати византийских императоров*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Степанова Е.В. 2006. *Печати с латинскими надписями V—VIII вв. из собрания Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Филипова С.С. 2018. Монеты из раскопок античной Пауталии (современный Кюстендил). *МАИАСП* 10, 415—435.

Чореф М.М. 2011. «Ad fontes», или к прочтению монограммы. В: Карпов С.П. (ред.). *Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 27—29 января 2011 г.* Москва: Московский университет, 225—228.

Чореф М.М. 2014. К вопросу об атрибуции двух моливдовулов из Юго-Западного Крыма. *Вестник Нижневартовского государственного университета* 2, 74—81.

Чореф М.М. 2015. К вопросу о херсонесско-боспорских контактах: по данным сфрагистики. *Stratum plus* 4, 267—276.

Чореф М.М. 2017. Новая античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* 4, 99—114.

Чореф М.М. 2018. Судьба статуи, или к атрибуции «Геркулеса из Массико». *Scripta antiqua* 8, 378—391.

Чореф М.М. 2019. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 11, 583—591. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00018.

Чореф М.М. 2021а. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой Апатурой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2021b. Недостающие звенья, или к истории Боспорского царства II в. н.э. при Евпаторе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 93—106.

Чореф М.М. 2022. К вопросу об атрибуции «Статуи полководца из Тиволи». *МАИАСП* S1, 231—237. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.23.59.011.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2021. К атрибуции «Портрета Адриана в лавровом венке» из собрания Государственного Эрмитажа. *Scripta antiqua* 9, 264—276.

acsearch.info: 1: Leu Numismatik. Web Auction 14. Lot 1494. URL: https://www.acsearch.info /search.html?id=7646333 (дата обращения 31.03.2023).

acsearch.info: 2: Leu Numismatik. Web Auction 20. Lot 3104. URL: https://www.acsearch.info /search.html?id=9737011 (дата обращения 31.03.2023).

Bugaj E. 2021. Some Remarks on the Problems of Art Research in Archaeology using the Example of Greek and Roman Sculpture. In: Żurkiewicz D. (ed.). *Treasures of Time: Research of the Faculty of Archaeology of Adam Mickiewicz University in Poznań*. Poznań: Adam Mickiewicz University, 327—337.

Dissard P. 1905. *La Collection Récamier. Catalogue des Plombs antiques (sceaux, tesseres, monnaies et objets divers)*. Paris; London: Rollin et Feuardent.

DOSeals 1: Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). 1991. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 1. *South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

DOSeals 2: Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). 1994. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 2. *Italy, North of the Balkan, North of the Black Sea*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

DOSeals 3: Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). 1996. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 3. *West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

DOSeals 4: McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). 2001. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 4. *The East*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

DOSeals 5: McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). 2005. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 5. *The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

DOSeals 6: Nesbitt J., Morrisson C. (eds.). 2009. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 6. *Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Fejfer J. 2008. *Roman Portraits in Context*. Berlin: De Gruyter.

Ficoroni F. 1740. *I piombi antichi*. Roma: Nella Stamperia di Girolamo Mainardi.

Garrucci R. 1847. *I piombi antichi raccolti dall'eminentissimo Principe il Cardinale Lodovico Altieri*. Roma: Topografia di Clemente Puccinelli.

Holliday P.J. 2015. Roman Art and the State. In: Borg B.E. (ed.). *A Companion to Roman Art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.

Kleiner D.E.E. 1992. *Roman Sculpture*. New Haven: Yale University Press.

Kleiner F.S. 2010. *A history of Roman art*. Wadsworth: Cengage Learning.

Oikonomidès N. 1985. *Byzantine lead seals*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Rostovtsew M.I., Prou M. 1900. *Catalogue des plombs de l'antiquité, du moyen âge et des temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque nationale*. Paris: Rollin et Feuardent.

Seibt W. 1978. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. T. 1. *Kaiserhof*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik 2.1).

Still M.C.W. 1995a. *Roman Lead Sealing*. Vol. 1. London: University College London Institute of Archaeology.

Still M.C.W. 1995b. *Roman Lead Sealing*. Vol. 2. London: University College London Institute of Archaeology.

Tuck S.L. 2015. *A history of Roman art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.

Wassiliou A.-K., Seibt W. 2004. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. T. 2. *Zentral- und Provinzialverwaltung*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik 2.2).

References

Andriyevskiy, D.V. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Britova, N.N., Loseva, N.M., Sidorova, N.A. 1975. *Rimskiy skul'pturnyy portret (Roman sculptural portrait)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Vus, O.V. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 271—299. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00006 (in Russian).

Gregorovius, F. 2008. *Istoriya goroda Rima v sredniye veka (ot V do XVI stoletiya) (The History of the City of Rome in the Middle Ages (5th to 16th Centuries))*. Vol. 2. Moscow: Al'fa-kniga (Complete edition in one volume) (in Russian).

Denisova, I.V. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 568—576. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00016 (in Russian).

Likhachev, N.P. 1928. *Materialy dlya istorii vizantiyskoy i russkoy sfragistiki (Materials for the history of Byzantine and Russian sphragistics)*. Iss. 1. Leningrad: AN SSSR (Proceedings of the Museum of Palaeography I) (in Russian).

Negin, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 689—697. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.73.99.020 (in Russian).

Saprykin, S.Yu., Doroshko, V.V. 2015. In: Zhuravlev, D.V. (ed.). *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti (The Wind Blows from the Mithridat Mount: Bosporus and Pontic Area in Antiquity)*. Moscow: Dmitry Pozharsky University; The Russian Foundation for Support to Education and Science, 239—246 (in Russian).

Sinitsa, M.M., Buzanakov, Yu.V. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 588—601. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00018 (in Russian).

Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001 (in Russian).

Sokolova, I.V. 2007. *Pechati vizantiyskikh imperatorov (Seals of the Byzantine emperors)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Stepanova, E.V. 2006. *Pechati s latinskimi nadpisyami V—VIII vv. iz sobraniya Ermitazha (Seals with Latin inscriptions of the 5th — 8th Centuries from the Hermitage collection)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Filipova, S.S. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 415—435 (in Russian).

Choref, M.M. 2011. In: Karpov S.P. (ed.). *Rossiyskoe vizantinovedenie: tradicii i perspektivy: Tezisy dokladov XIX Vserossijskoy nauchnoy sessii vizantinistov (Moskva, 27—29 yanvarja 2011 g.) (Byzantine studies in Russia: Traditions and Prospects: Abstracts XIX All-Russian Scientific Session of Byzantine Studies (Moscow, 27—29 January 2011))*. Moscow: Moskovskiy universitet, 225—228.

Choref, M.M. 2014. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* 2, 74—81.

Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus* 4, 267—276 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 4, 99—114 (in Russian).

Choref, M.M. 2018. In *Scripta antiqua* 8, 378—391 (in Russian).

Choref, M.M. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 583—591. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00018 (in Russian).

Choref, M.M. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).

Choref, M.M. 2021b. In *Stratum plus* 6, 93—106 (in Russian).
Choref, M.M. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 231—237. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.23.59.011 (in Russian).
Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2021. In *Scripta antiqua* 9, 264—276 (in Russian).
acsearch.info: 1: Leu Numismatik. Web Auction 14. Lot 1494. Available at: https://www.acsearch.info/search.html?id=7646333 (accessed 31.03.2023).
acsearch.info: 2: Leu Numismatik. Web Auction 20. Lot 3104. Available at: https://www.acsearch.info/search.html?id=9737011 (accessed 31.03.2023).
Bugaj, E. 2021. Some Remarks on the Problems of Art Research in Archaeology using the Example of Greek and Roman Sculpture. In: Żurkiewicz, D. (ed.). *Treasures of Time: Research of the Faculty of Archaeology of Adam Mickiewicz University in Poznań*. Poznań: Adam Mickiewicz University, 327—337.
Dissard, P. 1905. *La Collection Récamier. Catalogue des Plombs antiques (sceaux, tesseres, monnaies et objets divers)*. Paris; London: Rollin et Feuardent.
DOSeals 1: Nesbitt, J., Oikonomides, N. (eds.). 1991. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 1. *South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
DOSeals 2: Nesbitt, J., Oikonomides, N. (eds.). 1994. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 2. *Italy, North of the Balkan, North of the Black Sea*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
DOSeals 3: Nesbitt, J., Oikonomides, N. (eds.). 1996. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 3. *West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
DOSeals 4: McGeer, E., Nesbitt, J., Oikonomides, N. (eds.). 2001. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 4. *The East*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
DOSeals 5: McGeer, E., Nesbitt, J., Oikonomides, N. (eds.). 2005. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 5. *The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
DOSeals 6: Nesbitt, J., Morrisson, C. (eds.). 2009. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art*. Vol. 6. *Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
Fejfer, J. 2008. *Roman Portraits in Context*. Berlin: De Gruyter.
Ficoroni, F. 1740. *I piombi antichi*. Roma: Nella Stamperia di Girolamo Mainardi.
Garrucci, R. 1847. *I piombi antichi raccolti dall'eminentissimo Principe il Cardinale Lodovico Altieri*. Roma: Topografia di Clemente Puccinelli.
Holliday, P.J. 2015. Roman Art and the State. In: Borg, B.E. (ed.). *A Companion to Roman Art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.
Kleiner, D.E.E. 1992. *Roman Sculpture*. New Haven: Yale University Press.
Kleiner, F.S. 2010. *A history of Roman art*. Wadsworth: Cengage Learning.
Oikonomidès, N. 1985. *Byzantine lead seals*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.
Rostovtsew, M.I., Prou, M. 1900. *Catalogue des plombs de l'antiquité, du moyen âge et des temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque nationale*. Paris: Rollin et Feuardent.
Seibt, W. 1978. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. T. 1. *Kaiserhof*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik 2.1).
Still, M.C.W. 1995a. *Roman Lead Sealing*. Vol. 1. London: University College London Institute of Archaeology.
Still, M.C.W. 1995b. *Roman Lead Sealing*. Vol. 2. London: University College London Institute of Archaeology.
Tuck, S.L. 2015. *A history of Roman art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.
Wassiliou, A.-K., Seibt, W. 2004. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. T. 2. *Zentral- und Provinzialverwaltung*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik 2.2).

Рис. 1. Моливдовулы Каракаллы (*1*) (по acsearch.info: 2) **и Прокопия** (*2*) (по acsearch.info: 1).

Fig. 1. Molivdobules of Caracalla (*1*) (after acsearch.info: 2) **and Procopius** (*2*) (after acsearch.info: 1).

Рис. 2. Бюсты Коммода (*1*) (The British Museum, Inv. № 1864,1021.9) **и Каракаллы** (*2*) (Museo Capitolino Montemartini, Inv. № 2310).

Fig. 2. Busts of Commodus (*1*) (The British Museum, Inv. No. 1864,1021.9) **and Caracalla** (*2*) (Museo Capitolino Montemartini, Inv. No. 2310).

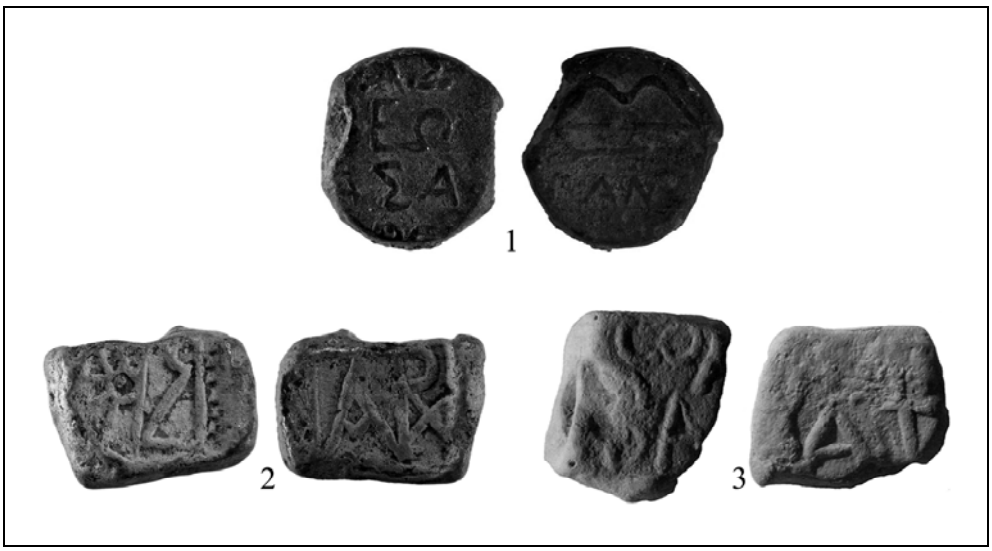


Рис. 3. Античные печати, найденные в Таврике: *1* — царя Асандра и властей Пантикапея (по Чореф 2015b: рис. 1); *2* — бенефициария Нерона и первого архонта Херсонеса (по Чореф 2017: рис. 1: 1); *3* — бенефициария неизвестного консула (по Сапрыкин, Дорошко 2015: рис. 1—3).

Fig. 3. Ancient seals found in Taurica: *1* — King Asander and the authorities of Panticapaeum (after Choref 2015b: fig. 1); *2* — beneficiary of Nero and the First Archont of Chersonesos (after Choref 2017: fig. 1: 1); *3* — beneficiary of an unknown consul (after Saprykin, Doroshko: fig. 1—3).

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах.
АВ	—	Археологические вести.
АГОИАМЗ	—	Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник.
АДІУ	—	Археологія і давня історія України.
АДСВ	—	Античная древность и средние века.
АзГНИИ	—	Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт.
АИАПМЗ	—	Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.
АлтГУ	—	Алтайский государственный университет.
АМА	—	Античный мир и археология.
АН	—	Академия наук.
АН СССР	—	Академия наук СССР.
АН УССР	—	Академия наук УССР.
АО	—	Археологические открытия.
АПО	—	Археологические памятники Оренбуржья.
Археология без границ	—	Королькова Е.Ф. (ред.). 2015. *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж (ТГЭ LXXVII).
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БИ	—	Боспорские исследования.
БЧ	—	Боспорские чтения.
ВДИ	—	Вестник древней истории.
ВИ	—	Вопросы истории.
Влияния ахеменидской культуры	—	Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). 2012. *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1—2. Москва: Таус.
ВОКМ	—	Волгоградский областной краеведческий музей.
Вооружение сарматов	—	Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (ред.). 2007. *Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология.* Челябинск: ЮУрГУ.
ГАВО	—	Государственный архив Вологодской области.
ГИМ	—	Государственный исторический музей.
ГМИИ им. А.С. Пушкина	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ГМИНВ	—	Государственный музей искусства народов Востока.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж.
ДБ	—	Древности Боспора.
ДонНУ	—	Донецкий Национальный университет.
ДП	—	Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
ЗИИМК РАН	—	Записки Института истории материальной культуры РАН.
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА КН МОН РК	—	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук.
ИАИАНД	—	Историко-археологические исследования в Азове и на нижнем Дону.
ИАК	—	Известия археологической комиссии.
ИАЭт СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИБАИ — Известия на Българския археологически институт.
ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
КБН 1965 — Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004 — Гаврилов А.К. (ред.). 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Т. II. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).
КРАУНЦ — Камчатская региональная ассоциация «Учебно-научный центр».
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
Культуры степной Евразии — Алекшин В.А. и др. (ред.). 2012. *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова.* Кн. 1. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия.
МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАЭ — НИИ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» РАН.
МАЭ ИЭИ УНЦ РАН — Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МД — монетный двор.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России.
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
МНК — Международная нумизматическая конференция.
МОН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан.
Мысхакский некрополь — Малышев А.А. (ред.). 2000. Мысхакский некрополь. *Раскопки 1978—1979 гг. Москва*: МАКС Пресс (Некрополи Черноморья V).
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины.
НА ИИАЭ ДФИЦ РАН — Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры.
НА ИИАЭ ДФИЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник.
НАН РК — Национальная академия наук Республики Казахстан.
НиС — Нумизматика и сфрагистика.
НиЭ — Нумизматика и эпиграфика.
НМРБ — Национальный музей Республики Башкортостан.
ОАК — Отчет императорской археологической комиссии.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ПА — Поволжская археология.
ПАВ — Петербургский археологический вестник.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.

РА	—	Российская археология.
РАН	—	Российская академия наук.
Раннесарматская и среднесарматская культуры	—	Клепиков В.М. (ред.). 2006. *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения.* Волгоград: Волгоградское научное издательство.
Роль номадов евразийских степей	—	Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т., Масанова Л.Е. (ред.). 2010. *Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сборник материалов международной научной конференции.* Алматы: LEM.
СА	—	Советская археология.
САИ	—	Свод археологических источников.
СОИГИ	—	Североосетинский институт гуманитарных и социальных исследований.
СОИГСИ	—	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
СОНИИ	—	Североосетинский научно-исследовательский институт.
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа.
ТИИАЭ АН КазССР	—	Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР.
Труды ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея.
ТХАЭЭ	—	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УАВ	—	Уфимский археологический вестник.
ЮНЦ	—	Южный научный центр.
AA	—	Archäologischer Anzeiger.
ABC	—	Antiquités du Bosphore Cimmérien.
ACSS	—	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.
Adelt.	—	Αρχαιολογικόν Δελτίον.
Afghanistan: Forging Civilizations	—	Aruz J., Valtz Fino E. (eds.). 2012. *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road.* New Haven; New York: Yale University Press; Metropolitan Museum of Art (The Metropolitan Museum of Art Symposia).
AGD	—	Antike Gemmen in deutschen Sammlungen.
ASMOSIA	—	Association for the Study of Marble & Other Stones in Antiquity.
BABesch	—	Bulletin Antieke Beschaving.
BAR	—	British Archaeological Reports.
BCAA	—	Bonn Contributions to Asian Archaeology.
BCH	—	Bulletin correspondance hellénique.
BÉFAR	—	Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome.
BJb	—	Bonner Jahrbücher.
BSS	—	Black Sea Studies.
Bull. Ep	—	Bulletin épigraphique.
Coin Hoards XI	—	Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. 2021. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus*. Leuven; Paris; Bristol: Peeters.
CRAI	—	Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
CVA	—	Corpus Vasorum antiquorum.
Das Diadem der hellenistischen Herrscher	—	Lichtenberger A., Martin K., Nieswandt H.-H., Salzmann D. (Hrsg.). 2012. *Das Diadem der hellenistischen Herrscher: Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschaftszeichens?* Bonn: Habelt.
Das Partherreich	—	Wiesehöfer J. (Hrsg.). 1998. *Das Partherreich und seine Zeugnisse.* Stuttgart: F. Steiner (Historia Einzelschriften 122).
DOSeals	—	Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art.

Dura Europos Preliminary Rep. IV	—	Baur P.V.C., Rostovtzeff M.I., Bellinger A.R. (eds.). 1933. The excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of Fourth Season of Work, October 1930 — March 1931. New Haven; London: Yale University Press.
Einflüsse der achämenidischen Kultur	—	Treister M., Yablonsky L. (Hrsg.). 2013. *Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland (5.—3. Jh. v. Chr.).* Bd. 1—2. Wien: Phoibos.
Iberia and Rome	—	Furtwängler A., Gagoshidze I., Löhr H., Ludwig N. (Hrsg.). 2008. *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplis Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach: Beran & Beran.
Iberia and Rome	—	Furtwängler A., Gagoshidze I., Löhr H., Ludwig N. (Hrsg.). 2008. *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplis Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach: Beran & Beran.
In the Land of the Gryphons	—	Invenizzi A. (ed.). 1995. *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity.* Firenze: Le Lettere.
IOSPE I^2	—	Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.* Vol. I. Petropoli: Императорская академия наук.
IOSPE^3 III	—	Макаров И. 2017. *Древние Надписи Северного Причерноморья*. Т. 3. *Надписи Херсонеса и его окрестностей*. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index-ru.html.
IrAnt	—	Iranica Antiqua.
JAS	—	Journal of archaeological science.
JbRGZM	—	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
JdI	—	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
JGS	—	Journal of Glass Studies.
JHS	—	Journal of Hellenic Studies.
LIMC	—	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.
LSJ	—	Liddell H.G., Scott R. (comp). 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: University Press.
MDAFA	—	Mémoires de la délegation archéologique française en Afghanistan.
OIP	—	Oriental Institute publications.
OSF	—	Open Science Framework.
Pottery, Peoples and Places	—	Bilde P.G., Lawall M. (eds.). 2016. *Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery*. Aarhus: Aarhus University Press (BSS 16).
RASMI	—	Rassegna di studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano.
RIC	—	The Roman Imperial Coinage.
RPC	—	Roman Provincial Coinage.
SEG	—	Supplementum Epigraphicum Graecum.
SRAA	—	Silk Road Art and Archaeology.
StCI	—	Studii clasice.
TÜBA-AR	—	Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi = Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology.
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.
Zwischen Ost und West	—	Lindström G., Hansen S., Wieczorek A., Tellenbach M. (Hrsg.). 2013. *Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien.* Darmstadt: von Zabern (Archäologie in Iran und Turan 14).
ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση	—	Drougou St. (ed.). 2004. ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική : προβλήματα χρονολόγησης κλειστά σύνολα - εργαστήρια, Βόλος 17-23 Απριλίου 2000 ; πρακτικά. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Журнал ежегодно публикует оригинальные статьи на русском и на английском языках.

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает…»), сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутсвуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1. *Херсонес Христианский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. Medailles Grecques. *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum*. Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. *Dialogues d'histoire ancienne* 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.). Дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015).

При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 15 (2023)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
2023. — 1018 стр.

Подписано к печати 31.10.2023

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

Формат 60×84⅛. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 55.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

MAIASP. No. 15 (2023)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy.
2023. — 1018 pp.

Endorsed for print October 31, 2023.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

Format 60×84⅛. Font “Times”.
Internet journal. Order No. 55.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

На обложке — фотография амулета раннесредневековых кочевников (VII—X вв.), найденного в 2016 г. при раскопках поселения Парканы II (фото С.О. Симоненко).

The cover — the photograph of an amulet of early medieval nomads (VII—X centuries), found in 2016 during excavations of the settlement of Parcani II (photo by S.O. Simonenko).

ISSN 2713-2021
15
9 772713 202002